(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

1.

Стр.

5. Мои бредни (Записки **А. П. Хвостовой**).

49. Воспоминанія и отзывы Московскаго митрополита **Филарета** записанные его викаріемъ преосвященнымъ **Леонидомъ**.

56. Письма **И. В. Кирѣевскаго** въ Москву изъ чужихъ краевъ. 1830.

109. Черты Русскаго народнаго календаря. **А. В. Балова**.

128. Дерптскій полицмейстеръ Калитинъ.

157. Письма **Ю. Ѳ. Самарина и князя В. А. Черкаскаго** къ К. К. Гроту о взиманіи податей въ Россіи.

0162. Изъ записной книжки издателя „Русскаго Архива".

0164. П. И. Барсуковъ (†).

Внутри сорочки: О перепискѣ Пушкина, издаваемой Императорскою Академіею Наукъ подъ вѣдѣніемъ В. И. Саитова.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка, подъ редакціею и съ примѣчаніями **В. И. Саитова.** Томъ первый (1815—1826). С.-Пб. 1906. 8-ка, IV и 394 стр.

Съ добраго почина и легкой руки А. С. Суворина, Пушкинъ становится болѣе и болѣе достояніемъ всего грамотнаго люда въ Россіи.

И назоветъ его всякъ сущій въ ней языкъ...

Сочиненія его издаются чуть ли не каждый годъ. Императорская Академія Наукъ выдала второй томъ (стихи до 1820 года включительно), надъ которымъ работалъ В. Е. Якушкинъ, и, предпринявъ изданіе его переписки, поручила оное В. И. Саитову, отлично доказавшему свое умѣнье въ этомъ дѣлѣ изданіемъ переписки князя П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ. Это нашъ Сомезъ.

Чуть изъ младенческихъ одеждъ, Пушкинъ увлекалъ собою старшихъ дѣятелей Русскаго просвѣщенія. Сдержаннѣе относился къ нему Карамзинъ,

Умѣвшій, не сгибая выи
Предъ обаяніемъ вѣнца,
Царю быть другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи,

нѣкогда, въ царствованіе Екатерины, почитатель и, можетъ быть, знакомецъ Робеспьера, оплакивавшій его гибель. Жгучіе вопросы, которыми нынѣ занята Россія, подняты были уже въ дни Пушкинской юности. На Карамзина не могла не подѣйствовать эпиграмма Пушкина, въ которой сказано, что

Онъ доказалъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость палача
И прелесть самовластья.

Карамзинъ же записалъ про себя: Je méprise les libéralistes du jour; je n'aime que la liberté qu'aucun despote ne peut m'ôter (презираю современныхъ вольнолюбцевъ, люблю только такую волю, какую ни одинъ деспотъ не можетъ отнять у меня). Былъ и личный поводъ въ отношеніи къ Пушкину. По достовѣрному преданію, супруга Карамзина получила отъ Пушкина любовную записочку, а той женщинѣ, которой Пушкинъ назначалъ свиданіе, принесено было его же письмо къ Карамзиной. Покойный графъ Блудовъ любилъ вспоминать, что Карамзинъ показывалъ ему въ Царскосельскомъ Китайскомъ домѣ мѣсто облитое слезами Пушкина. Тѣмъ не менѣе Карамзинъ же спасъ Пушкина отъ ссылки въ Соловки. Участіе Чадаева было ничтожное; но Государь вѣроятно внялъ и заступничеству своего друга, князя А. Н. Голицына, у котораго правою рукою былъ А. И. Тургеневъ.

Съ самыхъ первыхъ страницъ Пушкинской переписки встрѣчаемся съ новыми показаніями; такъ напримѣръ онъ проситъ А. И. Тургенева оборонить молодого Соболевскаго отъ притѣсненій Кавелина. Князь Вяземскій охлаждаетъ Пушкина относительно Катенина: „какъ есть честь, истина, такъ есть и изящность, которой должно служить вѣрою и правдою, и поэтому гдѣ и какъ можно изобличать тѣхъ, которые оскорбляютъ представителей ея“ (оскорбленіе относится до Карамзина). Впослѣдствіи Пушкинъ разочаровался въ Катенинѣ, оставаясь съ нимъ въ добрыхъ сношеніяхъ, точно также какъ и въ П. Я. Чадаевѣ: напускное, дѣланное, было ему не по душѣ.

Жуковскій, А. И. Тургеневъ, князь Вяземскій раньше всѣхъ оцѣнили расцвѣтавшее дарованіе Пушкина. Издаваемая переписка имѣетъ особенную цѣну и для жизнеописанія поэта, и для нашей исторіи того вре-

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ.

1907.

I.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

То старина, то и дѣянье...

1907.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

МОИ БРЕДНИ.

(Записки Александры Петровны Хвостовой)

Другу моему Ю. Бартеневу [1]).

Тебѣ, другъ мой, посвящаю (если только заслуживаютъ посвященія) бредни мои. Не ищи въ нихъ слога: я пишу брызгомъ пера, какъ нибудь, когда нибудь, не успѣваю даже заботиться о правильности. Время, таща меня по терніямъ 71-й годъ уже, тяжелою ступнею затоптало способности мои прежнія. *Пѣвецъ горестей*, я разучилась смѣяться, разучилась всему. Умѣя только помнить, любить, я рѣдко умѣю высказать сердце мое. Если ты здѣсь гдѣ нибудь съ нимъ встрѣтишься, скажи ему—миръ тебѣ! Когда ты получишь тетрадь эту, оно будетъ уже спокойно.

Байронъ.

Il faut que l'ennui ait fait bien des ravages dans cette âme; c'est qu'aussi de toutes les maladies des hommes la plus execrable, c'est l'ennui. Cette absence de tout avenir, de tout espoir, cet horison limité, au delà duquel on ne voit plus ni passion, ni désastre même; c'est là un état si affligeant. Lord Byron est mort de cet ennui. (Jules Janin, Contes nouveaux. Lord Byron, page 114 [2]).

«Онъ умеръ отъ скуки!» О тѣсная душонка Французская, лучинка бѣдная, осмѣливавшаяся судить горнило свѣта страдальческаго генія! Вѣрю, что ты можешь умереть со скуки посреди цвѣтистаго твоего пустословія; но Байронъ, Байронъ! Такая душа, какъ его, полно-

---

[1]) Съ подлинной рукописи, унаслѣдованной мною отъ Ю. Н. Бартенева († 1866). П. Б

[2]) Должно быть, скука надѣлала много опустошеній въ этой душѣ. Вѣдь она изо всѣхъ человѣческихъ болѣзней самая проклятая. Отсутствіе всякой будущности, всякой надежды; горизонтъ, за предѣлами котораго не видать больше ни страсти, ни даже бѣдствія. Положеніе столь горестное. Лордъ Байронъ умеръ вслѣдствіе этой скуки (Жюль-Жаненъ, Новыя повѣсти. Лордъ Байронъ, стр. 114).

Библиотека "Руниверс"

вѣсная, черезъ край наполненная собою, могла ли когда подвергнуться оподлѣнію скуки? Байронъ могъ изныть отъ тоски, но спуститься до скуки, сравниться съ глупцомъ, изнемогающимъ подъ бременемъ ничтожества, не сродно феноменическому бытію его. Души такія, какъ Байронова, выступаютъ изъ круга обыкновеннаго. Онѣ вдругъ появляются на землѣ, какъ комета блуждающая. Откуда онѣ, какъ попали въ тлѣніе, какой именно кругъ ихъ? Это задача, и рѣшить ее можетъ одна только вѣчность. Она одна имѣетъ ключъ и тѣхъ странностей, и тѣхъ несообразныхъ выходовъ, которымъ души сіи подвержены. Ходъ ихъ обыкновенно неправиленъ, урывистъ, по большей части не согласенъ съ общими правилами. Онѣ однѣ только понимаютъ себя, и человѣки напрасно стараются слѣдить причины неправильности ихъ дѣйствій. Движимость побужденій душъ сихъ опережаетъ медленность раскладокъ простого разсудка, потому что переливы двигателя ихъ такъ скоры, какъ мысль и перемѣнчивы такъ, какъ были бы судорожныя движенія исполина, котораго втѣснили бы въ колыбель дѣтскую. Души таковыя могли бы объяснить тревожность свою немногими словами: «Хочу быть и любить», сказали бы онѣ; «мнѣ тѣсно, мнѣ душно на землѣ». Но какъ бы поняли ихъ тѣ, которымъ и не душно, и не тѣсно въ мірѣ? Онѣ молчатъ и идутъ путемъ своимъ, какъ Байронъ, не оборачиваясь. Не находя ни сердца, ему единичнаго, ни событія на землѣ тѣмъ великимъ мечтамъ, которыя составляли жизнь духа его, изнемогаютъ подъ обширностью сиротства души своей; чуждъ міру, чуждъ человѣкамъ; не найти на всемъ лицѣ земли чистаго гнѣзда, куда бы уложить сердце, ибо и любви, и дружбы, и честолюбія земныя пахнутъ тлѣніемъ. Байронъ въ изступленіи тоски бросался на мутныя питія міра. Душа его мерзила отъ прикосновенія съ трупомъ симъ, отрывалась отъ каждаго со стономъ; опять искала, опять обманывалась и, наконецъ, не найдя ни пріюта, ни пространства на землѣ, задохнулась собою, вспорхнула и возвратилась въ просторъ вѣчности.

Миръ тебѣ, духъ залетный, судьями не отечественными судимый! Миръ тебѣ, свѣтлая страничка вѣчности, въ паденіи на землю міркою пылью загрязнившаяся! Существо милое, загадочное, иногда отвратительное, ужасное, но во всѣхъ видахъ измѣненій твоихъ занимательное, покойся! Ты окончилъ твое странствіе неудачное. Ошибкою ли залетѣлъ ты сюда, или—буква таинственная, пущенная изъ нѣдръ Провидѣнія, ты прилетѣлъ къ намъ прошептать словечко вѣчности? Что бы ты ни былъ, миръ тебѣ! Покойся, труженикъ духа! Глотай свободно неизмѣримость, ту, которую ты такъ болѣзненно искалъ въ тѣснотѣ человѣческой! Люби, будь и роскошествуй, распространяя въ безконечности огромность духа твоего!

Библиотека "Руниверс"

Незнакомый. 1834-го года.

Если бы несчастный какой-нибудь, какъ Іовъ, покрытый съ ногъ до головы ранами, увидѣлъ бы вдругъ посреди кровавыхъ язвъ своихъ частичку тѣла здоровую, живыми соками жизни исполненную: какъ радостно посматривалъ бы онъ на нее, какъ дѣтски, кстати или не кстати, потрагивалъ бы, любуясь и забывая на время страданія, чтобы утѣшиться увѣреніемъ, что есть еще струйка жизни въ тѣлѣ его! Не такъ ли точно бываетъ и съ сердцемъ, когтями человѣческими исцарапаннымъ, когда почувствуетъ оно святое прикосновеніе дружбы, благодарности, елейно протекающее по царапинѣ его? О, какъ живо ощущаетъ оно нѣжность прикосновенія этого! Какъ сладокъ стройный голосъ любви для уха, мелодію любвей позабывшаго! Какъ отрадно видѣть, что есть еще живые между мертвыми!

Я лежала больная, лежала пять мѣсяцевъ, одна, съ воспоминаніями, перечитывая всѣхъ тѣхъ, чье сердце могло бы подать мнѣ утѣшеніе. Десятилѣтняя моя Саша и собачка моя Пери были единственные неразлучные товарищи моего одиночества. Въ одинъ вечеръ докладываютъ мнѣ, что какой-то *незнакомый* настоятельно требуетъ повидаться со мною. Незнакомый! О, какъ дико, какъ скучно это слово сердцу тому которое и тѣхъ забыть еще не можетъ, которые съ нимъ раззнакомились! Но на что оскорблять и незнакомаго? Миловидный, орденами и просѣдью покрытый человѣкъ ворвался въ комнату, бросился ко мнѣ со слезами и, цѣлуя руки мои, называлъ меня сто разъ благодѣтельницею. Трогательная благодарность его говорила живо сердцу моему, но память отказывалась разрѣшить загадку. Вотъ она.

Лѣтъ 35 тому назадъ, однажды, пока одѣвалась я, собираясь ѣхать на вечеръ къ свѣтлѣйшему Лопухину, одна пріятельница моя намарала мнѣ записку о молодомъ человѣкѣ, котораго желала она опредѣлить въ службу. Съ записочкой въ рукахъ, я пріѣхала къ князю. Молодой человѣкъ былъ принятъ, записанъ и, служа всегда отлично, дослужился уже до чина статскаго совѣтника и званія Виленскаго почтмейстера, когда мы съ нимъ увидѣлись.

О добрый, почтенный мой Имбергъ! Милый памятатель незаслуженной благодарности*)! Я безпечно, вѣтренно бросила на ниву воз-

*) См. Записки Имберга въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года. Это, если не ошибаюсь, племянникъ Екатерины Любимовны Шумлянской, матери братьевъ Булгаковыхъ.

Библиотека "Руниверс"

можностей сѣмя твоего счастія; а ты, благородная душа, хранилъ въ сердцѣ твоемъ память руки, такъ небрежно на поприще дѣятельности и счастія тебя толкнувшую. Ангелъ добрыхъ дѣлъ записалъ подвигъ твой и какъ святыню собралъ капли слезъ, которыя сверкали въ глазахъ твоихъ. Но увы, что подумалъ мой ангелъ-хранитель, когда, отпустивъ тебя, ретивое сердце мое, вздохнувъ, примѣнить къ себѣ осмѣлилось священныя слова: «Ихъ было десять, куда-жъ дѣвались остальные девять?!!!»

Дружба твоя часто требовала отъ меня какой нибудь характеристической черты жизни моей, а я всегда отнѣкивалась, всегда старалась ускользнуть отъ твоего надоядательства. Есть вещи, которыя выговорить трудно и часто въ сердцѣ до которыхъ дотронуться опасно. Немного словъ могутъ объяснить тебѣ мірской бытъ мой, но въ коротких словахъ этихъ все бытіе мое заключается. Я попала въ жизнь, пролетѣла мимо нея, какъ стрѣла мимо цѣли!

Мужъ мой былъ человѣкъ добрый, любилъ меня любовью мужа и человѣка; но мы другъ друга не понимали, говорили не однимъ языкомъ; онъ ходилъ по землѣ, а я носилась въ вихрѣ талантовъ и воображенія. Ему лѣнь было дотягиваться до меня, а я не догадывалась спуститься. Впрочемъ онъ уважалъ меня, гордился моими талантами, выказывалъ меня, какъ заморскую птичку; но хвастовство это похоже было на то, съ какимъ показываютъ купленную случайно вазу, которую, переказавъ всѣмъ гостямъ, ставятъ на мѣсто и не вспоминаютъ уже о ея существованіи. Счастье покупки, если догадаются покрыть ее колпакомъ хрустальнымъ; но у меня и того не было; и пыль міра была въ правѣ загрязнять, какъ хотѣла, беззащитность мою.

Лишась дѣтей (трехъ сыновей въ теченіе шести мѣсяцевъ), сердце мое осиротѣло еще болѣе. Дотоль какая-то тѣнь единства существовала между нами, мы были еще—*мы*; мое и его были еще *наше*; но съ развязкою узла, который насъ нѣсколько связывалъ, мерзлая черта полярная пересѣкла супружество наше... *Я—онъ* замѣнили *мы* семейственное. Злые люди, разсчетъ чужаго корыстолюбія и, не скрою отъ тебя, мое собственное легкомысліе, тягость мучительная носить одной бремя бытія своего, довершили послѣднее.

Такимъ образомъ, какъ говоритъ Байронъ, «жизнь моя была сраженіе и каждое чувство сердца—рана». Опустѣлое сердце, привыкшее любить и быть любиму, искало уйти отъ пустоты одиночества. И дружба, и благодѣянія, и любви святыя, всѣ эти обманы сердечные, всѣ

Библиотека "Руниверс"

были испробованы, и каждый унесъ съ собою живой клочекъ отъ бытія моего. Тебѣ извѣстно, какими глубокими язвами ископали человѣки самыя чистѣйшія частички сердца моего. Пощажу живыхъ и мертвыхъ, не позволяя себѣ ни обличенія, ни оправданія и, завернувъ голову плащемъ, скажу только: знать такъ было мнѣ на роду написано!

Ich habe viel gelitten
In dieser schnöden Welt;
So manchen Kampf bestritten,
So manchen Wunch verfehlt! *)

Б ы л ь.

Что могло бы быть причиною, что иногда безъ всякаго къ тому побужденія сердце томно, печально, воображенія нѣтъ, способности разумичныя тяжкою дремотою задавлены, и весь человѣкъ вдругъ поглупѣлый не похожъ на человѣка вчерашняго: напротивъ, въ иное время, тоже самое вдругъ легко, покойно, весело, и воображеніе, перебрасывая воспоминанія мячикомъ, играетъ ими, какъ дѣти любимою куклою? Психологія ли или медицина или другое какое жмурочное искаше человѣческое разрѣшитъ задачу эту—не вѣдаю; знаю только, что она въ существѣ человѣческомъ и что и я сегодня—вчерашняя. Мнѣ свѣтло, просторно, весело, и если бы только перо было очинено и бумага не такъ шероховата, я брызнула бы тебѣ премилую сказочку, изъ кладовой старыхъ былей вытащенную. Но ряды бумаги, какъ колеи мерзлой дороги, мѣшаютъ легкому ходу пера и мыслей; я принуждена черезъ нихъ перепрыгивать и зацѣпляться на каждой строчкѣ. Прошу не прогнѣваться, если и повѣсть моя шероховата; въ ней только и складу, что это—быль, точно случившаяся.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, славною матушкою Россіею называемомъ, при императрицѣ Екатеринѣ, въ городѣ Архангельскѣ (фу, братъ, какъ тамъ холодно, хуже нашего Петербургскаго) жилъ-былъ нѣкто, вицъ или контръ-адмиралъ Борисовъ, вѣроятно на службѣ царской. Онъ и жена его были люди честные, добродѣтельные, однимъ словомъ Русскіе во всемъ отношеніи милаго этого имени. Они жили тѣмъ священнымъ духомъ блаженнаго вѣка стародѣдовскаго, отъ воспоминанія котораго всякое святое сердце Русское заколыхается. Не было у нихъ прихотей роскоши, не было бронзъ бле-

*) Я много страдала въ этомъ грустномъ мірѣ, вынесла не разъ борьбу, не разъ

Библиотека "Руниверс"

стящихъ, не было бездѣлокъ чужеземныхъ, загромождающихъ столы наши: не было косолетовъ затѣйныхъ, выкурившихъ Русскій духъ нашъ отечественный, дымкомъ и овчиной припахивающій. Лучшее украшеніе ихъ была затѣйливая кукушка деревянная, которая припрыгивала, кукуя часы единообразные, на службу Бога, царя и ближняго употребленные. Сердца и хлѣбъ-соль простыя всегда открыты были всякому, и радушная чета, посреди льдовъ и снѣговъ сѣверныхъ, праздновала непрестанно вѣчную весну мира съ Богомъ и человѣками.

У почтенныхъ старцевъ этихъ былъ сынъ. Воспитанный въ старомъ бѣлопольномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ выпущенъ былъ во флотъ мичманомъ и такъ какъ отпуски были затруднительны, онъ рѣдко могъ видаться съ родителями, но за то, когда успѣвалъ добиться отпуска, дорогою складывалъ изъ себя фигуру степенную и благообразную. Старики радовались его образованію, любовались темлякомъ его, шпажонкою и, въ полной надеждѣ на будущія радости, отпускали сына съ благословеніями и по мѣрѣ силъ съ набитымъ кошелькомъ рублевиками. Но не все такъ дѣлается, какъ во очью совершается: Петербургскій Борисовъ не то былъ, что Архангельскій, и когда къ Рождеству родители съ старымъ дядькою его присылали обозъ съ мездлыми гусями, свиными тушами, морошкой моченою и прочими съѣстными лакомствами, вѣрный Личарда, не находя въ комнатѣ молодаго барченка, ни иконы на стѣнѣ, ни молитвенника, ни раскрытой Минеи-Четьи, но за то цѣлый уголъ черепьевъ, битыхъ штофовъ и рюмокъ (неживыхъ обличителей вседневнаго бражничества), крестился, бормоталъ про себя: «Господи помилуй, что сказали бы господа старые», пожималъ плечами и иногда, не вытерпя скорби, осмѣливался простонать: «Эхъ, баринъ, не сносить тебѣ головушки». Хотѣлъ бы онъ вымолвить, но вѣрноподданное сердце не дерзало договаривать, а еще менѣе по возвращеніи домой разсказать родителямъ все видѣнное.

Такъ прошли пять или шесть лѣтъ, а можетъ быть и болѣе. Борисовой молодости. Ему досталось уже въ поручики; но возвышеніе чина не остепеняло буйной молодости. Какъ челнокъ безъ снастей и безъ кормчаго, всѣми вѣтрами страстей порываемый, окруженный шайкою повѣсъ, первый на всякую проказу сорви-голова, забіяка, всегда хмѣленъ, Борисовъ принадлежалъ тому роду животныхъ 18-го вѣка, которыхъ за хвастовство называли тогда угаръ малый, ухорь, хватъ и тому подобное. Однажды, не въ пол-хмѣлѣ уже, но въ сытомъ по горло хмѣлѣ, Борисовъ, пробираясь домой, писалъ мыслете по гавани, какъ вдругъ пьяное любопытство его было завлечено въ церковь, свѣтло

Библиотека "Руниверс"

освѣщенную. Нѣсколько саней стояло у крыльца, и народъ толпился въ двери. «Что тутъ такое дѣется»? проворчалъ онъ, и ноги подсѣкающіяся поволоклись, какъ могли, къ предмету любопытства. Матросъ его команды ожидалъ тутъ своей суженой. Брачный налой стоялъ уже посреди церкви; вотъ уже и невѣсту привели посаженые, подъ ножки разостлали, и хорошенькая дѣвочка протягивала уже ножку ступить первою, какъ пьянюга мой, протѣснясь сквозь поѣзжанъ и дружекъ, отвѣсилъ тумака матросу и столкнулъ его съ мѣста. «Тебѣ ли, дуракъ, жениться на этой кралечкѣ, пошелъ прочь; гей батько, вѣнчай меня съ нею». Не знаю, что происходило въ сердцѣ матроса, по субординаціи уступившаго невѣсту свою; не знаю, что и она въ это время думала; не вѣдаю и того, какъ попъ согласился обвѣнчать налетную свадьбу эту; знаю только то, что пьяный Борисовъ полнымъ обрядомъ церковнымъ обвѣнчанъ съ хорошенькою Машенькою и что, вмѣсто избушки матросовой, свадьба вмѣстѣ съ молодыми повернула къ квартирѣ Борисова.

Что почувствовалъ бѣдный дядька, какъ увидѣлъ новую проказу барича, всѣ прежнія перещеголявшую. Напрасно, обливаясь слезами, искалъ онъ увѣрить себя, что видимое имъ остатокъ святочныхъ привидѣній: вопль свадебной ватаги, поздравленіе новобрачныхъ и звукъ опоражниваемыхъ за здоровье ихъ флягъ, не переводившихся у Борисова, не оставляли мѣста сомнѣнію. Старикъ ушелъ въ избу доплакивать горе. Между тѣмъ шумъ пирующихъ утихъ мало по малу; гости одинъ за другимъ разъѣхались. Борисовъ, на ногахъ не стоящій, свалился, какъ снопъ на постель и захрапѣлъ крѣпкимъ сномъ пьянаго.

Настало, наконецъ, утро. Пары хмѣля проспаны; ставни отворились, и удивленіе Борисова было несказанно, увидя товарища въ постелѣ своей. «Ба, Машка, это ты какъ очутилась здѣсь?» — Какъ, батюшко, развѣ я не жена твоя?— «Ты жена моя! Что ты врешь, дура!» —Неужели же забылъ ты, что мы вчера съ тобою повѣнчаны? Борисовъ протиралъ глаза, старался собраться съ мыслями, но мозгъ, воспаленный виномъ, отказывалъ соображенію. Между тѣмъ товарищи шалостей, провѣдавъ о новомъ подвигѣ ухарства Борисова, спѣшили поздравить его и посмѣяться новому молодечеству. Борисовъ началъ, наконецъ, вѣрить, что онъ подлинно женатъ, и когда морозъ по кожѣ подиралъ его при памяти отчета, которымъ обязанъ онъ былъ родителямъ о женитьбѣ своей, матушка-фляга приходила на помощь треножности и утоляла въ винѣ угрызенія совѣсти. Такъ прошла зима, а съ весною настало время садиться на корабли, крейсировать по морю.

Библиотека "Руниверс"

Простимся на время съ повѣсою Борисовымъ и загляднемъ на стариковъ нашихъ Архангельскихъ. Несчастный дядька, горестный очевидецъ всего случившагося, на другой же день съ разсвѣтомъ пустился въ дорогу. Родительскій гнѣвъ и тяжелую скорбь ихъ легко вообразить можно. Утопая въ слезахъ, дядька валялся въ ногахъ ихъ, укоряя себя въ пагубномъ молчаніи. Любовь къ господамъ удерживала доселѣ въ сердцѣ его тайну, столь пагубныя слѣдствія наростившую. Но что̀ принесли бы и угрозы родителей? Достаточны ли были бы онѣ удержать буйную голову, на пропахъ пустившуюся? Раздраженный отецъ написалъ къ сыну грозную грамоту; объявилъ, что никогда не признаетъ жену его невѣсткою и что, лиша его присылаемой ежегодно помощи въ наказаніе распутства, пишетъ къ начальнику эскадры откомандировать его на три года въ какую нибудь дальнюю экспедицію.

Долго старики горевали, долго страдли́вое сердце женское крушилось скорбью материнскою; но на сердцѣ закостенѣломъ отъ старости борозды воспоминаній не такъ глубоко врѣзываются. Время убаюкало первый пылъ горести; вѣрныя Богу сердца покорились тяжкому испытанію и, изливая на ближняго участокъ любви, отнятой у преступнаго сына, выдумывали новыя любленія, которыми заживить бы могли раны, нанесенныя любовью прежнею.

Однажды, горюя вдвоемъ и разговаривая о предметѣ незабываемомъ, они услышали вдругъ стонъ подъ окошкомъ. Крестьянка съ котомкою на плечахъ сидѣла на бревешникѣ, перевязывала ноги, истертыя до крови и горько, горько плакала. «Откуда ты, голубушка?»—«Я сирота несчастная, пришла сюда поискать мѣста заработать себѣ на пропитаніе, но силъ недостаетъ уже, а пріютиться некуда». Излишнее, кажется, сказать, что крестьянка была призрѣна, истертыя ноги вылечены, странническій скарбъ ея умноженъ рукою благотворенія.

Благодарность Агафьи, расторопное усердіе и неусыпное рвеніе всегда опережать желанія господъ своихъ, не могли не тронуть любовныхъ сердецъ благодѣтелей ея; и когда время идти искать службы для нея настало, старики сами предложили ей остаться въ домѣ ихъ. Два года слишкомъ служа господамъ своимъ, не соглашаясь никогда получать платы, сперва работница, потомъ довѣренная и, наконецъ, другъ семейства, Агафья сдѣлалась для нихъ существомъ необходимымъ, теплымъ гнѣздышкомъ, въ которое складывали они свои печали и радости.

Время наказанія шалуна истекало уже. Командиръ эскадры увѣдомилъ старика, что сынъ его исправился, за отличіе представленъ къ

Библиотека "Руниверс"

награжденію и по окончаніи кампаніи получитъ отпускъ повидаться съ родителями. Слезы полились градомъ изъ глазъ старцевъ. Радость и благодарность Богу извлекли первыя; вторыя, самыя горькія, мучительныя, полились съ возобновленною памятью несчастной женитьбы его. «Онъ исправился, образумился, можетъ быть еще утѣшитъ насъ при старости; какъ не простить его? Но какъ быть съ женитьбой, невѣсткою, или какъ разлучить то, что̀ въ гнѣвѣ Твоемъ ты самъ сочеталъ, Господи. Ахъ, если бъ Маша эта хоть на Агафьюшку нашу была похожа любовью къ намъ и добродѣтелью, мы...» Стаканъ съ подносомъ упалъ изъ рукъ Агафьи, и бѣдная, отверженная, поруганная, но подвигъ добродѣтели мужественно довершившая, Марья лежала у ногъ родителей мужа ея.

Молодой Борисовъ выслужился, кажется, до чина отца своего, а почтенная жена его, всѣми уважаемая за умъ и добродѣтели, заставила забыть романическое ея происхожденіе.

Вотъ тебѣ несмазливая слогомъ сказочка моя. Я чувствую, что она холодна, пахнетъ лихорадкой; я сама мерзла на строкахъ нѣкоторыхъ, особливо на концѣ; но торопливость ворогъ мой. Дунь любовью на повѣсть мою, авось она согрѣется.

Роковое слово.

Вотъ опять сказочка, вотъ опять быль семейная вертится въ воспоминаніи. Но какъ смѣть писать въ умные наши вѣки ученые? То ли было дѣло въ старину! Въ тѣ времена укромонныя, когда бородатые бахари наши, не страшась укора въ невѣжествѣ, спустя рукава, безъ запятыхъ, безъ точекъ, оставляя читателя догадываться, гдѣ конецъ рѣчи, гдѣ начало, писали предлинныя повѣсти о небывалыхъ витязяхъ, крестили Ричарда въ Личарды; Гудона какого нибудь въ Дадоны и бѣдную Анкону въ славный градъ Антонъ, тогда и я на старости не затруднялась бы забытыми падежами и размѣщеніемъ по какъ-нибуденному тѣхъ Е и Ѣ, которые употребляются другъ за другомъ подъ перомъ моимъ. Но нынче какъ быть? Палачъ пошлыхъ умковъ, рецензія размахиваетъ отъ края въ край длинной, навостренной сѣкирою. Осмѣлься только проглядѣть, продумать, проговориться? Съ ногъ сноситъ простодушнаго разскащика. Гдѣ же теперь вольность дворянства, если ужъ и намъ столбовымъ не позволено невинное удовольствіе писать безграмотно? Мудрено ли, что и жила національнаго генія бахарскаго изсякла (ибо нынче съ трудомъ найдешь купить славное Погребеніе кота мышами), всѣ графіи, каллиграфія, литографія, ортографія и

Библиотека "Руниверс"

пр. налетѣли, какъ вороны выклевать изъ рукъ у кого В клѣточный *), у кого рѣзецъ изъ подъ изображенія *сирены, райской птицы* съ разноцвѣтнымъ пѣтушьимъ хвостомъ, или цѣлыя тетради сказокъ и присказковъ, про грамматику и не грезившихъ. О, вѣкъ дѣдовскій привольный, въ которомъ такъ легко было слыть умнымъ, какъ лѣнь моя жалѣетъ твоей удобности, какъ покойно бы качалась я въ колыбели блаженнаго твоего невѣжества! Успокойтесь, тѣни бородатыя, дивные творцы диковинныхъ повѣстей! Ты отжилъ дѣтскія пеленки твои, унесъ съ собой мягкій пухъ безграмотства, на которомъ ты такъ лелѣялся; но младенческіе труды твои не сгинутъ въ глуши времени. И вы, замысловатые Ершъ-разбойникъ, Шемякинъ Судъ затѣйливый и прочіе памятники рѣзца и остроумія стародѣдовскаго, музей національный, расѣвавшій недавно еще пестрые листки твои посреди гнѣзда родины, успокойтесь: сердца Русскія не предадутъ васъ забвенію. Италія хранитъ черепки, грубо расписанные отцемъ живописи, и вы, издѣлья дѣтства Русскаго, и вы найдете сердца отечественныя. Истинный Русскій съ благоговѣніемъ соберетъ васъ, какъ бы разсыпанныя кости прадѣдовскія, и чужеземецъ, измѣряя съ удивленіемъ исполинскіе шаги ума Русскаго, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, отъ Ерша-разбойника, до колонны Александровой перешагнувшаго, содрогнется, соображая, что будетъ впредь Россія славная. Но повѣсть моя кличетъ меня. По счастью я для тебя одного пишу. И такъ, съ Богомъ!

Семейная быль. Событіе 18-го Октября.

О мать наша, родимая, ненаглядная, свѣтлая Русь преславная! Какое сердце не вспыхнетъ, слѣдя вѣками славу твою, подъ всѣми видами измѣненій никогда не измѣнившуюся! Въ бѣдствіяхъ твоихъ величественная, въ возрожденіи—неимовѣрная; родникъ вѣры и любви къ государямъ твоимъ! Ты въ пеленахъ твоихъ вѣчную славу твою пророкая, изъ всѣхъ народовъ земныхъ одна, гласомъ неба и правды Божіей, дерзнула провозгласить себя Святою Русью, и имя это, ангеломъ царствъ на тебѣ напечатлѣнное, течетъ оттоль, громадою вѣковъ утучняемое! Красуйся, царица міра, вѣнецъ и трепетъ всѣхъ царствъ земныхъ! Радуй собою вѣнценоснаго отца нашего, свѣти вѣчно свѣтомъ немеркнущимъ и прими поклоненіе и пламенную хвалу изъ сердца, тобою возлелѣяннаго, памятники событій въ нѣдрахъ твоихъ воспоминающаго.

---

*) Моя тетушка (Надежда Петровна Бурцова †1859) еще писала букву В клѣточкою, т. е. , а букву К — двумя палочками. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ царствованіе великаго преобразователя Россіи, тогда, какъ великій Петръ насаждалъ зародышъ побѣдоноснаго войска Россійскаго, жилъ въ городѣ Гдовѣ нѣкто, именемъ и добродѣтелью богатый, дворянинъ Степанъ Ивановичъ Хвостовъ. Во время объѣзда государя почтенному этому старцу поручено было сформировать и обучить дворянскую сотню Гдовскую. Приказаніе исполнено было ревностно, и когда великій Петръ снова посѣтилъ Гдовъ, дворянская сотня представлена была ему въ наилучшемъ порядкѣ. Довольный успѣхами молодыхъ воиновъ, государь, потрепавъ Хвостова по плечу, сказалъ: «Спасибо, спасибо, Степанъ; за то приду къ тебѣ на чарку водки». Легко представить себѣ радость и суматоху семейства, посѣщеніемъ такого гостя осчастливленнаго. Не буду описывать угощенія, поклоновъ хозяйки и хозяина, сдобной кулебяки, которой они надёжу-государя потчивали, и робости дѣтей, изъ-за печки на земного Бога выглядывавшихъ. Государь обычнымъ радушіемъ казался доволенъ и когда закуска окончилась, спросилъ весело: «хозяева, а есть ли у васъ дѣти?»—«Три сына, государь».—«Какихъ лѣтъ?»—«Большому 16 лѣтъ».—«Подай ихъ сюда, пора учиться». Череда перваго слѣдовала старшему. Государь поднялъ ему со лба волосы, и пытребинымъ взоромъ вникнувъ въ лицо его, спросилъ: «Какъ тебя зовутъ?»—«Степаномъ, государь».—«Хочешь ли учиться?»—«Радъ, государь, служить тебѣ».—«Добрый малый! Меньшиковъ, возьми его къ себѣ». Почти тѣже вопросы сдѣланы были и второму. Иванъ также изъявилъ свое желаніе, и государь поручилъ его статсъ-секретарю своему Волкову. Пришла, наконецъ, череда меньшаго. Григорій, робкій, шелъ тихо и утиралъ рукавомъ слезы. Государь нахмурился и когда спросилъ его грозно, который ему годъ, бѣдный ребенокъ второпяхъ отвѣчалъ:—Не знаю. Государь, отвернувшись отъ него, сурово сказалъ отцу: «Видно, Степанъ, и съ тобою сказка сбылась, два сына умныхъ, а третій дуракъ». Наконецъ разошлись знаменитые гости, и семейство осталось разсуждать въ кругу своемъ о происшествіяхъ дня. Большіе радовались милости царской, можетъ быть пилыняли исподтишка надъ меньшимъ братомъ своимъ; а бѣдный Гриша, слезами обливаясь, питалъ глубоко въ сердце его вонзившуюся занозу приговора царскаго. Такъ прошелъ день, такъ настала и ночь. Старики послѣ вечерней молитвы общей пошли къ себѣ на сѣни, а братья, по обычаю, улеглись на палатяхъ.

Ночь была бурная; вѣтеръ и вьюга потрясали окна, и верей скрипѣли на петляхъ, ушло взвизгивая. Волнуемое сердце Гришино, подобно природѣ бушуемое, не раздѣляло съ братьями мирнаго сна счастливыхъ. Тысячу мыслей горестныхъ терзали бѣдное сердце его, и

Библиотека "Руниверс"

утренняя заря застигла невздремавшіе еще глаза страдника. Настало наконецъ утро, старики раскликали дѣтей на молитву. Большіе два пришли къ благословенію обычному; но гдѣ же Гриша? Служители бросились по сосѣдямъ, по околотку, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ обычно Гриша игрывалъ; нигдѣ нѣтъ Гриши, никто не видалъ его. Старушка нищая видѣла его на разсвѣтѣ бѣгущаго къ озеру. «Куда такъ рано бѣжишь, дитятко?»—«За салазками моими, бабушка». Всѣ бросились на озеро; увы, не далеко бѣгали челядинцы: у проруби лежала шапка и рукавицы Гришины.

Пятнадцать лѣтъ уже оплакивали родители погибшаго Гришу; второй сынъ ихъ уже помолвленъ на дочери боярина Волкова, и семейство, и городъ, всѣ готовились пировать день брачный. Насталъ, наконецъ, день околодный, всѣми ожидаемый. Дружки и поѣзжане въ алыхъ перевязяхъ гарцовали уже на борзыхъ коняхъ кругъ домовъ брачныхъ; у невѣсты въ дому подружки вѣрныя, омокая гребень въ медову сыту, заплетали въ послѣднее ея косу русую, припѣвая: «Отлетала лебедушка прочь отъ стада лебединаго». Невѣста обливалась слезами, воображая, что и она вылетаетъ изъ теплаго гнѣзда родительскаго, а мать мѣшала свои слезы съ дочерними, вспоминая, можетъ быть, изъ опыта, что сѣрые гуси подлинно нерѣдко больно щиплятся. Пріуготовленія брачныя кончились; все готово, дружки прискакали съ извѣстіемъ, что женихъ въ церкви, и шумный поѣздъ невѣсты двинулся. Вотъ ужъ и суженную привезла мать посаженная; вотъ и царскія двери отворились; вдругъ изъ алтаря пронесся какой-то стонъ плачевный; всѣ пошерахнулись, всѣ смутились, но успокоились, узнавъ, что въ алтарѣ кому-то дурно сдѣлалось. Обрядъ брачный окончился, и поѣздъ съ молодыми потянулся къ дому Хвостова.

Въ числѣ званныхъ на пиръ архимандритъ Соловецкаго монастыря, случившійся въ Гдовѣ по дѣламъ своимъ, приглашенъ былъ за столъ брачный, какъ знаменитѣйшій гость. Огромная братина серебряная, обойдя пирующихъ, возвратилась уже въ руки хозяина, и послѣ здоровья молодыхъ слѣдовало пить здоровье архимандрита. «Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ, вынимая братину изъ рукъ хозяина, дай волю мнѣ старцу». Онъ всталъ и, прославивъ дивнаго въ дѣлахъ своихъ Господа, величественно и громко возгласилъ: «Здравствуйте, любезные хозяева съ тремя сыновьями вашими». Слезы брызнули изъ глазъ родителей, и повѣсть о незабвенной потери Гриши погибшаго изливалась горестно изъ сердецъ ихъ, какъ вдругъ новый стонъ поразилъ присутствующихъ: съ конца стола блѣдный, рыдающій монахъ повергся къ ногамъ отца

Библиотека "Руниверс"

и матери, умолялъ о прощеніи и, цѣлуя ноги ихъ, вопіялъ: «О, родители мои, узнайте во мнѣ того Гришу преступнаго, котораго вы такъ долго оплакивали».

Пристыженный, разобиженный царскимъ гнѣвомъ, бѣдный Гриша, прикосновеніемъ желѣзной руки бѣдствія вдругъ возмужалый разсудкомъ, томился одною только тою мыслію, что онъ будетъ ничто иное, какъ позоръ семейства своего. Тая отъ родителей скорбь, которая глодала сердце его, Гриша рѣшился въ отчаяніи своемъ окончить жизнь, кромѣ стыда ему ничего не обѣщавшую. «Нѣтъ, думалъ онъ, не пристыжу болѣе собою сѣдины родительской, не отягощу безполезнымъ глупцомъ семейство, которому я обреченъ быть посмѣшищемъ». Гриша схватилъ шапку и рукавицы, побѣжалъ стремглавъ къ проруби, перекрестился и готовился уже броситься въ озеро, какъ вдругъ сильная рука схватила его за шиворотъ, и громкій голосъ закричалъ: «Мальчишка, что ты дѣлаешь?» Гриша испугался; но, не теряя присутствія духа и твердый въ непоколебимомъ намѣреніи своемъ, отвѣчалъ: «Я сирота на свѣтѣ и хотѣлъ кончить мои бѣдствія».—«Безумный, развѣ забылъ ты, что гнѣвишь Бога и губишь душу свою? Али на свѣтѣ Божьемъ нѣтъ хлѣба для тебя? Садись съ нами: по милости Божьей у насъ хлѣба станетъ съ тебя». Добрые Олончане наперерывъ посадили изумленнаго Гришу на повозку, и возы потянулись вдоль чудеснаго озера.

Сколько различныхъ думъ волновали сердце несчастнаго Гриши! Разлука съ семействомъ, жить, помнить и на всегда быть далеко отъ гнѣзда сердца своего; и можно ли забыть родину, забыть родителей, братьевъ, семейственныя радости? Грозный приговоръ царскій представалъ тогда памяти, и несчастный изгнанникъ вольный предавался украдкою отъ благодѣтелей всей тоскѣ, томившей душу его. Каждый шагъ лошади, каждый оборотъ колеса бороздою глубокой врѣзался въ сердце его. «Вотъ еще верстой далѣе, вотъ еще сутками болѣе слезамъ ихъ и горести». Гриша срывалъ вѣтку съ дерева и, орося ее горячими слезами, бросалъ назадъ, приговаривая: «Неспись, вѣточка, на милую родину мою, погляди за меня на отца-матерь, поклонись роду-племени; но нѣтъ, пусть считаютъ меня мертвымъ, пусть одно сердце мое знаетъ, что я живу и никто болѣе...» рыданіе прервало неоконченную рѣчь.

Наконецъ доѣхали добрые торгаши до Олонца и по вскрытіи моря повезли съ собой Гришу поклониться Соловецкимъ угодникамъ. Суровое положеніе мѣста сходствовало съ неумирающей тоскою Гришиною;

Библиотека "Руниверс"

онъ пожелалъ остаться въ обители и проходилъ всѣ степени иночества, тая отъ всѣхъ тайну свою. Время и вѣра успокоили отчасти горесть его, какъ архимандритъ объявилъ братіи намѣреніе свое ѣхать въ столицу по надобностямъ обители. Всѣ улегшіяся мечты прежнія возстали вдругъ въ сердцѣ Григорія, въ постригѣ Германомъ наречennаго. «Кто узнаетъ меня въ этой бородѣ, въ этой рясѣ? думалъ онъ; взгляну на нихъ въ послѣднее и авось умру». Происшествіе оправдало было грезы горести Германа, и когда при обрядѣ брачномъ онъ увидѣлъ вдругъ всю семью свою, природа одолѣла мудрованіе человѣческое: онъ упалъ безъ чувствъ на землю, и добрый архимандритъ впервыя узналъ тайну, пятнадцать лѣтъ терзавшую бѣднаго Германа.

Стараніями присныхъ онъ переведенъ былъ въ Никандрову пустыню, гдѣ я отыскала и могилу его. Тутъ, достигши сана архимандрита, онъ умеръ въ глубокой старости.

Вотъ тебѣ чурбанъ необтесанный. Рука искуснѣе моей можетъ изваять изъ блока этого издѣліе интересное. Мнѣ кажется, что приходъ государя къ Хвостову, описаніе жилья стародѣдовскаго, свадьба, возвращеніе Германа и жизнь его въ Соловкахъ, на которое все я слегка только намекнула здѣсь, могли бы составить эпизоды интересные, искуснымъ перомъ обрабатываемые. Но я стара, болѣзни одолѣли. Я и это пишу въ подагрѣ, рукою едва двигающеюся.

1837. Апрѣль, на 75-мъ году жизни.

Пирушка. Деревенская быль.

Наскуча службою въ молодыхъ еще лѣтахъ, по вольности дворянства, богатый помѣщикъ Лугскаго уѣзда, Флоръ Исаковичъ Неплюевъ вышелъ въ отставку при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ съ знаменитымъ чиномъ констабеля, пріѣхалъ въ помѣстье свое, выстроилъ огромные хоромы, завелъ плясей, пѣвуновъ, гуслистовъ и, не выѣзжая съ тѣхъ поръ изъ деревни, сталъ жить да быть Русскимъ бариномъ. Изумленные великолѣпіемъ новаго переселенца, сосѣди и чиновники городскіе съ крайнимъ уваженіемъ посѣщали его, а уѣздный лекарь провизоръ и аптекарь, недоумѣвая, какой титулъ подписывать на ярлыкахъ его милости, долго разсуждая, долго думая, зарѣшили, наконецъ, общимъ умомъ-разумомъ, подписывать: à son excellence m-r de connetable Neplueff.

Такъ поживалъ мой Флоръ Исаковичъ около 50-ти лѣтъ уже, какъ вздумалось отцу моему побывать въ Лугскихъ своихъ вотчинахъ. Пріѣздъ нашъ былъ большое происшествіе для добрыхъ сосѣдей

Библиотека "Руниверс"

околотка нашего, и всѣ спѣшили изъявить отцу моему заслуженное добродѣтелями его почтеніе. Добрый, но дряхлый уже Наволокскій Лукулусъ не могъ самъ пріѣхать, но прислалъ перваго персонажа двора своего, гуслиста-краснобая и камердинера Кондрашку изъявить сожалѣніе, что старость препятствуетъ ему лично пріѣхать, и въ обмѣнъ учтивости отецъ мой самъ обѣщалъ навѣстить старца. Чрезъ нѣсколько дней улажена поѣздка; переслались, условились и поѣхали.

День былъ жаркій, проселочная дорога томительна; часа полтора то слѣпни жужжали, то вѣтки охлестывали насъ; наконецъ, сквозь лѣсъ еловый показались посѣдѣвшіе вмѣстѣ съ хозяиномъ высокіе хоромы Наволока. По движенію и бѣготнѣ на кровлѣ мы догадались, что карету нашу увидѣли. Изъ слуховыхъ окошекъ ярусами разныя лица высовывались, и стая ребятишекъ, разиня ротъ, съ удивленіемъ бѣжала то на встрѣчу, то отъ встрѣчи пріѣзжающихъ. Наконецъ подъѣхали мы къ обширному крыльцу двустороннему, изъ котораго время и непогода выгрызли часть массивныхъ балясъ, нѣкогда украшавшихъ его. Первый гофмаршалъ и балагуръ, Кондрашка, бросился на встрѣчу и подхватилъ отца моего подъ руки; прочая разнокафтанная челядь, устроясь на двѣ шеренги, низко кланялась. Такимъ церемоніальнымъ маршемъ дошли мы до передней. Тутъ добрый хозяинъ съ распростертыми руками, съ простословнымъ привѣтствіемъ любви, встрѣтилъ насъ радушно. Костюмъ и обхожденіе его напоминали вдругъ два народа разные: по прибасенкамъ его и простодушному обхожденію онъ былъ Русскій, коренной баринъ, милый, простодушный Русскій, а по наружи—выходецъ 17-го вѣка двора Французскаго. На немъ былъ кафтанъ перувьеневый съ широкими обшлагами; изъ подъ короткихъ рукавовъ выглядывала рубашка, искусно скроенная и оканчивающаяся длинными чистыми манжетами; камзолъ, усыпанный въ узоръ блестками; чулки красные сверхъ колѣнъ, маркалетовыми пряжками застегнутые; на башмакахъ пряжки круглыя; на шеѣ розовый платокъ; въ рукахъ трость съ большимъ золотымъ набалдашникомъ, а на сѣденькой косичкѣ черный кошелекъ съ бантомъ; вотъ какъ предсталъ мнѣ и врѣзался въ память мою Наволокскій щеголь мой. Окончa привѣтствія радушія, старикъ закричалъ: «Гей, Лялишна, нука-сь кума, набирайся ума; все, что въ печи, на столъ мечи». Фигура набѣленная, разрумяненная, насурмленная, жеманной улыбкой выказала зубы черные, и закуска огромная явилась вмигъ.

Лялишна была нѣкогда бѣдная дворянка Лялина. Оставшись вдовой сперва прибѣгнула она къ благотворительности Флора Исаковича; потомъ, какъ лисица Эзопова, переходя изъ услуги въ услугу, опу-

Библиотека "Руниверс"

ская лапку за лапкой, вскочила наконецъ вся въ теплое гнѣздушко и сдѣлалась Лялишной, хозяйкою и необходимостью холостяка богатаго.

Не успѣли еще гости проглотить балыки и прочія затѣи закусочныя, какъ брюханъ дворецкій проревѣлъ басомъ, что кушанье готово. Нужно ли сказать, что обѣдъ соотвѣтствовалъ хлѣбосольству Русскаго барина? Аттила животныхъ, Лялишна, истребила въ этотъ день цѣлыя стада индѣекъ, гусей, куръ со всѣмъ родомъ ихъ и племенемъ. Описать холодныя, похлебки, подливы, жареныя и прочія разныя, надобно имѣть остроуміе Лялишнино. Старикъ плавалъ въ стихіи блаженства, постукивалъ рукою по столу, повторяя обычную поговорку «нука-сь, кума, набирайся ума», и десятки кушаньевъ и фонтаны напитковъ чудесныхъ появлялись мановеніемъ черныхъ зубовъ волшебницы.

Кончился, наконецъ, обѣдъ... разстегаи, сальники, колбовые пироги съ причетомъ, расперли животъ у гостей, а наливки, для пробы одна за другой опорожняемыя, разрумянили уже щеки ихъ, какъ вошли мы въ большую гостиную. Раёкъ помѣстья Наволокскаго, гостиная эта была сообразна костюму хозяина и казалась также отрывкомъ вѣка Людвига 14-го. Тутъ увидѣлъ бы ты люстры и стѣнные подсвѣчники изъ фарфоровыхъ цвѣтовъ, съ жестяными зелеными листками; мраморные наугольники на вызолоченной ножкѣ искривленной и обои кожаные съ золотыми аляповатыми разводами. Чудесное произведеніе это имѣло 4 окна на фасадъ и 5-я дверь на огромный балконъ въ поперечность комнаты. На перилахъ этого балкона десятка два уродливыхъ болвановъ, пожалованныхъ въ Амуры, показывали безобразныя хари, каждый годъ подмалеванныя, и добрые сосѣди, не видавшіе ни Эрмитажа, ни Дрезденской галлереи, глядѣли на эти рожи съ тѣмъ чувствомъ вниманія, съ которымъ мы смотримъ на произведенія искусства. Два мѣдныхъ фальконета, никогда пороху не видавшіе, мирно блестѣли по обѣимъ сторонамъ балкона; въ добавку великолѣпія, косогоръ отъ подошвы дома до самаго берега прекраснаго Черемецкаго озера, былъ унизанъ въ узоръ устрицовыми раковинами и между цвѣтниковъ, по приличію, пересыпанъ битымъ стекломъ. У одного изъ оконъ затѣйливаго этого зданія заботливая Лялишна усадила дамъ за большой столъ съ закѣдками.

Не знаю, очарованіемъ первыхъ впечатлѣній дѣтскихъ или истиною красота Черемецкаго озера плѣнительна; но я, читая модныя сочиненія, такъ подробно, такъ мило описывающія не только холмики, кусточки, но даже и болота и грязи чужеземныя, всегда дивлюсь, какъ господа мѣстописатели не вздумали никогда взгля-

Библиотека "Руниверс"

путь на прекрасное это озеро, такъ близко отъ столицы находящееся. Какъ изнѣженное дитя на бѣлой простынкѣ въ колыбели качаясь, такъ Черемецъ, колыхаясь въ колыбели крутыхъ береговъ, остѣняющихъ его на 40 верстъ въ окружности, нѣжась на мелкомъ песочкѣ бѣломъ, отражаетъ весело деревни и села, на хребтѣ горъ поселенныя. Когда дитя это спокойно и тихо, рѣзвыя рыбки плаваютъ безбоязненно на поверхности его, выпрыгиваютъ изъ глубины, гоняясь за мухами или завиваясь въ купающіяся съ берегу ветлы и ракиты, щиплютъ листочки и играютъ вѣтками. Но бѣда, какъ дитя раскапризничится: волны чернѣютъ отъ злости, и валы пѣнистые, мчась на перерывъ одинъ за другимъ, поглощаютъ другъ друга, пока не разобьются о берегъ мелко сребристымъ блескомъ. Берегъ тогда стонетъ уныло, и вѣтръ, прорываясь сквозь деревья и горы, дикимъ взвизгомъ отзывается. Горе тогда челноку рыбачьему. Горе дикимъ уточкамъ и чайкамъ, такъ мило передъ погодою бороздившимъ воду крылышками. Все прячется, все исчезаетъ изъ виду, уступая мѣсто разсвирѣпѣвшему баловнику. Но долго ли ребята сердятся? Проглянетъ солнышко, и Черемецъ мой, какъ будто стыдясь шалости, снова улыбается колыбелькѣ своей и манитъ птичекъ и рыбки играть въ струяхъ его. Посреди озера, на островкѣ, едва помѣщающемъ зданія, стоитъ величаво великолѣпный древній монастырь Богословскій, кучкою устарѣлыхъ деревьевъ осѣняемый. Три или четыре монаха и съ настоятелемъ живутъ тутъ, отрѣзанные природою отъ міра и человѣковъ. Нѣтъ здѣсь ничего, что̀ могло бы усладить хоть мало отшельника, ни сада, ни прогулки; небо, вода и гробницы,—вотъ все, что̀ вблизи обнять можетъ взоръ ихъ. Когда и кто построилъ обитель эту, потерялось преданіе, но кажется одна только глубочайшая горесть или самый пламенный порывъ вѣры могли выбрать такое безотрадное мѣсто для обители. Тутъ покоятся прахи дѣдовъ и прадѣдовъ; тутъ изъ присутствующихъ нѣкоторые имѣли бы участокъ въ воспоминаніяхъ.

Но до мертвыхъ ли было живымъ, такъ весело празднующимъ? Столъ съ заѣдками, какъ кладовая огромная, заваленъ былъ всѣми выдумками лакомства сѣвернаго. Тутъ плавали моря варенья разнаго, груды пастилъ, орѣховъ въ патокѣ, марципановъ и ягоды рядомъ съ стручками гороховыми чванились передъ свѣжими огурцами съ сотами. Дамы жеманно полизывали заѣдки, а мущины, хлѣбая варенья и набивая рты овощами, наперерывъ выхваляли, то искусство Ля́лишны, то хлѣбосольство хозяина. Радушію хозяина казалось, что еще мало угощены посѣтители его. «Гей, Ля́лишна, нука-сь, кума, повеселимъ дорогихъ друзей; подавайка-ка сюда плясей; плясуновъ, все что̀ въ

Библиотека "Руниверс"

печи, на столы мечи». Лялишна опять оскалила зубы; черезъ мигъ дверь отворилась, и хороводъ бабъ и дѣвокъ нарядныхъ въ алыхъ кумачныхъ сарафанахъ, въ богатыхъ повойникахъ и чопорныхъ черевичкахъ, выступилъ попарно въ гостиную. «Гей, сволочь, на балконъ; сороки, здѣсь и разойтись некуда». Хороводъ, а за нимъ пѣвуны, скакуны и плясуны потянулись въ двери и стали чинно вкругъ перилъ балкона; почтеннымъ гостямъ и хозяину подали кресла, а мнѣ отецъ велѣлъ остаться въ комнатѣ. Плясы ожидали уже только мановенія хозяина. «Гей, сороки, нукось; Варька, Парашка, нукось ножки, пріударь въ треножки; нукось! нукось, живо; жги, говори». Громкій басъ заревѣлъ горяна, ножки заплясали прекрасно; къ первой парѣ пристала вторая, потомъ третья. Электрическая сила раздавалась и на зрителей и подергивала ноги ихъ. Вдругъ изъ ряда пѣвуновъ выскочилъ хватъ, свиснулъ, гаркнулъ молодецкимъ посвистомъ, топнулъ изъ всей мочи обѣими въ присядку... Но кто можетъ представить ужасъ и оцѣпѣненіе наше: лишь только хватикъ пріударилъ, трескъ ужасный и густое облако пыли заслонили глаза наши. Ветхій полъ балкона рухнулся; хозяинъ, гости и плясуны въ одно мгновеніе исчезли. Нимфы покатились кубаремъ подъ гору, болваны закачались съ трескомъ на ржавыхъ шпиляхъ своихъ, а фальконеты, 50-ти лѣтній карантинъ бездвижности выдерживавшіе, покатились весело по косогору. Добраго хозяина на простыняхъ понесли въ постель; сосѣдку, переломившую ногу, отнесли въ комнату къ Лялишнѣ; прочіе зрители и дѣйствующія лица балконные, кто прихрамывая, кто охая, разбрелись, куда могли. По счастью, отецъ мой легко только ушибся. Мы усадили его въ карету, уѣхали, и тѣмъ кончается и повѣсть моя и пирушка деревенская.

Отрывки мыслей.

Смерть махнула сѣкирою по чащѣ всего рода моего. Летая, не пошадила ни дубовъ могучихъ, ни нѣжныхъ отраслей. Отломленная въ сѣчѣ, вѣтка бѣдная, одна я осталась досыхать на полянѣ, гдѣ красовались нѣкогда всѣ тѣ, которые живутъ теперь въ одномъ только сердцѣ моемъ. Склепъ живой праховъ всего рода моего и племени, какъ вѣщій Скальдъ, умирающій на развалинахъ родины, потухающимъ взоромъ я ищу еще слѣдовъ прежнихъ семейныхъ радостей; выкликая замолкшія тѣни покинувшихъ меня друзей моихъ, я послѣднимъ голосомъ любви завѣщаю вѣтрамъ пустыни передать вѣкамъ будущимъ память мною оплакиваемыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Письмо молодого Русскаго IX-го вѣка.

Палъ туманъ на синѣ море,
Злодѣй кручина на ретиво сердце.
Не лежать туману на синемъ морѣ,
Не сходить печали съ ретивá сердца.

Случалось ли тебѣ когда въ тихое, свѣтлое полуденное утро любоваться на рѣчку, катящуюся рѣзво между береговъ цвѣтистыхъ? Отражая лучи солнца, какъ мило, какъ радостно она играетъ съ ними, размѣнивается съ ними блескомъ, кажется спокойна, весела, счастлива. Прійди къ ней опять по закатѣ солнушка, всмотрись въ нее тогда, какъ, оставлена самой себѣ, она живетъ своею собственною жизнію. Вмѣсто тихаго журчанья полуденнаго ты услышишь гулъ омутовъ, бушующихъ дно ея и шипѣніе гадовъ впивающихся. Не таковы ли и сердца человѣческія, другъ мой? Если бы вдругъ посреди блеска бала или смѣха вечеринки раскрылись сердца танцующихъ и смѣющихся, сколько омутовъ глубокихъ, сколько піявокъ высасывающихъ лучшіе соки бытія оказалось бы. Мы всѣ, волею или неволею, другъ друга обманываемъ и часто смѣемся, чтобы скрыть слезы, навертывающіяся на глазахъ нашихъ. Вотъ по крайней мѣрѣ мое положеніе. Ты часто, заставая меня въ домѣ пригорюнившись или въ обществѣ усядшагося въ уголъ задумчиво, упрекалъ меня нѣжно въ недовѣрчивости. Ты правъ; таить сердце отъ дружбы—корчемство сердечное. Но вспомни, что и дотрогиваться до ранъ незаживающихъ, разшевелить какъ станъ непріятельскій цѣлый рядъ воспоминаній, не улегающихся въ небытіе,—требуетъ силъ и надолго разстраиваетъ всю разумичность человѣческую. Ты требуешь настоятельно,—быть такъ. Я былъ преступникъ, губитель всего, что̀ мнѣ священно и дорого; пусть дружба святая капнетъ росинку прохлады на сердце, зноемъ грызенія совѣсти палимое.

Мнѣ нечего говорить тебѣ о семействѣ, котораго ношу я имя почтенное. Я изъ сердца пишу тебѣ, а сердце это живетъ о сю пору одной только матерью моею. Ты не зналъ земного этого ангела. Представь себѣ всѣ совершенства души и тѣла, образованность ума, чувствительность души нѣжной, соединенныя съ кротостью и терпѣніемъ ангела. Вотъ очеркъ той, которой Провидѣніе, осыпавъ ее всѣми дарами своими, отказало только въ одномъ, въ счастіи. Я родился, и землей ангелъ мой въ меня уложила всѣ тѣ чувства любленія, отрадъ и надеждъ, которыя не вмѣщались въ сердца ее окружающихъ. Мы жили съ ней въ одну жизнь единичную, и часто, когда ручьи слезъ омывали лицо ея, въ младенчествѣ еще я уже ощущалъ передаточно нѣ-

Библиотека "Руниверс"

что изъ той горести, которая снѣдала сердце ея. Такъ прошли первые годы дѣтства моего. Настало время отрочества. Ничто не упущено было для моего воспитанія, и земной ангелъ мой довершалъ желанные успѣхи, переливая въ сердце мое ту жизнь вѣры и надежды вѣчности, которыхъ задатокъ носило уже мученическое сердце ея. Наконецъ мнѣ минуло 17 лѣтъ, и отецъ мой, строгій, повелительный, неумолимый, объявилъ однажды, что настало время отправить меня въ чужіе края для окончанія моего образованія.

Какъ нѣжно, какъ убѣдительно уговаривала мать моя неумолимаго отложить намѣреваемое путешествіе. Краснорѣчіемъ любви и отечественнымъ сердцемъ доказывала опасность подвергать недозрѣвшій разсудокъ молодости прикосновеніямъ, загнившимся сокамъ чужеземнымъ. Неумолимый, рѣшительно, сурово подтвердилъ приговоръ разлуки. Земной ангелъ мой помертвѣлъ; посинѣвшія уста запеклись, и слезы, навернувшіяся на глаза, упали огненными искрами на сердце материнское.

Не буду описывать тебѣ разлуку мою съ нею; ни тѣхъ горестныхъ дней, которые такъ скоро примчали ее. Все, что́ нужно было для отъѣзда, было скоро изготовлено, и велерѣчивому Швейцарцу, изъ многихъ выбранному, поручены были деньги, кредитивы и надзоръ надо мною во время пятилѣтняго срока моего образованія.

Насталъ, наконецъ, день разлуки. Лошади почтовыя потряхивали у крыльца сбруею, и колокольчикъ отзванивалъ послѣдній часъ моихъ радостей. Отецъ обнялъ меня, повторяя строго повиноваться гувернеру. Земной ангелъ перекрестила меня, прижала страстно къ груди своей и, прислонясь къ колоннѣ подъѣзда, въ оцѣпенѣніи горести, покрыла платкомъ лицо свое; лошади брызнули; я высунулъ голову еще разъ взглянуть на мать мою. Увы, тотъ ангелъ, котораго глаза мои увидѣли въ послѣднее, стояла, какъ оцѣпенѣлая на томъ же мѣстѣ, въ томъ же самомъ положеніи. Казалось, что горесть окамѣнила все существо ея, и одни только блестящія локоны черныхъ волосъ ея, вѣтромъ развиваемыхъ, сохраняли очеркъ жизни, кругъ всего существа ея. Коляска повернула въ другую улицу, и всѣ памятники любви, гнѣзда сердца и дней счастья, исчезли на всегда изъ глазъ моихъ.

Прости горести томительныя воспоминанія, другъ мой. Носясь, какъ тѣнь могильная, надъ склепомъ, гдѣ погребено счастье мое, я живу одною только памятью прошедшаго; всегда вижу незабвенную; чувствую еще теплоту дыханія ея въ послѣднемъ поцѣлуѣ материнскомъ и слышу имя мое, повторяемое ея голосомъ.

Библиотека "Руниверс"

Мы доѣхали до заставы. Дядька мой Климъ вернулся, прописавъ подорожную, снялъ фуражку, перекрестился и, поклонясь низко родинѣ, простоналъ: «Прощай, наша матушка, велитъ ли Господь увидѣть тебя въ радости?» Увы, вѣщунъ-сердце пророкало ему будущее. Мы двинулись; ямщикъ ударилъ по всѣмъ по тремъ, затянулъ заунывно «Растоскуйся, моя сударушка», Швейцарецъ потянулъ руку въ суму, и, обшаря въ ней бутылку вина, заливалъ большими глотками малаги сладкое пирожное, а я—я, какъ утлая соломенка, вѣтромъ подымаемая, кружился между живыми картинами прошедшаго и туманными неизвѣстностями будущаго. Часто приходило мнѣ на мысль вырваться изъ коляски, бѣжать къ матери, упасть къ ногамъ ея и безотраднымъ сердцемъ закричать: «родная, я не могу жить безъ тебя, оставь меня жить или умереть у ногъ твоихъ». Но грозный призракъ неумолимаго представалъ мгновенно воображенію, и я упадалъ отчаянно въ уголъ коляски моей.

Отправляя меня въ чужіе края, отецъ назначилъ, чтобы я первые четыре года провелъ въ университетѣ, на выборъ гувернера предоставленномъ, и потомъ, окончa науки, объѣхавъ Европу, возвратился въ отечество. Я ѣхалъ, смотрѣлъ; предметы, какъ панорама, перемѣнялись въ глазахъ моихъ, но сердце на одно только глядѣло, одно только видѣло—образъ матери моей. Платокъ ея, омоченный слезами, прощаніе во всемъ мнѣ мерещились и вездѣ заслоняли взоръ вниманія.

Мы пріѣхали, наконецъ, въ . . . Швейцарецъ мой, не замѣшкавшійся показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ, давно уже, подъ предлогомъ, что Русскому баричу неприлично показывать себя скареднымъ, тѣшилъ вездѣ свое лакомство, разсыпая щедро ввѣренныя ему деньги. Въ . . . вручилъ онъ меня профессору, который былъ ему пріятелемъ и, сдавъ меня ему съ рукъ на руки, слегка уже только наблюдая за успѣхами моими, далъ полную свободу своимъ прихотямъ.

«Леонидъ, сказала однажды мать моя, отъ тебя зависитъ, чтобы мы скорѣе увидѣлись: учись прилежнѣе, и отецъ твой ускоритъ твоимъ возвращеніемъ». Магическія слова эти были талисманомъ незабываемымъ. Я учился успѣшно, перегонялъ товарищей моихъ, спѣша снова зажить жизнью сердца при матери. Швейцарецъ мой пользовался успѣхами моими и, прилагая одобреніе учителей къ огромнымъ счетамъ издержекъ, выманивалъ у матери моей подарки, а у отца кредитивы новые.

Третій годъ истекалъ уже, какъ однажды Швейцарецъ мой, поужинавъ поплотнѣе обыкновеннаго, сказалъ: «Я имѣю объявить вамъ

Библиотека "Руниверс"

новость, которая удивитъ васъ. Принцъ Ф. хочетъ показать Россію сыну своему и ищетъ сопутника вѣрнаго. Жалованье огромное и вдвое противъ того, которое я получаю отъ родителей вашихъ. Вы чувствуете, что я не могу лишиться такого выгоднаго случая; я уговорился уже съ принцемъ, и мы завтра по утру съ вами разстанемся». Мы съ Климомъ остолбѣнѣли. «Помилуйте, батюшко, какъ же баринъ мой здѣсь одинъ останется?»—«О, это самая бездѣлица; я поручилъ васъ профессору и, увидясь съ родителями вашими, лично обо всемъ переговорю съ ними». Сказавъ это, отперъ шкатулку, выложилъ на столъ червонцы и кредитивы и, оточтя сполна всѣ, что до этого дня ему слѣдовало, оставилъ насъ при 10-ти талерахъ и кредитивѣ на 50 червонцевъ. Изумленный Климъ хотѣлъ выразить ему невозможность остаться намъ на чужой сторонѣ при такой малой суммѣ, едва до новой присылки достаточной, но Швейцарецъ закричалъ громогласно: «полно врать, братецъ, я сказалъ уже, что все по пріѣздѣ въ Россію устрою», потомъ заперъ шкатулку, отдалъ мнѣ ключъ, сталъ укладывать чемоданъ свой, вынесъ его въ переднюю, на всякій случай простился со мною, легъ въ постель и захрапѣлъ скоро.

Климъ раздѣвалъ меня, задумчиво ворча сквозь зубы: «Ай да Французы! Каково будетъ барынѣ?» Слезы полились ручьями изъ глазъ моихъ, и оцѣпенѣлое отъ удивленія сердце почувствовало впервыя болѣзненное жало перваго обмана сердечнаго.

Колокольчикъ краснаго звонилъ давно уже изо всей мочи, какъ я проснулся объятый ужасомъ. Мнѣ снилось, что вдругъ земля разступилась подъ ногами моими; я очутился на краю бездонной пропасти, изъ которой исходило со всѣхъ сторонъ пламя; огненные безобразные гады зіяли на меня отовсюду и, разѣвая пасти ужасныя, вились кругъ меня, стараясь всячески втащить въ бездну. Спасенія не было; силы мои ослабѣвали. Вдругъ мать моя, въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ въ послѣднее я видѣлъ, ее, очутилась на другой сторонѣ пропасти. «Схватись скорѣе за платокъ этотъ, Леонидъ, кричала она отчаянно; онъ напитанъ молитвенными слезами материнскими; спѣши, не медли, ты погибаешь». Платокъ чудесно махнулся надъ пропастью, я схватился уже за край его, какъ вдругъ огромный змѣй обвился кругъ руки моей; платокъ упалъ; мать моя, застонавъ, измѣнилась въ легкое привидѣніе и понеслась къ небу, а я, падая стремглавъ въ бездну, проснулся. Напрасно старался Климъ разсѣять впечатлѣніе сна, врѣзавшагося въ мое воображеніе. Образъ матери моей, улетающей на небо, наполнялъ всѣ чувства мои оцѣпенѣніемъ, и я насилу могъ примѣтить, что Швейцарца при мнѣ уже не было. «Гдѣ же онъ?», спросилъ я.—«Э, баринъ,

Библиотека "Руниверс"

давно уже его Французскаго духа и слѣдъ простылъ. Раненько собрался, да и былъ таковъ. Ай да Французы, ай да Французы!»

Оставалось расположиться, какъ быть съ деньгами до присылки новыхъ. Слича прежніе огромные расходы столовые съ оставленной намъ суммою, мы съ Климомъ разочли, что недостало бы ея ниже на половину времени до присылки новыхъ кредитивовъ. Оставалось одно средство: отказаться отъ всѣхъ прихотей и поставить себя на обыкновенный столъ ученическій. Климъ взялъ на себя объявить о семъ профессору и когда я снова пришелъ въ класы, нахмуренныя брови хозяина и холодный пріемъ профессора доказали мнѣ, что атестаты и одобренія тѣсно связаны были со счетами стола.

Наконецъ время на легкихъ крыльяхъ принесло отвѣтъ на письмо мое. Отецъ брюзжалъ, урекалъ меня разореніемъ, но, приложа къ угрозамъ и брани кредитивы новые, излилъ на сердце мое первую каплю отрады, позволя начать мое путешествіе. Какъ забилось сердце мое, воображая, что уже нѣсколько мѣсяцевъ только раздѣляетъ меня съ родиной. Какъ живо рисовало оно мнѣ минуту, въ которую я почувствую прикосновеніе сердца материнскаго. О, мечты счастья, для чего вы мечты? Для чего грёзы ваши такъ сладки и такъ обманчивы? Отдохни, другъ мой, отъ длиннаго письма моего и дай самому мнѣ отдохнуть, приступая къ ужасной эпохѣ бытія моего.

Письмо 2-е.

Les longs souvenirs appartiennent aux longues douleurs. N'exigez pas...
M-me Staël.

Какимъ именемъ назовемъ мы то пагубное вліяніе, ту роковую минуту, въ которую сердце, рожденное быть добрымъ, любящимъ добродѣтель, почитающимъ все священное, вдругъ, вопреки разсудка, привычекъ, совѣсти, какъ человѣкъ оступившійся на скользкой горѣ крутой, шагъ за шагомъ бѣжитъ къ безднѣ противъ воли дотоль, пока, какъ силою нѣкою влекомый, въ опьяненіи безумія доскользаетъ наконецъ до пропасти и падаетъ стремглавъ въ ненавистное ему самому преступленіе? Какъ назвать и тотъ гибельный даръ слова, тѣ фосфорическія вспышки вѣка нашего, которыя, мелькая передъ глазами невозмужалаго еще разума, отуманиваютъ его, ошеломляютъ недозрѣвшій разсудокъ и, убѣждая вопреки убѣжденія, пожигаютъ наконецъ свѣтлыя пеленки вѣры, въ которыхъ согрѣвалось сердце съ колыбели младенчества? Разбойникъ, изъ корысти отнимающій жизнь у прохожаго, не извинительнѣе ли софиста, хладнокровно, безкорыстно тонкими извертъ-

Библиотека "Руниверс"

ками лжемудрости удушающаго лучшую часть бытія человѣческаго, совѣсть и вѣру его?

Увы, я прошелъ сквозь процесъ этотъ ужасный. Онъ оставилъ мнѣ на вѣкъ слѣды кровавые, несмытные, и я по сю пору не знаю еще, себя ли ужасаюсь я или тенёгъ тѣхъ пагубныхъ, въ которые съ такою простотою любви вшало глупое сердце мое.

Получа позволеніе начать путешествіе мое, сборы мои были не долговременны. Каждый оборотъ колеса сближалъ меня съ отчизною милою, и грезы семейнаго счастія, такъ издали, такъ долго мнѣ мерещившіяся, теперь, становясь положительною уже надеждою, улыбались моему воображенію.

Не въ силахъ я любезничать съ тобою, другъ мой, описывая разсѣянныя мои замѣчанія. Пусть другіе опишутъ тебѣ красоты и древности; пусть они разскажутъ, какъ въ Италіи, отвернувшись отъ какой нибудь изящности искусства или природы, глаза поражены гнуснымъ зрѣлищемъ толпы полунагого народа, по улицамъ валяющагося и другъ другу отвратительныя услуги оказывающаго; пусть онъ поговоритъ о безправственномъ легкомысліи Французовъ, о тяжелой расчетливости Нѣмцевъ, особый оброкъ корысти на Русскихъ накладывающихъ. И въ Римѣ, и въ Парижѣ, и въ толпѣ Пратера я грезилъ одно,—милую родину. Я уже ѣхалъ назадъ; нѣсколько недѣль только раздѣляли меня съ нею; мнѣ уже пахло Россіею; бѣлый платокъ прощальный бѣлѣлся уже въ глазахъ моихъ; и шорохъ платка моего шейнаго нерѣдко радостною дрожью пробѣгалъ по позвонкамъ моимъ, напоминая мнѣ знакомый шелестъ капоты материной.

Пріѣхавъ въ Вѣну, первый вопросъ былъ—нѣтъ ли кого изъ Русскихъ здѣсь?—Вчера изъ Россіи пріѣхалъ N., а на той недѣлѣ еще двое Русскихъ.

N. былъ ближайшій родственникъ мой. Товарищъ дѣтства моего, хотя годами восемью старше меня; окончa давно курсъ наукъ, онъ изъ прихоти одной рѣшился передавать чужой землѣ богатое наслѣдство родительское. Радость свиданія нашего была взаимная, и хотя сердце мое считало минуты разлуки, но мнѣ казалось оскорбленіемъ дружбы отказать N. недѣлю просрочки, которую впрочемъ я могъ вознаградить въ дорогѣ. Я остался, и первый этотъ шагъ отступленія былъ тѣмъ шагомъ несчастнымъ, который довелъ меня до погибели.

Библиотека "Руниверс"

Съ первыхъ размѣненныхъ между нами словъ я не могъ не замѣтить, что N., въ путешествіяхъ своихъ, къ ловкости свѣтской, къ познаніямъ обширнымъ, при всей добротѣ сердца, пріобрѣлъ какой-то рядъ мыслей, какой-то несчастный даръ слова, которымъ, подсѣкая искусно всѣ мнѣнія, съ его замѣчаніями несогласныя, насмѣшками сшибалъ съ ногъ неопытнаго антагониста, съ нимъ спорящаго. Любовь моя къ отечеству, нетерпѣніе увидѣться съ матерью по его мнѣнію были привычки школьника, не выдравшагося еще изъ пеленокъ ребяческихъ и вынуждали отъ N. цѣлыя статьи насмѣшекъ язвительныхъ. Мнѣ должно бы бѣжать не оглядываясь, затыкать уши отъ ласковаго голоса сирены, раскрывающей пасть поглотить меня; но возобладаніе какое-то ненавистное, fascination, которую не могу лучше изобразить, какъ извѣстнымъ стихомъ: «mon génie étonné tremble devant le tien» очаровывало, ошеломляло разсудокъ мой. Какъ болѣе еще ужаснулся я, когда рѣчь, коснувшись до религіи, N. обнаружилъ мнѣ вполнѣ плоды чужеземнаго просвѣщенія. «Какъ, неужели ты по сю пору не стрясъ съ себя всѣхъ бабьихъ росказней, которыми убаюкивали тебя няньюшки? Стыдись, Леонидъ, стыдись, братецъ; къ чему послужили тебѣ путешествія, къ чему природа родила тебя въ вѣкъ и науки развивали передъ тобою вѣчные феномены свои говорящіе? На то ли, чтобы, завернувшись въ тѣсныя понятія простонародныя, ты валялся въ грязи невѣжества? Стыдись, братецъ, стыдись». Морозъ съ головы до ногъ пробѣжалъ по мнѣ. «Но какъ же не вѣрить намъ Св. Писанію?»—«О, бѣдное человѣчество, о бѣдныя слабыя головы, подобныя другу моему Леониду, ни на что высокое не отваживающіяся; долго ли попы и няньки будутъ держать васъ въ оковахъ невѣжества? Да кто же увѣрилъ тебя, что ты какъ бабочка долженъ непремѣнно летѣть на небо? Э, братецъ, умѣй пользоваться тѣмъ, что тебѣ дано, и перестань грезить о небѣ» —«Но другъ мой, и бабочка, и былинка не то ли же намъ небо проповѣдуютъ, и природа сама не подтверждаетъ ли намъ вѣчныя тайны писанія?»—«Послушай, Леонидъ, ты жалокъ мнѣ. Мораль Евангелія прекрасна, не спорю; но что до Ветхаго Завѣта касается, то если бы ты хоть мало вникъ въ него, ты самъ бы увидѣлъ, что Моисей, какъ умный полководецъ, забавлялъ баснями глупыхъ Израильтянъ. Отвори Библію и при первыхъ строкахъ ты увидишь нелѣпицу. Напримѣръ: ни солнца, ни луны еще не было, а сотворено было уже многое». Вѣроятно, что N. собирался отпустить цѣлый рядъ подобныхъ указаній, какъ Климъ, стоявшій у двери, выступя два шага впередъ, прервалъ рѣчь его. «Позвольте мнѣ, батюшка, осмѣлиться спросить у васъ, неужели пока солнца и луны не было, Господь Богъ нашъ сидѣлъ въ потемкахъ, какъ мы грѣшные? Кто могъ сотворить солнце словомъ, ужели тому нужно

Библиотека "Руниверс"

было освѣщеніе?» N. смѣшался, вспыхнулъ, но, не теряя присутствія духа, захохотавъ громко, вскричалъ: «браво, браво, господинъ Кутейкинъ, видно и ты поповской породы и хорошо урокъ вытвердилъ; но высокое просвѣщеніе тебѣ не надобно; я говорю съ Леонидомъ, поди въ свою комнату». Климъ проворчалъ что-то сквозь зубы, вышелъ вонъ, и N. началъ вполнѣ раскрывать мнѣ всю систему чужеземнаго вольнодумства. Не хочу отравлять сердца твоего, повторяя доказательства проповѣданнаго ничтожества, поколебавшаго мое слабоуміе. Все, что̀ дотоль почиталъ я священнымъ,—вѣра, любовь, отечество, связи родства и самыя благороднѣйшія чувства души человѣческой, все было разанатомировано рукою искусной, но убійственной. Я содрогался, сердце во мнѣ замирало, голова трещала подъ усиліемъ не вмѣщающихся въ нее понятій; не разъ хотѣлъ уйти, заткнувъ уши отъ проповѣдуемаго, но стыдъ какой-то приковывалъ меня къ мѣсту гибели моей; какъ ребенокъ при разсказахъ о привидѣніяхъ, я трепеталъ, пожимался, но дослушивая сказку, давалъ время тонкому яду невѣрія вкрадываться помаленьку въ сердце мое. Часы ударили два, и N., торжествуя надеждою причислить и меня къ жертвамъ просвѣщенія 18-го вѣка, всталъ и пошелъ въ свою комнату.

Обезумленный, ошеломленный, я остался, какъ истуканъ, не умѣя разобрать въ себѣ шума бури во мнѣ бушующей. Хотѣлъ молиться, но какая-то завѣса задернулась между Богомъ и сердцемъ моимъ. Несообразныя между собою мысли, какъ рой пчелъ кругъ родимаго пчельника, носились съ шумомъ въ головѣ моей, жужжали прошедшее, ужаливали въ настоящемъ и круженіемъ своимъ застилали будущее.

Отступя отъ перваго долга, спѣшить возвращеніемъ въ Россію, я не могъ уже отговориться отъ возобладавшаго мною пожертвовать ему и другою недѣлею. Между тѣмъ день за день гибель моя довершалась. Вмѣстѣ съ вѣрою прочія жаркія чувства души моей стали остывать постепенно; память матери моей, Россіи и всѣхъ связей, до толѣ жившихъ меня, не только ослабла, но даже тягостными уже призраками налегала на сердце мое; однимъ словомъ—содрогнись, другъ мой—я сдѣлался отступникомъ.

Система гибели моей обдумана была со всею тонкостью. Новый водитель мой съ единомышленниками своими не могли не видѣть, что вѣрный мой Климъ былъ для такъ называемаго ими просвѣщенія моего препоною опасною, и совѣтъ губителей заключилъ между собою приговоръ его отдаленія. Климъ, никогда не оспаривая выходокъ новой моей философіи, довольствовался, оставшись со мною наединѣ, не сиры-

Библиотека "Руниверс"

вать отъ меня горькихъ слезъ, которыми заливался онъ или какъ будто нечаянно вынимая изъ шкатулки какую-нибудь вещь, любовію матери запечатлѣнную, прижималъ ее къ сердцу и, обливая ее слезами, говорилъ тихо: «О, ангелъ нашъ земной, каково будетъ сердечку твоему, какъ узнаешь ты наши новости? Нѣтъ, не перенести тебѣ удара этого». Потъ холодный пробѣгалъ тогда по тѣлу моему. Прежнее сердце, отрыгаясь въ груди, потрясало все бытіе, и если бы коляска стояла у крыльца, я бы бросился въ нее летѣть къ матери; но роковая гибель моя была неизбѣжна. Водители мои не выпускали меня изъ вида, прислушивались къ каждому вздоху спасительному, дверь отворялась всегда въ минуту урочную, хохотъ и сарказмы надъ моимъ слабоумiемъ оморочивали мгновенно разсудокъ мой, и слезы Клима, память матери, вопль совѣсти пробуждавшейся, все исчезало передъ ложнымъ стыдомъ быть водимымъ дядькою. Увы, возобладанный демономъ N., скоро и мнѣ стали тягостны молчаливые упреки Климовы. Сперва они тѣснили совѣсть мою, потомъ стали скучными, потомъ досадными и, наконецъ, совсѣмъ ненавистными. День за день, шесть мѣсяцевъ пролетѣли, какъ дуновеніе вѣтра. Я вывертывался разными лжами, представляя разныя причины замедленія моему; наконецъ, и предлоги, и деньги, и терпѣніе родителя истощились. Хитрый N. ожидалъ нетерпѣливо этого, чтобы совершенно прибрать меня въ руки свои. Онъ предложилъ мнѣ отправить Клима съ оказіей въ Россію для ходатайства у родителей, а мнѣ для избѣжанія счетовъ трактирныхъ раздѣлить съ нимъ родственно его комнату.

Какъ ни испорчено было сердце мое, мысль о разлукѣ съ Климомъ тяготила душу мою. Я увѣренъ былъ, что Климъ не обнаружитъ вполнѣ безумія, которымъ урекала меня совѣсть моя; но присутствіе N. и возбужденное во мнѣ самолюбіе, не позволяя унизить себя просьбою, я сколько могъ хладнокровнѣе объявилъ ему, что отправляю его въ Россію, примолвя дрожащимъ голосомъ: «смотри, братъ, береги маменьку». Климъ поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками и, шатаясь на ногахъ, выбросился изъ комнаты. Адское торжество заблистало въ чертахъ N. и походило на чувство радости, съ которымъ ростовщикъ любуется на неправедно пріобрѣтенный червонецъ, прибавляя его къ сокровищу своему. А я—я, какъ ошеломленный, не находя въ себѣ ни силъ, ни способности духа разобрать всего во мнѣ происходящаго, одеревенѣлый всею разумичностью моею, я не зналъ, существую ли я еще. Прошедшее, настоящее, будущее сливались туманно въ одну точку небытія какого-то въ головѣ моей, и одно щемленіе сердца, тяжко во мнѣ волнующагося, напоминало мнѣ иногда, что я еще въ числѣ живыхъ.

Библиотека "Руниверс"

Сторожа мои не оставляли меня весь день. N., несмотря на систему разврата своего, былъ добраго сердца, и цѣль стараній его о просвѣщеніи моемъ хотя и была ошибочная, уродливая, вредная, но происходила единственно отъ ложнаго понятія о счастьѣ, по его мнѣнію, на одномъ только освобожденіи себя отъ всѣхъ узъ должностей основаннаго.

Вечеръ приближался; чувство робости начинало овладать мною, вспоминая, что я скоро наединѣ съ Климомъ останусь, и совѣсть встревоженная изыскивала уже словъ къ оправданію. Наконецъ настала ночь, и съ нею то свиданіе, которое такъ тяготило сердце мое. Глаза Клима, опухшіе отъ слезъ, были первое остріе, уколовшее совѣсть мою. Я спѣшилъ раздѣваться, усиливаясь не глядѣть на бѣднаго моего товарища, хотѣлъ броситься поскорѣе въ постель; но добрый Климъ, не въ состояніи будучи удержать долѣе рыданія, упалъ въ изступленіи къ ногамъ моимъ. «Баринъ, баринъ, что ты дѣлаешь! кричалъ онъ въ отчаяніи, опомнись, батюшко, побереги свою душу и жизнь твоей матери. Масоны эти опасные погубятъ тебя на вѣки. Вспомни сонъ твой въ университетѣ; вотъ тѣ змѣи, которыя тащили тебя въ пропасть. Уѣдемъ скорѣе отсюда. Вотъ 50 червонцевъ, которые я накопилъ отъ твоихъ же милостей; въ добавку, вотъ и часы мои. Въ первомъ городѣ продадимъ и ихъ, и коляску, и съ фурманщикомъ доѣдемъ до Россіи; тамъ всѣ знаютъ семейство твое, и мы доѣдемъ безбѣдно до дому».

Отчаянныя слезы Клима и благородныя чувства души его воскрешать начали уже сердце мое, колеблемыя мысли, и совѣсть наклоняться начала на благоразумныя предложенія Клима, какъ вдругъ роковая дверь гибельная растворилась, N. стоялъ, какъ грозное привидѣніе на порогѣ и, бросая на меня презрительные взгляды, оборотился къ оцѣпенѣвшему появленіемъ его Климу. «Ай, братъ куфейкинъ, ты славный ораторъ. Вези къ нянюшкамъ дитя свое, и подлинно ему помочи еще надобны; онъ слабоуменъ, безхарактеренъ и ни къ чему великому не способенъ еще».

Увы, рѣшительный ударъ прозвонилъ въ ушахъ моихъ. Самолюбіе, какъ облако густое, разостлалось между мною, голосомъ разсудка и любви, меня увѣщавающимъ. Слезы Клима померкли, совѣсть умолкла, сердце снова закрылось, и невидимая какая-то сила вражды втолкнула меня въ комнату N.

Успѣвъ въ согласіи на изгнаніе хранителя моего, N. поспѣшилъ найти случай отправить его. Климъ собирался въ молчаніи. Ни одно

Библиотека "Руниверс"

слово не выходило изъ устъ его, но всѣ черты его изображали страданіе. Утро отъѣзда его было для меня одно изъ мучительнѣйшихъ дней жизни моей. Осмѣлиться поплакать облегчило бы сердце мое, но самолюбіемъ и рабскимъ стыдомъ удерживаемыя слезы клокотали въ груди моей; казалось, что лучшая часть бытія моего, отдираясь отъ погибающей, надвое раздирала все существо мое. N. предвидѣлъ опасность минуты этой. «Шампанскаго! закричалъ онъ, выпьемъ за здоровье Россійскихъ друзей нашихъ». Онъ поднесъ мнѣ бокалъ; я выпилъ его машинально. Другой опорожненъ былъ за здоровье отъѣзжающаго. Горестные призраки исчезать начали изъ воображенія. Третій бокалъ за дружеское пребываніе остающихся помутилъ память мою, Шампанское зашумѣло въ головѣ, и когда я опомнился, друга моего Клима уже не было со мною.

Письмо 3-е.

Non la connoba il mondo mentre l'ebbe.
Connobila io che a piangere qui rimasi.
Petrarca *).

О, коловратность сердца человѣческаго! Давно ли скучалъ я наставленіями любви Климовой, давно ли въ безуміи рвался вырваться изъ подъ начальства его? Теперь я былъ свободенъ, сбылъ цензора, извѣшивавшаго на вѣсахъ любви поступки и побужденія мои. Отчего же сухая, одиноческая свобода моя, какъ камень холодный, тяготила сердце мое? Тоска по Климѣ, съ нею тоска по родинѣ возникли, и воля, никѣмъ не поперечиваемая, сдѣлалась для меня тяжелымъ бременемъ, никакою дружеской рукою не облегчаемымъ. Новый товарищъ мой былъ любезенъ, дружественъ, сердце его было бы способнымъ быть нѣжнымъ; но система ничтожества, опаля корень жизни въ душѣ его, разрывала всѣ связи съ небомъ, землею и человѣками. Любовь его была суха, безжизненна и, не истекая отъ источника любви истинной, была, какъ и всѣ чувства его, систематическою, разумичною. О, какъ часто горевало сердце мое о той любви теплой, переливчатой, которая согрѣвала меня подлѣ потеряннаго мною непросвѣщеннаго друга моего. Просвѣщеніе, что̀ принесло ты мнѣ, спрашивалъ я иногда у себя? Гдѣ миръ мой? Гдѣ сладкій покой души моей, и грезы тѣ милыя, которыя, съ рукъ на руки передавая меня, такъ упокоительно баюкали святое невѣжество мое? Пустота и одиночество замѣнили ваши ласки нѣжныя; если все ничто, отчего же тоскуетъ сердце мое? Чего же ищетъ то нѣчто, которое такъ часто тягоститъ меня? Въ такія минуты раздумья N. спѣшилъ развлекать меня. Но что̀ успокоитъ можетъ сердце, о себѣ са-

*) Т.-е. Не узналъ ея міръ, пока ее имѣлъ; узналъ я, плакать здѣсь оставшійся. *Петрарка.*

Библиотека "Руниверс"

момъ тоскующее? Вопреки всего ученія новаго, мое вырывалось безпрестанно изъ подъ желѣзной руки, подавляющей его; я любилъ, помнилъ еще попрежнему и скучалъ безъ Клима. Сладкая необходимость говорить о милыхъ горестно запекалась въ груди моей.

Климъ при отъѣздѣ вручилъ мнѣ ключъ отъ шкатулки моей. Однажды, въ отсутствіи N., въ минуту раздумья, мнѣ пришло въ голову разбирать бумаги мои. О Боже, что почувствовалъ я, когда на днѣ шкатулки нашелъ я часы Климовы и съ ними кошелекъ съ червонцами, плоды бережливости добродѣтельнаго друга моего. Съ какимъ чувствомъ болѣзни и благоговѣнія перечти деньги, увидѣлъ я, что добрый Климъ три червонца только взялъ съ собою, оставя всю нажитую собственность тому безсовѣстному извергу, который принесъ его въ жертву безумному самолюбію своему. Слезы лились ручьями изъ глазъ моихъ; совѣсть, вопія, раздирала сердце. Я бросился бы въ ноги Климу, признавая себя пристыженнымъ передъ святымъ невѣжествомъ добродѣтели; но увы, три мѣсяца уже какъ лишенъ я былъ вѣрнаго друга моего. Никакой вѣсточки не приходило еще, а время отъѣзда N. во Флоренцію наставало уже. Еще два несносные мѣсяца протекли на свинцовыхъ крыльяхъ, какъ однажды банкиръ мой увѣдомилъ меня, что получены письма на имя мое. Сердце во мнѣ затрепетало, колѣна подгибались и когда письмо дошло до рукъ моихъ, свѣтъ померкъ въ глазахъ моихъ. Увы, адресъ написанъ былъ не обычною рукою милой, и въ огромномъ письмѣ Клима лежало только нѣсколько строкъ той, которую не осмѣливалось сердце назвать прежнимъ именемъ. Вотъ онѣ: «Леонидъ отступникъ... И несчастная мать его умираетъ съ горестной мыслію, что можетъ быть нигдѣ уже съ нимъ не встрѣтится. Хотѣла бы сказать: обнимаю тебя въ послѣднее, но могу ли обнять врага Бога моего? Хотѣла бы благословить тебя; но, о несчастный, ты продалъ врагу благословеніе и Божіе, и родительское. Леонидъ, умоляю тебя послѣдними слезами, омывающими строки эти, возврати мнѣ хотя въ вѣчности, того сына, котораго ты отнялъ здѣсь у умирающей матери, и спѣши вырваться изъ адскихъ оковъ, тебя оцѣпляющихъ».

Не буду описывать отчаянія моего. Я убійца матери моей, я врагъ Бога, раздавались какъ громовые удары въ сердцѣ и совѣсти. Всѣ прежнія чувства возникали изъ глубины и попеременно вызывали меня грозно на судъ, терзая меня какъ преступника. Вотъ плоды просвѣщенія твоего, вопіяли они; умри, убійца и отступникъ, кричало новое ученіе. Но и жизнь и смерть не одинаково ли страшны преступнику?

Библиотека "Руниверс"

Письмо Клима содержало длинное описаніе пріѣзда его. Русскіе, возвратившіеся въ отечество, разсказали про связи мои съ N., извѣстнымъ по вольнодумію, и пріѣздъ Клима рѣшилъ подозрѣнія. Раздраженный отецъ объявилъ меня лишеннаго всѣхъ правъ сыновнихъ, и земной ангелъ мой, не вынеся лишенія сына, отлетѣла съ горестью въ вѣчность, поручая Климу послѣдній залогъ попеченія: тысячу рублей на возвращеніе въ Россію.

N. употреблялъ все, что́ придумать могло скептическое сердце его, чтобы утѣшать меня въ горести. Но громовый ударъ сшибъ повязку съ очей моихъ. Я чувствовалъ нужду разстаться съ нимъ, и происшествія, послѣдовавшія просвѣщенію моему, достаточны были опровергнуть въ умѣ моемъ ложный блескъ философіи, все бытіе мое неспровергнувшей.

Лишась матери, лишась друга, міръ лишился для меня всѣхъ очарованій своихъ. Если точно бытіе человѣка было бы безъ цѣли, если бы точно былъ онъ ни что иное, какъ существо преходящее, опредѣленное быть чужду землѣ и небу, отчего же тоскующее сердце мое и за предѣлы гроба ищетъ оплакиваемой матери? Что же такъ сильно, такъ болѣзненно урекаетъ меня? Магическое вліяніе опирало чувства мои на слово—вѣчность, милою рукою начертанное. О вѣчность, думалъ я, вѣчность, мысль въ которой путается вся разумичность моя, нѣтъ, ты не сказка, какъ мечтаетъ о томъ мнимое просвѣщеніе. Я разучился съ тобой разговаривать, но ты конечно истинна, потому что земной ангелъ мой тебя проповѣдуетъ, потому что ты одна соединить можешь сердца, смертью разлученныя. О вѣчность, я снова тебя привѣтствую, помоги мнѣ истинно протянуть къ тебѣ руки сердца, вырваться отъ воспоминаній ложнаго свѣта и летѣть на крыльяхъ надежды туда, гдѣ живетъ мать моя, туда, гдѣ хочу вѣчно любить, вѣчно видѣть, вѣчно оплакивать у ногъ ея мое преступленіе.

Разлука моя съ N. была довольно холодна. Онъ поѣхалъ въ Италію, а я, волнуемый всѣми колебаніями виноватаго сердца, лишившагося надеждъ земныхъ и небесныхъ, на границѣ продалъ коляску, нанялъ извощика и пустился въ отечество.

Мы въѣхали въ родимую границу на Страстной недѣлѣ. Слѣдуя совѣту Клима, я рѣшился остановиться въ . . . у одного родственника и тамъ ожидать отъ отца приговора или позволенія. Милый языкъ родимый раздавался уже въ ушахъ моихъ; глаза вездѣ встрѣчали благородный отпечатокъ самодовольныхъ, мирныхъ лицъ отечественныхъ,

Библиотека "Руниверс"

и сердце билось бы радостно, если бы голосъ укоризны не раздиралъ души моей. Я въ Россіи, но, увы, не увижу уже матери. Я въ отечествѣ, почти у дверей дома отцовскаго; но преступленіе мое, какъ грозный херувимъ съ пламеннымъ мечемъ въ рукахъ, стоитъ у порога, изгоняя меня изъ рая семейнаго. Страстная Суббота застигла меня въ горестномъ такомъ волнованіи. Дорога была дурна, ухабиста, повозка шла тихо, и я заснулъ было крѣпкимъ сномъ устали и горя, какъ вдругъ голосъ извощика моего и необыкновенный гулъ колоколовъ разбудилъ меня. «Ну, слава Богу, баринъ, доѣхали до ночлега», сказалъ онъ, отрясая мокрый снѣгъ, клочьями падающій съ шапки и бороды его. «Вотъ ужъ и къ заутрени благовѣстятъ». Повозка остановилась у церкви сельской; сквозь окна свѣтились огни многочисленные, и добрые поселяне со всѣхъ сторонъ толпились въ храмъ. «Гдѣ же пристанемъ мы?» спросилъ я у извощика.—«Какъ гдѣ, баринъ? Теперь ни собаки въ селѣ не найдешь; идите въ церковь, я къ попу на дворъ поставлю повозку». Извощикъ ударилъ по лошадямъ, я остался у дверей храма, и не оставалось иного, какъ войти въ церковь. О, какъ объяснить могу борьбу чувствъ и воспоминаній, мною овладѣвшихъ? Дѣтство мое, память матери, съ которой, бывало, въ радостномъ благоговѣніи встрѣчали мы день этотъ; умиленіе какое-то, противъ котораго я устоять не могъ; съ другой стороны отвычка отъ богослуженія, укоръ совѣсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и невольныя вспышки мнимаго просвѣщенія раздирали на части всѣ способности мои разумичныя. Я хотѣлъ бѣжать изъ церкви, но сила какая-то непостижимая приковывала меня къ помосту церковному. Заутреня между тѣмъ приходила къ окончанію. Благообразный священникъ маститый, сѣдиною украшенный, воздвигнувъ крестъ, радостнымъ взоромъ сопровождая осѣненіе, воскликнулъ троекратно—Христосъ Воскресе! Гулъ народа, отзывавшагося на возгласъ его, раздавался во всѣхъ трепещущихъ членахъ моихъ; всѣ кости во мнѣ вопіяли—Христосъ Воскресе! Я пробирался уже сквозь народъ, чтобы приложиться ко кресту, какъ вдругъ призракъ N. со всею адскою его философіей блеснулъ моему воображенію; звукъ насмѣшекъ его раздался по всему бытію моему; кровь во мнѣ застыла; рука, поднимавшаяся изобразить знаменіе креста, опустилась. Я отступилъ два шага, искалъ мѣста продраться сквозь народъ, какъ новое явленіе остолбѣнило чувства мои. Въ дверяхъ храма мнѣ почудилась мать моя; казалось, что простирая руки, она заслоняла мнѣ двери и темнымъ гробовымъ голосомъ простонала: «безумный, что ты дѣлаешь?» Свѣтъ померкъ въ глазахъ моихъ, сводъ церковный закружился, полъ заколыхался подъ ногами,—и я упалъ безъ чувствъ на землю.

Библиотека "Руниверс"

Мы познакомились съ тобою тогда, какъ, послѣ трехмѣсячной первической горячки, добрый пріятель нашъ К. перевезъ меня въ деревню свою для излеченія. Справедливо раздраженный отецъ остался неумолимымъ къ извергу, лишившему его подруги и сына и въ послѣдній даръ милосердія позволилъ Климу раздѣлять со мною изгнаніе. Я пошелъ въ службу, искалъ смерти вездѣ, подставлялъ сердце преступное подъ пули и ятаганы острые; бывалъ изстрѣлянъ, изрубленъ, но не находилъ нигдѣ конца страданію. Послѣднее письмо погубленнаго мною сокровища моего лежитъ плотно на сердцѣ; прочее все, надежды, спокойство, все, что̀ нѣкогда улыбалось моей молодости, исчезло, и жизнь могильнымъ только стономъ откликается мнѣ.

Ты хотѣлъ читать въ сердцѣ моемъ, другъ мой. Вотъ оно со всѣми неисцѣлимыми его язвами. Жизнь безъ воспоминаній была бы неисписанная книга бытія человѣческаго; но когда память кровавыми пятнами угрызенія совѣсти перебрызгала страницы, о какъ тяжело листить книгу эту, какъ томно въ ней настоящее, какъ страшно будущее. Куда бѣжать отъ себя? Какъ стряхнуть съ сердца то преступное *я*, которое его палитъ зноемъ памяти неумирающей? Я всего лишился; сгубилъ все, что̀ дано мнѣ было обѣтами Провидѣнія. Прощай, пожалѣй или лучше будь справедливъ и возненавидь изверга недостойнаго называться твоимъ другомъ.

*

Еще повѣсть, еще быль, сказалъ бы Брамбеусъ, если бы увидѣлъ тетрадь мою. Но что̀ не *повѣсть*, что̀ не сказка въ мірѣ семъ? Развѣ и то не *повѣсть*, что Брамбеусъ не любитъ повѣстей? Каждый человѣкъ почастно—*повѣсть* бытія своего; всѣ вмѣстѣ они не загадочная, недоконченная *повѣсть*, развязка которой не попадетъ подъ перо ни журналиста, ни Брамбеуса? Природа, тварь, стихіи, не строчки ли огромной великолѣпной *повѣсти* Создателя міра? Вѣтеръ, море и земля, каждый по своему, каждый на своемъ мѣстѣ, не безумолчная ли *повѣсть* чудесныхъ своихъ росказней? Какое же имя дать глухому слушателю сихъ повѣстей, собственному, мгновенному своему похожденію? Если міръ и все въ мірѣ, прошедшее, настоящее и будущее—нескончаемое сцѣпленіе разноголосныхъ *повѣстей*, справедливы ли мы, произнося приговоръ остракизма на древнее, родовое имя это, такъ удобно ложившееся подъ перо разсказывателя? Но люди любятъ новое; имъ пріѣлись стерляди и ананасы; прислушались Чимарозо и Россини; Рассинъ причитался, и дождь, весна и луна, прожужжавшія нѣкогда уши, лишились большой части своихъ припѣвателей. Чего же дожидать и *повѣсти*, бичами скуки съ бѣла свѣта изгоняемой. Но вотъ запятая.

Библиотека "Руниверс"

Чтобы не попасть подъ свистокъ Брамбеусовъ, какъ придется теперь крестить задуманныя думы? Ей, ей мудрено, затруднительно и гораздо тяжелѣе, нежели было Тредьяковскому написать Телемахиду. Сколько разъ табаку понюхаешь, сколько разъ поправишь лампу, какіе чудесные парафы намараешь перомъ на бумажкѣ въ ожиданіи ума. У кого есть ноги, какъ важно пройдешь раза три по комнатѣ, потирая лобъ; а у кого, какъ у меня, одна только нога осталась, а клюку рѣзвая Пери утащила подъ диванъ, съ какою досадою повертываешься на креслахъ, какъ прокашливаешь какой-то засадъ въ горлѣ, который какъ пробка закупорилъ мысли, а умъ все-таки нейдетъ и нейдетъ. О, вы милые лукавцы любезные, гонители укромонной жертвы вашего остроумія, какъ умно догадались вы отнять у лѣни мягкую подушку заглавной строки привольной; вы избавились отъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ, которыми на досугѣ загромоздила бы васъ словоохотливость вѣка нашего. Но, ruse contre ruse *). *Повѣсть* у васъ не въ модѣ, ну, такъ мы скажемъ, напримѣръ, нѣчто... Но и нѣчто не пробило ли каблуками ямъ на пути сказателей? Ну, такъ случай, отрывки... и то не ладно, не валяется ли 500 экземпляровъ отрывокъ нѣкіихъ у Плюшара подъ лавкою? Ну, такъ анекдотъ или тому подобное; но и тутъ ускользнешь ли отъ театра анатоміи литературной, сдирающей не только кожу съ писателя, но даже до послѣдней его плевы кишечной растрепляющей? Какъ же быть? Добро, махну чудомъ; назову дитя мое Ковыла. (Ковыла, ахъ какъ смѣшно, Ковыла! Fi, comme cela sonne mal à l'oreille!?) Нужды нѣтъ, будь она Ковыла, а ты думай, да гадай, да разъясни.

Ковыла.

Верстахъ въ 20 отъ Саратова жилъ бѣдный экономическій крестьянинъ. Назовемъ его Пахомомъ. Пахомъ только и имѣлъ тройку лошадей, на которыхъ, извозничая, прокармливалъ промысломъ этимъ жену и дѣтей. Нерѣдко, довозя сѣдока въ ту или другую сторону, удавалось ему выгодно промѣнять или продать лошадей своихъ, и тогда, возвратясь домой на новой тройкѣ, на барыши заводился необходимымъ, что по бѣдности его все было недостаточнымъ; но какъ Пахомъ и жена его были люди добрые, то богатые ихъ сосѣди надѣляли ихъ охотно кто хлѣбомъ, кто крупами, кто по годовымъ праздникамъ пирогами или лепешками. Такъ волокли они жизнь свою; мужъ трудами неусыпными, жена работой и терпѣніемъ.

Однажды Пахомъ по обыкновенію отправился съ сѣдокомъ въ городъ. Праздника близко не было, а съ нимъ и надежды на лепешки

*) Хитрость противъ хитрости.—Фи, какъ это дурно звучитъ уху.

Библиотека "Руниверс"

сосѣдскія; харчи домашніе были пріѣдены, и семейство по возвращеніи хозяина оставалось при одной укрухѣ хлѣба черстваго. Ужъ вечерять на дворѣ начало, а Пахома все еще не было. Жена скучала, на всякій лай собачій выбѣгала за ворота; но какъ вдоль улицы ни взглядывала, никто, то-есть тотъ одинъ, который былъ для нея кто-нибудь, не показывался. Вотъ ужъ и въ деревнѣ все стихло; вотъ ужъ пѣтухи и полночь пропѣли; вотъ ужъ и два часа проголосили, ударяя по бедрамъ крыльями, а Пахома все нѣтъ, какъ нѣтъ. Прислоня пряжу къ стѣнѣ, бѣдная жена пригорюнившись запряла длинную нить, узлами страховъ и возможностей перепутанную. Утреняя заря зарумянивалась, какъ вдоль улицы раздался свистъ знакомый, и Пахомъ на славной тройкѣ влетѣлъ во дворъ. «На, жена, вотъ тебѣ гостинецъ, и хлѣба, и харчей вдоволь». Онъ сбросилъ мѣшокъ съ повозки и побѣжалъ задать корму лошадямъ. Пшеничные пацушники, харчи разные посыпались изъ мѣшка, ослѣпляя жену, не привыкшую къ такой роскоши. Сердце ея раскрывалось уже благодарностью къ Господу; но каково было изумленіе ея, когда, опорожня весь мѣшокъ, нашла она на днѣ въ узелкѣ завязанный серебряный крестъ съ такою же цѣпочкою. Удивленная, почти испуганная такимъ неожиданнымъ счастіемъ, бѣдняжка пала передъ образомъ. «О Боже милостивый, знать Ты оглянулся и на насъ бѣдныхъ», простонала она, обливаясь слезами. Затеплила свѣчку передъ иконою, пересмотрѣла опять цѣпочку богатую и пошла радостно спрятать припасы новые.

Судьба Пахома и семьи его съ этого дня перемѣнилась. Казалось, Господь день за день благословлялъ ихъ всячески. Домъ какъ полная чаша наполнился; мало-по-малу завелись коровушки, работники и работницы. Лохмотья Пахома обратились въ синій кафтанъ, а облинялый красикъ жены уступилъ мѣсто краснымъ ферязямъ. Сосѣдки, приносившія прежде лепешки изъ состраданія, покашивались бы на богачку новую, если бы добрая жена Пахомова не забывала благодѣяній прежнихъ, не откупалась отъ зависти, надѣляя щедро дѣтей ихъ орѣхами и пряниками. Разбогатѣвшій Пахомъ, по старой привычкѣ, долго еще извозничалъ; но люди и въ деревнѣ, какъ въ городѣ: все тоже да тоже прискучиваетъ. Пахому надоѣло извозничество, какъ г. Брамбеусу повѣсти. Что за жизнь, думалъ онъ, изживать жизнь на облучкѣ по зною, морозу или непогодицѣ? Запишусь лучше въ мѣщане въ Саратовѣ и буду торговать тѣмъ, что Богъ пошлетъ въ руку. Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Возы накрутили, распростились съ сосѣдями и двинулись по дорогѣ Саратовской.

Кто (въ Европейской Россіи) не видалъ Финляндскихъ скалъ, угрюмыхъ и мертвыхъ степей Саратовскихъ, тотъ читалъ только одну

Библиотека "Руниверс"

Анакреонтическую часть природы ея, видѣлъ ее улыбающейся дѣтямъ своимъ, изъ богатой братины шипучій медъ имъ подносящую, и даже тогда, какъ, сбрасывая на время отцвѣтшій вѣнокъ свой, надѣваетъ она иглистую діадему льдяную, и тогда, въ рѣзвыхъ снѣжинкахъ другъ за другомъ гоняющихся, въ трепетаніи инея, онъ видѣлъ мать, съ дѣтьми играющую и вездѣ слышалъ шелесть жизни, разными отголосками шепчущей любовь. Но въ унылыхъ степяхъ Саратовскихъ материнское сердце ея застыло, она нахмурилась на домочадцевъ своихъ. Тутъ все мертво, все тоскуетъ о жизни, и вѣтры стенаютъ тутъ, какъ по неволѣ, носясь, не задѣвая крыломъ ничего счастливаго, протяжнымъ гуломъ пролетаютъ прочь. Высокіе сухіе остовы ковыли колыхаются томно длинными рядами, сцѣпляясь между собою, вырывая другъ у друга послѣдній участокъ жизни едва существующей и, составя клубокъ огромный, мчатся по степи, гонясь другъ за другомъ, какъ тѣни враждующія за предѣлы гроба, непримиримыя. Глаза напрасно ищутъ предмета успокоенія. Безжизненныя волны ковылы, мыкаясь, безотрадно расшевеливаютъ утихшія волны сердечныя; сердце млѣетъ поневолѣ; и если бы какимъ-нибудь чудеснымъ переворотомъ земного шара Финляндскія горы очутились посреди степей Саратовскихъ, край этотъ образовалъ бы картину обширнаго кладбища надеждъ и радостей человѣческихъ.

По этой дорогѣ печальной тянулся обозъ Пахома нашего. Впереди шли возы съ поклажею и на концѣ повозка хозяйская. Жена, какъ всѣ жены, болтала, раскладывала по пальцамъ прибытки будущаго и располагала уже ими какъ своею собственностью. Пахомъ молчалъ, сидѣлъ нахмурясь, часто высовывалъ изъ повозки голову, какъ будто ища какого урочища. Казалось, что крѣпкая думушка бушевала мысли его. Между тѣмъ повозки подвигались къ Саратову; вотъ ужъ и около половины пути проѣхали. Пахомъ становился часъ отъ часу смутнѣе; лице блѣднѣло, тяжелые вздохи вырывались изъ груди его. Вдругъ клокъ ковылы пролетѣлъ какъ стрѣла мимо путешественниковъ. Пахомъ вздрогнулъ, перекрестился, озираясь робко на всѣ стороны. Но едва проѣхали они сажень нѣсколько, какъ другой клокъ ковылы шарстнулъ со свистомъ по повозкѣ. Пахомъ затрепеталъ; рука, поднявшаяся перекреститься, судорожно схватилась за руку женину. «Жена, жена, видѣла ты ковылу? Смотри, какъ она замарала всего меня кровью». Наконецъ грянулъ часъ судебъ неминуемый; новый клокъ ковылы задѣлъ руку Пахома, и онъ упалъ ничкомъ въ повозку, крича: «Я убійца, я убійца, достоинъ смерти».

Тотъ день, въ который такъ долго дожидалась жена бѣдная, Пахомъ везъ купца въ Саратовъ. Мысль о семействѣ его, о бѣдности

Библиотека "Руниверс"

безнадежной, о тягости промысла, едва насущный хлѣбъ ему доставляющаго, кружилась въ головѣ его. Между тѣмъ купецъ уснулъ. Несчастный Пахомъ замѣтилъ подъ нимъ мѣшокъ съ деньгами. Мысль однимъ ударомъ избавиться отъ грызеній ежедневныхъ нуждъ рѣшила судьбу Пахомову. Онъ завезъ купца въ самую глушь ковылы, свершилъ тамъ убійство и дождался ночи, чтобы скрыть тѣло.

Доѣхавъ съ семействомъ въ Саратовъ, Пахомъ побѣжалъ объявить суду злодѣяніе свое и вѣроятно получилъ достойное за преступленіе, а я кое-какъ выпуталась изъ моей ковылы.

Но для одного ли Пахома ковыла была говорящее слово судное? Сколько Пахомовъ въ мірѣ со сколькими ковылами встрѣчаются; исторія человѣческая наполнена таковыми чудесными случаями, и вѣщунъ-совѣсть видитъ во всемъ обличителя. Волынскаго голова, мерещившаяся императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ и въ телячей головкѣ, и въ поросенкѣ жареномъ, не таже ли была ковыла, вопіющая объ отомщеніи? Дѣдъ мужа моего, служившій въ то время въ лейбкампаніи, былъ на часахъ во дворцѣ въ ту самую ночь, которая была назначена для казни Волынскаго. Бѣдная императрица, жалѣя вѣрнаго слуги, безвинно погибающаго, но не имѣя силы противостать завладѣвшему ею Бирону, не находила ни сна, ни покою. Экзекуція должна была совершиться въ три часа послѣ полуночи. Она вышла къ сидящимъ дежурящимъ возлѣ почивальни ея, вынесла денегъ, приказала велѣть купить нѣсколько свѣчекъ къ образу, и самодержица, которая однимъ мановеніемъ воли своей могла спасти Волынскаго и обратить въ прахъ врага его, провела всю ночь въ слезахъ, на колѣняхъ передъ образомъ, затепливая одну свѣчку за другою передъ иконами. Съ тѣхъ поръ она не могла уже спать одна въ опочивальнѣ своей, ни видѣть безъ трепета никакой головы животной.

Чудесные примѣры работы совѣсти въ умѣ и сердцѣ человѣческомъ неисчислимы, и я когда нибудь на досугѣ разскажу удивительный случай замѣчательный и врядъ ли кому извѣстный, ибо значительныя лица происшествія сего исчезли уже съ лица земли.

Досугъ.

Мы нанимали бывшій Разумовскій домъ у Аларчина моста. Въ нижнемъ этажѣ жили два друга неразрывные, Козинскій и Дегтяревъ, которыхъ третій другъ сердца и товарищества графъ Валерьянъ Зубовъ посѣщалъ безпрестанно. Съ годъ спустя послѣ происшествія 1801 года, Козинскій занемогъ сильною нервическою горячкою. Дегтяревъ не отлучался отъ него, а Валерьянъ безпрестанно навѣщалъ больного. Однаж-

Библиотека "Руниверс"

ды находитъ онъ его въ страшномъ бреду и безпокойствіи. Козинскій плакалъ, трепеталъ, какъ будто умаливалъ. Наконецъ пароксизмъ утихъ, Козинскій опомнился и узналъ друзей своихъ; но видно было, что что-то такое сильно волновало душу его. На неотступные вопросы друзей онъ долго отнѣкивался; наконецъ, увлеченный неотступностью, сказалъ: «Вы требуете непремѣнно, ну такъ знайте приговоръ вашъ. Я видѣлъ себя на страшномъ судилищѣ Христовомъ. Дѣла наши открыты были передо мною во всемъ ихъ ужасѣ. Ты, Дегтяревъ, назначенъ предстать черезъ шесть мѣсяцевъ къ отвѣту,—готовься! Ты, Валерьянъ черезъ столько же послѣ Дегтярева, а я послѣ обоихъ васъ.

Дегтяревъ и Валерьянъ смѣялись, старались шутками изгладить изъ памяти впечатлѣнія, ихъ всѣхъ потрясшія; но замѣчательно то, что все сбылось по сказанному. Козинскій выздоровѣлъ. Дегтяревъ и Валерьянъ точь въ точь по предсказанію другъ за другомъ отправились и, наконецъ, и Козинскій.

Въ Библіотекѣ для Чтенія, томъ IX, Янв. 1834, читаю статью графа Хвостова, которою опровергаетъ онъ бывшее явленіе при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ. Хотя происшествіе это подлинно никакимъ яснымъ доказательствомъ не подтверждается, но вотъ что разсказывалъ о семъ почтенный очевидецъ феномена сего удивительнаго, служившій тогда самъ въ лейбкампаніи. Я буду его словами разсказывать.

Первую ночь явленія сего я былъ на караулѣ, но товарищи мои увидѣли, что тронная зала вдругъ освѣтилась, и часовые увидѣли императрицу на тронѣ во всемъ царскомъ облаченіи. Ужасъ объялъ ихъ всѣхъ; но пока они недоумѣвали и между собою перешептывались, видѣніе исчезло, и въ залѣ все вдругъ потухло. Часовые отрапортовали по командѣ; дошло и до свѣдѣнія Бирона, и хотя онъ смѣялся надъ мнимымъ привидѣніемъ, но, будучи недовѣрчивъ и всегда въ опасеніи, отдалъ приказъ, чтобы всегда разбужали его при всякомъ подобномъ случаѣ. Видѣніе и во второй разъ такимъ же образомъ возобновилось, но я не былъ караульнымъ и опять отъ другихъ часовыхъ провѣдалъ объ видѣніи. Разбуженный Биронъ прибѣжалъ спѣшно, засталъ его, видѣлъ самъ, и когда оно исчезло, приставилъ особеннаго караульнаго для наблюденія. Вѣроятно, что императрица отъ него самого узнала о семъ происшествіи и въ случаѣ возобновленія онаго приказала Бирону разбудить себя.

Вотъ, наконецъ, и моя череда стоять на часахъ у тронной. Сказать правду, что послѣ разсказовъ объ видѣніи мы всѣ дверей тронной боялись, какъ лѣшаго въ болотѣ; но что дѣлать? Наряженъ, стой

Библиотека "Руниверс"

да крѣпись, хоть морозъ по кожѣ и подиралъ насъ обоихъ. Часовъ до двухъ все было тихо. Вдругъ зала мигомъ освѣтилась, и мы увидѣли императрицу на тронѣ; она ни откуда не входила, но вдругъ на тронѣ явилась. Поджилки затряслись у насъ. Приставленный караулить побѣжалъ, запыхаясь, къ Бирону, и черезъ нѣсколько минутъ императрица съ нимъ вышла изъ внутреннихъ комнатъ своихъ, туфли на босу ногу, въ бѣломъ шушунѣ, въ исподней юбкѣ и колпакѣ на головѣ. Увидя видѣніе, стрѣляйте на нее, закричала она грознымъ голосомъ; но у насъ руки не поднимались на ту, которая сидѣла на тронѣ, и пока мы раздумывали, на которую изъ двухъ выстрѣлить, видѣніе встало съ трона, и все вдругъ исчезло.

Вотъ что разсказывалъ о семъ семьѣ своей покойный *Семенъ Степановичъ Хвостовъ*, почтенный старикъ, дослужившійся до бригадировъ и до такой степени во время свое всѣмъ Гдовскимъ уѣздомъ за правдивость уважаемый, что сосѣди околотка, не доходя до суда въ семейныхъ дѣлежахъ и распряхъ, на его приговоръ правдивый отдавали судьбу свою. Я помѣщу здѣсь случай, который покажетъ и характеръ старца Хвостова, и интересную нравственность вѣка его.

Однажды Гдовская дворянка *Бутенева*, не ладя съ сыномъ, отнимавшимъ у нея пожню, пріѣхала къ старику моему на судъ. Распрося обстоятельно о дѣлѣ, бригадиръ покачалъ головою: «Жаль васъ обоихъ; пришли-ка его ко мнѣ, матушка, я поговорю съ нимъ». Сосѣдка, употчеванная, уѣхала, и на другой день пузанъ маіоръ Бутеневъ, съ двумя рядами галуновъ на брюхѣ, явился униженно передъ Хвостовымъ.

«Ахъ ты щенокъ бѣлогубый (у этого щенка своихъ щенятъ было нѣсколько), какъ осмѣлился ты бунтовать противъ матери? Гдѣ совѣсть твоя, гдѣ страхъ Божій? Какъ не разступилась подъ тобою земля?»

Тутъ пошли наставленія, примѣры изъ Св. Писанія и изъ исторіи, ибо старикъ мой былъ книгочій. Маіоръ, обличаемый совѣстью, стоялъ униженно, слушалъ, отвѣшивалъ поклонъ за поклономъ и, можетъ быть, ихъ уже полсотни отвѣсилъ, какъ наконецъ окончилась проповѣдь.

«Ну слушай теперь; брань бранью, а миръ миромъ. Садись, отобѣдай у меня и, пріѣхавъ домой, повались въ ноги матери—виноватъ, дескать, передъ тобою, родимая. Да чуръ впередъ не гнѣвить старухи, а не то я самъ съ тобою раздѣлаюсь».

Библиотека "Руниверс"

Но всѣ ли проповѣди удачны, и всѣ ли маіоры ими исправляются? Насталъ опять сѣнокосъ, и бѣсъ опять подстрекнулъ маіора послать косцовъ на пòжню материну. Мать опять пріѣхала, опять жаловалась, опять плакала, и на этотъ разъ ей приказано самой привезти виноватаго. Не достойно ли удивленія, что сынъ осмѣлившійся воевать противъ матери за клочекъ земли, которая была ему къ выгону, не нашелъ духа отречься отъ приказанія совсѣмъ посторонняго ему человѣка? Но такова сила совѣсти и добродѣтели, и такова была священная простота вѣка дѣдовскаго. Правда Русская, не одними чернилами писанная, но на сердцахъ Русскихъ тогда запечатлѣнная, говорила и маіору, что онъ виноватъ передъ Богомъ и людьми добрыми.

Маіоръ привезенъ и, потупя глаза, какъ осужденный, стоитъ у притолоки, ожидая пока старикъ дочитаетъ утреннее правило.

«А, это ты, буянишко, ты опять стравилъ мужичковъ своихъ съ крестьянами материными? На то ли она выкормила тебя слезами вдовьими, на то ли наградила тебя крестьянами, чтобы ты училъ ихъ нарушать заповѣди? Я вижу, братъ, что ты неуимчивъ; постой же, я съ тобой раздѣлаюсь. Гей, люди, розгачей».

O tempora, o mores! Два парня принесли длинные пуки розгачей.

«Ну, матушка, раздѣвай сынка». Желто-зеленый мундиръ и камзолъ съ галунами упали на землю.

«Стань, проказникъ, на колѣни передъ матерью; а ты, матушка, положи-ка его голову къ себѣ на колѣни, да причитай ему: чти отца и матерь твою; а вы, ребята, задайте по отечески сыну непокорному».

Безотвѣтный маіоръ смиренно положилъ голову на плаху, и розгачи заплясали по спинѣ его. Какъ натѣшились вдоволь, старикъ сказалъ: «Ну теперь полно, встань, одѣнься, да поклонись въ ножки матери».

Маіоръ исполнилъ все повелѣнное и наконецъ... вотъ гдѣ таетъ сердце мое, вотъ гдѣ хотѣла бы я воскресить всѣ Русскія косточки вѣка того, чтобы прижать ихъ къ сердцу моему: и сынъ, и мать бросились къ ногамъ стариковымъ. «Спасибо, кормилецъ, что замѣнилъ ему отца роднаго». — «Спасибо, батюшка, что поучилъ меня уму-разуму».

Старикъ обнялъ обоихъ, удержалъ погостить у себя радушно, и съ тѣхъ поръ мать коситъ покойно траву свою.

Я вижу, что я начала за здравье, а свела за упокой; но такія чистыя черты нравственности, обличающія духъ прошедшаго времени,

Библиотека "Руниверс"

невольно вспыхиваютъ свѣтлыми облачками на памяти и ищутъ другого сердца Русскаго, котораго бы потѣшить блескомъ своимъ. Не грѣхъ ли было оставить такой живой очеркъ въ забвеніи? Впрочемъ отклоненіе мое отъ начала разсказа моего, если и не въ правилахъ словесности, то послужитъ убѣдить читателя, что такой правдикъ, каковымъ былъ Семенъ Степановичъ Хвостовъ, не могъ быть ни лжецъ, ни баясникъ.

Глупости.

Богатая купчиха Московская поднесла императору Павлу подушку, шитую по канвѣ съ изображеніемъ овцы и къ ней приложила слѣдующіе стихи:

Вѣрноподданныхъ отцу
Подношу сію овцу
Для тѣхъ ради причинъ
Чтобъ далъ онъ мужу чинъ.

Государь отвѣчалъ:

Я вѣрноподданныхъ отецъ,
Но нѣту чина для овецъ.

Одному чиновнику долго не выходило представленіе о повышеніи чиномъ. Въ проѣздъ императора Александра онъ положилъ къ ногамъ его слѣдующую просьбу:

Всемилостивый Императоръ,
Азъ колежскій регистраторъ.
Повели, чтобъ твоя тварь
Былъ колежскій секретарь.

Государь подписалъ: Быть по сему.

Тутъ кончается тетрадь Записокъ А. П. Хвостовой. П. Б.

*

Мы не имѣемъ жизнеописанія этой достопамятной женщины род. въ 1767 г. † 7-го Апрѣля 1852 г. въ Кіевѣ, куда была удалена изъ Петербурга по принадлежности къ масонской ложѣ „Умирающаго Сфинкса“). По отцу своему она была Волошка, по матери (графинѣ Девьеръ, внучатной племянницѣ князя А. Д. Меншикова) Португалька, влюбленная въ Россію, даже болѣе Русская, чѣмъ сами Русскіе, подобно графу Д. Е. Остенсакену или В. И. Далю. Приводимъ отзывъ о ней Вигеля, но ее высоко цѣнилъ и другой современникъ Ю. Н. Бартеневъ, вовсе не схожій съ Вигелемъ. Хвостова напоминаетъ собою знаменитую княгиню Евдокію Ивановну Голицыну. У обѣихъ текла въ жилахъ южная кровь. П. Б.

„Пламень Юга, пройдя черезъ одно или два поколѣнія, кипятилъ еще кровь Хвостовой и блисталъ въ ея взорахъ. Въ первой молодости выдали ее за Димитрія Семеновича Хвостова человѣка глупаго, грубаго и порочнаго. По матери своей былъ онъ въ близкой связи со всѣми графами Чернышевыми и ихъ потомствомъ; а Александра Петровна была племянница Трубецкихъ, и поэтому она родилась, выросла и провела первые годы замужества въ аристократическомъ мірѣ.

Библиотека "Руниверс"

Она приняла всѣ его формы; ей мало того: она умѣла отличиться и отъ знатной толпы и стать выше ея. По-французски писала развѣ только хуже Севинье, голосъ имѣла очаровательный и въ свое время была первою въ столицѣ музыканткой и пѣвицей. Собою была не хороша (смолода круглый носъ ея начиналъ уже синѣть), но дурною быть, какъ кто-то сказалъ про Делиля, никогда не имѣла времени: до того всѣ черты лица ея отъ живости чувствъ были всегда подвижны и выразительны. И придворные, и дипломаты, и писатели, и Русскіе, и иностранцы, всѣ были у ногъ ея; она была молода въ царствованіе Екатерины, когда съ прекрасными манерами дурное поведеніе извинялось въ женщинахъ, и имѣла мужа, котораго не дѣлать рогоносцемъ, право, было бы грѣшно. Однакоже, такъ какъ ей надобно было въ жизни все перелюбить, то годъ—другой послѣ замужества страстно была она привязана къ его молодости и своему долгу.

Мужъ Хвостовой прожилъ сначала ея приданое, потомъ проматывалъ второе или третье наслѣдство. Онъ самъ имѣлъ часто недостатокъ въ деньгахъ, жилъ однакоже съ женою подъ одною кровлей, никогда ея не видѣлъ и готовъ былъ отказать ей въ малѣйшей помощи. Спасли ее отъ совершенной нищеты ея великодушіе и геройство: на улицѣ пала она къ стопамъ грознаго Павла и вымолила помилованіе преступному старцу, отцу невѣрнаго своего мужа. Тронутый симъ поступкомъ свекоръ, умирая, завѣщалъ ей порядочное содержаніе и обязалъ сына выплачивать ей оное. Сіе дѣлалъ онъ не слишкомъ исправно, и въ образѣ жизни ея часто проглядывала бѣдность. Ей было (1806) тогда за сорокъ лѣтъ; гордая нечувствительность показывала видъ добродѣтельнаго негодованія. Посредственность всегда ей завидовала и стала клеветать на нее, и весь свѣтъ противъ нея вооружился.

Покинутая имъ, она не унывала; въ уединеніи ей оставалось еще довольно занятій и утѣшеній. Ея гостиная и кабинетъ, не богато, но щегольски и со вкусомъ убранные, наполнены были художественными предметами, прекрасными рисунками лучшихъ артистовъ, поднесенными ими какъ дань удивленія къ ней, разными рѣдкостями и древностями, путешественниками по Востоку и Европѣ ей на память оставленными. Почти каждый вечеръ въ сихъ комнатахъ собиралось прелюбезное общество, составленное по большей части изъ отборныхъ иностранцевъ, изъ малаго числа молодыхъ женщинъ, строгихъ къ себѣ и снисходительныхъ къ другимъ, изъ немногихъ Русскихъ, довольно образованныхъ, чтобы знать цѣну пріятностей такого дома. Между частыми посѣтителями его всѣхъ примѣчательнѣе были два брата, графы Местры, болѣе Французы чѣмъ Италіянцы. Навѣщалъ также Александру Петровну одинъ знатный баринъ, чудакъ князь Бѣлосельскій, и читалъ ей и обществу ея свои уродливо-смѣшныя произведенія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. На этихъ вечерахъ никто не гонялся за умомъ, никто ни у кого его не требовалъ, почти у каждаго было его про себя вдоволь, и непринужденно являлся онъ самъ собою въ разговорахъ; порывы веселости останавливались на самой границѣ благопристойности. Во всемъ этомъ было нѣчто единственное, безъ примѣровъ у насъ и безъ подражанія; только напоминало собою учено-пріятныя собранія, бывшія до революціи у госпожъ Дюдефанъ и Жоффренъ. Плохое освѣщеніе и скверный ужинъ довершали сходство съ вечерами этихъ Парижскихъ дамъ.

Болѣе всего нравилась мнѣ въ этой милой Хвостовой ея непритворная и въ свѣтской женщинѣ тогда непонятная любовь къ своему отечеству. Кто изъ дамъ не пренебрегалъ тогда Русскимъ языкомъ? Которая изъ нихъ читала на немъ что нибудь? Хвостова, по чувствамъ точно выше своего вѣка,

Библиотека "Руниверс"

рѣшилась сдѣлать первый опытъ и принялась на немъ писать. Я не назову примѣромъ для нея писаннымъ слогомъ семинариста оды тетки ея княжны Екатерины Сергѣевны Урусовой. Въ двухъ цвѣткахъ, въ двухъ незабудкахъ, ею произведенныхъ, *Каминѣ* и *Ручейкѣ*, скорѣе Карамзинъ могъ служить ей образцомъ и одобреніемъ; однакоже и то ложно, что онъ помогалъ ей въ ихъ сочиненіи. Новыя, живыя идеи, небрежность, съ коей онѣ изложены, и самыя ошибки противъ граматики, составляютъ всю ихъ прелесть.

Такого гибкаго ума, какъ въ ней, я ни въ комъ еще не встрѣчалъ. Она ничѣмъ не гнушалась; съ такимъ же участіемъ, съ такимъ же вниманіемъ входила она въ сужденія съ попомъ, съ деревенскою барыней или съ степеннымъ дворяниномъ, какъ и съ первымъ государственнымъ человѣкомъ; съ одними также готова была она толковать о соленіи огурцовъ и грибовъ, какъ съ послѣднимъ о преніяхъ парламента; разговорный языкъ лучшаго свѣта былъ ей также знакомъ, какъ и всѣ наши простонародныя поговорки. Обо всемъ умѣла она судить, правда довольно поверхностно, но всегда умно и пріятно.

И этой женщинѣ не знали у насъ цѣны! За клевету, за гоненія, за обиды она платила иногда веселыми эпиграмами; ей хотѣлось бы все любить, и она сердилась какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семъ привычномъ занятіи, сама же до вражды никогда не умѣла дойти. Сострадательность была главною чертою ея характера; денегъ у нея не было, и несчастнымъ помогала она не однѣми слезами, а неимовѣрною дѣятельностію; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокоивать печальныхъ и съ мастерствомъ своимъ довольно часто являлась къ сестрѣ и ей, которая посѣщала ее только по утрамъ. Я же ходилъ къ ней на вечера, за тѣмъ, чтобы наслушаться тамъ болѣе, чѣмъ наговориться".

Въ 129-мъ номерѣ „Московскихъ Вѣдомостей" 1853 г. помѣщенъ краткій некрологъ А. П. Хвостовой, а въ немъ сказано, что она была вице-предсѣдательницею Кіевскаго общества для помощи бѣднымъ и начальницею училища, учрежденнаго графинею А. В. Левашовой, и что послѣднія слова произнесенныя ею передъ кончиною были: Пора! Пора!

Перечень произведеній А. П. Хвостовой.

1) Отрывки. Камина и ручеекъ. Спб. 1796, 24°. (напечатаны 2400 экз., разошедшихся почти въ теченіе одного года). Одинъ „Каминъ" былъ прежде помѣщенъ въ Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени 1795 г. ч. 6, стр. 68—77 (см. Сѣв. Пчела 1844 № 207. с. 827 и Неустроевъ, с. 764). 2 изд. Спб. 1802, 8°, 3 изд. Спб. 1833. Существуетъ Франц. переводъ „Камина" 1798 г. (см. Моск. Вѣд. 1804 г. № 78 и 79). Объявленіе о послѣднемъ помѣщено въ Moniteur 13 Novembre 1821 и былъ озаглавленъ: Aux mânes de mon père, elégie par M***. Нѣмецкій переводъ: Der Kamin oder die Phantasie einer Russin, ein Russisches Original-Gedicht, übersetzt von M. Malfa. Moskau. 1806. Leipzig. 1805 16°. Посвященіе Dem Fräulein Nadeschda Kussownikow gewidmet. Существуетъ еще Франц. перев.: La cheminée, pièce fugitive, trad. de Tchékalefsky (S.Pbg.) 1798, 12°. Третій переводъ М. 1809, 12°. Макаровъ въ Дамск. Журн. 1830 г. ч. 30, № 15 упоминаетъ еще объ Англійскомъ переводѣ.

2) Совѣты души моей, творенie христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ. Спб. 1816, 12°. Въ изданіи этомъ принимали участіе А. Ѳ Лабзинъ (см. Русск. Арх. 1866 г., с. 830).

Библиотека "Руниверс"

3) Письма къ другу и завѣщаніе отца сыну, въ Сіонскомъ Вѣстникѣ А. Ѳ. Лабзина, по показанію, сообщенному Г. Н. Геннади въ 1857 г. Ю. Н. Бартеневымъ.

4) Письма христіанки, тоскующей по горнемъ своемъ отечествѣ къ двумъ друзьямъ ея, мужу и женѣ. Спб. 1815, 8°, два изданія.

5) О тройственномъ пути, переводъ. М. 1787. По свидѣтельству Ю. Н. Бартенева, это переводъ А. П. Хвостовой, которой тогда было всего 20 лѣтъ.

Вотъ перечень напечатаннаго о ней: а) Макаровъ, въ Дамск. Журн. 1830, ч. 30 № 15, б) ея некрологъ въ Моск. Вѣд. 1853, № 129; в) Biographie des hommes vivants. Paris. 1817 p. 182; г) Biographie nouvelle des contemporains, par Jay, Jouy, Arnaut et Norvins, Paris. 1822, t. 4, p. 412; д) France Littéraire, Quéard'a 1828, t. 2, p. 201 (съ ошибками); е) ея Русскій портретъ, съ лицомъ, обращеннымъ влѣво и подписей: Александра Петровна Хвостова, род. въ 1767 году и подписью: Elle a par ses talents et ses moyens de plaire rectifié chez nous les deux nombres d'Homère. J'en prendrai á témoin le beau berger Paris, Grâces! Vous n'êtes plus trois seules à Cythère, et vous, Muses, vous voilà dix. Par m-r le prince Alex. Bélosselsky (экз. въ Имп. Публ. Библ.) Другой портретъ, гравированный на сталн, въ Парижѣ (Santerre pinx.) съ подписью: A me voir, j'ai les traits d'une beauté divine, les yeux noirs et brillants, un teint vif et charmant; mais j'ai l'esprit formé d'une étoffe si fine, que j'en donne à garder au plus subtile amant. На портретѣ не обозначено, что онъ изображаетъ Хвостову, а также неизвѣстенъ авторъ надписи (ср. у Ровинскаго Слов. Русск. грав. портр. Спб. 1872); ж) Толль Настольн. Слов. 3, 992; з) Отзывъ о ней кн. П. А. Вяземскаго въ Россійск. Родословн. Сборн. кн. П. В. Долгорукова Спб. 1841, ч. 2. с. 15; и) Руссовъ, с. 44; к) Вигель, Восп. М. 1866, ч. II, 231—234., III, 8, 9 62, 155, VII, 6, 7. л) о ея портретахъ: A. Wassiltchikoff, Liste alphabétique de portraits russes Spb. 1875, I, 258—259; м) Геннади, Русск. книжн. рѣдкости, Спб. 1872, с. 103; н) его же: Списокъ Русск. анон. книгъ Спб. 1874, с. 29; о) Кіевская Старина 1882 г., I, с. 166—167. (Изъ Библіографическаго словаря Русскихъ писательницъ, князя Н. Н. Голицына, приложеніе къ „Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1889 года). См. также статью Б. М. Городецкаго въ Мартовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ 1902 года, гдѣ приведены выдержки изъ „Камина“, „Книжныя рѣдкости“ И. М. Остроглазова въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 года, кн. III и въ „Русскомъ Библіографическомъ Словарѣ“ статью В. В. Сиповскаго.

(Сообщено Н. П. Чулковымъ).

Библиотека "Руниверс"

ВОСПОМИНАНІЯ И ОТЗЫВЫ МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

записанные его викаріемъ, преосвященнымъ Леонидомъ *).

Владыка говорилъ, что въ малолѣтствѣ, въ Коломнѣ, послѣ Рождества, въ училищѣ, товарищъ, сидя на столѣ, разсказывалъ, а мы, окруживъ, его слушали. Столъ расшатался; сидѣвшій потерялъ равновѣсіе и ударился о мою ногу. Я упалъ и потерялъ сознаніе, нога была вывихнута. Ее вправили; но я ее застудилъ, она стала пухнуть; призвали врача, тотъ исправилъ; но долго ходить долженъ былъ съ осторожностью: нога подвертывалась.

*

Февраля 19 дня. Крестьяне слушали чтеніе положеній спокойно и когда чтецъ объявилъ, что все кончено, то они, понуривъ головы, разошлись въ мертвомъ молчаніи. Становые въ восторгѣ. Когда крестьяне не видя свободы, спросили станового: кто же теперь надъ ними, тотъ съ торжествомъ отвѣчалъ «мы», и уже по нѣскольку разъ требовались подводы; но повинность отбывалась деньгами. Нѣсколько крестьянъ просили новыхъ усадебъ, желая раздѣлиться; помѣщикъ готовъ былъ удовлетворить ихъ, но пришла *воля*, и онъ отказалъ имъ въ усадьбахъ, не зная, въ правѣ ли онъ дать имъ.—«Что же это, батюшка? сказали они: съ этакимъ распорядкомъ намъ и свѣту не видѣть».

*

Оберъ-прокуроръ разсказывалъ владыкѣ. Министръ просвѣщенія въ отчетѣ своемъ сказалъ, что университетъ не воспитательное заведеніе: за нравственность студентовъ университетъ не отвѣчаетъ; сюда сходятся всѣ желающіе получить высшее образованіе, и по окончаніи курса удостоиваются ученой степени, которой соотвѣтствуютъ ихъ познанія, но съ которою право на чинъ не должно быть соединено. Госу-

---

*) См. „Душеполезное Чтеніе", Ноябрь 1906 г. Кромѣ своего церковнаго значенія, Филаретъ былъ такимъ удивительнымъ явленіемъ Русской жизни, что занимающіеся нашею исторіею XIX вѣка обязаны собирать и изучать все до него касающееся. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

дарю уже много наговорено о направленіи нашихъ университетовъ, и потому гр. Строгановъ, гр. Панинъ, князь Долгоруковъ назначены членами комиссіи для обревизованія этого отчета. Послѣ двукратныхъ строгихъ, потомъ строжайшихъ, вопросовъ отъ комиссіи, министръ подалъ просьбу объ увольненіи, и Государь согласился, но съ тѣмъ, чтобы онъ повременилъ, пока найденъ будетъ преемникъ. Мухановъ заранѣе отказался. Предлагаютъ съ каждаго студента брать по 200 р. с. и подчинить строгой дисциплинѣ Бибиковъ былъ въ Великую Пятницу съ докладомъ и послѣ доклада въ первый разъ услышалъ о своей отставкѣ. Причина не ясна: одни говорятъ, что вслѣдствіе разговора Императора съ Тимашевымъ, другіе вслѣдствіе найденныхъ послѣ Хрущова (бумагъ?), изъ коихъ часть сожжена, часть взята его отцомъ

*

1861 Мая 16. 1) Началомъ неудовольствій Н. П. [1]) на владыку самъ владыка почитаетъ проповѣдь свою на текстъ: *Царь уповаетъ на Господа*, въ которой, упомянувъ о нѣкоторыхъ добрыхъ чертахъ царя, доказывающихъ его упованіе на Бога, онъ сталъ говорить о самонадѣянности. Когда перечитывалъ это слово, то нѣкоторыя мѣста, особенно то, гдѣ говорится о самонадѣянности Навуходоносора, такъ явно наказанной, подумалъ, что могутъ быть сдѣланы нѣкоторыя сближенія; однакоже слово произнесъ безъ сомнѣній. Вскорѣ князь А. Н. Голицынъ вытребовалъ его для Государя, который, прочитавъ, надписалъ карандашомъ: «Ничего сомнительнаго не нахожу». Какъ бы то ни было, это подѣйствовало такъ, что Государь впослѣдствіи говаривалъ: «Зачѣмъ онъ про меня говоритъ?» т.-е. въ словахъ на императорскіе дни. Князь Дм. Вл. Голицынъ говорилъ владыкѣ: «зачѣмъ вы пишете о порокахъ, которымъ онъ подверженъ, именно о самонадѣянности?» [2])

2) Но до того еще времени нерѣдко случалось, что отъ Бенкендорфа присылаемы были разные жандармскіе доносы, какъ, напр., о томъ, что въ Дмитровскомъ уѣздѣ (въ какомъ приходѣ и кто именно, не упомянуто) какая-то женщина жаловалась, что не можетъ часто пріобщаться, потому что священникъ вино жалѣетъ. На эти доносы владыка посылалъ свои оправданія или замѣчанія и прямо говорилъ, что по такимъ неопредѣленнымъ свѣдѣніямъ не можетъ быть произведено никакого изслѣдованія, и злоупотребленіе, если оно есть, остается въ своей силѣ, и справедливое обвиненіе не будетъ отличено отъ клеветы. Государь написалъ карандашомъ на одномъ изъ нихъ: «пора знать, что это сообщается для свѣдѣнія и соображенія».

---

[1]) Т. е. императоръ Николай Павловичъ. П. Б.

[2]) Вспомнимъ Хомяковское: „Ты сказалъ намъ, царь надменный. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3) Князь Д. В. Голицынъ сказалъ однажды Государю, что м. М.[1]) имѣетъ такія соображенія, что его можно съ пользою ввести въ Государственный Совѣтъ. Государь подумалъ, что Голицынъ говоритъ это по наущенію владыки, между тѣмъ какъ о всей этой исторіи владыкѣ и разсказывалъ-то уже гораздо позднѣе князь С. М. Голицынъ, отъ котораго слыхалъ и я[2]) объ этомъ.

4) Самое же непріятное было для Государя: рѣшительное сопротивленіе митрополита тому, чтобы Государь Наслѣдникъ былъ названъ членомъ Св. Сунода. Въ этомъ Государю было, согласно мнѣнію митрополита Московскаго, рѣшительно отказано Сунодомъ. Когда Государь пріѣхалъ торжественно въ Сунодъ и сидѣлъ съ Наслѣдникомъ между членами, то «мнѣ было—говоритъ владыка—не легко выносить ихъ взгляды». Государь говорилъ похвалу митрополиту Серафиму.

Къ этому конечно надобно присоединить и 5-ое: отказъ освящать Тріумфальные ворота.

Еще говорилъ владыка: «Былъ въ Саровѣ послушникъ Иванъ Павловъ; онъ былъ внимателенъ въ духовной жизни и, чтобы познакомиться съ духовною жизнію Сарова, я принималъ его. Но онъ познакомился съ масонами и отъ простоты уклонился къ мудрованіямъ, даже и молитвѣ по особому способу наученъ былъ: ночью садился на кровать и качаясь творилъ молитву. Кутневичъ далъ ему у себя помѣщеніе. Между тѣмъ Павскій налитографировалъ свои записки и далъ мнѣ нѣкоторыя. Чрезъ митрополита Серафима я добылъ остальныя. Я нашелъ между прочимъ его замѣчаніе, что въ первомъ вѣкѣ не было ученія о божествѣ Спасителя и другія. Я написалъ замѣчанія, и Павскій былъ удаленъ; однако Государь послалъ ко мнѣ спросить: кого на его мѣсто? Иванъ Павловъ, узнавъ объ этомъ, возревновалъ о Павскомъ; сидитъ на чердакѣ у Кутневича и пишетъ на меня доносы во многихъ экземплярахъ. Высоко ли пошли они, не знаю; но знаю, что одинъ экземпляръ получилъ ректоръ Академіи Поликарпъ, а мнѣ не сказалъ; сказалъ же мнѣ сенаторъ Озеровъ. Онъ привозитъ свой экземпляръ ко мнѣ: «вотъ что я получилъ».

— И я тоже получилъ.—Ужели вы не вступитесь за себя?—Никогда за себя воевать не стану: пусть какъ хотятъ на сторонѣ.

Въ пасквилѣ этомъ сочинитель, чтобы показаться безпристрастнымъ, приписалъ мнѣ и добрыя свойства, но обвиняетъ меня въ томъ,

---

[1]) Т. е. митрополитъ Московскій. П. Б.

[2]) Т. е. Леонидъ.

Библиотека "Руниверс"

что я не терплю ровныхъ*) и чрезвычайно строгъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ Ив. Павловъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ: «ну вотъ хорошо, что ты за себя не вступился».

*

Владыка сегодня говорилъ оберъ-прокурору о томъ, что онъ писалъ въ Мартѣ мѣсяцѣ къ нему и къ митрополиту Исидору о Сергіи цензорѣ, имѣлъ нужду въ отвѣтѣ и не удостоился получить его. «Въ этомъ случаѣ какъ нельзя презрительнѣе обошлись со мною; но я о себѣ не хлопочу, я уже много перенесъ на своемъ вѣку; но дѣло требовало отвѣта, который могъ бы вразумить меня, какъ мнѣ дѣйствовать». Я говорю, что эти свѣдѣнія полезны для исторіи. «Это все потеряно: этого никто не узнаетъ; но какое дѣло—оправдаютъ ли меня люди, лишь бы Богъ помиловалъ и простилъ грѣхи! Исторія рѣдко повѣствуетъ вѣрно и важнѣйшихъ обтсоятельствъ не примѣчаетъ».

Владыка говорилъ нѣсколько о Катихизисѣ своемъ. Предъ коронаціею онъ былъ остановленъ, а въ это время велѣно его снова разсмотрѣть.

*

Владыка сказалъ: Государь и Императрица такъ меня приняли, что мнѣ надобно теперь умирать.

— Въ чемъ же эта особенность пріема состояла?

— Во всемъ и ни въ чемъ особенно. Государь прикололъ мнѣ медаль, установленную для принимавшихъ участіе въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Послѣ обѣда у Государя я приглашенъ былъ къ Государынѣ, куда вскорѣ пришелъ и Государь.

— Я думаю, сказалъ владыка, что этого не бываетъ ни при одномъ Европейскомъ дворѣ. Во время стола я доказывалъ Императрицѣ подлинность Евангелія отъ Марка, т. е. послѣднихъ 11 стиховъ, тѣмъ, что странно было бы и предположить, что евангелистъ такъ отрывочно окончитъ свое евангеліе словомъ: *боялубося*. Невозможно и представить, чтобы писатель, говорящій о пустомъ гробѣ, ничего не сказалъ о Воскресеніи.

*

Августа 29 дня. Владыка сказалъ, что родитель его получалъ дохода отъ прихода 90 рублей и на эти деньги не только содержалъ семью, но и построилъ домъ. Въ домѣ было комнатъ шесть, кромѣ сеней и кухни. Частію на чистыя деньги, частію, напримѣръ, желѣзо,

*) Т. е. по уму. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

гвозди, въ долгъ, и выплачивалъ по частямъ послѣ праздниковъ. Приходъ его былъ ямской; ямщики засѣвали поля яровымъ, пшеницею и овсомъ. Когда наступитъ время молотьбы, батюшка возметъ у кого нибудь лошадь и поѣдетъ или пошлетъ: каждый что-нибудь броситъ въ телѣгу; кто крупы, кто гороха и т. д. Это была мука сборная, и ея было столько, что въ праздники мы имѣли пироги, не очень бѣлые желтоватые, но вкусные. Рыба покупалась такъ: Ока въ 4-хъ верстахъ; рыбаки наловятъ за ночь и къ утру привезутъ въ городъ; въ постъ Петровскій мало кто ѣлъ рыбу; батюшка купитъ четверикъ рыбы за полтинникъ. Покрупнѣе отберутъ, мелкую высушатъ. Когда я приходилъ изъ Лавры, хотѣлось этой ухи. Когда въ настоящемъ званіи пріѣхалъ, то долженъ былъ спросить, отчего рыба нынѣ хуже. «Отъ того (было отвѣтомъ), что потребность большая въ Москву, и рыбаки держатъ ее въ садкахъ». О чаѣ: до 17 лѣтъ провелъ я въ Коломнѣ, и чай у насъ только для гостей подавали, да иногда въ праздникъ. Черезъ Коломну возили арбузы и оставались у насъ, чтобы осмотрѣться. Тѣ, на которыхъ были хоть малыя пятна, отдѣляли; на пять денегъ мы имѣли [1])...

*

— Вы часто отзывались съ уваженіемъ о лицѣ и дѣйствіяхъ императора Александра I. Какое мѣсто долженъ онъ занять въ исторіи?

— Ему вредило, что онъ былъ хитеръ. Сперанскій пріѣхалъ изъ Сибири, чтобы видѣться съ Государемъ; между тѣмъ Государь уѣхалъ въ Лайбахъ и въ ожиданіи военныхъ дѣйствій вызвалъ туда А. П. Ермолова; военныхъ дѣйствій не открылось, но Государь все же принялъ Ермолова и приглашалъ его по вечерамъ пить чай и для бесѣды. Однажды и говоритъ Ермоловъ Государю, что Сперанскій проситъ позволенія возвратиться въ Сибирь, такъ какъ въ Петербургѣ всѣ его чуждаются, и дѣлать ему нечего. Государь, узнавъ, что Ермоловъ только что познакомился со Сперанскимъ, спросилъ, почему онъ не былъ знакомъ съ нимъ прежде.

— Потому что онъ гордъ.

— Гордъ? Я этого не зналъ, а думалъ, что онъ только хитеръ.

Ермоловъ потомъ говорилъ одному знакомому: попался я между двухъ хитрецовъ. Кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ—исторія разберетъ.

Этотъ его знакомый сказалъ потомъ: исторія скажетъ, что дѣло шло между трехъ хитрецовъ [2]). Александръ былъ добродушенъ, вѣровалъ

[1]) Одно слово не разобрано.

[2]) Полтавскій и Черниговскій генералъ-губернаторъ князь Репнинъ былъ съ докладомъ у Александра Павловича вслѣдъ за Ермоловымъ, который вышелъ изъ Государева кабинета съ заплаканными глазами. У Государя такіе не осохли еще слезы во время

Библиотека "Руниверс"

въ Іисуса Христа и имѣлъ крѣпкую вѣру въ Провидѣніе и Промыслъ Божій. Онъ сказывалъ: послѣ Бауцена (кажется) гдѣ счастье было не за насъ, Австрійцы, по родству ихъ императора съ Наполеономъ, хотѣли отдѣлиться отъ союзниковъ, и что же сдѣлали? Предложили союзникамъ, чтобы главнокомандующимъ былъ Шварценбергъ. Они знали, что Шварценбергъ глупъ, и потому императоръ Александръ отвергнетъ его и тѣмъ дастъ поводъ Австрійцамъ отдѣлиться. Александръ пришелъ къ себѣ, повергся предъ иконою и горячо молился, предавая все дѣло въ руки Божіи. Утромъ рано всталъ, поѣхалъ къ Шварценбергу и говоритъ: Вашъ государь хочетъ, чтобы вы были начальникомъ союзной арміи... Я пріѣхалъ принять отъ васъ приказанія. Шварценбергъ растерялся и обѣщалъ принять на себя имя начальника съ тѣмъ только чтобы Александръ распоряжался. Такъ и было. Шварценбергъ считался начальникомъ, а распоряжался военными дѣйствіями Александръ.

Когда, передъ входомъ во Францію, союзниковъ начали было тѣснить, и они колебались относительно дальнѣйшихъ движеній, то Александръ, вопреки общаго голоса, пошелъ на Парижъ. Въ Парижѣ прежде всего онъ поставилъ иконостасъ въ посольскомъ домѣ и говѣлъ, исповѣдался и пріобщился. По возвращеніи онъ громко исповѣдалъ вѣру свою въ божественную помощь. Наполеонъ, говорилъ онъ, дѣлалъ 10 ошибокъ, мы ни одною не пользовались; мы дѣлали 10 ошибокъ, Наполеонъ ни одною не пользовался. Александръ былъ добродушенъ, мѣръ жестокихъ чуждался и опасался быть несправедливымъ, и люди, видѣвшіе начало слѣдующаго царствованія, говорили: теперь будетъ не то; при Александрѣ мы спокойно спали и вставали. Начало его образованія было философское. Князь Голицынъ и камергеръ Кошелевъ хотѣли обратить его къ христіанству и дали ему небольшую книжку на Французскомъ *Ксифоліусъ*, гдѣ христіанство облечено было въ философскую форму. Ему облеченіе философское понравилось, но далѣе онъ не пошелъ. Когда въ двѣнадцатомъ году ѣхалъ онъ въ Финляндію для свиданія съ Бернадотомъ, Голицынъ далъ ему Новый Завѣтъ на Французскомъ. Сидя въ своихъ крытыхъ дрожкахъ (такъ ѣхалъ онъ, можетъ-быть, по причинѣ худыхъ дорогъ), онъ читалъ Завѣтъ, и особенно остановили на себя его вниманіе посланія апостола Павла. Въ нравственныхъ наставленіяхъ было много мѣстъ, подчеркнутыхъ карандашемъ. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ вѣрующимъ и молящимся. Къ митрополиту Амвросію онъ не оказывалъ вниманія, считая его неспособнымъ, а

Репнинскаго доклада.—Что такое у васъ было? спросилъ кн. Репнинъ Ермолова. Ничего особеннаго, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ: другъ друга надували. (Слышано отъ княжны В. Н. Репниной). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

послѣ войны обращался съ нимъ уважительно. Но свѣтлая эта вѣра его нѣсколько затмилась въ то время, когда онъ вошелъ въ сношенія съ Фотіемъ.

— Былъ ли онъ дѣйствительно дипломатомъ? — Да у него и не было министра иностранныхъ дѣлъ. Его министры были секретари, которымъ онъ диктовалъ, а иногда онъ самъ и писалъ.

*

Ноября 9 дня. На первой страницѣ собственноручной императора Николая Павловича записки генералу Нейдгарту сказано:

«Не хочу никакихъ завоеваній, и мысль объ оныхъ считаю преступною. Хочу упроченія нашего владычества краемъ, гдѣ признаю его крайне шаткимъ и невѣрнымъ. Стóитъ взглянуть на карту, чтобы убѣдиться, что доволь соединяетъ Россію съ Закавказьемъ одинъ узкій перешеекъ, мѣстами не шире двухъ-трехъ саженей, дотолѣ мы не можемъ отвѣчать за спокойствіе и прочность нашего владычества». Изъ сего слѣдуетъ, что необходимо покореніе враждебнаго намъ Кавказа.

*

Владыка говорилъ, что былъ Александръ Ивановичъ Бахметьевъ отставной капитанъ. Когда князь А. Н. Голицынъ учреждалъ общество человѣколюбивое, онъ пригласилъ князя Сергѣя М. Голицына стать президентомъ. Когда тотъ отказывался, то согласились избрать вице-президента, который дѣлалъ бы все, а князь носилъ бы званіе президента. Князь А. Н. уговорилъ Бахметьева. Тотъ взялся съ условіемъ, чтобы не давали ему наградъ. Общество пріобрѣло такой авторитетъ, что ему въ даръ приносили домá и вотчины. Онъ было поссорился съ княземъ С. М., но владыкою былъ примиренъ. Когда пріѣхалъ имп. (императоръ) въ Москву, ему подано было до тридцати тысячъ просьбъ о пособіи. Составили комитетъ, въ немъ членами были Дмитріевъ, Бахметьевъ и съ духовной стороны архимандритъ Герасимъ; по окончаніи всѣмъ даны награды: Дмитріеву лента, архимандриту Симоновскому Владимира 2 степени; а Бахметьевъ сказалъ: если непремѣнно хотите меня наградить, позвольте мнѣ имѣть домовую церковь, а если хотите меня блистательно наградить, дайте мнѣ подвижной антиминсъ, чтобы я могъ имѣть церковь и въ городѣ, и въ деревнѣ. Ему дали. Послѣ него все пошло врознь, и великая ошибка, что не удержали вице-президента, Н. П. Шипова.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО ДОМОЙ ВЪ МОСКВУ ИЗЪ ЧУЖИХЪ КРАЕВЪ [1]).

1830.

11 (23) Февраля. Берлинъ.

Сегодня рожденіе брата [2]). Какъ-то проведете вы этотъ день? Какъ грустно должно быть ему! Этотъ день долженъ быть для всѣхъ насъ святымъ: онъ далъ нашей семьѣ лучшее сокровище. Понимать его возвышаетъ душу. Каждый поступокъ его, каждое слово въ его письмахъ обнаруживаютъ не твердость, не глубокость души, не возвышенность, не любовь, а прямо величіе. И этого человѣка мы называемъ братомъ и сыномъ!

Вчера получилъ я ваши письма, ваши милыя, святыя письма. Чувство, которое они дали мнѣ, я не могу ни назвать, ни описать. На *каждое* слово ваше я отвѣчалъ вамъ слезою, а на большую часть у меня недостаетъ слезъ. Не удивляйтесь этому: съ нѣкотораго времени я выучился плакать. Однако не толкуйте этого дурно; напротивъ, вообще я сталъ покойнѣе, яснѣе, свѣжѣе, чѣмъ въ Москвѣ. Зачѣмъ спрашиваете вы, борюсь ли я самъ съ собою? Вы знаете, что у меня довольно твердости, чтобы не переживать двадцать разъ одного и того же. Нѣтъ, я давно уже перестадъ бороться съ собою. Я покоенъ, твердъ и не шатаюсь изъ стороны въ сторону, иду вѣрнымъ шагомъ по одной дорогѣ, которая ведетъ прямо къ избранной цѣли. Мысли, въ несбытности которыхъ я разъ убѣдился, для меня умерли, безъ воскресенія [3]). Слѣдъ, который онѣ оставили въ душѣ, не ослабляетъ ея,

---

[1]) Сл. XII-ю тетрадь „Русскаго Архива“ 1906 года, а также письма младшаго Кирѣевскаго, Петра Васильевича. Одному было 22, другому 24 года отъ роду. Читатели оцѣнятъ самостоятельное отношеніе ихъ къ свѣтиламъ тогдашней Нѣмецкой науки. Не таковы были представители послѣдующихъ поколѣній, которые безоглядно набирались Западной мудрости и про которыхъ Тютчевъ мѣтко выразился, что въ глазахъ Европы они не слуги просвѣщенья, а его холопы. П. Б.

[2]) Находившагося тогда въ Мюнхенѣ Петра Васильевича, котораго письма оттуда помѣщены въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1905 года. П. Б.

[3]) Они были воскрешены, и Кирѣевскій женился на Н. П. Арбеньевой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

но укрѣпляетъ. Не знаю, поймете ли вы меня; по крайней мѣрѣ вѣрьте, что это такъ. Мои намѣренія, планы, мечты получили какую-то осѣдлость. Я сталъ такъ дѣятеленъ, какъ не былъ никогда. На жизнь и на каждую ея минуту я смотрю какъ на чужую собственность, которая повѣрена мнѣ на честное слово и которую слѣдовательно я *не могу* бросить на вѣтеръ. Иногда мнѣ кажется, что такое состояніе души и его причина есть особенное благодѣяніе моего Ангела-Хранителя, въ котораго я вѣрю. Я не рожденъ былъ къ нему. Но, можетъ быть, оно спасетъ меня отъ ничтожества и сдѣлаетъ достойнымъ братомъ моего брата, возвышеннаго, сильнаго. Если бы можно было пережить снова, то я опять дѣйствовалъ бы также, какъ прежде; но *теперь*, если бы *все* перемѣнилось, я уже не возвратился бы назадъ, а остался бы вѣренъ теперь избранной дорогѣ.

Въ Берлинъ пріѣхалъ я третьяго дня въ вечеру и едва-едва могъ отыскать комнату въ трактирѣ: такъ весь городъ набитъ проѣзжими, которые отправляются на Франкфуртскую ярмарку. Завтра надѣюсь переѣхать на особенную квартиру, которую отыскалъ мнѣ молодой Петерсонъ, сынъ Рижскаго прокурора, получившій въ наслѣдство отъ отца все его добродушіе и обязательность. Онъ покуда единственный человѣкъ, съ которымъ я познакомился въ Берлинѣ. Надѣюсь однако, что не оставлю ни одного примѣчательнаго человѣка, которыхъ здѣсь какъ въ морѣ песку, съ которымъ бы, по крайней мѣрѣ, я не попробовалъ познакомиться. Въ Кенигсбергѣ я провелъ вечеръ у профессора Штруве, филолога и брата Дерптскаго. Я имѣлъ къ нему письмо отъ стараго Петерсона и узналъ въ немъ человѣка отмѣнно любопытнаго, умнаго, ученаго, проницательнаго и теплаго. Черезъ полчаса мы уже были съ нимъ, какъ старые знакомые, и разстались почти какъ друзья. Все, что̀ онъ сказалъ мнѣ интереснаго, я напишу въ письмѣ къ Баратынскому [1]), вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ моего путешествія. Если всѣ Нѣмецкіе ученые такъ доступны, какъ Штруве, то я возвращусь въ Россію не съ одной расходной книжкой. Послѣдняя, впрочемъ, не велика до сихъ поръ и могла бы быть вдвое меньше, если бы я зналъ напередъ, гдѣ и что̀ должно платить. Но опытность моя не должна пропасть понапрасну. Скажите Погодину, что я пришлю ему подробную роспись всѣхъ издержекъ, сдѣланныхъ мною, вмѣстѣ съ совѣтами и примѣчаніями [2]). Но все это, вмѣстѣ съ письмомъ

[1]) Гдѣ письма Ивана Васильевича къ Баратынскому, мы до сихъ поръ не могли доискаться. Судя по письмамъ къ нему Баратынскаго, они должны быть весьма любопытны. См. Татевскій Сборникъ. П. Б.

[2]) М. П. Погодинъ тогда еще не бывалъ въ чужихъ краяхъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

къ Баратынскому и со вторымъ Берлинскимъ письмомъ къ вамъ, я пришлю черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и меньше. А вы, ради Бога, пишите ко мнѣ два раза въ мѣсяцъ, и если можно еще больше, еще подробнѣе. Говорите меньше обо мнѣ и больше объ васъ: это тотъ же я, только лучше, больше интересный для худшаго. Голубушка, милая сестра! Исполни свое обѣщаніе, пиши всякій день и больше. Сегодня я видѣлъ тебя во снѣ такъ живо, такъ грустно, какъ будто въ самомъ дѣлѣ. Мнѣ казалось, что вы опять собираете меня въ дорогу, а Маша сидитъ со мною въ залѣ подлѣ окна и держитъ мою руку, и уставила свои глазки на меня, изъ которыхъ начинаютъ выкатываться слезки. Мнѣ опять стало такъ же жаль ея, какъ въ день отъѣзда, и все утро я сегодня плакалъ, какъ ребенокъ. Умѣлъ однако спрятать слезы, когда пришелъ Юлій Петерсонъ. Вообще не бойтесь моей излишней довѣрчивости. Что̀ для меня свято, тѣмъ помыкаться я не могу, если бы и хотѣлъ; либо полное участіе, либо никакого, было моимъ всегдашнимъ правиломъ, я тѣмъ только дѣлюсь съ другими, что̀ они могутъ *вполнѣ* раздѣлить со мною.

13 Февраля (25 Февраля).

Я былъ два раза на лекціи у Риттера. Онъ читаетъ географію, и покуда я останусь въ Берлинѣ, не пропущу ни одной его лекціи, не смотря на то, что онъ читаетъ въ одинъ часъ съ Hegel'емъ. Одинъ часъ передъ его каѳедрой полезнѣе цѣлаго года одинокаго чтенія. Каждое слово его было для меня новостью, ни одна мысль не пахнетъ общимъ мѣстомъ. Все обыкновенное, проходя черезъ кубикъ его огромныхъ свѣдѣній, принимаетъ характеръ геніальнаго, всеобъемлющаго. Все факты, все частности, но въ такомъ порядкѣ, въ такой связи, что каждая частность кажется общею мыслію[1]). Даже въ отдѣльности почти каждая частность[2]) была для меня новостью. Присоедините къ этому даръ слова отмѣнно пріятный, спокойный и немножко поэтическій, и вы поймете, почему я предпочитаю его Hegel'ю, котораго впрочемъ я еще не слыхалъ.

Кромѣ Риттера, я буду еще слушать Раумера, профессора новѣйшей исторіи, Stuhr'a, также профессора исторіи 18-го столѣтія, и, можетъ быть, нѣкоторыхъ другихъ, о которыхъ отдамъ отчетъ, слышавши ихъ. Каждую лекцію я буду записывать и присылать вамъ экст-

[1]) Какъ жаль, что остался невзданнымъ переводъ Географіи Риттера, огромный трудъ достопочтеннаго Александра Павловича Ефремова. Онъ сохранялся у его племянника-воспитанника, князя Николая Владимировича Шаховскаго (недавно погибшаго). П. Б.

[2]) Таковы очерки распространенія по земному шару верблюда, кофею, янтаря и пр., помѣщенные Н. Г. Флоровымъ, въ нашихъ переводахъ (сдѣланныхъ по приглашенію Т. Н. Грановскаго), въ его Магазинѣ Землевѣдѣнія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ракты всего интереснаго; это будетъ для Петерсона[1]) и для тѣхъ, кому онъ захочетъ показать. Я былъ также на лекціи Риттера, когда онъ читалъ географію Палестины, но только для того, чтобы увидѣть и удивляться его манерѣ. Но такъ какъ эти подробности меня не очень интересуютъ, то я ограничусь одною всеобщею географіею.

Комнату я нанялъ особенную, хорошенькую, чистую, меблированную, съ постелью, полотенцами для умыванья и пр., и плачу въ мѣсяцъ 6 тал., т. е. около 22 р. Не познакомился я еще ни съ кѣмъ, кромѣ здѣшнихъ Русскихъ студентовъ, изъ которыхъ большая часть взята изъ семинарій и воротится въ Россію такими же неумытыми, какими пріѣхали сюда. Завтра отправлюсь къ Радовицу, къ которому Жуковскій далъ мнѣ письмо, оттуда къ барону Мальтицу, оттуда къ посланнику, оттуда къ Гуфланду. Обо всемъ напишу вамъ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, за которое готовьтесь платить рублей 20, потому что это будетъ не письмо, а тетрадь. Письма къ вамъ—мой журналъ. Не смотря на то, или именно потому, не ждите найти въ нихъ многаго обо мнѣ самомъ. Я теперь то, что̀ внѣ меня; то, что̀ я вижу, то, что̀ я слышу—плюсъ нѣсколько мыслей объ Москвѣ, одинакихъ, неизмѣнныхъ, какъ Господи помилуй. Одна только перемѣна можетъ быть и бываетъ въ этихъ мысляхъ: большее или меньшее безпокойство объ васъ. Вотъ почему прошу васъ всѣмъ сердцемъ, пишите ко мнѣ больше и чаще. Уѣзжая, я думалъ, что меня будутъ интересовать подробности объ моей статьѣ[2]); вообразите, что это было самое не-интересное мѣсто въ вашемъ письмѣ, если что нибудь можетъ быть неинтересно въ вашемъ письмѣ. Это письмо, я думаю, вы получите 1-го Марта. Поздравляю всѣхъ васъ и обнимаю крѣпко, крѣпко. Прощайте до черезъ мѣсяцъ. Въ Берлинѣ я останусь до 1-го Апрѣля, т. е. до конца лекцій.

20 Февраля (4 Марта).

Вы, конечно, не позабыли, что обѣщали мнѣ писать черезъ двѣ недѣли послѣ 27 Января; а вотъ уже 4-е Марта, т. е. 20-е Февраля, а отъ васъ еще нѣтъ ни слова. Вы также вѣрно помните, что послѣднее письмо ваше было для меня не совсѣмъ понятно, потому что многое въ немъ было продолженіемъ того, что̀ вы писали ко мнѣ въ Ригу

---

[1]) Т. е. брата А. П. Елагиной, Александра Петровича Петерсона, который передъ тѣмъ жилъ въ Петербургѣ и давалъ уроки внукамъ свѣтлѣйшей княгини Ш. К. Ливенъ († 1828). Позднѣе, другая сестра его, Анна Петровна Зонтагъ (супругъ которой былъ начальникомъ Одесскаго карантина) указала на него графу М. С. Воронцову, и тотъ пригласилъ его быть наставникомъ единственнаго сына своего. А. П. Петерсонъ оставался въ этой должности до 1838 года. П. Б.

[2]) Это Обозрѣніе Русской словесности въ альманахѣ Максимовича „Денница“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

и что̀, слѣдовательно, до меня не дошло. Къ тому же корь, шпанская муха, ваше безпокойство, нездоровье, безсонныя ночи, требовали бы отъ васъ скорѣйшаго извѣстія. Я пишу къ вамъ это для будущаго, потому что надѣюсь отъ васъ получить прежде, чѣмъ вы получите это письмо. Къ брату я писалъ почти тотчасъ по пріѣздѣ и безпрестанно жду отвѣта. Я звалъ его на будущій семестръ въ Берлинъ, надѣясь, что здѣшній университетъ будетъ для него полезнѣе Мюнхенскаго. Но теперь вижу, что ошибся. Историческія лекціи здѣсь не стоятъ ни гроша, не потому чтобы профессора не были люди ученые, и особенно въ своей части, но потому, что они читаютъ отмѣнно дурно. Stuhr читаетъ исторію 18-го вѣка по тетрадкѣ, написанной весьма посредственно и съ большими претензіями на краснорѣчіе, слѣдовательно дурно. Раумеръ, славный ученый Раумеръ, всю лекцію наполняетъ чтеніемъ реляцій и другихъ выписокъ изъ публичныхъ листовъ. Эти реляціи и выписки по большей части на Французскомъ языкѣ; вообразите же, какъ пріятно передаютъ ихъ Нѣмецкія уста. Нѣмецкія остроты ихъ еще пріятнѣе. Особенно острятся Штуръ и Раумеръ. Когда удается имъ сказать что нибудь соленое, т. е. соленое на Нѣмецкій вкусъ, то они такъ обрадуются этой находкѣ, что жуютъ и пережевываютъ свою соль до тѣхъ поръ, пока она совершенно распустится, а между тѣмъ вся аудиторія громко хохочетъ *). Вообще исторія здѣсь не въ большомъ уваженіи, и тогда какъ въ Университетѣ больше 2,000 студентовъ, у профессоровъ исторіи ихъ бываетъ отъ 40 до 50 человѣкъ. У Раумера на предпослѣдней лекціи было 37, вмѣстѣ съ нимъ и со мною. Теологовъ здѣсь больше другихъ и, говорятъ, что этотъ факультетъ здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи. Въ особенности блеститъ Берлинскій университетъ своимъ юридическимъ факультетомъ. Здѣсь Савиньи, Гансъ, Кленцъ и другіе пріобрѣли извѣстность Европейскую еще больше своими лекціями, нежели книгами. Ганса я слушалъ нѣсколько разъ; это ученикъ Гегеля и читаетъ естественное право, народное положительное право и Прусское гражданское. Онъ отмѣнно краснорѣчивъ, уменъ и милъ на каѳедрѣ, не смотря на то, что онъ крещеный Жидъ. Но этотъ Жидъ провелъ

*) Тому же самому были мы свидѣтелями въ 1858 году, въ Іенѣ, на лекціяхъ Дройзена, читавшаго Исторію Европы послѣ Вѣнскаго конгресса; только взрывы хохота и ликованій вызывались злобными выходками профессора противъ императора Александра Павловича и Россіи. Немногимъ извѣсто, что когда Государь возвращался наконецъ въ Россію въ Декабрѣ 1815 года послѣ двухлѣтняго почти пребыванія за границею, король Прусскій подарилъ ему на прощанье стопу писчей бумаги, съ внутреннимъ клеймомъ изъ словъ: *Освободителю Нѣмецкой*. Покойный Н. К. Шильдеръ показывалъ листъ такой бумаги въ одно изъ засѣданій Рус. Историческаго Общества, подъ предсѣдательствомъ Императора Александра III-го. Не сдобровать бы Шильдеру въ царствованіе предыдущее. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

многіе годы во Франціи, въ Парижѣ, и это отзывается въ каждомъ его словѣ: приличностію, блескомъ изложенія и неосновательностію свѣдѣній. Въ его лекціяхъ рѣдко можно услышать новый фактъ (выключая одной, объ Жидовскомъ правѣ, гдѣ онъ сказалъ много любопытнаго); за то безпрестанныя отступленія къ общимъ мыслямъ, отступленія неумѣстныя и которыя были бы утомительны, если бъ онъ не умѣлъ ихъ прикрасить жаромъ и даромъ слова.—Медицинскій факультетъ также, говорятъ, одинъ изъ лучшихъ въ Германіи. Но все это не то, что̀ нужно намъ съ братомъ. Гегель на своихъ лекціяхъ почти ничего не прибавляетъ къ своимъ Handbücher. Говоритъ онъ несносно, кашляетъ почти на каждомъ словѣ, съѣдаетъ половину звуковъ и дрожащимъ, плаксивымъ голосомъ едва договариваетъ другую половину. Есть однако здѣсь одинъ профессоръ, который одинъ можетъ сдѣлать ученье въ Берлинѣ полезнымъ и незамѣнимымъ—это Риттеръ, профессоръ географіи. Каждое слово его дѣльно, каждое соображеніе ново и вмѣстѣ твердо, каждая мысль всемірна. Малѣйшій фактъ умѣетъ онъ связать съ бытіемъ всего земного шара. Присоедините къ этому простоту, ясность, легкость выраженія, краснорѣчіе истины, и вы поймете, отчего я не пропускаю почти ни одной его лекціи.

Вотъ все, что̀ я до сихъ поръ могу сказать объ здѣшнемъ университетѣ. Студенты по большей части не отличаются ничѣмъ отъ другихъ гражданъ ни въ одеждѣ, ни въ манерахъ. Немногіе только носятъ усы, еще меньшее число носитъ длинные волосы и не носитъ галстуковъ, и не больше 20 ходятъ съ бородою, и тѣ не Берлинцы, а выходцы изъ другихъ университетовъ. Дуэли здѣсь почти такъ же рѣдки, какъ въ нашей миролюбивой Москвѣ, и если встрѣтится гдѣ нибудь разрубленная щека, то почти навѣрно можно сказать, что она принадлежитъ лицу не-Берлинскому.

Знакомствъ я до сихъ поръ сдѣлалъ немного. Былъ у посланника [1]), который пригласилъ меня обѣдать, и я провелъ у него почти цѣлый день, вмѣстѣ съ маркизомъ Паулучи, который былъ здѣсь на два дня проѣздомъ въ Парижъ. Ни жена посланника, ни дочь не знаютъ ни одного слова по-русски и спрашивали меня, хорошо ли пишетъ Жуковскій. Изъ его писемъ и записочекъ они отгадывали qu'il doit écrire très joliment [2]). Впрочемъ, онѣ любезны и со мной были очень привѣтливы за письмо Жуковскаго, котораго они очень любятъ. Кромѣ того

[1]) Алопеуса.

[2]) Онъ, должно быть, очень мило пишетъ

Библиотека "Руниверс"

я познакомился съ барономъ Мальтицемъ, совѣтникомъ при посольствѣ, къ которому также имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Онъ только годъ въ Берлинѣ и провелъ 8 лѣтъ въ Соединенныхъ Штатахъ, человѣкъ отмѣнно серьезный, молчаливый, умный и немного ultra [1]). Онъ обѣщалъ мнѣ показать все достопримѣчательное въ Берлинѣ, но до сихъ поръ еще не успѣлъ, потому что мы или не заставали другъ друга дома, или онъ былъ занятъ службою и пр. У Гуфланда я еще не былъ. Но больше всѣхъ понравился мнѣ въ Берлинѣ Радовицъ, также хорошій знакомый Жуковскаго. Твердую, богатую, многостороннюю ученость соединяетъ онъ съ душою горячею, съ мыслями оригинальными и съ добродушіемъ Нѣмецкимъ. Онъ досталъ мнѣ билетъ въ здѣшній Музей, который я осматривалъ съ однимъ молодымъ, но уже извѣстнымъ живописцемъ Rühl, съ которымъ я познакомился у Радовицей. Она или die Frau Majorinn von Radowitz, молодая, хорошенькая, очень умная, очень добрая и очень любезная женщина, особенно пріятна простотою своего обхожденія. Больше всего понравилась она мнѣ тѣмъ, что у нея дочь похожа на Лильку [2]). О Музеѣ буду я писать особенно.

Скажите Погодину, что я ему пришлю для журнала выписку изъ моего журнала, заключающую въ себѣ дорогу отъ Кенигсберга до Берлина, т. е. больше всего описаніе Маріенбурга. Если Дельвигъ въ Москвѣ, то скажите ему, что онъ можетъ получить отъ меня статью объ религіозномъ направленіи ума въ Германіи. Кстати: я слышалъ проповѣди Шлейермахера, славнаго переводчика Платона, одного изъ краснорѣчивѣйшихъ проповѣдниковъ Германіи, одного изъ замѣчательнѣйшихъ теологовъ и философовъ, одного изъ лучшихъ профессоровъ Берлина, и человѣка, имѣющаго весьма сильное вліяніе на высшій классъ здѣшней столицы и на религіозныя мнѣнія всей протестантской Германіи. За то, послѣ Гегеля, можетъ быть, нѣтъ человѣка, на котораго бы больше нападали, чѣмъ на него. Но прежде чѣмъ я оставлю Берлинъ, я постараюсь покороче познакомиться съ его сочиненіями и съ нимъ самимъ, и тогда напишу объ немъ подробно.—Въ театрѣ я былъ нѣсколько разъ, видѣлъ всѣхъ лучшихъ актеровъ и въ хорошихъ піесахъ, но больше не пойду, потому что ни одно представленіе мнѣ не пришлось по вкусу. Тасса Гете я смотрѣлъ даже съ досадой, не смотря на то, что его играли лучшіе актеры и что почти вся публика была въ

---

[1]) Черезъ чуръ.

[2]) Единоутробная сестра И. В. Кирѣевскаго, Елисавета Алексѣевна Елагина (скончалась въ молодости). И. Б.

Библиотека "Руниверс"

восторгѣ. Можетъ быть, я ошибаюсь; но мнѣ казалось, что ни одинъ актеръ не понялъ поэта, и одинокое кабинетное чтеніе этой трагедіи говоритъ въ тысячу разъ больше душѣ, чѣмъ ея представленіе. Видѣлъ новую трагедію Раупаха—Генриха VI, гдѣ, не смотря на неестественность и нехудожественность цѣлаго и частей, красота и сила стиховъ и эффектность нѣкоторыхъ сценъ невольно увлекаютъ и трогаютъ. Видѣлъ также нѣкоторыя новыя Нѣмецкія комедіи, которыя гораздо лучше на сценѣ, чѣмъ воображалъ. Во всѣхъ этихъ представленіяхъ особенное вниманіе обращалъ я на публику, и результатомъ моихъ наблюденій было то, что, не смотря на бо́льшую образованность Нѣмцевъ, они въ массѣ такъ же бездушны и глупы, какъ наши соотечественники, которыми наполняются наши театры. Въ трагедіяхъ всякій крикъ, *особенно неумѣстный*, непремѣнно апплодированъ. Все истинное, простое, естественное не замѣчено, какъ бы не было. Вообще, чѣмъ больше актеры горячатся, тѣмъ больше имъ хлопаютъ; чѣмъ напыщеннѣе стихъ, тѣмъ больше восхищаетъ онъ публику. Это объясняетъ множество лирическихъ трагедій, которыми наводнена Нѣмецкая литература. Какъ это портитъ актеровъ и писателей, тому служатъ доказательствомъ Берлинскій театръ и Раупахъ. Въ комедіи Нѣмцы хохочутъ каждой глупости, апплодируютъ каждой непристойности, и на театральное лицо, которое говоритъ самыя обыкновенныя вещи и дурачится самымъ незамысловатымъ образомъ, Нѣмцы глядятъ съ какимъ-то почтеніемъ, какъ на существо другого міра. Между всѣми восклицаніями, которыми они выражаютъ свой восторгъ, особенно повторяется das ist ein verrückter Kerl *). Все, что̀ выходитъ изъ однообразной колеи ихъ жизни и разговоровъ, кажется имъ признакомъ геніальности. Я вслушивался въ разговоры простого народа на улицахъ и замѣтилъ, что онъ вообще любитъ шутить, но съ удивленіемъ замѣтилъ также, что шутки ихъ почти всегда одни и тѣже. Сегодня онъ повторитъ *съ удовольствіемъ* туже замысловатость, которую отпустилъ вчера, завтра тоже, не придумавъ къ ней ничего новаго, и, не смотря на то, повторитъ опять, покуда какой нибудь verrückter Kerl выучитъ его новому, и это новое онъ пойметъ и приметъ не прежде, какъ слышавши разъ 20 отъ другихъ. Отъ того нѣтъ ничего глупѣе, какъ видѣть смѣющагося Нѣмца, а онъ смѣется безпрестанно. Но гдѣ не глупъ народъ? Гдѣ толпа не толпа?

Наконецъ письмо отъ васъ! Я не умѣю выразить, что̀ мнѣ получить письмо отъ васъ. Не смотря на то, что оно грустно, что почти каждое слово въ немъ тема на цѣлый консертъ тяжелыхъ догадокъ, я чи-

*) Т. е. Это сумасшедшій малый. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

талъ его съ такимъ наслажденіемъ, котораго *давно* не имѣлъ. Вы знаете, какъ не люблю я говорить о томъ, что̀ чувствую, но это считаю необходимымъ сказать вамъ, чтобы вы знали и соображались съ этимъ, писали ко мнѣ, больше, чаще и подробнѣе. Вся моя жизнь, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ Москву, была въ мысляхъ объ Москвѣ, въ разгадываньи того, что̀ у васъ дѣлается: все остальное я видѣлъ сквозь сонъ. Ни одного впечатлѣнія не принялъ я здѣсь свѣжимъ сердцемъ, и каждый порывъ вниманія стоилъ мнѣ усилія. Судите жъ послѣ этого, какъ живительны, какъ необходимы мнѣ ваши письма. Послѣднее опоздало потому, говорите вы, чтобъ отправиться вмѣстѣ съ письмомъ сестры. Эта причина вполнѣ извиняетъ его запоздалость, и письмо сестры заплатило мнѣ съ процентами за нѣсколько дней лишняго ожиданія. Каждое слово ея милаго, безцѣннаго письма ставило меня прямо передъ нею, и въ это время я такъ живо, такъ горячо, такъ свято понималъ ея дѣтскую, неискусственную, ангельскую, чистую, прекрасную душу такъ ощутительно было мнѣ ея душевное присутствіе, что въ эту одну минуту я испыталъ и радость свиданія, и горе разлуки. Не забудьте прислать мнѣ ея портретъ въ миніатюрѣ, чтобы можно было вложить въ письмо. Скажите ей, что я отъ всего сердца благодарю ее за исполненіе моей просьбы, что также отъ всего сердца прошу продолжать писать ко мнѣ *всякій* день, хотя одно слово, еще только «здравствуй» и еще что-нибудь ласковое, чтобы я былъ *увѣренъ* всякій день, что сегодня сестра думаетъ обо мнѣ, пишетъ ко мнѣ и здоровывается со мною ласковымъ словомъ.

Я былъ, наконецъ, у Гуфланда, который былъ со мной отмѣнно милъ, показалъ мнѣ много добродушной привѣтливости и звалъ къ себѣ въ Среду на вечеръ. Alle Tage und jeden Augenblick wird es mir höchst erfreulich seyn Sie zu sehen; aber Mittwochs müssen Sie mir versprechen auf jeden Fall bei mir den Abend zuzubringen; denn da versammeln sich gewöhnlich alle meine Freunde; es wird mir eine grosse Freude machen Sie mit meiner Familie bekannt zu machen [1]).

У Гуфланда я, можетъ быть, познакомлюсь съ нѣкоторыми учеными, которыхъ здѣсь, какъ въ Москвѣ извощиковъ. Извините меня передъ Эйнбротомъ [2]), что я еще недо ставилъ его письма; завтра отнесу самъ. У сестры Астафьевой я былъ, отдалъ письмо и посылку; ея мужъ

[1]) Т. е. всѣ дни и каждую минуту мнѣ чрезвычайно радостно васъ видѣть, но въ Середу вы должны мнѣ обѣщать, что во всякомъ случаѣ проведете у меня вечеръ; ибо тогда собираются обыкновенно всѣ мои друзья; мнѣ будетъ очень радостно познакомить васъ съ моимъ семействомъ.

[2]) Извѣстнымъ Московскимъ врачемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

торгуетъ, кажется, рожью, а по праздникамъ щеголяетъ въ халатѣ. Для чего Рожалину жить съ Петрушей? Для перваго это будетъ жертва, для второго стѣсненіе,—кому жъ польза? Петръ долженъ дѣйствовать и учиться самъ; наставника, который бы безпрестанно надсматривалъ за нимъ, дать ему мудрено и странно. Учиться вмѣстѣ съ Рожалинымъ можетъ быть пріятно (и то, суда по характеру брата, сомнительно), но пріятное и полезное не одно. Я теперь испыталъ, что учиться и вообще дѣйствовать *одному* и легче, и успѣшнѣе. При товарищѣ онъ мѣрило нашихъ успѣховъ; *одинъ* никогда не доволенъ собою, боишься отдыхать и дѣлаешь въ тысячу разъ больше и лучше. Впрочемъ поговорю объ этомъ съ Рожалинымъ и съ братомъ.

Отчего васъ такъ занимаютъ критики на меня? Или онѣ справедливы? Это было бы весьма удивительно отъ Булгарина, и я былъ такъ увѣренъ въ невозможности этого, что Сѣверная Пчела, гдѣ разборъ моей статьи, уже двѣ недѣли здѣсь у одного изъ моихъ знакомыхъ Русскихъ, я до сихъ поръ еще не собрался со временемъ прочесть ее, хотя мы живемъ на одной улицѣ. Пойду завтра, потому что ваше участіе въ ней мнѣ непонятно, послѣ того, какъ вы напередъ знали, что Булгаринъ будетъ отвѣчать и отвѣчать съ желчью. Писать противъ него было бы неприлично и, простите мнѣ эту гордость, мнѣ кажется, это было бы унизительно защищаться отъ *его* нападеній. Если будете имѣть случай что нибудь послать ко мнѣ, то не забудьте прислать Максимовича альманахъ, потому что даже тѣ листочки, гдѣ была моя статья, я оставилъ въ Петербургѣ у Жуковскаго, а мнѣ хотѣлось бы прочесть мою статью брату.

Живу я здѣсь въ одной изъ лучшихъ частей города, между театромъ, нашимъ посланникомъ и университетомъ, подлѣ той улицы, которая называется Unter den Linden, потому что на ней посажены въ четыре ряда липки. Моя улица называется die Mittelstrasse[1]). Комната моя не велика, но свѣтла и покойна, въ ней 4½ шага поперекъ и около 9 шаговъ въ длину, 2 окна, бюро, постель, фортепіано, диванъ, два столика и 3 стула. Плачу въ мѣсяцъ mit Aufwartung[2]) 6 талеровъ. За кофе поутру и чай въ вечеру, за хлѣбъ, сахаръ, молоко и топку выходитъ въ недѣлю около 2½ талеровъ. Обѣдаю я въ трактирѣ, гдѣ плачу 8 грошей, т.-е. около нашего рубля. Вообще въ Берлинѣ двумя тысячами можно жить безъ нужды, а если разомъ устроиться на годъ, то, тративши еще меньше, можно жить еще лучше.

[1]) Въ этой же улицѣ позднѣе жилъ Т. Н. Грановскій, такъ много перепесшій изъ Берлинскаго въ Московскій университетъ. П. Б.

[2]) Т. е. съ прислугой.

Библиотека "Руниверс"

Сегодня ваши именины. Я нарочно не кончилъ письма прежде, чтобъ писать къ намъ сегодня, милое, несравненное наше сокровище. Не знаю, поздравлять ли васъ съ этимъ днемъ? Былъ ли онъ для васъ праздникомъ? Что̀ у васъ? Что̀ болѣзни? Что̀ мой отъѣздъ? Ради Бога, скажите мнѣ правду и хорошую. Полноте грустить обо мнѣ. Если вы всѣ здоровы, если нѣтъ другой причины къ горю, то объ мнѣ не горюйте для *меня*. Неужели мысль, что мнѣ хорошо, не можетъ замѣнить мое присутствіе? А мнѣ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы я могъ думать о васъ безъ тоскливаго, колючаго чувства. Милая мать, вспомните, что вы обѣщали мнѣ, какъ *доказательство вашей любви*, совѣстливо заботиться объ вашемъ душевномъ и тѣлесномъ здоровьѣ; что это было *единственное условіе*, подъ которымъ я обѣщалъ дѣлать тоже. Держите ли вы слово? Лечитесь ли вы? *Стараетесь* ли вы быть *веселыми*? Напишите мнѣ объ этомъ по совѣсти. Еще одна просьба, которая лежитъ у меня на сердцѣ: сдѣлайте, чтобы все въ вашихъ письмахъ я могъ принимать съ равною любовью. Вы поймете, какъ это важно для меня, когда вспомните, какъ драгоцѣнны, какъ священно-близки моему сердцу ваши письма. Впрочемъ объ этомъ я прошу васъ уже въ послѣдній разъ, и то скрѣпившись сердцемъ, потому что такая просьба оскорбляетъ, унижаетъ душу. Простите мнѣ это и не примите за упрекъ, другъ мой милый. Такъ далеко отъ васъ, я долженъ оговариваться.

Отъ папеньки я до сихъ поръ еще не получалъ ни одной строчки. Дай Богъ, чтобы это была только лѣнь: издали все кажется темнѣе. Съ нѣкотораго времени я безпокоюсь объ Андрюшѣ*). 10-е Марта (26-е Февраля) послѣ обѣда (единственный сонъ послѣ обѣда въ Берлинѣ), я видѣлъ дурной сонъ про него. Вспомните, если можно, не было ли въ этотъ день съ нимъ чего нибудь необыкновеннаго. Есть сны, которымъ я вѣрю, и по праву. Что̀ Петерсоновы губы, а всего болѣе, что̀ его мелехлюндія? Началъ ли онъ работать пристально? Если да, то онъ здоровъ, и черезъ полгода, если поставитъ свои способности подъ паруса, можетъ держать экзаменъ на доктора всѣхъ факультетовъ. Скажите ему только, чтобы онъ меньше копался надъ частностями, меньше кланялся мелочамъ, а то мелочи зачванятся и раздуются на весь горизонтъ. Пусть не спѣлость свѣдѣній опредѣлитъ время для его экзамена, а пусть онъ назначитъ прежде себѣ терминъ, и пусть этотъ терминъ опредѣлитъ мѣру спѣлости. Иначе никогда ничего не будетъ, и иначе никогда ничего не бываетъ и не дѣлается. Это, кажется, и онъ самъ знаетъ по опыту; это доказываютъ особенно тѣ люди, кото-

*) Младшій братъ Елагинъ, умершій кажется студентомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

рые больше всего *успѣваютъ*, т. е. полководцы и завоеватели. Кто изъ нихъ ждалъ дать сраженіе, составить новый планъ, о которомъ онъ прежде не думалъ, покуда *онъ* будетъ довольствоваться и истощитъ прежде всѣ возможныя соображенія?... Кто на мѣсто Писарева въ кураторы? Когда будетъ Баратынскій въ Москву; часто ли вы видаетесь съ Энгельгардами? [1]) Скажите Эйнброту, что я былъ у m-me Mendelson, что Albert Heydemann въ Штетинѣ, что Louis отправляется куда-то и остановился только за болѣзнію сестры, m-lle Mendelson [2]), къ которой вчера пришла корь; что Mensel онъ и она здоровы, что всѣ ему кланяются, что объ m-me Yunker я позабылъ спросить, а вмѣсто ея, поклонитесь Эйнброту отъ меня, также Погодину, Максимовичу, Герке, Похвисневымъ и всѣмъ, кто бываетъ у васъ. Что̀ слышно объ Бекстерѣ и Гульяновѣ? Когда Веневитиновъ [3]) уѣхалъ въ Петербургъ? Что̀ отвѣчалъ Кошелевъ? Александра Петровна съ ума сошла, если она сердится на меня: я былъ у нея пять разъ на одной недѣлѣ. Обнимаю васъ всѣхъ, мои милые. Ко мнѣ пишите въ Мюнхенъ къ брату до новаго назначенія.

Здравствуй, братъ Вася [4]). Отчего ты не пишешь ко мнѣ? Если молодецъ, то къ слѣдующей почтѣ приготовь посланіе въ стихахъ, а я за то пришлю тебѣ статью въ журналъ, который, вѣроятно, возобновится послѣ вашей болѣзни. Если же нѣтъ, то возобнови его подъ названіемъ. *Полночная была послѣ кори.* Пожалуйста, милая маменька, не показывайте никому моихъ писемъ, выключая папеньку, сестру и Петерсона. Гдѣ Вяземскій и какъ его адресъ? Еще разъ обнимаю васъ. Буду писать изъ Дрездена.

Пришлите мнѣ адресъ Погодина. Что̀ Екатерина Ивановна? [5]) Что̀ Скарятинъ? [6]) Не можете ли узнать адресъ Веневитинова? Что̀ слышно объ Хомяковѣ? Что̀ интереснаго въ литературѣ? Какъ удалась Максимовичу его рѣчь? Что́ Соболевскій? Не нужно ли имѣть отъ него роспись въ полученіи денегъ, которыя мы ему переслали? Елисаветѣ Ивановнѣ [7]) душевный поклонъ.

---

[1]) Старикъ Левъ Николаевичъ Энгельгардъ жившій въ Чернышевскомъ переулкѣ (нынѣ домъ Станкевича) съ сыномъ своимъ и дѣвицею-дочерью (Софьей Львовной, позднѣе за Н. В. Путятой); другая дочь, Настасья Львовна—супруга поэта Баратынскаго.

[2]) Египтологъ, сынъ князя Мавроюрдато.

[3]) Алексѣй Владимировичъ.

[4]) Василію Алексѣевичу Елагину было тогда 12 лѣтъ отъ роду.

[5]) Лицо намъ неизвѣстное.

[6]) Ѳедоръ Яковлевичъ, позднѣе одинъ изъ учредителей Школы Живописи и Ваянія въ Москвѣ.

[7]) Поповой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

3 (15) Марта.

Сегодня только могъ я отправить къ вамъ письмо, потому что вчера слишкомъ поздно понесъ его на почту. Надѣюсь однако, что оно было не такъ далеко отъ предпослѣдняго, чтобы заставить васъ безпокоиться. *Это* письмо отправится къ вамъ черезъ двѣ недѣли, т.-е. при отъѣздѣ моемъ изъ Берлина. Я началъ его сегодня только потому, что доволенъ своимъ днемъ, т.-е. своею сегодняшнею дѣятельностію, и чувствую, что стою награды—разговора съ вами. Начну его хвастовствомъ, т.-е. отчетомъ въ сегодняшнихъ занятіяхъ. Я всталъ сегодня въ 6 часовъ. Вообще въ Берлинѣ я встаю рано. Два часа провелъ дома за умываньемъ, кофеемъ, одѣваньемъ и Шлейермахеровой догматикой. Въ 8 часовъ я былъ уже въ университетѣ у Шлейермахера же, который отъ 8 до 9 читаетъ жизнь Іисуса Христа. Сегодня была особенно интересная лекція объ Воскресеніи. Но что́ сказать о профессорѣ? Сказать что нибудь надобно, потому что сегодня онъ выказалъ *зерно* своихъ религіозныхъ мнѣній. Говоря объ главномъ моментѣ христіанства, онъ не могъ достигнуть до него иначе, какъ поднявшись на вершину своей вѣры, туда, гдѣ вѣра уже начинаетъ граничить съ философіей. Но тамъ, гдѣ философія сходится съ вѣрою, тамъ весь человѣкъ, по крайней мѣрѣ духовный человѣкъ. Коснувшись этого разбора двухъ міровъ, міра разумнаго *убѣжденія* и душевной *увѣренности*, онъ долженъ былъ разобрать всѣ понятія о ихъ взаимномъ отношеніи, представить вѣру и философію въ ихъ противоположности и общности, слѣдовательно въ ихъ цѣлостномъ, полномъ бытіи. Необходимость такой исповѣди заключалась въ самомъ предметѣ. Иначе онъ дѣйствовать *не могъ*, если бы *и хотѣлъ*; доказательство то, что онъ *хотѣлъ* и *не могъ*. Я заключаю изъ того, что онъ точно хотѣлъ избѣгнуть центральнаго представленія своего ученія; что, вмѣсто того, чтобы обнять разомъ предметъ свой въ одномъ вопросѣ, онъ вертѣлся около него съ кучею неполныхъ, случайныхъ вопросовъ, которые не проникали въ глубь задачи, но только шевелили ее на поверхности, какъ напр. началось ли гніеніе въ тѣлѣ Іисуса или нѣтъ, оставалась ли въ немъ непримѣтная искра жизни, или была совершенная смерть, и проч. Но самая случайность его вопросовъ, самая боязнь обнять *вполнѣ* предметъ свой, по моему мнѣнію, уже вполнѣ показываютъ его образъ мыслей. Такъ ли смотритъ истинный Христіанинъ на Воскресеніе Іисуса? Такъ ли смотритъ философъ нынѣшній на моментъ искупленія человѣческаго рода, на моментъ его высшаго развитія, на минутное, но полное сліяніе неба и земли? Здѣсь совокупность Божественнаго откровенія для перваго, здѣсь средоточіе человѣческаго бытія для второго; для обоихъ задача,

Библиотека "Руниверс"

которая обнимаетъ все зданіе ихъ убѣжденій. Для разрѣшенія этой задачи совершенно безполезно знать, разложилась ли кровь на свои составныя части или нѣтъ, глубока ли была рана копьемъ, и точно ли въ ребра или ниже. Къ какому классу мыслящихъ людей принадлежитъ тотъ, кто съ такими вопросами приступаетъ къ такому предмету? Можно смѣло сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу истинно-вѣрующихъ, потому что для послѣднихъ вопросъ о дѣйствительной или мнимой смерти Іисуса разомъ рѣшенъ тѣмъ, что душа Его, на это время, отдѣлилась отъ *тѣла*; по крайней мѣрѣ, вопросъ ляжетъ передъ нимъ въ этомъ видѣ, если только для него можетъ существовать вопросъ такого рода. Съ такимъ же правомъ, мнѣ кажется, можно сказать, что человѣкъ, который съ этой матеріальной точки смотритъ на смерть Іисуса, не принадлежитъ къ числу мыслителей нашего времени, для которыхъ вопросъ о достовѣрности Воскресенія принимаетъ опять другой видъ, т. е. разлагается на два другихъ вопроса: 1) на вопросъ историческій о достовѣрности Евангелія вообще, и 2) на вопросъ умозрительный объ отношеніи чудеснаго къ естественному или, другими словами, объ отношеніи обыкновеннаго къ необыкновенному, вседневнаго къ вѣковому, ибо чудо въ физическомъ мірѣ также отличается отъ тѣхъ событій, которыя нашими несовершенными науками разложены на извѣстные намъ вседневные *) законы природы, какъ въ нравственномъ мірѣ геній отличается отъ толпы. Къ числу невѣрующихъ нельзя отнести Шлейермахера, потому что, какъ бы ни былъ матеріаленъ образъ его объясненій, но это объясненіе совершенно очищаетъ предметъ отъ противорѣчій, а вѣру отъ сомнѣній. Кромѣ того, лучшимъ доказательствомъ глубоко-христіанскаго, сердечнаго расположенія Шлейермахера можетъ служить его проповѣдь, недавно имъ самимъ говоренная надъ тѣломъ страстно любимаго единственнаго сына его. Тоже подтвердятъ цѣлая жизнь его и энтузіазмъ значительной части его прихожанъ. Къ числу людей неглубокомыслящихъ нельзя отнести его, во первыхъ, за его превосходный, можетъ быть, лучшій переводъ Платона, не выключая самого Cousin; во вторыхъ, за его философическія сочиненія, гдѣ нѣкоторые вопросы проникнуты до дна, рѣшены съ окончательностію мышленія самобытнаго, свободнаго, глубокаго и строго отчетливаго. Какъ же согласить эти противорѣчія? Что̀ онъ такое? Чтобы имѣть право рѣшить этотъ вопросъ, надобно познакомиться съ его мнѣніями короче, нежели сколько я успѣлъ сдѣлать до сихъ поръ. Но *до сихъ поръ* вотъ какъ я понимаю его. Ему также мало можно отказать въ сердечной преданности къ религіи, какъ и въ философическомъ

*) Шлейермахерово выраженіе.

Библиотека "Руниверс"

самодержавіи ума. Но сердечныя убѣжденія образовались въ немъ отдѣльно отъ умственныхъ, и между тѣмъ какъ первыя развились подъ вліяніемъ жизни, классическаго чтенія, изученія св. отцевъ и Евангелія, вторыя росли и костенѣли въ борьбѣ съ господствующимъ матеріализмомъ XVIII вѣка. Вотъ отчего онъ вѣритъ сердцемъ и старается вѣрить умомъ. Его система похожа на языческій храмъ, обращенный въ христіанскую церковь, гдѣ все внѣшнее, каждый камень, каждое украшеніе напоминаетъ объ идолопоклонствѣ, между тѣмъ какъ внутри раздаются пѣсни Іисусу и Богородицѣ. Но если онъ остатокъ прошедшаго, не переплавленный въ составъ новѣйшаго, то все онъ примѣчателенъ, какъ одна изъ прекраснѣйшихъ и значительныхъ развалинъ XVIII вѣка. Къ XIX-му онъ принадлежитъ, во первыхъ, какъ интересный фактъ, во вторыхъ, какъ мыслитель, имѣющій сильное вліяніе на отсталыхъ. Я думаю, что онъ особенно былъ бы полезенъ у насъ, какъ одна изъ ловкихъ ступеней къ высшему, и переводъ его книгъ могъ бы быть важнымъ литературнымъ предпріятіемъ.

Но довольно объ Шлейермахерѣ. Я заговорился объ немъ потому, что вмѣстѣ и писалъ, и думалъ. Прежде обдумать этого было некогда, потому что тотчасъ послѣ его лекціи отправился къ славному Савиньи. Объ внутреннемъ достоинствѣ его преподаванія я не скажу ничего, во первыхъ потому что въ этой части мало смыслю (онъ читаетъ Пандекты), а во вторыхъ потому, что прекрасный обзоръ его системы былъ изъ Revue Encyclop. переведенъ въ Телеграфѣ. Наружная форма преподаванія не можетъ быть приличнѣе, изящнѣе и проще.

Въ 10 часовъ я отправился на почту, которая около 2-хъ верстъ отъ университета. Тамъ нашелъ я письмо отъ брата, милое, теплое и почти все объ васъ, объ Московской половинѣ насъ. Онъ еще не знаетъ, что у всѣхъ дѣтей была корь. Объ себѣ обѣщаетъ онъ писать на дняхъ. Оттуда отправился я въ противоположную часть города, гдѣ чинились мои часы. Оттуда въ театръ, чтобы перемѣнить билетъ. Не смотря на зарокъ, услышавши, что играютъ Гамлета, я рѣшился отправиться туда, чтобы имѣть какое-нибудь понятіе о Шекспировскихъ трагедіяхъ на сценѣ; но, по несчастію, билетъ взялъ не самъ, а поручилъ одному Нѣмцу, знакомому съ дирекціей. Этотъ Нѣмецъ досталъ *билетъ* близкій къ сценѣ, но не театральнаго, а абонированнаго кресла. Сегодня я узналъ, что Гамлета отмѣнили, хотѣлъ перемѣнить билетъ, потому что совсѣмъ не любопытенъ былъ видѣть Клейстову Kätchen; но мнѣ не удалось, потому что билетъ былъ не отъ дирекціи, а купленъ у частнаго человѣка. Оттуда, немного уставши, пошелъ я въ университетъ отдохнуть на лекціи Ганса.

Библиотека "Руниверс"

Объ немъ я, кажется, уже писалъ къ вамъ. Сегодня онъ читалъ Церковное право, совершенно въ Римско-католическомъ духѣ, что̀ было для меня отмѣнно интересно своею новостью, а особенно тѣмъ, что этотъ Римско-католическій духъ былъ подчиненъ духу Гегелевой философіи, и слѣдовательно этотъ католицизмъ былъ не Іезуитскій, а, если можно такъ сказать, католицизмъ новѣйшаго протестантства. Оттуда въ 12 часовъ я пошелъ въ Thiergarten, единственный Берлинскій садъ и который лежитъ подлѣ самаго города. Оттуда въ трактиръ обѣдать, оттуда въ университетъ къ Вилькену, сочинителю Крестовыхъ походовъ, который читаетъ отъ 2-хъ до 4-хъ. Вообразите, какъ я долженъ былъ удивиться, войдя въ аудиторію Вилькена, когда нашелъ ее совершенно пустою! Черезъ нѣсколько минутъ вошли три человѣка, и скоро за ними Вилькенъ. Мы четверо сѣли на лавку, передъ нами профессоръ, и что же? Вмѣсто исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ читаетъ отъ 3-хъ до 4-хъ, я попалъ на лекцію Арабскаго языка, который онъ преподаетъ отъ 2-хъ до 3-хъ. Само собою разумѣется, какую жалкую роль и фигуру я игралъ въ продолженіе этого часа. Вилькенъ смотрѣлъ на меня съ большимъ любопытствомъ и почтеніемъ, принимая, можетъ быть, за какого нибудь славнаго оріенталиста. Какой-то услужливый студентъ, который сидѣлъ подлѣ меня, во всю лекцію держалъ мнѣ передъ носомъ свою Арабскую тетрадь и показывалъ пальцемъ на тѣ мѣста, которыя читалъ профессоръ. Давно я не былъ въ такомъ фальшивомъ положеніи. Но что̀ было дѣлать? Сказать услужливому студенту, что я не знаю по-арабски, нельзя было, не объяснивъ причины моего присутствія; а говорить много нельзя, не прервавши лекціи. Уйти также нельзя: здѣсь ни одинъ студентъ не уходитъ съ лекціи прежде конца, хотя многіе входятъ передъ самымъ концомъ. Оставалось одно: сидѣть и слушать. Но и второй часъ Вилькенова чтенія не вознаградилъ меня за Арабскій языкъ. Я былъ у него въ первый разъ сегодня и больше не буду. Сказать объ его манерѣ ничего нельзя особеннаго, кромѣ: нехорошо. Отъ Вилькена до Гегеля оставался цѣлый часъ, который я провелъ у Stehely, лучшемъ кофейномъ домѣ въ Берлинѣ, гдѣ всѣ Нѣмецкія и множество Французскихъ газетъ.

Въ 5 часовъ я слушалъ Гегеля, который читаетъ исторію философіи и сегодня кончалъ Декарта и началъ Спинозу. Я началъ мириться съ его гнуснымъ образомъ преподаванія; съ нѣкотораго времени я промѣнялъ на него моего Риттера, который читаетъ съ нимъ въ одни часы. Я предпочелъ слушать Гегеля, потому что онъ старъ, скоро умретъ, и тогда уже не будетъ возможности узнать, что̀ онъ думалъ о каждомъ изъ новѣйшихъ философовъ; но трудолюбивый Риттеръ, вѣроятно, из-

Библиотека "Руниверс"

дастъ новую Erdkunde, гдѣ изложитъ вполнѣ свою систему. Въ 6 часовъ попробовалъ я пойти въ театръ, но небрежная игра актеровъ и пустота піесы выгнали меня оттуда послѣ перваго акта, и вотъ я теперь у себя и пишу къ вамъ. Не думайте однако, чтобы всѣ дни мои были такъ дѣятельно наполнены, какъ сегодняшній. Но уже поздно, прощайте!

14 (26) Марта.

За полночь. Сейчасъ отъ Гегеля и спѣшу писать къ вамъ, чтобы подѣлиться съ вами моими сегодняшними впечатлѣніями, хотя не знаю, какъ выразить то, до сихъ поръ неиспытанное, расположеніе духа, которое *насильно* и какъ чародѣйство овладѣло мною при мыслѣ: *я окруженъ первоклассными умами Европы*! Но начну сначала, чтобы вы лучше поняли причину этого страннаго расположенія духа. Вотъ исторія моего знакомства съ Гегелемъ. Я долго не рѣшался, идти къ нему или нѣтъ. Зачѣмъ? думалъ я. Къ чему послужитъ мнѣ холодный пятиминутный визитъ? Уваженіе, участіе и пр. пр. со стороны *неизвѣстнаго* интересны для него быть не могутъ, когда онъ имѣетъ столько поклонниковъ между *извѣстными*. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось его видѣть. Но чтобы визитъ мой не былъ просто церемонною незначительностію, я написалъ къ нему письмо отмѣнно-учтивое и много мнѣ стоившее, потому что я давно уже ничего не писалъ по-нѣмецки. Въ этомъ письмѣ просилъ я позволенія придти къ нему. Онъ въ тотъ же день отвѣчалъ мнѣ очень милымъ и французски-свѣтскимъ манеромъ, назначая часы, когда я могу застать его дома. На другой день я провелъ у него часть утра. Разговоръ былъ интересный, глубокій и, не смотря на то, очень свободный: такъ глубокое для него сдѣлалось естественнымъ и легкимъ. Каждому предмету разговора давалъ онъ невольно оборотъ ко всеобщности, все намекало на цѣлую систему новѣйшаго мышленія, мышленія Гегелевскаго. Можете представить, какъ широко и вмѣстѣ тѣсно я себя чувствовалъ въ это время. Результатъ этого разговора, или лучше сказать, результатомъ этого добродушія было то, что на другой день посланный отъ него разбудилъ меня съ приглашеніемъ отъ Гегеля на вечеръ завтра, или послѣ завтра, или въ Воскресенье, или если вы въ эти дни несвободны, то назначьте, когда вамъ угодно; Herr Professor möchte aber es voraus wissen, denn es werden dazu noch mehrere Andere eingeladen *). Что̀ можетъ быть милѣе этого? Я выбралъ Пятницу,

*) Т. е.: господинъ профессоръ желалъ бы знать о томъ заранѣе, ибо будутъ приглашены къ тому еще многіе другіе. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

потому что это былъ ближайшій свободный день, хотя, впрочемъ, я всѣ возможныя дѣла оставилъ бы охотно для Гегелевскаго вечера. Сейчасъ оттуда, гдѣ, кромѣ хозяина, хозяйки и его родственницы Frau Generalin von... забылъ, были: 1) Гансъ, извѣстный вамъ изъ моихъ писемъ и который столько же любезенъ въ обществѣ, сколько краснорѣчивъ на каѳедрѣ, а это много сказано. 2) Мишелетъ, профессоръ философіи, умный малый и ученый. Этотъ обѣщалъ мнѣ рекомендательное письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ друзей-учениковъ, съ которымъ, говоритъ, мнѣ интересно будетъ познакомиться. 3) Hotte, профессоръ Нѣмецкой литературы (съ этимъ я говорилъ меньше, хотя успѣлъ въ немъ замѣтить многое, что̀ мнѣ понравилось). 4) Раупахъ, котораго нѣкогда я такъ любилъ и съ которымъ теперь у насъ былъ довольно горячій споръ объ Россіи [1]). Гансъ, свидѣтель спора, остался на моей сторонѣ. Дѣло шло о томъ, есть ли у Русскихъ энергія. Вы можете представить себѣ, что послѣ этого Раупахъ мнѣ не понравился. И патріотизмъ въ сторону, учтиво ли, прилично ли утверждать такія мнѣнія въ присутствіи Русскаго? Однако мнѣ удалось сохранить совершенное хладнокровіе, и потому я могъ говорить убѣдительно. 5) Путешествующій Американецъ, который ѣдетъ въ Россію и въ Москву, и котораго имя я позабылъ. Во весь вечеръ разговоръ былъ живой и всеобщій, хотя я по большей части говорилъ съ самимъ Гегелемъ особенно. Гостепріимнѣе, привѣтливѣе и добродушнѣе его быть невозможно. Послѣ ужина мы всѣ отправились пѣшкомъ. Въ жару разговора съ Гансомъ и съ Раупахомъ, я зашелъ въ ихъ сторону, которая далеко отъ меня, и Гансъ былъ такъ добръ, что проводилъ меня до поворота въ мою улицу. Объ чемъ говорили мы? спросите вы. О политикѣ, о философіи, объ религіи, о поэзіи и проч.; и проч.; но подробно описать разговоръ не могу, потому что все были частности теперешняго минутнаго интереса, къ которымъ общее только примыкало издали. Завтра иду къ Гансу, послѣ завтра къ Мишелету, а между тѣмъ всякій день хожу на почту, и все понапрасну. Сегодня былъ тамъ два раза, но почта изъ Россіи не пришла за половодьемъ. Это отчасти утѣшительно.

28-го. Почта пришла, писемъ нѣтъ. И братъ, который въ послѣднемъ письмѣ обѣщалъ писать *на днях* много, до сихъ поръ ни слова. Былъ ли вчера кто нибудь подъ Симоновымъ [2])? Что̀ мои розы и акаціи? Если бъ онъ, т. е. Веневитиновъ, былъ на моемъ мѣстѣ, какъ прекрасно бы отозвалось въ нашемъ отечествѣ испытанное здѣсь!—Я нѣсколько разъ

[1]) Профессоръ Раупахъ былъ удаленъ изъ Россіи пройдошествомъ Магницкаго. П. Б.

[2]) На могилѣ Веневитинова? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

видѣлся съ Гансомъ, съ Мишелетомъ и съ Гегелемъ. Послѣдній особенно былъ для меня поучителенъ своею индивидуальностью. Первый, т. е. Гансъ, можетъ быть представителемъ Нѣмца нашего времени; разговоръ его отмѣнно занимателенъ, дѣленъ, горячъ и даже остеръ. Мишелетъ немного не доварилъ своихъ мнѣній. Онъ ученикъ и приверженецъ Гегеля, но, кажется, понимаетъ хорошо только то, что̀ Гегель сказалъ, а что̀ непосредственно слѣдуетъ изъ его системы, то для Мишелета еще неясно, и онъ какъ будто боится высказать свое мнѣніе прежде своего учителя, не зная навѣрное, сойдется ли съ нимъ или нѣтъ. Большая часть нашихъ разговоровъ или, лучше сказать, нашихъ споровъ кончалась такъ: Ja wohl! Sie können vielleicht Recht haben, aber diese Meinung gehört vielmehr zu dem Schellingischen, als zu dem Hegelischen System *).

Это одно слово, нѣсколько разъ повторенное и еще несправедливо приведенное (потому что мнѣніе, которое я утверждалъ, совершенно согласно съ основными положеніями Гегелевской системы), это одно слово показываетъ человѣка. Не смотря на наши споры, мы познакомились довольно хорошо, и передъ прощаньемъ онъ подарилъ мнѣ свою диссертацію о преступленіи и наказаніяхъ, съ надписью: Nobilissimo viro Jean v. Kireiwsky. Неправда ли, что и здѣсь пахнетъ Германіей? Спасибо, милый другъ Петерсонъ, за *von*. Гегель далъ мнѣ письмо въ Парижъ къ одному изъ своихъ пріятелей и поручилъ кланяться Cousin.

Вы видите уже изъ того, что̀ успѣлъ разсказать вамъ о своей Берлинской жизни, что каждая минута моя здѣсь занята, отчего я не успѣлъ писать ни къ кому въ Россію. Напомните всѣмъ, кого увидите, обо мнѣ, особенно моему милому Баратынскому. Я нехотя виноватъ передъ нимъ: я причиной глупой Булгаринской выходки. Надѣюсь однако, что онъ умѣетъ платить презрѣньемъ за покупную брань и корыстную хвалу. Сейчасъ принесли мнѣ Телеграфъ. Я еще не читалъ и не знаю, успѣю ли прочесть критику на меня, потому что ѣду послѣ завтра въ 6 часовъ утра, а сегодня 18 (30) Марта. Мнѣ смѣшно видѣть, какъ они горячатся. Изъ Дрездена буду писать къ кому успѣю, а къ папенькѣ непремѣнно. Папенька перенесъ свою мнительность изъ міра физическаго въ нравственный и какъ прежде сомнѣвался въ своемъ здоровьѣ, такъ теперь сомнѣвается въ моей любви къ нему. Если бы онъ хотя на минуту могъ переселиться въ мою душу, то вѣрно раскаялся бы въ своемъ несправедливомъ мнѣніи, которое для меня тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ я дальше отъ васъ, чѣмъ меньше способовъ имѣю высказаться вамъ

*) Т. е. Да конечно! Можетъ быть, вы правы; но это мнѣніе принадлежитъ скорѣе къ Шеллингову, нежели къ Гегелеву ученію. П. К.

Библиотека "Руниверс"

вполнѣ, чѣмъ съ другой стороны яснѣе и полнѣе представляются мнѣ и его любовь и все, что̀ онъ сдѣлалъ для меня, и все, что̀ онъ мнѣ и намъ. Если бы онъ подслушалъ хоть разъ, какъ я, всякій день, въ сердечныхъ мысляхъ объ васъ, съ любовію, благодарностію и дружбою благословляю его внутри души, онъ вѣрно бы мысленно прижалъ меня къ груди своей, какъ достойнаго сына. Пришлете ли вы мнѣ портретъ сестры? Я къ ней не пишу особенно, потому что мнѣ бы хотѣлось, чтобы письма мои были ко всѣмъ вамъ вмѣстѣ. Но кромѣ васъ пожалуйста не показывайте ихъ никому, иначе я стану ихъ сочинять. Это письмо вы получите къ Свѣтлому Воскресенью. Ради Бога, сдѣлайте его для себя праздникомъ; я встрѣчу его съ братомъ въ Мюнхенѣ. Намъ будетъ вмѣстѣ не такъ грустно или, лучше сказать, намъ будетъ *лучше-грустно*. Отвѣтъ на это письмо пишите въ Парижъ poste restante, пишите больше и подробнѣе.

Держишь ли слово, милая сестра? Но Богъ знаетъ еще, что̀ у васъ дѣлается. Здоровы ли вы? Это письмо толсто. Но за то я заплатилъ за прошедшее. За ваши письма я не плачу̀ ни копѣйки. Не скупитесь только вы, а больше всего не давайте воли такимъ чувствамъ, которыя мѣшаютъ счастію. Я съ этой стороны предъ собою и передъ вами правъ. Слово счастіе я перевелъ на свой языкъ: дѣятельность и бодрость духа, и въ этомъ смыслѣ оно мнѣ кажется доступнымъ, т. е. въ томъ случаѣ, если съ *вашей стороны* будетъ искреннее содѣйствіе. Для васъ же я бы хотѣлъ оставить счастіе безъ перевода. И отчего бы въ самомъ дѣлѣ не знать вамъ его въ оригиналѣ? Къ Жуковскому еще не писалъ изъ Берлина; если успѣю, то напишу сегодня, а то изъ Дрездена. Къ вамъ же буду писать черезъ 2 недѣли вмѣстѣ съ братомъ. Прощайте, любите меня, т. е. будьте веселы и крѣпки.

Милый папенька! Выпишите, если нѣтъ въ Москвѣ: Encyclopédie der philosoph. Wissenschaften von Hegel. Здѣсь вы найдете столько любопытнаго, сколько не представляетъ вся новѣйшая Нѣмецкая литература, вмѣстѣ взятая. Ее трудно понять, но игра стоитъ свѣчъ.—Сейчасъ прочелъ статью въ Телеграфѣ. Полеваго критика на меня не такъ желчна, какъ я думалъ. Неужели это можетъ васъ сердить?

Апрѣля 5 (17). Мюнхенъ.

Здравствуйте! Черезъ часъ у васъ ударятъ въ колоколъ, и теперь вы уже проснулись и приготовляетесь къ заутренѣ. Какъ живо я вижу всѣхъ васъ, ваши сборы, одѣванье, кофей; даже, кажется, отгадалъ бы разговоры ваши, еслибъ былъ увѣренъ, что у васъ все такъ, какъ было при послѣднемъ письмѣ вашемъ, что вы здоровы и спокойны. Думая объ насъ, вы знаете, что наши мысли теперь съ вами, и если вы

Библиотека "Руниверс"

не сомнѣваетесь въ этомъ, то бьюсь объ закладъ, что Машенька это сказала. Напишите, пробилъ ли я? У насъ здѣсь, не смотря на Греческую церковь, заутрени нѣтъ, но это не мѣшаетъ намъ слышать Русское: Христосъ Воскресе и присутствовать при вашемъ христосованьи. Завтра, однако, мы будемъ у обѣдни *реально*. Послѣ послѣдняго письма моего изъ Берлина, я не успѣлъ отдать вамъ отчета о томъ, что̀ я дѣлалъ и что̀ со мною дѣлалось. Постараюсь вознаградить это теперь, сколько возможно. 31-го Марта по н. с., простившись съ моими Берлинскими знакомыми, я возвратился домой въ 8 часовъ вечера и началъ укладываться, чтобы на другой день отправиться въ 6 часовъ утра. Юлій Петерсонъ, сынъ Рижскаго, съ которымъ мы видались въ Берлинѣ почти каждый день, милый, дѣльный и, что̀ рѣдко, вмѣстѣ gemüthlicher малый, докторъ Нордманъ, объ которомъ я писалъ къ Максимовичу, отмѣнно интересный человѣкъ, и еще нѣсколько другихъ Нѣмцевъ и Русскихъ, пришли меня провожать, помогли уложиться и просидѣли до 2-хъ часовъ, потому что я не хотѣлъ ложиться спать, боясь прогулять время отъѣзда почты, которая буквально не ждетъ 2-хъ минутъ послѣ назначеннаго срока. Когда они ушли, то мы съ Юліемъ велѣли сдѣлать себѣ кофею, и такъ заговорились, что не замѣтили дня и чуть-чуть не пропустили роковой минуты. По счастію, хозяинъ мой напомнилъ намъ часъ, и мы успѣли придти на почту за 5 минутъ до отъѣзда кареты. Если Юлій прежде меня воротится въ Россію и будетъ въ Москвѣ, то постарайтесь, сколько можно, отплатить ему за его обязательность и, можно сказать, дружбу ко мнѣ.

Сутки ѣхалъ я до Дрездена, гдѣ, чрезъ часъ по пріѣздѣ, свидѣлся съ Рожалинымъ. Рожалинъ совершенно тотъ же, выключая длинныхъ волосъ (которые, однако, онъ сегодня остригъ), послѣ двухъ лѣтъ уединенной жизни. Онъ занимается много и дѣльно; привыкъ къ сухому, не потерявъ нисколько внутренней теплоты, выучился по-англійски и по-польски; послѣдній языкъ особенно знаетъ онъ прекрасно; читалъ съ выборомъ, и никогда не терялъ изъ виду главнаго предмета своихъ занятій: филологіи и древностей. Кругъ его знакомства не широкій, но выборъ дѣлаетъ честь его характеру. Вообще, однако, можно сказать, что во все это время онъ былъ почти одинъ. Это, однако, не имѣло невыгоднаго вліянія на его обыкновенное расположеніе духа и дало его образу мыслей и выраженіямъ бо̀льшую оригинальность, безъ односторонности, завидное качество, такъ какъ и вообще его поведеніе въ отношеніи ко внѣшнимъ обстоятельствамъ его цѣлой жизни. Въ первый часъ нашего свиданія мы съ радости усидѣли бутылочку за ваше здоровье и за лучшее на родинѣ. Это развязало немножко наши языки, такъ что мы тутъ же приступили къ переговорамъ о его переѣздѣ

Библиотека "Руниверс"

въ Мюнхенъ, соображаясь съ вашими письмами. Отъѣздъ его изъ Дрездена сейчасъ же былъ рѣшенъ; но онъ колебался еще, ѣхать ли ему со мною или ждать Кайсарову, и остановился на мысли—ѣхать только въ день моего отъѣзда. Собраться было не долго, и вотъ мы въ Мюнхенѣ.

Въ Дрезденѣ пробылъ я три дня, видѣлъ галлерею, слышалъ славный концертъ и лучшихъ пѣвцовъ и музыкантовъ, но театра не видѣлъ по причинѣ поста, и не познакомился ни съ кѣмъ изъ интересныхъ литераторовъ и ученыхъ, живущихъ въ Дрезденѣ. Городъ самый и описывать вамъ не стану, потому что скучно, да къ тому же вы можете разспросить объ немъ у Пушкинныхъ *). Кстати: что̀ онѣ и часто ли вы видитесь съ ними? Музыку описывать нельзя, галлерею описывать много. Скажу только, что Рафаэлевой Мадонны я не понялъ, въ Корреджіевой Магдаленѣ хотя искалъ, но не могъ найти ничего новаго и отличнаго отъ Кондратовской и крѣпко подозрѣваю послѣдняго, что онъ не самъ скопировалъ, а укралъ свою копію, у какого нибудь отличнаго мастера. За то другія картины произвели за меня тѣмъ бо̀льшее впечатлѣніе; но еслибъ я хотѣлъ вамъ разсказать впечатлѣніе этихъ картинъ, то говорилъ бы не объ нихъ, а потому оставляю это до свиданія.

Къ брату пріѣхали мы въ *Суботу*, передъ здѣшнимъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, то-есть въ нашу Лазареву Суботу, и застали его за обѣдомъ, который сейчасъ увеличился двумя порціями и бутылкою вина за свиданье и за васъ. Я писалъ уже вамъ о перемѣнѣ, которая такъ счастливо произошла въ его внѣшней сторонѣ. Впрочемъ, какъ эта перемѣна *ни значительна въ отношеніи къ прежнему, но она только начало* для будущаго. Мнѣ не нужно прибавлять, что это счастливая перемѣна только внѣшняя, и что внутри онъ еще счастливѣе: остался тотъ же глубокій, горячій, несокрушимо одинокій, какимъ былъ и будетъ во всю жизнь. При этой силѣ и теплотѣ души, при этой твердости и простотѣ характера, которыя дѣлаютъ его такъ высокимъ въ глазахъ немногихъ, имѣвшихъ возможность и умѣнье его понять, ему недоставало одного: опытности жизни, и это именно то, что̀ онъ теперь такъ быстро начинаетъ пріобрѣтать. Необходимость сообщаться съ людьми сдѣлала его

*) Т. е. у вдовы *Алексѣя Михаиловича Пушкина, Еленѣ Григорьевнѣ, и ея дочерей.* Когда она въ 1827 году возвращалась въ Москву, Жуковскій снабдилъ ее слѣдующимъ письмомъ: „Довѣренность Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной. Я остался долженъ подательницѣ сего письма, генеральшѣ Пушкиной, большую сумму дружбы, и эта сумма такъ велика, что однихъ процентовъ ея нельзя отплатить во всю жизнь. Поручаю Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной, у которой хранится одинъ изъ самыхъ значительныхъ моихъ капиталовъ, быть за меня плательщицею и отдать госпожѣ генеральшѣ изъ общей нашей суммы чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Жуковскій. Дрезденъ, 14 (26) Апрѣля 1827".

Библиотека "Руниверс"

и сообщительнѣе, и смѣлѣе, уменьшивъ нѣсколько ту недовѣрчивость къ себѣ, которая могла бы сдѣлаться ему неизлѣчимо-вредною, если бы онъ продолжалъ еще свой прежній образъ жизни. Конечно, внѣшняя сторона его никогда не достигнетъ внутренней, даже и потому, что ей слишкомъ далеко было бы гнаться; во все таки это внѣшнее образованіе будетъ одна изъ главнѣйшихъ пользъ его путешествія. Занимается онъ здѣсь много и хорошо, т. е. сообразно съ своею цѣлью. Особенно въ его сужденіяхъ замѣтно то развитіе ума, которое даетъ основательное занятіе философіей, соединенной съ врожденною вѣрностью взгляда и съ нѣкоторыми сердечными предразсудками, на которыя, можетъ быть, сводится все достоинство человѣка, какъ человѣка. Вотъ самое интересное изъ видѣннаго мною въ Мюнхенѣ,—я хотѣлъ сказать изъ всего, что̀ видѣлъ, разставшись съ вами. Мы покуда поселились у Брита; я останусь здѣсь еще около недѣли, а потомъ они наймутъ другую квартиру, гдѣ имъ будетъ просторнѣе и за туже цѣну, вѣроятно, потому что квартиры здѣсь отмѣнно дешевы и хороши, а братъ платитъ за свою дорого, по здѣшнему, хотя она и хороша, т. е. была, покуда лучшая изъ двухъ комнатъ не загромоздилась лишними двумя кроватями.

Два часа. Теперь уже вы въ сборѣ и, можетъ быть, уже у всенощной. Думайте объ насъ весело. Обнимаю васъ крѣпко до завтра. Петръ и Рожалинъ уже спятъ давно. Петръ что-то говоритъ сквозь сонъ, можетъ быть, христосуется съ вами. Попробую, не удастся ли мнѣ повидаться съ вами во снѣ. Покуда прощайте.

18 Апрѣля. Не знаю, что̀ у васъ сегодня дѣлается, и потому не знаю, праздникъ ли для васъ сегодня. Эта мысль мѣшаетъ еще больше, чѣмъ разлука съ вами. Какая скверная вещь—разстояніе! Въ каждую мысль объ васъ она втирается незваннымъ гостемъ, похожимъ на Варвиковаго сосѣда [1]). Сегодняшній день старались мы сколько возможно сдѣлать нашимъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны. Въ 9 часовъ отправились въ Греческую Церковь. Но здѣсь ничто не напоминало намъ даже Русской обѣдни, потому что, кромѣ Греческаго языка, въ здѣшней церкви еще и та особенность, что попъ вмѣстѣ дьячокъ и дьяконъ и попъ. Зрителей, любопытныхъ Нѣмцевъ, собралась непроходимая толпа, а изъ Русскихъ, кромѣ насъ, были только Тютчевы, у которыхъ мы сегодня и обѣдали. Оба брата [2]) и жена Ѳедора Ивановича очень милые люди, и покуда здѣсь, я надѣюсь видѣться съ ними часто. Жаль для моего брата, что они ѣдутъ

[1]) См. балладу Жуковскаго „Варвикъ“. П. Б.

[2]) Ѳедоръ съ первою своею супругою и Николай (холостякъ) Ивановичи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

въ Россію. Они нравятся и ему, что̀ впрочемъ вы могли замѣтить изъ его писемъ.

26. Мы получили ваши милыя письма, которыя опять освѣжили душу. Что̀ бы ни писали вы, даже то, что̀ вы пишете объ моемъ разстраиваньи братниной и Рожалиновой дружбы, все читается съ наслажденіемъ. Каждое слово, каждый оборотъ фразы переноситъ меня передъ васъ. Смотря на васъ, говоря съ вами, я не всегда чувствовалъ ваше присутствіе такъ живо, какъ читая ваши письма. Ради Бога, не велите Машѣ трудиться надъ письмами къ намъ и учиться писать ихъ. Увѣрьте ее, что лучше того какъ она пишетъ, она никогда писать не будетъ, а очень легко можетъ писать хуже, что меньше натуральнаго, меньше мило, меньше помашински. Чѣмъ больше будетъ она работать надъ письмомъ, тѣмъ больше рискуетъ сдѣлать его непохожимъ на другія, слѣдовательно поэтому уже оно будетъ не такъ драгоцѣнно для насъ. Пусть пишетъ, что̀ придетъ въ голову и такъ, какъ придетъ. Мнѣ кажется, что для того, чтобы ей умѣть оцѣнить свои письма, она должна принять за правило то, что чѣмъ хуже написаннымъ письмо ей кажется самой, тѣмъ оно лучше въ самомъ дѣлѣ. Неужели все душевное, простое, милое, должно дѣлать безъ сочиненія? Послѣ этого въ чемъ же состоитъ мудрость? Теперь только чувствую, какъ глубоко чувствовалъ Рафаэль, когда, вмѣсто всякаго выраженія, своей Мадоннѣ далъ только одно выраженіе—робкой невинности. Но чтобы мнѣ не заговориться, я начну отвѣчать на ваше письмо по порядку. Сначала объ Рожалинѣ.

Если я не совсѣмъ понялъ васъ изъ прежняго письма вашего объ немъ, то въ этомъ виноваты немножко вы сами. Вы не писали ко мнѣ, что ему *хочется* ѣхать въ Мюнхенъ, но что онъ соглашается ѣхать туда за то, чтобы послѣ вы доставили его въ Россію. По крайней мѣрѣ я такъ понялъ васъ. Если же житье Рожалина въ Мюнхенѣ *жертва*, думалъ я, то это жертва безполезная; потому что брату онъ другой пользы не принесетъ, кромѣ удовольствія быть вмѣстѣ. Для этого не сто̀итъ ему жертвовать другими планами, если у него есть выгоднѣйшіе. (Я тогда не зналъ еще, что отъѣздъ Кирѣева оставлялъ его на 1-й тысячѣ рублей, и кромѣ того думалъ о Волконской). Но если Рожалинъ считаетъ поѣздку въ Мюнхенъ жертвою, то онъ долженъ видѣть въ ея результатахъ что нибудь больше простого удовольствія. Что же? Быть учителемъ брата, и пр. и пр. Вотъ мысли, которыя заставили меня написать къ вамъ то, что̀ я написалъ. Конечно я виноватъ, что не понялъ васъ; но и вы не правы, что положились слишкомъ на мою понятливость, а еще больше, что предположили, что я буду дѣйствовать противъ вашей воли. Я ни минуту не поколебался,

Библиотека "Руниверс"

когда узналъ ее, а еще больше, когда, увидѣвшись съ Рожалинымъ, я узналъ его обстоятельства. Напротивъ, только моя твердая рѣшительность могла преодолѣть его колебаніе. Но говорить объ дѣлѣ сдѣланномъ не значитъ ли терять время? На вопросы ваши о Петрушѣ я отвѣчалъ въ послѣднемъ письмѣ. Объ унынiи его не могу ничего сказать, потому что теперь вмѣстѣ намъ унывать некогда. Вообще я надѣюсь, что онъ слишкомъ занятъ для этого. А если бываетъ иногда грустно, думая на Востокъ—тѣмъ лучше! Это дастъ значительность жизни и дѣятельности. Я очень хорошо испыталъ это въ послѣднее время. Вообразите, что свиданіе съ братомъ и Рожалинымъ отняло у меня безпокойство одиночества, отняло вмѣстѣ почти всю ту дѣятельность, которой я самъ радовался въ Берлинѣ. Я опять сплю послѣ обѣда, опять не чувствую каждой минуты, опять ничего не сдѣлалъ. До сихъ поръ не былъ ни у Шеллинга, ни у кого изъ примѣчательныхъ людей и кромѣ театра, сада, концерта и ежедневной картинной галлереи—не видалъ ничего и никого. За то, картинная галлерея совсѣмъ овладѣла мною. Иногда мнѣ кажется, что я рожденъ быть живописцемъ, если только наслаждаться искусствомъ значитъ имѣть къ нему способность; чаще однако мнѣ кажется, что я никогда не буду имѣть никакого толка въ живописи и даже неспособенъ понимать ее, потому что именно тѣ картины, которыя всегда больше дѣлаютъ на меня впечатлѣніе, всего меньше занимаютъ меня сами собою. Я до сихъ поръ еще не могу пріучить себя, смотря на картину, видѣть въ ней только то, что въ ней есть. Обыкновенно начинаю я съ самаго изображенія, и чѣмъ больше вглядываюсь въ него, тѣмъ больше удаляюсь отъ картины къ тому идеалу, который хотѣлъ изобразить художникъ. Здѣсь поле широкое, и прежде чѣмъ я успѣю опомниться, воображеніе закуситъ удила и, какъ чортъ св. Антонія, унесетъ такъ быстро, что прежде чѣмъ успѣешь поднять шапку, она лежитъ уже за тысячу верстъ Только тогда, когда матеріальное присутствіе картины напомнитъ о себѣ, узнаёшь, что былъ далеко, почти всегда тамъ, гдѣ всходитъ солнце. Мнѣ самому смѣшно сознаваться въ этой способности наслаждаться въ картинѣ тѣмъ, чего въ ней нѣтъ, и я очень хорошо чувствую всю странность этого качества, которое, чтобы быть совершенно *conséquent* *), должно больше всего радоваться золотою рамкою около пустого мѣста. Еще страннѣе мнѣ видѣть это качество именно въ себѣ, у котораго оно не замѣняется даже творчествомъ воображенія, потому что *воображенія* собственно у меня нѣтъ, а его мѣсто заступаетъ просто память. Вообразите, что мнѣ иногда случается долго смотрѣть на одну карти-

*) Т. е. послѣдовательнымъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ну, думая объ другой, которая виситъ черезъ стѣну, и подойдя къ этой, опять вспомянуть про ту. Это не врожденное, и я очень хорошо знаю —откуда. Помните!

28 Апрѣля (10) Мая.

Вотъ я уже цѣлый мѣсяцъ тутъ, и останусь, можетъ быть, весь семестръ; слѣдовательно пишите ко мнѣ не въ Парижъ, а въ Мюнхенъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно бы было уѣхать отсюда, не слыхавши Шеллинга. Опъ начинаетъ завтра. Я между тѣмъ слушаю уже Окена натуральную исторію и его же физіологію, и Шорна исторію новѣйшаго искусства. У Шеллинга и Окена я былъ, познакомился съ ними и надѣюсь быть не одинъ разъ. Но подробности всего въ слѣдующемъ письмѣ. Кромѣ ихъ и Тютчевыхъ я здѣсь еще не видалъ никого. День мой довольно занятъ, потому что, кромѣ Суботы и Воскресенья, я четыре часа въ сутки провожу на университетскихъ лавкахъ; въ остальное время записываю лекціи и читаю. Теперь особенно занимаетъ меня натуральная исторія, и это занятіе есть главная польза, которую я жду отъ Мюнхена. Шеллинговы лекціи, если мнѣ удастся ихъ записать, пришлю къ Погодину, если вы беретесь взять съ него честное слово, чтобы онъ не напечаталъ изъ нихъ ни одной буквы; потому что если Шеллингъ узнаетъ, что его слова тискаются, то готовъ сдѣлаться заклятымъ врагомъ. Этому были уже примѣры. Прощайте! Письмо къ Баратынскому пошлите въ деревню, если онъ еще не въ Москвѣ. Пишите къ намъ чаще и больше и подробнѣе, а пуще всего будьте здоровы. Вѣрно еще письмо пришлемъ черезъ двѣ недѣли. Мы разочли, что, такъ какъ мы вмѣстѣ, можемъ писать вдвое чаще. Напишите мнѣ все, что знаете обо всѣхъ, кто помнитъ меня и кто забылъ. Перестали ли грызть мою статью? А вы перестали ли сердиться? Мнѣ жаль, что вы рѣдко видаетесь съ Максимовичемъ. Эйнброту кланяюсь. Каролинѣ и всѣмъ нашимъ само-собой разумѣется. Къ Петерсону буду писать на слѣдующей почтѣ.

*

Мюнхенъ, 21 Мая 1830.

Вы писали ко мнѣ въ Парижъ. Рожалинъ бы сказалъ: напишите другое такое же письмо въ Мюнхенъ. Я хотя этого не скажу, потому что надѣюсь получить ваши письма изъ Парижа черезъ Тургенева, къ которому буду писать завтра же; однако все досадно такъ долго ждать, и если бы не зналъ я кое-что объ васъ изъ писемъ къ брату и Рожалину, то это одно заставило бы меня спѣшить за моими письмами во Францію. Можетъ быть, тамъ еще Машкинъ портретъ. Можетъ быть, все это пропадетъ. Какъ вы не догадались, что я останусь съ братомъ?

Библиотека "Руниверс"

Надѣюсь, однако, что вы уже давно получили послѣднее толстое письмо наше, и я скоро буду имѣть на него отвѣтъ. Но кстати къ отвѣту: знаете ли, что до сихъ поръ я не имѣлъ отъ васъ почти ни одного отвѣта, хотя почти во всякомъ письмѣ вы говорите, что нечего писать и отъ того немного? Что сдѣлали вы со всѣми вопросами, которые я къ вамъ посылалъ, о всѣхъ о васъ, о многихъ подробностяхъ, до васъ и не до васъ касающихся, объ Рамихѣ, объ Машиномъ чтеніи и волосахъ, о всѣхъ знакомыхъ, о литературѣ и пр. и пр.? Пересмотрите мои письма, если вамъ нетрудно; а не то я перепишу все снова, и вы заплатите лишнее porto за десять листовъ. Что тогда скажетъ папенька? Отчего вы не пишите, долго ли онъ пробудетъ въ деревнѣ? У меня есть къ нему просьба *очень важная;* она состоитъ въ томъ, чтобы онъ выбралъ изъ дворовыхъ пять мальчиковъ отъ 10 до 12 лѣтъ, умныхъ и больше всего не вялыхъ, и отдалъ бы ихъ учиться читать, писать, считать и пр. Три изъ нихъ пусть учатся по Ланкастеровой методѣ, если она идетъ успѣшно въ Москвѣ, два пусть учатся просто въ училищахъ, но въ хорошихъ, гдѣ бы они могли скоро и хорошо выучиться писать бѣгло, чисто и *правильно.* Если нѣтъ человѣка, которому бы можно было диктовать спустя рукава, нѣтъ человѣка, который бы въ тоже время переписывалъ набѣло, то всѣ намѣренія наши на журналъ и типографію, были! (Это обыкновенная фраза Петра, взятая, кажется, съ Гишпанскаго). Мнѣ бы хотѣлось, чтобы эти мальчики были выбраны изъ Долбина, потому что всякое просвѣщеніе должно начинаться и расходиться изъ резиденціи, чтобы быть *хорошимъ* во всѣхъ смыслахъ. Изъ источника легче управлять теченіемъ рѣки. Остальные три мальчика, выученные по Ланкастеровой методѣ, будутъ началами исполненія другого плана, который вы знаете. Эти планы и намѣренія—моя безпрестанная пища здѣсь; я ихъ и жую, и пережевываю всякій разъ, когда не занятъ непосредственно минутою, что бываетъ очень часто и почти большую часть дня.

21-го Мая (2-го Іюня).

Дѣятельность моя Берлинская нашла здѣсь на мель. Вмѣсто того, чтобы заниматься близкимъ, я пускаю мысли въ далекое, и отъ того $^1/_3$ дня провожу на постелѣ. Однако это не помѣшало мнѣ прочесть много интереснаго. Пишу я мало, за то слушаю лекціи аккуратно и нѣкоторыя записываю. Шеллинговы лекціи легли довольно стройно, и потому я ихъ пришлю не къ Погодину, а къ папенькѣ; а то первый, боюсь, напечатаетъ. Вы за то прочтете ему то изъ нихъ, что вамъ понравится, потому что эти лекціи писаны такъ, что, кажется, и вы прочтете ихъ не безъ удовольствія. Система Шеллинга такъ созрѣла

Библиотека "Руниверс"

въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ печатать, что она, какъ готовый плодъ, совсѣмъ отдѣлилась отъ той вѣтви, на которой начинала образоваться, и свалилась кругленькимъ яблочкомъ между исторіей и религіей. Вѣроятно, однако, это яблочко будетъ началомъ новой Троянской войны между философами и нефилософами Германіи. Курносый Шеллингъ будетъ играть роль Париса, а въ пламенные Ахиллы, я не знаю, кто бы родился изъ Нѣмцевъ, если нашъ Лихонинъ не возьметъ на себя этой роли. Въ боги также можно навербовать изъ сотрудниковъ Телеграфа, Максимовича въ Марсы и пр. Только кто будетъ Венерою? Не согласится ли Е. И. Черкасова? Увѣрьте въ этомъ перваго слѣпого и велите ему быть Гомеромъ, съ условіемъ однако, чтобы онъ смотрѣлъ на Венеру сквозь пальцы. Рожалинъ, которому я это прочелъ, говоритъ, что она Елена, изреченіе достойное ученика Тирша. Соболевскаго здѣсь еще нѣтъ, не смотря на то, что онъ обѣщалъ быть къ намъ въ половинѣ Мая. Тютчевы уѣхали 28 въ Россію. Если вы увидите ихъ отца, то поблагодарите его хорошенько за сына: нельзя быть милѣе того, какъ онъ былъ съ Петрухою, который, не смотря на предупрежденіе, съ которымъ (помните?) поѣхалъ изъ Москвы, здѣсь былъ разомъ совершенно обезоруженъ Тютчевскимъ обхожденіемъ. Желалъ бы я, чтобы Тютчевъ совсѣмъ остался въ Россіи. Онъ могъ бы быть полезенъ даже только присутствіемъ своимъ, потому что у насъ такихъ людей Европейскихъ можно счесть по пальцамъ. Кромѣ Тютчевыхъ, я здѣсь незнакомъ ни съ кѣмъ. У Шеллинга и у Окена былъ раза по два и только. Братъ съ ними знакомъ больше и умѣетъ мастерски обходиться. На дняхъ пришла намъ охота учиться по-итальянски; мы уже условились съ учителемъ и достали нѣсколько Итальянскихъ книгъ. Что вы скажете объ этомъ?

30 Маія (11 Іюня).

Паденька также разъ началъ учиться по-итальянски, маменька по-итальянски знаетъ, Машу мы выучимъ въ 2 мѣсяца, и вотъ у насъ языкъ a parte, языкъ Петрарки и Данте! Не знать такого легкаго языка такъ же стыдно, какъ стыдно бы было не перейти черезъ улицу, если бы на Мясницкой показывали Альфьери и Петрарку. Авось и паденькѣ придетъ охота продолжать Итальянскій языкъ. Въ Тиролѣ мы не были, потому что погода была скверная. За то были въ Шлейсгеймѣ, который часъ ѣзды отъ Мюнхена. Мы провели тамъ 7 часовъ, которыхъ едва достало, чтобы вскользь осмотрѣть 42 залы, гдѣ больше 2000 картинъ, и почти все изъ древнихъ Нѣмецкихъ школъ. Особеннаго впечатлѣнія не произвела на меня ни одна, потому что ихъ было слишкомъ много; къ тому же я пріѣхалъ туда уже избалованный здѣш-

Библиотека "Руниверс"

нею центральною галлереею, куда перенесены лучшія картины изъ Шлейсгейма. Не стыдно ли вамъ безпокоиться объ моей поѣздкѣ будущей въ Парижъ? Я не только отважусь ѣхать туда черезъ 2 мѣсяца, но еще имѣю дерзость везти съ собою брата. Какъ бы желалъ, чтобы вы хотя для того увидѣлись съ Тютчевымъ, чтобы получить отъ него вѣрныя свѣдѣнія обо всемъ, что васъ такъ напрасно безпокоитъ. Какой-такой ученый журналистъ увѣрилъ васъ, что всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Франціи? Это что-то пахнетъ Булгаринымъ.

3 (15) Іюня.

Наконецъ, третьяго дня удостоились мы приложиться къ явленному образу Соболевскаго, худого, стройнаго, тонкаго, живого, прямосидящаго, тихоговорящаго и пр. Онъ пробудетъ здѣсь около недѣли и отправится въ Италію.—Вотъ вамъ просьба очень важная, которую исполнить попросите Петерсона съ помощію Яниша К. И.*) и всѣхъ тѣхъ, кого найдете къ этому способными. Дѣло въ томъ, чтобы узнать *навѣрное* и *аккуратно*, есть ли въ нашихъ старинныхъ церквахъ своды или украшенія, или двери, или окна, выгнутые *подковою*, т. е. полукругъ съ продолжительными дугами называется подковою. Если есть, то гдѣ? Какъ? Когда? и пр. Объ этомъ просить меня справиться профессоръ Шорнъ, потому что этимъ однимъ фактомъ онъ можетъ опровергнуть цѣлую новую систему архитектурнаго вліянія Арабовъ. Если бы можно было прислать хотя только геометрическими линіями снятое изображеніе Успенскаго собора, то это было бы всего лучше.—Въ такого рода занятіяхъ проходятъ всѣ наши часы здѣсь; поэтому разсказывать остается почти нечего. Тѣмъ больше нетерпѣніе получать ваши письма. Соболевскій писалъ уже въ Парижъ, чтобы ваши оттуда прислали ко мнѣ сюда. Александръ Тургеневъ уже уѣхалъ изъ Парижа. Досадно, что я не увижусь съ нимъ, тѣмъ больше, что кромѣ его, у меня не было ни къ кому писемъ въ Парижъ. Соболевскій даетъ нѣсколько писемъ къ какимъ-то мадамамъ, своимъ друзьямъ-пріятельницамъ, къ которымъ я могу ѣздить въ халатѣ, хотя онѣ самыя почтенныя особы Французскаго двора. Чувствуете ли вы, какъ ловко мнѣ будетъ?

*

29 Іюня.

Каковъ я умница! Какъ я славно обманулъ васъ! Обѣщалъ писать черезъ 2 недѣли, а вотъ уже прошло съ тѣхъ поръ четыре. Впрочемъ безпокоиться вы не могли, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, т. е.

*) Отецъ Каролины Карловны Павловой. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

насъ трехъ, плюсъ Соболевскаго, который пріѣхалъ на два дня и зажился здѣсь цѣлый мѣсяцъ. Долго ли онъ здѣсь останется, еще не извѣстно, хотя онъ собирается каждый день. Думаю однако, что онъ уѣдетъ не сегодня, потому что сегодня Петрушины именины. Мы начали день Итальянскимъ урокомъ, а кончить думаемъ въ театрѣ, гдѣ дается la Muette di Portici. Середину дня еще не знаемъ, хотя за обѣдомъ Рожалинъ уже предчувствуетъ пробочный выстрѣлъ. Итальянскій языкъ нашъ не идетъ впередъ, а бѣжитъ. Скоро мы надѣемся приняться за Данта и теперь уже это сдѣлали бы, если бы нашъ кавальеръ Мафей былъ не такъ глупъ. Братъ въ концѣ семестра, можетъ быть, поѣдетъ мѣсяца на три въ Италію, между тѣмъ какъ я отправлюсь прямо въ Парижъ. Рожалинъ остается еще здѣсь послѣ насъ, чтобы слушать Тирша, на которомъ онъ сходитъ съ ума и который ему альфа и омега для Греческихъ и Римскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, если гдѣ нибудь онъ можетъ образоваться для своей цѣли, такъ это здѣсь, гдѣ онъ къ этому имѣетъ всѣ способы. Впрочемъ я боюсь за него въ уединеніи. Уже Дрезденская жизнь много перемѣнила его характеръ, такъ какъ вообще характеръ всякаго перемѣняется въ безлюдіи, среди людей, которые близки только по мѣсту. Впрочемъ я надѣюсь, что когда воротится въ Россію, то скоро оботретъ съ себя эту корку, посреди тѣхъ, съ которыми можно жить спустя рукава и разстегнувши грудь, не боясь, что пріятели въ нее воткнутъ не кинжалъ (это бы слава Богу), а иголку, которую замѣтишь только по боли. Не знаю кто, а вѣрно были у Рожалина добрые пріятели, которые такъ его ласкали иголочками, потому что мы еще до сихъ поръ не можемъ навести его на прежнюю колеину, хотя и стараемся каждый своимъ манеромъ, я—философствованіями, а Петруха—своимъ простымъ, дружескимъ, откровенно-деликатнымъ обхожденіемъ. Вотъ un grand homme pour son valet de chambre. Такая одинаковость съ такою теплотою сердца и съ такою правдою въ каждомъ поступкѣ, врядъ ли вообразимы въ другомъ человѣкѣ... Когда поймешь это все хорошенько, да вспомнишь, что между тысячами милліоновъ, именно его мнѣ досталось звать братомъ, какая-то судорога сожметъ и расширитъ сердце.

3 (15) Іюля. Сегодня Соболевскій отъиде. Онъ прожилъ съ нами больше мѣсяца и отправился теперь въ Миланъ и оттуда въ Туринъ, гдѣ останется мѣсяца два. Съ его отъѣздомъ точно будто уѣхало сорокъ человѣкъ. У насъ опять тихо, порядочно и трезво; что же касается до нашихъ главныхъ занятій, т. е. лекцій и проч., то имъ не мѣшалъ и Соболевскій, который бурлилъ только въ антрактахъ, но за то такъ, что бѣдный Рожалинъ всякій день принужденъ былъ откупаться отъ его крика слезами и виномъ, хотя и это не всегда помогало. Вообще, если бы

Библиотека "Руниверс"

надо было однимъ словомъ назвать нашу Мюнхенскую жизнь, нужно было бы сочинить новое слово между скукою и пустотою. Мы здѣсь плывемъ на кораблѣ вокругъ свѣта, не входя въ гавани, по морю безъ бурь, и отъ нечего дѣлать читаемъ Шеллинга, Окена и проч. Поблагодарите Языкова за его милую приписку въ прошедшемъ вашемъ письмѣ и за Раупаха особенно *). Я не пишу ни къ кому теперь, боясь задержкою письма дать вамъ лишній день безпокойства, хотя вамъ, зная насъ всѣхъ вмѣстѣ, безпокоиться нельзя по настоящему; но всегда ли у васъ бываетъ по настоящему? Извините меня передъ Погодинымъ, если онъ сердится на мое молчаніе; скажите, что отъ лекцій и отдыховъ у меня нѣтъ свободной минуты, и что въ слѣдующій разъ я непремѣнно буду писать къ нему. Шеллинговы лекціи врядъ ли и придутъ къ вамъ, потому что гора родила мышь. Въ суммѣ оказалось, что противъ прошлогодней его системы новаго немного. Не знаю, что̀ еще будетъ; къ тому же пересылка была бы слишкомъ дорога, а переписка слишкомъ скучна. Баратынскаго обнимаю отъ всей души. Если я къ кому нибудь буду писать кромѣ васъ, то вѣрно прежде всѣхъ къ нему. Но до сихъ поръ, судите сами: когда въ Москвѣ я не находилъ времени писать нужныя письма, бывши незанятъ цѣлый день, то здѣсь, гдѣ мнѣ на письма и на отдыхъ остается одинъ усталый вечеръ—найдти свободную минуту право родъ геройства. Особенно Баратынскому столько хочется сказать, что рука не поднимается начать. Не смотря на то, я уже изорвалъ одно письмо къ нему, потому что когда перечелъ его, то увидѣлъ, что все написанное въ немъ разумѣлось само собою и слѣдовательно не стоило вѣсовыхъ. Я получилъ отмѣнно милое письмо отъ Шевырева, почти все объ моей статьѣ, которую онъ читалъ, и похвалы, которыхъ она далеко не сто́итъ. Это одно заплатило мнѣ, съ Жидовскими процентами, за всѣ брани Булгариныхъ. Надѣюсь, что теперь уже замолчали и почувствовали

Que je n'ai point mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité.

Пожалуйста, напишите больше и чаще обо всѣхъ и даже неинтересное.

---

*) Намекъ на эпиграмму Языкова про Раупаха:

Чѣмъ весь сія славна, вы знаете ль, друзья?
Здѣсь сердце Русское невольно полно страхомъ.
Здѣсь Софьей казнены Хованскіе князья,
Убитые потомъ въ Германьи Раупахомъ.

Это изъ Языковскаго стихотворенія о пѣшеходномъ путешествіи въ Троицкую-лавру. Весь—это село Воздвиженское. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Въ Іюлѣ.

Послѣ долгаго ожиданія получить письмо, въ которомъ отъ маменьки нѣсколько строчекъ приписки! Маменькѣ некогда писать къ намъ! Впрочемъ мы потеряли право жаловаться послѣ того безпокойства, которое доставило вамъ долгое наше молчаніе. Хотя мы не такъ виноваты, какъ вы думаете. Условіе было писать черезъ мѣсяцъ, а Рожалинъ отправилъ свое письмо не сказавши намъ. Если бы кто нибудь изъ насъ сдѣлалъ съ нимъ тоже, то это было бы непростительно; но съ бѣднаго Рожалина взыскивать нельзя, что онъ не понимаетъ того, что нельзя расчесть умомъ, когда чувство не наведетъ на этотъ расчетъ. Впрочемъ это чувство *безпокойства понапрасну* мы въ семьѣ нашей утончили до нельзя. Но хотя понапрасну, оно справедливо: это необходимый налогъ, который судьба кладетъ на великое счастіе, и если бы счастіе дружбы освободилось отъ него, то нравственный міръ пришелъ бы въ неравновѣсіе. Вы однако, кромѣ налога необходимаго, дѣлаете еще добровольныя пожертвованія, и я не понимаю, зачѣмъ такое великодушіе. Уже потому, что мы оба молчимъ, должны мы быть оба здоровы и живы, и еще къ тому заняты. Но вы, написать два слова между строкъ, при вашей легкости писать, зная какъ намъ дорого каждое лишнее слово вашего письма! Даже длина папенькинаго письма, который будто сжалился надъ нами и хотѣлъ вознаградить насъ необыкновеннымъ усиліемъ за вашу короткую приписку. Вотъ письмо ваше отъ 24-го, которое залежалось на почтѣ Богъ знаетъ отчего и которое своимъ милымъ содержаніемъ и полновѣстностію говоритъ мнѣ: дуракъ, безпокоится понапрасну! Если бы я только могъ найти какого нибудь неподкупнаго протоколиста, который бы подъ каждою строкою вашею подписывалъ: съ подлиннымъ вѣрно! Если правда, что вы здоровы и веселы, зачѣмъ же безпокоятъ васъ сны? По настоящему они должны безпокоить не васъ, а насъ, какъ доказательство вашего несовсѣмъ здоровья. Но такъ и быть, я готовъ уступить вамъ это, только съ тѣмъ, чтобы, кромѣ сновъ, цѣлую жизнь вашу не безпокоило васъ ничто на свѣтѣ.

Со мной 2 Марта, не было, сколько помню, ничего необыкновеннаго, и до сихъ поръ мы всѣ безпрестанно здоровы совершенно. За именины мои благодарю отъ всего сердца. Если вамъ было весело, то это въ самомъ дѣлѣ былъ мой праздникъ. Что ваши глазки! Отчего вы ничего не скажете объ нихъ? И зачѣмъ и къ чему хвалиться здоровьемъ? Даже и потому вы не можете быть довольно здоровы, что здоровье ваше нужно для всѣхъ насъ, слѣдовательно вамъ надобно его вдесятеро больше, чѣмъ каждому изъ насъ. Планы наши на Парижъ пошатнулись,

Библиотека "Руниверс"

хотя, кажется, тамъ опять все спокойно. Можетъ быть, мы поѣдемъ въ Италію. Шевыревъ зоветъ въ Римъ. Я бы хотѣлъ, чтобы вы видѣли его милыя письма! Сколько въ нихъ дружбы и сколько жара завидной молодости. Да! для меня молодость уже качество чужое и завидное, и на всякое кипѣнье восторга я смотрю съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ безногій инвалидъ глядитъ на удалыя движенья своихъ товарищей. Движенія Шевырева въ самомъ дѣлѣ удалыя. Чѣмъ больше онъ работаетъ, тѣмъ больше становится сильнѣе, и вмѣсто усталости все больше и больше набирается энтузіазма и духа. Онъ въ жизни какъ рыба въ водѣ, и еще такая рыба, которая можетъ не выплывать на воздухъ и не дышать чужимъ элементомъ. Это качество столько же драгоцѣнно, сколько оно рѣдко въ людяхъ съ талантомъ. Мицкевичъ, говорятъ, былъ въ Смирнѣ и уже опять возвратился въ Римъ. Если это правда, то вотъ новая туда приманка. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, безъ писемъ въ Парижъ все равно что не ѣхать. Съ Потемкинымъ я незнакомъ. Думая пробыть въ Мюнхенѣ только 2 дня, я не сдѣлалъ ему визита; а черезъ двѣ недѣли уже было поздно. Теперь впрочемъ я радъ, что не въ Парижѣ: иначе вы безпокоились бы обо мнѣ еще больше. Италія же во всякомъ случаѣ не будетъ безполезна и для языка, и для памяти, на которой она отпечатаетъ столько изящнаго. Рожалинъ остается здѣсь для того, чтобы учиться по-гречески. Въ деньгахъ онъ не нуждается. Что же касается до насъ, то мы не только себѣ ни въ чемъ не отказываемъ, но еще тратимъ много лишняго. Третьяго дня мы отъ 6 часовъ утра до часу за полночь провели за городомъ въ Штарренбергѣ, катаясь по озеру, которое 5 часовъ длины и на горизонтѣ сливается съ Тирольскими горами. Прогулка эта стоила намъ больше 25 руб., и это была еще одна изъ всего меньше глупыхъ издержекъ нашихъ. Денежная касса наша, по крайней мѣрѣ на нынѣшній годъ, для насъ слишкомъ достаточна. Если бы братъ съ Рожалинымъ не спѣшили на почту, то я описалъ бы тебѣ, Маша, нашу прогулку по озеру, вродѣ твоихъ описаній Троицкаго и Царицынскаго путешествій. Но теперь откладываю это до слѣдующаго раза, съ тѣмъ, однако, чтобы ты не выдумала мнѣ подражать, т. е. откладывать. Вывозите Машку, только вывозите ее *хорошо**). То-есть знакомьте ее *только* съ людьми, которые способны и достойны ее знать. Лучше пусть она никого не знаетъ, нежели людей Машковообразныхъ, и лучше, чтобы ея никто не зналъ, нежели люди, неспособные узнать и оцѣнить ее. Если можетъ дѣвуш-

*) Марьѣ Васильевнѣ было тогда 19 лѣтъ отъ роду. Она скончалась дѣвицею въ Сентябрѣ 1859 г. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ка, особливо въ Москвѣ, выиграть всеобщее и несмѣшанное уваженіе, то только посредствомъ строгаго выбора знакомства. Изо ста человѣкъ, которые будутъ съ ней знакомы, можетъ быть, одинъ только способенъ оцѣнить ее, а между тѣмъ всякій будетъ считать себя въ правѣ судить объ ней. Вотъ почему изо всего ста лучше выбрать этого одного, а остальные пусть знаютъ объ ней только мнѣніе этого одного. — Какъ же мила Баратынская [1]), если она—такъ мила! Послѣ этого какъ сомнѣваться, что она стоитъ своего мужа. Извѣстіе о Баратынскомъ меня очень огорчило. Послѣдствія этого рода воспаленій всегда двумысленны. Надѣюсь однако въ первомъ письмѣ вашемъ видѣть его совсѣмъ здоровымъ. Между тѣмъ, какъ не выпросили вы у него новаго романа, какъ не прочли его до сихъ поръ и не прислали къ намъ? Я бы теперь охотно написалъ ему разборъ; только побывши въ чужихъ краяхъ, можно выучиться чувствовать все достоинство нашихъ первоклассныхъ, потому что.... но я не хочу теперь дорываться до причины этого, которая лежитъ на днѣ всего вѣка. Общія мысли, какъ важныя дѣла, оставимъ до утра, то есть до свиданія. Вообще все Русское имѣетъ то общаго со всѣмъ огромнымъ, что его осмотрѣть можно только издали. Если бы вы видѣли, чѣмъ восхищаются Нѣмцы, и еще какимъ нелѣпымъ восторгомъ! Нѣтъ, на всемъ земномъ шарѣ нѣтъ народа площе, бездушнѣе, тупѣе и досаднѣе Нѣмцевъ. Булгаринъ передъ ними геній! Кстати: дайте мнѣ какое нибудь понятіе объ эпиграммахъ на душегрѣйку.—Какъ благодаренъ я вамъ, милый папенька, за то, что вы не забыли подѣлиться съ нами университетскимъ засѣданіемъ [2]). Знаете ли, что оно и насъ тронуло до слезъ. И народъ, который теперь можетъ быть одинъ въ Европѣ способенъ къ восторгу, называютъ непросвѣщеннымъ! Поцѣлуйте Погодина, поздравьте его и поблагодарите отъ насъ за подвигъ горячаго слова. Какъ бы я отъ сердца похлопалъ вмѣстѣ съ вами! Но неужели намъ до возвращенія не читать этой рѣчи?—Лекціи Шеллинга я пересталъ записывать; ихъ духъ интереснѣе буквальности. Вмѣсто присылки ихъ самихъ, что̀ стало бы дорого, я лучше напишу вамъ что нибудь объ нихъ, когда будетъ время, т. е. когда кончится семестръ. Это будетъ около 25-го этого мѣсяца по новому стилю. Что же касается до регулярности нашихъ писемъ, то ея лучше не требовать. Ожидая письма навѣрное въ извѣстный день, не получить его—хуже, чѣмъ просто долго не получать.

---

[1]) Супруга поэта, Настасья Львовна, ур. Энгельгардъ. П. Б.

[2]) Здѣсь говорится о рѣчи М. П. Погодина, произнесенной 26-го Іюня 1830 г. При этомъ случаѣ были первыя рукоплесканія въ Университетѣ; ихъ начали А. А. Елагинъ и Н. М. Языковъ, а публика подхватила.

Библиотека "Руниверс"

Къ тому же послѣднее, надѣюсь, не повторится. Это была съ нашей стороны точно непростительная вѣтренность. Біографію Баварскаго короля писать для альманаха мудрено, особенно когда для этого надобно знать столько подробностей, которыхъ мы не знаемъ. Біографію Баженова [1]) писать изъ Германіи странно, когда вы можете написать ее въ Россіи, гдѣ встрѣчный и поперечный скажетъ вамъ объ немъ что нибудь новое. Но если Языковъ хочетъ имѣть статью отъ меня, то я готовъ служить ему сколько въ силахъ. И лучше напишу объ чемъ нибудь, что̀ меня занимаетъ. Если же статья не поправится, то я напишу другую, третью и такъ далѣе. Зачѣмъ только онъ хочетъ назвать альманахъ свой Душегрѣйкой [2])? Конечно, это было бы величайшій знакъ дружбы, который писатель можетъ оказать другому писателю, такъ открыто одобрить то, на что всего больше нападаютъ. Но благоразумно ли это? Не смотря на то, что онъ Языковъ, онъ Языковъ только для понимающихъ. Для Булгариныхъ онъ просто цѣль повыше другихъ. Пусть ихъ грязь не долетитъ до этой цѣли; но покуда летитъ, она заслоняетъ цѣль отъ взоровъ тѣхъ, кто внизу, а эти-то низкіе и дороги для альманаха. Отсовѣтуйте ему рыцарствовать, а лучше пусть его воротится къ своей *Ласточкѣ* [3]). Увѣрьте его, что мнѣ довольно знать его одобреніе, чтобы быть вознагражденну за критики всѣхъ возможныхъ Полевыхъ. Благодарю васъ за такое скорое исполненіе моей просьбы о раздачѣ мальчиковъ. Портретъ сестры въ Парижъ не посылайте. Богъ знаетъ, когда мы тамъ будемъ. Вѣроятно, что мы поѣдемъ въ Италію. Я напишу къ Шевыреву; можетъ быть, изъ Москвы будутъ посылки къ Волконской: узнайте это и перешлите портретъ въ Римъ. Можетъ быть, это можетъ уладить Погодинъ. Отвѣчали ли вы Ляпунову, что онъ скотина? Вы хорошо сдѣлали, что написали къ намъ объ Армфельдѣ; теперь мы будемъ знать, какъ съ нимъ встрѣтиться; а то братъ его совсѣмъ не зналъ, а я почти совсѣмъ. Посылокъ отъ Эйброта мы не получали. Гдѣ онъ когда думалъ быть? Узнайте это отъ его матери; по крайней мѣрѣ, если не видѣться, мы могли бы кой-когда пере-

[1]) Славнаго зодчаго, построившаго въ Москвѣ, для Н. А. Пашкова, нынѣшній „Румянцевскій Музей“. П. Б.

[2]) Молодой Кирѣевскій, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя муза его покрывается иногда душегрѣйкой новѣйшаго уныній. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Дельвига отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Кирѣевскій отозвался довольно непочтительно, обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки, и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. (Слова Пушкина).

[3]) Названіе альманаха, который предполагалъ издать Н. М. Языковъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

писываться. Узнайте также въ домѣ Веневитиновыхъ ихъ адресъ въ Петербургѣ. Не знаете ли кого нибудь, кто бы могъ дать намъ писемъ въ Римъ?

Германіей ужъ мы сыты по горло. Къ Языкову, Баратынскому, Погодину, кажется, я написать не успѣю. Языкову крѣпкое рукожатіе за стихи. Съ тѣхъ поръ какъ я изъ Россіи, я ничего не читалъ огненнѣе, сильнѣе, воспламенительнѣе. Пловецъ его мнѣ уже былъ знакомъ; это тотъ же, который хотѣлъ спорить съ бурей, только теперь онъ дальше въ океанѣ. Если ваши глазки здоровы, только не иначе, то окончите мнѣ остальныя звѣздочки. Вмѣсто Катона представьте какого нибудь мученика въ то время, когда ему говорятъ: пожри богамъ нашимъ! Можно вотъ какъ: онъ обнимаетъ посреди стоящій крестъ, по бокамъ палачи, вдали народъ и разведенные огни; надъ крестомъ звѣзда. Подъ второю три руки. Третья ночь: и тучи, и пещера, освѣщенная одною лампою, которая горитъ передъ образомъ завѣшаннымъ кисеею. На полу солнечные часы разломаны. Между тучъ звѣздочки. Впрочемъ если это уже сдѣлано другимъ манеромъ, то пусть такъ и останется. Неужели ничего не слышно кромѣ: въ деревнѣ! Зачѣмъ къ нему пишутъ, что Анна Ник. [1])? Перестаньте видѣть дурные сны. Письма отъ насъ будутъ черезъ мѣсяцъ, но не ровно, а около. Рож., который безпрестанно ѣстъ самый вонючій сыръ, положилъ его въ столъ, гдѣ лежало это письмо, потому слѣдуетъ надушить его прежде чѣмъ станете читать.

5 (17) Августа.

Поклонитесь Янишамъ и скажите имъ, что мы такъ часто думаемъ объ нихъ и особенно такъ любимъ вспоминать ихъ Пятницы, что имъ въ честь и въ воспоминаніе завели Пятницы у себя, съ тою только разницею, что вмѣсто одной у насъ ихъ семь на недѣлѣ. Этотъ Нѣмецкій Witz [2]) въ Русскомъ переводѣ значитъ слѣдующее: сегодня мы думаемъ ѣхать въ Италію, завтра въ Парижъ, послѣ завтра останемся еще на нѣкоторое время здѣсь, потомъ опять ѣдемъ и т. д., и вотъ почему я не могу вамъ сказать ничего опредѣленнаго объ нашихъ планахъ. Вѣроятнѣе другого однако то, что мы проведемъ осень въ Сѣверной Италіи, а къ Ноябрю будемъ въ Римѣ, гдѣ пробудемъ много ли, мало ли, Богъ знаетъ. Между тѣмъ я убѣдился, что для *завтра* нѣтъ наряда больше къ лицу, какъ длинное густое покрывало, особливо когда отъ насъ зависитъ его приподнять. Не знаю сказать, почему, а очень

[1]) Вельяминова, сестра будущей тещи Кирѣевскаго. П. Б.

[2]) Т. е. Острое слово. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

весело безпрестанно дѣлать другіе планы и возвращаться къ старымъ, какъ къ такимъ знакомымъ, съ которыми встрѣтиться весело, а разстаться не грустно. Это похоже на ѣзду въ дилижансѣ, гдѣ вмѣсто товарищей Нѣмцевъ съ одной стороны сидитъ Швейцарія, съ другой madame Италія и спереди monsieur Парижъ. Въ этихъ дилижансахъ ѣздимъ мы обыкновенно за обѣдомъ и за вечернимъ кофеемъ, потому что остальное время почти все проводится либо въ Университетѣ, либо за книгами и за Итальянскими уроками. Въ Университетѣ теперь лекціи скоро кончатся (25-го Авг. н. с.), и потому многіе профессоры, чтобы успѣть кончить свои лекціи, вмѣсто одного раза читаютъ 2 раза въ день, что отнимаетъ у насъ нѣсколько часовъ отъ болтанья, ничегонедѣланья и отъ другихъ непринужденныхъ занятій. Прибавьте къ этому необходимость гулять подъ глубокимъ яхонтовымъ небомъ, послѣобѣденные южные жары, а больше всего мою врожденную и благопріобрѣтенную лѣность; составьте изъ всего этого благовидное фрикасе и попотчуйте имъ всѣхъ тѣхъ, къ кому я до сихъ поръ не писалъ. Особенно постарайтесь оправдать меня передъ милымъ Баратынскимъ, Языковымъ и Погодинымъ. Отъ перваго я получилъ милое письмо, на которое, если успѣю, буду отвѣчать сегодня; если же не успѣю, то на дняхъ, и пришлю письмо къ вамъ. Денежныя обстоятельства наши, о которыхъ вы спрашиваете, находятся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. До сихъ поръ мы жили на братнинъ счетъ и на остатокъ моихъ дорожныхъ денегъ. Билетъ мой къ Левенбергу еще не тронутъ. Новоприсланныя деньги брату также недавно начаты. Вы видите изъ этого, что мы не только не издерживаемся, какъ вы, Богъ знаетъ отчего, воображаете, но у насъ еще останется порядочный запасъ на слѣдующій годъ. Поэтому денегъ мнѣ въ Генварѣ не присылайте, а лучше положите ихъ въ ломбардъ, а на проценты, которые успѣютъ нарости до того времени, когда онѣ мнѣ понадобятся, купите Машкѣ лишнюю шляпку. Если бы тоже было сдѣлано съ деньгами, которыя лежатъ у меня въ билетѣ, то теперь процентовъ было бы около 150 р. Вотъ бы цѣлая зрительная труба, которую хотѣлось папенькѣ. Во всякомъ случаѣ, однако, мы постараемся отыскать хорошенькую, т.-е. собственноручно Фрауенгоферскую, которыя однако теперь довольно рѣдки, потому что большая часть изъ нихъ скуплена Англичанами, которые изгрызли всѣ зубы на Дерптскій телескопъ. Струве проѣзжалъ недавно черезъ Мюнхенъ, однако мы его не видали. Онъ теперь съ своею трубою первый астрономъ во всей Европѣ. Ему одному теперь возможны новыя открытія на небѣ, и Гершелевскій телескопъ только туда обращается искать звѣздъ, куда укажетъ Дерптскій, такъ что и здѣсь на небѣ Россія стоитъ впереди. Можетъ быть, трубу папенькѣ отправимъ

Библиотека "Руниверс"

мы съ Родивономъ, если онъ поѣдетъ черезъ Любекъ; въ противномъ случаѣ будемъ ждать оказіи. Родивона же отправимъ мы, какъ скоро онъ совсѣмъ оправится отъ лихорадки, которая была у него недавно и разомъ была перервана по милости искусства здѣшнихъ докторовъ. Намъ жаль съ нимъ разстаться, но возить его по Италіи было бы смѣшно, кромѣ того, что безполезно и дорого. Отвѣтъ на это письмо вѣроятно уже насъ здѣсь не застанетъ, но вы адресуйте письма по прежнему, а Рожалинъ будетъ намъ пересылать ихъ куда слѣдуетъ; потому пишите чаще, чтобы во всякомъ городѣ Сѣверной Италіи мы нашли письмо отъ васъ и не должны бы были долго его дожидаться.

Въ Италію, больше картинъ и статуй, привлекаетъ меня небо. Южное небо надобно видѣть, чтобы понять и южную поэзію, и миѳологію древнихъ, и власть природы надъ человѣкомъ. Это небо говоритъ не воображенію какъ сѣверное, какъ звѣзды, какъ буря; оно *чувственно*-прекрасно, и нужно усиліе, чтобы отдѣлаться отъ его видѣнія, тогда какъ на Сѣверѣ нужно усиліе, нужно напряженіе, чтобы любоваться имъ. Здѣсь небо такъ близко (не смотря на то, что глубоко), такъ близко къ человѣку, что ему не нужно подыматься на пальцы, чтобы достать до него, между тѣмъ какъ на Сѣверѣ надобно взгромоздиться на цѣлую лѣстницу Оссіановскихъ тѣней, чтобы небо сдѣлалось ощутительнымъ. Вы знаете, что я никогда не былъ энтузіастомъ природы; но на этотъ яхонтъ смотрю иногда право почти съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ смотритъ на яхонтъ Жидъ. Такъ и рвется изъ груди вздохъ Гёте и Веневитинова: отдайте мнѣ волшебный плащъ! Впрочемъ здѣсь мы рѣдко видимъ этотъ яхонтъ. Близость горъ и возвышенность мѣста даютъ намъ очень часто погоду Англійскую. За то, тѣмъ больше наслаждаемся мы хорошею. Иногда однако, когда вспомнится, что̀ на Сѣверѣ Россія, захочется и блѣднаго неба. Но чуть ли я не разсуждаю съ вами о погодѣ? Вотъ что значитъ побыть 7 мѣсяцевъ въ Германіи! Впрочемъ жизнь наша здѣсь такъ однообразна, такъ уединенна, что если выключить то, что̀ мы думаемъ объ васъ, что̀ читаемъ и слышимъ на лекціяхъ, то чуть ли не останется говорить объ одной погодѣ. Но повторять вамъ слышанное на лекціяхъ было бы скучно, и мудрено, и смѣшно, и дорого; повторять читанное въ книгахъ не лучше, а мысль объ васъ—какъ Итальянское небо, которое можно понять только чувствомъ и которое въ описаніи будетъ только слово. Эти мысли, впрочемъ, какъ-то не доходятъ до мысли; онѣ то память, то чувство, то воздушный замокъ, то сонъ, и никогда не силлогизмъ. Покуда думаешь ихъ, не думая объ нихъ, кажется наполненъ мыслями; захочешь разсказать, ни одной не поймаешь въ слово. Тѣмъ больше, что все это, кажется, разсказывать не для чего. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему вамъ знать, что тогда-то я думалъ то-то, то какъ

Библиотека "Руниверс"

вы сидите вмѣстѣ, то какъ гуляете въ саду [1]), то здоровы ли вы, то Машкина рожица, то какъ я прощался съ вами, то Языковъ читаетъ на столѣ стихи, то у васъ болятъ глазки, то вы здоровы и веселы и думаете объ насъ, то какъ мы споримъ съ папенькой о политической экономіи, то толкуемъ о Шеллингѣ, то Андрюшка дернулъ бровкой, то Васька сочинилъ стихи и пр. Кстати, отъ чего вы не пришлете намъ ничего изъ Полночной Дичи? Еще больше кстати: какъ можно печатать мое письмо о Шлейермахерѣ? Не потому только, что слогъ, какъ вы говорите, не отдѣланъ и что показываться въ халатѣ передъ тѣми друзьями, которыхъ мнѣ сдѣлало мое обозрѣніе съ душегрѣйкой, было бы безразсудно, а передъ незнакомой публикой неприлично; но потому, что я говорю объ людяхъ живыхъ и къ тому же не такъ, какъ я говорилъ бы публично. Вообще, если я буду думать, что хотя одно слово изъ моихъ писемъ выйдетъ изъ круга моей семьи, то это будетъ для меня отмѣнно непріятно. Пожалуйста, повѣрьте моимъ опытамъ и несомнѣнному убѣжденію, что видѣть меня такимъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ, и вмѣстѣ любить, можетъ только моя семья. Немногіе друзья мои не всѣ исключеніе; изъ нихъ многіе любятъ во мнѣ такія качества, которыхъ я не имѣю. Но и вы, развѣ я *вашъ* не въ тысячу разъ лучше меня *настоящаго*. Но оставьте жъ это. Я не хочу портить такимъ чувствомъ моихъ строкъ къ вамъ, которые должны быть свѣтлы, какъ Лилькина рожица [2]). Къ Баратынскому я написать не успѣлъ. До сихъ поръ еще не отвѣчалъ Шевыреву. Но скоро кончатся лекціи, и тогда я примусь за письма, и можетъ быть еще напишу что-нибудь для Языковскаго альманаха, разумѣется не въ такомъ родѣ, чтобы одолжить его столькими же пріятелями, сколькими мнѣ обязанъ Максимовичъ. Отчего вы съ нимъ разстались? Знаете ли, что это мнѣ въ самомъ дѣлѣ жаль. Такой ли онъ человѣкъ, чтобы на него сердиться? И какъ въ Москвѣ жить безъ Максимовича? Къ тому же кромѣ другихъ хорошихъ качествъ, онъ точно любитъ васъ или любилъ; неужели же одно какое нибудь слово изъ его устъ перевѣситъ все это? Другой причины мнѣ не приходитъ въ голову. Если же моя статья какъ нибудь причиною этому, то мнѣ это тѣмъ больше жаль. Онъ въ правѣ былъ быть противъ своего альманаха, и по характеру, и по своимъ отношеніямъ. Онъ даже долженъ былъ, какъ Максимовичъ, сердиться на меня и защищать Булгарина съ Полевымъ, именно потому, что онъ

---

[1]) При домѣ А. П. Елагиной у Красныхъ воротъ (въ Трехсвятительскомъ переулкѣ, нынѣ Свѣшниковыхъ) былъ большой садъ. Вся эта усадьба была позднѣе отдана И. В. Кирѣевскому и вдовою его продана. П. Б.

[2]) Лилькою звали въ семьѣ вторую дочь А. П. Елагиной, Елисавету. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

самъ прежде одобрилъ статью мою. Помните, какъ онъ ѣхалъ въ Петербургъ съ Полевымъ? Немножко вѣтрена? Такъ что же? Еще милѣе тѣмъ она! Благодарствуйте за то, что часто бываете подъ Симоновымъ; только что жъ вы такъ долго не пишете? Пришлите непремѣнно романъ Баратынскаго и то, что̀ есть новаго Пушкина, Языкова, Вяземскаго и, если можно, хотя предисловіе къ Борису. Откуда такая досада на славу? Неужели жъ Булгарины могутъ заставить Пушкина молчать? Прощайте. Пишите больше и чаще и даже объ томъ, что̀ вамъ кажется неинтереснымъ. Я всякій день вижу во снѣ, что воротился къ вамъ и опять собирался ѣхать. Что̀ это значитъ?

Неужели вѣчно мнѣ начинать письмо къ вамъ съ жалобою на васъ? Но какъ хотите вы, чтобы я не жаловался, когда то, что̀ одно должно успокоивать насъ, еще прибавляетъ намъ безпокойства объ васъ. Зачѣмъ не кончили вы послѣдняго письма вашего, и зачѣмъ Машка не дописала даже начатой фразы? Пріѣздъ Баратынской не достаточное извиненіе. Одно, что̀ мы можемъ придумать, это какое-нибудь паденіе Андрюшки, которое васъ такъ испугало, что вы забыли о письмѣ и запечатали его, не посмотрѣвши. Но если вы перенесетесь на наше мѣсто, то увидите, что всѣ эти объясненія только прибавляютъ безпокойства, потому что ни одно не кажется яснымъ. Послѣ этого не говорите, что мы виноваты, не писавши къ вамъ мѣсяцъ, тогда какъ мы и не обѣщались писать чаще мѣсяца. Отчего послѣднее письмо мое глупо? И неужели оно до такой степени глупо, что заставило васъ безпокоиться объ моемъ здоровьѣ? Я не помню, что̀ именно въ немъ было; знаю только одно, что я писалъ его точно здоровый, потому что съ тѣхъ поръ какъ я въ Германіи, я не былъ боленъ ни на минуту. Если же объ моемъ здоровьѣ заставило васъ безпокоиться только то, что письмо мое глупо, то утѣшьтесь: это болѣзнь врожденная, и отъ нея не умираютъ. Напротивъ, она даетъ только долговѣчье, какъ подагра. Зачѣмъ же вы пишите такъ мелко, когда глаза ваши опять болятъ? И отчего они болятъ? И зачѣмъ вамъ плакать? Милая маменька, неужели объ насъ? Намъ здѣсь хорошо, такъ хорошо, какъ только можетъ быть далеко. Мы всѣ трое вмѣстѣ съ утра до вечера, почти каждый разговоръ нашъ смѣхъ и шутка; а вы объ насъ плачете! Машка, поцѣлуй эти слезки за насъ, чтобы ея глазки были сухи и веселы, по крайней мѣрѣ тогда, когда она думаетъ объ насъ. Если у васъ есть причина плакать, которой мы не знаемъ, отчего же мы не знаемъ ея? Развѣ лучше вамъ молчать, а намъ думать? Послѣ этого вы же насъ упрекаете въ неоткровенности, когда мы говоримъ вамъ все, всякую мелочь, разумѣется изъ существенныхъ; пересказывать все, что̀ думается, не достанетъ времени у Бога.

Библиотека "Руниверс"

30 (18). Здѣсь остановился я, когда братъ принесъ мнѣ новость, что въ Парижъ намъ ѣхать нельзя. Но прежде надобно вамъ сказать, что послѣ послѣдняго письма вашего, надѣясь застать Т.*) въ Парижѣ, мы опять было начали колебаться между имъ и Италіей. Но посланникъ нашъ объявилъ намъ, что онъ паспорта намъ подписать не можетъ. Вы понимаете, какъ это для насъ непріятно и по сколькимъ отношеніямъ. Но какъ быть? Ходъ вещей намъ не перемѣнить, какъ говорятъ Нѣмцы, и намъ теперь приходится сказать тоже. Между тѣмъ ѣхать въ Италію мы тоже подождемъ недѣли двѣ, а можетъ и болѣе; во-первыхъ, чтобы лучше осмотрѣться, а во-вторыхъ, чтобы дождаться еще вашихъ писемъ, потому что теперь, безъ новыхъ еще извѣстій объ васъ, наша поѣздка была бы совсѣмъ не завидная. Во всякомъ случаѣ впрочемъ вы пишите къ намъ сюда на имя Рожалина, который перешлетъ, куда надо, и пишите больше и чаще и лучше кончайте свои письма и будьте откровеннѣе, а всего больше здоровѣе. Ради Бога, бросьте всѣ мысли, которыя даютъ горе; не мѣшайте ихъ съ мыслями о насъ, которыя должны быть мысли радостныя, чтобы съ этого не заразились.

2 Сентября (21 Августа). Опять новость непріятная: завтра долженъ былъ ѣхать Родіонъ черезъ Любекъ въ Петербургъ и потомъ въ Москву. Билетъ въ Eilwagen уже былъ взятъ; сегодня Родіонъ сдѣлался боленъ. Хотя болѣзнь его незначительна, но если она продолжится больше недѣли, тогда корабли перестанутъ ходить, и намъ прійдется дожидаться ему оказіи, потому что сухимъ путемъ отправить его было бы мудрено съ его незнаніемъ языка и къ тому же дорого.

21-го Августа. (2-го) Сентября.

Нашъ отъѣздъ въ Италію совсѣмъ еще не рѣшенъ, ни когда, ни куда именно; думаемъ однако, что около половины Сентября н. с. подымемся отсюда и подвинемся къ Сѣверной Италіи. Между тѣмъ письма ваши пусть идутъ сюда. Парижское письмо ваше пропало на почтѣ. Мнѣ его жаль. Я люблю перечитывать ваши письма, даже старыя, и часто это дѣлаю; такимъ манеромъ я иногда слушаю васъ больше двухъ часовъ, потому что пакетъ уже набрался порядочный. Зачѣмъ только въ этомъ разговорѣ столько печальнаго? Объ насъ разсказывать почти нечего; послѣ послѣдняго письма перемѣнилось только то, что мы не ходимъ въ Университетъ, и больше лѣнимся, и больше вмѣстѣ, и строимъ больше плановъ, которые не исполняются. Я хотѣлъ написать кое-

*) А. И. Тургенева. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

что для Языкова альманаха, но до сихъ поръ еще не принимался. Столько разныхъ мыслей *крестятся* въ головѣ, что вся голова вышла церковь безъ попа, кладбище, которое ждетъ еще Ангела съ трубою. Трубу, впрочемъ, я нашелъ, только не ангельскую, а Фрауенгоферскую. Я надѣюсь, что папенька будетъ ею доволенъ. Она лучше Евишевской безъ сравненія. Я, своими невидящими глазами, читалъ въ ней мелкую печать дальше, чѣмъ на 40 саженъ. Превосходство телескоповъ этой фабрики (Utrechneider und Frauenhofer) состоитъ не въ огромности трубъ и стеколъ, не въ силѣ увеличенія, но въ чистотѣ и ясности, въ *доконченной* правильной и строгой полировкѣ стеколъ. Папенькинъ Tubus будетъ von 3 Fusz 4 Zoll Lange mit messingenen Rohren und Stativ; der orchromatische Objectiv des Fernrohres hat 30 Zoll und 29 Linien..: 190 fl. Флоринъ или гульденъ стоитъ около 2 р. 8 к. ассиг. Пересылка придется гульденовъ въ 25. Не говорите, что все это дорого: лучше имѣть вещь хорошую, чѣмъ посредственную. Между тѣмъ, однако, вы постарайтесь сбыть съ рукъ ту аптекарскую трубку, которою удружилъ вамъ дядюшка Зонтагъ.

Но поговоримте объ дѣлѣ. Машкѣ хочется ѣздить верхомъ и, несмотря на то, она ждетъ моего разрѣшенія. Неужели вы не успокоили ея милую совѣсть и не увѣрили ее, что верхомъ ѣздить нехорошо только тому, кто ѣздитъ дурно. Мнѣ еще веселѣе другого будетъ видѣть ее на конѣ. Впрочемъ, я позволяю ей учиться, только съ однимъ условіемъ, чтобы ѣздить не падавши. А иначе она этимъ занятіемъ совсѣмъ уронитъ себя. Вывозить Машку,—почему нѣтъ? Только надобно быть такъ строгу въ выборѣ знакомыхъ, какъ только можно. Лучше пусть будетъ у васъ одинъ домъ какъ Энгельгартовъ, нежели сто Машковскихъ. Не забудьте, что дѣвушку труднѣе спрятать, чѣмъ показать. Хотите ли или нѣтъ, а ее знать будутъ всѣ; только судить ее пускай считаютъ себя въ правѣ немногіе достойные; другіе пусть говорятъ: «говорятъ». Такая тактика можетъ быть была одна изъ важнѣйшихъ причинъ завидной репутаціи сестры Веневитинова. Между тѣмъ вы получите это письмо, когда Машка уже выѣзжаетъ и ѣздитъ верхомъ. Скажите, какъ и что? Не грѣхъ ли вамъ однако, что вы молчите до сихъ поръ послѣ послѣдняго письма вашего? Теперь уже 23 Августа (4 Сентября). Кто вамъ сказалъ, что мы ѣдемъ 25 Августа? Это былъ только срокъ лекціямъ, и мы именно говорили вамъ: не знаемъ, какъ выѣдемъ. Теперь повторяемъ тоже. Можетъ быть, мы пробудемъ здѣсь недѣли три, можетъ быть меньше, можетъ быть больше; словомъ, мы не знаемъ. Я между тѣмъ читаю Аріоста и совсѣмъ утонулъ въ его граціозномъ воображеніи, которое такъ же глубоко, тепло и чувственно, какъ Итальянское небо. Тассу я также только теперь узналъ цѣну, и

Библиотека "Руниверс"

вмѣстѣ понялъ все варварство тѣхъ, кто, оторвавши крылья у бабочки, думаютъ, что она полетитъ. Какъ мила Грёзова головка, что̀ надулась! Я напишу къ ней въ слѣдующій разъ *). Между тѣмъ, кто сказалъ вамъ, что мы смѣялись его стихамъ? Вѣроятно кто-нибудь на дорогѣ переписываетъ наши письма. Надобно быть безъ глазъ, безъ ушей, безъ мозгу и безъ крови, чтобы не отличить Армфельда отъ Языкова. Кто изъ насъ это написалъ, мы не знаемъ, покуда; однако, никто изъ насъ еще не признаётся. Я думаю, это было привидѣніе. Между тѣмъ, чтобы сказать что-нибудь объ , надобно прійти въ особенный духъ. Иначе языкъ не повернется, какъ онъ не повертывается хвалить Рафаэлеву Мадонну. Я говорю о Псалмѣ и Мореходцѣ. Къ Каролинѣ стихи были, кажется, дѣломъ заказнымъ. Впрочемъ этой догадки ему не говорите. Я получилъ письмо отъ Баратынскаго и буду отвѣчать ему скоро. Чѣмъ меньше дѣлаешь дѣла, тѣмъ меньше времени.

Родивонъ уже здоровъ и вѣроятно отправится въ Понедѣльникъ. Вы, между тѣмъ, приготовьте ему отпускую, чтобы встрѣтить его человѣкомъ свободнымъ. Прощайте. Передъ отъѣздомъ напишемъ еще. Дай Богъ, чтобы это письмо застало васъ здоровыми. Пишите впрочемъ все до малѣйшей подробности и такъ, какъ подъ присягою. Обнимаю васъ крѣпко и цѣлую ваши глазки, чтобы они оставались здоровыми. До сихъ поръ я не отвѣчалъ ни Шевыреву, ни Соболевскому, все откладываю до завтра. Но завтра примусь безъ отсрочки.

Сентябрь.

Изъ этого письма вы видите: 1) что братъ и Рожалинъ (особливо первый) непростительные лѣнтяи, которые откладывали писать къ вамъ до самаго часа отъѣзда; 2) вы видите, что они уѣхали въ Вѣну, чтобы провести тамъ около недѣли, что̀ вмѣстѣ съ путешествіемъ составитъ три или около. Богъ знаетъ, удастся ли имъ видѣть что нибудь интереснoе, кромѣ театра и улицъ, и можетъ быть кромѣ галлереи, куда можно войти безъ рекомендательныхъ писемъ, хотя съ рекомендательнымъ гульденомъ. Но еслибъ они ничего не видали, кромѣ Дунайскихъ береговъ, то все путешествіе было бы заплачено. Отчего же я не поѣхалъ? спросите вы. Отвѣтъ на этотъ вопросъ раздѣлили между собою братъ и Рожалинъ. Одинъ сказалъ одну половину причины, другой другую, слѣд. мнѣ остается только повторить обѣ половины, т. е. я не поѣхалъ для того, что пора раздѣлаться съ письмами и передъ поѣздкою въ Италію нехудо быть посильнѣе въ Итальянскомъ языкѣ. Когда я вспомню, сколько мнѣ въ эти три недѣли написать

*) Одно слово не разобрать. Рѣчь идетъ о поэтѣ Н. М. Языковѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

писемъ, то волосы становятся дыбомъ отъ лѣни. Вотъ тѣ, къ кому мнѣ необходимо писать (изъ записной книжки моей я выпишу ихъ по азбучному порядку). Баратынскій, которому я до сихъ поръ не отвѣчалъ, Веневитиновъ; кн. Волконская, которая черезъ Шевырева спрашиваетъ, получилъ ли я камешекъ; Жуковскій, тетенька Зонтагъ, Кошелевъ, Мальцевъ, Одоевскій, Петерсоны: Александръ, Юлій и Остафій (передъ послѣдними двумя я такъ виноватъ молчаніемъ, что не знаю, какія извиненія поставить въ началѣ письма), Погодинъ, Скарятинъ, Шевыревъ, Языковъ; тутъ забылъ еще Соболевскаго, которому около двухъ недѣлъ я собираюсь отвѣчать на письмо, требующее отвѣта немедленнаго. Видите ли, какъ я тотъ же?

*

2 Октября (20) Сентября.

Я до сихъ поръ не кончилъ письма своего, потому что мнѣ было стыдно, или, лучше сказать, досадно посылать вамъ длинное письмо отъ себя, между тѣмъ какъ отъ нихъ только 2 строчки. Но, по счастію, теперь могу приложить сюда ихъ письма съ дороги, и, надѣюсь, вы объ нихъ безпокоиться не будете. Съ самаго ихъ отъѣзда я не выхожу изъ своей комнаты и бываю только въ трактирѣ, гдѣ обѣдаю, и въ музеѣ, гдѣ читаю газеты. Остальное время все посвящено Итальянскому языку. Признаюсь однако, что это изученіе Итальянскаго почти тоже, что far niente, только ancora più dolce, благодаря Аріосту. Я купилъ за 7 гульденовъ Данта, Петрарку, Аріоста и Тасса, словомъ Il Parnasso Italiano. Досталъ тоже Восассіо, остальныя книги беру у моего cavallieri Maffei, и, безпрестанно перемѣняя одного другимъ, читаю ихъ всѣхъ вмѣстѣ, но больше Аріоста, выше котораго до сихъ поръ я не вижу ни одного поэта. Можетъ быть, это только жаръ перваго знакомства и пройдетъ какъ всякій жаръ, когда не достанетъ новыхъ дровъ. Однако не думаю, чтобы скоро. 35 пѣсенъ, и каждая въ Расиновскую трагедію! Судьба точно насильно тащитъ меня въ Италію. Вы знаете, собирался ли я туда? Еще за 6 мѣсяцевъ я не думалъ учиться по-итальянски. Кстати, вы мнѣ дѣлаете слишкомъ много чести, предполагая, что я не поѣхалъ въ Парижъ отъ того, что боялся быть тамъ во время революціи. Право, не отъ того. Объ революціи я узналъ тогда, когда уже все было почти кончено. Если это обстоятельство избавило васъ отъ лишняго безпокойства обо мнѣ, то благодарите за то одинъ случай, который вотъ уже болѣе года взялъ всю мою волю въ свои руки.

Недавно видѣлъ я здѣсь Wallenstein'a. Эслеръ игралъ Валленштейна и игралъ превосходно. Но трагедія, не смотря на то, не произвела на меня никакого впечатлѣнія, и тѣмъ меньше, чѣмъ больше

Библиотека "Руниверс"

восхищались ею Нѣмцы. Не смотря на всѣ усилія, которыя я дѣлалъ, чтобы видѣть въ героѣ что нибудь кромѣ Нѣмецкаго студента, ни на минуту не могъ обмануться. Гдѣ нужно дѣло, онъ говоритъ общія мысли; гдѣ нужно рѣшиться, онъ сомнѣвается; гдѣ надо думать, онъ разсказываетъ сонъ и пр. Вчера я былъ свидѣтелемъ славнаго Мюнхенскаго праздника Octoberfest, учрежденнаго здѣсь въ 1810 году, въ воспоминаніе и въ честь свадьбы нынѣшняго короля съ королевою. Народу было на огромномъ лугу (Teresienwiese) больше 60,000. Со всего государства собраны были лучшіе лошади, коровы, быки, свиньи, бараны и пр. Самъ король осматривалъ ихъ и раздавалъ владѣльцамъ призы, состоящіе изъ знаменъ, книгъ (über Viehzucht und Ackerbau in Deutschland und besonders in Bayern) и изъ денегъ; потомъ была скачка, и хотя король уѣхалъ прежде 6 часовъ, народъ оставался за полночь. На всемъ лугу не было ни одного солдата, ни одного полицейскаго, выключая національной милиціи (Landmilitz), и не только не вышло ни одной драки, но и ни одного громкаго слова. Впрочемъ Нѣмцы, благодаря пиву, чѣмъ пьянѣе, тѣмъ тише. Замѣчательнѣе всего были свиньи. Я такихъ не видывалъ отъ роду. Извѣстно впрочемъ, что свиньи Баварскія, съ незапамятныхъ временъ, считаются первыми во всей Европѣ, не выключая и Чухонскихъ. Несмотря однако на всю торжественность этого праздника, мнѣ было на немъ больше чѣмъ скучно. Кромѣ двухъ глупыхъ Нѣмцевъ, съ которыми я только кланяюсь, потому что разъ два съ ними обѣдалъ въ трактирѣ, у меня не было тамъ ни одного знакомаго. Это еще не бѣда; напротивъ, но не скучать мнѣ мѣшала какая-то böse Laune *). Къ тому же на языкъ привязался противъ воли стихъ (какъ то часто бываетъ съ нашимъ семействомъ). Этотъ стихъ, который такъ неумѣстно вертѣлся на моемъ языкѣ, былъ изъ перваго монолога Гётевской Ифигеніи: Weh dem и пр. Чѣмъ больше я старался его прогнать, тѣмъ онъ возвращался сильнѣе, какъ бревно висящее, которое толкаетъ медвѣдь. Но въ вечеру дурной нравъ мой околдовалъ мой другъ Аріостъ. Этимъ я обязанъ ему уже не въ первый разъ, и это единственная книга, которой эпитетъ *друга* не натянутъ. Онъ грѣетъ, утѣшаетъ и разсѣваетъ. Міръ его фантазіи—это теплая, свѣтлая комната, гдѣ можетъ отдохнуть и отогрѣться, кого морозъ и ночь застали на пути. Я не знаю впрочемъ, засидится ли въ этой комнатѣ тотъ, кто ѣздитъ въ шубѣ и съ фонарями. Потому совсѣмъ не удивляюсь, что Аріостъ не для всѣхъ величайшій изъ поэтовъ. Для большей части людей его вымыслы должны казаться вздоромъ, въ которомъ нѣтъ ни тѣни правды; но мнѣ они

*) Т. е. злая причуда. П. К.

Библиотека "Руниверс"

именно потому и нравятся, что они вздоръ, и что въ нихъ нѣтъ ни тѣни правды. Окончивъ Аріоста, примусь за Баярда, котораго знаю только изъ папенькиныхъ разсказовъ, которые еще въ Долбинѣ дѣлали на меня сильное впечатлѣніе, такъ что боюсь найти его ниже ожиданія.

5 *Октября.* Сейчасъ получилъ письмо отъ Рожалина и брата изъ Вѣны. Они въ восторгѣ отъ одного изъ пяти Вѣнскихъ театровъ; уже изъ трактира переѣхали на квартиру; однако денегъ, посланныхъ мною, еще не получали, и не чудаки ли, т.-е. боятся, что я не скоро ихъ вышлю, можетъ быть залѣнюсь и пр. Они оттуда хотятъ писать къ вамъ, и потому я письма ихъ ко мнѣ не посылаю. Въ Вѣнѣ останутся они около мѣсяца; однако письма къ нимъ присылайте ко мнѣ. Къ тому же отвѣтъ на это письмо уже не найдетъ ихъ (тамъ). Я между тѣмъ буду писать къ вамъ чаще обыкновеннаго, чтобы хоть этимъ вызвать ваши письма. Знаете ли однако, что писать къ вамъ, не получая такъ долго отъ васъ, совсѣмъ не удовольствіе? Правда, что, писавши къ вамъ, я больше съ вами, чѣмъ когда просто объ васъ думаю. Однако я говорю съ вами какъ глухой и слѣпой, который знаетъ, что слышатъ его, но не знаетъ, кстати ли то, что онъ говоритъ; не знаетъ, что дѣлается вокругъ него, боится шутить не въ пору, боится не въ пору вздохнуть и, можетъ быть, даже замолчалъ бы, если бы не боялся, что и молчаніе его будетъ не въ пору.

Октябрь.

Я получилъ ваше письмо отъ 8 Сентября и тотчасъ же послалъ его къ брату, который еще въ Вѣнѣ, и, какъ говоритъ, писалъ къ вамъ 2 раза. Изъ его писемъ вы видите, что онъ не теряетъ времени даромъ. Но ваше письмо—знаете ли вы, что я послѣ него чуть-чуть не поѣхалъ къ вамъ? Сначала потому, что было испугался чумы, а потомъ, обдумавши, что вы не станете рисковать нашими, уже не для чумы, а просто для того, что возможность скоро увидаться съ вами родила во мнѣ такое желаніе отправиться къ вамъ, что долженъ былъ испытать надъ собою все краснорѣчіе благоразумія, чтобы остаться въ Мюнхенѣ. Краснорѣчіе это имѣло успѣхъ, но до сихъ поръ я еще не знаю, прочный ли. Жду съ нетерпѣніемъ еще письма отъ васъ, и увѣренъ, что послѣ послѣдняго вы не заставите меня долго дожидаться. Иначе, т. е., если 12 Ноября н. с., ровно черезъ мѣсяцъ послѣ послѣдняго, я не получу отъ васъ второго письма, то къ 12 Декабря ждите меня въ Москву. Что за бурлаки, которые пришли въ Ниж.-Новгородъ съ чумою, какъ пишетъ Journal de St.-Pétersbourg? И вы послѣ всего этого еще мѣсяцъ, можетъ быть, не будете писать! Разумѣется, я буду здѣсь дожидаться новыхъ отъ васъ вѣстей и не

Библиотека "Руниверс"

уѣду въ Италію, какъ вы думаете, прежде чѣмъ увѣрюсь на вашъ счетъ. Не знаю еще, что̀ скажетъ братъ въ отвѣтъ на ваше письмо. Изъ стиховъ, присланныхъ вами, разумѣется Языковскіе прочелъ я съ больше крѣпкимъ чувствомъ. О псалмѣ и говорить нечего. Стихи къ сестрѣ (можетъ быть, братство вмѣшивается одно въ судейство) показались мнѣ chef d'oeuvres этого рода. Какая грація, приличность и мѣрность и вмѣстѣ какая Языковская ковка! Присылайте скорѣе Баратынскаго поэму. Объ себѣ сказать мнѣ почти нечего новаго, кромѣ того, что я уже не такъ уединенно живу: я, случайно познакомившись съ нѣкоторыми молодыми людьми не-Нѣмецкаго покроя, почти каждый вечеръ ужинаю вмѣстѣ съ ними, иногда даже у одного изъ нихъ; проводимъ мы цѣлыя ночи въ толкахъ объ суетѣ мірской и премудрости Божіей, т. е. изъ пустого въ порожнее. Между тѣмъ я надѣлалъ нѣсколько покупокъ, полупустыхъ, полунужныхъ, т. е. накупилъ себѣ бѣлья, сшилъ платье, пару пистолетовъ и пр. и боюсь, что мнѣ, т. е. тамъ до Генваря или Февраля недостанетъ потому что надобно будетъ оставить здѣсь еще Рожалину. Потому, если можно, пришлите рублей тысячу въ Декабрѣ, все имя Рожалина, который будетъ знать куда переслать. Впрочемъ это не необходимость, а только предосторожность. Если у васъ нѣтъ на лицо, то не занимайте. Неужели папенька изъ деревни къ намъ не пишетъ? Соболевскій съ Шевыревымъ удивляются, что мы съ Рожалинымъ такъ долго къ нимъ не пишемъ. А мы всего просрочили только 5 мѣсяцевъ отвѣчать послѣднему, и 2 — первому; вообразите странность съ ихъ стороны! Шевыревъ пишетъ мнѣ, что онъ послалъ на Булгарина громовое письмо; что̀ такое? Жаль мнѣ бѣдной Мареы, если она всуе печешеся. Но этотъ опытъ какъ бы ни былъ неудаченъ въ стихахъ, будетъ небезполезенъ для его прозы. Что онъ заводитъ типографію, я очень радъ: будутъ двѣ хорошихъ; но что Языковъ издаетъ альманахъ, я хотя и радъ, однако незнаю, что̀ прислать ему. Постараюсь къ тому времени что̀ нибудь сдѣлать. А между тѣмъ прощайте. Обнимаю васъ отъ всего сердца и цѣлую ваши глазки. Можетъ быть, имъ отъ этого будетъ лучше.

30-го Октября.

Вотъ и братъ воротился съ Рожалинымъ изъ Вѣны, а отъ васъ еще нѣтъ писемъ. Я сказалъ уже, что, покуда не получу, въ Италію не поѣду, но эта угроза что-то не дѣйствуетъ. Если еще нѣсколько времени пройдетъ безъ писемъ отъ васъ, тогда, вмѣсто Италіи, я поѣду въ Россію. Потому, смотрите, не удивитесь, если я вдругъ явлюсь передъ вами. Что̀ сказать вамъ теперь объ насъ? Изъ письма брата вы, вѣроятно, видите, что онъ ѣздилъ не понапрасну, что онъ видѣлъ

Библиотека "Руниверс"

много новаго, интереснаго, а пуще всего радъ тому, что и въ Вѣнѣ Нѣмцы—Нѣмцы. Объ себѣ сказать вамъ нечего. Теперь разумѣется съ братомъ и Рожалинымъ безпрестанно, покуда опять выскажемся до истощенія. Впрочемъ, мнѣ разсказывать имъ было нечего, кромѣ Октябр. праздника, да фейерверка, который состоялъ изъ 3-хъ ракетъ и одного бурака. Итальянскій языкъ мой дошелъ до того, что я могу уже сказать: date mi mangiare, слѣд. въ Италіи съ голоду не умру. За то я все почти понимаю и даже стихи. Скажите Баратынскому, что я начинаю читать Alfieri, и только для того ничего не читалъ до сихъ поръ изъ его трагедій, чтобы вполнѣ оцѣнить того, кого Баратынскій называетъ величайшимъ поэтомъ. Что̀ вы не пишете? Что̀ болѣзнь Веневитинова? Что̀ холера? Гдѣ она? Продолжаютъ ли у васъ говорить объ ней? Надѣюсь, однако, что на всѣ эти вопросы вы будете отвѣчать еще прежде, чѣмъ получите это письмо. Объ нашей будущей поѣздкѣ въ Италію нельзя сказать навѣрное *когда*, за то можно утвердительно сказать *куда*, т. е. въ Римъ, въ Римъ, къ Ватикану, къ Шевыреву, къ Папѣ, къ Св. Петру, и все, если мы получимъ скоро письма отъ васъ. Иначе мы бросимъ жеребій: одинъ на Сѣверъ, другой на Югъ. Рожалинъ останется здѣсь, потому адресуйте къ нему всѣ письма. Онъ будетъ знать, гдѣ мы и какъ переслать намъ что̀ нужно. Боюсь, однако, что онъ будетъ тутъ слишкомъ одинъ. Уединеніе можетъ сдѣлать его не то что мизантропнѣе, а людобоязненнѣе, хотя онъ способенъ къ тому и къ другому. Я недавно опять получилъ письмо отъ Шевырева въ отвѣтъ на мое. Онъ уже заготовляетъ намъ комнату и пишетъ, что рѣжетъ Булгарина. Читаете ли вы его критики, и хороши ли?

Я къ вамъ пишу сегодня немного, потому что братъ пишетъ больше, и Рожалинъ также, кажется, не лѣнится. Я немного опоздалъ и не хочу откладывать письма̀ до завтра, потому что и такъ мы уже долго откладывали, и я боюсь, что если письмо опоздаетъ, то вы будѣте безпокоиться о братѣ, и о томъ, какъ онъ пріѣхалъ изъ Вѣны. Потому прощайте! Скоро либо напишу къ вамъ еще, либо самъ пріѣду. Обнимаю васъ отъ всей души; поклонитесь всѣмъ, кто обо мнѣ помнитъ.

11-го Ноября.

Здравствуйте! Вотъ я въ Варшавѣ; ѣду къ вамъ, однако не въ Москву, потому что увѣренъ, что вы оттуда уѣхали, а въ Петербургъ, гдѣ по всѣмъ вѣроятностямъ вы должны быть теперь. Въ Москву же пишу къ вамъ только такъ, наудачу, и крѣпко надѣюсь, что мое письмо сдѣлаетъ крюкъ изъ Москвы въ Петербургъ. Однако, несмотря на

Библиотека "Руниверс"

крюкъ, оно придетъ прежде меня, потому что я здѣсь долженъ ждать цѣлую недѣлю, ибо дилижансъ отходитъ только въ Середу, а теперь Четвергъ; къ тому же этотъ проклятый дилижансъ идетъ два дня съ половиной до Польской границы. Тамъ я возьму извощика, можетъ быть, до самаго Петербурга, потому что на почтѣ или на перекладныхъ ѣхать и слишкомъ дорого и безъ человѣка невѣрно; ибо когда некому смотрѣть за вещами, то само собою разумѣется, что онѣ могутъ пропасть. Хотя я не везу съ собою никакихъ драгоцѣнностей, однако все непріятно остаться въ одной шубѣ. Извощикъ же, который меня повезетъ, принадлежитъ графу Гуровскому, съ которымъ я здѣсь познакомился, или, лучше сказать, возобновилъ знакомство, ибо зналъ его въ Мюнхенѣ. Онъ ручается мнѣ за вѣрность, услужливость и расторопность своего кучера и за доброту его лошадей. Несмотря на то однако, что я везу и кучеру и лошадямъ грозный ордеръ отъ барина, въ которомъ сказано между прочимъ: ѣхать какъ можно скорѣе, вся моя дорога съ фурманомъ продолжится около двухъ съ половиною недѣль, а можетъ быть и больше; слѣдовательно въ Петербургъ пріѣду я не прежде половины Декабря, ибо сегодня 11-е Ноября. Если не найду васъ тамъ, то узнаю отъ Жуковскаго, гдѣ вы, и отправлюсь туда. Вотъ и разлука наша, которая при началѣ казалась безъ конца, сама собою кончилась. Еще не прошло года, какъ я васъ оставилъ. Кажется, судьба только пошутила съ нами, заставивши насъ прощаться такъ надолго. Хотя эта шутка была совсѣмъ Нѣмецкая, и ни она сама, ни ея развязка, совсѣмъ не забавны. Неужели и судьба Нѣмка? Вы видите, милая маменька, что я ѣду къ вамъ съ совершенно спокойнымъ духомъ, ибо твердо увѣренъ, что вы не подвергаете ни себя для насъ, ни нашихъ ни малѣйшей опасности. Я не сомнѣваюсь, что это письмо пришлется къ вамъ либо въ Петербургъ, либо въ Ригу, и что вы уѣхали изъ Москвы, какъ скоро пріѣхалъ папенька изъ деревни; а папенька, конечно, не рисковалъ вами изъ лишняго рубля, который онъ могъ бы выхозяйничать тамъ, и расчелъ, что лучше уѣхать безъ ничего, чѣмъ остаться съ тысячами. Однако признаюсь вамъ, что страхъ иногда находитъ на меня. Но я умѣю его разгонять больше простою волею, чѣмъ благоразумнымъ разсужденіемъ. Пишите какъ можно скорѣе къ брату, который остался въ Мюнхенѣ и боится за васъ еще больше меня. Уже двѣ недѣли, какъ я его оставилъ, и если онъ еще не получилъ объ васъ извѣстія, то это было бы съ вашей стороны слишкомъ жестоко. Но нѣтъ! нѣтъ! прочь всѣ безпокойныя мысли: вы къ нему писали изъ Петербурга, и онъ покоенъ на вашъ счетъ. Я *хочу* вѣрить всему хорошему, хочу не сомнѣваться въ лучшемъ; иначе, поддавшись страху дурного, теперь какая бы душа могла устоять? Зачѣмъ я оставилъ

Библиотека "Руниверс"

васъ? Но что̀ сдѣлано, то сдѣлано. *Прошедшаго* воротить нельзя, и мы властны только надъ *настоящимъ*. Надъ нимъ я буду господиномъ, буду управляться собою и докажу это даже въ этихъ обстоятельствахъ надъ своими чувствами и воображеніемъ. Я буду покоенъ до тѣхъ поръ, покуда увижусь съ вами. Еще цѣлый мѣсяцъ! Но запасъ моей воли станетъ еще на долѣе. Прощайте, обнимаю васъ всѣхъ. Гостинцевъ не везу никому, выключая меньшихъ, и то только для того, чтобы они были мнѣ рады. При выѣздѣ изъ Варшавы, т. е. черезъ недѣлю, буду писать еще, а теперь еще разъ обнимаю васъ. Вашъ Иванъ.

Сейчасъ явился извощикъ, который берется доставить меня до Польской границы за три червонца, вмѣстѣ съ другимъ пассажиромъ, который платитъ столько же, и такъ я ѣду сегодня. Прощайте до Петербурга *).

Письмо къ брату Петру Васильевичу.

Берлинъ, 16—21 Марта 1830.

Правда, милый братъ-другъ, намъ надо писать чаще, покуда мы близко, но еще розно. Спасибо за твое письмо; но свѣдѣнія твои объ Москвѣ были не свѣжѣе моихъ. Послѣ моего послѣдняго письма къ тебѣ, я получилъ отъ маменьки и сестры. Папенька въ Долбинѣ. У дѣтей у *всѣхъ* была корь, но, какъ говорятъ, онѣ вмѣстѣ съ Рамихомъ, *хорошая корь*. Маменька не спитъ ночи, ухаживая за больными; сестра вѣроятно также, хотя и не говоритъ объ этомъ. Тяжело думать объ

*) Изъ Петербурга письма не имѣется. Иванъ Васильевичъ возвратился домой 16 Ноября, а черезъ недѣлю прибылъ и братъ его, ѣхавшій на Кіевъ. Онъ проѣхалъ черезъ Варшаву наканунѣ возмущенія. Курьеръ, привезшій извѣстіе о вспыхнувшемъ возмущеніи, пріѣхалъ въ Кіевъ нѣсколькими часами прежде Кирѣевскаго. Въ Кіевѣ, въ полиціи отказались дать свидѣтельство для подорожной; полиціи показалось страннымъ, что человѣкъ спѣшитъ въ чумный городъ, изъ котораго всѣ старались выѣхать; Польское окончаніе фамиліи на *скій;* паспортъ, въ которомъ было прописано, что при г-нѣ Кирѣевскомъ человѣкъ, между тѣмъ какъ онъ возвращался одинъ, ибо человѣкъ былъ отпущенъ нѣсколько мѣсяцевъ прежде; всѣ эти обстоятельства показались подозрительными и полиція не дозволила выѣхать изъ города, безъ высшаго разрѣшенія. Мюнхенскаго студента потребовали явиться къ генералъ-губернатору. Тогда ген.-губ. былъ Княжнинъ. Онъ принялъ Кирѣевскаго строго и сухо, предложилъ ему нѣсколько вопросовъ, и, выслушавъ отвѣты, въ раздумьѣ началъ ходить по комнатѣ. Молодой Кирѣевскій, не привыкшій къ такимъ *начальническимъ пріемамъ*, пошелъ вслѣдъ за нимъ. „Стойте, молодой человѣкъ!“ воскликнулъ генералъ-губернаторъ, закипѣвшій отъ негодованія. „Знаете ли вы, что я сейчасъ могу засадить васъ въ казематъ, и вы сгніете тамъ у меня, и никто никогда объ этомъ не узнаетъ?“ „Если у васъ есть возможность это сдѣлать, отвѣтчикъ спокойно Кирѣевскій, то вы не имѣете права это сдѣлать!“ „Ступайте“, сказалъ г.-губернаторъ, нѣсколько устыдившись своей неумѣстной вспыльчивости, и въ тотъ же вечеръ приказалъ выдать подорожную.

Библиотека "Руниверс"

нихъ. Я просилъ сестру во всякомъ письмѣ ко мнѣ выписать мнѣ какой-нибудь текстъ изъ Евангелія. Я это сдѣлалъ для того, чтобы 1-е, дать ей лишній случай познакомить съ Евангеліемъ; 2-е, чтобы письма наши не вертѣлись около посторонних̀ъ, а сколько можно выливались изъ сердца. Страница, гдѣ есть хотя строчка святого, легче испишется отъ души. Но что же? вотъ текстъ, который она выставила въ своемъ послѣднемъ письмѣ: Ne soyez donc point inquiets pour le lendemain, car le lendemain se mettra en peine pour lui-même: à chaque jour suffit son mal. «Какъ бы мы были спокойны, прибавляетъ она, если бы исполняли это. Но мы никогда не думаемъ о настоящемъ, а заботимся только о будущемъ». Бѣдная, въ 17 лѣтъ для нея будущаго—забота и безпокойство. Во всей семьѣ нашей господствующее, ежедневное чувство есть какое-то напряженное, боязливое ожиданіе бѣды. Съ такимъ чувствомъ счастье не уживается. Но откуда оно? Зачѣмъ? Какъ истребить его? Какъ замѣнить спокойствіемъ и мужественною неустрашимостью передъ ураганами судьбы? Вотъ объ чемъ мы должны подумать вмѣстѣ, чтобы дѣйствовать общими силами. Если бы намъ удалось дать сестрѣ столько же твердости и крѣпости духа, сколько у нея нѣжности, чувствительности и доброты, то мы сдѣлали бы много для ея счастья. Между тѣмъ я надѣюсь, что это теперешнее состояніе духа, въ которомъ она писала ко мнѣ, прошло вмѣстѣ съ болѣзнями дѣтей. Но ты знаешь, долго ли нашъ домъ бываетъ свободенъ отъ причинъ къ безпокойству. Все это составляетъ для меня до сихъ поръ неразрѣшенную задачу. Къ папенькѣ я писать буду на первой почтѣ. Его мнительность изъ физическаго міра перешла въ нравственный. Но по счастью она обратилась на такой пунктъ, гдѣ отъ нея легко избавиться. По крайней мѣрѣ я употреблю всѣ силы, чтобы разувѣрить его и доказать, что я не пересталъ его любить по прежнему. Не знаю, откуда могла ему прійти эта мысль; боюсь, чтобы она не имѣла источникомъ вліяніе той враждебной звѣзды, которая отдаляетъ меня отъ всего, что дорого сердцу. Знаешь ли, мнѣ иногда кажется, что судьба, прокладывая мнѣ такую крутую дорогу въ жизни, ведетъ меня къ чему-нибудь необыкновенному. Эта мысль укрѣпляетъ мои силы въ стремленіи быть достойнымъ ея призванія. То, что я писалъ тебѣ о Берлинской жизни и университетѣ, неправда или лучше полу-правда. Для тебя, я думаю, во всякомъ случаѣ Мюнхенъ полезнѣе, а не то Парижъ? Приготовь отвѣтъ къ пріѣзду. Между тѣмъ пиши ко мнѣ въ Дрезденъ черезъ Рожалина. Тамъ я буду около перваго Апрѣля ихъ стиля. Но Святую мы встрѣтимъ вмѣстѣ.

Начато 16-е, окончено 21-е Марта н. с.

Библиотека "Руниверс"

До сихъ поръ я еще, кромѣ Гуфланда, не познакомился здѣсь ни съ однимъ профессоромъ, хотя сдѣлалъ нѣсколько знакомствъ интересныхъ. Надпихъ, однако, отправлюсь въ Гегелю, Гансу, Шлейермахеру. Такъ какъ я не имѣю къ нимъ писемъ, и черты моего лица будутъ единственнымъ рекомендательнымъ письмомъ, то я и не знаю еще, какъ я буду принятъ и удадутся ли мнѣ нѣкоторые планы на нихъ, исполненіе которыхъ могло бы сдѣлать мое путешествіе не напраснымъ. При свиданіи разскажу подробнѣе, но до сихъ поръ *считаю*, какъ говорятъ, *безъ хозяина*. Изо всѣхъ, съ кѣмъ я здѣсь познакомился, самый интересный—это майоръ Радовицъ, къ которому я имѣлъ письмо отъ Жуковскаго. Мудрено встрѣтить больше оригинальности съ такимъ здравомысліемъ.—Изъ любопытныхъ вещей, видѣнныхъ мною, первое мѣсто занимаетъ здѣшняя картинная галлерея. Слишкомъ длинно было бы разсказывать всѣ особенности впечатлѣній, которыя я вынесъ оттуда. Скажу только, что здѣсь въ первый разъ видѣлъ я одну мадонну Рафаеля, которая мнѣ крѣпко понравилась, или, лучше сказать, *посердечилась*. Я видѣлъ прежде около 10 мадоннъ Рафаеля, и на всѣ смотрѣлъ холодно. Я не могъ понять, *какое* чувство соотвѣтствуетъ этому лицу. Это не царица, не богиня, святая,—но это святое понимается не благоговѣніемъ; прекрасное,—но не производитъ ни удивленія, ни сладострастія, не поражаетъ, не плѣняетъ. Съ какимъ же чувствомъ надобно смотрѣть на нее, чтобы понять ея красоту и господствующее расположеніе духа ея творца? Вотъ вопросъ, который оставался для меня неразрѣшеннымъ, покуда я увидѣлъ одну изъ здѣшнихъ мадоннъ. *Эта* мадонна объяснила мнѣ, что понять ея красоту можно только *однимъ* чувствомъ: *чувствомъ братской любви*. Движенія, которыя она возбуждаетъ въ душѣ, однородны съ тѣми, которыя раждаются во мнѣ при мысляхъ объ сестрѣ. Не любовью, не удивленіемъ, а только братской *нѣжностью* можно понять чистую прелесть ея простоты и величіе ея нѣжной невинности. То, что я говорю теперь, такъ истинно, и я чувствовалъ это такъ ясно, что чѣмъ больше я всматривался въ Мадонну, тѣмъ живѣе являлся передо мной образъ Машки, и наконецъ такъ завладѣлъ мною, что я изъ за него почти не понималъ другихъ картинъ и на Рубенса и Вандика смотрѣлъ какъ на обои, покуда наконецъ распятіе Іисуса, какого-то стариннаго живописца Нѣмецкой школы, разбудило меня. Это была первая картина, которую сердце поняло безъ посредства воображенія. Это лучшая проповѣдь, какую я когда либо читалъ, и я не знаю, какое невѣріе устоитъ предъ нею, по крайней мѣрѣ на время созерцанія. Никогда не понималъ я такъ ясно и живо величіе и *прелесть* Іисуса, какъ въ этомъ простомъ изображеніи тѣхъ чувствъ, которыя его распятіе произвело на свидѣтелей

Библиотека "Руниверс"

его страданій, на его мать, на сестру Лазаря Марію и на Іосифа. Такія чувства, такія слезы могутъ быть принесены въ жертву только человѣку-Богу. Видѣлъ ли ты, и сколько разъ, твою Мюнхенскую Галлерею, которая, какъ говорятъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ? Не можешь ли ты прислать что нибудь изъ твоего путешествія и Мюнхенской жизни для Погодина или для Дельвига, который издаетъ Литературную газету вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Баратынскимъ и Вяземскимъ? Оба велѣли тебя просить объ этомъ. Я также обѣщалъ обоимъ; но мои наблюденія до сихъ поръ были такъ *индивидуальны*, какъ говорятъ Нѣмцы, что могутъ быть интересны только для близкихъ мнѣ, кому я самъ интересенъ. *Обще-любопытнаго* я видѣлъ еще немного, а то что̀ видѣлъ, стоитъ большого труда обдѣлать въ хорошую журнальную статью, а для журнальнаго труда мнѣ до сихъ поръ не было времени. Поработай за меня. Прощай, милый, крѣпко и твердо любимый братъ! Всею силою души прижимаю тебя къ сердцу, котораго лучшая половина твоя. И. Кирѣевскій.

*

Эти письма, равно какъ и письма Петра Васильевича, помѣщенныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1905 года, напечатаны съ подлинниковъ, безъ пропусковъ. Въ нихъ выразились наглядно оба приснопамятные брата, печатныя произведенія которыхъ представляютъ собою лишь крохотную долю умственнаго и душевнаго ихъ богатства. Отъ нихъ осталось немного выданнаго въ свѣтъ, и это произошло не отъ цензурнаго только гнёта, которому подвергала ихъ получужеземная власть, но отъ самой широты ихъ побужденій и понятій, въ силу извѣстной Французской пословицы: qui trop embrasse, mal étreint (у кого слишкомъ широки объятія, тотъ плохо сдерживаетъ). Внѣшняго успѣха скорѣе достигаютъ люди съ цѣлями опредѣленными и ограниченными. Братья Кирѣевскіе навсегда останутся въ исторіи нашего просвѣщенія свѣтлыми представителями Россіи и выразителями ея всемірно-историческаго назначенія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЧЕРТЫ РУССКАГО НАРОДНАГО КАЛЕНДАРЯ.

Дни недѣли въ Русскихъ народныхъ вѣрованіяхъ.

То, что̀ извѣстно у насъ въ настоящее время подъ именемъ народнаго календаря, представляетъ собой собраніе самыхъ разнообразныхъ народныхъ вѣрованій, изъ которыхъ одни имѣютъ свою основу въ языческой религіи нашихъ предковъ-Славянъ, другіе въ православныхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ, а третьи являются плодомъ позднѣйшаго творчества народной фантазіи.

Въ этнографическихъ трудахъ, а также и въ повременныхъ изданіяхъ общей печати, собрано въ настоящее время множество матеріаловъ относительно народнаго календаря. Къ сожалѣнію, все это еще ждетъ своего изслѣдованія. Настоящій очеркъ есть скромная попытка освѣтить тотъ отдѣлъ народныхъ вѣрованій, къ которому относятся вѣрованія, пріуроченныя къ днямъ недѣли.

Всѣ изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что наши предки язычники-Славяне имѣли свой календарь и свои праздники. Слѣды этихъ древнеязыческихъ празднествъ дошли до нихъ въ различныхъ обрядахъ и вѣрованіяхъ, пріуроченныхъ въ настоящее время къ христіанскимъ праздникамъ.

Кругъ языческихъ Славянскихъ праздниковъ начинался, по всей вѣроятности, съ весны. Но такъ какъ наши предки-Славяне переселялись постепенно изъ странъ теплыхъ въ болѣе холодныя, то и первоначальный языческій календарь постепенно подвергался измѣненіямъ: перемѣщаясь въ холодныя страны, народъ праздновалъ начало весны позже, нежели праздновалъ его въ теплыхъ странахъ, не забывая въ тоже время и прежнихъ болѣе раннихъ своихъ праздниковъ. Этимъ и объясняется то, что въ обрядахъ Рождества Христова мы находимъ въ настоящее время слѣды древнихъ языческихъ весеннихъ праздниковъ.

Съ принятіемъ Христіанства наши предки-Славяне языческія празднованія стали пріурочивать къ различнымъ праздникамъ христіанскимъ, отождествляя своихъ прежнихъ языческихъ боговъ съ христіанскими святыми и перенося на послѣднихъ прежнее языческое поклоненіе. Такимъ образомъ въ понятіяхъ язычника, принявшаго христіанство, Христосъ, который и называется въ церковныхъ пѣсняхъ „солнцемъ“ и „свѣтомъ истиннымъ“, какъ бы отождествился съ Хърсомъ“, богомъ солнца, и прежніе обряды въ честь солнца стали пріурочиваться къ господскимъ праздникамъ; св. Власій замѣнилъ собою Велеса, св. пророкъ Илья—бога-громовника Перуна и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Этотъ своеобразный двоевѣрный народный календарь подвергся затѣмъ новымъ измѣненіямъ. До *1492* г. новый годъ у насъ начинался съ 1 Марта. Естественно, что часть древнихъ языческихъ праздничныхъ обрядовъ, совершавшихся при началѣ весны, была пріурочена съ принятіемъ христіанства къ новому году, т.-е. къ 1 Марта. *Съ 1492* г. новый годъ сталъ праздноваться съ 1 Сентября, а *съ 1700* года съ 1 Января. Вслѣдствіе этого и весенніе языческіе обряды перешли уже на средину зимы. Поэтому-то нынѣ въ новогоднихъ обрядахъ и обычаяхъ мы встрѣчаемъ много такихъ, которые въ древнія времена могли относиться только къ началу весны.

Что касается до дней недѣли, то, по всей вѣроятности, счетъ времени недѣлями былъ извѣстенъ и нашимъ предкамъ-Славянамъ-язычникамъ. На это указываютъ самобытныя, незаимствованныя названія недѣльныхъ дней, существующія и по настоящее время. Изъ всѣхъ дней только названіе Субботняго дня позаимствовано съ принятіемъ христіанской вѣры; что же касается до Воскресенья, то оно у древнихъ Славянъ называлось не Воскресенье, а „недѣлею", т.-е. день свободный отъ дѣлъ, и носило такимъ образомъ названіе вполнѣ самобытное.

Разсмотримъ же послѣдовательно тѣ народныя вѣрованія, какія пріурочиваются въ настоящее время къ тому или другому дню въ недѣлѣ.

Воскресенье.

Почитаніе воскреснаго дня нашъ народъ считаетъ одною изъ существеннѣйшихъ обязанностей христіанина. Работать въ этотъ день считается грѣхомъ. Въ „свиткѣ Іерусалимскаго знаменія", рукописномъ, апокрифическомъ сочиненіи, весьма распространенномъ среди народа, мы читаемъ: „Еще и праздники Господни почитайте, Воскресенье, Среду и Пятокъ, для того, что въ Воскресенье Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а въ Среду совѣщаша Жидове убити Христа, а Пятокъ сотвори Богъ перваго человѣка и въ тотъ же день Жидове распяша Господа нашего Іисуса Христа. *Который человекъ въ воскресный день трудъ прилагаетъ, на главу свою вѣчный огонь прилагаетъ и во всѣ шесть дней недѣли не имать счастія*"[1]).

О почитаніи воскреснаго дня говорится и въ народныхъ духовныхъ стихахъ. Въ одномъ изъ нихъ Параскева-Пятница заповѣдуетъ труднику:

Ты встань Божій трудникъ,
Ты поди по всему свѣту.
Ты скажи Божій трудникъ,
Чтобы люди возчунились (т.-е. одумались),
Чтобы по Пятницамъ золы не золили,
По Субботамъ камней не калили,
По Воскресеньямъ ребятъ не бранили"[2])

[1]) Этногр. Обозр. кн. LI стр. „Очерки Пошехонья" разд. 6 „Богъ и св. угодники Божіи".

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. ч. н. 1888 г. № 2. 1889 г. №№ 27—28.

Библиотека "Руниверс"

Слѣдуетъ замѣтить, что воскресный день въ представленіи народа является не относительнымъ понятіемъ, а лицомъ живымъ, одушевленнымъ; за нарушеніе своей святости онъ самъ наказываетъ человѣка. Такое человѣкообразное представленіе воскреснаго дня существовало у нашего народа издревле. Въ Стоглавѣ говорится, что „по погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лживые пророки, мужики, женки и дѣвки и старыя бабы, отростивъ и распустивъ волосы; они сказуютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія (т.-е. Воскресенье) и заповѣдуютъ христіанамъ въ Среду и Пятницу ручного дѣла не дѣлать, не прясть и платья не мыть“ [1]).

Такое представленіе воскреснаго дня особенно выразилось въ Малорусскихъ и Бѣлорусскихъ народныхъ вѣрованіяхъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ, Курской губерніи, записанъ слѣдующій разсказъ. Одна женщина захотѣла допрясть свою пряжу въ Субботу вечеромъ, но; досидѣвъ до полночи, она утомилась и, не допрявъ своей пряжи, легла спать. Тогда явилась къ ней Недѣля (т.-е. Воскресенье) въ образѣ красивой женщины въ хорошей плахтѣ и очипкѣ и ударами гребня наказала женщину, нарушившую святость воскреснаго дня. Отъ этихъ ударовъ женщина въ тотъ же день заболѣла и умерла [2]).

Особенно много подобныхъ разсказовъ ходитъ среди Бѣлоруссовъ. Такъ, одна женщина прядетъ въ ночь на Воскресенье. Внезапно отъ дверей катится ей подъ ноги мертвая голова, такъ что женщина чуть не умираетъ со страху. „Святая Нядзелька прыходзила напалосяáць iэтую жонку кабы яна буольшъ гэтакъ не робила“ (т. е. это святое Воскресенье приходило напугать женщину, чтобы она больше такъ не дѣлала).

Другая женщина, которая пошла въ Воскресенье копать картофель, была наказана тѣмъ, что скорчилась и умерла тутъ же на полѣ.

Одна женщина стала сучить нитки въ Воскресенье; тогда явилось къ ней Воскресенье въ видѣ красивой, высокой женщины, схватило ее за голову и стала крутить въ продолженіе цѣлаго часа. Эта женщина въ тотъ же день захворала и умерла [3]).

Въ распространенномъ между народомъ „Снѣ Пресвятыя Богородицы“ (который перешелъ къ намъ съ Запада Европы): Еще приказываю вамъ день Недѣльный почитать и въ праздники Господни не работали бъ... ибо я далъ вамъ шесть дней работать, а седьмой день недѣльный святить его добрыми дѣлами“ [4]).

Въ сборникѣ „Звѣзды Пресвѣтлыя“ находимъ слѣдующій разсказъ. Въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Мокромъ, одна женщина „въ Недѣлю творяше орудіе нѣкое“; внезапно явилась ей Пресвятая Богородица и за непочтеніе недѣльнаго дня наказала ее тѣмъ, что „отъяся нога ея, пригнуся къ самому сѣдалищу ея, и тако два лѣта быть не могши ходити“. Мужъ этой женщины

---

[1]) Ист. Русск. Слов. Галахова 1, стр. 141.

[2]) Этногр. Обозр. т. XV, стр. 161.

[3]) Этногр. Обозр. т. XXVIII стр. 97.

[4]) Руков. для сел. пастырей 1860 г., т., 1 стр. 12

Библиотека "Руниверс"

отправился хлопотать о разводѣ, такъ какъ невозможно съ ней было жить по закону. Между тѣмъ на третье лѣто снова явилась Пресвятая Богородица помянутой женѣ во снѣ и возвратила ей здравіе. Подобный же случай былъ въ Каширскомъ уѣздѣ въ селѣ Тектановѣ. Одна женщина молола въ Воскресенье муку и получила падучую болѣзнь; жерновъ ударилъ ее о землю, и правая рука ея пригнулась къ плечу. Въ этой болѣзни она пробыла около года и получила исцѣленіе по милосердію Пр. Богородицы, повелѣвшей ей для полученія здравія идти въ церковь и сотворить молебныя пѣнія [1]).

Сборникъ „Звѣзды Пресвѣтлыя“ тоже западнаго происхожденія (какъ и „свитокъ Іерусалимскаго знаменія“). Онъ два раза переведенъ былъ на Русскій языкъ съ Бѣлорусскаго нарѣчія въ 1668 и 1683 г. На основаніи первоначальныхъ его списковъ и составлялись разсказы мѣстнаго туземнаго пошиба въ родѣ только что приведенныхъ. Разсказы эти включались затѣмъ въ позднѣйшіе списки этого сбовника [2]).

Воскресенье въ народѣ считается въ большинствѣ случаевъ днемъ „счастливымъ“. У Германцевъ воскресный день назывался „солнечнымъ днемъ“, у Французовъ, Испанцевъ, Португальцевъ, Итальянцевъ Воскресенье называется „день солнца“. Очевидно, что Воскресный день у Западно-европейскихъ народовъ встарину посвящался солнцу, а по астрологическимъ сочиненіямъ солнце считалось планетой счастливой. „Четвертая планета солнце, фортуни великой и мощной надъ патентами высокаго чина панагириты пануетъ и правитъ“, читаемъ въ одномъ астрологическомъ сочиненіи перешедшемъ съ Запада къ намъ и переведенномъ на Русскій языкъ [3]).

Слѣдуетъ замѣтить, что западныя астрологическія сочиненія у насъ въ Россіи въ свое время пользовались распространеніемъ. Они весьма рано появились въ Югозападной Россіи, а отсюда перешла и на Сѣверъ. Такъ напримѣръ ко времени появленія Уніи ходила въ Южно-Русскомъ народѣ „таблица составленная великимъ Альбертомъ о дняхъ, въ которые не должно предпинимать ничего важнаго“ [4]). Извѣстно, что еретики Жидовствующіе обвинялись, между прочимъ, въ занятіяхъ астрологіею [5]), которую занесли они въ Новгородъ изъ Литвы и нѣкоторое время имѣли своихъ приверженцевъ въ средѣ Московскихъ вольнодумцевъ [6]). Это обстоятельство показываетъ, что въ Югозападной Россіи астрологія распространилась еще въ XV в. и что о содержаніи и объемѣ ея можно судить по тѣмъ свѣдѣніемъ, какія сохранились о ней у насъ на Сѣверѣ. Такъ въ одномъ рукописномъ азбуковникѣ говорится: „зодіями наричютъ звѣздословцы двинадесятъ звѣздъ, ихъ же

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1872, стр. 744.

[2]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1872, стр. 743.

[3]) Списокъ съ печатнаго календару, который печатанъ въ Прузѣ во власти господина пана Данила въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1730 г. Календаръ гражданскій на сто лѣтъ учиненный и паки возвращающій на первое“. Рукопись Кіев. Дух. Ак. № 0 1/6 58.

[4]) Рук. для сел. пастырей 1860 г. т. I, стр. 295.

[5]) Поэтич. возр. Слав. на прир. Аѳанасьева III. 612.

[6]) Изслѣдованіе о сочин. Іосифа Санина, Хрущова, 1868 г. введ., стр. IV.

Библиотека "Руниверс"

глаголютъ суща на седмомъ поясѣ аерномъ... Сими звѣздами умовредніи астрологи мнятся угадывать счастіе и злородѣйственное и злоденственное житіе человѣкомъ“ [1]). Подобное мѣсто находится въ спискѣ ложныхъ книгъ: „двинадцать звѣздъ, въ нихъ же безумніи людіе вѣрующіе, и волхвуютъ, и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе и уроки житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и счастія въ службахъ, куплѣхъ и ремеслахъ“. Въ томъ же спискѣ, тотчасъ послѣ астрономіи, упоминается чаровникъ, какъ способность человѣка силою чародѣйства превращаться въ разныхъ животныхъ: „въ нихъ же суть вся дванадесятъ опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ; се же есть первое тѣло свое хранить мертво и летаетъ орломъ и ястребомъ и ворономъ и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысью и медвѣдемъ [2])“. По всей вѣроятности подъ опрометными лицами разумѣются здѣсь двѣнадцать знаковъ зодіака, только понятые слишкомъ буквально. Въ одной рукописной астрономіи XVII в. сказано: когда звѣзда чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда „съ жонами не спи; аще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплодны [3])“.

Въ Московскомъ государствѣ въ свое время былъ цѣлый кружокъ западниковъ, т.-е. людей привязанныхъ къ западной астрологіи и другимъ отраслямъ западной науки. Когда Максимъ Грекъ написалъ „слово противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ“, то нѣкто Ѳедоръ Карповъ написалъ противъ этого слова опроверженіе. Вѣроятно въ средѣ такихъ „западниковъ“ и былъ переведенъ на Русскій языкъ „Луцидарій“ или „Златой Бисеръ“, содержащій въ себѣ многочисленныя астрологическія свѣдѣнія.

Изъ постановленій Стоглаваго собора видно, что соборъ этотъ обличаетъ волхвовъ и чародѣйниковъ, которые гадаютъ по Аристотелевымъ вратамъ и рафлямъ, наблюдаютъ звѣзды и планеты, смотрятъ дни и часы и пр. Къ числу отреченныхъ книгъ отнесены Стоглавомъ: „Шестокрылъ“ „Вороногрій“, „Остромонія“, „Зодій“, „Альманахъ“, „Звѣздочеты [4])“.

Слѣдуетъ замѣтить, что нашъ народъ къ нѣкоторымъ изъ воскресныхъ дней пріурочилъ древнія языческія вѣрованія и обряды, относившіеся къ древнеязыческимъ праздникамъ въ честь „солнца“.

Такъ, напримѣръ, въ Прощеное Воскресенье, т.-е. въ заговѣнье на великій постъ, во многихъ мѣстахъ существуетъ и до сихъ поръ обычай „сожигать масленицу“. Для этого молодежь собираетъ по домамъ хворостъ, щепки, солому, дрова, худыя кадки и т. п. и все это складываетъ въ одну груду на полѣ. Вечеромъ въ Прощеное Воскресенье эта груда зажигается. Когда она сгоритъ, молодежь расходится по домамъ.

Тождественный съ этимъ обычай существуетъ и у Русскихъ Болгаръ извѣстный подъ именемъ „ерли“. Дѣти выбираютъ на полѣ высокое мѣсто

---

[1]) Повт. возр. Слав. на прир. Аѳанасьева т. III. сто. 321.

[2]) Истор. Русск. Слов. Галахова т. 1, стр. 144.

[3]) Повт. возр. Слав. на прир. Аѳанасьева, т. III, стр. 326.

[4]) Ист. Русск. Слов. Галахова I, стр. 144.

Библиотека "Руниверс"

для „ерле“ и въ теченіе масляницы наносятъ на это мѣсто соломы и можжевельнику. Вечеромъ въ Прощеное Воскресенье приходятъ на это мѣсто взрослые и стрѣляютъ изъ ружей. По заходѣ солнца зажигаютъ ерле, при чемъ пальба изъ ружей усиливается. Каждый изъ участвующихъ кидаетъ въ „ерле“ снопъ ржаной соломы. Какъ только покажется огонь, присутствующіе кричатъ: „ерле“, „ерле“, „ерле [1])!“

По объясненію Аѳанасьева, костеръ, сжигаемый въ Прощеное Воскресенье, служитъ символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растопляютъ снѣжные покровы зимы [2]).

Какъ остатокъ языческаго празднованія въ честь солнца, обычай этотъ пріурочивался, по всей вѣроятности, къ какому нибудь весеннему празднеству въ честь солнца, а затѣмъ уже и пріуроченъ былъ къ прощеному Воскресенью.

Нѣкоторые изъ языческихъ обрядовъ и вѣрованій, пріуроченныхъ первоначально къ „купальскимъ“ праздникамъ въ честь солнца, перенесены были, затѣмъ, на Свѣтлое Христово Воскресенье (напр., повѣрье о томъ, что въ этотъ день солнце на восходѣ играетъ на небѣ), другіе на Троицкое Воскресеніе (пусканіе вѣнковъ на воду). Такому перенесенію способствовало то обстоятельство, что Христосъ, Которому преимущественно посвящается церковію Воскресный день, въ церковныхъ пѣсняхъ называется *„свѣтомъ* истиннымъ„ и *„солнцемъ* правды“.

Понедѣльникъ.

Во многихъ мѣстахъ Великоруссіи, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи, народъ чтитъ Понедѣльникъ наравнѣ со Средою и Пятникомъ: считаютъ грѣхомъ въ этотъ день работать, постятся и т. д. Почти повсемѣстно Понедѣльникъ считается „тяжелымъ“ днемъ, въ который не слѣдуетъ начинать никакой работы [3]). Обычай „понедѣльничать“ или поститься и не работать, вызвалъ въ народѣ даже олицетвореніе этого дня. Въ нѣкоторыхъ народныхъ разсказахъ Понедѣльникъ называется „святымъ Понедѣльникомъ“ и представляется въ человѣческомъ образѣ подобно Прасковеѣ-Пятницѣ. Такъ, въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ Курской губерніи, говорится, что на томъ свѣтѣ первая встрѣча умершаго бываетъ со „святымъ Понедѣльникомъ“, который и распрашиваетъ человѣка о содѣянныхъ имъ дѣлахъ [4]).

Въ другомъ разсказѣ „святый Понедѣльникъ“ вмѣстѣ съ пророкомъ

---

[1]) Періодическое списание на Българско-то Книжновно Дружство въ Срѣщѣ, 1891 г. кн. XXXVIII.

[2]) Поэт. возр. Слав. на прир. Аѳанасьева т. III, стр. 697.

[3]) Яросл. Губ. Вѣд. ч. н. 1895 г. № 181. „Понедѣльничанье“. Кіев. Стар.“ 1887 г. № 1 и 4.

[4]) Эти. Обозр. кн. XV. Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ Украинскаго народа. Проф. Н. Сумцова и М. Васильева.

Библиотека "Руниверс"

Ильею говѣютъ въ монастырѣ. Въ послѣднемъ разсказѣ содержится и прямое запрещеніе въ Понедѣльникъ не „йѣсты“ скоромнаго [1]).

Обычай понедѣльничать есть, безъ сомнѣнія, обычай древній: о немъ упоминается еще въ одной рукописи XVI в. Такъ, „мѣсяца Марта постися первыя недѣли въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ, да причтешься къ 14 родовъ Авраамлихъ; вешнихъ дней мѣсяца Іюня постися двѣ недѣли: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ, да причтешься къ 14 родовъ Давидовыхъ. Лѣтнихъ дней мѣсяца Сентября постися двѣ недѣли, въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ, да причтешься къ 14 родовъ къ племени Вавилонскому. Осеннихъ дней, мѣсяца Декабря постися четыре недѣли: въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ, да причтешься къ 14 родовъ Рождеству Христову. Зимнихъ дней, аще который человѣкъ *сохранитъ сіа четыре времени о хлѣбѣ и водѣ*, чистотою, постомъ, бдѣніемъ, еще будутъ и велики согрѣшенія, то въ едино или въ двѣ лѣта отпустятся ему. Аще вся четыре времена до живота своего сохранитъ сія постяся, да на страшнѣмъ судищѣ никоего зла не убоится. Сіи же четыре времени увѣдаша святіи отцы отъ Святого Духа и уставиша постящимся [2])“.

Вмѣстѣ съ почитаніемъ Понедѣльника въ народѣ распространенъ и взглядъ на него, какъ на день несчастливый, въ который не должно начинать никакого дѣла.

Откуда произошло такое воззрѣніе народа? Нѣкоторые изслѣдователи стараются такъ объяснить это: „Великій князь Владиміръ, познавъ истиннаго Бога и принявъ святое крещеніе самъ, велѣлъ всѣмъ подданнымъ сдѣлать тоже. Между новокрещенными было немало такихъ, которые, принявъ святое крещеніе, втайнѣ остались идолопоклонниками. Чтобы вразумить и утвердить въ вѣрѣ всѣхъ вообще, Владиміръ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ *безъ исключенія каждый воскресный* день приходить въ церковь, гдѣ священники были обязаны наставлять людей въ вѣрѣ. Тѣхъ же упорныхъ, которые не выполняли этого повелѣнія и не являлись въ храмы христіанскіе, подвергалъ чувствительному наказанію, которое выполнялось, обыкновенно, въ Понедѣльникъ“ [3]). Естественно, что нѣкоторые и стали поститься въ этотъ день, чтобы избѣгнуть тѣхъ несчастій [4]), какія приноситъ этотъ день человѣку, какъ день тяжелый.

Какъ ни остроумно такое толкованіе, но имъ едва ли можно объяснить почитаніе нашимъ народомъ Понедѣльника. Дѣло въ томъ, что Понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ не только у Русскихъ, но и у всѣхъ почти Западныхъ народовъ. Основа такого воззрѣнія коренилась прежде всего въ астрологіи, которой безусловно вѣрили на Западѣ въ средніе вѣка. Поне-

---

[1]) „Этн. Обозр.“ кн. XXVII „Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ святыхъ“.

[2]) „Живая Старина“ 1891 г. в. III. „Урочные посты“, М. Соколова.

[3]) Истор. Г. Р. Карамзина, т. 1, прим. 460.

[4]) Приб. къ Херсонск. Еп. Вѣд. 160 г. т. 1, стр. 578.

Библиотека "Руниверс"

дѣльникъ у Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ и Германцевъ былъ посвящаемъ въ древности лунѣ, на что показываетъ и теперешнее его названіе у этихъ народовъ (Лат. dies lunia, день луны) [1]). Между тѣмъ луна, по астрологіи, была свѣтило, не приносившее человѣку счастія. „Седьмая планита луна, глава водамъ и источникамъ, и рѣкамъ великимъ, и всѣмъ планитамъ присутствуетъ, и на подпебесныя силу свою свѣтлостію изнуряетъ, и людіе подъ нею родящіеся непостоянніи, лживіи, напрасно умираютъ, мале щастливіи“ [2]). Западныя астрологическія сочиненія, какъ мы уже видѣли и выше, у насъ въ Россіи встарину имѣли большое распространеніе. Неудивительно, что сочиненія эти способствовали укрѣпленію въ народѣ того взгляда, что Понедѣльникъ день тяжелый, который слѣдуетъ отличать постомъ и воздержаніемъ отъ дѣлъ житейскихъ.

Будучи сначала облачными женами, вѣдьмы смѣшались затѣмъ съ вѣщими женами, низведены были на землю и поставлены въ условія обыкновенной человѣческой жизни. Отсюда вѣдьмы-женщины или, какъ называетъ ихъ народъ, „ученыя вѣдьмы“. Ученою вѣдьмою можетъ сдѣлаться каждая женщина; для этого она должна отречься отъ Христа и записать свою душу дьяволу, и притомъ не чернилами, а кровью изъ своего мизинца.

Очевидно, что вѣдьмы въ представленіи нашего народа были темными, демоническими существами. Остатки празднествъ въ честь этихъ вѣдьмъ и пріурочиваются въ настоящее время къ Чистому „Попедѣльнику“ въ видѣ вышеупомянутаго „полоскозуба“.

Къ слову замѣтимъ, что празднованіе „полоскозуба“ было въ старину не только въ Малороссіи, но и въ Великороссіи.

Въ челобитной, полученной въ Москвѣ 18 Января 1649 года, Варлаамъ, архимандритъ Дмитріевскаго монастыря въ Кашинѣ, извѣщаетъ, что въ богоспасаемъ градѣ Кашинѣ *въ Понедѣльникъ первыя недѣли великаго поста* чинится великое безчиніе и беззаконіе: изъ уѣзду пріѣзжаютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми на тотъ великій день, поютъ, бражничаютъ и безчинствуютъ; крикъ, и вопль, и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полночи на Вторникъ, а на то великое безчиніе и пьянство многихъ всякихъ чиновъ людей того жъ города Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди. А которые, государь, люди Бога боятся, видячи такое великое безчиніе, и беззаконіе, и пьянство, и отъ нихъ плачъ и рыданіе веліе. А отъ того безчинія и пьянства, и бою отстать безчинникомъ имъ не умѣть безъ твоего государевaго указу и безъ наказанія. Веселые съ медвѣди, и съ бубны, и съ сурнами, и со всякими бѣсовскими играми съ иныхъ городовъ торговые люди пріѣзжаютъ на тотъ великій день, и отъ безчинія великаго и пьянства, и отъ буйства умираютъ. А то безчиніе, и пьянство, и съѣздъ чинится за многая лѣта“ [3]).

---

[1]) „Бытъ Русскаго народа“ А. Терещенка. С.-Пб. 1848 г. стр. 32.

[2]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1867, г. Янв. стр. 106.

[3]) Этнографическое Обозрѣніе“ кн. XXXII, стр. 150. „Къ вопросу о борьбѣ Москов-

Библиотека "Руниверс"

Въ Мясопустный Понедѣльникъ во многихъ мѣстахъ въ Чехіи сохранился доселѣ обычай ходить съ кобылкой [1]). Обычай „водить кобылку“ былъ и у насъ на Руси. Въ указѣ царя Алексѣя Михайловича Дмитровскому посводѣ Ивану Окинфеевичу Шишкову читаемъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ Дмитровѣ и иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ... многіе человѣци накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, и межъ себя, *парядя, бѣсовскую кобылку водятъ*, и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ и внезапною смертію умираютъ и въ той прелести христіане погибаютъ“. „И мы, Великій Государь, жалѣя о православныхъ хрестьянѣхъ, велѣли о тѣхъ богомерзскихъ дѣлѣхъ заказъ учинить, чтобъ православные хрестьяне отъ такова отъ бѣсовскаго дѣйства отстали... и по ночамъ на улицахъ и на полѣхъ богомерзскихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли и сами не плясали, и въ ладонп не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ собой не дѣлали, и на качеляхъ пи на какихъ не качались, и на доскахъ мужскаго и женскаго полу не скакали, и личинъ на себя не накладывали и *„кобылокъ бѣсовскихъ“* и на свадьбахъ безчинствъ и сквернословія не дѣлали... А которые люди отъ того всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впредъ такова богомерзкого дѣла держаться, и по нашему указу тѣмъ людемъ велѣно дѣлати наказаніе... и тѣхъ велѣть бить батоги... А только ты по сему нашему указу дѣла не учинишь, и тебѣ быть отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157 Декабря въ 20 день“.

Но основа такого взгляда должна корениться въ нашихъ древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ. На эту мысль наводитъ насъ то, что многія народныя празднества языческаго характера пріурочивались въ старинѣ къ Понедѣльникамъ. *Съ Понедѣльника Масляной недѣли* въ Малороссіи женщины начинаютъ справлять „колотку“. Начиная съ Понедѣльника, крестьянки предаются въ корчмѣ пьянству и гульбѣ. По ихъ мнѣнію, *въ Понедѣльникъ „колотка“ рождается*, во Вторникъ крестится, въ Среду „похрестбины“, въ Четвергъ она умираетъ, въ Пятницу ее хоронятъ, а въ Субботу плачутъ объ ней. „Колотка“, по мнѣнію нашихъ изслѣдователей, есть ни что иное, какъ зима—олицетвореніе смерти, тьмы и холода, царство темныхъ силъ природы. Отмѣтимъ, что по народному повѣрью эта „колотка“-зима *рождается въ Понедѣльникъ*, а умираетъ въ Четвергъ, посвященный нашими предками богу-громовнику, владыкѣ тепла и свѣта [2]).

Съ *Чистымъ Понедѣльникомъ* въ Малороссіи и до сихъ поръ связывается множество народныхъ вѣрованій и обрядовъ, относящихся къ нечистой силѣ, бѣсамъ и вѣдьмамъ. Этотъ день носитъ въ Малороссіи названіе „полоскозуба“, потому что въ этотъ день полощутъ зубы. Полосканье состоитъ въ томъ, что крестьяне обоего пола отправляются въ корчму и тамъ проводятъ цѣлый день, выполаскивая водкою зубы, чтобы не осталось между ними *„сыра“*.

ского правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII вѣка“.

[1]) Эти. Обозр. XXXVII, стр. 155.

[2]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1871 г. т. 4 стр. 7.

Библиотека "Руниверс"

По народному повѣрью, чтобы увидѣть вѣдьму, должно въ масляницу на заговѣньи не выполаскивать рта, чтобы осталось немного *сыра* за зубами. Въ Чистый Понедѣльникъ слѣдуетъ вынуть этотъ сыръ изъ зубовъ, крѣпко зашить его въ кожу и носить подъ лѣвою рукою до Страстной седмицы. Въ великій Четвергъ, когда читается двѣнадцать евангелій, владѣющій этимъ *сыромъ* можетъ увидѣть всѣхъ вѣдьмъ стоящими вмѣстѣ и держащими въ рукахъ вмѣсто свѣчъ раскаленные рожны. По другому сказанію, владѣющій этимъ сыромъ можетъ увидѣть вѣдьмъ въ Пасху на утренн.

Такимъ образомъ съ Чистымъ Понедѣльникомъ связаны остатки языческихъ вѣрованій въ вѣдьмъ. Подъ вѣдьмами же наши предки олицетворяли дождевыя тучи, *скрадывающія мѣсяцъ и звѣзды*, отнимающія урожай у хлѣбовъ („отъ хлѣбушка спорынью отъимывала", говоритъ вѣдьма въ одномъ народномъ стихѣ), насылающія на людей и животныхъ различныя болѣзни, производящія то засуху, то дождевые ливни.

Древне-языческое вѣрованіе въ то, что тучи управляются особыми демоническими существами, отразилось въ народномъ повѣрьи, существующемъ среди Славянъ Подебридскаго округа: всѣ души утопленниковъ, висѣльниковъ и, вообще, всякаго рода самоубійцъ обречены въ наказаніе вѣчно носиться надъ землею и поддерживать черныя тучи. Когда въ тучахъ соберется чрезмѣрное количество воды и душа не въ силахъ удержать эту тяжесть, тогда на землю льется сильный ливень.

Въ одной деревнѣ у старика-крестьянина Горика былъ списокъ какой-то старинной книги съ молитвами и заговорами отъ болѣзней и напастей. Однажды, когда на деревню надвигалась гроза (это было передъ жатвою), онъ вышелъ въ поле и сталъ читать по своей книгѣ заговоръ, желая предотвратить возможное бѣдствіе; во время чтенія онъ взглянулъ какъ-то на небо и увидѣлъ въ облакахъ свою дочь, которая незадолго до этого утопилась; въ тоже время на книгу упали три капли крови. Тотчасъ же онъ бросилъ свои книги въ огонь, не желая усиливать бремя несчастныхъ душъ *)

Въ связи съ празднованіемъ Чистаго Понедѣльника стоитъ и празднованіе *Понедѣльника Свѣтлой седмицы*. Чтобы достать шапку-невидимку, по народному повѣрью, слѣдуетъ въ Понедѣльникъ первой недѣли великаго поста взять яйцо, сварить его въ тотъ же день, проколоть въ немъ насквозь дырочку и положить въ теплое мѣсто на весь великій постъ. Въ Понедѣльникъ свѣтлой седмицы нужно взять это яйцо, идти на церковный погостъ и смотрѣть сквозь дырочку яйца, не пляшетъ ли нечистый въ шапкѣ-невидимкѣ. Если пляшетъ, то имѣющій яйцо долженъ подойти къ нечистому близко, лѣвой рукою снять съ него шапку-невидимку, а правой разбить его о землю; затѣмъ надѣть на себя шапку-невидимку и безъ оглядки бѣжать домой. Чортъ же не иначе можетъ преслѣдовать похитителя, какъ собравъ первоначально всѣ кусочки разбитаго яйца. Если онъ догонитъ похитителя,

*) Этн. Обозр. XX кн., стр. 212.

Библиотека "Руниверс"

то убиваетъ его; если же похитившій прибѣжитъ домой прежде, чѣмъ чортъ успѣетъ собрать кусочки яйца, то шапка-невидимка дѣлается собственностію похитителя. На другой же день онъ можетъ ходить въ ней куда угодно и брать всякія вещи, не будучи замѣчаемымъ. Шапка-невидимка, по мнѣнію А. Н. Аѳанасьева, имѣетъ значеніе небесныхъ тучъ, какъ туманныхъ покрововъ, которыми закрываются небесныя свѣтила отъ взоровъ емертнаго [1]).

Такимъ образомъ и „полоскозубъ“ былъ остаткомъ какого-то прежняго языческаго праздника въ честь вѣдьмъ, темныхъ, демоническихъ существъ, заправлявшихъ тучами и дождями. Въ *свѣтлый же Понедѣльникъ* на Волыни парубки рано по утру ходятъ по домамъ и обливаютъ водою дѣвушекъ или же обливаютъ водою имъ только руки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обливаніе водою замѣняется купаньемъ. Обычай этотъ существуетъ и во многихъ Великорусскихъ губерніяхъ и принадлежитъ, повидимому, къ числу древнѣйшихъ общераспространенныхъ обычаевъ, противъ которыхъ долго боролись и духовная, и свѣтская власти.

Статьею 29-го Устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій (Св. Зак., т. XIV, изд. 1890 г.) „запрещается въ теченіе пасхальной недѣли по старинному суевѣрному и вредному обычаю купать или обливать водою небывающихъ у заутрени“. Это повтореніе патріаршаго указа, объявленнаго Стрѣлецкому приказу 24 Дек. 1664 г. и Синодскаго указа отъ 17 Апрѣля 1721 г. (Полн. Собр. Зак., №№ 1101, 3771). По свидѣтельству Густынской лѣтописи этотъ обычай ведетъ начало отъ языческихъ временъ. Густынская лѣтопись разсказываетъ что „отъ сихъ (языческихъ боговъ) единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донынѣ по нѣкоимъ странамъ безумные память творятъ: въ день Воскресенія Христова, собравшеся юніи, играюще вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тѣхъ боговъ, сіе есть бѣсовъ, разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по инымъ же странамъ не кидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единачѣ тому же бѣсу жертву сотворяютъ“ [2]).

Въ Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли въ Малороссіи и до сихъ поръ празднуютъ „проводы“ покойниковъ, т.-е. провожденіе ихъ въ загробный міръ, который сопровождается поминовеніемъ и различными обрядами. По народному представленію въ Четвергъ на Пасхѣ мертвецы выпускаются съ того свѣта, чтобы праздновать имъ свою пасху. Въ праздникъ Пасхи въ Малороссіи бросаютъ на воду скорлупу крашенныхъ яицъ, чтобы они донесли усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ Четвергъ Пасхальной недѣли. Въ этотъ день мертвецы выходятъ съ того свѣта и не боятся ни креста, ни молитвы.

По мнѣнію крестьянъ, въ полночь на Свѣтлый Четвергъ, мертвецы встаютъ изъ своихъ гробовъ, собираются къ церкви по звуку колокола, который ударяетъ всего только одинъ разъ. Собравшись вмѣстѣ, они стано-

[1]) Поэт. возр. Славянъ на прир. Аѳанасьева т. I, стр. 548, 650, 743.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 702—700.

Библиотека "Руниверс"

вятся передъ храмомъ. Изъ среды ихъ выходитъ священникъ и громко произноситъ какую-то молитву, по окончаніи которой двери храма отворяются сами собой. Послѣ этого мертвецы входятъ въ храмъ, и соборъ священниковъ начинаетъ совершать литургію. Во время литургіи передъ алтаремъ стоитъ рядъ дѣтей, которыя держатъ въ рукахъ по красному яйцу, наполненному „клочемъ“ т.-е. льняпымъ соромъ. По окончаніи литургіи мертвецы христосуются другъ съ другомъ и затѣмъ выходятъ изъ храма и по прежнему останавливаются передъ дверями его. Священникъ произноситъ какую-то молитву, послѣ которой двери храма затворяются сами собой, и мертвецы возвращаются на кладбища.

Въ Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли и совершаются проводы покойниковъ обратно въ загробный міръ.

Извѣстное пусканіе вѣнковъ на воду въ старину пріурочивалось не къ Троицыну дню, какъ нынѣ, а къ Духову дню, т.-е. *къ Понедѣльнику*. Въ протоколѣ засѣданія Св. Синода, 1741 г. 13, Мая, читаемъ: „А понеже, какъ Св. Синоду не безъизвѣстно, что во многихъ благочестія Россійскаго мѣстахъ вмѣсто подобающаго христіанамъ благоговѣйнства различная нѣкая безобразія, безчинія и суевѣрія чинятся... въ Четвертокъ, иже предъ недѣлею сошествія Святаго Духа, завиваютъ березки вѣнками и обвязываютъ опыя, какъ чаятельно, съ нѣкіимъ суевѣрнымъ упованіемъ и между тѣмъ чинятъ пиршествы, скачки и пляски, мужіе же и жены и особливо въ высокоторжественный Сошествія Святаго Духа день, который надлежитъ христіанамъ препровождать со всякимъ благоговѣніемъ и веселіемъ духовнымъ“.

Къ первому Понедѣльнику Петрова поста во многихъ мѣстахъ пріурочиваются такъ называемые проводы русалокъ. По словамъ С. М. Соловьева, „бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище, провожанье русалокъ. Женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвали непремѣнно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсень игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу - русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись въ поле, гдѣ побоище и оканчивалось растерзаніемъ чучелы и разбрасываніемъ соломы по полю“.

Въ Нижегородской губерніи въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки срубаютъ березу, убираютъ ее лентами, цвѣтами и лоскутками и водятъ вокругъ нея хороводы. Вечеромъ березку эту несутъ и кидаютъ въ рѣку *).

Въ Рязанской губерніи въ теченіе „русальной недѣли“ ежедневно по вечерамъ водятъ „курагоды“. Нѣсколько самыхъ бойкихъ дѣвушекъ изображаютъ изъ себя въ теченіе всей недѣли „русалокъ“. Вечеромъ опѣ появляются на улицѣ въ однѣхъ рубахахъ. Въ заговѣнье, въ 12 часовъ ночи (до

*) „Волжск. Вѣстн.“ 1900 г. № 136.

Библиотека "Руниверс"

этого часа русалки ходятъ все время по деревнѣ, то приближаясь къ „курагоду“, то держась нѣсколько поодаль) всѣ находящіеся на улицѣ вооружаются палками, косами, кнутами, и съ крикомъ: „гони русалокъ“, со звономъ въ косы и щелканьемъ кнутомъ бросаются на русалокъ, которыя убѣгаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю сосѣдней деревни (куда ихъ стараются не пустить) преслѣдованіе прекращается, и всѣ возвращаются домой: „Ну теперь прогнали русалокъ!“ [1]).

Въ Воронежской губерніи, еще въ недавнее время, въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки устраивали особенный разукрашенный шалашъ и въ немъ ставили соломенное чучело, которое наряжали сначала въ женское, и затѣмъ въ мужское платье. Передъ чучеломъ ставили кушанье и лакомства, а вокругъ шалаша водили хороводы, за которыми слѣдовало особое угощеніе. Послѣ угощенія чучело раздѣвали и бросали въ воду.

Въ Тульской губерніи по берегамъ рѣки Красивой Мечи, крестьянскія дѣвушки вечеромъ въ заговѣнье на Петровъ постъ собираются на полянахъ гдѣ поютъ пѣсни и съ наступленіемъ ночи начинаютъ бѣгать, размахивая въ воздухѣ помелами, съ громкими криками: „догоняй! догоняй!“ Отъ этого, по ихъ мнѣнію, испуганныя русалки всѣ разбѣгаются. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ вышеозначенные обряды пріурочиваются не къ вечеру на Понедѣльникъ Петрова поста, а къ самому Понедѣльнику. По всей вѣроятности такъ дѣлалось и въ старину. Въ Стоглавѣ находимъ указаніе, что въ первый Понедѣльникъ Петрова поста „въ рощи ходили и бѣсовскія потѣхи дѣяли“ [2]).

Въ Кіевской губерніи въ первый Понедѣльникъ Петрова поста крестьяне ничего не работаютъ. Разсказываютъ, что у одного крестьянина, который выѣхалъ въ первый Понедѣльникъ Петрова поста пахать землю волами, издохли волы [3]).

Такимъ образомъ и къ первому Понедѣльнику Петрова поста пріурочены остатки языческихъ праздниковъ въ честь темныхъ силъ природы. Русалки (Славянскіе мавки) по древне-языческому представленію суть ничто иное какъ души умершихъ. Весною, когда вся природа оживаетъ, по вѣрованію древнихъ Славянъ, оживали и души умершихъ и бродили по землѣ.

Такъ какъ водный путь у всѣхъ почти языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство, а изъ него назадъ, то неудивительно, что по народному повѣрью въ началѣ весны русалки живутъ въ водахъ, въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Съ Троицына дня, по народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и живутъ на деревьяхъ, а послѣ „проводовъ“ уходятъ подъ землю. Такимъ образомъ, русалки, какъ души умершихъ, являлись представительницами смерти, тьмы и холода [4]).

Не даромъ и доселѣ существуетъ такое повѣрье: „Ны годыться въ По-

---

[1]) Живая Старина“ 1891 г. в. IV, стр. 202.

[2]) Рук. для сел. пастырск. 1860 г. т. III, стр. 140.

[3]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1871 г. т. IV, стр. 38.

[4]) Живая Старина 1896 т. в. I.

Библиотека "Руниверс"

недылокъ и въ Четвергъ сырнвцю ввариваты: въ тимъ сырнвцы будьэ нычысти сила купатыся и страву соби зъ его вариты [1]).

Естественно, что день, посвящаемый темнымъ божествамъ, въ понятіяхъ язычника не могъ быть счастливымъ днемъ. Отсюда вѣрованіе въ Понедѣльникъ, какъ въ тяжелый день. Укрѣпленію этого вѣрованія въ народѣ съ принятіемъ христіанства способствовали: 1) историческая причина, указанная нами въ началѣ настоящаго очерка. 2) посвященіе Понедѣльника Православною Церковію въ честь безплотныхъ силъ. 3) западныя сочиненія астрологическаго характера.

Обычай поститься въ Понедѣльникъ возникъ, по всей вѣроятности, на первыхъ же порахъ распространенія на Руси христіанства подъ вліяніемъ пастырей церкви, старавшихся изгладить изъ народной памяти воспоминаніе о тѣхъ языческихъ празднествахъ, какія совершались въ нѣкоторые изъ Понедѣльниковъ. Укрѣпленію послѣдняго обычая способствовали и различные монастырскіе уставы, сильно распространенные и до сихъ поръ между нашими старообрядцами. Во всѣхъ такихъ уставахъ самый строгій постъ налагается въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятокъ.

Вторникъ.

Единственный день въ недѣлѣ, почти совсѣмъ не отмѣченный народными вѣрованіями, это Вторникъ. Въ народѣ онъ считается и счастливымъ днемъ, и несчастнымъ: въ однихъ мѣстахъ его причисляютъ къ счастливымъ днямъ, въ другихъ къ несчастнымъ. Взглядъ на Вторникъ, какъ на тяжелый день, образовался исключительно подъ вліяніемъ астрологическихъ сочиненій. У всѣхъ Романскихъ народовъ Вторникъ называется днемъ Марса; Римлянами онъ посвящался Марсу. Между тѣмъ по астрологическимъ сочиненіямъ: „третія планита Марсъ папхолѣріи. Родивыйся подъ нимъ бываетъ гнѣвливъ, непостояненъ, убийца, безстыдный, непокоровій, лживый лстецъ, обманщикъ неправедный, недобрымъ пріятель, піаница, возмутитель, всѣхъ злыхъ творитель, къ женамъ неохочій, къ человѣкомъ немилосердъ [2])“.

Мало того, Вторникъ—второй день въ недѣлѣ, число же два астрологами къ числу счастливыхъ чиселъ не относилось. Въ таблицѣ: „о мѣсяцѣхъ, въ нихъ же злыи дни имѣются“, упоминаются несчастные дни: въ Январѣ 2, въ Февралѣ 2, въ Сентябрѣ 2, въ Октябрѣ 2 и въ Декабрѣ 2-е. Но такъ какъ взглядъ этотъ не имѣлъ ничего соотвѣтствующаго себѣ въ древне-Русскихъ народныхъ вѣрованіяхъ, то онъ и привился въ народѣ слабо. Въ то время какъ „Понедѣльникъ“ считается тяжелымъ днемъ повсемѣстно, Вторникъ—одни считаютъ счастливымъ днемъ, другіе несчастнымъ, тяжелымъ. Оно и понятно; въ первомъ случаѣ астрологическій взглядъ на

[1]) Эти. Обозр. XXXII, стр. 40.

[2]) Списокъ съ печатнаго календаря, который печатанъ „въ Прузѣ во власти господина пана Данила въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1730“ Рук. Кіев. Дух. Акад. № 0.

Библиотека "Руниверс"

Понедѣльникъ, какъ на тяжелый день, нашелъ для себя подходящую почву въ томъ, что день этотъ посвящался нашими предками темнымъ, злымъ божествамъ; во второмъ случаѣ астрологическій взглядъ на Вторникъ, какъ на тяжелый день, въ древне-Русскихъ вѣрованіяхъ не нашелъ себѣ подходящей почвы и привился въ народномъ сознаніи слабо.

Среда.

Среда, подобно Понедѣльнику, считается въ народѣ днемъ тяжелымъ, въ который не должно начинать никакого дѣла. Въ Харьковской губерніи крестьяне вѣрятъ, что по Средамъ не должно мыть головы, такъ какъ въ противномъ случаѣ въ головѣ появится много вшей [1]). Наканунѣ Среды и Пятницы вечеромъ не слѣдуетъ прясть, такъ какъ доля будетъ плакаться, что ей и вечеромъ не даютъ отдохнуть. Въ Среду замужней женщинѣ не слѣдуетъ мыть и расчесывать волосы, иначе во время родовъ она будетъ сильно страдать и до тѣхъ поръ не разрѣшится отъ бремени, пока „*святая Середа*“ не переберетъ у нея по одному волоску всѣхъ волосъ на головѣ. Въ Среду, какъ и въ Пятницу, крестьяне въ большинствѣ случаевъ соблюдаютъ строгій постъ.

Среда и Пятница, какъ дни, посвященные воспоминанію страданій и крестной смерти Спасителя, всегда почитались Православною Церковью и народомъ. Въ XII вѣкѣ епископъ Ростовскій Леонъ до того простиралъ строгость поста въ Среду и Пятокъ, что не хотѣлъ разрѣшить его даже для такихъ великихъ праздниковъ, какъ Рождество Христово и Богоявленіе.

Въ старинныхъ рукописяхъ встрѣчается „слово св. отца Пахомія о *Средѣ* и Пяткѣ“, въ которомъ правило о постѣ въ эти дни называется „тайной спасенія“ свыше открытой св. Пахомію, а самыя Среда и Пятница олицетворяются въ видѣ двухъ ангеловъ, которые въ будущей жизни встрѣтятъ и проводятъ въ рай тѣхъ, кто ихъ почитаетъ [2]).

Наставленія о почитаніи Среды и Пятка мы постоянно встрѣчаемъ и въ апокрифическихъ сочиненіяхъ, вращающихся въ народѣ. Такъ, напримѣръ въ „Свиткѣ Іерусалимскаго знаменія“ дается христіанамъ такое наставленіе: „еще и праздники Господни почитайте, Воскресенье, *Среду* и Пятокъ для того, что въ Воскресенье Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, *а въ Среду совершиша Жиды убити Іисуса Христа*, а въ Пятницу сотвори Богъ перваго человѣка, и въ тотъ же день Жидове распяша Господа нашего Іисуса Христа“.

Въ рукописномъ сказаніи о явленіи Казанской иконы Божіей Матери, найденномъ И. Ѳ. Токмаковымъ въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, въ скорописномъ сборникѣ XVII в. (4° № 605—1113 лист. 120—128) находится приказаніе Пресвятой Богородицы, чтобы „*Среду* и Пятокъ почитали .

[1]) Этн. Обозр. XXXII к., стр. 24 и 40.

[2]) Труд. Кіев. Дух. Акад. 1860 г. стр. 477.

Библиотека "Руниверс"

и праздники честно имѣли Христовы и Богородичны и Архангеловы и Предтечевы и всѣхъ святыхъ, и въ тѣ бы дни святые въ чистотѣ пребывали и упражнялися бы на молитву и въ церкви Божіи приходили бы съ вѣрою, никакого бы помысла и гнѣва не имѣли на друга своего... а въ Воскресенье Христово никакого дѣла не дѣлайте: ни рабамъ своимъ, ни дѣтемъ своимъ не велите работати, а *въ Среду* и Пятокъ до обѣда не тружайтеся и въ тѣ дни упражняйтеся на молитву и въ чистотѣ пребывайте день и нощь“ [1]).

Въ народныхъ духовныхъ стихахъ постоянно заповѣдуется соблюдать постъ въ Среду и Пятницу, и постъ въ эти дни считается высшею добродѣтелью.

Въ Стоглавѣ говорится, что „по погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лживые пророки, мужики, жонки, дѣвки и старыя бабы, отростивъ и распустивъ волосы; они сказуютъ, что имъ являются святая Пятница и святая Анастасія (Воскресенье) и заповѣдуютъ христіанамъ *въ Среду* и Пятницу ручного дѣла не дѣлать, не прясть и платья не мыть [2]).

Народъ представляетъ и Среду въ видѣ живого существа, наказывающаго тѣхъ лицъ, которыя не почитаютъ этотъ день.

Еще у древнихъ Римлянъ Среда посвящалась Меркурію и считалась днемъ несчастнымъ, въ который не должно было начинать никакихъ важныхъ дѣлъ. Противъ этого суевѣрія и Западная Римская церковь. Въ одномъ изъ „пенитенціаловъ“ (Indiculus superstitionum et paganiarum) находится и запрещеніе церкви, обличающее народный обычай ничего не дѣлать въ день Меркурія, т.-е. въ Среду [3]).

Этотъ древне-римскій взглядъ на Среду, какъ на несчастный день, отразился и въ астрологическихъ сочиненіяхъ среднихъ вѣковъ. „*Шестая планита есть Меркурій натуры непостоянныя*“, читаемъ въ одномъ астрологическомъ сочиненіи, переведенномъ и на Русскій языкъ („Списокъ съ печатнаго календару, который печатанъ въ Прузѣ во власти господина папа Данила въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1739“) [4]).

„Априля мѣсяца ветха 25 Марка евангелиста добро кровь пущати и безъ году человѣку и коню здраво; а коли ведро бываетъ, *кромѣ Среды и Пятка*, кровь пущати и чернило сливати“ [5]).

Но для нѣкоторыхъ дѣлъ народъ дѣлаетъ исключеніе. Такъ, напримѣръ, въ Среду должно запускать корову передъ отёломъ и, непремѣнно, послѣдній удой молока долженъ быть произведенъ днемъ, отчего и корова должна отелиться днемъ [6]).

---

[1]) Этногр. Обозр. т. XVII, стр. 209.

[2]) Истор. Русск. Слов. Галахова т. I, стр. 141.

[3]) Эти. Обозр. XXIII, стр. 187.

[4]) Тр. Кіев. Дух. Акад. 1860 г., т. 2, стр. 480.

[5]) Изъ рук. XVI в. Соф. № 1462, л. 83. „Живая Старина“ 1891 г. в. III. „Примѣты по днямъ луны“ М. П.“ Соколовъ.

[6]) Эти. Обозр. LVIII, стр. 34 и157.

Библиотека "Руниверс"

Лѣченіе нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзней, напримѣръ, „собачей старости“ и т. п. по народному мнѣнію должно совершаться непремѣнно въ Среду. Ленъ сѣять должно точно также въ Среду.

Относительно послѣдняго повѣрья должно замѣтить, что льняное сѣмя у народа считается любимой пищей „тишка“ т.-е. чорта, а потому и считается предохранителемъ отъ тѣлесной порчи. Когда ѣдутъ за невѣстой къ вѣнчанію, то свахи берутъ съ собою льняного сѣмени и кидаютъ его на перекрестокъ дороги, на встрѣчнаго человѣка, и даже тогда когда ведутъ невѣсту въ церковь, то и въ церкви можно встрѣтить льняное сѣмя разсыпанное на полу. Если на дворѣ захвораетъ скотъ, то дворъ посыпаютъ льянымъ сѣменемъ.

Чортъ (который и называется у крестьянъ часто „чернымъ“) замѣнилъ собою большинство темныхъ языческихъ божествъ въ понятіяхъ народа. Любимая пища чорта льняное сѣмя, очевидно и сѣять его всего лучше въ день „тяжелый“, „несчастный“.

Извѣстно, что при лѣченіи болѣзней народъ и по сейчасъ обращается не только къ добрымъ, но и злымъ духамъ. Доказательствомъ служатъ многочисленные заговоры и заклинанія отъ различныхъ болѣзней.

Обычай лечить въ Среду нѣкоторыя болѣзни, по всей вѣроятности былъ перенесенъ на Среду съ Пятницы, такъ какъ св. Параскева-Пятница считается въ народѣ цѣлительницею отъ всевозможныхъ недуговъ.

Четвертокъ.

Въ противуположность Понедѣльнику, Четвергъ считается въ народѣ однимъ изъ счастливыхъ дней.

Въ Минскомъ уѣздѣ, въ Бѣлоруссіи удачными днями для сватовства считаются Воскресенье, Вторникъ и *Четвертокъ*. Точно такое же вѣрованіе существуетъ и въ Рогачевскомъ уѣздѣ, Могилевской губерніи. Вообще же въ Бѣлоруссіи Четвертокъ является излюбленнымъ днемъ для совершенія сватовства или тѣхъ или иныхъ обрядовъ свадебныхъ [1]).

Въ Малороссіи вѣрятъ, что родившійся въ Четвертокъ будетъ богатъ и счастливъ [2]). Въ Великороссіи Четвертокъ повсемѣстно считается днемъ счастливымъ, „легкимъ“, въ который безбоязненно можно начинать какую угодно работу. „Влазины“ или переходъ изъ стараго дома въ новый почти всегда крестьяне Пошехонскаго уѣзда, Ярославской губерніи, стараются пріурочить къ Четвергу и т. д. Къ слову замѣтимъ, что Четвергъ считался счастливымъ днемъ и у югозападныхъ народовъ, посвящавшихъ его Юпитеру [3]).

---

[1]) Этногр. Обозр. т. XVI, стр. 88.

[2]) Этногр. Обозр. т. XXII, стр. 26.

[3]) Эти. Обозр. т. XXIII, стр. 187, а также „Бытъ Русскаго народа“. А. Терещенки ч. III СПБ. 1848 г., стр. 30.

Библиотека "Руниверс"

Въ *Четвертокъ на масляной недѣлѣ*, „колотка“ умираетъ, по народному Малороссійскому повѣрью. Въ видѣ же „колотки“ народъ олицетворялъ отживающую свое время зиму [1]). Смерть зимы народомъ пріурочивалась къ Четвергу.

Въ Четвергъ первой недѣли великаго поста, нѣкоторые крестьяне въ юго-западной Россіи идутъ въ лѣсъ и дѣлаютъ тамъ осиновые ворота, такъ чтобы никто объ этомъ не зналъ. Работа эта производится *по всѣмъ великопостнымъ Четвергамъ* вплоть до Четверга страстной недѣли. Въ Страстной Великій Четвергъ берутъ эти ворота, ставятъ ихъ въ незамѣтномъ для другихъ мѣстѣ и садятся гдѣ нибудь въ углу. Вѣдьма, идя дорогой, никакъ не можетъ оставить этихъ воротъ въ сторонѣ и, такимъ образомъ, возможно увидать вѣдьму. *По Четвергамъ Великаго поста* до Страстной недѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне забрасываютъ на чердакъ по одному осиновому полѣну, а въ Страстной Четвергъ снимаютъ полѣнья съ чердака и топятъ ими печь, въ томъ убѣжденіи, что вѣдьмы придутъ просить огня. Чтобы увидѣть вѣдьму, по народному вѣрованію, *по Четвергамъ* Великаго поста слѣдуетъ дѣлать борону изъ осиноваго дерева, въ Страстной Четвергъ окончить ее и, принесши изъ церкви зажженную свѣчу, идти съ нею въ хлѣвъ, сѣсть за бороною и наблюдать. Тогда вѣдьму можно будетъ увидать въ какомъ либо изъ угловъ хлѣва въ видѣ какого нибудь животнаго [2]).

Въ *Великій Четвертокъ*, по народному вѣрованію на Волыни, клады, скрытые подъ землею, выходятъ наружу [3]).

Вода въ Великій Четвертокъ дѣлается цѣлебною. Воронъ, какъ вѣщая птица, знаетъ это свойство Четверговой воды и купаетъ въ ней своихъ дѣтей [4]).

Въ Ярославской губ. въ Великій Четвертокъ обливаются водою подъ куриною нашестью, чтобы быть здоровымъ въ теченіе цѣлаго года, кормятъ въ этотъ день пѣтуха на печной заслонкѣ съ тою цѣлію, чтобы пѣтухъ сдѣлался сильнѣе и билъ остальныхъ пѣтуховъ. Тамъ же вѣрятъ, что волосы у ребенка въ первый разъ слѣдуетъ подстригать въ Великій Четвертокъ [5]).

Въ Вологодской губерніи въ Великій Четвертокъ до восхода солнца считаютъ деньги, чтобы онѣ велись въ теченіе цѣлаго года. Въ тотъ же день умываются съ серебра, чтобы лице было чистое; окачиваются, чтобы тѣло было чистое.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ этотъ день прядутъ шерсть, чтобы лѣтомъ при жнивѣ не подрѣзывались пальцы и не захватывалась рука. У коровъ подстригаютъ хвосты, чтобы они не завивались, овецъ спрыскиваютъ черезъ

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г. стр. 7.

[2]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г. т. 4, стр. 14.

[3]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г. т. 4, стр. 15.

[4]) „На каждый день“ И. Тюменева, прил. къ „Русск. Паломнику“ за 1898 г. кн. I. стр. 142.

[5]) „Древне-рус. обрядъ постриженія дѣтей“ Рус. Палом. за 1898 г. кн. 1 стр. 142.

Библиотека "Руниверс"

рѣшето водою, чтобы дыры въ огородахъ казались имъ меньше и овцы не пролѣзали бы черезъ изгороди. Въ этотъ же день кличутъ въ трубу коровъ, чтобы онѣ лѣтомъ возвращались съ пастбища домой; перекладываютъ яйца, чтобы куры болѣе неслись; молоко въ большомъ горшкѣ топятъ, и также сметану пахтаютъ, чтобы коровы были дойнѣе [1]).

Во многихъ мѣстахъ вѣрятъ, что соль, пережженная въ Великій Четвертокъ, обладаетъ цѣлебною силою [2]). О вѣрованіи этомъ упоминается еще въ Стоглавѣ: „Нѣцыи невѣгласи попы въ Великій Четвергъ соль подъ крестомъ кладутъ и *до седьмого Четвертка по велицѣ дни* тако держатъ и ту соль даютъ на врачеваніе людемъ и скотомъ". Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Великій Четвертокъ дѣвицы подстригаютъ волосы, чтобы они росли длиннѣе и прыгаютъ черезъ горящую солому, чтобы мужья крѣпче любили. Объ этомъ обычаѣ находится упоминаніе и въ Стоглавѣ: „а въ Великій Четвертокъ порану солому палятъ и кличутъ мертвыхъ". Зола Четверговая, по народному повѣрью, охраняетъ куръ отъ болѣзней и капусту отъ гусеницъ [3]).

Въ *Четвергъ на Свѣтлой недѣлѣ*, по народному представленію, пробуждаются мертвецы, чтобы праздновать свою пасху. Въ праздникъ Пасхи въ Малороссіи бросаютъ на воду скорлупу крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ Четвергъ Пасхальной недѣли. Въ этотъ день мертвецы выходятъ съ того свѣта и не боятся ни креста, ни молитвы; если они завидятъ живого человѣка, то душатъ его до смерти. Въ предотвращеніе этого крестьяне въ этотъ день обливаются водою. День этотъ называется въ Малороссіи „навскій великденъ" („навъ"—мертвецъ).

Въ этотъ день крестьяне ничего не дѣлаютъ и проводятъ его какъ великій праздникъ. Говорятъ, что кто будетъ работать въ „навскій великденъ", у того непремѣнно вырастетъ мертвая костка. Мертвая костка—это наростъ на тѣлѣ, который крестьяне стараются излѣчить такимъ образомъ: во время колокольнаго звона, имѣющій мертвую костку спѣшитъ на кладбище, отыскиваетъ тамъ кость мертвеца и начинаетъ тереть ею свой наростъ, пока не окончится колокольный звонъ [4]).

Въ *Четвергъ, въ Вознесеньевъ день*, въ Ярославской губерніи крестьянская молодежь дѣлаетъ на поляхъ яичницу и съ этою яичницею обходитъ поля, чтобы былъ урожай. Яичница съѣдается тутъ же на полѣ. Участвующіе, затѣмъ, катаются по травѣ, приговаривая: „Рости трава къ лѣсу, а рожь къ овину".

Въ Рыбинскомъ уѣздѣ во время ѣды кидаютъ куски яичницы вверхъ, произнося слѣдующія слова: „Рожь къ овину, а метелка къ лѣсу". Въ нѣ-

---

[1]) Живая Старина, вып. III-й, годъ 13-й. . стр361.

[2]) Вспомнимъ про Четверговую соль подъ подушкою императрицы Елисаветы Петровны въ Запискахъ Екатерины Великой. Эта соль и теперь еще въ употребленіи, и не въ простонародіи только. П. Б.

[3]) „На каждый день" И. Тюменева С.-Пб. 1898 г. кн 1, стр. 142.

[4]) Тр. Кіев. Дух. Авад. 1871 г. т. 4, стр. 24.

Библиотека "Руниверс"

которыхъ мѣстахъ вверхъ кидаютъ не куски яичницы, а ложки, которыми ѣли яичницу. Мальчики и дѣвочки кидаютъ въ это время вверхъ вареныя въ крутую яица, чтобы рожь росла выше. Иногда въ полосу втыкается срубленная березка (въ др. мѣстахъ деревянный крестикъ), которая и оставляется въ полосѣ на все лѣто [1]).

Четвергъ передъ Троицынымъ днемъ или Семикъ былъ встарину праздникомъ въ честь русалокъ. Языческое празднованіе въ честь русалокъ, по всей вѣроятности, пріурочивалось прежде къ купальскимъ празднествамъ [2]). Въ христіанскую эпоху этотъ праздникъ стали пріурочивать къ Троицкой недѣлѣ. При этомъ самое названіе Духова дня приводило народъ на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усопшихъ предковъ. Троицкой недѣлѣ въ Малороссіи даютъ названіе „земной“, „клечальной“, а три послѣднія ея дня называются „зелеными святками“. На зеленые святки русалки выходятъ изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня. Въ зеленые святки на дворахъ и по улицамъ ставятъ нарочно срубленные молодые клёны, березы, липы; стѣны и окна внутри избъ украшаютъ зелеными вѣтками и цвѣтами, а полы устилаютъ травою. На зеленые святки никто не долженъ работать, чтобы не прогнѣвить русалокъ; въ особенности женщины не должны мыть и шить бѣлье, а мужчины вить изъ лозы, плетни и бороны [3]).

Вышеозначенные обычаи подтверждаютъ принятую нѣкоторыми изслѣдователями гипотезу, о томъ, что *Четвертокъ посвящался нашими предками Перуну*. Дѣйствительно, по народному повѣрью, „колотка-зима“ умираетъ въ Четвергъ, день посвященный богу-громовнику, который будитъ весною всю природу отъ долгаго зимняго сна. (Припомнимъ, что по народному повѣрью лягушки просыпаются весною только послѣ перваго удара грома, трава начинаетъ расти точно также только послѣ перваго громового удара и т. д.).

Подъ вѣдьмами наши предки-язычники олицетворяли тучи, скрадывавшія мѣсяцъ и звѣзды и отнимавшія дождливыми ливнями урожай отъ хлѣбовъ. Тучи эти разгоняетъ своими громовыми ударами и палицей-молніей Перунъ-тучегонитель. Естественно, что всѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы ослабить власть этихъ демоническихъ существъ, предпринимались и предпринимаются въ дни посвященные Перуну—въ Четверги.

Пѣтухъ, служившій символомъ огня (пѣніе его предъ восходомъ солнца; народное выраженіе: „красный пѣтухъ“ т. е. пожаръ), посвящался Славянами язычниками Перуну. Неудивительно, что и всѣ мѣры, клонящіяся къ охраненію пѣтуха и куръ, совершаются въ одинъ изъ Перуновыхъ дней, т. е. въ Четвертокъ.

---

[1]) Этн. Обозрѣн. т. LVIII, стр. 157.

[2]) Поэт. возр. Слав. на природу Аѳанасьева т. III, стр. 141.

[3]) „О народныхъ праздникахъ въ югозападной Россіи“ П. Петрова, Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871 г. т. 4, стр. 36—38.

Библиотека "Руниверс"

Такъ какъ гроза почти всегда сопровождается дождемъ, то богъ грома былъ въ тоже время и богомъ рождающимъ на землѣ, производящимъ все живое, богомъ, между прочимъ, и растительности. Отсюда и хожденіе въ Четвергъ на Вознесеньевъ день вокругъ полей съ яичницей для урожая (яйцо—символъ пѣтуха, а пѣтухъ—птица, посвященная Перуну). Волосы въ первый разъ слѣдуетъ подстригать въ Великій Четвертокъ. Вещь вполнѣ понятная: Перунъ—богъ производящій на землѣ растительность; головной же волосъ служитъ и доселѣ въ народной поэзіи метафорою растительности. На древнемъ поэтическомъ языкѣ трàвы, цвѣты, кустарники и деревья назывались волосами земли. Въ одной купальской пѣснѣ мать купальской Ганны говоритъ громадѣ:

Не косите, людіе, по лугамъ травы!
По лугамъ трава—Ганнина коса [1]).

По преданію Индійскихъ браминовъ растенія создались изъ волосъ Брамы.

Такъ какъ одновременно съ пробужденіемъ природы, при первыхъ ударахъ грома, пробуждались къ жизни и души усопшихъ, то неудивительно, что къ весеннему празднику Пасхи, именно къ Четвергу Пасхи, и пріурочент былъ праздникъ въ честь усопшихъ, „навскій великдень“, въ который мертвецы оживаютъ и выходятъ на землю. „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и *сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ*“. Таково происхожденіе Навскаго Четверга.

Что касается до Семика, то происхожденіе его такое же какъ и „Навскаго“ великаго дня, такъ какъ русалки ничто иное, какъ души умершихъ [2]).

И до сихъ поръ народъ вѣритъ, что при каждомъ ударѣ грома черти прячутся на межахъ. Когда Илья пророкъ попадетъ въ чорта молніей, то убиваетъ его.

У Римлянъ, а затѣмъ и у всѣхъ Романскихъ народовъ, Четвергъ посвящался Юпитеру. Счастливымъ днемъ онъ считается и въ настоящее время почти у всѣхъ Западныхъ народовъ [3]).

Средневѣковая астрологія укрѣпила такой взглядъ на Четвертокъ. Въ „спискѣ съ печатнаго календару“, о которомъ мы упоминали выше, читаемъ: „вторая планита Юпитеръ, фартуна до власти приводяща разумѣющему. *Кто подъ нимъ родится, бываетъ праведливій, и истинень, ласковій и вѣрень, смирень, милосердъ, кротокъ, богомысливъ, высокой мысли или лица, добръ, счастливъ, невѣстолюбивъ, премудръ, честенъ всѣми людьми, въ доброй славѣ, богатство овладѣетъ, долголѣтенъ на земли*“.

Астрологическія сочиненія способствовали укрѣпленію у насъ вѣрованія, что Четвертокъ день счастливый. Слѣдуетъ замѣтить и то обстоятель-

---

[1]) Тр. Кіев. Дух. Ак. 1871. т. 4, стр. 357.

[2]) Живая Старина 1896 г. в. I, стр. 141.

[3]) Бытъ Русск. нар., стр. 40. Этн. Об. XXV, стр. 173. У Эстовъ и родственныхъ съ ними народовъ Четвертокъ посвящается богу грому—Тору. У Германскихъ народовъ Четвергъ называется Donnerstag—громовый день.

Библиотека "Руниверс"

ство, что Четвертокъ 4-й день недѣли и число четыре по астрологіи число счастливое. Въ „таблицѣ о мѣсяцѣхъ (въ нихъ же злые дни имѣются, въ которы не подобаетъ ничто же починати, ниже сѣяти, и ни въ путь шествовати, ни браки творити; аще младенецъ родится, то недолговѣченъ будетъ и скорбный и несчастливый“) несчастными днями считаются: Января 2, 28; Февраля 2, 9, 24; Марта 3, 25; Апрѣля 3, 20; Мая 3, 23; Іюня 3, 7, 8, 20; Іюля 6, 28; Августа 6, 18; Сентября 2, 9, 21; Октября 2, 9, 21; Ноября 3, 22; Декабря 2, 22 [1]).

Тутъ числа „четыре“ не встрѣчаемъ. Также въ другой таблицѣ „о днѣхъ злыхъ, какіе дни часы злыи бываютъ“. Часы эти: 1-й—15 Февраля, 9-й—22 Февраля, 5-й—25 Марта, 6-й—20 Апрѣля, 3-й—5 Мая, 6-й—9 Іюня; 5-й—22 Іюля; 6-й—8 Августа; 3-й—22 Сентября, 5-й—28 Ноября и 10-й—28 Декабря [2]).

Самое число четыре имѣетъ какое-то особенное значеніе. Оно лежитъ въ основѣ нашихъ линейныхъ мѣръ: вершокъ, *четыре* вершка четверть, *четыре* четверти аршинъ; вѣса: пудъ=4×10=40 фунтамъ. Число 10—число пальцевъ на рукахъ; сыпучихъ тѣлъ: четверикъ, *четыре* четверика осмина, двѣ осмины—четверть; жидкостей: бочки 4×10 ведеръ; питей: *4* тесменки—„пасмо“, 10 пасмъ—„повѣсмо“ и т. д. Встарину существовалъ и счетъ „сороками“. Пять сороковъ соболей, „сорокъ сороковъ церквей“. Число же сорокъ есть число 4 взятое десять разъ по числу пальцевъ на рукахъ [3]).

Вышеуказанныя обстоятельства и послужили причиною того, что Четвертокъ, въ противоположность Понедѣльнику, считается днемъ счастливымъ.

Пятокъ.

Обычай воздерживаться въ Пятокъ отъ нѣкоторыхъ, преимущественно женскихъ работъ, какъ напримѣръ пряденія, тканья, мытья бѣлья и т. п., распространенъ среди народа [4]). Олицетворяя Пятницу въ видѣ живого существа и называя ее „святою Пятницею“, народъ вѣритъ, что она жестоко наказываетъ тѣхъ, кто работаетъ въ этотъ день.

---

[1]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1872 г. т. 2, стр. 481.

[2]) Труды Кіев. Дух. Акад. 1872 г. т. 2, стр. 482. Рукопись Кіев. Дух. Акад. № 0 58.

[3]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ настоящее время по народному возрѣнію всѣ чётныя числа считаются счастливыми, а, напротивъ, всѣ нечетныя—несчастливыми. А. Б.

О счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ и часахъ упоминается въ поэмѣ Наль и Даманти. Любопытно бы провѣрить, совпадаютъ ли вышеприведенныя числа съ Индѣйскими. Народныя сказанія держатся вѣками. Въ Индіи до сихъ поръ серга въ лѣвомъ ухѣ у всадника или возницы. Эта общность преданій можетъ пригодиться Русскому простому человѣку, когда судьба приведетъ его на берегъ Ганса. Екатерина этимъ бы воспользовалась. П. Б.

[4]) Этн. Обозр. кн. IV, стр. 96, 97; VI, стр. 235; IX, 143, 158; XV—157, 162; XVII, 209; XXII, 45; XXV, 147, XXVI—2; XXVII—88. 123; XXIX—XXX, 200, 274, 275; XXXI—34; XXXII, 40; XXXIV, 79; XXXIX—121, 141; XL—XLI, 388; XLVI—136; XLVIII, 123; L—31, 63; LI, 14—36; LI—92 стр. 100 стр. 130 стр. и мн. др.

Библиотека "Руниверс"

Одна женщина полоскала на рѣкѣ бѣлье въ Пятницу и за это была обращена въ лягушку, отчего будто бы и повелись на землѣ лягушки. Во множествѣ народныхъ разсказовъ передается, какъ св. Пятница являлась женщинамъ, работавшимъ въ Пятницу, являлась въ рубищѣ, покрытая ранами и язвами, и говорила, что она въ этомъ видѣ ходитъ, потому что тѣ женщины, къ которымъ она являлась, не почитаютъ ея день.

Еще въ Стоглавѣ говорится, что „по погостамъ, селамъ и волостямъ ходятъ лживые пророки, мужики, женки, дѣвки и старыя бабы, отростивъ и распустивъ волосы; они сказуютъ, что имъ является св. Пятница и св. Анастасія (Воскресенье) и заповѣдуютъ христіанамъ въ Среду и Пятницу *ручнаго дѣла не дѣлать, не прясть и платья не мыть* [1]). Въ грамотѣ патріарха Іереміи 1586 г. говорится, что Южно-русскій народъ празднуетъ день Пятницы, поставляя Воскресенье въ рядъ обыкновенныхъ дней. Въ уставѣ Могилевскаго братства есть такое правило: „Въ каждую Пятницу послѣ ранней службы отправлять въ церкви молебенъ и просить Господа Бога за государя-короля, за господъ судей, за рыцарство и за всѣхъ христіанъ [2]).

Въ одномъ изъ народныхъ духовныхъ стиховъ разсказывается, какъ св. Пятница, явившись страннику-Калѣкѣ, сказала ему:

Ты встань, Божій трудникъ,
Ты поди по всему свѣту,
Ты скажи, Божій трудникъ,
Чтобы люди возчунулись [3]),
Чтобы по Пятницамъ золы не золили,
По Суботамъ камней не калили,
По Воскресеньямъ ребятъ не бранили,
Жидовьемъ ихъ не нарицали [4]).

Воспрещеніе выполнять въ Пятницу женскія работы нашло себѣ откликъ и въ народной пѣснѣ:

Въ Понедѣльникъ-отъ банюшку топила,
Во Вторникъ—париться ходила,
Въ Среду—съ жару пролежала,
Въ Четвергъ—головушку чесала,
Въ Пятницу—добрыя уженьи не дѣлаютъ.
Въ Суботу—по родителямъ ходила [5]),
Въ Воскресенье—на весельѣ просидѣла.

---

[1]) Исторія Русской словесности Галахова, т. 1, стр. 141.

[2]) „Руководство для сельскихъ пастырей“ 1860 г., т. 1, стр. 295—266, а также: „Западно-церковная унія въ ея богослуженіи и обрядахъ“ Хойнацкаго, стр. 403—404.

[3]) Очувствовались, одумались.

[4]) Ярославск. губ. Вѣдом. ч. п. 1888 г. № 2. 1889 г. №№ 27—28 ст. „Народные стихи“.

[5]) См. статью нашу „Экскурсы въ область Русской народной пѣсни. Юморъ и сатира въ народныхъ пѣсняхъ“. Этногр. Обозр. кн. XXIX—XXX, стр. 262.

Библиотека "Руниверс"

Народъ почитаетъ избранныя двѣнадцать Пятницъ въ году. Онѣ подробно перечисляются въ весьма распространенномъ и въ настоящее время апокрифическомъ сочиненіи: „Сказаніе Климента патріарха Іерусалимскаго о двѣнадцати Пятницахъ“. Приводимъ это сказаніе по имѣющейся у насъ рукописи.

„Аще кто въ Пятницу на первой недѣлѣ великаго поста постится—отъ непріятелей сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу на страстной недѣлѣ постится—отъ напраслины сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу предъ Вознесеніемъ постится—отъ воднаго потопленія сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу предъ днемъ Св. Духа постится—отъ воднаго потопленія сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу предъ Ивановымъ днемъ постится—отъ трясавицы сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу передъ Ильинымъ днемъ постится—отъ молніи сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу передъ Успеньевымъ днемъ постится—отъ мученія сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу передъ Косьмой и Демьяномъ постится—отъ скорбей, болѣзней и напасти сохраненъ будетъ.

Аще кто въ Пятницу передъ Рождествомъ постится—того имя написано будетъ въ книгѣ живота.

Аще кто въ Пятницу передъ днемъ Михаила Архангела постится—того душа на томъ свѣтѣ перейдетъ черезъ огненную рѣку.

Аще кто въ Пятницу передъ Богоявленіемъ постится—того имя написано будетъ въ книгѣ живота“.

Сказаніе это несомнѣнно западнаго происхожденія.

По другому списку оно называется: „Сказаніемъ отъ обрѣтенія Елевферія“. Въ самомъ началѣ его разсказывается слѣдующая исторія. Въ одномъ городѣ западной страны (страна Лаура, городъ Шептаилъ) у Жидовъ съ Христіанами происходили споры о вѣрѣ. Чтобы покончить эти споры, та и другая сторона рѣшились выбрать отъ себя по одному философу и предоставить имъ право рѣшить споръ. Христіане выбрали богобоязненнаго мужа Елевферія, а Жиды своего философа Тарасія. Споръ между Елевферіемъ и Тарасіемъ окончился тѣмъ, что Тарасій былъ посрамленъ *). Признавъ себя побѣжденнымъ, Жидовинъ сказалъ Елевферію: „Ты ничего не знаешь о двѣнадцати Пятницахъ, которыя весьма полезны душамъ христіанскимъ“, и убѣжалъ отъ Елевферія. Сей послѣдній обратился къ стоявшему тутъ сыну Жидовина Малху и спросилъ его о двѣнадцати Пятницахъ. Малхъ, расположенный къ христіанской вѣрѣ, сообщилъ Елевферію требуемыя имъ свѣдѣ-

*) Исторія Русск. словесн. Порфирьева, т. 1, стр. 205.

Библиотека "Руниверс"

нія, которыя и составляютъ главное содержаніе сказанія о двѣнадцати Пятницахъ.

Сказаніе это представляетъ собою копію или подражаніе западнымъ источникамъ и явилось первоначально въ южной Россіи а, затѣмъ, оно перешло и на Сѣверъ. Оно было занесено и къ южнымъ Славянамъ, у которыхъ оно приписывается двумъ бабамъ Друсѣ и Гороглѣдѣ и попамъ Тарно и Мигно [1]). Тамъ и здѣсь оно имѣло большой успѣхъ и тѣмъ легче привилось къ народу, что нашло въ его представленіяхъ готовую для себя почву. Среда и Пятница, какъ дни посвященные воспоминанію страданій и смерти Спасителя, всегда почитались и церковію и народомъ. Въ XII вѣкѣ епископъ Ростовскій Леонъ до того простиралъ строгость поста въ Среду и Пятницу, что не хотѣлъ разрѣшать его даже для такихъ великихъ праздниковъ, какъ Рождество Христово и Богоявленіе. Въ старыхъ рукописяхъ встрѣчается весьма любопытное „слово св. отца Пахомія о Средѣ и Пяткѣ“, въ которомъ правило о постѣ въ Среду и Пятницу называется тайной спасенія, свыше открытой св. Пахомію, а самыя Среда и Пятница олицетворяются въ видѣ двухъ ангеловъ, которые въ будущей жизни встрѣтятъ и проведутъ въ рай тѣхъ, кто ихъ почитаетъ.

Въ распространенномъ среди народа: „Свиткѣ Іерусалимскаго знанія“, сочиненіи несомнѣнно западнаго происхожденія, точно также содержатся наставленія о почитаніи Пятницы. „И вы, людіе, живите въ любви и совѣтѣ и *праздники чтите Среду и Пятокъ и Воскресенье* для того, что въ Воскресенье Господь нашъ Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, а въ Среду совергоша Жидове убити Христа, а въ Пятокъ сотвори Богъ перваго человѣка и въ тотъ же день Жидове распяша Господа нашего Іисуса Христа. Который человѣкъ въ тѣ дни трудъ прилагаетъ, собираетъ на голову свою вѣчный *огнь и во всѣ шесть дней не сыщетъ счастія* [3])“.

Кромѣ вышеупомянутыхъ двѣнадцати Пятницъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ народѣ почитаются слѣдующія девять пятницъ: „Обжорная“ (на третьей недѣлѣ великаго поста), „Страстная“, „Спасовая [2])“, „Временная“, „Разгульная“, „Молебная“, „Кающаяся“, „Праздничная“, „Девятая“.

Въ другихъ мѣстахъ почитаются въ народѣ преимущественно предъ другими десять Пятницъ послѣ Пасхи. Пятницы эти такъ и называются: „первая“, „вторая“, ... и т. д. „девятая“, „десятая“. Пятницамъ этимъ посвящаются даже въ нѣкоторыхъ селахъ храмовые праздники. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Пятницкій погостъ, что въ Бѣлосельской волости, Пошехонскаго у. Яросл. г., празднуется „девятая“ Пятница послѣ Пасхи. Въ селѣ Ѳедорковѣ Пошехонскаго же уѣзда, Колобовской волости, празднуется „десятая“ Пятница послѣ Пасхи.

---

[1]) Историческіе очерки Русской словесности и искусства. Буслаева т. I, стр. 118.

[2]) „Очерки Пошехонья“ Этногр. Обозр. кн. LI стр. 88.

[3]) Рук. для сел. пастыр. 1863 г. „О народныхъ суевѣріяхъ о нѣкоторыхъ священныхъ лицахъ, и обычаи соединенные съ праздниками въ честь ихъ“.

Библиотека "Руниверс"

Въ грамотѣ патріарха Іереміи 1586 г. говорится, что южно-Русскій народъ празднуетъ день Пятницы, поставляя Воскресенье въ рядъ обыкновенныхъ дней. „Третій обычай какого-то празднованія десятой Пятницы (говорится въ этой грамотѣ) уничтожаемъ и въ употребленіи оный имѣть запрещаемъ [1])".

Слѣдуетъ замѣтить, что изъ вышеупомянутыхъ десяти Пятницъ послѣ Пасхи всего болѣе и всего сильнѣе распространено въ народѣ празднованіе „девятой" и „десятой" Пятницъ послѣ Пасхи.

Но Пятница все-таки считается въ народѣ счастливымъ днемъ. Такой взглядъ на Пятницу могъ сложиться подъ вліяніемъ западныхъ астрологическихъ сочиненій.

Пятокъ посвящался у древнихъ Римлянъ, а затѣмъ и у всѣхъ Романскихъ народовъ, Венерѣ. По средневѣковой же астрологіи: „пятая планита Венесъ, натуры хлодной и влажной, утемперованное и благопріятное називаетія (sic); пріятна женамъ, родившимъ чада; подъ нимъ родятся прекрасни, пригожи лицѣмъ, и благолѣпни, и милосердни, невѣстолюбиви, неплодны, и добри нрава и обычая [2])".

Очевидно, что планета „Венера" причислялась астрологами къ числу счастливыхъ планетъ; естественно, что и „день Венеры" долженъ былъ считаться счастливымъ.

Чѣмъ объяснить, что въ Пятницу, по народному вѣрованію, грѣхъ выполнять исключительно только нѣкоторыя, преимущественно женскія работы, какъ напримѣръ прясть ленъ или коноплю, мыть бѣлье, и т. д. и т. д.?

По народному вѣрованію св. Пятница-Параскева считается покровительницей брака, охранительницей полей, скота вообще и въ частности покровительницей льна и конопли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ей усвоенется даже названіе Льняницы. Въ большинствѣ случаевъ она считается цѣлительницею отъ различныхъ болѣзней.

Нѣтъ сомнѣнія что на св. Параскеву-Пятницу перенесено народомъ почитаніе одной изъ „рожаницъ", покровительницы браковъ и чадородія женщинъ и, очевидно, всѣхъ женскихъ работъ.

Когда происходило празднованіе въ честь Рода и „рожаницъ", мы не знаемъ; но сомнѣнно, что почитаніе Рода (Перуна) перенесено на св. Андрея Первозваннаго, а почитаніе „рожаницъ" на св. Екатерину (24 Ноября), а частію и на св. Параскеву-Пятницу.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣвушка, желающая выйти замужъ, постится или въ день св. Андрея Первозваннаго или же въ день св. Екатерины. Тѣмъ же святымъ молится и о ниспосланіи хорошихъ жениховъ. Такимъ образомъ св. Екатерина, какъ и св. Пятница, въ настоящее время считаются покро-

[1]) Ак. З. Р. Т. 4 стр. 44. Рук. для сел. пастырей 1860, стр. 226 а также Тр. Кіев. Дух. Акад. 1872 г., стр. 478.

[2]) Тр. Кіев. Ак. 1872 г., стр. 480.

Библиотека "Руниверс"

вительницею брака и женщинъ. При трудныхъ родахъ молятся обыкновенно св. Екатеринѣ.

Въ югозападной Россіи день св. Андрея Первозваннаго и св. Екатерины посвящается молодежью гаданіямъ, посредствомъ которыхъ молодежь обоего пола старается узнать свою судьбу, главнымъ образомъ, кто изъ гадающихъ женится или выйдетъ замужъ. Самыя гаданья, совершаемыя въ день св. Андрея и св. Екатерины, ничѣмъ не отличаются отъ святочныхъ гаданій и, подобно тѣмъ, представляютъ собою остатокъ древняго языческаго обращенія къ силамъ природы съ запросами о своей будущности. Въ нихъ, какъ и во всѣхъ вообще народныхъ Русскихъ гаданіяхъ, занимаютъ мѣсто или самыя стихіи природы (гаданіе съ огнемъ, водой, снѣгомъ и т. д.) или ихъ эмблемы (пѣтухъ—эмблема огня, зеркало—эмблема воды и т. д.). Большинство святочныхъ гаданій и пріурочивалось въ старину къ днямъ св. Андрея и св. Екатерины; въ Малороссіи же оно пріурочивается къ этимъ днямъ и понынѣ.

Гаданіе о своей судьбѣ или долѣ пріурочено народомъ къ днямъ св. Андрея и Екатерины; народъ въ нихъ олицетворялъ стихійныя силы природы, соединялъ съ ними представленіе о какихъ-то прежнихъ своихъ божествахъ, управляющихъ человѣческою судьбою. Такимъ божествомъ былъ никто иной, какъ Перунъ, богъ солнца, которому усвоялось иногда названіе Рода.

По объясненію г. Аѳанасьева (т. III, стр. 465), св. Андрей замѣнилъ у насъ собою Перуна. „Было село, передастъ онъ народный разсказъ, въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что печѣмъ стало свѣтить грѣшному міру. Тогда Богъ послалъ св. Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ своею палицею, и все вѣдовское село провалилось сквозь землю“. Въ приведенномъ разсказѣ св. Андрей является замѣстителемъ Перуна, по древне-языческому представленію, ударомъ громовой палицы разбивавшаго облачныя обиталища вѣдьмъ и отверзавшаго дождевые источники.

Между тѣмъ Перунъ или Родъ былъ божествомъ, управлявшимъ человѣческою долею вообще, а въ частности миѳическимъ кузнецомъ, ковавшимъ людямъ брачные узы и назначавшимъ кому на комъ жениться. Это представленіе было перенесено, затѣмъ, и на св. Андрея. Поэтому-то дѣвушки на Волыни, засѣвая наканунѣ Андреева дня ленъ, приговариваютъ:

Святый Ондрію!
Я на тебе лѣнъ сію;
Дай же мини знати,
За кимъ я буду на шлюбѣ стояти!

Почти тоже самое говоритъ и дѣвушка Угорской Руси, засѣвая наканунѣ Андреева дня коноплю: „О, Андрею, Андрею! Конопли ти сѣю; дай ми, Боже, знати, съ кѣмъ буду ихъ жати“ (Этногр. Обозр. т. XIX, стр. 222).

Почему именно на св. Андрея Первозваннаго, а не какого либо другого святого перенесено народомъ древнеязыческое почитаніе Перуна? Отвѣтъ на этотъ вопросъ находимъ въ той связи, въ какой стоитъ въ народныхъ

Библиотека "Руниверс"

вѣрованіяхъ св. Андрей Первозванный съ Перуномъ. По Кіевскому преданію, св. апостолъ Андрей на Кіевскихъ высотахъ водрузилъ крестъ и предрекъ, что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія. На этихъ высотахъ стоялъ Перунъ, съ этихъ высотъ Перунъ былъ низверженъ, и пророчество св. Андрея исполнилось. Впослѣдствіи на тѣхъ же высотахъ построена и церковь во имя св. апостола Андрея.

Въ Новгородскомъ преданіи о св. Андреѣ Первозванномъ связь эта проглядываетъ еще сильнѣе. По этому сказанію, св. Андрей посѣтилъ Новгородъ и въ благословеніе оставилъ свой жезлъ, который „водрузи въ веси, нарицаемой Друзиной“ (Степенная книга, стр. 7). Впослѣдствіи, какъ разсказывается объ этомъ въ рукописномъ житіи Михаила Салоса, былъ построенъ храмъ въ честь св. апостола Андрея, гдѣ и положенъ былъ оставленный апостоломъ жезлъ. Въ Новгородѣ и близъ него были капища Перуна, котораго замѣщаетъ затѣмъ св. апостолъ Андрей. Въ самомъ Друзинѣ или Грузинѣ, по народному преданію, находился теремъ миѳическаго Новгородскаго князя Перея-Туча (прямой отголосокъ о Перунѣ-тучегонителѣ) для излеченія сына котораго убивали людей. Этого Перея-Туча и обратилъ, будто бы, въ Христіанство св. апостолъ Андрей („Село Угодичи“ А. Артынова. М. 1882 г.). Даже христіанскому преданію относительно оставленія св. апостоломъ Андреемъ своего жезла Новгородцамъ существуетъ параллельное народное сказаніе о Перунѣ. Въ Новгородской лѣтописи читаемъ: „И пріиде епископъ Іоакимъ и требища разори и Перуна посѣче, что̀ въ великомъ Новгородѣ стоялъ на Перыни и повелѣ вовлещи въ Волховъ.... и въ тоже время бяше вшелъ бѣсъ въ Перуна и началъ кричати: „о горе мнѣ! ахъ! достался немилостивымъ судіямъ симъ“, и вринуша его въ Волховъ. Онъ же пловяше сквозѣ великій мостъ, вверже палицу свою на мостъ, ею же безумніи убивающеся утѣху творятъ бѣсомъ“ (Полн. Собр. лѣт. т. III, стр. 207).

Герберштейнъ передаетъ это преданіе съ небольшимъ добавленіемъ: „Перунъ, по его словамъ, плывя подъ мостомъ, выбросилъ свою палицу на мостъ, сказавъ: вотъ вамъ, Новгородцы, на память обо мнѣ“ (Е. Замысловскій, „Герберштейнъ и его записки“ С.П-б. 1884 г. стр. 442).

Какъ на св. ап. Андрея было перенесено народомъ почитаніе языческаго Перуна-Рода, такъ и на св. Екатерину перенесено почитаніе одной изъ „рожаницъ“, покровительницы женщинъ, завѣдывавшей устроеніемъ брачныхъ союзовъ и родами. Въ Паисіевскомъ сборникѣ XIV в. на ряду съ Родомъ упоминается и „рожаница“, которая сопоставляется здѣсь съ Греческою Артемидою; Артемида же считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы и олицетворяла собою луну. Къ перенесенію почитанія этой рожаницы на св. Екатерину способствовало много сходство между названіемъ Екатерина и Греческимъ названіемъ луны Ἑκάτη, названіемъ, встрѣчавшимся въ нашихъ старинныхъ азбуковникахъ, и хорошо извѣстныхъ старинамъ Русскимъ грамотѣямъ. „Планиты суть семь звѣздъ: 1. Арисъ; 2. Ермисъ.... и т. д. 7. Кати (Ἑκάτη) еже есть

Библиотека "Руниверс"

луна. Сими звѣздами окаянніи звѣздословци мнятся угадывати человѣческіе правы и счастіе". Этому же способствовало и то, что празднованіе св. Екатерины по календарю стоитъ близко ко дню св. Андрея Первозваннаго.

Съ св. Екатерины народъ перенесъ затѣмъ почитаніе рожаницъ частію на Пр. Богородицу (Покровъ Пр. Богородицы, *день-покровитель свадебъ*), частію же на св. Параскеву-Пятницу, имя которой вслѣдствіе строгаго почитанія Пятка было гораздо болѣе извѣстно народу, чѣмъ имя св. Екатерины и день празднованія которой отсталъ по календарю недѣлею отъ дня св. Андрея Первозваннаго.

Такимъ образомъ и св. Параскева-Пятница явилась въ народномъ представленіи покровительницею женщинъ, браковъ, чадородія и всѣхъ женскихъ работъ. Отсюда и воспрещеніе въ день посвященный Пятницѣ выполнять нѣкоторыя женскія работы.

Что почитаніе рожаницъ было извѣстно нашимъ предкамъ, на это мы имѣемъ множество указаній. Такъ, напримѣръ, обычай женщинъ ходить на второй день Рождества Христова въ церковь, принося съ собою пироги; ходить „на родины до Богородицы" въ Словѣ Христолюбца пріурочивается къ поклоненію Роду и рожаницамъ. „То суть идолослужители, говорится здѣсь, иже *ставятъ трапезу рожаницамъ*, караваи молятъ... Не тако же простотою здѣсь служишь, но смѣшаешь съ идольскою трапезою тропарь св. Богородицы съ *рожаницами* въ прогнѣваніе Богу".

Въ рукописи Волоколамскаго монастыря сказано: „Аще ли кто креститъ вторую трапезу родству и рожаницамъ тропаремъ Св. Богородицы, а кто ястъ и піетъ, да будетъ проклятъ".

Суббота.

Суббота—день, посвящаемый Православною Церковію поминовенію усопшихъ. Не даромъ про Субботу народъ говоритъ, что это такой день, въ который „баню топятъ и блины пекутъ". Въ Субботу по родителямъ ходила, говоритъ лѣнивая пряха.

Въ народномъ представленіи день этотъ долженъ былъ быть отнесенъ къ числу несчастливыхъ, „тяжелыхъ" дней, какъ день, имѣющій тѣсное отношеніе къ смерти. Тяжелымъ днемъ онъ долженъ быть и по астрологическимъ сочиненіямъ, какъ день посвященный „Сатурну". „Первая планита есть Сатурнъ.... Человѣкъ рождшійся подъ нимъ бываетъ продовитій, лакомій, завистній, хитрій, малолѣтенъ, молчаливій, здравій, въ богатство ревнивій, очи западливій, воръ изрядній, гнѣвливій, памятозлобній, къ женамъ не весьма охочій, убогъ, скупъ, тайно-хранитель, трудолюбивъ, правителствуетъ ухомъ правымъ, костями великими и меланхолею оттуда наноситъ и немощи, кашель, селезенкѣ сухота, слини харкая".

А. Баловъ.

Городъ Пошехонье, Ярославской губ.

Библиотека "Руниверс"

ДЕРПТСКІЙ ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРЪ КАЛИТИНЪ.

Эпизодъ изъ исторіи Дерпта (1807).

Въ статьѣ о студенческихъ безчинствахъ въ Дерптѣ въ 1804 г. (см. «Русскій Архивъ» 1887, III, 277) приведенъ отзывъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, къ главно-управлявшему гражданскою частію въ Ливонскихъ губерніяхъ графу Буксгевдену отъ 13 Января 1805 г. за № 244, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что Государь Императоръ желаетъ, дабы проектъ устройства полиціи въ Дерптѣ былъ представленъ возможно-поспѣшнѣе на утвержденіе. «Назначеніе полицеймейстера изъ исправныхъ воинскихъ чиновъ, писалъ министръ, и нужнаго числа конной команды изъ казаковъ, или иначе, для ночныхъ объѣздовъ, конечно, нарочито послужитъ къ отвращенію безпорядковъ, нынѣ (въ Дерптѣ) возобновляющихся».

Графъ Буксгевденъ, съ самаго вступленія своего въ управленіе тремя Ливонскими губерніями (Сентябрь 1803 г.), находилъ, что городскія полиціи въ нихъ устроены крайне плохо и еще въ началѣ 1804 г. затребовалъ отъ Дерптскаго магистрата (гдѣ сосредоточивалось городское управленіе, судъ и полиція) представить о томъ соображенія. Магистратъ 19 Іюня 1804 г. представилъ свой докладъ, но графъ Буксгевденъ нашелъ его неудовлетворительнымъ и потому составилъ другой проектъ учрежденія въ Дерптѣ полиціи, примѣняясь къ обще-русскому полицейскому уставу. Когда министръ внутреннихъ дѣлъ далъ знать графу о желаніи Государя ускорить устройство Дерптской полиціи, тогда составленный проектъ былъ представленъ въ Петербургъ на утвержденіе, которое и послѣдовало 13 Іюня 1805 года. Въ высочайшемъ повелѣніи, данномъ въ этотъ день графу Буксгевдену, было, между прочимъ, изображено: «Въ пресѣченіе неудобствъ, въ представленіяхъ вашихъ описанныхъ, въ настоящемъ положеніи полицейскаго въ городѣ Дерптѣ управленія, признавъ необходимыхъ учредить въ ономъ полицію сообразно общимъ правиламъ и конфирмовавъ для сего штатъ оной, препровождая оный къ вамъ при семъ для надлежащаго исполненія, считаю нужнымъ присоединить:

Библиотека "Руниверс"

1) Опредѣленіе полицеймейстера по штату сему положеннаго и отправленіе его должности имѣетъ быть сообразно общимъ правиламъ, какіе въ указѣ 24 Октября 1803 г. и докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ при семъ приложенномъ, вообще на сію часть постановлены.

2) Опредѣленіе надзирателей и ихъ помощниковъ можетъ быть основано также на общихъ правилахъ о должности ихъ постановленныхъ.

3) По общему порядку, содержаніе полиціи должно оставаться на счетѣ городовомъ. Въ облегченіе обывателей назначаю я воинскую команду при полиціи составить изъ казаковъ на содержаніи казенномъ. О количествѣ сей команды вы не оставите снестись съ министромъ военнымъ сухопутныхъ силъ, коему вмѣстѣ съ симъ объ отрядѣ ея дано повелѣніе.

4) Само собой разумѣется, что квартиры полицейскимъ чиновникамъ должны быть произведены отъ города».

Затѣмъ вскорѣ Дерптскимъ полицеймейстеромъ былъ назначенъ: коренной Русскій человѣкъ, нѣкто *Жильцовъ*, служившій до того времени чиновникомъ въ одной изъ внутреннихъ губерній.

Крѣпко не понравилось Дерптскому магистрату, что графъ Буксгевденъ не уважилъ его доклада объ устройствѣ полиціи въ Дерптѣ, и еще болѣе не понравилось, что полицеймейстеромъ назначили лицо, совершенно чуждое городскимъ сословіямъ (магистрату и гильдіямъ). Жильцовъ прибылъ въ Дерптъ въ началѣ Сентября 1805 г., а Лифляндское губернское правленіе 29 Сентября 1805 года предписало Дерптскому магистрату: сдать Жильцову всѣ до полицейскаго управленія касающіяся дѣла и впредь до оныхъ не касаться, полицеймейстеру Жильцову и полицейскимъ канцелярскимъ чиновникамъ, значущимся въ штатѣ, отвести квартиры и отпускать на отопленіе квартиръ дрова, для управы полицейской и для съѣзжихъ дворовъ отвести покои и также отпускать на отопленіе ихъ дрова.

Графа Буксгевдена въ это время въ Ригѣ не было. Еще въ Іюлѣ 1805 г., когда составлялась первая коалиція противъ Наполеона, онъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ Государь Императоръ ввѣрилъ ему командованіе корпусомъ войскъ, предназначенныхъ для дѣйствія противъ Французовъ со стороны Галиціи. Графу предстояло такимъ образомъ отправиться ко 2-й арміи (Волынской), и потому онъ просилъ министра внутреннихъ дѣлъ распорядиться, дабы ему было предоставлено «на время отсутствія, по особеннымъ высочайшимъ препорученіямъ, имѣть непрерывныя сношенія съ губерніями ему ввѣренными и сохранить на дѣла оныхъ то вліяніе, которое по званію его ему принадлежитъ». Министръ 16 Августа 1805 г. за № 3584 увѣдомилъ графа

Библиотека "Руниверс"

Буксгевдена, что Государь Императоръ находитъ полезнымъ оставить его, Буксгевдена, въ занимаемыхъ имъ должностяхъ; пусть для этого графъ самъ предпишетъ подчинённымъ ему гражданскимъ губернаторамъ, въ какихъ случаяхъ имъ обращаться къ нему, а въ какихъ прямо къ министру, дабы не встрѣтить остановки въ дѣлахъ. Вслѣдствіе этого графъ Буксгевденъ, отъѣзжая къ своему корпусу (сборное мѣсто ему было мѣстечко Пулавы, нынѣ Новая Александрія, на Вислѣ), 2 Сентября 1805 г. предписалъ гражданскимъ губернаторамъ Лифляндскому, Эстляндскому и Курляндскому (Рихтеру, Лангелю и Арсеньеву), дабы они управляли ввѣренными имъ губерніями на основаніи высочайше утвержденныхъ объ управленіи губерній учрежденій; за необходимыми разрѣшеніями обращались прямо къ министру внутреннихъ дѣлъ, увѣдомляя лишь о томъ графа Буксгевдена и доставляя ему ежемѣсячно вѣдомости о рѣшеныхъ и нерѣшеныхъ дѣлахъ, о колодникахъ, о казенныхъ взысканіяхъ и о важнѣйшихъ происшествіяхъ; по Лифляндской же губерніи доносить о ходѣ занятій ревизіонныхъ комиссій, учрежденныхъ по Лифляндскому крестьянскому положенію, высочайше утвержденному 20 Февраля 1804 года.

Новый Дерптскій полицеймейстеръ, по прибытіи въ Дерптъ и вступленіи въ должность, тотчасъ же встрѣтилъ такія затрудненія, о которыхъ, конечно, и не предполагалъ, когда ѣхалъ въ Ливонію. Впрочемъ, иначе и быть не могло: учрежденіе отдѣльной отъ магистрата полиціи состоялось, а точнаго опредѣленія, какія именно дѣла вѣдать полицеймейстеру, а какія магистрату, сдѣлано не было. Слѣдовательно прежде всего надобно было размежевать кругъ вѣдомства полиціи и магистрата. Лифляндское губернское правленіе сдѣлало такое размежеваніе и указало, что̀ кому дѣлать и вѣдать; но Дерптскій магистратъ плохо исполнялъ предписанія правленія: не сдавалъ Жильцову дѣлъ, какія слѣдовало по распоряженію губернскаго правленія, домовъ подъ съѣзжія не отводилъ, квартиръ полицейскимъ чиновникамъ не назначалъ, дровъ не отпускалъ. Вслѣдствіе этого пошли пререканія, распри и колкости между Жильцовымъ и бургомистрами. Ратсгеръ Фрамъ составилъ подписной листъ, началъ собирать съ Дерптскихъ горожанъ деньги въ подарокъ новому полицеймейстеру и на всѣхъ городскихъ собакъ наложилъ по 5 рублей въ пользу полицеймейстера. Такой сборъ послужилъ, конечно, къ невыгодному мнѣнію о Жильцовѣ среди горожанъ: хорошъ полицеймейстеръ, который не успѣлъ въ должность-то вступить, какъ уже требуетъ подачки! Неизвѣстно, сколько собралъ Фрамъ денегъ и отдалъ ли ихъ Жильцову, но только подарокъ, если и былъ принятъ, ссоръ не прекратилъ; напротивъ, распри разгорались больше и больше, и наконецъ дошли до того, что Жильцовъ счелъ необходимымъ пожа-

Библиотека "Руниверс"

ловаться на свое положеніе графу Буксгевдену, который все еще находился при арміи.

Извѣстно, что первая коалиція противъ Наполеона кончилась полною неудачею союзниковъ. Послѣ Аустерлицкаго сраженія, происходившаго 20 Ноября 1805 г., соединенныя Русскія войска подъ общимъ начальствомъ Кутузова предприняли обратный походъ въ Россію чрезъ Венгрію и вступили въ Русскіе предѣлы 26 Декабря 1805 г. Корпусу Буксгевдена было назначено расположиться въ Полтавской губерніи. Сюда графъ въ Январѣ 1806 г. привелъ ввѣренные ему полки и корпусную квартиру учредилъ въ Лубнахъ, куда и пересылались бумаги губернаторовъ Прибалтійскихъ губерній. Слѣдствіемъ жалобы Жильцова было слѣдующее предписаніе графа Буксгевдена Дерптскому магистрату, данное изъ Лубенъ 6 Февраля 1806 г.

«На жалобу, что по требованіямъ новоучрежденной полиціи со стороны Дерптскаго магистрата чинятся медлительно выполненія, я тому доброжелательно напоминаю, что когда онъ (т. е. магистратъ) впредъ по сей части окажется виновнымъ, или на послѣдующія до лучшей ко спокойствію, безопасности и другихъ установленій сего въ Дерптѣ совсѣмъ запущеннаго предмета требованія не будетъ чинить возможнаго выполненія, оный магистратъ мною непремѣнно подверженъ будетъ строгой отвѣтственности».

Разумѣется, подобное доброжелательное напоминаніе не произвело ровно никакого дѣйствія. Магистратъ полиціймейстеру ничего не сдавалъ, ничего не назначалъ, противодѣйствовалъ на каждомъ шагу, и Жильцовъ скоро сдѣлался въ Дерптѣ какою-то пѣшкою, которою не помыкалъ только развѣ лѣнивый.

Но что же дѣлалъ Лифляндскій гражданскій губернаторъ Рихтеръ, главноуправлявшій губерніею, за отсутствіемъ графа Буксгевдена? Неужели ничего не зналъ о томъ, что̀ дѣлается въ Дерптѣ? Конечно, зналъ, и когда до его свѣдѣнія дошло, что̀ Дерптскій магистратъ собственною властію однажды арестовалъ полицейскихъ чиновниковъ Жильцова на ихъ квартирахъ и таскалъ ихъ въ ратушу для допроса, то предписалъ Дерптскому ландгерихту произвести слѣдствіе о раздорахъ полиціи съ магистратомъ. Ландгерихтъ началъ слѣдствіе, но̀ счелъ удобнѣйшимъ не кончать его и оставить втунѣ губернаторское предписаніе. Слѣдствіе было брошено; о немъ никто уже и не вспоминалъ.

Однажды профессора Дерптскаго университета задумали дать балъ въ Дерптскомъ клубѣ «Мусса» и выбрали для этого бала день, въ который давать публичныхъ баловъ не разрѣшалось. Полиціймейстеръ и не позволялъ; но профессора, вопреки полицейскаго запрещенія, балъ все-таки дали. Когда полиціймейстеръ вошелъ въ залу, то профессора

Библиотека "Руниверс"

заставили (какъ значится въ офиціальныхъ того времени бумагахъ) музыкантовъ играть поносную пѣсню, называемую по-нѣмецки «Феттеръ-Михель», и сами припѣвали оную къ лицу полицеймейстера. Жильцовъ вынужденъ былъ оставить залъ, а чрезъ нѣсколько времени толпа буяновъ сдѣлала нападеніе на его квартиру. Буяны (всѣ конечно студенты) остались совершенно безнаказанными.

Послѣ подобной атаки, Жильцовъ счелъ благоразумнымъ оставить должность и удалиться изъ Дерпта. По прошенію или и безъ всякаго прошенія онъ былъ уволенъ, и должность полицеймейстера въ Дерптѣ къ концу 1806 г. сдѣлалась не занятою.

Графу Буксгевдену все это время было не до Дерпта и его полиціи. По возвращеніи арміи изъ заграничнаго похода, столь неудачнаго, въ Декабрѣ 1805 г. въ Петербургѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, учредился военный совѣтъ для переформированія арміи и начертанія операціоннаго плана новой войны съ Французами, дѣлавшейся неизбѣжною. Совѣтъ постановилъ упразднить инспекціи и изъ войскъ, входившихъ въ составъ ихъ, образовать 13 дивизій со сформированіемъ новыхъ полковъ и 4-хъ новыхъ дивизій. Графъ Буксгевденъ состоялъ инспекторомъ Лифляндской инспекціи; потому въ Мартѣ 1806 г. онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы тамъ сдать свое инспекторство. Изъ Петербурга онъ прибылъ въ Ригу, провелъ здѣсь мѣсяца два-три и въ Августѣ 1806 г. снова уѣхалъ въ Лубны къ своему корпусу, уже преобразованному и пополненному рекрутами, предоставивъ гражданскимъ губернаторамъ управлять ввѣренными имъ губерніями на тѣхъ самыхъ основаніяхъ и правахъ, какъ то было въ прошломъ 1805 г. Графу было повелѣно корпусъ его войскъ разставить между Гродной и Брестомъ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій.

Губернаторамъ было въ это время немало хлопотъ: въ Сентябрѣ 1806 г. былъ назначенъ наборъ съ 500 душъ по 5 рекрутъ. 18 Ноября 1806 г. объявлена война Наполеону, а 30 Ноября 1806 г. послѣдовалъ высочайшій манифестъ о составленіи «внутренней временной милиціи» въ 612000 ратниковъ изъ 31 губерніи, раздѣленныхъ на семь областей. Четыре губерніи (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская и Псковская) составили вторую область. Главнокомандующимъ въ эту область былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи Александръ Андреевичъ Беклешовъ *). Вторая область должна была доставить 60000 рат-

*) А. А. Беклешовъ былъ Лифляндскимъ гражданскимъ губернаторомъ со времени учрежденія Рижскаго намѣстничества въ 1783 по 1790 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ Орловскимъ и Курскимъ намѣстникомъ, былъ потомъ два раза генералъ-прокуро-

Библиотека "Руниверс"

никовъ (Эст. губ. 8000, Лифл. 20000, Курл. 12000 и Псковская 20000). Дворянство должно было изъ всей среды выбрать въ милицію начальниковъ губернскихъ, а также тысячныхъ, пятисотенныхъ, сотенныхъ и пятидесятныхъ командировъ; выставить ратниковъ въ двѣ недѣли съ обнародованія манифеста, давъ на каждаго ратника по 3 руб., провіанта на 3 мѣсяца и, по возможности, снабжая оружіемъ.

Новый 1807-й годъ начался при всеобщемъ возбужденіи и заботахъ; требовались рекруты, ратники, усиленныя поставки провіанта и обывательскихъ подводъ. Гдѣ же тутъ было думать о мелочахъ внутренняго управленія? Вторая война съ Наполеономъ открывалась при очень печальныхъ предзнаменованіяхъ для насъ: армія не имѣла главнокомандующаго, терпѣла чрезвычайные недостатки въ продовольствіи и вдобавокъ начальники главныхъ корпусовъ, Бенингсенъ и графъ Буксгевденъ, перессорились между собой. Въ Январѣ 1807 г. графъ Буксгевденъ уѣхалъ въ Ригу, прожилъ здѣсь до Мая и потомъ, по высочайшему повелѣнію, сдалъ должность Рижскаго военнаго губернатора и главноуправляющаго гражданскою частію въ Лифляндскихъ губерніяхъ генералу-отъ-кавалеріи Александру Петровичу Тормасову.

Въ Дерптѣ, какъ и въ прочихъ городахъ, не обходилось безъ хлопотъ: проходили войска, требовались усиленныя поставки подводъ, собирались ратники, открывалось милиціонное управленіе Дерпто-Перново-Эзельскаго округа подъ начальствомъ полковника Ребиндера. Оставлять въ такое время городъ безъ полицеймейстера было очень неудобно. Полицеймейстеромъ и былъ назначенъ коллежскій асессоръ *Василій Ивановичъ Калитинъ*.

Этотъ Калитинъ былъ уже человѣкъ немолодой. Онъ началъ службу въ лейбъ-кирасирскомъ Его Величества полку, дослужился до ротмистра и 20 Октября 1801 г. былъ уволенъ изъ полка для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ съ производствомъ въ коллежскіе асессоры, и затѣмъ поступилъ на службу бухгалтеромъ въ исполнительную комиссію Адмиралтействъ-коллегіи. Управлявшій этою комиссіею контръ-адмиралъ Мясоѣдовъ былъ очень доволенъ Калитинымъ и началъ хлопотать о повышеніи его чиномъ и предоставленіи ему мѣста совѣтника въ какомъ-либо губернскомъ правленіи. Мясоѣдовъ рекомендовалъ его товарищу министра морскихъ военныхъ силъ Павлу Васильевичу Чичагову, какъ

ромъ (съ 7 Іюля 1799 по 2 Февр. 1800 г. и съ 16 Марта 1801 по 8 Сент. 1802 г.); съ 1804 по 1806 г., въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи, былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, а изъ Москвы прибылъ въ Ригу въ началѣ 1807 г. для формированія милиціи. Въ Ригѣ онъ умеръ 24 Іюля 1808 г. и погребенъ на Покровскомъ кладбищѣ. Надгробный памятникъ ему существуетъ и понынѣ (см. „Русскій Архивъ“ 1805).

Библиотека "Руниверс"

чиновника очень способнаго, старательнаго и свѣдущаго: Калитинъ зналъ Нѣмецкій языкъ и мастеръ былъ писать порусски. Чичаговъ съ своей стороны рекомендовалъ Калитина министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, и тотъ 3 Октября 1806 г. увѣдомилъ Чичагова, что «съ удовольствіемъ постарается исполнить желаніе Чичагова въ разсужденіи опредѣленія г. Калитина совѣтникомъ, коль скоро представится удобный къ тому случай».

Когда очистилось мѣсто полицеймейстера въ Дерптѣ, графъ Кочубей назначилъ на эту должность Калитина. Онъ прибылъ въ Дерптъ 16 Апрѣля 1807 г. и тотчасъ же показалъ, что для магистрата онъ еще болѣе неудобенъ, чѣмъ Жильцовъ. Съ первыхъ шаговъ своего полицеймейстерства онъ убѣдился, что учрежденіе полиціи въ Дерптѣ существуетъ только на бумагѣ, а вовсе не на дѣлѣ, и что дѣйствительнымъ полицеймейстеромъ въ городѣ остается магистратъ, а именно: фохтей-герихтъ разбираетъ жалобы о дракахъ, раздорахъ и пр., амтъ-герихтъ устанавливаетъ таксы съѣстныхъ припасовъ и напитковъ, наблюдаетъ за рынками, вѣсами и мѣрами; кемерей-и бау-герихтъ смотритъ за чистотою улицъ, за строеніями и за освѣщеніемъ города; одинъ ратманъ состоитъ директоромъ ночного караула, начальствуя надъ нахтвахтмейстеромъ съ 12 трещетниками; другой ратманъ завѣдуетъ пожарною командою и пожарнымъ обозомъ; квартальные же состоятъ на посылкахъ у ратмановъ. Такъ зачѣмъ послѣ этого было учреждать особую полицію, зачѣмъ назначать полицеймейстера, если всѣ его обязанности, означенныя въ уставѣ, исполняются ратманами и всѣ распоряженія Лифляндскаго губернскаго правленія касательно распредѣленія полицейскихъ обязанностей между магистратомъ и полицейстеромъ остаются втунѣ?

Калитинъ прежде всего потребовалъ, чтобы предписанное распредѣленіе обязанностей было исполнено во всей точности, чтобы магистратъ сдалъ ему всѣ дѣла, какія относятся по уставу къ полицеймейстерской обязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ напомнилъ, что Лифляндское губернское правленіе еще 23 Октября 1805 г. предписало Дерптскому магистрату уволить по крайней мѣрѣ трехъ ратмановъ для уменьшенія городскихъ расходовъ, такъ какъ съ учрежденіемъ полиціи и назначеніемъ особаго полицеймейстера дѣлопроизводство въ магистратѣ уменьшается существенно, каковое предписаніе не исполнено. Онъ потребовалъ также, чтобы сумма на содержаніе пожарнаго инструмента, согласно новаго полицейскаго устава, поступала въ полицію. Магистратъ, конечно, исполнять этого и не думалъ. А между тѣмъ Калитинъ, пока шла переписка о сдачѣ дѣлъ, обратилъ вниманіе на то, что въ Дерптѣ кабаки, рестораціи, трактиры и винные погреба открыты всю ночь на

Библиотека "Руниверс"

пролетъ, служа притономъ пьяницамъ и бражникамъ; на рынкѣ господствуютъ перекупщики, при чемъ магистратскій ходокъ (министеріалъ, разсыльный), приставленный для порядка на рынкѣ, нещадно обираетъ покупателей и продавцовъ; гг. студенты днемъ толпами скачутъ на верховыхъ лошадяхъ по улицамъ, давя прохожихъ, курятъ табакъ въ трубкахъ, вытрясая огонь безъ всякой осторожности и пр. и пр.

Вслѣдствіе всего этого Калитинъ распорядился назначеніемъ времени, до котораго могутъ быть открыты кабаки, рестораціи и винные погреба. Это распоряженіе страшно возбудило противъ полицеймейстера магистратъ и старшинъ купечества. Да и было отчего: почная торговля, наиболѣе доходная, должна была стихнуть, а между тѣмъ ратманъ Фрамъ одинъ содержалъ 13 кабаковъ, а всѣ рестораціи, трактиры и виноторговли содержались купеческими старшинами. Какъ же было не сердиться! Гнѣвъ усилился, когда Калитинъ завелъ новшество: лично съ командою казаковъ, назначенною по уставу въ распоряженіе полицеймейстера, началъ производить ночные разъѣзды по городу и наблюдать, чтобы кабаки и трактиры дѣйствительно были заперты въ назначенное время, а главное, началъ препятствовать или, какъ онъ выразился въ рапортѣ главноуправлявшему гражданскою частію Тормасову, «лишилъ гг. студентовъ Дерптскаго университета удовольствія ломать лѣстницы, ворота и заборы, бить стекла въ домахъ и заводить по ночамъ драки и прочія тому подобныя буйства». Вмѣстѣ съ тѣмъ, сообразно полицейскаго устава, онъ принялъ мѣры противъ перекупщиковъ и на рынкѣ поставилъ штатной команды унтеръ-офицера наблюдать за порядкомъ и за магистратскимъ ходокомъ, чтобы тотъ по крайней мѣрѣ не обманывалъ мужиковъ при мѣряніи дровъ на рынкѣ. Все это въ совокупности сильно возбудило противъ Калитина ратмановъ и главнѣйшимъ образомъ кабатчика-ратмана Фрама, разсердило и студентовъ, которые съ закрытіемъ послѣ полуночи рестораціи и трактировъ дѣйствительно лишились удовольствія бражничать по ночамъ. Неудовольствіе росло и наконецъ выразилось 29 Мая 1807 г. (слѣд. недѣль черезъ пять послѣ прибытія Калитина въ Дерптъ) сущимъ смятеніемъ.

Въ это время въ Дерптѣ были расположены 1-я артиллерійская бригада подъ командою полковника Бельгарда и двѣ сотни Донскихъ казаковъ полка Лощилина 1-го подъ начальствомъ есаула Попова 13. Никакихъ другихъ войскъ не было. Должность ректора университета исполнялъ профессоръ Мейеръ, первенствующимъ бургомистромъ былъ нѣкто Акерманъ. Смятеніе произошло вотъ по какому случаю.

29 Мая, въ 5 ч. по полудни, въ Дерптѣ, въ домѣ портнаго Литена произошелъ пожаръ. Калитинъ, какъ и слѣдовало, прибылъ на

Библиотека "Руниверс"

пожаръ и хотѣлъ было войти на чердакъ этого дома, но его не пустила туда какая-то женщина (какъ послѣ оказалось, вдова сѣдельника Грегоріуса). Онъ оттолкнулъ ее и ударилъ два раза палкою. Пожаръ былъ потушенъ, и полицеймейстеръ отправился домой, чтобы переодѣться въ партикулярное платье и идти накрыть притонъ бѣглыхъ и безпаспортныхъ людей, свѣдѣнія о которыхъ онъ получилъ въ этотъ день. По дорогѣ на мосту онъ встрѣтилъ двухъ молодыхъ мужиковъ-Чухонъ (какъ послѣ обнаружилось, двухъ крѣпостныхъ крестьянъ, находившихся въ услуженіи у купца Фрея). На вопросъ, что они за люди, тѣ отвѣчали столь дерзко и непочтительно, что полицеймейстеръ приказалъ сопровождавшимъ его казакамъ отвести этихъ людей на съѣзжую и тамъ наказать палками. Придя на Рихтерову улицу, Калитинъ увидѣлъ, что тутъ собралось человѣкъ до ста студентовъ, которые не пускали его идти дальше. Онъ зашелъ въ домъ Шульца, сюда пришли и студенты. Калитинъ вышелъ на улицу спросить, чего имъ нужно; студенты окружили его, и студентъ Меншъ вмѣсто отвѣта ударилъ его палкою по головѣ, а прочіе студенты начали колотить его палками, при чемъ возбуждавшіе студентовъ секретарь фохтей-герихта Шуманъ и Дерптской милиціи Троутманъ плевали ему въ глаза. Сопровождавшіе Калитина шесть человѣкъ казаковъ бросились было отбивать полицеймейстера, но не смогли. Калитина повокли къ ратушѣ. Тутъ четыре казака все-таки пробились сквозь толпу и кое-какъ охраняли полицеймейстера. На шумъ собралось много народа, а проходившій мимо бригадный артиллерійскій адъютантъ Мельницкій побѣжалъ къ своему начальнику, полковнику Бельгарду, заявить, что полицеймейстера избили и убьютъ, если не прійдти на помощь. Полковникъ Бельгардъ приказалъ немедленно же собрать роту солдатъ и, когда рота пришла, повелъ ее къ ратушѣ. Былъ 9-й часъ вечера. Толпа студентовъ требовала, чтобы Калитинъ выпустилъ двухъ наказанныхъ служителей Фрея. Бельгардъ началъ уговаривать студентовъ разойтись и не вмѣшиваться въ полицейскія дѣла. Студентъ Меншъ въ отвѣтъ началъ ругаться; тогда Бельгардъ велѣлъ схватить этого студента и посадить на съѣзжую подъ арестъ. Солдаты, конечно, исполнили приказаніе и арестовали Менша, не смотря на общее и упорное сопротивленіе студентовъ. Во время происшедшей между студентами и солдатами рукопашной свалки пришелъ ректоръ университета Мейеръ и велѣлъ студентамъ расходиться. Студенты его послушались, при чемъ ректору былъ выданъ арестованный Меншъ и наказанные два служителя Фрея. При арестѣ Менша былъ захваченъ и главный заводчикъ смятенія, секретарь Шуманъ. Когда студенты начали расходиться, Бельгардъ отпустилъ роту и самъ ушелъ домой, считая смятеніе прекратившимся. Калитинъ и эсаулъ Поповъ съ каза-

Библиотека "Руниверс"

ками остались на площади. Не прошло и четверти часа, какъ на эту площадь снова повалили студенты, съ ними былъ Дерптской милиціи аудиторъ Петерсонъ. Всѣ они начали требовать освобожденія Шумана. Калитинъ не согласился и ушелъ домой. Въ 12 часовъ ночи къ нему на квартиру пришелъ магистратъ въ полномъ своемъ составѣ въ сопровожденіи множества постороннихъ лицъ (профессоръ Эльснеръ въ томъ числѣ) съ настоятельнымъ требованіемъ освободить Шумана. Калитинъ на отрѣзъ отказалъ, и толпа разошлась. Во 2-мъ часу ночи казачій урядникъ пришелъ къ Калитину заявить, что на съѣзжую, гдѣ содержался Шуманъ, дежурный квартальный Буде принесъ корзину съ бутылками вина, провелъ въ арестантскую комнату къ Шуману какихъ-то неизвѣстныхъ людей, и теперь они всѣ пьянствуютъ въ арестантской. Калитинъ пошелъ на съѣзжую и дѣйствительно засталъ пиръ во всемъ разгарѣ. Тутъ за столомъ въ арестантской распивали вино вмѣстѣ съ Шуманомъ дежурный квартальный Буде, кабатчикъ-ратманъ (онъ же и президентъ городской кассы) Фрамъ, купецъ Кемерлингъ, аудиторъ милиціи Петерсонъ, уѣздный фискалъ Эйхлеръ, студентъ фонъ-Штильмаркъ, докторъ богословія Пейслеръ. Всѣхъ ихъ Калитинъ арестовалъ и приказалъ держать на съѣзжей до утра, а утромъ въ 7 час. отправить каждаго къ его начальству, что̀ и было исполнено.

Опозоренный и избитый Калитинъ донесъ о приключившемся съ нимъ генералу Тормасову въ Ригу рапортомъ отъ 1 Іюня 1807 г. за № 1261; донесъ о событіи и эсаулъ Поповъ. Полковникъ Бельгардъ о происшествіи донесъ Государю Императору, находившемуся въ это время въ Шавляхъ, и Тормасову въ Ригу днемъ раньше, 31 Мая. Дерптскій магистратъ съ своей стороны о происшествіи 29 Мая донесъ 5 Іюня Лифляндскому губернскому правленію, но въ донесеніи не упомянулъ ни слова о студентахъ, а дѣло представилъ въ такомъ видѣ, что Калитинъ во время пожара билъ палкою вдову Грегоріусъ и ея дочь, потомъ наказалъ палками дворовыхъ людей Фрея. Проходившіе-де въ ту пору люди приняли участіе въ судьбѣ этихъ дворовыхъ людей, говорили полицеймейстеру, что если эти люди виновны, то ихъ слѣдуетъ передать въ судъ; но полицеймейстеръ «съ разъяреннымъ видомъ въ томъ имъ отказавъ и сказавъ находившемуся при томъ ректору университета «я до крайности пьянъ», велѣлъ дворовыхъ людей посадить на съѣзжую и вмѣстѣ съ ними запереть стоявшихъ тутъ же изъ любопытства людей, между ними и магистратскаго секретаря Шумана». Послѣ того бургомистръ съ оберъ-секретаремъ пришли къ Калитину просить объ освобожденіи Шумана, но онъ отказалъ. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно-де, что множество народа собралось на

Библиотека "Руниверс"

площади предъ ратушею, изъ которыхъ многіе гласно изъявляли неудовольствіе противъ полицеймейстера; но тотъ приказалъ вооружить состоящую у него казачью команду и потребовалъ помощи у полковника Бельгарда, послѣ чего по всѣмъ улицамъ были разставлены пикеты, а полковникъ Бельгардъ ругалъ бюргеровъ Якобинцами. Бюргеры, оскорбленные бранью, подали въ магистратъ прошеніе о смѣщеніи Калитина съ должности, объ удовлетвореніи побитой вдовы Грегоріуса и объ отвращеніи на будущее время нарушеній благоустройства. Вслѣдствіе всего этого магистратъ просилъ губернское правленіе: 1) отрѣшить Калитина отъ должности; 2) публично изъявить удовлетвореніе обиженному бюргерству, публикѣ и магистрату; 3) публично объявить такое постановленіе, въ силу коего полицеймейстеръ не могъ бы нарушать тишины и спокойствія, и 4) отвратить недостатки въ учрежденіи Дерптской полиціи, по коимъ полицеймейстеръ вмѣшивается въ судопроизводство и въ дѣла магистрата.

Такое совершенно извращающее истину донесеніе магистрата было представлено Тормасову, который вслѣдъ затѣмъ получилъ и отзывъ главнокомандующаго второю областною милиціею А. А. Беклешова о разслѣдованіи, по какому поводу былъ арестованъ милиціонный аудиторъ Петерсонъ.

Получивъ всѣ эти бумаги, А. П. Тормасовъ не зналъ кому вѣрить и не вѣдалъ, что Дерптскій магистратъ только и помышляетъ о томъ, какъ бы сбыть съ рукъ Калитина, оказывавшагося во сто кратъ хуже Жильцова. Онъ предписалъ Лифляндскому губернскому правленію 5 Іюня 1807 г. за № 701 немедленно командировать въ Дерптъ совѣтника правленія для разслѣдованія всего дѣла и отысканія зачинщиковъ, а на другой день, 6 Іюня, по полученіи отзыва Беклешова и жалобы вдовы Грегоріуса, предписалъ губернскому правленію, дабы оно, снабдивъ командируемаго въ Дерптъ на слѣдствіе совѣтника надлежащими инструкціями, предоставило ему власть «по усмотрѣнію его въ потребномъ случаѣ впредь до формальнаго сужденія удалить отъ должностей тѣхъ чиновниковъ, магистратскихъ или полицейскихъ, кои поступками своими подали поводъ къ противозаконнымъ тѣмъ дѣйствіямъ». Обо всемъ этомъ А. П. Тормасовъ донесъ Государю Императору 5 Іюня; Лифляндское же губернское правленіе назначило для производства слѣдствія своего совѣтника, кол. сов. фонъ Рикмана, который и поѣхалъ въ Дерптъ 8 Іюня. Онъ прибылъ туда 12 Іюня и немедленно, пригласивъ въ Дерптскій ландгерихтъ депутатовъ, одного отъ магистрата, а другого отъ университета, началъ слѣдствіе.

Библиотека "Руниверс"

Вся комиссія была составлена изъ Нѣмцевъ. Калитинъ, отлично понимая, что магистратскій членъ будетъ норовить обѣлить магистратъ, а университетскій—студентовъ, и всѣ вмѣстѣ непремѣнно обвинятъ его, Калитина, рѣшился для собственнаго своего спасенія на крайнюю мѣру: подалъ по начальству на высочайшее имя прошеніе съ изложеніемъ всего дѣла и ходатайствомъ о назначеніи слѣдственной комиссіи изъ коренныхъ Русскихъ, второй экземпляръ послалъ Государю по почтѣ (полагая, вѣроятно, что начальство не дастъ хода его прошенію) и вмѣстѣ съ тѣмъ 12 же Іюня отправилъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, копію съ своего рапорта, представленнаго А. П. Тормасову, о происшествіи 29 Мая, при особомъ письмѣ, въ которомъ просилъ министра «употребить власть свою не въ защищеніе невинно поруганнаго Россіянина и вѣрнаго сына отечества, а на открытіе законопреступниковъ и оскорбителей верховной власти; открыть же виновныхъ иначе не можно, какъ, остановя настоящую комиссію, учредить другую не въ ландгерихтѣ и не изъ членовъ, магистратскаго и университетскаго, а изъ Россіянъ безпристрастныхъ, ознаменовавшихъ себя усердіемъ къ отечеству, къ священному престолу Монарха, и не сопряженныхъ съ городомъ Дерптомъ родственными и дружественными союзами».

Графъ Кочубей, по полученіи письма Калитина, 26 Іюня 1807 г. за № 3422 писалъ А. П. Тормасову:

«Изъ препровождаемой при семъ жалобы, дошедшей ко мнѣ отъ Дерптскаго полицеймейстера, ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите обстоятельства описываемаго имъ происшествія въ видѣ возмущенія. Не получивъ отъ васъ, милостивый государь мой, никакого о семъ извѣщенія, не могу я дать полной вѣры донесеніямъ его; но считаю нужнымъ предать на уваженіе ваше, что если дѣйствительно полицеймейстеръ былъ битъ студентами, то дѣло сіе заслуживаетъ, мнѣ кажется, особеннаго вниманія; ибо, по винѣ ли его, или безъ вины, но столь дерзостный и званію его предосудительный поступокъ не долженъ быть оставленъ безъ строгаго изысканія и исправленія. Если навлекъ онъ себѣ обиду сію своимъ поведеніемъ, то долженъ быть судимъ и наказанъ, но притомъ и своевольство обидѣвшихъ его, если дѣйствительно оно сходно съ его описаніемъ, должно быть пресѣчено. Во всѣхъ случаяхъ, я буду ожидать отъ вашего высокопревосходительства объ обстоятельствахъ сего дѣло подробнаго извѣщенія».

Ходатайство Калитина о назначеніи въ комиссію Русскихъ членовъ уважено не было. А. П. Тормасовъ предписалъ только губернскому правленію торопить Рикмана, дабы онъ скорѣе кончалъ возложенное на него порученіе въ Дерптѣ.

Рикманъ возвратился въ Ригу въ началѣ Іюля, а Лифляндское губернское правленіе 12 Іюля за № 6260 донесло А. П. Тормасову,

Библиотека "Руниверс"

что по произведенному Рикманомъ слѣдствію оказалось: 1) Калитинъ 29 Мая обѣдалъ въ клубѣ Мусса съ Бельгардомъ и другими двумя особами, при чемъ они выпили 7 бутылокъ шампанскаго, 2 бургонскаго и 1 бутылку дри-мадеры. 2) Калитинъ во время пожара билъ нещадно палкою и ногами вдову Грегоріуса и такъ ударилъ по лицу ея дочь, что у нея изъ носа бросилась кровь. 3) Калитинъ выломилъ двери въ домѣ, въ которомъ и пожара не было. 4) Двухъ служителей купца Фрея нещадно наказалъ, что̀ удостовѣряетъ профессоръ докторъ Кауцманъ медицинскимъ свидѣтельствомъ. 5) Этими поступками полицеймейстера толпа народа, собравшаяся предъ ратушею, столь огорчилась, что нѣкоторые ругали его, а студентъ Менгъ ударилъ, отставной же секретарь Троутманъ хваталъ полицеймейстера за грудь и въ лицо ему плевалъ. 6) Калитинъ, хоть и выпустилъ наказанныхъ дворовыхъ людей, но захватилъ подъ арестъ магистратскаго секретаря Шумана и доктора Песлера. 7) По требованію Калитина, на рынокъ пришла артилерійская рота, которая арестовала студента Менша, но выпустила по требованію ректора. 8) Когда народъ разошелся, члены магистрата тщетно просили Калитина освободить Шумана. 9) Шумана на съѣзжей посѣтили его друзья, которыхъ Калитинъ арестовалъ.

Но какъ Калитинъ ничего путнаго въ оправданіе свое принести не могъ, то Рикманъ, на основаніи данной ему власти, отрѣшилъ его отъ должности, какъ человѣка въ пьяномъ видѣ вызвавшаго безпорядки, съ назначеніемъ капитана Дерптской штатной команды Догадчикова временно исправляющимъ должность Дерптскаго полицеймейстера.

И такъ, по слѣдствію, произведенному Рикманомъ, оказался во всемъ виновнымъ Калитинъ; студенты же были не при чемъ, собирались не они, а толпы народа и били полицеймейстера не они, а Богъ вѣсть кто. Губернское правленіе, представляя это заключительное мнѣніе слѣдственной комиссіи, полагаетъ съ своей стороны: Калитина отъ должности отрѣшить, предать суду гофгерихта за преступленіе по должности, Троутмана и Менша задержать подъ арестомъ впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла.

А. П. Тормасовъ, по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла, нашелъ его произведеннымъ весьма неудовлетворительно, потому 27 Іюля 1807 г. онъ возвратилъ дѣло въ губернское правленіе, предписавъ ему: заключительное мнѣніе комиссіи препроводить въ Дерптскій ландгерихтъ, дабы оный истребовалъ отъ Калитина объясненія по каждому пункту этого мнѣнія; противъ же Троутмана и Менша возбудить уголовное слѣдствіе. Объ этомъ Тормасовъ донесъ министру внутреннихъ дѣлъ. Дѣло послали въ ландгерихтъ, которому такимъ образомъ и пришлось потребовать отъ Калитина объясненій. Калитинъ вслѣдствіе этого далъ и въ тоже время, 8 Сентября 1807 г., сдѣлалъ обширное на 19 ли-

Библиотека "Руниверс"

стахъ объяснительное представленіе А. П. Тормасову, копію съ какового представленія послалъ и министру внутреннихъ дѣлъ для его свѣдѣнія.

Это объяснительное представленіе, написанное весьма искусно, ясно и отчетливо, указываетъ, что Калитинъ былъ дѣйствительно человѣкъ не безъ способностей, отлично владѣвшій тогдашнимъ дѣловымъ Русскимъ языкомъ и логически излагавшимъ свои мысли. Въ своемъ объясненіи онъ прежде всего указалъ, чѣмъ именно онъ возбудилъ противъ себя магистратъ и студентовъ (объ этомъ сказано выше), затѣмъ передаетъ подробности нанесеннаго ему оскорбленія въ день 29 Мая, а потомъ доказываетъ, насколько слѣдствіе, произведенное Рикманомъ, было пристрастно и насколько несправедливо онъ отрѣшенъ отъ должности, и въ заключеніе разбираетъ заключительное мнѣніе слѣдственной комиссіи по пунктамъ.

Комиссія утверждаетъ, что въ день происшествія Калитинъ былъ пьянъ. Это клевета. Почему комиссія не указала, кто видѣлъ Калитина пьянымъ на пожарѣ, почему не сдѣлала очной ставки ему съ тѣми, кто свидѣтельствовалъ о пьяномъ видѣ Калитина. Никакихъ свидѣтелей не показано, никакой очной ставки сдѣлано не было, никакого оправданія не принято. Развѣ это не упущеніе комиссіи? Калитинъ 29 Мая дѣйствительно обѣдалъ въ клубѣ съ Бельгардомъ, капитаномъ Торновымъ и кол. сов. Зибергомъ, служившимъ при дворѣ Его Величества. Калитинъ вышелъ изъ клуба вмѣстѣ съ Зибергомъ, съ которымъ лишь за обѣдомъ познакомился, и прошелъ съ нимъ вмѣстѣ до его квартиры. Почему комиссія не спросила Зиберга, какъ человѣка совершенно посторонняго, былъ ли пьянъ Калитинъ?

Всѣхъ Русскихъ свидѣтелей спрашивали на Русскомъ языкѣ, но показанія записывались на Нѣмецкомъ языкѣ безъ присяжнаго переводчика и безъ подписей свидѣтелей. Протоколъ бралъ къ себѣ на квартиру членъ комиссіи профессоръ Митель, врагъ Калитина. Гдѣ доказательства, что онъ не поддѣлалъ и не измѣнилъ протоколовъ?

Допросъ, снятый съ самого Калитина, не только не былъ предъявленъ ему къ подписи, но даже не былъ прочитанъ ему.

Калитинъ показалъ въ комиссіи, что узнаетъ въ лицо студентовъ, которые его били. Студентовъ ему не показали никакихъ, и потому обидчики остались не обнаруженными.

Профессоръ Кауцманъ съ толпою студентовъ, опрокинувъ часового, силою забралъ арестованныхъ и наказанныхъ двухъ дворовыхъ людей купца Фрея. Комиссія фактъ этотъ и разслѣдованію даже не подвергала.

Библиотека "Руниверс"

Бургомистръ Акерманъ въ полночь съ толпою народа скопомъ приходилъ въ квартиру Калитина и нанесъ ему оскорбленія. Комиссія и этотъ фактъ упустила изъ вида.

Арестованные на съѣзжей гости Шумана давали деньги казакамъ, чтобы ихъ выпустить; аудиторъ Петерсонъ далъ унтеръ-офицеру полицейской команды 50 руб., каковыя деньги унтеръ-офицеръ объявилъ своему начальству, а начальникъ отдалъ ихъ обратно Петерсону. Почему комиссія не разслѣдовала этотъ фактъ?

Комиссія утверждаетъ, что Калитинъ избилъ вдову Грегоріуса и ея дочь и нещадно наказалъ двухъ дворовыхъ людей Фрея. Дѣйствительно, онъ оттолкнулъ и ударилъ какую-то бабу, не пускавшую его на чердакъ, но дочери не билъ и въ глаза ее не видѣлъ. Что̀ касается до жестокихъ побоевъ и ранъ, нанесенныхъ будто бы двумъ дворовымъ людямъ Фрея, то эти раны и слѣды побоевъ значатся только на бумагѣ, въ медицинскомъ свидѣтельствѣ Кауцмана. Комиссія и уѣздный врачъ Вильмеръ свидѣтельствовали мнимыхъ мучениковъ чрезъ двѣ недѣли послѣ происшествія и ни малѣйшихъ ранъ и боевыхъ знаковъ на этихъ людяхъ не нашли. Не народъ волновался, безчинствовалъ и толпился на улицахъ и предъ ратушею вечеромъ 29 Мая, а студенты. Почему комиссія скрыла это?

Почему комиссія не опросила эсаула, казаковъ и офицеровъ роты Бельгарда, присутствовавшихъ на площади во время безпорядковъ и очевидцевъ всему происшествію?

Комиссія приняла во вниманіе показаніе клубныхъ лакеевъ, но это все лжесвидѣтели. Частный надзиратель Буде, привлеченный къ дѣлу, есть и клубный экономъ, и комиссія не разслѣдовала лжесвидѣтельствъ.

Вообще все дѣло ведено не законно и пристрастно.

Обширное объясненіе полицеймейстера А. П. Тормасовъ препроводилъ въ Дерптскій ландгерихтъ для приложенія къ дѣлу.

Ландгерихтъ хотя и получилъ всѣ бумаги по дѣлу Калитина, но ровно ничего не дѣлалъ по оному во весь 1807 годъ. Калитинъ проживалъ въ Дерптѣ, никѣмъ не спрашиваемый, свидѣтелей никого не вызывали. Однимъ словомъ, дѣло положили подъ сукно и предали какъ бы забвенію; а между тѣмъ одинъ изъ главныхъ виновныхъ, зачинщикъ всему дѣлу, по показанію Калитина, магистратскій секретарь Шуманъ добылъ себѣ какими-то путями у министра иностранныхъ дѣлъ загра-

Библиотека "Руниверс"

ничный паспортъ и преспокойно уѣхалъ въ Пруссію. А. П. Тормасовъ, 9 Декабря 1807 г. за № 2989 запросилъ Лифляндскаго гражданскаго губернатора, какъ это могло случиться, что Шуманъ, принадлежа къ числу подсудимыхъ въ дѣлѣ столь важномъ, какъ избіеніе полицеймейстера, могъ получить паспортъ помимо его, Тормасова, и уѣхать въ Пруссію и почему Дерптскій магистратъ не воспрепятствовалъ его отъѣзду. Вслѣдствіе этого пошли запросы, отписки и въ концѣ концовъ: знать ничего не знаемъ, добылъ паспортъ и уѣхалъ!

Кончился 1807 годъ, а съ нимъ вмѣстѣ послѣдовала и перемѣна въ главномъ начальствованіи краемъ.

Графъ Буксгевденъ, съ Апрѣля 1807 г. находившійся не у дѣлъ, въ Іюнѣ, когда въ Тильзитѣ уже шли переговоры о мирѣ съ Наполеономъ (миръ былъ подписанъ 25 и ратификованъ 27 Іюня), былъ вызванъ изъ Риги къ арміи. Государь Императоръ, имѣвшій всѣ причины быть недовольнымъ главнокомандующимъ арміею, Беннигсеномъ, уволилъ его отъ службы, а на его мѣсто, 26 Іюня, назначилъ главнокомандующимъ всею заграничною арміею графа Буксгевдена, которому и было повелѣно отправить первую дивизію въ Петербургъ, а прочія войска отвести въ лагери при Днѣпрѣ, Витебскѣ и Оршѣ. Графъ Буксгевденъ исполнилъ порученіе, отвелъ войска и въ Ноябрѣ получилъ приказаніе прибыть въ Петербургъ, куда и прибылъ въ Декабрѣ 1807 г. Здѣсь онъ получилъ назначеніе быть главнокомандующимъ войскъ, предназначенныхъ для военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно быть снова Рижскимъ военнымъ губернаторомъ и снова вступить въ главное управленіе гражданскою частію въ Ливонскихъ губерніяхъ, такъ какъ А. П. Тормасовъ получилъ другое назначеніе (онъ былъ назначенъ начальникомъ 5 и 6-й дивизій). Калитинъ, какъ только провѣдалъ, что графъ Буксгевденъ прибылъ въ Петербургъ и вступилъ по прежнему въ главное управленіе тремя губерніями, тотчасъ же написалъ ему о своемъ дѣлѣ, прося защиты и правосудія. Графъ Буксгевденъ, ничего не зная о ходѣ дѣла, 12 Января 1808 г. за № 65 изъ Петербуга послалъ въ Ригу въ Лифляндское губернское правленіе просьбу Калитина, требуя объясненія по ней. При этомъ графъ далъ знать правленію: 1) удалить чиновника отъ должности могутъ, по учрежденіямъ о губерніяхъ, губернское правленіе, генералъ-губернаторъ или же военный губернаторъ, управляющій гражданскою частію, но никакъ не совѣтникъ правленія; въ законѣ также не означено, чтобы губернское правленіе или генералъ-губернаторъ могли давать кому либо полномочіе на то, что только имъ однимъ предоставлено.

Библиотека "Руниверс"

Калитинъ удаленъ отъ должности совѣтникомъ правленія, по уполномочію отъ военнаго губернатора: это незаконно и сдѣлано неправильно. 2) По закону, свидѣтели въ дѣлѣ столь важномъ, какъ оскорбленіе должностнаго лица, должны быть спрошены подъ присягою. Свидѣтели къ присягѣ приводимы не были; объяснить почему не были, почему не соблюденъ узаконенный обрядъ, почему дѣло приняло незаконный ходъ? 3) Калитинъ обвиняетъ въ пристрастіи комиссію. Такія огульныя обвиненія и подозрѣнія, взводимыя на цѣлое судебное мѣсто или комиссію, не пріемлются: Калитинъ долженъ доказать справедливость своихъ обвиненій и подозрѣній въ высшемъ мѣстѣ. 4) Дѣла о преступленіяхъ по должностямъ разбираются и судятся исключительно гофгерихтомъ, а вовсе не ландгерихтомъ. «Но какъ все то, прибавилъ графъ Буксгевденъ, учинено прежде меня, то остается мнѣ предложить губернскому правленію, что если Дерптскимъ ландгерихтомъ предписанное оному порученіе не кончено, то, назнача кратчайшій срокъ, велѣть, чтобы слѣдствіе немедленно представлено было въ губернское правленіе; а сіе со своимъ мнѣніемъ доставило бы оное ко мнѣ. Обо всемъ томъ не оставитъ губернское правленіе приказать объявить полицеймейстеру Калитину».

И такъ, ландгерихту всетаки приходилось взяться за дѣло Калитина, но тутъ вышелъ казусъ, не совсѣмъ обыкновенный даже въ тѣ времена. Ландгерихтъ донесъ Лифляндскому губернскому правленію, что подлинные протоколы, акты, допросы и пр. забралъ изъ ландгерихта Калитинъ и увезъ съ собою въ Петербургъ, такъ что дѣла нѣтъ и разбирать нечего: Калитинъ уѣхалъ и гдѣ проживаетъ въ Петербургѣ неизвѣстно и какъ добыть у него подлинныя бумаги также неизвѣстно; секретарь Шуманъ уѣхалъ въ Пруссію или тамъ Богъ вѣсть куда; студентъ Меншъ бѣжалъ изъ университетскаго карцера и неизвѣстно куда скрылся. Отсюда ясно выходило, что ничего не остается, какъ предать дѣло волѣ Божіей.

Все это происходило въ Мартѣ 1808 г. Наши войска, между тѣмъ, перешли Шведскую границу въ Финляндіи подъ начальствомъ графа Буксгевдена 9 Февраля 1808 года. 16 Марта 1808 г. послѣдовали формальное объявленіе войны со Швеціею и манифестъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи, а вскорѣ затѣмъ графъ Буксгевденъ овладѣлъ Або и здѣсь учредилъ главную квартиру войскъ. Отсюда, изъ Або графъ Буксгевденъ и посылалъ свои предписанія гражданскимъ губернаторамъ ввѣренныхъ ему губерній, управляя такимъ образомъ краемъ изъ Финляндіи и въ тоже время распоряжаясь военными дѣйствіями, принявшими скоро весьма упорный со стороны Шведовъ характеръ. Какъ ни

Библиотека "Руниверс"

былъ занятъ графъ военными распоряженіями, но, однакоже, вспомнилъ о дѣлѣ Калитина и изъ Або 11 Іюля 1808 г. за № 489 предписалъ Лифляндскому губернатору Репьеву *), смѣнившему Рихтера, донести: кончилъ ли Дерптскій ландгерихтъ возложенное на него порученіе, дополнилъ ли дѣло Калитина, и если все кончилъ и дополнилъ, то представлено ли дѣло въ Ригу въ гофгерихтъ на окончательное разбирательство; если же не представлено, то представить возможно поспѣшнѣе.

Но еще до полученія въ Ригѣ этого предписанія, Лифляндскій губернаторъ донесъ, 4 Іюля 1808 г. за № 2440, графу Бекгевдену въ Або, что Дерптскій ландгерихтъ затребовалъ объясненій отъ Калитина, которыя и получилъ, но Калитинъ послѣ того забралъ изъ ландгерихта подлинные документы и акты и уѣхалъ съ ними въ Петербургъ. «Двукратно я относился къ Петербургскому военному губернатору, князю Лобанову-Ростовскому, писалъ Репьевъ, о розысканіи Калитина, о отобраніи у него дѣла и актовъ, но на первое отношеніе отъ 9 Марта получилъ увѣдомленіе, что Калитина въ Петербургѣ нѣтъ, когда же Дерптскій ландгерихтъ провѣдалъ, что Калитинъ живетъ въ Петербургѣ и объ немъ слѣдуетъ спросить у подполковника лейбъ-гвардіи Коннаго полка Костина, то 4 Мая снова просилъ князя Лобанова о розысканіи Калитина, но на этотъ разъ и отвѣта никакого не получилъ. Вслѣдствіе этого дѣло и остается въ нерѣшеніи. «Оно и точно: какъ рѣшить дѣло, когда подсудимый уѣхалъ, неизвѣстно гдѣ находится, и подлинное дѣло о себѣ забралъ и увезъ съ собою!

Для успокоенія же графа Буксгевдена Репьевъ присовокупилъ, что въ Дерптѣ все исправно: вмѣсто Калитина полицеймейстерскую должность исправлялъ Дерптскаго уѣзда ордунгсрихтеръ Вильбоа, а нынѣ опредѣленъ полицеймейстеромъ отставной маіоръ Гежинскій, «чиновникъ дѣятельный и похвальнаго моральнаго характера». То-есть, могъ бы прибавить губернаторъ, противъ магистрата не пойдетъ и препятствовать студенческимъ безчинствамъ не будетъ, кабаковъ и трактировъ по почамъ запирать не станетъ, скупщиковъ стѣснять не будетъ и предоставитъ министеріалу магистрата обирать рынокъ, какъ ему будетъ угодно.

Графъ Буксгевденъ не удовлетворился однако успокоительнымъ донесеніемъ о назначеніи въ Дерптѣ полицеймейстера похвальнаго мо-

*) Дѣйств. ст. сов. Иванъ Николаевичъ Репьевъ былъ назначенъ въ 1804 г. предсѣдателемъ Венденской ревизіонной по крестьянскому положенію комиссіи, исполнялъ эту должность до Марта 1808 г., когда былъ назначенъ гражданскимъ губернаторомъ въ Ригу вмѣсто Рихтера, назначеннаго секретаремъ въ Петербургъ.

Библиотека "Руниверс"

ральнаго характера, но 29 Іюля 1808 г. за № 506 предписалъ губернатору разслѣдовать, какъ могло случиться, что Дерптскій ландгерихтъ выдалъ Калитину подлинные документы и акты, а не копіи съ нихъ, и взявъ отвѣтъ, поступить по законамъ. Вмѣстѣ съ симъ графъ Буксгевденъ 29 Августа написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, князю Алексѣю Борисовичу Куракину (смѣнившему графа Кочубея), прося его отыскать Калитина, выслать его въ Ригу для преданія суду гофгерихта, а дѣла отобрать у него и отослать въ Лифляндское губернское правленіе.

Губернаторъ, запросилъ Дерптскій ландгерихтъ, какъ это вышло, что Калитинъ забралъ подлинные документы и акты, а не копіи. Ландгерихтъ отвѣчалъ, что никто не могъ предполагать, чтобъ Калитинъ рѣшился на такой пассажъ. Онъ просилъ дать ему прочесть все дѣло, чтобы изложить обстоятельное объясненіе, ему и дали прочесть, а онъ забралъ для прочтенія и уѣхалъ.

Лифляндское губернское правленіе 29 Января 1809 года постановило дать Дерптскому ландгерихту строгій выговоръ съ угрозою жесточайшаго судебнаго наказанія, если подсудимые будутъ брать дѣла о себѣ и увозить ихъ. Объ этомъ и было донесено графу Буксгевдену съ присовокупленіемъ, что студентъ Меншъ, Саксонецъ родомъ, бѣжалъ изъ карцера и розыскивается по губерніи, а о бывшемъ секретарѣ Троутманѣ никакого сужденія нельзя сдѣлать, ибо документы о немъ у Калитина, котораго розыскать не могутъ.

Дальнѣйшая судьба Калитина неизвѣстна. Въ дѣлахъ имѣется, однако, свѣдѣніе, что Калитинъ въ Январѣ 1809 года былъ въ Дерптѣ, но потомъ снова уѣхалъ оттуда, неизвѣстно куда. Дѣло объ его оскорбленіи такъ и было оставлено безъ всякихъ послѣдствій.

N. N.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ю. Ѳ. САМАРИНА И КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО КЪ К. К. ГРОТУ.

(Къ исторіи податныхъ сборовъ).

Предлагаемыя здѣсь вниманію читателей письма *), бросаютъ свѣтъ на ходъ одного изъ важныхъ вопросовъ нашей государственной и народной жизни, которому долго не везло въ смыслѣ осуществленія давно назрѣвшихъ и вызываемыхъ самою жизнью преобразованій и который дождался своего разрѣшенія лишь въ началѣ царствованія Александра III (1883—1886 г.г.). Я разумѣю преобразованіе податныхъ сборовъ и упраздненіе подушной подати. Всѣ три дѣйствовавшія лица этой переписки горячо принимали къ сердцу важность и спѣшность этого преобразованія, и каждый въ кругу своей дѣятельности и по мѣрѣ силъ старался способствовать наиболѣе разумному и успѣшному его осуществленію.

Извѣстно, что еще въ 1859 г. была образована „комиссія по пересмотру системы податей и сборовъ“, которая высказала убѣжденіе въ необходимости совершенной отмѣны подушной подати, существенныя недостатки которой были громко признаны. Но недовѣріе Министерства Финансовъ къ новымъ земскимъ учрежденіямъ долго мѣшало выходу вопроса изъ круга чисто-канцелярскаго обсужденія въ широкую сферу общественной, земской критики и переработки. Наконецъ, послѣ того, какъ въ 1868 г. былъ составленъ комиссіей проектъ *подворнаго* и *поземельнаго* налога, долженствовавшаго замѣнить подушную систему, этотъ проектъ былъ переданъ въ 1870 г. на обсужденіе земствъ. Какъ извѣстно, большинство сихъ послѣднихъ высказалось противъ проекта, измѣнявшаго положеніе дѣла недостаточно коренным и болѣе формальнымъ образомъ, и исходя изъ начала необходимости распространенія государственныхъ повинностей на всѣ сословія, рекомендовало *подоходный* налогъ, какъ наиболѣе правильный.

Къ этому-то времени разработки вопроса относится помѣщаемое ниже письмо Ю. Ѳ. Самарина о ходѣ занятій въ совѣщаніяхъ Московскаго земства, въ которыхъ принималъ дѣятельное участіе и князь В. А. Черкасскій. Но и послѣ разсмотрѣнія и свода земскихъ отзывовъ особою комиссіей (1872 г.) дѣлу податныхъ преобразованій суждено было испытать цѣлый рядъ помѣхъ и отсрочекъ, несмотря на старанія министра Рейтерна подвинуть этотъ вопросъ къ рѣшенію. Въ 70-хъ годахъ въ министерствѣ была надежда привести дѣло къ желанному концу, но тутъ начались восточныя осложненія, разразившіяся войной, и рѣшеніе податного вопроса было снова отложено.

*) Найдены въ бумагахъ моего дяди, К. К. Грота, сохранившаго ихъ въ числѣ немногихъ неуничтоженныхъ имъ писемъ. К. Г.

Библиотека "Руниверс"

Письмо князя В. А. Черкасскаго относится къ 1876 г., т. е. къ тому времени, когда благія намѣренія встрѣтили непреодолимое препятствіе во внѣшнихъ событіяхъ.

К. Гротъ.

1. Письмо Ю. Ѳ. Самарина.

Москва, 23 Марта (1871 г.).

Почтеннѣйшій Константинъ Карловичъ. Исполняя ваше желаніе, переданное мнѣ И. И. Масловымъ, я посылаю вамъ въ особомъ конвертѣ отпечатанные журналы Московской податной комиссіи.

Нелишнимъ считаю предупредить васъ, что мы не держимъ стенографа, и потому нельзя требовать отъ изложенія преній ни полноты, ни большой точности.

Кстати позвольте сказать вамъ два слова о происходившемъ на дняхъ въ Москвѣ съѣздѣ нѣкоторыхъ членовъ земскихъ управъ, о которомъ, кажется, ходятъ въ Петербургѣ довольно неточныя свѣдѣнія. Въ настоящее время всѣ земства занимаются по губерніямъ разрѣшеніемъ вопроса, которымъ они застигнуты были врасплохъ. Выработанныхъ предположеній ни у кого въ запасѣ не имѣлось, не было даже достаточной научной подготовки. При этихъ условіяхъ, очень естественно должна была возникнуть мысль, посредствомъ обмѣна мыслей съ сосѣдями, уяснить себѣ понятія и провѣрить свои только что зарождавшіяся предположенія. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ не Москвичу, а извѣстному г. Бланку *).

Пріѣхавъ въ Москву, онъ вошелъ въ сношенія съ предсѣдателемъ здѣшней губернской управы, Наумовымъ, и сообщилъ ему свою мысль о приглашеніи въ Москву предсѣдателей управъ изъ разныхъ губерній на совѣщаніе по податному вопросу. Наумовъ отвѣчалъ ему, что онъ признаетъ пользу подобнаго совѣщанія и *лично* приметъ въ немъ участіе, если оно состоится; но онъ рѣшительно отклонилъ на первыхъ же порахъ всякую въ этомъ дѣлѣ иниціативу со стороны управы или податной комиссіи, отказался отъ разсылки приглашеній, даже заранѣе предупредилъ, что частныя собранія могутъ имѣть мѣсто въ частныхъ домахъ, но отнюдь не въ помѣщеніи управы.

Вслѣдъ за г. Бланкомъ пріѣхалъ въ Москву предсѣдатель Шлюссельбургской управы баронъ Корфъ, съ такимъ же предложеніемъ, и получилъ такой же отвѣтъ. Тогда баронъ Корфъ и одинъ изъ Московскихъ гласныхъ обратились, каждый отъ себя, лично, къ тѣмъ изъ предсѣдателей и членовъ иногородныхъ управъ, съ которыми они были

*) Григорію Борисовичу, старшему внуку славнаго въ XVIII вѣкѣ архитектора. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

знакомы, и пригласили ихъ съѣхаться въ Москвѣ въ половинѣ Марта. Прибыло всего изъ разныхъ губерній около 17—20 человѣкъ.

Совѣщанія происходили у П. А. Васильчикова, у Кошелева и у князя Мещерскаго.

Собирались четыре раза. Предсѣдатель здѣшней управы былъ на трехъ совѣщаніяхъ, я на двухъ. Главною, почти единственной темой для разговоровъ служилъ вопросъ о томъ: что̀ есть классный налогъ и что̀ подоходный, чѣмъ они отличаются, который изъ нихъ для насъ удобнѣе? На первыхъ же порахъ обнаружились крайняя неопредѣленность понятій и шаткость многихъ предположеній. Нѣкоторые изъ бывшихъ на съѣздѣ, послѣ послѣдняго совѣщанія, откровенно высказывались, что пребываніе ихъ въ Москвѣ заставило ихъ отнестись критически, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, къ собственнымъ предположеніямъ, казавшимся имъ непреложными. Если это правда (въ чемъ я не сомнѣваюсь), то происходившіе въ Москвѣ споры принесли свою пользу.

Вы знаете лучше, чѣмъ кто либо, какъ легко, въ провинціальной средѣ, самые неосуществимые проекты зарождаются, распространяются и крѣпнутъ благодаря именно совершенному отсутствію серьезной критики. Поэтому я не могу не радоваться, что этому неизбѣжному испытанію подверглись мѣстныя предположенія на самыхъ первыхъ порахъ, прежде чѣмъ изъ нихъ выработались ожидаемые проекты.

Этимъ сбережено много времени, много безплоднаго труда и, прибавлю, предупреждено то раздраженіе самолюбій, которое неминуемо послѣдовало бы за отказомъ правительства принять къ исполненію неосуществимые проекты.

Я считаю излишнимъ прибавлять, что совѣщанія въ Москвѣ ограничились простыми разговорами, что никакихъ журналовъ ведено не было и что никому и въ голову не приходило дѣлать какія либо постановленія. За вѣрность и точность всѣхъ этихъ свѣдѣній я вамъ ручаюсь, и не только уполномочиваю, но и прошу васъ употребить ихъ по усмотрѣнію вашему, если онѣ могутъ пригодиться для опроверженія ложныхъ слуховъ и толковъ.

Опасаться рѣшительно нечего: дѣло идетъ недурно, и испортить его можно было бы только какимъ нибудь заявленіемъ ничѣмъ не заслуженнаго недовѣрія къ трудамъ, за которые земства принялись усердно и добросовѣстно. Душевно вамъ преданный Юрій Самаринъ.

2. Письмо князя В. А. Черкаскаго.

Сентября 21 дня 1876.
С. Васильевское Вяземскаго уѣзда.

Могу засвидѣтельствовать, дражайшій Константинъ Карловичъ, что обвиненія нашей почты въ отсутствіи сообразительности не совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

справедливо, и могу привести на то доказательство. Второе письмо ваше изъ Интерлакена, отъ 12 (27) Августа, по ошибкѣ адресованное вами въ Бѣлевъ (вмѣсто Венева) дошло таки въ концѣ концовъ до меня, хотя конечно немало запоздало. Это послѣднее обстоятельство и было причиною тому, что я не могъ уже отвѣчать вамъ въ Парижъ, какъ вы мнѣ указывали, и предпочитаю писать прямо въ Петербургъ, куда безъ сомнѣнія уже привлекли васъ засѣданія высшаго, какъ говорится, государственнаго учрежденія.

Никто болѣе меня не сочувствуетъ мысли о преобразованіи нашей податной системы и не радуется тому, что хотя одинъ изъ людей стоящихъ близко къ правительству интересуется имъ и искренно готовъ помочь дѣлу.

Для изученія на мѣстѣ Прусской системы я ѣздилъ нарочно еще въ 1867—1868 годахъ въ Берлинъ, гдѣ провелъ цѣлую зиму, получивъ отъ тогдашняго министра финансовъ фонъ-деръ Гейта лично разрѣшеніе копаться въ дѣлахъ министерства, и пользовался руководствомъ директора департамента окладныхъ сборовъ старика Биттера, истиннаго создателя нынѣшней системы, нынѣ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, и одного весьма опытнаго начальника отдѣленія, къ которому я впослѣдствіи направилъ А. П. Заблоцкаго, когда онъ захотѣлъ писать объ этомъ предметѣ книгу.

Въ то время мною были собраны всѣ матеріалы, и они мною постоянно до сихъ поръ дополняются. Это дало мнѣ возможность, когда собиралась Московская комиссія земская въ 1871 году, принять въ ней дѣятельное участіе, тѣмъ болѣе, что Юрій Ѳедоровичъ не хотѣлъ безъ этого идти въ нее и принять въ ней предсѣдательство, боясь для себя новости предмета. Я не принадлежалъ въ то время къ Московскому земству, выбывъ уже тогда изъ городскихъ головъ и не состоя губернскимъ гласнымъ; но согласился на приглашеніе комиссіи и успѣлъ провести въ ней, при помощи Юрія Ѳедоровича, проектъ классной подати, мною для нея составленный. Къ сожалѣнію, все это и всѣ ваши и наши труды ни къ чему не повели. Также мало послужило и наше бездѣйствіе, къ которому въ прошломъ году поощряли насъ Петербургскіе друзья, отсовѣтывая новыя какія-либо заявленія въ земствахъ. Ваши собственныя хлопоты тоже ни къ чему не повели, и скажу вамъ откровенно: я увѣренъ, что до окончанія нынѣшнихъ осложненій, которыя едва ли не разрѣшатся войной, правительство не затронетъ этого вопроса. Теперь всѣ мысли будутъ направлены къ извлеченію изъ народа денегъ всѣми мѣрами, хотя бы самыми безпутными, а не улучшеніемъ финансовой системы; привиллегированныя сословія, при теперешнемъ удобномъ случаѣ, обложатъ, а о положеніи крестьянъ никто

Библиотека "Руниверс"

и не подумаетъ, и никто не улучшитъ его. Все это останется вопросомъ открытымъ для будущаго времени; и ничьи, мои или покойнаго Юрія Ѳедоровича, статьи не въ силахъ были бы измѣнить такого хода дѣлъ. Боюсь даже, наоборотъ, какъ бы не ухудшился онъ; боюсь, любезнѣйшій Константинъ Карловичъ, даже того намека, который заключается въ вашемъ письмѣ—на возможность для правительства, если не преобразовать всю нашу податную систему, то по крайней мѣрѣ измѣнить нѣкоторыя начала нашего подушнаго налога и *способы его взиманія*.

Да, дѣйствительно, это могло бы случиться. Но, говоря по чистой совѣсти, я счелъ бы это истиннымъ бѣдствіемъ. Наша податная система до того ненормальна, отвратительна, до того схожа съ самыми гнусными Турецкими финансовыми учрежденіями, которыя мы теперь такъ незастѣнчиво поносимъ, благосклонно забывая о бревнѣ, торчащемъ изъ собственнаго глаза, что я не желалъ бы принимать участіе въ ихъ искусственномъ поддержаніи. Нашу финансовую систему предлежитъ вырвать съ корнемъ вонъ, и это возможно; но это сдѣлаетъ не печать наша въ ея теперешнемъ плачевномъ положеніи и нравственномъ безсиліи, а должно сдѣлать само правительство. Если оно когда-нибудь пожелаетъ созвать новыя комиссіи, серьезно составленныя, въ родѣ бывшихъ редакціонныхъ, то я всегда готовъ буду работать и столько же безкорыстно, какъ работалъ въ прежнее время, въ дни увлеченій молодого вѣка.

Но помогать починкѣ подушнаго налога, статьями или иначе, я не считаю полезнымъ для дѣла. Напротивъ, пускай наша отвратительная податная система падетъ безвозвратно и сполна, хотя бы годомъ или двумя позднѣе, подъ бременемъ своей несостоятельности и того отвращенія, которое къ ней ощущаютъ и питаютъ всѣ, кромѣ одного лишь нашего министра финансовъ. На его душѣ, тяжкій грѣхъ и передъ народомъ и передъ Государемъ, которому онъ не хочетъ или не смѣетъ сказать правды, забывая, что правительство въ этомъ дѣлѣ компрометируется несказанно передъ всею Россіею, не только мыслящею, но еще и немыслящею, что̀ еще гораздо хуже и гораздо важнѣе. Вытекаетъ ли однако изъ этого, истинно уважаемый мною Константинъ Карловичъ, что я не послѣдую вашему совѣту и указанію?..

Нимало. Считаю ихъ весьма основательными и займусь непремѣнно тою стороною дѣла, которую вы такъ основательно указываете. Затѣмъ, пускай случай рѣшитъ—пойдетъ ли это на пользу общую или нѣтъ. Могу васъ лишь душевно поблагодарить и за полезное указаніе, и за добрую память, и за довѣріе къ не вполнѣ остывшей во

Библиотека "Руниверс"

мнѣ еще любви къ общему дѣлу и вѣрѣ въ его окончательный, хотя бы и поздній, успѣхъ.

Вотъ какъ я расписался, невзирая на нерасположеніе мое къ эпистолярному штилю. Не взыщите. Сами виноваты. Я покуда живу еще въ деревнѣ, переберусь въ Москву ко второй половинѣ Октября и въ концѣ его или въ Ноябрѣ надѣюсь пожать вамъ руку на берегахъ вашей холодной, но величественной Невы. Душевно преданный кн. В. Черкаскій.

P. S. Говорятъ, у Дм. Ѳед. Сам. есть тетрадка съ замѣтками Ю. Ѳ. о податномъ дѣлѣ. Постараюсь въ Москвѣ достать. Очень радъ, что вы приголубили Д—а. Онъ обращался ко мнѣ; но мнѣ извѣстно, что онъ, для окончанія своего труда, желалъ не денегъ, а Русскаго крестика. Первыхъ я не пожалѣлъ бы. Но Русскіе крестики я безсиленъ доставить для кого бы то ни было. Вы же сдѣлали доброе дѣло.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ «РУССКАГО АРХИВА».

По словамъ графа Д. Н. Блудова Екатерина нисколько не виновата въ тѣхъ трехъ злодѣйствахъ, въ коихъ упрекаютъ ее иностранные писатели и о которыхъ такъ горько слышать Русскому почитателю ея. Графъ Блудовъ имѣлъ въ рукахъ два собственноручныя письма Алексѣя Григ. Орлова къ Екатеринѣ. Въ первомъ изъ нихъ онъ описываетъ свое пребываніе въ Ропшѣ и намекаетъ, что Петръ еще опасенъ: *а уродъ-то нашъ то-то и то-то заговариваетъ* (письмо писано безграмотно) и что надо бы съ нимъ развѣдаться. Приготовивъ этимъ письмомъ Государыню, въ слѣдующей запискѣ онъ извѣщаетъ о совершившемся злодѣйствѣ. Екатерина упала въ обморокъ, прочитавъ о гибели своего мужа. Одно изъ ея горестныхъ восклицаній было: «Что скажетъ обо мнѣ Исторія!» По тону обоихъ писемъ видно, что оба главные злодѣя, Барятинскій и Орловъ, не имѣли отъ Императрицы ни малѣйшаго не только приказанія, но и согласія. Эти записки хранились въ бумагахъ Екатерины. Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, отыскалъ ихъ и съ радостью, перекрестившись, воскликнулъ: Слава Богу; наконецъ я вижу, что мать моя не преступница. Обѣ записки были отысканы графомъ Блудовымъ при разборѣ Аничковскаго и другихъ дворцовыхъ архивовъ и нынѣ хранятся у Государя. Орловымъ нужна была смерть Петра какъ для собственной безопасности, такъ и для дальнѣйшихъ видовъ.

Дѣло Мировича до вступленія на престолъ Николая Павловича хранилось въ Сенатѣ, запечатанное съ строгою надписью не вскрывать

Библиотека "Руниверс"

безъ собственноручнаго высочайшаго повелѣнія. Государь приказалъ разсмотрѣть его Дашкову и Блудову. Они воображали найти что нибудь нечистое; распечатавъ, нашли кипу подлинныхъ бумагъ и донесеній, по которымъ нѣтъ никакой возможности подозрѣвать Екатерину въ участіи. Мировичъ поклялся вмѣстѣ съ Ушаковымъ произвести переворотъ. Ушаковъ утонулъ въ Смоленскѣ. Мировичъ съ своимъ отрядомъ напалъ на Шлюссельбургскую крѣпость, требовалъ сдачи и, въ нерѣшительную минуту, кто кого осилитъ, приставы умертвили Іоанна Антоновича, руководясь указомъ, который былъ къ нимъ присланъ нѣсколько лѣтъ назадъ, еще Елисаветою Петровною.

Наконецъ, знаменитая Тараканова оказывается болѣе годною для романа, нежели для исторіи и уже никакъ не можетъ бросить тѣни на Екатерину. Подлинныя письма князя А. М. Голицына, управлявшаго Петербургомъ въ 1775 г., когда Императрица ѣздила въ Москву торжествовать миръ съ Портою, къ Государынѣ о Таракановой, которую тогда привезли въ Петербургъ, сохранились и были разбираемы Блудовымъ. Онъ представилъ Государю извлеченіе изъ нихъ. Тараканова (имя вымышленное по деревнѣ Таракановкѣ, помѣстьѣ Разумовскихъ) была дочь Пражскаго трактирщика, красавица собою. Въ нее влюбился Радзивилъ, и онъ же внушилъ ей мысль о самозванствѣ. Достали крестъ, какія-то подложныя бумаги Разумовскихъ, мнимое завѣщаніе Елисаветы и проч. Это было повтореніе Черногорскаго Степана Малаго. Екатерина должна была обратить на это вниманіе, когда Тараканова написала два манифеста къ войску и народу Русскому и нашла случай препроводить ихъ въ Россію. Алексѣй Орловъ подбился къ ней, увѣрилъ въ своей помощи и, какъ извѣстно, обманомъ увезъ ее изъ Ливурны. Въ Петропавловской крѣпости отвели ей приличное помѣщеніе. Ни малѣйшихъ насилій не было. Въ отвѣтахъ своихъ она показывала, то будто она дочь Елисаветы, то сестра Пугачева; говорила, будто родилась въ Персіи и пр. По-русски она ни слова не знала. Вскорѣ по привозѣ въ Петербургъ она заболѣла чахоткой и умерла гораздо прежде наводненія (1777), именно 4 Дек. 1775 года. Но притворство возвращалось къ ней передъ самою смертью. Она потребовала Русскаго священника, и съ трудомъ нашли ей знавшаго иностранные языки, именно отъ церкви Рождества Богородицы. Когда Блудовъ ѣздилъ въ Италію, онъ нашелъ въ Римѣ связку бумагъ о Таракановой, на которой была надпись: Romancetta della principessa di Mosca.

Библиотека "Руниверс"

Н. П. БАРСУКОВЪ.

(Род. 8 Ноября 1838 въ Липецкѣ, † 23 Ноября 1906 въ Петербургѣ)

Въ «Новомъ времени» напечатана о Н. П. Барсуковѣ статья графа П. С. Шереметева. Въ ней превосходно изображенъ дорогой покойникъ и та великая утрата, какую понесли Русская наука и ея друзья. Тамъ же (въ приложеніяхъ № 11040) помѣщенъ весьма схожій портретъ его.

Приводимъ выдержку изъ письма о немъ, присланнаго намъ изъ чужихъ краевъ.

«Какую великую утрату понесла Русская наука въ лицѣ вашего племянника, Николая Платоновича Барсукова! Конечно вы тяжко скорбите и о томъ, что ему не удалось довести до конца свой монументальный трудъ, которому нѣтъ, кажется, нигдѣ подобнаго; трудъ, который даетъ подробную программу или скорѣе подробный конспектъ всей первой половины XIX вѣка въ отношеніи умственной жизни Россіи; и такой подробный, что къ нему трудно что либо добавить. А вѣдь эти описанные имъ 63 года заключаютъ въ себѣ весь нашъ «Ренесансъ» съ его и хорошей и отрицательной стороной. Если есть нѣчто похожее на такой трудъ въ иностранныхъ литературахъ, такъ это многотомный Port-Royal, Сенъ-Бёва, книга незамѣнимая для исторіи Французскаго просвѣщенія XVII вѣка. Она, конечно, болѣе обработана въ подробностяхъ, чѣмъ «Жизнь и труды М. П. Погодина», но за то эта послѣдняя со временемъ будетъ болѣе цѣнна, чѣмъ та, потому что она составлена по горячимъ слѣдамъ, тогда какъ Сенъ-Бёвъ писалъ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ исчезновенія Поръ-Ройаля.

Ужасное это явленіе въ Россіи, чисто роковое: не удается доводить до конца того, что велико. Славянофилы оборвались на полъ-пути, Карамзинъ исторіи не докончилъ; Пушкинъ, Лермонтовъ, и наконецъ, Н. П. Барсуковъ и Н. М. Павловъ... Правда, что Барсуковъ обработалъ самую важную часть дѣла, но и послѣднія десять лѣтъ жизни Погодина дали бы очень много важнаго».

Благодарная слеза и вѣчная память великому трудолюбцу.

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нени, такъ какъ Пушкинъ съ раннихъ лѣтъ былъ отзывчивъ на происходившее вокругъ него, и даже изъ оконъ Лицея могъ слѣдить за тѣмъ, что тогда дѣлось въ Россіи и Европѣ: императоръ Александръ Павловичъ живалъ подолгу въ Царскомъ Селѣ, даже и зимою, а въ Государѣ Русскомъ тогда сосредоточивалась всеобщая политика. Пушкинъ видалъ его часто и зорко наблюдалъ за нимъ. Сохранился и карандашный набросокъ его портрета, сдѣланный Пушкинымъ.

Князь Вяземскій называетъ Конгрессы „кузницами оковъ народныхъ“. Пушкинъ горячо отнесся къ Греческому возстанію и въ черновомъ письмѣ къ А. Н. Раевскому сообщаетъ о немъ подробности. Изъ письма его къ братьямъ Тургеневымъ видно, что уже въ 1821 году онъ просилъ себѣ попады, а въ Генварѣ 1822 года надѣялся побывать въ Петербургѣ на нѣсколько дней. Гдѣ переписка о томъ? Письмо—фотографія минуты, но только минуты, и для полнаго его пониманія нужно знать обстановку. Ея, т. е. примѣчаній, ждемъ въ слѣдующихъ выпускахъ переписки и увѣрены, что никто изъ членовъ академической издательской комиссіи лучше В. И. Саитова не сдѣлаетъ этого.

Время, къ которому относится начало изданной Академіею книги, было самое бурное въ жизни Пушкина. Въ домѣ (сенатора Трофимова у Калинкина моста) царилъ безпорядокъ. Отношенія къ родителю достигали крайняго напряженія. Собутыльникъ богачей требовалъ денегъ; ему ихъ не давали. Тогда онъ съ пистолетомъ въ рукѣ объявилъ, что застрѣлится, и это принято было за пустое устрашеніе; Пушкинъ выстрѣлилъ въ себя; пистолетъ осѣкся. Послѣдовалъ смѣхъ. Тогда Пушкинъ выстрѣлилъ на воздухъ, и оказалось, что пуля была (слышано отъ И. В. Кирѣевскаго). Въ Декабрьской книжкѣ Журнала „Былое“ за 1906 годъ напечатана переписка Петербургскаго об.-полицмейстера Горголи съ начальникомъ Пушкина по его службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ П. Я. Убри. Оказывается, что Пушкинъ въ театрѣ наговорилъ дерзостей нѣкоему Перевощикову и его супругѣ (вѣроятно былъ это Дерптскій профессоръ В. М. Перевощиковъ, женатый на Княжевичъ). О той порѣ вспоминалъ Пушкинъ, когда въ 1827 году писалъ про себя: „Я вижу, въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ, въ безумствѣ вѣтренной свободы, мои утраченные годы“,

Вѣдь былъ онъ „съ кровью въ жилахъ, знойной кровью.“ Немногіе однако умѣли такъ раскаеваться въ заблужденіяхъ молодости. Впослѣдствіи онъ заботливо пекся о своихъ безхозяйственныхъ родителяхъ, отвезъ мать свою (о которой доселѣ имѣется въ печати очень мало показаній), въ Святогорскій монастырь *) и купилъ себѣ могилу по близости къ ней.

Переписка Пушкина (которая займетъ конечно не одну книгу), изобразитъ его, какъ наилучшая біографія. Тутъ и жгучая Африканская кровь, и трезвый толкъ Великорусскій, и съ молодыхъ лѣтъ ясное сознаніе своего значенія для Россіи.

П. Б.

---

*) Изъ книги ея внука Павлищева видно, что любимцемъ ея былъ Левъ Сергѣевичъ, вдова котораго, съ его словъ, передавала намъ, что у Надежды Абрамовны ладони были въ желтыхъ пятнахъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать по **одному** рублю.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

2.

Стр.

161 **Графъ З. Г. Чернышовъ** въ его письмахъ къ И. И. Шувалову. (1757—1762).

191. Душа, сердце и разумъ Екатерины Великой или достопамятныя о ней сказанія, собранныя **Александромъ Шишковымъ**.

218. Записки Швейцарца **Томаса Леглера** о походѣ въ Россію въ 1812 году.

253. Письма **И. В. Кирѣевскаго** къ Н. М. Языкову, А. С. Хомякову, А. П. Елагиной, старцу Макарію, К. С. Аксакову и А. И. Кошелеву.

274. Письмо В. А. Жуковскаго къ А. И. Кошелеву (1851) (о будущемъ издателѣ „Русскаго Архива").

276. А. С. Норову Стихи **Ѳ. И. Тютчева**.

277. Нижній Новгородъ былаго времени. **В. И. Глоріантова.**

290. Александрійскій патріархъ Никаноръ. **Н. Н. Дурново.**

303. О Екатерининской книгѣ въ народныхъ училищахъ. Записка, поданная **А. С. Шишковымъ** императору Александру Павловичу.

305. **М. Г. Черняевъ** и Сербскій митрополитъ Михаилъ. Очерки **А. М. Черняевой.**

309. Письма **Сербскаго митрополита Михаила** къ **М. Г. Черняеву.** 1879—1897.

317. Изъ Записной книжки библіофила (о письмѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича къ его супругѣ). **В. И. Острогласова.**

320. Поправка современника (о покушеніи на жизнь императора Николая Павловича).

Внутри сорочки: о лѣтописи Историкородословнаго Общества въ Москвѣ.—О родѣ Пушкина.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи

на Страстномъ бульварѣ.

1907.

Библиотека "Руниверс"

Опытъ Родословнаго Словаря Русскаго древняго дворянства. Родословныя записи Леонида Михаиловича Савелова. Выпускъ 1-й М. 1906. б. 8-ка. 270—и XIV стр. (На буквы А. и Б.).

Лѣтопись Историческо-Родословнаго Общества въ Москвѣ. 1906. Три выпуска.

Къ обществу этому нельзя относиться иначе какъ съ полнымъ сочувствіемъ. Съ малыми сравнительно средствами, не имѣя своего отдѣльнаго помѣщенія, оно работаетъ безъ устали; число членовъ его значительно умножается, и печатные труды его съ каждымъ выпускомъ становятся значительнѣе и цѣннѣе для науки. Генеологія—пособница исторіографіи и область ея, повидимому, ограничена; но въ тоже время въ основѣ ея лежитъ благороднѣйшее, многоцѣнное свойство души человѣческой, любовь къ предкамъ, то духовное воскрешеніе мертвыхъ, о которомъ проповѣдывалъ великій Русскій мыслитель нашихъ дней, Н. Ѳ. Ѳедоровъ. Въ этомъ свойствѣ сила государственная, и нельзя не порадоваться, что у насъ начали понимать его значеніе. Пожелаемъ, чтобы и Петербургское Генеологическое Общество, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Георгія Михаиловича, имѣющее для себя прекрасное помѣщеніе и нескудное конечно средствами, оживилось въ своей дѣятельности. Обоимъ этимъ (уже довольно многолюднымъ) обществамъ пожелаемъ не ограничиваться дворянствомъ, но распространять свои разысканія на другія сословія, въ особенности на духовенство и купечество.

Въ 4-мъ выпускѣ Лѣтописи за 1905 годъ очень замѣчательна статья В. Н. Ольянинова о родствѣ князей Трубецкихъ, Голицыныхъ, Хованскихъ и Куракиныхъ. Это Гедеминовичи. Читая эту статью, замѣчаемъ черты современныхъ дѣятелей, указывающія на ихъ не вполнѣ Русское происхожденіе. Въ томъ же выпускѣ, М. А. Мурзановъ помѣстилъ замѣтку о младенцѣ Маріѣ Павловнѣ Мусиной-Пушкиной, а г-нъ К. Г—въ сопроводилъ указы и переписку о ней примѣчаніями. Это одинъ изъ курьёзовъ, которыми отличался императоръ Павелъ. Предстояли роды. Ему вздумалось, что будутъ двойни. Покойный князь А. Б. Лобановъ Ростовскій нѣкогда показывалъ намъ бумаги о томъ, поднесенныя имъ императору Александру Николаевичу. Императоръ Павелъ приказалъ, что если родится мальчикъ, назвать его Филаретомъ, а дѣвочку, то Маріей Мусиными-Юрьевыми. Тутъ поминка о Романовыхъ и побужденіе тоже, которымъ вызвана ссылка княгини Дашковой и постановка памятника Петру Великому съ надписью: „Правнукъ прадѣду“. Не отсюда ли происхожденіе княгини, князя и княженъ Юрьевскихъ?

Въ 4-мъ выпускѣ Лѣтописи за 1906 годъ помѣщены разныя письма канцлера князя Горчакова и письма о немъ съ многочисленными примѣчаніями Б. Л. Модзалевскаго; но не разъяснено отношеніе князя Горчакова къ графу А. Г. Бобринскому. Ю. В. Татищевъ помѣстилъ въ этомъ же выпускѣ письмо князя А. А. Безбородкикъ его родственнику Бакунинскому.

Словомъ, выпуски Лѣтописи полны содержаніемъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ГРАФЪ З. Г. ЧЕРНЫШОВЪ ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ И. И. ШУВАЛОВУ [1]).

„Графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ (1722+1784) генералъ-фельдмаршалъ, сынъ графа Григорія Петровича (1679 г., † 1745) отъ брака съ близкой къ Петру Великому [2]) особой, Евдокіей Ивановной Ржевской („Авдотья - бой-баба“ (1693 г., † 1747 г.), родился 18 Марта 1722 г.; началъ свое служебное поприще въ гвардіи, а въ 1742 г., въ чинѣ капитана, причисленъ былъ къ Русскому посольству въ Вѣнѣ, но былъ тамъ недолго и, спустя два года, назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ ко двору наслѣдника престола великаго князя Петра Ѳеодоровича. Здѣсь онъ имѣлъ возможность обратить на себя вниманіе великой княгини Екатерины Алексѣевны, будущей императрицы, и пріобрѣсти ея особое расположеніе. Но придворная жизнь графа Чернышова продолжалась недолго. Вновь отдавшись военной службѣ, Чернышовъ принималъ участіе и въ Семилѣтней войнѣ, при чемъ командовалъ корпусомъ въ чинѣ генералъ-поручика въ битвѣ при Цорндорфѣ. Въ 1760 г. умному, распорядительному Чернышову удалось взять Берлинъ и наложить на него контрибуцію [3]). По кончинѣ императрицы Елисаветы, Петръ III задумалъ помочь Фридриху II-му противъ Австріи и назначен-

---

[1]) Списки съ этихъ писемъ переданы въ „Русскій Архивъ“ академикомъ Я. К. Гротомъ, а ему сообщены были покойнымъ Иларіономъ Николаевичемъ Толстымъ. Подлинники должны храниться въ Шуваловскомъ архивѣ, въ селѣ Рожественѣ (Московской губерніи); отвѣтныхъ же писемъ надо искать въ Чернышовскомъ архивѣ, въ селѣ Ярополчѣ (близъ Волоколамска). Письма печатаются полностью, устранена только безобразная орѳографія. Очеркъ жизни Шувалова, нѣкогда написанный нами къ столѣтнему празднованію основаннаго имъ Московскаго Университета и напечатанный въ 1-й книгѣ „Русской Бесѣды“ 1857 года, могъ бы нынѣ распространиться въ цѣлую книгу: такъ много съ тѣхъ поръ о немъ узнано вновь. Такой же книги заслуживаетъ и графъ З. Г. Чернышовъ. Оба они—своеобразныя, вполнѣ достопамятныя, историческія лица. Когда Шуваловъ поѣхалъ въ чужіе края, Вольтеръ писалъ о немъ: C'est l'entrepreneur de Russie ci-devant qui nous vient; а графъ Захаръ Григорьевичъ—первая любовь Екатерины... Въ Запискахъ ея (стр. 77) сказано, что онъ удаленъ за границу по желанію ея матери въ 1745 году, слѣдовательно вскорѣ послѣ ея бракосочетанія. П. Б.

[2]) Преданіе увѣряетъ, что и на чернявомъ лицѣ у графа Захара появлялись искажавшія оное судороги. П. Б.

[3]) См. при 6-й кн. „Архива Князя Воронцова“ планъ взятія Берлина, 27 Сентября 1760 года, съ подробнымъ донесеніемъ Тотлебена. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ные для этой цѣли корпуса поручилъ въ командованіе Чернышову. Екатерина, вступивъ на престолъ, возвела давняго своего любимца въ генералъ-аншефы и наградила орденомъ св. Андрея, а въ 1763 г. назначила его вице-президентомъ Военной Коллегіи [1]). На этомъ поприщѣ Чернышовъ приложилъ много труда, такъ какъ въ періодъ его управленія коллегіей Россія вела безпрерывныя войны съ Польшей и Турціей, и, кромѣ того, внутри государства свирѣпствовалъ Пугачевскій бунтъ [2]). Въ 1773 году Чернышовъ назначенъ былъ президентомъ Военной Коллегіи, съ возведеніемъ въ званіе генералъ-фельдмаршала; но, вслѣдствіе ссоры съ Потемкинымъ, уже въ слѣдующемъ году онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Бѣлоруссіи, только-что присоединенной отъ Польши по первому раздѣлу. Чернышовъ и здѣсь много поработалъ на пользу края, связавъ Бѣлоруссію крѣпкими узами съ Россіей и поднявъ въ ней промышленность и торговлю. Уже въ 1780 г. Екатерина, проѣзжая по Бѣлоруссіи, сказала графу: „Если бы я сама не видѣла такого устройства въ Бѣлоруссіи, то никому бы не повѣрила; а дороги ваши, какъ сады“. Такую заботливость объ упорядоченіи жизни и быта населенія проявилъ Чернышовъ и въ Москвѣ, куда назначенъ былъ главнокомандующимъ 5 Февраля 1782 года [3]).

О Чернышовѣ сохранилась слава, какъ о твердомъ и безкорыстномъ вельможѣ. Одинъ изъ самыхъ умныхъ и самыхъ образованныхъ людей своего времени, „горячая голова“, какъ называла его Екатерина II, онъ, по отзыву знаменитаго современника, князя Н. В. Репнина [4]), „пользовался отличнымъ уваженіемъ и былъ разумнымъ администраторомъ по военной и гражданской части“.

Женатъ онъ былъ на фрейлинѣ (съ 1762 г.) Аннѣ Родіоновнѣ Вейдель (р. 1744 г., 9 Іюля 1830 д.), позднѣе (съ 15 Авг. 1773 г.) статсъ-дамѣ, женщинѣ гордой и высокомѣрной [5]). Дѣтей у нихъ не было. Графъ З. Г. Чернышовъ умеръ 29 Августа 1784 года“.

Эта краткая біографія приложена къ портрету графа Чернышова, воспроизведенному въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты“. Портретъ (работы Гослена) принадлежитъ потомку его брата, Григорію Григорьевичу Черткову. И. И. Шувалову были нужны письма гр. Чернышова: онъ составлялъ исторію тогдашней войны (рукопись). П. Б.

---

[1]) Передъ этимъ, въ Москвѣ, была остуда, и графъ Захаръ собирался уѣхать въ пожалованное ему Елисаветою Петровною имѣніе въ Прибалтійскомъ краю. П. Б.

[2]) Нельзя не замѣтить, что допущенное въ Военной Коллегіи излишнее письмоводство и бумажная придирчивость (плоды которыхъ и мы вкусили въ министерство графа Милютина) были однимъ изъ поводовъ къ пугачевщинѣ. П. Б.

[3]) Правителемъ канцеляріи у него былъ ревностный мартинистъ Гамалѣя. П. Б.

[4]) Князь Репнинъ былъ тоже мартинистомъ. П. Б.

[5]) Н. И. Муравьевъ разсказывалъ, что графиня Анна Родіоновна, проѣзжая съ мужемъ по Бѣлоруссіи и повздоривъ съ нимъ, приказала кучеру остановиться и выгнала его изъ кареты; генералъ-губернаторъ край очутился одинъ въ полѣ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Monsieur.

Je viens de recevoir les ordres de me rendre à Vienne, et puis à l'armée Autrichienne. Permettez donc, mon bienfaiteur, que je supplie très humblement votre excellence de m'en honorer aussi de sa part pour là-bas. Pénétré de la plus vive reconnaissance, pour tout ses bienfaits, la promptitude et le zèle à exécuter ses volontés seroient du moins des faibles marques de ma sensibitité.

Je ne saurois me dispenser de dire à votre excellence, comme à mon protecteur, que je suis honoré de la mission la plus gracieuse, mais que la somme que j'ai reçue pour mon voyage et mes équipages, est très modique; puisque pour aller d'ici à Vienne et de là à Prague, plus de la moitié s'en ira, et par la cherté qu'il y fait actuellement, à peine pourrois-je acheter pour ce qu'il m'en restera des chevaux de monture, de façon que je seroi obligé de former le reste de mon équipage de mon propre argent, chose que j'aurois faite avec la plus grande joie du monde, comme je le fais toujours, étant trop persuadé que je ne saurois mieux employer mon bien qu'en le menagant au service de notre gracieuse Souveraine, si mes fonds n'étoient déjà tellement dérangés qu'au moindre effort ils sont ruinés pour jamais.

Cependant, pour y suppléer, à fin de ne pas me trouver court d'argent hors du pays, j'ai vendu ma vaisselle d'argent, mon seul et unique bien mobile, que j'avois. Je ne cache point qu'en m'en défaisant j'ai eu quelque peine, mais qu'y faire? L'honneur et le devoir va au devant de tout, et c'est le moins que je puisse faire que de sacrifier mon bien, tandis que je n'épargnerai point ma vie pour être assez heureux d'exécuter au désir la tâche qui m'est donnée et d'avoir la continuation de sa protection, dans laquelle je me recommande, et je suis avec l'attachement le plus sincère et avec une respectueuse considération monsieur, de votre excelence le très humble et très obéissant serviteur

C. Czernichew.

à Riga, 24 d'Avril 1757.

Je pars demain à ma destination en poste par Varsowie.

Перевод.

Милостивый государь! Только что получилъ приказъ отправиться въ Вѣну, а затѣмъ въ Австрійскую армію. Позвольте же мнѣ покорнѣйше просить ваше превосходительство, моего благодѣтеля, съ своей стороны удостоить меня также приказаніями туда. Я преисполненъ самой горячей бла-

Библиотека "Руниверс"

годарностью за всѣ благодѣянія вашего превосходительства; быстрота и усердіе въ исполненіи вашей воли служили бы по крайней мѣрѣ слабыми доказательствами моей чувствительности. Не могу не сказать вашему превосходительству, какъ своему покровителю, что я удостоенъ самымъ лестнымъ порученіемъ; но сумма, полученная мною на дорогу и на лошадей, очень умѣренна, такъ какъ больше половины уйдетъ на поѣздку отсюда въ Вѣну и оттуда въ Прагу, а изъ того, что у меня останется, я едва смогу, при существующей тамъ въ настоящее время дороговизнѣ, купить себѣ верховыхъ лошадей; такимъ образомъ я буду принужденъ пріобрѣсти все остальное для поѣздки на свои собственныя деньги, что сдѣлалъ бы, какъ и всегда, съ величайшей радостью, будучи убѣжденъ, что не сумѣю сдѣлать лучшаго употребленія своихъ средствъ какъ истративъ ихъ на службу нашей милостивой Государыни; но состояніе мое настолько разстроено, что при малѣйшемъ напряженіи оно будетъ въ конецъ разорено. Тѣмъ не менѣе, съ цѣлью пополнить данную мнѣ сумму, дабы не ощущать недостатка въ деньгахъ за предѣлами своей страны, я продалъ свою серебряную посуду, единственное движимое имущество, какое у меня было. Не скрываю, мнѣ было довольно тяжело разстаться съ нимъ, но что дѣлать?. Честь и долгъ выше всего, и это меньшее, что я могу сдѣлать, жертвуя свое состояніе, тогда какъ я жизни не пожалѣлъ бы, чтобъ имѣть счастье согласно приказанію исполнить порученное мнѣ дѣло и заслужить и на будущее время ваше покровительство, которому поручаю себя. Съ искреннѣйшей преданностью и почтительнымъ уваженіемъ остаюсь вашего превосходительства всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга гр. Чернышовъ.

Рига, 24 Апрѣля 1757 года.

Ѣду на мѣсто своего назначенія завтра почтовыми на Варшаву.

*

Monsieur.

On est ici à l'approche de tirer le rideau à la campagne par le froid et le mauvais tems, qui commence à se faire sentir dans ce canton, et quoique nous ne sommes éloignés de l'ennemi qu'à un demi-meile, l'impossibilité de l'attaquer avec avantage assure presque que nous n'aurons plus de bataille, et il n'y aura pour la conclusion que la prise de Sweidnitz, à l'attaque de quoi on fait tous les préparatifs, et le 12 de ce mois la tranchée en doit être ouverte: nouveau spectacle pour moi, dont je ne manquerai pas d'en faire la description à votre excellence dans son tems. De l'autre côté nous attendons la clôture de la campagne par les beaux exploits que les Français se proposent de faire, c'est d'entrer avec leurs troupes dans les dominations du roi de Prusse et de délivrer la Saxe conjointement avec les troupes de l'impératrice-reine, qui sont destinées pour cela sous le commandement du général-maréchal et du lieutenant-général Huddeck, duquel les avant-postes sont effectivement en Brandebourg, et il en tire déjà toutes le provisions pour son commandement.

Библиотека "Руниверс"

Voilà tout ce qui se présente à être mandé à votre excellence pour cette fois. Je prends donc la liberté de mettre ci-après les différentes pièces qui roulent dans cette armée, en y joignant mon respectueux attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être, monsieur, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur Z. c. Czernichew.

à Lissa, ce 5 d'Octobre 1757.

Переводъ.

Здѣсь скоро совсѣмъ перестанутъ говорить о войнѣ благодаря дурной погодѣ и холоду, который начинаетъ ощущаться въ этомъ округѣ и, хотя мы отъ непріятеля всего на разстояніи полу-мили, но невозможностью удачно атаковать его обезпечивается вѣроятность, что сраженія у насъ больше не будетъ и въ заключеніе будетъ лишь взятіе Швейдница, къ приступу котораго дѣлаются всѣ приготовленія; 12-го числа этого мѣсяца должна быть открыта въ немъ траншея: новое для меня зрѣлище, о которомъ не премину своевременно сдѣлать описаніе вашему пр.-ству. Съ той стороны мы ожидаемъ, что кампанія закончится прекраснымъ дѣломъ, которое намѣреваются устроить Французы, а именно войти съ войсками во владѣнія Прусскаго короля и освободить Саксонію совокупно съ предназначенными для этого войсками королевы императрицы, которыя подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала и генералъ-лейтенанта Гуддекъ, аванпостъ котораго дѣйствительно находится въ Бранденбургѣ и онъ уже вывозитъ оттуда провизію для своей команды. Вотъ все что на этотъ разъ имѣю сообщить вашему превосходительству. И такъ осмѣливаюсь представить ниже различныя статьи существующія въ этой арміи, засвидѣтельствовавъ при этомъ почтительную преданность, съ которой имѣю честь быть вашего пр-ства всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга З. гр. Чернышовъ.

Лиссау, 5-е Октября 1757.

*

Votre excellence est sans doute déjà informée que j'ai eu le malheur d'être fait prisonnier le jour du 14 de ce mois. Ainsi il ne me reste que d'avoir l'honneur de lui dire de quelle façon j'ai eu ce sort, autant que ma situation me permet d'écrire, puisque je fais partir cette lettre décachetée par le commandant d'ici, adressée à notre ministre à Dantzig pour la faire tenir à votre excellence.

La bataille à commencé à 9 et ½ du matin. Notre aille droite, après avoir eu le-dessus jusqu'à 1 heure, commençoit à se replier, et moi, étant à l'aille gauche, pour la soutenir, j'y ai fait avancer presque tout mon commandement, un régiment après l'autre, soutenant le feu de la mousqueterie et des canons et me rendant à tous les endrois les plus dangereux où ma présence étoit nécessaire, autant qu'un sujet fidèle et rempli de zèle pour la gloire des armes devoit faire, afin de donner le tems à la droite de se remettre. Aussi j'ai attiré tous le gros de l'ar-

Библиотека "Руниверс"

mée ennemie sur moi. Mais ayant eu tous les officiers qui étoient autour de moi pour porter mes ordres ou tués ou blessés, trois différens chevaux tués sous moi et réduit à commander pendant plus d'une heure à pied, à la fin j'ai trouvé un cheval sur le champ de bataille qui avoit déjà deux coups de feu et à peine me soutenoit, sur lequel je me suis mis et fus pris par les hussards qui sont tombés sur notre derrière.

Je suis resté à mon commandement du commencement de la bataille jusqu'au moment où je fus pris, qui étoit à 7 et ½ du soir et peut-être plus tard, ne désirant rien tant que de me sacrifier, pour que le reste soit remis à la victoire. Mais la Providence Divine a disposé autrement de moi. Je vis et je me vois au comble de mes malheurs étant réduit à ne pouvoir pas maintenant être employé au service de notre auguste Souveraine. Voilà, monsieur, de quelle façon je fus fait prisonnier, et depuis ce jour-là je me trouve avec tous les autres qui ont eu le même sort que moi dans cette ville. Entre les prisonniers se trouvent mr. le lieut.-gén. Soltikow (qui ce jour-là est venu à moi de la droite, où il a commandé, pour me consulter; en s'approchant dans l'instant il perdit son cheval et fut pris) le gen.-maj. Manteufel, brigadiers Tisenhausen et Sivers, tous trois blessés. Le premier a le gros de jambe emporté par un coup de canon, le second a plusieurs coups de sabre aux bras et sur le visage et deux coups de feu, le troisième un coup de feu dans la main droite (ce dernier est hors du danger), les colonels Foulerton, Hauser, Bequétoff, major Patkul, plusieurs officiers et soldats. Votre excellence voudra-t-elle me permettre de la supplier de m'honorer de quelques lignes de réponse sur cette lettre et de me faire savoir s'il nous est permis de demander qu'on nous laisse partir pour chez nous sur notre parole. La lettre doit être au cachet volant.

à Custrin,
le 24 d'Août (4 de S-br) 1758.

P. S.

Faites moi la grâce de rendre la ci-jointe à un de mes frères.

Переводъ.

Ваше превосходительство вѣроятно уже освѣдомлены о томъ, что я имѣлъ несчастіе быть взятымъ въ плѣнъ 14-го числа этого мѣсяца, поэтому мнѣ остается имѣть честь передать вашему пр-ству лишь то, какимъ образомъ я подвергся этой участи постольку, поскольку мое положеніе позволяетъ мнѣ писать, такъ какъ я отправилъ это письмо распечатаннымъ черезъ здѣшняго командира, на имя нашего резидента въ Данцигѣ для передачи вашему превосходительству.

Библиотека "Руниверс"

Битва началась въ 9½ часовъ утра. Наше правое крыло, одерживая верхъ до 1 часа, начало отступать, а я будучи на лѣвомъ крылѣ, чтобы поддержать правое и дать ему время оправиться, двинулъ туда почти всю свою команду, одинъ полкъ за другимъ, поддерживая ружейный и орудійный огонь и появляясь во всѣхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ, гдѣ мое присутствіе было необходимо, какъ и долженъ былъ поступить вѣрноподданный, преисполненный усердія для славы арміи. Такимъ образомъ я привлекъ на себя главную часть непріятельской арміи. Но такъ какъ всѣ офицеры, бывшіе при мнѣ для передачи моихъ приказаній, были либо убиты, либо ранены, три лошади подо мною убиты, то мнѣ пришлось въ теченіе болѣе часа командовать пѣшкомъ; наконецъ я нашелъ на полѣ битвы лошадь, имѣвшую уже двѣ раны и еле могущую выдержать меня. Я сѣлъ на нее и былъ взятъ гусарами, напавшими на насъ съ тыла.

Я командовалъ съ начала боя до того времени какъ былъ взятъ, т. е. до 7½ часовъ вечера, а быть можетъ и позднѣе, ничего такъ не желая, какъ пожертвовать собой, лишь бы все остальное послужило къ побѣдѣ. Но Провидѣніе иначе распорядилось мною. Я живъ и чувствую себя въ высшей степени несчастнымъ, очутившись въ невозможности быть полезнымъ на службѣ нашей августѣйшей Государыни. Вотъ, милостивый государь, какимъ образомъ я былъ взятъ въ плѣнъ; съ того дня я нахожусь въ этомъ городѣ вмѣстѣ съ остальными, которыхъ постигла таже участь. Въ числѣ плѣнныхъ находятся: генер.-лейтенантъ Салтыковъ *) который въ тотъ день пріѣхалъ ко мнѣ съ праваго крыла, гдѣ онъ командовалъ, посовѣтоваться (подъѣхавъ ко мнѣ, онъ въ туже минуту лишился подъ собой лошади и былъ взятъ); ген.-маіоръ Мантейфель, бригадиры Тизенгаузенъ и Сиверсъ—всѣ трое раненые (у перваго бо́льшая часть ноги оторвана орудійнымъ выстрѣломъ, у второго нѣсколько сабельныхъ ранъ на рукахъ и на лицѣ и двѣ огнестрѣльныя раны, у третьяго огнестрѣльная рана на правой рукѣ, послѣдній внѣ опасности) полковники Фулертонъ, Гаузеръ, Бекетовъ, маіоръ Паткуль, нѣсколько офицеровъ и нѣсколько солдатъ. Ваше пр-ство, разрѣшите мнѣ умолять васъ удостоить меня нѣсколькими строками въ отвѣтъ на это письмо и сообщеніемъ, можемъ ли мы просить отпустить насъ на честное слово къ нашимъ. Ваше письмо должно быть подъ открытою печатью.

Кюстринъ 24-е Августа (4-е Сент.) 1758.

P. S. Сдѣлайте милость, передайте прилагаемое письмо кому либо изъ моихъ братьевъ.

*

En vain je me flattois d'avoir quelque résolution sur la lettre que j'ai écrit à m-r de Krusmarck, de la quelle j'ai eu l'honneur de dire à votre excellence dans ma dernière, puisque jusqu'à présent je n'en ai eu même encore de réponse, quoique le tems pour l'avoir soit déjà écoulé. Je ne sais si ce sont les trop grandes occupations dans ces environs-là, ou si ce sont d'autres choses qui m'en privent. Toutefois je suis dans le même cas, où j'étois, et ma prison de jour en jour me paroît plus insoutenable par le manquement d'espérance d'en sortir sitôt.

*) Это былъ Иванъ Алексѣевичъ Салтыковъ.

Библиотека "Руниверс"

Je veux encore faire la tentative en écrivant une seconde lettre au dit m-r Krusmarck, comme j'ai fait déjà au jourd'hui à m-r le c-te de Fermor, en le priant de vouloir bien s'adresser droitement à m-r le c-te Dona pour intercéder en ma faveur, et si pour lors cela me manque, ma détention sera certainement jusqu'à tems de l'échange des prisonniers. J'en désire l'accomplissement d'autant plus vivement que cela me procurera l'occasion de porter en personne à votre excellence l'assurance respectueuse de mon sincère et inviolable attachement, avec lequel j'ai l'honneur d'être etc.

à Custrin,
ce 29 de S-bre (10 O-tre) 1758.

*Перевод*ъ.

Напрасно я льстилъ себя надеждой получить какое-нибудь разрѣшеніе на письмо, написанное мною г-ну Крузмарку, о которомъ я имѣлъ честь говорить вашему пр-ству въ своемъ послѣднемъ письмѣ; до сихъ поръ я еще не получилъ на него отвѣта, хотя время для того уже истекло. Не знаю, лишаетъ ли меня этого обиліе дѣла въ тѣхъ мѣстахъ или что нибудь другое. Тѣмъ не менѣе я нахожусь все въ томъ же положеніи въ какомъ былъ, и заключеніе мое съ каждымъ днемъ кажется мнѣ все болѣе невыносимымъ за неимѣніемъ надежды скоро выйти изъ него. Хочу еще сдѣлать попытку, написавъ второе письмо вышеупомянутому г-ну Крузмарку, какъ уже написалъ сегодня графу Фермору, прося его обратиться прямо къ графу Дона съ ходатайствомъ за меня; если же это мнѣ не удастся, мое заточеніе продлится, вѣроятно, до времени размѣна плѣнныхъ. Желаю исполненія этого тѣмъ живѣе, что оно доставитъ мнѣ случай лично принести вашему пр-ству почтительное увѣреніе въ моей искренней и неизмѣнной преданности, съ которой имѣю честь быть и т. д.

Кюстринъ, 29-е Сентября (10-е Окт. 1758).

*

Je ne suis que trop convaincu de la bonté, que votre excellence a pour moi, pour lui en demander de plus fortes assurances. Oui, mon cher bienfaiteur, vous m'en donnez des marques si évidentes, tant que quand je suis présent, que quand je me trouve absent de votre excellence, que pour vous en dire ma sensibitité la parole me manque, que l'augmentez vous encore, monsieur, par la dernière lettre, que votre excellence me faites la grâce de m'écrire, du 20 du mois passé et que j'ai reçu avant-hier, où vous la dépeignez au plus vive. Que ne puis-je vous montrer l'intérieur de mon coeur pour que votre excellence y puissiez voir combien il en a de la reconnaissance, combien vos bontés me sont chères et combien votre amitié m'est précieuse! Mais je brise cette déclaration; elle va au-dessus de mes forces et pour la

Библиотека "Руниверс"

continuer ou ma lettre renfermeroit des expressions pathétiques, ou par malheur elles auront l'air d'un compliment. Ni l'un ni l'autre ne peut accommoder un coeur aussi généreux que le vôtre. J'ai l'honneur donc de dire à votre excellence que jusqu'à présent je n'ai aucune résolution sur la demande que j'ai fait d'avoir mon élargissement sur ma parole et encore moins de l'espérance d'en avoir. Par conséquent je prends toute précaution pour que mon ennuie ne trouble point ma patience.

Il ne m'est pas défendu d'achetter des livres, que je fais venir de Berlin, je les lis et surtout ceux qui regardent mon métier; je mets aussi mes idées sur cette matière sur le papier et comme ça je passe mon tems, quoique extrêmement éloigné de la façon de penser, en Philosophe Marié, comme il parle dans la comédie, que tout l'attachoit là où il étoit, et qu'il goûtoit un plaisir d'un charmant loisir. Non, rien ne m'attache ici, et j'y goûte un déplaisir de mon insupportable loisir. Que la volonté du Seigneur soit faite! Je me porte bien, donc je Lui en rends grâce et mets ma consience en Lui qu'Il me procurera le moyen de redresser le tems que je perds à présent à ne pas servir notre très gracieuse Souveraine et notre chère patrie.

J'ai distribué l'argent que votre excellence m'a envoyé pour nos officiers prisonniers à ceux qui en ont eu le plus de besoin, c'est à dire à 10 de ceux qui sont ici j'ai donné à chacun 30 écus, et à 24 de ceux qui se trouvent à Magdebourg 25 écus à chacun, à 24 bas-officiers dans les deux endroits, qui étoient encore plus dans la misère que les officiers et étant la plus grande partie nobles, j'ai fait donner en votre nom à chacun 10 écus. Voilà de belles étrennes pour un coeur aussi bienfaisant que le vôtre, que le remerciment de tant de personnes que votre générosité a secouru pour la nouvelle année. Leurs souhaits pour votre prospérité sont d'autant plus grands, que l'obligation qu'ils en ont à votre excellence d'être délivrés par là d'une honte et de la pauvreté qu'ils souffroient; puisque ces officiers n'avoient point d'uniformes, et les bas-officiers manquoient même de chemises et de chaussures.

Les officiers qui se trouvent ici prennent la liberté de marquer à votre excellence leure très humble reconnaissance par la ci-jointe lettre, et ceux qui sont à Magdebourg ne manqueront pas de le faire ce que j'attends pour vous l'envoyer.

Permettez, mon cher bienfaiteur, que je vous y joigne aussi ma félicitation sur la nouvelle année, en passant sous silence tous les souhaits

Библиотека "Руниверс"

que je vous fais; ils sont conformes aux sentiments de celui qui fait profession d'être à jamais avec le plus sincère attachement et respect etc.

à Cistrin,
ce 19 (30) d'O-bre 1758.

Note.

pour 1000 r. j'ai reçu ici..... 1307 écus.
aux 10 officiers à chacun 30 300
aux 24 à Magdebourg à chac. 25..... 600
aux 24 bas.-offic. à chacun 10 240
Tottale 1140
Reste. .... 167 que

je distribuerai en votre nom aux soldats les plus malades des blessures.

P. S.

La lettre de Magdebourg arrive aussi que j'ai l'honneur de la joindre ci-après.

Переводъ.

Я слишкомъ убѣжденъ въ добротѣ вашего превосходительства ко мнѣ, чтобы просить еще большихъ удостовѣреній. Да, дорогой мой благодѣтель, вы доставляете мнѣ настолько очевидныя тому доказательства и когда я съ вами и когда я въ отсутствіи, что я словъ не нахожу для выраженія своей чувствительности; затѣмъ же вы еще болѣе ее увеличиваете послѣднимъ письмомъ, которое ваше пр-ство сдѣлали милость написали ко мнѣ отъ 20-го числа прошлаго мѣсяца, которое я получилъ третьяго дня и гдѣ вы такъ ярко выражаете ее. Отчего я не могу показать вамъ свою душу, дабы ваше пр-ство могли увидѣть сколько въ ней признательности, сколь дороги мнѣ ваши милости и какъ ваша дружба для меня драгоцѣнна! Но я прерываю это изъявленіе, оно выше моихъ силъ и если буду продолжать, то, либо письмо мое будетъ содержать трогательныя выраженія, либо, къ несчастью, эти выраженія будутъ имѣть видъ комплимента Ни то, ни другое не подходитъ къ такому великодушному сердцу какъ ваше. И такъ честь имѣю сообщить вашему пр-ству, что до сихъ поръ не имѣю никакого разрѣшенія на поданную мною просьбу объ освобожденіи меня на честное слово, еще меньше у меня надежды на полученіе такового; по этому принимаю всѣ мѣры къ тому, чтобы скука не смущала моего терпѣнія. Мнѣ не запрещено покупать книги, которыя выписываю изъ Берлина; читаю ихъ и особливо касающіяся моего дѣла; я излагаю также свои мысли по этому вопросу на бумагѣ и такимъ образомъ провожу время, хотя далекъ отъ образа мышленія „Женатаго Философа“ который говоритъ въ комедіи, что все привязывало его къ мѣсту, гдѣ онъ находился и что онъ испытывалъ удовольствіе отъ пріятнаго досуга. Нѣтъ, ничто меня здѣсь не привязываетъ, и я испытываю неудовольствіе отъ своего невыносимаго досуга. Да будетъ воля Господня! Я здоровъ, за что воздаю благодареніе Богу и надѣюсь на Него, что Онъ дастъ мнѣ возможность вознаградить время, которое я теперь теряю, не служа нашей всемилостивѣйшей Государынѣ и дорогой нашей родинѣ.

Библиотека "Руниверс"

Деньги, которыя ваше пр-ство прислали мнѣ для нашихъ плѣнныхъ офицеровъ, я роздалъ тѣмъ, которые болѣе въ нихъ нуждались; т. е. десяти, находящимся здѣсь, я далъ каждому по 30 талеровъ, а 24-мъ изъ находящихся въ Магдебургѣ—каждому по 25 талеровъ, 24-мъ унтеръ-офицерамъ здѣсь и тамъ, находившимся еще въ бо́льшей нуждѣ, чѣмъ офицеры и въ большинствѣ случаевъ изъ дворянъ, я велѣлъ дать отъ вашего имени по 10 талеровъ каждому. Какимъ прекраснымъ новогоднимъ подаркомъ будетъ для такого сердца, какъ ваше, благодарность столькихъ людей, которыхъ ваше великодушіе спасло къ новому году. Ихъ пожеланія вамъ благополучія тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе они обязаны вашему пр-ству за избавленіе отъ стыда и нужды ими испытанныхъ, такъ какъ офицеры не имѣли форменнаго платья, а у унтеръ-офицеровъ былъ недостатокъ даже въ рубашкахъ и обуви. Находящіеся здѣсь офицеры берутъ на себя смѣлость въ прилагаемомъ письмѣ выразить вашему пр-ству свою покорнѣйшую благодарность; находящіеся въ Магдебургѣ не преминутъ сдѣлать тоже, и я жду ихъ письма, чтобы послать его къ вамъ. Позвольте мнѣ, дорогой мой благодѣтель, присовокупить свое поздравленіе съ Новымъ Годомъ, умалчивая о всѣхъ своихъ пожеланіяхъ вамъ; они соотвѣтствуютъ чувствамъ того, кто по истинѣ пребываетъ навсегда искреннѣйше преданнымъ и уважающимъ и т. д.

Кюстринъ, 19 (30) Октября 1758.

Счетъ.

За 1000 руб. я получилъ здѣсь	1307	тал.
10 офицерамъ каждому по 30	300	„
24 „ въ Магдебургѣ каждому по 25	600	„
24 унт.-офиц. каждому по 10	240	„
И того	1140	„
Осталось	167	тал.

которые я отъ вашего имени раздамъ самымъ больнымъ вслѣдствіе ранъ солдатамъ. P. S. Пришло письмо и изъ Магдебурга, которое честь имѣю вложить сюда же.

*

Si mon état et mon penchant pour remplir mon devoir me pouvoit permettre de goûter la tranquillité et les plaisirs, jamais occasion n'en fut plus favorable que celle, dans la quelle je me trouve présentement par la bonté que s. m. le roi de Prusse a eu de nous permettre de passer dans cette ville jusqu'au temps de notre échangement. Je trouve ici depuis les 8 jours que j'y suis la réception la plus grâcieuse de s. m. la reine et de toute la famille royalle, à laquelle j'ai eu l'honneur d'être présenté, bonne compagnie dans la ville, des dames aussi aimables que charmantes et d'un accueil très poli. Mais comme je ne suis ici qu'un corps sans âme, je n'en sens que de la reconnaissance et n'en connois pas assez le prix, de façon que j'ai arrangé ma vie à en profiter autant seulement que le devoir de politesse exige et me borner à la compagnie des morts, dont j'en augmente civilement le nombre.

Библиотека "Руниверс"

Voici tout, mon cher bienfaiteur, ce que pour cette fois-ci je puis avoir l'honneur de dire à votre excellence, en y joignant l'assurance de mon attachement le plus respectueux avec lequel etc.

à Berlin,
ce 18 Février (2 Mars) 1759.

Переводъ.

Если бы мое положеніе и моя склонность къ исполненію долга позволили мнѣ наслаждаться спокойствіемъ и удовольствіями, не было бы для этого болѣе благопріятнаго случая какъ тотъ, въ которомъ я нахожусь теперь благодаря милости Прусскаго короля, разрѣшившаго намъ переѣхать въ этотъ городъ до времени обмѣна плѣнными. Въ теченіе недѣли, которую я здѣсь, я встрѣчаю самый милостивый пріемъ у е. в. королевы и всего королевскаго семейства, которому я имѣлъ честь быть представленнымъ; въ городѣ нахожу хорошее общество, а дамы столь же любезны какъ прекрасны при самомъ вѣжливомъ обхожденіи. Но такъ какъ я здѣсь только тѣло безъ души, то чувствую лишь благодарность, не умѣя достаточно оцѣнить все это; я устроилъ свою жизнь такъ, чтобы пользоваться ею постольку, поскольку требуетъ того долгъ вѣжливости, и ограничиваюсь обществомъ мертвыхъ, число которыхъ умножаю. Вотъ все, дорогой мой благодѣтель, что на сей разъ могу имѣть честь сказать вашему пр-ству, присовокупивъ при семъ увѣренія въ почтительнѣйшей преданности, съ которой и т. д.

Берлинъ, 18-го Февраля (2 Марта) 1759.

*

Je voudrois pouvoir ajouter au remercîment très humble que j'ai l'honneur de faire à votre excellence pour la lettre que vous avez la bonté de m'écrire du 20 du passé, le compliment le plus sincère, et de dépeindre la joie que ma triste situation ne m'empêche pas même d'avoir, à tous les événements du tems d'à présent et dont la connoissance me parvient par les gazettes. Mais je n'ose que le sentir et non en parler; je me retourne donc à la matière, qui me regarde en propre, qui est le cartel, dont les nouvelles publiques font mention, que la négotiation paroissoit parvenir à sa maturité et que m-r Schwerin étoit déjà sur son départ de chez nous. Dieu donne que tout cela fût ainsi; mon impatience d'en voir la fin égale à l'empressement que j'ai d'atteindre au contentement d'être aumoins pour la fin du grand concert, n'ayant pas pu être à son commencement. En attendant l'accomplissement de mes souhaits, je me trouve trop heureux que vous voulez bien, mon cher bienfaiteur, me faire la grâce d'agréer l'assurance de la plus sincère considération et attachement inviolable avec lesquels j'ai l'honneur d'être etc.

à Magdebourg,
ce 15 (26) d'Août 1759.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ.

Къ покорнѣйшей благодарности, которую честь имѣю выразить вашему пр-ству за письмо отъ 20-го числа прошлаго мѣсяца, я желалъ бы имѣть возможность прибавить искреннѣйшій привѣтъ и описаніе своей радости по поводу всѣхъ событій настоящаго времени, о которыхъ узнаю изъ газетъ; радость эту не мѣшаетъ мнѣ испытывать даже мое грустное положеніе. Но я могу лишь чувствовать, но не говорить объ этомъ; поэтому возвращаюсь къ предмету, касающемуся лично меня, т. е. къ договору о размѣнѣ плѣнныхъ, по поводу котораго въ газетныхъ извѣстіяхъ упоминается, что переговоры, кажется окончены и что Шверинъ уже на пути отъ насъ. Дай Богъ, чтобы все это было такъ; мое нетерпѣніе увидѣть конецъ всего этого равносильно старанію попасть по крайней мѣрѣ къ концу великаго соглашенія, разъ я не могъ быть при началѣ его. Въ ожиданіи исполненія своихъ желаній, почитаю себя счастливымъ тѣмъ, что вы, дорогой мой благодѣтель, сдѣлали мнѣ милость, приявъ увѣренія въ искреннѣйшимъ уваженіи и неизмѣнной привязанности, съ которыми имѣю честь и т. д.

Магдебургъ, 15-го (26-го) Августа 1759.

*

à Cönigsberg, ce 20 Mai 1760.

Ne diroit-on pas que je me dépêche à m'éloigner de vous avec autant d'envie comme si je le faisois de m'en rapprocher par la diligence, que j'ai fait dans mon chemin? Puisque me voilà déjà à Cönigsberg pour en repartir demain à la pointe du jour, afin de me rendre à Marienwerder, y prendre les ordres et continuer ma route vers Thorn, et on aura raison; j'y trouve une uniformité qui seule permet de pouvoir dire en les accomplissant, qu'on vit dans ce monde, c'est de servir sa patrie et son inclination, et c'est le tems actuellement de l'un et non pas de l'autre; pár conséquent il faut s'y conformer. Mais comme l'un et l'autre cas est épineux, et je ne voudrais en perdre aucun, Dieu donne que je remplisse l'un sans que je ne perde pas l'autre, et j'ai besoin de soutien pour y conserver mon petit individu à de si grands objets pour moi. Votre bonté et amitié en peut être de la plus grande partie; ainsi faites moi la grâce de me la conserver et d'être persuader, que personne au monde ne la désire avec autant de sincérité, ni qui veuille vous prouver son zèle que celui qui a l'honneur d'être pour jamais etc.

Переводъ.

Кёнигсбергъ, 20-е Мая 1760.

Развѣ нельзя сказать, судя по быстротѣ, съ какой я совершаю свою поѣздку, что я спѣшу удалиться отъ васъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ если бы приближался къ вамъ? Говоря такъ были бы правы, ибо вотъ я уже въ Кенигсбергѣ, откуда завтра же съ разсвѣтомъ выѣду въ Маріенвер-

Библиотека "Руниверс"

дерь, чтобы получить тамъ приказъ и продолжать путь къ Торну. Я нахожу въ этомъ тождественность, которая только и даетъ право, при исполненіи ея, сказать, что живешь на этомъ свѣтѣ; это значитъ служить своей родинѣ и своей привязанности, теперь время одному, а не другому; слѣдовательно нужно этому подчиниться. Но такъ какъ и то и другое трудно, и я не желалъ бы лишиться ни того ни другого, дай Богъ мнѣ исполнить одно, не лишившись другого; мнѣ нужна поддержка, чтобы сохранить свою маленькую личность въ преслѣдованіи столь великихъ для меня цѣлей. Ваша доброта и дружба имѣютъ огромнѣйшее значеніе въ этомъ смыслѣ; поэтому сдѣлайте милость, сохраните ихъ ко мнѣ и будьте увѣрены, что никто на свѣтѣ не желаетъ этого такъ искренно и не хочетъ доказать вамъ своего усердія такъ, какъ имѣющій честь навсегда быть и т. д.

Въ 1859 г. послѣдовалъ размѣнъ плѣнныхъ, и 25 Ноября этого года графъ Р. Л. Воронцовъ писалъ старшему своему сыну въ Парижъ: „Другъ мой Захаръ Григорьевичъ на сихъ дняхъ возвратился“ (Арх. Кн. В. XXXI, 35). Вскорѣ онъ снова въ бояхъ. Въ Маѣ 1760 г. Государыня пожаловала ему 20 гаковъ въ Прибалтійскомъ краю (тоже II, 123). П. Б.

*

à Belgard, ce 6 S-bre 1760.

On ne sauroit être plus sensible à toutes les marques de bontés que vous me temoignez, mon cher seigneur, dans votre dernière lettre Mon obligation vous en est aussi grande que ma reconnaissance en est vive. Je voudrais m'en rendre digne et vous le prouver en entier, mais tout ce que je peux faire c'est de l'avoir gravé dans mon coeur et vous être dévoué pour jamais.

Le mauvais tems étant aussi nuisible aux militaires qu'aux gens de la cour, me voilà, mon cher ami, depuis 7 à 8 jours comme valetudinaire, et je crains que cela n'empire.

Notre marche durera jusqu'à venir à nos quartiers encore près de trois semaines, et je ne sais si même alors m-r le maréchal voudra me donner la permission de m'absenter de l'armée. Quoique un peu de repos est bien nécessaire à moi, d'ailleurs je crains pour la suite; aussi me paroît-il et que je vais faire la 5-me roue à la voiture; comprenez vous? Adieu, mon cher ami, portez vous bien et honorez moi un jour de vos bontés. Je commence à prendre votre forme, il y a des moments que je ne vois aucun objet ayant les deux yeux ouverts, triste et de mauvaise humeur, malade qu'à peine je me traîne. En vérité, je ne suis point présentable; il me faut absolument un peu de tranquillité. Mais de Novembre et peut être même Décembre n'est point de dames, on ne résiste point, c'est contre l'homme. L'honneur que j'ai de vous entretenir me déride un peu et produit tout ce griffonnage auquel

Библиотека "Руниверс"

pourtant je joins l'assurance la plus respectueuse et la plus sincère de mon attachement pour vous. Z. c. Czernichew.

Перевод.

Бѣлгардъ, 6-е Сентября 1760.

Нельзя быть болѣе чувствительнымъ, чѣмъ я, ко всѣмъ милостямъ, оказаннымъ мнѣ вами въ послѣднемъ письмѣ. Я столько же вамъ обязанъ за нихъ, сколь горячо благодаренъ и желалъ бы быть достойнымъ вашихъ милостей и вполнѣ доказать вамъ это; но все что могу сдѣлать, это запечатлѣть ихъ въ своемъ сердцѣ и на вѣки быть вамъ преданнымъ. Такъ какъ дурная погода одинаково вредна военнымъ людямъ, какъ и придворнымъ, то вотъ, дорогой другъ, 7 или 8 дней, что я хвораю и боюсь какъ бы не стало хуже. Переходъ до нашей стоянки продлится еще около трехъ недѣль; не знаю пожелаетъ ли главнокомандующій даже тогда дать мнѣ разрѣшеніе отлучиться изъ арміи, хотя нѣкоторый покой мнѣ очень необходимъ, съ другой стороны боюсь за послѣдствія; да мнѣ кажется, что я буду пятымъ колесомъ въ телѣгѣ; вы понимаете? Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы и удостойте меня своими милостями. Я начинаю походить на васъ: бываютъ минуты, когда не вижу ни одного предмета. Несмотря на то, что оба глаза открыты, бываю грустенъ и въ дурномъ расположеніи духа, такъ боленъ, что едва ноги волочу; въ самомъ дѣлѣ, я имѣю видъ не представительный; мнѣ непремѣнно нужно нѣкоторое спокойствіе. То, что я имѣю честь бесѣдовать съ вами, немного развеселяетъ меня и вызываетъ эти каракули, къ которымъ, однако же, присовокупляю почтительнѣйшее и искреннѣйшее увѣреніе въ моей къ вамъ преданности. З. гр. Чернышовъ.

*

ce 29 de S-bre 1760. Stattgart.

Je n'ai rien à vous dire, mon cher seigneur, sinon que m-r le c-te de Boutourline est arrivé à l'armée et se donne beaucoup de peines à mettre l'ordre intérieur; cela lui fera beaucoup d'honneur, s'il y réussit, comme je l'espère, avec le tems.

Je ne me porte pas bien depuis trois jours, et je crains la fièvre, et j'ai encore une terrible marche par devant moi. Adieu, mon cher seigneur, continuez moi vos bontés et soyez assuré de mon attachement le plus sincère et le plus respectueux etc.

Перевод.

29-е Сентября 1760. Штатгартъ.

Милостивый государь, ничего другого не имѣю сообщить вамъ кромѣ того, что графъ Бутурлинъ прибылъ въ армію и прилагаетъ большія старанія, чтобы водворить въ ней внутренній порядокъ; большая будетъ ему честь если, со временемъ, какъ я надѣюсь, это ему удастся. Три дня какъ я плохо себя чувствую; боюсь лихорадки, а мнѣ еще предстоитъ страшный переходъ. Прощайте, милостивый государь, сохраните ко мнѣ ваши милости и вѣрьте моей искреннѣйшей и почтительнѣйшей привязанности и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Ce 3 d'Août 1761.

Je me trouve dans le quartier-général; j'apprends qu'il part un courrier, j'en profite pour vous dire, mon cher seigneur, que nous sommes proches de l'ennemi. Dieu donne que nous fassions notre devoir et que nous méritions le nom de Russes braves et intrépides, et que moi en particulier je puisse mériter le nom de fidel sujet et de celui de votre sincère ami et véritable serviteur. Z. c. Czernichev.

A l'instant je part pour voir le champ du roi de Prusse.

Перевод.

3 Августа 1761.

Я нахожусь въ главной квартирѣ; узнаю, что уѣзжаетъ курьеръ и пользуюсь имъ, чтобы сказать вамъ, что мы стоимъ близко отъ непріятеля. Дай Богъ намъ исполнить свой долгъ и заслужить названіе храбрыхъ и неустрашимыхъ Русскихъ, а мнѣ въ частности заслужить имя вѣрнаго и искренняго друга вашего и истиннаго слуги. З. гр. Чернышовъ. Сейчасъ ѣду увидѣть лагерь Прусскаго короля.

*

à Berg, ce 17 de Juin 1761.

J'ai eu l'honneur de recevoir, mon cher seigneur, votre lettre du 25 de Mai, par le pr. Galitzine et je vous en suis sensiblement obligé. Je ne manquerai pas, suivant vos ordres, de vous faire savoir de tout ce qui méritera de parvenir à votre connaissance de nos opérations militaires, comme vous le verrez, que j'ai déjà commencé à le faire par mes précédentes. Nous voilà actuellement tous en marche. Je suis ici depuis aujourd'hui, les autres divisions sont aussi en mouvement, et m-r le maréchal. Dans un couple de jours nous nous remettrons en marche qui se dirige vers la Silésie, pour se joindre avec Laudon. C'est ce qu'on a souhaité et ordonné et c'est ce qui ne se fera pas, ou, si quand cela ce fera même, ne produira rien: puisque je ne sais à quel propos, ni pourquoi une jonction de tant de monde, si ce n'est pour manquer de tout et ne faire rien. Quoique c'est la vérité selon le proverbe, que le Bon Dieu est du côté des gros bataillons, mais il y a dans notre art des moyens de trouver des positions, que quand on ne veut pas combattre, les forces supérieures ne peuvent nous obliger à cela, et c'est ce que les Prussiens feront, si nous nous joignons ils ne nous laisseront pas même approcher de l'Oder, ou tâcheront, avant que cela se fasse, de nous donner bataille, ou Laudon, le fera en sorte par ses empêchements, de nous faire perdre le tems dans des marches inutiles toute la campagne, et à la fin par le manquement des fourrage nous devrons retourner et par là s'accomplirons vos voeux, mon cher ami,

Библиотека "Руниверс"

de compassion pour la conservation du genre humain par celui qui nous menera à la paix. Aussi vaudra-t-elle par ce moyen un des combats, mais en cas de la lassitude et de manquement de l'argent aux Autrichiens: car s'ils abandonneront la prétention sur la Silésie, nous verrons renaître cette tranquillité si désirable, et selon moi on aurait fait mieux de donner un corps aux Autrichiens, qui devrait agir au jointement avec eux avec toute la vivacité possible, et la grande armée irait à petit pas et devrait seulement tâcher de donner de l'inquiétude à l'ennemi et devrait éviter les batailles. Par là nous serions toujours sûrs de la conservation, et nous ne risquerions que ce corps, qui serait donné, hors l'escarmouche que nous avons eu entre nos troupes légères sous le brigadier de Lebel et ceux des Prussiens, qui aurait pu être de quelque suite par nos bons arrangements, si je n'étais pas accourru avec tous mes corps, dans lesquels nous avons perdu le brigadier avec quelques officiers qui ont été fait prisonniers de guerre. Le reste a été à notre avantage, puisque nous les avons obligé de rentrer dans leurs camps *). Il ne s'est rien passé de remarquable. L'armée s'avance, et je la précède, et m-r de Zieten, qui après la mort de Goltz commande le corps des Prussiens, vis-à vis de nous s'en replie avec beaucoup de vitesse sur Bréslau, et je suis entré aujourd'hui en Silésie. Demain toute l'armée y entrera aussi, et nous dirigerons notre marche pour Würtemberg. Nous ne manquions pas, mon cher seigneur, ni des dispositions différentes, ni des arrangements sur le papier; mais si elles sont telles qu'elles doivent être, je laisse à juger à ceux qui sont plus savants que moi dans notre métier; je serais ravi et comblé de joie, si elles pourront être mises en pratique et qu'ils ne nous manque rien pour notre subsistance. Voila près d'un mois pourtant que nos soldats n'ont que des сухари, ni viande, ni gruau, les marches sont d'une force singulière et nos campements de même. Les troupes légères sont pour la plupart nos avant-postes de derrière, et elles sont dirigées après qu'on les a ôté du malheureux Tottleben par le déjour-général; on dit que le pr. Henry marche aussi pour la Silésie et derrière lui m-r de Daun, que le roi de Prusse a fait un mouvement vers Breslau, que m-r de Zieten est près de Huverfeld. Si tout cela est vrai, nous verrons toutes les armées bientôt bien proches ensemble. Nous n'aimons point à prendre des conseil des autres et, comme je vous ai mandé, nous croyons être plus savants que les autres. Assez timides avec cela, nous possédons peu de connaissance dans notre métier; la bravoure de nos soldats, le zèle pour notre Souveraine nous rassure de fâcheuses suites.

*) Здѣсь и въ другихъ мѣстахъ путаница: подлинниковъ мы не имѣли,. либо самъ писавшій излагалъ въ торопяхъ повѣствованія свои, имѣвшія для И. И. Шувалова и для Государыни бо́льшую важность, нежели донесенія фельдмаршала графа Бутурлина. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Adieu, mon cher ami, portez vous bien; dans la huitaine j'espère de vous parler de quelque chose de plus intéressant de ce qui se fera dans nos environs.

Je me porte le mieux du monde et je suis encore en correspondance avec m-r de Zieten. Déchirez cette lettre.

A propos. Je viens de recevoir le cordon bleu de Pologne; dites moi votre avis, cher seigneur, si je peux porter aussi le cordon rouge sur la veste, comme l'Hôpital; il m'est trop cher pour la faire précieuse qu'il m'a été donnée de notre Souveraine.

Переводъ.

Бергъ, 17-е Іюня 1761.

М. г.! Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ 25-го Мая черезъ кн. Голицына, за что чувствительно вамъ благодаренъ. Согласно вашему приказанію, не премину сообщать вамъ обо всемъ въ нашихъ военныхъ операціяхъ, заслуживающемъ быть вамъ извѣстнымъ, что, какъ вы увидите, я уже и началъ дѣлать въ своихъ предыдущихъ письмахъ.

Въ настоящее время мы всѣ въ походѣ. Я здѣсь съ сегодняшняго дня, другія дивизіи тоже идутъ, а также главнокомандующій; дня черезъ два мы снова двинемся въ походъ по направленію къ Силезіи, чтобы соединиться съ Лаудономъ. Этого желали и приказали; но это-то и не случится, или если даже и случится, то ни къ чему не приведетъ, потому что не знаю по какому случаю и для чего нужно соединеніе такого множества людей, развѣ только для того, чтобы терпѣть нужду во всемъ и ничего не дѣлать. Хоть и правду говоритъ пословица, что Богъ бываетъ на сторонѣ большихъ войскъ, но въ нашемъ искусствѣ есть средства найти такія положенія, при которыхъ если не хотятъ сражаться, то превосходныя силы не могутъ къ этому принудить. Вотъ это-то и сдѣлаютъ Пруссаки, если мы соединимся; или они не допустятъ насъ даже подойти къ Одеру или постараются раньше, чѣмъ это совершится, дать сраженіе либо намъ, либо Лаудону, или этими помѣхами сдѣлаютъ такъ, что всю кампанію заставятъ насъ терять время въ безполезныхъ переходахъ, и наконецъ изъ-за недостатка фуража мы должны будемъ вернуться, и такимъ образомъ, дорогой другъ, ваши сострадательныя пожеланія о сохраненіи рода человѣческаго будутъ исполнены тѣмъ, кто приведетъ насъ къ миру. За то такимъ способомъ миръ будетъ равноцѣненъ сраженію, но только въ случаѣ утомленія и недостатка въ деньгахъ у Австрійцевъ; ибо если они оставятъ претензію на Силезію, то мы увидимъ возобновленіе столь желаннаго спокойствія. По моему, лучше было бы дать Австрійцамъ одинъ отрядъ, который долженъ былъ бы насколько возможно стараться способствовать нашему соединенію съ ними, а большая армія шла бы тихо и должна была бы только стараться безпокоить непріятеля, избѣгая сраженій. Черезъ это мы были бы всегда увѣрены въ цѣлости арміи и за исключеніемъ стычки, которую имѣли наши легкіе полки подъ командой ефрейтора де-Лёбеля съ Прусскими полками, мы бы рисковали только этимъ отдѣльнымъ отрядомъ. Эта стычка могла бы имѣть нѣкоторыя послѣдствія при хорошихъ съ нашей стороны распоряженіяхъ, если бы я не прискакалъ со всѣми своими полками, въ которыхъ мы потеряли бригадира и нѣсколькихъ офицеровъ военноплѣнными; все остальное было въ нашу пользу, такъ какъ мы заставили ихъ вернуться въ ихъ лагери. Ничего достопримѣчательнаго не произошло. Армія подвигается впередъ, и я предшествую ей, а Цитенъ,

Библиотека "Руниверс"

который по смерти Гольца командуетъ Прусскимъ отрядомъ, стоящимъ противъ насъ, отступаетъ съ большой поспѣшностью къ Бреславлю, я же вступилъ сегодня въ Силезію. Завтра туда же вступитъ и вся армія, и мы направимъ свой походъ къ Виртембергу. Дорогой другъ мой, мы не погрѣшили, ни противъ различныхъ расположеній, ни противъ распоряженій на бумагѣ; но таковы ли они, какими должны быть, предоставляю судить лицамъ болѣе свѣдущимъ въ нашемъ дѣлѣ, чѣмъ я; буду въ восторгѣ и преисполненъ радости, если окажется возможнымъ примѣнить ихъ на практикѣ и если не будетъ у насъ недостатка въ военныхъ припасахъ. Между тѣмъ, вотъ ужъ почти мѣсяцъ какъ наши солдаты имѣютъ одни лишь сухари, ни мяса нѣтъ, ни крупы, наши переходы и стоянки чрезвычайно затруднительны. Легкіе полки составляютъ большею частью наши аванъ-посты въ тылу; съ тѣхъ поръ какъ ихъ взяли отъ несчастнаго Тотлебена, ими командуетъ очередной генералъ; говорятъ, будто принцъ Генрихъ тоже идетъ на Силезію, а за нимъ Даунъ. Король Прусскій двигается къ Бреславлю, а Цитенъ находится вблизи Гюверфельда. Если все это вѣрно, мы скоро увидимъ всѣ арміи близко одну отъ другой. Мы не любимъ принимать совѣтовъ и, какъ я вамъ уже сообщалъ, воображаемъ себя болѣе свѣдущими, чѣмъ другіе. Будучи при этомъ довольно робкими, мы обладаемъ малымъ знаніемъ своего дѣла; храбрость нашихъ солдатъ и усердіе послужить нашей Государынѣ обезпечиваютъ насъ отъ прискорбныхъ послѣдствій. Прощайте, дорогой другъ, будьте здоровы, надѣюсь черезъ недѣлю разсказать вамъ о какихъ-нибудь болѣе интересныхъ событіяхъ въ нашихъ окрестностяхъ. Чувствую себя какъ нельзя лучше и состою еще въ перепискѣ съ Цитеномъ. Разорвите это письмо. Кстати: я только что получилъ Польскую голубую ленту; скажите мнѣ свое мнѣніе, могу ли я носить на куртkѣ также красную ленту, какъ Лопиталь...

*

à Bernstat, ce 16 de Juillet 1761.

Je ne veux pas répéter ici, mon cher seigneur, la prédiction que j'ai faite dans une de mes lettres, que la jonction des deux armées était difficile, puisque actuellement elle est devenue même inpraticable par la position que le roi de Prusse a prise avec son armée et à laquelle on devait s'attendre. D'après les dernières nouvelles que nous avons, il se trouve proche de Neisse faisant face à m-r Laudon, et Zieten est à Falkenberg, ayant son frère vers nous. Ainsi passer l'Oder entre des forteresses et avoir une armée vis-à-vis de soi est plus qu'impossible, à moins de risquer tout, ce qui serait pourtant trop fort, ou que nous nous ménageons sans cela bien peu; car nous marchons sans magasins, et ce n'est qu'à présent qu'on songe à les former. Végèce dit: qui va à l'ennemi sans avoir formé ses magasins est vaincu avant que de combattre, et on comptait à faire plus pire que cela même, car on voulait passer l'Oder avec toute l'armée et se mettre absolument à la dépendance des Autrichiens, avoir leurs subsistances et n'ayant nulle part de magasins à soi. En vérité, voilà une confiance dans ses alliés bien extraordinaire et qui passe absolument les bornes, et de plus le projet était chimérique et jamais militaire. Pour former un plan d'opération et pour qu'il

Библиотека "Руниверс"

puisse être exécuté, il faut que les militaires donnent ses idées sur tout ce qui se peut faire... mais nous les regardons comme les enfans, et non seulement nous ne voulons pas les consulter, mais même les voir. Que faire? Je crains seulement que la gloire de nos armes n'en pâtit. Oui, mon cher et aimable amy et sincère patriote, la paix pour nous est ce que nous avons le plus besoin. Vous avez raison de vous fier à la bravoure de nos soldats, mais défiez vous de ceux qui les conduisent: par un corps on flétrit la gloire que par des suites on a acquise.

Je ne sais, d'honneur, ce que nous allons faire, l'armée est depuis aujourd'hui à Nassau, et moi avec mes corps je suis ici. Toutefois nous ferions des mouvements qui ne ressembleront pas à ceux de Turenne, ni de Montecuculi, mais bien à notre façon, pour nous rapprocher de la Vistule. Il est vrai nous avons depuis peu des conseils bien fréquens, aussi cela marque-t-il que nous ne savons où donner de la tête, et nous voilà à battre le blé, à moudre, à cuire le pain en marchant, à enlever les bestiaux et à nous procurer par là le pain quotidien et en particulier toujours dans le danger de perdre la petite réputation qu'on s'est acquise. Il serait à désirer que le roi de Prusse s'avise de nous attaquer, mais il ne le fera pas: il connait qu'on ne saurait se frotter à nous qu'avec une considérable perte. Était-il après cela de la bonne politique de se jetter avec toutes ses forces à la discrétion de ses alliés, et n'y avait-il pas de moyens de les aider sans cela, je laisse à juger aux plus savants que moi. En attendant j'admire les raisonnements que j'ai trouvé dans la Gazette de Leyde № 49 sur l'acticle de Londres du dernier Moniteur et qui me paraissent être applicables à notre situation.

En parlant de tout cela, je sais la peine que je vous cause, mon cher seigneur; mais vous voulez que je vous parle de tout, et je vous obéis. Je vous rends bien des grâces, mon cher seigneur, de la lettre que vous me faites l'honneur de m'écrire du 12 Juin. Elle est obligeante pour moi, et les raisonnemens y sont justes et conformes au sentiment du vrai patriote. Dieu donne que tout le monde soit d'accord avec vous. Adieu, mon cher ami. Mon coeur est gros, sans être à battre, et je me porte le mieux du monde et prêt à signaler le zèle que j'ai pour le service de notre aimable Souveraine et la chère patrie, conformément avec ceux que j'ai l'honneur de commander.

Переводъ.

Бернштадтъ, 16-е Іюля 1761.

Не хочу повторять предсказанія, которое я уже сдѣлалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о томъ, что соединеніе двухъ армій будетъ трудно исполнимо, ибо въ настоящее время это соединеніе оказалось даже совсѣмъ

Библиотека "Руниверс"

невыполнимымъ изъ-за положенія, принятаго Прусскимъ королемъ съ его арміей, котораго и слѣдовало ожидать. По послѣднимъ извѣстіямъ, которыя мы имѣемъ, онъ находится вблизи Нейса, стоя лицомъ къ Лаудону, а Цитенъ въ Фалькенбергѣ, у него братъ его стоитъ лицомъ къ намъ; такимъ образомъ переходить Одеръ между крѣпостями и имѣть напротивъ непріятельскую армію болѣе чѣмъ невозможно, развѣ только если рисковать всѣмъ, что однако было бы ужъ слишкомъ, или что мы и безъ того очень мало себя бережемъ; вѣдь мы идемъ безъ запасовъ, и только теперь намѣреваются ихъ дѣлать. Вегецій говоритъ: кто идетъ на непріятеля не устроивъ своихъ магазиновъ, тотъ побѣжденъ уже до сраженія, а у насъ собирались сдѣлать даже хуже этого, ибо хотѣли со всей арміей перейти Одеръ и непремѣнно стать въ зависимость отъ Австрійцевъ, пользоваться ихъ военными припасами, не имѣя нигдѣ своихъ собственныхъ запасовъ. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, очень странное довѣріе къ своимъ союзникамъ, переходящее всякія границы, и кромѣ того планъ этотъ былъ химерическій, и ужъ никакъ не военный. Чтобы составить планъ дѣйствій и чтобы онъ могъ быть исполненъ, нужно что дѣлать? Боюсь какъ бы слава нашего войска отъ этого не пострадала. Да, дорогой и любезный другъ и искренній патріотъ, для насъ миръ болѣе всего нуженъ. Вы правы надѣясь на храбрость нашихъ солдатъ, но не надѣйтесь на тѣхъ, которые ихъ ведутъ; однимъ отрядомъ запятнали славу, которая пріобрѣталась послѣдовательно.

По чести, не знаю что̀ мы будемъ дѣлать. Армія съ сегодняшняго дня въ Нассау, а я со своими отрядами здѣсь. Но тѣмъ не менѣе мы предпримемъ движенія, не похожія на движенія Тюрена или Монтекукули, а совсѣмъ на свой ладъ, дабы приблизиться къ Вислѣ. Правда, съ недавняго времени у насъ бываютъ довольно частые совѣты, но это и показываетъ, что мы въ отчаянномъ положеніи, и вотъ мы на ходу молотимъ зерно, печемъ хлѣбъ, забираемъ скотину и такимъ образомъ достаемъ себѣ хлѣбъ насущный, находясь въ постоянной опасности потерять небольшую славу, которую мы пріобрѣли. Было бы желательно, чтобы Прусскій король рѣшился атаковать насъ, но онъ этого не сдѣлаетъ: ему извѣстно, что насъ пагрѣть можно только цѣною большихъ потерь. Благоразумно ли было послѣ этого отдаться со всѣмъ своимъ войскомъ во власть своихъ союзниковъ, и не было ли иныхъ способовъ помочь имъ—предоставляю судить объ этомъ людямъ болѣе меня свѣдущимъ. А пока восхищаюсь разсужденіями, которыя я нашелъ въ газетѣ Leyde № 49 по поводу статьи изъ Лондона въ послѣднемъ № Moniteur'a, которыя мнѣ кажутся примѣнимы къ нашему положенію. Знаю, какое страданіе причиняю вамъ, говоря обо всемъ этомъ; но вы желаете, чтобы я вамъ говорилъ все, я и повинуюсь вамъ. Премного вамъ благодаренъ за письмо, которымъ вы почтили меня отъ 12 Іюня. Оно ласково ко мнѣ, а разсужденія въ немъ справедливы и соотвѣтствуютъ чувству настоящаго патріота. Дай Богъ, чтобы всѣ были согласны съ вами. Прощайте, дорогой другъ. На сердцѣ у меня печаль, хотя сердцебіеній нѣтъ, и я чувствую себя превосходно и готовъ ознаменовать свое рвеніе въ службѣ нашей милостивой Государыни и дорогой родинѣ, подобно тѣмъ людямъ, которыми я имѣю честь командовать.

*

à Bernstat, ce 21 de Juillet 1761.

Je vous rends milles grâces, mon cher seigneur, pour votre dernière lettre que j'ai reçue avec l'incluse exactement au premier jour. Si j'ai de la matière, je me servirai des chiffres. J'espère que vous avez reçu ma dernière lettre que j'ai envoyée par m-r Woieykow dans l'enveloppe de

Библиотека "Руниверс"

m-r Asch. Actuellement je n'ai rien à vous dire; la résolution prise pour nos mouvemens ultérieurs vous sera connue par la dépêche d'aujourd'hui; ainsi je finis celle-ci, me recommandant etc.

Переводъ.

Бернштадтъ, 21-е Іюля 1761.

Тысячу разъ благодарю васъ за ваше послѣднее письмо, которое я получилъ со вложеніемъ исправно, перваго числа. Если будетъ у меня о чемъ писать, воспользуюсь шифромъ. Надѣюсь, вы получили мое послѣднее письмо, которое я отправилъ черезъ Воейкова въ конвертѣ г-на Аша *). Сейчасъ мнѣ нечего сообщить вамъ; рѣшеніе, принятое относительно дальнѣйшихъ нашихъ движеній, будетъ вамъ извѣстно изъ сегодняшней депеши; поэтому кончаю письмо, поручая себя и т. д.

*

à Freybourg, ce 6 de Sept. 1761.

Par ma dernière lettre que j'ai eu l'honneur de vous envoyer, mon cher seigneur, vous avez vu que je me trouve tout-à-fait séparé de notre armeé; pas moins mon coeur est toujours inquiet pour tout ce qu'il s'y fait depuis la dernière manoeuvre ou plutôt dire en nous séparant. La lenteur de la marche m'a fait beaucoup de peine, puisque par là on a donné le tems à l'ennemi de pouvoir faire des détachements sur nos magazins, puisque on s'est arrêté entre Lignittz et l'Oder sans savoir sûrement pourquoi; j'espère pourtant que cela n'aura point de suites et qu'aussitôt qu'elle sera ravitaillée, qu'elle recommancera les opérations vis-à-vis d'ici. L'ennemi se trouve dans la même position; mais comme on a reçu aujourd'hui la nouvelle, qu'il a prit pour son camp pour neuf jours du pain en bisquit, il se pourrait qu'il a envie d'entreprendre une promenade. On est prêt de notre côté à tout. Si sa marche se fera pour la Haute Silésie, nous le contreferons et chercherons le moment favorable pour l'attaquer. Si c'est pour la Saxe, nous détacherons un corps à proportion de ses forces pour renforcer le grand Daun et nous chercherons les occasions à profiter de son absence. Il règne dans son camp une extrême misère par rapport aux vivres. Le roi a son quartier à Brantzevitz. J'envoie le journal d'ici à m-r le chancelier des autres particularités de tous ces jours passés. Je viens de recevoir votre lettre de 15 d'Avril; je vous en fais, mon cher seigneur, milles et milles remercîments et je joins mes voeux aux vôtres pour que le Bon Dieu nous donne la paix. En vérité, le jeu dure trop longtems, et les parties sont si mal arrangées que l'envie de jouer passe tout-à-fait.

*) Ашо завѣдывалъ почтою, которая до самаго царствованія Александра Павловича находилась въ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ.

Фрейбургъ, 6-е Сентября 1761.

Изъ послѣдняго письма, которое я имѣлъ честь вамъ отправить, вы видѣли, что я нахожусь совсѣмъ отрѣзаннымъ отъ нашей арміи; тѣмъ не менѣе я сердечно безпокоюсь тѣмъ, что произведено послѣднимъ передвиженіемъ и нашимъ разобщеніемъ Медлительность похода очень меня опечалила, ибо черезъ это дали время непріятелю нападать на наши магазины, такъ какъ остановились между Лигницомъ и Одеромъ вѣроятно сами не зная для чего; впрочемъ, я надѣюсь, что это не будетъ имѣть послѣдствій и что какъ только армія будетъ снабжена провіантомъ, она начнетъ дѣйствія противъ этого края. Непріятель находится въ такомъ же положеніи; но такъ какъ сегодня получено извѣстіе, что онъ взялъ для своего отряда хлѣба въ сухаряхъ на девять дней, возможно, что ему хочется предпринять прогулку. Съ нашей стороны ко всему готовы. Если онъ пойдетъ въ Верхнюю Силезію, мы сдѣлаемъ тоже и будемъ искать благопріятной минуты, чтобы напасть на него. Если онъ пойдетъ въ Саксонію, мы пошлемъ одинъ отрядъ, соразмѣрно его силамъ, чтобы подкрѣпить великаго Дауна и будемъ искать случаевъ воспользоваться его отсутствіемъ. Въ его отрядѣ царитъ крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Главная квартира короля въ Бранценицѣ. Посылаю канцлеру здѣшній дневникъ объ остальныхъ обстоятельствахъ всѣхъ прошлыхъ дней. Только что получилъ ваше письмо отъ 15-го Апрѣля; шлю вамъ за него тысячу благодарностей и присоединяю свои молитвы къ вашимъ о томъ, чтобы Богъ послалъ намъ миръ. Въ самомъ дѣлѣ, игра длится слишкомъ долго, и обѣ стороны такъ плохо расположены, что совсѣмъ пропадетъ охота играть.

*

Witzenbourg, ce 19 (30) d'Octobre 1761.

Hé, que résiste-t-il à la gloire de nos armes, quand la fermeté avec la prudence les conduisent? Voici donc cette indomptable pucelle forcée par notre brave Russien. Oui, Colberg est pris par m-r le c-te de Roumiantzev. Je vous fais, mon cher seigneur, le compliment le plus sensible; vous y prendrez part, je suis sûr, et la chose le mérite.

A présent ce Grand Frédéric verra ce que c'est que de s'attirer pour ennemi l'Empire de Russie: ses trouppes marchent, combattent, prennent des forteresses dans le tems, que toutes les autres nations s'effarouchent de l'air humide de l'hiver, encore moins osent-ils penser à quelques entreprises. Elle envoie ses autres secourir ses alliés, qui reconnaissent que le nom des Russes suffit pour encourager ses soldats et pour initimider ses ennemis. Elle envoye des autres dompter le tumulte qui pourrait s'élever dans une nation légère. Enfin que ne fait-elle pas et que ne peut elle pas encore faire? Vive notre gracieuse Souveraine, vive notre chère patrie!

Библиотека "Руниверс"

J'ai chanté hier dans mon quartier-général le Tédeum par rapport à notre fête et sur la prise de Colberg au sons des timbales, trompettes, feux des mousqueterie et canons. Au reste recevez mon cher ami etc.

Перевод.

Витценбургъ, 19 (30) Октября 1761.

Ахъ! что устоитъ противъ славы нашихъ войскъ, когда ихъ ведетъ твердость вмѣстѣ съ осторожностью? Такъ вотъ она, эта неукротимая дѣва, осиленная нашимъ храбрымъ Русаковъ. Да, Кольбергъ взятъ гр. Румянцевымъ. Чувствительнѣйше поздравляю васъ съ этимъ; я увѣренъ, что вы примете участіе въ радости, а дѣло того стоитъ. Теперь этотъ Фридрихъ Великій увидитъ, что значитъ нажить себѣ врагомъ Русскую Имперію; ея войска идутъ, сражаются, берутъ крѣпости въ то время, когда всѣ остальные народы пугаются сырого зимняго воздуха, и еще менѣе смѣютъ помышлять о какихъ либо предпріятіяхъ. Она посылаетъ нашего брата спасать своихъ союзниковъ, которые признаютъ, что достаточно имени Русскихъ для того, чтобъ ободрить ихъ солдатъ и устрашить непріятеля. Она посылаетъ нашего брата усмирить волненіе, могущее подняться въ легкомысленномъ народѣ. Чего, наконецъ, она не дѣлаетъ и чего она не въ состояніи еще сдѣлать? Да здравствуетъ наша милостивая Государыня, да здравствуетъ дорогая наша родина! Вчера, по поводу нашего торжества и взятія Кольберга, я служилъ въ своей главной квартирѣ молебенъ подъ звуки литавръ, трубъ, ружейныхъ и пушечныхъ залповъ. Впрочемъ примите, дорогой другъ, и т. д.

*

à Freybourg, ce 1 Dé-bre 1761.

Je commence par vous faire mes remercîmens les plus sensibles pour votre lettre, mon cher seigneur, du 13 de mois passé et pour vous dire que par une de vos lettres j'ai eu déjà l'honneur de recevoir la clef des chiffres que vous m'avez envoyée; mais comme malheureusement il y avait un tems où toute communication était fermée de notre armée pour la Prusse, j'étais obligé non seulement de ne pas m'en servir, mais même de gárder un silence. A la vérité, je n'aurais jamais rien à dire qui soit agréable, mais du moins j'aurais déchargé mon coeur, en vous faisant apercevoir son amertume de voir toute l'ignorance et de fluctuation de notre chef. Avec cela beaucoup d'entêtement et autant de mauvaise foi. Aussi cela a-t-il produit que ni vous, ni personne ne sera content de toutes les manoeuvres que notre armée a faites. Il n'a pas manqué d'assembler des conseils, mais cela même manque à son petit génie, puisque qui pouvait lui conseiller que sur le momental et rien de suivi? Et dans la guerre, comme partout, il faut aller sistématiquement dans toutes choses, et après tout je regarde comme un miracle que notre armée n'a pas crevé de faim, puisque bien des jours le soldat n'avait point de pain et mengeait varenую рыбу. Aussi, въ милостыню,

Библиотека "Руниверс"

j'ai donné de mon corps, lequel ne manque jamais, à plusieurs régimens de l'armée, qui n'aimait pas du blé battu; aussi nous sommes entré dans le pays ennemi, n'ayant que pour un jour de pain et nulle par des magasins, et voilà pour six mois que personne n'a eu de gages. Ce serait mon envie à l'infini que de vouloir vous dire le petit génie de cet homme et combien il est nuisible pour la gloire de notre patrie. J'ai par devant moi tous mes camérades pour témoins que je lui ai donné des avis avec cette hardiesse que l'amour de la patrie et non la crainte de faveur fait agir, et peut-être j'ai évité le plus mal, mais voilà aussi tout ce qui en est provenu. Mon cher ami, ne vous ai-je pas dit que tout cela était à espérer encore avant que d'entrer dans la campagne. Chère patrie, qu'on souffre beaucoup quand on t'aime!

Je ne vous dis pas actuellement, mon cher seigneur, des nouvelles du jour que vous pourrez voir dans l'expédition que j'ai fait aujourd'hui à m-r le chancelier. Bien que je suis à présent séparé de notre armée et joint avec les Autrichiens, accordez moi toujours votre protection et soyez assuré que je fairai mon devoir pourvu qu'à notre cour on fasse des arrangemens que je ne manque ici.

Je joins ici les noms des régimens qui composent mon corps et la position de tous les camps qui ont été ensemble, qui sera à jamais mémorable. J'avois à jouer le plus grand rôle. Laudon devait attaquer d'un côté et moi de l'autre, il a déjà fait sa disposition, et moi la mienne; mais comme on a donné trop de tems à l'ennemi de prendre une forteresse de son champ, puisque cela a duré que nous avons déliberé pour de 14 Juin, j'étais le premier, oubliant ma gloire, pour que la marche de notre armée et tout mes anciens m'ont cédé le pas, était à ma disposition. Et pensant au salut de nos braves gens, j'ai donné et porté mon avis qu'on ne pouvait entreprendre l'attaque sous un risque évident et qu'on devait songer à des autres moyens. Je ne saurais encore vous faire une description de mon chef qui nous commande actuellement, mais il n'est pas Daun, il faut quatre pour en faire un. Je ne manquerai pas, mon cher seigneur, de vous faire part de tout ce qui méritera votre attention, mais je vous pris de ne pas produire le contenu de cette lettre; faites en usage, mais que mon nom n'y entre pas. Vous voyez par la sincérité de ma plume combien je vous suis attaché. La paix pour nous est nécessaire; je tremble, en vérité, pour notre armée qu'on ne lui fasse faire quelque faux pas.

J'ai envoyé aujourd'hui le journal au chancelier ce que je continuerai de faire toutes les semaines, mais sans un événement que l'on

Библиотека "Руниверс"

ne saurait prévoir, il ne paraît pas que l'on fera quelque part quelque chose, et chacun prendra garde de se frotter pour conserver l'armée.

J'espère qu'on ne prenda pas mauvais que j'envoie un expres, mais j'ai cru qu'il était juste de l'envoyer que la cour soit informée au juste que les braves Russiens sont bien loin de la patrie et que je suis envoyé à la Ségère sans avoir presque des instructions et que j'ai la retraite de Zénophon en tête.

Переводъ.

Фрейбургъ, 1-го Декабря 1761.

Начинаю съ чувствительнѣйшей благодарности за ваше письмо отъ 13-го числа прошлаго мѣсяца и съ сообщенія о томъ, что въ одномъ изъ вашихъ писемъ я уже имѣлъ честь получить ключъ отъ присланнаго вами шифра; но, такъ какъ, къ несчастію, было такое время, когда всякое сообщеніе изъ нашей арміи съ Пруссіей прекратилось, то я былъ вынужденъ не только не пользоваться шифромъ, но даже хранить молчаніе. По правдѣ сказать, мнѣ ни разу не пришлось бы сообщить что нибудь пріятное, но по крайней мѣрѣ я бы облегчилъ свое сердце, обнаруживъ передъ вами его скорбь при видѣ невѣжества и колебаній нашего начальника. При этомъ большое упрямство и такая же недобросовѣстность. Отъ этого и произошло то, что ни вы и никто не будетъ доволенъ всѣми движеніями, произведенными нашей арміей. Онъ и созывалъ совѣты, но даже это не удается его мелочному характеру, потому что кто можетъ посовѣтовать ему что либо общее, а не про мелочнóе? А въ войнѣ, какъ и вездѣ, нужна во всемъ систематичность. Да впрочемъ я считаю чудомъ, что наша армія не умерла отъ голода, такъ какъ многіе дни у солдата не было хлѣба, и онъ ѣлъ вареную рыбу; также „въ милостыню“ я далъ отъ своего отряда, который не имѣетъ никогда ни въ чемъ недостатка, нѣсколькимъ армейскимъ полкамъ, которые не любили хлѣба молоченаго. Да мы и вошли въ непріятельскую страну, имѣя хлѣба всего на одинъ день и не имѣя нигдѣ запасовъ; вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ какъ никто не получалъ жалованія. Мнѣ чрезвычайно хотѣлось бы разсказать вамъ о ничтожныхъ способностяхъ этого человѣка и о томъ, насколько онъ вреденъ для славы нашей родины. Всѣ мои товарищи могутъ засвидѣтельствовать, что я давалъ ему совѣты съ той отвагой, какую вызываетъ любовь къ родинѣ, а не страхъ передъ властью, и быть можетъ я предотвратилъ худшее, но вотъ и все, что изъ этого произошло. Дорогой другъ, не говорилъ ли я вамъ, что всего этого надо было ждать еще до начала кампаніи? Дорогая родина, какъ много приходится страдать, когда тебя любишь! Не говорю вамъ теперь о текущихъ событіяхъ, о которыхъ вы можете узнать изъ письма, отправленнаго мною сегодня къ канцлеру, хоть я теперь разлученъ съ нашей арміей и присоединенъ къ Австрійцамъ. Окажите мнѣ свое покровительство и будьте увѣрены, что я буду исполнять свой долгъ, лишь бы при нашемъ дворѣ дѣлали такія распоряженія, которыя бы мнѣ здѣсь удались. Прилагаю здѣсь названія полковъ, составляющихъ мой отрядъ и позицію всѣхъ бывшихъ вмѣстѣ отрядовъ, которая будетъ навсегда достопамятна. Мнѣ пришлось играть главную роль. Лаудонъ долженъ былъ атаковать съ одной стороны, а я съ другой; онъ уже сдѣлалъ свои распоряженія, а я свои; но, такъ какъ непріятелю дали слишкомъ много времени, чтобы взять крѣпость. Не сумѣю еще сдѣлать вамъ описаніе моего начальника, который командуетъ нами въ на-

Библиотека "Руниверс"

стоящее время, но онъ не Даунъ, нужно четыре такихъ, какъ онъ, чтобы сдѣлать одного. Я не премину сообщать вамъ все, что̀ будетъ заслуживать вашего вниманія, но, прошу васъ, не сообщайте содержанія этого письма: воспользуйтесь имъ, но чтобы мое имя не упоминалось. По тому какъ искренно я вамъ пишу, вы видите, насколько и вамъ преданъ. Миръ для насъ необходимъ; я въ самомъ дѣлѣ боюсь за нашу армію, какъ бы не заставили ее сдѣлать ложный шагъ. Я отправилъ сегодня дневникъ канцлеру, что̀ и буду продолжать дѣлать еженедѣльно, но безъ событія, котораго нельзя предвидѣть, не видно чтобы что нибудь сдѣлалось, и каждый будетъ остерегаться нападать, дабы сохранить армію. Я надѣюсь, что плохо не примутъ то, что я посылаю курьера; но я счелъ правильнымъ послать его, дабы дворъ былъ навѣрно освѣдомленъ о томъ, что храбрые Русскіе очень далеко отъ родины, что я отправленъ въ Сежеръ, почти не имѣя инструкцій, и что у меня въ головѣ отступленіе Ксенофонта.

*

Wilchenbourg, ce 18 de Janvier 1762.

Je vous demande pardon, mon cher seigneur, de l'impatience que je vous ai marqué de n'avoir pas eu de vos nouvelles, avec le courrier arrivé pour mon frère, puisque vous avez eu la bonté de me les envoyer par le major Puschkine que j'ai reçu à son arrivée quelque jours après que j'ai eu l'honneur de vous écrire; mais je suis assuré que vous trouverez que mon empressement de les avoir était en place, ne désirant rien tant au monde, que de perpétuer mon attachement respectueux et sincère pour vous. Votre dernière lettre m'a fait verser des larmes, et quoi que je trouve que votre douleur est juste, cependant, mon cher seigneur, il faut être homme et ne point résister contre la volonté de la Puissance Divine. Elle sait se qu'Elle doit faire, et nous devons nous y soumettre et Lui rendre compte de notre petit individu, nous ne pouvons donc pas disposer de nous, sans être criminels devant Elle. Séchez vos larmes, mon cher ami, et pensez à conserver votre santé, qui est si précieuse pour vos amis dont la fidélité est à toute épreuve; vous avez toujours travaillé à en acquérir et vous en avez, qui vous sont sincèrement dévoués tant par reconnaissance que par inclination. Mon sort m'est à charge actuellement, qui me sépare de vous; je ne désire que d'être avec vous et contempler la vicissitude de ce monde avec cette franchise que l'homme, qui ne désire rien, peut avoir, m'attacher à vous, vous aimer et vous estimer; aussi peut-être serai je assez heureux de parvenir à cela et tout ce qui pourra se présenter dans ma vie combien je suis ami, combien je suis reconnaissant pour vos bontés, combien je désire de me rendre digne de votre amitié.

Je suis venu ici pour faire prêter le serment à tout mon corps, et je repars demain pour Vienne; le porteur de la présente est chargé de remettre les prisena au collège de guerre.

Библиотека "Руниверс"

Переводъ.

Вильценбургъ, 18-е Января 1762.

Прошу извиненія за нетерпѣніе, выраженное мною съ курьеромъ къ моему брату, по поводу отсутствія извѣстій отъ васъ, такъ какъ вы были такъ добры отправить ихъ съ маіоромъ Пушкинымъ, и я получилъ ихъ по его пріѣздѣ черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я имѣлъ честь написать вамъ; но я увѣренъ, что вы найдете, что мое нетерпѣніе получить ихъ было умѣстно, ибо ничего на свѣтѣ я такъ не желаю, какъ навсегда увѣковѣчить свою почтительную и искреннюю преданность къ вамъ. Ваше послѣднее письмо заставило меня пролить слезы, и хотя я нахожу, что ваша скорбь справедлива, тѣмъ не менѣе нужно быть человѣкомъ и не противиться волѣ всемогущества Божія. Оно знаетъ, что творитъ, а мы должны покоряться и отдавать Ему отчетъ въ своемъ маленькомъ существѣ; поэтому мы не можемъ располагать собою, не становясь преступными передъ нимъ. Осушите ваши слезы, дорогой другъ, и заботьтесь о сохраненіи своего здоровья, столь драгоцѣннаго для вашихъ друзей, вѣрность которыхъ непоколебима; вы всегда старались пріобрѣсти ихъ и имѣете такихъ, которые искренно вамъ преданы столько же изъ чувства благодарности, сколько изъ любви къ вамъ. Въ настоящее время мнѣ въ тягость моя судьба, разъединяющая меня съ вами, я только и желаю быть съ вами и созерцать превратность этого міра съ тою свободой, какую можетъ имѣть человѣкъ, ничего не ищущій; я хочу привязаться къ вамъ, любить и уважать васъ; быть можетъ мнѣ и посчастливится достигнуть этого и представить, сколь я вамъ другъ, сколь благодаренъ вамъ за всѣ ваши милости, сколь хочу быть достойнымъ вашей дружбы. Я прибылъ сюда для того, чтобы привести къ присягѣ весь свой корпусъ и завтра же уѣзжаю въ Вѣну; подателю этого письма поручено отдать присяжные листы въ Военную Коллегію.

*

Witzenbourg ce 22 de Févr. 1762.

Je vous rends très humblement grâce, mon cher seigneur, pour votre lettre du 15 du mois passé, en passant sous silence toute la reconnaissance que je vous ai pour les sentiments de bonté que vous me témoignez toujours; puisque mon coeur en est plûs rempli que la plume ne peut le dire. Étant dans l'attente d'avoir des ordres sur se qui regarde ma transplantation, je suis comme aux écoutes et très impatient d'en voir la décision, et je désire beaucoup que cette abominable guerre finisse un jour pour dire une fois qu'on est à soi et à ceux pour qui on a tout l'estime et la considération et a qui on est dévoué comme je vous le suis à jamais.

Переводъ.

Витценбургъ, 22 Февр. 1762.

Почтительнѣйше благодарю васъ за письмо отъ 15 числа прошлаго мѣсяца, умалчивая о своей признательности за всѣ добрыя чувства, которыя вы всегда выказываете по отношенію ко мнѣ, потому что сердце мое полно ею болѣе, чѣмъ перо въ состояніи то передать. Будучи въ ожиданіи приказа

Библиотека "Руниверс"

касательно моего переселенія, я прислушиваюсь въ нетерпѣніи узнать рѣшеніе и очень желаю, чтобы эта гнусная война скорѣй окончилась, дабы имѣть возможность сказать когда нибудь, что принадлежишь себѣ и тѣмъ, къ кому имѣешь глубокое уваженіе и преданность, какъ я къ вамъ навсегда имѣю.

*

Ce 17 de Mars 1762.

Vous êtes déjà informé, mon cher seigneur, par ma dernière de ce qui regarde l'argent que vous doit m-r Lefort. Aussi n'ai je rien à y ajouter en réponse de celle que vous me faites l'honneur de m'écrire là-dessus; cependant je lui en ai parlé encore, et il m'a répété l'assurance qu'il vous a faites par sa lettre. M-r de Panine, qui m'a chargé de vous assurer de son estime, m'a promis de s'y employer et de vous servir en tout où il pourra vous être utile, et s. e. m-r le chancelier vous écrit par la poste d'aujourd'hui. Voici une lettre de mad. votre soeur. Adieu, mon cher seigneur. On ne saurait être plus sincèrement que je le suis votre très humble et très obéissant serviteur Z. c. Czernichew.

Переводъ.

17-е Марта 1762.

Моимъ послѣднимъ письмомъ вы уже увѣдомлены касательно денегъ, которыя вамъ долженъ Лефортъ. Поэтому мнѣ нечего прибавить въ отвѣтъ на письмо, которымъ вы меня почтили по этому поводу; однакожъ, я еще разъ говорилъ ему объ этомъ, онъ повторилъ мнѣ увѣренія, сдѣланныя имъ въ письмѣ къ вамъ. Панинъ, поручившій мнѣ передать вамъ его почтеніе, обѣщалъ мнѣ заняться этимъ и служить вамъ во всемъ, гдѣ сможетъ быть вамъ полезенъ, а с. с. канцлеръ пишетъ къ вамъ съ сегодняшней почтой. Вотъ письмо отъ вашей сестры. Прощайте, нельзя быть болѣе искренно, чѣмъ я, вашимъ всепижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою. З. гр. Чернышевъ.

*

à Thorn, ce Mai 1762.

C'est pour ne point laisser cette occasion, mon cher seigneur, que je vous écrie; d'ailleurs je n'en veux à vous dire que je me mets demain en marche et je tâcherai de remplir le mieux que je pourrai la tâche qui m'est prescrite, et que je vous suis et serai attaché pour le reste de mes jours. Adieu, mon cher et aimable ami, portez vous bien et pensez de tems en tems à celui qui vous aime beaucoup et qui est votre très humble et fidèle serviteur Z. c. Czernichew.

Переводъ.

Торнъ, Мая 1762.

Пишу къ вамъ, чтобы не упустить этого случая; впрочемъ, хочу сказать вамъ только то, что завтра выступаю въ походъ и постараюсь какъ только смогу лучше исполнить предписанное мнѣ дѣло и что пребываю и

Библиотека "Руниверс"

буду преданъ вамъ до конца дней моихъ. Прощайте, дорогой и милый другъ, будьте здоровы и отъ времени до времени вспоминайте того, кто васъ очень любитъ и пребываетъ всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ вашимъ слугою. З. гр. Чернышевъ.

*

Этими письмами выразилъ себя графъ Захаръ Григорьевичъ. Вотъ еще нѣсколько печатныхъ упоминаній о немъ.

Въ Дневной Запискѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ за 1742 годъ, графъ М. Л. Воронцовъ, 16 Февраля, отмѣтилъ челобитную Г. И. Чернышова „о повышеніи чинами обрѣтающихся при иностранныхъ дворахъ дворянами посольства дѣтей его Захара и Ивана“ („Арх. Кн. Воронцова“. I, 210).

Въ Октябрѣ 1745 г. канцлеръ Бестужевъ увѣдомлялъ находившагося въ Берлинѣ графа М. Л. Воронцова, что Государыня „заблагоразсудить соизволила камеръ-юнкера графа Захара Григорьевича Чернышова во Франкфуртъ наискорѣйше отправить, адресовавъ его къ графу Кейзерлингу“. („Арх. Кн. Воронц.“ II, 123).

Въ Маѣ 1760 года ему пожаловано 20 гаковъ.

Канцлера графа М. Л. Воронцова такъ извѣщалъ онъ о взятіи Берлина 27 Сентября 1760 года.

„Шестнадцать дней будучи все въ походахъ и движеніяхъ, какъ вашему сіятельству несумнѣнно извѣстно изъ отправляемыхъ журналовъ, успѣлъ я исполнить порученную мнѣ комиссію. Берлинъ взялъ, въ немъ былъ; контрибуція и прочее съ него собрано, непріятеля отъ него принудилъ отступить, арьергардъ онаго разбилъ, плѣнныхъ кромѣ что въ городѣ нашлось до 1100, получилъ 4 пушки и до 17 офицеровъ, назадъ возвратиться успѣлъ, и все сіе не болѣе стало во всѣхъ случаяхъ убытку ея императорскому величеству какъ до 170 человѣкъ. Я весьма счастливымъ почитаю, что сіе такъ удачно учинялось и дѣйствительно со славою оружія милосердной нашей Государыни. Марши же такіе дѣлалъ, что по 7 миль въ день переходилъ. Я впередъ обстоятельнѣе буду имѣть честь донесть обо всемъ, а теперь опять иду къ соединенію съ арміей въ Гроссенъ. 3 Октября 1760 г. Франкфуртъ“.

Бакунинъ пишетъ гр. А. М. Строгановой 10 Янв. 1764 г.: „Le comte Zachar Czernichew va en Livonie sur une terre que feue l'Impératrice lui a donnée. On sait que son revenu n'ira en tout qu'à trois mille par an“ (Арх. Кн. В., XXXIV, 321).

Безбородко пишетъ графу С. Р. Воронцову въ 1784 г., т.-е. въ годъ смерти гр. Чернышева, что онъ жалуется на бѣдность „до которой самъ дошелъ“ (тоже, т. XIV). Будучи бездѣтенъ, вѣроятно прожился онъ и на масонство, успѣхамъ котораго конечно содѣйствовалъ, будучи въ Москвѣ главнокомандующимъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ДУША, СЕРДЦЕ И РАЗУМЪ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ ИМПЕРАТРИЦЫ ВСЕРОССІЙСКОЙ ИЛИ ДОСТОПАМЯТНЫЯ О НЕЙ СКАЗАНІЯ, СОБРАННЫЯ АЛЕКСАНДРОМЪ ШИШКОВЫМЪ *).

I.

Достопамятныя сказанія.

Извѣстно, какимъ образомъ въ 1762 году Екатерина Великая приняла престолъ Россійскій. Нѣкоторые иностранные писатели клевещутъ на нее, якобы собственнымъ желаніемъ своимъ участвовала она въ кончинѣ супруга своего, но таковая ложь ихъ происходила отъ невѣжества или отъ любви къ злословію и не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія. Смерть Петра Третьяго была необходимымъ и независящимъ отъ воли ея слѣдствіемъ перемѣны, происшедшей не отъ частныхъ нѣкоторыхъ ухищреній, но отъ общаго негодованія, которому она не могла воспрепятствовать. Она, конечно, была цѣлію всѣхъ умовъ и сердецъ, а потому и орудіемъ сего происшествія, но орудіемъ совершенно невиннымъ. Она бы дорого дала, чтобы спасти жизнь супруга своего, если бы она спасена быть могла. Извѣстный образъ мыслей и душа ея неоспоримо то указываютъ. Все, что̀ наиболѣе месть ея ополчало, но не превышало тогдашней силы ея и власти, все то отъ ней пощажено было. Тридцати-четырехъ-лѣтнее царствованіе ея доказало, что она искала престола, или лучше сказать, согласилась взойти на оный не для славолюбія своего, но для народнаго блаженства. Разогнемъ книги бытописаній: гдѣ найдемъ мы, чтобы подобная перемѣна не сопровождена была ссылками и казнями тѣхъ, кои держали противную сторону? Екатерина Вторая, какъ скоро приняла скипетръ въ руки, то въ ту же минуту простерла его на защиту противоборствовавшихъ ей. Фельдмаршалъ Минихъ, возвращенный Петромъ Третьимъ изъ ссылки, находился неотлучно при немъ до самой минуты отреченія его отъ самодержавства. «Народъ думаетъ о тебѣ, говорилъ онъ ему, что ты хочешь разрушить вѣру. Возьми крестъ въ руки и, вышедъ навстрѣчу къ войскамъ твоимъ, скажи имъ, что ты не разрушаешь, но ограждa-

*) Печатается съ современной рукописи.

Библиотека "Руниверс"

ешь вѣру; ты увидишь ихъ у ногъ своихъ».—«А если они меня убьютъ?» возразилъ Петръ Третій. «Лучше тебѣ умереть царемъ, нежели жить подданнымъ», отвѣчалъ Минихъ. Наконецъ, когда Екатерина Вторая восприняла жезлъ правленія, фельдмаршалъ Минихъ, толико противъ нея вооружавшійся, приходитъ къ ней смѣло и не съ повинной главою, но въ знакъ подданства своего падаетъ передъ нею на колѣни. Екатерина подъемлетъ его не со гнѣвомъ и угрозами, но съ кротостью и ласкою говоритъ ему: «вы исполняли долгъ свой и присягу; я надѣюсь, что вы съ такою же вѣрностью и усердіемъ, съ какимъ служили бывшему Государю вашему, будете служить и мнѣ». Вскорѣ потомъ поручаетъ она ему важную должность и не вооруженіе противу себя самой наказуетъ, но привязанность къ несчастному государю въ немъ награждаетъ. Со многими другими чиновниками, которые привержены были къ Петру Третьему, она такимъ же образомъ поступила, и никто изъ нихъ во все время ея царствованія ни малѣйшаго не терпѣлъ гоненія.

(Происшествіе всѣмъ извѣстное).

II.

При началѣ царствованія Екатерины Второй нѣкто, бывшій тогда въ отдаленномъ городѣ воеводою, присылаетъ въ Сенатъ донесеніе, въ которомъ съ великимъ удивленіемъ, какъ бы о нѣкоемъ сверхъ естественномъ чудѣ, увѣдомляетъ, что солнце въ томъ краю посреди дня на нѣсколько минутъ помрачилось, и темнота покрыла землю. Сенатъ, находя воеводу сего невѣждою, не знающимъ солнечныхъ затменіевъ, докладываетъ о семъ императрицѣ, не прикажетъ ли она его смѣнить? «За что? отвѣчаетъ Екатерина; незнаніе звѣздословія не мѣшаетъ быть добрымъ человѣкомъ и справедливымъ судьей; и такъ, если нѣтъ на него никакихъ жалобъ отъ его подчиненныхъ, то оставьте его на прежнемъ мѣстѣ, а только пошлите къ нему календарь, чтобы онъ впредь о солнечныхъ затменіяхъ имѣлъ свѣдѣнія».

(Слышалъ отъ адмирала Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова).

III.

Нѣкогда приближенные къ ней вельможи, примѣтя, что на рынкахъ для простаго народа весьма дешевою цѣною продаются портреты ея, худыми красками безобразно намалеванные, доложили ей, не прикажетъ ли запретить, чтобы такихъ, безъ всякаго искусства намаранныхъ портретовъ ея, похожихъ больше на каррикатурное, нежели на порядочное изображеніе, не продавали. «На что запрещать? отвѣчала Екатерина. Пускай, кто не можетъ имѣть хорошаго портрета моего, поку-

Библиотека "Руниверс"

знаетъ худой, онъ думаетъ меня въ немъ видѣть мнѣ пріятно жить въ памяти подданныхъ моихъ и казаться въ глазахъ ихъ любезною не станомъ и лицемъ, но дѣлами моими».

(Слышалъ отъ камергера Василія Ивановича Бибикова, слышавшаго изустно отъ нея самой).

IV.

Екатерина была въ душѣ своей столько же мужественна, какъ и самые храбрѣйшіе полководцы. Однажды на яхтахъ плавала она между Кронштадтомъ и Петербургомъ. Вдругъ ночью, когда она уже почивала, возстаетъ крѣпкій вѣтеръ, и съ яхтою ея сходится другая, шедшая на встрѣчу ей яхта. Всякъ, кто ходилъ по морю, легко можетъ себѣ вообразить сильное потрясеніе, бывающее отъ взаимнаго ударенія двухъ судовъ и крикъ, какой въ подобныхъ случаяхъ происходитъ отъ повелѣвающихъ и старающихся разводить оныя. Наконецъ, черезъ нѣсколько провожденныхъ въ великомъ безпокойствѣ минутъ, суда безъ большихъ поврежденій расходятся. Всѣ, бывшіе съ ея величествомъ знатные господа, видя, что она въ сіе шумное время не только сама не вышла изъ каюты, но и никого къ себѣ не позвала, полагали ее спящею и удивлялись толь крѣпкому ея сну. На другой день по утру, въ обыкновенное время, вышла она изъ каюты и сказала: «Я слышала вчерашнее съ нами приключеніе, проснулась и хотѣла выйти къ вамъ, но подумала: если не опасно, такъ не зачѣмъ выходить; а буде есть какая опасность, то я присутствіемъ своимъ ничего не помогу, а только помѣшаю вамъ, и такъ рѣшилась остаться на моей постели въ ожиданіи, что когда нужно будетъ встать и помышлять о своемъ спасеніи, то вы конечно меня увѣдомите». Какая мужественная непоколебимость души и купно увѣренность въ любви своихъ подданныхъ! Можетъ ли тотъ въ подобныхъ случаяхъ имѣть такое спокойствіе, кто дѣлами нечистъ и кого угрызаетъ совѣсть? Нѣтъ. Между добрымъ и худымъ царемъ та разность, что перваго въ самой опасности окружаютъ миръ и тишина, а другого даже и въ безопасное время терзаютъ всегда подозрѣніе и страхъ. Въ туже самую ночь капитанъ той яхты, которая сошлась съ яхтою императрицыной, отъ страха или нарочно бросился или въ суетахъ и бѣганьѣ нечаянно упалъ въ воду и утонулъ. Доносятъ о семъ Монархинѣ; она съ человѣколюбивымъ и показывающимъ свойства души ея видомъ говоритъ: «Ахъ, если бы онъ зналъ меня лучше, то не сдѣлалъ бы сего надъ собою».

(Приключеніе всѣмъ и самому мнѣ извѣстное).

Библиотека "Руниверс"

V.

Екатерина Великая не любила пословицу *близъ царя, близъ смерти* и часто говорила: «Какъ мнѣ хочется, чтобъ подъ моимъ правленіемъ пословицу сію забыли».

(Слышалъ отъ Марьи Савишны Перекусихиной).

VI.

Екатерина имѣла великую остроту разума и проницательность. Нѣкто по истеченіи долговременнаго срока подалъ ко взысканію вексель на весьма значительную сумму денегъ. Должникъ, съ котораго онъ требовалъ ихъ, хотя и признавалъ, что рука на векселѣ точно похожа на его руку, но что онъ денегъ никогда не занималъ и векселя сего не подписывалъ. Началась между ними тяжба. Судъ, хотя и находилъ нѣкоторыя, на догадкахъ основанныя, сумнѣнія въ справедливости сего векселя, однакоже, не имѣя никакихъ ясныхъ противу него доказательствъ и уликъ, представилъ о семъ Государынѣ. Она повелѣла призвать къ себѣ заимодавца и наединѣ увѣщевала его, чтобъ онъ сказалъ ей правду, угрожая при томъ, что если онъ не признается въ винѣ своей, а послѣ какимъ нибудь образомъ откроется, что вексель этотъ дѣйствительно поддѣльный, то уже ничто не спасетъ его отъ строгости законовъ. Заимодавецъ колебался и утверждалъ, что вексель этотъ есть истинный. Екатерина, проницая во взорахъ его нечистоту совѣсти, нападаетъ вдругъ на счастливую догадку. Она знала, что на фабрикахъ дѣлаются на бумагѣ нѣкоторыя изображенія и подпись года, которую иначе разсмотрѣть не можно, какъ держа бумагу противъ свѣта; она подноситъ вексель къ окну и, разсматривая его, находитъ, что бумага сдѣлана послѣ того времени, какъ вексель на ней написанъ. Симъ образомъ ясно изобличаетъ она ложнаго заимодавца и избавляетъ невиннаго отъ заплаты знатнаго числа денегъ, которая привела бы его совершенное его разореніе.

(Происшествіе многимъ извѣстное).

VII.

Екатерина говаривала: vivons et laissons vivre les autres *). Смыслъ сихъ словъ есть слѣдующій: воспользуемся сами пріятностью жизни и другимъ также не помѣшаемъ пользоваться. Изреченіе, достойное сердца

*) Станемъ жить и дадимъ другимъ жить.

Библиотека "Руниверс"

и ума Великой Екатерины. Подлинно, добрые цари сами живутъ и другимъ не мѣшаютъ жить; а худые, напротивъ, безпрестаннымъ мученіемъ другихъ сами безпрестанно мучатся *).

(Слышалъ отъ Ивана Логиновича Голенищева-Кутузова).

VIII.

Во время путешествія своего въ Крымъ Екатерина, вмѣстѣ съ императоромъ Іосифомъ, долженствовала проѣзжать по странамъ, населеннымъ новоприобрѣтенными ею подданными, Татарами. Іосифъ удивляется, что Государыня безъ всякой надежной стражи отъ войскъ, сопровождаемая однимъ только малымъ числомъ вельможъ своихъ, путешествуетъ въ странахъ малолюдныхъ и недавно къ Россіи присоединенныхъ, удивляется и почитаетъ сіе неосторожностью. Подъѣзжаютъ къ селеніямъ. Монархиня съ императоромъ и съ приближенными своими сидитъ въ открытой коляскѣ. Случилось мѣсто нѣсколько гористое, лошади испугались и понесли подъ гору, кучеръ не можетъ удержать ихъ, Екатирина въ опасности; народъ, лишь только сіе увидѣлъ, безъ всякаго понужденія, небрежа своею жизнію, кидается грудами предъ морды несущихъ коней и подъ колеса катящейся быстро колесницы, кидается и останавливаетъ. Сами при этомъ случаѣ больно ушибенные и поврежденные, забывая болѣзнь свою, являли на лицахъ своихъ радость сей Монархинѣ. Такова была Монархиня посреди простыхъ и грубыхъ народовъ, посреди Татаръ, воевавшихъ противъ нея и недавно учинившихся ея подданными. Тогда императоръ сказалъ Екатеринѣ: «Вижу, что вы не имѣете нужды ограждать себя оружіемъ; самая сильнѣйшая и надежнѣйшая стража, любовь народная, охраняетъ васъ».

Сколько Екатерина была любима и уважаема тѣми самыми народами, противъ которыхъ она воевала, тому я самъ видѣлъ нѣкоторыя свидѣтельства. Въ бытность мою въ Константинополѣ (въ 1776 году) встрѣчался я со многими Турками, бывшими у насъ въ плѣну и которые почти всѣ разумѣли, а иные и хорошо говорили, по-русски. Я ни отъ одного изъ нихъ не слыхалъ неудовольствія и жалобъ; напротивъ, каждый съ особливымъ усердіемъ вызывался оказать намъ свои услуги, увѣряя, что онъ въ знакъ благодарности все для насъ дѣлать готовъ; всѣ они съ великимъ благоговѣніемъ произносили имя Императрицы. Однажды случилось мнѣ, стоя въ толпѣ народа, смотрѣть султана, когда онъ ѣхалъ въ мечеть. Многіе Турки и Татары, узнавъ что я Русскій, окружили меня и стали со мною говорить по-русски; между тѣмъ султанъ, посреди многочисленной свиты, проѣзжаетъ мимо насъ; въ сіе время

*) Стало быть, это писано въ царствованіе Павла. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

одинъ изъ Турковъ, видя другого, заговорившагося со мной, толкнулъ его и сказалъ по-русски: «Смотри, смотри, султанъ!» Тотъ на томъ же языкѣ отвѣчалъ: «Ну что за диво? Я и Русскую царицу видалъ».

IX.

Екатерина, сидя на престолѣ, помнила, что она такой же человѣкъ, какъ и всѣ другіе. Однажды, во время шуточныхъ разговоровъ, Пассекъ, генералъ-адъютантъ ея, примѣтя, что она всегда лѣвою рукою брала и нюхала табакъ, спросилъ у нея о причинѣ сей ея привычки. Монархиня отвѣчала: «Правую руку у меня часто цѣлуютъ; кто же не побрезгуетъ, когда она будетъ замарана табакомъ?»

(Слышалъ отъ самого Пасека).

X.

Екатеринино добросердечіе было до удивительной степени разборчиво и нѣжно. Она иногда говаривала: «Я чувствую себя застѣнчивою, когда вступаю въ разговоръ съ незнакомымъ человѣкомъ; мнѣ кажется, что онъ оторопѣетъ и проговорится, а другіе послѣ надъ нимъ смѣяться будутъ». Часто, сказываютъ, видали ее, что когда она въ первый разъ позоветъ къ себѣ кого-нибудь, то между тѣмъ, какъ онъ входитъ, она притворяется, будто она занята чѣмъ нибудь и нарочно медлитъ на него взглянуть и начать съ нимъ рѣчь, дабы дать ему время освободиться отъ перваго смятенія и робости, буде онъ ими объятъ. Мнѣ разсказывалъ посланникъ нашъ въ Дрезденѣ баронъ Местмахеръ, что онъ зналъ одного иностранца, который чрезвычайно былъ ей преданъ за то единственно, что она предохранила его отъ посмѣянія. Онъ посланъ былъ въ Петербургъ при посольствѣ, и надлежало ему въ торжественный день вмѣстѣ съ прочими посланниками представляться Императрицѣ, которая обыкновенно при выходѣ изъ церкви въ комнату, гдѣ всѣ собираются, жаловала ихъ къ рукѣ. Перескажемъ собственныя его слова. Онъ говорилъ: «Имѣя воображеніе, наполненное мудрыми ея дѣлами и громадною славою, я стоялъ съ трепетомъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи въ первый разъ ее увидѣть. Она входитъ. Величественный видъ ея привелъ меня еще въ большее смятеніе и прежде, нежели я успѣлъ освободиться отъ онаго, она уже подлѣ меня, жалуетъ мнѣ руку и начинаетъ говорить со мною. Оторопѣніе мое было такъ велико, что я на эту минуту онѣмѣлъ и не могъ ничего отвѣтить ей на ея вопросъ. Она, примѣтя мое замѣшательство и видя, что я не въ состояніи дать ей никакого отвѣта, вступаетъ въ разговоръ съ другимъ,

Библиотека "Руниверс"

стоящимъ подлѣ меня и продолжаетъ рѣчь довольно долго, потомъ съ ласковымъ видомъ оборачивается ко мнѣ и снова начинаетъ со мною разговаривать. Между тѣмъ первыя движенія во мнѣ уже прошли, и я на вопросъ ея отвѣчалъ порядочно. Она ищетъ продлить со мной разговоръ, разсѣеваетъ мое смущеніе и чрезъ то подаетъ мнѣ случай избавиться отъ толковъ и посмѣяній, которымъ бы я неминуемо подвергся, если бы по особливому, ей только одной свойственному, снисхожденію, не вывела она меня изъ стыда и оставила при первомъ моемъ безмолвіи». Такъ разсказывалъ иностранецъ сей и не могъ никогда безъ благоговѣнія произносить ея имени. Цари, какъ легко можете вы привлекать сердца людей!

(Слышалъ отъ Пассека и отъ Местмахера).

XI.

Екатерина, преступленіе, извѣстное подъ названіемъ *оскорбленія Величества*, поставляла только въ злоупотребленіи противу царской власти; въ прочемъ всякую, относящуюся къ ней брань и хулу почитала личною себѣ обидою, за которую всегда прощала. Многіе въ царствованіе ея случались тому примѣры, изъ которыхъ упомнилъ я только о нѣкоторыхъ. Во время путешествія наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича въ чужіе края, нѣкто флигель-адъютантъ ея, по ненависти къ князю Потемкину, къ которому прежде былъ весьма приверженъ, написалъ къ одному изъ пріятелей своихъ, бывшему тогда съ великимъ княземъ, весьма дерзкое письмо, въ которомъ изображалъ Монархиню слѣпою въ страсти своей, а Потемкина вреднымъ для государства, овладѣвшимъ ею и дѣлающимъ превеликія злоупотребленія. Онъ примѣшалъ къ оклеветаніямъ своимъ ругательныя слова и весьма колкую для обоихъ брань. Письмо нечаяннымъ случаемъ было распечатано и, какъ содержащее въ себѣ важное дѣло, отослано ко двору. Преступникъ задержанъ, допрошенъ; велѣно было съ величайшею строгостью развѣдать о тѣхъ злоупотребленіяхъ, о которыхъ онъ въ письмѣ своемъ упоминалъ. Ничего не найдено, и напослѣдокъ самъ виновный признался, что на объявленныя имъ вещи смотрѣлъ онъ больше глазами досады своей, нежели глазами справедливости. Надлежало сдѣлать надъ нимъ приговоръ. Екатерина снимаетъ съ него званіе флигель-адъютанта, сказавъ, что человѣка, изъявившаго столь худое расположеніе сердца своего къ ней, не можетъ она держать при своемъ лицѣ. Впрочемъ, въ томъ же полковничьемъ чинѣ отсылаетъ его къ войскамъ, приказавъ только, чтобы онъ впредь до повелѣнія ея служилъ всегда подъ начальствомъ. При освобожденіи его изъ подъ стражи, прежде отправленія въ

Библиотека "Руниверс"

полкъ, позволено было всѣмъ его родственникамъ и пріятелямъ съ нимъ увидѣться и во время сего вмѣстѣ радостнаго и плачевнаго свиданія онъ ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ только о томъ, что онъ ни толь снисходительнаго съ нимъ обхожденія во время пребыванія его подъ стражею, ни толь кроткаго за вину свою наказанія воображать не могъ.

Въ другое время, нѣкто молодой человѣкъ изъявилъ на бумагѣ дерзкія о ней мысли. Онъ не объявилъ никакихъ причинъ, за что ее винить, но только самыми подлыми и площадными словами обругалъ ее безъ всякаго милосердія. Письмо сіе, неизвѣстно какимъ образомъ, попалось въ руки правительства. Преступникъ тотчасъ былъ взятъ и посаженъ подъ стражу. Генералъ-прокуроръ приходитъ докладывать о семъ Императрицѣ. Она требуетъ отъ него письма; онъ говоритъ ей: «я долженъ ваше величество предувѣдомить, что оно не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ пустой, изрыгнутой противу васъ брани и что наполнено такимъ сквернословіемъ, которое женщинѣ и показать неприлично».—«Подай, сказала Императрица: чего не велитъ мнѣ читать стыдливость женщины, то велитъ читать долгъ царицы». Генералъ-прокуроръ съ потупленными глазами подаетъ ей оное. Она читаетъ, искры гнѣва часто сверкаютъ изъ очей ея, но тотчасъ потухаютъ; прочла, бросила въ каминъ и, прошедъ нѣсколько разъ по комнатѣ, оборачивается къ генералъ-прокурору и съ улыбкою говоритъ ему: «Этотъ человѣкъ самъ не знаетъ, за что меня браниТъ; мнѣ кажется, я у него виновата за то, что онъ или промотался, или поссорился съ кѣмъ нибудь, или проигрался. Пожалуй, призови его къ себѣ и самымъ тихимъ образомъ и ласковымъ отъ меня выспроси, чѣмъ я передъ нимъ проступилась. Уговори его, чтобы онъ не опасался никакого наказанія открыть тебѣ тайную причину своего на меня неудовольствія; пожалуй, исполни это въ точности». Генералъ-прокуроръ, удивленный, тронутый до слезъ сими кроткими словами, отходитъ отъ нея. Онъ посылаетъ за преступникомъ, сей входитъ къ нему съ лицомъ отчаяннымъ, глазами сверкающими, но голосомъ твердымъ и безбоязненнымъ говоритъ ему: «Что вамъ угодно? Подтвердить, мною ли это письмо писано? Подтверждаю. Объявить мнѣ ссылку, заточеніе или казнь? Я на все готовъ». Генералъ-прокуроръ чтиво и съ кротостью проситъ его сѣсть, самъ садится подлѣ него, кличетъ человѣка, велитъ подать чаю и начинаетъ съ нимъ говорить: «Пожалуйста успокойтесь и будьте увѣрены, что съ вами ничего худого не случится». Между тѣмъ приноситъ чай; хозяинъ беретъ чашку и проситъ гостя взять другую, разговариваетъ съ нимъ ласково, примѣчаетъ изъ лица его, что первая пылкость чувствъ потухаетъ въ немъ и на мѣсто ея появляется нѣкоторый родъ мягко-

Библиотека "Руниверс"

сердечія и удивленія. Тогда пересказываетъ онъ изустныя слова обруганной имъ Монархини. Молодой человѣкъ превращается въ камень, не вѣритъ словамъ генералъ-прокурора; сей божится ему, что онъ не прибавилъ отъ себя ни полслова. Напослѣдокъ слезы брызнули изъ очей преступника, и онъ проситъ хозяина позволить ему нѣсколько минутъ остаться наединѣ и дать ему чернильницу и листъ бумаги. Хозяинъ исполняетъ по его волѣ. Онъ беретъ перо, пишетъ: «Государыня, я ищу въ сердцѣ своемъ причинъ моей на тебя злости, и поступки твои со мною, конечно, вызвали бы ихъ, хотя бы онѣ заперты были въ глубинѣ души моей; но нѣтъ ихъ—я ищу и не нахожу. Самъ не знаю, отчего родилась моя на тебя досада. Ты ничего не сдѣлала мнѣ, но я на тебя былъ золъ, и такъ золъ, что одними только такими поступками, какіе ты со мной дѣлаешь, начинаю я образумливаться и чувствовать, что я не правъ передъ тобою. Ты вселяешь въ меня такое о тебѣ понятіе, какого я доселѣ никогда не имѣлъ или, лучше скажу, не хотѣлъ, и это въ жизни моей первая минута, въ которую вижу я въ тебѣ невинность, а во мнѣ желчь. Вотъ чистосердечное признаніе, котораго ты отъ меня требовала. Я не утаилъ отъ тебя ничего и не прошу у тебя ни пощады, ни казни: дѣлай, что̀ тебѣ велитъ твое сердце». Послѣ сего генералъ-прокуроръ вошелъ къ нему, отпустилъ его отъ себя и отнесъ сіи строки къ Императрицѣ. Она прочитала ихъ и велѣла сказать ему, чтобы онъ избралъ по своему желанію одинъ изъ уѣздныхъ городовъ и ѣхалъ туда жить; между тѣмъ приказала отпустить ему на дорогу пять сотъ червонныхъ и дать губернатору того мѣста, куда онъ поѣдетъ, тайное повелѣніе, чтобы онъ изъ подъ руки за поведеніемъ его присматривалъ.

Нѣкогда въ Москвѣ появились написанные противъ нее самые злые и бранные стихи, тѣмъ болѣе вредные, что удачно были сочинены и наполнены ѣдкостью и остротою. Стихи сіи тотчасъ по всюду распространились. Градоначальникъ Московскій, какъ скоро узналъ о томъ, тужъ минуту отослалъ ихъ въ Петербургъ, донося при томъ, что онъ всевозможное употребитъ стараніе къ отысканію сочинителя оныхъ. Государыня, прочитавъ ихъ, сказала: «Не для чего отыскивать; онъ, скрывая имя свое, больше себя бранитъ, нежели меня, потому что честные люди, когда что сдѣлаютъ, имени своего не скрываютъ». Вскорѣ потомъ Московскій градоначальникъ отыскалъ сочинителя и донесъ о немъ. Подаютъ Императрицѣ бумагу, сказывая, что оная содержитъ въ себѣ имя сочинителя стиховъ. Государыня взяла бумагу, разодрала ее, не прочитавъ, и произнесла сіи достопамятныя слова: «Скажите ему, что я не хочу имени его знать».

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣкоторомъ маленькомъ городкѣ нетрезваго поведенія дьячекъ зашелъ въ кабакъ и тамъ, напившись пьянъ, сталъ худо говорить о Государынѣ, а на послѣдокъ и непристойными словами ее ругать. Другіе пьяные вступились за нее, связали его и привели къ начальнику. Начальникъ отнесся къ другому, и дошло сіе до губернатора. Губернаторъ велѣлъ дьячка содержать подъ стражею и написалъ о семъ къ генералъ-прокурору; сей докладываетъ Императрицѣ. Рѣшеніе ея было слѣдующее: «Какъ въ дѣлѣ семъ не видно никакого злоумышленія и заговоровъ, а только пустословіе нетрезваго человѣка, то губернатору написать, что, зная образъ мыслей ея величества, напрасно онъ такой доносъ принялъ и уважилъ. Дьячка изъ подъ стражи освободить и отослать къ архіерею для наказанія, не за то, что онъ пьяный вралъ про Государыню, но за то, для чего онъ, будучи въ духовномъ чинѣ, ведетъ невоздержанную жизнь и ходитъ по кабакамъ».

(Первому изъ сихъ четырехъ приключеніевъ былъ и самъ свидѣтелемъ, а о послѣднихъ слышалъ я отъ графа А. И. Самойлова, бывшаго тогда генералъ-прокуроромъ).

XII.

Совершеннаго человѣка нѣтъ на свѣтѣ. Единъ Богъ совершенъ. Екатерина имѣла слабости, но и онѣ самыя возвышаютъ ее: она бы меньше была, если бы ихъ не имѣла. Какъ щедрость и безстрастіе духа оцѣниваются по числу окружающихъ насъ опасностей, такъ и твердость души въ правилахъ добродѣтели измѣряется силою нападающихъ на нее чувствъ. Когда чувства хладны и молчатъ, тогда разуму не трудно покорять ихъ подъ власть свою; но когда они со всею своею пылостью нападаютъ на него, тогда-то трудно обороняться отъ нихъ, тогда-то славно преодолѣть ихъ и свергнуть съ себя ихъ иго. Древо не тогда твердо, когда противится легкимъ вѣтеркамъ, но когда противостоитъ вихрямъ и бурямъ. Екатерина имѣла слабости: любовная страсть всегда владычествовала въ ея сердцѣ и не прежде какъ вмѣстѣ съ нею погасла. Такъ, она имѣла слабости; но никто изъ смертныхъ не дерзнетъ сказать: «Я въ слабостяхъ своихъ умѣлъ лучше повелѣвать собою, нежели Екатерина». Нѣтъ, бытописаніе не имѣетъ и не будетъ имѣть такого примѣра величія души, какой оставила намъ Екатерина Вторая. Престаньте, смертные, укорять ее; вы имѣете въ себѣ ея слабости и никогда не возвыситесь до твердости души ея. Она въ преклонныхъ уже лѣтахъ своихъ полюбила одного молодаго человѣка, ввѣрилась ему, назвала его своимъ другомъ, возвысила, обогатила, приблизила къ своему престолу, привыкла и прилѣпилась къ нему сердцемъ и душою. Чрезъ нѣсколько лѣтъ человѣкъ сей влюб-

Библиотека "Руниверс"

ляется въ одну изъ придворныхъ ея дѣвицъ. Колеблется, борется самъ съ собою; наконецъ страсть превозмогаетъ. Онъ, заглуша въ себѣ гласъ благодарности, гласъ любочестія и страхъ, приходитъ къ Екатеринѣ, открываетъ ей состояніе своего сердца и проситъ позволенія сочетаться бракомъ съ избранною имъ невѣстою. Надобно слабѣйшему изъ животныхъ много надѣяться на благость львинаго сердца, дабы приближиться къ нему съ таковымъ оскорбительнымъ предложеніемъ. Екатерина, выслушавъ слова его, поблѣднѣла, едва могла устоять на ногахъ. Она воззрѣла на него взоромъ, преисполненнымъ гнѣва, печали и удивленія. Повелѣла ему выйти вонъ. Горесть ея казалась быть безуспѣшною и опасною ея здоровью. Тотчасъ послано было за врачами, чтобы ей бросить кровь. Представимъ теперь себѣ Екатерину и вообразимъ себя на ея мѣстѣ: она женщина, женщина въ преклонныхъ лѣтахъ, женщина, пылающая любовью, женщина самодержавная. Сложивъ всѣ сіи состоянія, всѣ вмѣстѣ преогорченныя, вспыхнувшія печалью, гордостью, стыдомъ, гнѣвомъ и нападающія на великую душу Екатерины: сколько пламенныхъ противоборцовъ совѣтамъ хладнаго разсудка. Женщина, преклонностью лѣтъ укоренная и раздраженная презрѣніемъ, говоритъ въ ней: «Ничтожный человѣкъ, неблагодарный рабъ твой, облагодѣтельствованный тобою, неслыханно дерзкій, тебя презираетъ, покрываетъ стыдомъ, называетъ явно и при всѣхъ безобразною, старою, недостойною его любви и лучше хочетъ съ молодою рабынею твоею быть въ ничтожествѣ, нежели съ тобою на высотѣ престола. Можешь ли ты снести такое для женщины нестерпимое, колкое, обидное поруганіе?» Женщина, пылающая любовью, говоритъ въ ней: «Ты должна мучиться, терзаться, отстать отъ своихъ утѣхъ, быть на престолѣ несчастною, между тѣмъ какъ достойная всей твоей ненависти и гнѣва, неблагодарная чета будетъ, лиша тебя спокойствія, торжествовать и радоваться? Можешь ли ты за причиненную тебѣ столь жестокую скорбь позволить имъ неслыханною дерзостью своею спокойно наслаждаться?» Женщина самодержавная говоритъ въ ней: «Ты обладательница Сѣвера, въ рукахъ твоихъ громъ и молніи. У ногъ твоихъ лежатъ милліоны народовъ, и что же? Непримѣтный малѣйшій червь, ничтожный предъ тобою, забывъ о величіи твоего сана, о могуществѣ твоей десницы, о благодѣяніяхъ твоихъ и щедротахъ, о нѣжной любви твоей къ нему и о томъ, что ты женщина, дерзаетъ поражать тебя въ самое чувствительнѣйшее мѣсто сердца человѣческаго и самымъ жесточайшимъ оружіемъ: могущество власти, горячность любви и гордость пола раздражаетъ презрѣніемъ. Потерпишь ли ты сіе, ты, которая единымъ дуновеніемъ можешь уничтожить сего дерзновеннѣйшаго?» Такъ вопіютъ въ Екатеринѣ оскорбленныя страсти. Одна несетъ къ ней мечъ,

Библиотека "Руниверс"

другая стрѣлы мщенія, третья перуны, и всѣ вмѣстѣ восклицаютъ: «Рази, карай!» Великая душа ея посреди сихъ обуреваній стоитъ, какъ камень посреди волнъ. Сколь ни сильно колеблютъ ее страсти, но не скоро могутъ подвигнуть намѣреніе на погубленіе человѣка. Напослѣдокъ, по долгомъ размышленіи, разумъ ея, на подобіе окруженнаго непріятелями непобѣдимаго воина, выдирается изъ круга нападающихъ на него страстей, и она такъ сама себѣ вѣщаетъ: «Не воображала я, чтобы на толикой высотѣ величія и славы могъ сыскаться человѣкъ, который бы имѣлъ дерзновеніе не только приключить мнѣ жестокостью печаль, но даже обидѣть во мнѣ и власть мою, и полъ мой, и самолюбіе мое, обругать меня, презрѣть. Я приняла, возвеличила его съ такою горячностью, съ какою неблагодарностью онъ меня отринулъ, уничтожилъ. Сердце мое страждетъ, больно мнѣ быть презрѣнною, горько мнѣ послѣ такого вѣроломнаго со мною поступка видѣть его благополучнымъ. Страсть моя противится увѣнчанію его желаній, гнѣвъ нудитъ меня къ мести, и месть ничего не стоитъ мнѣ, даже не можетъ она ни малѣйшимъ образомъ затмить моей славы, потому что почти справедлива. Такой ли малый слѣдъ оставляло по себѣ огорченное самолюбіе царей, раздраженная власть боговъ земныхъ? Грады рушились и области превращались въ пепелъ. Родъ человѣческій несовершенъ; цари суть люди—я человѣкъ и еще изъ слабѣйшаго женскаго пола, все вооружаетъ руку мою и все извиняетъ меня. Такъ. Но я царица, просвѣщающая народы, законодательница, возстановляющая права человѣчества—свободу. Я истребляю мучительства и защищаю невинность. Законы мои, совѣсть, правила мои, кротость и милосердіе, возносятъ выше всѣхъ умствованій, я должна быть выше всѣхъ и твердостью, правдою, законохраненіемъ или, лучше скажу, умягченіемъ. За что буду я мстить ему?—Какъ за что? Онъ оказалъ ко мнѣ презрѣніе и огорчилъ во мнѣ какъ сердечныя чувства мои, такъ и гордость женскую.—Все это правда, но чтобы не огорчить меня, надлежало ему самого себя огорчить, надлежало для тщеславія попрать любовь и быть въ самомъ сердцѣ моемъ, только до тѣхъ поръ правымъ и почтеннымъ, покуда оно пристрастно и слѣпо. Оскорбленіе моего сердца почитаю я за велико, для того, что я царица, а оскорбленіе его сердца почитаю за ничто, для того, что онъ подданный. Гордость женскую въ себѣ полагаю, а въ невѣстѣ его не полагаю. Такимъ образомъ забываю, что я человѣкъ и, будучи смертная, возношусь выше человѣчества. Однакожъ и не чувствовать столь тяжкихъ оскорбленій есть выше человѣчества. Онъ не только простылъ ко мнѣ, охладѣлъ, оставилъ меня, но предпочелъ мнѣ молодость и чрезъ то грубѣйшимъ образомъ укорилъ, напомнилъ явно, сказалъ, что я уже состарилась: можетъ ли что нибудь

Библиотека "Руниверс"

быть жесточе сего для женщины, которая хочетъ это отъ самой себя утаить и желаетъ еще нравиться? Онъ какъ будто нарочно вымышлялъ, какъ бы напасть на меня съ той стороны, съ которой я слабѣе и какъ бы всей силой поразить меня въ то мѣсто, до котораго и дотронуться больно. Можно ли, естественно ли человѣку сего не чувствовать? Такъ. Но что же я изъ того заключить хочу? Не то ли, что трудно не повиноваться совѣтамъ раздраженныхъ чувствъ? Изъ слабости сердца помышляю я упасть въ порокъ нрава. Иное время чувствовать оскорбленіе, иное мстить за него: однѣ только малыя души, не знающія истинной славы, почитаютъ обѣ сія вещи неразлучно сопряженными. Какую вину нахожу я въ немъ? Развѣ не естественно любить то, что̀ красивѣе и моложе? Онъ мнѣ по той же самой причинѣ понравился; я оправдываю мою слабость и не позволяю ему быть слабымъ. Но онъ осмѣлился презрѣть во мнѣ царицу, обладательницу народовъ, подалъ примѣръ къ неуваженію власти. Неправда,—онъ не царское достоинство пренебрегъ во мнѣ, но только черты лица моего. Какъ легко страсти человѣка ведутъ его къ не правосудію! Вотъ уже чуть не смѣшала я невинность съ преступленіемъ. По крайней мѣрѣ онъ забылъ мои благодѣянія. Но чего я за благодѣянія мои отъ него требую? Чтобы онъ сдѣлался несчастнымъ, отсталъ отъ любви своей, лишился таковаго блага, которое онъ безъ сомнѣнія почитаетъ выше всѣхъ почестей и сокровищъ, потому что для него отказался отъ нихъ. Какъ? Мои благодѣянія будутъ причиною его несчастія и должны въ немъ рождать благодарность? На какой справедливости основываются сіи мои требованія? На моихъ страстяхъ, а не на равенствѣ чувствъ человѣческихъ. Вся вина его состоитъ въ томъ, что я сильная властію и слабою душою женщина. Опираясь на сіи права, мечтаю я, что не мнѣ отъ него, но ему отъ меня страдать прилично и что я въ великости состоянія своего великодушною быть должна. Симъ ли путемъ иду я во храмъ славы? Какъ я хочу, чтобы родъ человѣческій видѣлъ во мнѣ повелительницу, и покажу примѣръ, что душа моя была слабѣе моего сердца? Какъ, я хочу быть великою и колеблюсь между минутною слабостью мщенія и безсмертною славою простить моему врагу? Какъ, я сойду съ престола карать его и унижусь передъ нимъ тогда, когда новыми за оскорбленіе благодѣяніями могу сравнить въ себѣ человѣка съ монархомъ и оскорбителя моего такъ далеко поставить отъ меня душею, какъ онъ далекъ состояніемъ? Какъ, я проповѣдываю кротость и не имѣю твердости воспротивиться гласу гнѣва, пишу законы и сама не умѣю покоряться законамъ разсудка? Да не будетъ сего—умолкни во мнѣ любовь. Умолкни гнѣвъ. Умолкни оскорбленное самолюбіе женщины. Тщетно свирѣпствуете вы въ разстроганномъ мо-

Библиотека "Руниверс"

емъ сердцѣ, тщетно твердость души моей потрясаете, тщетно ополчаете вы руку мою, вы безсильны разлучить меня съ милосердіемъ. Побѣждайте обыкновенныхъ царей: Екатерина, какъ въ правленіи народами, такъ и въ преодолѣніи себя самой всегда будетъ Екатериною». Таковы или подобныя симъ, судя по слѣдствіямъ, долженствовали быть размышленія Императрицы, ибо она призываетъ къ себѣ оскорбителя своего, позволяетъ ему сочетаться бракомъ и посылаетъ къ невѣстѣ его пребогатый подарокъ. Человѣкъ сей, ободренный неслыханными съ нимъ милосердными поступками, не довольствуется оными, дерзаетъ еще болѣе; онъ становится на колѣни и говоритъ: «Всемилостивѣйшая Государыня, вы ни одной изъ дѣвицъ вашихъ не отпускали въ церковь безъ того, чтобы не удостоить собственными руками вашими нарядить ихъ къ вѣнцу. Не лишите сей милости и моей невѣсты». Монархиня содрогается, кровь ея кипитъ, сердце разрывается въ ней и стонетъ, но она стѣсняетъ всѣ вопіющія въ груди ея страсти и силою разума велитъ имъ молчать. Посылаетъ за невѣстою, за сею торжествующею надъ нею счастливой соперницей, наряжаетъ ее собственными своими руками, украшаетъ голову ея блистающими драгоцѣнностями*) и съ трепещущимъ сердцемъ, но твердымъ разумомъ, вручаетъ ее посаженному отцу для препровожденія въ церковь. Чрезъ нѣсколько дней по совершеніи брака новобрачные отъѣзжаютъ, приходятъ къ ней откланяться; она поздравляетъ ихъ, желаетъ имъ благополучной жизни, осыпаетъ ихъ новыми благодѣяніями и съ честью отпускаетъ. Вотъ Екатерина. Пусть сыщутъ другой примѣръ сему подобный въ бытописаніяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Во время сего достопамятнаго приключенія были еще два происшествія, достойныя того, чтобы объ нихъ упомянуть.

1-е. Неудивительно, что сему любимцу Екатерина съ той самой минуты, какъ онъ дерзнулъ пренебречь нѣжныя ея къ нему чувствованія, неловко уже было появляться при дворѣ и предстоять предъ ея глазами. Сего ради до самаго дня бракосочетанія своего рѣшился онъ сказываться больнымъ и не выходить изъ своихъ покоевъ. Перемѣна въ царѣ производитъ тотчасъ перемѣну въ обращеніи придворныхъ. Комнаты прежняго любимца наполнены были первѣйшихъ степеней людьми, но теперь никто къ нему не заглянетъ; онъ сидитъ одинъ, отъ всѣхъ оставленъ. Екатерина по вечерамъ выходила въ собраніе, состоявшее изъ немногаго числа знаменитѣйшихъ и приближенныхъ къ ней особъ. Опечаленное и оскорбительное въ ней сердце женщины не пре-

*) По преданію, Екатерина при этомъ слегка уколола княжну Дарью Ѳедоровну Щербатову въ голову. Мамоновъ скоро запросился назадъ. См. „Р. Арх.“ 1865, стр. 851. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

пятствовало ей быть царицею. На третій или на четвертый день сего приключенія подходитъ она къ одному изъ вельможъ, бывшихъ въ семъ собраніи и, назвавъ того, кѣмъ она только огорчена по имени и отчеству, спрашиваетъ, давно ли онъ его видѣлъ? Всѣ удивились сему неожиданному вопросу. Вельможа съ нѣкоторымъ оторопѣніемъ отвѣчалъ, что онъ, слыша о болѣзни его, не могъ съ нимъ видѣться. «Мнѣ кажется, сказала сухо Императрица, тогда-то и должно посѣщать людей, когда они нездоровы». Сіи слова тотчасъ всѣми были замѣчены. На другой день комнаты бывшаго любимца, къ великому его удивленію, столько же были полны, какъ и прежде.

2-е. Екатерина узнала, что одна изъ комнатныхъ ея дѣвицъ много способствовала къ утвержденію связи между симъ любимцемъ ея и избранною имъ невѣстою. Она была между ними посредницей и доставляла имъ тайныя свиданія. Толь великая неблагодарность и предосудительная для дѣвицы услуга долженствовала по справедливости подвигнуть Государыню на гнѣвъ и очернить въ мысляхъ ея сію недостойную рабу, носившую на себѣ знаки ея милостей. Сіе не могло быть иначе. Но какъ же изливаетъ она гнѣвъ свой? Какъ мстить за сдѣланное себѣ оскорбленіе? Удаляетъ ее только отъ двора и послѣ чрезъ долгое время, когда случалось доходила рѣчь о сей дѣвицѣ, никто никогда не слыхалъ, чтобы Екатерина сказала что-нибудь къ поврежденію ея имени.

Наконецъ, достойно примѣчанія и то, что сей бракъ, приключившій толикую печаль Екатеринѣ и при которомъ показала она столько великодушія, не былъ никогда счастливъ. Новобрачные вскорѣ охладѣли другъ къ другу и, при всемъ своемъ богатствѣ, полученномъ отъ щедротъ Екатерины, вели жизнь уединенную, мрачную и весьма несогласную *).

(Происшествіе всѣмъ извѣстное).

XIII.

Екатерина въ самыхъ нечаянныхъ случаяхъ умѣла соблюдать присутствіе ума и духа. Она въ одинъ прекрасный лѣтній день пошла въ сопровожденіи своихъ придворныхъ прогуливаться по набережной. Передъ нею бѣжитъ любимая ея Аглицкая собочка. Вдругъ изъ дома секретаря ея Храповицкаго выбѣгаетъ большая, презлючая собачища и кидается на императрицину собачку, которая, ища спасенія, брасается къ ней подъ ноги, и большая собака у самыхъ ея ногъ схватила сію

*) Писано, когда еще были въ живыхъ сынъ и дочь, происшедшіе отъ этого брака. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

маленькую. Всѣ испугались; нѣкоторые изъ придворныхъ, сочтя сію собаку бѣшеною и думая, что она бросилась на Государыню, закричали и обнажили свои шпаги. Екатерина при толь опасномъ и по незапности своей весьма страшномъ происшествіи не только не испугалась или по крайней мѣрѣ не изъявила никакого страха, но даже ни на шагъ не отступила назадъ и, ободряя другихъ, чтобы они за нее не боялись, вмѣстѣ съ ними только о спасеніи собачки своей заботилась. Тотчасъ принесено было нѣсколько ведеръ воды и когда начали оную лить на большую собаку, то она принуждена была оставить добычу свою, которую изгрызла крѣпко, но не смертельно. Собака сія слугами Храповицкаго натравлена была кидаться на другихъ собакъ. Когда господинъ ихъ возвратился домой и узналъ о семъ приключеніи, то оное столько его поразило, что онъ едва не впалъ въ отчаяніе. На другой день надлежало ему по должности своей идти съ дѣлами къ Императрицѣ. Онъ подходитъ къ ней съ трепетомъ и хотя увѣренъ былъ въ кротости ея, но сожалѣніе приключить ей непріятность и опасеніе заслужить отъ нея одинъ взглядъ неудовольствія, могли больше потрясать чувства, нежели ярость и цѣпи мучителей. Вотъ слова Императрицы, сказанныя при семъ случаѣ Храповицкому: «Вы держите въ домѣ своемъ злую собаку, которая безпокоитъ прохожихъ и можетъ кому нибудь вредъ причинить; велите отослать ее на Волынскій дворъ, гдѣ такихъ собакъ держатъ на привязи».

(Отъ сенатора Ивана Семеновича Захарова, бывшаго свидѣтелемъ сего приключенія).

XIV.

Екатерина каждому позволяла къ себѣ писать и всякое письмо сама читала. Многія вздорныя и недѣльныя просьбы, которыя оставляла она безъ вниманія, не могли ей столько наскучить, чтобы между ними не выискивать тѣхъ, которыя по справедливости или по человѣколюбію долженствовали быть удовлетворены. Ей казалось, что она не исполнитъ долга матери, когда отвратитъ слухъ свой отъ вопля своихъ дѣтей, хотя бы изъ нихъ кто и недѣльно прибѣгалъ. Въ Москвѣ жили двѣ сестры, дворянскія дочери, сироты, оставшіяся послѣ отца и матери въ младости и крайней бѣдности. Екатерина отъ одной изъ сихъ дѣвицъ получаетъ письмо, въ которомъ она описываетъ состояніе свое и жалуется на неправосудіе Московскаго градоначальника, прогнавшаго ее отъ себя и не хотѣвшаго удовлетворить нѣкоторой справедливой ея просьбы. Монархиня поручаетъ бывшему рекетмейстеру Терскому взять отъ Московскаго градоначальника объясненіе по сей приносимой на него жалобѣ. Таковой поступокъ сей дѣвицы раздражаетъ, какъ са-

Библиотека "Руниверс"

мого градоначальника, такъ и другія, подчиненныя ему власти; а потому въ присланныхъ Терскому объясненіяхъ, между прочимъ, сказано было о сей просительницѣ, что она точно сирота, дворянская дочь, но что ведетъ распутную жизнь и поведеніемъ своимъ не соотвѣтствуетъ своему званію. Къ сему донесенію приложены были еще свидѣтельства отъ другихъ полицейскихъ чиновниковъ, которые всѣ отзывались о ней весьма худо. Екатерина охотно слушала, когда кого хвалятъ, но въ похуленіяхъ всегда сумнѣвалась, опасаясь повѣрить клеветѣ. Прочитавъ полученныя о семъ бумаги, она тотчасъ вообразила себѣ, что можетъ быть въ сихъ донесеніяхъ и свидѣтельствахъ не столько участвуетъ истина, сколько досада на жалобу и обыкновенное въ такихъ обстоятельствахъ угожденіе отъ подчиненныхъ начальнику. Но сіе подозрѣніе могло быть какъ справедливо, такъ и несправедливо. Въ подобныхъ сумнѣніяхъ осторожность Екатеринина была подлинно мудрымъ только царямъ свойственная. Она не довѣряла ни той, ни другой сторонѣ и сколько, въ случаяхъ нападковъ, желала спасти невинность, сколько же, въ случаѣ безпрестанныхъ поступокъ, опасалась изъявленіемъ подозрѣнія оскорбить честолюбіе начальства. Сего ради, дабы съ одной стороны вопіющую къ ней сироту не оставить безъ вниманія, а съ другой, чтобы не показать явной къ начальству недовѣренности, призываетъ она къ себѣ бывшаго тогда при ней статсъ-секретаря Державина. Она сидѣла за уборнымъ столикомъ. Державинъ входитъ, она встаетъ съ креселъ, держа въ рукахъ бумаги; высокій ростъ, величественный видъ, бѣлое одѣяніе и распущенные по немъ длинные сѣдые волосы представляютъ ее богинею. «Возьми сіи бумаги, сказала она Державину, прочитай ихъ, ты увидишь о чемъ идетъ дѣло; надобно безъ огласки узнать, кто правъ, кто виноватъ; такъ пожалуй, украдь мнѣ эту дѣвицу изъ Москвы и привези сюда, не объявляя никому моего повелѣнія». Державинъ, получа приказаніе, отходитъ, посылаетъ за дѣвицею; ее привозятъ тайно, и она живетъ у него въ домѣ. Время и примѣчанія за ней показываютъ, что Московскіе градоначальники не совсѣмъ ложно о ней доносили; Екатерина, узнавъ подробнѣе о ея поведеніи и почитая, что можетъ быть бѣдность столько же участвуетъ въ томъ, сколько и молодость, приказала отпустить ее и дать ей три тысячи рублей на приданое.

(Отъ Гаврилы Романовича Державина).

XV.

Нѣкогда Екатерина въ Царскомъ Селѣ, прогуливаясь по саду, находитъ въ одномъ мѣстѣ поставленную подлѣ дороги маленькую, наподобіе игрушки, весьма искусно сдѣланную вѣтреную мельницу, у

Библиотека "Руниверс"

которой на одной сторонѣ написано было: «Мели, мели, да денежки бери», а на другой: «Преображенскаго полку гренадеръ Александровъ». Государыня останавливается, читаетъ надписи, разсматриваетъ работу сей мельницы, кладетъ въ нее пять имперіаловъ и, разсмѣявшись, уходитъ. По прибытіи въ свои комнаты, приказала она положенные въ мельницу имперіалы отдать тому гренадеру, котораго имя на ней написано, однакожъ велѣла его и съ мельницей отослать въ Петербургъ къ полковому начальнику. Солдата привезли, начальникъ кричитъ на него и хочетъ наказать за выдумку, хотя не худую, однакожъ довольно смѣлую, но въ тоже самое время съ нарочно посланнымъ получаетъ собственноручную отъ Императрицы слѣдующаго содержанія записку: «Солдата не наказывать, а только прочитать ему законъ, что бываетъ тому, кто безъ позволенія на чужой землѣ мельницу поставитъ».

(Слышалъ отъ офицеровъ, бывшихъ въ томъ полку).

XVI.

Высокое состояніе царей не умножаетъ естественныхъ силъ ихъ, напротивъ, весьма способствуетъ къ уменьшенію оныхъ. Нѣга и лѣность не любятъ жить въ хижинахъ подъ однимъ кровомъ съ нуждою, трудомъ и зависимостью: нѣтъ, онѣ ишутъ царскихъ чертоговъ, позлащенныхъ стѣнъ, мягкаго одра, сладкихъ яствъ. Онѣ всего болѣе любятъ властвовать надъ тѣмъ человѣкомъ, кто никому неподвластенъ. Екатерина строгимъ наблюденіемъ правилъ, которыя она сама себѣ предписала, умѣла обуздывать ихъ наглость. Нѣга боялась приближиться къ ея одру, лѣность не смѣла подавать ей своихъ совѣтовъ, праздность не дерзала вступить въ ея чертоги. Никогда посвященнаго трудамъ часу не отсрочивала она ни для свѣтлаго зовущаго грѣть солнца, ни для мрачной отягощающей чувства погоды; никто не ожидалъ ея ни минуты, не только многолюдное народное собраніе, но и одинъ человѣкъ. Часъ назначенный ударялъ, Екатерина являлась. Между многолюдными государственными дѣлами и заботами находила она время просвѣщать умъ свой чтеніемъ полезныхъ книгъ, ибо знала, что никто царю не скажетъ такой смѣлой правды, какъ книга, которая не боится показывать ему порочныя его дѣла, подобно какъ зеркало показываетъ недостатки его лица. Вставала всегда въ 6 часовъ утра, обувалась и одѣвалась сама. Въ одинъ день, служившая при ней госпожа Перекусихина входитъ въ обыкновенное время въ ея спальню, разбужаетъ ее, кладетъ подлѣ нея обувь и одежду. Екатерина, обуваясь, нѣчто проговорила. Госпожа Перекусихина, не вслушавшись въ слова ея, подходитъ у нея спросить, что такое она ей приказывала?

Библиотека "Руниверс"

Екатерина отвѣчала: «Такъ, ничего». Потомъ она обулась, надѣла на себя спальное свое платье, притерлась по обыкновенію льдомъ и выпила чашку кофею; тогда сказала она Перекусихиной: «Давеча я тебѣ что-то говорила; но это было еще во снѣ, я до тѣхъ поръ не просыпаюсь хорошенько, покуда не притрусь льдомъ и не напьюсь кофею. Правду тебѣ сказать, мнѣ такъ же какъ и другимъ хочется поспать и полѣниться, я очень наклонна къ нѣгѣ и ежели хотя бы немного дала ей воли надъ собою, такъ бы она меня тотчасъ осилила; но у меня есть противъ нее лѣкарство: какъ я вспомню, что одинъ часъ моего покоя можетъ приключить долгое терпѣніе и безпокойство многимъ людямъ, то при сей мысли рождаются во мнѣ силы и охота къ трудамъ».

(Отъ самой Марьи Саввишны Перекусихиной).

XVII.

Въ первые годы правленія Екатерины Второй клевета часто восшествіе ее на престолъ черными изображала красками. Многіе безпокойные умы словами и намѣреніями противъ нее возставали. Екатерина умѣла укрощать сіи неосновательныя роптанія. Не строгими мѣрами, не подслушиваніями и доносами, паче умножающими, нежели потушающими зло, заграждала она уста нечестивыхъ, но мудрымъ объ отечествѣ попеченіемъ, громкою славою и благими дѣлами возбуждала къ себѣ общую любовь. Тогда клевета и ненависть, при всей данной имъ свободѣ, устыдились и онѣмѣли. Вскорѣ по вступленіи ея на престолъ открывается покушеніе на жизнь ея. Два или три офицера, присовокупя къ себѣ нѣсколько сообщниковъ, дѣлаютъ заговоръ. Преступники взяты, отданы подъ судъ, обличены, признались сами и вмѣсто смерти осуждены: лишенные чиновъ и дворянства, быть сосланы въ заточеніе. Между прочими по сему дѣлу виновниками была одна молодая благородная женщина, обвиняемая въ томъ, что она о семъ тайномъ умыслѣ имѣла свѣдѣнія и не открыла онаго. Докладываютъ о ней Императрицѣ, представляя, что женщина, какъ изобличенная въ участвованіи сего преступленія, должна также по всей строгости законовъ быть наказана. Екатерина останавливается; хотя не сумнѣвается она въ истинѣ сего донесенія, но думаетъ: какимъ образомъ женщина, до нея недоступная, могла сдѣлаться сообщницей заговорщиковъ? На что она имъ надобна? Буде же какъ-нибудь случайно или нечаянно узнала она о злобномъ ихъ намѣреніи, то, хотя умолчаніе ея о томъ и служитъ ей осужденіемъ, однакоже надлежитъ войти въ слабость человѣческую и особливо женскую. Легко ли ей было дѣлаться доносчицею? Мало ли причинъ могутъ отъ того удержать? Недостатокъ въ доказательствахъ, робость

Библиотека "Руниверс"

предстать предъ судилище, неспособность говорить смѣло и другія подобныя тому обстоятельства могли наполнять душу ея страхомъ, что въ случаѣ неуспѣха прослыветъ она клеветницею и собственную жизнь можетъ подвергнуть опасности, возбудя противу себя злобу тѣхъ, на кого хотѣла она поднять мечь правосудія. Такъ разсудила Екатерина; ибо первыя сердца ея движенія всегда были не къ обвиненію, но къ защитѣ и оправданію страдающаго человѣчества. Сія мысль останавливаетъ ее и не допускаетъ согласиться благородную женщину посрамить, обезчестить, наказать всенародно. Между тѣмъ ближайшіе къ престолу ея вельможи требуютъ того силою; они говорятъ ей: «Государыня, потуши въ себѣ гласъ милосердія, противящійся исполненію правосудія; законы осуждаютъ какъ самаго преступника, такъ и того, кто, узнавъ о его злоумышленіи, не объявилъ объ немъ. Ты недавно сидишь на престолѣ, власть твоя еще не утвердилась, пощада въ такомъ случаѣ можетъ показаться дѣйствіемъ нѣкоторой боязни и вмѣсто обузданія наглыхъ умовъ поощритъ ихъ къ новымъ буйствамъ и дерзостямъ. Уступи необходимости для спокойствія и тишины всего царства; нужно непремѣнно показать примѣръ строгости, не ослаблять силу законовъ, рѣшить...» Монархиня колеблется, сильныя представленія вельможъ убѣждаютъ ее, но исполненное человѣколюбія сердце не престаетъ въ ней ходатайствовать за несчастнаго. Она говоритъ имъ: «Оставьте меня и дайте мнѣ время еще нѣсколько о семъ подумать». Вельможи уходятъ. Екатерина призываетъ къ себѣ одного изъ комнатныхъ служителей своихъ, повелѣваетъ ему сходить къ этой женщинѣ, такъ чтобы никто о томъ не проѣдалъ и тайно проводить ее къ ней во внутренніе покои. Женщина приходитъ. Императрица кроткимъ голосомъ говоритъ ей: «Послушай, дѣло идетъ о твоей чести и жизни; скажи правду, знала ли ты о бывшемъ противу меня заговорѣ или нѣтъ». Преступница упадаетъ на колѣни и отвѣчаетъ: «Знала».—«Чтожъ, продолжаетъ Монархиня, понудило тебя къ умолчанію о семъ злодѣйскомъ умыслѣ? Говори правду, не скрой отъ меня ничего; лучше тебѣ чистосердечно признаться, нежели лукавствомъ и ложью вину свою предо мною еще больше увеличить. Какая причина возбудила въ тебѣ такую злость противъ меня и ненависть, что ты смерти моей искала?»—«Нѣтъ, Государыня, подхватила съ жаромъ трепещущая преступница, Богомъ свидѣтельствую, что никогда не имѣла я къ тебѣ ненависти, никогда не желала тебѣ ни малѣйшаго зла».—«Но какъ же, зная о покушеніи на жизнь мою, не хотѣла ты отвратить приготовляемаго мнѣ смертнаго удара?»—«Съ одной стороны страхъ неизвѣстности, а съ другой слабость моя были тому причиною».—«Можетъ быть, подкупили тебя, соблазнили великими обѣщаніями?»—«Нѣтъ, Государыня,

Библиотека "Руниверс"

всѣ сокровища свѣта не прельстили бы меня».—«Что жъ такое, говори, не опасайся».—«Я должна, сказала, вздохнувъ тяжко виновница, открыть тебѣ тайну, которую отъ всѣхъ людей въ глубинѣ души моей скрывала; одинъ изъ сихъ несчастныхъ, не самъ собою ненавидящій тебя, но вовлеченный въ сіе злодѣяніе пагубными совѣтами другихъ, умѣлъ сердце мое уловить: я любила его и теперь еще люблю его страстно. Онъ открылъ мнѣ сіе зловредное таинство. Я не могла отторгнуть его отъ сдѣланной единожды почти невольной, но крѣпкой съ ложными друзьями связи, а предать его, виновата, не имѣла въ себѣ довольно силъ». Сказавъ сіе, преступница горько зарыдала, и слезы ея канули на руку Монархини, которая, видя ея изнеможеніе, хотѣла поддержать ее, чтобы она не упала. Государыня успокоила ее, приказала идти домой и запретить, чтобы она никому о свиданіи своемъ съ ней не объявляла. Послѣ сего всѣ представленія вельможъ о наказаніи сей преступницы были тщетны. Екатерина въ сердцѣ своемъ изрекла ей пощаду, и никто не могъ уже поколебать ея милосердія.

(Слышалъ отъ графа Петра Васильевича Завадовскаго).

XVIII.

Екатерина не любила шептанья и наушничества. Когда между вельможами своими примѣчала она вражду и несогласіе, то уже никакъ не позволяла одному изъ нихъ говорить что-нибудь худое про другого. При малѣйшемъ покушеніи на злорѣчіе она тотчасъ останавливала хулителя сими или подобными сему словами: «Вы хулою вашею въ умѣ моемъ скорѣе украсить, нежели замарать его можете».

(Отъ графа Петра Васильевича Завадовскаго).

XIX.

Душа великой Екатерины была чувствительна, исполнена благости и любви, не только ко всему роду человѣческому, но даже и къ безсловеснымъ тварямъ. Собаки, заморскія птицы и все, что при ней было, наслаждались совершеннымъ благополучіемъ. Сіи животныя словно какъ бы знали великость сана ея и чувствовали къ ней благодарность. Самые дикіе и злые изъ нихъ, всегда и всѣхъ кусавшіе, съ Екатериною были кротки. Она такъ была смѣла съ ними, что, не смотря на предувѣдомленіе о ихъ дикости, часто подлаживала гладить ихъ, и они смирнѣе были съ нею, нежели съ тѣми птичниками, которые ихъ кормили.

Однажды прилетаетъ на рѣшетку ея окна голубь. Его хотѣли спугать, Екатерина приказала не трогать и посыпать ему пшеницы; на

Библиотека "Руниверс"

другой и на третій день прилетѣло ихъ два, три и болѣе, всегда находили себѣ кормъ, наконецъ повадились они летать стаями. Екатерина никогда не скучала видѣть ихъ и не только во все продолженіе жизни ея, но и понынѣ еще не престаютъ они держаться около тѣхъ покоевъ, гдѣ жила ихъ благотворительница. Нѣкогда прислали Екатеринѣ въ подарокъ золотыхъ и серебряныхъ рыбокъ, которыхъ обыкновенно держатъ въ наполненныхъ водою большихъ хрустальныхъ шарахъ. Екатеринино сердце не увеселялось тѣмъ, чтобъ видѣть въ тѣснотѣ и заперти то, что̀ создано плавать въ пространныхъ водахъ. Это было въ Царскомъ Селѣ. Она всѣхъ этихъ рыбокъ велѣла пустить въ прудъ

Часто прогуливаясь по саду и проходя по одному мостику, видала она ихъ играющихъ въ солнечныхъ лучахъ на поверхности водъ. Она любовалась ихъ свободою. Однажды, сопровождаемая госпожею Перекусихиной и садовникомъ своимъ Бушемъ, идучи подъ вечеръ по берегу пруда, спросила она: «А что не видать моихъ рыбокъ?»—«Онѣ, видно спятъ», отвѣчалъ садовникъ и сталъ шевелить кустикъ травки, выросшей въ водѣ подлѣ берега; рыбки выбѣжали оттуда. Екатерина тотчасъ закричала: «Не тронь, не тронь; тебѣ непріятно, когда ты уложишься спать и тебя прійдутъ палкою гнать съ постели; на что жъ и бѣдныхъ рыбокъ тревожить?»

(Отъ самой свидѣтельницы Перекусихиной).

XX.

Однажды Екатерина сидѣла на открытомъ воздухѣ. Вдругъ изъ летавшихъ около нея голубей одинъ прилетѣлъ и сѣлъ ей на голову. Нѣкто, изъ бывшихъ съ нею, сдѣлалъ движеніе, чтобы его спугать. «Не тронь, сказала Екатерина, ты видишь, что онъ меня принялъ за N. N.». Великая, мудрая Екатерина, ты прощаешь голубю, не знающему тебѣ цѣны; прости и тѣмъ людямъ, которые судятъ о тебѣ по голубиному.

(Слышалъ отъ бывшаго при ней камердинера Тюльпина).

XXI.

Екатерина была горячаго и вспыльчиваго права, но она знала властность своего сана, знала, что царь однимъ малѣйшимъ невоздержаніемъ въ страсти своей можетъ иногда больше приключить вреда, нежели частный человѣкъ всею силою злобы своей и ненависти. Сего

Библиотека "Руниверс"

ради такъ пріучилась она покориться разсудку, что посреди самой пылкости гнѣва своего тотчасъ укрощала оный и принимала на себя видъ спокойный. Во время путешествія въ Крымъ, ѣхали они четверо въ каретѣ: она, императоръ Іосифъ, князь Потемкинъ и племянница его графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ. По расписаніи пути надлежало имъ остановиться въ домѣ нѣкотораго извѣстнаго дворянина. Подъѣзжаютъ къ крыльцу. Хозяйка, по обыкновенію, встрѣчаетъ Государыню съ корзиною цвѣтовъ и плодовъ. Екатерина, вышедъ изъ кареты, не только не приняла сихъ подносимыхъ ей плодовъ, но даже не остановясь и не сдѣлавъ никакого привѣтствія, прошла мимо ея скорыми шагами внутрь дома. Графиня Браницкая, вышедшая послѣ нея изъ кареты, весьма тому удивилась и, подумавъ, не сдѣлалось ли съ нею какого припадку или внезапной боли, поспѣшила идти за нею вслѣдъ. Государыня съ тою же скоростью проходила всѣ комнаты до самаго внутренняго покоя. Тамъ съ важностью обращается она къ графинѣ Браницкой и весьма гнѣвнымъ голосомъ говоритъ ей: «Вашъ дядюшка подвергаетъ меня великому стыду: пристойно ли завозить меня въ такіе домы, и что подумаетъ обо мнѣ императоръ? Подъ видомъ хозяйки встрѣчаетъ меня совсѣмъ чужая въ этомъ домѣ; она господину этому совсѣмъ не законная жена. Я знаю дѣло ихъ; онъ просилъ о утвержденіи брака своего съ нею, но Синодъ еще не утвердилъ онаго. Подите, сударыня, и скажите, чтобъ она сейчасъ отсель уѣхала и отнюдь не смѣла быть предъ моими глазами».

Графиня Браницкая, никогда не видавшая Екатерину въ гнѣвѣ, никогда не слыхавшая отъ нея кромѣ ласковаго названія *Алексаши*, вдругъ, увидя ее величественну и грозну, пришла отъ того въ такое смущеніе и трепетъ, что едва могла стоять на ногахъ. Она колеблющимися стопами и съ удрученнымъ печалію сердцемъ пошла исполнить ея приказаніе, но еще не успѣла перейти черезъ комнату, какъ уже слышитъ, что смягченная Монархиня, назвавъ ее по имени и отчеству, кличетъ опять къ себѣ. Она возвратилась, и Государыня говоритъ ей: «Однакожъ, пожалуйста, удали эту женщину такъ, чтобъ это было ей какъ можно меньше оскорбительно». Графиня Браницкая, пораженная гнѣвомъ Императрицы и увидѣвшая опять на лицѣ ея спокойствіе и милость, вдругъ изъ чрезвычайной печали перешла въ чрезвычайную радость, и сія перемѣна чувствъ ея произвела такое дѣйствіе, что она какъ бы нѣкою, незапною силою подвигнутая, упала къ ногамъ Монархини и, охвативъ ихъ, заплакала. Государыня обняла ее и сама не могла удержаться отъ слезъ; обѣ онѣ стояли и плакали. Какое нѣжное царицы съ подданной бесѣдованіе! Напослѣдокъ Екатерина, чтобы пре-

Библиотека "Руниверс"

рвать продолженіе сего умилительнаго явленія, сказала ей голосомъ ласковымъ и шутливымъ: «Ну полно, перестань, *Алексаша*, посмотри, какъ ты расплакана, что подумаетъ императоръ? Подумаетъ, что я баба бѣшеная, завела тебя сюда и прибила; дай я тебя оботру». И какъ не было ничего въ горницѣ, то Государыня, поднявъ полу отъ платья графини, своею рукою обтерла ей глаза. Потомъ обѣ онѣ вышли въ ту комнату, гдѣ находился императоръ. Конецъ сего приключенія былъ тотъ, что графиня Браницкая дядѣ своему князю Потемкину неудовольствіе Императрицы не знала какимъ образомъ понѣжнѣе передать; Левъ Александровичъ Нарышкинъ взялъ оное на себя. Онъ подошелъ къ хозяину и шепнулъ ему на ухо: «Мнѣ хочется сказать вамъ нѣчто въ осторожность, неравно Государыня вспомнитъ, что бракъ вашъ еще не утвержденъ, не лучше ли вамъ хозяюшкѣ вашей посовѣтовать, чтобы она ей не показывалась? Какъ вы думаете?» Хозяинъ принялъ совѣтъ сей съ благодарностью, и хозяйка не выходила болѣе изъ своихъ комнатъ.

(Слышалъ отъ самой графини Браницкой).

XXII.

Кому неизвѣстна въ Россійской словесности ода *Фелицѣ?* Кому не извѣстенъ сочинитель ея Державинъ? Но, можетъ быть, немногіе знаютъ о подробностяхъ, съ какими она въ первый разъ появилась на свѣтъ, а потому и не безполезно будетъ услышать объ оныхъ. Первоначальнымъ поводомъ къ произведенію сей оды послужила сочиненная Императрицею сказочка *о Царевичѣ Хлорѣ*, которую написала она въ наставленіе внуку своему Александру и въ которой подъ именемъ *Фелицы* изображена мудрость, препровождающая молодого царевича въ храмъ добродѣтели или, какъ тамъ иносказательно сказано: *на гору, гдѣ роза безъ шиповъ растетъ*. Знаменитый нашъ стихотворецъ Державинъ, читая сказочку сію и восхитясь душевными свойствами и дѣлами великой Екатерины, предпріялъ свободно излить свои о ней мысли. Онъ скрылъ имя Императрицы подъ слѣдующею надписью: *Ода къ премудрой Киргизкайсацкой Царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ Татарскимъ Мурзою, поселившимся въ Москвѣ, а живущимъ по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ, переведена съ Арабскаго языка, 1782 года.* Ода сія начинается слѣдующей строфой:

Богоподобная Царевна
Киргизкайсацкія Орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла первые слѣды

Библиотека "Руниверс"

Царевичу младому Хлору,
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ.
Она мой духъ и умъ плѣняетъ.
Подай найти ее совѣтъ.

Екатерина, какъ по надписи, такъ и по началу сей оды, могла тотчасъ увидѣть себя подъ именемъ *Фелицы*. Стихотворецъ избралъ слогъ весьма отмѣнный отъ того, какимъ обыкновенно пишутъ похвалы царямъ; онъ положилъ себѣ новый путь вмѣсто важныхъ вымысловъ и великолѣпныхъ уподобленій употребилъ простой языкъ, шутливую и нагую правду, умѣлъ изобразить точныя Екатеринины свойства, проникнуть ея душу, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Стыдишься слыть ты тѣмъ великой,
Чтобъ страшной, нелюбимой быть,
Медвѣдицѣ прилично дикой
Животныхъ рвать и кровь ихъ пить;
Безъ крайняго въ горячкѣ бѣдства
Тому ланцетовъ нужны-ль средства,
Безъ нихъ кто обойтиться могъ?
И славно-ль быть тому тираномъ,
Великимъ въ звѣрствѣ Тамерланомъ,
Кто благостью великъ какъ Богъ?

или въ слѣдующихъ:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты нимало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ, и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ и въявь и подъ рукой
И знать и мыслить позволяешь
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить,
И будто самымъ крокодиламъ
Твоихъ всѣхъ милостей Зоиламъ
Всегда склоняешься простить.

Библиотека "Руниверс"

Хотя ода сія написана была въ честь Императрицы, однакожъ таковое свободное бесѣдованіе съ царемъ могло показаться слишкомъ смѣлымъ. Сверхъ сего, нѣкоторые вельможи Екатеринины могли легко примѣтить себя въ мурзахъ Фелицыныхъ, описанныхъ не такою кистью, которая бы омокаема была въ краску лести. Все сіе понудило сочинителя спрятать оду свою и никому ее не показывать. Болѣе года лежала она взаперти. Наконецъ пріѣзжаетъ къ Державину одинъ изъ его знакомыхъ, для котораго надлежало отыскать нѣкоторую бумагу. При отысканіи стихи сіи попадаются нечаянно; гость хочетъ прочитать ихъ, читаетъ, восхищается и проситъ позволенія показать ихъ одной изъ своихъ родственницъ, обѣщая немедленно возвратить назадъ. Хозяинъ не могъ отговориться. Стихи скоро возвращены были, но уже многіе объ нихъ провѣдали; чрезъ нѣсколько времени сочинитель извѣщается, что князь Потемкинъ желаетъ прочитать оные. Державинъ, видя, что уже не можетъ болѣе удержать ихъ въ тайнѣ и не желая скрываться, какая бы ни была участь оныхъ, подписываетъ на нихъ имя свое и отдаетъ ихъ для прочтенія кому угодно. Вскорѣ распространяются они по всѣмъ знатнымъ господамъ и любителямъ словесности. Княгиня Катерина Романовна Дашкова, бывшая тогда директоромъ Академіи Наукъ и приготовлявшаяся издавать новую книгу подъ названіемъ *Собесѣдника Любителей Россійской словесности*, приказываетъ въ началѣ сего сочиненія оду сію напечатать безъ подписанія имени сочинителя. Первый листокъ готовъ. Она подноситъ его Императрицѣ, какъ начало такой книги, въ которой Государыня собственными своими сочиненіями намѣрена была участвовать. Екатерина ничего еще о сей одѣ не знала. Княгиня, отдавъ листокъ, уходитъ; Государыня начинаетъ читать и еще не успѣла окончить, какъ уже тотчасъ посылаетъ за княгинею; когда княгиня вошла, Монархиня съ листкомъ въ рукахъ ходила тогда по горницѣ, и глаза ея отъ великой чувствительности наполнены были слезами. «Я ничего еще, сказала она, подобнаго о себѣ не читывала. Кто это такой, который такъ хорошо меня знаетъ?» Княгиня объявила ей имя сочинителя, и Государыня приказала его къ себѣ представить. Между тѣмъ Державинъ ничего не зналъ о участи своихъ стиховъ. Онъ находился при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, человѣкѣ умномъ и полезномъ государству, но который по нѣкоторой странности не любилъ стихотворцевъ, а особливо, когда сочиненія ихъ безъ его покровительства съ нѣкоторымъ успѣхомъ достигали до престола. Чего жъ можно было Державину ожидать отъ сего вельможи, тѣмъ паче, что, прочтя стихи его, могъ онъ легко найти въ нихъ нѣкоторое сходство между собою и описанными тамъ мурзами? Безъ сумнѣнія, и великихъ непріятностей. Но какое ободреніе стихотворцу и какая узда на

Библиотека "Руниверс"

тѣхъ, которые восхотѣли бы покуситься на какое нибудь ко вреду его толкованіе? Въ ожиданіи непріятныхъ для себя слѣдствій, онъ былъ въ домѣ у князя Вяземскаго. Приходятъ ему сказать, что спрашиваетъ его придворный ѣздовой. Всѣ вслушиваются, любопытствуютъ узнать, что̀ такое. Державинъ выходитъ и получаетъ на имя свое пакетъ съ надписью: *Отъ Кирпизкайсацкой Царевны.* Онъ съ великимъ удивленіемъ возвращается, показываетъ князю пакетъ, распечатываетъ оный и находитъ золотую, богато осыпанную драгоцѣнными камнями табакерку, наполненную червонцами. Не трудно было догадаться, кто прислалъ оную. Князь поздравляетъ его и, услышавъ о причинѣ, говоритъ: «Покажи, братецъ, какіе это стихи?» По прочтеніи же оныхъ, хотя внутренно и не могъ онъ быть ими доволенъ, однакожъ подарокъ Татарской царицы, какъ ему, та́къ и другимъ, заграждаетъ уста вопіять противъ нихъ. Послѣ того Державинъ въ праздничный день на ряду съ прочими представленъ былъ Императрицѣ. При названіи имени его, она быстрыми очами посмотрѣла на него и съ лаской пожаловала ему руку; черезъ нѣсколько времени взятъ онъ былъ къ ней въ статсъ-секретари.

(Слышалъ отъ самого Державина).

*

Еще при жизни А. С. Шишкова, въ сборникѣ книгопродавца Смирдина „Новоселье“ 1833 года, помѣщены были четыре его анекдота о Екатеринѣ. Они перепечатаны въ 8-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1887 года. Про Шишкова (р. 1754 † 1841) Пушкинъ сказалъ, что онъ „блещетъ средь народа священной памятью двѣнадцатаго года“. Онъ воспитался въ царствованіе Екатерины, благодаря которому Россія перешла со славою нападеніе Западной Европы и въ которое юношество воспитывалось по Екатерининской книгѣ „О должностяхъ человѣка и гражданина“ (изъятой изъ школъ по настоянію Филарета въ 1819 году). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ ТОМАСА ЛЕГЛЕРА О ПОХОДѢ 1812 ГОДА.

Четыре Швейцарскихъ полка, принимавшіе вмѣстѣ съ Французской арміей участіе въ походѣ 1812 года, причислены были ко второму армейскому корпусу подъ командой маршала Удино. Этотъ корпусъ изъ 42000 человѣкъ долженъ былъ служить лѣвымъ крыломъ арміи, направлявшейся къ Москвѣ, и не допускать Русскихъ къ Динабургу и Полоцку.

2310 человѣкъ перваго Швейцарскаго полка пришло въ Россію; изъ нихъ вернулось на родину 377 человѣкъ (со включеніемъ плѣнныхъ), такъ что 1933 человѣка погибло на поляхъ битвъ или въ походѣ *).

Томасъ Леглеръ родился 21-го Февраля 1782 г. въ Дорнгаузѣ (въ кантонѣ Гларусѣ). Въ 1799 г. онъ вступилъ унтеръ-лейтенантомъ въ третью Гельветическую (обще-Швейцарскую) бригаду и сражался подъ командой Шауенбурга на Дунаѣ и позже подъ командой Массены въ Швейцаріи. Произведенный въ 1801 г. въ оберъ-лейтенанты, онъ вступилъ съ своимъ баталіономъ во Французскую службу и участвовалъ въ походахъ на Корсику, Эльбу и въ Неаполь, гдѣ въ 1810 г. получилъ чинъ оберъ-лейтенанта гренадеровъ. Въ этомъ чинѣ онъ участвовалъ въ походѣ 1812 года въ Россію, за что получилъ отъ Наполеона орденъ Почетнаго Легіона. Въ 1814 г. онъ выдержалъ въ Шлетиштадтѣ осаду союзныхъ войскъ. По отреченіи Наполеона Леглеръ вступилъ на службу къ Людовику XVIII, которому остался вѣрнымъ и по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы. Умеръ онъ въ 1835 г.

*

Въ лагерѣ при Диснѣ я получилъ 29 Іюля 1812 г. приказъ отправиться на Мароду. Сержантъ, капралъ и 12 гренадеровъ должны были меня сопровождать. Такой же приказъ и такую же свиту получили гренадерскіе лейтенанты, Дортю (изъ Вайдскаго кантона) и Томанъ (изъ Солотурна).

Мы вмѣстѣ оставили лагерь и когда достигли праваго берега Дисны, то я невольно поставилъ себѣ вопросъ: «куда и для чего насъ от-

*) Souvenirs d'Abraham Rösselet, Neuchatel, 1857.

Библиотека "Руниверс"

правили?» Но когда я хотѣлъ свои мысли высказать моимъ сотоварищамъ, то они не дали мнѣ говорить и убѣдительно просили слѣдовать за ними, такъ какъ они-де посвящены во все и т. подобное. «Мы должны, говорили они, слѣдовать по стопамъ главной Французской силы». На это я имъ отвѣчалъ: «Вы, можетъ быть, лучше меня посвящены въ планы похода, такъ какъ я о нихъ не справлялся; но во всякомъ случаѣ, куда главное войско идетъ, туда я не пойду. Если соединитесь со мною, то мы будемъ достаточно сильны, чтобы противустоять всякому противнику». Мои сотоварищи разсмѣялись, не подозрѣвая близости врага, и такъ какъ я уже много лѣтъ зналъ ихъ какъ людей легкомысленныхъ, то рѣшился оставить ихъ и самому искать счастья.

Безъ ландкарты, проводника и безъ всякихъ свѣдѣній я направился по пути, ведущему отъ лагеря черезъ Дисну; товарищи же мои отправились по берегу ея. На пути я никого не встрѣтилъ, и только спустя 1¼ часа издали увидѣлъ помѣщичью усадьбу, въ которой надѣялся получить изрядную добычу. Сверхъ всякаго ожиданія я ошибся, такъ какъ засталъ въ ней роту Французскихъ охотниковъ, въ числѣ 50 человѣкъ солдатъ и 3 офицеровъ. Я направился было къ нимъ, но когда они мнѣ сказали, что все уже запаковано и что они тотчасъ отправятся въ путь, то я вошелъ въ домъ. Баронъ, окруженный слугами и служанками, сидѣлъ въ залѣ и былъ въ довольно мрачномъ настроеніи духа, что̀ легко себѣ представить. Я обратился къ нему на Французскомъ языкѣ и далъ ему понять, что мнѣ нужны припасы. Онъ отвѣчалъ мнѣ по-нѣмецки и увѣрялъ, что Французы все у него отняли. Такъ какъ я не могъ удовлетвориться такимъ отвѣтомъ, то сказалъ ему, что если не получу просьбою, то вынужденъ буду сдѣлать во всемъ домѣ обыскъ, который можетъ меня убѣдить, что жизненныхъ припасовъ въ домѣ не спрятано.

Эта угроза повела къ тому, что скоро моя свита получила немного хлѣба, варенаго мяса и водки. Во время моихъ переговоровъ гренадеры нашли въ амбарахъ 12 мѣшковъ зерна. Не довольствуясь этимъ, я потребовалъ у барона указанія о какомъ-нибудь другомъ помѣстьи, которое находилось бы вблизи отъ его владѣній, далеко отъ непріятеля, и въ которомъ можно было бы захватить добычу. На мой вопросъ не послѣдовало отвѣта; но когда я его повторилъ съ угрозой, что ни одного мѣста въ домѣ не оставлю необысканнымъ, если онъ меня не уважитъ, то онъ заявилъ наконецъ, что у него есть другъ, къ помѣстью котораго 1½ часа ходьбы, у котораго я все получу, чего желаю, и что непріятель расположился за полчаса пути оттуда.

Теперь надо было искать проводника, безъ котораго я навѣрное заблудился бы. Никто изъ его прислуги не хотѣлъ быть моимъ

Библиотека "Руниверс"

проводникомъ. Устанъ отъ напрасныхъ переговоровъ, я велѣлъ схватить одного изъ его слугъ, оказавшагося поваромъ. Онъ нѣсколько разъ пытался бѣжать, но гренадеры его каждый разъ задерживали. Самъ баронъ долженъ былъ наконецъ дать веревку, чтобы связать проводника. Сержанту Каа и двумъ гренадерамъ я приказалъ ждать меня и объяснилъ, что до моего возвращенія баронъ—плѣнникъ. По нашему расчету мы должны были вернуться къ 6 часамъ вечера и если бы этого не послѣдовало, то сержантъ, согласно моему приказу, долженъ былъ привести барона связаннымъ въ лагерь, гдѣ его разстрѣляютъ, если бы мы не вернулись. У барона, выслушавшаго эти слова, сказанныя твердо и рѣшительно, появилась на лицѣ смертельная блѣдность; онъ упалъ къ ногамъ связаннаго повара и умолялъ его, чтобы онъ привелъ насъ обратно невредимыми. Я замѣтилъ, что послѣ этой сцены поваръ утѣшалъ своего господина, такъ что при уходѣ баронъ увѣрялъ меня, что я вернусь довольнымъ.

Этотъ приказъ, данный мною унтеръ-офицеру, можетъ показаться читателю безчеловѣчнымъ; но надо принять во вниманіе положеніе, въ которомъ я находился, въ безызвѣстности, гдѣ и какъ я встрѣчу непріятеля и найду ли я назадъ дорогу въ лагерь. Какъ бы то ни было, угроза эта была полезна.

Нашъ связанный проводникъ, котораго велъ гренадеръ, привелъ насъ черезъ 1¼ часа въ помѣстье, при чемъ мы на пути ни единой человѣческой души не встрѣтили; только рогатый скотъ и лошади попадались намъ часто, и гренадеры поймали для меня прекрасную лошадь. Былъ полдень, когда мы пришли во второе помѣстье, примыкавшее съ одной стороны къ лѣсу. Прежде чѣмъ вступить на дворъ, я послалъ половину моихъ гренадеровъ развѣдать окрестности замка и только послѣ того, какъ получилъ отъ нихъ увѣреніе въ безопасности мѣста, я рѣшился вызвать барона, который вскорѣ къ намъ вышелъ. Я спросилъ его по-нѣмецки, далекъ ли отсюда непріятель. На этотъ вопросъ послѣдовалъ отвѣтъ на ломанномъ Нѣмецкомъ языкѣ; однакоже съ помощью часовъ мы поняли, что непріятель расположился въ ¾ часа пути отсюда.

Узнавъ отъ проводника о цѣли нашего прихода, баронъ пригласилъ насъ слѣдовать за нимъ. Онъ вошелъ въ домъ, и я поставилъ трехъ часовыхъ. Вскорѣ онъ вернулся съ связкой ключей, и мнѣ открылись всѣ двери. Мои люди получили водки и хлѣба, и намъ приготовили обѣдъ. Этотъ баронъ оказался крайне любезнымъ и услужливымъ; его прислуга должна была намъ помогать въ упаковкѣ, такъ что къ тремъ часамъ были готовы 20 одноконныхъ телѣжекъ съ жизненными припасами. Я показалъ ему мою непокрытую лошадь, и вскорѣ на ней ока-

Библиотека "Руниверс"

зались новое Англійское сѣдло и хорошая упряжь. За обѣдомъ подъ открытымъ небомъ, я сказалъ барону, чтобы онъ тотчасъ же спряталъ свои драгоцѣнности, такъ какъ скоро пройдутъ Французы, требующіе еще кое-чего кромѣ жизненныхъ припасовъ. Я возвратилъ ему послѣ обѣда серебряныя ложки и вилки, присовокупивъ, чтобы онъ скорѣе все спряталъ и что мы, Швейцарцы, ничего другого не желаемъ. Добрый баронъ не хотѣлъ взять у меня обратно серебрянаго прибора; однакожъ, увидѣвъ, что я не придаю ему никакого значенія, взялъ его, потрепалъ меня по плечу, сказавъ: «хорошъ человѣкъ» («Brav-Mann!») и сдѣлалъ то, что̀ я ему посовѣтовалъ.

Приведя все въ порядокъ, я началъ готовиться къ возвращенію. Вдругъ прибѣгаетъ гренадеръ съ крикомъ: «Французы идутъ!» Черезъ нѣсколько минутъ явился съ 4 солдатами егерь-офицеръ. Онъ удивился моей прекрасной добычѣ; особенно ему понравилась осѣдланная лошадка. Одинъ изъ егерей положилъ на нее руку, присовокупивъ: «Это все и весь овесъ принадлежитъ намъ». Гренадеръ, державшій лошадь, грозилъ егерю немедленнымъ разстрѣляніемъ. Наконецъ я вступился и объявилъ офицеру, что все, что̀ онъ видитъ, принадлежитъ мнѣ и что я вовсе не понимаю, какъ онъ можетъ на это заявлять притязаніе и т. д. На это онъ возразилъ, что если я ему не уступлю, то онъ принесетъ на меня жалобу. Понятно, что я послалъ его къ дьяволу и пригласилъ въ случаѣ, если онъ не удовлетворился, сойти съ лошади для расправы; однакожъ дѣло окончилось Французскимъ хвастовствомъ, и противникъ мой счелъ полезнымъ продолжать свой путь. Съ трудомъ я могъ удержать своихъ гренадеровъ отъ желанія подстрѣлить офицера на лошади. Офицеръ и егеря его очевидно убоялись этого и быстро умчались съ мѣста.

Едва только мой караванъ тронулся съ мѣста и послѣдняя телѣжка отошла отъ замка всего на 40 шаговъ, какъ мы замѣтили приближеніе многочисленнаго отряда Французской пѣхоты. Спустя четверть часа, мы замѣтили позади насъ громадное зарево, изъ чего заключили, что помѣстье горитъ. Это обстоятельство заставило насъ ускорить шаги и сдѣлало насъ болѣе осторожными; иначе мы не привезли бы двадцати телѣжекъ въ нашъ лагерь. Безъ сомнѣнія, Французы, ничего не найдя въ помѣстьи, подожгли его.

На пути мы встрѣчались со многими Французскими отрядами, гнавшими скотъ и имѣвшими приказаніе всюду ловить рогатую живность. Случайно попало ко мнѣ въ руки въ лѣсу, по которому пролегалъ нашъ путь, 60 штукъ скота.

Скоро мы вернулись къ Нѣмецкому барону. Проводникъ получилъ свободу, которой онъ очень обрадовался. Красивая дама съ распущен-

Библиотека "Руниверс"

ными волосами въ сопровожденіи двухъ дѣтей быстрыми шагами подошла ко мнѣ и бросилась на колѣни. Я поднялъ ее и спросилъ что съ нею, но изъ за всхлипываній и рыданій она нѣсколько мгновеній не могла произнести ни слова; дѣти также начали плакать. Тронутый этимъ, я сказалъ ей: «Если я могу какъ-либо облегчить ваши страданія, то скажите, я это охотно сдѣлаю».—«Да, вы можете, это въ вашей власти!» Тогда она разсказала, что послѣ моего пребыванія у нихъ было много другихъ отрядовъ и что у нея безпощадно отняли весь скотъ въ числѣ 300 штукъ. «Теперь у меня болѣе ничего нѣтъ, чѣмъ я могла бы прокормить своихъ дѣтей, будьте столь добры и дайте мнѣ хоть одну изъ этихъ коровъ: Господь вознаградитъ васъ за это!»—«Мадамъ, возьмите по вашему выбору шесть штукъ вмѣсто одной и поспѣшите спрятать ихъ въ густомъ лѣсу. Я у васъ пробуду до тѣхъ поръ, пока не приведете это въ исполненіе». Тотчасъ по ея лицу протекли слезы радости и, обратившись къ дѣтямъ, она сказала: «Ну, дорогія дѣти, вы не умрете съ голоду, этотъ господинъ далъ вамъ молока». При этихъ словахъ баронессы, подошли къ намъ баронъ и поваръ, нашъ проводникъ. Узнавъ отъ супруги о моемъ обѣщаніи, баронъ, полный радости и благодарности, обнялъ меня. Поваръ поспѣшилъ выбрать шесть коровъ; къ нимъ я прибавилъ еще 6 телятъ, которыхъ онъ съ помощью двухъ другихъ слугъ погналъ въ лѣсъ. Сержантъ сдѣлалъ мнѣ горестное описаніе о происшедшемъ здѣсь грабежѣ. Безъ его защиты добрые владѣльцы еще больше поплатились бы, такъ какъ баронъ сказалъ мнѣ, что онъ обязанъ жизнью моимъ тремъ солдатамъ, и что то немногое, что еще уцѣлѣло, спасено, благодаря моимъ солдатамъ.

Такъ какъ у меня былъ богатый запасъ провизіи, то я возвратилъ барону 12 мѣшковъ зерна и три большихъ хлѣба. Что все это принято было съ благодарностью, легко себѣ представить. Я думалъ въ данномъ случаѣ: жить и дать жить—долгъ христіанина. Я сообщилъ барону, что его другъ, можетъ быть, еще несчастнѣе, такъ какъ его помѣстье вѣроятно обращено теперь въ кучу пепла.

По возвращеніи повара изъ лѣса, я продолжалъ свой путь и при наступленіи вечера достигъ счастливо лагеря. Многіе изъ моихъ соотечественниковъ встрѣтили меня восторженно около моста на лѣвомъ берегу Дисны. При прохожденіи каравана по мосту многіе кричали: «вотъ приходитъ нашъ лейтенантъ, онъ не далъ себя поймать, наоборотъ, онъ еще привезъ намъ пищу». Къ сожалѣнію я узналъ, что Дортю и Томанъ съ своими отрядами попались при монастырѣ Валенціи вмѣстѣ съ другими Французскими солдатами въ плѣнъ.

Прибывъ въ лагерь, я роздалъ штабъ-офицерамъ и офицерамъ хлѣбъ, масло, сыръ, ветчину, немного пива, водки, меду и соли. Для

Библиотека "Руниверс"

солдатъ у меня припасена была на много дней водка и мука, для полковыхъ лошадей—овесъ, сѣно и т. д. Командующій и всѣ остальные офицеры были довольны моей добычей.

Это было въ первый и послѣдній разъ, что я отправлялся на исканіе припасовъ.

Встрѣчи съ непріятелемъ отъ 31-го Іюля до 16-го Августа.

При рѣкѣ Дриссѣ у моста Піалла, въ семичасовомъ разстояніи отъ Полоцка, первыя двѣ дивизіи нашего армейскаго корпуса встрѣтились съ частью непріятеля (31-го Іюля) и сражались съ перемежающимся счастьемъ съ утра до ночи. Онѣ преслѣдовали непріятеля болѣе двухъ часовъ по другой сторонѣ Дриссы, пока не подошли къ мѣсту, защищенному скрытыми батареями и свѣжими войсками. На этомъ мѣстѣ у 1-ой дивизіи убыло много молодцовъ отъ сильнаго картечнаго огня. Чрезмѣрная напряженность въ продолженіи сего дня, непріятельская удобная позиція и опасность быть обойденнымъ побудили маршала къ отступленію. Русскіе слѣдовали за нимъ по пятамъ, и до поздней ночи не прекращалась перестрѣлка. Наша третья дивизія перешла при Диснѣ рѣку Двину. Мы прибыли 31-го Іюля къ упомянутому мосту при Піаллѣ какъ разъ въ то время, когда дивизіонный генералъ Мерле получилъ приказъ немедленно отступить на Полоцкую дорогу, пролегающую на часъ разстоянія по лѣсу. При выходѣ изъ лѣса мы увидѣли прекрасную мѣстность, въ которой тутъ и тамъ торчали песчаные холмы. Позади самаго дальняго мы заняли нашу позицію.

Первый Швейцарскій полкъ стоялъ вплотную около одного изъ этихъ холмовъ. Послѣ того какъ мы стали въ оборонительную линію, многіе офицеры въ обществѣ почтеннаго полковника Рагуетти (изъ Флимса, кантонъ Граубюнденъ) взошли на ближайшій холмъ. Отсюда мы увидѣли обѣ дивизіи нашего армейскаго корпуса, приближавшіяся къ намъ и построившіяся въ боевую линію на разстояніи 500 шаговъ отъ насъ. Первая образовала правое, вторая лѣвое крыло; наша третья дивизія стояла позади въ центрѣ, какъ резервъ.

Едва обѣ названныя дивизіи выстроились въ оборонительныя колонны, какъ изъ лѣсу показались непріятельскіе застрѣльщики и вслѣдъ за ними Русскіе полки, которые, не боясь нашей пушечной стрѣльбы, также выстроились въ боевомъ порядкѣ, имѣя позади себя лѣсъ. На нашъ огонь не послѣдовало отвѣта. Это смѣлое предпріятіе познакомило насъ съ планами непріятеля, и всѣ мы знали, что съ наступающимъ утромъ начнется ожесточенный бой. Наша позиція была удобнѣй, нежели непріятельская.

Библиотека "Руниверс"

1-го Августа, съ наступленіемъ дня, начался огонь Русскихъ застрѣльщиковъ, на который отвѣчали съ нашей стороны. Русскія войска пришли въ движеніе и начали свою атаку при жесточайшемъ огнѣ; однако нашъ маршалъ отвѣтилъ въ тоже время кавалерійскимъ натискомъ и отбросилъ первую еще несформировавшуюся линію на вторую, а двѣ наши батареи конной артилеріи тѣснили оба непріятельскія крыла.

Какъ молнія дошелъ до насъ съ праваго крыла слухъ, что императоръ собственной персоной командуетъ нами, и немедленно воздухъ огласился криками: «Да здраствуетъ Наполеонъ!» Въ эту минуту наша пѣхота все подвигалась впередъ. Два эскадрона кирассировъ отняли у непріятеля послѣ отчаянной схватки двѣ батареи. Русскіе, ошеломленные натискомъ, не могли болѣе держаться; на всѣхъ пунктахъ они пустились въ бѣгство, въ лѣсъ, особенно тѣ, которые не могли пробиться на дорогу; ихъ преслѣдовали до ночи. 12 пушекъ, 3000 убитыхъ и раненыхъ и 4000 плѣнныхъ были плодами двухчасовыхъ усилій. Наша потеря простиралась до 1000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Несмотря на побѣду, нашъ армейскій корпусъ пошелъ по обратной дорогѣ, такъ что мы 3-го Августа были въ Полоцкѣ, гордѣ на правомъ берегу Двины. Обѣ первыя дивизіи остались на правомъ, а третья дивизія, тяжелая кавалерія и артилерія на лѣвомъ берегу Двины.

4-го Августа непріятель показался въ разстояніи ¾ часа отъ Полоцка; безпрестанные ружейные залпы, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ были намъ слышны; впослѣдствіи мы узнали, что это была непріятельская развѣдка и что непріятель снова отступилъ. 5-го Августа третья дивизія заняла позицію на правомъ берегу. 6-го Августа къ намъ присоединился шестой армейскій корпусъ, Баварскій, съ Баварскимъ генераломъ Вре́де во главѣ; къ этому корпусу причисленъ былъ генералъ Гувіонъ (Gouvion St.-Cyr), перенявшій главную команду. Этотъ армейскій корпусъ имѣлъ, какъ говорили, при выступленіи изъ Мюнхена 30000 человѣкъ, теперь же въ немъ не было болѣе 16000. Съ этимъ подкрѣпленіемъ надо было снова настичь непріятеля.

12-го Августа мы встрѣтили Русскихъ при замкѣ Сволнѣ, въ позиціи на правомъ берегу Дриссы. Мы, т. е. третья дивизія, были снова въ резервѣ; однако мы слышали залпы малыхъ орудій, продолжавшіеся съ полудня до ночи. Къ вечеру къ намъ доносились только пушечные выстрѣлы, и пули не разъ пролетали надъ нашими головами. Наша потеря состояла изъ 200 убитыхъ и 600 раненыхъ; только первая дивизія участвовала въ сраженіи; 200 Русскихъ попались въ плѣнъ, за то мы потеряли эскадронъ егерей, далеко зашедшій во время схватки и такимъ образомъ отрѣзанный отъ насъ.

Библиотека "Руниверс"

Пушечной пулей убита была лошадь бригаднаго генерала Амѐ (Ашеу, изъ кантона Фрейбурга), командовавшаго первой бригадой третьей дивизіи. Судя по непріятельскимъ движеніямъ и по нашему быстрому ночному отступленію, мы должны были заключить, что маневры непріятеля сводятся къ тому, чтобы отрѣзать насъ отъ главной арміи.

14-го Августа мы снова пришли къ Полоцку и заняли слѣдующую позицію: наша армія образовала на правомъ берегу полукругъ; примыкая къ Двинѣ, центръ выдѣлялся немного впередъ, и часть тяжелой артилеріи перешла на лѣвый берегъ; третья дивизія стояла позади въ резервѣ.

16-го Августа непріятель напалъ на нашу передовую линію, но ему не удалось укрѣпиться внѣ лѣса.

Битва 17-го и 18-го Августа.

17-го Августа съ наступленіемъ дня началась перестрѣлка; наша передовая линія была отброшена, и въ 9 часовъ утра мы замѣтили приближеніе непріятеля по вспаханному полю, со стороны котораго направленъ былъ убійственный огонь на нашу линію. Хотя въ этотъ день не произошло настоящей битвы, все же наши потери были значительны, такъ какъ отчаянная стрѣльба продолжалась до поздней ночи.

Нашъ маршалъ Удино получилъ въ сумерки при рекогносцировкѣ рану въ правое плечо. Два Баварскихъ генерала и нѣсколько штабъ-офицеровъ были убиты или ранены, потеря въ субалтернъ-офицерахъ дошла до 50, въ солдатахъ до 2000 убитыхъ и раненыхъ. Потеря непріятеля была вѣроятно значительнѣе, такъ какъ каждый разъ, какъ онъ хотѣлъ подвигаться впередъ, его отбивали картечнымъ огнемъ.

Наша передовая линія находилась къ вечеру на тысячу шаговъ позади того мѣста, на которомъ она была утромъ. Въ этомъ сраженіи кавалерія съ обѣихъ сторонъ бездѣйствовала.

Утромъ 18-го Августа унесли съ поля битвы тяжело раненыхъ и похоронили убитыхъ; такъ какъ при этомъ съ обѣихъ сторонъ не происходило стрѣльбы, то я заключаю, что командующіе заключали вѣроятно на нѣсколько часовъ перемиріе. Дневной приказъ извѣстилъ насъ въ тоже утро, что генералъ-лейтенантъ Гувіонъ принялъ команду и надъ нашимъ вторымъ армейскимъ корпусомъ. Но желалъ ли генералъ ждать второго наступленія на городъ, или же онъ хотѣлъ, ставъ главнокомандующимъ, отличиться въ сраженіи, неизвѣстно; вѣрно то, что военный совѣтъ, созванный имъ и состоявшій изъ дивизіонныхъ генераловъ, рѣшилъ предпринять наступленіе.

Библиотека "Руниверс"

Снова наша дивизія назначена была главнымъ генераломъ въ резервъ, не смотря на то, что другія дивизіи были недовольны и требовали, чтобы третья, еще не участвовавшая въ сраженіи, теперь была впереди и т. д. Главный генералъ на это отвѣчалъ имъ будто бы: «Господа! Я знаю Швейцарцевъ, батальонъ перваго полка былъ при Кастельфранко (Castelfranko) въ Италіи подъ моей командой. Французы болѣе способны, по своей живости, къ наступленію; но если бы начинанія дѣло дошло до отступленія, то мы можемъ разсчитывать на хладнокровіе и мужество Швейцарцевъ, и на этомъ основаніи они должны еще сегодня быть въ резервѣ».

Наступленіе должно было начаться въ 5 часовъ вечера. Наша тяжелая артилерія, стоявшая на лѣвомъ берегу, начала подвигаться впередъ. Маленькіе рвы и садики должны были способствовать нашему успѣху. Будучи въ этотъ день дежурнымъ офицеромъ у бригаднаго генерала, я могъ быть по этому хорошимъ наблюдателемъ. Съ мѣста первоначальной стоянки главнаго генерала и его штаба можно было видѣть линіи обѣихъ армій, что̀ представляло грандіозное зрѣлище и въ тоже время смѣлость съ нашей стороны. Развѣ не смѣлость—нападать на болѣе насъ сильнаго непріятеля, которому мы лишь нѣсколько часовъ тому назадъ должны были уступить правый берегъ? Изъ 200 пушекъ раздавались на обѣихъ сторонахъ выстрѣлы; громъ пушечной стрѣльбы былъ настолько силенъ, что ружейной стрѣльбы почти не было слышно. Наши всюду подвигались впередъ, имѣя большею частью по бокамъ артилерію. Первая непріятельская линія была отброшена на вторую, пушки взяты, которыя однако скоро вмѣстѣ съ нѣкоторыми нашими большими орудіями снова отняты Русскими драгунами; но какъ только эти послѣдніе двинулись съ добычей, то должны были ее отдать нашимъ храбрымъ кирасирамъ. Нашъ центръ былъ прерванъ отрядомъ непріятельскихъ драгуновъ, и наша третья дивизія была уже готова къ стрѣльбѣ, какъ вдругъ наши кирасиры отчаянно напали на драгуновъ; послѣдніе должны были съ потерей пуститься въ бѣгство; нѣкоторые изъ нихъ были задержаны.

Битва была кровавая, такъ какъ непріятель оказывалъ отчаянное сопротивленіе. На перекресткѣ двухъ дорогъ, по которымъ пришелъ непріятель, произошло отъ толкотни полное замѣшательство, и общее бѣгство сдѣлалось неизбѣжнымъ. Часть пѣхоты, въ невозможности спастись по дорогамъ, отправилась въ лѣсъ и избѣгла такимъ образомъ встрѣчи съ нашей кавалеріей, слѣдовавшей за нею по пятамъ. Произойди закатъ солнца нѣсколькими часами позже, непріятель потерялъ бы половину своихъ людей; но ночь спасла бѣгущихъ.

Библиотека "Руниверс"

Потеря Русскихъ считалась въ 3000 убитыхъ. Раненыхъ 4000 и плѣнныхъ 1000 привезены были въ Полоцкъ, равно 13 пушекъ и нѣсколько телѣгъ съ порохомъ. Одинъ генералъ и нѣсколько офицеровъ находились между плѣнными.

Нашъ главнокомандующій получилъ рану въ правой ногѣ, два другихъ генерала ранены, два полковника убиты, много штабъ-офицеровъ и около 120 субалтернъ-офицеровъ убито и ранено; потеря наша въ солдатахъ и унтеръ-офицерахъ доходила до 2000 убитыхъ и 3000 раненыхъ, всякій невольно дрожалъ отъ ужаснаго зрѣлища. Всѣ тяжело раненые лежали до слѣдующаго утра и все просили воды. Эти несчастные, другъ и недругъ, подняты были нашими людьми и отправлены въ городскую амбулаторію.

Въ этой битвѣ особенно хорошо отличились Баварцы; два раза они дали почувствовать непріятелю, желавшему прорвать ихъ линію, дѣйствіе штыковъ, и въ послѣдній разъ они такъ удачно отбросили непріятеля, что имъ попалась въ руки Русская батарея изъ шести пушекъ. Гувіонъ получилъ отъ императора маршальскій жезлъ; 120 медалей роздано было арміи, изъ которыхъ Баварцы получили 60; всѣ вакантныя мѣста были замѣщены.

Швейцарцы въ передовой линіи. Лагерная жизнь.

25-го Августа наша дивизія въ первый разъ образовала первую линію, и мы заняли крайніе посты при Роппѣ и Галцеловѣ, на дорогахъ въ С.-Петербургъ и Ригу.

Тутъ послѣ битвы 18-го Августа непріятель собрался и устроилъ свою передовую линію; однако нашъ охотничій батальонъ перваго полка, которымъ командовалъ Дулликеръ (изъ Люцерна), не сдѣлалъ при видѣ непріятеля ни одного выстрѣла, но быстро набросился на него со штыками, и только обратившіеся въ бѣгство могли спастись. Въ лагерь приведено было 200 плѣнныхъ.

На слѣдующій день, когда наши гренадеры смѣнили этотъ батальонъ, непріятельская передовая линія отстояла отъ насъ на 1000 шаговъ. Приказъ гласилъ, чтобы мы въ случаѣ нападенія сохраняли свою позицію, пока не будетъ подослано подкрѣпленіе, и не дѣлали безъ нужды ни одного выстрѣла, что̀ также строжайше запрещено было часовымъ.

Обработанныя поля вблизи Полоцка простирались до лѣса на $^3/_4$ часа разстоянія; здѣсь мы расположились лагеремъ. Вторая бригада нашей дивизіи, заключавшая въ себѣ первый и второй Швейцарскіе полки, вплотную примыкали къ С.-Петербургской дорогѣ на 700 ша-

Библиотека "Руниверс"

говъ отъ лѣса. Она плохо содержалась, мѣсто болотистое, и дорога ведетъ въ Роппу, на часъ разстоянія отъ нашего лагеря. Каждые 24 часа находившійся тамъ передовой батальонъ смѣнялся другимъ, которому каждый разъ отряжался въ подкрѣпленіе пикетъ кавалеріи.

Четвертый Швейцарскій полкъ первой бригады генерала Аме находился въ Полоцкѣ, въ то время какъ Кроатскій (Иллирійскій) полкъ расположился при Двинѣ; эта бригада служила лѣвымъ крыломъ Третій Швейцарскій и 123-й линейный полки находились позади Полоцка. Кавалерія и артилерія, причисленныя къ третьей дивизіи, расположились лагеремъ позади центра. Часть шестого армейскаго корпуса (Баварскаго) была сначала позади нашей дивизіи и образовала вторую линію; вторая половина закрывала собою лѣвый берегъ Дисны.

Это распредѣленіе войскъ, затишье, наступившее послѣ дѣла 18-го Августа, многія маленькія траншеи, большіе валы сильно укрѣпленные по всей линіи, окруженные палисадами, уничтоженіе всѣхъ садовыхъ кустовъ, деревьевъ и домовъ на правомъ берегу между нашими линіями, привозъ плодовъ, устроенные магазины, возвращеніе Поляковъ и Евреевъ (бѣжавшихъ городскихъ жителей) и оживленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ начавшійся торгъ, для защиты котораго жителямъ дана была часть солдатъ, все это должно было привести насъ къ мысли отказаться на сей годъ отъ дальнѣйшихъ завоеваній и подумать о зимней квартирѣ.

Наши лагерные бараки были въ короткое время хорошо установлены и имѣли лучшій видъ, чѣмъ жилища Русскаго крестьянина. Я запасся нѣкоторымъ количествомъ мяса и колбасы, которыя копгилъ и которыхъ достало бы мнѣ на всю зиму.

Однако съ каждымъ днемъ ощущался все больше недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ. Я не могу вспомнить о выдачахъ хлѣба и другихъ припасовъ, исключая мяса, въ нашей бригадѣ. Почти ежедневно въ продолжени 8, 9 и 10 часовъ мародеры къ намъ приносили на плечахъ въ лагерь припасы. 15—16 человѣкъ изъ каждой роты были ежедневно заняты добываніемъ необходимыхъ припасовъ, такъ что въ лагерѣ, не считая солдатъ, отправлявшихъ въ то время по очереди службу, оставалось мало людей. Армія такимъ образомъ въ продолженіи похода потеряла тысячи людей; не будетъ много, если скажемъ, что число такимъ образомъ погибшихъ дошло до 40000 человѣкъ. Многіе гибли въ лѣсахъ отъ прятавшихся тамъ крестьянъ, другіе взяты казацкими отрядами. Возможно, что многіе сами перебѣгали къ непріятелю для избѣжанія голодной смерти. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ во всемъ лагерѣ свирѣпствовала дезинтерія, особенно въ Сентябрѣ; многія сотни отъ нея умерли; даже выздоравливавшіе были долгое время блѣдны какъ смерть.

Библиотека "Руниверс"

Меня также постигла жестокая участь: восемь дней я лежалъ въ городѣ у одного Еврея на соломѣ, и такъ какъ въ продолженіи трехъ дней у меня было полнѣйшее отсутствіе аппетита, то оставалось мнѣ мало надежды на выздоровленіе; но при видѣ другихъ пяти офицеровъ, страдавшихъ тою же болѣзнію, положеніе мое казалось мнѣ сноснѣе. Я былъ однако настолько слабъ, что могъ ходить по комнатѣ не иначе, какъ придерживаясь стѣны. На четвертое утро прошелъ мимо меня слуга, несшій своему господину хорошо приготовленное жаркое. Жизнь во мнѣ заговорила; поднявшись, я сказалъ ему: «Если твой господинъ не съѣстъ всего жаркова, то принеси мнѣ остатки». Скоро этотъ добрый человѣкъ принесъ мнѣ довольно хорошій кусокъ; половину я охотно съѣлъ, остальное возвратилъ. Съ этого дня мой слуга долженъ былъ ежедневно подавать мнѣ къ обѣду рисовый супъ и телячье жаркое; эта пища подняла меня на ноги. Четыре дня спустя я было совсѣмъ поправился. Повторяю, что эта пища была моимъ лучшимъ лекарствомъ, но стоила она мнѣ дорого: я заплатилъ за нее до 18-го Октября не менѣе шести дублоновъ. Этимъ деньгамъ и еще 17 дублонамъ, спрятаннымъ у меня въ мѣшкѣ, я обязанъ счастливымъ для меня исходомъ знаменитаго похода 1812 года.

Когда я пришелъ къ полковнику, также очень больному, и заявилъ ему, что я выздоровѣлъ и намѣренъ отправиться въ лагерь, докторъ-маіоръ Нейманъ (изъ Нидвальдена), бывшій въ комнатѣ полковника, сказалъ мнѣ, что я скоро вернусь, такъ какъ дезинтерія, господствовавшая въ лагерѣ, заразительна. На это я ему отвѣчалъ: «Служба требуетъ, чтобы я былъ на своемъ мѣстѣ, а перецъ и мускатовые орѣхи у меня въ мѣшкѣ; ими я себѣ и безъ докторскаго совѣта помогу; надѣюсь, что впередъ будетъ тоже». «C'est remède de cheval, qui vous tuera» (это конское средство, которое васъ уморитъ) отвѣчалъ онъ. Я не обратилъ вниманія на докторскій совѣтъ и прибылъ къ полудню въ лагерь (13-ое Октября). Однако случилось то, что Нейманъ предсказалъ: я снова слегка заболѣлъ дезинтеріей. Но я все таки могъ продолжать службу.

Баварцы меньше всѣхъ могли бороться съ описаннымъ бѣдствіемъ; они были слишкомъ слабы для добыванія необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, такъ что мясо было у нихъ единственной пищей. Ежедневно 12—20 этихъ несчастныхъ гибло въ страшныхъ мученіяхъ. Я лично много разъ видѣлъ, какъ они падали и на мѣстѣ умирали. Вслѣдствіе плохого полицейскаго порядка трупы иногда оставались по нѣскольку дней на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Нашъ армейскій корпусъ получилъ 12 Октября подкрѣпленіе въ 5000 человѣкъ, изъ которыхъ на долю четырехъ Швейцарскихъ пол-

Библиотека "Руниверс"

ковъ пришлось около 1000. Во время этого гибельнаго отдыха, когда мы потеряли столько солдатъ, армія Витгенштейна получала подкрѣпленія, и такъ какъ императоръ Россійскій знакомъ былъ съ ужаснымъ положеніемъ большой арміи, благодаря многимъ перебѣжчикамъ и плѣннымъ, то у нихъ рѣшили вступить съ непрошенными гостями въ бой, для чего выбранъ день 18-ое Октября.

Схватка при кладбищѣ въ Роппѣ.

17-ое Октября къ вечеру непріятель напалъ на нашу передовую линію и достигъ бы вѣроятно лагеря, если бы не подоспѣлъ во время нашъ гренадерскій батальонъ подъ командой капитана Жилли (Gilly). Этотъ батальонъ успѣлъ еще расположиться въ Роппѣ на кладбищѣ, окруженномъ стѣною въ 5 футовъ вышины, въ ожиданіи прихода непріятеля. У этого кладбища соединяются дороги, ведущія къ С.-Петербургу и Ригѣ. Можно теперь понять, какъ удачны были выстрѣлы изъ за стѣны въ непріятеля, приближавшагося колоннами. Лѣсъ былъ на столько густъ, что пѣхота съ трудомъ пробивалась. Маленькіе форпосты медленно отступали, пока ихъ не отбрасывали къ названному кладбищу.

Не обращая вниманія на убійственное сопротивленіе, непріятель подвигался впередъ, и батальонъ наравнѣ съ другими на кладбищѣ оказался окруженнымъ. Въ такомъ положеніи осажденные употребили послѣднія пули, которыхъ каждый имѣлъ по 60 штукъ. Это обстоятельство и наступившая темная ночь способствовали быстрому отступленію. Какъ разъяренные львы они набросились на близъ стоявшихъ Русскихъ. Впродолженіи ¼ часа дѣйствовали штыки, пока осажденные не вышли на дорогу, по которой они вернулись въ лагерь; однако потеря въ этомъ батальонѣ была для нашего полка крайне чувствительна.

Командующій Жилли (изъ Люцерна) былъ убитъ въ концѣ схватки, какъ разъ въ то время, когда онъ успѣлъ выйти на дорогу. Капитанъ Дрюей (Druey изъ Фрейбурга) раненъ въ голову; при провѣркѣ недоставало 150 гренадеровъ, вѣроятно убитыхъ, и между оставшимися насчитывалось 50 раненыхъ.

Потеря непріятеля была безъ сомнѣнія въ четыре или пять разъ больше. Онъ довольствовался тѣмъ, что занялъ нашу передовую линію и держалъ себя спокойно. Гренадеры отряда Жилли принесли своего капитана въ лагерь, гдѣ его въ присутствіи всѣхъ офицеровъ бригады похоронили; было 11 часовъ ночи; легко раненыхъ въ ту же ночь перевязали.

Я въ этотъ день былъ полицейскимъ дежурнымъ въ полковомъ лагерѣ и при первомъ извѣстіи о нападеніи на наши форпосты, также

Библиотека "Руниверс"

пожелалъ вступить въ бой; однако я получилъ отъ полковника отвѣтъ, что такъ какъ я уже имѣю назначеніе, то меня не могутъ отпустить. Мнѣ было очень непріятно, что я не могъ принять участіе въ этой славной схваткѣ.

При извѣстіи, что на наши форпосты сдѣлано нападеніе, въ лагерѣ началась оживленная упаковка; багажъ отправленъ на лѣвый берегъ Двины, также всѣ тѣ, которые еще не выздоровѣли.

Битва при Полоцкѣ 18-го Октября.

Во всю ночь всѣ были подъ ружьемъ, патрули безпрестанно расхаживали, въ лагерѣ шла оживленная бесѣда. Офицеры обоихъ полковъ, обходя фронты, сталкивались, и разсвѣтавшее утро ожидалось нами съ нетерпѣніемъ. Мы другъ другу пожимали руки, говоря: какъ думаешь, другъ, товарищъ? Удастся ли намъ хоть разъ показать, что̀ значитъ имѣть дѣло съ Швейцарцами? Конечно, понятно, очередь за нами—пожинать плоды мужества, говорили всѣ. Нѣкоторые, полные одушевленія, кричали: «Мы не сдадимся до послѣдняго человѣка!» при чемъ иные добавляли: «Швейцарская вѣрность никогда не устарѣетъ!» и «хоть насъ и мало, но непріятелю не дешево съ нами развѣдаться!» Такое же настроеніе духа господствовало между унтеръ-офицерами и солдатами, расположившимися съ своими трубками вокругъ костровъ. Схватка съ передовой линіей пробудила у всѣхъ, бывшихъ до сихъ поръ только зрителями, желаніе помѣряться наконецъ съ непріятелемъ.

Непріятельская колонна, приближившаяся къ намъ, считалась въ 12,000, направлявшаяся къ нашему правому крылу—въ 20,000 и переправившаяся еще 17 Октября чрезъ Двину при Дриссѣ въ 8000 человѣкъ. Такимъ образомъ мы должны были имѣть дѣло съ 40000-нымъ непріятелемъ, которому могли противупоставить лишь 25000 человѣкъ, такъ какъ треть нашихъ силъ уже не годилась для боя.

Баварцы и кирасирскій полкъ еще въ тотъ же вечеръ оставили свой лагерь и отправились для подкрѣпленія шестого армейскаго корпуса, находившагося на лѣвомъ берегу Двины, такъ что на лѣвомъ крылѣ мы имѣли не болѣе 3000 человѣкъ, способныхъ къ бою, считая въ томъ числѣ 1000 Кроатовъ. Наша кавалерія была на правомъ крылѣ, такъ какъ на той сторонѣ начатыя укрѣпленія еще не были готовы, въ то время какъ укрѣпленія на нашей сторонѣ могли насъ защитить въ случаѣ отступленія.

18-го Октября, на разсвѣтѣ дня, съ крайнихъ пунктовъ сдѣланы были нѣкоторые выстрѣлы, а какъ стало свѣтлѣе, ружейные выстрѣлы участились. Полчаса спустя наша батарея изъ 6 пушекъ, расположив-

Библиотека "Руниверс"

шаяся тамъ, гдѣ дорога входитъ въ лѣсъ, возвѣстила пушечной пальбой о приближеніи непріятеля. Непріятельская артилерія и кавалерія не имѣли иного пути, и только съ трудомъ непріятельская пѣхота могла пробираться по болотистому лѣсу, въ которомъ наши стрѣлки задержали ее на полтора часа.

Только когда непріятельскіе стрѣлки достигли опушки лѣса по двумъ сторонамъ дороги, наша батарея послѣ убійственнаго огня начала отступать, причемъ почти полчаса могла дѣйствовать картечью по направленію приближавшагося непріятеля. Батарея установилась за вторымъ рядомъ укрѣпленій, и пушки ея снова дѣйствовали успѣшно.

Въ то время какъ наши стрѣлки получили подкрѣпленіе, бригада наша установилась позади лагеря. Какъ только наша батарея оставила первыя укрѣпленія, непріятельская артилерія могла тотчасъ же начать свое дѣйствіе. Съ первымъ Русскимъ пушечнымъ выстрѣломъ мы услышали уши раздирающіе крики «ура». При этомъ оставленный нами лагерь запылалъ въ огнѣ. Изъ-за густаго дыма горѣвшаго лагеря непріятель нѣкоторое время не могъ различить наше положеніе и долженъ былъ на время пріостановить свои дѣйствія. Наконецъ снова раздался съ Русской стороны пушечный выстрѣлъ въ сопровожденіи криковъ «ура».

Непріятельскія ядра попадали, отскакивая мимо лѣваго крыла нашего войска въ гренадерскій баталіонъ втораго полка, немедленно потерявшаго нѣсколько человѣкъ. На это мы отвѣчали отчаянной пальбой и заставили быстро приближавшуюся непріятельскую пѣхоту остановиться на разстояніи 7—8000 шаговъ отъ насъ.

Такъ мы около получаса противустояли другъ другу, пока непріятельскій огонь не затихъ. Вдругъ кавалерія (драгуны и казаки) появилась изъ-за пѣхоты и съ опеломляющими криками «ура» быстро направлялась къ намъ; но въ одно мгновеніе наши сформировались, и какъ только кавалерія приблизилась къ намъ на 70 шаговъ, начали стрѣлять. Хорошо направленные выстрѣлы возымѣли свое дѣйствіе. многіе попадали съ лошадей, иные ускакали обратно. Пѣхота непріятельская и артилерія снова открыли огонь.

Отступивъ на 150 шаговъ, мы получили приказъ остановиться, что̀ мгновенно было исполнено. Мы стояли въ лучшемъ порядкѣ, когда множество кавалеріи снова скакало къ намъ; вѣроятно они думали, что заблаговременно попадутъ къ намъ въ тылъ, но во второй разъ имъ менѣе посчастливилось, нежели въ первый. Такъ какъ они думали разогнать нашъ маленькій отрядъ, то они дѣлали все, что̀ необходимо мужественному воину; штыки на сей разъ дѣйствовали усердно, и гре-

Библиотека "Руниверс"

падеры ихъ плотно держали въ рукахъ. Кавалерія отступила, и картечный градъ съ нашихъ батарей провожалъ ихъ еще долго.

Снова мы повернулись и, поддержанные нашей батареей, отступили на 4—500 шаговъ, гдѣ снова выстроились. Русская конная батарея пыталась воспользоваться каждою минутою, чтобы ея мѣтко направленный опустошительный огонь достигалъ насъ. Кавалерія все продолжала насъ безпокоить. Быстрымъ маршемъ наши охотничьи баталіоны подошли къ гренадерамъ и вслѣдствіи поворота непріятельскаго праваго крыла въ право, наша артилерія должна была бездѣйствовать. По исполненіи этого маневра, вся непріятельская кавалерія въ третій разъ направилась на насъ. Столкновеніе было для обоихъ полковъ сильно и опасно; замѣшательство сдѣлалось неизбѣжнымъ; второй полкъ, сражаясь и отступая, тѣснилъ насъ, такъ что вся наша бригада представляла собою одну сплошную массу.

Не поддаваясь непріятелю, мы, чтобы не быть отрѣзанными, отступая, продолжали сражаться и держались плотно другъ друга. Мы отскакивали назадъ для заряженія ружей и направлялись впередъ для стрѣльбы. При послѣднемъ ожесточенномъ кавалерійскомъ натискѣ, полковнику Рагусти показалось, что мы пустились въ бѣгство; онъ громко изъ всѣхъ силъ закричалъ: «Люди! Люди! Стойте! Не отступайте! Стойте!» Этотъ голосъ воодушевилъ новымъ мужествомъ сражавшихся, и мы наконецъ достигли углубленій подъ защитой нашихъ большихъ батарей, картечный огонь которыхъ остановилъ непріятельское преслѣдованіе.

Въ это же время на возвышеніи при Полотѣ (притокѣ Двины) появился для нашего подкрѣпленія третій Швейцарскій полкъ. Въ то время какъ мы были на берегу этой маленькой рѣчки, непріятель повернулъ назадъ. Перейди черезъ Полоту, рѣчку, въ которой вода достигала до колѣнъ и достигнувъ возвышенія, занятаго третьимъ полкомъ, наши люди снова выстроились въ порядкѣ позади этого возвышенія.

Прежде чѣмъ достичь рѣки Полоты, я увидѣлъ въ ямѣ полкового орла безъ прикрытія. Я спросилъ знаменщика, что̀ значитъ, что онъ одинъ и безъ стражи, и получилъ въ отвѣтъ: «Стража убита, и у меня также рана въ правой ногѣ». Призвавъ двухъ унтеръ-офицеровъ, я приказалъ имъ и знамёнщику не отходить отъ меня. Мы прошли рѣчку и взобрались на возвышеніе, довольно крутое, при чемъ потеряли многихъ нашихъ храбрыхъ товарищей. Между послѣдними были капитанъ Безенсенетъ, лейтенанты Буазо и Ломбардетъ (всѣ три изъ Ваадтскаго кантона).

На возвышеніи увидѣлъ я къ моей радости полковника, окруженнаго многими офицерами. Съ знаменщикомъ и однимъ сержантомъ я

Библиотека "Руниверс"

подошелъ къ нему и разсказалъ о томъ, что̀ видѣлъ въ ямѣ. Полковникъ былъ доволенъ и отдалъ приказъ, чтобы орла отдать другому, а раненаго знамёнщика отправить въ амбулаторію. Послѣ этого я вернулся къ третьему полку и тотчасъ замѣтилъ отрядъ Русской пѣхоты въ 60—70 человѣкъ, который, стоя въ углубленіи на колѣняхъ, безпрестанно стрѣлялъ въ канониров близкой батареи, въ то время какъ другіе Русскіе были въ отступленіи. Я попросилъ у корпуснаго оберъ-лейтенанта вблизи котораго я находился, чтобы онъ далъ мнѣ 30 человѣкъ, вызываясь всѣми мѣрами прогнать маленькій Русскій отрядъ; однако онъ извинился, что у него мало людей, и это меня крайне опечалило. Скоро къ моей радости одинъ Французскій офицеръ, охранявшій обстрѣливаемую батарею, выполнилъ то, что̀ я намѣревался сдѣлать. Онъ имѣлъ только 25 человѣкъ, но такъ какъ напалъ на Русскихъ врасплохъ, то сіи послѣдніе пустились въ бѣгство, при чемъ около 25 человѣкъ попалось въ плѣнъ.

Отъ большой пальбы второй полкъ значительно больше потерпѣлъ, нежели мы, хотя и наша потеря была велика. Кромѣ трехъ названныхъ Ваадтскихъ офицеровъ были убиты командиръ фонъ-Дулликеръ и второй лейтенантъ Кобельтъ; 11 офицеровъ ранены, изъ нихъ три опасно. Изъ послѣднихъ я долженъ особенно назвать капитана де-Камареса изъ Ваадта, командовавшаго гренадерскимъ баталіономъ. При отступленіи послѣ первой кавалерійской атаки пушечная пуля оторвала ему съ правой ноги кусокъ мяса; мой проводникъ и слуга потеряли отъ этой же пули правыя ноги, что̀ случилось бы также съ де-Камаресомъ, если бы онъ не стоялъ дальше на 4 дюйма; всѣ три упали предъ моими глазами на землю, какъ бы пораженные молніей. Любопытство заставило меня направиться къ второму полку, чтобы посмотрѣть, что̀ тамъ происходитъ, я не дошелъ всего на два шага, какъ случился вышеописанный ударъ, и я счелъ за лучшее оставаться на своемъ посту. На отчаянные вопли де-Камареса «mes camarades, ne m'abandonnez pas. Eh mon Dieu! J'ai cassé ma jambe»*) подбѣжали къ нему двое унтеръ-офицеровъ и унесли его съ поля битвы. Наша бригада потеряла больше половины своего численнаго состава; потеря въ унтеръ-офицерахъ и солдатахъ въ первомъ полку дошла до 200 убитыхъ и 300 раненыхъ, а во второмъ полку до 8 убитыхъ и 25 раненыхъ офицеровъ, и 250 убитыхъ и 380 раненыхъ унтеръ-офицеровъ, и солдатъ. Между тяжело ранеными офицерами находился командиръ Фюсли (изъ Цюриха), молодой, храбрый штабъ-офицеръ умершій отъ раны въ Ковно. Подъ полковникомъ второго полка убита была ло

*) Мои товарищи, не покидайте меня. Ахъ, Боже мой! Мнѣ раздробило ногу.

Библиотека "Руниверс"

шадь. Жалобныя стоны нашихъ тяжело раненыхъ подбодряли наше мужество. Слишкомъ 200 добровольцевъ вызвалось намъ помочь; но такъ какъ казаки заняли $^2/_3$ поля битвы, то надо было ихъ раньше оттуда прогнать, что, благодаря хорошимъ мѣрамъ, удалось добровольцамъ, такъ что грабители должны были отказаться отъ добычи и искать спасенія въ бѣгствѣ. Отъ времени до времени казаки съ криками «ура» снова появлялись, но нѣсколько хорошо направленныхъ выстрѣловъ обращало ихъ въ поспѣшное бѣгство. Число поднятыхъ тяжело раненыхъ, отправленныхъ еще въ тотъ же вечеръ въ амбулаторію, дошло до 250 человѣкъ. Вотъ доказательство того, какъ наши люди были связаны взаимной дружбой: непріятель имѣлъ дѣло съ полными мужества воинами. Кроаты, не устоявшіе при одной схваткѣ, потеряли нѣсколько сотъ человѣкъ. Они были оттиснуты до Полоты, гдѣ эта рѣчка впадаетъ въ Двину. Это смѣлое дѣло стоило непріятелю немало; ему пришлось въ продолженіи 10 минутъ быть подъ перекрестнымъ картечнымъ огнемъ, такъ какъ батареи съ лѣваго берега Двины могли безпрепятственно стрѣлять.

Обѣ первыя дивизіи сохранили свой лагерь благодаря сильному подкрѣпленію со стороны нашей общей кавалеріи, впрочемъ не безъ потери многихъ убитыхъ и раненыхъ.

На лѣвомъ берегу Двины непріятельская колонна находилась отъ Полоцка на разстояніи $1^1/_2$ часовъ пути; однако Баварцы, при всей ихъ слабости, отбили непріятеля съ помощью полученнаго подкрѣпленія кавалеріей. Безспорно, что непріятель потерялъ въ этотъ день много людей, чему особенно способствовалъ картечный огонь. Отъ лагеря до города мы добрыхъ полчаса должны были пробираться сквозь непріятельскій строй.

Выступленіе изъ Полоцка.

19-го Октября утромъ подошелъ къ намъ бригадный генералъ, баронъ де-Сандерасъ и пригласилъ возвести по всей линіи валъ для защиты отъ непріятельскихъ батарей. Наша бригада заняла вышеуказанное возвышеніе. Безъ ломовъ и лопатъ трудно было выполнить эту земляную работу; однако я попалъ на мысль изслѣдовать мѣстность и попросилъ у сержанта моей роты, Каа, его саблю, которую я въ нѣсколькихъ мѣстахъ ткнулъ въ землю. Оказалось песчаное наслоеніе. Саблями разрыхлили землю; крыши съ домовъ были сняты, и изъ легкихъ досокъ сдѣланы лопаты; тяжелыя балки, бочки и деревянныя издѣлія клали на самомъ крайнемъ возвышенномъ пунктѣ, и на нихъ насыпался песокъ. Работая такимъ образомъ, мы къ четыремъ часамъ вечера были готовы, ровъ вышелъ глубиною въ 4 и шириною въ 3 фута, и ему многіе обязаны своимъ спасеніемъ.

Библиотека "Руниверс"

Къ вечеру наше правое крыло въ виду непріятеля сожгло свой лагерь; вѣтеръ направлялъ густой дымъ въ сторону непріятеля; въ это же время обѣ стороны обмѣнялись пушечными выстрѣлами.

Съ наступленіемъ ночи началось наше отступленіе чрезъ Двину. Непріятель держалъ себя сначала спокойно; однако къ 11 часамъ его главнокомандующій получилъ отъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ Кроатовъ *) извѣстіе о происходившемъ въ городѣ. Около половины 12-го часа началась съ его стороны страшная канонада и бомбардировка. Такъ какъ наша больница была подвержена большой опасности, то маршалъ отправилъ къ графу Витгенштейну парламентера съ просьбой, щадить больницу, переполненную ранеными. Витгенштейнъ будто бы спросилъ парламентера, почему не отвѣчаютъ на его огонь. Парламентеръ отвѣчалъ, что наша артилерія стоитъ на лѣвомъ берегу, что̀ графа крайне разсердило: бомбардировка только усилилась, и изъ малыхъ орудій пули, точно дождь, падали въ городъ; больница была однако пощажена. Къ 2 часамъ утра весь городъ былъ въ пламени; окрестные дома были по приказанію подожжены нашими людьми, чтобы лучше можно было наблюдать за движеніями непріятеля. Послѣдовало нѣсколько штурмовъ, но каждый разъ непріятель сверхъ своего ожиданія былъ отбрасываемъ, какъ картечнымъ огнемъ, такъ и саблями и ружейными прикладами. Третій и четвертый Швейцарскіе полки отлично защищали отступленіе и даже послѣ того, какъ вся артилерія ушла, отбивали 3—4 раза штыками нападенія непріятеля въ самомъ городѣ, въ то время какъ къ четыремъ часамъ остальныя войска въ полномъ порядкѣ и безъ шуму достигли лѣваго берега Двины. Аріергардъ былъ такъ тѣснимъ, что ему съ трудомъ удалось уничтожить оба моста. Оба названные Швейцарскіе полка потеряли въ эту ночь 400 человѣкъ. На наше возвышеніе непріятель не произвелъ штурма, и ровъ вполнѣ защищалъ насъ до отступленія. Оправдалось то, что̀ сказалъ маршалъ Гувіонъ своимъ дивизіонерамъ о Швейцарскихъ полкахъ, такъ какъ при выступленіи изъ Полоцка Швейцарцы вели себя хорошо и храбро, что̀ дѣлало имъ много чести, не смотря на то, что газеты объ этомъ молчали. При вступленіи въ Полоцкъ графъ Витгенштейнъ былъ пораженъ; найдя тамъ не болѣе 1300 тяжелораненыхъ, оставленныхъ на его человѣколюбивое попеченіе. Тѣмъ болѣе онъ былъ удивленъ, что тѣшился мыслью, будто онъ занялъ городъ штурмомъ. 20-го Октября графъ Витгенштейнъ послалъ будто бы къ маршалу парламентера, съ порученіемъ выразить ему свое удивленіе по поводу славнаго выступленія изъ города.

*) Славянская кровь почувствовалась. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Сраженіе при Борисовѣ.

Отъ 21 до 31 Октября мы шли чрезъ Учацъ въ Чашики, куда непріятель сопровождалъ насъ по пятамъ и своей легкой артилеріей напоминалъ о себѣ. Въ полусгорѣвшемъ лагерѣ мы заняли позицію; но такъ какъ гранаты и пушечныя ядра долетали до насъ, то бригадный генералъ приказалъ намъ сплотиться и стать позади большого амбара. Генералъ и большая часть офицеровъ изъ нашего полка стояли вблизи амбара, какъ вдругъ между нами и фронтомъ нашихъ батальоновъ упала граната. Въ одно мгновеніе гренадеръ, имени котораго я не могу припомнить, бросился на гранату, повернулъ ее фитилемъ къ землѣ и предотвратилъ такимъ образомъ взрывъ. За его ловкость многіе офицеры подарили ему денегъ.

Въ тотъ же день пришелъ къ намъ девятый армейскій корпусъ подъ командой маршала Виктора, состоявшій изъ Нѣмцевъ; въ немъ было 30000 человѣкъ, и онъ еще не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи. Также мы увидѣли съ 17-го Августа въ первый разъ маршала Удино, снова принявшаго команду надъ вторымъ корпусомъ. Съ такимъ подкрѣпленіемъ мы могли бы отбросить непріятеля черезъ Двину, если бы въ карманахъ маршаловъ не было другихъ приказаній, оставшихся для насъ загадкой.

Послѣ того какъ мы простояли въ нашей позиціи два часа и, насколько мнѣ извѣстно, никого не потеряли, несмотря на то, что пушечныя ядра насъ достигали, насъ смѣнила пришедшая третья бригада, позже потерявшая нѣсколько человѣкъ. Наша бригада шла полчаса обратно; на одномъ возвышеніи мы остановились и получили приказъ расположиться на отдыхъ. На обратномъ пути мы видѣли съ нашей правой стороны большую часть девятаго армейскаго корпуса и ясно слышали команду: «ружья вверхъ, ружья внизъ!»

Отъ Чашикъ мы въ пять дней пришли черезъ Сіено въ Черею, гдѣ простояли 4 дня. На 5-ый день мы снова выступили въ походъ. Издали слышна была умѣренная канонада, къ которой мы все больше и больше приближались, и на слѣдующій день вечеромъ мы снова ближайшимъ путемъ очутились вблизи Чашики. Этотъ маневръ казался намъ загадочнымъ. Мнѣ потомъ сообщили, что непріятель показался на кратчайшемъ пути, въ часовомъ разстояніи отъ Череи, но на него напалъ девятый корпусъ и преслѣдовалъ, такъ что онъ быстро удалился. Это можетъ быть и вѣроятно, такъ какъ мы нигдѣ не натолкнулись на непріятельскія войска. Изъ Чашикъ не видать было шестого и девятаго армейскихъ корпусовъ. Отсюда мы отправились черезъ Черею въ Орлу,

Библиотека "Руниверс"

куда прибыли черезъ нѣсколько дней; мимо ея пролегаетъ дорога отъ Вильны до Москвы.

24-го Ноября мы выступили въ Борисовъ; за два часа до него мы были сразу ошеломлены стрѣльбой изъ малыхъ орудій; иногда раздавались пушечные выстрѣлы. Мы еще не знали, въ чемъ дѣло, мы ли нападаемъ или на насъ напали.

Въ нашихъ рядахъ сразу пронеслось: «маршъ! маршъ!» и мы начали бѣгать, въ то время, какъ мимо нашихъ фланговъ быстро проскакала легкая кавалерія, тащившая и насъ за собою. Четверть часа мы такимъ образомъ бѣжали, какъ вдругъ на открытомъ мѣстѣ намъ велѣно было остановиться и снова выстроиться. Передъ нами на землѣ лежало 600 плѣнныхъ Русскихъ, изъ которыхъ многіе были ранены, а мѣстами мы видѣли убитыхъ. Мы не могли понять, какъ это все произошло, пока не разрѣшили намъ загадку.

Какъ только мы оправились отъ скораго бѣгства, любопытство погнало насъ къ плѣннымъ, среди которыхъ мы замѣтили мало офицеровъ; одинъ плѣнный капитанъ, говорившій хорошо по французски, сказалъ намъ, что мы были отрѣзаны и что они принадлежатъ къ армейскому корпусу адмирала Чичагова, вернувшагося съ Турецкой границы и занявшаго правый берегъ Березины, и что они авангардъ этого корпуса. Онъ добавилъ, что уже во второй разъ въ плѣну у Французовъ, но на сей разъ онъ не думаетъ, что будетъ отвезенъ во Францію. Этотъ капитанъ получилъ вѣроятно хорошое образованіе. Плѣнные были частью непріятельскаго авангарда. Остальные Русскіе были безпрестанно преслѣдуемы до Борисова и отброшены за Березину. Недалеко отъ моста у непріятеля отнято было еще 200 багажныхъ и муниціонныхъ телѣгъ, которыя по разграбленіи сожгли на бивуакахъ. Непріятель на другомъ концѣ моста на правомъ берегу имѣлъ очень хорошую позицію, позволявшую ему господствовать надъ Борисовымъ. Въ его власти было превратить городъ въ кучу золы.

Къ обѣду мы вступили въ Борисовъ; весь нашъ армейскій корпусъ занялъ позицію въ различныхъ направленіяхъ по всему лѣвому берегу Березины. Наша дивизія осталась въ Борисовѣ. 25-го мы замѣтили на непріятельской сторонѣ вновь возведенныя укрѣпленія и батарею, направленную на мостъ, длиною въ 180 футовъ; батарея имѣла 18—20 пушекъ и производила на зрителя сильное впечатлѣніе.

Прибытіе Наполеона и Московская армія.

Уже 24-го вечеромъ прибылъ императоръ Наполеонъ во главѣ своего генеральнаго штаба въ Борисовъ. Онъ продолжалъ свой путь до моста. Любопытство погнало меня также за его свитой, остановившейся

Библиотека "Руниверс"

за 60 шаговъ до моста. Императоръ одинъ подошелъ къ мосту до нашего послѣдняго караула, отстоявшаго отъ Русскаго всего на 50 шаговъ, потому что Русскіе не успѣли снять мостъ. Послѣ 5—8 минутъ стоянки, императоръ вернулся обратно и въ сопровожденіи свиты подъѣхалъ къ бивуакамъ нашей дивизіи. Я отправился къ ротѣ въ ожиданіи, что Наполеонъ устроитъ намъ смотръ; но такъ какъ этого не было, то мы имѣли достаточно времени для наблюденія за происходившимъ.

Мы отправились къ мѣсту, съ котораго лучше всего можно было видѣть приближеніе Московской арміи. Но что за ужасное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ! Та самая армія, которая шесть мѣсяцевъ тому назадъ заставила дрожать всю Европу и была обезпечена всѣмъ лучшимъ, стала неузнаваемой. Въ изодранныхъ мундирахъ, безъ сапоговъ, оружія, съ перевязанными головами, руками и ногами; закутанныя въ кожухи, страшно исхудалыя лица, многія изъ нихъ похожи были на Мавровъ, смѣшеніе всѣхъ сортовъ оружія; немногіе, имѣвшіе оружіе, завернули его въ тряпки. Все это сразу предстало нашему взору. Наибезобразнѣйшая карикатура не могла бы выдержать сравненія съ описанной картиной; однимъ словомъ, перо не въ состояніи описать того, что̀ мы увидѣли.

Мы были ошеломлены этимъ зрѣлищемъ, и намъ казалось невозможнымъ вѣрить въ то, что̀ наши глаза видѣли. Всѣ мы глазами вопрошали другъ друга: «Что̀ думаешь ты объ этомъ и что̀ намъ еще предстоитъ?» Сознаніе, что мы также во всемъ терпѣли недостатокъ и боролись со всякими невзгодами, что и мы сражались и никогда не уступали непріятелю поля битвы какъ побѣжденные, что мы провезли до Борисова завоеванныя нами 25 Русскихъ пушекъ, что мы сохранили наши оружіе и платье, также дисциплину,—эти воспоминанія должны во всякомъ случаѣ намъ льстить, особенно когда мы теперь должны были быть авангардомъ императора противъ ядра Русской арміи. На этомъ основаніи второй армейскій корпусъ могъ гордиться своимъ сохраненіемъ, такъ какъ мы имѣли 8000 способныхъ и боя жаждавшихъ воиновъ.

Неудивительно, что на сей разъ императоръ согласился на всѣ безъ исключенія предложенія маршала относительно нашего корпуса, что̀ въ прежнихъ походахъ рѣдко случалось, особенно въ отсутствіи Наполеона, такъ что раньше иная заслуга съ нашей стороны оставалась невознагражденной. Теперь только въ тотъ же вечеръ мы, согласно императорскому декрету отъ 19-го Ноября, узнали о повышеніяхъ по службѣ и о числѣ новыхъ кавалеровъ ордена Почетнаго Легіона.

Нашъ полковникъ получилъ офицерскій орденъ Почетнаго Легіона и еще 13 кавалерскихъ орденовъ для перваго полка, изъ которыхъ

Библиотека "Руниверс"

одинъ выпалъ на мою долю. Гренадерскіе капитаны Блатманъ и Цингъ были назначены батальонными шефами; первый кромѣ того получилъ кавалерскій орденъ; второй, мой капитанъ, имѣлъ таковой уже съ битвы при Св. Евфиміи въ Калабріи. Второй полкъ получилъ 8, а третій и четвертый по 6 кавалерскихъ орденовъ.

Я присутствовалъ при томъ, какъ командиру Блатману пристегнули эполеты à gros bouillon и красный бантъ. Императорская милость вызвала довольство, мужество и усердіе во второмъ армейскомъ корпусѣ.

Я не могу вспомнить, чтобы за все наше пребываніе въ Борисовѣ хоть одинъ выстрѣлъ направленъ былъ въ городъ, до того наполненный людьми и солдатами всѣхъ родовъ оружія, что съ трудомъ можно было въ немъ пробираться. Если бы непріятель обстрѣливалъ городъ, многія тысячи неизбѣжно бы погибли. Вѣроятно этого не было въ ожиданіи главной арміи, находившейся сравнительно недалеко.

Переходъ черезъ Березину.

Въ ночь съ 25-го на 26 Ноября второй армейскій корпусъ выступилъ изъ Борисова въ его окрестности. Послѣ 3—4 часовъ ходьбы по лѣвому берегу Березины мы подошли съ разсвѣтомъ къ Студянкѣ и примкнули къ остальнымъ дивизіямъ. Здѣсь построены были два моста, причемъ императоръ 26-го утромъ явился сюда. Его присутствіе способствовало скорѣйшему окончанію работъ, такъ что къ 9 часамъ мосты были готовы къ переходу. Эта работа была уже начата ночью съ 24-го по 25-е подъ защитой первой дивизіи, въ то время какъ вторая дивизія слѣдила за непріятелемъ отъ Борисова до этого мѣста.

На правой и лѣвой сторонахъ возведены были батареи съ 12-ью пушками въ каждой. Я своими глазами видѣлъ, какъ по другой сторонѣ продефилировали непріятель: 1500 человѣкъ пѣхоты съ двумя полевыми орудіями и 800 казаковъ. Казалось, будто они получили приказъ пропустить насъ безпрепятственно, такъ какъ ни одного выстрѣла не послѣдовало во все время постройки мостовъ. Но какъ только наша легкая пѣхота прибыла на правый берегъ, чтобы найти непріятеля, вдругъ появился значительный казацкій отрядъ, спрятавшійся въ лѣсу. Однако егеря быстро сформировались и начали стрѣльбу, поддержанную безъ опасности батареями, послѣ чего казаки поскакали обратно.

Между тѣмъ начался общій переходъ при повторявшихся крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Когда очередь дошла до насъ, и мы должны были устроиться вблизи моста, до нашихъ ушей долетѣли слова императора, обращенныя къ генералу Мерлé: «Генералъ, довольны ли

Библиотека "Руниверс"

вы Швейцарцами?»—«Да, ваше величество, если бы Швейцарцы такъ же живо атаковали, какъ защищаются, то ваше величество были бы ими довольны».—«Да, я хорошо знаю, что они храбрые люди!»

Когда мы наконецъ перешли мостъ, мы также дружно привѣтствовали императора.

Теперь задача заключалась въ томъ, чтобы насколько возможно отбросить непріятеля къ его укрѣпленной позиціи напротивъ Борисова, однако наша дивизія цѣлый день не встрѣтила непріятеля. Да и вообще двухъ передовыхъ дивизій было бы достаточно, чтобы гнать его впередъ безъ потери. Въ продолженіи двухъ часовъ пути, слѣдуя за первыми дивизіями, мы не встрѣчали ни одного возвращавшагося раненаго. Приказано, чтобы мы остановились и выстроились по обѣимъ сторонамъ дороги въ оборонительныя колоны. О позиціи двухъ дивизій, бывшихъ впереди насъ, мы ничего не знали.

27-го было на нашей сторонѣ тихо, только вдали слышались пушечные выстрѣлы. Наполеонъ и Мюратъ были въ 11 часовъ утра у насъ, вѣроятно для осмотра линіи. Послѣдній, казалось, помнилъ насъ еще съ Неаполя, и шефы нашихъ батальоновъ имѣли честь говорить съ его величествомъ.

Нашего полковника Рагусти мы должны были оставить въ Борисовѣ, такъ какъ онъ былъ очень слабъ, что̀ насъ крайне печалило. Многіе изъ насъ предложили ему остаться съ нимъ, однако онъ не согласился и говорилъ: «Господа! Иныя обязанности, выполнить которыя вы должны прежде всего, зовутъ васъ, и если переходъ будетъ, какъ я надѣюсь, счастливъ, то мы скоро увидимся». Такъ какъ командиръ Блатманъ былъ старше Цинга, то сему послѣднему пришлось покинуть свой постъ: для нашихъ оставшихся 300 солдатъ было достаточно одного начальника. Перейдя Березину и оттѣснивъ непріятеля, мы могли немного свободнѣе вздохнуть. Передъ нами была открыта дорога въ Вильну, идущая вначалѣ въ продолженіи многихъ часовъ по болотистой почвѣ; это была однако боковая дорога въ Вильну, а не главная.

Битва при Березинѣ 28-го Ноября.

Утромъ 28-го Ноября выпало немного снѣгу. Было около половины 8-го часа утра, когда я прогуливался по дорогѣ съ командиромъ Блатманомъ. Онъ напомнилъ мнѣ о пѣснѣ, которую я прежде пѣвалъ и просилъ, чтобы я ее спѣлъ. Я исполнилъ его просьбу, и подъ конецъ онъ замѣтилъ, тяжело вздыхая: «Да, да, Легленъ, это такъ, это чудныя слова!» Скоро къ намъ подошли другіе офицеры, и мы провели утро въ разговорахъ и пѣніи. Было 9 часовъ, какъ пушечное ядро съ чертовскимъ шумомъ пролетѣло надъ нашими головами. Мы испугались,

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ не думали, чтобы мы были безъ форпостовъ, такъ близко отъ непріятеля чтобы слышать усиленную стрѣльбу; казалось, что гулъ отъ стрѣльбы изъ малыхъ орудій приближался къ намъ съ правой стороны. Вдругъ прискакалъ адъютантъ съ крикомъ: «На линію сдѣлано нападеніе». Едва мы подвинулись впередъ на нѣсколько сотъ шаговъ, какъ къ нашему удивленію увидѣли непріятельскую колону, приближавшуюся къ нашей правой сторонѣ. Необходимо было, во что бы то ни стало, направиться дальше; стрѣлки наши, движеніями назадъ и въ сторону, быстро удлинили свою линію и удерживали непріятеля пока мы не соединились съ другими двумя бригадами, которыхъ мы прежде было упустили изъ виду. Отсюда огонь продолжался безпрерывно, артилерія стояла по обѣимъ сторонамъ дороги; но благодаря перекрестному непріятельскому огню, мы не разъ почувствовали дѣйствіе пуль.

Такъ какъ Кроатскій полкъ получилъ, 26-го, другое назначеніе, то къ четыремъ Швейцарскимъ полкамъ причисленъ былъ теперь лишь 123-й Французскій линейный полкъ. Эти пять корпусовъ имѣли вѣроятно не болѣе 2500 головъ. Вторая линія образовалась позади насъ изъ маленькихъ отрядовъ Польской пѣхоты, двухъ эскадроновъ кирасировъ, одного эскадрона егерей и одного эскадрона улановъ. Пріободренные этимъ и зная, что мы защищены второй линіей, мы по возможности живо поддержали огонь, причемъ заняли позицію близъ стрѣлковъ. Съ обѣихъ сторонъ огонь былъ убійственный. Генералъ Амей и много штабъ-офицеровъ были ранены и многіе убиты, въ томъ числѣ нашъ командиръ Блатманъ, которому ружейная пуля пробила голову. Бригадный генералъ Канлерасъ и его адъютантъ также пали; сему послѣднему пушечная пуля сорвала голову.

Прислонившись къ дереву, я смотрѣлъ впередъ. У многихъ патроны были уже израсходованы, и число остававшихся безъ дѣла росло съ каждой минутой, такъ что минимумъ этого числа доходилъ по моему мнѣнію до 300 человѣкъ. Всѣ эти господа стали въ офицерской линіи, и никто о нихъ не заботился. Чтобы убѣдиться въ этомъ, я спросилъ одного такого солдата о причинѣ его бездѣятельности. «Дайте мнѣ патроны!» былъ его отвѣтъ. Кто могъ остаться спокойнымъ при такомъ отвѣтѣ? Я тревожно глядѣлъ вокругъ себя; наконецъ я увидѣлъ дивизіоннаго генерала Мерле́, бывшаго на лошади на 200 шаговъ позади меня. Я подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «Господинъ генералъ, посмотрите на 300 человѣкъ, они стоятъ позади фронта и не имѣютъ патроновъ; непріятель пользуется этимъ обстоятельствомъ, приближаясь къ намъ; можемъ ли мы его встрѣтить штыками?»—«Конечно, мой другъ! Бѣгите и прикажите отъ моего имени, чтобы пріостановленъ былъ огонь и чтобы непріятеля отбросили штыками. Я позабочусь о до-

Библиотека "Руниверс"

ставкѣ патроновъ». Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Я кричалъ изо всѣхъ силъ, насколько могъ: «По приказанію генерала, въ схватку! впередъ штыками! барабанщики, бейте рукопашную!» Мой крикъ былъ нѣсколько разъ повторяемъ, и барабаны забили. При нашей кучкѣ гренадеровъ я пожелалъ, чтобы барабанщики стояли впереди, такъ какъ пальбы не будетъ; но всѣ отказались выполнить это. Разсердившись, я схватилъ перваго встрѣчнаго барабанщика за шиворотъ, пригрозилъ ему смертной казнью, если онъ за мною не послѣдуетъ, и бѣгомъ потащилъ его за собою впереди фронта, при чемъ онъ одною рукою билъ «скорый шагъ»; однако, какъ только я его отпустилъ, пуля пробила ему челюсть. Этотъ барабанщикъ былъ изъ кантона Гларуса, изъ Рюти, именемъ Кундертъ; въ пылу волненій не замѣтилъ я, кто онъ и лишь въ 1816 году узналъ о томъ отъ него самого, когда мы служили въ Десбургѣ въ 31-омъ Швейцарскомъ полку на Голандской службѣ *).

Болѣе многочисленный непріятель, ошеломленный нашими криками и быстрымъ наступленіемъ, пустился въ бѣгство; пробѣжавъ въ преслѣдованіи его около четверти часа, мы сразу были вовлечены въ бѣгство эскадрономъ улановъ, бывшихъ на правомъ крылѣ. Въ бѣгствѣ мы замѣтили, глядя назадъ, Русскихъ драгуновъ, слѣдовавшихъ за нами по пятамъ, а также непріятельскую пѣхоту, подвигавшуюся впередъ. Я снова закричалъ, какъ могъ, чтобы сплотились и остановились. Услышавши меня, они сдѣлалъ то, чего я желалъ. Мѣтко направленные выстрѣлы на ближайшихъ драгуновъ, изъ которыхъ многіе попадали съ лошадей, имѣли хорошій успѣхъ, такъ какъ остальные бѣжали. При бѣгствѣ драгуновъ непріятельская пѣхота снова остановилась. Патроны, розданные наконецъ, не были достаточны для поддержанія непрерывнаго огня, и поэтому мы два раза отбили непріятеля на нѣсколько сотъ шаговъ штыками.

Я, многіе мои товарищи, нѣсколько гренадеровъ вернулись, чтобы захватить патроны, но мы должны были бѣгать болѣе получаса прежде чѣмъ добрались до телѣги съ порохомъ. Нагруженные кремнями и патронами, мы отправились назадъ. Вдругъ кто-то назвалъ меня по имени; оглянувшись, я увидѣлъ командира Цинга. Онъ кричалъ. «Подождите, идемъ вмѣстѣ». Я спросилъ его, знаетъ ли онъ о смерти Блатмана?—«Да, мнѣ сообщили объ этомъ, и потому я иду, чтобы принять команду».

Приближаясь по лѣсу къ нашимъ людямъ съ правой стороны, мы замѣтили въ 300 шагахъ влѣво отъ дороги непріятельскую колону, которая могла напасть съ тылу на нашу линію; однако славные кирасиры 4-го и 7-го полковъ, стоявшіе на сто шаговъ впереди насъ, также узнали врага, и мы ясно разслышали команду: «Эскадроны! Влѣво,

*) Вспоминается наша поговорка: На однихъ подошвахъ семи царямъ служить. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

маршъ!» Какъ только кирасиры прошли дорогу, началась стрѣльба, и непріятель пустился въ бѣгство.

Въ тоже время мы сбросили на землю нашу поклажу и съ отчаяннымъ крикомъ побѣжали впередъ: «Кирасиры обстрѣливаютъ непріятеля влѣво отъ лѣса, впередъ со штыками!» Нѣкоторые кричали: «Да здравствуетъ императоръ!» а я: «Да здравствуютъ храбрецы изъ подъ Полоцка!» Атака сдѣлалась общей и была столь удачна, что мы взяли въ плѣнъ 2500 человѣкъ, изъ которыхъ двѣ трети были ранены; многіе убитые и тяжело раненые лежали на землѣ.

Послѣ этого настала тишина, продолжавшаяся около $^1/_4$ часа. Мы раздавали патроны, прибывшіе наконецъ вмѣстѣ съ Поляками.

Достойно удивленія, что при этой атакѣ штыками мы почти ни одного человѣка не потеряли; за то было много убитыхъ и раненыхъ ружейными выстрѣлами.

Вторая непріятельская схватка продолжалась не долѣе получаса, какъ Поляки были отбиты и пододвинуты къ намъ; мы ихъ приняли въ нашу линію и снова открыли огонь. Мы удивлялись непріятельскимъ, хорошо направленнымъ, выстрѣламъ: лучшіе стрѣлки не могли бы намъ причинить больше вреда. Нашъ полкъ потерялъ въ этотъ день, кромѣ двухъ начальниковъ, еще 10 офицеровъ; другіе полки потеряли еще больше офицеровъ, чѣмъ мы. Несмотря на численный перевѣсъ непріятеля, мы сохранили нашу позицію до поздней ночи.

Число оставшихся въ живыхъ въ четырехъ Швейцарскихъ полкахъ равнялось къ вечеру (28-го числа) 300 человѣкамъ изъ 1300. Значитъ, тысяча нашихъ храбреновъ и героевъ пали жертвами этого упорнаго сопротивленія. Какъ львы боролись они въ этотъ день, жизнь неимѣла для нихъ цѣны. Ангелъ смерти дѣйствовалъ безпощадно; смерть или спасеніе были лозунгомъ, и горды должны были быть эти храбрецы сознаніемъ, что они спасли большую армію отъ пораженія. Дивизіонный генералъ Мерлé признаетъ это самопожертвованіе въ словахъ, сказанныхъ вечеромъ послѣ битвы: «Храбрые Швейцарцы! Вы всѣ заслужили орденъ Почетнаго Легіона; я донесу объ этомъ императору».

Потеря двухъ другихъ дивизій нашего второго армейскаго корпуса осталась мнѣ неизвѣстною. Девятый армейскій корпусъ защищалъ на лѣвомъ берегу Березины отступленіе, перешелъ въ туже ночь Березину, оставивъ дивизію Партонô (Parthoneaux), попавшуюся въ плѣнъ, и сломалъ мосты.

Непріятелю удалось занять на лѣвомъ берегу позицію, откуда онъ могъ направить разрушительный огонь на мосты, такъ что тысячи въ отчаянномъ безпорядкѣ попадали въ Березину и таскали за собою другихъ. Тяжелая артилерія, какъ и большая часть орудій средняго кали-

Библиотека "Руниверс"

бра наравнѣ съ завоеванными орудіями, попала въ руки непріятеля. Только легчайшія полевыя орудія могли быть перетащены черезъ мосты. Безспорно, что наша дивизія имѣла въ этотъ день почетный постъ въ арміи, потому что если бы мы отдали непріятелю военную дорогу на правомъ берегу, то онъ черезъ полчаса стоялъ бы въ большомъ числѣ у мостовъ, такъ что всѣ оставшіеся еще на берегу попали бы въ плѣнъ. Я поэтому не могу понять дѣйствія Русскихъ въ этотъ день, тѣмъ болѣе, что генералъ Чичаговъ направилъ свой огонь на насъ только 28-го Ноября, когда Витгенштейнъ и Московская армія въ Борисовѣ уже гнали предъ собою маршала Виктора, и поэтому при Борисовѣ нечего было бояться перехода. Онъ могъ бы направить весь свой армейскій корпусъ противъ насъ, чего онъ, насколько я знаю, не сдѣлалъ. Будь мы на ихъ мѣстѣ, перехода не послѣдовало бы. Однимъ словомъ, мы спаслись сверхъ всякаго ожиданія.

Доказательствомъ, какъ опустошителенъ для насъ былъ непріятельскій огонь и какіе хорошіе стрѣлки были въ адмиральской арміи, можетъ служитъ слѣдующее. Послѣ послѣдней схватки, во время которой непріятельская линія большею частью попалась въ плѣнъ, я очутился позади нашей порѣдѣвшей линіи у одного дерева, обращеннаго спиной къ непріятелю. Командиръ Цингъ, капитанъ Гопфъ и гренадерскій лейтенантъ Герберъ (оба послѣдніе изъ второго полка) находились вблизи меня, такъ что мы попарно стояли другъ противъ друга на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Мы были по поводу значительной потери въ очень дурномъ настроеніи духа, и такъ какъ не видно было болѣе ни одного генерала, то Цингъ думалъ, что намъ слѣдовало бы немного отойти и сказалъ о томъ капитану Донатцу (изъ Граубюндена), стоявшему во главѣ третьяго полка, всего на 6 или 8 шаговъ отъ насъ. Однако я разслышалъ его отвѣтъ: «Я не имѣю приказа». Такъ какъ Цингъ не хотѣлъ одинъ взять на себя отвѣтственность, то мы всѣ остались въ занятой позиціи. Испуганный ударомъ въ древесный стволъ, у котораго я стоялъ и который имѣлъ въ діаметрѣ не болѣе половины фута, я оглянулся и увидѣлъ пулю, влетѣвшую въ самый стволъ; я разсмѣялся и замѣтилъ другимъ господамъ, что не будь этого дерева, я лежалъ бы распростертымъ у ихъ ногъ. Не прошло пяти минутъ, какъ я снова сталъ въ прежней позиціи, и пуля пробила Гопфу правую ногу. Со словами: «Я получилъ свою долю», онъ пытался уйти съ этого мѣста при помощи ружья. Не прошло послѣ этого четверти часа, какъ Герберъ сказалъ: «У меня пуля въ правой плечевой кости», у него кровь начала сильно лить; и онъ, болѣе счастливый, нежели капитанъ Гопфъ, удалился. Теперь пришла очередь за командиромъ Цингомъ; ружейная пуля засѣла у него въ лѣвомъ плечѣ, такъ что онъ спиною

Библиотека "Руниверс"

упалъ на землю. Я подбѣжалъ къ нему, поднялъ его медленно на ноги: онъ былъ очень огорченъ, чувствуя, что его плечевая кость разстрѣляна. Цингъ просилъ, чтобы я его отвелъ и не оставлялъ. На это я ему отвѣчалъ: «Вы мой начальникъ, и ваши желанія для меня приказъ». Я сообщилъ моимъ двумъ лейтенантамъ Тчуди и Швейцеру о случившемся и передалъ имъ присмотръ за нашими еще оставшимися гренадерами, послѣ чего съ Цингомъ удалился.

Не успѣли мы отойти сто шаговъ, какъ въ мой ранецъ сильно ударилась пуля. Когда мы удалились настолько, что пули не могли насъ достигать, командиръ Цингъ пожелалъ немного отдохнуть, и мы присѣли на деревѣ, лежавшемъ на землѣ. Вспомнивъ объ ударѣ въ ранецъ, я немало былъ удивленъ, увидѣвъ въ немъ два отверстія отъ одной пули. Нѣсколько линій недоставало, чтобы я былъ раненъ.

По дорогѣ въ амбулаторію мы встрѣтились съ докторомъ-майоромъ Геймановъ изъ перваго полка. Въ Цембинѣ мы остановились въ большомъ амбарѣ, въ которомъ нашли прислугу Цинга. Съ трудомъ я пробрался сквозь толпу людей къ штабъ-офицерской амбулаторіи, которую я нашелъ до того наполненную несчастными, что не было возможности еще кого-нибудь помѣстить. Оттуда я отправился въ императорскія конюшни, но и туда меня не пускали. Не въ состояніи найти крытое мѣсто, я возвратился разсерженный къ моему раненому, съ непріятною вѣстью, что онъ долженъ довольствоваться бивуакомъ подъ открытымъ небомъ, о завтрашнемъ же днѣ мы подумаемъ. При всемъ этомъ мы не были самыми несчастными: длинный амбаръ и значительная высота его спасали насъ отъ сильнаго сѣвернаго вѣтра. Въ амбарѣ лежало больше двухъ сотъ раненыхъ унтеръ-офицеровъ и солдатъ, жалобные стоны которыхъ мы должны были выслушивать.

Холодъ съ каждымъ часомъ усиливался, нашъ огонь доставлялъ раненымъ мало тепла, и надо было позаботиться о дровахъ. Никто не считалъ возможнымъ пробраться чрезъ эту страшную массу и потомъ снова найти свое мѣсто. Вдругъ у меня блеснула мысль употребить въ дѣло крышу амбара. Тотчасъ дѣло довольно успѣшно выполнено, и у насъ оказались дрова; конечно все это случилось при страшнѣйшихъ проклятіяхъ со стороны тяжело раненыхъ; однако я глухъ былъ къ ихъ крику, въ сознаніи, что только нужда заставила меня такъ поступить.

Въ туже ночь и 29-го утромъ императоръ началъ отступленіе. 3000 труповъ покрывали наши бивуаки. Наставшіе холода и недостаточная медицинская помощь доконали многихъ раненыхъ.

Въ это утро я не могъ на разстояніи пяти шаговъ различить моихъ лучшихъ знакомыхъ, такъ какъ у меня въ глазахъ стало темно, и я долженъ былъ держаться за руку доктора-майора Геймана. Только

Библиотека "Руниверс"

по совершенно ровной дорогѣ я могъ ходить безъ помощи. Гейманъ сказалъ мнѣ, что эта слабость глазъ произошла отъ того, что я четыре ночи не спалъ и на бивуакахъ слишкомъ долго смотрѣлъ на огонь; кромѣ того вчерашній день, усиленное напряженіе и наступившій холодъ еще болѣе способствовали этому. Послѣ нѣсколько часового сна мнѣ стало легче. Когда я дремалъ у огня, мнѣ снилось, будто у второго лейтенанта Тчуди (изъ Гларуса) прострѣлена шея, что̀ однако не мѣшало ему говорить. Не успѣли мы отойти отъ бивуака на полчаса, какъ Гейманъ сказалъ мнѣ: «Вотъ Тчуди». Мы очень обрадовались нашей встрѣчѣ, и я, вспомнивъ о снѣ, спросилъ его, не раненъ ли онъ въ шею. Отвѣтъ былъ утвердительный, такъ что сонъ мой вполнѣ подтвердился. Тчуди сказалъ намъ, что отъ послѣднихъ сдѣланныхъ выстрѣловъ онъ не чувствуетъ особенной боли. Мы должны были ему часто напоминать, чтобы онъ поменьше говорилъ.

Распаденіе второго армейскаго корпуса отъ голода и холода.

Второй армейскій корпусъ, въ которомъ многіе съ 26-го оставались безъ пищи, все еще былъ въ авангардѣ. Представьте себѣ несчастное положеніе этихъ въ живыхъ оставшихся. Несмотря на страшную нужду, они, какъ передавали, оказывали еще сильное сопротивленіе. Однако, когда съ каждымъ днемъ холодъ усиливался, и съ голодомъ становилось труднѣе борьба, наступили отчаяніе и неповиновеніе; оружіе было брошено, каждый отдѣльно заботился о своемъ пропитаніи. Кто имѣлъ деньги, тотъ могъ еще найти нѣкоторыхъ счастливцевъ, имѣвшихъ жизненные припасы и продававшихъ ихъ въ три-дорога, и покупать у нихъ необходимое. У кого денегъ не было, но была сила, тотъ отправлялся въ деревни на добычу. У кого силы не было, а тѣло было покрыто ранами, тотъ могъ питаться одной кониной. Сіи послѣдніе неизбѣжно подлежали смерти.

Несчастіе арміи, дошедшей съ императоромъ въ Москву, встрѣтившей на пути туда деревни и города частію сожженные Русскими, уничтожавшей все, что̀ можно было найти, и теперь снова возвращавшейся по тому же пути, преслѣдуемой врагомъ и холодами, это несчастіе не поддается никакому описанію.

Гвардейцы, имѣвшіе полные кошельки золота, платили Наполеондоръ за полфунта черстваго хлѣба. Я лично нѣсколько разъ платилъ за $^1/_4$ фунта плохоиспеченнаго хлѣба по 6 франковъ. За мѣсто у огня платили 4—6 франковъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Для этой цѣли уже въ первые дни разбирали дома, при чемъ дѣло не обходилось безъ кровавыхъ дракъ. Я часто видѣлъ враждующія партіи, державшіяся за оба конца длинныхъ дровъ, пока какая нибудь партія не одолѣвала и

Библиотека "Руниверс"

захватывала ихъ; часто зажигались на половину разрушенные дома, и многочисленныя толпы замерзшихъ отогрѣвались.

Не лучше поступали съ жилищами генераловъ, чаявшихъ найти хорошее убѣжище. Никакія сопротивленія и угрозы не могли справиться съ дикими, разъяренными толпами. Немногіе дома, уцѣлѣвшіе за ночь, дѣлались утромъ жертвою пламени; доходило до того, что сознательно сжигали въ домахъ своихъ товарищей тяжелораненыхъ, не могшихъ въ силу тяжелыхъ ранъ и крайней слабости быстро спастись. Они еще добавляли: «Пусть горятъ, ихъ страданія скоро прекратятся смертью». Многіе очень хорошіе люди не видѣли въ этомъ ничего безчеловѣчнаго, такъ какъ у нихъ ничего кромѣ смерти не было впереди. Видѣли даже несчастныхъ, которые сами бросались добровольно въ огонь.

Спасеніе и помощь въ страшной нуждѣ.

Мнѣ и моимъ товарищамъ грозила въ третій вечеръ послѣ Березинской битвы такая же судьба. Въ тотъ же день мы послѣ восьмичасового пути пришли въ большую деревню, переполненную прибывшими до насъ толпами. На пути мы оставили много тысячъ народа. Я вошелъ въ залу помѣстья, наполненную офицерами 7-го кирасирскаго полка, замѣтилъ, что еще есть мѣсто для двухъ линъ и просилъ присутствующихъ, чтобы они немного потѣснились, такъ какъ мнѣ нужны два мѣста для раненыхъ. Мнѣ отказали съ указаніемъ на то, что я могу раненыхъ уложить въ боковыхъ комнатахъ, а слугъ ихъ, кирасировъ, выслать. Случилось то, что̀ я ожидалъ: слуги не хотѣли уступить намъ своего мѣста. На мои жалобы, что раненый полковникъ замерзнетъ на улицѣ, страшнымъ голосомъ кто-то закричалъ: «Кирасиры, выйдите или страшитесь моего гнѣва!» Кирасиры конечно повиновались и прошли мимо насъ, посылая по нашему адресу страшныя проклятія. Въ комнатѣ мы нашли немного брюквы, охотно нами съѣденной. Мы улеглись на покой. Глубокій сонъ овладѣлъ мною; однако какое страшное пробужденіе! Къ счастью я услышалъ крики: «Огонь, спасись кто можетъ!» Я быстро вскочилъ и бросился къ двери, въ которую ввалило пламя. Ползая на четверенькахъ вдоль стѣнъ залы, я успѣлъ выбраться наружу, на свѣжій воздухъ и, опомнившись, нигдѣ не нашелъ моихъ товарищей. Немедленно хотѣлъ я броситься въ горящую залу, какъ на порогѣ появился докторъ Гейманъ, вытаскивавшій раненыхъ за ноги. Такимъ образомъ мы всѣ спаслись.

Я былъ безъ чулокъ, башмаковъ, гамашъ, которые я снялъ, безъ шапки, въ снѣгу подъ открытымъ небомъ. Мой ранецъ т.-е. все, что̀ я еще имѣлъ, сгорѣлъ; только сабля осталась у меня. Это бѣдствіе заставило меня какъ ребенка плакать. Наши слуги были въ отсут-

Библиотека "Руниверс"

ствіи за провизіей и при возвращеніи нашли наше жилище сгорѣвшимъ. У доктора Геймана пропала лошадь, за которую ему предлагали раньше 60 дублоновъ; саней командира также не стало; остались только двѣ Русскія лошади. Въ моемъ бѣдственномъ костюмѣ я провелъ полчаса, пока судьба не послала мнѣ гренадера изъ гвардіи, имѣвшаго въ своемъ мѣшкѣ пару башмаковъ, годныхъ на мои ноги и за которые онъ взялъ 6 франковъ. Другіе продали мнѣ чулки, пару гамашъ и большой муселиновый шейный платокъ, которымъ я обвязалъ голову. Слуги скоро пришли съ санями, и мы могли продолжать нашъ путь.

Еще прежде чѣмъ мы оставили это бѣдственное мѣсто, насъ увѣрили, что недостаетъ трехъ офицеровъ, бывшихъ въ залѣ и что кирасиры, уступившіе намъ мѣсто, подожгли домъ. Этотъ случай можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что̀ за ужасы происходили на долгомъ 200 часовомъ пути. Я нѣсколько разъ былъ свидѣтелемъ, какъ варвары обирали своихъ товарищей, боровшихся со смертью. Въ первый разъ я съ саблей наголо и угрожающими словами хотѣлъ прекратить эти безчинства, но четыре буяна начали прицѣливаться въ меня, такъ что только бѣгствомъ мнѣ удалось отъ нихъ спастись. По обѣимъ сторонамъ дороги лежали въ большомъ числѣ замерзшіе солдаты, испускавшіе духъ; имъ не оказано было состраданія и помощи. Этихъ несчастныхъ видѣли только фланговые; шедшіе посрединѣ дороги должны были смотрѣть впередъ. Эта масса многихъ тысячъ людей, артилеріи, телѣгъ, багажныхъ телѣгъ, саней, коней и т. п., сталкиваясь при узкомъ проходѣ или на мосту, гибла безпощадно. Я знаю, что въ такихъ случаяхъ сотни и тысячи гибли, и по ихъ тѣламъ продолжался переходъ.

Прощаніе съ товарищами.

Черезъ Плешеницу и Вилику мы пришли въ Мѣдникy. Между Мѣдникой и Вильной я оставилъ командира Цинга умирающимъ на рукахъ доктора Геймана. Послѣ полудня мы прибыли въ деревню, прилегавшую къ лѣсу. Здѣсь было не менѣе нѣсколькихъ тысячъ мародеровъ, нашедшихъ пищу, и казалось, что это мѣсто кормитъ голодающихъ. Наши слуги нашли въ одномъ мѣстѣ спрятаннаго живого пѣтуха; этотъ и нѣсколько картофелю были нашей пищей. Мы имѣли въ виду послѣ обѣда отправиться въ путь, но Цингъ заявилъ, что онъ не можетъ ѣхать. Гейманъ сказалъ мнѣ: «Съ Цингомъ плохо, также и съ Чуди, который не говоритъ уже трое сутокъ». Я выслушалъ это и прилегъ на три часа. Вдругъ я пробуждаюсь при страшныхъ крикахъ: «Казаки! Казаки!» Въ первыя минуты испуга я выскочилъ изъ дома и вмѣстѣ съ большой толпой побѣжалъ къ концу деревни. Такъ какъ казаковъ не видно было, то скоро все успокоилось. Оказалось, что

Библиотека "Руниверс"

другая партія мародеровъ завладѣла варочными котлами, при чемъ дѣло не обошлось безъ кулачнаго боя. Я снова возвратился въ свою квартиру и нашелъ тамъ всѣхъ, запаковавшихъ свои вещи, но изъ за Цинга не пустившихся въ путь. Такъ какъ я ничѣмъ не могъ помочь, и другія обязанности ждали меня, то я заявилъ со слезами на глазахъ доктору майору Гейману, что я до сихъ поръ благополучно пробирался и что я не хотѣлъ бы быть пойманнымъ казаками, шныряющими въ окрестностяхъ и быть отведеннымъ, и вообще, что я намѣренъ продолжать свой путь. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что я воленъ дѣлать что хочу и что доколѣ Русскіе штыки не прогонятъ его, онъ не оставитъ Цинга. Довольный этимъ, я распрощался со всѣми. Цингъ и Чуди подали мнѣ руки, и я плакалъ объ ихъ печальной участи. Была ночь, луна свѣтила, когда я одинъ оставилъ домъ. Гейманъ провожалъ меня, мы обнялись, и я просилъ его, чтобы онъ остерегался плѣна.

Итакъ я былъ одинъ въ пути. Въ деревнѣ кипѣла жизнь, внѣ ея царила гробовая тишина. Дорога была широка и ровна. Отъ времени до времени я встрѣчалъ знаки съ указаніемъ дороги, т.-е. еще не потухшіе огни, и только послѣ двухъ-часового пути я издали увидѣлъ деревню, окруженную бивуачнымъ огнемъ, куда я прибылъ къ полуночи. Я тамъ нашелъ мѣсто у огня за 3 франка.

Признаюсь, что мнѣ въ ночномъ пути было довольно жутко: я очень легко могъ попасться въ руки казаковъ или нашихъ армейскихъ оборванцевъ, обращеніе которыхъ со мною было бы вѣроятно незавидное. Желающимъ знать причину моего страха и удаленія отъ моего командира, могу сообщить, что я имѣлъ при себѣ портретъ любимой невѣсты, портретъ, заставившій меня позаботиться о сохраненіи моей жизни, необходимой также другому дорогому существу.

Отъ Вильны до Кенигсберга.

Въ Вильнѣ я снова встрѣтился съ знакомыми, съ которыми, запасшись жизненными припасами, продолжалъ свой путь. Черезъ 1½ отъ Вильны по направленію къ Ковнѣ мы встрѣтили обозъ изъ 400 всевозможныхъ телѣгъ, который долженъ былъ остановиться изъ-за крутой и узкой дороги, всюду покрытой льдомъ, также изъ-за того, что нигдѣ нельзя было пройти: начались здѣсь грабежи, и въ поджигательствахъ не было недостатка. Насъ было трое офицеровъ, мы имѣли хорошую Русскую лошадь, и на ней мѣшокъ съ припасами. Съ большимъ трудомъ удалось намъ привести лошадь на возвышеніе. Въ Ковнѣ на Нѣманѣ было много людей, и на улицахъ лежало много мертвыхъ, по которымъ приходилось шагать. Послѣ того какъ эти несчастные нигдѣ не могли найти убѣжища, винные погреба дока-

Библиотека "Руниверс"

нали ихъ: толпами валили въ погреба, пили до опьяненія и засыпали на вѣки. Городъ средней величины и имѣлъ иныя красивыя зданія, которыя огонь пожралъ. Впослѣдствіи Русскіе захватили здѣсь въ плѣнъ 6—7000 оборванцевъ. Нашего полковника Рагусти видѣли въ послѣдній разъ въ отчаяннѣйшемъ положеніи въ этомъ городѣ. Въ маленькой комнаткѣ, въ которой я провелъ ночь, было неменѣе сорока человѣкъ, простоявшихъ всю ночь на ногахъ, такъ какъ о лежаніи не могло быть рѣчи.

Казаки преслѣдовали насъ на дорогѣ отъ Тильзита и Сталупенена, при чемъ вѣроятно многихъ забрали въ плѣнъ. 13-го Декабря я оставилъ правый берегъ и продолжалъ свой путь по лѣвому берегу Нѣмана по направленію къ Тильзиту. 3—400 казаковъ помѣшали намъ переправиться черезъ рѣку, покрытую льдомъ на 6—10 футовъ.

Послѣ получаса ходьбы, мы пришли на дорогу, ведущую въ внутреннюю Пруссію. Я и лейтенанты Абунди и Шпрехеръ (изъ Граубюндена) избрали этотъ путь и повернулись спиной къ Нѣману. Черезъ 3 часа мы прибыли въ Пилкалленъ, гдѣ бургомистръ насъ привѣтливо встрѣтилъ и удержалъ у себя, такъ какъ мы были Швейцарцы. Отъ него мы узнали, что уже многіе изъ здѣшней арміи прошли мимо и что мы избрали лучшій путь, такъ какъ казаки на пути отъ Тильзита захватываютъ многихъ въ плѣнъ. Мы имѣли хорошія постели и на слѣдующее утро на саняхъ отправились въ Кенигсбергъ черезъ Червіентъ и Таппіанъ.

Хорошій пріемъ, оказанный намъ въ Пруссіи, какъ Швейцарцамъ, заставилъ насъ забыть наши бѣдствія. Въ Кенигсбергѣ я былъ счастливъ при встрѣчѣ съ гренадеромъ моей роты. Этотъ узналъ меня, несмотря на мое непрезентабельное одѣяніе и отсутствіе денегъ въ кошелькѣ. Онъ меня тотчасъ спросилъ: «Господинъ лейтенантъ, нужны вамъ деньги?»—«Конечно, если у васъ есть» Я послѣдовалъ за нимъ въ его комнату, въ которой у него находился мѣшокъ, наполненный пятифранковыми монетами, награбленными имъ въ походѣ. «Ну, господинъ лейтенантъ, берите сколько угодно». Я предложилъ ему, чтобы онъ направился въ мою комнату и спряталъ деньги, такъ какъ я всѣмъ заявилъ, что онъ мой слуга, на что онъ тотчасъ согласился.

На 600 франковъ я обулся и одѣлся какъ слѣдуетъ и, спустя три дня, я, мой новый слуга и нашъ аудиторъ-лейтенантъ отправились на телѣгахъ сего послѣдняго въ Маріенбургъ, гдѣ мы должны были, согласно приказу, собраться.

Мы тамъ дѣйствительно встрѣтили майора Дюфрезна, который обрадовался, увидѣвъ насъ. Прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь, майоръ позволилъ мнѣ отправиться въ Штеттинъ за моимъ чемоданомъ.

Библиотека "Руниверс"

Я сдѣлалъ визитъ генералу Мерле и напомнилъ ему объ атакѣ при Березинѣ. «Да, мой другъ!», сказалъ онъ, вспоминаю объ этомъ; требуйте отъ меня чего хотите, я вамъ не откажу». На это я ему отвѣчалъ, что я уже 13 лѣтъ оберъ-лейтенантомъ и что мнѣ былъ бы пріятенъ капитанскій чинъ, хотя въ полку служатъ лейтенанты старшіе по лѣтамъ, нежели я. Онъ отвѣчалъ, что это не относится къ дѣлу и что я получу желаемое и чтобъ я сказалъ майору немедленно ко мнѣ явиться. 6 Ноября 1813 года я получилъ эполеты капитанскіе, благодаря президенту Швейцаріи. Одновременно я былъ переведенъ во второй Швейцарскій полкъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о причинѣ хорошаго пріема Швейцарцевъ Пруссаками на возвратномъ пути. При походѣ въ Россію расквартировка отъ Вислы до Нѣмана стала гражданамъ невыносимой; поэтому многіе корпуса вынуждены были ночью располагаться бивуаками; жизненные припасы должны были доставлять жители, не могшіе этого сдѣлать изъ-за бѣдности. Это вело къ насильственному грабежу осѣдлыхъ мирныхъ союзниковъ, въ которомъ Швейцарцы не принимали участія. Прійдя вечеромъ къ бивуакамъ, мы прежде всего разставляли часовыхъ. Отряды подъ предводительствомъ офицеровъ отправлялись къ начальнику мѣстности, и отъ него мы получали желаемое. Если бы Французы всегда такимъ же образомъ поступали, какъ мы Швейцарцы, то не было бы постоянныхъ скандаловъ при расквартировкахъ, и ненависть Пруссаковъ къ Французамъ не была бы такъ сильна. Обстоятельства измѣнились, и прежніе гордые Французы стали теперь бѣдными просителями. Непонятно, почему генералы допускали прежнія безчинства; я самъ былъ нѣсколько разъ свидѣтелемъ плача жителей, искавшихъ защиты у генерала, къ сожалѣнію только пожимавшаго плечами. Неудивительно поэтому, что Прусскіе народы впослѣдствіи возстали какъ одинъ человѣкъ противъ императора Наполеона и выказали немало мужества и храбрости въ дальнѣйшихъ походахъ.

Сообщилъ А. Сапожниковъ.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА И. В. КИРѢЕВСКАГО [1]).

Къ Н. М. Языкову.

4 Іюня 1836 (Долбино).

Теперь главное мое занятіе — хозяйство, т. е. когда вообще я имѣю время заниматься чѣмъ нибудь [2]). Обыкновенно же у меня ничего недѣлать перемѣшано съ минутными, разрывчатыми заботами, и такъ уходитъ день за другимъ. Но тебѣ, какъ человѣку неженатому, беззаботному, непростительно ничего не дѣлать, а еще непростительнѣе быть больнымъ. Это говорю я не въ шутку, а потому, что глубоко убѣжденъ въ томъ, что въ болѣзни твоей виноватъ самъ ты, или, лучше сказать, твое пристрастіе къ гомеопатіи. Подумай самъ: если она истинна, то отчего же въ два года не могъ ею вылечиться? И охота тебѣ пробовать на своемъ тѣлѣ какую бы то ни было систему, тогда какъ нѣтъ сомнѣнія, что мѣсяцъ леченья у хорошаго медика могъ бы тебя привести въ прежнее здоровое положеніе. Ты скажешь, что ты испробовалъ такое леченье, и ошибешься. Ты лечился у Р....., который могъ быть, но еще не былъ, хорошимъ, свѣдущимъ, мыслящимъ и опытнымъ врачомъ. Но гомеопатія твоя, я боюсь, можетъ совсѣмъ тебя разстроить. Впрочемъ, если ты такой ревностный ея почитатель, то позволь мнѣ сказать тебѣ вкратцѣ то что̀ я думаю объ ней, для того, что твои возраженія, можетъ быть, и меня наведутъ на путь истины.

Была ли хоть одна система отъ сотворенія міра, въ которой бы не обозначался характеръ ея изобрѣтателя? Мнѣ кажется, и быть не можетъ. Въ чемъ же состоитъ характеръ самого Ганнемана? Умъ геніальный, соединенный съ характеромъ шарлатана. Слѣдовательно, уже напередъ можно сказать, что во всѣхъ его изобрѣтеніяхъ должна быть истина въ частяхъ и ложь въ цѣломъ. Онъ началъ свое поприще

---

[1]) См. 12-й выпускъ 1906 года и 1-й 1907 года.

[2]) Иванъ Васильевичъ, женившійся 29 Апрѣля 1834 года на троюродной сестрѣ своей Натальѣ Петровнѣ Арбеневой, жилъ въ родовомъ помѣстьи своемъ селѣ Долбинѣ (которое пожаловано его предку въ началѣ XVII вѣка).

Библиотека "Руниверс"

извѣстности съ того, какъ ты знаешь, что объявилъ открытіе новаго пневматическаго элексира, который лечитъ отъ всѣхъ болѣзней. Покупателей было много до тѣхъ поръ, пока оказалось, что въ немъ нѣтъ ничего кромѣ особенно приготовленнаго бозакса. Послѣ первой неудачи Ганнеманъ объявилъ изобрѣтеніе порошка, единственнаго и несомнѣннаго и во всякомъ случаѣ полезнаго противъ скарлатины. Средство это оказалось въ самомъ дѣлѣ новымъ и полезнымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но отнюдь не всегда. Оно принесло пользу наукѣ, когда вошло въ нее какъ часть, но много вреда, покуда его употребляли безъ разбора. Вслѣдъ за порошкомъ явилась гомеопатія. Она основывается на трехъ положеніяхъ: 1-е на употребленіи средствъ однородныхъ съ болѣзнію, 2-е на безконечно-малыхъ пріемахъ, 3-е на леченіи признаковъ безъ разысканія причинъ. Все это вмѣстѣ дѣлаетъ ее наукою доступною людямъ несвѣдущимъ въ медицинѣ, и такимъ образомъ замѣняетъ пневматическій элексиръ. Но разберемъ ея три основанія. Дѣйствительно, въ большей части болѣзней признаки болѣзни принадлежатъ не ей, а стремленію самого организма къ здоровью. Потому усилить признаки значитъ пособить выздоровленію. Это открытіе есть дѣло важное для науки, дѣло генія; но распространять это положеніе на *всѣ* болѣзни было дѣло шарлатана, и есть вещь вредная для больныхъ еще больше, чѣмъ для медицины.—2-я мысль, что очищеніе вещества отъ посторонніхъ примѣсей увеличиваетъ его силу, давно извѣстна. Мысль другая, что вещество можетъ очищаться посредствомъ безконечнаго раздробленія, есть опять мысль геніальная и въ нѣкоторыхъ случаяхъ справедливая. Но сказать, что раздробленіе есть средство къ очищенію *всѣхъ* веществъ, есть дѣло шарлатана. Потому, чѣмъ болѣе пользы онъ принесетъ наукѣ въ будущемъ, тѣмъ болѣе вреда сдѣлаетъ своимъ больнымъ въ настоящемъ.—3-е. Леченіе признаковъ безъ разысканія причинъ ихъ уже чистое шарлатанство, безъ всякой примѣси геніальности. Это очевидно изъ самой таблицы признаковъ, гдѣ прибавленіе новаго измѣняетъ иногда лекарство въ противоположное. Не значитъ ли это то, что онъ думаетъ одно, а увѣряетъ въ другомъ? Извѣстное количество признаковъ служитъ вѣроятнымъ выраженіемъ извѣстной причины, противъ которой онъ совѣтуетъ средство на авось, между тѣмъ какъ совѣстливые медики дѣлаютъ тоже, только признаются, и къ тому же потому должны ошибаться менѣе, что приноравливаются къ каждому больному въ особенности, и кромѣ того имѣютъ помощь въ опытности и своихъ медицинскихъ свѣдѣніяхъ, чего не имѣетъ человѣкъ, который, какъ ты, лечится по книгѣ.

Что же изъ этого слѣдуетъ? Что гомеопатія должна быть полезна медицинѣ, но не въ отдѣльности, а въ раціональной совокупности со

Библиотека "Руниверс"

всѣми естественными и медицинскими науками, но что для настоящаго времени гораздо важнѣе система испробованная, нежели новая, особливо въ рукахъ неопытныхъ. Потому, если твой гомеопатъ не вылечитъ тебя *скоро*, то пріѣзжай въ Москву, и я готовъ поручиться, что черезъ мѣсяцъ ты будешь здоровъ *совершенно*, если станешь лечиться у *Рихтера*, котораго по счастію или по несчастію мнѣ удалось узнать въ этотъ годъ и въ которомъ я нашелъ одного изъ необыкновенныхъ врачей въ Россіи, человѣка столько же умнаго, сколько ученаго, опытнаго, прозорливаго и добросовѣстнаго. Я совѣтую тебѣ пріѣхать въ Москву безкорыстно, потому что меня уже въ ней не будетъ. Прощай покуда.

Твой *И. К.*

Къ А. С. Хомякову.

1840 г. 15-го Іюля.

Эти послѣдніе дни я былъ не совсѣмъ здоровъ. Однако воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вставать поздно и ночью писать. Днемъ я рѣшительно не могу ни писать, ни жить, развѣ только читать, что̀, по словамъ Фихте, тоже, что̀ курить табакъ, т. е. безъ всякой пользы приводить себя въ состояніе сна на яву. Впрочемъ въ деревнѣ мнѣ трудно и читать, потому что трудно не перерываться. За то ночь моя собственная. Теперь не зайдетъ ко мнѣ ни управитель, ни сосѣдъ. Окно открыто, воздухъ теплый, самоваръ мой кипитъ, трубка закурена, давай бесѣдовать!

Меня въ это время, внѣ ходячей дѣйствительности, занимали нѣкоторые вопросы о *волѣ*, которые я хотѣлъ положить на бумагу, да что-то неудачно ложатся. Видно, еще имъ рано ложиться, а надобно прежде уходиться въ головѣ. Въ отношеніяхъ воли къ разуму есть нѣкоторыя тайны, которыя до сихъ поръ не были, и можетъ быть не могли быть постигнуты. Но мнѣ кажется, что, при теперешнемъ развитіи законовъ разума, онѣ могутъ быть хотя нѣсколько поясненны, небезполезно для науки, и можетъ быть даже для практическаго приложенія. Сравнивъ наше время съ древними, кажется, мы потеряли секретъ укрѣплять волю. Исключеніе, какъ Наполеонъ, не доказательство. Вообще, кажется, развитіе разума въ обратномъ содержаніи къ развитію воли, и въ человѣкѣ и въ народѣ. Я говорю о разумѣ логическомъ.

Мысль моя та, что логическое сознаніе, переводя дѣло въ слово, жизнь въ формулу, схватывая предметъ не вполнѣ, уничтожаетъ его дѣйствіе на душу. Живя въ этомъ разумѣ, мы живемъ на плацѣ, вмѣсто того, чтобы жить въ домѣ и, начертавъ планъ, думаемъ, что состроили зданіе. Когда же дойдетъ дѣло до настоящей постройки, намъ

Библиотека "Руниверс"

уже тяжело нести камень вмѣсто карандаша. Отъ того, говоря вообще, въ наше время воля осталась почти только у необразованныхъ или у духовно образованныхъ. Но такъ какъ въ наше время, волею или неволею, человѣкъ мыслящій долженъ провести свои познанія сквозь логическое иго: то по крайней мѣрѣ онъ долженъ знать, что здѣсь не верхъ знанія, и есть еще ступень, знаніе гиперлогическое, гдѣ свѣтъ не свѣчка, а жизнь. Здѣсь воля растетъ вмѣстѣ съ мыслію. Ты поймешь меня безъ распространеній. Этимъ, между прочимъ, объясняется фактъ, который каждый изъ насъ испыталъ тысячу разъ, что мысль до тѣхъ поръ занимаетъ насъ горячо и плодоносно, покуда мы не выскажемъ ее другому *). Тогда вниманіе наше отъ предмета живого обратится къ его изображенію, и мы удивляемся, отчего вдругъ онъ перестаетъ на насъ дѣйствовать, забывая, что цвѣтокъ на бумагѣ не растетъ и не пахнетъ. Покуда мысль ясна для разума или доступна слову, она еще безсильна на душу и волю. Когда же она разовьется до невыразимости, тогда только пришла въ зрѣлость. Это невыразимое, проглядывая сквозь выраженіе, даетъ силу поэзіи и музыкѣ и пр. Отъ того есть только *одна* минута, когда произведеніе искусства дѣйствуетъ вполнѣ; во второй разъ послѣ этой минуты оно дѣйствуетъ слабѣе, покуда наконецъ совсѣмъ перестанетъ дѣйствовать, такъ что пѣсня въ десятый разъ сряду уже несносна, картина надъ письменнымъ столомъ почти какъ песочница, отъ того что сила не въ выраженіи. Чрезъ нѣсколько времени таже картина и пѣсня могутъ дѣйствовать на насъ по прежнему или еще сильнѣе, только надобно *не ограничиваться ихъ впечатлѣніемъ*, а внимать ихъ отношенію къ своей неразгаданной душѣ. И чѣмъ болѣе человѣкъ найдетъ въ душѣ неразгаданнаго, тѣмъ онъ глубже постигъ себя. Чувство *вполнѣ* высказанное перестаетъ быть чувствомъ. И въ этомъ смыслѣ также справедливо слово: гдѣ *сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.* Практическую истину можно извлечь изъ этого ту, что *воля родится втайнѣ и воспитывается молчаніемъ.* Ты можешь быть мнѣ живымъ подтвержденіемъ: никогда не слыхалъ я, чтобы ты говорилъ о своихъ нравственныхъ побужденіяхъ; отъ того, въ этомъ отношеніи, и воля твоя желѣзная. А въ другихъ отношеніяхъ, много ли сдѣлалъ въ сравненіи съ тѣмъ, что могъ? Лѣнь не причина. Она отъ того, что въ душѣ не кипитъ; а душу простуживаетъ языкъ. Утѣшительна для тебя, можетъ быть, развѣ многочисленность компаніи, въ которой ты находишься.

Ночь прошла, солнце хочетъ выходить, и мухи проснулись. Прощай.

---

*) Вспомнимъ Тютчевское: „Мысль изрѣченная есть ложь“ (1836). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Къ брату П. В. Кирѣевскому.

(1844).

Спасибо, братъ Петръ, что ты не полѣнился побывать у Погодина и написать ко мнѣ; но все я не понимаю хорошо, отчего вы не рѣшите дѣло безъ меня и чего именно вы отъ меня требуете? Я назначалъ четверыхъ, потому что предполагалъ ихъ въ Москвѣ; но за отсутствіемъ ихъ ты могъ бы съ Погодинымъ рѣшить все вдвоемъ. По крайней мѣрѣ отбери у него *его* условія и напиши ихъ мнѣ, или уговори его написать самого, или продиктовать, если онъ писать не можетъ[1]). Если, какъ вѣроятно, эти условія будутъ для меня возможны, то такъ дѣло и уладится. Если же я найду ихъ почему либо для меня неудобоисполнимыми, то напишу ему, и тогда по крайней мѣрѣ будетъ дѣло ясно. Хомяковъ писалъ ко мнѣ, но не знаю съ согласія ли Погодина, что надобно будетъ отдѣлить извѣстное число подписчиковъ на расходы по журналу, а сколько именно, это лучше всего можетъ знать самъ Погодинъ по опыту; потомъ слѣдующіе за тѣмъ сто подписчиковъ въ пользу Погодина. На это условіе я согласенъ. Но такъ какъ я думаю, что первый годъ будетъ мнѣ средствомъ къ знакомству съ публикою, то надѣюсь имѣть въ слѣдующіе годы больше подписчиковъ; отъ того надобно, чтобы Погодинъ лишилъ себя права отнять у меня журналъ иначе, какъ съ моего согласія.

Но прежде всего, и самое существенное — это получить позволеніе; безъ того всѣ расчеты пишутся на воздухѣ.

Если министръ будетъ въ Москвѣ, то тебѣ непремѣнно надобно просить его о пѣсняхъ, хотя бы къ тому времени тебѣ и не возвратили экземпляровъ изъ цензуры. Можетъ быть даже и не возвратятъ, но просить о пропускѣ это не мѣшаетъ. Главное на чемъ основываться, это то, что пѣсни *народныя*, а что̀ весь народъ поетъ, то не можетъ сдѣлаться тайною, и цензура въ этомъ случаѣ столько же сильна, сколько Перевощиковъ[2]) надъ погодою. Уваровъ вѣрно это пойметъ, также и то, какую репутацію сдѣлаетъ себѣ въ Европѣ наша цензура, запретивъ *народныя пѣсни*, и еще *старинныя*. Это будетъ смѣхъ во всей Германіи. А тебѣ въ самомъ дѣлѣ безъ стиховнаго отдѣла мудрено издавать. Въ этомъ-то и главная особенность твоего собранія. Лучше бы всего тебѣ самому повидаться съ Уваровымъ, а если не рѣшишься, то поговори съ Погодинымъ.

---

[1]) Дѣло идетъ о передачѣ Погодинскаго журнала „Москвитянинъ“ И. В. Кирѣевскому. Погодинъ въ это время разшибся и долго былъ боленъ. П. В. Кирѣевскій жилъ тогда въ Москвѣ въ своемъ домѣ на Остоженкѣ.

[2]) Дмитрій Матвѣевичъ Перевощиковъ, профессоръ астрономіи.

Библиотека "Руниверс"

15-го Мая 1844.

Я не могъ пріѣхать, другъ Петръ, между прочимъ и потому, что былъ боленъ, простудилъ горло, и нѣсколько времени не выходилъ изъ комнаты, а когда выздоровѣлъ, то не зналъ, застану ли уже кого въ Москвѣ, потому что о времени отъѣзда Х.*) мнѣ не писалъ, а увѣдомилъ только, что *скоро:* нарѣчіе неопредѣленное, требовавшее частицы *не.* Вообще вы пишете очень необстоятельно, и читаете письма также. На пр., кто тебѣ сказалъ, что трудъ этотъ былъ бы для меня чрезмѣрно тяжелъ? Напротивъ, я жажду такого труда, какъ рыба еще не зажаренная жаждетъ воды и съ вашею помощію надѣюсь одолѣть его. Если же правда, что мое участіе могло бы расколыхать дѣятельность моихъ друзей, то это счастіе было бы для меня величайшею причиною желать согласиться на ваше предложеніе. Но хочу только не ввести никого въ отвѣтственность и не прятаться какъ злоумышленникъ. На рядъ именъ я могъ бы согласиться въ такомъ случаѣ, если бы мое было позволено съ *сознаніемъ*, что оно мое. Если Погодинъ возьмется исходатайствовать это, то на рядъ именъ я готовъ согласиться, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы это нисколько не стѣсняло моихъ убѣжденій. Тогда пусть этотъ рядъ издаетъ Москвитянина нынѣшній годъ, а я пріѣду участвовать къ осени. Условія пусть дѣлаетъ Хомяковъ, такъ чтобы и Погодину было выгодно, и журналъ могъ идти.

На будущій годъ я бы думалъ хорошо завести слѣдующую систему изданія: 1. Самую аккуратную бухгалтерію. 2. Начать журналъ, когда бы онъ имѣлъ 1000 подписчиковъ, и уменьшить объемъ, если будетъ меньше. Все остающееся количество сбора за расходами употребить на плату за статьи, считая оригинальныя втрое противъ переводныхъ, также умепьшать и увеличивать плату по мѣрѣ подписчиковъ. Этотъ расчетъ сдѣлать легко, и при аккуратной бухгалтеріи ни одинъ участникъ не будетъ считать себя обманутымъ, и журналъ будетъ имѣть сотрудниковъ. При каждомъ № на оберткѣ печатать число подписчиковъ и расчетъ суммы слѣдующей участникамъ.

Сообщи это письмо Хомякову и пришли мнѣ отвѣтъ скорый, т. е. немедленный. Если и ты и Хомяковъ залѣнитесь писать, то поручите кому нибудь. Но поймите меня хорошенько: я согласенъ на ваши предложенія *только въ случаѣ офиціальнаго позволенія*, и притомъ при такомъ *устройствѣ, чтобы при скоропостижной смерти Жуковскаго никто не пострадалъ отъ меня, при жизни и здоровьѣ Ж. чтобы я не былъ стѣсненъ чужою волею.*

Кажется, требованія мои справедливы, и нельзя быть сговорчивѣе.

*) Т. е. А. С. Хомяковъ, обыкновенно тугой на сборы.

Библиотека "Руниверс"

Впрочемъ удастся ли это дѣло или нѣтъ, но скажу тебѣ, что я уже извлекъ изъ него такія выгоды, которыя превышаютъ всякую неудачу. Безъ преувеличенія могу сказать, что я имѣлъ минуты настоящаго счастія, соображая все дружеское участіе въ этомъ дѣлѣ именно тѣхъ, кто такъ высоко у меня въ сердцѣ.

О пѣснихъ твоихъ нельзя ли написать еще разъ къ К.[1]) А то ты, пожалуй, способенъ отложить еще на годъ. Хотя я и очень радъ бы былъ твоему пріѣзду, но еще лучше желалъ бы тебя видѣть съ книгою, чѣмъ съ рукописью. Кто притѣснилъ Языкова и принудилъ его бросать свой бурмицкій бисеръ въ такую выпачканную свинью? Обнимаю тебя. Твой братъ И. К.

Нельзя ли въ отвѣтѣ твоемъ, или кому ты поручишь, сообщить мнѣ твое мнѣніе особенно, Хомякова особенно, и предложеніе Погодина особенно? Если бы вы согласились на переговоры съ С.[2]), то это дѣло можно бы было поручить Грановскому, который конечно бы не отказалъ, и исполнилъ бы въ мѣру, *ясно*, *благородно* и удовлетворительно. Подумай объ этомъ. Кажется, при самомъ дурномъ результатѣ будетъ выгода, т. е. мы будемъ знать, чего надѣяться нельзя.

Къ своей матери.

1846 г. Декабрь.

Милая маменька!

До насъ дошли слухи о вашемъ нездоровьѣ; очень страшно и грустно за васъ. Ради Бога, будьте здоровы! Я хотѣлъ было ѣхать къ вамъ, но остановился дожидаться письма отъ васъ, потому что у меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Маша[3]).

Въ Москвѣ новаго мало. Бѣдный Языкушко очень боленъ. Кажется, послѣ такихъ безпрестанныхъ 15-ти лѣтнихъ страданій, разстроившихъ его весь организмъ, мудрено повѣрить Иноземцову, который видитъ надежду выздоровленія. Иногда думаю, что не эгоизмъ-ли это съ нашей стороны—желать ему продолженія страданій, ему, котораго чистая, добрая, готовая къ небу душа, утомленная здѣсь, вѣрующая, жаждущая другой жизни, не можетъ не найти тамъ тѣхъ радостей, которыхъ ожидаетъ. Здѣсь ему буря непогоды, за которой онъ давно предчувствовалъ, что есть блаженная страна[4]). Впрочемъ все во власти

---

[1]) Можетъ быть это Комовскій, чиновникъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое въ то время вѣдало и цензуру.

[2]) Д. Н. Свербеевымъ?

[3]) Нынѣ г-жа Болховская.

[4]) Изъ стихотворенія Языкова.

Библиотека "Руниверс"

Того, Кто лучше насъ знаетъ что̀ лучше. Потому я не прошу у Него ни того, ни другого, а только чтобы умѣть просить Его святой воли.

Въ Москвѣ теперь дѣлаетъ большой шумъ диссертація Аксакова[1]). Она наконецъ напечатана въ огромной книгѣ, слишкомъ 30 листовъ убористаго шрифта, и черезъ двѣ недѣли по выходѣ вдругъ запрещена, остановлена въ продажѣ и должна опять перепечатываться. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что это насмѣшка непростительная, если это только не просто глупость источника нашего ума—Московскаго Университета. Пропустить книгу цѣлымъ совѣтомъ профессоровъ, печатать ее полтора года и потомъ велѣть перепечатывать!

Простите, обнимаю васъ, до завтрашней почты.

*

Милая маменька, сейчасъ получилъ письмо отъ васъ и отъ Маши. Вы пишете, что всѣ нездоровы, и не описываете чѣмъ. Это нехорошо и даетъ безпокойство. У насъ горе: бѣдный Языкушко боленъ. Я хотѣлъ писать къ брату, но такъ какъ онъ теперь у васъ, то сообщите вы ему. За Хомяковымъ я послалъ эстафету. У него (Языкова) горячка, онъ простудился, выпивши стаканъ холодной воды. Бредитъ стихами, въ которыхъ словъ нельзя разобрать, и что-то поетъ. Въ ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ онъ исповѣдался и пріобщился, былъ въ чистой памяти, распорядился всѣми своими дѣлами. Онъ потребовалъ священника въ 4-мъ часу ночи, не смотря на то, что Иноземцевъ увѣрялъ его, что болѣзнь не опасна и что увѣренъ въ его выздоровленіи. Языковъ съ твердостію настоялъ на своемъ желаніи, говоря, что это лекарство лучше всѣхъ, и что оно одно ему осталось. Послѣ того ему было лучше. Иноземцевъ не предвидѣлъ близкой опасности. Въ Середу ему было гораздо лучше, Иноземцевъ успокоилъ всѣхъ; въ Четвергъ стало хуже. Иноземцевъ въ 2 часа пополудни нашелъ его въ бреду и велѣлъ поставить шпанскую муху, хотѣлъ заѣхать въ 9 часовъ, узнать, какъ подѣйствовала шпанская муха, но въ 5 часовъ Языковъ успокоился. До этой минуты жизнь его была страдальческая. Онъ перешелъ въ другую свѣтлую, достойную его свѣтлой доброй, души. Нѣтъ сомнѣнія, что если кому-либо изъ смертныхъ суждено тамъ славить величіе и красоту и благость Господа, то вѣрно изъ первыхъ ему. П. М. здѣсь. А. М.[2]) былъ здѣсь и уѣхалъ въ Симбирскъ, по необходимымъ дѣламъ, въ прошедшую Пятницу. Лицо Языкушки свѣтло и спокойно, хотя носитъ печать прежнихъ долгихъ страданій, залогъ будущихъ, те-

[1]) О Ломоносовѣ.

[2]) Братья поэта, Петръ и Александръ Михайловичи Языковы.

Библиотека "Руниверс"

перь наступившихъ утѣшеній. Наканунѣ кончины онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ живущихъ у него, и у каждаго по одиночкѣ спрашивалъ, вѣрятъ ли они воскресенію душъ? Когда видѣлъ, что они молчатъ, то просилъ ихъ достать какую-то книгу, которая *совсѣмъ перемѣнитъ* ихъ образъ мыслей, но они забыли названіе этой книги! Обстоятельство крайне замѣчательное; теперь они стараются всѣми силами и не могутъ вспомнить. Очевидное и поразительное доказательство таинственнаго Божіяго смотрѣнія о спасеніи и руководствѣ душъ человѣческихъ. Прощайте, обнимаю васъ за жену и за дѣтей. Вашъ сынъ И. К.

Пожалуйста, напишите о себѣ и заставьте Петруху-брата написать также. *Скажите ему* не вдругъ объ Яз.: я боюсь, что это слишкомъ поразитъ его. Приготовьте также и Петерсона. Это будетъ въ завтрашнихъ газетахъ, потому боюсь теперь *не сообщитъ* вамъ.

*

10-го Января 1847.

Обнимаю тебя, другъ-братъ Петруха, и вмѣстѣ съ тобою и со всѣми вами соединяюсь мысленно и сердечно, чтобы поздравить васъ съ завтрашнимъ днемъ[1]). Я не писалъ къ тебѣ передъ новымъ годомъ, потому что не нашелъ въ себѣ духу говорить тебѣ о бѣдномъ нашемъ Языкушкѣ. Изъ письма моего къ маменькѣ, писаннаго 27-го Декабря, ты узнаѣшь подробности о его послѣднихъ минутахъ; они были святы, прекрасны и тихи. Хомяковъ пріѣзжалъ на нѣсколько часовъ и, похоронивъ Языкова, тотчасъ отправился къ женѣ въ деревню, потому что она больна. Тутъ я видѣлъ въ первый разъ, что Хомяковъ плачетъ; онъ перемѣнился и похудѣлъ, какъ будто бы всталъ изъ длинной болѣзни. Тѣло положили въ Даниловѣ подлѣ Валуева. Шевыревъ написалъ объ немъ прекрасную статью въ Городскомъ Листкѣ[2]). Онъ вспоминаетъ всю его жизнь, его же стихами.

Сегодня жду писемъ изъ Петрищева[3]); очень боюсь, за маменьку. У меня тоже не совсѣмъ здоровы жена и маленькая Машенька. Въ этотъ годъ я перешелъ черезъ ножи самыхъ мучительныхъ минутъ, сцѣпленныхъ почти безпрерывными бѣдами, такъ что когда я несъ мою бѣдную Катюшу въ церковь, то это было уже почти легко, въ сравненіи съ другими чувствами.

Обнимаю тебя крѣпко. Твой братъ И. К.

*

[1]) Днемъ рожденія ихъ матери.

[2]) Прекрасномъ изданіи Владимира Николаевича Драшусова.

[3]) Помѣстье А. П. Елагиной, Бѣлевскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

Къ своему духовнику Оптинскому старцу Макарію.

Милостивый батюшка!

Прилагаю письмо инспектора Сергія, полученное мною въ отвѣтъ на то, которое я ему писалъ по вашему приказанію о послѣднихъ главахъ аввы Ѳалассія, и прошу вразумить меня, что̀ ему отвѣчать? Составить ли примѣчаніе здѣсь и послать ему на одобреніе или просить его самого составить его? Въ указаніи на Іоанна Дамаскина онъ ошибся: я писалъ ему объ 11-й главѣ и 3-мъ параграфѣ, разумѣя первую часть, въ которой говорится о Пресвятой Троицѣ; а онъ вмѣсто 3-го параграфа прочелъ 3-ю часть и въ ней искалъ одиннадцатой главы, гдѣ идетъ рѣчь о другомъ. Въ указанномъ же мною мѣстѣ говорится именно о безначальности и небезначальности Сына.

Для усмотрѣнія вашего выписываю это мѣсто и при семъ прилагаю. Выписываемый о. инспекторомъ ирмосъ кажется мнѣ тоже недовольно ясенъ. Не имѣется ли въ церковныхъ пѣсняхъ что-либо еще ближе къ предмету? Въ книгѣ Іоанна Дамаскина еще указана ссылка на Григорія Назіанзина, слово 29 и 39-е, но я ихъ не смотрѣлъ. Въ примѣчаніи же, я думаю, къ выпискѣ изъ І. Дамаскина достаточно прибавить нѣсколько словъ о томъ, что слово *начало* имѣетъ нѣсколько смысловъ. Иногда означаетъ оно черту, отъ которой возникаетъ что-либо во времени или пространствѣ; иногда означаетъ основаніе чего-либо, иногда причину или вину. Здѣсь небезначальный употреблено въ семъ послѣднемъ смыслѣ и собственно значитъ имѣющій вину своего сыновняго бытія въ Отцѣ, совѣчно Ему и безначально пребывая, какъ Божество, Ему единосущное, но отъ Него прежде всѣхъ вѣковъ рожденное, какъ свѣтъ отъ свѣта, Богъ истинный отъ Бога истиннаго.

Когда будете разсматривать переводъ Филиппова Максима Исповѣдника, то на первой страницѣ его, гдѣ гововорится о томъ, что любовь составляется изъ вожделѣнія и страха, не найдете ли приличнѣе замѣнить слово *вожделѣніе* словомъ *влеченіе?*

К. С. Аксакову.

Москва, 1-го Іюня 1855.

Многоуважаемый и любезнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ! Благодарю васъ за присылку вашей статьи о глаголахъ. Я прочелъ ее съ большимъ удовольствіемъ, хотя и совершенный невѣжда въ этомъ дѣлѣ. По этой причинѣ, т. е., потому, что я въ этомъ дѣлѣ совершенный невѣжда, вамъ вѣроятно нелюбопытно будетъ знать мое мнѣніе о вашей статьѣ. Однакоже, такъ какъ я не просто невѣжда, а невѣжда-

Библиотека "Руниверс"

пріятель, то прошу васъ выслушать краткій отчетъ въ тѣхъ мысляхъ, которыя возбудило во мнѣ чтеніе вашей статьи.

Въ ней, также какъ и во всемъ почти, что̀ вы пишете, есть что-то очень возбудительное. Читая вашу грамматику, чувствуешь себя не въ школѣ и не въ душномъ кабинетѣ.

Съ этой точки зрѣнія, кажется мнѣ особенно замѣчательна ваша мысль о личныхъ правахъ Русскихъ глаголовъ. Совершенно справедливо, что въ этомъ совмѣщеніи личной самостоятельности съ цѣльностью общаго порядка заключается главная особенность того языка, по которому слово живетъ и движется въ Русскомъ умѣ. Въ прежнія времена такъ жили и двигались не одни слова. Это отличительный типъ Русскаго взгляда на всякій порядокъ и потому должно было составлять главное затрудненіе иностранныхъ систематиковъ, сочинявшихъ намъ грамматики. Ихъ голова не вмѣщаетъ порядка безъ однообразія. Самообразность частной особенности коробитъ имъ глазъ. Между тѣмъ личная самостоятельность глаголовъ такъ мало противорѣчитъ общей законности языка и такъ ясно сливается съ нею для Русскаго ума, что каждый ребенокъ еще прежде, чѣмъ доростетъ ученья грамотѣ, уже не дѣлаетъ никакой ошибки въ спряженіи; но ученый Нѣмецъ, проведя лѣтъ двадцать въ Россіи, еще способенъ сказать: *стригнулся*. Самый родъ этой законности не ясенъ для Нѣмца, и если они будутъ продолжать намъ составлять грамматики, то, пожалуй, мало по мало отучатъ наши глаголы такъ своевольничать и подвергнутъ ихъ подъ свой Ваганьковскій*) порядокъ. Однакоже то, что̀ Русскій ребенокъ понимаетъ безсознательнымъ чутьемъ и что̀ вы сознали умомъ, то еще не существуетъ для науки до тѣхъ поръ, покуда общая мысль не развернется во всей полнотѣ своихъ внутреннихъ и наружныхъ признаковъ такъ, чтобы изъ общаго можно было предугадывать частное, а на частномъ всегда видѣть отраженіе общаго закона. Потому, какъ ни вѣрна ваша мысль, какъ ни много она обѣщаетъ въ возможности своего развитія, но покуда еще въ возможности. Это богатое зерно для будущей вашей книги, зерно, которое еще не умерло и не воскресло въ вашей статьѣ, но ждетъ еще вашей полной грамматики, которой и я съ нетерпѣніемъ ожидаю.

Меньше, признаюсь вамъ, нравится мнѣ мысль ваша о томъ, что въ Русскомъ языкѣ *вовсе нѣтъ временъ*, и что *языкъ нашъ обратилъ вниманіе на качество дѣйствія, и уже отъ качества вывелъ, по соотвѣтствію, заключеніе о времени* (стр. 15). Простите мнѣ, если я, какъ не-филологъ, не умѣю понять законности такого процесса ума Русскаго, ко-

*) Т. е. мертвенный. Ваганьково—извѣстное Московское кладбище.

Библиотека "Руниверс"

торый, сознавая общее качество дѣйствія, отдѣляетъ отъ него качество времени, и потомъ уже, по соотвѣтствію качества времени съ другими качествами, выводитъ его какъ заключеніе. Я понимаю, что формы стремленія Русскаго глагола выражаютъ не одно время, но еще и другія качества дѣйствія, и потому вы правы противъ Ломаносова и его послѣдователей, смѣшавшихъ эти другія качества съ категоріею времени, и противъ Фатера и Боппа, раздробившихъ одинъ глаголъ на многіе разные, смотря по различному его выраженію различныхъ качествъ того же дѣйствія. Но мнѣ кажется, что въ Русскомъ умѣ (языкѣ) эта гибкость формы для выраженія различныхъ качествъ дѣйствія не могла возникнуть *предварительно*, но только *совокупно* съ выраженіемъ времени. Вотъ въ какомъ отношеніи мысль ваша кажется мнѣ преувеличенною и потому одностороннею. Правда, что безъ этого преувеличенія ваша статья лишилась бы нѣсколько своего блеска. Но за то она лишилась бы нѣсколько и своей Нѣмецкой отвлеченности въ изъясненіи вашемъ о переходѣ ума отъ качества дѣйствія къ категоріи времени,—отвлеченности, которая, если бы и была справедлива въ отношеніи къ процессу ума вообще, то все же несправедлива въ отношеніи къ образу мышленія ума Русскаго. Мысль человѣка Русскаго идетъ не Нѣмецкими путями, какъ очень хорошо знаетъ авторъ Луповицкаго; потому я думаю, что хотя бы и была постигнута вами настоящая система Русскаго языка, но она до тѣхъ поръ останется не дозрѣвшею въ вашемъ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи, неоконченною, покуда не приметъ самородной Русской формы мышленія. Я думаю, что, отыскивая *эту форму* истины, умъ мыслителя еще болѣе прояснитъ себѣ и самую сущность ея.

Если же принять вашу мысль безъ того, что̀ мнѣ кажется въ ней преувеличеннымъ (т. е. что въ Русскомъ глаголѣ нѣтъ формы, непосредственно выражающей время, но понятіе о времени только выводится изъ предварительнаго понятія о другихъ качествахъ), тогда языкъ нашъ представится намъ богаче другихъ, но менѣе отличенъ отъ нихъ въ своемъ физіологическомъ устройствѣ. Не другой породы звѣрь, но существо той же породы, только въ организмѣ полнѣе развитомъ.

То смѣшеніе временныхъ формъ, которое вы замѣчаете въ Русскомъ языкѣ и почитаете исключительною его особенностію, кажется, принадлежитъ больше или меньше всѣмъ языкамъ. Нѣмецъ напримѣръ почти только въ грамматикѣ своей обозначаетъ свое будущее вспомогательнымъ werden, а въ употребленіи онъ почти всегда вмѣсто будущаго ставитъ настоящее: Morgen geh'ich zu ihm, sage ihm das und das и проч. Прошедшее совершенное на всѣхъ языкахъ одинаково съ причастіемъ прошедшимъ; но такъ какъ въ понятіи прошедшаго при-

Библиотека "Руниверс"

частія, или отглагольнаго прилагательнаго, *уже заключается понятіе о времени*, то не очевидно ли, что форма, обозначающая время, перешла не отъ прилагательнаго къ глаголу, а отъ глагола къ прилагательному, слѣдовательно въ глаголѣ она самородная, а не выводная *). Къ тому же, какъ вамъ извѣстно, въ коренномъ Славянскомъ языкѣ была еще и другая форма прошедшаго. Въ Церковно-Славянскомъ есть *видѣхъ*, есть и *видяхъ*, *ядохъ* и *ядяхъ* и пр. Слѣдовательно Русскій современный языкъ только *утратилъ* одну изъ формъ обще-Славянскаго языка (ибо и на другихъ нарѣчіяхъ Славянскихъ, говорятъ, есть тѣже формы), а не по особенному процессу мышленія составилъ свои формы.

Да и что̀ такое глаголъ, если не дѣйствіе понятое во времени? Такъ называемое неокончательное наклоненіе не есть собственно глаголъ, но отглагольное существительное. Безъ понятія о времени нѣтъ глагола,—нѣтъ даже въ возможности.

Фраза, которую вы привели на страницѣ 9-й, чтобы показать, что Русскаго будущаго нельзя назвать *будущимъ*, можетъ быть буквально переведена на Нѣмецкій языкъ съ тою только разницею, что вмѣсто *будущаго* Нѣмецъ употребитъ *настоящее*, также относя его къ прошедшему времени: Die Tage vergingen für uns sehr einförmig; ich gehe zu seiner Thür, klopfe ein Paar Mahl dran, er öffnet mir и проч. Изъ этого, однакоже, вы не можете заключить, что Нѣмцы не имѣли настоящаго времени. Настоящее время они имѣютъ, а мы имѣемъ будущее, мы несомнѣнно имѣемъ его, и чтобы мы еще имѣли, если бы и будущее было ихъ же!

Къ тому же нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Вы сами говорите, что конецъ фразы, рядъ будущихъ останется одинаковъ, если вы перемѣните начало, а вмѣсто прошедшаго: *всякій день проходилъ*, поставите настоящее: *проходитъ*, или будущее: *будетъ проходить*. Не показываетъ ли это, что конецъ фразы, рядъ будущихъ, относится не къ этому началу, а къ чему-то другому, что̀ можетъ быть подразумѣвается? Здѣсь можетъ подразумѣваться: *всякій день*, или *всегда*, или *обыкновенно*... Если бы конецъ фразы явно относился къ прошедшему, то вы не могли бы употребить въ ней будущихъ формъ. Вы не можете сказать: *вчерашній день я подойду къ его двери* и пр., но вы скажете: *я подошелъ къ его двери*, или *я подходилъ къ его двери*. Но если вы нѣсколько разъ подходили къ двери, то можете сказать: *вчерашній день я нѣсколько разъ подойду къ его двери, постучусь, и онъ не отворяетъ мнѣ*. Слѣдовательно здѣсь будущія времена относятся не къ *вчерашнему дню*, а къ

*) Прилагательное *больной*, можетъ быть, происходитъ и не отъ глагола, но *болѣлый* очевидно перешло черезъ глагольную форму. Также *служебный* и *служилый*.

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько разъ, т. е. къ понятію *о повторявшемся дѣйствіи*. Замѣтьте еще, что если бы это было *не рядъ* дѣйствій или, по крайней мѣрѣ, *не два* дѣйствія, взаимно относящіяся одно къ другому, а только *одно* дѣйствіе, то хотя бы оно и повторялось нѣсколько разъ, но вы не могли бы выразить его формою будущаго, когда оно совершалось въ прошедшемъ. Вы не можете сказать: *бывало я подойду къ его двери*, и этимъ кончить, вамъ непремѣнно надобно *прибавить другой глаголъ*, съ которымъ глаголъ *подойду* будетъ взаимно относиться: *я подойду, онъ отворитъ* и тому подобное. Слѣдовательно такого рода будущія зависятъ не отъ словечка *бывало*, также какъ они не относятся *ко времени, о которомъ* идетъ рѣчь, но выражаютъ только порядокъ, въ которомъ одно дѣйствіе относится къ другому. Птица полетитъ, я выстрѣлю: это можетъ относиться ко всѣмъ временамъ. Такое будущее можно назвать будущимъ самостоятельнымъ.

Если я не ошибаюсь, если точно въ языкѣ нашемъ есть будущее самостоятельное, то не предвѣщаніе ли это нашей судьбы?

Если будущее самостоятельное можетъ замѣняться другими временами или даже смѣшиваться съ ними вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о времени, но о порядкѣ отношенія между двумя или нѣсколькими дѣйствіями, то это не мѣшаетъ будущему быть будущимъ, настоящему настоящимъ, а прошедшему прошедшимъ, тамъ, гдѣ нужно опредѣлить время дѣйствія. Правда, что форма нашего будущаго не всегда отличается отъ формы настоящаго въ изъявительномъ наклоненіи; но за то повелительное, которое тоже будущее, у насъ яснѣе обозначается, чѣмъ во многихъ другихъ языкахъ. Это тоже что нибудь должно значить относительно особенности нашего характера; но только здѣсь я уже не знаю, до какой степени другіе народы будутъ завидовать намъ въ этой особенности.

Разсматривая Русскій глаголъ, какъ вы дѣлаете, въ самой жизни языка, независимо отъ системъ, составленныхъ по иностраннымъ образцамъ, и постоянно имѣя въ виду замѣченное вами свойство Русскаго глагола (при всѣхъ измѣненіяхъ сохранять право неискаженнаго развитія своей духовной личности), можно бы, кажется, придти къ совершенно противоположному заключенію, не нарушая законовъ логики, т. е. что именно потому, что Русскій глаголъ выражаетъ, кромѣ времени, еще и качество дѣйствія, онъ долженъ быть богаче другихъ формами выражающими время. Ибо сверхъ обыкновенныхъ общихъ подраздѣленій времени качество дѣйствія даетъ возможность еще къ нѣкоторымъ обыкновеннымъ подраздѣленіямъ. Такъ, кромѣ замѣченныхъ вами и прекрасно выраженныхъ смысловъ различныхъ формъ временъ, Русскій глаголъ имѣетъ еще особенную форму для выраженія той *быстроты*, съ которою дѣйствіе переходитъ въ прошедшее. Разумѣется,

Библиотека "Руниверс"

эта форма возможна только для тѣхъ глаголовъ, которыхъ личный смыслъ вмѣщаетъ возможность этой мгновенной быстроты. Этого времени, уже не однократнаго только, но мгновенно прошедшаго, нѣтъ въ другихъ языкахъ и слѣдовательно нѣтъ въ иностранныхъ грамматикахъ. Не знаю, есть ли оно въ вашей, но, кажется, должно быть, потому что есть въ языкѣ. Этой формы не было прежде въ нашихъ грамматикахъ (и не могло быть, потому что искали только формъ *общихъ для всѣхъ* глаголовъ), и потому языкъ литературный ея избѣгаетъ. Отъ того она не развилась, какъ бы должна была развиться, и носитъ на себѣ какой-то оттѣнокъ неблагороднаго, какъ свойственная больше народу, чѣмъ людямъ *образованнымъ*. Къ этой формѣ мгновенно-прошедшаго относятся слова: *глядь*, *хватъ*, *прыгъ*, *щелкъ*, *стукъ*, *брякъ*, *звякъ*, *бухъ*, *шлёпъ*, *скокъ*, *мигъ*, *шмыгъ*, *бацъ*, *кехъ*, *плюхъ*, *пихъ* и проч. Эта форма хотя выражаетъ прошедшее дѣйствіе, однако еще такъ тепла пролетомъ настоящаго, что животрепещетъ сердцу прошедшимъ и настоящимъ дѣепричастія, занимая отъ перваго смыслъ, синтаксическія права изъявительнаго наклоненія, отъ втораго—необходимость соединяться съ другимъ глаголомъ, въ отношеніи къ которому опредѣляется мгновенность выражаемаго ею дѣйствія.

Но, дописывая съ горяча четвертый листъ моего письма къ вамъ, я не знаю, посылать ли его, зная, что все сказанное мною можетъ быть длинная чепуха, доказывающая только мое незнаніе предмета, о которомъ пишу. Впрочемъ, если и такъ, то вы увидите въ этой чепухѣ еще доказательство того, какое сильное дѣйствіе произвело на меня чтеніе вашей статьи. Между тѣмъ прошу васъ все сказанное мною принять не какъ мое *мнѣніе*, но какъ *вопросы* о томъ, что̀ мнѣ въ вашей статьѣ показалось неяснымъ для моего неразвитаго понятія.

Прошу васъ передать мое искреннее почтеніе вашему много и глубоко уважаемому батюшкѣ и всему вашему почтенному семейству.

Преданный вамъ Иванъ Кирѣевскій.

Къ М. П. Погодину.

Послѣдній день 1855 года.

Любезный другъ Погодинъ. Къ намъ, въ деревню, доходятъ новости поздно, однакожъ отъ этого онѣ мало теряютъ своей живости. Въ послѣднемъ № Московскихъ Вѣдомостей я прочелъ рѣчь, которую ты говорилъ Хрулеву, и прочелъ съ такимъ удовольствіемъ, какого давно не испытывалъ отъ печатнаго. Тебѣ Богъ вложилъ огонь въ слово. Видно, ты въ самомъ дѣлѣ скипѣлся душою съ жизнію нашего отече-

Библиотека "Руниверс"

ства, что при каждомъ явленіи этой жизни, при страданіи ея, при радости, у тебя вырывается изъ сердца настоящій звукъ. Твои голоса, т. е. не печатанные, возбуждаютъ почти общее сочувствіе. Разумѣется не всѣ, но большая часть. Въ рѣчи Хрулеву меня особенно поразила и обрадовала мысль о томъ, что Европа не догадывается, сколько добра извлечетъ Россія изъ того зла, которое она думаетъ ей принесть. Я думалъ, что я одинъ утѣшаю себя этою мыслію, и хотѣлъ бы обнять тебя, видя, что ты говоришь, что̀ я думаю. Твоя увѣренность укрѣпляетъ мою. Да, любезный другъ, эти страданья очистительныя, эта болѣзнь къ здоровью. Мы бы загнили и задохлись безъ этого потрясенія до самыхъ костей. Россія мучается, но это муки рожденія. Тотъ не знаетъ Россіи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что-то великое, небывалое въ мірѣ. Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться. Ужасно, невыразимо тяжело это время; но какою цѣною нельзя купить того блаженства, чтобы Русскій православный духъ, духъ истинной Христіанской вѣры, воплотился въ Русскую общественную и семейную жизнь? А возможность этого потому только невѣроятна, что слишкомъ прекрасна.

Впрочемъ, въ стремленіи къ Русскому народному духу есть возможность недоразумѣнія, которое, къ сожалѣнію, часто встрѣчается и многое путаетъ. Подъ Русскимъ духомъ разумѣютъ не одушевленіе общечеловѣческаго ума духомъ православнаго, истиннаго христіанства, но только отрицаніе ума западнаго. Подъ *народнымъ* разумѣютъ не цѣлостный составъ государства, но одно *простонародное*, смѣшанный отпечатокъ полуизглаженныхъ прежнихъ общественныхъ формъ, давно изломанныхъ, и слѣдовательно уже не возстановимыхъ. Духъ живитъ, но улетаетъ, когда имъ хотятъ наполнить разбитыя формы.

Очень бы ты обязалъ меня, если бы нашелъ минуту подѣлиться тѣми мыслями, которыя теперь тебя занимаютъ. Не написалъ ли ты чего новаго послѣ моего отъѣзда изъ Москвы? Если бы прислалъ мнѣ прочесть, то тетрадь твоя возвратилась бы скоро, а благодарность моя осталась бы невозвратною. Твой И. Кирѣевскій.

Къ А. И. Кошелеву.

Письмо твое отъ 23 Окт. я получилъ 30 Окт., а статью *), которую ждалъ съ нетерпѣніемъ, получилъ только 7 Ноября. Я прочелъ ее

*) О какой статьѣ Кошелева говоритъ здѣсь Кирѣевскій, неизвѣстно.

Библиотека "Руниверс"

съ большимъ интересомъ и возвращаю на первой же почтѣ. Очень желаю, чтобы она была напечатана, потому что она, безъ сомнѣнія, будетъ очень полезна. Мысль ея истинная, и сказано съ одушевленіемъ. Если въ ней есть недостатокъ, то тотъ, что она недовольно сжата, и въ ней есть повторенія. Впрочемъ, можетъ быть, для большинства читателей это не мѣшаетъ, а поможетъ понять и убѣдиться. Потомъ, мнѣ кажется, что у тебя недовольно развита главная мысль, мелькомъ сказанная въ концѣ, т.-е. что просвѣщеніе западное только *вредною стороною своею* противно Русскому православному духу, но *существенная* сторона его не только не противна духу Русскому, но еще необходима для его полнѣйшаго развитія, какъ и православное направленіе необходимо для полнѣйшаго развитія самаго западнаго просвѣщенія; что начала Русской основной образованности только потому *особенны* отъ западныхъ, что они—*высшая ихъ ступень*, а не потому, чтобы были совершенно *иныя*. По этой-то причинѣ Русская особенность и можетъ своимъ развитіемъ задушить вредную сторону западной образованности, что направитъ ее въ сторону истинную; по этой же причинѣ и сама Русская особенность можетъ быть задушена западнымъ просвѣщеніемъ, если ей не дадутъ развиться во-время, прежде чѣмъ ложное направленіе Запада возьметъ совершенно верхъ надъ Русскою особенностію въ Россіи. Оттого совершенно справедливо говоришь ты, что упустить благопріятное время было бы ошибкою можетъ быть неисправимою.

Недостаточность и даже вредность мѣръ запретительныхъ очевидна изъ того, что Русская особенность не есть развитое и готовое просвѣщеніе, но только его основаніе, только направленіе, дрожжи, которыя должны перебродить въ мукѣ, чтобы вышелъ хлѣбъ. Еслибы возможно было остановить входъ въ Россію западнаго просвѣщенія, то изъ этого вышло бы то послѣдствіе, что Русскій умъ пришелъ бы въ еще бо́льшую подчиненность Западу, котораго вліяніе сдѣлалось бы еще сильнѣе.

Позволяйте все,—сказать нельзя и не должно. Есть книги безусловно вредныя, именно тѣ, которыя возбуждаютъ и воспламеняютъ бурныя страстя. Противъ ложнаго разсужденія есть противоядіе въ самомъ разсужденіи; но страсть—вино. Страсть, возбужденная книгою—вино фальшивое и вредное для здоровья. Если не запретить его продажу, то люди могутъ отравиться. Крѣпкихъ желудковъ немного, и для нихъ могутъ быть исключенія.

Вотъ, любезный другъ, мои мысли о твоей статьѣ. Повторяю, она очень хороша, и интересна, и жива, и дѣльна; но я думаю, что она была бы еще лучше, если бы ты немного сократилъ ее, уничтоживъ повтореніе, и немного распространилъ мысль твою объ общихъ свой-

Библиотека "Руниверс"

ствахъ Русскаго просвѣщенія: ибо, право, эта мысль незнакома почти никому, а твоя статья писана въ такомъ тонѣ, что ее должна читать вся масса Русскихъ читателей, а не пять-шесть твоихъ пріятелей. Обыкновенно же у насъ подъ Русскимъ духомъ понимаютъ только *отсутствіе* образованности и нѣкоторыя характеристическія особенности нравовъ, не подозрѣвая, что эти особенности связаны съ нѣкоторыми *положительными* началами высшаго просвѣщенія.

Очень бы желалъ, чтобъ эти замѣчанія мои тебѣ на что-нибудь пригодились. Если же не найдешь ихъ дѣльными, то извини. Я говорю съ тобою, какъ бы съ самимъ собою, прямо, что̀ приходитъ въ голову. Немудрено, что и вздоръ въ голову придетъ. Авторъ долженъ слушать всѣ критики, а принимать изъ нихъ только то, что̀ самому по сердцу. Но по довѣренности или по дружбѣ, не должно ничего перемѣнять, особенно въ сочиненіи, которое написано con amore. Прошу тебя извѣстить меня о судьбѣ твоего журнала. Хочетъ ли Хомяковъ ѣхать въ П—бургъ, и когда именно? Мнѣ это не только интересно знать, но и нужно. Если онъ не поѣдетъ, или поѣдетъ еще нескоро, то я буду писать къ Норову о себѣ. Мнѣ очень наскучило быть нѣмымъ.

Что наше дѣло? Что сдѣлала Палата? Ольга Ѳедоровна писала къ женѣ, что Палата что-то сдѣлала. Очень бы желательно было узнать объ этомъ пообстоятельнѣе и поскорѣе. Хотя я и совершенно покоенъ на этотъ счетъ, зная, что въ вашихъ рукахъ оно пойдетъ лучше и успѣшнѣе, чѣмъ бы могло идти въ моихъ, но все же любопытно знать.

Ты нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ, что вы нарядились въ Русское платье. Очень радуюсь за васъ, если это платье удобно и красиво; но не знаю, радоваться ли за платье. Для него, кажется, было бы здоровѣе, если бы прежде другихъ въ него нарядились Писемскій съ Сушковымъ. Не худо бы было обмундировать въ него для образца и княгиню Одоевскую. Намъ съ тобой, кажется, не мѣшало бы и подождать, покуда увидимъ, какой эффектъ они сдѣлаютъ.

Я писалъ къ тебѣ нынче лѣтомъ о молотильной машинѣ и просилъ совѣта, какую взять. Ты совѣтовалъ мнѣ подождать, покуда Петровскій изобрѣтетъ машину новаго устройства.

11 Ноября. Долбино.

Къ нему же.

Вотъ это, можно сказать, что поступокъ истинно-пріятельскій, любезный другъ мой! Написать три письма, не утѣшаться самодовольно своимъ превосходствомъ, но написать еще четвертое, чтобы разбудить спящаго или откладывающаго лѣнивца: это такое дѣло, такой подвигъ,

Библиотека "Руниверс"

который оцѣнить вполнѣ, можетъ-быть, могу только я. Впрочемъ я виноватъ не такъ много, какъ тебѣ можетъ казаться. Первое письмо твое было коротенькое, въ которомъ ты только обѣщалъ другое, длинное. Этого длиннаго я дожидался очень долго, а наконецъ, когда получилъ его, то увидѣлъ, что на него отвѣчать по почтѣ было бы слишкомъ длинно и слишкомъ много надобно бы было платить за пересылку. Скоро послѣ того я получилъ твое третье письмо, въ то самое время, когда я отправился встрѣчать сына въ Калугу, гдѣ жена моя сдѣлалась больна, а я возвратился если не съ болѣзнію, то по крайней мѣрѣ, съ жестокою зубною болью, мучившею меня почти до этого дня. *20 Іюля.* Меня перервали на цѣлую недѣлю кое-какія дѣла и заботы. Спѣшу возвратиться къ начатому письму. Прежде всего скажу тебѣ, милый другъ мой, что теперешнее настроеніе твоего духа радуетъ меня болѣе, чѣмъ я могу выразить. Благодарю Бога за тебя и надѣюсь отъ тебя многаго. Я давно зналъ, что ты пойдешь по этой дорогѣ, и ждалъ тебя тѣмъ съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ, что человѣкъ какъ ты именно необходимъ въ наше время. Ты спрашиваешь у меня совѣта о томъ, что̀ тебѣ читать. Но изъ того, что̀ ты читаешь, я вижу, что ты въ этомъ совѣтѣ не нуждаешься и самъ собираешь себѣ настоящую пищу. Если ты находишь наслажденіе въ чтеніи Василія Великаго, Златоуста и Тихона Воронежскаго, то нѣтъ сомнѣнія, что ты прочтешь всѣхъ святыхъ отцовъ, переведенныхъ на Славянскій языкъ; ибо на западныхъ языкахъ они искажены и, большею частью, въ тѣхъ именно мѣстахъ, которыя самыя существенныя для утвержденія на прямомъ пути человѣка, который стремится къ Востоку отъ Запада. Но ты спрашиваешь меня, кого читать прежде, кого послѣ, и я долженъ признаться тебѣ, что этотъ простой вопросъ меня затруднилъ. Это чтеніе, чтобы принести настоящую пользу, должно быть сообразно особому устроенію каждаго человѣка. Со мной было такъ, что прежде чѣмъ я усвоилъ себѣ основное и общее, я хватался за высшее, приличное только совершеннымъ и опытнымъ мужамъ, и признаюсь тебѣ, что этимъ самомнѣніемъ я парализировалъ свои силы, воспиталъ въ себѣ именно ту раздвоенность, которой уничтоженіе составляетъ главную цѣль духовнаго умозрѣнія. Задѣлывать трещину въ построенномъ зданіи труднѣе, чѣмъ класть новое. Потому, любезный другъ, не мнѣ давать тебѣ совѣтъ, а, напротивъ, тебѣ слѣдуетъ поддержать меня своимъ сочувствіемъ, или, лучше сказать, тою взаимностію сочувствія, которая удвоиваетъ силы. Изъ всего нашего круга у тебя мысль и дѣло ближе всѣхъ срослись между собою. Этого именно намъ недоставало прежде тебя. Впрочемъ, именно по этому свойству твоему, малѣйшее уклоненіе для тебя тѣмъ опаснѣе, какъ ошибка на войнѣ опаснѣе

Библиотека "Руниверс"

ошибки въ маневрахъ. Потому для тебя существеннѣе всякихъ книгъ и всякаго мышленія—найти святого православнаго старца, который бы могъ быть твоимъ руководителемъ, которому ты могъ бы сообщить каждую мысль свою и услышать о ней не его мнѣніе, болѣе или менѣе умное, но сужденіе святыхъ отцовъ. Такіе старцы, благодаря Бога, еще есть въ Россіи, и если ты будешь искать искренно, то найдешь. Они есть и въ Москвѣ, только, разумѣется, не въ бѣломъ духовенствѣ.

Что касается до исторіи церкви, то, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного удовлетворительнаго руководства. Иннокентій, какъ ты справедливо замѣтилъ, больше годится для справокъ, чѣмъ для чтенія, хотя и для справокъ онъ не довольно полонъ. Флёри многое искажалъ, какъ папистъ, съ намѣреніемъ, а еще больше искажалъ по незнанію; потому что на Западѣ даже самые добросовѣстные ученые не знаютъ исторіи православной церкви:—такъ она переиначена пристрастными свидѣтельствами папистовъ. Неандеръ—человѣкъ вѣрующій по сердцу, но сбитый съ пути въ умственныхъ понятіяхъ. Онъ хочетъ быть безпристрастнымъ и представляетъ факты довольно вѣрно, но выводитъ изъ нихъ заключенія ложныя. Впрочемъ, при повѣркѣ его другими, онъ можетъ сообщить настоящіе матеріалы для составленія въ умѣ исторіи церкви. Геррёреръ просто не христіанинъ. Онъ пишетъ, кажется, для того только, чтобы отличиться оригинальностью взглядовъ,—Нѣмецкій Полевой. За то книга его читается легко, умна, краснорѣчива, но сбивчива. Достань еще Мосгейма: это старинный протестантъ, который глухъ на одно ухо, но ученъ и уменъ. Его книга своею наружною формою служила образцомъ для Иннокентія. Краткая ручная книга *Haase* также можетъ служить для справокъ. Тому лѣтъ 20 она была очень любима многими нашими духовными лицами, особенно вышедшими изъ Петербургской Академіи, несмотря на то, что Гаазе самъ человѣкъ почти невѣрующій! Краткая исторія первыхъ 4-хъ вѣковъ Муравьева читается легко и для первоначальнаго обозрѣнія довольно удобна. Монографій, разумѣется, больше, чѣмъ исторій. Доставь Аѳанасія Великаго, Möhler'a, Іоанна Златоустаго, Неандера, «Правду Русской церкви» Муравьева (книга очень хорошая), исторію Флорентинскаго собора, которую очень хвалятъ, но я ея еще не читалъ.

Богословіе Макарія мнѣ извѣстно не вполнѣ, т.-е. я знаю его Введеніе и первую часть Богословія. Второй еще не имѣю. Въ первой части есть вещи драгоцѣнныя, именно опроверженіе Filioque, особенно драгоцѣнныя по выпискамъ Зверникава, котораго книги достать нельзя, хотя, говорятъ, она была у насъ напечатана. Но *введеніе* Макарія мнѣ очень не нравится, какъ по сухости школьнаго слога, такъ и по нѣкоторымъ мнѣніямъ несогласнымъ съ нашею церковью, напримѣръ о

Библиотека "Руниверс"

непогрѣшимости іерархіи, какъ будто Духъ Святый является въ іерархіи отдѣльно отъ совокупности всего христіанства. Достань Богословіе Антонія Кіевскаго; тамъ языкъ хуже и тоже много ошибокъ, но есть и хорошее. Впрочемъ, если сказать правду, то удовлетворительнаго Богословія у насъ нѣтъ. Лучшимъ введеніемъ къ нему можетъ служить *Духовный Алфавитъ*, напечатанный въ сочиненіяхъ Димитрія Ростовскаго подъ его именемъ, и еще проповѣди митр. Филарета; тамъ много брилліантовыхъ камушковъ, которые должны лежать въ основаніи Сіонской крѣпости. Впрочемъ, мнѣ кажется, что въ теперешнее время, когда такъ запутаны христіанскія понятія отъ западныхъ искаженій, вросшихся въ истинное ученіе въ продолженіи тысячелѣтія и ослѣпившихъ не только умъ нашъ, но и сердце, такъ что мы, даже читая древнихъ святыхъ отцовъ, подкладываемъ имъ собственныя понятія и не замѣчаемъ того, что̀ несогласно съ западнымъ ученіемъ,—въ наше время, говорю я, всего ближе къ цѣли было бы составить такое введеніе въ Богословіе, въ которомъ бы объяснилось все различіе православнаго ученія отъ Римскаго не только въ основныхъ догматахъ, но и во всѣхъ ихъ выводахъ. Зная это различіе, мы читали бы святыхъ отцовъ съ полнымъ сознаніемъ ихъ истинности.

Прощай, милый другъ! Спѣшу окончить, чтобы не заставить тебя еще больше дожидаться моего письма. Жена моя тебѣ кланяется. Сынъ кланяется твоему. Мы ѣдемъ въ началѣ Августа въ Москву провожать Васю. Если ты будешь въ Москвѣ проѣздомъ, то авось увидимся.

Въ сборникѣ нашемъ, разумѣется, я буду участвовать, если только онъ состоится. Но мнѣ кажется, что ты разсчитывалъ безъ хозяина, т.-е. безъ цензора, который, какъ говорятъ, мараетъ съ плеча и мараетъ все, но особенно то, гдѣ есть мысль, и особенно мысль которая могла бы быть полезна. Впрочемъ попробуй.

10 Іюня.

(Изъ приложеній къ книгѣ Н. П. Колюпанова: „Біографія А. И. Кошелева").

Библиотека "Руниверс"

Письмо В. А. Жуковскаго къ А. И. Кошелеву.

Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ!

Вдругъ на меня нашло сомнѣніе, благодаря моей непотребной памяти, отвѣчалъ ли я на ваше дружеское письмо, въ которомъ вы меня приглашали подъ кровлю вашего дома на все время моего пребыванія въ Москвѣ. Кажется, что я отвѣчалъ. Кажется, да не вѣрится; такія продѣлки со мною часто случаются; во всякомъ случаѣ, если я согрѣшилъ передъ вами, простите меня, какъ добрый христіанинъ. Судьба не позволила мнѣ воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Вотъ вамъ моя біографія. Вы оставили насъ въ домѣ Клейнмана, по сосѣдству съ тѣмъ домомъ, гдѣ вы жили съ вашей супругой. Въ Маѣ мѣсяцѣ мы были выгнаны изъ этого дома королемъ Виртембергскимъ, переселились въ горницы оставленныя вами и заняли весь этажъ, гдѣ были намѣрены прожить до начала Іюля и потомъ ѣхать въ Россію. Іюль пришелъ, мы уложили всѣ свои пожитки для отъѣзда, и стоило только сѣсть въ вагонъ да и ѣхать; анъ нѣтъ! На мой правый глазъ, давно уже слѣпой, напала подагрическая матерія и съ тѣхъ поръ, вотъ уже шестой мѣсяцъ, какъ я лишенъ воздуху, свѣта и возможности дѣлать что-нибудь требующее употребленія глазъ *). Теперь мнѣ нѣсколько лучше, но все не думаю чтобъ я могъ отдѣлаться отъ бѣды своей прежде конца зимы. Всѣ мои работы парализированы, особливо составленіе моихъ педагогическихъ таблицъ, которыхъ образчики вы у меня видѣли и которыхъ практическую пользу я уже надъ своею дочерью извѣдалъ. Жаль мнѣ будетъ, если эта работа, которой результатъ могъ бы быть полезенъ вообще въ домашнемъ учебномъ образованіи, останется неконченною. Для окончанія этой работы и для употребленія въ дѣло моей методы въ образованіи дѣтей моихъ, мнѣ нуженъ помощникъ.

Этотъ помощникъ долженъ быть молодой человѣкъ, хорошо-окончившій университетскій курсъ наукъ, живаго, воспріимчиваго ума, знающій хорошо Русскій языкъ, древніе языки, основанія математики, естественныя науки, исторію и географію. Если бы нашелся такой (NB христіански нравственный) питомецъ отечественныхъ музъ, и еслибъ онъ согласился войти въ мой домъ, чтобы со мною вмѣстѣ совершить

*) Жуковскій сталъ писать не-глядя, посредствомъ изобрѣтенной имъ машинки. Это не помѣшало ему написать „Лебедя“ и за нѣсколько дней до смерти прекрасную страницу „Вѣчнаго Жида“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

первоначальное образованіе дѣтей моихъ и обработать методу, которую могъ бы послѣ самъ же ввести въ общее употребленіе,—это было бы для меня большое счастіе. Меня навѣстилъ въ Баденѣ Коссовичъ[1]). На вопросъ мой: не знаетъ ли онъ кого соотвѣтствующаго моему желанію, онъ указалъ мнѣ на Бартенева, кандидата Московскаго университета. Знаете ли вы Бартенева? Если знаете, потрудитесь мнѣ о немъ написать; если же не знаете, то распросите у вашихъ Московскихъ профессоровъ[2]). Можетъ-быть, вамъ извѣстенъ и другой кто, кромѣ Бартенева, соотвѣтствующій моему идеалу. Однимъ словомъ, примите къ сердцу это важное для меня дѣло. Я желаю имѣть напередъ нѣкоторыя понятія о тѣхъ, къ кому бы я могъ адресоваться, когда возвращусь въ началѣ будущаго лѣта въ Россію.

За симъ прощите, дружески васъ обнимаю. Увѣдомьте меня о Кирѣевскихъ, Иванѣ и Петрѣ, и объ Авдотьѣ Петровнѣ, о которой давнымъ-давно не имѣю никакого слуха. Обнимите за меня друга Хомякова, Глинку[3]). Передайте мой дружескій поклонъ Шевыреву и Дмитріеву, Мельгунову и Свербеевымъ. И я и жена просимъ васъ сказать наше дружеское почтеніе вашей супругѣ. Искренно преданный вамъ

Жуковскій.

29 Ноября (11 Декабря) 1851 года.
Баденъ-Баденъ.

(Изъ приложеній къ книгѣ Н. П. Колюпанова „Біографія А. И. Кошелева“).

---

[1]) Извѣстный санскритологъ, незабвенный Каэтанъ Андреевичъ Косовичъ, преподаватель Греческаго языка во 2-й Московской гимназіи, ѣздилъ на Лондонскую всемірную выставку съ изобрѣтенною А. С. Хомяковымъ вращательною паровою машиною. Это порученіе было для Хомякова только предлогомъ для того, чтобы Косовичу дать возможность познакомиться съ пріѣхавшими изъ Азіи восточными людьми и запастись нужными для его занятій книгами (на нихъ видѣли мы у него потомъ надписи: „Благодѣяніе А. С. Хомякова“). П. Б.

[2]) Пишущій эти строки кончилъ въ этомъ 1851 году свое ученіе въ Московскомъ Университетѣ. Пока шла о немъ переписка, Жуковскій скончался (12 Апр. 1852 г.). Черезъ посредство того же Косовича Бартеневъ опредѣлился учителемъ къ двумъ старшимъ сыновьямъ Лидіи Дмитріевны Шевичъ, внукамъ графа Д. Н. Блудова. П. Б.

[3]) Ѳедоръ Николаевичъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

А. С. НОРОВУ.

Стихи Ѳ. И. Тютчева.

Сличая въ Румянцовскомъ музеѣ различныя изданія произведеній Тютчева, я въ изданіи ихъ 1854 года, поступившемъ туда изъ библіотеки Абрама Сергѣевича Норова, нашелъ на вклеенномъ въ началѣ листкѣ слѣдующее своеручное посвященіе, съ подписью «Ѳ. Тютчевъ»:

Тому, кто съ вѣрой и любовью
Служилъ землѣ своей родной,
Служилъ ей мыслію и кровью [1]),
Служилъ ей словомъ и душой.
И кто, не даромъ, Провидѣньемъ,
На многотрудномъ семъ пути,
Поставленъ новымъ поколѣньямъ
Въ благонадежные вожди [2])....

С.-Петербургъ. 4 Января 1856.

Ѳ. Тютчевъ.

Р. Брандтъ.

А. С. Норовъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія послѣ князя П. А. Шихматова. Свое искреннее, непоказное благочестіе соединялъ онъ съ обширною ученостью и благодушіемъ. Въ Казани произошли студенческіе безпорядки. Государь Николай Павловичъ прогнѣвался, и университету грозило закрытіе. Для успокоенія Государя Норовъ поѣхалъ въ Казань и нравственнымъ вліяніемъ своимъ прекратилъ юношеское волненіе. Читатели „Русскаго Архива“ знакомы съ А. С. Норовымъ по перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ. П. Б.

---

[1]) Норовъ сражался подъ Бородинымъ, гдѣ былъ раненъ въ ногу, отчего и ходилъ на деревяшкѣ.

[2]) А. С. Норовъ въ то время (1854—1858 г.) былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ БЫЛОГО ВРЕМЕНИ.

Подумаешь, какъ сильно измѣнился Нижній Новгородъ съ того времени, когда, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, я въ первый разъ ознакомился съ нимъ! Жителей въ немъ тогда считалось не болѣе сорока тысячъ, тогда какъ въ настоящее время ихъ достигло уже до ста. Постройки были самыя незавидныя и преимущественно деревянныя. Мощеныхъ улицъ во всемъ городѣ было не болѣе шести, и то находившихся въ небрежномъ состояніи, неметеными и почти совсѣмъ неисправляемыми, отъ чего весною и осенью вездѣ была непролазная грязь; а въ немощенныхъ, особенно по Ковалихѣ и Грузинскому переулку, вовсе и проходу не было; по нимъ и извощики въ грязное время ни за какую плату везти не соглашались. Освѣщеніе было тоже самое жалкое, съ фонарями разставленными одинъ отъ другого на весьма дальнее растояніе, и то только на Благовѣщенской площади и по главнымъ улицамъ, по другимъ же въ темныя ночи было весьма удобно для жуликовъ обирать проходящихъ. На Полевой улицѣ долго практиковалась такая метода, что ночью у Дюковой дамбы подходили къ вамъ двое или трое и предлагали купить пальто или шубу. Да какое пальто, или шубу? спрашивалъ проходящій, когда не видно было ничего у нихъ въ рукахъ. Да то, дескать, которое на тебѣ, отвѣчали ему; а если не купишь, такъ мы и сами съ тебя снимемъ. При такихъ обстоятельствахъ по необходимости приходилось откупаться отъ нихъ рублями тремя, а иногда и больше, смотря по цѣнности костюма. Васъ потомъ предупреждали, что, дескать, у слѣдующей дамбы, на арестанской площади, вамъ снова будутъ продавать пальто, такъ скажите, что уже купили, что дѣйствительно тамъ и было такъ, и послѣ отвѣта «что я уже купилъ», ему говорили: а ужъ купилъ, ну такъ проходи съ Богомъ!

Подобные грабежи были въ большомъ употребленіи при полицеймейстерѣ Зенгбушѣ. При немъ какъ-то все это сходило съ рукъ, и не открывалось ни самыхъ воровъ ни вещей украденныхъ ими. И вотъ однажды какой былъ случай. Архитекторъ Фостиковъ, проживав-

Библиотека "Руниверс"

шій на Большой Покровской улицѣ, въ одномъ изъ домовъ Николаевской церкви, получилъ письмо, безъ подписи, съ извѣщеніемъ, что онъ въ нынѣшнюю ночь будетъ обкраденъ. Разумѣется, онъ тотъ часъ же извѣстилъ объ этомъ полицеймейстера. Ахъ батюшка! сказалъ Зенгбушъ, я вамъ весьма благодаренъ за такое извѣстіе. Мнѣ давно хочется узнать, гдѣ находится самое гнѣздо здѣшнихъ воровъ. Поэтому я сказалъ Фостикову, чтобы онъ не препятствовалъ имъ войди къ нему въ квартиру, и пускай, дескать, заберутъ все, что̀ имъ понадобится; я же, въ свою очередь, да еще съ нѣсколькими полицейскими лицами, вблизи вашей квартиры, на извощикахъ, будемъ слѣдить за ними. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. И что же вышло? А вышло то, что двое воровъ, безпрепятственно забравши въ квартирѣ Фостикова множество платья и разныхъ цѣнныхъ вещей (всего, какъ говорили, тысячи на три рубл. сер.), уложили все это въ двѣ простыни, и съ образовавшимися такимъ образомъ двумя большими узлами ускакали на двухъ извощикахъ на Ошарскую площадь къ находившейся на углу этой площади и Солдатской улицы лавкѣ, куда съ узлами вошли и тотъ часъ же изнутря заперли за собою дверь, а извощики проѣхали въ Солдатскую улицу. Надобно сказать, что эта лавка имѣла два раствора, одинъ съ Ошарской площади, а другой съ Солдатской улицы, и оба эти раствора запирались изнутря лавки крючьями, а затѣмъ третья дверь, выходившая на дворъ, запиралась уже снаружи висячимъ замкомъ. Поэтому воры, войдя въ лавку съ узлами съ Ошарской площади, тотъ часъ же съ ними вышли чрезъ второй растворъ на Солдатскую и затѣмъ ускакали дальше на тѣхъ же извощикахъ. Такой фокусъ воровъ полицеймейстеромъ не былъ замѣченъ, и онъ все свое вниманіе сосредоточилъ у самой лавки, поднявши тутъ суматоху; но, разумѣется, при обыскѣ какъ въ самой лавкѣ, такъ и въ помѣщеніи хозяина ея, ничего изъ украденнаго не нашлось, и самыхъ воровъ не открыто; даже хозяинъ лавки высказалъ съ своей стороны претензію въ томъ, что, дескать, по пустякамъ и по напрасну его обезпокоили.

Нижній Новгородъ видимымъ въ настоящее время своимъ благоустройствомъ обязанъ Государю Императору Николаю Павловичу, которому, во время посѣщенія этого города, очень понравилось его мѣстоположеніе; старожилы говорили, что онъ даже намѣревался было устроить дворецъ для себя, а съ этимъ вмѣстѣ указалъ все то, что̀ нужно было: одно уничтожить, другое измѣнить и наконецъ что̀ вновь устроить. Такимъ образомъ по его повелѣнію прежде всего уничтожена Стрѣлецкая улица, располагавшаяся отъ Благовѣщенской церкви по направленію къ р. Волгѣ, со всѣми дрянными избенками, нагроможденными въ

Библиотека "Руниверс"

безпорядкѣ и къ самой крѣпостной стѣнѣ и внутри ея. Уничтожена также находившаяся въ полугорѣ противъ Георгіевской башни, Пятницкая слободка, вмѣстѣ съ церковію этого же названія, которую велѣно перенести на Старую Сѣнную площадь. За тѣмъ устроены: набережная, съѣзды, бульвары, сады на берегу Волги, красныя казармы, и вообще весь городъ снова былъ распланированъ. Вмѣстѣ съ этимъ не стало и вонючихъ прудовъ: Острожнаго, Дюковскаго, Зѣѣздинскаго, близъ арестанскихъ ротъ, и другихъ мелкихъ, существовавшихъ въ разныхъ мѣстахъ города, которые окончательно всѣ засыпаны, и взамѣнъ ихъ образовалось нѣсколько общественныхъ садовъ и бульваровъ. Самый же городъ на столько увеличился, что образовалось весьма много новыхъ улицъ, съ нѣсколькими сотнями, домовъ. Однѣхъ церквей вновь выстроено девять, съ образованіемъ четырехъ новыхъ приходовъ.

Небезъинтересна исторія Троицкой церкви на Старой Сѣнной площади, которая устраивалась на городскія средства. Но городское управленіе, не смотря на высочайшее повелѣніе, почему-то не очень торопилось устройствомъ ея, такъ что самая закладка этой церкви состоялась не ранѣе, какъ лѣтъ чрезъ 15-ть послѣ высочайшаго повелѣнія объ уничтоженіи Пятницкой церкви, вмѣсто которой устроивалась Троицкая; а потомъ и начатая кладка затягивалась на долгое время и ускорилась только благодаря послѣдовавшему новому высочайшему повелѣнію, при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Это было во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Николаевичемъ Нижняго Новгорода, вскорѣ по восшествіи его на престолъ. Къ торжественному принятію его городомъ были устроены, при началѣ Зеленскаго съѣзда съ Благовѣщенской площади, деревянные, временные, тріумфальные ворота, которые вечеромъ и должны были илюминовать сяплошками. При въѣздѣ, Императору понравилась архитектура этихъ воротъ, и онъ заявилъ представителямъ города свое желаніе оставить ихъ на всегда: дескать, они тутъ и весьма кстати. Однакоже этому осуществиться было не суждено, потому что означенные ворота въ первый же вечеръ, во время илюминаціи, сгорѣли и сами. Послѣ этаго представители города, въ видѣ изъявленія своей преданности Государю, объявили ему, что вмѣсто сгорѣвшихъ воротъ они устроятъ на этомъ же самомъ мѣстѣ и той же архитектуры постоянные каменные ворота. На такія заявленія гражданъ Государь разсмѣялся и высказалъ, что онъ велѣлъ ихъ оставить на всегда, когда онѣ еще были цѣлы, но теперь не слѣдуетъ на это тратить зря деньги, а гораздо полезнѣе будетъ эти деньги употребить на достройку церкви на Старой Сѣнной площади, которая, дескать, почему-то у васъ весьма долго строится, не смотря на при-

Библиотека "Руниверс"

казаніе покойнаго Государя. Послѣ такой императорской пилюли и пришлось отцамъ города постановить опредѣленіе: отчислять на этотъ предметъ изъ городскихъ средствъ, каждогодно по пяти тысячъ рублей. Но и за всѣмъ этимъ дѣло тянулось до окончательнаго освященія этой церкви еще лѣтъ десять. А вѣдь преосвященный Іеремія при самой закладкѣ этой церкви предполагалъ, что она окончательно устроится лѣтъ въ пять; поэтому, положивши въ основаніе первый камень, онъ сказалъ своему книгодержцу (ученику низшаго отдѣленія Семинаріи И. Фл. Спасскому): «положи и ты свой камень, ты будешь тутъ священникомъ». Однакоже это не исполнилось, потому что Спасскій, хотя и окончилъ курсъ семинаріи студентомъ и слѣдовательно вполнѣ сдѣлался достойнымъ быть священникомъ, но за не отстройкою церкви, этого осуществить было нельзя; къ тому же Спасскій вовсе не пожелалъ уже быть священникомъ, а поступилъ на службу въ Палату Государственныхъ Имуществъ, гдѣ и былъ бухгалтеромъ.

Для выполненія высочайше указанныхъ построекъ былъ установленъ въ пользу города судовой сборъ, а предварительно дана ссуда въ нѣсколько тысячъ руб. ассигн. на сорокъ лѣтъ изъ суммъ Приказовъ Общественныхъ Призрѣній разныхъ губерній. Много способствовала благоустройству города и Нижегородская ярмарка (переведенная изъ г. Макарьева въ 1817 году), доставлявшая торговцамъ большія выгоды, отъ чего и образовалось въ городѣ немало лицъ съ весьма солидными капиталами; а при такихъ обстоятельствахъ возникло множество каменныхъ домовъ и изъ нихъ такихъ, которые, по грандіозности своей, могутъ доставить красоту даже въ любой столицѣ.

Въ памяти Нижегородцевъ навсегда сохранится благодарность капиталистамъ за великую ихъ благотворительность и пользу оказанную городу. Вотъ эти лица: Шушляевъ, Переплетчиковъ, Блиновы, Бугровы, Сухаревъ и Рукавишниковы. По щедротѣ ихъ, возникли въ городѣ водопроводъ, богадѣльни, дѣтскій пріютъ, родовспомогательное заведеніе, воспитательный домъ, домъ трудолюбія, дома вдовій и ночлежный, съ особыми источниками на содержаніе ихъ.

Изъ этихъ лицъ всѣхъ замѣчательнѣе Петръ Егорычъ Бугровъ, удѣльный крестьянинъ Семеновскаго уѣзда. Онъ въ Н. Новгородѣ имѣлъ домá, производилъ въ широкихъ размѣрахъ хлѣбную торговлю по купеческому свидѣтельству 1-го разряда, и въ тоже время занимался казенными подрядами, въ которыхъ, по своимъ большимъ денежнымъ средствамъ, всегда и вездѣ считался главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, и поэтому пользовался отъ всѣхъ правительствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и должностныхъ лицъ, не исключая и губернатора, большимъ почетомъ. Не смотря на свои громадныя денежныя средства, онъ по наружности нисколько не отличался отъ обыкновеннаго крестьянина и не допускалъ по отношенію къ себѣ никакой роскоши. Жилище свое онъ пристроилъ въ кухнѣ, гдѣ его часто находили лежащимъ или на печи, или на палатяхъ. Пища его была щи съ чернымъ хлѣбомъ и каша, а въ видѣ роскоши бѣлый хлѣбъ испеченный изъ самаго низкаго сорта пшеничной муки, въ посты же заставали его за большою деревянною чашкою, наполненною квасомъ, капустою съ лукомъ и солеными огурцами. Чаю онъ не пилъ, считая за грѣхъ, такъ какъ онъ былъ изъ сектантовъ, не пріемлющихъ священства. По городу ѣздилъ на дрянной лошаденкѣ, запряженной въ дроги, съ висячею для ногъ подножкою; сбруя на лошади была тоже незавидная. Однимъ словомъ, по внѣшности вовсе нельзя было заключить, что это владѣлецъ громаднаго капитала. Такъ какъ у Петра Егорыча было много дѣлъ по подрядамъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, то всѣ чиновники, въ столахъ у которыхъ производились эти дѣла, были ему весьма знакомы и даже иногда пользовались отъ него разными подачками. Однакоже надобно сказать, что онъ не имѣлъ обыкновенія давать взятки деньгами, а всегда расплачивался мукой. Ты приди завтра ко мнѣ, говаривалъ онъ кому-нибудь изъ чиновниковъ; я дамъ тебѣ записочку, по которой тебѣ изъ лавки отпустятъ пшеничной мучки. Чиновникъ приходитъ къ нему. А, ты пришелъ; здорово, баринъ! Вотъ тебѣ бумага, перо и чернила и пиши что̀ я скажу: «Отпустить сему подателю одинъ пудъ 3-го сорта пшеничной муки. Что̀, написалъ? Ну давай теперь я подпишу, и подписываетъ каракулями «Бугровъ». Вообще же онъ былъ совсѣмъ безграмотный. Между тѣмъ чиновникъ, пользуясь его безграмотностію, написалъ въ запискѣ не то, что̀ онъ ему диктовалъ, а сказалъ, чтобъ отпустить мѣшокъ въ пять пудовъ пшеничной 1-го сорта муки. Иногда случалось нѣкоторымъ чиновникамъ приходить въ домъ Бугрова и выпрашивать у него денегъ на похмѣлье, и онъ давалъ не болѣе двухъ гладкихъ двугривенныхъ, которыхъ у него всегда было въ запасѣ полная большая деревянная чашка, находившаяся въ кухнѣ на полкѣ.

Совсѣмъ онъ былъ не такъ простъ, когда участвовалъ на торгахъ. Смѣтливость и сообразительность въ немъ въ высшей степени были развиты. У него была какая-то своего рода математика на пальцахъ, по которой онъ быстро соображалъ число потребнаго матеріала или денегъ, и мнѣ совсѣмъ неизвѣстно, чтобы онъ по какимъ либо предпріятіямъ потерпѣлъ неудачу или убытокъ. На торгахъ у него всегда были еще двое подручныхъ, тоже изъ удѣльныхъ крестьянъ, М. Ем. Мака-

Библиотека "Руниверс"

ровскій, обладавшій порядочнымъ капиталомъ, а другой, по капиталу изъ посредственныхъ, Н. А. Григорьевъ; всѣ они трое вели дѣло на торгахъ всегда въ согласіи между собою, и никогда, какъ говорится, другъ другу ногъ не подставляли. Но когда къ нимъ припутывался еще кто нибудь и начиналъ имъ мѣшать, тогда они дружно старались его смять, или же просто, какъ говорится, подсолить ему. Главнымъ, и можно сказать, опаснымъ для нихъ соперникомъ на торгахъ, всегда считался купецъ 1-й гильдіи Василій Климентовичъ Мичуринъ. Но вотъ были торги на постройку громаднаго зданія для дворянскаго Женскаго Института, на которыхъ Мичуринъ окончательно шелъ на перебой Бугрова и его компаніоновъ, все сбавляя и сбавляя цѣну, и наконецъ довелъ до такой, что, по соображенію Бугрова, сдѣлалось совсѣмъ невозможнымъ взять за эту цѣну постройку означеннаго зданія, и по этому онъ рѣшился подсолить Мичурину, умышленно сбавивъ еще довольно порядочную сумму противъ цѣны Мичурина, а когда тотъ, въ свою очередь, еще сбавилъ, тогда Бугровъ уже отказался; и, обратившись къ своимъ компаніонамъ, сдѣлалъ рукою отмахъ по своему лицу, какъ будто бы поймалъ на немъ безпокоившую его муху, и сказалъ: «Ахъ шельма, которая кусалась, та и попалась!» И дѣйствительно попалась.

Мичуринъ началъ строить зданіе, даже вчернѣ возвелъ его, и денегъ уже ухлопалъ много; соображаетъ достройку и находитъ, что въ деньгахъ, противъ торговъ, будетъ большая нехватка; а на бѣду случилось еще несчастіе: въ коридорѣ на стѣнахъ образовались трещины, которыя, по словамъ архитектора, грозили большею опасностію для всего зданія; просто выходило, что хоть все зданіе ломай и снова возводи. Однакоже, благодаря любезности губернатора князя Урусова, Мичурину было оказано въ этомъ дѣлѣ большое благодѣяніе тѣмъ, что была составлена дополнительная смѣта, по которой, противъ состоявшейся на торгахъ суммы, добавлено ему, Мичурину, еще 50000 руб. Но и этихъ денегъ оказалось недостаточно; своихъ же въ запасѣ у него вовсе не было, и при такихъ обстоятельствахъ, по необходимости, пришлось ему пуститься на такую комбинацію, что онъ принудилъ зятя своего, большого простачка, помѣщика Лѣнивцева, заложить для него свое имѣніе. Вотъ и вышло такъ, что Бугровъ съ своими компаніонами сильно подсолили Мичурину. Надобно сказать, что у Мичурина во всѣхъ его предпріятіяхъ все какъ-то постоянно шли неудачи. Народная молва гласила, что его карала судьба за то, что онъ, Мичуринъ, сильно обидѣлъ малолѣтнихъ дѣтей покойнаго брата своего Кириака, у которыхъ онъ былъ опекуномъ, и что-то не совсѣмъ ладное устроилъ съ ихъ имѣніемъ.

Библиотека "Руниверс"

Немало, въ свою очередь, способствовалъ благоустройству города и бывшій губернаторъ князь Урусовъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, что онъ терпѣть не могъ такихъ домовъ, которые, послѣ новой распланировки, оказывались не по линіи, а выдвинутыми впередъ на улицу; поэтому онъ настаивалъ на непремѣнной сломкѣ ихъ. Былъ одинъ такой случай, что владѣтель одного дряннаго домишка, находившагося на самой серединѣ Ковалихинской улицы, при входѣ въ нее съ Варварки, заупрямился. тогда губернаторъ распорядился сломать его домъ чрезъ посредство пожарной команды, и такимъ образомъ, не болѣе какъ въ два или три часа, это мѣсто окончательно было очищено отъ строенія, заравнено и даже пескомъ засыпано. Получилъ ли владѣтель за сломку этого домишка какое либо вознагражденіе, мнѣ неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ за отходящую изъ частнаго владѣнія въ пользу города землю онъ долженъ былъ получить вознагражденіе, согласно положенію, по оцѣнкѣ.

А вотъ еще другой случай. На Благовѣщенской площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время домъ Городской Думы, былъ тоже дряннои одноэтажный деревянный домишка, который, въ сравненіи съ находившимися на этой площади каменными домами, былъ для всѣхъ, какъ бѣльмо на глазу; поэтому князь Урусовъ предложилъ Петру Егорычу Бугрову войти въ соглашеніе съ владѣльцемъ этого домишка и пріобрѣсти его въ свою собственность, а затѣмъ на этомъ мѣстѣ выстроить новый каменный домъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы его приспособить для театра, такъ какъ бывшій на площади, противъ архіерейскихъ воротъ (гдѣ въ настоящее время находится духовная богадѣльня) деревянный городской театръ сгорѣлъ. Необходимость устройства театра была вызвана, откровенно сказать, не столько въ пользахъ города, сколько, по преимуществу, въ угоду двухъ сестеръ актрисъ Глазуновыхъ, къ которымъ князь Урусовъ былъ весьма расположенъ и которыя, за неимѣніемъ театра, оставались безъ занятій. Однакоже владѣтель означеннаго домишка, узнавши всю сущность комбинаціи этого дѣла, туго склонялся на сдѣлку съ Бугровымъ, запросивши за свой домъ весьма высокую, и даже можно сказать, неимовѣрную цѣну; но все-таки, при энергичномъ содѣйствіи самого губернатора, дѣло эта было улажено: домишка былъ сломанъ, и вмѣсто него была начата постройка новаго большаго каменнаго дома. Губернаторъ сильно торопилъ Бугрова этою постройкою, съ такимъ расчетомъ, чтобы она была окончена непремѣнно къ веснѣ слѣдующаго года, со всѣми приспособленіями для открытія театра. Поэтому каменная кладка производилась даже и осенью при наступленіи уже морозовъ, и растворяя известку горячею водою. Нужно же было случиться, что этотъ

Библиотека "Руниверс"

домъ подвергся жестокому приговору со стороны преосвященнаго Іереміи. Это было 8-го Сентября, въ день Рождества Пресвятыя Богородицы, когда преосвященный проѣзжалъ мимо означеннаго дома на нижній базаръ въ Рождественскую церковь для служенія литургіи и, увидавши, что въ такой великій праздничный день производилась работа, произнесъ свой приговоръ въ таковыхъ страшныхъ словахъ: «Да будетъ проклятъ этотъ домъ и вси зиждущіе его!» Нужно ли говорить, что случилось съ этимъ домомъ? А случилось вотъ что, и весьма страшное. Ранней весною слѣдующаго года вновь начались работы, и когда было еще не совсѣмъ тепло, тогда шли онѣ все еще благополучно; съ наступленіемъ же болѣе теплыхъ дней, и когда стѣны стали уже оттаивать, внутри дома середняя капитальная стѣна рухнула, придавивъ собою одиннадцать человѣкъ рабочихъ. Эта катастрофа произошла часовъ въ семь утра, а я на этотъ разъ былъ дежурнымъ въ Палатѣ Государственныхъ Имуществъ, помѣщеніе которой находилось тогда почти насупротивъ этого дома, и именно въ томъ самомъ корпусѣ, гдѣ въ настоящее время помѣщается общественная библіотека. Поэтому, услыхавши происшедшій отъ паденія стѣны страшный шумъ, я тотчасъ же отправился на мѣсто происшествія и былъ очевидцемъ извлеченія изъ подъ кирпичей одиннадцати человѣкъ рабочихъ, изъ которыхъ двое были еще живы, но послѣ говорили, что и они на пути въ больницу померли. Князь Урусовъ сильно взбудоражился этою катастрофою, и поэтому завѣдывающаго постройкою, добрѣйшаго и честнѣйшаго архитектора Грицевича, запряталъ на гауптвахту, а на Бугрова напустился такъ, что сулилъ ему и острогомъ, и каторгою, однимъ словомъ, чуть даже не висилицею. Но Бугровъ былъ не изъ робкихъ и не изъ дураковъ, тѣмъ болѣе еще, что онъ съ княземъ всегда объяснялся «на ты», и очень часто являлся къ нему прямо въ кабинетъ, безъ всякаго доклада. Ты что это Бугровъ дѣлаешь? спросилъ его, дожидавшійся въ пріемной губернатора полицеймейстеръ, увидавъ, что Бугровъ, по приходѣ туда же, началъ разуваться. Да у меня сапоги-то очень грязны, такъ боюсь, чтобъ не замарать полъ, отвѣчалъ Бугровъ, и босикомъ прямо отправился въ кабинетъ губернатора. И вотъ тамъ по настоящему дѣлу Бугровъ и высказалъ губернатору такъ: «Ты, князь, не горячись; ни я, ни архитекторъ невиноваты въ этомъ дѣлѣ, а виноватъ ты; вѣдь ты торопилъ насъ работой и заставлялъ даже въ морозы производить кладку, и значитъ, что и на гауптвахтѣ слѣдуетъ быть не архитектору, а тебѣ». Такой смѣлый отвѣтъ Бугрова окончательно смирилъ князя Урусова, и онъ началъ уже объясняться съ нимъ самымъ тихимъ образомъ. Такъ что же намъ теперь дѣлать? спросилъ князь; вѣдь мы одиннадцать человѣкъ рабочихъ сгубили, и теперь ихъ

Библиотека "Руниверс"

семьи остались безъ всякихъ средствъ къ существованію. А вотъ всю вину въ этомъ дѣлѣ мы и свалимъ на покойниковъ-то, сказалъ Бугровъ. Вѣдь они изъ мертвыхъ ужъ не воскреснутъ, и значитъ насъ и уличать не будутъ; я и скажу такъ, что, дескать, они безъ моего вѣдома и безъ вѣдома архитектора самовольно производили подкопъ подъ стѣну, отчего она и рухнула. А объ семьяхъ ихъ ты князь не безпокойся, дополнилъ Бугровъ: я ихъ всѣхъ обезпечу своими средствами». Этимъ самымъ дѣло и закончилось. Грицевичъ съ гауптвахты былъ освобожденъ, и постройка дома снова продолжалась безпрепятственно такъ, что къ Декабрю этого года въ немъ былъ уже открытъ и театръ. А вотъ вскорѣ послѣ этого Бугровъ устроилъ для себя и весьма выгодную спекуляцію тѣмъ, что этотъ театральный домъ онъ обмѣнялъ помѣщику Турчанинову на водяную мукомольную мельницу на р. Сеймѣ, въ Балахнинскомъ уѣздѣ, вмѣстѣ съ лежащею при ней лѣсною дачею. Тогда про Турчанинова свѣдущіе люди въ насмѣшку говорили, что, дескать, «смѣнялъ кукушку на ястреба»; къ тому же проклятіе архіерея Іеремія не переставало тяготѣть надъ этимъ домомъ, и онъ, просуществовавши нѣсколько лѣтъ во владѣніи прежде самого Турчанинова, а потомъ его дочери Черкасовой, сгорѣлъ. Послѣ этого хотя и былъ снова возобновленъ, но что-то въ немъ все было неладно; доходы отъ него были весьма незначительные, и это вынудило Черкасову просить, какъ милости, у Николая Александровича Бугрова (это ужъ внукъ Петра Егорыча) пріобрѣсти этотъ домъ въ свою собственность, которымъ за какую-то сумму и былъ онъ купленъ, а потомъ имъ предоставленъ въ пользу города. Но и городское управленіе не могло извлечь для себя большой пользы, такъ какъ домъ, за оказавшимися въ стѣнахъ трещинами, не могъ даже быть и ремонтированъ, и по этому до основанія былъ разобранъ. Такимъ образомъ уже на всегда и закончилась судьба этого несчастнаго дома. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ возведено городскимъ управленіемъ весьма грандіозное зданіе, въ которомъ помѣщается городское управленіе, съ особымъ приспособленіемъ для думскихъ собраній, а также еще помѣстились въ немъ нѣкоторыя общественныя учрежденія; внизу же устроено, съ громадными зеркальными стеклами, нѣсколько помѣщеній для магазиновъ. Въ постройкѣ этого грандіознаго зданія участвовалъ также своими средствами и Н. А. Бугровъ, пожертвовавши для этой цѣли 50000 рублей. Вообще надобно сказать, что Н. А. Бугровъ, по примѣру своихъ дѣда и отца, дѣлаетъ много полезнаго для города. Въ весьма широкихъ размѣрахъ онъ также производитъ пособія крестьянамъ, по случаю пожаровъ и хлѣбныхъ неурожаевъ. А на своемъ фамильномъ кладбищѣ, особнякомъ находящемся на городскомъ выгонѣ, онъ устроилъ женскую

Библиотека "Руниверс"

обитель съ такъ называемыми христолюбками, въ которую, кромѣ его самого, никто изъ постороннихъ лицъ доступа имѣть не можетъ. Полицеймейстеръ Курило-Сементковскій подвергся большой непріятности за то, что онъ, во время возникшаго на означенномъ кладбищѣ пожара, проникъ въ это святилище самовольно, чрезъ запертые ворота.

Большой похвалы заслуживаетъ губернаторъ князь Урусовъ еще и за то, что, во время управленія имъ губерніею, всѣ благотворительныя заведенія, какъ то: больницы, богадѣльни, дѣтскіе пріюты (и къ нимъ же еще можно причислить и канцелярское училище, содержимое на средства Приказа Общественнаго Призрѣнія) находились въ отлично-благоустроенномъ состояніи. Вездѣ была чистота и опрятность, такъ что, напримѣръ, крашеные полы каждодневно натирались воскомъ; бѣлье самое чистое и пища, можно сказать, безукоризненно были хороши. Онъ вездѣ, за всѣмъ самъ строго слѣдилъ. У него была, такъ сказать, правая рука, главный смотритель всѣхъ благотворительныхъ заведеній, выслужившійся изъ отдаточныхъ маіоръ Прокопій Макаровичъ Миляковъ, весьма простой и добродушный человѣкъ, сердечно преданный князю, такъ что онъ былъ у него во всѣхъ дѣлахъ, даже и домашнихъ, можно сказать, какъ камердинеръ. Вездѣ онъ успѣвалъ и все аккуратно исполнялъ, за что и пользовался отъ князя великою любовію, и по его ходатайству полученіемъ разныхъ наградъ, сдѣлался такимъ образомъ и потомственнымъ дворяниномъ. А хотя всѣ обитатели благотворительныхъ заведеній и были весьма благодарны князю Урусову за его оказанныя имъ благодѣянія и вообще за тотъ порядокъ, который имъ былъ установленъ въ означенныхъ заведеніяхъ, но ученики канцелярскаго училища и весь служебный персоналъ его не совсѣмъ были довольны имъ за то, что этимъ лицамъ нужно было, какъ говорится, постоянно находиться на чеку и каждодневно ожидать посѣщенія училища княземъ, по той причинѣ, что училище, помѣщавшееся тогда въ томъ зданіи по Мартыновской улицѣ, гдѣ въ настоящее время находится земская женская больница, было по сосѣдству съ маленькимъ домикомъ, принадлежащимъ двумъ сестрамъ - актрисамъ Глазуновымъ, къ которымъ князь Урусовъ имѣлъ большое расположеніе. По случаю частыхъ его посѣщеній этихъ актрисъ, онъ почему-то стѣснялся прямо подъѣзжать къ ихъ дому; для того изъ сада канцелярскаго училища и была устроена калиточка прямо на дворъ Глазуновыхъ, черезъ которую князь всегда и проходилъ къ нимъ.

Почему-то князь Урусовъ не былъ любимъ и Нижегородскими дворянами, такъ какъ вовсе не слышно было, чтобы онъ когда-нибудь находился въ ихъ компаніи. Особенно не любилъ его Сергѣй Васильевичъ Шереметевъ, помѣщикъ с. Богородскаго, Горбатовскаго уѣзда.

Библиотека "Руниверс"

Расказывали, что у нихъ однажды чуть до шпагъ не дошло дѣло. Шереметевъ называлъ Урусова прямо Татариномъ и говорилъ, что предки твои торговали мыломъ да халатами, а мои предки, дескать, брали города и крѣпости. Надобно сказать, что князь Урусовъ былъ во всемъ большой формалистъ, и онъ не любилъ никакихъ отступленій отъ формъ, особенно по отношенію къ военнымъ, и чуть что не такъ, то сейчасъ же упрятывалъ на гауптвахту. Но при этомъ нерѣдко съ его стороны были поступки и весьма мелочные, и даже можно сказать, и не одобрительные, какъ, напримѣръ: 1) квартальнаго надзирателя Богородскаго, въ наказаніе за его нераспорядительность, заставилъ онъ идти по колѣно въ грязи къ себѣ, гдѣ экипажъ князя застрялъ среди улицы по ступицу, 2) за чиновникомъ В. Гр. Рыжовымъ гонялся по Большой Покровской улицѣ, потому что тотъ имѣлъ на себѣ фуражку съ кокардой, а остальную обмундировку партикулярную; онъ избавился бѣды только тѣмъ, что свернулъ въ магазинъ, а изъ него заднимъ ходомъ укрылся на дворъ и 3) мѣщанина Пускова съ бритою бородою, но имѣющаго усы, отправилъ на гауптвахту и приказалъ тамъ, посадивши на барабанъ, обрить одну половину усовъ, а съ другою выпустить на волю, что, дескать, усы есть принадлежность однихъ лишь военныхъ.

Не помню, куда выбылъ изъ Нижняго князь Урусовъ, но только вмѣсто него поступилъ Декабристъ Муравьевъ, человѣкъ хитрый и весьма скрытный. У него какъ-то все шло втихомолку безъ всякой огласки, но за то всегда ужъ навѣрняка. Съ дворянами онъ не дружился и отъ всякихъ ихъ компаній старался уклоняться, а дружился только съ однимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Николаемъ Петровичемъ Болтинымъ, который, можно сказать, до раболѣпства къ нему былъ преданъ и безпрекословно исполнялъ всѣ его желанія. Губернатору Муравьеву принадлежитъ честь ускоренія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и именно при такихъ обстоятельствахъ. Вскорѣ послѣ окончанія Крымской кампаніи не было еще ничего извѣстно относительно освобожденія крестьянъ; однакоже въ Царствѣ Польскомъ отъ правительства были уже сдѣланы какія-то для нихъ облегченія, а губернаторамъ всѣхъ Великороссійскихъ губерній были даны секретныя предписанія въ такомъ смыслѣ, что не могутъ ли они указать на такія средства, чрезъ которыя бы улучшилось положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Вотъ въ этомъ-то дѣлѣ Муравьевъ и началъ дѣйствовать чрезъ посредство Николая Петровича Болтина. На этотъ разъ не помню по какому-то случаю былъ съѣздъ дворянъ;. а вѣдь извѣстно, что въ былое время пребываніе дворянъ въ губернскомъ городѣ всегда сопровождалось каждодневными пиршествами, балами и танцо-

Библиотека "Руниверс"

вальными вечерами, а подъ конецъ и весьма грандіознымъ устройствомъ публичнаго обѣда. Муравьевъ предвидѣлъ, что это самый удобный моментъ для приведенія въ исполненіе его задуманныхъ плановъ. Поэтому онъ приказалъ помощнику правителя своей канцеляріи И. А. Разумову быть наготовѣ, и въ тоже время сдѣлалъ распоряженіе, чтобы также были наготовѣ до Москвы и курьерскія лошади. А въ дворянскомъ собраніи въ это время шелъ пиръ горой: вина лились рѣкою, шли тосты съ чоканьемъ бокаловъ, и вообще настроеніе всѣхъ присутствующихъ тамъ дворянъ было весьма веселое. Вотъ въ это-то время и выступилъ съ рѣчью къ нимъ Николай Петровичъ Болтинъ, въ такомъ смыслѣ: «Господа дворяне! Наше правительство, въ виду геройскихъ подвиговъ нашихъ войскъ во время минувшей Крымской войны, прониклось желаніемъ улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и вообще всего податного сословія въ Россіи, какъ составлявшаго главный оплотъ при защитѣ Севастополя и удивившаго своею стойкостію даже враговъ нашихъ. Относительно крѣпостныхъ крестьянъ Царства Польскаго сдѣлано, дескать, уже то-то...; просвѣщенному вниманію дворянъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ правительство предоставляетъ изыскать способы къ улучшенію быта своихъ крестьянъ, во имя человѣчности. Вотъ въ настоящее время идетъ ожесточенная междоусобная война у Американскихъ Сѣверныхъ съ Южными штатами, изъ за уничтоженія невольничества. А что̀, господа, если бы и мы изъявили желаніе освободить своихъ крестьянъ, то этимъ бы мы выказали наши патріотическія чувства и неограниченную преданность своему Государю. Вѣдь извѣстно, что Нижегородское дворянство, слѣдуя примѣру гражданина Минина, всегда шло впереди во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ случаяхъ». «Ура! Ура! Ура! Согласны!» послышалось съ разныхъ сторонъ нѣсколько голосовъ. Къ этимъ голосамъ присоединился сильный же голосъ Сергѣя Васильевича Шереметева, но только уже въ другомъ смыслѣ: «Дураки! закричалъ онъ; сами на себя бѣду накликàете». Но у Болтина былъ уже наготовѣ адресъ Государю, который тотъ часъ же многими дворянами и былъ подписанъ. Подписей остальныхъ дворянъ совсѣмъ и не потребовалось, потому что онъ былъ закрѣпленъ подписью губерн. предводителя Болтина, и затѣмъ тотъ часъ же имъ былъ отвезенъ къ губернатору Муравьеву, а имъ переданъ И. А. Разумову, съ приказаніемъ сію же минуту отправиться въ Москву и оттуда немедленно передать адресъ по телеграфу въ С.-Петербургъ Государю. (Въ то время отъ Москвы до С.-Петербурга уже былъ телеграфъ). На другой день дворяне явились было къ Муравьеву съ отказомъ отъ подписей на адресѣ, но Муравьевъ имъ объявилъ, что теперь поздно: адресъ, дескать, уже извѣстенъ Государю. По примѣру Ни-

Библиотека "Руниверс"

жегородцевъ послѣдовали такіе же адресы отъ дворянъ Московскихъ и С.-Петербургскихъ; а затѣмъ вскорѣ послѣ этого образовался въ С.-Петербургѣ Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Якова Ивановича Ростовцева, самаго усерднѣйшаго и добросовѣстнѣйшаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, съ отдѣленіями во всѣхъ губерніяхъ Россіи, для выработки положенія по этому, величайшей важности, предмету.

Въ 1869 году мнѣ привелось быть въ С.-Петербургѣ, гдѣ я въ Александроневской Лаврѣ, въ Ѳедоровской церкви, удостоился видѣть гробницу Я. И. Ростовцева, съ находящеюся на ней золотою медалью и съ надписью «Благодарю».

Послѣ поступка И. П. Болтина по отношенію къ Нижегородскимъ дворянамъ, онъ лишился уже ихъ расположенія, и надъ нимъ стали подтрунивать и даже насмѣхаться. Къ этому для нихъ представлялся весьма подходящій случай: женитьба его на дочери купца Л. М. Коптева, торговавшаго хлѣбомъ. По поводу этого обстоятельства были даже прочитаны со сцены театра дворяниномъ Демидовымъ стихи въ такомъ смыслѣ: «Одинъ знатный господинъ, позабывъ свой важный чинъ, женился на Пастранѣ». Затѣмъ Демидовъ развивалъ такую мысль, что, дескать, не жена ему нужна была, а нуженъ былъ полумилліонъ руб., который онъ и получилъ въ приданое за нею; тесть же его — непросвѣщенный лабазникъ, который съ молодыхъ своихъ лѣтъ былъ проникнутъ страстію нажить большія деньги со грѣхомъ пополамъ. А въ заключеніе восклицаніе: «господа, пожелайте имъ счастливаго плода!» Однакоже у нихъ дѣтей не было. Николай Петровичъ, прожившій женатымъ лѣтъ восемнадцать, скончался. Жена же его скончалась, прожившій послѣ него еще лѣтъ двадцать. Хотя и была она по наружности некрасива, лицомъ рябая и съ большимъ носомъ, но за то считалась очень умною и добродѣтельною женщиною. Отецъ ея тоже отличался добродѣтельными качествами, и между прочимъ онъ выстроилъ въ Нижнемъ Новгородѣ на свои средства Трехсвятительскую церковь. По смерти его, дочь сдѣлалась единственною наслѣдницею всего его имѣнія, и по этому она много сдѣлала благодѣяній, преимущественно помогая своими средствами бѣднымъ людямъ; а доставшійся по смерти отца каменный домъ она обратила на отдѣленіе Маріинскаго родовспомогательнаго заведенія для воспитанія малолѣтнихъ дѣтей. А вѣдь дворянинъ Демидовъ въ своемъ стихотвореніи сравнилъ ее съ Юліею Пастраною, обезьяноподобною дѣвицею, которую, какъ рѣдкость, показывали за деньги во время Нижегородской ярмарки.

В. И. Глоріантовъ.

Нижній Новгородъ,
по Студеной ул. въ домѣ 30-мъ.
I, 19

Библиотека "Руниверс"

АЛЕКСАНДРІЙСКІЙ ПАТРІАРХЪ НИКАНОРЪ.

Въ сочиненіи преосв. Порфирія Успенскаго «Александрійская патріархія» (Спб. 1898) немало говорится объ Александрійскомъ патріархѣ Никанорѣ (1866—1869 г.). Хорошо зная его, мы имѣли случай въ 1869 году посѣтить его въ Египтѣ, а въ 1903 году были и на его могилѣ въ Николаевскомъ соборѣ (въ Каирѣ), который онъ значительно расширилъ, собственноручно работая при кладкѣ кирпича. Этого іерарха лично знали императоры: Николай I и Александръ II, и многіе изъ нашихъ іерарховъ вели съ нимъ переписку.

Блаженнѣйшій Никаноръ родился въ 1799 г. въ Бѣтолѣ, въ Македоніи. Отецъ его былъ Куцовлахъ, мать Гречанка. Рано лишившись родителей, онъ 13 лѣтъ былъ взятъ однимъ изъ своихъ родственниковъ въ Египетъ, гдѣ, лѣтъ 18-ти отъ роду, поступилъ келейникомъ къ архим. Каирскаго Георгіевскаго монастыря, въ которомъ, до построенія желѣзной дороги въ Александрію, пребывали большую часть года Александрійскіе патріархи, со времени закрытія Мемфисской митрополіи. Въ Каирскомъ училищѣ Никаноръ получилъ образованіе. Въ 1825 году онъ былъ посвященъ въ іеродіакона и съ тѣхъ поръ, обладая довольно громкимъ голосомъ, въ продолженіи 25 лѣтъ состоялъ патріаршимъ архидіакономъ. Въ 1851 г. онъ былъ посвященъ въ іеромонаха, архимандрита и наконецъ 25 Апрѣля, въ день Св. Апостола и Евангелиста Марка (перваго іерарха Александрійскаго), во епископа Иліупольскаго. При этомъ хиротонія совершена была въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія, ибо въ самомъ Египтѣ не было ни одного епископа *). Въ Августѣ 1852 г. Никаноръ, въ санѣ Ѳиваидскаго митрополита, посланъ былъ въ Россію, для сбора пожертвованій въ пользу Александрійской

*) Въ 1869 г. въ Александріи были замѣщены митрополіи: Ливійская, Пентапольская, Ѳиваидская, Пелузійская, Трипольская и Киринейская. Въ настоящее время Греческое населеніе Египта весьма значительно и доходитъ до Хартума. Въ самой Ѳиваидѣ (Мина) пребываетъ митрополитъ. Въ Портъ-Саидѣ, Мансурѣ, Танти, Суэзѣ, Загазикѣ Греки занимаютъ первенствующее положеніе въ торговлѣ, какъ и въ Александріи и Каирѣ. Нынѣ православныхъ въ Египтѣ до 170 тыс., изъ нихъ Грековъ до 125 тыс.

Библиотека "Руниверс"

патріархіи. Ѳиваидскую каѳедру ему пришлось занять потому, что въ Москвѣ, съ званіемъ «Иліопольскаго», пребывалъ представитель Антіохійскаго патріарха, митрополитъ Неофитъ (скончавшійся въ Москвѣ 3 Дѣкабря 1853 г. и погребенный въ Покровскомъ монастырѣ). Въ Октябрѣ 1852 г. Никаноръ прибылъ, черезъ Тріестъ, Вѣну, Варшаву, въ С.-Петербургъ, гдѣ представлялся Государю Императору. Митрополитъ С.-Петербургскій Никаноръ подарилъ ему панагію, которую онъ рѣдко когда снималъ съ своей груди. Въ Москву онъ прибылъ въ томъ же мѣсяцѣ и поселился въ Знаменскомъ монастырѣ, а въ 1854 г. въ Богоявленскомъ.

Митрополитъ Филаретъ принялъ преосв. Никанора и состоявшихъ при немъ архимандрита Діонисія и іеродіакона (съ 1856 г. архимандр.) Хрисанѳа весьма ласково и произвелъ на него такое впечатлѣніе, что Ѳиваидскій іерархъ, во все время пребыванія въ Москвѣ, питалъ къ Филарету сыновнюю привязанность, называлъ себя простымъ епископомъ и когда бывалъ у него, то привѣтствовалъ его земнымъ поклономъ. Митрополитъ Филаретъ тоже не оставлялъ Никанора своимъ посѣщеніемъ.

Сборы доброхотныхъ пожертвованій, производимые Никаноромъ съ 1852 г., достигали весьма значительной суммы, чему особенно способствовалъ митр. Филаретъ; съ другой же стороны вполнѣ безупречная и святая жизнь Ѳиваидскаго святителя располагала къ нему жителей первопрестольной столицы. На эти сборы патріархія пріобрѣла въ Египтѣ немало земли. Всѣ поступавшія деньгами пожертвованія записывались въ сборную книгу. До 1862 г. было собрано болѣе 200 тыс. рубл. и на такую же сумму церковной утвари и ризницы. Одно евангеліе, вѣсомъ болѣе пуда серебра, сейчасъ находится въ патріархіи. Въ настоящее время эти цѣнныя для историка сборныя книги сохраняются на Александрійскомъ въ Москвѣ подворьѣ, съ обозначеніемъ, сколько передано Ѳиваидскимъ митрополитомъ Синодальной Конторѣ для отсылки патріархамъ Іероѳею II и Каллиникѣ.

Въ 1857 году на Александрійскій престолъ вступилъ патріархъ Каллиника. Получивъ въ 1861 г. отъ митр. Никанора 40 тыс. рубл. и отъ представителя патріархіи въ Букарестѣ Ливійскаго митрополита Аѳанасія 360 тысячъ франковъ, забравъ съ собою значительную часть ризницы, патр. Каллиника удалился на покой на о. Митилину (протесты и жалобы Александрійской общины ни къ чему не привели). Ему преемствовалъ патріархъ Іаковъ, который первымъ долгомъ потребовалъ отъ митр. Никанора денегъ. Предупрежденный Александрійскою

Библиотека "Руниверс"

общиною о недовѣріи ея къ патріарху, поставленному (какъ и Каллиника) изъ митрополитовъ Константинопольскаго трона, митр. Никанор ъ отказался что либо послать патріарху, за исключеніемъ ризничныхъ вещей.

Всѣ деньги, которыя онъ собралъ въ числѣ 46,000 р., онъ употребилъ на постройку четырехъ-этажнаго дома, на землѣ подворья. Этотъ домъ въ 1864 г. приносилъ дохода до 4500 р., а нынѣ долженъ приносить болѣе. Обвѣтшавшій, предназначавшійся къ сломкѣ храмъ Св. Николая Чудотворца Подкопаева или въ Подкопаевѣ (упом. съ 1493 г.), закрытый послѣ 1812 года и предназначавшійся къ сломкѣ, былъ митр. Никаномъ возобновленъ и расширенъ. Три иконостаса превосходной рѣзьбы, всѣ сплошь вызолоченные, съ иконами на кипарисѣ и стѣнописью Греческаго письма, работы извѣстнаго въ свое время иконописца Рогожина, стоили до 75 тысячъ рублей; всѣ иконы обложены сереброзлащенными окладами; въ числѣ иконъ есть очень древнія, прекрасной иконописи. Самыя келіи стоили 11,000 р. Такъ устроилось въ 1855 г. Александрійское патріаршее въ Москвѣ подворье. Въ 1860 г. оно значительно расширилось вслѣдствіе пожертвованія купцомъ Бѣложаевымъ земли противъ подворья; доходъ съ этой земли, на которой выстроенъ домъ, до 4000 р. Когда сборъ пожертвованій въ пользу Александрійской патріархіи значительно уменьшался, то митр. Никаноръ обращался къ митр. Филарету; послѣдній вписывалъ въ сборную книгу 100 р., а иногда и болѣе и давалъ Никанору нѣсколько писемъ къ богатымъ гражданамъ, къ которымъ тотъ и ѣздилъ. Дня черезъ два три Никаноръ снова являлся къ Московскому первосвятителю и снова получалъ просительныя письма.

Въ 1863 г. умерла одна изъ ближайшихъ родственницъ Филарета. Послѣ ея отпѣванія духовенство, въ виду 25° мороза, не рѣшилось провожать усопшую на Пятницкое кладбище, но видя, что Никаноръ рѣшился провожать гробъ на кладбище, чуть не за 4 версты, должно было идти. Такого вниманія Филаретъ не могъ забыть. Начиная съ 1853 и до 1865 г. Никаноръ сопровождалъ почти-что всѣ крестные ходы изъ Успенскаго собора въ монастыри: Донской, Срѣтенскій, Новодѣвичій, въ церковь прор. Иліи, замѣняя въ этомъ членовъ Синодальной Конторы и викаріевъ. Мѣхового платья онъ не зналъ; зимой надѣвалъ простую, суконную рясу на ватѣ, съ такимъ же воротникомъ, валенки и въ такомъ видѣ становился на каѳедру, при служеніи въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ съ него снимали верхнее одѣяніе и облачали въ саккосъ. Московское купечество два раза дарило ему шубы, одну соболью, которую онъ отослалъ патріарху, а другую дорогую лисью; послѣднюю

Библиотека "Руниверс"

онъ тотчасъ же убралъ въ сундукъ, гдѣ она пролежала шесть лѣтъ и была вся съѣдена молью. Когда, въ 1865 г., Никанора избрали въ патріархи, то митроп. Филаретъ былъ озабоченъ его одѣяніемъ: ни шубы, ни шелковой рясы у него не оказалось, а между тѣмъ надо было представиться Государю Императору и посѣтить въ С.-Петербургѣ нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Въ виду этого митр. Филаретъ прислалъ къ нему портного, который сшилъ ему одѣяніе, въ которомъ Никаноръ и представлялся императору Александру II-му.

Въ 1856 г., во время священнаго коронованія императора Александра II, Никаноръ присутствовалъ, съ митрополитами: Анкирскимъ и Погоніанинскимъ въ алтарѣ Успенскаго собора, а затѣмъ былъ приглашенъ на царскій обѣдъ въ Граповитую Палату. Въ Москвѣ онъ принималъ участіе въ шести архіерейскихъ хиротоніяхъ. Когда Московское купечество приглашало митр. Филарета на отпѣваніе своихъ родственниковъ, то сей послѣдній, въ виду преклонности лѣтъ, поручалъ Никанору совершить отпѣваніе.

Любопытны событія, предшествовавшія избранію Никанора патріархомъ. Предшественникъ Никанора, блаженнѣйшій Іаковъ, не получая отъ него денегъ, рѣшился отозвать его изъ Москвы. Прибывъ въ 1864 г въ Константинополь, патр. Іаковъ избралъ 27-ми лѣтняго студента Аѳинскаго университета Даніила въ игумена Александрійскаго подворья и въ Февралѣ 1865 г. рукоположилъ его въ архимандрита. Въ Маѣ того же года митр. Филаретъ извѣстилъ Никанора о своемъ согласіи на его отозваніе и въ письмѣ на его имя изъявилъ ему глубокую благодарность за тѣ труды, которые онъ оказывалъ ему и пребывающимъ въ Москвѣ архіереямъ, которыхъ онъ часто замѣнялъ служеніемъ въ соборахъ: Успенскомъ и Архангельскомъ и въ крестныхъ ходахъ. Въ Ноябрѣ архимандритъ Даніилъ прибылъ въ Москву. 6 Декабря Никаноръ, по случаю тезоименитства Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, служилъ въ послѣдній разъ литургію и молебенъ въ Успенскомъ соборѣ. Проповѣдь говорилъ архимандритъ Епифаній Избицкій (изъ Польскихъ дворянъ, бывшій ректоръ Ставропольской семинаріи, удаленный за грубое обращеніе съ епархіальнымъ архіереемъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ, тоже, вслѣдствіи этого уволеннымъ на покой въ Николо-Бабаевскій м-рь). По окончаніи молебствія сакелларій поднесъ митр. Никанору просфору, которую онъ, вручая архим. Епифанію, спросилъ его: «получили-ли вы какое либо назначеніе» и на отвѣтъ Епифанія, что, «не жду, владыко», Никаноръ сказалъ ему: «Богъ дастъ скоро получите»... 9 Декабря митр. Никаноръ сдалъ архим. Даніилу

Библиотека "Руниверс"

церковь и подворье, въ присутствіи благочиннаго епархіальныхъ монастырей архим. Іакова (впослѣдствіи еписк. Муромскаго), при чемъ митр. Филаретъ предоставилъ преосв. Никанору, какъ основателю и строителю подворья, поступать какъ онъ найдетъ нужнымъ. Никаноръ, при сдачѣ ризницы подворья, поступилъ такъ, какъ не поступали и не поступаютъ доселѣ ни одинъ изъ архимандритовъ патріаршихъ въ Москвѣ подворій, которые забирали даже то, чего они не пріобрѣтали. Все, что было пріобрѣтено Никаноромъ для церкви на подворьѣ, съ 1855 по 1866 годъ, все было сдано новому архимандриту, въ томъ числѣ архіерейскія митры, рипиды, трикиріи, посохи, мантіи, саккосъ и значительная ризница. Но къ сожалѣнію немногое сохранилось, о чемъ мы скажемъ ниже. По сдачѣ подворья, Никаноръ остался временно жить на подворьѣ, занимая вверху пять небольшихъ комнатъ; нижнее же помѣщеніе занялъ архим. Даніилъ, который, вступивъ въ управленіе подворьемъ, сталъ требовать отъ основателя и строителя удаленія его съ подворья. Узнавъ объ этомъ, митр. Филаретъ озаботился устройствомъ помѣщенія для Ѳиваидскаго іерарха въ Богоявленскомъ монастырѣ. 31 Декабря Никаноръ слушалъ въ алтарѣ церкви подворья всенощную, во время которой съ нимъ сдѣлалось настолько дурно, что его вынесли изъ церкви и послали за докторомъ, который поставилъ ему піявки и привелъ Никанора въ чувство. На другой день, т.-е. 1 Января, Никаноръ, послѣ литургіи, которую отстоялъ въ алтарѣ Успенскаго собора, отправился къ митроп. Филарету, которому и разсказалъ видѣнный имъ наканунѣ 1 Января сонъ. Снилось ему, что въ патріархіи страшный безпорядокъ, бумаги разбросаны, въ комнатахъ запустѣніе, и вотъ онъ сталъ ихъ приводить въ порядокъ. Выслушавъ сонъ, митр. Филаретъ сказалъ: «Живъ ли вашъ патріархъ, не случилось ли чего съ нимъ? Не вамъ ли придется приводить дѣла въ порядокъ». Въ то время патріархъ Александрійскій Іаковъ проживалъ временно въ Константинополѣ. Православная Александрійская община, узнавъ объ отозваніи изъ Москвы Никанора, крайне была опечалена этимъ поступкомъ патріарха и рѣшила тому воспрепятствовать. Она потребовала по телеграфу немедленнаго возвращенія патріарха и объясненія поступка съ Никаноромъ. Въ то время Александрійскій синодъ состоялъ изъ митрополитовъ: Ливіи, Пелузіи, Триполя и Киринеи, которые и присоединились къ требованіямъ общины. Выѣхавъ изъ Константинополя, патріархъ Іаковъ скоропостижно скончался 31 Декабря 1865 г. на о. Патмосѣ.

13 Января 1866 г. митр. Филаретъ извѣстилъ митр. Никанора, чтобы онъ на другой день оставилъ подворье и переѣзжалъ въ Бого-

Библиотека "Руниверс"

явленскій монастырь, гдѣ для него было приготовлено въ архимандритскомъ корпусѣ довольно большое помѣщеніе въ семь комнатъ. При этомъ митроп. Филаретъ опредѣлилъ содержаніе Никанору, которое онъ получалъ отъ патріархіи въ размѣрѣ 600 рубл. въ годъ, отпускать отъ Московской каѳедры. Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ Никаноръ поселился въ Богоявленскомъ монастырѣ, ему была прислана телеграмма изъ Александріи отъ мѣстоблюстителя Александрійскаго патріаршаго престола Ливійскаго митр. Аѳанасія о кончинѣ патріарха Іакова и объ избраніи его патріархомъ. Такая же телеграмма была послана и эпитропу патріархіи въ С.-Петербургъ, А. Н. Муравьеву. Въ это время архим. Епифаній, о которомъ мы говорили выше, находился въ Петербургѣ, куда былъ вызванъ по случаю назначенія на должность начальника Иркутской духовной миссіи. Ему А. Н. Муравьевъ вручилъ письма къ митр. Филарету и Никанору, прося перваго склонить Никанора къ принятію патріаршаго престола, а послѣдняго уговорить не отказываться отъ него.

Поспѣшное избраніе Никанора на патріаршество свидѣтельствовало о нежеланіи Александрійскаго Синода и Александрійской общины имѣть патріархомъ кого-либо изъ митрополитовъ Константинопольскаго трона, въ виду злоупотребленій двухъ послѣднихъ патріарховъ. Митр. Филаретъ отправилъ архим. Епифанія къ Никанору съ письмомъ какъ отъ себя, такъ и А. Н. Муравьева. Вручивъ новоизбранному патріарху письма, о. Епифаній поздравилъ его съ избраніемъ на патріаршество; съ своей стороны блаженнѣйшій Никаноръ, узнавъ о томъ, что о. Епифаній получилъ мѣсто начальника Иркутской миссіи, пожелалъ ему успѣха въ обращеніи язычниковъ ко Христу.

Замѣчательно, что избраніе Никанора патріархомъ совершилось 14 Января, въ тотъ день, когда онъ оставилъ подворье. По полученіи соборной грамоты объ избраніи, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ условій, стѣснительныхъ для его управленія и неслыханныхъ прежде, по которыми Александрійскій синодъ искалъ оградить себя отъ злоупотребленій, бывшихъ при послѣднихъ двухъ патріархахъ, Никаноръ обратился за совѣтомъ къ мудрому Московскому первосвятителю. Филаретъ убѣдилъ Никанора согласиться на всѣ условія, которыя впослѣдствіи можно было смягчить, лишь бы только не терять драгоцѣннаго времени, тѣмъ болѣе, что могло произойти въ Константинополѣ избраніе и назначеніе другого на его мѣсто. Не желая, по своему крайнему смиренію, принять избраніе, Никаноръ готовъ былъ отъ него отказаться; но митр. Филаретъ посовѣтовалъ ему этого не дѣлать, такъ какъ въ соборномъ и народномъ избраніи надо видѣть волю Божію.

Библиотека "Руниверс"

На сообщенные новоизбранному патріарху 12-ть пунктовъ стѣснительнаго для него избранія, блаженнѣйшій Никаноръ между прочимъ отвѣчалъ: «Признаю, отцы и братія-избиратели, что справедливую причину заботиться объ охраненіи достоянія патріархіи подавали вамъ дѣйствія нѣкоторыхъ прежнихъ патріарховъ; но имѣю дерзновеніе думать, что вамъ не нужно причислять меня къ таковымъ, и что въ семъ достаточно могутъ васъ убѣдить пособія, собранныя мною въ Россіи для патріархіи, мои старанія, чтобы сіи пособія не перешли въ сомнительныя руки, наконецъ, по сей же предосторожности, обращеніе мною части сихъ пособій на построеніе въ Москвѣ, на устроенномъ мною же Александрійскомъ подворьѣ, значительныхъ зданій для полученія съ нихъ дохода въ пользу патріархіи. Изъ сего можно видѣть, что я не искалъ своихъ-си, но искалъ и расположенъ искать блага патріархіи»... «При помощи Божіей, я взираю на служеніе патріаршеское съ той стороны, что это есть великій подвигъ, и церковное призваніе къ сему подвигу приму съ благоговѣніемъ, какъ призваніе Божіе, если избранъ буду по неизмѣнному древнему чину, по чистому духовному побужденію, братолюбивымъ довѣріемъ къ моей мѣрности, безъ прискорбныхъ выраженій недовѣрія, безъ стѣсненія новыми неизвѣданными на опытѣ правилами, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ затруднить церковное управленіе».

11 Февраля Никаноръ отправился на Троицкое подворье проститься навсегда съ Московскимъ первосвятителемъ. На этотъ разъ митр. Филаретъ вышелъ встрѣтить патріарха въ бархатной рясѣ, на которой были надѣты ордена: Греческій Спасителя и св. Андрея Первозваннаго, при чемъ митрополитъ поклонился ему до земли; тоже сдѣлалъ и Никаноръ. Выразивъ глубокую благодарность бывшему Ѳиваидскому святителю за то, что онъ никогда не отказывался замѣнять какъ его, такъ и другихъ архіереевъ, въ священнослуженіяхъ въ Кремлевскихъ соборахъ и крестныхъ ходахъ, Филаретъ заключилъ словами, что онъ не знаетъ даже, чѣмъ отблагодарить его послѣ той высокой награды, которую уготовали ему соборъ и народъ Александрійской церкви. «Въ этомъ избраніи надо видѣть волю Божію; въ назначеніяхъ же она рѣдко проявляется, въ ней достойные часто замѣняются недостойными». Эти слова Московскаго святителя патр. Никаноръ постоянно выражалъ въ своемъ синодѣ. На прощаніе митр. Филаретъ подарилъ новоизбранному патріарху два парчевыхъ омофора (изъ которыхъ одинъ носилъ митроп. Платонъ, особенно расположенный къ Греческой церкви), дорогую архіерейскую мантію съ шитыми мелкимъ жемчугомъ скрижалями, четки изъ Сибирскихъ камней. 13 Февраля, въ Недѣлю Право-

Библиотека "Руниверс"

славія, Никаноръ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ чинъ Православія, въ сослуженіи члена Синода архіепископа Евгенія и трехъ епископовъ (митроп. Филаретъ по болѣзни не былъ въ соборѣ). 17-го Никаноръ выѣхалъ въ С.-Петербургъ, простившись на вокзалѣ съ архіереями и высшимъ духовенствомъ города и съ Московскимъ ген.-губернаторомъ кн. В. А. Долгоруковымъ, который для того тоже прибылъ на Николаевскій вокзалъ. Въ Петербургѣ блаж. Никаноръ остановился въ Невской лаврѣ, гдѣ пробылъ три недѣли. 27 Февраля патріархъ слушалъ литургію въ малой церкви Зимняго дворца, по окончаніи которой представлялся Государю Императору. Патріархъ высказалъ Государю, что онъ никогда не искалъ возвышенія, что патріаршій престолъ обремененъ долгами и что онъ если и согласился на избраніе, то потому, что признаетъ сіе за указаніе свыше. Въ тотъ же день графъ Д. А. Толстой привезъ патріарху знаки ордена св. Анны 1 степени.

Въ Александрію патріархъ прибылъ 23 Марта, на Австрійскомъ пароходѣ, отходящемъ изъ Тріеста, и 25-го Марта вступилъ на престолъ св. Апостола и Евангелиста Марка.

Игуменъ Александрійскаго въ Москвѣ подворья, архимандритъ Даніилъ оставленъ былъ блаженнѣйшимъ Никаноромъ управлять подворьемъ. Желаніе Никанора замѣнить его митрополитомъ Пелузійскимъ Амфилохіемъ, уроженцемъ Россіи и постриженикомъ Аѳона (Пантелеймонова монастыря) встрѣтило противодѣйствіе въ Петербургѣ. Между тѣмъ Даніилъ, съ самаго дня избранія Никанора патріархомъ, не только не посылалъ ему доходовъ съ дома патріархіи (всего съ Декабря 1866 по 22 Ноября 1868 года 8000 р.), но и не поминалъ при отправленіи богослуженій его имени, что̀ и понудило патріарха отрѣшить его отъ управленія подворьемъ. Митроп. Иннокентій, впредь до распоряженій Никанора, помѣстилъ Даніила въ Покровскомъ монастырѣ; но тамъ онъ пробылъ не долго: поселившись тамъ 22 Ноября, онъ вначалѣ 1869 г. тайно скрылся изъ монастыря и бѣжалъ въ Константинополь. Въ 1870 году онъ былъ хиротонисанъ во епископа Величскаго, въ Сараевской митрополіи, въ Босніи, а съ 1875 и до кончины въ 1888 г. былъ епископомъ на о. Лесосѣ, въ то время принадлежавшемъ Родосской митрополіи.

Отличаясь крайнимъ благочестіемъ и простотою въ обращеніи, Никаноръ, при всей любви, которая къ нему питала его паства, былъ плохимъ администраторомъ и часто довѣрялся людямъ, которыхъ слѣдовало держать какъ можно далѣе отъ себя. Въ числѣ такихъ людей былъ Сиріецъ Спиридонъ Аббутъ, пріѣхавшій въ Москву въ 1842 году

Библиотека "Руниверс"

съ Иліупольскимъ митрополитомъ Неофитомъ и жившій прежде съ нимъ, а затѣмъ съ 1849 по 1862 г. на Антіохійскомъ подворьѣ *). Нѣкоторое время онъ обучался въ Московской Духовной Академіи, откуда за не совсѣмъ хорошее поведеніе былъ удаленъ. Въ Москвѣ онъ занимался сбытомъ разныхъ Сирскихъ и Греческихъ рукописей, якобы принадлежащихъ къ XIV—XVI вѣкамъ. Эти рукописи, какъ впослѣдствіи было подтверждено оффиціально, фабриковались по его заказу въ Сиріи, при чемъ онъ постоянно предъявлялъ къ поддѣлывателямъ письменное требованіе, чтобы краски и рисунки были какъ можно ярче, что «требуется въ Россіи». Торговалъ онъ и св. водою, будто бы присылаемою ему изъ какого-то Сирійскаго живоноснаго источника. Все это онъ продѣлывалъ скрытно отъ игумена Антіохійскаго подворья архим. Ананіи и отъ митр. Никанора. Новый настоятель Антіохійскаго подворья, архимандритъ Гавріилъ Шагуна (изъ Греко-сирійцевъ, съ 1870—1900 г. митроп. Бейрутскій, иначе Вритскій), архипастырь строго-благочестивой жизни, поспѣшилъ удалить Аббута съ подворья. Отправившись съ патр. Никаноромъ въ Египетъ, онъ во время тяжкой болѣзни патріарха укралъ у него около 40 тысячъ р., которые долгою жизнію скопилъ патріархъ и которыя онъ завѣщалъ Александрійской общинѣ. Изъ Египта Аббутъ переселился въ Бейрутъ и тамъ открылъ какое-то училище, въ которомъ кое-какъ обучалъ Русскому языку и за это получалъ субсидію изъ нашего Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Въ 1898 г. доцентъ Лазаревскаго Института А. Е. К—скій, посѣтившій въ 1897 г. Сирію, сообщалъ въ Восточной Комиссіи Московскаго Университета о многихъ похожденіяхъ и дѣйствіяхъ Аббута, не за долго передъ тѣмъ умершаго. Ничего рѣшительно не имѣвшій до 1860 г. Спиридонъ Аббутъ оставилъ по своей смерти до 500,000 р.

Другой Сиріецъ, жившій при митрополитѣ Неофитѣ, іеромонахъ Агапитъ, впослѣдствіи доцентъ Петербургской Духовной Академіи, а затѣмъ митрополитъ Эмесскій, похитилъ у умиравшаго митрополита Неофита 20 тысячъ рубл. (какъ доносилъ митр. Филарету управлявшій Антіохійскимъ подворьемъ игуменъ Анѳимъ) и немало собиралъ по Россіи денегъ, не достигшихъ назначенія. Третій Сиріецъ архим. Христофоръ Джибара, игуменъ Антіохійскаго подворья въ Москвѣ, съ 1879 по 1887 годъ, былъ отрѣшенъ митроп. Московскимъ Іоанникіемъ, затѣмъ вновь возстановленъ патріархомъ Герасимомъ и имъ же вновь отрѣшенный въ 1887 году, бѣжалъ въ Америку, гдѣ издалъ книгу:

*) Про этого Аббута ходило тогда острое слово Э. А. Мамонова: Пріѣхалъ къ намъ обутъ, а уѣхалъ и одѣтъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

«Іисусъ и Магометъ», проповѣдуя новую магометанско-христіанскую вѣру. Не найдя послѣдователей, онъ удалился въ Египетъ, гдѣ сталъ было носить чалму, «вызывая смущеніе» въ христіанскомъ обществѣ; въ 1899 г. онъ, прибывъ въ Сирію, возвратился въ христіанство и, не достигнувъ архіерейства, скончался въ 1902 году. Въ Москвѣ ему удалось обмануть одну вдову, которая дала ему взаимообразно на постройку дома при подворьѣ 30 тысячъ р., съ которыми онъ и скрылся. Въ тоже время онъ изъ за-границы предъявилъ въ Окружномъ Судѣ и Судебной Палатѣ гражданскіе иски на своего патріарха, но безуспѣшно. Московской каѳедрѣ онъ остался долженъ 15 тысячъ.

Четвертый Сиріецъ Рафаилъ Хававини, архимандритъ Антіохійскаго подворья, съ 1889—1893 г., тоже былъ отрѣшенъ отъ управленія подворьемъ, съ воспрещеніемъ отправлять богослуженіе. Онъ на 30 году мечталъ уже о патріаршествѣ и печаталъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о своей кандитатурѣ; нынѣ онъ епископъ Бруклинскій.

Пятый Сиріецъ былъ архимандритъ Герасимъ Яредъ, на котораго жаловался его архимандритъ Гавріилъ (см. письма Филарета къ А. Н. Муравьеву). Впослѣдствіи онъ былъ доцентомъ Петербургской Академіи, ректоромъ Рижской семинаріи, митрополитомъ Селевкійскимъ; скончался въ 1899 г. Онъ былъ человѣкомъ ученымъ, который въ санѣ епископа украсилъ бы собою и Русскую церковь; его оцѣнилъ ученый Рижскій епископъ Филаретъ (бывшій ректоръ Кіевской Академіи), но преемникъ его по Рижской каѳедрѣ епископъ Донатъ (ум. 1896 г.) съ нимъ не сошелся. Въ Сиріи онъ былъ бы на мѣстѣ, если бы была ему возможность проявить свою дѣятельность. Селевкійская епархія слишкомъ незначительна, да и языкъ Арабскій онъ зналъ куда хуже Греческаго и Русскаго. Будучи по образованію и уму выше всѣхъ іерарховъ Сиріи, онъ не игралъ тамъ никакой роли и даже не былъ въ числѣ кандидатовъ на Антіохійское патріаршество.

Въ 1869 году, въ бытность нашу въ Египтѣ, блаженнѣйшаго Никанора посѣтили Русскіе старообрядцы, съ инокомъ Варнавою во главѣ. Они осматривали со вниманіемъ церковные памятники и священныя древности въ Палестинѣ, Аѳонѣ, Константинополѣ, Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ Востока. Съ патріархомъ Никаноромъ они бесѣдовали о вѣрѣ и двоеперстіи. Для бесѣды съ ними блаж. Никаноръ пригласилъ митрополита Пелузійскаго Амфилохія (въ 1861 г. былъ игуменъ Котломужскаго монастыря на Аѳонѣ, а въ 1867 г. хиротонисанъ въ митр. Пелузіи). Мало знакомый съ Русскимъ расколомъ, Никаноръ задалъ иноку Варнавѣ такой вопросъ: «Если вы (старообрядцы) такъ

Библиотека "Руниверс"

понимаете, что всѣ языки православно-вѣрующіе, Греки, Сербы, Болгары, Молдавлахи, Грузины, всѣ стали еретики, то скажите же пожалуйста, когда они впали въ ересь и кто начальникъ сей ереси и что за ересь такая: о Богѣ ли, или въ таинствѣ коемъ, и всѣ ли вдругъ впали или одна какая патріархія, или одна земля, а потомъ когда и прочіе съ ней согласились? Вѣдь вы знаете, что до Московскаго патріарха Никона всѣ патріархіи и всѣ сіи земли были православны и съ Россіею въ дружбѣ жили; скажите же: когда мы стали еретики? Между тѣмъ какъ мы и до Никона патріарха, такъ и при Никонѣ, и послѣ него пребываемъ въ томъ же благочестіи, и ничто у насъ не перемѣнилось? Я самъ пробылъ въ Москвѣ болѣе 13 лѣтъ, служилъ не разъ въ Успенскомъ соборѣ, знаю Славянскій языкъ и никакихъ особыхъ, значительныхъ измѣненій въ церковныхъ обрядахъ Русской церкви не вижу, за которыя можно было бы отдѣляться отъ нея»... На эти слова о. Варнава не нашелся что либо возразить. Какъ писать имя «Іисусъ», Никаноръ говорилъ: «по мнѣ пишите себѣ такъ: *Іс*, и если по вашему такъ и въ произношеніи, то и выговаривайте такъ; но для чего же изъ этого раздираться и спорить? Богъ смотритъ на сердечную вѣру. Вѣдь вы въ Того же Іисуса вѣруете, Который родился отъ Богородицы и распялся и воскресъ и проч. Въ Того же и мы вѣруемъ. Теперь и у насъ нѣкоторые необразованные люди вѣруютъ истинно и усердствуютъ, а въ произношеніи, можетъ быть, и не выговариваютъ, какъ должно по грамматикѣ; но мы не думаемъ, что они погибнутъ. Нѣтъ, только ученымъ можно судить, какъ произносить правильнѣе по грамматикѣ, а не относить это къ предмету вѣры. У насъ въ Греціи всѣ мы говоримъ *Іисусъ*, а пишемъ вкратцѣ *Іс*. Изъ этого не слѣдуетъ спорить и дѣлать раздоръ».

Этотъ простой и прямой отвѣтъ восточнаго іерарха такъ подѣйствовалъ на о. Варнаву, что онъ не только сталъ православнымъ, но послѣ кончины патріарха Никанора (26 Декабря 1869 г.) продолжалъ переписываться съ его другомъ Пелузійскимъ Амфилохіемъ *), скончавшимся лишь въ 1902 г., въ глубокой старости, на о. Патмосѣ, въ монастырѣ св. Іоанна Богослова.

Въ заключеніи одного письма къ иноку Варнавѣ митроп. Амфилохій писалъ: «Просимъ же васъ всѣхъ, ради Бога, подумайте и посовѣтуйтесь хорошо и зѣло объ этомъ, и такъ дѣлайте, какъ вамъ Богъ внушилъ; ибо сіе святое дѣло дѣлается для славы Божіей и

*) Родился въ Таганрогѣ.

Библиотека "Руниверс"

для пользы вѣчной многихъ христіанскихъ душъ. Мы знаемъ, что врагъ представитъ многія препятствія; но Богъ все то уничтожитъ и объявитъ святую правду и истину во славу Свою и въ наше душевное спасеніе»

Въ продолженіи своего недолгаго патріаршества Никаноръ дважды подвергался апоплексіи, вынесъ продолжительную болѣзнь, во время которой у него много было похищено ризницы и наконецъ, въ виду господствовавшихъ безпорядковъ, вынужденъ былъ призвать изъ Константинополя ученаго и способнаго архимандрита Нила (въ 1862 г. пріѣзжавшаго въ Россію, въ качествѣ представителя вселенскаго патріарха по дѣлу церковныхъ имѣній въ Румыніи, посвященныхъ Св Гробу, Аѳонскимъ и Синайскому монастырямъ), котораго хиротонисалъ въ митроп. Пентапольскаго и назначилъ своимъ намѣстникомъ.

На этого іерарха (теперь уже умершаго) было возложено патр. Никаноромъ дать отвѣтъ посланцу Римскаго папы Пія IX, Римско-католическому архіепископу Александріи, который 16 Марта 1869 г., явился къ патріарху, въ сопровожденіи начальства Французскаго миссіонерскаго общества Лазаристовъ и двухъ аббатовъ, съ цѣлію вручить ему приглашеніе Римскаго папы на имѣющій быть въ Римѣ вселенскій соборъ. Не принятому патріархомъ, папскому посланцу пришлось выслушать достойный и умный отвѣтъ отъ архимандрита Нила, въ присутствіи пяти митрополитовъ Александрійскаго трона, и удалиться съ папскимъ письмомъ.

Созданное въ Москвѣ блаженнѣйшимъ Никаноромъ Александрійское подворье доведено было до печальнаго положенія, а домъ чуть не до разрушенія. Бывшій его игуменомъ съ 1872 по 1881 г. и съ 1882 по 1891 г. архимандритъ Геннадій Гликосъ († 1896 г.), уволенный патріархомъ, увезъ всю церковную ризницу, пріобрѣтенную подворьемъ за 20 послѣднихъ лѣтъ, вмѣстѣ съ Животворящимъ Крестомъ, который патріархъ Софроній прислалъ въ 1875 г. на мѣсто похищеннаго. Разсылая, безъ разрѣшенія патріарха, воззванія по Россіи, къ благотворителямъ, онъ собралъ болѣе 100 тысячъ руб., которыя и увезъ съ собою на о. Хіосъ. Требованіе патріарха Софронія († въ 1899 г. 104 лѣтъ отъ роду), чтобы онъ явился въ Александрію и возвратилъ похищенное, онъ оставилъ безъ вниманія. Все пріобрѣтенное имъ, или лучше сказать, уворованное имущество было на о. Хіосѣ расхищено, не только его родственниками, но и посторонними лицами.

Преемникъ его архим. Прокопій Кувалисъ, человѣкъ скромный и образованный, былъ достойнымъ представителемъ патріархіи; онъ скон-

Библиотека "Руниверс"

чался въ 1900 г. 11 Ноября, и съ тѣхъ поръ, до 2 Мая 1904 г. подворье не имѣло игумена, когда его принялъ архим. Павелъ Катаподисъ. Временно оно поступило подъ управленіе Іерусалимскаго архимандрита о. А. Оставшіяся послѣ кончины о. Прокопія деньги, составлявшія законную принадлежность патріархіи, окружный судъ, вслѣдствіе полной индифферентности временнаго хозяина подворья, присудилъ его брату, поспѣшившему выбраться изъ Москвы, съ захваченными съ подворья архимандритскими крестами, серебро-злащеннымъ посохомъ (до 300 р.) и др. вещами, хотя и внесенными въ опись еще въ 1866 году. Рано или поздно, но надо полагать, что Русское правительство, съ благою цѣлью оказать помощь восточнымъ патріархіямъ, возметъ всѣ Греческія въ Москвѣ подворья подъ свой учетъ, а можетъ быть и въ управленіе. Исторія всѣхъ этихъ подворій настолько любопытна, что мы со временемъ познакомимъ съ нею читателей.

Н. Дурново.

Библиотека "Руниверс"

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КНИГА ВЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Записка адмирала А. С. Шишкова, поданная императору Александру Павловичу въ началѣ 1825 года [1]).

Книга, подъ названіемъ: *О должностяхъ человѣка и гражданина* издана была въ 1783 году и назначена по высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины Второй, для чтенія въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи. Съ того времени издано оной было одиннадцать тисненій, послѣднее въ 1817 году, и дабы всякій могъ удобнѣе имѣть ее, положена за нее самая малая цѣна, а именно: 25 коп. Такимъ образомъ книга сія, не токмо подъ особеннымъ надзоромъ Императрицы напечатанная, но, судя по слогу и нравоученію, въ ней заключающемуся, едва ли не самою ею сочиненная, около 40 лѣтъ почиталась полезною и существовала въ народныхъ училищахъ. Но въ 1819 году членъ главнаго управленія училищъ преосвященный Филаретъ предложилъ сему правленію, что *„не нужно дѣтямъ читать о должностяхъ человѣка и гражданина, изложенныхъ по философскимъ началамъ, всегда слабымъ* [2]). Вслѣдствіе сего предложенія, по приказанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго директора Попова велѣно ихъ продать съ заплатою по 50 коп. за пудъ бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобы никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу. Симъ образомъ книга, содержащая въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанныя на выписанныхъ изъ Евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книга, наставляющая юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ Государю и полезнымъ Отечеству гражданиномъ, книга, начертанная сердцемъ и рукою Великой Екатерины, предана истребленію на бумажную мельницу! Сказанное о ней, якобы оная изложена *по философскимъ началамъ*, есть столько же неопредѣлительное, сколько и несправедливое изреченіе; ибо если наставленія, на правилахъ вѣры и добродѣтельной жизни

---

[1]) А. С. Шишковъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія 15 Мая 1824 года. П. Б.

[2]) На мѣсто сихъ слабыхъ положены въ распущенныхъ книгахъ *сильныя начала* къ истребленію всего благочестиваго, добраго и нравственнаго. О времена! О нравы!

Библиотека "Руниверс"

основанныя, названы обвинительно *философскими*, то какія же на мѣсто ихъ могутъ быть преподаваемы другія? Трудно повѣрить, чтобъ съ намѣреніемъ истреблять подобныя книги соединялось намѣреніе вводить безвѣріе и развратъ; но когда мы видимъ, что вмѣстѣ съ истребленіемъ сихъ книгъ печатались и выпускались богохульныя, отвергающія вѣру и нравственность книги; когда знаешь, что сей революціонный духъ масонства и карбонарства во всѣхъ государствахъ обнаружился и къ намъ проникъ, то что иное заключать можемъ? И не должно ли, послѣдуя прочимъ державамъ, брать противъ него дѣятельныя мѣры.

Я прошу дозволенія вышеозначенную книгу, яко весьма для юношества полезную, вновь принять и ввести въ народныя училища *).

А. С. Шишковъ записалъ далѣе про себя:

За нѣсколько времени прежде и послѣ сего письма началъ я примѣчать нѣкоторую холодность и молчаливость въ довольно рѣдкихъ свиданіяхъ со мною Государя Императора, почему и я пересталъ ему докучать моими съ нимъ откровенными объясненіями, желая изъ того увидѣть и узнать его къ онымъ расположенія. Три или четыре раза былъ я потомъ у него съ докладами, не вопрошая ничего о слѣдствіяхъ по моимъ письмамъ. Онъ также молчалъ и, казалось, не хотѣлъ возобновлять о томъ разговоръ. Причиною сему полагалъ я различныя внушенія противной стороны, имѣвшей весьма великія связи и тѣмъ больше усилившейся, что, не взирая на перемѣну министерства и на всѣ мои противъ прежнихъ дѣйствій вопіянія, видѣлъ ихъ еще торжествующими, и голосъ мой, весьма многими заглушаемый и почти никѣмъ неподдерживаемый, отчасу болѣе исчезающимъ и тщетнымъ. Обстоятельство сіе, соединившееся съ удрученностью лѣтъ моихъ и домашними моими прискорбностями, крайне меня озабочивало, печалило и приводило въ уныніе. Въ послѣдній докладъ мой Государь, при отъѣздѣ своемъ въ Варшаву, прощаясь со мною, сказалъ мнѣ: *поступай, какъ ты началъ*. Слова сіи съ одной стороны ободряли меня, а съ другой великость противуборствующей силы не допускала меня ни радоваться, ни надѣяться.

(Извлечено изъ Записокъ А. С. Шишкова, найденныхъ протоіереемъ Морошкинымъ и журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія).

---

*) Предложеніе Шишкова не повело ни къ чему. Едва ли императоръ Александръ Павловичъ, за своими безпрестанными разъѣздами, успѣлъ прочитать его записку о введеніи вновь Екатерининской книги въ народныя училища. Два раза пришлось Александру Павловичу обращаться къ Шишкову, и оба раза безъ удовольствія. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

М. Г. ЧЕРНЯЕВЪ И СЕРБСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ МИХАИЛЪ.

Они впервыя встрѣтились въ Сербіи въ 1875 году, когда Черняевъ повелъ противъ Турокъ Сербскія дружины, благословляемыя первосвятителемъ Сербской церкви. Съ этихъ поръ нравственная связь окрѣпла между ними на всю послѣдующую жизнь. Волею Божественнаго Промысла дѣйствуя совмѣстно въ дѣлѣ великаго Славянскаго освобожденія, они остальную жизнь провели на двухъ противуположныхъ краяхъ Славянскаго міра, каждый поглощенный своею дѣятельностью, но постоянно сочувствовали взаимнымъ горестямъ и невзгодамъ, постоянно слѣдили за превратностями и ударами судьбы, которая не щадила обоихъ борцовъ Славянскаго объединенія.

Въ 1879 году исполнилось двадцатипятилѣтіе епископскаго служеніе митрополита Михаила, и членами Славянскаго Комитета изъ Москвы былъ поднесенъ Святителю драгоцѣнный жезлъ при слѣдующемъ адресѣ, который написанъ И. С. Аксаковымъ:

«Ваше высокопреосвященство!

Пусть въ достопамятный день 14 Октября, къ общему хору привѣтствій и ликованій Сербской земли присоединится и сей привѣтъ изъ Москвы, радующейся общею съ Сербами радостью о достохвальномъ совершеніи вами двадцатипятилѣтняго подвига многотруднаго епископскаго служенія. Четверть вѣка вы служили церкви Православной, предстоя церкви Сербскаго княжества; четверть вѣка на сей высокой чредѣ радѣли вы и о пользахъ роднаго намъ по вѣрѣ и по крови Сербскаго народа. Да знаменуетъ же сей препровождаемый нами посохъ, символъ священнаго пастырства, наше задушевное Русское упованіе, что не оскудѣетъ милость Господня и продлитъ еще на долгіе годы теченіе вашего благого и славнаго поприща, отнынѣ уже какъ митрополита свободной, независимой Сербіи; какъ первосвятителя автокефальной церкви Сербской, новаго, самостоятельнаго Славянскаго члена Церкви Христовой. Да пріумножится стадо ваше и да пасется оно всегда и присно, нынѣ и во вѣки, въ незыблемой вѣрности Общему Небесному Пастырю нашему, въ твердомъ единомысліи со всею святою Право-

Библиотека "Руниверс"

славною Церковью, въ союзѣ живой, дѣйствительной любви съ единоплеменной и единовѣрною Россіей и со всѣмъ Славянствомъ».

Принявъ участіе въ подношеніи драгоцѣннаго посоха при вышеприведенномъ адресѣ, М. Г. Черняевъ употребилъ свое вліяніе на то, чтобы наше правительство, то есть оффиціальная Россія, также отнеслось со вниманіемъ къ Сербскому первосвятителю по случаю его двадцатипятилѣтняго епископскаго служенія. Митрополиту Михаилу былъ данъ орденъ Александра Невскаго. На обращеніе Михаила Григорьевича по этому дѣлу къ Т. И. Филиппову, этотъ послѣдній отвѣчалъ изъ Петербурга въ Москву по телеграфу слѣдующее: «все мнѣ доступное сдѣлано, Толстой отнесся къ Гирсу, ожидаемъ успѣха».

Въ 1881 году настало время тяжелаго испытанія для митрополита Михаила. Сербское правительство незаконно пыталось вторгнуться въ область церковную и для пополненія пустовавшей государственной казны издало законъ о таксахъ, по которому въ пользу государственнаго казначейства должны были поступать извѣстные налоги за полученіе архіереями права священнодѣйствовать и за посвященіе ими въ чины іерейскій и монашескій. Эта попытка ввести симонію въ пользу государственной казны встрѣтила твердый и рѣшительный отпоръ въ лицѣ митрополита Михаила. Такимъ отказомъ воспользовалось правительство, въ разгаръ своей Австрофильской политики, чтобы избавиться отъ митрополита, горячаго сторонника Россіи и убѣжденнаго противника Австріи, имѣвшаго большое вліяніе не только въ области церковной, но на всѣ отрасли государственной жизни въ Сербіи. Послѣ оскорбительнаго обыска и конфискаціи его бумагъ и частной переписки онъ былъ низложенъ, а на его мѣсто поставленъ проживавшій на покоѣ архимандритъ Ѳеодосій Мраовичъ.

Въ теченіи восьми лѣтъ митрополитъ Михаилъ былъ принужденъ скитаться по чужбинѣ. За это время онъ ѣздилъ въ Палестину поклониться Гробу Господню, посѣтилъ Кіевъ, мѣсто своего духовнаго просвѣщенія, и одно время проживалъ въ Москвѣ, на Сербскомъ подворьѣ. Средства митрополита въ это время были такъ скудны, что онъ не имѣлъ возможности пріобрѣсти теплой одежды. Опасаясь за здоровье святителя, находившагося уже въ преклонныхъ лѣтахъ и привыкшаго къ мягкому климату своей родины, М. Г. Черняевъ совмѣстно съ И. С. Аксаковымъ подалъ Московскимъ купцамъ мысль поднести ему шубу.

Въ 1889 году при общемъ ликованіи Сербскаго народа, митрополитъ Михаилъ возвратился въ свое отечество. 18 Мая онъ прибылъ на правительственномъ пароходѣ въ Бѣлградъ и былъ привѣтствуемъ без-

Библиотека "Руниверс"

численными толпами. Славный архимандритъ Дучичъ (командовавшій 4 тысячнымъ отрядомъ въ бояхъ при Джунисѣ) во главѣ Бѣлградскаго духовенства и представителей мѣстной общины привѣтствовалъ его восторженной рѣчью [1]). Вскорѣ послѣ возвращенія митрополита была совершена панихида на могилѣ павшихъ за освобожденіе Сербіи Русскихъ добровольцевъ у памятника на Руевицкомъ полѣ близъ Алексинаца. За все время правленія Сербской церковью ставленникомъ Австріи Ѳеодосіемъ Мраовичемъ, возведеннымъ въ митрополиты патріархомъ Австрійскихъ православныхъ Славянъ Германомъ Анджеличемъ, могила Русскихъ борцовъ была въ полномъ забвеніи.

Едва вернувшись на родину, Сербскій первосвятитель сталъ снова живымъ связующимъ звеномъ любви между Россіей, Сербіей и сторонниками Славянскаго единенія.

Во время этого послѣдняго періода своей жизни онъ послалъ М. Г. Черняеву въ благословеніе отъ себя и въ даръ отъ Сербскаго народа живописную икону свв. Саввы и Симеона Сербскихъ.

Михаилъ Григорьевичъ очень дорожилъ этою иконою (единственный знакъ вниманія, полученный имъ при жизни изъ Сербіи) и помѣстилъ ее въ церкви при селѣ Тубышкахъ.

5-го Февраля 1898 г. 72 лѣтъ отъ роду скончался блаженной памяти Сербскій святитель. Славянское благотворительное Общество совмѣстно съ Обществомъ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія посвятило его памяти засѣданіе 11-го Марта, на которомъ Аѳанасіемъ Васильевичемъ Васильевымъ было прочитано проникновенное слово очертившее ту часть дѣятельности митрополита Михаила, которая особенно роднила его съ Русскимъ народомъ и Славянскимъ Обществомъ [2]).

По этому случаю М. Г. Черняевъ началъ было слѣдующее неоконченное имъ письмо: «Сердечноуважаемый Аѳанасій Васильевичъ, вчера мнѣ доставлено печатное изданіе вашего живого слова, сказаннаго въ Славянскомъ Обществѣ о митрополитѣ Сербскомъ Михаилѣ. Вашей рѣчью, преисполненной жизненной правды, вы продлили на многіе и многіе годы память о почившемъ святителѣ, и Славянское Общество, въ лицѣ вашемъ, исполнило свой долгъ въ отношеніи къ

[1]) Смотри Челищова „Церковь Королевства Сербскаго".

[2]) Смотри: „Памяти митрополита Сербскаго Михаила, А. В. Васильева".

Библиотека "Руниверс"

почившему. Но для такого выдающагося надъ всѣми современными Сербами историческаго дѣятеля, какимъ было митрополитъ Михаилъ, одного живого слова, какъ бы оно правдиво и сердечно ни было, недостаточно. Русскому Славянскому Обществу остановиться на этомъ нельзя, и слѣдуетъ подъ живымъ впечатлѣніемъ его кончины и въ виду хозяйничанья народоотступника Милана въ Сербіи, открыть подписку на памятникъ изъ камня или металла на его могилѣ.

Такой памятникъ вполнѣ заслужилъ почившій святитель, любившій Россію и понимавшій ея значеніе въ судьбахъ Сербскаго народа, понимавшій свой родной народъ и пострадавшій за него.

Памятникъ историческому дѣятелю не должно укрывать въ стѣнахъ куда доступъ не для каждаго; онъ долженъ быть виденъ всѣмъ и служить назиданіемъ потомству.

Соединять память объ умершемъ съ благотворительностью, въ родѣ стипендій, содержанія престарѣлыхъ въ богадѣльняхъ, выставленія портретовъ въ залахъ и т. п. не удовлетворяетъ чувства, возбуждаемаго воспоминаніемъ объ историческихъ народныхъ дѣятеляхъ. Такого рода памятники есть удѣлъ для добрыхъ людей, помогавшихъ ближнему, поусердствовавшихъ накопленію богатства на какое-либо полезное дѣло, но не рисковавшимъ собою и не пострадавшимъ за идею, которой они служили»*).

Ровно черезъ шесть мѣсяцевъ по кончинѣ митрополита Михаила, сошелъ въ могилу 4-го Августа 1898 г. и отецъ мой...

Антонина Черняева.

*) Письмо это за отъѣздомъ Михаила Григорьевича въ деревню не было окончено.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА СЕРБСКАГО МИХАИЛА КЪ М. Г. ЧЕРНЯЕВУ,

I.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Благодарю васъ за дружеское письмо, которое передалъ и князю и Ристичу прочесть его, и пусть видятъ, что̀ нужно, чтобы поправить и затѣмъ не дѣлать болѣе такихъ ошибокъ.

Мнѣ кажется, что было бы лучше пріѣхать князю. Объ этомъ прошу васъ настаивать. Слышу, что князь Николай, а можетъ быть и Александръ, пріѣдутъ туда лично. Но какже не быть нашему князю?

Н. В. З. уѣхалъ въ Нишъ тотчасъ по полученіи 30 черв. и теперь тамъ находится.

Что касается возвращенія 100.000 руб. Сл. Благ. Обществу, надѣюсь уладить; потому князь очень настаиваетъ честью исполнить свою обязанность къ Обществу, которое помогло въ минуты вопіющей нужды. Есть нѣкоторыя затрудненія, но дастъ Богъ поправимся. Причина вся въ томъ, что нѣтъ денегъ, которыя должны быть для честной уплаты долговъ.

Прошу васъ остаться и впредь другомъ Сербіи и народа Сербскаго. Вы знаете, сколько здѣсь развратниковъ, сколько интригановъ, которыхъ задача только портить насъ и вредить намъ.

Достоуважаемому Ивану Сергѣевичу*) мой сердечный поклонъ. На его письмо отвѣчу позднѣе.

У насъ слышно, что 1 д. Февраля въ Петербургѣ, а не въ Москвѣ, будетъ торжество. Но все равно гдѣ бы ни было, только нужно, чтобы князь нашъ пріѣхалъ и лично переговорилъ обо всемъ.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью, призываю на васъ и семейство ваше благословеніе Господа и имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

Бѣлградъ, 5 Декабря 1879 г.

---

*) Аксакову.

Библиотека "Руниверс"

II.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Покорнѣйше прошу извините, что не могъ до сихъ поръ отвѣчать на ваше письмо. Прошу васъ быть спокойнѣе. Я передалъ вашу церковь[1]) по пріѣздѣ. Меня озадачило сіе требованіе тѣмъ болѣе, что я позаботился изъ уваженія къ Русскому дару и хотѣлъ построить церковь нарочно для сей же Русской церкви и навсегда утвердить память о добровольцахъ Русскихъ. Но когда вамъ угодно распорядиться, я не противлюсь вашему распоряженію.

Прошу васъ выслушать Никандра Васильевича и успокоиться въ томъ, что я исполню ваше желаніе и вѣрить, что я имѣлъ искреннее желаніе дать уваженіе Русскому дару.

Съ глубокимъ уваженіемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. М. С. Михаилъ.

Ягодина, 6 Сентября 1880 г.

III.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Имя ваше, какъ патріота и героя въ Россіи, останется памятнымъ и въ Сербіи. Война 1876 года объявила всему свѣту братство народа Русскаго и Сербскаго. Независимость Сербіи, достигнутая помощію Россіи, утвердила всѣ духовныя старыя узы новыми узами нашими. А пролитая Русскими кровь освящена, въ поученіе потомству, видимымъ памятникомъ на Руевицѣ[2]). Да благословитъ Господь Россію и Сербію, да спасетъ насъ отъ злыхъ враговъ на славу и радость вамъ, носителю и дѣятелю братскихъ отношеній нашихъ.

Искренно благодарю васъ за модель памятника и за книжку о торжествѣ освященія памятника Русскимъ добровольцамъ, положившимъ свою жизнь за братію 1876 г.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и душевною преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

Бѣлградъ, 2 Марта 1881 г.

[1]) Походная церковь, посланная изъ Москвы въ Сербію въ 1875 г. М. Г. Черняеву и сопровождавшая его во время кампаніи. По выѣздѣ М. Г. изъ Сербіи она была оставлена имъ тамъ на храненіе, а затѣмъ привезена въ Россію. Утварь хранится въ храмѣ села Тубышекъ, гдѣ похороненъ М. Г. Черняевъ. Шесть мѣстныхъ иконъ предназначаются на украшеніе этого храма, какъ только онъ будетъ перестроенъ въ предстоящемъ году. *А. П.*

[2]) Руевицкій памятникъ на могилѣ павшихъ за освобожденіе Сербіи Русскихъ добровольцевъ находится близъ Алексинаца, на Руевицкомъ полѣ. Поставленъ по почину М. Г. Черняева, И. С. Аксакова, Н. П. Игнатьева на добровольныя пожертвованія. *А. П.*

Библиотека "Руниверс"

IV.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

До сихъ поръ не имѣлъ радости услышать, что ваше положеніе, по искреннему желанію друзей вашихъ, поправилось по заслугамъ вашимъ, и со дня на день ожидаемъ такого извѣстія. Дай Богъ получить скорѣе ожидаемое извѣстіе.

Когда нельзя послать въ Москву настоятелемъ въ подворье наше архимандрита Дучича*), посылаемъ отца игумена Ѳеофила, который былъ прежде младшій братъ при арх. Саввѣ. Надѣюсь, что и вы и другіе друзья наши научите отца Ѳеофила, чтобы честно и похвально управлять подворьемъ.

Ректоръ великой школы Стоянъ Марковичъ вамъ хорошо знакомъ. Онъ часто приходитъ ко мнѣ и постоянно спрашиваетъ о васъ и разъ усердно просилъ кланяться вамъ и напомнить, что онъ ожидаетъ то, что ему обѣщано. Просилъ его сказать, въ чемъ состоитъ это обѣщаніе, и онъ написалъ, какъ изволите видѣть изъ его записки, которую прилагаю при семъ на ваше усмотрѣніе. Этотъ господинъ честный человѣкъ, но нуждается во многомъ. Награда оживила бы его энергію, а какую награду заслужилъ онъ и его сотрудники, вамъ лучше извѣстно, чѣмъ мнѣ. А я могу подтвердить, что онъ дѣйствительно уважаетъ и чествуетъ васъ.

Г. Мураневичъ здѣсь задумалъ открыть торговлю Русскихъ произведеній и товаровъ, но исполнить свое желаніе не можетъ безъ кредита Русскихъ купцовъ, которые бы повѣрили ему свои товары. Нельзя ли помочь сему полезному дѣлу? Хоръ еще существуетъ, но послѣ Петрова дня ученики разойдутся, и до Октября трудно будетъ собрать ихъ.

Г. Коста Ристичъ взялъ иконы изъ церкви, отправилъ въ Алексинацъ и обѣщалъ росписку вамъ доставить. А облаченье священническое и покровъ престола нельзя дать теперь, потому что почти неупотребительные стали; но я сказалъ г. Ристичу Костѣ, что дамъ новые, когда церковь построится.

Призываю на васъ и ваше семейство благословеніе Господа, съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербіи Михаилъ.

Бѣлградъ. 26 Іюня 1881 г.

---

*) Арх. Н. Дучичъ во время Сербско-Турецкой войны 1876 г. командовалъ отрядомъ въ 4.000 чел. при Радольвіи, во время четырехдневнаго Алексинацкаго сраженія. Написалъ Исторію Сербской православной церкви. *А. Ч.*

Библиотека "Руниверс"

V.

Многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Г. Кулаковскій передалъ мнѣ ваше желаніе объ иконахъ Русской церкви въ Делиградѣ, а затѣмъ бывшихъ въ женской церкви здѣсь. Теперь ни одной иконы[1]) нѣтъ въ сей церкви, и всѣ находятся къ монастырѣ Райновцѣ въ иконостасѣ, потому что въ св. Романѣ не могли помѣститься въ иконостасѣ. И когда Господу угодно будетъ воздвигнуть церковь въ Алексинацѣ, или сіи иконы возьмемъ или подобныя пріобрѣтемъ для новой церкви. Покорнѣйше прошу васъ не гнѣваться, ибо думалъ лучше иконамъ быть въ церкви, чѣмъ въ складѣ.

Картина дѣлъ и покореній страшна для Славянъ. Нѣмцы распоряжаются безъ зазрѣнія совѣсти. Наше королевство прогремѣло, и больше ничего. Гоненіе продолжается; не знаемъ, когда кончится... Прошлаго года я писалъ Ивану Сергѣевичу и не имѣю отвѣта; не знаю, получилъ ли онъ мое письмо, въ которомъ вложено письмо Любибратича[2]) и одно Нѣмецкое изъ Москвы. Надежда еще не оставила добрыхъ людей; ожидаемъ, что Россія подниметъ свой голосъ въ пользу страдальцевъ.

Приношу вамъ поздравленіе и привѣтствіе съ свѣтлымъ праздникомъ. Дай Богъ вамъ и вашей семьѣ нерушимое здравіе и всякое благополучіе, радости и веселія.

Призывая на васъ и ваше семейство благословеніе Господа, съ истиннымъ уваженіемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. М. С. Михаилъ.

Белградъ, 20 Марта 1882 г.

VI.

Глубокоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ!

Писалъ я вамъ одно письмо въ Москву, чрезъ другаго, не зная, гдѣ будете въ то время. Сердечно благодарю васъ за память и дружеское вниманіе, которое я высоко цѣню.

Прошу извиненія, что васъ безпокою просьбою о податель сего письма Георгіи Спир. Нешичѣ, молодомъ офицерѣ учившемся и служившемъ въ Россіи, а потомъ по волѣ родителей служившемъ въ Сербскомъ войскѣ.

Трудно настало жить въ Сербіи всѣмъ или учившимся въ Россіи или сочувствующимъ Россіи. Такъ и сему молодому офицеру невоз-

---

[1]) Иконы походной церкви, присланной изъ Москвы въ Сербію въ 1875 г. *А. Ч.*

[2]) Одинъ изъ вождей Босно-Герцеговинскаго возстанія. *А. Ч.*

Библиотека "Руниверс"

можно было болѣе оставаться въ Сербіи, и онъ пріѣхалъ въ Россію, снова поступить на службу въ Русское войско.

Не благоволите ли содѣйствовать принятію его на службу? Прошу дать ему совѣтъ какъ поступить, чтобы осуществить желаніе быть принятымъ на службу въ Россіи.

Если не затруднитъ васъ, будьте милостивы принять и сына Іоанна Ристича, офицера Николая, который уже въ Петербургѣ.

Этихъ молодыхъ офицеровъ нужно принять, что̀ охрабритъ друзей въ Сербіи, а посрамитъ враговъ преслѣдующихъ всѣхъ друзей Русскихъ. Они сами раскажутъ вамъ, какое тамъ невыносимое уже положеніе и какое общее неудовольствіе.

Теперь не узнали бы Сербіи, для которой столь много потрудились. Враги домашніе и внѣшніе очень много сдѣлали вреда и Сербіи, и всему Сербскому племени, и общему Славянскому дѣлу. Но надѣюсь, что Божія правда посрамитъ неправды человѣческія.

Съ глубокимъ почитаніемъ и преданностью, призывая на васъ и ваше семейство благословеніе Господа Бога, имѣю честь быть вашимъ смир. богомольцемъ. Митрополитъ Сербіи Михаилъ.

26 Января 1885 г. Кіевъ.

VII.

Высокочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Простите, что давно не пишу вамъ. Не могу ничѣмъ хвалиться вамъ. Дѣла наши не хороши. Сосѣди не даютъ покою. Финансы въ незавидномъ положеніи. Борьба партіи ведется ожесточенно. Господь да будетъ милостивъ Сербіи и народу Сербскому!

Изъ вещей вашихъ остались подсвѣчники, употребленіемъ очень испорчены; благоволите сказать, что̀ съ ними дѣлать?

Поздравляю васъ съ св. праздникомъ и съ новымъ годомъ и желая вамъ и вашему семейству въ немъ счастія, радости и всякаго благополучія въ утѣшеніе наше, призываю на васъ и ваше семейство благословеніе Господа Бога, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Сербскій Михаилъ.

17 Декабря 1890 года. Бѣлградъ.

VIII.

Высокочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Ваше дружеское письмо получилъ вчера. Сердечно благодарю васъ за ваше вниманіе и неизмѣнную дружбу. Мнѣ всегда пріятно слышать объ васъ. Вы такъ много трудились, работали и заботились объ насъ. Война наша съ Турками, въ которой вы и днемъ и ночью трудились,

Библиотека "Руниверс"

останется всегда въ памяти. А Иванъ Сергѣевичъ и Анна Ѳедоровна *) и часто, и съ любовью, и съ горечью бесѣдовали со мною объ этомъ времени и событіяхъ столь знаменитыхъ. Если бы когда мы не трудились съ вами, можетъ быть и до сихъ поръ Болгарія была бы рая Турецкая. Мы страдали и трудились, но воскресла Болгарія, которая теперь стала орудіемъ враговъ и Россіи, и Сербіи....

Я вамъ напомню, то что̀ въ Москвѣ лично слышалъ предъ свидѣтелями отъ г. Майкова. Онъ говорилъ, что ошибка была поднимать Болгарію; нужно было сначала обезпечить Сербское племя, соединить его и тогда, имѣя оплотъ отъ Австріи и Запада, образовать Болгарію, имѣя Сербію то-есть Сербское племя за собою; тогда Болгарія должна идти съ Сербіей и Россіей, а теперь вотъ Австрія зашла куда? Россія и кровь и деньги дала и Болгарію создала, а она служитъ орудіемъ враговъ Россіи. Такъ ли это? Вы лучше знаете. Но мнѣ кажется, что Австрію нужно выгнать изъ Босніи и Герцеговины, а дальше, что̀ Богъ дастъ.

Пишу вамъ по дружески и прошу васъ не забывать Сербовъ, которыхъ сосѣдка такъ сатанински убиваетъ, портитъ и развращаетъ. Вы пойдете въ Царьградъ прямо или черезъ Вѣну, намъ все будетъ выгодно; но только идите чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и не дайте намъ и нашему народу пропадать и нравственно̀ и матеріально: вѣдь мертвеца нельзя изъ гроба поднять.

Простите, многоуважаемый Михаилъ Григорьевичъ, за сіе дружеское письмо; но я не могу вамъ писать офиціальнымъ тономъ.

Призываю Божіе благословеніе на васъ и ваше семейство и съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ. .

26 Февраля 1891 года. Бѣлградъ.

IX.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Душевно благодарю васъ за память о мнѣ и за поздравленіе 14 Октября. Мнѣ всегда пріятно поминать ваши доблестные подвиги и ваше горячее родолюбіе, за кое вы столь много трудились. Слава вамъ!

Поражены мы о столь ранней кончинѣ Государя Императора Александра. Дай Богъ Государю Николаю II осчастливить Россію, Славянство и Православіе. Да поможетъ Ему Господь Богъ!

Призываю Божіе благословеніе на васъ и ваше семейство и съ

*) Аксаковы. *А. Ч.*

Библиотека "Руниверс"

искреннимъ почтеніемъ къ вамъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

28 Октября 1894 г. Бѣлградъ.

X.

27 Ноября 1895 года Бѣлградъ.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Ваше дорогое письмо отъ 24 Марта я получилъ давно. Евгеній Львовичъ Марковъ былъ въ Сербіи и у меня въ Бѣлградѣ. Отъ него изъ Россіи получилъ я одно письмо. Не знаю, какъ онъ нашелъ Сербію. Еще 12 Мая сдѣлалъ я предложеніе министру иностранныхъ дѣлъ, чтобы дали орденъ священнику Красову, о немъ хлопоталъ и г. Васильевичъ бывшій посланникъ. Но какъ часто мѣняются министры и начальники министерствъ, тогда велѣли посланнику въ Петербургѣ спросить Русское министерство, угодно ли ему будетъ, если бы дали ордена тамошнимъ лицамъ? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта. Прежде для Русскихъ не спрашивали, но давали ордена безъ спрашиванія.

Недавно узналъ, что вы праздновали 40 лѣтъ офицерской своей службы. Прошу васъ, примите и мое душевное поздравленіе съ симъ днемъ вашей столь полезной службы Россіи и Сербіи и Славянамъ.

Молю Господа да укрѣпитъ ваши силы продолжать сію службу еще много лѣтъ на славу Россіи и Славянъ. Съ глубокимъ почтеніемъ остаюсь вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

XI.

Многочтимый Михаилъ Григорьевичъ!

Мы жалѣемъ, что въ Русскихъ газетахъ почти ничего не сообщаютъ о Сербіи. Большія газеты держатъ своихъ кореспондентовъ въ Болгаріи и Греціи, а для Сербіи не считаютъ нужнымъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» писалъ г. Петръ Узелацъ, но интриги его отклонили. По временамъ г. Панта Сретьковичъ посылаетъ кореспонденціи въ Санктъ-Петербургскія. Никандру Васильевичу я отвѣтилъ что мнѣ сказалъ г. Симичъ, который взялъ бы съ удовольствіемъ его, если бы могъ обезпечить его мѣсто, о чемъ подумаетъ.

Не успѣлъ еще писать г. Григмуту, пока не увижу что сдѣлаетъ г. Симичъ. Радуюсь вашему письму, которое снова подтверждаетъ вашу заботу о Сербіи, которой прежде дѣлали столько услугъ и добра.

Благодарю васъ за память, какъ и мы и исторія всегда васъ будемъ помнить. Сербовъ возмущаетъ, что Болгарамъ все даютъ, а они чисто-Сербское населеніе въ Скопланскомъ округѣ соблазняютъ и дѣлаютъ Болгарами. Въ Ускюпѣ Пандуровъ помощникъ валію, епископъ,

Библиотека "Руниверс"

и теперь послали и Ризова съ большими деньгами, чтобы завести свои школы и убѣдить священниковъ, чтобы они признали экзарха и стали Болгарами. Нѣтъ, такими поступками не упрочится дружба Сербіи и Болгаріи. Дипломаты успокаиваютъ Сербовъ, что рѣшеніе вопроса Сербскаго и Болгарскаго не зависитъ отъ нихъ, но это рѣшатъ державы. Почему же дипломаты не скажутъ Болгарамъ: руки прочь! А Сербамъ не даютъ епископа въ Ускюпѣ, что̀ сильно раздражаетъ Сербовъ. И нуженъ кореспондентъ, чтобы Русское общественное мнѣніе извѣщать объ истинѣ и правдѣ.

Призываю Божіе благословеніе вамъ и вашему семейству и съ истиннымъ почтеніемъ къ вамъ имѣю честь быть вашимъ богомольцемъ. Митрополитъ Михаилъ.

Враньска Баня, 8 Августа 1897 года.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ БИБЛІОФИЛА.

Въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія М. П. Погодинъ издавалъ литературный и политическій сборникъ подъ названіемъ „Утро“. Въ книжкѣ этого сборника за 1868 годъ были напечатаны Записки Штелина. Вслѣдъ за этими Записками была въ томъ же сборникѣ напечатана статья М. П. Погодина подъ заглавіемъ: „Объ открытіи Записокъ Штелина изъ моихъ записокъ“. Въ этой статьѣ М. П. Погодинъ написалъ слѣдующее: „Драгоцѣнныя записки Штелина принадлежали къ моему древлехранилищу. Въ тридцатыхъ годахъ Ѳедоръ Ивановичъ Оттъ, первый директоръ ремесленнаго Московскаго училища, потомокъ Штелина по женской линіи, познакомясь со мною чрезъ моего брата, служившаго подъ его начальствомъ, сказалъ мнѣ однажды въ разговорѣ, что у него есть два сундука бумагъ, оставшихся послѣ Штелина. „Примѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ и не можетъ быть, потому что Штелинъ, какъ извѣстно, по преданію въ его родѣ, всѣ важныя свои бумаги сжегъ по кончинѣ своего воспитанника, императора Петра III-го и при вступленіи на престолъ Екатерины II-й; но тамъ есть много лубочныхъ картинъ его времени и первыхъ оттисковъ портретовъ, гравированныхъ въ Академіи Художествъ, находившейся подъ его начальствомъ. Хотите взять себѣ этотъ хламъ? А вы мнѣ дадите за него собраніе новыхъ Русскихъ книгъ, которое я назначу“. „Очень радъ“, отвѣчалъ я ему.

Сундуки были ко мнѣ присланы; книги, по назначенію, были доставлены къ г. Отту. Я, по словамъ его, отобралъ изъ сундуковъ, вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, лубочныя картинки и портреты, украсилъ ими мои собранія и велѣлъ поставить сундуки подъ лѣстницу.

Простояли они тамъ спокойно лѣтъ десять или больше. Академія, услышавъ отъ Куника, что у меня находятся бумаги Штелиновскія, отнеслась ко мнѣ съ просьбою справиться: нѣтъ ли въ нихъ чего нибудь относящагося до ея исторіи, такъ какъ Штелинъ состоялъ ея членомъ.

Я попросилъ тогда Д. А. Ровинскаго поискать между бумагами, ему извѣстными, академическихъ документовъ, что тотъ и исполнилъ. Отобранные имъ документы я отправилъ тотчасъ въ Академію. Вмѣстѣ съ ними Д. А. Ровинскій принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ тамъ автографовъ императора Петра III-го.

Одинъ былъ великой важности. Я рѣшился представить его Государю Императору Николаю Павловичу и посовѣтовался съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, чрезъ кого изъ довѣренныхъ лицъ сдѣлать это лучше.

Библиотека "Руниверс"

Онъ указалъ мнѣ на графа Владимира Ѳедоровича Адлерберга, какъ лицо вполнѣ и безусловно Государю преданное.

Я былъ знакомъ близко съ Ѳ. И. Прянишниковымъ и попросилъ его предупредить графа о моемъ желаніи обратиться къ нему въ предстоящій пріѣздъ его съ Государемъ въ Москву по важному дѣлу.

Подробности послѣ, а теперь скажу только, что автографъ Государю, при письмѣ, доставленъ былъ чрезъ графа Адлерберга, который на другой день написалъ ко мнѣ о Высочайшей благодарности.... за представленный по его желанію древній рисунокъ сеза Измайлова и пр.

Въ разговорѣ со мною онъ спросилъ меня: нѣтъ ли гдѣ копіи съ представленнаго мною автографа?

Возвратясь домой, я подумалъ о значеніи этого вопроса и, при свиданіи съ Д. А. Ровинскимъ, спросилъ его мимоходомъ: не показывалъ ли онъ кому нибудь найденнаго и переданнаго мнѣ письма? Показывалъ, отвѣчалъ онъ. Кому? Павлу Ѳедоровичу Карабанову.

У меня тотчасъ мелькнула мысль, не списалъ ли старикъ, охотникъ и знатокъ исторіи прошедшаго столѣтія, копіи съ любопытной бумаги? Спросите его, сказалъ я Д. А., не списалъ ли онъ копіи и, если списалъ, то попросите его отъ моего имени, чтобы онъ мнѣ отдалъ ее.

Такъ и случилось. Г. Ровинскій принесъ мнѣ копію, засвидѣтельствованную рукою Павла Ѳедоровича, и я успокоился. Эта копія до сихъ поръ у меня хранится.

Прошло еще лѣтъ десять или пятнадцать. Каково же было мое изумленіе, какъ вдругъ я увидѣлъ мое письмо Петра III-го напечатаннымъ въ одномъ изданіи за границею. Я такъ и обмеръ: могла возникнуть мысль, что письмо доставлено было мною для печати; ибо, кромѣ меня, никто не имѣлъ о немъ понятія. Не одну ночь провелъ я безъ сна, думая объ этомъ событіи и ломая себѣ голову, откуда могло залетѣть письмо за границу, и наконецъ попалъ на мысль, которая меня успокоила: старикъ-охотникъ П. Ѳ. Карабановъ, вѣрно, возвращая мнѣ сдѣланную имъ копію, оставилъ у себя другую. Не смѣю пожаловаться на его память и не брошу камня: соблазнъ для охотника, для антикварія, для любителя исторіи—великъ! Передъ кончиною онъ завѣщалъ все свое драгоцѣнное собраніе Государю Императору. Бумаги его видѣли здѣсь многіе, и другіе разбирали въ Петербургѣ. Вѣроятно кому нибудь попалось на глаза письмо, онъ списалъ и отправилъ за границу.

Итакъ письмо увидѣло свѣтъ, не смотря на всѣ предосторожности. Такъ-то вѣрно замѣчаніе: нѣсть бо тайно еже не явится; ниже бысть потаено, но да пріидетъ въ явленіе. Но вотъ, что не напечатано—отмѣтка Штелина на оборотѣ письма, которая измѣняетъ совершенно его значеніе и которая, слѣдовательно, должна быть оглашена для отстраненія неправильныхъ заключеній. Собственно съ этою цѣлью я и предлагаю теперь отрывокъ изъ своихъ Записокъ.

Покойный Государь Императоръ оцѣнилъ значеніе отмѣтки и былъ очень доволенъ, что я сохранилъ ее, какъ о томъ мнѣ засвидѣтельствовали въ разное время графъ Блудовъ и В. Д. Олсуфьевъ.

Библиотека "Руниверс"

Вотъ слова Штелина на оборотномъ полулистѣ внизу: Собственноручная записка Великаго Князя, которую написалъ онъ въ досадѣ однажды по утру, не сказавъ о томъ никому и, запечатавъ послалъ съ карлою Андреемъ къ Ея Императорскому Высочеству. Надворный совѣтникъ Штелинъ, встрѣтясь, удержалъ карлу, а Великому Князю представилъ съ силою всѣ дурныя послѣдствія. Подача была остановлена, и устроено нѣжное примиреніе *). Habent sua fata libelli. Не странная ли судьба этого документа? Въ зимнемъ дворцѣ Великій Князь, наслѣдникъ престола пересылаетъ его своей супругѣ съ повѣреннымъ. На дорогѣ встрѣчается съ нимъ воспитатель, который письмо перехватываетъ и оставляетъ его въ своихъ бумагахъ, отмѣтивъ, какъ аккуратный Нѣмецъ, что случилось послѣ, по его поводу. Прошло пятнадцать лѣтъ. Произошли великіе перевороты при дворѣ. Всѣ важныя бумаги владѣльцемъ (Штелинымъ) сожигаются, а письмо завалилось въ какихъ-то счетахъ и черновыхъ лоскутахъ. Умеръ владѣлецъ. Перевелось потомство. Хламъ переходитъ изъ рукъ въ руки и, наконецъ, лѣтъ черезъ пятьдесятъ, перевозится въ Москву. Здѣсь бумаги попадаются случайно въ руки охотника-собирателя и лежатъ у него лѣтъ 15 въ своихъ грюбахъ подъ лѣстницею. Случай обнаруживаетъ одинъ важный документъ, который доставляется въ руки самого Государя. Нѣтъ, очутилась въ чьихъ-то рукахъ копія, которая попадаетъ даже за границу и предается тлѣнію".

Вотъ буквально точная выписка изъ находящагося въ моей библіотекѣ вышеупомянутаго сборника „Утро", который уже сталъ, въ настоящее время, библіографическою рѣдкостью.

Въ Октябрьской книжкѣ „Русской Старины" 1906 года, на страницѣ 48-й, напечатано, между прочимъ, письмо великаго князя Петра Ѳедоровича къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

По прочтеніи всего вышеизложеннаго невольно возникаетъ вопросъ: не есть ли это письмо то самое, о которомъ идетъ рѣчь въ статьѣ М. П. Погодина?

Если именно это письмо было перепечатано, въ царствованіе Николая Павловича, хотя бы и въ заграничномъ изданіи, то появленіе его въ печати конечно, могло лишить Погодина сна въ продолженіе нѣсколькихъ почей.

Въ 1851 году, когда М. П. Погодинъ задумалъ продать свои „историческія сокровища" онъ причислялъ письмо великаго князя Петра Ѳеодоровича, переданное имъ чрезъ графа Адлерберга Государю Николаю Павловичу къ „*наисекретнѣйшимъ документамъ изъ самыхъ внутреннихъ аппартаментовъ дворца*" (Барсуковъ, Жизнь и труды М. П. Погодина, книга 11, стр. 510).

Однако эти соображенія, повидимому, должны отойти на задній планъ предъ другими справками. На письмѣ, напечатанномъ въ „Русской Старинѣ". находится дата: Декабря 1746 г. А на письмѣ, найденномъ М. П. Погодинымъ дата другая: Февраль 1746 г. что и отмѣчено М. П. Погодинымъ на 370 стра-

*) Эта замѣтка была написана Штелинымъ на Нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ она и напечатана Погодинымъ въ его Запискахъ.

Библиотека "Руниверс"

ницѣ выписизложеннаго сборника „Утро“. На оборотѣ письма, найденнаго М. П. Погодинымъ, какъ сказано выше, находилась отмѣтка Штелина. успокоившая Государя Николая Павловича. О какой либо отмѣткѣ на письмѣ, напечатанномъ на страницахъ „Русской Старины“, нѣтъ никакого упоминанія, которое, конечно, было бы неизлишнимъ, хотя въ „Русской Старинѣ“ и говорится, что это письмо великаго князя Петра Ѳеодоровича было найдено нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ.

Итакъ вопросъ о тожествѣ письма, напечатаннаго въ настоящее время въ „Русской Старинѣ“, съ тѣмъ, которое было у М. П. Погодина, остается пока неразрѣшеннымъ. Этотъ вопросъ, конечно, могъ бы быть разрѣшенъ, если бы удалось найти то заграничное изданіе, въ которомъ письмо (по словамъ М. П. Погодина) было напечатано. Я, во время моего пребыванія за границею, не могъ найти этого изданія.

Д-ръ В. М. Остроглазовъ.

1906. XII/13.

ПОПРАВКА СОВРЕМЕННИКА.

На стр. 678, въ 12-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1906 года сказано, что покушеніе на жизнь Николая Павловича было, когда Государь возвращался съ Калишскихъ маневровъ. Это не такъ. Николай Павловичъ возвращался изъ Берлина, куда онъ часто любилъ ѣздить къ своему шурину королю Фридриху-Вильгельму IV-му; Калишскія же маневры были ранѣе, еще при королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III-мъ.

Кирилинъ *), чиновникъ военно-походной канцеляріи, дожилъ, благодаря незначительной ранѣ, имъ при этомъ полученной, до болѣе высокаго поста нежели секретаря у министра: онъ былъ весьма вліятельнымъ директоромъ канцеляріи министерства двора при обоихъ графахъ Адлербергахъ. Не помню въ точности, въ Калишѣ или Торнѣ случился этотъ казусъ, но хорошо помню изъ разсказовъ Кирилина, какъ это случилось.

Лейбъ-кучеръ Государя, всегда сидѣвшій въ вожжахъ Николая Павловича (точно также какъ знаменитый Илья въ путешествіяхъ Александра Павловича) рядомъ съ ямщикомъ 1-го нумера (или за границей съ почтаремъ), увидѣлъ двигавшуюся на встрѣчу коляски царя похоронную процессію Онъ зналъ, какъ Николай Павловичъ, вообще довольно суевѣрный, не любилъ этихъ встрѣчъ, и потому, повернувъ въ боковую улицу, объѣхалъ процессію, прежде нежели она была замѣчена Государемъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовала коляска № 2-го съ походной канцеляріею, которая продолжала нестись по заранѣе опредѣленному маршруту и была принята злоумышленникомъ за № 1-й.

*) Андрей Николаевичъ Кирилинъ, лицеистъ, былъ родомъ Эстонецъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Родъ Пушкина. Разслѣдованіе **Б. Л. Модзалевскаго.** Большая 8-ка, 24 стр. съ заставками, рисункомъ Стрѣльца, портретомъ Петра Перваго, работы Шхонебека (подпись: „Петръ Первый императоръ, присноприбавитель, царь и самодержецъ Всероссійскій"), Абрама Ганнибала, двумя портретами его сына Ивана и съ гербомъ Пушкиныхъ.

Небольшая объемомъ, но полная содержаніемъ тетрадь, плодъ неутомимаго, добросовѣстнаго разысканія. На пишущаго эти строки она производитъ впечатлѣніе умилительное; до такой степени въ сравненіи съ нею слабъ и блѣденъ трудъ его о томъ же предметѣ, нѣкогда переданный Т. Н. Грановскимъ въ „Отечественныя Записки" 1853 года. Какъ же не порадоваться тому, что съ тѣхъ поръ множество добыто новыхъ свѣдѣній о предкахъ А. С. Пушкина съ обѣихъ сторонъ, отцовской и материнской. Тѣнь поэта признательна усерднымъ разыскателямъ. Оказывается, что и въ Русскихъ дѣдахъ Пушкина текла кровь горячая, и даровитую пылкость его можно приписывать не одному только Африканскому происхожденію. Ихъ „часто волновали страсти!"

На 13-мъ году жизни, покинувъ Москву и подмосковное Захарьино, Пушкинъ не былъ въ ней въ теченіи 15 лѣтъ (до 8 Сентября 1826 г.). Пока онъ учился въ Лицеѣ, отецъ его служилъ чиновникомъ военнаго вѣдомства въ Варшавѣ. Кажется, съ тѣхъ поръ Пушкины стали проводить лѣтніе мѣсяцы въ Михайловскомъ, гдѣ и похоронена бабушка поэта Марья Алексѣевна. (Арабъ Ганнибалъ ей свекоръ). Сохранилась ли тогдашняя переписка Сергѣя Львовича съ лицеистомъ-сыномъ? Въ 1812 г. Пушкинъ былъ у своего дѣда-дяди Петра Абрамовича Ганнибала, но гдѣ именно? Вѣдь изъ Лицея воспитанниковъ не отпускали, кажется, даже и въ Петербургъ.

Пушкинская родословная со стороны материнской разработана Б. Л. Модзалевскимъ въ отличной подробности; надо полагать, что откроются еще новыя показанія (*происхожденіе* Абиссинское, на которомъ настаиваетъ *профессоръ* Анучинъ, не вполнѣ убѣдительно). Абрамъ Петровъ, назвавшійся Ганнибаломъ только при Аннѣ Іоанновнѣ, жестокій съ первою своею женою Гречанкою, жилъ со второю слишкомъ сорокъ лѣтъ, по видимому мирно, и отъ нея имѣлъ одиннадцать человѣкъ дѣтей (изъ нихъ Софья Абрамовна была за фонъ-Роткирхомъ: это бабка того фонъ-Роткирха, который служилъ при укрощеніи Польскаго мятежа 1861—1863 г. и печаталъ замѣчательныя статьи о томъ въ „Русскомъ Архивѣ" подъ именемъ Теобальда). Любопытна въ Пушкинѣ примѣсь Нѣмецкой крови. Его прабабушка Христина Матвѣевна, урожденная фонъ-Шеберхъ, была вѣроятно доброю хозяйкой и давала возможность своему мужу, ученому Африканцу, спокойно заниматься инженерною службою и комендантствомъ въ холодномъ Ревелѣ.

Относительно Ганнибалова портрета, находящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, замѣтимъ, что портретъ этотъ былъ пріобрѣтенъ директоромъ Архива княземъ М. А. Оболенскимъ у нѣкоего Юни, который могъ вывезти его изъ Сибири, гдѣ онъ служилъ. Ленты на портретахъ могли быть пририсованы (что кажется, иногда дѣлалось изъ тщеславія). Въ виду того, что воспроизведенъ рѣдкій портретъ Петра Великаго, полагаемъ, что въ Имераторской Академіи Наукъ можетъ сохраняться и гравюра того же Шхонебека, на которой изображено бракосочетаніе Петра съ Екатериною и при нихъ двѣ дѣвочки, тоже съ коронами на головахъ: это привѣнчаніе царевенъ Анны и Елисаветы. Гравюра эта, конечно, была уничтожаема въ царствованіе Елисаветы Петровны. Намъ ее показывалъ, какъ величайшую рѣдкость, И. М. Снѣгиревъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45 й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ.

☞ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по **одному** рублю.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

3

Стр.

321. О должностяхъ человѣка и гражданина. **Екатерининская книга** для народныхъ училищъ.

375. Забота **Петра Великаго** о книгопечатальномъ дѣлѣ. Письмо къ боярину И. А. Мусину-Пушкину (1709).

377. Записки **К. Д. Хлѣбникова**. Главы I—IV (Инженерное училище.—Жизнь въ Кіевѣ и Севастополѣ.—Князь М. Д. Горчаковъ. —Осада Силистріи.—Шильдеръ.—Князь Меншиковъ.—Въ Перекопѣ.—Госпитали).

452. Письма **князя М. С. Воронцова** къ А. И. Казначееву.

456. Къ біографіи Ѳ. И. Иноземцева (изъ Записокъ **С. А. Смирнова**).

461. Письмо **Т. Н. Грановскаго** къ В. В. Григорьеву.

464. В. М. Остроглазовъ. †.

465. Замѣчательная почтовая бумага. **Л. С. М.**

— Замѣтка о книгѣ „Памятникъ Вѣры". **Его же.**

468. Письма **князя П. А. Вяземскаго** къ протоіерею М. Ѳ. Раевскому.

473. Кончина Свѣтланы. Два письма **К. К. Зейдлица** къ В. А. Жуковскому.

477. **Михаилъ Ивановичъ Глинка.**

479. Изъ Записной книжки издателя „Русскаго Архива".

Внутри обложки: Объ учрежденіи Общества Военной Старины.— О Русскихъ портретахъ XVIII и XIX столѣтій.—О книгѣ Н. Писарева. „Домашній бытъ патріарховъ".

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ ОБЩЕСТВА ВОЕННОЙ СТАРИНЫ.

Письмо къ издателю „Русскаго Архива".

Въ настоящее время, при развитіи полковой исторіографіи и прочномъ установленіи научнаго и практическаго значенія исторіи, несомнѣнно назрѣла необходимость объединиться лицамъ, занимающимся и интересующимся Русской военной стариной, въ отдѣльное частное общество, которое было бы посвящено разработкѣ всевозможныхъ вопросовъ по военной старинѣ и военной археологіи.

Признавая, что подобное общество должно сложиться какъ результатъ самодѣятельности заинтересованныхъ лицъ, по добровольному ихъ почину, а также что процвѣтаніе этого общества обусловлено учрежденіемъ его внѣ опеки какого-либо „департамента" и помимо другихъ обществъ, преслѣдующихъ свои собственныя цѣли, имѣю честь чрезъ посредство „Русскаго Архива„ обратиться къ лицамъ, дорожащимъ Русской военной стариной, съ покорною просьбою почтить меня (по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 10-я линія, д. № 15) сообщеніемъ ихъ соображеній по поводу изложеннаго вопроса. При условіи сочувствія моей мысли хотя бы нѣсколькихъ лицъ, могъ бы быть образованъ предварительный комитетъ и выработанъ проектъ устава общества для представленія его на утвержденіе въ законномъ порядкѣ.

8 Февраля 1907 г.

Михаилъ Соколовскій

Членъ-сотрудникъ Императорскаго С.-Пб. Археологическаго Института и Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи.

Русскія портреты XVIII и XIX столѣтій. Собраніе портретовъ Русскихъ людей эпохи царствованій императрицы Екатерины II, императора Павла I и Александра I, исполненныхъ геліографіей и фототипіей въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается второй томъ этого монументальнаго изданія, на которое Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ положено столько труда личнаго, просвѣщенной заботы и великихъ издержекъ. Тутъ можетъ дѣйствовать и наслѣдственность: императоръ Николай Павловичъ такъ много сдѣлалъ для нашей исторіографіи, а Родители издателя оказывали отмѣнное вниманіе Московскому археологу И. М. Снѣгиреву, какъ видно изъ его Дневника („Русскій Архивъ", 1902—1904).

Въ подобныхъ изданіяхъ (особливо во Французскихъ) не рѣдко случается, что чѣмъ лучше рисунокъ, тѣмъ слабѣе къ нему описаніе. Здѣсь такой розни нѣтъ, и жизнеописанія изображенныхъ лицъ имѣютъ тоже свою непререкаемую цѣнность. Изданіе ведется на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, дабы сдѣлать его доступнымъ и для иностранцевъ, любителей исторіи и портретнаго художества. Оно кстати и въ томъ отношеніи, что большинству изображенныхъ лицъ Французскій языкъ былъ вовсе не чужой. Многія жизнеописанія вышли сжатыми, такъ какъ не могли вмѣститься на отведенной для нихъ по необходимости одной страницѣ. Можно даже дивиться, какъ ничто существенное въ нихъ не опущено. Нѣко-

Библиотека "Руниверс"

О ДОЛЖНОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА*).

Книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской Имперіи, изданная по высочайшему повелѣнію.

ДЕСЯТОЕ ТИСНЕНІЕ.

Цѣна безъ переплета 25 коп.

Въ Санктпетербургѣ, 1811 года.

ВСТУПЛЕНІЕ.

О благополучіи вообще.

1. Всякъ человѣкъ желаетъ себѣ благополучія, и не довольно того, чтобъ другіе о насъ думали, что мы благополучны, но всякъ хочетъ быть въ самомъ дѣлѣ благополучнымъ и сего благополучія желаетъ не на короткое время, но навсегда и вѣчно.

2. Во всякомъ званіи можно быть благополучнымъ. Часто думаютъ люди, что одни только цари, князья, благородныя и знатныя особы благополучную жизнь имѣютъ; сіе однакожъ несправедливо. Благость Божія ни единаго человѣка не исключила отъ благополучія; граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники, могутъ быть благополучными людьми.

3. Можно также быть и во всякомъ званіи неблагополучнымъ. Не надобно думать о людяхъ низкаго и убогаго состоянія, чтобъ они были неблагополучны: ибо часто знатные и богатые бываютъ еще гораздо неблагополучнѣе простыхъ и неимущихъ людей.

4. Правда, что во всякомъ званіи есть нѣчто пріятное, чего другія званія не имѣютъ; но за то и всякое званіе имѣетъ собственныя свои тягости. Самое естество вещей міра сего приноситъ сіе съ собою, и самъ Богъ тако устроилъ.

И такъ, кто иное званіе себѣ избираетъ, или кого Богъ въ иное званіе поставляетъ, тотъ долженъ и тягости званія того на себя принять и терпѣливо оныя сносить.

---

*) См. выше, стр. 303.

Библиотека "Руниверс"

Не должно намъ никогда того желать что̀ званію нашему непристойно, потому что и получить того не можно: тщетное желаніе мучило бы только наше сердце, а мы можемъ по мѣрѣ состоянія нашего быть благополучными, хотя и лишены того что̀ другіе въ высшихъ степеняхъ имѣютъ.

5. Не терзались бы люди толь многими суетными желаніями, когда бы знали, что благополучіе не содержится въ вещахъ внѣ насъ находящихся. Не состоитъ оно въ богатствѣ, то-есть въ земляхъ, многоцѣнныхъ одеждахъ, великолѣпныхъ украшеніяхъ или въ другихъ вещахъ, кои видимъ и вокругъ себя имѣемъ. Богатые удобно себѣ таковыя вещи могутъ доставить, но чрезъ то они еще не суть благополучны, и сіе доказываетъ, что благополучіе не состоитъ въ обладаніи таковыхъ вещей.

6. Истинное благополучіе есть въ насъ самихъ. Когда душа наша хороша, отъ безпорядочныхъ желаній свободна, и тѣло наше здорово: тогда человѣкъ благополученъ. И такъ тѣ люди только на свѣтѣ прямо благополучны, кои состояніемъ своимъ довольны; ибо безъ довольствія, спокойныя совѣсти, благочестія и благоразумія самой богатой и знатной столько же мало можетъ быть прямо благополученъ, какъ и самаго низкаго состоянія человѣкъ.

Для пріобрѣтенія же добрыя совѣсти, здравія и довольствія обязаны мы:

а) Напоять душу нашу добродѣтелію.

б) Пещись надлежащимъ образомъ о тѣлѣ нашемъ.

в) Исполнять общественныя должности, на которыя мы отъ Бога опредѣлены.

г) Знать правила хозяйства.

ЧАСТЬ I.

Объ образованіи души.

Введеніе.

1. Не одно только тѣло, которое мы видимъ, составляетъ человѣка. Въ тѣлѣ семъ еще нѣчто обитаетъ чего мы не видимъ. Кто сему вѣрить не хочетъ, того самое искусство научаетъ*), что онъ многія вещи памятуетъ, кои издавна видалъ, слыхалъ, осязалъ, вкушалъ и обонялъ. Въ тѣлѣ же человѣческомъ нѣтъ ни единаго члена который бы памятовалъ прошедшее. Чувства тѣлесныя ощущаютъ настоящее, но не прошедшее; а какъ человѣкъ и прошедшее себѣ напоминаетъ, слѣдо-

*) Словомъ искусство въ старину означался опытъ. „Искусствомъ свѣдано“ значило: узнано по опыту. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

вательно есть въ немъ отъ тѣла нѣчто различное, кое прежнія чувствованія познаётъ; и сіе существо, которое въ насъ прочія вещи познаётъ, называется *душа*.

2. Душа можетъ прошедшее памятовать, то-есть она имѣетъ:

а) *Память*. Человѣкъ внимательный можетъ много въ памяти содержать, потому что многому прилежно внимаетъ; онъ совершенно памятуетъ всѣ вещи и ихъ обстоятельства, кои внимательно видѣлъ и слышалъ. Память тѣмъ болѣе укрѣпляется, чѣмъ болѣе и долѣе употребляетъ человѣкъ вниманіе; напротивъ же того легкомысленный и невнимательный ничего или весьма мало памятуетъ, потому что примѣчаетъ по большей части въ половину или неправильно.

б) Что̀ душа въ память впечатлѣла о томъ она далѣе размышляетъ. Одна мысль рождаетъ другую, и такъ душа разсуждаетъ и заключаетъ; а когда душа о всемъ томъ что̀ въ память свою вмѣстила, далѣе размышлять и разсуждать можетъ, то говорится: она имѣетъ *умъ* или *разумъ*. Буде кто какую вещь правильно примѣтилъ и оную правильно на память себѣ приводитъ, тотъ можетъ и правильно о ней разсуждать. Легко видѣть можно, что великая въ томъ нужда, дабы душа правильно разсуждала. Почти всѣ вещи въ свѣтѣ имѣютъ въ себѣ нѣчто, кое намъ или полезно или вредительно быть можетъ. Часто зло кажется весьма пріятнымъ, а добро часто имѣетъ въ себѣ нѣчто намъ непріятное, и кто сего въ памяти своей довольно не затвердитъ, а токмо себѣ то представляетъ что̀ ему пріятно или непріятно показалось, истинное же зло или добро забываетъ: тотъ неправильно разсуждаетъ и, почитая иногда злое за доброе, а доброе за злое, причиняетъ собѣ часто несказанный вредъ.

в) Что̀ намъ угодно того мы хотимъ и желаемъ, а не получая онаго скоро, предпріемлемъ дѣлать то, чѣмъ бы мы могли желаемое нами получить. Сіе дѣйствіе души называется *воля*. Желанія и намѣренія бываютъ часто столь сильны, что человѣкъ ни силъ своихъ, ни имѣнія, ни здоровья, ни жизни не щадитъ, лишь бы желаемое получить; а изъ сего ясно, сколь нужно вѣдать, въ самомъ ли дѣлѣ тѣ вещи коихъ мы желаемъ хороши или вредны, или только хорошими кажутся. Кто о вещахъ неправильно разсуждаетъ, тотъ хочетъ и дѣлаетъ зло, думая при томъ о себѣ, что онъ хочетъ и дѣлаетъ доброе. *Память*, *умъ* или *разумъ*, *воля*, *желанія* и *намѣренія* называются *душевными силами*.

3. Когда сіи душевныя силы частымъ упражненіемъ не изощряются, не руководствуются и добрымъ наставленіемъ не исправляются; тогда воображенія, кои человѣкъ себѣ о вещахъ свѣта и благополучіи дѣлаетъ, часто ложны и неправильны бываютъ. Не научается онъ

Библиотека "Руниверс"

тогда правильно различать добра отъ зла, почитаетъ то добромъ, чѣмъ желанія и склонности сердца своего успокоить можетъ. И такъ великое для человѣка благодѣяніе, когда его научаютъ какъ правильно мыслить, а по тому и какъ правильно поступать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О добродѣтеляхъ человѣческихъ.

1. *О праводушіи.* Кто всегда по тому поступаетъ что̀ за справедливое призналъ, тотъ есть праводушный человѣкъ. Праводушный при дѣлахъ своихъ не испытываетъ что̀ склонности и желанію его сходно что̀ праведно.

И такъ праводушіе есть склонность и стараніе какъ должности званія своего, такъ и должности къ Богу и людямъ исполнять. Не надлежитъ намъ думать, что свѣтъ сей ради насъ токмо сотворенъ: подобно какъ мы жить и благополучны быть хотимъ, такъ и другіе того же хотятъ и желаютъ.

Но сіи другіе люди, съ которыми намъ жить надобно, не всегда бываютъ добрые и умные люди; и такъ научаться намъ должно, какъ между людьми всякаго состоянія, между злыми и добрыми, благополучно и безопасно жить; а сего и достигнемъ, когда мы не токмо званія нашего должности, но и обязательства къ ближнимъ нашимъ исполнять стараться будемъ. Ибо не токмо добрые имѣютъ благоволеніе къ праводушнымъ людямъ, но и тѣ, кои о исполненіи должностей своихъ мало пекутся и стараются, нѣкоторымъ благоволеніемъ мало по малу къ нимъ прилѣпляются. Добродѣтель толикую въ себѣ пріятность имѣетъ. что и отъ самыхъ ея враговъ почтена.

2. *О любочестіи.* Любочестіе есть склонность чести достойнымъ себя учинить и стараніе дѣлать то чѣмъ истинная честь пріобрѣтается. Должность къ самому себѣ есть все то дѣлать что̀ насъ въ глазахъ другихъ людей достойными чести сдѣлать, то-есть что̀ намъ почтеніе пріобрѣсть, можетъ. И такъ дозволяется намъ радоваться о томъ, когда насъ другіе почитаютъ. Но не должно сердца своего къ единой только славѣ прилѣплять и безмѣрно о томъ досадовать, когда другіе не признаютъ того что̀ въ насъ доброе есть. Можетъ быть, что другіе основательныя иногда имѣютъ причины, кои возбраняютъ имъ о дѣлаемомъ нами добрѣ, такъ какъ бы намъ хотѣлось, разсуждать. Не надлежитъ намъ ни беззаконными дѣлами искать чести, ниже честь едину намѣреніемъ дѣлъ нашихъ поставлять: исполненіе должностей нашихъ да будетъ самое ихъ намѣреніе. Первое ложныя открываетъ правила, а второе суету. Честь не состоитъ во власти того, кто почитаемъ быть

Библиотека "Руниверс"

желаетъ, но во власти почитающаго насъ. Одни только разумные могутъ насъ поистинѣ почитать. Подлецъ ничего не дѣлаетъ безъ награжденія или принужденія, а любочестивый, желающій снискать похвалу отъ разумныхъ, дѣлаетъ добро безъ корысти и принужденія.

3. *О спокойствіи духа.* Спокойствіе духа есть склонность и стараніе злыя обстоятельства и обиду терпѣливо и безъ роптанія сносить.

Спокойствіемъ духа умаляемъ неудовольствіе и печали, происхождающія отъ бѣдности и злоключеній въ жизни. Есть несчастія, коихъ никакой разумъ и никакая власть отвратить не могутъ, и сіи надлежитъ намъ терпѣливо сносить, тѣмъ наипаче, что нетерпѣніе и роптаніе насъ отъ таковыхъ несчастій избавить никакъ не могутъ, но еще несноснѣе намъ оныя дѣлаютъ. Разумный человѣкъ изъ всѣхъ возможныхъ средствъ дѣйствительнѣйшее всегда избираетъ, которымъ бы онъ состояніе свое, есть ли не совсѣмъ облегчить, то по крайней мѣрѣ толь сноснымъ сдѣлать могъ, поколику во власти его состоитъ. И для того надлежитъ намъ непостоянство и тлѣнность внѣшнихъ благъ часто вспоминать и искать небольшихъ дозволенныхъ забавъ, кои всякое людей состояніе позволяетъ, дабы тѣмъ спокойствіе духа нашего укрѣпить. А дабы намъ спокойнымъ быть, то помыслимъ, что все, что̀ въ свѣтѣ ни случается, есть добро, и когда не каждому особо, то по крайней мѣрѣ къ общему благосостоянію человѣческаго рода служитъ. При семъ помышленіи можно быть всегда довольну и веселу, и душу отъ лишней скорби избавлять. Предадимъ себя токмо волѣ Божьей и станемъ уповать на промыселъ Его.

4. *О любовѣдѣніи.* Любовѣдѣніе есть склонность и стараніе полезное себѣ познаніе пріобрѣтать, добрымъ наставленіямъ, примѣрамъ и увѣщаніямъ другихъ охотно послѣдовать. Надлежитъ намъ стараться должности наши основательно разумѣть: ибо чрезъ то побудительныя причины къ дѣланію ихъ ясно и обстоятельно узнаёмъ и ко исполненію ихъ тѣмъ болѣе склонны бываемъ. По пріобрѣтеніи же нами основательнаго познанія о должностяхъ нашихъ, надлежитъ намъ отъ заблужденій, то-есть отъ ложныхъ мнѣній, удаляться: ибо человѣкъ, ложными мнѣніями одержимый, истиннаго добра не познаётъ и избирать не можетъ что̀ ему полезно. И для того, отъ самыхъ еще младыхъ лѣтъ нашихъ должно намъ научаться познавать самихъ себя и другихъ, подражать добрымъ и честнымъ людямъ, мудрыхъ наставленія принимать съ охотою, злыхъ же и порочныхъ убѣгать тщательно, на каждый день поступки свои наперед разумно располагать, и по окончаніи дня испытывать, каковы дѣла наши были и въ чемъ мы того дня познаніе наше распространили.

Библиотека "Руниверс"

5. *О правдивости.* Правдивость есть свойство честнаго человѣка, которое его заставляетъ никогда не говорить инако, какъ онъ мыслитъ и знаетъ, и которое его отъ лжи удерживаетъ, прямое отъ порока сего омерзеніе въ немъ насаждаетъ и никогда его не допускаетъ до употребленія таковыхъ худыхъ средствъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О должностяхъ къ Богу.

Должности, кои надлежитъ воздавать Богу, предлагаются обстоятельно въ катихизисѣ. Здѣсь токмо скажемъ, что честному человѣку надлежитъ быть благочестиву, и что истинное благочестіе не токмо въ радѣтельномъ храненіи до службы Божіей касающихся обрядовъ и въ совершенномъ вѣдѣніи закона и онаго должностей, но наипаче въ томъ состоитъ, чтобъ любить и почитать Бога всѣмъ сердцемъ, волю Его исполнять, всегда по ней жить, и сіе для того, что мы отъ Бога на то сотворены.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О должностяхъ къ ближнему.

1. *О дружелюбіи.* Дружелюбіемъ называется склонность и стараніе съ другимъ доброхотно, безъ досады и отвращенія, обходиться. Иногда и малѣйшія вещи могутъ сдѣлать насъ у другихъ любезными.

Единаго токмо поклона или посѣщенія, когда кто изъ знакомыхъ нашихъ боленъ, а иногда и единаго благопріятнаго взора довольно, чтобъ намъ ближнихъ нашихъ благосклонность и дружество снискать. Людямъ же имѣющимъ всегда мрачное и досадою наполненное лицо по большей части весьма трудно друзей себѣ пріобрѣсти, хотя бы и многія иныя имѣли въ себѣ похвальныя качества: ибо къ невеселому и угрюмому не очень кто прилѣпляется.

2. *О миролюбіи.* Миролюбіе въ томъ состоитъ, чтобъ со всякимъ ужиться и ни съ кѣмъ не ссориться, да и тогда уступать, когда къ тому и не обязаны.

3. *Объ услужливости.* Услужливостью называется склонность и стараніе съ охотою то дѣлать что̀ другимъ угодно, полезно и нужно.

Когда люди увидятъ, что мы благосклонны имъ помогать, гдѣ только сіе безъ великаго нашего ущерба быть можетъ, когда увидятъ, что мы ихъ отъ настоящаго имъ вреда остерегаемъ, или имъ при начинаніи чего нибудь къ благополучію ихъ добрый совѣтъ подаемъ, или когда въ обхожденіи нашемъ нѣкое дозволенное удовольствіе найдутъ: тогда они

Библиотека "Руниверс"

столько же, а часто еще болѣе, ради насъ сдѣлаютъ, нежели мы ради ихъ сдѣлать хотимъ. И такъ не должно пренебрегать никакого случая, гдѣ мы ближнимъ нашимъ услужить можемъ.

Весьма благополучно было бы свѣта состояніе, когда бы всѣ люди въ семъ случаѣ должное исполняли. Когда бы всякъ всѣхъ другихъ людей любилъ, какъ себя самого, тогда бы ничего инаго не желалъ какъ видѣть ихъ благополучными, и когда бы во всякомъ усердное доброжелавіе къ другому было: то бы каждый всѣ силы свои употреблялъ помогать благополучію другого. Не токмо словомъ и дѣломъ искренно и усердно помогали бы другъ другу, но еще и радовались бы о томъ, когда бы другихъ желанія домысломъ достигали и всякаго угожденіемъ и услугою предваряли.

Правда, что люди не всѣ таково услужливы, однако сего ради не надлежитъ намъ въ исполненіи должностей нашихъ лѣностными быть, ниже ждать, пока насъ въ томъ всѣ прочіе предуспѣютъ.

4. *О искренности.* Искренность называется склонность и стараніе другимъ не обинуясь то сказывать что̀ имъ полезно и остерегать ихъ отъ того что̀ имъ вредно.

Кто въ обхожденіи съ людьми неискренно поступаетъ, того вскорѣ всѣ возненавидятъ. Не возможно людямъ всѣхъ намѣреній и мыслей ближнихъ своихъ постигнуть, также и вообще не возможно имъ всего вѣдать, а потому и нужно имъ часто на то полагаться, что̀ другіе скажутъ. Когда же люди скажутъ намъ не самую истину, то мы невѣдѣніемъ многое такое сдѣлаемъ, которое намъ необходимый вредъ принесетъ. И сего ради лжецы во всякое время всѣми людьми ненавидимы бываютъ; а искреннему, о коемъ извѣстно, что истину любитъ, ложь же и лесть ненавидитъ, въ словахъ, обѣщаніяхъ, уговорахъ и повѣстяхъ его безъ божбы и клятвы вѣрятъ: всякъ, кому онъ что обѣщаетъ, толь твердо на слово его надѣется, какъ бы отъ онаго письменное обѣщаніе получилъ. Искренніе люди сію вообще имѣютъ за собою слабость (буде сіе слабостью назвать можно), что о всѣхъ другихъ по своему примѣру судятъ и отъ всѣхъ той же имъ свойственной искренности ожидаютъ, а какъ часто принуждены они бываютъ со лживыми людьми въ то или иное дѣло вступать, то и случается иногда, что лживые искренность ихъ во зло употребляютъ, и таковымъ образомъ обманывая ихъ, вредъ имъ причиняютъ. И такъ великая при семъ потребна осторожность, дабы мы съ одной стороны не весьма казались недовѣрчивыми, съ другой же стороны отъ опасности себя берегли быть обманутыми. Мы недовѣрчивымъ поступкомъ извѣстнаго въ честности человѣка могли бы озлобить; напротивъ того безумно бы было иному, коего искренность еще не испытана, неосмотрительно вѣряться.

Библиотека "Руниверс"

5. *О честности.* Честность называется склонность и стараніе благосостоянію другихъ съ искренностью споспѣшествовать, а особливо, когда мы къ тому или обѣщаніемъ, или какимъ либо образомъ обязаны. Честность надобно болѣе дѣлами и сердцемъ, нежели словами и лицомъ показывать. Лукаво тотъ поступаетъ, а не честно, кто къ другимъ людямъ на словахъ пріязненъ, въ сердцѣ же своемъ хитръ и злоковаренъ. Кто же къ другимъ столь добросердеченъ, что и о своемъ благосостояніи забываетъ, тотъ поступаетъ неразсудно.

6. *О почтительности.* Почтительность въ томъ состоитъ, дабы мы о другихъ ничего кромѣ добра не помышляли и имъ почтеніе наше при всякомъ случаѣ и словомъ и дѣломъ оказывали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О должностяхъ къ самому себѣ.

1. *О порядкѣ.* Порядокъ называется склонность и стараніе дѣла свои такъ порядочно располагать и совершать, какъ ихъ качество само собою требуетъ, всѣ вещи свои на извѣстномъ нѣкоемъ мѣстѣ имѣть и оныя тамъ сохранять, чтобы всякую въ нужномъ случаѣ скоро и невредиму сыскать было можно.

Человѣку, который платье свое, обувь и проч. съ вечера на извѣстное нѣкое и обыкновенное мѣсто положитъ, поутру не будетъ нужды одного здѣсь, а другого индѣ искать; по окончаніи игры надлежитъ также все на прежнее мѣсто класть.

Въ домѣ, въ коемъ нѣтъ порядка, приходитъ все въ замѣшательство; въ таковомъ, что бы поутру сдѣлать надлежало, то въ полдень или подъ вечеръ исполняется. Тамо не знаютъ, кто дому господинъ или рабъ, госпожа или рабыня, кто поваръ или ключникъ.

2. *О трудолюбіи.* Кто всегда въ дѣлѣ упражняется, которое онъ по состоянію своему и по должностямъ званія своего отправлять долженъ, тотъ называется трудолюбивъ.

Трудолюбіе есть склонность и стараніе дѣлать то, чѣмъ кто себѣ и своимъ, по обстоятельствамъ состоянія своего, потребное содержаніе честно пріобрѣтаетъ, пріобрѣтенное же имѣніе праведно сохраняетъ. Трудъ и работа служатъ не только къ пріобрѣтенію нужнаго къ жизни, но и къ потребному ума и тѣлесной крѣпости упражненію, слѣдовательно и къ сохраненію здравія.

А какъ первое, такъ и второе къ произведенію человѣческаго совершенства способствуетъ, то и должность наша есть трудиться.

Работою же или трудомъ называемъ всѣ тѣ упражненія, которыя мы или ради себя, или ради другихъ предпринимаемъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ государствѣ нѣтъ ничего полезнѣе и нужнѣе трудолюбія и прилежанія подданныхъ, ничего же нѣтъ вредительнѣе лѣности и праздности. Лѣность лишаетъ даже здравія. Кто долго проспалъ, тотъ не весело идетъ на работу; пища же и питіе никогда толь пріятны не бываютъ, какъ по довольномъ движеніи. Любящій трудъ прилеженъ, а ненавидящій оный лѣнивъ. Трудъ есть должность наша, и какъ твердѣйшій щитъ противъ порока. Лѣнивый и праздный человѣкъ есть безполезное бремя земли и гнилой членъ общества.

3. *О довольствіи.* Довольство есть склонность и стараніе праведно пріобрѣтеннымъ имѣніемъ довольствоваться.

Убогой человѣкъ, который тѣмъ что̀ имѣетъ, доволенъ, гораздо щастливѣе богатаго, который всегда болѣе желаетъ и никогда не доволенъ.

Многіе уже сему примѣры въ свѣтѣ бывали, что люди никогда болѣе заботы не имѣли, какъ въ то время, когда имѣніе ихъ умножилось.

Что̀ Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся;
Чего же не дано, о томъ не сокрушайся.
На всякой степени пріятная есть часть,
На всякой степени есть также и напасть.
О смертный, не дерзай ты мыслью заблуждаться,
Чтобъ благость Божія могла тебя чуждаться.
Чего достойны мы, Богъ больше намъ даетъ;
А удаляетъ то всегда что̀ намъ во вредъ.

Довольный человѣкъ немного себѣ желаетъ, а поелику мало желаетъ, то часто больше получаетъ, нежели надѣется, и такъ часто причину къ нечаянной радости имѣетъ.

4. *О хозяйствѣ.* Хозяйство называется склонность и стараніе доходы свои такъ располагать, чтобы все нужное въ домѣ нашемъ водилось.

Въ хозяйствѣ недовольно того, чтобы стараться о пріобрѣтеніи честнаго достатка; но надлежитъ и о томъ думать, чтобы пріобрѣтенное сохранить и денегъ на ненужныя вещи не тратить.

Сколь бы родительское наслѣдство ни было велико, однако вскорѣ расточится, когда кто сохранять его не будетъ.

5. *О бережливости.* Бережливость называется склонность и стараніе имѣніе свое или нажитокъ такъ располагать, дабы за всѣми нужными издержками еще нѣчто оставить и будущія ради нужды отложить.

Понеже мы будущихъ намъ приключеній знать не можемъ, чрезъ которыя мы или имѣнія нашего лишиться, или къ пріобрѣтенію потребнаго неспособны быть можемъ: того ради должность наша есть и о

Библиотека "Руниверс"

таковыхъ приключеніяхъ помышлять, и отъ настоящаго имѣнія нѣчто сберегать, дабы въ случаѣ оныхъ нужды не претерпѣть.

Бережливый человѣкъ какъ отъ расточенія, такъ и отъ гнусныя скупости удаляется. Расточитель болѣе проживаетъ, нежели надобно, и сіе есть порокъ; а скупой всегда хочетъ скопить болѣе, нежели сколько ему безъ ущерба содержанія своего или благопристойности сберечь можно, и сіе равнымъ образомъ есть порокъ. Расточеніемъ сами себя у другихъ въ подозрѣніе приводимъ, что мы безразсудны; за скупость же почтутъ насъ подлыми, да и передъ самимъ Богомъ отвѣтъ мы дать повинны, когда дары, кои отъ превеликія Его благости пріяли, въ пользу нашу разумно употреблять не станемъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ чего убѣгать долженъ добродѣтельный.

1. *Безмѣрнаго самолюбія.* Кто о своемъ токмо покоѣ и пользѣ печется, хотя бы то и со вредомъ другого было, и кто такъ разсуждаетъ, тотъ мало друзей имѣть можетъ.

Какъ мы отнюдь не можемъ сами себѣ полнаго благосостоянія доставить, понеже опредѣлены чрезъ дружеской токмо съ прочими людьми союзъ благополучными быть: то и надлежитъ намъ въ разсуженіи всякаго человѣка имѣть такое поведеніе, какого мы сами отъ него взаимно ожидаемъ. Люди сами себя любятъ, того ради и насъ любить будутъ, когда увидятъ, что мы пользу ихъ наблюдать и желаніямъ ихъ способствовать станемъ. Когда же усмотрятъ, что мы не обинуемся ихъ оскорблять, тогда врагами своими насъ почтутъ и равное равнымъ намъ воздавать будутъ; и для того при всякомъ дѣлѣ нашемъ весьма прилежно намъ смотрѣть надлежитъ, каковое дѣйствіе оно въ сердцахъ ближнихъ нашихъ справедливо произвести можетъ, дабы всякое злое послѣдованіе рачительно предускорить.

2. *Гордости и спеси.* Отъ гордости и спеси воображаемъ мы себѣ, что мы лучше другихъ, и думаемъ, что другіе намъ много, мы же имъ не столько или и совсѣмъ ничѣмъ не одолжены.

Гордость ведетъ насъ къ ложному мнѣнію, что мы отлично премудры, богаты, прекрасны и добродѣтельны, или по крайней мѣрѣ въ таковыхъ преимущественныхъ обстоятельствахъ, что другіе ради того насъ предпочитать долженствуютъ, и что мы того по праву отъ нихъ требовать можемъ. Гордость предъ всѣми людьми мерзка, желаній своихъ не достигаетъ и дѣйствительному пріобрѣтенію воображаемыхъ преимуществъ препятствуетъ.

Библиотека "Руниверс"

Наилучшее средство противу гордости есть познаніе самого себя. Когда помыслимъ токмо, что совершенства наши въ глазахъ нашихъ всегда больше быть кажутся, нежели въ глазахъ другихъ, что многіе гораздо большія имѣютъ дарованія и что они гораздо большими уже опытами оныя засвидѣтельствовали, нежели мы: то не будетъ намъ причины мечтать о себѣ, что мы лучше другихъ.

3. *Тщеславія.* Тщеславіемъ называется безмѣрное къ чести стремленіе и желаніе болѣе почестей имѣть, нежели надлежитъ или получить можно. Кто не по достоинству насъ почитаетъ, тотъ ошибается или не знаетъ насъ. Намъ хотя и надлежитъ такъ поступать, дабы другіе познавали добрыя наши качества; но когда люди не признаютъ въ насъ оныхъ, тогда не должно намъ почитать себя обиженными и за то ихъ ненавидѣть, ниже о томъ досадовать, поелику все сіе не есть средство достоинство наше вѣдомымъ учинить.

Титла и похвалы суть обыкновенно суета. Разумный не взираетъ на то, каковый кто титулъ носитъ, но на достоинство токмо смотритъ. Когда онъ увидитъ достоинства въ человѣкѣ титла неимѣющемъ, то почитаетъ его болѣе всякаго титла имѣющаго, но недостойно оныя носящаго.

Тоже бываетъ и съ высокими отъ простого народа намъ даваемыми похвалами. Одинъ разумный можетъ лучше похвалить, нежели тысяча глупыхъ. Многіе токмо для того жадны къ деньгамъ, понеже видятъ, что простой народъ тѣмъ, которые богаты, особливое нѣкое отдаетъ высокопочитаніе. Однако да не превозносится тотъ имѣніемъ своимъ, который онаго заслугами своими не пріобрѣлъ. Часто и самая нищета похвальна, когда кто при ней разумомъ и добродѣтелью другихъ превосходитъ. Кто чести своей въ многоцѣнной одеждѣ ищетъ, тотъ по большей части отъ однихъ купцовъ и ремесленниковъ высоко почитается, поелику онъ доставляетъ имъ великую прибыль. Никто изъ разумныхъ ради одежды, отличающей насъ отъ другихъ, не почитаетъ насъ болѣе, но паче осмѣиваетъ, что чести въ таковыхъ суетахъ ищемъ.

4. *Подлости и небрежнія чести.* Подлость бываетъ въ людяхъ, кои въ истинной чести никакого удовольствія не находятъ, дѣлаютъ непристойныя дѣла или къ таковымъ поступкамъ склонны, кои приводятъ ихъ у разумныхъ людей въ презрѣніе. Человѣкъ имѣетъ подлыя мысли, когда ему нравятся хулы достойныя дѣла другихъ, когда охотно о нихъ говоритъ, и когда онъ самъ склоненъ таковыя дѣлать и о чужихъ погрѣшностяхъ съ охотою говорить, ихъ недостатки разглашать, ссоры, смуты и иныя непристойныя дѣла заводить, которыми у другихъ въ презрѣніе приходимъ. Юноша, который сіе охотно дѣлаетъ или въ товарищахъ своихъ нѣчто таковое похваляетъ и ихъ за то любитъ, подлъ

Библиотека "Руниверс"

и безъ сумнѣнія въ большихъ случаяхъ на худыя дѣла согласится, и чрезъ то навлечетъ на себя неблаговоленіе всѣхъ разумныхъ людей.

5. *Распутства.* Распутнымъ называется человѣкъ, который порокамъ и неистовствамъ преданъ.

Кто распутно живетъ, тотъ въ стыдъ и посмѣяніе впадаетъ, ослабляетъ тѣло свое, дѣлаетъ себя предъ Богомъ наказанія достойнымъ и предъ людьми ненавистнымъ. Критяне, когда хотѣли проклинать враговъ своихъ, желали имъ, дабы они беззаконными страстьми преодолѣны были или, что̀ все равно, дабы ввергнули себя въ несчастіе и посрамленіе.

6. *Грубости.* Грубость называется, когда дѣлаемъ то, что̀ другихъ оскорбляетъ или имъ противно и непріятно. Есть нѣкоторый родъ грубости, которая и самаго низкаго состоянія людямъ непростительна, да и Христіанству, повелѣвающему другъ друга честью предварять, противна, именно же ради того, что оная означаетъ сердце всякія любви лишенное. Рѣчи коими явное къ ближнему презрѣніе показывается, всякія поносительныя и язвительныя названія, хотя и подъ видомъ шутокъ даваемыя, грубостію называются. Сей порокъ рождаетъ въ ближнихъ нашихъ противу насъ негодованіе, потому что всякъ, кому грубость являемъ или кому и въ малыхъ услугахъ отказываемъ, можетъ изъ того усмотрѣть недоброхотство наше.

7. *Неучтивости.* Неучтивъ есть тотъ, кто небрежетъ къ другимъ быть почтительнымъ и вѣжливымъ и кто не дѣлаетъ того, что̀ благонравные люди равнаго съ нимъ состоянія дѣлать обыкли.

Правда, что мы отъ людей, въ младости своей къ тому непривыкшихъ, тончайшихъ правовъ требовать не можемъ; однако надлежитъ намъ всегда по крайней мѣрѣ столько учтивыми быть, сколько и другіе люди нашего званія.

Надобно всѣмъ людямъ по различію ихъ чина, старости и званія приличное почтеніе оказывать, и ни съ кѣмъ презрительнымъ образомъ не обходиться. Не должно говорить о томъ, чего другой охотно или не слушаетъ или не разумѣетъ; но должно сообразоваться другимъ и не требовать, чтобъ другіе во всемъ съ нами согласовались; и таковымъ образомъ, когда мы сіе станемъ исполнять, почтутъ насъ не токмо учтивыми, но еще ближніе наши станутъ насъ любить и почитать.

8. *Прекословія, презрѣнія, охужденія, осмѣянія, неснисходительнаго осужденія и клеветанія.*

Есть такіе люди, кои ни о комъ добраго говорить не могутъ. Когда токмо о малѣйшей чужой погрѣшности узнаютъ, то повсюду ее разглашаютъ, смѣются и радуются о томъ, что ближній ихъ погрѣшилъ. Они же часто лгутъ и многое сами выдумываютъ; таковые люди

Библиотека "Руниверс"

дѣйствительно сами себѣ вредны: ибо дѣлаютъ, что всякъ ихъ убѣгаетъ, и никто не хочетъ имъ помогать, ниже съ ними обходиться. Никому непріятно, чтобы кто худо объ немъ говорилъ, и всякъ ненавидитъ того, кто его такимъ образомъ или презрительнымъ или еще и нещастливымъ сдѣлалъ.

До сего надлежитъ и сіе, что мы иногда, изъ должнаго къ другимъ почтенія, принуждены бываемъ казаться, что отступаемъ отъ нашего мнѣнія (лишь бы то правдѣ или любви ближняго было непротивно), ибо въ противномъ случаѣ почтутъ насъ безразсудными, упрямыми и надменными, и чрезъ то мы потеряемъ ту благосклонность, которою пользовались у людей высшихъ степеней. Никогда не надобно забавлять собранія разсказами погрѣшностей другихъ людей. Когда кто о комъ нѣчто вредное разсказываетъ, то таковыя вѣсти или справедливы, или сомнительны. Буде они сомнительны, то надобно стараться разумнымъ образомъ таковое оглашеніе отъ того человѣка отвратить; буде же онѣ справедливы, то надобно показать свое сожалѣніе, что человѣкъ сей впалъ въ таковой проступокъ. При томъ надобно стараться погрѣшность его, представляя человѣческую слабость, сколько можно уменьшать и о собственныхъ своихъ недостаткахъ помнить.

9. *Самохвальства и хвастовства.* Понеже хвастовству рѣдко вѣрятъ, а долго никогда, и какъ скоро оное въ насъ узнаютъ, такъ скоро дѣлаемся мы смѣшными и презрительными: того ради надлежитъ сего порока убѣгать. Хвастовствомъ оскорбляемъ мы разумныхъ людей, поелику кажемся, что ихъ такими глупыми почитаемъ, какъ будто они не въ состояніи усмотрѣть въ насъ недостатка тѣхъ преимуществъ, о которыхъ мы ихъ увѣрить хотимъ.

10. *Лжи, проклинаній и клятвъ.* Когда бы всѣ люди разумны и добры были, то худыя слѣдствія лжи могли бы каждаго отъ сего порока отвратить. Однако, какъ много таковыхъ, кои столь глупы, что до неистовства упиваются, хотя и знаютъ, что они чрезъ то и здоровье свое повреждаютъ, и имѣнія лишаются; или которые столь лѣнивы, что ничего дѣлать не хотятъ, хотя и знаютъ, что чрезъ то въ бѣдность и недостатокъ впадаютъ: подобно тому много и таковыхъ, кои неправду говорятъ, хотя и вѣдаютъ, что чрезъ ложь вѣроятіе и довѣренность у другихъ людей теряютъ, и по обнаруженіи лжи своей повсюду гонимы и ненавидимы бываютъ.

Проклинанія и клятвы обыкновенно людьми напрасно употребляются.

Нѣкоторые люди, а особливо извозчики, думаютъ, что скотъ проклинанія болѣе слушается; однако причину того не въ проклинаніяхъ, но въ крѣпкомъ голосѣ искать надобно. Проклинанія ни къ чему не

Библиотека "Руниверс"

служать, какъ только показать другимъ, сколь мы сердиты и свирѣпы, и что въ сердцàхъ больше бы сдѣлать хотѣли, нежели въ самомъ дѣлѣ сдѣлать можемъ. Заклинанія душею и тому подобное суть безразсудныя и грѣшныя слова. Законъ Христіанскій ни волосомъ главы нашея клясться намъ не дозволяетъ; а тѣмъ менѣе должно намъ отваживаться при малѣйшихъ вещахъ душу свою въ залогъ отдавать.

11. *Не должно говорить о вещахъ, коихъ не разумѣемъ.* Когда разговоръ бываетъ о вещахъ, о коихъ мы ничего или очень мало разумѣемъ, то лучше всего молчать, и когда объ оныхъ васъ спросятъ, то надлежитъ вамъ въ незваніи нашемъ искренно признаться, для того что таковое признаніе никогда намъ не можетъ столько вредительно быть, сколько то, когда въ такіе разговоры вмѣшаемся, коихъ не разумѣемъ и изъ которыхъ часто со стыдомъ и посрамленіемъ узнаёмъ, что благоразумнѣе бы было, когда бы мы молчали.

12. *Рѣчей у другихъ не перебивать.* Когда кто говоритъ, а особливо кто старѣе или знатнѣе насъ, то великая неучтивость рѣчь у него перебивать. Когда дѣло твое не самой крайней важности и медленіе терпящее, то не должно никогда прежде начинать говорить, пока другой не перестанетъ.

13. *Невразумительности въ разговорѣ, крика и проч. избѣгать.* Надлежитъ намъ слова ни очень скоро, ни очень протяжно выговаривать, не пѣть, но говорить, голосъ свойству вещей согласно перемѣнять и всѣ слоги ясно произносить. Когда же мы для того рѣчей не договариваемъ, что не хотимъ взять на себя труда вразумительной и умной дать отвѣтъ: тогда таковая поступка по справедливости въ грубость вмѣниться можетъ.

ЧАСТЬ II.

О попеченіи тѣла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О здравіи.

1. *Здравіемъ тѣла нашего* называемъ мы то состояніе, когда тѣло наше свободно отъ всѣхъ недостатковъ и болѣзней.

Здравіе тѣла растворяетъ душу нашу радостію и дѣлаетъ обхожденіе наше съ искренними и разумными пріятелями веселымъ, а отправленіе должностей званія пріятнымъ. Хворость же дѣлаетъ насъ печальными, препятствуетъ въ обхожденіи съ добрыми друзьями, лишаетъ насъ случаевъ веселиться и наслаждаться различными творепіями природы въ различныя времена года, приводитъ васъ въ презрѣніе у дру-

Библиотека "Руниверс"

гихъ, когда болѣзнь наша происходитъ отъ насъ самихъ и нашей неумѣренности, и наконецъ ввергаетъ насъ съ домашними нашими въ нищету, бѣдствіе и смерть. И такъ слѣдуетъ изъ сего, что мы здравіе тѣла нашего должны сохранять.

2. Тѣло человѣческое подвержено многимъ припадкамъ, отъ коихъ происходятъ недостатки тѣлеснын, слабости и болѣзни. Съ нѣкоторыми изъ оныхъ люди рождаются на свѣтъ, и потому оные *наслѣдственны;* другіе же напротивъ того приключаются человѣку въ жизни, и потому оные *случайны.*

3. *Случайные тѣлесные недостатки, слабости и болѣзни,* коимъ мы подвержены, происходятъ:

а) Частію отъ другихъ людей

б) Частію отъ насъ самихъ

в) Частію также и отъ непредвидимыхъ несчастныхъ случаевъ.

4. *Причины болѣзней, кои мы получаемъ отъ другихъ суть слѣдующія:*

а) Неосторожность и небреженіе матерей, повивальныхъ бабокъ, кормилицъ и нянекъ.

б) Баловство при воспитаніи, когда дѣтямъ даютъ во всемъ волю, потакаютъ ихъ желаніямъ и прихотямъ; а за непослушаніе ихъ и упрямство либо совсѣмъ ихъ не наказываютъ, либо наказываютъ, но не въ пору.

в) Зараза отъ другихъ, когда какая ни есть болѣзнь отъ другихъ къ намъ прилипаетъ.

г) Безразсудное лѣченіе болѣзней, напримѣръ, когда больному даютъ пить въ горячкѣ горячіе напитки, отъ чего онъ можетъ легко придти въ бѣшенство и впасть даже въ самую крайнюю опасность жизни.

д) Легкомысліе, когда пугаютъ дѣтей чертями, домовыми и прочими ужасающими ихъ небылицами: ибо отъ сего происходятъ также разные и опасные припадки, какъ то радимцы и падучая болѣзнь.

е) Худые примѣры и соблазны на пирахъ или въ непозволительныхъ мѣстахъ и сходбищахъ.

5. *Причины болѣзней, отъ насъ происходящихъ, суть слѣдующія:*

а) Неумѣренность въ пищѣ и питіи.

б) Употребленіе незрѣлыхъ овощей и плодовъ, такожъ нездоровыхъ и для желудка тяжелыхъ яствъ.

в) Небреженіе отъ жара и стужи.

г) Сидѣніе или стояніе на сквозномъ вѣтру, а особливо когда разгорячимся.

д) Сырость и духота въ жилищахъ.

е) Жестокія страсти, какъ то гнѣвъ, печаль, горесть и прочія.

Библиотека "Руниверс"

ж) Всякая плотская нечистота, отъ коей рождаются страшныя, прилипчивыя и изъ рода въ родъ простирающіяся болѣзни.

з) Неосторожное употребленіе всякаго оружія и инструментовъ.

и) Неосторожность въ лазаньѣ, борьбѣ, прыганіи, подыманіи тяжести и проч.

і) Упущеніе пригодныхъ лѣкарствъ.

к) Неосторожное употребленіе хорошихъ лѣкарствъ и слѣпое употребленіе способовъ суевѣрныхъ.

6. *Непредвидимые несчастные случаи* бываютъ также почасту причиною тяжкихъ болѣзней, какъ то внезапный страхъ, нечаянный стыдъ, ударъ, паденіе, заразительный воздухъ и проч. Въ таковыхъ случаяхъ потребна бодрость духа.

7. *Правила воздержанія при необычайной жарѣ.* Ежели кто чувствуетъ себѣ какую ни въ есть болѣзнь, а особливо необычайный жаръ, тотъ долженъ только остаться въ покоѣ и удаляться рачительно отъ всѣхъ безмѣрностей, какого бы рода и имени они ни были; наиболѣе же всего беречься весьма теплыхъ и мягкихъ постелей и жаркихъ избъ, потому что свѣжій и умѣренный воздухъ есть въ семъ случаѣ первое лекарство. Буде больной не голоденъ, то не долженъ принуждать себя къ ѣдѣ; ибо явства, а особливо мясныя, бываютъ въ то время для него ядомъ и пищею болѣзни: желудокъ его въ несостояніи ихъ сварить, и потому причиняютъ онѣ тошноту и чрезъ нѣсколько часовъ переходятъ въ гниль.

8. *Правила воздержанія въ горячкахъ.* Въ болѣзняхъ, а особливо воспаменительныхъ, какъ то въ горячкахъ, употреблять надобно прохладительныя и кровочистительныя лѣкарства, къ которымъ принадлежитъ чистая, свѣжая (однако отнюдь не самая холодная вода), особливо же смѣшанная нѣсколько съ уксусомъ, или вареная съ ячменемъ или овсомъ, сыворотка и самые спѣлые сочные плоды, какъ напримѣръ клюква и тому подобное. Напротивъ того остерегаться всячески, когда жизнь намъ мила, чтобъ не употреблять жесткой, жирной и для желудка неудобоваримой пищи, какъ то мяса, а особливо копченаго, ветчины и пр.

9. *Правила воздержанія при отягченномъ и испорченномъ желудкѣ.* Ежели кто чувствуетъ необыкновенную слабость, и то жаръ, то ознобъ, жажду, тошноту, головную боль, отрыжку, нечистоту во рту и на языкѣ: то сіе есть вѣрный признакъ, что желудокъ его отягченъ и испорченъ, такъ что не можетъ болѣе варить пищи надлежащимъ образомъ. Тогда ищетъ онъ тщетно облегченія и помощи въ жаркихъ баняхъ, мазяхъ, увязываніи головы и окутываніи тѣла; тщетно утоляетъ тогда жажду виномъ и водкою, но лучше онъ себѣ поможетъ:

Библиотека "Руниверс"

а) Когда приметъ заранѣе пристойное рвотное или слабительное, которое желудокъ его очиститъ.

б) Когда воздержится нѣсколько времени отъ всякія пищи, а особливо отъ жесткія и неудобоваримыя, и вмѣсто того станетъ довольствоваться малымъ количествомъ жидкой похлебки.

в) Когда станетъ пить чистую и свѣжую воду, то она пособитъ скорѣе придти тѣлу его въ порядокъ и вымоетъ изъ него нечистоту.

10. *Правила объ оспѣ.* Оспа есть болѣзнь, приключающаяся каждому человѣку не только въ молодыхъ лѣтахъ, но и во всякомъ возрастѣ. Она всѣхъ болѣзней опаснѣе, потому что не токмо ужасно безобразитъ людей, но не рѣдко дѣлаетъ кривыми, а иногда и совсѣмъ слѣпыми. Родители сокрушаются безутѣшно о состояніи дѣтей своихъ, видя глаза ихъ осною заслѣпленные, уста же и языкъ едва голосъ произносящіе; а дѣти, претерпѣвая несносныя мученія, часто и жизни отъ того лишаются. Но естьли желаетъ кто дѣтей своихъ избавить отъ подобнаго мученія и не допустить до нихъ показанныхъ ужасныхъ слѣдствій оспы: тотъ да призоветъ заблаговременно врача, который бы здоровымъ еще дѣтямъ оную привилъ и сохранилъ бы чрезъ то красоту лица ихъ и здравіе, и отвратилъ опасность безвременныя смерти. Великій и безсмертныя славы достойный примѣръ на пользу человѣческому роду оказать въ семъ сонзволила блаженной памяти Государыня Императрица Екатерина Вторая въ свое царствованіе, употребивъ какъ надъ собственною своею особою, такъ и надъ своимъ высокимъ наслѣдіемъ спасительное средство прививанія оспы, которое съ того времени вошло въ употребленіе въ Россійской имперіи.

11. *Общія правила въ немощи.* Когда кто болѣзнь какую въ себѣ примѣтитъ, то долженъ избѣгать всего того что недугъ его умножить можетъ, и искать помощи и совѣта у искуснаго врача. Богъ дѣйствуетъ при томъ посредствомъ Своихъ тварей, такъ какъ и въ большей части другихъ случаевъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы во время болѣзней нашихъ прибѣгали къ Нему, просили у него очищенія грѣховъ нашихъ и пользовались лѣкарями и лѣкарствами *). Колдовства и другихъ суевѣрныхъ средствъ, какъ то заговора, нашептыванія, спрыскиванія, привѣсокъ и прочаго употреблять не должно: ибо сіе Богу противно

*) Чадо, въ болѣзни твоей не презирай, но молися Господеви, и Той тя исцѣлитъ; отступи отъ прегрѣшенія и направи руцѣ, и отъ всякаго грѣха очисти сердце твое, и даждь мѣсто врачу, Господь бо его созда, и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть. Сираха 38: 9, 10, 12.

Библиотека "Руниверс"

и заповѣдію Его именно запрещено [1]); врачей же ко исцѣленію больныхъ руководствуетъ самъ Богъ [2]).

12. *Правила о употребленіи лекарствъ.* Всѣ лекарства, кои Богъ намъ чрезъ искуснаго врача посылаетъ, употреблять надобно надлежащимъ образомъ и держаться точно предписаній врача своего, ибо:

а) Врачъ разумѣетъ болѣзнь нашу что намъ вредно и полезно.

б) Онъ знаетъ травы, цвѣтки, коренья и составы, и какъ и когда употреблять ихъ, чтобы они имѣли надлежащее дѣйствіе.

в) Аптекарь дѣлаетъ лѣкарства только по предписанію врача, и потому не должно вдаваться въ обманъ площадному вралю, который столь бестыдно всѣмъ тѣмъ себя называетъ, чѣмъ можетъ онъ только обмануть дураковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О благопристойности.

Римскій консулъ Цицеронъ сыну своему, въ Аѳинахъ учившемуся, слѣдующее между прочими далъ наставленіе *о благопристойности*: «Стоя, ходя, сидя и за столомъ, въ лицѣ, въ глазахъ и въ движеніяхъ рукъ должно имѣть пристойный видъ, а особливо такой, какому насъ сама природа научаетъ. При семъ особливо двухъ погрѣшностей остерегаться надлежитъ, первое: *весьма нѣжнаго и немужественнаго вида*; второе: *развратнаго и грубаго*».

1. *О походкѣ. Благопристойно ходимъ*, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ, однако непринужденнымъ и нечрезмѣрнымъ образомъ.

Когда не весьма малые и не весьма большіе шаги дѣлаемъ.

Когда шагая ноги поднимаемъ только такъ, чтобъ онѣ по землѣ не тащились, подошвы ногъ не очень возвышаемъ, а пальцы всегда нѣсколько къ землѣ притягиваемъ.

Когда прежде не на пяты, но на переднюю часть ноги ступаемъ, потомъ пяты тихо опуская, становимся. Симъ отвращается топаніе ногъ и стукъ, которой иные люди каблуками своими дѣлаютъ.

Непристойно ходимъ, когда ноги нѣсколько выворачиваемъ и лѣниво ихъ по землѣ тащимъ.

---

[1]) И душа, яже аще послѣдуетъ утробнымъ баснемъ или волхвомъ, яко соблудити въ слѣдъ ихъ, утверждю лице мое на душу ту и погублюю отъ людей ея. Левитъ: 20, 6. Чародѣй, обаваи обаваніемъ, утробоволхвуяй, и знаменопостроитель, и вопрошаяй мертвыхъ: есть бо мерзость Господеви Богу твоему всякъ творяй сія; сихъ бо ради мерзостей потребитъ я Господь Богъ твой отъ лица твоего. Второзак. 18. 11, 12.

[2]) Есть время, егда въ руку его (врача) благоуханіе: ибо и тіи Господеви молятся, да управитъ ихъ покой и исцѣленіе ради оздравленія. Сираха 38: 13, 14.

Библиотека "Руниверс"

Когда на пальцахъ ходимъ и ногами внутрь или на крестъ ступаемъ.

Когда шатаемся со стороны въ сторону, согнутыми колѣнами ходимъ, и направо и налѣво ступая, тѣло то на одну, то на другую сторону наклоняемъ что шатаньемъ называется.

Когда голову и тѣло спереди наклоняемъ и ходимъ такъ какъ будто чего потерянаго ищемъ.

Когда топаемъ или такъ крѣпко ступаемъ, что при всякомъ шагу большой стукъ дѣлаемъ.

2. *О стояніи.* Надлежитъ привыкать свободно, ни къ чему не прислонясь и прямо стоять, колѣна вытянуть и твердо держать, ноги ни очень близко вмѣстѣ и ни очень далеко одну отъ другой становить и нѣсколько выворачивать, голову отъ плечь поднимать и смотрѣть съ почтеніемъ на того, съ кѣмъ говоримъ. Ежели о чемъ спросятъ, то надобно скромно, вразумительно, кратко и хорошо отвѣтствовать а пустаго болтанья никогда не начинать, менѣе же всего при знатныхъ людяхъ.

3. *О сидѣніи.* Сидѣть надлежитъ смирно, ногами не махать, ни накрестъ ихъ не класть, ни подколѣнка одной ноги на колѣно другой. Сидя за столомъ, не надобно тѣломъ ни на столъ, ни на сосѣда своего наклоняться, а тѣмъ менѣе облакачиваться или класть локти на столъ. Можно положить иногда на столъ руки, но локтей не класть никогда, развѣ когда пишемъ. Спину же и голову должно привыкать держать прямо и ненаклонно.

4. *О колѣнопреклоненіи.* Когда молитву нашу съ колѣнопреклоненіемъ совершаемъ, то не должно ни къ чему прислоняться, но тѣло свободно и прямо, а не сгорбя, держать. Колѣна становить вмѣстѣ, а голеней не раздѣлять, передней части одной ноги на подошву другой не класть, но пяты назади вмѣстѣ ставить, а особливо не должно при колѣнопреклоненіи на голени садиться.

5. *О поклонахъ.* а) *Къ простымъ людямъ.* Учтивость требуетъ, чтобъ встрѣчающимся намъ знакомымъ, а особливо знатнымъ людямъ, ласково кланяться. Мущины, когда въ обѣихъ рукахъ ничего не несутъ, или инако препятствованы не бываютъ, должны всегда отдавать поклонъ свой снятіемъ съ головы шляпы или шапки, а женщины наклоненіемъ только головы. Таковое учтивство весьма не трудно, и для того надлежитъ оказывать оное и самаго низкаго состоянія людямъ, потому что правила нѣжливости того требуютъ, и чрезъ то названіе учтиваго человѣка получить себѣ можно.

б). *Къ знатнымъ людямъ.* Когда встрѣтимся со знатными людьми, то должно намъ, по состоянію и достоинству ихъ, болѣе или менѣе на-

Библиотека "Руниверс"

клониться, голову же не прежде покрывать, пока они совсѣмъ мимо насъ не пройдутъ. Ежели кому есть дѣло до таковыхъ особъ и чрезъ служителя имъ о насъ не объявлено, то должно у дверей постучаться или подождать въ передней, а вошедъ въ горницу поклониться.

6. *О благопристойности въ лицѣ.* Благопристойность заключается также весьма много въ наружномъ видѣ лица. Какъ доброе, такъ и злое сердце лицемъ часто изображается. И такъ къ исправленію наружнаго вида лучшій способъ есть исправленіе сердца. Хотя разность человѣческихъ лицъ не напрасною быть кажется, и оныя нѣкоторымъ образомъ къ познанію душъ зеркаломъ служить могутъ; однако никогда не должно совсѣмъ на то полагаться: ибо часто подъ ласковымъ и пріятнымъ видомъ лукавый льстецъ, а подъ темнымъ и мрачнымъ благороднѣйшая душа скрывается.

Въ движеніи лица надлежитъ всякія неблагопристойности убѣгать. Таковыя неблагопристойности суть: когда кто часто мигаетъ, то-есть рѣсницы то вверхъ поднимаетъ, то внизъ опускаетъ, легкомысленно и съ насмѣшкою на всѣ стороны смотритъ, языкъ изо рта высовываетъ или пальцы въ ротъ кладетъ, ротъ и глаза пялитъ, весьма громко капляетъ или зѣваетъ, не закрывая рта рукою, когда дерзко, безстыдно и забіячливо выступаетъ, въ носу ковыряетъ и презрительной, надмѣнной или сердитой видъ показываетъ.

7. *О благопристойности въ одеждѣ и прочихъ вещахъ.* Хотя платье, которое тѣло наше покрываетъ, и не составляетъ нашего достоинства, однако и то правда, что непристойная одежда подаетъ о человѣкѣ худое мнѣніе. Обычаи въ одеждѣ сами по себѣ ничто, но поелику они сдѣлались всеобщими и принятыми, то надобно имъ послѣдовать, и довольно, когда будемъ мы въ томъ ни первые, ни послѣдніе, ни новомодны, ни старомодны.

До сего надлежитъ опрятность. Лицо и руки должно умывать, ногти же обрѣзывать, а не кусать, голову въ чистотѣ содержать и волосы причесывать; а простымъ людямъ по крайней мѣрѣ такъ подстригать, чтобы они на глаза не висѣли, лучше же всего волосы заплетать и завязывать. Платье и обувь, какъ только время допуститъ, всегда чистить, однимъ словомъ, такъ одѣваться, чтобъ благонравіе наше всѣмъ людямъ, кои насъ знаютъ, извѣстно было. Также и во всемъ прочемъ опрятность около себя наблюдать, ибо она есть нужное свойство благосостоянія; а притомъ и здоровью много способствуетъ. И въ самомъ убожествѣ можно быть опрятну. Все что тѣло наше гнуснымъ дѣлаетъ также и здоровье наше повреждаетъ: отъ поту зачернившееся бѣлье причиняетъ сгустѣніе крови и гнилость; а чистое бѣлье какъ глазамъ пріятно, такъ и тѣло освѣжаетъ и укрѣпляетъ. Также холодная вода

Библиотека "Руниверс"

которою умываемся, укрѣпляетъ и жилы наши, и жизненныя въ насъ силы ободряетъ. Запертый и загустѣвшій воздухъ въ горницѣ, какъ обоняніе гнусенъ, такъ и легкое повреждаетъ и ослабляетъ. Сараніе то, отъ котораго бываютъ зубы наши бѣлы и дыханіе здорово, сохраняетъ ротъ отъ гнилостей и дурныхъ мокротъ. Есть великое множество болѣзней, кои отъ нечистоты тѣла раждаются; и для того надлежитъ, а особливо лѣтомъ, часто мыться, часто свѣжій воздухъ въ горницу впускать и пыль обметать, чтобъ дыханіемъ въ себя ея не глотать. Также не все безъ разбора ѣсть и пить, но прежде посмотрѣть, чисто ли оно и здорово.

ЧАСТЬ III.

О должностяхъ общественныхъ, на которые мы отъ Бога опредѣлены.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О союзѣ общественномъ вообще.

1. Всякой человѣкъ долженъ ближняго своего, то есть другихъ любить и имъ дѣлать столько добра, сколько онъ по обстоятельствамъ своимъ можетъ, для того что всякой человѣкъ тогожъ самаго отъ другихъ себѣ желаетъ.

2. То состояніе, въ которомъ все потребное къ нуждѣ и выгодѣ человѣческой жизни легко получить, спокойно онымъ владѣть и наслаждаться можно, называется *внѣшнимъ благополучіемъ*.

3. Люди безъ помощи другихъ не могутъ доставить сами себѣ всѣхъ надобностей и выгодъ жизни ради многихъ препятствій; слѣдственно не могутъ они привести сами себя въ состояніе внѣшняго благополучія, но потребно имъ къ тому содѣйствіе другихъ людей. Сіе подало причину, что многіе люди соединились въ одно общество, въ томъ намѣреніи, чтобъ другъ другу въ потребномъ къ ихъ нуждѣ и выгодѣ помогать.

4. Изъ сего слѣдуетъ, что мы должны тѣхъ, кои намъ къ сему внѣшняго благополучія состоянію или дѣйствительно помогаютъ, или помогать могутъ, любить, то есть имъ по возможности нашей оказывать добро и быть полезными, слѣдовательно и благополучія ихъ взаимно искать. И такъ *человѣколюбіе* есть основаніе общества.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О супружескомъ союзѣ.

1. Первой союзъ есть *супружескій*. Сей союзъ есть древнѣйшій, потому что Богъ самъ еще въ раю оной установилъ [1]). Намѣреніе и конецъ онаго есть рода человѣческаго продолженіе [2]).

2. Единъ токмо мужъ и едина токмо жена составляютъ сей союзъ [3]). Сіи должны другъ друга любить, другъ другу вѣрны быть [4]), вмѣстѣ пребывать, пока смерть ихъ не разлучитъ [5]).

3. Мужъ есть глава [6]); жена же помощница мужу [7]): она должна мужа почитать и бояться [8]), быть ему подчинена и въ домостроительствѣ помогать.

4. Мужъ съ женою своею долженъ не строго поступать, власти своей надъ нею во зло не употреблять; но любовно съ женою обходиться [9]); надлежитъ ему о пропитаніи и о снисканіи нужнаго стараться [10]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О союзѣ родителей и дѣтей.

Отъ перваго супружескаго союза, когда дѣти родятся, начинается другой, а именно: *Союзъ родителей и дѣтей.*

1. Родители, вообще сказать, должны о дѣтяхъ своихъ пепеченіе имѣть. Пока дѣти малы и не въ состояніи еще сами себѣ помогать,

---

[1]) И созда Господь Богъ ребро, еже взя отъ Адама, въ жену, и приведе ю ко Адаму. Быт. гл. 2, ст. 22.

[2]) Мужа и жену сотвори ихъ. И благослови ихъ Богъ глаголя: Раститеся и множитеся, и наполните землю. Быт. гл. 1, ст. 27, 28.

[3]) И будета два въ плоть едину. Быт. гл. 2, ст. 24.

[4]) Честна женитва во всѣхъ, и ложе нескверно, блудникомъ же и прелюбодѣемъ судитъ Богъ. Ко Евреямъ, гл. 13, ст. 4.

[5]) Жена привязана есть закономъ во елико время живетъ мужъ ея; аще же умретъ мужъ ея, свободна есть. Кор. гл. 7, ст. 39. Привязался ли еси женѣ, не ищи разрѣшенія. 1 Кор. гл. 7. ст. 27.

[6]) Къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ. Быт. гл. 3, ст. 16. Жены, своимъ мужемъ повинуйтеся, яко же Господу. Къ Ефес. гл. 5, ст. 22.

[7]) Сотворимъ ему помощника по нему. Быт. гл. 2, ст. 18.

[8]) Жена да боится своего мужа. Къ Ефес. гл. 5, ст. 33.

[9]) Мужіе, любите жены ваша, и не огорчайтеся къ нимъ. Къ Колос. гл. 3, ст. 19. Мужіе, вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко немощнѣйшему сосуду женскому воздающе честь. 1 Петр. гл. 3, ст. 7.

[10]) Любяй свою жену, себе самого любитъ. Никто же бо никогда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю. Къ Ефес. гл. 5, ст. 28, 29.

Библиотека "Руниверс"

родители должны ихъ кормить, воспитывать и имъ показывать то что имъ дѣлать надобно; для того, что дѣти сами еще не разумѣютъ что хорошо, или имъ дѣйствительно полезно, и что безъ попеченія и руководства родителей ради немощи своей ко снисхожденію и ради слабости тѣлесныхъ и душевныхъ силъ своихъ, были бы подвержены недостатку и многому вреду. Сіе попеченіе родителей о дѣтяхъ своихъ должно быть въ ихъ воспитаніи [1]); а воспитаніе въ томъ состоитъ, дабы дѣтей всякому добру наставлять [2]), всему что по обстоятельствамъ ихъ нужно, а особливо Закону Божію, или самимъ, или чрезъ другихъ, обучать [3]), добрые примѣры подавать, раждающееся въ нихъ зло отвращать [4]), и когда увѣщанія не пользуютъ, неупустительно наказывать [5]), однако не причиняя имъ вреда [6]), дабы безмѣрною строгостію не сдѣлать ихъ раздраженными и ожесточенными [7]). Надлежитъ родителямъ о томъ стараться, чтобъ дѣтямъ своимъ нѣкое имѣніе собрать и оставить [8]). Нерадѣніе родителей о семъ здѣсь упомянутомъ есть тяжкое преступленіе должностей ихъ [9]).

2. Но и дѣти имѣютъ весьма великое обязательство къ родителямъ своимъ: понеже жизнь свою отъ нихъ получили, то и должно имъ быть весьма къ нимъ благодарными. Они обязаны родителей своихъ почитать [10]), не токмо словами, но и сердцемъ и дѣломъ, и за то получаютъ

---

[1]) Отцы, воспитывайте чадъ вашихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Къ Ефес. гл. 6, ст. 4.

[2]) Вонми себѣ, и снабди душу твою зѣло; и не забуди всѣхъ словесъ, яже видѣста очи твои; да наставиши сыны твои. 5 кн. Моис. гл. 4, ст. 9.

[3]) И возлюбиши Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея, и да будутъ словесса сія, яже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь, въ сердцѣ твоемъ, и да накажеши ими сыны твоя. 5 кн. Моис. гл. 6, ст. 5, 6, 7.

[4]) И возвѣстихъ ему (Иліи), яко отмщу Азъ на домѣ его до вѣка въ неправдахъ сыновъ его, о нихъ же вѣдяше, яко злословиста Бога сынове его, и не наказа ихъ. 1 кн. Царствъ, гл. 3, ст. 13.

[5]) Не преставай младенца наказывати: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ отъ него. Притч. гл. 23, ст. 13. Иже щадитъ жезлъ свой, ненавидитъ сына своего: любяй же наказуетъ прилежно. Притч. гл. 3, ст. 25.

[6]) Наказуй сына твоего, тако бо будетъ благонадеженъ; въ досажденіе же не вземлися душею твоею. Притч. гл. 19, ст. 18.

[7]) Отцы, не раздражайте чадъ своихъ. Къ Ефес. гл. 6, ст. 4.

[8]) Не должна суть чада родителямъ снискати имѣнія, но родители чадомъ. 2 Кор. гл. 12, ст. 14.

[9]) Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ, не помышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть. 1 Тим. гл. 5, ст. 8.

[10]) Чти отца твоего и матерь твою, яко же заповѣда тебѣ Господь Богъ, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на земли. 5 кн. Моис. гл. 5, ст. 16. Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли. 2 кн. Моис. гл. 20, ст. 12.

Библиотека "Руниверс"

себѣ благословеніе Божіе [1]); они должны повиноваться [2]), и повиновеніе свое наипаче тѣмъ показывать, чтобы увѣщанія родителей своихъ принимать и наставленіямъ ихъ послѣдовать [3]). Дѣтямъ не должно сокрушать своихъ родителей, но стараться ихъ радовать [4]), не должно ихъ огорчать, ниже раздражать [5]), ни обижать [6]), ни презирать, или надъ ними насмѣхаться [7]), ниже клясть [8]), кольми паче подымать на нихъ дерзкую руку [9]), ни радоваться о приключающемся родителямъ ихъ злѣ [10]), но должно слабости ихъ, а наипаче въ старости, терпѣливо сносить и ласково съ ними обходиться [11]). Они должны стараться благословеніе своихъ родителей заслуживать, клятву же ихъ отъ себя отвращать [12]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О союзѣ господъ и слугъ.

1. Третій союзъ есть *союзъ господъ и слугъ*. Онъ состоитъ между господиномъ и рабами, домоначальникомъ и служителями обоего пола. Таковые союзы были безъ сомнѣнія еще отъ начала міра, потому что Авраамъ имѣлъ во Египтѣ рабовъ и рабынь.

---

[1]) Дѣломъ и словомъ чти отца твоего и матерь, да найдетъ ти благословеніе отъ нихъ. Сираха гл. 3, ст. 8.

[2]) Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно. Къ Ефес. гл. 6, ст. 1.

[3]) Сынъ благоразумный послушливъ отцу. Притч. гл. 13, ст. 1. Послушайте дѣти наказанія отца, и вниміте разумѣти помышленіе. Притч. гл. 4, ст. 1. Слыши, сыне, наказаніе отца твоего, и не отрини завѣтовъ матере твоея. Притч. гл. 1, ст. 8

[4]) Сынъ премудръ веселитъ отца; сынъ же безумецъ печаль матери. Прич. гл. 10. ст. 1.

[5]) Коль хуленъ оставляй отца, и проклятъ Господемъ раздражаяй матерь свою. Сир. гл. 3, ст. 16.

[6]) Безчествуяй отца и отрѣваяй матерь свою, срамоту пріиметъ и поношеніе. Притч. гл. 19, ст. 26.

[7]) Око ругающее отцу и досаждающее старости матери, да исторгнутъ е вранове отъ дебріе, и да спѣдятъ е птенцы орли. Притч. гл. 30, ст. 17.

[8]) Иже злословитъ отца своего, или матерь свою, смертію да умретъ. 2 кн. Моис. гл. 21, ст. 16.

[9]) Иже біетъ отца своего, или матерь свою, смертію да умретъ. 2 кн. Моис. гл. 21, ст. 15.

[10]) Не славися о безчестіи отца твоего, нѣсть бо ти слава отчее безславіе. Сир. гл. 3, ст. 10.

[11]) Чадо, заступи въ старости отца твоего и не оскорби его въ животѣ его; аще и разумомъ оскудѣваетъ, прощеніе имѣй, и не обезчести его всею крѣпостію твоею. Милость бо отца незабвенна будетъ. Сираха гл. 3, ст. 12, 13, 14.

[12]) Благословеніе отчее утверждаетъ домы чадъ, клятва же матерня искореняетъ до основанія. Сираха гл. 3, ст. 9.

Библиотека "Руниверс"

2. Общество сіе господъ и слугъ Богу отнюдь не противно; поелику есть заповѣди Божіи, кои какъ господамъ, такъ и слугамъ, свободнымъ и рабамъ, должности ихъ предписываютъ. Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, гл. 7, ст. 21, 22, 24, ясно о рабахъ и свободныхъ упоминаетъ, и каждаго изъ сихъ обоихъ состояніе увѣщаетъ и тако говоритъ: «Рабъ ли призванъ есть кто, да не печалится, рабъ въ купѣ и своболь во званіи своемъ да пребываетъ».

3. Господа и домоначальники не должны рабовъ своихъ и домашнихъ работами выше силъ ихъ отягощать, ниже требовать отъ нихъ болѣе того, къ чему они обязаны [1]). Они должны рабовъ своихъ и домашнихъ отъ всякаго зла отвращать и ко всякому добру [2]), а паче ко службѣ Божіей побуждать [3]), обходиться съ ними человѣколюбиво [4]), обыкновенную или обѣщанную имъ плату и хлѣбъ въ надлежащее время и безъ убавки выдавать [5]).

4. Рабы и слуги должны господъ своихъ и домоначальниковъ любить и почитать [6]), и по званіямъ своимъ повиноваться [7]), и притомъ не по наружному токмо виду, но искренно и отъ всего сердца [8]). Должныя службы обязаны они охотно и вѣрно, со тщаніемъ и въ надле-

---

[1]) Господіе, правду, и уравненіе рабомъ подавайте, вѣдяще яко и вы имате Господа на небесѣхъ. Къ Колос. гл. 4, ст. 1.

[2]) Вѣдяще, яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще своболь; и господіе таижде творите къ нимъ. Къ Ефес. гл. 6, ст. 8, 9.

[3]) Въ пятой книгѣ Моисеевой гл. 12, ст. 18 и гл. 16, ст. 14 повелѣваетъ Богъ господамъ смотрѣть за тѣмъ прилежно, чтобы рабы ихъ, такъ и они сами, соблюдали рачительно обычай закона. Въ новомъ же завѣтѣ хотя должность сія господамъ именно и не предписана; однако можно разумѣть ее изъ непрестанныхъ Христовыхъ и Апостольскихъ побужденій ко любви къ ближнему.

[4]) Послабляюще имъ прощенія, вѣдуще, яко и вамъ самимъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ, обиновенія лица нѣсть у него. Къ Ефес. Б. гл. 6, ст. 9. Не буди яко левъ въ дому твоемъ, и жестоконеистовъ въ рабѣхъ твоихъ. Сираха, гл. 7, ст. 34.

[5]) Да не прележитъ мзда наемника твоего у тебе до утрія. 3 кн. Моис. гл. 19, ст. 13 Да не лишиши мзды убогаго и требующаго отъ братіи твоея. Въ той же день да отдаси мзду ему, да не зайдетъ солнце ему яко убогъ есть и въ томъ имать надежду и да не возопіетъ на тя Господеви, и не будетъ тебѣ грѣхъ. 5 кн. Моис. гл. 24, ст. 14, 15.

[6]) Сынъ славитъ отца, и рабъ господина своего убоится. Малах. гл. 1, ст. 6. Елицы суть подъ игомъ рабы, своихъ господей всякія чести да сподобляютъ, да имя Божіе не хулится и ученіе. 1 Посл. къ Тим. гл. 6, ст. 1.

[7]) Рабы, послушайте господій своихъ по плоти со страхомъ и трепетомъ въ чистотѣ сердца вашего яко же Христа. Къ Ефес. гл. 6, ст. 5.

[8]) Не передъ очами точію работающе, яко человѣкоугодницы, но якоже рабы Христовы, творяще волю Божію отъ души. Къ Ефес. гл. 6, ст. 6. Рабы, послушайте по всему плотскихъ господій вашихъ, не предъ очима точію работающе, аки человѣкоугодницы, но въ простотѣ сердца, боящеся Бога. Къ Колос. гл. 3, ст. 22.

Библиотека "Руниверс"

жащее время, исправлять, дабы они господамъ и домоначальникамъ дѣйствительно полезны быть могли, и симъ обязаны они не токмо добрымъ, но и неправящимся имъ [1]). Также должны они господамъ и домоначальникамъ своимъ угождать, пользы ихъ всѣми силами искать и всякой вредъ отъ нихъ отвращать [2]), уреченною и опредѣленное платою довольствоваться, и ни подъ какимъ видомъ, будто бы болѣе заслуживали, ничего тайно себѣ не присвоять, и отъ оставшихся за господскими расходами денегъ ничего не удерживать и не утаивать.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О союзѣ гражданскомъ.

ЧЛЕНЪ I.

О гражданскомъ союзѣ вообще.

1. Четвертый родъ союза есть тотъ, въ которомъ многія семейства, соединившись вмѣстѣ, живутъ подъ одною державою и подъ одинакими законами совокупно. Таковые союзы или общества называются *гражданскими*, иначе же называются *народами*.

Сіи общества произошли различными образами, уставлены же одинакимъ. Иногда начальникъ многочисленнаго племени покорялъ себѣ насильно слабыхъ, иногда превосходныя свойства какого нибудь человѣка побуждали другихъ ему подчиниться и ввѣрить ему учрежденіе общаго имъ благосостоянія, или попеченіе о ихъ защитѣ, либо на короткое время, либо по смерть его, или и потомкамъ его, съ нѣкоторымъ или безъ всякаго изъятія. Бывали народы, да и нынѣ еще такіе есть, у коихъ многія особы о благосостояніи согражданъ своихъ пекутся, и туже власть имѣютъ, какую имѣетъ въ государствѣ Государь. Сіи общества называются *Республиками*.

2. Хотя бы тѣмъ или инымъ образомъ правленіе въ какой землѣ было установлено, однако въ каждой есть либо одинъ или многіе повелѣвающіе, коимъ прочіе должны повиноваться.

3. Повелѣвающія особы, во всѣхъ учрежденіяхъ своихъ, общее всѣхъ подданныхъ благополучіе намѣреніемъ себѣ поставляютъ. Они повелѣваютъ и запрещаютъ то, что каждой изъ подданныхъ самъ бы сталъ

---

[1]) Рабы, повинуйтеся во всякомъ страсѣ владыкамъ, не токмо благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ. 1 Посл. Петр. гл. 2, ст. 18.

[2]) Рабы (увѣщевай) своимъ господемъ повиноватися, во всемъ благоугодными быти, непрекословными, некрадущимъ, но вѣру всяку являющимъ благу, да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ. Къ Титу гл. 2, ст. 9, 10.

Библиотека "Руниверс"

дѣлать или не дѣлать, когда бы могъ въ общій союзъ всѣхъ обстоятельствъ проникнуть, и когда бы имѣлъ при томъ довольно просвѣщенія избирать то, что̀ можетъ утвердить его благополучіе.

4. Тѣ, кои повелѣніямъ верховныхъ начальниковъ подчинены, слѣдовательно имъ и повиноваться должны, то есть: *подданные* должны имѣть совершенную довѣренность къ высшему разуму верховныхъ своихъ начальниковъ, на благость ихъ полагаться и твердо уповать, что повелѣвающіе вѣдаютъ, что̀ государству, подданнымъ и вообще всему гражданскому обществу полезно, и что они ничего не желаютъ, кромѣ того, что̀ обществу за полезное признаютъ.

5. Ослушанія закону долженъ каждый подданный, какъ наибольшаго зла въ обществѣ, остерегаться; ибо чрезъ то полагается препятствіе тому общему добру, которое верховное начальство сохранить старается.

6. Всѣ правители державъ и верховные начальники не были бы то, ниже пребыли, что̀ они теперь суть, когда бы Богъ, Который все въ мірѣ семъ управляетъ, на то не соизволилъ. Сего ради, говоритъ намъ священное писаніе, что власти отъ Бога установлены [1]); установлены же для благосостоянія тѣхъ, коими онѣ повелѣваютъ.

ЧЛЕНЪ II.

О званіи и власти государей.

1. Правители державъ имѣютъ долгъ и власть для благосостоянія [2]) и безопасности подданныхъ своихъ *законы и уставы давать, о наблюденіи оныхъ пещися, правду и правосудіе хранить и содержать* [3]), *преступниковъ и злодѣевъ наказывать* [4]), *жизнь и имѣніе подданныхъ противъ неправедныхъ обидъ защищать и непріятельскимъ нападеніямъ другихъ сильно противустоять* [5]).

2. Правители державъ, имѣя власть отъ Бога, стараются еще и о томъ, *дабы подданные ихъ научены и наставлены были въ тѣхъ должно-*

---

[1]) Нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть. Къ Римл. гл. 17. ст. 1.

[2]) Божій бо слуга есть (власть) тебѣ во благое. Къ Римл. гл. 13, ст. 4.

[3]) Боже судъ твой Цареви даждь—судити людемъ Твоимъ въ правдѣ.—Яко избави нища отъ сильна, и убога, ему же не бѣ помощника.—Отъ лихвы и отъ неправды избавитъ души ихъ. Псал. 71. ст. 1, 2, 12, 14.

[4]) Князи не суть боязнь добрымъ дѣламъ, но злымъ. Къ Римл. гл. 13. ст. 3.

[5]) Не безъ ума мечь носитъ, Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему. Къ Римл. гл. 13. ст. 4, 5.

Библиотека "Руниверс"

стяхъ, кои законъ Божій налагаетъ, безъ исполненія которыхъ вѣчнаго блаженства получить не можно: ибо не довольно быть временно благополучнымъ; но человѣкъ, въ тѣлѣ котораго безсмертная душа обитаетъ, долженъ помышлять и о вѣчномъ блаженствѣ.

3. *Правители державъ благополучіе подданныхъ своихъ различными образами производятъ*:

Даютъ имъ законы, то есть, верховною властію сочиненныя и надлежащимъ образомъ обнародованныя предписанія, опредѣляющія что дѣлать и чего не дѣлать. Они означаютъ что праведно или неправедно; опредѣляютъ, чѣмъ подданный государству, и каждый гражданинъ другому обязаны; не дозволяютъ, чтобъ одинъ вредилъ другому, и дѣлаютъ каждаго безопаснымъ во владѣніи. Жизнь, честь, имѣніе или собственность каждаго законами защищаются, случающіяся обиды ими отвращаются, и обиженному правосудіе и удовлетвореніе доставляется.

Понеже государство столь пространно, и составляющихъ оное людей столь много, что Государю невозможно одному за сохраненіемъ законовъ усмотрѣть, самому всѣхъ судить и бываемыя жалобы разсматривать: то и нужно было многихъ другихъ къ правленію дѣлъ государственныхъ опредѣлить. Великое разстояніе большей части подданныхъ отъ Государя требовало, дабы и во многихъ мѣстахъ таковыя власти были установлены; а сіи должны быть какъ одна другой, такъ и всѣ вообще Государю подчинены, дабы подданные жалобы свои отчасти съ меньшимъ трудомъ производить, отчасти же и дѣла ихъ многими судьями тѣмъ безпристрастнѣе судимы быть могли.

4. *Правители державъ защищаютъ подданныхъ своихъ отъ непріятелей*. Къ тому избираютъ они изъ общества людей, кои бодрѣе, моложе, выше и сильнѣе, дабы они къ защищенію прочихъ и къ сохраненію всѣхъ въ государствѣ учиненныхъ установленій противъ непріятеля служили; а во время мира во всемъ томъ упражнялись что имъ во время войны дѣлать надобно, и отъ сего нынѣшніе *солдаты* начало свое получили.

При таковомъ учрежденіи, всѣ прочіе члены общества имѣютъ ту пользу, что они и во время войны ремесла свои спокойно отправлять и земли пахать могутъ. Всѣ сдѣланныя добрыя учрежденія будутъ отъ того (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыя непріятельскія войска еще не вступили) сохранены въ своемъ порядкѣ и теченіи.

5. Попеченіе державствующаго простирается не токмо до того чтобъ подданныхъ своихъ какъ отъ внѣшнихъ непріятелей, такъ и отъ обидъ другихъ согражданъ защищать и въ правахъ и въ спокойномъ владѣніи имѣнія ихъ сохранять; но *онъ старается еще многими другими образами доставить имъ благосостояніе.*

Библиотека "Руниверс"

Чего подданные особенно сами собою сдѣлать не могутъ, то Государь всего общества силами, употребленіемъ полезныхъ къ тому средствъ и способныхъ людей совершить можетъ: на большихъ рѣкахъ плотины поставить и тѣмъ наводненія отвратить, удобныя дороги сдѣлать, пристанища для морского купечества построить, запасные дворы на случай голода и нужды наполнить, многаго иждивенія требующія предпріятія въ дѣйство произвести, дабы трудамъ подданныхъ прибыль, а плодамъ земнымъ достойную цѣну доставить. Науки, художества и всякія ремесла въ цвѣтущее состояніе привести и безчисленныя иныя государству полезныя дѣла совершить, одни только Государи въ состояніи, и добрые Государи всегда прилагали о томъ великое попеченіе.

ЧЛЕНЪ III.

О обязательствахъ подданныхъ вообще.

1. *Подданные* называются всѣ находящіеся въ государствѣ люди, кои Государю или правящимъ особамъ повинуются.

2. *Подданные* суть различнаго состоянія; иные изъ нихъ *знатные*, иные же *низкіе*.

Между *низкими* есть свободные люди; есть же и такіе, кои господамъ своимъ службою, нѣкоторыми податьми и иными различными образами обязаны, отчасти же и такъ присвоены, что ни они сами, ни дѣти ихъ безъ соизволенія господъ съ того мѣста, гдѣ они живутъ, на другое переселиться не могутъ.

3. *Знатные подданные* государства суть тѣ, кои имѣніемъ своимъ, просвѣщеніемъ и способностями отъ другихъ отмѣнны; а отличаются они не токмо высокими названіями, но и тѣмъ, что къ службѣ государства различными образами употребляются.

4. Всѣ подданные или члены общества обязаны правителей своихъ, за благодѣянія и покровительство отъ нихъ получаемое, почитать [1]), Богу о нихъ молиться [2]), законамъ и уставамъ ихъ повиноваться [3]). Подати и службы, безъ которыхъ правители державъ общаго благосостоянія и безопасности сохранить не могутъ, должны подданные,

---

[1]) Всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бойтеся, Царя чтите. 1 посл. Петр. гл. 2, ст. 17.

[2]) Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. 1 посл. къ Тим. 2, 1.

[3]) Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется. Противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ. Къ Рим. гл. 13, ст. 1, 2.

Библиотека "Руниверс"

такъ какъ оныя на нихъ возложены, доброхотно и усердно давать [1]) не отъ страха наказаній, но для того, что въ совѣсти предъ Богомъ къ тому обязаны [2]). Каждый подданный долженъ оказывать почтеніе, любовь, послушаніе и вѣрность не токмо державствующему, но и опредѣленнымъ и установленнымъ отъ него меньшимъ властямъ [3]).

5. Вообще долгъ каждаго подданнаго есть быть послушну, по введеннымъ законамъ себя управлять и оныя высоко почитать; въ обидѣ отъ другаго, или въ ссорѣ своей съ другимъ, не самому за себя отомщевать и по своему хотѣнію поступать, но (лишь бы то не отъ злобы происходило) искать помощи отъ власти, и жалобы свои по предписанному порядку производить; а въ ожиданіи рѣшенія быть спокойну и по приговору судьи себя располагать.

6. Какъ частные люди и граждане государства могутъ между собою ссориться, такъ и цѣлые народы или владѣтели ихъ могутъ отъ различныхъ причинъ впадать между собою въ распри; но сіи послѣднія распри обыкновенными судьями рѣшиться не могутъ, ибо нѣтъ такихъ людей, кои бы цѣлые народы судили. Въ таковыхъ случаяхъ бываетъ война: впавшіе въ ссору народы другъ противъ друга непріятельски поступаютъ; одинъ на другаго землю нападаютъ, осаждаютъ и берутъ города, выжигаютъ мѣста, отнимаютъ жатвы у обывателей, отводятъ людей и скотъ въ плѣнъ, между собою сражаются и дѣлаютъ другъ другу столько вреда, сколько могутъ.

7. Таковое всѣхъ гражданъ постигшее зло или война требуетъ, чтобъ и всѣ по силѣ своей старалися сопротивленіе дѣлать, общество защищать и дѣлаемымъ къ защищенію Государя пріуготовленіямъ усердно способствовать.

8. Въ древнія времена въ таковыхъ случаяхъ каждый бралъ оружіе, да и нынѣ есть еще такіе народы, у которыхъ всѣ граждане военные люди; а другіе есть такіе, гдѣ все дворянство оружіе принять, противъ непріятеля итти и на собственномъ иждивеніи въ походѣ нѣкоторое время выслужить обязано.

9. Когда непріятель не скоро прогнанъ бывалъ, и война долго продолжалась, то государство крайне отъ того претерпѣвало, поля не

---

[1]) Сего ради и дани дасте: служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе. Воздадите убо всѣмъ должная: ему же убо урокъ, урокъ; а ему же дань, дань. Къ Римл. гл. 13, ст. 6, 7.

[2]) Потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть. Къ Римл. гл. 13, ст. 5

[3]) Повинитеся убо всякому человѣчу начальству Господи ради: аще Царю яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ, яко тако есть воля Божія благотворящимъ обуздовати безумныхъ человѣкъ невѣжество. 1 посл. Петр. гл. 2, ст. 13, 14, 15.

Библиотека "Руниверс"

были вспаханы, ремесла и прочія упражненія оставлялись, и вредъ отъ того былъ столь великъ, что часто во многіе вѣки его чувствовали.

10. Чѣмъ болѣе и сильнѣе по времени становились государства, тѣмъ многочисленнѣе становились и званія въ обществахъ. Различныя званія доставляли другъ другу отъ часу болѣе выгодъ, и тогда походъ казался уже тѣмъ труднѣе, чѣмъ болѣе привыкли къ симъ выгодамъ; а таковыхъ надобно было лишаться, когда нужда настояла итти противу непріятеля.

11. Всѣ сіи здѣсь упомянутыя обстоятельства вообще подали поводъ къ учрежденію особеннаго состоянія людей, которые бы при извѣстномъ нужномъ содержаніи, честію и награжденіями будучи ободряемы, всегда вооружены были и отечество защищали.

12. Таковое людей военныхъ сдѣланное для благосостоянія государства учрежденіе требуетъ между тѣмъ великаго иждивенія: ибо солдату надобно получать жалованье, одежду, оружіе, жилище и пропитаніе. Сверхъ того война требуетъ еще великаго иждивенія, напримѣръ: повозокъ, поставокъ знатнаго запаса и прочаго. По справедливости должно тѣмъ, кои отъ защищенія пользу имѣютъ, сіе иждивеніе платить и иными различными образами къ тому способствовать, дабы не быть принужденными выходить самимъ на защищеніе свое.

13. И для того какъ господа, такъ и частныя семейства земскихъ обывателей должны тому сообразоваться, когда Государь кого изъ принадлежащихъ имъ людей для службы военной возметъ; а тѣ, кои таковымъ образомъ взяты бываютъ, должны къ новому своему состоянію привыкать и въ ономъ вѣрно и честно служить, не щадя своей жизни. Должны они почитать себя сочленами общества съ подданными той земли, для защищенія которой они опредѣлены, безчинно не поступать и никакой обиды имъ не дѣлать; также и во время войны всего противъ обывателя непріятельской земли за дозволенное себѣ не почитать, и частнымъ людямъ, кои и безъ того довольно отъ войны несчастливы, личнаго или въ имѣніи ихъ вреда болѣе не дѣлать, какъ отъ установленныхъ надъ ними военныхъ начальниковъ предписано.

Отъ неистовствъ же для отмщенія или сребролюбія, или отъ другихъ безчинствъ должны себя люди военные воздерживать и опредѣленнымъ своимъ жалованьемъ довольствоваться. Кои не такъ поступаютъ, какъ предписано, тѣ согрѣшаютъ тяжко противъ Бога и ближняго, потому что ни званіе ихъ, ни война не даютъ имъ власти быть свирѣпыми и жестокими.

14. Для дальнѣйшаго благополучія подданныхъ, которое Государь основываетъ на разныхъ способахъ и заведеніяхъ, требуется также великое иждивеніе и немалое содѣйствіе отъ подданныхъ. По справед-

Библиотека "Руниверс"

лвости должны они способствовать къ сему иждивенію, и что̀ кромѣ сего къ содѣйствію или къ службѣ потребно доброхотно давать, потому что они отъ того пользу имѣютъ; и такъ должны они положенныя дани и всякаго званія подати усердно платить. Сіи подати налагаются всегда на каждаго по мѣрѣ государственныхъ надобностей.

15. Тѣ подданные, коихъ Государь для сбору податей опредѣляетъ, должны съ великою вѣрностью по данному имъ предписанію поступать, ни отъ кого, кто долженъ платить, болѣе положеннаго не требовать; а изъ собраннаго ничего себѣ не удерживать, но все вѣрно въ надлежащее мѣсто отдавать.

16. Подобнымъ же образомъ должны и тѣ подданные поступать, коихъ Государь къ другимъ дѣламъ употребляетъ. Они должны исправлять то что на нихъ возложено со всякою вѣрностію, по совѣсти и такъ какъ отъ нихъ требуется; непростительно же изъ корыстолюбія, изъ чрезмѣрной любви къ покою, или ради другихъ причинъ, ввѣренныя дѣла пренебрегать.

17. Всѣ сочлены гражданскаго общества должны о благосостояніи онаго усердно стараться, охотно къ тому способствовать что верховная власть повелѣваетъ; всѣ учрежденія ея почитать, хотя бы и нѣкоторой убытокъ отъ того понесли, и хотя бы не усматривали, какъ оными общее благосостояніе споспѣшествуются. О верховныхъ властяхъ надлежитъ намъ разсуждать, что онѣ по большому свѣдѣнію обстоятельствъ все то разумѣютъ и что онѣ при уставахъ и учрежденіяхъ своихъ другаго намѣренія не имѣютъ, кромѣ пользы общества; и такъ противъ учрежденій верховныхъ властей роптать, или во зло оныя толковать весьма неправедно и наказанія достойно.

Буде кто изъ подданныхъ имѣетъ какое доброе изобрѣтеніе или предложеніе, чѣмъ обществу польза сдѣлаться или вредъ отъ онаго отвратиться можетъ; то ему не иное что дозволяется, какъ объявить предложеніе свое верховной власти, послѣдованія отъ оной ожидать, а между тѣмъ быть спокойну, да и тогда не оскорбляться когда предложеніе его не будетъ уважено. Подданные, кои по сему мыслятъ и поступаютъ, о благосостояніи отечества радуются, преимущества онаго и добрыя учрежденія признаютъ, почитаютъ и по возможности своей оныя сохранять и исполнять стараются, называются *истинными сынами отечества.*

Библиотека "Руниверс"

ЧЛЕНЪ IV.

О любви къ отечеству.

СТАТЬЯ 1.

О любви къ отечеству вообще.

1. Между склонностями къ добродѣтели и дѣлами добраго гражданина считается особливо любовь къ отечеству и дѣйствія оной. Большая часть великихъ дѣйствій древнихъ Грековъ и Римлянъ, коимъ по нынѣ мы еще удивляемся и которыя мы другъ другу въ примѣръ къ подражанію представляемъ, была слѣдствіемъ и дѣйствіемъ любви ихъ къ отечеству. Въ книгахъ историческихъ находятся знаменитыя и почти невѣроятныя дѣйствія добродѣтельныхъ сыновъ отечества. Симъ именемъ называютъ людей обоего пола и всякаго состоянія, кои отечество свое почитаютъ, о благѣ его пекутся, при благосостояніи его чувствуютъ истинное удовольствіе, въ несчастіяхъ и опасностяхъ не пребываютъ равнодушны, но сколько можно благополучію и спасенію отечества споспѣшествуютъ.

2. Люди сіи, коимъ давали почтенное названіе сыновъ отечества, показывали любовь къ отечеству разными образами. Нѣкоторые предпринимали для блага отечества полезныя, хотя и весьма трудныя дѣла и старалися, не взирая ни на какія препятствія, приводить оныя къ окончанію; другіе сносили постоянно и великодушно всѣ заключенія и обиды для пользы общей и благосостоянія своего отечества. Не было ничего столь любезнаго и пріятнаго для другихъ, чѣмъ бы они не пожертвовали отечеству. Многіе не устрашилися никакихъ опасностей, даже на смерть шествовали смѣло, и сносили равнодушно смерть свойственниковъ своихъ, жертвовавшихъ жизнію любезному своему отечеству.

3. Много есть такихъ людей, коихъ въ семъ почти увѣрить невозможно, потому что въ наши времена таковые примѣры или не столь часто, или не столь много встрѣчаются, какъ бывало въ древнія времена. Нѣкоторые думаютъ, что любовь къ отечеству есть такая гражданская добродѣтель, которая свойственнѣе вольному обществу или *Республикѣ* *) нежели Монархіи, или что въ Республикѣ по крайней

*) Республикою называется такое государство, въ коемъ многіе или благородные или изъ народа выбранные управляютъ; таковое государство называется *вольнымъ* потому, что свободно оно отъ единодержавія, и что верховная власть раздѣлена во многихъ рукахъ. *Монархическимъ* же государствомъ называется такая земля, гдѣ верховная власть въ рукахъ единаго Государя.

Библиотека "Руниверс"

мѣрѣ болѣе поводовъ и побужденій къ тому находится; но все сіе весьма несправедливо: ибо, если гдѣ въ нынѣшнее время и окажется меньше любви къ отечеству, нежели въ древности, то сему не образъ государственнаго правленія, но недостатки въ воспитаніи причиною бываютъ, которые какъ скоро будутъ уничтожены, то и въ наши времена окажется также великое число истинныхъ сыновъ отечества.

4. И для сего нужно дѣлать тоже, что̀ дѣлали Римляне, а особливо древніе Греки. Греки почитали воспитаніе дѣтей государственнымъ предметомъ: верховные начальники имѣли о нихъ попеченіе и устраивали воспитаніе; но и не оставляли онаго никогда на произволъ однихъ родителей, несмотря на то, что многіе изъ оныхъ довольно вѣдали долгъ свой, чтобы воспитывать дѣтей своихъ не только для самихъ себя, но и для общества. Тѣ же, коимъ воспитаніе препоручено было отъ государства, тщилися возбудить въ юношествѣ вниманіе къ выгодамъ отечества: они представляли имъ пользу государственныхъ учрежденій, пріобучали юношество примѣчать совершенства оныхъ, почитать и проникать всѣ выгоды, коими каждый въ отечествѣ своемъ наслаждаться можетъ; не забывали также повѣствовать имъ о славныхъ дѣлахъ сыновъ отечества и оныхъ примѣрами возжигать въ нихъ ревность къ подражанію. Все сіе дѣлало сильное впечатлѣніе въ юношествѣ; оно было поощряемо какъ добрыми и полезными такъ и благородными дѣйствіями, чувствовало удовольствіе и не могло удержаться, чтобъ не любить и не дѣлать того, что̀ почитало за благородное и полезное.

5. Ежели станутъ въ наши времена поступать съ юношествомъ такимъ же образомъ, то возбудятъ въ нихъ по примѣру древнихъ любовь къ отечеству, и тогда подданные монархическаго государства будутъ тоже дѣлать, чему удивляемся мы въ сынахъ отечества древнихъ свободныхъ областей.

Статья 2.

Что подъ именемъ отечества и любви къ отечеству разумѣется?

1. О томъ что называется отечество вообще, имѣютъ весьма несправедливыя понятія: почти никогда, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко, представляютъ себѣ при семъ словѣ то, что̀. должно разумѣть, когда говорится о любви къ отечеству.

2. Въ собственномъ знаменованіи *отечество* есть то великое общество, котораго кто сочленомъ, то есть то государство, коему кто поддань или по мѣсту своего рожденія, или по преселенію своему и жительству.

Библиотека "Руниверс"

3. Таковое великое общество иногда простирается чрезъ многія земли, называется по тому отечествомъ, что въ немъ благо всѣхъ жителей или сочленовъ, одною властію или законами такъ содержится и споспѣшествуется, какъ въ домѣ благо чадъ попеченіемъ отеческимъ устроевается, и по сему всѣ тѣ, кои подчинены одному правительству или одной верховной власти, суть сыны одного отечества.

4. Какъ члены или жители одного государства всѣ вообще имѣютъ одинакія права на выгоды, доставляемыя каждаго состоянія людямъ законами и образомъ правленія; то и они должны съ своей стороны имѣть одинакія честныя чувствованія и къ отечеству усердную привязанность.

5. Истинный сынъ отечества долженъ привязанъ быть къ государству, образу правленія, къ начальству и къ законамъ. *Любовь къ отечеству* состоитъ въ томъ, дабы мы почтеніе и благодарность являли къ правительству, чтобы покорялись законамъ, учрежденіямъ и добрымъ нравамъ общества, въ коемъ мы живемъ, чтобы уважали выгоды отечества, употребляли оныя къ общей пользѣ, и по возможности тщились бы ихъ сдѣлать совершеннѣе, дабы принимали мы участіе во славѣ того общества, коего мы сочленами, и ревностно бы старались о благѣ онаго.

Статья 3.

Отчего происходитъ любовь къ отечеству?

1. Когда любовь къ отечеству въ томъ состоитъ, чтобы мы Государю, начальству и законамъ общества, въ коемъ мы живемъ, усердно покорялись; то смотрѣть намъ должно, что любовь къ отечеству въ сердцахъ нашихъ производитъ.

2. Правда, что любовь къ отечеству основывается на любви къ ближнему, предписываемой весьма сильно самимъ Священнымъ Писаніемъ; но какъ не нарушая всеобщей любви ко ближнему, тоже Священное Писаніе обязываетъ насъ промышлять о сродникахъ нашихъ болѣе, нежели о другихъ, да и самымъ естественнымъ побужденіемъ дѣти любятъ родителей своихъ, а братья другъ друга, горячѣе нежели прочихъ, по ближайшему своему союзу; такъ и члены одного государства обязаны любить болѣе Государя своего и согражданъ своихъ, съ коими они соединены тѣснѣйшимъ союзомъ, нежели съ чужимъ государемъ и его подданными.

3. Всякъ знаетъ, что родитель печется отвращать всѣ опасности отъ дѣтей своихъ; но и Государь, какъ общій чадолюбивый отецъ, доставляетъ безопасность всему государству отъ внѣшнихъ враговъ. Родитель содержитъ между дѣтьми порядокъ и согласіе; Государь же

Библиотека "Руниверс"

наблюденіемъ правосудія защищаетъ каждаго подданнаго, обидимаго неправеднымъ образомъ отъ согражданъ своихъ. Родитель доставляетъ дѣтямъ разныя надобности и выгоды; Государь также распространяетъ повсюду порядокъ, изобиліе и выгоды, каждому состоянію приличествующія.

4. Родитель избираетъ людей, дабы научить дѣтей своихъ всякому добру и, не оставляя ихъ безъ помощи, содѣлываетъ благополучіе ихъ, лишаяся даже своего спокойствія и своихъ забавъ; да и Государь употребляетъ разныхъ способныхъ особъ для достиженія великихъ, всему государству полезныхъ, намѣреній, внимаетъ просьбамъ подданныхъ и не скучаетъ отъ трудовъ, повелѣвая представлять себѣ оныя изустно или письменно; не оставляетъ никого безъ помощи, поколику ему можно, и лишаетъ себя покоя, забавъ и выгодъ для доставленія спокойствія и выгодъ подданнымъ своимъ.

5. Когда же родитель для вышереченныхъ, дѣтямъ оказываемыхъ выгодъ, отъ дѣтей своихъ особливо любимъ бываетъ: то по истинѣ и Государь заслуживаетъ любовь отъ своихъ подданныхъ тѣмъ паче, чѣмъ важнѣе являемыя имъ благодѣянія.

СТАТЬЯ 4.

Чѣмъ надлежитъ являть любовь къ отечеству вообще?

1. Общее благополучіе членовъ государства есть цѣль всякаго правленія. Сіе благополучіе теряютъ подданные, когда не въ надлежащемъ порядкѣ и почтеніи находится правленіе; изъ чего слѣдуетъ, что *первая должность* сына отечества есть *не говорить и не дѣлать ничего предосудительнаго въ разсужденіи правительства*, и потому всякіе возмутительные поступки, какъ-то: роптаніе, худыя разсужденія, поносительныя и дерзкія слова противъ государственнаго учрежденія и правленія суть преступленія противъ отечества и строгаго наказанія достойны.

2. Законы суть учрежденія, коими опредѣляется что правительство почитаетъ полезнымъ для благосостоянія государства; и такъ *повиновеніе* есть *вторая должность* сына отечества. Каждый обязанъ повиноваться и въ такомъ случаѣ, когда повиновеніе кажется быть тяжко и когда думается, что законамъ инаковымъ быть бы долженствовало.

3. Всеобщее благополучіе въ государствѣ часто инако пріобрѣстися не можетъ, чтобы при томъ нѣкоторые люди не почувствовали какого нибудь отягченія; но всеобщее благо должно предпочитаемо быть частному. Частные люди не могутъ въ государствѣ всего видѣть и довольно вѣдать объ обстоятельствахъ онаго, дабы справедливо разсуж-

Библиотека "Руниверс"

дать могли, какимъ образомъ тотъ или другой законъ споспѣшествуетъ ко всеобщему или частному благу. Начальники могутъ и долженствуютъ все сіе лучше и основательнѣе знать; почему *упованіе на прозорливость и праводушіе правителей* есть *третья должность* сына отечества.

4. Повиновеніе сыновъ отечества должно быть дѣйствующее, то есть: каждый сынъ отечества долженствуетъ ко благу государства дѣйствительно употреблять всѣ свои способности и свое имѣніе, а особливо когда требовать того будетъ начальство. *Исполненіе того* есть *четвертая обязанность* сына отечества. Надобности государства суть многообразны; онѣ не могутъ всякому члены быть извѣстны; по обстоятельствамъ бываютъ онѣ иногда болѣе иногда менѣе. Не всякій можетъ разсуждать о нуждахъ, о важности ихъ и о томъ, что̀ для оныхъ потребно; потому что часто долженствуютъ онѣ сокрыты быть по законнымъ причинамъ. Почему долженствуетъ сынъ отечества охоту свою служить государству способностями и имѣніемъ своимъ не по собственному разсужденію и произволенію являть; но долженъ поступать по тому, какъ правительство отъ него требуетъ, требуемое же обязанъ онъ во всякихъ обстоятельствахъ охотно исполнять.

Статья 5.

Чѣмъ долженствуютъ являть любовь къ отечеству простой народъ и мѣщане?

1. Любовь къ отечеству есть должность каждаго члена государства и каждаго подданнаго; но находятся случаи, при коихъ каждое состояніе членовъ особеннымъ ему свойственнымъ образомъ любовь сію показывать долженствуетъ.

2. Простой народъ, то есть, питающіеся хлѣбопашествомъ и рукодѣліемъ, составляютъ самую послѣднюю степень гражданъ въ государствѣ. Они должны оказывать любовь ко отечеству особливо повиновеніемъ и дѣятельностью, то есть, трудолюбіемъ; къ тому имѣютъ они многообразные случаи, а именно: когда избираются изъ нихъ солдаты, защитники отечества противъ внѣшнихъ враговъ, когда правительство повелѣваетъ земледѣльцамъ (или для помощи государству въ нуждѣ, или для снабженія войскъ пищею) удѣлять нѣчто отъ пріобрѣтеннаго земледѣліемъ, или привозить, или также держать постои.

3. Дѣятельность и трудолюбіе долженъ простой человѣкъ являть не токмо охотнымъ исполненіемъ работы налагаемой непосредственно для блага государства, но и тогда, когда трудится для доставленія собственнаго себѣ пропитанія: отъ таковаго государство всегда имѣетъ

Библиотека "Руниверс"

пользу, ибо трудолюбіемъ умножаются произведенія земли и доставляются членамъ государства всѣ надобности, выгоды и изобиліе. Лѣнивые, же напротивъ того, не работающіе и праздношатающіеся суть всегда бременемъ государству, причиняютъ ему вредъ и препятствуютъ его благосостоянію.

4. Простые люди оказываютъ себя тогда сынами отечества, когда они, не оставаяся при старинныхъ своихъ привычкахъ, стараются перенимать полезное другихъ странъ, сколько возможно, и оное употреблять для блага своего отечества, или насаждая и разводя въ своей землѣ иностранныя произведенія, или подражая для пользы своей образу земледѣлія сосѣдей своихъ, или употребляя подобное сосѣднему прилежаніе въ выдѣлываніи собственныхъ своихъ произведеній, дабы не имѣть нужды въ чужихъ плодахъ и работѣ и вывозимыя за то изъ государства деньги удержать въ своемъ отечествѣ.

5. Сего же требуетъ любовь къ отечеству и отъ художниковъ, кои собственно принадлежатъ ко второй степени подданныхъ государства, то есть, къ числу тѣхъ, коихъ справедливо съ нѣкоторымъ писателемъ *благовоспитанными гражданами* назвать можно. Сюда принадлежатъ, кромѣ художниковъ и купечества, и тѣ, кои по способностямъ и знаніямъ своимъ разными образами ко благосостоянію отечества споспѣшествуютъ. Въ сей статьѣ заключаются также мужи, научающіе другихъ должностямъ сограждан своихъ; изъ нихъ Государь беретъ тѣхъ людей, кои въ судопроизводствахъ и другихъ званіяхъ при правленіи государства трудятся; сія же статья заключаетъ и тѣхъ людей, кои о исправленіи вкуса народнаго стараются.

6. Какъ прилежаніе простолюдина показывается особенно въ употребленіи тѣлесныхъ силъ и въ рукодѣліяхъ, подобно тому долженствуетъ прилежаніе благовоспитанныхъ гражданъ являемо быть добрымъ и охотнымъ употребленіемъ душевныхъ силъ. Главное правило, кое члены сей статьи предъ очами имѣть должны, состоитъ въ томъ, дабы они почитали за должность сдѣлаться полезными отечеству чрезъ то самое, чему они себя посвящаютъ или къ чему они опредѣлены. Они должны вѣдать, что тѣ только являютъ истинныя заслуги отечеству, кои дѣйствительныя доставляютъ ему выгоды, и что каждое состояніе такія заслуги являть можетъ, которыя хотя и не каждому представляются предъ очи и не каждымъ за таковыя признаются, однако государству весьма существенны.

7. Когда кто желаетъ отвратить какое либо зло, то долженъ сперва разсмотрѣть слѣдствія, могущія быть отъ употребленнаго къ тому средства, не больше ли онѣ принесутъ вреда, нежели самое то зло, которое искоренить онъ намѣревается.

Библиотека "Руниверс"

8. Предложенія, коихъ исполненіе для нѣкоторыхъ только особъ или для нѣкоторой только статьи гражданъ выгодно, не годится ни къ чему, ежели онѣ для большей части людей или статей гражданства вредны. Въ государствѣ должно наблюдать паче всего всеобщее благо, или по крайней мѣрѣ большей части людей.

Благовоспитанные граждане обязаны повиновеніемъ не менѣе какъ и простой народъ. Они должны не только повиноваться законамъ вообще, но и въ тѣхъ случаяхъ повелѣнія правительства исполнять, когда оно не почитаетъ того полезнымъ, что̀ въ ихъ глазахъ полезнымъ быть кажется; они должны напрягать силы душевныя къ пользѣ отечества по тому, какъ сего требуетъ отъ нихъ владѣтель государства.

Статья 6.

Чѣмъ должны являть любовь къ отечеству духовенство, дворянство и военные люди?

1. Въ государствѣ есть состояніе людей, *духовенствомъ* называемое, какъ то: архіепископы, епископы, архимандриты, игумны, протопресвитеры, священники и діаконы, которыхъ должность есть просвѣщать людей истиннымъ Богопознаніемъ, исправлять сердца и волю ихъ закономъ Божіимъ, и чрезъ утвержденіе ихъ въ добродѣтели и въ добрыхъ дѣлахъ сей жизни уготовлять имъ путь ко блаженству будущія.

2. Любовь ихъ къ отечеству тѣмъ еще болѣе показывается, когда они должности свои такъ отправляютъ, какъ гражданскаго общества спасительныя намѣренія требуютъ. Сіе состоитъ въ томъ, чтобъ они наставленіями своими людей къ вѣрности и любви къ Государю и отечеству побуждали, духомъ кротости отводили ихъ отъ вредныхъ заблужденій и суевѣрныхъ мнѣній и душу ихъ истинными ко благополучію служащими правилами такъ просвѣщали, чтобы они могли быть полезными и благопотребными членами гражданскаго общества и служили отечеству съ успѣхомъ, исполненные добродѣтелью, хорошими свойствами и добрыми мнѣніями.

3. Другое состояніе людей въ государствѣ *благороднымъ* называется. Въ ономъ многія суть степени, но всѣ вообще имѣютъ слѣдующія преимущества предъ низкимъ состояніемъ: имъ принадлежатъ высокія мѣста въ гражданскомъ правленіи и въ войскѣ; они суть ближайшіе къ особѣ Монарха, слѣдовательно преимущественно ему вѣдомы, имъ употребляемы и дѣйствуютъ предъ его очами. Итакъ дворянство есть то состояніе, которое наиболѣе для пользы отечества дѣлать можетъ и долженствуетъ.

Библиотека "Руниверс"

4. Дворянство есть собственно награжденіе великихъ и полезныхъ дѣйствій, произведенныхъ или самимъ благороднымъ, или родителями и предками его, которыя должны быть чадамъ и внукамъ примѣромъ къ подражанію; тѣмъ же, кои заслужили сами собою дворянство, заслуги и полученныя чрезъ нихъ преимущества должны быть побужденіемъ къ большему себя оказанію; они должны честнымъ поведеніемъ сохранять полученное достоинство и не навлекать ни себѣ, ни потомству своему поношенія подлыми поступками.

5. Дворяне должны вообще являть, какъ и другія состоянія, повиновеніе, усердіе и любовь къ отечеству. Усердіе благородныхъ должно быть несравненно болѣе людей другого состоянія: имъ предлежатъ труднѣйшія должности ко исполненію; бодрость и постоянство должны въ нихъ быть несравненно больше и по мѣрѣ важности возлагаемыя на нихъ службы. Дѣятельность дворянства должна показываема быть въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, въ величайшихъ опасностяхъ и даже тамъ, гдѣ соединено лишеніе жизни. Честь и желаніе сохранить полученныя преимущества безъ помраченія ихъ должны быть побудительными причинами всѣхъ дѣйствій дворянства.

6. Любовь къ Государю и непоколебимая къ нему вѣрность есть главнѣйшій долгъ дворянина: онъ имѣетъ больше случаевъ являть оныя, нежели люди другихъ состояній, болѣе отдаленные отъ особы Монаршей.

Любовь къ отечеству требуетъ однако отъ благородныхъ, дабы они почитали согражданами себѣ и нижайшаго состоянія людей, не презирали бы и нимало не обижали ихъ. Благородные долженствуютъ помнить, что каждая степень подданныхъ въ государствѣ споспѣшествуетъ ко всеобщему благу, и что каждаго состоянія люди имѣютъ право участвовать въ доставляемыхъ государствомъ выгодахъ всему обществу; и какъ дворяне многоразличными образами пользуются отъ нижайшихъ состояній, такъ долженствуютъ и они сами стараться быть взаимно имъ полезными.

7. Кромѣ помянутыхъ трехъ состояній, есть еще четвертое, а именно *военные*. Весьма несправедливо думаютъ тѣ кои почитаютъ состояніе сіе въ разсужденіи дворянства прибѣжищемъ бѣдныхъ людей знатнаго состоянія, въ разсужденіи благовоспитанныхъ гражданъ наказаніемъ развращенныхъ дѣтей, въ разсужденіи же простого народа состояніемъ невольничества.

8. Военное состояніе есть собственно замѣна большей части членовъ другихъ состояній при защищеніи отечества. Воины одни дѣлаютъ то, что всѣ прочіе люди исполнять обязаны бы были во время нападенія враговъ на государство.

Библиотека "Руниверс"

9. Должность Государя есть защищать подданныхъ отъ нападеній непріятельскихъ. Онъ имѣетъ право требовать и употреблять каждаго подданнаго къ защищенію сему. Вредъ, причиненный государству съ одной стороны, или нѣкоторымъ только подданнымъ, имѣетъ всегда вредныя слѣдствія и для всего общества; опасность можетъ распространиться и до другихъ. По сему и долженствуютъ всѣ члены государства споспѣшествовать къ защищенію, хотя бы непріятель нападалъ на одну только часть. Не нужно и весьма было бы вредно, ежели бы въ нынѣшнія времена, подобно какъ бывало часто въ древности, выведены были въ поле всѣ подданные для защищенія государства отъ нападенія непріятельскаго.

10. И потому Государи имѣютъ право по власти своей повелѣвать и учреждать, опредѣлять кому и коликому числу подданныхъ должно явиться къ защищенію. Сіе опредѣленіе тѣмъ нужнѣе, что безъ него весьма немногіе явились бы добровольно. Хотя каждый и увѣренъ, что войско нужно государству, но частные люди безъ опредѣленія Государя и начальниковъ неохотно бы согласились подумать, что имъ самимъ или ихъ свойственникамъ должно принять оружіе.

11. Опредѣленные къ защищенію государства подданные долженствуютъ повиноваться безпрекословно и исполнять вѣрно должности званія своего. Воинъ долженствуетъ любовь къ отечеству являть повиновеніемъ и храбростью, что̀ стоитъ ему несравненно дороже, нежели другимъ людямъ; ибо онъ долженъ или принесть дѣйствительно въ жертву покой, здравіе, свободу и самую жизнь свою, или по крайней мѣрѣ готовъ быть жертвовать всѣмъ симъ для блага общества на каждый часъ. За сіе достойно ему воздавать честь и благодарность.

12. Правда, что повиновеніе и вѣрность въ исполненіи должности его есть наитруднѣйшее дѣло, но непослушаніе и неисправность какъ для него самого, такъ и для цѣлаго государства могутъ имѣть самыя вредныя слѣдствія.

Воинъ долженствуетъ слѣпо исполнять повелѣнія начальниковъ своихъ, не разсуждая о намѣреніяхъ и пользѣ сихъ повелѣній. Тѣ кои бы могли возъимѣть какое либо сомнѣніе при повелѣніяхъ, долженствуютъ успокоиться тою довѣренностію, какую заслуживаютъ отъ нихъ, по состоянію и званію своему, Государь, военачальникъ и другіе чиновные. Каждый воинъ обязанъ имѣть сію къ начальникамъ довѣренность, и потому долгъ его есть думать, что повелѣнное ему есть самое лучшее средство для настоящаго случая, и что нужно оно для сохраненія или для спасенія государства. Онъ долженъ помнить, что невозможно, да и не должно, начальнику давать отчета въ дѣйствіяхъ своихъ подчиненнымъ своимъ.

Библиотека "Руниверс"

13. Воспоминаніе о должности являть любовь къ отечеству повиновеніемъ и храбростію долженствуетъ дѣлать воина терпѣливымъ во всѣхъ трудностяхъ, бодрымъ и рѣшительнымъ въ опасностяхъ и непоколебимымъ въ браняхъ.

14. Должность же воиновъ есть, какъ то уже и Предтеча Христовъ воинамъ своего племени изрекъ: быть довольнымы своимъ жалованьемъ и никого (то-есть, кто не врагъ отечества) не обижать, да и самимъ врагамъ не должны они больше вреда дѣлать, какъ повелѣно отъ начальниковъ. Всеобщее человѣколюбіе обязываетъ насъ поступать кротко и съ непріятельскими подданными, а особливо когда они не подъемлютъ оружія.

ЧЛЕНЪ V.

О наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ, ко взаимному благополучію сограждант служащихъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

1. Въ государствѣ есть большія и меньшія общества, какъ-то города и селы.

Есть знатныя особы, коимъ потребна помощь другихъ людей различныхъ знаній и искусствъ для исправленія ихъ надобностей. Есть также всегда люди, кои охотно къ таковымъ дѣламъ услуги свои предлагаютъ, и чрезъ то не токмо себѣ, но и домашнимъ своимъ пропитаніе доставляютъ. Таковыхъ должность есть вѣрно и такъ служить, какъ качество ввѣреннаго имъ дѣла и какъ воля и польза того требуютъ, кому служатъ.

2. Члены общества служатъ другъ другу, не будучи, какъ обыкновенно говорится, другъ у друга въ службѣ.

Надобности человѣческія столь велики, что человѣку, какъ бы кому ни казалось имѣть мало нужды, не возможно всего самому сдѣлать. Каждому потребна работа другаго, и каждой, кто какую работу исправляетъ и отъ работы своей пропитать себя хочетъ, служитъ тѣмъ самымъ другому; а тотъ, которому потребна его работа, платитъ работнику и за деньги нужное для себя получаетъ. Великая польза знать, коль различными образами люди стараются другъ другу быть полезными, или, что̀ все одно значитъ, другъ другу служить, не состоя собственно на службѣ.

Библиотека "Руниверс"

СТАТЬЯ 1.

О наукахъ.

1. Нѣкоторые прилежатъ къ наукамъ и оными другимъ служатъ или наставленіемъ, или употребленіемъ оныхъ по разнымъ надобностямъ человѣческой жизни. Сіи люди составляютъ такъ называемое состояніе *ученыхъ*.

2. Всѣ науки вообще, сколько ихъ въ настоящее время ни есть, можно на четыре главныя части раздѣлить:

а) Есть нѣкоторыя, кои до души нашей только касаются и силы оной исправляютъ, а особливо та наука, которая всему тому насъ научаетъ что̀ Богъ сотворилъ, повелѣлъ и требуетъ для спасенія человѣческаго, и оная наука называется *богословія*.

б) Есть наука, которая въ томъ состоитъ, дабы свойства нашего тѣла и всѣхъ его частей въ здоровомъ и больномъ состояніи узнавать, при слабостяхъ тѣлесныхъ помогать и средства къ помощи пріуготовлять. Сія называется *врачебной наукою*.

в) Есть еще наука, которая спокойное владѣніе имѣніемъ предметовъ имѣетъ. Она называется *наука правъ и законовъ*, потому что она испытываетъ и опредѣляетъ что̀ въ разсужденіи вещей и людей, и при защищеніи собственности, право и справедливо.

г) Четвертой родъ наукъ содержитъ въ себѣ *философическія, математическія, историческія и словесныя знанія*, кои не только сами собою полезны, но и къ пріобрѣтенію великихъ успѣховъ въ каждой изъ вышеупомянутыхъ наукъ споспѣшествуютъ.

СТАТЬЯ 2.

О художествахъ.

1. Нѣкоторые люди прилежатъ къ художествамъ, которыя способствуютъ различнымъ образомъ къ выгодности жизни нашей и увеселенію. Художества сіи суть:

а) *Живопись*, она изображаетъ чувствамъ представляющіяся вещи на ровномъ мѣстѣ одною или многими красками. Способы сего изображенія и употребляемыя къ тому краски весьма различны.

б) *Рѣзьба*, изображаетъ тожъ самое вырѣзанными на мѣди чертами и точками, кои красками наполняются, и на бумагѣ или на иномъ чемъ къ тому способномъ тисненіемъ печатаются.

в) *Ваяніе*, изображаетъ чувствамъ представляющіяся вещи на многоразличныхъ тѣлахъ: на деревѣ, на каменьяхъ и тому подобномъ, возвышенными начертаніями.

Библиотека "Руниверс"

г) *Архитектура*, начертываетъ и сооружаетъ зданія, кои не токмо прочны и покойны, но и прекрасны бываютъ.

д) *Музыка* услаждаетъ слухъ хорошо размѣренными голосами, кои весьма различными образами производятся.

СТАТЬЯ 3.

О рукодѣліяхъ и ремеслахъ.

1. Нѣкоторые люди прилежатъ къ рукодѣліямъ и ремесламъ, которыя намъ отчасти необходимы, а отчасти только нужны по принятому отъ насъ образу жизни и обычаямъ.

Число оныхъ превеликое и умножается почти повседневно, не токмо для того, что отъ времени до времени изобрѣтаются, но и для того что искусство человѣческое довело нѣкоторыя изъ нихъ, кои прежде между рукодѣліями счислялися, до совершенства художествъ. Мы возмемъ рукодѣлія и художества здѣсь подъ именемъ ремесла и приложимъ имъ хотя несовершенное росписаніе, чтобъ токмо показать, коль многоразличную пользу всѣ онѣ приносятъ.

а) Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ къ нашему пропитанію, и таковыя ремесла отправляютъ:

1) *Земледѣльцы*, кои пшеницу и иныя различныя сѣмена сѣютъ и нужной къ пищѣ нашей скотъ держатъ.

2) *Мѣльники*, кои пшеницу либо на вѣтренныхъ, либо на водяныхъ мѣльницахъ мѣлютъ.

3) *Хлѣбники*, кои изъ муки хлѣбъ намъ пекутъ.

4) *Мясники*, кои мясомъ торгуютъ.

5) *Огородники* и *садовники*, кои насъ всякими овощами и зеленью снабжаютъ.

6) *Повара*, кои намъ кушанье приуготовляютъ.

7) *Сахарники* или *конфетчики*, кои всякія сладкія варенья и закуски дѣлаютъ.

8) *Виноградные садовники*, разводятъ виноградные сады.

9) *Пивовары*, кои варятъ пиво, а

10) *Винокуры* курятъ крѣпкіе напитки.

б) Другія ремесла служатъ къ нашей одеждѣ, какъ то: льняные, бумажные, шерстяные и шелковые *ткачи* приуготовляютъ къ тому нужныя вещи; *красильщикъ* оныя краситъ, *портной* дѣлаетъ намъ изъ нихъ платье; а къ тому способствуютъ еще разные другіе ремесленники, какъ то *пуговичникъ*, а у знатныхъ по большей части *позументщикъ* и *золотошвей*.

Библиотека "Руниверс"

Для прикрытія рукъ, ногъ, головы работаютъ *перчаточники, сапожники, чулошники, шляпники и перукмахеры.* Принадлежащія къ тому вещи доставляютъ опять другіе. Шерсть, изъ которой сукно и другія шерстяныя матеріи, и кожа, изъ которой столь многое дѣлается, суть корысти отъ скотоводства. Все сіе выдѣлываютъ къ разнымъ употребленіямъ *кожевники* и *замшеники.*

в) Для созиданія жилищъ нашихъ требуются *кирпичники, каменоломцики, каменосѣчцы, обжигальщики извести, каменщики, плотники, кровельщики, кузнецы, проволочники, слъсари, столяры, оконничники* и многіе другіе.

г) Для приуготовленія нужныхъ къ дому вещей требуется множество другихъ ремесленниковъ: *обручники, токари, горшечники, жестянники, оловянщики, мѣдники, литейщики.*

д) Къ разнымъ другимъ надобностямъ *часовые мастера, веревочники, шорники и гребенщики.*

е) Для выгодъ нашихъ работаютъ также многіе, напримѣръ: *каретники, сѣдельники* и проч.

ж) Для великолѣпія *алмазами торгующіе, золотыхъ дѣлъ мастера, серебреники, зеркальники, позолотчики* и *обойщики.*

2. Къ симъ причисляются еще и *купцы* или торговые люди, коихъ упражненіе состоитъ въ томъ, чтобъ вещи произведенныя или приготовленныя трудами другихъ покупать, ими торговать, въ отдаленныя мѣста ихъ развозить и за оныя или наличныя деньги, или другія полезныя вещи въ обмѣнъ вывозить.

Статья 4.

О пользѣ и надобности различныхъ состояній.

1. Земля приноситъ безчисленное множество растеній и другихъ вещей, къ различнымъ потребамъ служащихъ и людямъ, къ пользѣ удовольствію и наслажденію удобныхъ. Повсюду бываютъ люди различныхъ склонностей и способностей. Много такихъ, кои произведенія земли весьма различными образами приуготовляютъ; много же еще и такихъ, кои искусство сихъ для нуждъ своихъ охотно употребляютъ.

2. Почти изъ всѣхъ твореній, даже и изъ малѣйшихъ частей оныхъ, умѣютъ въ нынѣшнее время дѣлать употребленіе. Люди пользуются чрезъ то дарованною имъ отъ Бога при сотвореніи властію *), и поелику

*) Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими, и птицами небесными, (и звѣрьми) и скотами, и всею землею, и всѣми гады, пресмыкающимися по земли. Быт. 1. 26.

Библиотека "Руниверс"

люди творенія тако употребляютъ и ихъ обдѣлываютъ, то исполняютъ они то самое что Богъ ко Адаму сказалъ *), то есть: что люди получаютъ пищу и пропитаніе свое отъ земли со многимъ трудомъ, хотя и не всѣ ее пашутъ.

3. При семъ надлежитъ намъ премудрости, благости и промыслу Божію удивляться и благодарить, что Богъ, создавъ всѣ твари и щедрою рукою по всей землѣ ихъ раздѣливъ, создалъ ихъ всѣхъ ко употребленію человѣческому. Мы же, видя, что онѣ чрезъ труды наши весьма полезны быть намъ могутъ, не можемъ сомнѣваться, что при самомъ еще созданіи намѣреніе Его было дать людямъ многоразличныя упражненія.

4. По умноженіи людей невозможно стало, чтобы всѣ на подобіе земледѣльцевъ землю пахали и отъ того непосредственно пропитаніе свое имѣли. Многія тысячи людей не пріобрѣли бы себѣ ничего, когда бы мы всѣ въ настоящее время на подобіе прародителей нашихъ жить стали, и только самымъ нужнымъ довольствовались. И такъ, ковгда нѣкоторые вельможи и богатые для выгодъ и спокойствія своег еликое множество людей упражняютъ, то получаютъ чрезъ то пропитаніе многія тысячи семей, кои вельможамъ и богатымъ не токмо въ ихъ нуждахъ, но и къ великолѣпію и удовольствію ихъ способствуютъ. Они получаютъ способъ упражняться, а созданныя ради человѣка творенія употребляются чрезъ то полезно.

5. Природныя дарованія и раждающіяся отъ нихъ склонности человѣческія ко всякому званію и къ различнымъ упражненіямъ суть безъ всякаго прекословія дѣйствіе Того, Который создалъ души человѣческія, въ коихъ таковыя дарованія и склонности обрѣтаются. Многія качества принадлежатъ до нѣкоторыхъ наукъ и художествъ, коихъ, какъ весьма справедливо говорится, пріобрѣсти не можно, но надобно имъ быть природнымъ или, лучше сказать, въ душѣ человѣческой созданнымъ.

6. Сіи то природныя дарованія и склонности опредѣляютъ человѣка, имѣющаго оныя, тому или другому званію, рукодѣлію, художеству или наукѣ себя посвятить. Не рѣдко и самихъ повелѣвающихъ побуждаютъ сіи природныя дарованія употреблять подчиненныхъ своихъ по признаннымъ въ нихъ способностямъ.

7. Какъ разумъ, такъ и откровеніе научаютъ насъ весьма важнымъ до сего касающимся истинамъ, а именно:

---

*) Проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печали снѣси тую вся дни живота твоего. Быт. 3. 17.

Библиотека "Руниверс"

а) Что всякое званіе и всякое состояніе, въ которомъ честнымъ и позволеннымъ образомъ пропитать себя можно, каждый себѣ избрать и въ ономъ пребывать можетъ.

б) Что всякъ обязанъ такъ поступать, какъ требуютъ должности и качества того званія, въ которомъ кто пребываетъ [1]).

в) Чтобъ единожды избранное званіе легкомысленно не покидать [2]); а изъ сего слѣдуетъ, что человѣку состояніемъ своимъ, которое онъ или самъ себѣ избралъ, или инымъ какимъ образомъ въ оное поставленъ, должно быть довольнымъ, и въ ономъ по возможности стараться себѣ и другимъ быть полезнымъ.

8. Всякое званіе, всякое ремесло, всякое художество и всякая наука приноситъ пользу человѣческому обществу; и для того всякое званіе и всякъ, кто какому званію себя посвятилъ, почтенія достоинъ. Несправедливо было бы нѣчто полезное презирать: все, что̀ истинную пользу приноситъ, важно и почтенія достойно; и потому не должно никакое ремесло и никакой способъ къ честному себя пропитанію презиратъ. Невозможно всѣмъ въ одномъ званіи быть; и такъ одно званіе, или одно ремесло, да не презираетъ другое: ибо всѣ весьма полезны обществу.

9. Надлежитъ намъ удивляться и благодарить за благость и премудрость Бога, что Онъ не только многоразличныя вещи сотворилъ и землѣ непрестанно то производить повелѣлъ, изъ чего толь многое къ нуждѣ, выгодамъ и наслажденію человѣческому служащее, пріуготовляться можетъ, но и даровалъ людямъ склонности и способности столь различными образами упражняться и чрезъ то другъ другу служить.

ЧАСТЬ IV.

О домоводствѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что есть домоводство, намѣренія онаго и различіе.

1. Знаніе, праведнымъ образомъ пріобрѣтать себѣ имѣніе или пріобрѣтенное сберегать и оное въ пользу дома своего разумно употреблять называется *Домоводство*.

---

[1]) Молю убо васъ, азъ узникъ о Господѣ, достойно ходити званія, къ неже звани бысте, со всякимъ смиреномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію. Къ Ефес. 4. 1, 2.

[2]) Кійждо въ немъ же призванъ бысть, братіе, въ томъ да пребываетъ предъ Богомъ. 1 Коринѳ. 7. 14. Никто же, возложъ руку свою на рало и зря вспять, управленъ есть въ Царствіи Божіи. Луки 9. 62.

Библиотека "Руниверс"

Люди, кои въ одномъ изъ сихъ трехъ: то есть или въ пріобрѣтеніи, или въ сбереженіи, или въ употребленіи имѣнія своего погрѣшаютъ, суть худые домоводцы *). И такъ домоводцу надлежитъ помышлять не токмо о пріобрѣтеніи, но о сбереженіи и о полезномъ употребленіи пріобрѣтеннаго.

2. Знаніе домоводства всякому нужно: ибо люди всякаго званія обязаны трудиться и хозяйствовать, дабы себѣ и домашнимъ своимъ нужное снискать.

Подъ нужнымъ, о снисканіи котораго стараться должно, разумѣются *пища, питаніе, одежда и жилище.*

Понеже всякій сочленъ гражданскаго общества нуждамъ онаго способствовать нѣсколько долженъ, а начальникъ дома есть сочленъ таковаго общества: то не довольно ему того, чтобъ снискать нужное для себя пропитаніе, но надобно ему и о томъ помышлять, что онъ ради благосостоянія общества верховному правительству давать долженъ. Начальнику дома должно еще о томъ стараться, дабы привести себя въ такое состояніе, чтобъ онъ могъ дать нѣчто дѣтямъ своимъ, пріятелямъ и бѣднымъ.

Надлежитъ ему нѣчто и сберечь, дабы привести себя въ лучшее состояніе и чтобы, при непредвидѣнныхъ злоключеніяхъ, при болѣзни и при старости, прокормить себя могъ.

3. Хотя намѣреніе пріобрѣтенія или доставленія работою себѣ и домашнимъ своимъ нужнаго, во всякомъ званіи одинаково; однако способы къ полученію сего намѣренія у людей различныхъ званій суть различны: ибо богатой и знатной долженъ инако домоводствовать, нежели убогой и простой человѣкъ. Крестьянинъ хозяйствуетъ инако, нежели художникъ и ремесленникъ, а купецъ и чиновный хозяйствуютъ также инако; однако есть общія нѣкоторыя правила, по которымъ во всякомъ званіи поступать должно и кои здѣсь слѣдуютъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что требуется къ доброму домоводству или хозяйству.

1. Къ домоводству потребно *имѣніе*, добрымъ употребленіемъ и разумнымъ управленіемъ котораго пріобрѣтается то что къ пропита-

*) Крестьянинъ, какъ бы онъ пашню свою хорошо ни обработалъ и какъ бы изобильна на полѣ его жатва ни казалась; но когда рожь не въ надлежащее время пожнетъ, дастъ ей испортиться отъ ненастья, или внесетъ ее мокрую въ житницу, и въ житницѣ ее не развѣетъ, дастъ ей затхнуться, или покинетъ мышамъ и червямъ на съѣденіе, пропуститъ удобной случай къ продажѣ избытка, есть худой хозяинъ, и дивиться не долженъ, когда не получитъ той пользы, какую бы имѣть могъ.

Библиотека "Руниверс"

шію нужно. Имѣніе же бываетъ многоразлично: деревни, поля, деньги, движимыя вещи; науки художества и рукодѣлія составляютъ оное и суть способы къ пріобрѣтенію нужнаго.

2. Какого бы качества имѣніе, или средство пропитанія нашего ни было, однако отъ всякаго домоводца требуется, чтобъ онъ имѣлъ *свѣдѣнія.*

Свѣдѣнія сіи человѣку не отъ природы даются, но долженъ онъ стараться получать ихъ разными образами.

Свѣдѣнія можно получать иногда собственнымъ своимъ разсужденіемъ и разными опытами, однако таковыя для большей части трудны и опасны. Не всѣ люди любятъ долго размышлять, а многіе къ тому и не очень способны; а когда опыты не удадутся, то претерпѣваютъ убытокъ, который для недостаточныхъ людей весьма чувствителенъ бываетъ.

Можно еще таковыя свѣдѣнія получать отъ изустнаго или письменнаго наставленія искуспыхъ въ томъ людей.

Наконецъ, видя что другіе умные люди дѣлаютъ или дѣлали, получаемъ свѣдѣнія чрезъ примѣры.

Кто хочетъ чрезъ изустное или письменное наставленіе, или чрезъ примѣры, свѣдѣніе себѣ получить, тому должно смотрѣть на искусныхъ людей, кои въ тѣхъ вещахъ доброй успѣхъ имѣли, которыхъ старается онъ получить себѣ свѣдѣнія.

Таковыхъ людей разсужденія или наставленія, а особливо порядокъ домоводства, надлежитъ прилежно замѣчать и самое полѣзное понимать, дабы имъ въ томъ послѣдовать.

3. Отъ добраго домоводца требуется *твердая и добрая воля то дѣлать и не медля дѣломъ самымъ исполнять что за доброе признаетъ.*

Наилучшія свѣдѣнія ни къ чему неполезны, когда кто не имѣетъ при томъ твердой воли дѣлать то что онъ за доброе признаетъ. Люди хотя желаютъ и дѣлаютъ всегда то что дѣйствительно для нихъ хорошо, или таковымъ для нихъ быть кажется; но ежели и самое доброе противно склонностямъ или покою ихъ, или когда другое что болѣе ихъ прельщаетъ: то часто не брегутъ они о вещахъ, кои сами признаютъ за добрыя. Таковымъ людямъ надлежитъ себя увѣрить, что то что имъ дѣлать должно не токмо есть истинное добро, но и достойно всему другому предпочтено быть.

4. Къ домоводству требуется много *прилѣжанія.* Кто трудолюбивъ и кто непрестанно старается дозволенными и честными средствами столько себѣ пріобрѣсти, сколько возможно, тотъ прилеженъ; а кто труда не любитъ и отъ него удаляется, тотъ лѣнивъ и нерадивъ. Таковой человѣкъ наилучшее время безполезно проводитъ, а когда и дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лаетъ, то не имѣетъ отъ того такой пользы, какую бы имѣлъ, ежели бы время и силы свои прилежнѣе употреблялъ.

5. Въ домѣ невозможно всего одному человѣку дѣлать. *Жена, дѣти и служители должны хозяину помогать*; а дабы помощь сію получить, то хозяину, какъ главѣ дома, должно все нужное учреждать и смотрѣть, исполняются ли его повелѣнія. Каждому изъ подчиненныхъ ему въ домѣ долженъ онъ ясно сказать что ему дѣлать; а когда кто изъ нихъ погрѣшаетъ, то долженъ съ важностію, а при томъ и съ кротостію исправлять, нужное имъ содержаніе, а наемщикамъ обѣщанную плату въ надлежащее время давать, съ домашними своими не жестоко и свирѣпо, но ласково обходиться, и ихъ къ благочестію, безъ котораго всѣ труды наши тщетны и неуспѣшны бываютъ, привлекать. Паче всего долженъ начальникъ семейства о воспитаніи дѣтей своихъ стараться и не о томъ только помышлять, чтобъ ихъ прокормить, и сколько силы ихъ допустятъ къ трудамъ пріучать; но долженъ имъ или самъ, или чрезъ другихъ такія наставленія преподавать, изъ которыхъ бы они научились разумѣть и дѣлать что ко временному и вѣчному благополучію ихъ потребно.

Всѣ домашніе, то-есть: хозяйка, дѣти и служители должны главу семейства или хозяина какъ благодѣтеля и попечителя своего любить. Они должны его какъ начальника своего почитать и во всемъ ему повиноваться, развѣ если бы онъ что противъ заповѣдей Божіихъ или противъ уставовъ верховной власти повелѣть захотѣлъ. Однимъ словомъ, имъ надлежитъ такъ поступать, чтобы пользѣ домоводства всѣми возможными способами споспѣшествовать, всякой же вредъ отвращать.

6. При всякомъ домоводствѣ нуженъ *порядокъ*. Хозяинъ, который порядоченъ быть хочетъ, долженъ таковыя токмо дѣла предпринимать, кои дѣйствительно могутъ состояніе его по тѣмъ обстоятельствамъ, въ коихъ онъ находится, толь благополучнымъ сдѣлать, колико возможно. Къ порядку домоводства надлежитъ и сіе, чтобъ всѣ во свое время, а не безвременно, и всякое дѣло надлежащимъ образомъ дѣлали. Хозяину надобно заранѣе, а не тогда, когда уже времени къ дѣлу настанетъ, приказывать что домашнимъ его дѣлать. Для каждой вещи долженъ онъ назначить приличное мѣсто и прилежно за тѣмъ смотрѣть, чтобъ всякая вещь, по употребленіи своемъ, опять на прежнее мѣсто положена была.

7. Домоводцу должно *приходы и расходы свои прилежно записывать*, все точно замѣчать и вѣрную опись о принадлежащемъ ему имѣть, оную чаще пересматривать и имѣніе свое по ней сличать. Не записывая и не замѣчая, никогда не можетъ онъ вѣрно знать, сколько по-

Библиотека "Руниверс"

лучилъ и издержалъ, или сколько на лицо имѣетъ, и лучше ли состояніе его сдѣлалось или хуже.

8. Нужное для всякаго домоводца свойство есть *бережливость*. Она состоитъ въ благоразуміи при издержкахъ и вообще при всякомъ употребленіи пріобрѣтеннаго.

Кто пріобрѣтеннаго сберегать не умѣетъ, тотъ и при самыхъ большихъ доходахъ ничего имѣть не будетъ.

Доброму хозяину должно издерживать и изъ пріобрѣтеннаго проживать не болѣе, какъ нужда, или иногда невинное удовольствіе, а иногда и самая благопристойность того требуетъ. Также и для того не все издерживать что получаетъ, но нѣчто и на время нужды сберегать, дабы чрезъ то или болѣе еще снискать, или бѣднымъ удѣлять, или домашнимъ своимъ нѣсколько оставить могъ. Кто все издерживаетъ что получаетъ, тому на вышепомянутыя надобности ничего сберечь не можно. Кто болѣе издерживаетъ, нежели получаетъ, тотъ расточитель, и со временемъ долженъ будетъ или по міру ходить, или сдѣлаться обманщикомъ.

Во всѣхъ почти мѣстахъ есть примѣры, что люди наживали себѣ немалой достатокъ, не имѣя сначала большаго дохода. Разумное и порядочное расположеніе того что необходимо издерживать надлежало, и воздерживаніе себя отъ излишняго для многихъ было способомъ къ обогащенію.

Иные нажили достатокъ свой раченіемъ, съ которымъ сберегали они вещи свои отъ поврежденія, кои какъ для нужды, такъ и для выгодъ весьма потребны, и которыхъ покупка или починка много иждевенія требуетъ, когда ихъ рачительно не берегутъ или не сохраняютъ а таковыхъ вещей сколько въ каждомъ домѣ бываетъ? Какъ бы онѣ маловажны ни казались, однако большое ихъ количество и всегдашнее употребленіе составляютъ весьма много.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Недостатки и погрѣшности при домоводствѣ.

1. Домоводцу равно вредно, когда онъ очень много или очень мало размышляетъ о томъ что ему дѣлать надлежитъ: первое дѣлаетъ его нерѣшимымъ и никакой пользы ему не приноситъ; а второе лишаетъ его и той пользы, какую бы имѣть было можно. Разумной человѣкъ размышляетъ и разсуждаетъ, какими бы способами удобнѣе имѣніе пріобрѣсти, пріобрѣтенное же сохранить и что отъ онаго, и какъ полезнѣе употребить можно; однако при одномъ токмо размышленіи не остается, но приступаетъ къ исполненію того что полезнѣе

Библиотека "Руниверс"

всего признавъ, располагаетъ себя къ тому и совершить свое прилежно старается.

2. Доброму домоводцу надобно прилежно размышлять, какъ бы дѣло наилучше и полезнѣе расположить; надобно ему разсматривать, дѣйствительно ли то хорошо что онъ дѣлаетъ, согласно ли съ правилами добраго домоводства, не могло ли бы другимъ какимъ ни есть образомъ быть лучше сдѣлано. Таковыя размышленія полезны хозяину, когда онъ по онымъ поступаетъ и домоводство свое дѣйствительно такъ располагаетъ.

3. Есть вещи, кои сами по себѣ хороши, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ дѣйствительной вредъ приносятъ. Таковыя обстоятельства должно хозяину прилежно разсматривать, чтобъ не причинить себѣ убытка и ради малой прибыли не упустить большой *).

4. Домоводцу не должно быть нерадиву, но пребывать тверду и неутомиму въ трудахъ своихъ, хотя иногда тяжко и трудно бываетъ; не надобно въ дѣла другихъ званій мѣшаться, ниже что предпринимать выше силъ своихъ. Невозможно также одному человѣку весьма различныхъ дѣлъ съ пользою предпринимать: ибо, упражняясь въ посторонних дѣлахъ, главное свое дѣло упускаетъ и во вредъ другихъ званій упражняется. Каждый человѣкъ въ собственномъ своемъ званіи довольно найдетъ дѣла, и очень часто не достаетъ еще ему силъ дѣло званія своего надлежащимъ образомъ исправить.

5. Надобно остерегаться, чтобъ при дѣлахъ своихъ не забывать должностей къ *Богу, къ самому себѣ и къ ближнему.*

Противъ Бога согрѣшаемъ, когда пріобрѣтенное весьма любимъ, все сердце ко временному добру прилѣпляемъ и Бога забываемъ и когда пріобрѣтенное на грѣхъ употребляемъ и безъ крайней нужды работаемъ въ тѣ дни, въ кои праздновать повелѣно.

---

*) Крестьянину, имѣющему лошадей, прибыльно доставать деньги извозомъ; но когда онъ подумаетъ, что хозяйства его и обработываніе его пашни, которой въ надлежащее время вспаханной быть должно, потерпитъ отъ того вредъ, что утучняющій ее навозъ пропадаетъ, и слѣдовательно плодъ земля умалится: то увидитъ, что надлежащее обработываніе пашни тому прибытку предпочесть должно, который получить онъ можетъ отъ извоза.

Библиотека "Руниверс"

Должность къ самому себѣ преступаетъ тотъ, кто для снисканія временныхъ благъ о вѣчномъ блаженствѣ не радѣетъ; и кто изъ скупости, только чтобъ много себѣ скопить, мало, или совсѣмъ ничего отъ пріобрѣтеннаго не употребляетъ; или кто себя къ работѣ такъ принуждать станетъ, что здоровье свое тѣмъ повредитъ и жизнь свою сократитъ.

Должность къ ближнему нарушается, когда кто со вредомъ другихъ обогатить себя старается. Сіе бываетъ вообще или дѣйствительнымъ отниманіемъ, или удерживаніемъ. Дѣйствительнымъ отниманіемъ бываетъ, когда кто у ближняго отнимаетъ или силою или коварствомъ, ложною мѣрою или вѣсомъ, ложными товарами, ложнымъ торгомъ и чрезмѣрною лихвою, или скитаясь по міру, когда можетъ прокормить себя работою. Удерживаніемъ же нарушается должность къ ближнему, когда кто занимаетъ и не возвращаетъ, когда кто домашнихъ своихъ и служителей болѣе возможнаго или обыкновеннаго дѣлать заставляетъ, или обѣщанное имъ удерживаетъ.

6. Но сколько неправедно умножать имѣніе свое таковымъ образомъ, столь же неправедно, когда начальникъ семейства не прилежитъ всего того снискать что онъ по обстоятельствамъ своимъ праведно снискать можетъ, или когда пріобрѣтенное худо сберегаетъ такъ, что весьма легко или украдено, или попорчено быть можетъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Нѣкоторыя напоминанія домоводцамъ.

1. Хозяинъ можетъ при трудахъ своихъ быть веселъ и спокоенъ, когда только подумаетъ, что Богъ опредѣлилъ насъ къ трудамъ, что трудъ и работа служитъ намъ къ пользѣ и здоровью и что Богъ труды наши благословляетъ.

2. Весьма часто видимъ, что нѣкоторые при всѣхъ своихъ трудахъ ни въ чемъ не успѣваютъ; бываютъ разные противные случаи, и кажется безъ всякія ихъ вины, какъ то: пожары, наводненія, градъ, непогоды, невѣрные служители и многіе другіе случаи, которые дѣлаютъ труды и самаго прилежнаго хозяина тщетными. Тѣ съ коими сіе случается не имѣютъ, какъ говорится, ни счастія, ни Божіяго благословенія.

Библиотека "Руниверс"

3. Христіанскій законъ научаетъ насъ, что Богъ міромъ управляетъ, что безъ воли Его ни волосъ съ головы нашей не спадаетъ, и что Богъ добрыя начинанія наши благословляетъ, но мы благословенія Его, часто въ наказаніе за грѣхи наши и за непослушаніе заповѣдей Его, лишаемся.

Изъ сего слѣдуетъ, что всякій хозяинъ долженъ Бога о благословеніи молитвою просить и о истинномъ благочестіи стараться, то-есть: онъ долженъ отъ грѣховъ воздерживаться и Богу повиноваться, дабы не учинить себя недостойнымъ благословенія Его.

*

Перепечатываемъ эту книжку съ десятаго ея изданія 1811 года (малая осмушка, 152 страницы). Она такъ рѣдка, что мы могли отыскать ее лишь послѣ долгихъ поисковъ, такъ какъ съ 1819 года она считалась запрещенною, отобранная въ народныхъ училищахъ и въ книжныхъ лавкахъ и даже истребляемая. Несовсѣмъ намъ понятно, что̀ побудило тогдашняго архимандрита и ректора Петербургской Духовной Академіи (позднѣе Московскаго митрополита) Филарета къ столь крутой мѣрѣ. Первое изданіе его собственнаго Катихизиса относится уже къ 1823 году, и не таковъ онъ былъ человѣкъ, чтобы предположить тутъ расчетъ денежный. Намъ неизвѣстно, въ какомъ именно числѣ оттисковъ *десять* разъ печаталась книга съ 1783 года (т.-е. съ того времени, когда присоединенъ Крымъ и южные предѣлы Россіи окончательно обезпечены были отъ Татарскихъ набѣговъ). Принадлежность книги императрицѣ Екатеринѣ не подлежитъ сомнѣнію. Она занялась ею въ промежутокъ между двумя Турецкими войнами, когда предполагалось и учрежденіе двухъ новыхъ университетовъ, гдѣ изъ древнихъ языковъ предпочтеніе должно было быть отдано болѣе нужному для насъ языку, на которомъ писали великіе учители церкви и Византійскіе историки. На Екатерининской книгѣ для народа воспиталось цѣлое поколѣніе, не осрамившее себя передъ потомствомъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАБОТА ПЕТРА ВЕЛИКАГО О КНИГОПЕЧАТАЛЬНОМЪ ДѢЛѢ.

Занимаясь собираніемъ матеріаловъ къ исторіи Московскаго Военнаго Госпиталя, выстроеннаго по указу Петра I-го въ 1707 году, я нашелъ на Никольской, въ архивѣ Печатнаго Двора, въ сборникѣ писемъ графа Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина, письмо, имѣющее нѣкоторый историческій интересъ и, кажется, нигдѣ не опубликованное. Самый сборникъ представляетъ собою книгу въ ¼ долю листа бумаги. На передней сторонѣ переплета имѣется слѣдующая надпись: «Въ сей книгѣ письма разныхъ лицъ къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и Ѳедору Поликарпову; одно изъ сихъ на страницѣ 34-й въ началѣ (копіи) подписано (съ письма) рукою Императора Петра Перваго такимъ образомъ: *Bruder*. Прочія письма, за руками Мусина-Пушкина, митрополита Стефана Яворскаго, Макарова, Меншикова, графа Апраксина, Шафирова, Абрамова, Ягужинскаго, Головина, Кремса, Курбатова, Голицына, Черкасова, Брюса, Веселовскаго и др. Всѣ письма относятся до дѣлъ типографскихъ. Писаны отъ 1708 до 1724 года».

То что я заключилъ здѣсь въ скобки (т. е. слова «копіи» и «съ письма») вставлено сверхъ строкъ,другою рукою и значительно позднѣе.

Списокъ съ письма Петра I-го, написанъ на двухъ листахъ бумаги въ ¼ долю листа, почеркомъ того времени. Вотъ этотъ списокъ.

«Въ письмѣ царскаго Величества propria manu изъ Сумъ 25 Генваря, а донесенномъ 2 Февраля 1709 года, писано къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину».

«Bruder».

«Письмо ваше я получилъ, на которое отвѣтствую. Пишите, что печать худа отъ того что мѣшаны новопереправленныя слова; а для чево мѣшаны, того не знаю, ибо я только оныя велѣлъ дѣлать, а печатать ими не приказывалъ; только писалъ, чтобъ силы ставили, а нынѣ и силъ ставить не вели, но одною Амстердамскою печатай, какова вывезена. Однакожъ нынѣ отъ васъ присланная тетрадка, на которой обои напечатаны также и Рымплерова большая, одною Амстердамскою печатью печатать. Однакожъ толсты передъ прежними, чаю отъ того,

Библиотека "Руниверс"

что слова уже притупились (чево надобно смотрѣть и чаще переливать). О чистотѣ въ фигурахъ такожъ смотрѣть надлежитъ, ибо въ Рымплеровой плоховаты, а въ присланной нынѣ новой геометрической и тово хуже, а именно на листахъ подъ словами Л. Б. в. г. д. е. зѣло плохи. Также и фигуры я въ Смоленскѣ самъ тебѣ указывалъ, чтобъ фигуры во всю страницу, а печать такожъ вовсе противъ фигуръ во всю же страницу, дабы мѣсто довольное фигурамъ было и не такъ мелки были фигуры, ибо сіи фигуры хорошо умѣстились, а которые больше будутъ послѣ, въ которыхъ больше дѣла есть, тѣ слѣпы буде. (И понеже однова не могли бы выразумѣть, то другую модель при семъ посылаю), и для того надлежитъ ихъ какъ возможно больше дѣлать и печатью не тѣснить, а которыя уже сдѣланы тѣ для труда и времени уже пусть такою будутъ. Борсдорфовою (въ большихъ переплетахъ) вели обѣ вмѣстѣ переплетать, а въ малыхъ порознь. Рымплеровыхъ большихъ и Борсдорфовыхъ нѣсколько десятковъ напечатать вели, а малыхъ обоихъ сихъ авторовъ по нѣскольку сотъ. 25 Генваря 1709 года».

«P .S. in alia charta».

«Езоповы книжки посланы только для того, чтобы одни рѣчи выправить на Словенской языкъ и напечатать къ старымъ фигурамъ, а вновь было фигуръ вырѣзывать не надобно; однакожъ буде уже вырѣзывать зачаты, то дѣлать изподоволь, а спѣшить ими не надобно, а сюда прислать одну книжку съ старыми или прежними фигурами, переплести съ новою выправленною печатною описью. Rescripta hic epistola a propria manu Februaria 3 data illustrissimo Principi Musino-Puskino».

Судя по почерку списка, надо думать, что онъ сдѣланъ рукою самого Мусина-Пушкина. Содержаніе письма указываетъ на ту тщательную заботливость, съ какою Петръ относился къ дѣлу печатанія и слѣдилъ за его выполненіемъ. Надо принять во вниманіе также и то время, къ которому относится это письмо: Царь былъ боленъ, измѣна Мазепы уже обнаружилась, и надвигалась Полтавская битва.

А. Алелековъ.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА I.

Мое первоначальное образованіе въ Тульской гимназіи.—Поступленіе въ Главное Инженерное Училище.—Тогдашнее состояніе этого заведенія.—Генералъ Шарнгорстъ.—Выпускъ на службу въ Кіевское инженерное управленіе.—Переводъ въ Севастополь.—Неудачное плаваніе въ Одессу.—Мои работы въ Севастополѣ.

Родители мои происходили оба изъ хорошихъ дворянскихъ семей, были общительнаго характера, мать живого ума и съ отзывчивымъ сердцемъ. Отецъ вслѣдствіе тяжелой раны старался быть всегда спокойнымъ, былъ серьезный и сдержанный. Оба они пользовались въ кругу своихъ знакомыхъ полнымъ уваженіемъ.

Какъ видно изъ документовъ, отецъ мой, Дмитрій Егоровичъ, родился въ 1792 году и въ 1807, 15-тилѣтнимъ юношей, поступилъ на службу въ Роченсальмскій полкъ подпрапорщикомъ; въ 1808 и 1809 гг. сражался въ Финляндіи противъ Шведовъ и въ 1810 году перешелъ въ Тульскій пѣхотный полкъ, произведенъ въ офицеры и, не разставаясь съ этимъ полкомъ до конца своей военной службы, участвовалъ въ безпрерывныхъ походахъ и многихъ славныхъ сраженіяхъ. 23 Мая 1813 г. въ сраженіи при г. Лукау противъ французскихъ войскъ подъ начальствомъ маршала Удино, отецъ мой, командиръ стрѣлковой цѣпи, былъ тяжело раненъ пулею, которая и осталась у него въ груди. Черезъ 4 съ небольшимъ мѣсяца, 6 и 7 Октября 1813 г. отецъ снова участвовалъ въ кровавыхъ бояхъ подъ Лейпцигомъ, въ Ноябрѣ былъ въ Амстердамѣ, а съ началомъ 1814 г. во Франціи и 19 Марта въ Парижѣ. По окончаніи кампаніи онъ оставилъ военную службу и, благодаря покровительству комитета о раненыхъ, опредѣленъ въ службу гражданскую.

Отецъ женился въ 1818 г. на дочери Романа Васильевича Горбачевскаго, и отъ этого брака было пятеро дѣтей: Николай, Екатерина, Константинъ, Василій и Надежда. Въ 1836 г. вслѣдствіе сдвиженія пули съ того мѣста, гдѣ она до того времени держалась приросшею къ внутренней сторонѣ одной изъ грудныхъ костей, отецъ мой умеръ.

Библиотека "Руниверс"

Семья наша существовала службою отца, и съ его кончиною разомъ оборвались наши матеріальныя средства.

Вскорѣ послѣ смерти отца наша мать должна была отправиться въ Петербургъ хлопотать о своей пенсіи и объ опредѣленіи младшихъ трехъ дѣтей въ учебныя заведенія. Старшій мой братъ Николай находился въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, а сестра Екатерина оканчивала образованіе въ Патріотическомъ Институтѣ (ей пришлось, выходя изъ Института, явиться на свѣтъ Божій въ глубокомъ траурѣ). Я и братъ Василій учились въ Тульской гимназіи, а младшая сестра Надежда находилась дома.

Ученіе мое въ гимназіи не отличалось большимъ усердіемъ; я держался постоянно въ благословенной серединѣ и, каждый годъ переходя въ слѣдующій классъ, достигъ пятаго.

Кромѣ обычныхъ гимназическихъ занятій къ намъ приходилъ на домъ старичекъ Французъ Туссенъ (m-r Toussin), и тутъ мои успѣхи были также не велики.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, зимою 1836—37 гг., повезли насъ въ Петербургъ. Мы долго тянулись въ крытомъ возкѣ, на долгихъ, по безпрерывнымъ ухабамъ и сугробамъ. Помню, какое тяжелое чувство охватило меня когда возокъ нашъ повернулъ по Кирочной улицѣ въ ворота дома № 24, и мы въѣхали на довольно просторный дворъ, окаймленный съ трехъ сторонъ каменнымъ двухъ-этажнымъ строеніемъ, а съ четвертой домомъ выходящимъ на улицу. Матушка занимала небольшую, въ 2—3 комнаты, квартиру, и намъ показалось это такъ бѣдно и тѣсно послѣ обширной, совершенно барской, казенной нашей квартиры въ Тулѣ съ громаднымъ дворомъ и садомъ.

Начались мытарства. Мать представила насъ съ братомъ г-ну Пошману, который сказалъ, что до экзаменовъ остается еще довольно времени, и потому онъ назначилъ намъ экзаменъ предварительный, чтобы видѣть, въ чемъ мы слабѣе и на что слѣдуетъ налечь въ приготовительныхъ работахъ. Такая проба пера состоялась вскорѣ; мы съ братомъ показали себя по всѣмъ предметамъ молодцами, но по древнимъ языкамъ оба были плохи. На этомъ основаніи г. Пошманъ наотрѣзъ отказалъ допустить насъ къ экзаменамъ, и какъ мать ни умоляла, заливаясь горькими слезами, оказать намъ какое-нибудь снисхожденіе, г. Пошманъ (какъ мнѣ казалось тогда) былъ не только непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи, но даже и недостаточно участливъ и вѣжливъ къ дамѣ, съ мужемъ которой онъ находился прежде въ дружескихъ отношеніяхъ. При видѣ слезъ крайне стѣсненной въ матеріальныхъ средствахъ матери моей и отказовъ г. Пошмана, меня такъ и рвало прекратить эту тяжелую сцену какою-нибудь рѣзкою выходкою противъ директора Учи-

Библиотека "Руниверс"

лища; слово п..... такъ и вертѣлось на языкѣ. Взбѣшенный и раздосадованный, я уходилъ отъ него съ твердымъ рѣшеніемъ не домогаться болѣе опредѣленія въ Училище и никогда не являться къ нему, не смотря на его приглашенія не забывать стараго друга нашего отца.

Я думалъ тогда, что Пошманъ изъ эгоизма предпочитаетъ наполнять свое Училище сыновьями людей вліятельныхъ, при помощи которыхъ онъ могъ бы укрѣпиться на своемъ мѣстѣ и пойти далѣе и потому пренебрегаетъ нами бѣдняками.

Въ Петербургѣ однако въ то время не одинъ былъ Пошманъ, къ покровительству котораго могла прибѣгнуть наша мать: другой благопріятель отца былъ Ѳедоръ Ивановичъ Прянишниковъ, стоявшій тогда во главѣ почтоваго вѣдомства. Онъ съ давняго времени находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ Пошману, и вотъ при помощи Прянишникова мать успѣла добиться отъ Пошмана небольшой уступки, а именно онъ предложилъ помѣстить насъ на годъ въ Третью Гимназію, съ директоромъ которой онъ былъ въ отношеніяхъ пріятельскихъ, обѣщая черезъ годъ допустить насъ къ экзамену въ Училище Правовѣдѣнія.

Я съ твердостію отказался отъ такой сдѣлки. Я не вѣрилъ словамъ Пошмана и просилъ матушку дать мнѣ средства подготовиться къ экзаменамъ въ Главное Инженерное Училище: шагъ рѣшительный, за который не разъ благодарилъ я судьбу. Братъ же мой Василій поступилъ въ Третью Гимназію и, пробывъ тамъ 2—3 года, перешелъ затѣмъ въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія; о принятіи его въ Училище Правовѣдѣнія Пошманъ конечно и не заикался. Я сдержалъ свое слово: никогда больше его не видалъ.

Приготовить меня въ Инженерное Училище взялъ на себя дежурный офицеръ роты юнкеровъ Училища Павелъ Ѳедоровичъ Ферморъ (впослѣдствіи начальникъ Военно-Юридической Академіи); болѣе же всего занимался со мною другъ Фермора, инженеръ-подполковникъ Бенецкій (женившійся вскорѣ на сестрѣ Фермора). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я выдержалъ экзаменъ и поступилъ въ Училище въ началѣ Января 1838 года.

Въ это время я и братья мои подружились и часто проводили свободные часы съ семействомъ Квиста. Бывшая сверстница матушки по пансіону, дочь Ивана Васильевича Горбачевскаго Анна *), вышла замужъ за Квиста и имѣла трехъ сыновей: Александра Ильича (въ то время юнкера Главнаго Инженернаго училища, а впослѣдствіи инженеръ-генералъ-лейтенанта, даровитаго профессора Николаевской Акаде-

*) Сестра декабриста Ив. Ив. Горбачевскаго, оставившаго Записки, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 года. См. также „Русскій Архивъ“ 1890, III, 112. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

міи Генеральнаго Штаба), Оскара Ильича, готовившагося въ то время въ Училище Правовѣдѣнія, и Вадима Ильича младшаго изъ всѣхъ насъ, учившагося дома, а затѣмъ поступившаго въ Главное Инженерное Училище и умершаго въ чинѣ инженеръ-генералъ-маіора въ Одессѣ.

Въ Училищѣ, въ мое время, было четыре юнкерскихъ класса и два офицерскихъ; теперь первые и составляютъ собственно Николаевское Инженерное Училище, тогда какъ офицерскіе классы названы Николаевскою Инженерною Академіею.

Въ началѣ 1838 г. я поступилъ въ младшій, 4-й классъ, а въ тоже время въ Училище приняты были въ 3-й классъ К. Я. Звѣревъ (впослѣдствіи товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части) и Г. Е. Паукеръ (бывшій впослѣдствіи министръ Путей Сообщенія).

По окончаніи годичнаго курса меня перевели въ 3-й классъ послѣднимъ по баламъ ученикомъ. Въ 3-мъ классѣ оставлено было на второй годъ нѣсколько юнкеровъ, и меня посадили чуть ли не на самой послѣдней скамейкѣ вмѣстѣ съ ними; классъ былъ многочисленный и шумный, и притомъ эти неудобные сосѣди мѣшали мнѣ внимательно слѣдить за лекціями. Недовольный состоять въ числѣ послѣднихъ, явныхъ лѣнивцевъ, я обратился къ начальству съ просьбою перевести меня обратно въ низшій, 4-й классъ. Это обстоятельство обратило на меня вниманіе многихъ, въ особенности директора Училища, извѣстнаго своею ученостію, генерала Шарнгорста. Онъ очень одобрялъ мое рѣшеніе; товарищи же и знакомые мнѣ юнкера верхнихъ классовъ, въ томъ числѣ Роше и Александръ Квистъ, говорили, что напрасно я такъ поступилъ, что пребываніе юнкера въ ротѣ дѣло не легкое и что года черезъ два я буду раскаеваться въ моемъ поступкѣ. Но я не раскаивался, сначала потому, что не тяготился бытомъ юнкера; а дальше, познакомившись ближе со своими товарищами, я даже полюбилъ Училище. Помню, въ 3-мъ классѣ рядомъ со мною сидѣлъ Трутовскій, впослѣдствіи славный художникъ. Однажды ему вздумалось нарисовать мой портретъ. «Сиди, Хлѣбниковъ, смирно и вотъ такъ, сказалъ онъ, я нарисую тебя», и я сидѣлъ терпѣливо нѣсколько минутъ. На грубой сѣрой бумагѣ Трутовскій нарисовалъ меня въ профиль. Я до сего времени сохраняю эту юношескую работу; самого же Трутовскаго я и въ глаза не видалъ съ того времени. Въ 3-й классъ поступилъ Д. И. Романовскій, съ которымъ мы шли до самаго выпуска изъ Училища. Первый годъ служили и бѣдствовали вмѣстѣ въ Кіевѣ, оттуда онъ черезъ годъ уѣхалъ на Кавказъ, съ переводомъ въ пѣхотный полкъ, а затѣмъ поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба и впослѣдствіи былъ покорителемъ Ходжента. Нашъ 3-й классъ заявилъ себя серьознымъ отношеніемъ къ учебнымъ занятіямъ; почти всѣ мы работали усердно и въ

Библиотека "Руниверс"

свободное время охотно читали подходящія къ нашему возрасту сочиненія. Такъ шло и далѣе сквозь остальные классы Училища; словомъ, по замѣчанію нашихъ преподавателей, мы представляли собою группу искреннихъ поклонниковъ знанія. Въ нижнемъ офицерскомъ классѣ къ намъ присоединились Аппельбергъ, сильный математикъ, Седергольмъ, славный защитникъ кр. Кинбурна въ 1855 г., извѣстный самостоятельный писатель по фортификаціи Небольсинъ, сподвижникъ мой при осадѣ кр. Силистріи въ 1854 г. и герой Севастополя, гдѣ онъ погибъ смертельно раненый. Въ юнкерскихъ классахъ кромѣ Романовскаго моими товарищами были Бекетовъ (родной братъ профессора Бекетова), Бирюлевъ (родной братъ извѣстнаго моряка), Сальковъ и нѣсколько другихъ, все люди съ дарованіями далеко недюжинными. Впереди же насъ шли К. Я. Звѣревъ, Г. Е. Паукеръ, А. И. Квистъ, Д. В. Григоровичъ, Ѳ. М. Достоевскій, Ѳ. Ѳ. Радецкій, М. П. Кауфманъ, столь извѣстные современному обществу. Въ числѣ другихъ моихъ товарищей былъ Безобразовъ, сынъ сенатора, любившій и хорошо понимавшій пѣніе; благодаря его стараніямъ, мы иногда имѣли очень пріятное развлеченіе: домашніе, исключительно въ своемъ кругу, вокально-музыкальные вечера.

Помню также, какъ Ѳ. М. Достоевскій и Бережецкій увлекались совмѣстнымъ чтеніемъ, если не ошибаюсь, Шиллера. Бывало, читаютъ, читаютъ и вдругъ заспорятъ, и затѣмъ скоро, очень скоро пойдутъ чрезъ всѣ наши камеры или спальни, одинъ впереди, какъ бы убѣгая, чтобы не слышать возраженій другаго, что̀ дѣлалъ обыкновенно Бережецкій, а его преслѣдовалъ Достоевскій желая досказать ему свои мысли. А когда мы были уже въ офицерскихъ классахъ, то случалось, что собирались Сальковъ, я и еще кто нибудь у Моисеенко-Великаго, для занятій сообща, и при этомъ засиживались иногда до полуночи, когда занятія были уже окончены, и мы просто болтали. Къ намъ приходилъ Ѳ. М. Достоевскій и завоевывалъ наше общее вниманіе къ своимъ вдохновеннымъ разсказамъ; уже далеко за полночь, всѣ мы сильно уставши, а Достоевскій стоитъ схватившись за половинку двери и говоритъ съ какимъ-то особенно нервнымъ одушевленіемъ; глухой, совершенно грудной звукъ его голоса наэлектризованъ, и мы прикованы къ разсказчику.

Вообще, въ мое время, Училище, благодаря его директору генералу Шарнгорсту, человѣку ученому и любившему заниматься науками до конца своей жизни, имѣло весьма серьезное направленіе.

Не могу не сдѣлать здѣсь отступленія и не сказать нѣсколько подробнѣе объ этомъ замѣчательномъ начальникѣ. Генералъ-маіоръ Василій Львовичъ Шарнгорстъ свое воспитаніе получилъ въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія; 7-го Апрѣля 1835 г. произведенъ въ

Библиотека "Руниверс"

генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ Главнаго Инженернаго Училища. Съ 1839 года В. Л. былъ и членомъ существовавшаго тогда при Инженерномъ Департаментѣ Военно-Ученаго Комитета. Съ самаго основанія спеціальнаго изданія «Инженерныя Записки», въ 1826 г., В. Л., въ теченіи 30 лѣтъ, принималъ въ немъ самое дѣятельное участіе, въ особенности же за время его предсѣдательства въ Комитетѣ, когда «Инженерныя Записки» издавались подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Онъ помѣстилъ въ нихъ много своихъ собственныхъ трудовъ въ видѣ извлеченій изъ извѣстныхъ иностранныхъ сочиненій, переводовъ, рецензій и библіографическихъ обзоровъ. Его занимали самые крупные вопросы строительнаго искусства, какъ напримѣръ, опредѣленіе посредствомъ вычисленій условій устойчивости сводовъ и ихъ упоровъ, толстоты эскарпныхъ стѣнъ, подводныя работы въ морскихъ гаваняхъ и т. п., а изъ области военныхъ наукъ—атака и оборона крѣпостей, и по этимъ предметамъ работы В. Л. доставили нашему спеціальному изданію цѣнный вкладъ. Въ 1857 г. В. Л. основалъ, взамѣнъ «Инженерныхъ Записокъ», Инженерный Журналъ и издавалъ его непрерывно до преобразованія въ 1860 г. Во время же, когда В. Л. былъ предсѣдателемъ Инженернаго Отдѣленія Военноученаго Комитета имъ были составлены два изданія «Памятной Книжки» для инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Первое изданіе этого труда, въ которомъ В. Л. принималъ самое дѣятельное участіе, редижируя лично всѣ вошедшія въ составъ его статьи, было выпущено въ свѣтъ въ 1845 г. Къ трудамъ В. Л. принадлежатъ также: Положеніе объ Инженерномъ Комитетѣ, замѣнившемъ Общее Присутствіе Инженернаго Деп-та по искуственной части и Инженерное Отдѣленіе Военно-Ученаго Комитета, Положеніе о конкурсахъ на преміи, замѣнившихъ прежнія экзаменныя задачи, разработка новаго Положенія объ «Инженерномъ Журналѣ» и наконецъ, самое главное, какъ по объему, такъ и по значенію, составленіе Частныхъ Инструкцій комендантамъ крѣпостей Имперіи (составлены инструкціи комендантамъ 18 крѣпостей). Этотъ почтенный трудъ, весьма тщательно обработанный, какъ и все выходившее изъ подъ пера В. Л., съ надлежащими разсчетами по снабженію, вооруженію и приведенію каждой крѣпости въ оборонительное положеніе, составилъ слишкомъ 1800 писанныхъ листовъ, и весьма многое въ немъ составлено и написано имъ было на-черно собственноручно. Онъ любилъ науку и трудъ и не замѣтно успѣвалъ внушить намъ любовь къ знаніямъ. Это былъ выдающійся начальникъ училища, который на своемъ посту дѣйствовалъ вполнѣ самостоятельно, не допуская никакого вліянія со стороны. Онъ подавалъ собою примѣръ въ любознательности, трудолюбіи, точности, приличіи во всемъ, въ хладнокровной строгости безъ малѣйшаго увлеченія когда либо, справедли-

Библиотека "Руниверс"

вости во всемъ и къ каждому и отсутствіи тѣни лицепріятія или злопамятства. Его идеалы были чистые и возвышенные; его воспитательныя и вообще служебныя заслуги достойны долгой и благоговѣйной памяти въ потомствѣ. Онъ умеръ 11 Ноября 1873 г., и я помню, какое единодушіе было проявлено тогда въ средѣ инженеровъ; всѣ считали кончину В. Л. Шарнгорста большою потерею для Инженернаго Корпуса и со всѣхъ сторонъ слышалось тогда одно: необходимо тѣмъ или другимъ способомъ увѣковѣчить имя этого почтеннаго дѣятеля и, если не ошибаюсь, остановились на учрежденіи въ Училищѣ стипендіи имени Василія Львовича.

Профессоровъ и преподавателей генер. Шарнгорстъ избиралъ съ большою разборчивостію. Изъ бывшихъ въ юнкерскихъ классахъ я помню преподавателя физики Эвальда, а въ офицерскихъ классахъ съ большимъ вниманіемъ мы слушали у геніальнаго математика Остроградскаго дифференціальное и интегральное исчисленія и съ большимъ интересомъ слушали знаменитаго строителя Николаевскаго моста инженера путей сообщенія Кербедза, который читалъ механику; введеніе къ ней, прочитанное имъ въ первой лекціи, привело насъ въ восторгъ, и мы съ трудомъ воздержались отъ аплодисмента.

Въ моей памяти врѣзался одинъ разговоръ Шарнгорста съ Остроградскимъ. Это было во время переводныхъ экзаменовъ младшаго офицерскаго класса. Кому-то изъ моихъ товарищей досталось изъ интегральнаго исчисленія довольно сложная и трудная задача. Шарнгорстъ, обратясь къ Остроградскому, сказалъ вполголоса: «Вотъ вчера мнѣ пришлось взять этотъ интегралъ, и представьте, я съ этимъ дѣломъ не сладилъ».—«А вы попробуйте, ваше превосходительство, отвѣчалъ ему Остроградскій, видоизмѣнить подъ-интегральную функцію, и тогда скоро дойдете до конца». Вотъ, думаю, каковъ нашъ начальникъ: онъ и до сихъ поръ занимается высшею математикою. Какъ же тогда намъ, юнымъ птенцамъ, не заниматься ею! И это было въ такое время, какъ царствованіе императора Николая I-го, когда во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ обученіе фронту, маршированію и дѣланію различныхъ пріемовъ съ ружьемъ отведено было первое мѣсто; благодаря нашему разумному начальству, у насъ въ Главномъ Инженерномъ училищѣ, мы почитали науку, а на такія эквилибристическія упражненія, какъ напримѣръ, на маршированіе тихимъ шагомъ въ три пріема, смотрѣли болѣе чѣмъ равнодушно, просто съ пренебреженіемъ; также сознавали, что всѣ увлеченія Государя, его занятія съ войсками, никакого соотношенія съ настоящимъ военнымъ дѣломъ не имѣютъ.

Никогда не забуду того страха, который я испыталъ въ минуту раздраженія Государя послѣ одного изъ ученій, которое онъ дѣлалъ

Библиотека "Руниверс"

въ Петергофѣ отряду военно-учебныхъ заведеній. На заднемъ отъ нашего лагеря полѣ было грязно, много лужъ. Когда приходилось идти черезъ воду, то натурально, что многіе предпочитали или обойти лужу или прыгнуть черезъ нее. Государь за это былъ нами недоволенъ и по окончаніи ученья, подойдя къ нашей ротѣ, началъ кричать на насъ. Въ свою очередь мы были утомлены, голодны, а слѣдовательно и нетерпѣливы; двое или трое изъ насъ, довольно громко, въ отвѣтъ на его брань, посылали по его адресу очень рѣзкіе эпитеты. Я думалъ, что если только онъ услышитъ, то бѣда намъ всѣмъ неминучая; но къ счастью онъ въ пылу гнѣва не слыхалъ, и дѣло окончилось благополучно.

Генералъ Шарнгорстъ оставилъ свой постъ, когда я оканчивалъ курсъ верхняго офицерскаго класса, такъ что на окончательныхъ нашихъ экзаменахъ предсѣдательствовалъ назначенный на его мѣсто генералъ Ломновскій. Замѣна была не въ пользу Училища: безпристрастіе, строгая справедливость и уваженіе къ знаніямъ замѣнились соображеніями иного свойства. Но я слишкомъ увлекаюсь своимъ Училищемъ, которому искренно признателенъ за просвѣтленіе моего умственнаго кругозора, а еще болѣе за внѣдреніе во мнѣ охоты трудиться для пріобрѣтенія новыхъ знаній.

Послѣ Училища я занимался очень долго надъ различными отраслями знаній и въ этихъ трудахъ находилъ большую усладу и успокоеніе отъ житейскихъ треволненій и огорченій.

Мнѣ необходимо вернуться нѣсколько назадъ и сказать, что вслѣдъ за помѣщеніемъ меня въ Инженерное Училищѣ, а брата Василія въ Третью Гимназію, мать наша принялась работать надъ опредѣленіемъ младшей нашей сестры Надежды въ институтъ. Въ то время не было еще женскихъ гимназій, и потому помѣщеніе дѣвочки въ институтъ было сопряжено съ невообразимыми трудностями; но энергія матери была не изъ слабыхъ. Какъ однако ни настойчивы были ея домогательства, однако помѣстить дочь въ одинъ изъ Петербургскихъ институтовъ не удалось и пришлось согласиться на опредѣленіе ея въ Екатерининскій Московскій Институтъ.

Съ большимъ интересомъ слѣдила мать за нашимъ образованіемъ, радовалась каждому нашему успѣху, печалилась вмѣстѣ съ нами при всякой неудачѣ.

Въ 1842 г. Августа 8-го я произведенъ въ офицеры съ оставленіемъ въ Училищѣ для продолженія своего образованія въ офицерскихъ классахъ. Я жилъ вмѣстѣ съ матерью и ходилъ ежедневно въ классы, которые начинались въ 9 ч. утра и оканчивались въ 3 часа. Ходить было довольно далеко, что особенно чувствовалось въ ненастную осен-

Библиотека "Руниверс"

мою погоду, по утрамъ, когда на улицахъ свѣтились еще фонари, а первая лекція начиналась при лампахъ. Конокъ въ то время не было, ѣздить же на извощикахъ было не по средствамъ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1843 г. я переведенъ былъ въ верхній офицерскій классъ и 19-го того же Августа произведенъ въ подпоручики.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1844 г. приходилось приготовиться къ отвѣту, куда я желаю быть назначеннымъ на службу. Порядокъ въ этомъ случаѣ наблюдался такой, что старшимъ по выпускному экзамену офицерамъ предоставляли право выбора, а послѣднихъ назначали по усмотрѣнію начальства. Мнѣ хотѣлось уѣхать на Югъ, который манилъ меня и своимъ климатомъ, и вообще новизною для меня своей природы. Я намѣтилъ себѣ Севастополь и сообщилъ о томъ матушкѣ, но она была не согласна со мною, говорила, что тамъ царствуютъ лихорадки и просила выбрать что нибудь поближе. Я остановился на Кіевѣ.

30-го Августа 1844 г. я произведенъ по экзамену въ поручики, первымъ, а за примѣрное прилежаніе, поведеніе и отличные успѣхи въ наукахъ записанъ на почетной доскѣ въ Николаевскомъ Инженерномъ Училищѣ.

Мать, кажется, и ногъ подъ собою не слышала отъ радости, что я выпущенъ изъ училища первымъ и мое имя будетъ навѣки красоваться на мраморной доскѣ; во что бы ни стало, ей хотѣлось хотя-бы взглянуть на эту надпись. Тутъ явилась у нея мысль, чтобы я воспользовался своимъ правомъ перваго по выпуску и заявилъ, что я желаю быть назначенъ въ гвардейскій саперный баталіонъ. Баталіонъ этотъ въ то время былъ недосягаемою мечтою для многихъ, въ томъ числѣ и для молодаго сапернаго офицера Э. И. Тотлебена. Мать, конечно, не думала о такомъ производствѣ; ей болѣе всего улыбалась мысль имѣть возможность не разставаться со мною. Но я, ни на минуту не колеблясь, наотрѣзъ отказалъ матери, ибо не могъ выносить фронтовой службы, тогда какъ карьера ученаго инженера меня плѣняла, и я зачитывался описаніями работъ по возведенію какихъ-нибудь сооруженій, когда приходилось бороться съ природою; какъ напримѣръ возведеніе Эдистонскаго маяка. Да кромѣ того я не любилъ Петербурга за его ужасный климатъ и всегда думалъ, что молодой человѣкъ, окончивъ свое образованіе въ Петербургѣ, долженъ немедля бѣжать изъ него, искать лучшей природы, болѣе нормальнаго образа жизни, болѣе разнообразной дѣятельности.

Не могу я сожалѣть, что не пошелъ въ гвардейскіе саперы. Вмѣсто Петербурга я былъ годъ въ Кіевѣ и затѣмъ семь лѣтъ въ Севастополѣ на берегу Чернаго моря, гдѣ и запасся на всю жизнь здо-

Библиотека "Руниверс"

ровьемъ. Для опыта жизни и вообще для умственнаго кругозора, кажется, выгоднѣе побывать въ разныхъ краяхъ, видѣть разныхъ людей, видѣть Русскую жизнь въ различныхъ ея проявленіяхъ, чѣмъ оставаться постоянно на одномъ мѣстѣ, особенно такомъ какъ Петербургъ.

Нечего и говорить, что если бы пошелъ я въ гвардейскіе саперы, то теперь былъ-бы уже давнымъ давно полнымъ генераломъ. Но что же изъ этого?

7-го Октября 1844 г. я явился на службу въ Кіевъ. Туда-же назначены были поручики: Романовскій, Бекетовъ и Баумъ и подпоручикъ Максимовъ.

Съ молодыхъ лѣтъ я не любилъ ходить въ церковь, стоять неподвижно на одномъ мѣстѣ было для меня утомительно; но въ Кіевѣ я съ большимъ наслажденіемъ приближался иногда къ главнымъ входнымъ дверямъ Собора въ Лаврѣ, вечеромъ, во время всенощной; громадное зданіе Собора съ высокими мрачными сводами, разукрашенными старинною живописью, громадный иконостасъ, сильный басъ дьякона, облака курящагося ладана и художественное пѣніе хора пѣвчихъ, все это способно было переносить мысли и мечты человѣка далеко отъ толчеи житейской.

Начальникомъ крѣпостного инженернаго управленія или, какъ тогда называли, командиромъ Кіевской Инженерной команды былъ инженеръ-полковникъ Бурманъ.

Я жилъ въ Печерской части, въ домѣ маіора, состоявшаго по особымъ порученіямъ при Кіевскомъ генералъ-губернаторѣ Бибиковѣ; маіоръ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, женатъ на простой дебелой бабѣ, которая была отличная хозяйка и кормила меня превосходно. Одноэтажный, небольшой деревянный домикъ маіора выходилъ на улицу, а на дворѣ была изба, въ одной половинѣ которой помѣщалась кухня маіора, а на другой половинѣ избы двѣ маленькія комнаты составляли мою квартиру; одна комната смотрѣла во дворъ, а другая въ садъ. И служебныя занятія и наша общественная жизнь въ Кіевѣ были довольно безцвѣтны; мы нуждались въ деньгахъ, мало гдѣ бывали и не пользовались никакими общественными развлеченіями. Ходишь бывало вмѣстѣ, ходишь вечеромъ по берегу Днѣпра и затѣмъ отправляешься къ кому-нибудь изъ насъ чаевать.

Въ Кіевѣ я служилъ одинъ только годъ и въ концѣ Октября 1845 года былъ переведенъ въ Севастополь, гдѣ оставался до конца 1852 года, и кажется, что эти годы съ 23-хъ лѣтняго до 30-ти лѣтняго возраста моей жизни были годами наилучшими. Въ эти годы я много работалъ надъ самимъ собою и много учился.

Библиотека "Руниверс"

Въ то время Севастополь, находившійся подъ исключительнымъ начальствомъ знаменитаго героя Наварина, адмирала Михаила Петровича Лазарева, представлялъ собою въ нѣкоторомъ смыслѣ оазисъ, гдѣ жилось всѣмъ намъ привольно. Петербургскія тиски для стѣсненія человѣческихъ мозговъ не досягали тогда Севастополя. Въ мое время это былъ не городъ, а исключительно только военный портъ. Увидѣть штатскаго была большая рѣдкость; моряки составляли единственное населеніе Севастополя, и въ этой массѣ была совершенно незначительная частица инженеровъ морской строительной части, военныхъ инженеровъ и армейской пѣхоты. Корниловъ, Нахимовъ, Истоминъ, Новосильскій, Панфиловъ, Метлинъ и Матюшкинъ были при мнѣ капитанами 1-го ранга, командовали флотскими экипажами и кораблями. Андрей Александровичъ Поповъ и Иванъ Александровичъ Шестаковъ были лейтенантами. Съ Поповымъ, Штофрегеномъ и многими другими моряками я былъ знакомъ.

Общественной жизни въ настоящемъ смыслѣ слова не было; благовоспитанныхъ и хорошо образованныхъ дамъ и дѣвицъ, обыкновенно столь украшающихъ общество, почти совсѣмъ не было; дамы же моряковъ, за ничтожнымъ исключеніемъ, не вносили интереса въ общественную жизнь, и потому какъ ни мила была намъ привольная жизнь въ Севастополѣ, она подъ часъ душила однообразнымъ и столь исключительнымъ составомъ общества.

Когда случалось съѣздить въ Одессу, полную тогда жизни и въ гаваняхъ, и на улицахъ, то она очаровывала насъ: какъ будто-бы попадалъ въ какой-то новый обще-человѣческій міръ, гдѣ все прекрасно. Теперешняя Одесса на половину городъ Жидовскій, тогда какъ въ старое время главными негоціантами были Итальянцы и Греки, и потому улицы пестрѣли людьми красивыми и щеголевато одѣтыми. Въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ была прекрасная Итальянская опера. Босседжіо и Брамбилли были знаменитыя пѣвицы, привлекавшія въ театръ множество посѣтителей.

Изъ за желанія насладиться ихъ пѣніемъ я порядочно однажды пострадалъ.

Подъ Вознесенскомъ императоръ Николай производилъ въ 1846 году маневры, по окончаніи которыхъ 13-я пѣхотная дивизія была направлена въ Одессу съ тѣмъ, чтобы Черноморскій флотъ перевезъ дивизію изъ Одессы въ Севастополь, гдѣ она была постоянно расположена. Для такой перевозки назначена была значительная эскадра изъ двухъ и трехдечныхъ парусныхъ кораблей (въ то время у насъ только поговаривали о паровыхъ судахъ, и въ Черноморскомъ флотѣ было только три парохода, весь-же флотъ былъ парусный).

Библиотека "Руниверс"

Въ началѣ Октября 1846 г. эскадра отправилась въ Одессу и очень скоро вернулась, привезя одну бригаду пѣхоты. Знакомый мнѣ лейтенантъ началъ меня уговаривать ѣхать съ нимъ въ Одессу на кораблѣ «Три Іерарха». «Погода превосходная, въ Одессѣ на дняхъ будетъ бенефисъ Брамбилли, мы отлично проведемъ время». Я послушался пріятеля, взялъ двухъ-недѣльный отпускъ и наканунѣ ухода эскадры въ Одессу для забора второй бригады 13-й дивизіи, отправился вечеромъ на корабль въ каюту своего пріятеля. Сняться съ якоря должны были раннимъ утромъ. Когда я на другой день вышелъ на верхъ, то былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что мы были все еще въ виду Севастополя: въ морѣ полный штиль. На другой и третій день тоже самое. Наконецъ задулъ вѣтеръ, прямо намъ въ лобъ. Пришлось лавировать. Началась сильная качка, и я вынужденъ былъ по цѣлымъ днямъ, спасаясь отъ морской болѣзни, лежать въ своей койкѣ (лежачаго меня не мутитъ). Кораблемъ «Три Іерарха» командовалъ капитанъ 1-го ранга Вукотичъ, на кораблѣ сверхъ того находился контръ-адмиралъ Колтовской, командовавшій двумя кораблями эскадры. Частныхъ лицъ кромѣ меня были гувернантка Колтовскихъ и нѣсколько женщинъ и мужчинъ изъ простонародья. Погода засвѣжѣла, корабль нашъ былъ изъ старенькихъ, скрипѣлъ и шумѣлъ во всѣхъ концахъ; паруса убавили и, если не ошибаюсь, то мы были подъ однѣми только марселями; посуда была закрѣплена, и только нѣсколько забытыхъ стульевъ въ каютъ-компаніи, которыя не были закрѣплены, бросались съ одной стороны каютъ-компаніи на другую. Это было въ Октябрѣ. Вдругъ громадный шумъ въ кормѣ; рубка или деревянный колпакъ, маскировавшій стержень руля, запрыгалъ; моряки кинулись къ мѣсту катастрофы и, по осмотрѣ руля, объявили, что крыло руля отломилось отъ стержня. Энергичный капитанъ мгновенно распорядился бросить нѣсколькихъ матросовъ въ воду, которые должны были схватить крыло, притянуть его къ стержню и затѣмъ такъ приладить, чтобы руль могъ продолжать службу безъ участія стержня, а повороты крыла дѣлались бы при помощи канатовъ, прикрѣпленныхъ къ обѣимъ сторонамъ крыла и пропущенныхъ черезъ шкивы на ютъ. Температура была совсѣмъ не теплая, и я любовался ловкостію и выносливостію матросовъ, привязанныхъ на веревкахъ, какъ боролись со всѣми трудностями работы въ свѣжей водѣ и при сильномъ волненіи. Но дѣло однако было сдѣлано, и корабль принялъ правильное направленіе. Надо сказать, что Вукотичъ пользовался репутаціею хорошаго моряка. Человѣкъ самолюбивый и нервный, онъ былъ крайне обезпокоенъ случившеюся поломкою руля, и для него это было тѣмъ болѣе непріятно, что на кораблѣ находился адмиралъ, котораго онъ считалъ гораздо ниже себя въ смыслѣ знанія морской службы.

Библиотека "Руниверс"

Поговаривали, что между капитаномъ корабля и адмираломъ были два-три крупные разговоры и что капитанъ будто бы началъ заговариваться, что̀ въ его жизни случалось два уже раза. Вѣтеръ между тѣмъ продолжалъ быть сильнымъ; мы шли только подъ марселями взятыми на 2—3 рифа, и надо же было на бѣду Вукотича, чтобы сломалась гротарея. Скандалъ былъ окончательный. Подали сигналъ о такомъ событіи начальнику эскадры и получили въ отвѣтъ приказаніе «Идти по способности, въ конвоиры назначается корабль «Ростиславъ». Бѣдный мой Вукотичъ совсѣмъ сошелъ съ ума, волновался, говорилъ всякій вздоръ. Адмиралъ и не смѣлъ показываться на глаза капитану, который говорилъ адмиралу дерзости.

Мы отдѣлились отъ эскадры и понеслись къ Турецкому берегу; на другой день укрылись отъ свирѣпствовавшей бури за мысомъ Калиакра, что̀ немного выше Варны. Вукотичъ настаивалъ на томъ, чтобы идти на присоединеніе къ эскадрѣ, что никакой опасности нѣтъ и быть не можетъ; но адмиралъ настоялъ на своемъ стать на якорь и назначилъ комиссію изъ старшихъ офицеровъ обоихъ кораблей, которой поручилъ осмотрѣть состояніе руля и рѣшить вопросъ что̀ дѣлать далѣе, идти ли въ Варну или Константинополь для починки или вернуться домой, не задаваясь болѣе намѣреніемъ зайти въ Одессу за войсками. До рѣшенія комиссіи положено не сноситься съ Турецкимъ берегомъ, дабы избѣжать необходимости выдерживать, по возвращеніи въ Севастополь, карантинъ.

Между тѣмъ, независимо отъ претерпѣнныхъ нами бѣдствій, у насъ въ каютъ-компаніи оказались бѣдствія другого свойства: голодъ и для курильщиковъ недостатокъ въ сигарахъ и папиросахъ. Всѣ мы уходили изъ Севастополя съ полною увѣренностію быть въ Одессѣ, во всякомъ случаѣ, чрезъ 2—3 дня и тамъ сдѣлать всѣ свои закупки и запасы. Но мы плавали уже дней десять. Когда за обѣдомъ вносили въ каютъ-компанію блюдо съ кашею, то надо было затыкать носъ, до такой степени прогоркло масло; прислуживавшіе намъ за столомъ матросы получали отъ насъ порученіе сбѣгать на бакъ, спросить тамъ хотя-бы тютюну; но и то приносили по небольшимъ щепоткамъ, цѣна на каковыя возрастала съ каждымъ днемъ. При такихъ бѣдствіяхъ было для насъ радостнымъ событіемъ отыскать въ какомъ-то углу корабля ящикъ съ сотнею коробокъ сардинокъ и нѣсколько дюжинъ портера; это была закупка, сдѣланная при первомъ рейсѣ въ Одессу и которую не успѣли сдать въ Севастополѣ за неявкою получателя, содержателя кухни нашего Военнаго Собранія.

Въ Воскресенье я былъ приглашенъ адмираломъ къ обѣду, и большое было затрудненіе побриться при страшной качкѣ; позвали цирюль-

Библиотека "Руниверс"

ника. Я сѣлъ на свою койку, а онъ vis-à-vis меня, на орудійный станокъ, прочно прикрѣпленный къ борту; сдѣлаетъ одно два-движенія своею бритвою, и вдругъ ударъ волны, все содрогнется, а мой цирульникъ мгновенно поднимаетъ руку съ бритвою на воздухъ и ожидаетъ возстановленія спокойствія. Обѣдъ у адмирала въ щегольски отдѣланной обширной каютѣ и хорошо меблированной прошелъ превосходно; Француженка-гувернантка дѣлала кофе, и на минуту можно было вообразить, что вы не на кораблѣ, злополучно плавающемъ среди разсвирѣпѣвшихъ волнъ, а сидите гдѣ-нибудь въ городѣ, въ богатомъ домѣ.

Комиссія, которую назначилъ адмиралъ для осмотра руля и рѣшенія поставленныхъ ей вопросовъ, на катерахъ, подробно изслѣдовала дѣло и въ засѣданіи, бывшемъ на нашемъ кораблѣ, рѣшила, не сносясь съ берегомъ, произвести нѣкоторыя работы подручными средствами и затѣмъ идти прямо въ Севастополь. Согласно такому рѣшенію адмиралъ отдалъ приказанія; работы начались немедленно, и черезъ сутки мы пустились въ плаваніе. Вѣтеръ началъ стихать, погода дѣлалась болѣе сносною, и больные изъ частныхъ лицъ, всего больше женщины и дѣти, начали поправляться. Судовой докторъ былъ молодой человѣкъ, родной братъ знаменитаго Польскаго поэта Мицкевичъ, которому я много былъ обязанъ: онъ снабжалъ меня Французскими книгами.

Какъ-то вечеромъ пришли сказать мнѣ, что Вукотичъ желаетъ меня видѣть. Крайне неохотно я пошелъ къ нему на шканцы, и долго пришлось мнѣ бесѣдовать съ человѣкомъ, если не совершенно сумасшедшимъ, то по крайней мѣрѣ находившимся въ сильно возбужденномъ состояніи. Адмиралъ имѣлъ намѣреніе лишить Вукотича права управленія кораблемъ и, связавъ его, запереть въ каютѣ. Для этого онъ поручилъ Мицкевичу произнести свое мнѣніе на счетъ состоянія умственныхъ способностей капитана; но докторъ былъ человѣкъ чрезвычайно осторожный и отвѣчалъ, что признать капитана сумасшедшимъ еще нельзя, но лишеніе свободы способно сдѣлать его вполнѣ умопомѣшаннымъ.

Въ разговорѣ со мною Вукотичъ видимо высказывалъ опасенія за свое поведеніе съ адмираломъ и сравнивалъ себя съ тѣмъ капитаномъ 1-го ранга Балтійскаго флота, который не задолго передъ тѣмъ былъ разжалованъ въ матросы за дерзость, сказанную на кораблѣ своему начальнику.

На другой или третій день мы были недалеко отъ южнаго берега Крымскаго полуострова, и къ намъ начала садиться на снасти корабля и даже на палубу птица, оторванная сильными вѣтрами отъ материка. Матросы хватали птицу руками, и Вукотичъ пригласилъ меня пообѣ-

Библиотека "Руниверс"

дать съ нимъ, дабы раздѣлить, какъ онъ говорилъ, манну небесную посланную намъ Богомъ.

На 16-й день по выходѣ изъ Севастополя мы шли хорошимъ попутнымъ вѣтромъ на створъ Севастопольскихъ маяковъ, когда съ вершины мачтъ матросы закричали, что вдали видна наша эскадра, возвращавшаяся съ войсками изъ Одессы. Вскорѣ и эскадра насъ увидала, и съ корабля ея начальникомъ поданъ былъ сигналъ намъ: присоединиться къ эскадрѣ.

Съ радостію мы влетѣли въ Севастопольскій рейдъ. Но наши два корабля «Три Іерарха» и «Ростиславъ» подняли карантинный флагъ и отправили катеръ въ карантинъ для объясненія, что мы, хотя и были у Турецкихъ береговъ, но съ берегомъ не сносились. Часа черезъ полтора привезено было изъ карантина разрѣшеніе спустить карантинный флагъ.

Я кинулся скорѣе съ корабля домой къ своимъ друзьямъ, давая себѣ мысленно слово никогда не связываться съ парусными судами.

Генералъ Павловскій, мой начальникъ, къ которому я явился на другой день и извинялся, что просрочилъ два дня, не пожалѣлъ язычка, чтобы посмѣяться надо мною, какъ хорошо я слушалъ пѣніе Брамбилли.

Да, далась мнѣ эта Брамбилли! И нельзя вѣдь сказать, что я вернулся домой, не солоно хлѣбавши: довольно наглотался я въ эти дни морской воды.

Старшимъ начальникомъ военныхъ инженеровъ въ Севастополѣ былъ упомянутый строитель Севастопольскихъ укрѣпленій инженеръ-генералъ-маіоръ П. М. Павловскій. Между сослуживцами у меня не было ни товарищей по Училищу, ни людей, съ которыми я сошелся бы до отношеній пріятельскихъ. Я жилъ въ наемной квартирѣ одинъ, ни у кого не бывалъ, и ко мнѣ никто не заходилъ. Въ это время я усиленно занимался изученіемъ Французскаго языка, а затѣмъ принялся за теорію строительнаго искусства и переводилъ съ Французскаго языка на Русскій Теоретическую Механику Понселе.

На второй годъ моей службы въ Севастополѣ я назначенъ былъ производителемъ всѣхъ новыхъ и ремонтныхъ работъ на сѣверной сторонѣ рейда, гдѣ были трехъ-ярусныя казематированныя батареи, Константиновская и Михайловская, обширная съ открытою обороною земляная батарея № 4-й и Сѣверное укрѣпленіе.

Главный недостатокъ Севастопольскихъ укрѣпленій состоитъ въ отсутствіи при нихъ прѣсной воды, и такъ какъ рытье колодцевъ въ каменистой почвѣ было затруднительно и не могло привести къ удовлетворительному рѣшенію вопроса, то мнѣ предложено было заняться составленіемъ проекта и выполненіемъ работы по устройству (сообраз-

Библиотека "Руниверс"

ной съ величиною гарнизона батареи № 4-й), цистерны, куда можно было бы собирать дождевую воду, которая въ теченіе года выпадаетъ на площади укрѣпленія и на всѣ его отлогости. Эту работу мнѣ удалось выполнить съ полнымъ успѣхомъ, и въ бытность мою въ 1888 г. въ Севастополѣ я имѣлъ удовольствіе видѣть первое свое произведеніе, существующее уже болѣе 40 лѣтъ. Чертежи и описаніе цистерны помѣщены были мною въ Инженерномъ Журналѣ.

Вторая моя работа состояла въ укрѣпленіи берега при батареѣ № 4-й отъ прибоя морскихъ волнъ. Проектъ составленъ былъ не мною и надѣлалъ мнѣ много заботъ.

Батарея № 4-й, существующая и по сіе время, состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней батареи. Въ верхней батареѣ, вдоль ея двора, замѣчена была трещина. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что вся масса земли верхней батареи, вмѣстѣ съ землею всей половины внутренней площади, наклонна сдвинуться съ своего мѣста, вслѣдствіе того, что вся эта масса земли покоилась на толстомъ каменномъ пластѣ съ поверхностію наклоненною къ морю. Эта поверхность была покрыта тонкимъ слоемъ глины, поверхъ которой находилась земля. Послѣ большихъ дождей мнѣ случалось наблюдать небольшое движеніе глины и земли по поверхности толстаго каменнаго слоя, при чемъ ясно были видны отпечатки шероховатой поверхности камня.

Для меня ясно было, что предложенный мнѣ для исполненія проектъ укрѣпленія берега батареи имѣлъ въ виду предохранить берегъ только отъ дальнѣйшаго его разрушенія прибоемъ волнъ; но ничего не было назначено сдѣлать съ цѣлію задержать сползаніе половины верхней батареи, и потому надо было опасаться, что проектированная набережная стѣна не только не удержитъ землю отъ движенія, но будетъ ею опрокинута. Поэтому я медлилъ открытіемъ работъ по устройству набережной стѣнки и изыскивалъ средства съ цѣлію отложить ихъ до слѣдующаго года, чтобы пересоставить утвержденный уже проектъ. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, когда я распоряжался на батареѣ № 4 разными другими работами, я замѣтилъ большой 12-ти весельный, зеленый катеръ съ тентомъ строителя, который, выйдя изъ артиллерійской бухты на рейдъ, повернулъ на право и взялъ направленіе прямо на батарею № 4. Быть бѣдѣ, подумалъ я, зная нетерпѣливость и вспыльчивость генерала Павловскаго. И дѣйствительно, убѣдившись, по осмотрѣ батареи, что ничего не сдѣлано для приступленія къ работѣ по укрѣпленію берега, строитель разразился громкимъ выговоромъ, долго кричалъ, и наконецъ потребовалъ, чтобы въ туже минуту, въ его присутствіи, я распорядился постановкою рабочихъ на работу.

Библиотека "Руниверс"

Дѣлать было нечего, я началъ работу, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно принялся за составленіе чертежа и расчета, которыми старался доказать, что набережная стѣна будетъ неминуемо опрокинута, и даже показалъ видъ ея разрушенія. Все это я представилъ при рапортѣ начальству, а самъ заботился только о томъ, чтобы матеріалъ и самое выполненіе работъ по устройству набережной стѣны были вполнѣ безупречны, чтобы никто не могъ сказать, что стѣна повалилась не отъ дурного проекта, а отъ дурного производства работы.

Работы эти окончены были своевременно. Съ наступленіемъ осени я переселился въ городскую свою квартиру. Одно время преусердно шли дожди, и предсказанный мною результатъ устройства набережной стѣны не замедлилъ своимъ появленіемъ. Я получилъ отъ присмотрщика полуграмотную записку съ батареи № 4, извѣщавшую, что вновь возведенная мною набережная стѣна разрушена. Я поспѣшилъ на мѣсто происшествія, захвативъ съ собою черновой чертежъ, чтобы повѣрить, такъ ли именно повалилась стѣна, какъ я предсказывалъ въ своемъ рапортѣ начальству. По осмотрѣ обвала, къ моему скрытому удовольствію, я убѣдился, что все обстоитъ благополучно: стѣна обрушилась совершенно такъ, какъ я и предполагалъ. Это случилось осенью 1850 г., а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1851 года, по тщательномъ разборѣ дѣла командированнымъ изъ Петербурга инженернымъ генераломъ Дзичканцомъ, я награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени.

Работа эта подала мнѣ поводъ къ чтенію многихъ сочиненій относительно производства работъ въ морѣ и на морскихъ берегахъ и къ изученію особенностей Севастопольскаго рейда, послѣ чего была мною составлена и помѣщена въ Инженерномъ Журналѣ статья объ укрѣпленіи береговъ Севастопольскаго рейда противъ разрушительнаго дѣйствія морскихъ волнъ. Статья эта обратила на себя вниманіе профессора Инженерной Академіи Паукера и нѣсколько позднѣе я узналъ, что и профессоръ строительнаго искуства въ Инженерной Академіи Герсевановъ (нынѣ директоръ Института Инженеровъ Путей Сообщенія) ссылается въ своихъ лекціяхъ на произведенныя мною изысканія надъ разрушительнымъ для построекъ изъ дерева въ Севастопольскихъ водахъ дѣйствіемъ червяка, называемаго корабельный шашень.

Строительныя работы въ Севастополѣ въ мое время не были особенно замѣчательны, и у насъ, инженеровъ, было много свободнаго времени. Пользуясь этимъ, я принялся за изученіе Англійскаго языка. Съ годами я дошелъ до того, что свободно читалъ въ подлинникѣ лучшихъ писателей Англійской литературы и спеціальныя по инженерной части сочиненія, а когда бывалъ въ Англіи, то, въ случаѣ надобности, и произносилъ въ общественныхъ собраніяхъ спичи.

Библиотека "Руниверс"

Военные инженеры въ Севастополѣ болѣе всего дружили съ инженерами морской строительной части, во главѣ которыхъ находился Артуръ Романовичъ Мейнардъ, человѣкъ любившій общество и весьма гостепріимный. Онъ женатъ былъ на Александрѣ Петровнѣ Матвѣевой, отлично воспитанной и образованной, которая и составляла притягательный центръ нашего кружка. Она хорошо понимала музыку и любила ее; на фортепіано она играла превосходно, любила книги, постоянно слѣдила за современною литературою и, наконецъ, любила общество и отличалась въ немъ бойкимъ, живымъ умомъ. Въ настоящую минуту Александра Петровна Мейнардъ, вдова, живетъ въ Кронштадтѣ и много уже лѣтъ состоитъ начальницею женской гимназіи, пользуясь, какъ и вездѣ, всеобщимъ уваженіемъ и благосклоннымъ къ ней расположеніемъ великой княгини Александры Іосифовны. 30 Августа 1893 года исполнится 25 лѣтъ со времени основанія этой гимназіи и 25-ти лѣтней въ ней службы главной распорядительницы ея.

Я болѣе всего сблизился съ инженеромъ морской строительной части Мартыномъ Михайловичемъ Бородатовымъ и поселился съ нимъ въ одномъ домѣ, принадлежавшемъ негоціанту Синодино, который не жилъ въ Севастополѣ и два своихъ дома, съ однимъ общимъ дворомъ, отдавалъ въ наемъ инженеру Николаю Семеновичу Гѳра. Николай Семеновичъ, построившій въ Севастополѣ Мортоновъ элингъ, былъ впослѣдствіи главнымъ строителемъ Одесскихъ гаваней. Гѳра занималъ одинъ домъ, а другой отдавалъ въ наемъ Бородатову и мнѣ. Первый домъ стоялъ фасадомъ къ Востоку, къ Малахову кургану, а нами занимаемый домъ смотрѣлъ на Западъ, и съ нашего балкона былъ чудный видъ на море.

Морская библіотека, подлѣ которой мы жили, была для насъ большимъ подспорьемъ. Мнѣ удалось найти тамъ прекрасное сочиненіе Voyage autour du Caucase et en Crimée, par Dubois de Montperreux, 6 томовъ, изъ коихъ два послѣдніе посвящены историческому и геологическому описанію Крыма. Намъ вздумалось провѣрить нѣкоторые геологическіе разрѣзы, съ показаніемъ напластованія различныхъ каменныхъ породъ, и вотъ мы, человѣкъ 6—8 инженеровъ, по временамъ предпринимали поѣздки во внутрь Крымскаго полуострова, верхомъ на Татарскихъ скакунахъ. Затѣмъ поѣздки наши участились, и вошло въ обычай каждую весну и каждую осень совершать поѣздки на Южный берегъ, гдѣ Алупка была мѣстомъ нашей главной остановки, откуда мы предпринимали поѣздки верхомъ во всѣ почему нибудь замѣчательныя мѣста живописнаго Южнаго берега.

Когда вспоминаешь это старое, благодатное время, полное жизни, то невольно напрашивается вопросъ, а кому мы обязаны были за всю

Библиотека "Руниверс"

нашу порядочность въ самую бурную пору нашей молодости? Обдумывая теперь издалека этотъ вопросъ, приходится мысленно благодарить главу нашего кружка, Александру Петровну Мейнардъ за то благодѣтельное вліяніе, которое она, какъ женщина талантливая и высоко нравственная, имѣла надъ нами. Мы были въ одно и тоже время и друзьями ея, и учениками, невольно подчиняясь незамѣтному, но могущественному, неотразимому ея воздѣйствію.

Въ Апрѣлѣ 1849 г. въ Петербургѣ открылось дѣло Петрашевскаго, по которому въ числѣ обвиненныхъ былъ И. М. Дебу, сосланный въ арестанскія роты въ кр. Килію. Въ 1851 г. онъ былъ переведенъ въ Севастопольскую военно-рабочую роту, и какъ только Бородатовъ и я узнали, что въ такой-то день Дебу долженъ быть доставленъ по этапу въ Севастополь, то рѣшили познакомиться съ нимъ и постараться облегчить его участь *).

Знакомство наше съ И. М. Дебу кончилось тѣмъ, что онъ вскорѣ перешелъ къ намъ жить, бросилъ солдатскую одежду, надѣлъ пиджакъ, познакомился въ семейныхъ домахъ нашего круга и началъ проповѣдывать намъ ученіе соціалистовъ Фурье, Консидерана и другихъ.

У насъ появились подходящія къ предмету нашихъ занятій книги, начались общія чтенія и безконечные споры. Фаланстеры соціалистовъ мнѣ представлялись абсурдомъ несогласнымъ съ природою человѣка, и я постоянно возражалъ нашему новому знакомцу. Такъ дѣло тянулось нѣсколько мѣсяцевъ, расколъ въ кружкѣ былъ явный, и потому я предложилъ продолжать общія занятія, но съ условіемъ совершенно измѣнить предметъ занятій, бросить утопическія бредни Французскихъ соціалистовъ и заниматься науками положительными.

При этомъ мнѣ вспоминается одно занятіе, носившее нѣсколько юмористическій характеръ. Въ Севастополѣ строился соборъ обыкновенной Византійской архитектуры съ куполомъ; своды и паруса были сведены, и образовано уже кольцо, на которомъ положено нѣсколько рядовъ кладки стѣнъ фонаря, какъ было замѣчено нѣсколько трещинъ въ стѣнахъ. Работы были остановлены, и нашему пріятелю инженеръ-подполковнику Матвѣеву (брату А. П. Мейнардъ) поручено было освидѣтельствовать работу и повѣрить по проэкту устойчивость зданія.

Желая помочь Матвѣеву, я и Бородатовъ рѣшились провѣрить устойчивость проэктированнаго собора путемъ вычисленій, а для этого предварительно считали полезнымъ прочесть объ устойчивости сводовъ,

---

*) Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается на стр. 129-й въ книгѣ: „Біографія, письма и замѣтки Ѳ. М. Достоевскаго 1883 г.“

Библиотека "Руниверс"

статью Паукера; но оказалось, что этотъ трудъ почтеннаго профессора изложенъ съ такою непроходимою сухостію и безжизненностію, что сколько нибудь продолжительное чтеніе неотразимо влекло насъ ко сну: засыпалъ то я, то Бородатовъ, между тѣмъ прочесть до конца оставалось еще много.

Чтобы поощрить насъ какъ нибудь, Бородатовъ предложилъ, въ случаѣ если мы въ теченіи дня не прочтемъ столькихъ-то страницъ убійственнаго трактата Паукера, то лишаемся права пить за вечернею закускою эль; а эль у насъ тогда, привезенный знакомыми моряками изъ заграницы, былъ чудо какой вкусный и дѣйствовалъ на нервы замѣчательно успокоительнымъ образомъ: послѣ стакана элю получался сонъ спокойный и глубокій. Имѣлъ же почтенный Германъ Егоровичъ талантъ и терпѣніе составить трактатъ объ устойчивости сводовъ такъ томительно-скучно!

Въ 1852 году въ Севастополь пріѣзжалъ инспекторъ инженернаго корпуса инженеръ-генералъ Денъ, и его сопровождалъ генералъ Дзичканецъ. Цѣль ихъ пріѣзда была ознакомиться съ окрестною мѣстностію и указать линію обороны Севастополя съ сухого пути. Тогда же генералъ Денъ указалъ на значеніе для обороны высотъ Зеленой горы и на правомъ берегу Килен-балки. Для составленія проэкта генералъ Денъ избралъ меня и приказалъ назначить меня въ распоряженіе генерала Дзичканца. Вслѣдствіе сего, въ концѣ 1852 г., послѣдовало распоряженіе о переводѣ меня въ С.-Петербургскую Инженерную команду, для занятій при чертежной Инженернаго Департамента.

ГЛАВА II.

Переводъ въ Петербургъ.—Назначеніе къ князю Горчакову.—Бумажное недоразумѣніе съ княземъ Горчаковымъ.—Штабъ князя Горчакова.—Высочайшая инструкція князю Горчакову.—Ея неопредѣленность.—Капитанъ Красовскій.—Характеристика князя Горчакова.—Его замѣчательная разсѣянность.—Штабныя личности.—Разъѣзды по Валахіи.—Неудобства почтовой ѣзды.

Изъ Севастополя я уѣзжалъ съ стѣсненнымъ сердцемъ: мнѣ жаль было разставаться съ моремъ.

Въ Петербургъ я явился въ Январѣ 1853 года къ неописанной радости матери, которая жила съ замужнею моею сестрою Екатериною Дмитріевною Чупиною; онѣ жили въ Измайловскомъ полку, и я нанялъ въ томъ же домѣ въ нижнемъ этажѣ небольшую квартирку.

Вскорѣ я переселился на Большую Морскую, нанявъ квартиру со столомъ отъ жильца, почтеннаго старика Дюкерлея, преподавателя Французскаго языка въ институтахъ. Онъ былъ женатъ и имѣлъ двухъ взрослыхъ дочерей; кромѣ меня тутъ были Вл. Ив. Захаровъ, учитель

Библиотека "Руниверс"

древнихъ языковъ въ Первой гимназіи *), лейтенантъ Елагинъ, поручикъ л.-гв. Московскаго полка Гартманъ и штабсъ-капитанъ Семеновскаго полка Буссе, всѣ съ одною что и я цѣлію пользоваться обществомъ Французовъ для пріобрѣтенія привычки свободно говорить по французски. Я засталъ генерала Дзичканца обремененнаго работою по составленію многихъ проектовъ для различныхъ крѣпостей; но болѣе всего онъ работалъ и заставилъ меня помогать еще въ окончаніи его проектовъ для новой крѣпости, которую имѣлось въ виду построить около Луцка или Дубно хорошо не помню; послѣ я припялся за Севастополь.

Мнѣ не удалось однако долго оставаться въ Петербургѣ. Только что переѣхали мы съ Дюкерлеями на дачу въ Маѣ мѣсяцѣ 1853 года, на Крестовскій Островъ, какъ на другой же день моего переселенія, когда я только что вышелъ совершить мирнымъ образомъ свою утреннюю прогулку, ко мнѣ подошелъ писарь и подалъ пакетъ съ предписаніемъ немедленно явиться къ начальнику штаба инженернаго корпуса генералу Политковскому.

Я поспѣшилъ исполнить въ точности полученное приказаніе. Генералъ прежде всего спросилъ меня въ какомъ положеніи находится составленіе проекта обороны Севастополя съ сухого пути, на что я доложилъ, что направленіе линіи сухопутныхъ укрѣпленій выработано и нанесено на общій планъ Севастополя карандашемъ, что планъ этотъ инспекторъ инженернаго корпуса инженеръ-генералъ Денъ докладывалъ Государю Императору и Его Величество одобрилъ общую идею укрѣпленій, и что за тѣмъ работа эта по случаю отсутствія генерала Дена, выѣхавшаго въ свой маіоратъ Козеницы, пріостановлена.

Выслушавъ меня, начальникъ штаба объявилъ мнѣ, что по волѣ Государя Императора часть нашихъ войскъ должна занять временно Дунайскія княжества Молдавію и Валахію,, что командующимъ этими войсками назначается ген.-адьют. князь М. Д. Горчаковъ и что отъ инженернаго корпуса предполагается въ распоряженіе князя назначить меня. Я поблагодарилъ начальника штаба за вниманіе ко мнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ рѣшительнымъ тономъ просилъ избрать для такой командировки кого нибудь другого, изъяснивъ, что я столь продолжительное уже время отсутствовалъ изъ Петербурга, который привязываетъ меня моими близкими родными, а во 2-хъ я никогда не служилъ при войскахъ и опасаюсь не исполнить хорошо возлагаемаго на меня порученія. Генералъ Политковскій выразилъ удивленіе моему уклоненію и сказалъ, что занятіе княжествъ не есть еще объявленіе войны, что

*) Въ послѣдствіи начальникъ Плоцкой учебной дирекціи.

Библиотека "Руниверс"

все можетъ обойтиться мирно и что тогда я могу скоро вернуться въ Петербургъ, получивъ награду за такую командировку. Въ концѣ онъ прибавилъ, что сегодня же я долженъ быть на пристани Петергофскихъ пароходовъ въ такомъ-то часу. «Я поѣду съ вами въ Петергофъ представить васъ военному министру и князю Горчакову», сказалъ онъ.

Военнымъ министромъ былъ тогда князь Долгоруковъ. Онъ принялъ насъ любезно и скоро отпустилъ, сказавъ, что я долженъ быть представленъ Горчакову.

Князя Горчакова я видѣлъ въ первый разъ. Высокій худощавый, въ очкахъ, онъ поразилъ меня узкимъ хотя и высокимъ черепомъ; мнѣ показалось, что онъ не обладаетъ спокойствіемъ и увѣренностію человѣка дѣлающаго дѣло хорошо ему извѣстное; какая-то озабоченность и подавленность отъ несомаго имъ груза произвели на меня не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Кажется, что и я, въ свою очередь, не вполнѣ удовлетворилъ князя, отвѣтивъ на его вопросы, что въ саперахъ я никогда не служилъ, организаціи понтонныхъ баталіоновъ не знаю, и что кромѣ производства крѣпостныхъ работъ я ничѣмъ другимъ не занимался. По крайней мѣрѣ мнѣ говорили, что князь возражалъ противъ назначенія меня, ссылаясь на то, что, по волѣ Государя штабъ, формируемый для князя какъ командующаго войсками 4-го и 5-го армейскими корпусами, долженъ быть самый ограниченный, и потому единственнаго инженера, котораго ему давали, онъ желалъ бы имѣть болѣе опытнаго въ военномъ дѣлѣ, служившаго при войскахъ на Кавказѣ или принимавшаго участіе въ Венгерской кампаніи. Мое инженерное начальство успокоило князя на счетъ меня, распространившись на счетъ особенно отличныхъ качествъ, будто-бы за мною числившихся, и дѣло кончилось тѣмъ, что князь Горчаковъ призвалъ меня къ себѣ еще разъ и приказалъ выѣхать одновременно съ нимъ въ Кишиневъ.

Начальникъ штаба инспектора по инженерной части сообщилъ мнѣ что высочайше повелѣно выдать мнѣ въ пособіе полугодовое жалованье по усиленному окладу, и сверхъ того двойныя прогонныя деньги до м. Леово, въ Бессарабіи, на р. Прутѣ.

Мое имущество находилось и у матери, на зимней квартирѣ въ Измайловскомъ полку, и у Дюкерлея, на его квартирѣ на Большой Морской, и на дачѣ. Надо было все собрать, привести въ порядокъ, отдѣливъ, что̀ надо было взять съ собою, и наконецъ повидаться съ матерью и сестрою, которыя жили тогда чуть ли не въ Царскомъ Селѣ, проститься съ пріятелями и явиться къ начальству, и все это надо было сдѣлать въ какихъ-нибудь 3—4 дня. Помню, что всѣ дни проходили въ переѣздахъ съ острововъ въ городъ, оттуда въ Петергофъ, и обратно въ городъ и въ Царское Село.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ усталый и измученный сборами, я выскочилъ изъ Петербурга (проживъ въ немъ всего около 4-хъ мѣсяцевъ) въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца 1853 года.

Я ѣхалъ на перекладной по курьерской подорожной, безостановочно день и ночь и такъ подъ конецъ усталъ, что подъ утро ямщики обыкновенно вынимали меня изъ телѣги, приговаривая: барина-то укачало. Помню, какъ на одной станціи утромъ мнѣ приготовляла кофе какая-то хорошенькая дѣвушка, и я вздумалъ обратиться къ ней съ любезною фразою, но на срединѣ рѣчи заснулъ въ креслѣ.

Въ Кишиневѣ я засталъ князя Горчакова въ большой суетѣ; штабъ его не былъ еще вполнѣ сформированъ, мы не знали что дѣлать и для исполненія какихъ обязанностей кто изъ насъ призванъ.

Изъ Измаила пріѣхалъ къ князю саперный генералъ, ген. лейт. Бухмейеръ, командированный еще ранѣе на Югъ, чтобы озаботиться подготовленіемъ мостовъ для переправы чрезъ Дунай. Послѣ доклада своего у князя, Бухмейеръ потребовалъ меня къ себѣ и засадилъ писать множество бумагъ отъ имени князя къ военному министру, къ князю Меншикову бывшему тогда въ Севастополѣ, къ Новороссійскому генералъ-губернатору, къ командирамъ 4 и 5 корпусовъ и ко многимъ другимъ лицамъ. Я никогда не занимался въ управленіяхъ письменною частію, а Бухмейеръ не больше меня понималъ это дѣло. Мы старались съ нимъ изложить только суть дѣла и нисколько не позаботились на счетъ стиля и тѣхъ пріемовъ, которые употребляются при сношеніяхъ служебныхъ съ лицами выше или ниже стоящими. Ночью мы окончили работу, и Бухмейеръ тотчасъ же уѣхалъ куда-то. Какой-то писарь переписалъ наши черновыя, и за тѣмъ я не знаю кому были отданы бумаги для доклада князю, который, какъ извѣстно, всю свою жизнь потратилъ на сочиненіе и шлифовку бумагъ въ качествѣ начальника штаба у главнокомандующаго пѣхотной арміею князя Варшавскаго, графа Паскевича Эриванскаго. Легко себѣ представить, какъ возмущенъ былъ князь Горчаковъ при чтеніи бумагъ изготовленныхъ на живую нитку Бухмейеромъ и мною. Къ несчастію, все его негодованіе излилось на меня совершенно неповиннаго, такъ какъ я даже и не былъ при докладѣ Бухмейера и не зналъ какія приказанія отдавалъ ему князь Горчаковъ. На его выговоры я смѣло отвѣчалъ, что написалъ я то, что приказывалъ мнѣ ген. Бухмейеръ и что къ нему князь долженъ обратить свои замѣчанія. Сцена эта вышла нѣсколько бурная, и я, вернувшись на квартиру, написалъ тотчасъ-же рапортъ о болѣзни, а къ генер. Политковскому письмо, въ которомъ просилъ его объ отозваніи меня изъ арміи. Рѣшивъ не служить подъ начальствомъ князя Горчакова, я оставался спокойно дома и не дѣлалъ никакихъ распоря-

Библиотека "Руниверс"

женій, чтобы приготовиться къ походу, не покупалъ ни верховой лошади, ни упряжныхъ и экипажа.

Чрезъ нѣсколько дней навѣстилъ меня адъютантъ князя и, сообщивъ по его порученію, что главная квартира командующаго войсками на дняхъ должна выступить въ походъ, переправиться черезъ р. Прутъ у Скулянъ и идти на Яссы, спросилъ меня о моемъ здоровьи и буду ли я въ состояніи слѣдовать со штабомъ князя. Я отвѣчалъ, что все еще боленъ и чувствую себя не въ силахъ ни заниматься службою, ни ѣхать въ Яссы.

Около 1-го Іюля 1853 года штабъ командующаго войсками выѣхалъ изъ Кишинева. Между тѣмъ отвѣта отъ генерала Политковскаго я не получалъ. Не помню, кто изъ моихъ знакомыхъ зашелъ ко мнѣ и началъ уговаривать, чтобы я ѣхалъ къ князю; кажется, что былъ у меня Бухмейеръ, вернувшійся изъ Измаила и говорилъ мнѣ въ томъ же духѣ. Я послушался этихъ совѣтовъ и поѣхалъ чрезъ Скуляны въ Яссы. Въ послѣдствіи я узналъ, что, по полученіи моего письма, Политковскій писалъ къ Бухмейеру и просилъ его уладить мое дѣло.

Въ Яссахъ я явился къ командующему войсками и генералъ маіору С. П. Бутурлину, назначенному на должность генералъ-квартирмейстера. Вообще къ этому времени организація штаба уже ясно обозначилась. Мнѣ поручено было завѣдывать въ управленіи генералъ-квартирмейстера отдѣленіемъ инженерно-артиллерійскимъ, а равно и дѣлами по Дунайской флотиліи, состоявшей изъ 27 канонерскихъ лодокъ, находившихся тогда въ Измаилѣ.

Въ этомъ управленіи были генеральнаго штаба полковники графъ Остенъ-Сакенъ, Веймарнъ, Меньковъ, Эрнротъ и капитаны Макшеевъ, Залѣсовъ и др. Для завѣдыванія артиллерійскимъ отдѣленіемъ прибылъ, когда мы были уже въ Букарестѣ, капитанъ гвардейской конной артиллеріи Гольдманъ, и за тѣмъ я былъ начальникомъ отдѣленія только инженернаго, къ которому относилась и флотилія. Съ появленіемъ моего въ Яссы отношеніе ко мнѣ князя Горчакова было всегда внимательное, и онъ возлагалъ на меня столь серьезныя порученія, что и нельзя было сомнѣваться, что я пользуюсь у него довѣріемъ. Это все что мнѣ нужно было, и скоро я привыкъ къ канцелярской работѣ и хотя занятій было всегда много, я не тяготился своимъ положеніемъ.

Изъ Яссъ мы вскорѣ двинулись по дорогѣ къ Букаресту. Князь Горчаковъ требовалъ, чтобы я не двигался походнымъ порядкомъ съ его штабомъ, а переѣзжалъ съ одного пункта на другой одновременно съ нимъ на почтовыхъ.

Въ Текучѣ, 8 Іюля 1853 г., призвавъ меня къ себѣ, князь сообщилъ, что, на случай перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, имѣются,

Библиотека "Руниверс"

у него слѣдующія средства: 1) Плотовой мостъ въ Измаилѣ длиною 360 саж., изъ коего половина наведена уже и служитъ сообщеніемъ между Измаиломъ и островомъ Чаталомъ, а другая предназначается для соединенія сего послѣдняго съ правымъ берегомъ Дуная; 2) два понтонныхъ парка, №№ 4, 5, могущіе составить мостъ въ 152 саж. и 3) канонирскія лодки числомъ 17, если употребить только оставшіеся свободными за разстановками другихъ по Дунаю, или 27, если употребить полное ихъ число, могущее служить устоями моста длиною 85—135 саж. Все это вмѣстѣ составитъ мостъ длиною 597—647 саж. Но князь Горчаковъ полагалъ, что по ходу дѣлъ можетъ случиться: а) что переходъ нашъ черезъ Дунай надо будетъ совершить не въ Измаилѣ, а выше сего пункта и б) что намъ нужно будетъ совершить его въ двухъ пунктахъ, на низовьѣ рѣки около Измаила или Исакчи и выше на пространствѣ между Галацомъ и Гирсовымъ. Въ первомъ случаѣ перемѣщеніе Измаильскаго плотового моста вверхъ по Дунаю, при быстромъ его теченіи, затруднительно; а во-второмъ случаѣ, для устройства моста изъ канонерскихъ лодокъ, надобно будетъ пріобрѣсти, кромѣ желѣза и канатовъ, лѣсу въ количествѣ, какое окажется по разсчету.

По этимъ соображеніямъ князь Горчаковъ поручалъ мнѣ собрать точныя свѣдѣнія о томъ, какіе пункты на Дунаѣ между Галацомъ и Гирсовымъ, по мѣстоположенію своему, представляютъ болѣе удобства для устройства переправы; во вторыхъ, я обязанъ былъ узнать что можно найти на этомъ протяженіи рѣки къ построенію новаго моста изъ мѣстныхъ средствъ, а также, гдѣ удобнѣе пріобрѣсть матеріалы для устройства онаго изъ нашихъ канонирскихъ лодокъ.

Для этого командующій войсками приказалъ мнѣ отправиться въ Галацъ, дабы 1-) разузнать тамъ подъ рукою о наводненіяхъ при этомъ пунктѣ Дуная, когда они обыкновенно начинаются и когда вода упадаетъ настолько, что устройство моста дѣлается возможнымъ; 2-е) осмотрѣть берега и опредѣлить болѣе удобный пунктъ для переправы; 3-е) соображаясь съ шириною и глубиною рѣки, быстротою ея теченія, формою и натурою береговъ и дна рѣки, разсмотрѣть, принимая во вниманіе мѣстныя средства, какого рода мостъ удобнѣе устроить въ Галацѣ. Такъ какъ это пунктъ торговый, то можетъ быть представится возможность пріискать небольшія суда могущія служить къ составленію моста; въ тѣхъ же видахъ, на случай недостаточнаго числа подобныхъ судовъ въ Галацѣ, я обязанъ былъ справиться, нѣтъ ли таковыхъ на низовой части Серета, которая судоходна, и узнать, возможно ли покупкою или другимъ какимъ-либо образомъ собрать ихъ при надобности и съ какими издержками можетъ быть сопряжено уст-

Библиотека "Руниверс"

ройство подобнаго моста. Я долженъ былъ также справиться въ Галацѣ, имѣются ли въ продажѣ матеріалы необходимые для моста на канонерскихъ лодкахъ, какова ихъ цѣнность и какія есть средства для передвиженія ихъ, равно какъ и устроеннаго на мѣстѣ моста, вверхъ противъ теченія рѣки.

Собравъ всѣ эти свѣдѣнія въ Галацѣ, я обязанъ былъ, съ тою же цѣлію и также безъ огласки, подъ какимъ нибудь другимъ благовиднымъ предлогомъ, переѣхать въ Браиловъ, а оттуда въ Кіору (что̀ противъ Гирсова), гдѣ, продолжая скрывать цѣль своего пріѣзда, высмотрѣть самымъ тщательнымъ образомъ удобное мѣсто для постановки моста черезъ Дунай и разузнать о мѣстныхъ для того средствахъ; развѣдать также, можно ли сплавлять лѣсъ въ Кіору по рѣкѣ Яломицѣ и въ случаѣ если рѣка эта сплавная, то узнать, въ какихъ мѣстахъ по оной можно легче найти лѣсъ и другіе матеріалы, необходимые для моста и можно ли сыскать ихъ въ требуемомъ количествѣ.

Сверхъ того князь Горчаковъ поручилъ мнѣ узнать число и степень прочности мостовъ на р. Серетѣ отъ г. Максинени внизъ по ея теченію до пересѣченія съ дорогою изъ Браилова въ Галацъ черезъ Водени, и состояніе сообщенія между Галацомъ и Рени.

Для облегченія возложеннаго на меня порученія мнѣ дано было письмо къ консулу нашему въ Галацѣ и кромѣ прогонныхъ денегъ еще 150 рублей на непредвидимыя издержки.

Князь совѣтовалъ мнѣ, при изслѣдованіи береговъ и дна Дуная, нарядиться казакомъ и вмѣстѣ съ другими казаками купаться, а чтобы еще лучше маскировать цѣль моей поѣздки, онъ далъ мнѣ за своею подписью предписаніе отправиться въ Галацъ и Браиловъ для осмотра помѣщенія расположенныхъ тамъ отрядовъ и размѣщенія постовъ Карантинной, Молдавской и Валахской стражи на пространствѣ отъ Галаца до Браилова.

Чрезъ два дня по полученіи этого порученія я долженъ былъ выѣхать въ Галацъ; но въ теченіи этого времени князь Горчаковъ получилъ изъ Вѣны отъ нашего чрезвычайнаго посланника и полномоченнаго министра при Австрійскомъ дворѣ, т. е. барона Мейендорфа свѣдѣнія, какъ мнѣ показалось, успокоительнаго свойства относительно переговоровъ съ Портою, и поѣздка моя признана была преждевременною и потому отсрочена.

Князь Горчаковъ, трудолюбивый въ высшей степени и заботливый, всегда старался все предусмотрѣть и заранѣе приготовиться на всѣ случайности, былъ въ ту пору до крайности стѣсненъ данными ему императоромъ Николаемъ инструкціями. Въ собственноручной запискѣ Императора, сообщенной князю 28 Мая 1853 г., сказано, что Государь

Библиотека "Руниверс"

не желалъ войны, какъ по гибельному вліянію климата Турціи, такъ и по неопредѣленности цѣли, которую онъ можетъ назначить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ. Ежели хотимъ избѣгнуть конечнаго ниспроверженія Турецкой имперіи, онъ предполагалъ, въ случаѣ неуспѣха послѣдней попытки къ склоненію Оттоманской Порты на принятіе предложенныхъ нами условій, обратиться къ понудительнымъ мѣрамъ, усиливая ихъ сообразно ходу обстоятельствъ, въ слѣдующей постепенности:

1-я эпоха. По полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій, переправить черезъ Прутъ войска, на Молдавской границѣ собираемыя, и занять Дунайскія княжества, не объявляя войны, но объяснивъ, что войска наши займутъ эти области *въ залогъ*, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи При совершеніи этого предпріятія отнюдь не переправляться черезъ Дунай и избѣгать враждебныхъ дѣйствій и пр.

2-я эпоха. Если упорство Оттоманской Порты заставитъ насъ усилить понудительныя мѣры, то и тогда предполагается, не переходя черезъ Дунай, объявить блокаду Босфора и, смотря по обстоятельствамъ, разрѣшить нашимъ крейсерамъ брать Турецкія суда въ Черномъ морѣ. Тогда же имѣется въ виду предварить Турецкое правительство, что дальнѣйшее его упорство можетъ имѣть послѣдствіемъ объявленіе независимости Дунайскихъ княжествъ и Сербіи. Желательно, чтобы Австрійцы, раздѣляя наши виды, заняли Герцеговину и Сербію.

3-я эпоха. Если же не подѣйствуетъ эта угроза, то наступитъ время ее исполнить, и въ такомъ случаѣ признаніе независимости княжествъ будетъ, безъ сомнѣнія, началомъ разрушенія Оттоманской имперіи.

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1853 года мы, вступая въ княжества, были еще въ началѣ 1-й эпохи; переходъ черезъ Дунай не имѣлся вовсе въ виду, по мыслямъ императора Николая, а князь Горчаковъ уже заботился о средствахъ къ преодолѣнію такого серьознаго препятствія какъ Дунай. Мостъ въ Измаилѣ строился вслѣдствіе бывшаго, но уже миновавшаго, предположенія Государя занять Бабадахскую область, что̀ замѣнилось занятіемъ Дунайскихъ княжествъ.

Въ Текучѣ мы пробыли около двухъ недѣль. Жары были сильныя, и я радъ былъ подышать сельскимъ воздухомъ среди полей и богатой растительности.

Въ бытность нашу въ Текучѣ явился въ наше управленіе генералъ-квартирмейстера какой-то армейскій офицерикъ, поручикъ или штабсъ-капитанъ Красовскій. По его разсказу, генералъ Бутурлинъ, при своемъ проѣздѣ въ Яссы, смотрѣлъ находившійся на его пути полкъ и, обративъ на Красовскаго вниманіе, приказалъ ему прибыть

Библиотека "Руниверс"

въ штабъ-квартиру командующаго войсками. Извѣстный впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Красовскій мало-по-малу втерся въ нашу среду и занялъ должность ординарца при начальникѣ штаба нашихъ войскъ, генералъ-адъютантѣ Коцебу.

Послѣ Текуча мы не останавливались по долгу на промежуточныхъ пунктахъ и проѣхали такимъ образомъ въ Бухарестъ, гдѣ намъ, чинамъ штаба командующаго войсками, были отведены очень хорошія квартиры и по возможности поближе къ дому занятому княземъ Горчаковымъ и генералъ-адъютантомъ Коцебу. Они жили въ одномъ домѣ, вверху князь, а внизу Коцебу; домъ былъ окрашенъ желтою краскою, что̀ и служило къ нескончаемымъ шуткамъ и разсказамъ о томъ что дѣлается въ желтомъ домѣ. Тутъ юмористъ и веселый разсказчикъ И. И. Красовскій порядочно-таки поработалъ языкомъ. Придя однажды съ докладомъ къ князю, я зашелъ на минутку къ Красовскому, который жилъ внизу, занимая одну изъ переднихъ комнатъ квартиры Коцебу.

— Ну, что хорошаго у васъ дѣлается? спросилъ я.

— Ахъ, что̀ ни день, то все бѣда и больше. Вѣдь вы знаете, что наша безалаберная жизнь, вѣчные доклады и нескончаемое писаніе бумагъ, безъ опредѣленнаго часа для отдыха и сна, такъ надоѣли этому маленькому Коцебу, что онъ рѣшился, наконецъ, сказать князю, что такъ жить дольше невозможно, что необходимо служебные часы ограничить извѣстнымъ предѣломъ и затѣмъ съ наступленіемъ ночи запирать двери и всѣмъ спать. Князь согласился, и вотъ со вчерашняго вечера мы рѣшили жить благоразумно; въ 11-мъ часу Коцебу заперся и улегся, я послѣдовалъ его примѣру. Не прошло и часа, какъ послышался шумъ на парадной лѣстницѣ князя. Какъ я послѣ разузналъ, онъ тоже легъ спать, но не утерпѣлъ: вскочилъ съ постели, надѣлъ фуражку и, прикрывшись одѣяломъ, направился къ парадной лѣстницѣ, на передней площадкѣ которой стояли часовыми два казака съ обнаженными саблями. Увидѣлъ длинную и тощую фигуру князя въ фантастическомъ нарядѣ, казаки съ просонокъ шарахнулись въ сторону, какъ отъ привидѣнія; затѣмъ слышу, продолжалъ разсказывать Красовскій, князь пробирается въ мою комнату, зоветъ:—«Красовскій, Красовскій!» Но я притворился спящимъ и ни гу-гу. Въ потемкахъ князь наталкивается на ширму, и она полетѣла; князь добирается до моей кровати и сдергиваетъ съ меня одѣяло, я вскакиваю.

— Что̀ прикажите, ваше сіятельство?

— Прикажите отпереть квартиру начальника штаба, сказалъ князь.

Красовскій принужденъ былъ на-скоро одѣться и пойти черезъ дворъ къ камердинеру Коцебу. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія послышалось послѣдовательное отпираніе дверныхъ замковъ въ анфи-

Библиотека "Руниверс"

ладѣ комнатъ начальника штаба, который въ шинелькѣ встрѣчаетъ князя вопросомъ:

— «Что, ваше сіятельство, вѣроятно изволили получить важныя депеши изъ передовыхъ отрядовъ?»

— «Нѣтъ, никакихъ депешъ не получалъ, а я думаю....» И при этомъ князь, въ сапогахъ, шапкѣ и обернутый своимъ одѣяломъ, валится къ ужасу Коцебу въ его чистенькую кроватку.

— «Думаю», продолжалъ князь, «что Омеръ-паша насъ разобьетъ, разобьетъ непремѣнно! Мы совсѣмъ не готовы къ войнѣ. Напримѣръ: представьте, что завтра нужно намъ выступать въ походъ, и что же, у насъ нѣтъ для похода самаго необходимаго, складныхъ столовъ, чтобы штабные могли работать въ каждую минуту. Сверхъ того я полагаю, что у большинства чиновъ штаба нѣтъ даже верховыхъ лошадей. Я увѣренъ, продолжалъ князь, что, напримѣръ, у Хлѣбникова нѣтъ верховой лошади.

—«Помилуйте, князь, что вы такъ безпокоитесь объ этомъ», старался Коцебу успокоить нервнаго старика; «все это мы завтра же устроимъ, и въ три дня нашъ штабъ будетъ готовъ къ выступленію; Турки вѣдь нигдѣ еще не переходили на нашу сторону Дуная, и нигдѣ не видно малѣйшей къ тому попытки съ ихъ стороны.

Мало-по-малу князь успокоился, поднялся съ чужой постели и возвратился къ себѣ. Остальная часть ночи прошла спокойно.

Надо было слышать такой разсказъ молодого Красовскаго, чтобы не быть въ состояніи удержаться отъ смѣха.

И въ самомъ дѣлѣ, при появленіи моемъ съ докладомъ, первый вопросъ князя былъ о лошади. Я обѣщалъ ему купить себѣ верховую лошадь въ первый же базарный день.

Князь, должно быть, не имѣлъ зубовъ и потому говорилъ такъ будто бы у него каша была во рту, и смотрѣлъ всегда крайне серьезно; по крайней мѣрѣ мнѣ рѣдко случалось видѣть улыбку на его лицѣ; обыкновенно же лицо его выражало озабоченность постоянною умственною работою, а не рѣдко и утомленіе отъ непрерывнаго гнѣта.

Разсѣянность его всѣмъ извѣстна. Мнѣ разсказывали, что когда Столыпинъ пришелъ къ нему въ Варшавѣ просить руки его дочери, князь казался слушающимъ, а между тѣмъ продолжалъ рыться въ своихъ бумагахъ, и когда увидѣлъ, что Столыпинъ уже кончилъ, сказавъ все, что хотѣлъ сказать и смотрѣлъ на него вопросительно, ожидая отвѣта, то князь отвѣчалъ ему:

—«Подайте мнѣ объ этомъ докладную записку».

—«Князь, возразилъ Столыпинъ, я прошу у васъ руки вашей дочери!»

Библиотека "Руниверс"

—«А-а! произнесъ князь; это дѣло, mon cher, до меня не касается; идите къ моимъ дамамъ».

Мы штабные разъ навсегда были приглашены обѣдать у князя и отъ времени до времени считали своею обязанностію бывать у него; обыкновенно же ходили обѣдать въ чечмеджи, общественный садъ, гдѣ былъ порядочный ресторанъ. Иногда къ намъ присоединялся и генер. Бутурлинъ. Вечеръ, какъ и утро, приходилось сидѣть въ управленіи, гдѣ въ частую засиживались до полуночи. Я помню, напримѣръ, когда пріѣхалъ въ Букарестъ (кажется, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1854 года) фельдмаршалъ Паскевичъ, то мнѣ пришлось въ одинъ вечеръ отправить одного курьера съ приказаніемъ двинуть въ княжества часть осаднаго парка, черезъ часъ я отправилъ другого съ приказаніемъ отмѣнить движеніе, опять черезъ часъ двинуть часть парка, затѣмъ отмѣна, и наконецъ, пятый курьеръ повезъ окончательно распоряженіе о движеніи парка. Значитъ, по мѣрѣ того, какъ подвигался разговоръ фельдмаршала съ княземъ относительно возможныхъ, предстоявшихъ дѣйствій въ Турціи, осады или только наблюденія за крѣпостью Силистріею, заботливый князь посылалъ послѣдовательно свои записки съ приказаніями и съ отмѣною.

Говорили, что въ какомъ-то иностранномъ карикатурномъ журналѣ изобразили князя съ распростертыми руками; на правой ладони было надписано: ordre, на лѣвой—contre-ordre, а на лбу désordre; но это немного зло по отношенію къ горячему патріоту и въ высшей степени добросовѣстному труженику.

Князь говорилъ не совсѣмъ внятно, но писалъ еще хуже, просто чрезвычайно неразборчиво; а между тѣмъ писалъ ужасно много. Я очень часто получалъ отъ него цѣлыя бумаги, которыя требовалось только переписать на бѣло, но отдать ихъ писарю было невозможно; приходилось сидѣть надъ писаремъ и разбирать почеркъ князя какъ бы какіе-нибудь іероглифы (для памяти я до сего времени сохраняю у себя нѣсколько бумагъ, написанныхъ карандашомъ рукою князя Горчакова). Случалось и такъ, что поздно вечеромъ, когда всѣ мы были уже порядочно уставши и подумывали, что пора уже по домамъ, казакъ приносилъ записку отъ князя; генералъ Бутурлинъ принимался ее разбирать и въ случаѣ трудности, кривляясь на всѣ стороны, дѣлая разныя гримасы, выражавшія нетерпѣніе, бралъ наконецъ лупу и, склоняя голову то направо, то налѣво, старался разобрать хотя отдѣльныя слова, по которымъ можно бы добраться до смысла записки. Раздражаясь окончательно, Бутурлинъ начиналъ сердиться вслухъ:

«Графъ, графъ», кричалъ онъ намъ въ комнату, призывая графа Остенъ-Сакена, «вы служили въ Турціи; не разберете ли, что̀ это онъ

Библиотека "Руниверс"

намъ тутъ написалъ; вѣдь это невозможно, ночь на дворѣ, мы уставши, на все есть свой предѣлъ». Общими силами мы разбирали записку.

Князь зналъ въ совершенствѣ Французскій языкъ и владѣлъ имъ такъ же легко какъ и Русскимъ; мнѣ довелось прочитать много его писемъ къ военному министру князю Долгорукову, къ князю Меншикову и др., съ которыми онъ постоянно сносился на Французскомъ языкѣ, и я любовался изяществомъ, съ которымъ писалъ князь по-французски. Вотъ и эти почныя записки бывали къ намъ часто на Французскомъ языкѣ (одна изъ нихъ, написанная на клочкѣ бумаги, сохранилась у меня). Случалось и такъ, что мы не успѣвали ничего разобрать изъ его каракуль, и тогда Бутурлинъ отправлялся къ князю съ извиненіемъ. Князь терпѣливо принимался за чтеніе собственноручной записки, но конечно разобрать ее не могъ и тогда обыкновенно восклицалъ: «самъ чортъ не разберетъ, что̀ я тутъ намаралъ». Тѣмъ дѣло и оканчивалось. Князь не могъ даже припомнить мысли, которая его озабочивала въ минуту писанія злополучной записки.

Я все говорю о князѣ Горчаковѣ, а слѣдовало бы начертить силуеты и ближайшихъ къ нему лицъ, начиная съ начальника штаба П. Е. Коцебу. Въ непосредственномъ подчиненіи главнокомандующаго были генеральнаго штаба полковники Веймарнъ (убитый въ Крыму, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ, 4 Августа 1855 г.), Меньковъ и Эрнротъ. Въ управленіи генералъ-квартирмейстера, начальникомъ котораго былъ генеральнаго штаба г.-м. Бутурлинъ, ближайшимъ его помощникомъ былъ полковникъ гр. Остенъ-Сакенъ, затѣмъ шли начальники отдѣленій шт.-кап. Залѣсовъ, артиллеристъ Гольдманъ и я. Многое можно было бы сказать о поименованныхъ лицахъ, но многое уже извѣстно, если только не почти что все.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда я служилъ въ Варшавѣ, ко мнѣ совершенно неожиданно заѣхалъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ въ Букарестѣ, генеральнаго штаба полковн. Гланоецкій. Скоро мы разговорились о нашемъ прошломъ и вспомнили С. П. Бутурлина; при этомъ гость мой сообщилъ, что въ «Отечественныхъ Запискахъ» появились разсказы Залѣсова о нашемъ сидѣніи въ Бухарестѣ, при чемъ Николай Гавриловичъ, съ свойственною ему наблюдательностію, не пропустилъ выставить и меня въ своихъ описаніяхъ. Вскорѣ я досталъ указанный мнѣ номеръ 4-й «Отечественныхъ Записокъ» за 1873 годъ и пожалѣлъ, что, неизвѣстно мнѣ, по какимъ соображеніямъ было предложено Залѣсову прекратить печатаніе слѣдующихъ главъ его разсказа. Тѣмъ не менѣе, послѣ его смерти, наслѣдники почтеннаго генерала подарили публикѣ интересное чтеніе, напечатавъ «Записки П. Г. Залѣсова, помѣщенныя въ 1903 г. въ «Русской Старинѣ». А въ

Библиотека "Руниверс"

Декабрьской книжкѣ этого журнала (1903 г.) помѣщены Записки адъютанта Н. Залѣсова, въ которыхъ онъ описываетъ лицъ составлявшихъ управленіе генералъ-квартирмейстера г.-м. Бутурлина (Бутуровъ); графъ Остенъ-Сакенъ названъ здѣсь Саксомъ Карломъ Ивановичемъ; оба эти лица изображены съ замѣчательнымъ сходствомъ. Ротмистръ гвардейской конно-артиллеріи Гольдманъ названъ Гольцомъ, а я Никифоровымъ. За тѣмъ появились Дневники и статьи «Дунай и Нѣмцы» П. К. Менькова, въ которыхъ читатель найдетъ характеристику лицъ дѣйствовавшихъ на Дунаѣ и подъ Силистріею въ 1853—1854 г.г.

Въ началѣ Августа мѣсяца 1853 года, я отправился съ генераломъ Бутурлинымъ въ Ольтеницу, къ истоку Арджиса, и тамъ 7 и 8 чиселъ произвелъ глазомѣрную съемку мѣстности, которая чрезъ 2½ мѣсяца служила полемъ кровавыхъ и неудачныхъ для насъ схватокъ съ Турками. Я не пожалѣлъ труда и съ возможною точностію измѣрилъ ширину Дуная (212 сажень), осмотрѣлъ строеніе карантина на нашемъ берегу, мѣсто и величину Турецкихъ лагерей на правомъ берегу рѣки, число и величину Турецкихъ батарей и постарался все это изобразить на планѣ.

Разъѣзды наши по княжествамъ мы совершали на почтовыхъ лошадяхъ въ собственныхъ экипажахъ или на перекладныхъ въ миніатюрныхъ 4-хъ колесныхъ телѣжкахъ, называемыхъ каруцами. Въ такую каруцу запрягали цугомъ двѣ пары лошадей, и ямщикъ, красивый Валахъ, съ длинными черными волосами, вьющимися кудрями, опоясанный по чистой бѣлой рубахѣ широкимъ, прикрывающимъ весь животъ, краснымъ кушакомъ, садился верхомъ на лѣвую упряжную, изъ пары ближайшей къ экипажу. Въ собственный же экипажъ, смотря по его тяжести, запрягали по четыре и шести паръ лошадей и для каждыхъ двухъ паръ коней одинъ ямщикъ. Я помню, разъ, приходя въ управленіе, я видѣлъ экипажъ Бутурлина, запряженный нѣсколькими парами лошадей; экипажъ стоялъ во дворѣ, а переднія пары цуга вытянулись на улицу.

Почтовыя лошади Валахскія, мѣстной породы, небольшія ростомъ и слабосильныя, но ямщики лихіе и ѣздятъ шибко, заставляя лошадей съ мѣста скакать во всю прыть, покрикивая и размахивая длиннымъ бичемъ. Постройка каруцъ самая примитивная; обода колесъ не имѣютъ желѣзныхъ шинъ, и потому не рѣдко мнѣ приходилось наблюдать картину постепеннаго разрушенія колеса: сперва выскочитъ одинъ кусокъ обода, за тѣмъ другой, колесо къ ужасу сѣдока скачетъ концами спицъ, и наконецъ эти послѣднія летятъ, и вы съ трудомъ, многократными криками, домогаетесь обратить на такое бѣдствіе благосклонное вниманіе скачущаго во всю прыть и не обращающаго ни малѣйшаго

Библиотека "Руниверс"

на васъ вниманія краснаго Валаха. А случалось и такъ, что, при внезапномъ прыжкѣ каруцы, выскакиваетъ шкворень, каруца съ сѣдокомъ кувыркается въ пыли, а Валахъ продолжаетъ себѣ скакать и хлопать бичемъ; вы кричите ему, а онъ и ухомъ не ведетъ, только и видно какъ его черноволосые кудри развѣваются на воздухѣ.

Перегоны отъ станціи до станціи, кажется, верстъ 20—25; ѣзда постоянно вскачь, но на срединѣ дороги каруца останавливается, ямщикъ слѣзаетъ съ коня и, усаживаясь спокойно на обочинѣ дороги, закуриваетъ свою коротенькую трубку. Какъ бы вы ни торопились, ямщикъ на всѣ заявленія нетерпѣнія отвѣчаетъ вамъ однимъ словомъ: «джемутати». Что означаетъ это слово, я не знаю (половина дороги или отдыхъ), но такая сцена повторялась неизмѣнно при всѣхъ моихъ разъѣздахъ по краю.

При проѣздѣ вслѣдъ за княземъ въ Букарестъ, въ моей каруцѣ отлетѣлъ уже весь ободъ одного колеса, за тѣмъ началось разложеніе другого колеса; но лихой Валахъ утѣшалъ меня и увѣрялъ, что доскачемъ до станціи, случилось же такъ, что оба заднія колеса постепенно растеряли свои спицы и задъ каруцы сѣлъ на землю. Очевидно, что продолжать путь было невозможно, и Валахъ, осыпая каруцу бранью, принялся подбирать по дорогѣ спицы. Между тѣмъ экипажи лицъ свиты командующаго войсками одинъ за другимъ обгоняли меня, засыпая страшною пылью; но вотъ одна карета останавливается: это былъ Ѳ. К. Затлеръ, интендантъ нашихъ войскъ, который привѣтливо пригласилъ меня ѣхать съ нимъ, и такимъ образомъ я былъ не только выведенъ изъ затрудненія, но имѣлъ сверхъ того случай познакомиться съ интереснымъ человѣкомъ, обогатившимъ впослѣдствіи нашу военную литературу солидными сочиненіями по интендантской части.

ГЛАВА III.

Неопредѣленность положенія дѣлъ.—Генералъ Затлеръ.—Его система исполнять распоряженія главнокомандующаго.—Генералъ Даненбергъ. — Букарестское общество.—Заявленіе Омеръ-паши.—Бой у Исакчи.—Синопскій бой, письмо о немъ.—Мое участіе въ дѣлахъ.—Князь Горчаковъ и полковникъ Веймарнъ.—Генералъ Шильдеръ.—Неутомимая дѣятельность князя Горчакова и постоянное исканіе лучшаго рѣшенія вопроса. — Обезпеченіе устьевъ Дуная отъ вторженія непріятеля.—Переписка съ Валахскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.—Невредусмотрительность Измаильскаго коменданта.

Неопредѣленное положеніе политическихъ переговоровъ Западныхъ державъ между собою и съ Россіею все еще продолжалось и сильно вліяло на распорядительность нашего командующаго войсками, который часто отдавалъ приказанія и послѣ того видоизмѣнялъ и отмѣнялъ ихъ. Мы штабные захлебывались отъ писанія безконечнаго числа бумагъ, и

Библиотека "Руниверс"

наши поздніе сидѣнія въ управленіи генералъ-квартирмейстера не спасали меня отъ того, что доберешься, бывало, домой и уже въ постели, а вотъ длинная фигура казака въ кивер оповѣщаетъ, что его превосходительство изволитъ просить меня къ себѣ: это значило, что Бутурлинъ получилъ новую записку отъ безпокойнаго князя, и надо идти что-нибудь еще приготовить къ завтрашнему докладу.

Засидѣвшись однажды въ управленіи до полуночи и изготовивъ какія-то спѣшныя распоряженія, я выслушалъ отъ генер. Бутурлина слѣдующее.

«Теперь, остается только поспѣшнѣе извѣстить интенданта о сдѣланномъ нами перемѣщеніи войскъ. Вотъ вы, капитанъ, идете мимо него; не будете ли столь обязательны, отдать ему этотъ пакетъ въ руки и предупредить на словахъ, что перемѣны въ сдѣланномъ перемѣщеніи войскъ нельзя ожидать, и потому онъ долженъ немедленно распорядиться подвозомъ продовольствія къ новымъ мѣстамъ?»

Я взялъ пакетъ и, зайдя въ квартиру Ѳ. К. Затлера, засталъ его одиноко сидящимъ. Посредин комнаты находился круглый столъ заваленный бумагами, вскрытыми и еще не вскрытыми конвертами; по стѣнамъ расположенъ былъ диванъ приподнятый надъ поломъ, какъ бываетъ въ биліардныхъ комнатахъ, со ступенькою вдоль всего дивана. Мнѣ показалось, что Ѳ. К. Затлеръ сидѣлъ, сильно задумавшись надъ чѣмъ-то. Онъ принялъ меня съ обычною вѣжливостію и, выслушавъ о причинѣ ночного визита, просилъ положить пакетъ на столъ и сѣсть подлѣ. У насъ завязался разговоръ, ничего не имѣющій общаго съ дѣломъ, по которому я пришелъ къ нему; полагая, что онъ не разслышалъ моихъ словъ о значеніи принесеннаго мною пакета, я позволилъ себѣ, при первой паузѣ въ разговорѣ, сказать, что генер. Бутурлинъ придаетъ большую важность принесенной мною бумагѣ.

«Да хорошо, пускай полежитъ дня-три, тогда я ее прочту», сказалъ Затлеръ. «У князя не меньше семи Пятницъ на недѣлѣ», продолжалъ интендантъ, «я и такъ поразбросалъ по княжествамъ продовольственные запасы; вѣрите ли, что вотъ у насъ и войны еще нѣтъ, и если бы намъ приказано было вернуться теперь во свояси и сдать наши дѣла въ архивы, то, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, какой-нибудь изслѣдователь, пересматривая мои дѣла, могъ-бы подумать, что мы имѣли дѣло съ противникомъ чрезвычайно предпріимчивымъ и храбрымъ, который не давалъ намъ ни минуты покоя и нападалъ на насъ, то въ одномъ, то въ другомъ пунктѣ. Поэтому я рѣшилъ не читать о распоряженіяхъ князя никакихъ бумагъ ранѣе трехъ дней: въ этотъ промежутокъ времени налетятъ перемѣна и отмѣна, и я дѣйствую уже по бумагѣ, полученной въ концѣ третьяго или четвертаго дня».

Библиотека "Руниверс"

Черезъ нѣсколько минутъ я простился съ почтеннымъ генераломъ, пожелавъ ему спокойной ночи.

Когда мы были еще въ Кишиневѣ, и войска только что начинали вступать въ княжества, у насъ появились иностранцы-врачи, вѣроятно по вызову нашего правительства за недостаткомъ своихъ. Такъ къ командиру 4-го пѣхотнаго корпуса явился врачъ Американецъ, не говорившій ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ Англійскаго. Генералъ Даненбергъ былъ человѣкъ очень образованный, большой лингвистъ, прекрасно говорилъ и по-французски, и по-англійски, человѣкъ вполнѣ свѣтскій и больше человѣкъ общества, нежели военный. Пригласивъ явившагося къ нему Американскаго врача придти къ нему вечеромъ на чашку чая, Даненбергъ озаботился позвать еще одного-двухъ человѣкъ и, узнавши, что я говорю по-англійски, пригласилъ и меня къ себѣ. Сдѣланное такимъ образомъ знакомство съ почтеннымъ генераломъ продолжалось и въ Букарестѣ, а впослѣдствіи и въ Петербургѣ. Въ Букарестѣ, въ свободные (болѣе всего въ Воскресные) дни получалъ я отъ него приглашенія обѣдать; когда наступила осень 1853 года и грязь на улицахъ Букареста была невылазная, то Даненбергъ говорилъ, что Букарестъ слѣдуетъ называть Букирестъ (boue qui reste).

Кромѣ своего военнаго круга, я имѣлъ случай, чрезъ свою хозяйку-владѣтельницу дома, въ которомъ мнѣ отведена была квартира, познакомиться съ нѣсколькими семейными домами высшаго круга въ Букарестскомъ обществѣ. Французскій языкъ тамъ распространенъ повсюду, многіе изъ молодыхъ людей и дѣвицъ получили образованіе въ Парижѣ. Щегольская обстановка квартиръ, богатые туалеты дамъ, прекрасные экипажи и лошади въ Англійской сбруѣ, все это составляетъ обычный видъ семьи, числящейся въ кругу хорошаго общества. Объ истинномъ образованіи, т.-е. о научномъ и о добрыхъ нравахъ, нѣтъ конечно и помину; вѣтренность дамъ, пристрастіе мужчинъ къ азартнымъ играмъ, безпечность, праздность и легкомысленное прожиганіе состояній, вотъ обыкновеный родъ жизни свѣтскаго общества въ Букарестѣ.

Климатъ въ княжествахъ благодатный, а почва тучная, способная сторицею вознаградить трудъ земледѣльца.

27-го Сентября 1853 года князь Горчаковъ получилъ отъ главнокомандующаго Турецкою арміею Омера-паши письмо, въ которомъ тотъ приглашалъ князя очистить Дунайскія княжества, предупреждая, что если чрезъ 15 дней не будетъ дано удовлетворительнаго отвѣта, то со стороны Турціи послѣдуетъ открытіе военныхъ дѣйствій.

Ну и слава Богу, оканчивается наше неопредѣленное время! Намъ надоѣла вѣчная боязнь князя не выполнить приказанія Государя,

Библиотека "Руниверс"

состоявшаго въ томъ, чтобы никогда съ нашей стороны не послѣдовало перваго выстрѣла, дабы Европа не могла насъ обвинять въ начатіи войны. Эта мысль не заключающая въ себѣ и малѣйшей доли здраваго основанія, такъ какъ для западныхъ державъ было совершенно безразлично съ чьей стороны послѣдуетъ первый выстрѣлъ, не давала покоя князю.

Требованіе Государя и письмо Омера-паши послужили поводомъ къ оригинальной работѣ мозговъ князя Горчакова. Онъ и прежде находилъ полезнымъ поднять Дунайскую флотилію изъ Измаила по Дунаю выше впаденія Прута. Канонерскія лодки по его мнѣнію могли быть съ пользою поставлены въ Галацѣ и въ Браиловѣ, въ каждомъ пунктѣ въ числѣ 3—4 лодокъ съ тѣмъ, чтобы съ наступленіемъ зимы, когда замерзнетъ Дунай, лодки эти, вооруженныя каждая тремя орудіями, были бы вмѣсто батарей для отраженія набѣговъ Турецкихъ отрядовъ, которые могли нападать на поименованные города; прочія же лодки могли бы сослужить службу при наводкѣ мостовъ.

Но двинуть эту флотилію до срока, назначеннаго Омеромъ-пашею, для начала военныхъ дѣйствій, было для князя немыслимо. Какъ это можно намъ начать военныя дѣйствія? Насъ обвинитъ Европа! Срокъ данный Омеромъ-пашею былъ 15 дней, т. е. до 12 Октября; слѣдовательно въ этотъ день мы могли, по мнѣнію князя, начать военныя дѣйствія. Дунай отъ впаденія Прута и выше составлялъ нераздѣльную собственность Турціи, тогда какъ Дунай ниже впаденія Прута принадлежалъ и Россіи и Турціи. Но бѣда, по мнѣнію князя, была въ томъ, что на Турецкомъ берегу, ниже впаденія Прута, находилась Исакча, крѣпостца или группа батарей съ жерлами орудій къ сторонѣ рѣки; канонерскія же лодки наши были парусныя, не паровыя, и ихъ надо было буксировать, для чего въ Измаилѣ нашлось два годныхъ для этой цѣли парохода «Прутъ» и «Ординарецъ». Каждый изъ нихъ могъ взять на буксиръ только по четыре лодки, и потому на первый разъ положено было ограничиться поднятіемъ только восьми лодокъ.

Буксированіе слабыми пароходами восьми лодокъ по Дунаю, противъ теченія, крайне медленное, и потому князю хотѣлось провести лодки мимо Исакчи такъ, чтобы въ нихъ не стрѣляли или стрѣляли бы при невыгодныхъ условіяхъ прицѣливанія. По сему о движеніи лодокъ къ Галацу и Браилову князь составилъ предписаніе къ ген.-адъют. Лидерсу въ такомъ смыслѣ, чтобы лодки двигались передъ Исакчею, ночью. Съ 11 на 12 Октября на такую мысль князя сдѣлано было возраженіе, что при движеніи ночью можно сѣсть на мель, и тогда, съ разсвѣтомъ, флотилія наша, находясь подъ близкимъ огнемъ Турецкихъ орудій, можетъ очутиться въ безвыходномъ положеніи. Князь призналъ

Библиотека "Руниверс"

замѣчаніе справедливымъ и передѣлалъ свое распоряженіе: флотилія должна пройти передъ Исакчею въ такую часть ночи, когда есть лунное освѣщеніе. Затѣмъ князя спросили: а какъ должна поступить флотилія, если Турецкія батареи, не смотря на то, что еще не наступилъ срокъ для открытія военныхъ дѣйствій, начнутъ стрѣльбу по нашимъ судамъ? Князь принялся за составленіе третьяго проэкта предписанія, въ который включилъ указаніе, что въ случаѣ если Турки откроютъ огонь по насъ, то флотилія отвѣчать не должна, а слѣдуетъ выслать парламентера, который объяснилъ бы Туркамъ, что мы-молъ идемъ только до устья Прута, а по Дунаю, выше впаденія въ него Прута, не пойдемъ. На это замѣтили князю, что если ужъ Турки откроютъ огонь, то молчать съ нашей стороны и посылать парламентера невозможно, во 1-хъ потому что ночью и во время стрѣльбы нашего парламентера никто не увидитъ, а во 2-хъ не отвѣчать Туркамъ на ихъ выстрѣлы значитъ позволить имъ разстрѣливать наши войска и суда (на судахъ должны быть посажены пѣхотныя роты) самымъ мѣткимъ огнемъ. Князь поручилъ мнѣ передѣлать предписаніе. За тѣмъ ему доложили, что лунное освѣщеніе, на которое онъ разсчитывалъ, уже не существуетъ; опять перемѣна проекта, и такимъ образомъ въ теченіи какой-нибудь недѣли было написано 17 проектовъ предписаній. Одинъ разъ князь было подписалъ уже предписаніе, но я не успѣлъ выйти изъ его кабинета, какъ онъ вернулъ меня и, надорвавъ свою подпись, сказалъ, что опять не хорошо; послѣдній же проектъ, который былъ имъ утвержденъ, подходилъ ближе всего къ первому, который составилъ князь.

11-го Октября, въ 8½ час. утра флотилія появилась передъ Исакчею, и бой начался.

Изъ донесенія о немъ я не безъ удовольствія увидѣлъ, что генер.-адъют. Лидерсъ нисколько не руководился указаніями князя и, будучи не менѣе его опытенъ въ бояхъ, распорядился дѣломъ самостоятельно, согласно мѣстныхъ условій; значитъ, не зачѣмъ намъ было съ княземъ и огородъ-то городить.

Октябрь 1853 г. въ Бухарестѣ былъ превосходный. Въ свободные отъ службы часы я съ удовольствіемъ совершалъ прогулки верхомъ въ окрестностяхъ города. Когда я прогуливался такимъ образомъ 23-го ч., мнѣ показалось, что съ южной стороны я слышу артилерійскую канонаду; я приказалъ сопровождавшему меня казаку соскочить съ коня и прилечь къ землѣ; казакъ подтвердилъ, что дѣйствительно стрѣльба слышна, о чемъ я и передалъ генер. Бутурлину; оказалось, что дѣйствительно въ это время завязался бой при Ольтеницѣ, находящейся въ 60 верстахъ отъ Бухареста.

Библиотека "Руниверс"

По полученіи оффиціальнаго донесенія о дѣлѣ князь, въ сопровожденіи Бутурлина, отправился въ Ольтеницу. Дѣло, какъ извѣстно, было неудачное, и мы понесли большую потерю. Подойдя къ войскамъ, князь думалъ совсѣмъ о другомъ.

Qu'est-ce qu'on dira à Pétersbourg? сказалъ онъ Бутурлину.

«Поздоровайтесь съ войсками и поблагодарите ихъ за храбрость», отвѣчалъ ему въ полголоса Бутурлинъ.

18-го Ноября 1853 г. былъ въ Черномъ морѣ славный для нашего флота Синопскій бой, и вскорѣ другъ мой Мартынъ Михайловичъ Бородатовъ сообщилъ мнѣ подробныя свѣдѣнія о ходѣ боя. До сего времени я сохраняю его письмо, въ началѣ котораго помѣщенъ начерченный его рукою планъ самаго Синопа, прибрежныхъ батарей, расположенія судовъ Турецкой эскадры и мѣста занятыя нашими кораблями.

«Нахимовъ», писалъ Мартынъ Михайловичъ, «распорядился молодцомъ à la Nelson. Подобравъ нижніе паруса, онъ дошелъ безъ выстрѣла до мѣста, бросилъ шпрингъ, т. е. якорь съ кормы, чтобы стоять не по вѣтру, а бортомъ къ непріятельскимъ судамъ, и въ это время былъ осыпанъ градомъ ядеръ и картечи въ рангоутъ. Вѣроятно предполагали перебить команду при уборкѣ парусовъ, но онъ распорядился подобрать паруса только на штовы; по несчастію, первымъ же залпомъ ему перебили кормовой якорь, и корабль поставило вѣтромъ подъ продольные выстрѣлы. Не дѣлая ни одного выстрѣла, онъ снова подъ страшнымъ огнемъ завезъ другой шпрингъ и, подтянувшись какъ слѣдуетъ, началъ дѣйствовать орудіями тотчасъ послѣ полудня. Черезъ $2^1/^2$ часа все уже было покончено. Отлично, говорятъ, громилъ своими бомбическими орудіями «Константинъ»; первый залпъ его взорвалъ на воздухъ корветъ № 9, второй срылъ одно изъ береговыхъ укрѣпленій. Не совсѣмъ хорошо распоряжался «Три Святителя»; какъ видите по плану, онъ дурно сталъ. Остальныя дѣйствовали, говорятъ, очень обстоятельно и не торопясь».

«Но не въ томъ, какъ кажется, состоитъ главная заслуга Нахимова, что онъ разгромилъ и сжегъ эскадру, а въ томъ, что онъ подстерегъ ее, когда она зашла въ этотъ портъ, заперъ и удержалъ ее, оставаясь въ продолженіи трехъ сутокъ только съ двумя кораблями. Къ его эскадрѣ принадлежали еще три старые корабля; онъ бродилъ съ ними въ морѣ въ теченіи 7-ми недѣль, выдерживалъ страшные штормы, которые попортили стариковъ такъ, что они должны были укрыться скорѣе въ Севастополь и, оставаясь только съ двумя кораблями и не выпуская этой Турецкой эскадры изъ Синопа, далъ знать въ Севастополь, и къ нему присоединили эскадру Новосильскаго, состоящую изъ 4-хъ кораблей; онъ тотчасъ же покончилъ дѣло».

Библиотека "Руниверс"

Письмо это было читано княземъ Горчаковымъ, Коцебу, Бутурлинымъ и другими съ величайшимъ интересомъ. Само по себѣ событіе имѣло великое значеніе въ общемъ ходѣ тогдашнихъ политическихъ дѣлъ, и кромѣ того всѣ читавшіе находили, что описаніе боя составлено весьма обстоятельно и съ надлежащею полнотою, словомъ составлено было такъ даровито, какъ только и можно было ожидать отъ моего талантливаго друга Мартына Михайловича; несказанно благодаренъ ему былъ я за такое сообщеніе.

Осенью я началъ посѣщать Французскій театръ и оперу и одинъ разъ неудержимо смѣялся при разсказѣ одного изъ адъютантовъ князя. Князя Горчакова всѣ мы очень уважали, но въ тоже время считали его субъектомъ способнымъ невольно устроить комическую сцену. Адъютантъ разсказывалъ мнѣ, что онъ ѣхалъ съ княземъ въ оперу вдвоемъ; ѣхали они молча, но вотъ адъютанту, подъ стукотню экипажа по мостовой, послышалось, что князь что-то бормочетъ. Адъютантъ вытянулся, руку подъ козырекъ и спрашиваетъ: «что изволите, ваше сіятельство, говорить?» Отвѣта нѣтъ, но черезъ нѣсколько минутъ опять такое же бурчаніе со стороны князя; адъютантъ опять руку подъ козырекъ, и тотъ же вопросъ.—«Оставьте меня въ покоѣ», ворчитъ князь: «это я пою». Хорошъ пѣвецъ!

25-го Декабря 1853 г. было кровавое дѣло при Четати, послѣ чего князь рѣшилъ стѣснить Турецкія войска, тамъ расположенныя и заставить ихъ замкнуться въ Калафатѣ, для чего онъ поѣхалъ туда и въ числѣ другихъ пришлось и мнѣ скакать за нимъ; впрочемъ, по случаю ужаснаго состоянія дорогъ, мы не скакали, а тащились. Мы пріѣхали туда и размѣстились въ Быйлешти въ первыхъ числахъ Января 1854 года; мнѣ досталось жить въ землянкѣ, занятой на половину картофелемъ.

16-го Января 1854 года я участвовалъ въ наступательномъ движеніи Мало-Валахскаго отряда къ с. Гуніо и Модлавитѣ близъ Калафата, и на другой день я принялъ участіе въ рекогносцировкѣ Калафатскихъ укрѣпленій, произведенной подъ личнымъ начальствомъ князя Горчакова. Среди этого дѣла князь поручилъ мнѣ передать приказаніе Уланскому полку двинуться противъ непріятельской кавалеріи и вогнать ее въ укрѣпленія. Передавъ приказаніе командиру полка, я сталъ на правомъ флангѣ 1-го эскадрона и кинулся вмѣстѣ съ нимъ въ атаку; такимъ образомъ я, инженерный офицеръ, въ первый разъ подъ огнемъ былъ кавалеристомъ. Землянка въ Быйлешти была тѣсная и мрачная, такъ что оставаться въ ней днемъ было невозможно, и потому приходилось цѣлые дни проводить подъ открытымъ небомъ. Ко мнѣ подошелъ однажды генеральнаго штаба полковникъ Веймаринъ и разсказалъ слѣдующее.

Библиотека "Руниверс"

«Сегодня я былъ у князя и получилъ отъ него престранное рѣшеніе моей судьбы. Я докладывалъ ему, что по моей службѣ мнѣ слѣдовало бы получить теперь полкъ, чтобы затѣмъ имѣть право на производство въ генералы, но князь, не давъ мнѣ докончить, отвѣчалъ: «для меня нѣтъ ничего удобнѣе, какъ имѣть васъ при себѣ и именно въ чинѣ полковника; я могу васъ командировать въ отрядъ и къ старшему и къ младшему васъ въ чинѣ, и всегда вы сдѣлаете мнѣ то что̀ нужно; я вѣчно буду держать васъ полковникомъ, а когда буду умирать, то оставлю завѣщаніе, чтобы васъ произвели прямо въ генералъ-лейтенанты и дали вамъ дивизію».

Тутъ же въ Быйлешти составлялось донесеніе Государю съ подробнымъ описаніемъ Четатскаго дѣла. На сколько это описаніе было сходно съ дѣйствительностію, можно судить по тѣмъ дебатамъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые, не участвуя въ дѣлѣ, старались подогнать движеніе каждаго баталіона подъ указки тѣхъ теоретическихъ свѣдѣній, какія они вынесли изъ Академіи. Когда описаніе это было закончено, то Бутурлинъ справедливо замѣтилъ: «ну, теперь, остается только дать Баумгартену прочесть это описаніе боя, добы онъ зналъ, какъ онъ сражался».

19-го Января мы отправились съ княземъ въ Букарестъ, и я послѣ всевозможныхъ лишеній, претерпѣнныхъ въ поѣздкѣ, особенно же въ Быйлешти, съ большимъ удовольствіемъ вошелъ въ свою комфортабельную квартиру, гдѣ гостепріимная хозяйка встрѣтила меня превосходнымъ ужиномъ.

Въ концѣ 1853 года къ 4 и 5 пѣхотнымъ корпусамъ, занимавшимъ Дунайскія княжества, двинутъ былъ туда и 3-й пѣхотный корпусъ ген.-адъютанта барона Остенъ-Сакена. Вмѣстѣ съ симъ князь Горчаковъ просилъ военнаго министра о назначеніи къ нему инженеръ-генерала Шильдера: «En grâce, obtenez moi le général Schilder, je donnerais une division pour l'avoir», писалъ князь Горчаковъ князю Долгорукову 14 Декабря 1853 г. «Schilder m'est bien indispensable. C'est l'homme de la chose».

Шильдеръ прибылъ въ Букарестъ не одинъ, а въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ хорошо ему извѣстныхъ; въ числѣ ихъ были подполковникъ Тотлебенъ, капитанъ Фолькмутъ и штабсъ-капитанъ Тидебель. Изъ нихъ я зналъ прежде, и то весьма мало, одного Тотлебена, котораго видѣлъ разъ въ Кіевѣ на практическихъ саперныхъ работахъ и затѣмъ встрѣтилъ однажды въ Петербургѣ, гдѣ онъ показывалъ мнѣ составленный имъ чертежъ по минной войнѣ.

Сдѣлавши нѣсколько поѣздокъ къ Дунаю и познакомившись съ

Библиотека "Руниверс"

тивъ кордоннаго расположенія нашихъ силъ по Дунаю, въ видѣ безсильныхъ, наблюдательныхъ постовъ, поддерживаемыхъ совершенно незначительными резервами. Шильдеру хотѣлось во что бы ни стало размѣстить, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, войска въ болѣе самостоятельныхъ отрядахъ; такъ онъ желалъ занять передъ крѣпостью Рущукомъ островъ, хотя онъ и находился подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій. Съ этою цѣлію Шильдеръ передвинулъ 2—3 баталіона по своему усмотрѣнію, не спрашивая о томъ князя Горчакова. Князь испугался такого перемѣщенія; но Шильдеръ увѣрялъ, что съ Турками надо именно такъ дѣйствовать,что они не посмѣютъ разстрѣливать наши войска. Затѣмъ князь писалъ Шильдеру, что въ арміи надо распоряжаться только одному, прочіе же должны исполнять приказанія и, стараясь урезонить расходившагося старика, увѣрялъ Шильдера, что будетъ соглашаться со всѣми его предположеніями, лишь бы онъ предварительно писалъ о нихъ князю и штабъ зналъ бы, гдѣ и какія войска размѣщены; но Шильдеръ не слушался и продолжалъ дѣйствовать по своему. Князь Горчаковъ неутомимо посылалъ одну бумагу за другою къ Шильдеру, но тотъ пересталъ даже распечатывать ихъ.

Шильдеръ и сподвижники его Тотлебенъ, Фолькмутъ и Тидебель продолжали разъѣзжать на различные пункты Дуная, то для составленія проектовъ укрѣпленія такихъ-то позицій ни для кого ненужныхъ, то для рекогносцировокъ никому невѣдомыхъ, и все это они дѣлали не вслѣдствіе распоряженій князя, а по вдохновенію пламеннаго Шильдера, и потому у насъ, въ штабѣ, когда кто-нибудь упоминалъ о дѣятельности инженеровъ, то это обыкновенно вызывало улыбку слушающихъ.

Въ одно прекрасное утро за мною прислалъ ген.-адъютантъ Коцебу и когда я явился къ нему, онъ съ ядовитою улыбочкою разсказалъ мнѣ, что вчера Шильдеръ сидѣлъ у князя до глубокой ночи и насочинилъ ему въ это время десятки различныхъ проектовъ, обѣщая князю для осуществленія ихъ выѣхать изъ Букареста сегодня же въ 6 час. утра. «Интересно узнать», добавилъ Коцебу, «уѣхалъ ли ген.-адъютантъ Шильдеръ». По справкѣ оказалось, что энергичный старецъ дѣйствительно выѣхалъ изъ Букареста въ 10 час. утра.

Всю осень 1853 года, зиму и первые мѣсяцы 1854 года князь Горчаковъ страшно работалъ. По моей части его озабочивало прежде всего собраніе свѣдѣній о расположеніи Турецкихъ войскъ на правомъ берегу Дуная, устройство ими на занятыхъ позиціяхъ укрѣпленій и батарей, коими они могли-бы препятствовать попыткѣ нашей переправиться чрезъ Дунай, и общія соображенія относительно выбора пунктовъ для переправы нашихъ войскъ. Во-вторыхъ, князя заботили устрой-

Библиотека "Руниверс"

ство мостовъ для переправы чрезъ Дунай и оборона устьевъ Дуная. Онъ желалъ построить два моста, каждый въ 360 сажень длиною. Одинъ мостъ князь желалъ построить въ Измаилѣ или Галацѣ, а другой въ Малой Валахіи, гдѣ окажется удобнѣе, но преимущественно на рѣкѣ Ольтѣ. Части мостовъ, до наведенія ихъ чрезъ Дунай, должны были служить для перевоза на веслахъ передового отряда войскъ, почему въ составъ ихъ должны входить способныя для гребли суда.

Вскорѣ оказалось, что необходимаго числа гребныхъ судовъ и якорей невозможно было достать въ княжествахъ, и потому князь обратился къ нашему чрезвычайному посланнику и полномочному министру при Австрійскомъ дворѣ т. с. барону Мейендорфу. Сначала князь распорядился послать меня по этому дѣлу въ Вѣну; но тутъ какъ нарочно подвернулся ему бывшій нашъ инженеръ-титулярный совѣтникъ баронъ Оффенбергъ, который перебилъ у меня это дѣло и поѣхалъ въ Вѣну съ отзывомъ отъ князя къ барону Мейендорфу. При этомъ князь просилъ нашего посланника о покупкѣ, кромѣ якорей, до 70 гребныхъ судовъ и парохода достаточной величины, дабы его можно было вооружить нѣсколькими орудіями.

Другая въ это же время забота князя была обезпечить устья Дуная отъ прорыва Турецкихъ пароходовъ, а также привести наши крѣпости на Дунаѣ, Измаилъ и Килію, въ оборонительное положеніе. Но прежде надо сказать нѣсколько словъ о соображеніяхъ князя относительно пунктовъ для переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай.

Несмотря на то, что князь Горчаковъ, съ самаго вступленія нашихъ войскъ въ княжества, постоянно занимался этимъ вопросомъ, постоянно собиралъ нужныя для сего свѣдѣнія и отъ времени до времени сообщалъ военному министру, для доклада Государю Императору, свои соображенія, но Императоръ Николай I-й приказалъ министру спросить по сему предмету мнѣніе генер. адьют. Лидерса, подчиненнаго, какъ командиръ 5-го пѣхотнаго корпуса, князю Горчакову.

Лидерсъ, конечно, счелъ своею обязанностію прибыть въ Букарестъ и доложить объ этомъ запросѣ князю. Послѣдняго, по всей вѣроятности, задѣло такое недовѣріе Государя къ его соображеніямъ, и онъ писалъ по этому поводу къ военному министру: «Съ давняго времени я озабочивался собраніемъ требующихся свѣдѣній, въ особенности о Гирсовѣ, и посылалъ къ этому пункту офицера еще въ Августѣ мѣсяцѣ. Рекогносцировка укрѣпленій при Исакчѣ была произведена передъ прослѣдованіемъ изъ Измаила къ Галацу Дунайской гребной флотиліи, и генеральный планъ сихъ укрѣпленій представленъ былъ мною вмѣстѣ со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ Государю Императору о бывшемъ 11-го Октября дѣлѣ при Исакчѣ. Съемка же мѣстности при Гир-

Библиотека "Руниверс"

совѣ была произведена въ Августѣ мѣсяцѣ во время полноводія, и потому я нынѣ приказывалъ повѣрить ее и затѣмъ посылаю теперь планъ Гирсова согласно послѣдней съемки. Что же касается Тульчи и Мачина, то, по распоряженію генер.-адъют. Лидерса, посланы довѣренные люди на правый берегъ рѣки, чтобы высмотрѣть укрѣпленія на сихъ пунктахъ надлежащимъ образомъ и коль скоро мнѣ будутъ доставлены планы ихъ, я не замедлю препроводить оные къ вашему сіятельству. Относительно же того, что Государь Императоръ спрашиваетъ мнѣнія генерала Лидерса о возможности форсировать переправу у Сатунова или Гирсова и о томъ, какъ ее форсировать, то имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что генералъ Лидерсъ былъ недавно здѣсь и, пользуясь его присутствіемъ, я обсуждалъ съ нимъ вообще о способахъ переправы и вслѣдствіе нашихъ по этому совѣщаній, долгомъ считаю изложить слѣдующее. Для переправы чрезъ Дунай ниже Силистріи имѣются въ виду 5 пунктовъ: а именно у Тульчи, Сатунова, Галаца, Мачина и Гирсова. Для переправъ сихъ мы имѣемъ одинъ мостъ въ Измаилѣ, который можетъ служить для перехода у Тульчи и у Сатунова. Другой мостъ предполагается устроить въ Галацѣ, который будетъ служить для трехъ прочихъ пунктовъ. Въ которомъ же именно изъ сихъ 5-ти пунктовъ выгоднѣе будетъ учинить переправу, въ настоящее время сказать никакъ нельзя; ибо безъ сомнѣнія непріятель, провѣдавъ, что мы готовимъ мостъ въ Галацѣ, усугубитъ мѣры обороны возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, и поэтому только весною можно будетъ сдѣлать положительное о семъ заключеніе. Генералъ Лидерсъ имѣетъ въ виду, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, еще весьма удобный для переправы между Галацомъ и Рени (въ 10 верстахъ ниже сего послѣдняго города) пунктъ, о коемъ будетъ сообщено вамъ въ послѣдствіи».

Теперь обратимся къ заботамъ князя Горчакова по обезпеченію устьевъ Дуная противъ покушеній непріятеля. Въ началѣ Января мѣсяца 1854 года князь получилъ изъ довольно вѣрнаго источника извѣстіе, что главнокомандующій Турецкою арміею Омеръ-паша просилъ у своего правительства о доставленіи ему моремъ въ Дунай четырехъ малыхъ пароходовъ для дѣйствія ими противъ нашей флотиліи въ Дунайскихъ водахъ и что вслѣдствіе сего Турецкое правительство увѣдомило его, что пароходы эти наняты и при первой возможности будутъ доставлены къ мѣсту назначенія.

Предваривъ о семъ князя Меншикова и прося его принять всѣ мѣры для воспрепятствованія исполненію сего намѣренія Турокъ, князь Горчаковъ принялъ однако во вниманіе, что, по причинѣ присутствія въ Черномъ морѣ иностранныхъ эскадръ, князь Меншиковъ не въ состояніи будетъ сего сдѣлать, и предписалъ въ тоже время командиру 3-го

Библиотека "Руниверс"

пѣхотнаго корпуса генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену принять всѣ дѣйствительныя мѣры, дабы пароходы не были допущены вступить въ большой Дунай ни Килійскимъ рукавомъ, ни Сулинскимъ или Георгіевскимъ рукавами.

Князь считалъ невѣроятнымъ, чтобы Турки отважились пройти Килійскимъ рукавомъ, ибо имъ бы надлежало проходить подъ огнемъ крѣпостей Килія и Измаила; тѣмъ не менѣе онъ приказалъ принять мѣры, чтобы въ случаѣ если бы они на то рѣшились, то могли быть потоплены выстрѣлами съ сихъ крѣпостей, для чего, если нужно, устроить береговыя батареи, вооруживъ ихъ крѣпостными орудіями.

Для воспрепятствованія же Туркамъ проникнуть въ большой Дунай князь предписывалъ построить батареи на мысѣ Четалѣ и около кордона № 131 для крѣпостныхъ орудій; послѣднюю батарею расположить такъ, чтобы она могла обстрѣливать мѣсто, гдѣ отдѣляется отъ большаго Дуная Килійскій рукавъ. Къ этимъ батареямъ приказано было назначить надлежащее прикрытіе отъ пѣхоты, а для усиленія огня крѣпостныхъ орудій командировать вмѣстѣ съ пѣхотою полевыя батареи, которыя, въ случаѣ появленія непріятельскихъ судовъ, должны были занять устроенные для нихъ окопы. Для жительства войскъ на мысѣ Четалѣ и у кордона приказано было устроить землянки, а для своевременнаго извѣщенія о появленіи судовъ организована сигнализація. Въ третьихъ, усилить Сулинскій портъ назначеніемъ къ находящимся тамъ двумъ канонерскимъ лодкамъ еще двухъ таковыхъ такъ, чтобы кромѣ береговой батареи было канонерскихъ лодокъ въ Сулинѣ всего четыре.

Оборона Сулина чрезвычайно озабочивала князя, и различныя свои соображенія по сему вопросу онъ сообщалъ то командиру 3-го пѣхотнаго корпуса, то начальнику флотиліи контръ-адмиралу сначала Мессеру, а послѣ Кузнецову, то капитану порта Гуляеву. Недопущеніе непріятельской флотиліи войти въ Дунай, дабы она не могла вредить настоящимъ и будущимъ нашимъ предпріятіямъ составляло, по мнѣнію князя, предметъ первѣйшей важности.

Кромѣ батарей пушечныхъ и мортирныхъ и укрѣпленій тщательно обдуманныхъ, возведенныхъ, вооруженныхъ и надлежащимъ образомъ снабженныхъ боевыми припасами, какъ въ Сулинѣ такъ и у мыса Четала, устье Сулинскаго рукава было загражденно поставленными на якоряхъ поперекъ фарватера судами, которыя приказано связать цѣпью или надежнымъ канатомъ; устье же Георгіевскаго рукава загражденно затопленіемъ въ немъ 4 или 5 судовъ.

Независимо сего, князь находилъ нужнымъ объединить дѣйствіе всѣхъ силъ сосредоточенныхъ на нижнемъ Дунаѣ, и потому 19 Марта

Библиотека "Руниверс"

1854 г. за № 765 онъ предписалъ контръ-адмиралу Кузнецову стать во главѣ этой обороны.

Въ этомъ предписаніи, между прочимъ, сказано: «Хотя устье Сулинскаго рукава и прегражденo бонами и защищено береговою батареею и 4-мя канонерскими лодками, но не менѣе того статься можетъ, что непріятель, владѣя большими средствами на морѣ, уничтожитъ оборону нашу у Сулина и прорвется съ флотиліею въ Сулинскій рукавъ. Въ такомъ случаѣ онъ долженъ встрѣтить непреодолимую преграду при мысѣ Четалѣ, гдѣ форватеръ обстрѣливается и тремя сильными береговыми батареями и канонирскими лодками. Но дабы въ дѣйствіи батарей этихъ и флотиліи было необходимое въ этомъ случаѣ единство, я нахожу полезнымъ подчинить всѣ наши оборонительныя средства одному начальнику, испытанной опытности и храбрости. Избравъ для сего ваше превосходительство, я поручилъ г.-л. Ушакову (начальнику 7-й пѣхотной дивизіи 3-го корпуса, смѣнившей въ концѣ Января 1854 г. войска 5-го пѣхотнаго корпуса на нижнемъ Дунаѣ) поставить васъ о томъ въ извѣстность и распорядиться, чтобы вамъ были немедленно подчинены не только вся артиллерія, находящаяся на батареяхъ какъ правого и лѣваго береговъ Дуная, такъ и на мысѣ острова Четала, но и всѣ войска, составляющія прикрытіе оныхъ. Мнѣ остается только присовокупить, что строжайшая обязанность ваша состоитъ въ томъ, чтобы отнюдь и во что-бы то ни стало не пропустить мимо мыса Четала непріятельскую флотилію и, что, ввѣряя вамъ защиту этого важнаго пункта, я вполнѣ убѣжденъ, что вы скорѣе положите жизнь свою чѣмъ допустите непріятеля прорваться въ Дунай. О мѣрахъ какія примете донесите по начальству и прямо мнѣ».

Все это написано было 19-го Марта, но проходитъ лишь 24 часа, и князь снова пишетъ тому же контръ-адмиралу Кузнецову:

«Имѣя въ виду, что батарея устроенная на лѣвомъ берегу Сулинскаго рукава близъ мыса Четала, въ случаѣ если непріятель прорвется въ Сулинѣ, можетъ быть малымъ десантомъ взята въ тылъ, предписываю вашему превосходительству сколь можно скорѣе ее разоружить, а орудіями оной усилить вашу батарею на лѣвомъ берегу, что̀ близъ кордона № 131».

Еще пять дней, и князь опять пишетъ командиру Сулинскаго порта Гуляеву:

Изъ отчета, который мнѣ представилъ полковникъ Крыжановскій *), я вижу, что устья Сулина могутъ быть весьма хорошо защищаемы и отстоены противъ покушеній непріятеля; надобно только съ упорствомъ

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и Оренбургскій генералъ-губернаторъ.

Библиотека "Руниверс"

и распорядительностію ихъ защищать. Приложите всевозможную дѣятельность къ скорѣйшему окончанію работъ и потомъ постепенно усиливайте и усовершенствуйте ихъ. Конечно невозможно отстоять устья Сулина противъ флотовъ, но подобнаго ожидать нельзя, а если васъ атакуютъ, то вѣроятно какое либо отдѣленіе пароходовъ. Противъ сего защищайтесь съ величайшимъ упорствомъ. Я велѣлъ усилить вашъ гарнизонъ и проч. Податель сего предписанія поручикъ Родошковскій, расторопный и надежный офицеръ, который вамъ будетъ хорошею помогою. Я увѣренъ, при извѣстной распорядительности и храбрости вашей, что въ случаѣ покушенія непріятеля вы его отобьете съ честію для вашего имени».

Сообщая объ этомъ распоряженіи генер.-лейт. Ушакову, князь пишетъ ему: «Не теряйте изъ виду, что главное дѣло ваше теперь отстаивать Дунай отъ покушеній Англо-Французовъ».

Не знаю, въ какой степени справедливо, ибо переписка у меня въ рукахъ не была, но въ управленіи генералъ-квартирмейстера сослуживцы мои говорили, что генералъ Ушаковъ написалъ къ князю, что онъ получилъ отъ него столько уже указаній по оборонѣ Сулина, не согласныхъ между собою, что онъ, Ушаковъ, не знаетъ что̀ ему дѣлать съ Сулиномъ и потому проситъ князя взамѣнъ всѣхъ предыдущихъ противорѣчивыхъ приказаній дать одно положительное приказаніе оборонять или не оборонять Сулинъ.

Кромѣ перечисленныхъ предметовъ занятій князя Горчакова, которыя проходили черезъ мои руки, въ это же время, т.-е. зимою 1853—1854 гг., надо было обезпечить склады пороха и вообще всѣ артиллерійскіе склады отъ покушеній противника. Съ этою цѣлію князь приказалъ обратить подъ склады строенія стеариновой фабрики въ Фокшанахъ, Молдавской стороны, и прикрыть какъ строенія этой фабрики, такъ и пороховые погреба укрѣпленіями расположенными, по указанію князя, какъ на Молдавской, такъ и на Валахской сторонахъ Фокшанъ. Производство работъ онъ возложилъ на командира 3-го сапернаго баталіона полковника Клеменса.

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь предложилъ чрезвычайному и полномочному комиссару въ Придунайскихъ княжествахъ генералъ-адъютанту Будбергу, управлявшему этими княжествами со времени выѣзда гзъ нихъ Молдавскаго и Валахскаго господарей, оказать полковнику Клеменсу содѣйствіе по доставкѣ къ работамъ необходимыхъ матеріаловъ и наряду отъ населенія, мастеровыхъ и рабочихъ людей за плату по цѣнамъ утвержденнымъ княземъ.

Работы эти подвигались медленно. Въ началѣ Февраля мѣсяца 1854 года князь потребовалъ меня къ себѣ и, показавъ полученное отъ

Библиотека "Руниверс"

полк. Клеменса донесеніе, приказалъ сѣсть за его рабочимъ столомъ и продиктовалъ мнѣ предписаніе къ Клеменсу въ весьма суровомъ тонѣ, что̀ не было обычно у князя. Объясняя себѣ такое раздраженіе случайнымъ явленіемъ, я надѣялся, что князь измѣнитъ или значительно смягчитъ редакцію бумаги, когда я принесу ее къ нему для подписи; въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, было сказано: «это есть нелѣпость, чтобы въ настоящее время нельзя было вязать туровъ и фашинъ». Но къ большому моему удивленію князь не только не смягчилъ редакцію предписанія къ Клеменсу, но при подписи бумаги собственноручно къ приведеннымъ словамъ добавилъ еще: «И стыдно такой вздоръ писать». За всю мою службу подъ начальствомъ князя это былъ едва ли не единственный примѣръ рѣзкаго съ его стороны тона въ обращеніи съ подчиненнымъ.

Впрочемъ надо и то сказать, что именно въ это время князь заработывался съ своими бумагами ужасно много. Придя къ нему однажды съ дѣлами, я встрѣтилъ въ пріемной нѣсколько лицъ пришедшихъ съ докладами; вскорѣ дверь кабинета пріотворилась, и оттуда вышелъ генералъ-интендантъ Затлеръ. Увидя меня, онъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «я знаю, что князь посылалъ за вами и два раза уже справлялся о васъ; но вы подождите входить къ нему; съ нимъ сдѣлалось дурно, и надо дать ему отдохнуть; онъ съ ранняго утра работаетъ и ужасно утомился». Да, это былъ рѣдкій трудолюбецъ!

Когда прошелъ слухъ, что князь собирается ѣхать на низовье Дуная, я подумалъ: Ну, и скатертью ему дорога! Самъ на все посмотритъ и рѣшитъ, и, можетъ быть, немного успокоится; тогда и бумаги меньше будемъ изводить, и мы отдохнемъ. Но не тутъ-то было: князь поѣхалъ, осматривалъ укрѣпленія и батареи, въ особенности на островѣ Четалѣ и, какъ мнѣ говорили, подробно обсуждалъ на одномъ пунктѣ, который, ему казалось, былъ самый выгодный, о расположеніи на немъ батареи. Напрасно генералъ Лидерсъ говорилъ князю, что при первомъ взглядѣ на мѣстность и ему самому также казалось, что это есть наилучшій пунктъ для устройства батареи, а между тѣмъ по дальнѣйшему обсужденію онъ долженъ былъ дать предпочтеніе другому мѣсту. Долго говорили на эту тему, но князь стоялъ на своемъ и наконецъ приказалъ приступить немедленно къ постройкѣ батареи на излюбленномъ имъ пунктѣ.

Вы думаете, что тѣмъ дѣло и кончилось; нѣтъ, не прошло и двухъ дней, какъ князь Горчаковъ, находясь въ ту минуту въ Браиловѣ, собственноручно написалъ 15 Февраля 1854 г. за № 83, г.-л. Ушакову слѣдующее: «Обсудивъ еще дѣло, нахожу, что строить новую батарею ниже той, которая уже находится у мыса Четала, было бы съ

Библиотека "Руниверс"

одной стороны безполезно, съ другой вредно; ибо для извѣщенія о приближеніи непріятельскихъ судовъ можно именно на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагается батарея, имѣть нѣсколько ракетъ, которыя будутъ видны и съ поста на мысѣ Четалѣ, и съ постройкою моста у этихъ пунктовъ тоже имѣть ракеты; сіи послѣднія будутъ всегда видимы отъ батареи, что̀ у кордона № 131. Вредна же предполагаемая батарея потому, что она разбудитъ съ этой стороны Турокъ и побудитъ ихъ сдѣлать окопы, которые въ послѣдствіи будутъ намъ мѣшать. По сему предлагаю помянутой батареи не строить, буде не окажется какихъ-либо новыхъ уважительныхъ причинъ ее возвести».

И вотъ такъ по каждому даже третьестепенному вопросу князь думалъ и передумывалъ, отдавалъ приказанія и за тѣмъ видоизмѣнялъ ихъ или совсѣмъ отмѣнялъ. Что же это такое? Князь безъ сомнѣнія былъ человѣкъ очень умный, но какъ же это? Человѣкъ съ умомъ и опытностію, если онъ обсудитъ какой-нибудь вопросъ всесторонне и дастъ наконецъ свое рѣшеніе, то въ силу какихъ стимуловъ можетъ онъ возвращаться и опять думать и передумывать вопросъ уже рѣшенный? Это означаетъ только, что такой человѣкъ не пригоденъ быть главнокомандующимъ. Отъ главнокомандующаго требуются совсѣмъ иныя качества, какихъ не было у князя Горчакова; слѣдовательно здѣсь вина тѣхъ, кто считали его способнымъ командовать арміею. Но нельзя не цѣнить и не чтить Горчакова за постоянное напряженіе всѣхъ его умственныхъ силъ изъ желанія сдѣлать каждое дѣло самымъ лучшимъ образомъ. Такое безпримѣрное трудолюбіе и безкорыстная самоотверженность встрѣчаются въ жизни чрезвычайно рѣдко.

Въ скоромъ времени князь отправился на низовье Дуная, и все это время вниманіе его было главнѣйше направлено на обезпеченіе лѣваго фланга и тыла нашихъ войскъ и на приготовленіе мостовъ для переправы черезъ Дунай. Съ первою цѣлію князь принималъ всѣ мѣры для закрытія непріятельскимъ судамъ входа изъ Чернаго моря въ Сулинскій рукавъ Дуная и распорядился приведеніемъ въ оборонительное положеніе крѣпостей нашихъ на Килійскомъ рукавѣ Дуная: Измаила и Киліи. Постройку же мостовъ князь возложилъ на генерала Бухмейера, приказавъ построить одинъ мостъ въ Галацѣ, а другой въ Малой Валахіи на рѣкахъ Ольтѣ и Жіо.

Для успѣха работъ требовалось содѣйствіе мѣстныхъ властей, и потому въ моемъ отдѣленіи управленія генералъ-квартирмейстера постоянно велась оживленная переписка съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Валахіи. Тогда я не только зналъ министра по фамиліи, но зналъ его лично; мнѣ приходилось заходить къ нему въ министерство и, будучи въ его кабинетѣ, я имѣлъ случай наблюдать, какую массу бу-

Библиотека "Руниверс"

магъ приходится подписывать ежедневно министру. Съ нами, къ тому же, онъ переписывался такъ, что на одной половинѣ листа текстъ изложенъ на Валахскомъ языкѣ, а на другой половинѣ листа на Русскомъ, но такимъ исковерканнымъ языкомъ, что это былъ трудъ очень непріятный разбирать бумаги Валахскаго министра. Такъ надоѣли часто пустыя по содержанію своему бумаги, что я нашелъ полезнымъ, чтобы сдержать усердіе министра къ бумагомаранію, не отвѣчать на его бумаги и началъ всѣ получаемыя отъ него бумаги, не отдавая для подшивки къ дѣламъ, складывать въ одномъ углу нашего служебнаго кабинета. Бутурлинъ замѣтилъ какъ-то однажды, что у насъ какъ бы прекратилась переписка съ Валахскимъ министромъ, но я промолчалъ и не открылъ ему моего секрета.

Въ концѣ Февраля 1854 г. князь началъ собираться выѣхать въ Браиловъ, и мнѣ было приказано также сопутствовать ему; занятія по моему отдѣленію были поручены генеральнаго штаба капитану Макшееву.

По пріѣздѣ въ Браиловъ мы нашли тамъ генерала Шильдера, родственника его, сапернаго генерала Дубенскаго, капитана Фолькмута и другихъ инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ, которые дѣятельно работали надъ приготовленіемъ переправы. Переправа черезъ Дунай назначена была на 10 Марта, но отложена до слѣдующаго дня.

Дня за два до переправы я встрѣтилъ на улицѣ въ Браиловѣ ген.-адъютанта Коцебу, который остановилъ меня и заговорилъ: «Странный человѣкъ этотъ нашъ командующій войсками! Ну кажется, что для успѣха переправы мы сдѣлали все возможное, и каждому изъ насъ это дѣло представляется совсѣмъ нетруднымъ, не правда ли? А между тѣмъ вотъ я теперь посидѣлъ съ княземъ и вышелъ отъ него съ убѣжденіемъ, что есть тысяча случаевъ, когда мы можемъ, потерпѣть неудачу».

Да, таковъ былъ умъ князя, что утромъ дѣло представляется ему въ одномъ свѣтѣ, а къ вечеру того же дня, когда онъ успѣлъ передумать о томъ же предметѣ на разные лады, онъ смотритъ на это же дѣло совсѣмъ иначе. Въ послѣдствіи я имѣлъ случай читать письма князя Горчакова къ военному министру изъ Севастополя и помню, что въ одномъ письмѣ, утромъ, онъ написалъ о предстоящемъ ему сраженіи на Черной рѣчкѣ предположенія и разсчеты свои въ краскахъ свѣтлыхъ, а вечеромъ того же дня князь написалъ къ тому же лицу и о томъ же предметѣ другое письмо въ крайне-мрачныхъ краскахъ; онъ просто утверждалъ, что мы навѣрное должны проиграть сраженіе и съ большимъ для насъ урономъ.

Библиотека "Руниверс"

Между тѣмъ мнѣ случилось наблюдать князя во время самой переправы. Мы находились на возвышенномъ берегу, и вся картина была у насъ передъ глазами; князю подали кресло, и я находился непосредственно за нимъ. Въ 4 часа дня, 11-го Марта 1854 года, отплылъ отъ нашего берега небольшой отрядъ съ пѣснями, и вслѣдъ затѣмъ начали наводить мостъ. Шильдеръ былъ на пароходѣ и, появляясь на разныхъ пунктахъ, руководилъ дѣломъ. Турки открыли огонь, и вскорѣ намъ привезли извѣстіе, что ядромъ оторвало генералу Дубенскому ногу. Князь наблюдалъ за всею операціею съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и выслушивалъ наши замѣтки внимательно. На Турецкомъ берегу, вдали, показалась кавалерія, стремившаяся кинуться на лѣвый флангъ нашего десантнаго отряда. Полковникъ Веймарнъ доложилъ объ этомъ князю, и онъ приказалъ выдвинуть на нашемъ берегу батарею; всѣ приказанія и распоряженія князя были совершенно спокойны, не было и слѣда суетливости, и никакія приказанія не отмѣнялись.

Съ наступленіемъ сумерекъ я командированъ былъ на Турецкій берегъ для устройства предмостнаго укрѣпленія. За переправу черезъ Дунай я награжденъ былъ орденомъ св. Владимира 4 ст. съ бантомъ.

13-го Марта князь съ своимъ штабомъ, во главѣ войскъ, двинулся въ Мачинъ; на дорогѣ онъ подозвалъ меня и приказалъ взять изъ отряда одну роту саперъ и дать ей указанія къ починкѣ моста на дорогѣ въ Мачинъ; назадъ мы возвратились въ Браиловъ на пароходѣ.

Въ этотъ день я получилъ изъ Бухареста письмо отъ капит. Макшеева; онъ сообщалъ, что Валахскій министръ внутреннихъ дѣлъ бомбардируетъ его бумагами, что онъ затрудняется что ему отвѣчать, не находя предыдущей переписки съ мѣстными властями, и спрашивалъ моихъ указаній; я отвѣчалъ Макшееву откровенно, что всѣ бумаги почтеннаго министра сложены въ кучу въ одномъ изъ угловъ кабинета нашего управленія и что по моему мнѣнію не стоитъ переписываться съ Валахами.

Изъ Браилова я вернулся почти одновременно съ княземъ. Капитанъ генеральнаго штаба Батезатулъ любезно предложилъ мнѣ мѣсто въ своемъ тарантасѣ; намъ запрягали по 4 и 5-ти паръ истощенныхъ Валахскихъ почтовыхъ лошадей, но мы ѣхали медленно и по временамъ, для ускоренія ѣзды, приказывали Валахамъ-извощикамъ отстегивать и бросать на дорогѣ совсѣмъ замученныхъ лошадей.

Встрѣтившись съ Макшеевымъ, я выслушалъ искреннюю и нѣсколько разъ повторенную благодарность за совѣтъ, которому онъ буквально послѣдовалъ; «мы требуемъ отъ Валахскаго правительства наряда людей на работы», сказалъ мнѣ капитанъ Макшеевъ, «но ни въ какія объясненія съ нимъ я не пускаюсь».

Библиотека "Руниверс"

Для иллюстраціи порядковъ Николаевскаго времени, здѣсь у мѣста будетъ привести дословно донесеніе (я сохранилъ его до сего времени въ подлинникѣ) Измаильскаго коменданта г.-м. Цебрикова отъ 29 Марта 1854 г. за № 1077. Въ крѣпости дѣлались всѣ приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай отряда ввѣреннаго генер.-лейтен. Ушакову, такъ сказать подъ носомъ коменданта, которому былъ извѣстенъ не только день, но и часъ переправы, совершившейся въ 14—15 верстахъ отъ крѣпости. Казалось бы чего проще было подумать коменданту о приготовленіи въ крѣпости госпиталя для пріема раненыхъ, а между тѣмъ г.-м. Цебриковъ доносилъ въ означенномъ рапортѣ князю Горчакову:

«12, 13 и 14 ч. сего Марта, въ разное время доставлены на повозкахъ въ Измаильскую крѣпость раненые штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины до 600 человѣкъ, безъ фельдшеровъ и лекарей и по большой части не перевязанные, безъ прислуги (хорошъ и Ушаковъ)!» Не получивъ ни отъ кого предварительно свѣдѣнія о столь значительномъ числѣ раненыхъ, я, по доставленіи таковыхъ, тотчасъ распорядился принять ихъ средствами, какія могъ на первый разъ изыскать для успокоенія, помѣстивъ часть ихъ на кроватяхъ въ приспособленномъ во 2-й оборонительной казармѣ нижнемъ этажѣ, а остальныхъ въ 5-й оборонительной казармѣ, выведя изъ оной войска въ землянки, расположивъ раненыхъ на нарахъ и снабдивъ ихъ тюфяками отъ крѣпости. Я приказалъ также дать имъ и ужинъ отъ квартирующихъ въ крѣпости резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ, что и было исполнено, такъ какъ въ госпиталѣ, по неожиданію раненыхъ и не знанію числа ихъ, пища для нихъ не приготовлялась. Нѣкоторымъ дана водка. Между тѣмъ для перевязки раненыхъ, я собралъ всѣхъ медиковъ и фельдшеровъ госпиталя, равно вольныхъ фельдшеровъ и цирульниковъ изъ города, и назначилъ для надзора за ранеными двухъ штабъ-офицеровъ, коимъ приказалъ употреблять всѣ средства къ успокоенію больныхъ, а въ случаѣ какихъ недостатковъ тотчасъ докладывать мнѣ; въ помощь же госпитальной прислуги назначилъ отъ войскъ 70 человѣкъ и для присмотра по два офицера въ каждую казарму, въ коихъ размѣщены раненые. Не оставляя лично наблюдать постоянно за порядкомъ въ размѣщеніи и продовольствіи больныхъ, я распорядился объявить гражданамъ Измаила объ оказаніи возможной помощи раненымъ и доставленіи отъ онаго части необходимой для больныхъ посуды и другихъ припасовъ; а также Измаильскіе граждане, движимые сочувствіемъ и усердіемъ, не замедлили доставить нѣсколько бѣлья, разные съѣстные припасы, равно чай и сахаръ, которые и выдавались раненымъ по приказанію моему, зачѣмъ я лично наблюдалъ. А чтобы контора госпиталя не имѣла недостатка въ деньгахъ на покупку необходимыхъ

Библиотека "Руниверс"

потребностей, по невысылкѣ ей изъ комиссаріата денегъ, я выдалъ изъ экстраординарной суммы оной, заимообразно, тысячу рублей серебромъ».

Немного поздно спохватились. Половина раненыхъ погибла, не дождавшись вашего чая и вашихъ цирульниковъ.

Очевидно, что комендантъ крѣпости Измаила и не подозрѣвалъ о той роли, которая принадлежитъ крѣпости на театрѣ войны относительно войскъ дѣйствующихъ въ полѣ: служить въ случаѣ неудачи временнымъ пріютомъ для нихъ, быть готовыми снабдить войска провіантомъ и принять въ свои госпитали больныхъ и раненыхъ.

ГЛАВА IV.

Осада Силистріи.—Генералъ Шильдеръ.—Отказъ въ штурмѣ.—Отправка Тотлебена въ Крымъ.—Командировка меня въ Перекопъ и Севастополь.—Скорбный путь до Севастополя.—Манера князя Меньшикова докладывать Государю.—Разсказъ Тотлебена.—Обѣдъ у адмирала Корнилова.—Генералъ Кирьяковъ.—Отношеніе Тотлебена къ Нѣмцамъ.—Отправка меня въ Перекопъ.—Генералъ Богушевскій и сестры милосердія.—Дурное состояніе медицинской части.

Послѣ переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай и занятія Бабадахской области инженеры предлагали мнѣ бросить управленіе генералъ-квартирмейстера и перейти подъ начальство генерала Шильдера, въ виду предстоявшей осады крѣпости Силистріи. Я изъявилъ полное на это согласіе, и генералъ Шильдеръ просилъ командующаго войсками назначить меня въ его вѣдѣніе, вслѣдствіе чего, приказомъ по арміи 2-го Мая 1854 г., я назначенъ въ вѣдѣніе начальника инженеровъ войскъ 3, 4 и 5 армейскихъ корпусовъ.

Къ осаднымъ работамъ подъ Силистріею было приступлено ночью съ 5-го на 6 Мая. Работами на лѣвомъ флангѣ завѣдывали подполковникъ Тотлебенъ и л.-гв. сапернаго баталіона штабсъ-капитанъ Зейме, а на правомъ флангѣ я и товарищъ мой по училищу инженеръ-штабсъ-капитанъ Небольсинъ.

Главныя указанія мы получали отъ ген.-адъют. Шильдера. Всѣ мы, за исключеніемъ Тотлебена, были новички въ дѣлѣ осадныхъ работъ, и потому передъ началомъ всѣ зашли къ Тотлебену сговориться и условиться ни счетъ нѣкоторыхъ пріемовъ при веденіи осадныхъ работъ. Помню, что зашла рѣчь о томъ, куда должны рабочіе до приступа къ работѣ класть свои ружья, впереди ли устраиваемой траншеи или позади ея. Тотлебенъ утверждалъ, что слѣдуетъ ружья оставлять позади работы, и въ случаѣ нападенія осажденные люди бросаютъ лопаты, разбираютъ свои ружья и тутъ же выстраиваются. На это Небольсинъ замѣтилъ, что движеніе рабочихъ назадъ можетъ послужить ободряющимъ для непріятеля образомъ, что эффектъ будетъ совсѣмъ иной, когда

Библиотека "Руниверс"

при появленіи противника рабочіе, кинувъ лопаты, пойдутъ дружно впередъ и, подхвативъ ружья, бросятся прямо на врага. Такое невинное возраженіе Небольсина вызвало со стороны Тотлебена какой-то рѣзкій и дерзкій отвѣтъ. Вѣдь мы собрались къ Тотлебену не какъ къ начальнику; мы вовсе не были подчинены ему, мы собрались къ нему какъ къ сослуживцу, имѣющему уже нѣкоторый опытъ въ дѣлѣ осады; но таковъ былъ ужъ характеръ Тотлебена, что онъ никогда не былъ способенъ обсуждать вопросъ спокойно и, терпѣливо выслушивая мнѣнія несогласныя съ его взглядомъ, хладнокровно возражать и стараться убѣдить въ правильности своего мнѣнія. Въ случаѣ несогласія кого-нибудь съ его мнѣніемъ, Тотлебенъ тотчасъ же раздражался и отвѣчалъ дерзостію. Выходка его противъ Небольсина никому конечно не понравилась, и Небольсинъ, не дожидая окончанія нашихъ разговоровъ, вышелъ вмѣстѣ со мною изъ палатки Тотлебена. Онъ жилъ гдѣ-то неподалеку отъ Шильдера, тогда какъ прочіе инженеры, назначенные участвовать въ осадныхъ работахъ, по приказанію Шильдера, устроились поближе къ работамъ, совершенно отдѣльною маленькою группою, въ палаткахъ поставленныхъ далеко впереди войскъ назначенныхъ для производства осадныхъ работъ.

Совершенно незначущая, хотя и непріятная, сцена въ палаткѣ Тотлебена раздвоила наше немногочисленное общество инженерныхъ офицеровъ; Нѣмцы, какъ Фолькмутъ, Зейме, Тидебель и др. держались Тотлебена, Русскіе же инженеры, изъ коихъ старшимъ былъ я, затѣмъ Небольсинъ, Доматевичъ и др., составляли особую группу. Нѣмцы имѣютъ какую-то липкость одинъ къ другому, и сила притяженія у нихъ очень сильна. Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ въ траншеяхъ на лѣвомъ ихъ флангѣ, т. е. у Нѣмцевъ, появился статскій, какъ оказалось по справкамъ, чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отставной инженеръ, баронъ Оффенбергъ, и вотъ этотъ господинъ, въ силу Нѣмецкаго притяженія, присосался къ своимъ собратьямъ, побылъ нѣсколько дней въ траншеяхъ или около нихъ и, получивъ крестъ Св. Владимира 4 ст. съ бантомъ, спокойно удалился.

И Шильдеръ различалъ наши двѣ группы. Придя въ одну ночь къ намъ на работу, онъ замѣтилъ: «Но вы очень выдвинулись впередъ, Нѣмцы струсили и заложили лѣвую половину траншеи далеко позади васъ».

Съ непривычки дѣйствовать ночью, было чрезвычайно трудно опознаться на мѣстности. Обыкновенно засвѣтло еще, Тотлебенъ и я выходили сколько можно впередъ и, осмотрѣвъ мѣстность, условливались, гдѣ каждый изъ насъ долженъ разбить ночью батареи и траншеи. Кажется, мѣстность такая, что найти ее ночью не трудно: вотъ большое

Библиотека "Руниверс"

развѣсистое дерево, справа большой камень, а позади канава; навѣрное, думаешь, найду; а когда съ наступленіемъ сумерекъ приходится вести туда войска, разбивать батареи и опредѣлять направленіе траншей, чтобы поставить на свои мѣста рабочихъ, то искомая мѣстность какъ будто бы совсѣмъ преобразилась, и нѣтъ тѣхъ отличительныхъ признаковъ, по которымъ такъ надѣялся все найти. Только мало по малу пріобрѣтается способность распознавать мѣстность ночью.

Въ первые дни, когда приходилось ходить съ Тотлебеномъ на рекогносцировку, я больше обращалъ вниманія на штуцерныя пули, летѣвшія подлѣ меня, чѣмъ на его объясненія; мнѣ казалось, что вотъ пуля чуть не задѣла моей лѣвой руки, а слѣдующая навѣрное ударитъ прямо въ сердце; Тотлебенъ же, казалось, не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на жужжаніе пуль и весь отдавался своему предмету. Мало по малу и я привыкъ къ пулямъ и гранатамъ и замѣчалъ, что если я нахожусь передъ войсками или вообще не одинъ, я въ силахъ не наклоняться передъ пулями и способенъ мыслить и вести себя совершенно прилично; когда же случалось ночью проходить по обстрѣливаемому пространству одному, то я невольно бросался изъ стороны въ сторону при каждомъ снарядѣ.

Осадныя работы подвигались впередъ и все болѣе и болѣе завоевывали мое къ нимъ вниманіе; часто я такъ увлекался своимъ дѣломъ, что и не замѣчалъ когда попадалъ подъ частый и мѣткій пушечный и ружейный огонь. Когда случалось, что солдаты нагибаются, я подсмѣивался надъ ними, говоря вслухъ: «что это значитъ, что ко мнѣ на работу прислали однихъ только согбенныхъ стариковъ?» «Береженаго Богъ бережетъ», отвѣчали мнѣ солдаты.

Собираясь однажды на ночныя работы, мы съ Небольсинымъ пили вечерній чай. Онъ кончилъ раньше меня, взялъ нагайку, вскочилъ на коня и отправился въ траншеи. Казалось, что не прошло и часа времени, какъ я тоже направился къ работамъ и былъ пораженъ, увидѣвъ, что солдаты несутъ кого-то на носилкахъ и одинъ изъ нихъ несетъ въ рукахъ офицерскую фуражку, а сзади ведутъ лошадь. «Что?» спрашиваю, «рапили?» «Голову оторвало», отвѣчаетъ солдатъ». Я былъ страшно пораженъ такою внезапною потерею товарища и столь достойнаго человѣка какъ Небольсинъ. Свѣжая, молодая, сильная натура, славная голова и высокія нравственныя качества; все это пропало въ одно мгновеніе. Но, придя на главную батарею, вооруженную осадными орудіями я узналъ, что убитый, котораго я встрѣтилъ, былъ не инженерный, а артилерійскій офицеръ; онъ убитъ былъ въ то мгновеніе, когда наводилъ 24-хъ фунтовую, мѣдную, короткую пушку; я подошелъ къ орудію и, осмотрѣвъ оставленный на ней слѣдъ снаряда, убѣдился, что траэкторія

Библиотека "Руниверс"

непріятельскаго снаряда находилась точно въ вертикальной плоскости, проходящей черезъ ось нашего орудія; продольное углубленіе на тѣлѣ орудія отъ удара ядра было совершенно правильно выдѣлано, и снарядъ, отразившись отъ 24-хъ фунтовой пушки, пологимъ рикошетомъ, сорвалъ голову артилеристу, повѣрявшему наводку орудія. Мой же Небольсинъ, выйдя изъ передовой траншеи, расхаживалъ въ это время спокойно съ нагайкою въ рукахъ по полю какъ будто на прогулкѣ.— «Чего вы тамъ ходите, Небольсинъ? Не слышите вы развѣ, какъ щелкаютъ подлѣ васъ пули въ землю?» закричалъ я своему товарищу.— «Ничего!» отвѣчалъ онъ и прибавилъ языкомъ инженернымъ: «расходъ не превыситъ ассигнованія», что̀ означало, какъ онъ объяснилъ мнѣ послѣ, что если-бы онъ даже былъ убитъ, то бѣда не велика, такъ какъ, отправляясь на войну, онъ мысленно опредѣлилъ пожертвовать собою для этого дѣла. Впослѣдствіи мнѣ говорили, что неудача въ любви была поводомъ къ такому рѣшенію. Черезъ полтора года я находился на работахъ по укрѣпленію Николаева, и первое орудіе, которое привезли на главную батарею, мною построенную, была таже 24-хъ фунт. мѣдная пушка съ углубленіемъ, знакомая мнѣ подъ Силистріею.

Турки съ наступленіемъ ночи выводили небольшіе отряды для вылазокъ, чѣмъ причиняли большую намъ помѣху въ осадныхъ работахъ; бывало, только что установишь прикрытіе и затѣмъ рабочихъ (что̀ брало много времени и стоило большаго труда, въ особенности когда мы попадали въ виноградники), а тутъ Турецкій рожокъ, трубящій наступленіе; всѣ бросаютъ свои мѣста, рабочіе разбираютъ ружья и вмѣстѣ съ прикрытіемъ отступаютъ въ переднія готовыя траншеи, артилерія открываетъ огонь, и пошла потѣха. Дѣйствительнаго наступленія нѣтъ, а между тѣмъ драгоцѣнное время уходитъ; свѣтаетъ лѣтомъ рано, и приходится изъ недоконченныхъ батарей и траншей выводить рабочихъ столь заблаговременно, чтобы Турки не успѣли нанести имъ серьезныхъ потерь. Шильдеръ какъ-то уснулъ въ одну ночь особенно крѣпко и долго проспалъ; проснулся и только что вздумалъ объѣхать работы какъ увидалъ, что войска возвращаются уже въ лагерь. Разсердился старикъ ужасно, и, не успѣвъ одѣться, вскочилъ на лошадь и въ рубахѣ съ Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, громко скомандовалъ: «батальоны, на лѣво кругомъ!» и повелъ насъ опять впередъ. Турки со всѣмъ усердіемъ открыли орудійный огонь, а мы прехрабро себѣ маршируемъ и только посматриваемъ по временамъ на почтеннаго нашего старца. Гнѣвъ его однако утихъ, и онъ скоро отпустилъ насъ. А другой разъ случилось такъ. Какъ только разсвѣло, мы съ Небольсинымъ осмотрѣлись и тотчасъ замѣтили, что и батареи и траншеи наши расположены совершенно невѣрно; очевидно было, что мы ошиблись въ

Библиотека "Руниверс"

оцѣнкѣ мѣстности. Посовѣщались и порѣшили пойти прямо къ Шильдеру и доложить ему о нашемъ грѣхѣ. Явились къ старику и докладываемъ, что ночь пропала даромъ по нашей винѣ. «И прекрасно!» отвѣчаетъ онъ, «и прекрасно!» Мы развернули планъ и карандашемъ чертимъ, указывая, что чуть не бокомъ къ противнику насыпали батареи.

«И прекрасно, превосходно!» повторяетъ Шильдеръ. А вы думали, что ночныя осадныя работы можно всегда вести безъ ошибки; съ вами случилось, что̀ было со мною подъ Варною и что̀ постоянно бываетъ при всякой осадѣ; успокойтесь, господа, разъ ошиблись, а въ другой разъ поправите; тутъ нѣтъ бѣды никакой».

И мы, успокоенные поплелись домой отдыхать послѣ безсонной ночи.

Князь Горчаковъ очень заботился, чтобы потери наши въ людяхъ были по возможности меньше, и потому намъ, распорядителямъ работъ, приказано было наблюдать, чтобы разстановку по ночамъ прикрытія для работъ и размѣщеніе рабочихъ производить, не произнося команды вслухъ, а всегда тихимъ голосомъ и жестикулируя. Но на солдатъ такой образъ дѣйствій производилъ угнетающее впечатлѣніе.

На другой день къ вечеру, когда мы поджидали въ передней траншеѣ наступленія сумерекъ, чтобы двинуться на работы, пришелъ къ намъ Шильдеръ и тоже замѣтилъ, что соблюдаемая тишина въ траншеяхъ и запрещеніе курить дѣйствуютъ невыгодно на солдатъ; поэтому онъ началъ говорить громко:

— «А что это у васъ никто не куритъ, мнѣ бы хотѣлось закурить сигару; вы, братцы, не бойтесь», обратился онъ къ солдатамъ, «вы только подымите свои ружья, чтобы Турокъ видѣлъ сколько здѣсь штыковъ, тогда онъ будетъ насъ бояться, а вамъ что? Вамъ плевать на него».

Такая рѣчь благодѣтельно подѣйствовала на солдатъ, они видимо повеселѣли.

Прикрытіе и рабочихъ для производства осадныхъ работъ приводили изъ лагеря; выводить ихъ за-свѣтло нельзя было, чтобы не подвергнуть войска обстрѣливанію. Такимъ образомъ солдатъ, идя въ темный вечеръ по мѣстности ему совершенно незнакомой, при обстановкѣ также ему совершенно неизвѣстной, на занятія, которымъ въ мирное время его не обучали, былъ очень нервенъ. Я разставлялъ ихъ въ одну ночь совершенно благополучно; оставалось взять послѣдній взводъ и разставить въ линію съ другими рабочими. Я подошелъ къ взводу и, взявъ одного изъ солдатъ за аммуницію, сказалъ вполголоса: «идите, братцы, за мною». Люди держали ружья «у ноги», и не знаю какимъ образомъ одно изъ ружей вдругъ выстрѣлило. Весь взводъ, какъ по

Библиотека "Руниверс"

командѣ, повернулъ налѣво кругомъ, и вмѣсто того, чтобы идти за мною впередъ, побѣжалъ назадъ; я также побѣжалъ за ними и уговаривалъ ихъ опомниться, но мои увѣщанія не дѣйствовали на нихъ, и они продолжали бѣжать къ старымъ траншеямъ, занятымъ траншейнымъ карауломъ. Вдругъ послышался оттуда залпъ, и одинъ или два изъ моихъ бѣглецовъ повалились. Это прискорбная ошибка со стороны траншейнаго караула, который, услыхавъ топотъ цѣлаго взвода, принялъ нашихъ бѣгущихъ людей за Турокъ, наступающихъ на наши траншеи.

Первое Іюля, вечеромъ, Шильдеръ пришелъ на работы къ намъ, т.-е. на правый флангъ осадныхъ работъ, по осмотрѣ коихъ онъ сѣлъ на банкетъ траншеи, опершись на туровую одежду траншеи. Онъ началъ отдавать приказанія для предстоявшихъ работъ, какъ вдругъ разорвало надъ нами гранату, и одинъ изъ ея осколковъ раздробилъ ему правую ногу, уже раненую въ Турецкую войну 1828—1829 годовъ. Его понесли въ землянку и скоро сдѣлали ампутацію.

— «Выбросьте этотъ кусокъ ноги къ Туркамъ, пускай онъ имъ навоняетъ», говорилъ герой Шильдеръ.

На другой день подтянулся къ намъ пароходъ, и мы, глубоко скорбя, простились съ высокоуважаемымъ нашимъ начальникомъ. Шильдера повезли на излеченіе въ Каларашъ. Онъ былъ очень блѣденъ.

На мѣсто Шильдера начальникомъ инженеровъ нашей арміи былъ назначенъ старшій по немъ генералъ Бухмейеръ, который тотчасъ же принялся за организаціонную часть осаднаго дѣла. Послѣдовали назначенія: начальникомъ работъ праваго фланга назначенъ былъ инженеръ-полковникъ Геннерихъ, лѣваго фланга Тотлебенъ, а дежурными по работамъ на правомъ флангѣ я и лейбъ-гвардіи сапернаго батальона Зейме, на лѣвомъ флангѣ—капитанъ Фолькмутъ и капитанъ Кононовъ.

Подступы къ песчанымъ укрѣпленіямъ настолько приблизились, что днемъ приходилось подвигаться впередъ тихою сапою. Мнѣ досталось руководить такою работою; въ головѣ сапы работали саперы, а сзади, для расширенія траншеи, я поставилъ рабочихъ отъ пѣхоты. Ночная смѣна оставила намъ мантилетъ совсѣмъ пустой; между тѣмъ Турки, замѣтивъ нашу работу, открыли по ней стрѣльбу изъ орудій ядрами и гранатами. При такихъ обстоятельствамъ приходилось начинять мантилетъ фашинами; этою работою занимался саперный унтеръ-офицеръ Медвѣдевъ и, несмотря на то, что Турки начали часто попадать снарядами въ самый мантилетъ, Медвѣдевъ велъ свою работу безостановочно и безъ всякой торопливости. Всего за время работы Медвѣдева, въ мантилетъ попало 8 ядеръ; мой молодецъ былъ невредимъ, и справедливость требовала представить его къ Георгіевскому кресту. Но не такъ хо-

Библиотека "Руниверс"

рошо шли мои дѣла позади сапы, гдѣ были рабочіе отъ пѣхоты. Турки отлично пристрѣлялись по нашимъ работамъ и били насъ немилосердно, такъ что приходилось безпрерывно ходить взадъ и впередъ для возстановленія порядка и для поддержанія въ людяхъ необходимаго спокойствія. Въ эти минуты мнѣ удалось въ первый разъ схватить глазами полетъ непріятельскаго снаряда; мнѣ показался онъ неподвижнымъ, и я мгновенно сдѣлалъ шагъ въ сторону, чѣмъ и избѣжалъ грозившей мнѣ опасности.

Продолжать работу было затруднительно, и я не безъ удовольствія прочелъ присланное мнѣ приказаніе прекратить ее, въ виду большой потери въ людяхъ. Отведя людей въ заднія траншеи, я зашелъ для отдыха въ офицерскій блиндажъ, тутъ же въ траншеяхъ снялъ фуражку и, проведя рукою по лбу, былъ крайне удивленъ, найдя его совершенно мокрымъ и совсѣмъ не горячимъ, а скорѣе холоднымъ. Не было ли это слѣдствіемъ крайне-напряженнаго состоянія нервовъ, а между тѣмъ я ни на минуту не испытывалъ чувства страха и былъ, казалось мнѣ, въ самомъ дѣловомъ настроеніи духа, былъ вполнѣ хозяиномъ своихъ мыслей и дѣйствій. Правда, что мнѣ въ этотъ день въ первый еще разъ довелось бокъ-о-бокъ видѣть столько убитыхъ, разорванныхъ человѣческихъ тѣлъ и столько раненыхъ.

Не знаю, пошли ли бы наши дѣла лучше отъ порядковъ, заведенныхъ Бухмейеромъ, но успѣха въ осадныхъ работахъ очевидно нельзя было ожидать, такъ какъ въ высшихъ сферахъ начались новыя комбинаціи на счетъ общаго плана нашей кампаніи.

Съ отъѣздомъ изъ арміи князя Варшавскаго, князь Горчаковъ рѣшился дѣйствовать съ большею энергіею и положилъ ночью съ 8 на 9 Іюня штурмовать тѣ два укрѣпленія, къ которымъ мы приблизились на правомъ и на лѣвомъ флангѣ осадныхъ работъ. Говорили, что диспозиція для штурма была такъ составлена, что неуспѣхъ былъ невозможенъ; ибо въ этой диспозиціи сказано было, что отбоя не будетъ, и потому всякіе сигналы къ отступленію принимать за обманъ со стороны Турокъ. Мы съ своей стороны распорядились работами по устройству удобныхъ переходовъ черезъ глубокія траншеи какъ для пѣхоты, такъ и для артиллеріи, и ожидали ночи, назначенной для штурма съ величайшимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ продолжительныя осадныя работы насъ и утомили и, не давая видимаго результата, надоѣли. По диспозиціи для штурма каждый изъ насъ инженеровъ долженъ былъ идти при какой-нибудь изъ колоннъ, и съ приближеніемъ ночи штурма мы готовились къ дѣлу съ радостію. Началось передвиженіе пѣхотныхъ колоннъ къ нашему инженерному лагерю, и наконецъ проѣхалъ князь Горчаковъ къ первымъ траншеямъ, откуда, по его приказанію, будетъ

Библиотека "Руниверс"

данъ сигналъ къ началу штурма. Все это оживленіе производило на меня впечатлѣніе подобное тому, которое я испытывалъ иногда въ ночь Св. Пасхи. Осталось уже нѣсколько минутъ до начала штурма. Князь, забросивъ руки назадъ и заломивъ свою фуражку, по обыкновенію, на затылокъ, прохаживался одинокимъ взадъ и впередъ около сигнальныхъ ракетъ, какъ послышался ускоренный топотъ коня и голосъ сѣдока: «гдѣ князь, гдѣ князь?!» Въ темнотѣ нельзя было разглядѣть, кто это такъ спѣшитъ къ князю, но послѣ мы узнали, что это былъ адъютантъ Паскевича Протасовъ, привезшій приказаніе штурма не предпринимать и готовиться снять осаду Силистріи. Князь былъ видимо пораженъ и недоволенъ привезеннымъ приказаніемъ, а мы были въ полномъ разочарованіи.

Начались распоряженія по снятію осады. Я улучилъ свободный часъ и поскакалъ въ Калараш съ цѣлію навѣстить своего начальника генерала Шильдера. Доѣхавъ до городка, я направился по главной улицѣ и только что задержалъ коня, чтобы спросить у попавшагося на глаза солдата, гдѣ живетъ генер.-адъют. Шильдеръ, какъ мнѣ бросились въ глаза большіе церковные подсвѣчники съ зажженными свѣчами—это и былъ домъ, гдѣ жилъ почтенный герой, скончавшійся утромъ того-же дня. До послѣдней минуты старикъ не переставалъ спрашивать своего адъютанта о ходѣ нашихъ осадныхъ работъ и дѣлать свои замѣчанія. Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія и величайшаго уваженія я поклонился праху достойнаго человѣка. Шуринъ его генералъ Дубенскій, которому оторвало ногу при переправѣ черезъ Дунай у Браилова, тоже умеръ.

По снятіи осады Силистріи скоро войска наши были переведены съ праваго берега Дуная на лѣвый, и началось медленное движеніе войскъ къ р. Серету; мы инженеры скучали бездѣйствіемъ.

Я благодарю судьбу, что мнѣ выпалъ такой рѣдкій для Русскихъ инженеровъ случай—принимать участіе въ осадныхъ работахъ противъ крѣпости. Такая наука принесла мнѣ извѣстную опытность въ осадной войнѣ, и я высоко цѣню этотъ опытъ. Почтенный историкъ нашъ М. И. Богдановичъ въ извѣстномъ трудѣ своемъ: «Восточная война 1853—1856 годовъ» далъ весьма лестный для насъ инженеровъ, ближайшихъ помощниковъ генерала Шильдера, отзывъ о посильныхъ трудахъ нашихъ (стр. 67, томъ II) и приложилъ ко II-му тому журналъ осадныхъ дѣйствій противъ крѣпости Силистріи въ 1854 году, изъ каковаго журнала видна и моя дѣятельность при осадѣ.

По снятіи осады Силистріи я оставался въ распоряженіи начальника инженеровъ и съ бывшими моими сослуживцами въ управленіи генералъ-квартирмейстера, съ офицерами генеральнаго штаба, встрѣ-

Библиотека "Руниверс"

чался только случайно; занимался же я и проводилъ свободное время въ кругу инженерныхъ офицеровъ.

На одной изъ дневокъ, какія мы имѣли при обратномъ движеніи отъ Дуная, зашелъ ко мнѣ Тотлебенъ проститься, такъ какъ онъ получилъ приказаніе отъ князя отправиться въ Крымъ въ распоряженіе князя Меншикова. Я позавидовалъ такой командировкѣ и высказалъ это Тотлебену, на что онъ отвѣтилъ мнѣ, что еще неизвѣстно какъ понравится князю Меншикову такая командировка и что въ случаѣ если Тотлебенъ признаетъ, что присутствіе его въ Севастополѣ излишне, то онъ имѣетъ отъ князя Горчакова позволеніе вернуться назадъ. Мнѣ жаль было, что командующій войсками не счелъ возможнымъ послать въ Севастополь болѣе какъ одного только Тотлебена; дорогой мнѣ Севастополь рисовался въ моихъ воспоминаніяхъ съ своими бухтами и Чернымъ моремъ такимъ заманчивымъ уголкомъ міра, столь близко мнѣ извѣстнымъ.

Посылая Тотлебена къ князю Меншикову, князь Горчаковъ писалъ: «C'est le meilleur élève de Schilder, actif, intelligent, brave comme son épée, il est entièrement initié aux tours de forces du défunt et a l'avantage de ne pas être fou au trois-quart comme l'était Schilder».

Тотлебенъ уѣхалъ, а мы продолжали, въ сильнѣйшую жару, странствовать по Валахіи.

25 Іюня произошло дѣло подъ Рущукомъ, что̀ сильно обезпокоило князя, и мы потянулись опять къ Дунаю и расположились 1-го Іюля въ Фратешти, но здѣсь, за исключеніемъ одной рекогносцировки, совершенно безцѣльной, ничего не дѣлали, хотя войскъ у насъ было много. Мы посидѣли въ Фратешти дней 10, и рѣшено было опять начать отступленіе. Поздно ночью меня разбудили и позвали къ начальнику инженеровъ.—«Князь приказалъ», объявилъ мнѣ Бухмейеръ, «ѣхать вамъ немедленно къ такому-то пункту; завтра начнется общее отступленіе войскъ, средняя колонна пойдетъ по большой дорогѣ, а правая по параллельной къ ней проселочной дорогѣ; но на этой послѣдней дорогѣ находится широкая и глубокая долина, дно которой болотистое, протекающая же по болоту рѣчка глубокая и довольно быстрая и съ топкимъ дномъ; уже два дня, какъ я послалъ туда саперную роту и много фашинъ и туровъ. Должно быть, дорога уже проходима; но князь опасается, что Турки будутъ преслѣдовать насъ и, въ случаѣ затруднительности переправы чрезъ болотистую долину, могутъ насѣсть на нашу правую колонну и нанести большія потери. Возьмите казака и поѣзжайте туда верхомъ, поторопите саперъ и дайте имъ необходимыя указанія».

Библиотека "Руниверс"

Я отправился немедленно къ указанному пункту, но это было довольно далеко, верстъ 15 отъ Фратешти. Ночь была изъ самыхъ темныхъ, и только къ разсвѣту я началъ спускаться въ лощину. Найдя, что проѣздъ артиллеріи и войсковыхъ тяжестей по дорогѣ чрезъ топкія мѣста невозможенъ, я взялъ въ сторону отъ дороги и долго искалъ мѣстъ болѣе проходимыхъ, а затѣмъ направился отыскивать саперную роту. Былъ уже 7-ой или 8-ой часъ дня, а командиръ роты и его субалтернъ-офицеръ спокойно и преблагодушно сидѣли у самоварщика и нимало не заботились, что часа черезъ два подойдутъ войска и начальникъ колонны потребуетъ переправы. Между тѣмъ для постройки моста на рѣчкѣ были только срублены деревья и брошены на мѣстѣ въ лѣсу, въ разстояніи довольно дальнемъ отъ рѣки. Мнѣ пришлось употребить всю энергію, чтобы разбудить безпечныхъ строителей; я притянулъ къ работамъ баталіонъ пѣхоты и мало по малу всѣхъ заставилъ пошевелиться. Мостъ далеко не былъ еще конченъ; можно сказать, что на мѣстѣ моста не было еще ни одного бруса, когда ко мнѣ подъѣхалъ офицеръ съ извѣстіемъ, что войска подошли, и начальникъ отряда требуетъ меня къ себѣ. Часа черезъ три мостъ былъ кое-какъ устроенъ, и я приказалъ близь-стоявшимъ обозамъ начать переправу, а затѣмъ сообщилъ начальнику отряда, что мостъ готовъ. Я не довѣрялъ устойчивости моста и переправою обоза хотѣлъ убѣдиться въ надежности его; но саперные офицеры, кажется, справедливо говорили мнѣ, что для устойчивости моста было-бы выгоднѣе пустить по немъ сперва пѣхоту, которая ровномѣрнѣе-бы осадила мостъ. Подъ давленіемъ переправлявшихся войскъ мостъ быстро садился въ воду, и скоро настилъ моста былъ въ водѣ, такъ что мы вынуждены были часто останавливать движеніе и наваливать на мостъ соломы, которая въ большихъ стогахъ, слава Богу, находилась близъ переправы. Долго и мучительно для меня тянулась переправа, весь день я не имѣлъ возможности проглотить хотя-бы кусокъ хлѣба, поэтому былъ измученъ и физически, и нравственно до крайности. Какъ только окончилась къ вечеру переправа отряда, я сѣлъ на коня и поѣхалъ искать пріюта на ночь, на большую дорогу, по которой двигалась главная колонна и, по всей вѣроятности, думалъ я, главная квартира арміи. Первыя войска, на которыя я наткнулся поздно вечеромъ, были войска генер. Соймонова, и я отправился къ нему, хотя и не былъ знакомъ съ нимъ; онъ принялъ меня любезно, накормилъ и уложилъ спать.

Затѣмъ опять движеніе и дневки, и скука отъ бездѣйствія и занятій. Въ концѣ только Іюля мнѣ снова дано порученіе отправиться впередъ и на случай близкаго преслѣдованія насъ Турками построить

Библиотека "Руниверс"

укрѣпленія въ головѣ моста черезъ р. Серетъ, на правомъ ея берегу у с. Немолосы, что̀ заняло меня дней десять.

4 Сентября 1854 г. я переправился черезъ р. Прутъ у м. Скулянъ и снова водворился въ Кишиневѣ.

Въ Сентябрѣ я командированъ былъ княземъ въ г. Ольвіополь для составленія проекта предмостныхъ укрѣпленій на берегу Буга, а въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ я находился въ Могилевѣ на Днѣстрѣ и производилъ обширныя работы по устройству предмостнаго укрѣпленія и переправы черезъ Днѣстръ. Я окончилъ работы поздно, когда на Днѣстрѣ шелъ сильный ледъ, и только съ большимъ трудомъ и опасностью я могъ перебраться черезъ рѣку, чтобы ѣхать въ Кишиневъ. Дорога черезъ Оргѣевскій лѣсъ была не лучше переправы черезъ Днѣстръ, бока мои были избиты, и двадцать разъ я былъ въ опасности выкупаться въ замерзающей грязи; всю ночь я употребилъ, чтобы протащиться одну только станцію.

Впрочемъ мнѣ не суждено было отдыхать въ Кишиневѣ. Вскорѣ, по возвращеніи изъ Могилева на Днѣстрѣ меня позвали къ князю, и онъ объяснилъ мнѣ, что князь Меншиковъ проситъ его озаботиться устройствомъ у Перекопа на перешейкѣ такого укрѣпленія, которое могло бы доставить укрыті транспортамъ, идущимъ въ Севастополь, на случай появленія непріятельской кавалеріи. «Мнѣ-бы хотѣлось», прибавилъ князь, и въ этомъ случаѣ помочь Меншикову. «Я приказалъ выдать вамъ деньги на покупку матеріаловъ и отправить въ Перекопъ рабочій инструментъ; пока онъ дотянется до мѣста, вы будете имѣть время составить проектъ и съѣздить въ Севастополь представить его князю Меншикову».

Нечего и говорить, что я отъ радости не вышелъ, а выскочилъ изъ кабинета Горчакова; наконецъ-то дорогой мой Севастополь и Черное море увижу я васъ! Я быстро собрался, сдѣлалъ необходимые визиты и на перекладной отправился въ Перекопъ. Проѣздомъ черезъ Николаевъ я остановился тамъ на два часа, чтобы навѣстить моихъ Севастопольскихъ друзей Арт. Ром. и Александру Петровну Мейнардъ и ея брата инженернаго полковника Матвѣева, а въ Херсонѣ я посѣтилъ Страдецкихъ (отецъ и двѣ дочери; отецъ прежде служилъ помощникомъ почтмейстера въ Каменецъ-Подольскѣ, когда мой отецъ былъ тамъ почтмейстеромъ; въ Херсонѣ онъ былъ уже вдовцомъ, такъ же какъ и старшая его дочь была вдовою, а младшая дочь была дѣвицею 16—17 лѣтъ).

Пріѣхавъ въ Перекопъ, явился я къ старшему военному начальнику г.-м. Богушевскому и познакомился при этомъ съ флигель-адъютантомъ полковникомъ Герштенцвейгомъ. Мы вмѣстѣ съ нимъ осматрива-

Библиотека "Руниверс"

ли старую крѣпость XVIII вѣка, давно заброшенную. Герштенцвейгъ находился въ Перекопѣ проѣздомъ въ Севастополь, куда въ то время ѣздили и другіе флигель-адъютанты, какъ Альбединскій, Петръ Шуваловъ и пр.

Въ Перекопѣ мѣстность имѣетъ видъ степи, повсюду гладкой, безлѣсной и безжизненной; въ городѣ всего одна улица маленькихъ бѣдныхъ домовъ. Самыя большія и лучшія постройки были казенныя, соляного вѣдомства и въ то время были заняты госпиталемъ, въ которомъ насчитывалось до 6 т. человѣкъ раненыхъ и больныхъ.

По составленіи небольшаго проекта укрѣпленій, которыя я считалъ достаточными для поставленнаго имъ назначенія, я, согласно приказанія кн. Горчакова, отправился въ половинѣ Декабря мѣсяца 1854 г. въ Севастополь къ князю Меншикову.

Снѣга конечно не было, но земля была замерзши; я поѣхалъ на почтовыхъ въ телѣгѣ, и вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на тогдашніе способы сообщенія съ Севастополемъ. Въ особенности всѣ ужасы сообщенія рисовались яркими красками на пространствѣ между Симферополемъ и Севастополемъ. Пріѣзжаешь на станцію, и станціонный смотритель, если онъ еще въ живыхъ, не хочетъ и смотрѣть на курьерскую подорожную и въ отвѣтъ на требованіе лошадей ничего почти не отвѣчаетъ и исчезаетъ куда-то съ глазъ проѣзжающаго. Иду въ ямщицкую, и тамъ страшная картина: по избѣ на лавкахъ и подъ ними валяются трупы ямщиковъ, погибшихъ отъ тифа и два-три человѣка пока еще въ живыхъ еле ворочаются въ предсмертныхъ судорогахъ. Я заглянулъ на дворъ и въ конюшни, и тамъ такая же картина смерти: трупы лошадей, околѣвшихъ отъ безкормицы, валяются не убранными. Никто и не думалъ объ уборкѣ павшихъ лошадей; онѣ валяются на самой дорогѣ и если приходилось, что повозка одною стороною сильно поднимается, то навѣрное оттого, что, погрузившись на половину въ грязь, вслѣдъ затѣмъ замерзшую, на дорогѣ лежитъ трупъ лошади съ раздутымъ брюхомъ, черезъ которое и проходитъ колесо вашей перекладной.

О томъ, чтобы согрѣться въ комнатѣ станціоннаго дома и поѣсть чего нибудь, нечего было и думать; топить нечѣмъ, и для накормленія проѣзжающаго никого и ничего нѣтъ въ домѣ; проѣзжіе офицеры и военные врачи, по мѣрѣ прибытія на станцію, занимаютъ, кто гдѣ можетъ, уголокъ на полу, складываетъ свои чемоданы, ящики и пожитки такъ, чтобы можно было посидѣть и полежать на нихъ. Вхожу я на одну станцію и вижу всю комнату наполненную проѣзжающими; одинъ изъ нихъ, усѣвшись низко на своемъ чемоданчикѣ, брѣется передъ складнымъ зеркальцемъ установленнымъ на другомъ чемоданѣ, тогда

Библиотека "Руниверс"

какъ другой проѣзжающій сидитъ передъ самоварчикомъ, а деньщикъ его отрѣзываетъ ему кусокъ черстваго хлѣба изъ своей краюхи.

Что, спрашиваю, нѣтъ лошадей?—Да вотъ смотритель сегодня говорилъ, что вскорѣ прибудутъ лошади, которыхъ выслали на весь трактъ изъ Россіи, отвѣчаетъ мнѣ одинъ изъ сидящихъ.

— Все онъ вретъ, подлецъ, возражаетъ другой; посудите, капитанъ, обращаясь ко мнѣ, продолжаетъ офицеръ, какъ тутъ присылать лошадей на весь трактъ, когда на всемъ полуостровѣ нѣтъ ни клочка сѣна. Если бы и вздумали подвозить въ такую бездорожицу сѣно, то эти самыя лошади и сожрали бы подвозимое ими сѣно.

Дѣлать было нечего, и я долженъ былъ, спрятавъ свою курьерскую подорожную, расположиться съ своими пожитками какъ позволяло мѣсто и коротать дни какъ пришлось. Послѣ двухъ или трехъ дней самаго томительнаго ожиданія мы увидали станціоннаго смотрителя, который объявилъ, что на станцію доставлена пара верблюдовъ, которыхъ запрягаютъ въ одну длиннѣйшую телѣгу (бока безъ драбинъ), на которой онъ надѣется отправить всѣхъ насъ. Мы положили помѣстить въ телѣгу всѣ наши чемоданы и если-бы нельзя было усѣсться всѣмъ намъ, то будемъ садиться по очереди, а остальные пойдутъ пѣшкомъ.

Весь переѣздъ изъ Перекопа въ Севастополь всего съ небольшимъ 200 верстъ, которыя я наконецъ одолѣлъ. За 30 верстъ отъ Севастополя я слышалъ выстрѣлы, которые только увеличивали мое нетерпѣніе скорѣе увидать обѣтованную мою землю. Пріѣхавъ на Сѣверную сторону Севастополя, которую я зналъ, кажется, какъ свои пять пальцевъ, я былъ удивленъ, что не узнаю окрестностей Сѣвернаго укрѣпленія; былъ уже совершенно темный вечеръ, и я не могъ разсмотрѣть, что̀ это за новыя для меня постройки, изъ которыхъ свѣтятся огоньки; мнѣ казалось, что это были землянки.

Подъѣхавъ къ пристани, я, какъ старый уже Севастополецъ, скоро нанялъ себѣ яликъ и спокойно усѣлся, чтобы переплыть рейдъ и подъѣхать къ Графской пристани. Проѣзжая мимо нашихъ двухъ и трехъдечныхъ кораблей, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на старыхъ своихъ знакомыхъ; на Графской пристани я распросилъ гдѣ живетъ инженеръ Бородатовъ и, нанявъ для вещей носильщиковъ, направился по Екатерининской улицѣ къ дому, котораго при мнѣ не было. Это былъ новый 2-хъ этажный каменный домъ съ разбитымъ ядрами угломъ, ярко освѣщенный въ бель-этажѣ. Я нашелъ дома не только Мартына Михаиловича, но тутъ были также Ип. Матв. Дебу̀ и еще 3—4 хорошихъ моихъ знакомыхъ. Трудно выразить изумленіе хозяевъ увидѣвшихъ меня такъ неожиданно и наше обоюдное удовольствіе сви-

Библиотека "Руниверс"

дѣться послѣ двухъ лѣтъ разлуки. Разспросамъ и разсказамъ не было конца; долго мы не могли успокоиться и часто говорили всѣ вмѣстѣ.

На другой день я отправился на Сѣверную сторону къ князю Меншикову, который, выслушавъ мой докладъ, поручилъ мнѣ нарисовать на почтовомъ листѣ бумаги проектированныя мною на Перекопскомъ перешейкѣ укрѣпленія.

Отъ князя я зашелъ въ его штабъ и здѣсь встрѣтилъ знакомаго мнѣ по службѣ на Дунаѣ генерала Семякина, который былъ при князѣ Меншиковѣ въ родѣ начальника его штаба. Я объяснилъ ему въ чемъ дѣло и просилъ дать мнѣ топографа начертить на почтовомъ листѣ мой проектъ.

— Боже васъ сохрани, чертить проектъ и притомъ въ масштабѣ: князь будетъ недоволенъ. Нарисуйте отъ руки и чѣмъ будетъ сдѣлано хуже, т. е. чѣмъ неразборчивѣе вы начертите, тѣмъ лучше; если сдѣлаете такъ, что въ Петербургѣ ничего бы не поняли, то это будетъ самое лучшее.

Я уже слышалъ и прежде, что князя Меншикова крайне стѣсняло постоянное стремленіе Государя входить во всѣ подробности каждаго дѣла и подавать личные свои мнѣнія и совѣты, практически не осуществимые, и потому послѣдовалъ въ точности совѣту Семякина и самъ набросалъ перомъ свое предположеніе. Когда я пришелъ къ князю, то онъ пристально посмотрѣлъ на рисунокъ, изъ котораго дѣйствительно ничего нельзя было понять, потомъ взглянулъ на меня. Я стоялъ передъ нимъ нѣмъ, съ выраженіемъ человѣка, глубоко старавшагося сдѣлать порученное ему дѣло наилучшимъ образомъ. Еще разъ князь посмотрѣлъ на рисунокъ и сказалъ: «Очень, очень хорошо, я весьма вамъ благодаренъ; вотъ на этомъ же листѣ бумаги я и напишу Его Величеству свои соображенія по укрѣпленію Перекопскаго перешейка».

Я откланялся и поѣхалъ въ городъ къ Тотлебену, который принялъ меня съ большимъ радушіемъ и много разсказывалъ о своихъ первыхъ шагахъ въ Севастополѣ. Меншиковъ принялъ его совершенно равнодушно, ни разу не призывалъ его къ себѣ и не давалъ ему никакихъ порученій, такъ что Тотлебенъ долгое время блуждалъ по Севастополю безъ всякихъ занятій, ни съ кѣмъ незнакомый, ни съ мѣстнымъ, сухопутнымъ инженернымъ вѣдомствомъ, ни съ начальствомъ морскимъ.

Военно-инженерное вѣдомство, которое состояло изъ крѣпостнаго инженернаго управленія и управленія строителя Севастопольскихъ укрѣпленій, ничего не дѣлало въ виду надвигавшейся военной грозы. Эти инженерныя управленія, подчиненныя инженерному департаменту, продолжали свою обычную дѣятельность мирнаго времени, составляли

Библиотека "Руниверс"

разные проекты, не имѣющіе ничего общаго съ предстоявшею Севастополю осадою, писали смѣты и отчеты и ухомъ не вели по части устройства укрѣпленій кругомъ города.

Князь Меншиковъ, который понималъ, что десантъ Англо-Французскихъ войскъ въ Крымъ, а слѣдовательно и атака на Севастополь возможны, помышлялъ иногда, что недурно было бы имѣть кругомъ города оборонительную ограду. Въ письмѣ къ военному министру князю Долгорукову Меншиковъ писалъ: «La Crimée est maintenant le point essentiel, c'est là que doit se décider la question de notre influence dans l'Orient. Pensez-y, cher prince, et rappelez vous du vieil adage qui dit que le ciel est du côté des gros bataillons».

Князь имѣлъ привычку прогуливаться верхомъ по окрестностямъ города. Ловкій начальникъ инженернаго управленія морской строительной части подполковникъ Старченковъ тоже любилъ ѣздить верхомъ и распорядился такъ, чтобы встрѣчаться съ княземъ, который заговорилъ съ Старченковымъ, и заговорилъ именно о томъ, что слѣдовало бы понемногу устраивать кругъ города ограду, которая могла бы принести пользу для отраженія открытаго непріятельскаго нападенія. Старченковъ, никогда не занимавшійся постройкою укрѣпленій и не имѣющій ни малѣйшаго понятія о военномъ дѣлѣ, вызвался руководить осуществленіемъ мыслей по сему дѣлу князя Меншикова.

Тотлебенъ, между тѣмъ, расхаживалъ и ѣздилъ по окраинамъ города и смотрѣлъ на ребяческія затѣи устройства каменныхъ стѣнокъ изъ мѣстнаго камня на глинѣ и которыя вооружали маленькими каронадами. Тотлебену приходила даже мысль воспользоваться разрѣшеніемъ князя Горчакова и вернуться къ нему.

Такъ тянулось дѣло до обѣда, даннаго на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ» адмираломъ Корниловымъ, къ которому въ числѣ приглашенныхъ явился и Тотлебенъ. Ему пришлось сидѣть противъ начальника 17-ой пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Кирьякова, съ которымъ онъ и разговорился. Мало-по-малу разговоръ перешелъ на вопросъ о возможности столкновенія съ Англо-Французскими войсками. Кирьяковъ послѣ нѣсколькихъ рюмокъ вина началъ говорить громко и въ пылу бесѣды сказалъ Тотлебену:

— «Да что вы говорите, вы въ дѣлахъ не бывали!»

— «Ошибаетесь, ваше пре-ство», отвѣчалъ ему Тотлебенъ, «я служилъ на Кавказѣ и участвовалъ во многихъ дѣлахъ, да и теперь я только что пріѣхалъ изъ подъ Силистріи».

—«Да все вздоръ, продолжалъ Кирьяковъ, «пуля дура, штыкъ молодецъ» *).

*) „Пуля дура, штыкъ молодецъ"—такъ встрѣчали наши Николаевскіе генералы

Библиотека "Руниверс"

—«Нѣтъ, этого нельзя сказать, теперь при новомъ ружьѣ; за такія заблужденія можно дорого поплатиться», настаивалъ Тотлебенъ. Спорить спокойно онъ не могъ и конечно, въ разговорѣ съ Кирьяковымъ позволилъ себѣ зайти за предѣлы приличія, и потому послѣ стола, подойдя къ хозяину, извинился за свой слишкомъ громкій разговоръ.

Въ отвѣтъ на это Корниловъ сказалъ ему:—«Напротивъ, я съ большимъ интересомъ прислушивался къ вашему разговору; я вижу, что вы лучше насъ понимаете военное дѣло и прошу зайти ко мнѣ на этихъ же дняхъ; мнѣ нужно посовѣтоваться съ вами».

Черезъ день-два Тотлебенъ былъ у Корнилова и послѣ недолгаго разговора о необходимости укрѣпить Севастополь съ сухого пути, Корниловъ поручилъ Тотлебену составить соображеніе о рабочихъ для ежедневнаго наряда и количества потребнаго инструмента. Послѣдній былъ тотчасъ же отпущенъ изъ адмиралтейства, и работы на южной сторонѣ Севастопольскаго рейда начались въ концѣ Августа 1854 года.

Но какъ только обнаружилось, что 1-го Сентября Англо-Французская эскадра подошла къ Евпаторіи, и на другой день десантныя войска начали высаживаться на берегъ, дѣятельность Тотлебена была перенесена съ Южной стороны на Сѣверную сторону Севастополя.

Я разсказываю со словъ Тотлебена, который передавалъ мнѣ все это, когда я заходилъ къ нему во время зимняго своего пріѣзда въ Севастополь. Онъ говорилъ также, что когда непріятель перешелъ съ Сѣверной стороны на Южную, а войска Меншикова отошли къ Бахчисараю, то Тотлебенъ, просыпаясь утромъ, спрашивалъ самъ себя, что «мы въ плѣну уже или еще свободны?» Такимъ безнадежнымъ казалось ему тогда положеніе Севастополя.

новое, нарѣзное ружье, радикально измѣнившее тактику пѣхотнаго боя. При этомъ мнѣ вспоминается также, какъ недовѣрчиво встрѣчали наши моряки слухи о появленіи военныхъ судовъ. Въ Черноморскомъ флотѣ появились два парохода: „Громоносецъ“ и еще другой; талантливый лейтенантъ Поповъ, предусматривая коренное преобразованіе флота, перешелъ на службу на пароходъ и когда послѣ того встрѣтился съ знаменитымъ адмираломъ Нахимовымъ, то услыхалъ отъ него слѣдующую фразу: „Какъ вамъ не стыдно-съ служить на самоварѣ-съ?“

Сюда напрашивается и одно еще сказаніе. Будучи комендантомъ Новогеоргіевской крѣпости, я получалъ зачастую донесенія отъ командировъ фортовъ, что по вечерамъ ими наблюдается высоко надъ головами свѣтлое пятно, выше котораго удается иногда усмотрѣть овальную форму воздушнаго шара. Аэростатъ опускается или поднимается вполнѣ какъ бы аэростатъ управляемый. Появляется онъ со стороны Германіи и туда же возвращается. Я сообщилъ командующему войсками ген.-адъют. Гурко о таковомъ явленіи и получилъ отъ начальника окружнаго штаба г.-м. Пузыревскаго отвѣтъ, что его превосходительство не придаетъ этимъ явленіямъ никакого значенія, что по всей вѣроятности это явленіе есть космическое. Поживемъ—увидимъ; можетъ быть, приведенный отвѣтъ окажется чѣмъ нибудь въ родѣ Кирьяковскаго отвѣта.

Библиотека "Руниверс"

Въ эту бытность въ Севастополѣ я посѣтилъ, находившійся въ наибольшей опасности 4-ый бастіонъ и осмотрѣлъ тамъ также контръмины, въ которыхъ работалъ и жилъ кротъ Мельниковъ.

Повидался я также и съ инженерными офицерами, съ моими товарищами и съ знакомыми. О Тотлебенѣ они отзывались какъ о человѣкѣ крайне неровномъ въ обращеніи и нервномъ; большинство говорило, что онъ пристрастенъ и охотнѣе приближаетъ къ себѣ Нѣмцевъ, къ которымъ несравненно снисходительнѣе чѣмъ къ Русскимъ. Одинъ изъ саперныхъ офицеровъ весьма рельефно описалъ мнѣ одну сцену съ натуры. Командиръ роты 4-го сапернаго батальона, капитанъ Тонагель докладывалъ Тотлебену о ходѣ порученныхъ ему работъ на одномъ изъ бастіоновъ оборонительной линіи и въ концѣ доклада сказалъ, что одинъ изъ подчиненныхъ ему офицеровъ не имѣетъ достаточной силы воли преодолѣть страха передъ непріятельскими снарядами и оттого ведетъ свою работу очень вяло. Тонагель не сказалъ этого прямо, а началъ издалека въ видѣ вопроса:

«А что вы сказали бы, Эдуардъ Ивановичъ, про офицера, который кланяется каждой штуцерной пулѣ?» Тотлебенъ высказалъ строгое неудовольствіе, Тонагель же продолжалъ: «А что̀ сказать про офицера, который изъ трусости спѣшитъ скорѣе окончить порученную ему работу и оттого исполняетъ ее плохо?» «О, это негодяй, а не офицеръ!» воскликнулъ съ горячностью Тотлебенъ, «скажите мнѣ его фамилію, я тотчасъ же прогоню такого труса». Тонагель называетъ фамилію одного Нѣмца, и грозныя черты лица Тотлебена мгновенно исчезаютъ—«Aber, mein lieber Tonagel, dieser junge Offizier ist ein so angenehmer Mann!»

Захотѣлось мнѣ въ бытность мою въ Севастополѣ повидать также и бывшаго моего начальника, строителя Севастопольскихъ укрѣпленій инженера генералъ-лейтенанта П. М. Павловскаго, столь смиренно отступившаго отъ прямыхъ своихъ обязанностей, какъ старшаго инженернаго офицера, руководить инженерными работами при оборонѣ Севастополя. Я думаю, что если бы кто спросилъ его объ этомъ, то онъ отвѣчалъ бы, что по сему предмету онъ не имѣетъ предписанія отъ инженернаго департамента; а было бы интересно взглянуть на его довольно корпулентную фигурку, сидящую на конѣ. Генерала Павловскаго я не нашелъ въ томъ домѣ, который онъ всегда занималъ, а отыскалъ его скромно поселившимся въ одномъ изъ казематовъ нижняго этажа Николаевской батареи; немного тѣсно, но за то безопасно, а для его превосходительства это самое важное. Съ Павловскимъ я бесѣдовалъ недолго и ничего интереснаго не вынесъ изъ этого свиданія.

Библиотека "Руниверс"

Видѣть другого своего бывшаго начальника инженеръ-полковника Герцыка мнѣ не хотѣлось: слишкомъ противно было смотѣть на людей, своевольно отказавшихся отъ лучшей обязанности военнаго инженера участвовать въ оборонѣ крѣпости.

При одномъ изъ свиданій моихъ съ Тотлебеномъ, онъ предложилъ мнѣ мѣсто старшаго инженера на Малаховомъ курганѣ, съ тѣмъ, что онъ попроситъ князя Меншикова послать въ Перекопъ на мое мѣсто офицера, который въ то время завѣдывалъ работами на курганѣ, но Тотлебенъ былъ недоволенъ имъ. Я изъявилъ совершенное согласіе, и Тотлебенъ подалъ о томъ докладную записку начальнику Севастопольскаго гарнизона генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену (впослѣдствіи графъ). Баронъ отнесся съ такою же просьбою къ князю Меншикову, который остался очень недоволенъ мною. «Я твердо постановилъ, сказалъ князь, не ссориться съ Дмитріемъ Ерофѣичемъ и для того, до сего времени, исполнялъ всѣ его желанія; но въ этомъ случаѣ я не могу удовлетворить его просьбы; князь Горчаковъ столько мнѣ сдѣлалъ, оказалъ такое содѣйствіе и посылкою войскъ и разныхъ лицъ; я просилъ его наконецъ заняться укрѣпленіемъ Перекопскаго перешейка, и онъ командировалъ для этого капитана Хлѣбникова, единственнаго инженернаго офицера, какъ онъ пишетъ мнѣ, находящагося въ его распоряженіи, а я буду, въ благодарность, подмѣнивать этого офицера другимъ. Нельзя-ли поскорѣе отправить этого Хлѣбникова въ Перекопъ, хотя-бы верхомъ, чрезъ казачьи посты, чтобы онъ мнѣ не мутилъ моихъ отношеній барону Остенъ-Сакену».

Такой отвѣтъ князя передалъ мнѣ генералъ Семякинъ. Дѣлать было нечего, надо было отправляться въ Перекопъ, я и не воображалъ тогда, что горячее желаніе мое быть на одномъ изъ бойкихъ бастіоновъ осуществится черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самымъ наилучшимъ образомъ, что я буду старшимъ инженеромъ на томъ же Малаховомъ курганѣ, но въ самую тяжкую для него пору, въ послѣдній періодъ обороны, когда на курганъ надвинулись самыя сильныя батареи Французской атаки.

Соображая все мною видѣнное въ Севастополѣ и слышанное относительно осады и обороны, я подумалъ еще разъ, какую громадную пользу Севастополю оказалъ князь Горчаковъ, командировавъ въ распоряженіе кн. Меншикова подп. Тотлебена.

Здѣсь надо сказать, что по основаніи въ Россіи Главнаго Инженернаго Училища, подъ покровительствомъ Императора Николая, любившаго инженерное дѣло, въ Инженерномъ Корпусѣ начали формироваться опытные саперные офицеры, благодаря постояннымъ практическимъ занятіямъ по осадѣ и оборонѣ крѣпости. Эта часть военнаго дѣла такъ основательно развивалась, что, по мнѣнію судей компетентныхъ,

Библиотека "Руниверс"

саперное дѣло стояло у насъ далеко впереди по сравненію этой же спеціальности въ другихъ государствахъ.

Выше приведено было свѣдѣніе о службѣ Э. И. Тотлебена, изъ коего видно, что между всѣми саперными офицерами, онъ былъ выдающійся офицеръ.

По пріѣздѣ его въ Севастополь, кн. Меншиковъ не обратилъ однако на него особеннаго вниманія и не подумалъ воспользоваться знаніемъ и опытностію въ военно-инженерномъ дѣлѣ для подготовленія обороны Севастополя. Къ счастію нашему выдающимся дѣятелемъ въ Севастополѣ оказался умный и энергичный ген.-адьют. Корниловъ, который съ первыхъ же словъ Тотлебена съумѣлъ оцѣнить его и предоставилъ ему полную свободу и возможность работать по возведенію кругомъ Севастополя бастіоновъ и батарей.

Въ первые же мѣсяцы осадныхъ работъ союзники, безъ сомнѣнія, поняли, что руководителемъ обороны состоитъ человѣкъ неизмѣримо выше ихъ по своимъ знаніямъ крѣпостной войны.

Не съ разу и сталъ Тотлебенъ полновластнымъ руководителемъ обороны; при его характерѣ, не терпящемъ никакихъ возраженій, дѣло не обошлось, конечно, безъ столкновенія съ моряками, но тутъ выступилъ на сцену незабвенный адмиралъ Нахимовъ. Разобравъ въ чемъ дѣло, Павелъ Степановичъ пришелъ къ Тотлебену и сказалъ: «Эдуардъ-съ Ивановичъ! Мы ничего не понимаемъ въ вашемъ дѣлѣ, скажите-съ мнѣ что нужно дѣлать, и я передамъ своимъ-съ». Такъ мало по малу все и устроилось.

Справедливо пословица говоритъ, что одинъ въ полѣ не воинъ; такъ и въ дѣлѣ инженерномъ, которое предстояло совершить Тотлебену. Несмотря на поддержку Корнилова и Нахимова, одинъ Тотлебенъ не могъ бы сдѣлать многаго, но къ счастію его въ Севастополь прибыли молодые инженерные офицеры, какъ Ватовскій, Дельсаль, Берхъ, Рербергъ, Старицкій, Орда, Зигернъ-Корнъ и другіе; нѣкоторые совсѣмъ юные, неокончившіе еще полнаго курса въ Главномъ Инженерномъ Училищѣ, изъ нижняго офицерскаго класса, что̀ нынѣ есть Инженерная Академія. Вотъ эта-то молодежь, неустрашимая и неутомимая, совмѣстно съ нѣсколькими выдающимися по своей спеціальности саперными офицерами, и дали толчокъ, двинули, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, оборонительныя работы.

Я выѣхалъ изъ Севастополя въ Перекопъ 13 Января 1855 г. Если тяжело было проѣхать мѣсяцъ тому назадъ изъ Перекопа въ Севастополь, то обратный путь пришелся для меня въ десять разъ хуже.

На другія сутки ѣзды я пріѣхалъ къ вечеру на станцію Спатъ. Комната для проѣзжающихъ была заперта въ ожиданіи проѣзда Ихъ

Библиотека "Руниверс"

Императорскихъ Высочествъ великихъ князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, которые по случаю болѣзни Государыни Императрицы ѣздили въ Петербургъ и теперь возвращались оттуда въ Севастополь. Мнѣ указали другую комнату, vis-à-vis, предоставленную для проѣзжающихъ, обыкновенныхъ смертныхъ. Она освѣщалась одною сальною свѣчею, криво вставленною въ какой-то импровизированный подсвѣчникъ; на столѣ стоялъ кипящій самоваръ, а за нимъ, при тускломъ освѣщеніи, едва очерчивалась почтенныхъ лѣтъ фигура армейскаго капитана, находившагося уже подъ дѣйствіемъ винныхъ паровъ на второмъ взводѣ. Я воспользовался готовымъ самоваромъ и заварилъ себѣ чаю. Черезъ нѣсколько минутъ послышался звонкій топотъ по замерзшей землѣ скакавшихъ лошадей; перекладная остановилась у подъѣзда почтовой станціи, и прибывшій курьеръ громко закричалъ: «Ихъ Императорскія Высочества ѣдутъ!»

Не прошло и нѣсколько минутъ, какъ къ станціи подкатили 2—3 экипажа. Наша комната наполнилась лакеями, приносившими изъ экипажей важи; лакеи ловко и скоро снярядили подносы съ чайнымъ приборомъ и въ довольно элегантномъ видѣ понесли къ Ихъ Высочествамъ.

Въ ожиданіи своей судьбы я ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, одѣтый въ солдатской шинелѣ, подбитой овчиною и съ фуражкою на головѣ, такъ какъ въ комнатѣ было холодно. Къ намъ вошелъ Великій Князь Николай Николаевичъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Кто вы такой?» Я отвѣтилъ ему, что инженеръ-капитанъ такой-то. Великій князь разспросилъ меня по какой надобности и куда ѣду, а затѣмъ прибавилъ, что въ ихъ комнатѣ очень холодно и что онъ пришелъ посмотрѣть не теплѣе-ли у насъ, такъ какъ великаго князя Михаила Николаевича знобитъ. Я отвѣчалъ, что въ нашей комнатѣ холодно, какъ будто-бы ея никогда и не топили, и этимъ разговоромъ окончилось мое первое личное знакомство съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ. У насъ отобрали самоваръ и понесли въ комнату великихъ князей въ качествѣ переносной печи для согрѣванія комнаты.

Ко мнѣ подошелъ станціонный смотритель объявилъ неожиданную новость—лошади готовы. Я съ радостію кинулся къ подъѣзду, но здѣсь мнѣ сказали, что мой возница на дворѣ; иду туда и, о удивленіе, вмѣсто обычной перекладной телѣги, вещи мои нагромождены въ ящикѣ, установленномъ на одной оси. Съ разными подталкиваніями взлѣзли я на эту гору и мой ямщикъ, Крымскій Татаринъ, ни слова не понимавшій по-русски. Было уже совсѣмъ темно. Мы отправились въ путь и потащились потихоньку на парѣ лошадокъ. Я старался укрыться отъ холоднаго, пронизывающаго насквозь, вѣтра и если можно уснуть. Дорога наша была гладкая степь, во всѣ стороны ровная площадь, нигдѣ

Библиотека "Руниверс"

ни растительности, ни деревень, никакого жилья; одинъ только бурьянъ, сорванный сильнымъ вѣтромъ, несло по землѣ. Я не уснулъ, но былъ кажется въ забытьи, когда быстро очутился на землѣ, равно какъ и мой Татаринъ и всѣ мои чемоданы. Опомнившись отъ такого сюрприза, я разсмотрѣлъ, что причиною «инцидента» былъ совершенный переломъ единой оси. Далеко-ли до станціи или до какого либо жилья, я ничего не могъ добиться отъ Татарина, который ворчалъ непонятныя мнѣ слова. Дѣлать было нечего; мы кое-какъ уложили чемоданы обратно въ ящикъ и поплелись пѣшкомъ. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и съ безпокойствомъ, совершенно понятнымъ, я искалъ верстоваго столба, чтобы узнать свою судьбу. Долго мы шли; въ тулупѣ, покрытомъ солдатскимъ сукномъ, мнѣ было тяжело идти, мнѣ было жарко, весь я былъ въ испаринѣ, но я не рѣшался разстегнуться въ виду сильнѣйшаго холоднаго вѣтра. Замѣтилъ я наконецъ верстовой столбъ и съ большимъ безпокойствомъ подошелъ къ нему и къ ужасу своему прочиталъ явственно, что проѣхали 5 верстъ и остается до слѣдующей станціи Орта-Абламъ 20 верстъ. Я хотѣлъ было вернуться назадъ, но было жаль возвращаться: я надѣялся, что черезъ 2—3 версты найду хотя какую-нибудь саклю, чтобы переночевать. Мы долго шли, я изнывалъ отъ усталости, по временамъ думалъ, что если-бы хоть какой нибудь непріятельскій кавалерійскій разъѣздъ захватилъ меня, все было-бы лучше, чѣмъ страдать такъ, какъ я страдалъ. Наконецъ слышу вдали движеніе обоза, по мѣрѣ приближенія котораго выяснилось, что обозъ идетъ намъ на-встрѣчу, но далеко въ сторонѣ отъ нашей дороги. Въ степи, во время распутицы, проѣзжіе не держатся набитой дороги, а забираютъ въ стороны для облегченія ѣзды, и такимъ образомъ дорога, не огражденная канавами и не обсаженная деревьями, расширяется часто на 200—300 саженъ, смотря по продолжительности безпутья. Подойдя къ обозу, который тянулся изъ Россіи въ Севастополь, я встрѣтилъ Русскихъ мужиковъ, которые сообщили, что на дорогѣ никакого жилья не примѣтили и что по ихъ мнѣнію до Орта-Аблама будетъ верстъ десять.

Только къ разсвѣту я дотащился туда измученный до крайности; на станціи все спало мертвымъ сномъ; по полу валялись стаканы и пустыя бутылки. Только что я готовъ былъ повалится спать, какъ дверь пріотворилась, и я увидалъ физіогномію своего ямщика, пришедшаго получить «на водку». Это до такой степени взорвало меня, что бросивъ мгновенно что было въ ту минуту въ рукахъ, я съ кулаками кинулся на ямщика, но онъ имѣлъ благоразуміе притворить дверь и исчезнуть. На другой день я проснулся съ сильнѣйшею зубною болью.

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ я добрался до Перекопа и поселился въ какомъ-то маленькомъ полуотстроенномъ домикѣ. Среди страшной скуки я пользовался радушіемъ и гостепріимствомъ генерала Богушевскаго, человѣка добраго. Тутъ я насмотрѣлся на сцены разнаго рода. Въ одно утро прибѣгаетъ какой-то господинъ съ почтовой станціи жаловаться, что онъ, вставши рано утромъ, потребовалъ стаканъ воды, а ему подали стаканъ водки; должно быть, это было въ обычаяхъ тогдашнихъ проѣзжающихъ и обитателей почтовой станціи. Въ другой разъ вечеромъ докладываютъ Богушевскому, что проѣздомъ изъ Петербурга въ Севастополь община сестеръ милосердія прибыла въ Перекопъ, и старшая сестра прислала спросить, не будетъ ли признано полезнымъ оставить одну или болѣе сестеръ въ Перекопскомъ госпиталѣ. «Ну, вотъ что еще выдумали, сказалъ генералъ, на что мнѣ эти бабы? Пускай ѣдутъ себѣ дальше».

Сестры милосердія—это была новинка въ то время, и никто хорошенько не понималъ о значеніи ихъ въ госпиталяхъ. Но вскорѣ, когда сестры заявили себя съ отличной стороны въ госпиталяхъ и на перевязочныхъ пунктахъ Севастополя, тотъ же генералъ Богушевскій просилъ, какъ награды, прислать ему хотя бы трехъ сестеръ для упорядоченія Перекопскаго госпиталя. И въ самомъ дѣлѣ, тамъ желательно было многое улучшить. По просьбѣ генер. Богушевскаго мнѣ случалось посѣщать этотъ госпиталь, чтобы особенно опросить плѣнныхъ Англичанъ, Французовъ и Турокъ. Съ послѣдними, впрочемъ, я разговаривать не могъ, а старался понять, что имъ болѣе всего нужно. Въ этомъ госпиталѣ случалось слышать жалобы, что раненые лежатъ по нѣскольку дней безъ перевязки, что, не смотря на просьбы и мольбы, не могутъ дождаться отъ прислуги стакана воды. Порядокъ эвакуированія больныхъ и раненыхъ былъ таковъ, что изъ Севастополя везли транспортами въ нѣсколько десятковъ повозокъ больныхъ и раненыхъ, способныхъ къ перевозкѣ въ Симферополь, гдѣ былъ громадный госпиталь, который принималъ изъ транспорта наиболѣе слабыхъ къ себѣ и на мѣсто ихъ сдавалъ въ транспортъ изъ своихъ больныхъ, способныхъ къ перевозкѣ; тоже самое дѣлалось въ Перекопѣ. Такимъ образомъ раненые и больные постепенно доставлялись сперва только до Херсона, а впослѣдствіи и далѣе въ южныя губерніи Россіи.

Зимою съ 1854 на 1855 годъ въ Крыму случались морозы и вьюги, и вотъ помню, что, когда я сидѣлъ въ одинъ холодный зимній день у Богушевскаго, мнѣ пришлось видѣть одного начальника транспорта съ больными и ранеными, который явился къ генералу и доложилъ, что транспортъ благополучно прибылъ изъ Симферополя въ Перекопъ, при чемъ пояснилъ, что въ дорогѣ скончались двое больныхъ, которыхъ онъ

Библиотека "Руниверс"

и оставилъ на мѣстѣ ихъ смерти. Не прошло и двухъ сутокъ, какъ Татары принесли въ Перекопъ этихъ двухъ несчастныхъ, которые совсѣмъ не умерли, а были только очень слабы. Очевидно, что начальникъ транспорта и самъ сознавалъ, что умершихъ у него нѣтъ, но для облегченія повозокъ призналъ возможнымъ сбросить двухъ, полагая, что все равно они должны умереть не сегодня такъ завтра, и бросилъ ихъ на дорогѣ. И такова была тогда жизнь каждаго изъ насъ на театрѣ войны. Столько мы терпѣли лишеній, въ особенности же терпѣли раненые и больные, и подобный безчеловѣчный поступокъ начальника транспорта никого не возмутилъ, и его не преслѣдовали за совершенное имъ злодѣйство.

Въ донесеніи высочайше учрежденной слѣдственной комиссіи по госпитальному дѣлу сказано: «Съ Ноября 1854 г. по Мартъ 1855 многіе транспорты прибыли изъ Севастополя и Симферополя въ Перекопъ и Ѳеодосію въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, безъ медиковъ, фельдшеровъ и необходимыхъ медицинскихъ средствъ. Въ особенности замѣчателенъ въ этомъ отношеніи транспортъ, отправленный 29 Октября изъ Симферопольскаго госпиталя въ Нѣмецкія колоніи Мелитопольскаго уѣзда, въ числѣ болѣе 1500 раненыхъ. Въ транспортѣ этомъ, отправленномъ безъ осмотра врачей, по назначенію однихъ фельдшеровъ, оказались весьма тяжело раненые, безъ зимней одежды и обуви, въ окровавленныхъ шинеляхъ и рубашкахъ, и даже съ пулями въ членахъ, которыхъ нечѣмъ было вынуть по неимѣнію хирургическихъ инструментовъ. Этотъ транспортъ, испытавъ всевозможныя бѣдствія, прибылъ по назначенію 7 Ноября, однако необходимыя операціи произведены раненымъ уже въ концѣ Декабря».

Это, я думаю, тѣ страдальцы, которые бились съ Англичанами и Французами въ Инкерманскомъ сраженіи 24-го Октября; два мѣсяца оставались они безъ необходимыхъ операцій, съ пулями въ членахъ. Безпорядки въ Крыму по медицинской и госпитальной частямъ были чудовищны, и я не считаю лишнимъ повторить что̀ было сказано въ приложеніи къ книгѣ «Описаніе обороны Севастополя», озаглавленномъ: «Очеркъ медицинской и госпитальной части Русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854—1856 г.»: «Что̀ касается инструментовъ и лѣкарствъ, то госпитали и перевязочные пункты постоянно чувствовали въ нихъ крайнюю нужду. Бывшіе налицо инструменты, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства, отличались еще устарѣлыми, неуклюжими формами; но и этихъ инструментовъ было чрезвычайно мало. Правда, медицинскій департаментъ еще въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1854 г. отправилъ въ Крымъ достаточное количество инструментовъ, но они не достигли мѣста назначенія, а пролежали безъ всякаго употребленія, запакованные въ конторѣ Сим-

Библиотека "Руниверс"

феропольскаго госпиталя вплоть до Апрѣля 1855 г.; такая же участь постигла и предписанія медицинскаго департамента, такъ и оставшіяся тамъ нераспечатанными. А между тѣмъ госпитали нуждались даже въ простыхъ перевязочныхъ сумкахъ».

Относительно снабженія лѣкарствами слѣдственная комисія говоритъ, что и тутъ «царствовалъ величайшій безпорядокъ, что многіе отряды прибыли въ Крымъ, не имѣя ихъ вовсе. Такъ лѣкарства, назначенныя по смѣтѣ для драгунскаго полка на 1854 г., прибыли только въ Апрѣлѣ 1855 г. Госпитали получали лѣкарства изъ Херсонской казенной аптеки, но высылка ихъ изъ Херсона шла чрезвычайно медленно и съ неимовѣрною неаккуратностью. Съ лекарствами комисаріатъ поступалъ также какъ и съ госпитальными вещами: онъ доставлялъ ихъ только въ Симферополь, гдѣ они складывались подъ открытымъ небомъ и предоставлялись такимъ образомъ неизбѣжной порчѣ».

Выписку эту изъ названной книги я сдѣлалъ потому что, когда я прочитываю нынѣшніе проекты Положенія по госпитальной и санитарной частямъ, въ особенности для крѣпостей, мнѣ кажется иногда, что для нѣкоторыхъ нашихъ управленій какъ будто бы не существуетъ уроковъ прошедшаго. Вѣдь нельзя же составлять одного и того же Положенія для временныхъ военныхъ госпиталей какъ для тѣхъ, которые будутъ сформированы для арміи дѣйствующей въ полѣ, такъ и для госпиталей, которые придется мобилизовать въ крѣпости на случай ея осады. Крѣпость, въ особенности пограничная, можетъ быть обложена и совершенно изолирована и отъ арміи, и отъ всего своего края; слѣдовательно крѣпостные госпитали должны, во время мобилизаціи, а можетъ быть даже и ранѣе, въ мирное время, запастись на все продолженіе обороны всѣмъ необходимымъ, а не на первое время, какъ проектируется.

Въ Крыму недостатокъ въ хининѣ доходилъ до того, что Таврическій военный губернаторъ обратился къ Харьковскому генералъ-губернатору съ просьбою выслать ему для госпиталей хотя одинъ фунтъ этого препарата. Между тѣмъ, въ тоже время, въ Керчи лежало безъ всякаго употребленія до 176 фунтовъ хинина.

Къ 1-му Декабря 1854 года были собраны свѣдѣнія о находившихся въ Крымскихъ госпиталяхъ раненыхъ, какъ сухопутнаго, такъ и морского вѣдомства, при чемъ не досчитались, шутка сказать! цѣлыхъ семи тысячъ людей. Вѣдь все это поучительные уроки для нашихъ будущихъ войнъ; но бѣда, что мы ничего не хотимъ знать изъ нашего прошедшаго и на будущее смотримъ съ значительною примѣсью своего пагубнаго «авось». Что Крымская война не послужила урокомъ, это мы видимъ по тѣмъ безпорядкамъ, какіе царили въ госпиталяхъ въ послѣднюю Турецкую войну, подъ глазами самого Государя.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПИСЕМЪ НАМѢСТНИКА КАВКАЗСКАГО КНЯЗЯ М. С. ВОРОНЦОВА КЪ ГРАДОНАЧАЛЬНИКУ ОДЕССКОМУ А. И. КАЗНАЧЕЕВУ [1]).

1.

Тифлисъ, 1-го Февраля 1849.

Любезный Александръ Ивановичъ. Я не могу довольно нарадоваться всему тому, что̀ ты мнѣ написалъ съ послѣднимъ курьеромъ на счетъ Оріанды. Всѣ твои распоряженія такъ хороши и такъ удачны, что невозможно было желать лучшаго. Слава Богу, что ты успѣлъ все это сдѣлать прежде нежели отправился на новое и важное твое назначеніе и что ты успѣлъ это сдѣлать въ присутствіи Штакеншнейдера [2]). Конечно придется Ея Величеству доплатить порядочную сумму до всего того что̀ уже сдѣлано; но этому пособить не было никакой возможности, и притомъ конечно никто въ Петербургѣ не сдѣлалъ бы такъ дешево. Ты особенно славно сдѣлалъ съ Масловскимъ. Слабость присмотра бывшей комиссіи поправлена, и неправильно издержанное возвращено полезною сдѣлкою на счетъ земли, принадлежавшей и мужу, и женѣ и которая будетъ чрезвычайно полезна во всѣхъ отношеніяхъ для Царской Оріанды. Теперь Пестель [3]) можетъ лично управиться со всѣмъ этимъ дѣломъ. Я бы весьма желалъ, чтобы онъ поручилъ Оріанду Дугансону, но это совершенно отъ него уже зависитъ; мое дѣло только сказать, что̀ знаю насчетъ тѣхъ, которые, по моему мнѣнію, для этого порученія неспособны, какъ, напримѣръ Нельсонъ, потому что онъ не Русскій подданный, не знаетъ Русскаго языка, ни нашей служебной отчетности, и Фремдеръ, потому что онъ совершенно вино-

---

[1]) Эти письма печатаются съ подлинниковъ, сообщенныхъ въ „Русскій Архивъ“ А. И. Казначеевымъ, который былъ боевымъ товарищемъ князю Воронцову (онъ на барабанѣ, подъ диктовку Кутузова, писалъ донесеніе Государю о Бородинскомъ сраженіи).

[2]) Архитектора, строившаго въ прекрасной Оріандѣ дворецъ для императрицы Александры Ѳеодоровны. Тогдашніе пути сообщенія не дозволили Государынѣ побывать въ этомъ дворцѣ, который, по ея завѣщанію, достался великому князю Константину Николаевичу и въ 1881 году сгорѣлъ.

[3]) Владиміръ Ивановичъ Пестель, прежде Херсонскій, а въ это время Таврическій губернаторъ, братъ Декабриста.

Библиотека "Руниверс"

венъ въ нерадѣніи, какъ членъ бывшей комиссіи, хотя во все время добивался быть главнымъ смотрителемъ, и также потому, что таковое порученіе отвлекло бы его отъ настоящаго его дѣла, т. е. устроенія дорогъ; въ семъ дѣлѣ опытенъ и полезенъ, и замѣнить его трудно. Я люблю и уважаю Фремдера и почтеннаго его тестя г. Мильгаузена [1]), который вѣрно объ этомъ хлопочетъ; но я долженъ говорить правду и искать человѣка для Оріанды, а не отдавать Оріанду для частной выгоды кого бы то ни было.

2.

Тифлисъ, 14 Апрѣля 1849.

Письмо твое, любезнѣйшій А. И., отъ 1-го Апрѣля доставило мнѣ большое удовольствіе сообщаемымъ тобою извѣстіемъ, что дѣло газоваго освѣщенія въ полномъ ходу и что въ концѣ лѣта газъ будетъ горѣть въ 28-ми фонаряхъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ находили безпрестанныя затрудненія къ приведенію въ исполненіе этого полезнаго дѣла, между тѣмъ какъ даны были всѣ средства. Очень благодаренъ тебѣ за вниманіе, которое ты обратилъ на два истинно-полезныя заведенія: минеральныхъ водъ и лѣчебницу.

Завтрашній день я отправляюсь изъ Тифлиса и вѣроятно нескоро буду обратно. Это однако ни въ чемъ не можетъ помѣшать нашей перепискѣ, и ты по прежнему посылай пйсьма съ курьерами. Между тѣмъ я буду постоянно тебя увѣдомлять о мѣстѣ моего пребыванія.

Прощай, любезный А. И. Остаюсь навсегда весь твой М. Воронцовъ.

Очень благодаренъ тебѣ за особенное и постоянное вниманіе, обращаемое тобою на дѣло первой важности для Одессы—проводъ воды. Я уже писалъ Павлу Ивановичу [2]) и теперь здѣсь повторяю, что гораздо лучше и выгоднѣе поощрять и содѣйствовать въ подобнаго рода дѣлахъ частнымъ людямъ, нежели употреблять большія казенныя суммы на такіе проекты, въ исполненіи коихъ никто не можетъ ручаться. Посему я надѣюсь и прошу тебя употребить всѣ зависящія отъ тебя мѣры къ приведенію въ исполненіе предположенія Витенберга. Будетъ жаль и нѣкоторымъ образомъ совѣстно, если предпріятіе это не состоится, и вмѣстѣ съ тѣмъ разорится нѣсколько семействъ, употребившихъ на оное свое состояніе. М. В.

---

[1]) Слѣдовательно Фремдеръ—своякъ Т. Н. Грановскому, который женатъ былъ на другой дочери доктора Мильгаузена, Елисаветѣ Богдановнѣ.

[2]) Ѳедорову, подручнику князя Воронцова по управленію Новороссійскимъ краемъ, который оставался въ вѣдѣніи князя и послѣ его назначенія на Кавказъ.

Библиотека "Руниверс"

... Имѣя въ виду два или три старыя обѣщанія, я не могу до времени обѣщать причислить его въ свой штатъ. Ординарцевъ у насъ и въ заводѣ нѣтъ, и это никакъ не позволяется, а по особымъ порученіямъ можно имѣть, но не выходя изъ штата, и у меня три или четыре обѣщанія, которыхъ измѣнить не могу и не имѣю права. Ежели Саша [1]) желаетъ непремѣнно перейти въ военную службу и на Кавказъ, то ему лучше перейти сперва въ одинъ изъ полковъ близъ Тифлиса, и потомъ, какъ скоро будетъ возможно, я ему дамъ при себѣ тотчасъ вакансію. Напиши мнѣ, какъ ты рѣшишь по этому. По возвращеніи изъ Варшавы я увижу твоего сына и съ нимъ также переговорю (тогда будетъ здѣсь и графъ Клейнмихель), и по полученіи отъ тебя рѣшительнаго отвѣта, я могу его къ тому приготовить. Но это дѣло важное, и надо вамъ подумать хорошенько, прежде нежели рѣшиться окончательно на переводъ сына вашего изъ службы, гдѣ онъ началъ хорошо, въ военную и въ такомъ краѣ, какъ Кавказъ. Увѣрены ли вы, что онъ выдержитъ труды и перемѣны климата тамъ? Онъ, слава Богу, здоровъ; но нельзя сказать, чтобъ онъ былъ сильной конституціи, а это нужно для дѣйствительной тамъ службы; быть же тамъ только чтобы жить въ Тифлисѣ, онъ вѣрно не захочетъ.

3.

Москва, 27 Августа 1849.

Любезный Александръ Ивановичъ, вы увидите, что мы уже въ дорогѣ. Вчера вечеромъ пріѣхали въ Москву, а сегодня же вечеромъ выѣзжаемъ. Мы будемъ у васъ въ Одессѣ 7-го или 8-го числа Сентября. Изъ Мошны еще аккуратнѣе вамъ напишу. Скажу тебѣ, что на дорогѣ видѣли добраго твоего Сашу. Онъ надѣется получить отпускъ, чтобы побывать у васъ въ Одессѣ. Прощай, любезный другъ, остаюсь преданный тебѣ М. Воронцовъ.

4.

Нальчикъ, 16 Октября 1849.

Любезный Александръ Ивановичъ. Письмо сіе пойдетъ изъ Владикавказа, гдѣ мы будемъ завтра и гдѣ мы встрѣтимъ ѣдущаго изъ Тифлиса къ вамъ курьера. Путешествіе, слава Богу, у насъ идетъ какъ нельзя лучше, и 21-го числа мы надѣемся перевалить черезъ горы, при хорошей погодѣ. Дорогою мы имѣли удовольствіе получить извѣстіе о производствѣ Семена Михайловича [2]) въ полковники.

---

[1]) Единственный сынъ А. И. Казначеева.

[2]) Единственный сынъ князя Воронцова.

Библиотека "Руниверс"

5

Темиръ-ханъ-Шура, 12 Мая 1849.

Любезный Александръ Ивановичъ. Я получилъ на дорогѣ въ Шемаху весьма любопытное письмо твое отъ 15 Апрѣля и очень благодаренъ тебѣ за всѣ сообщенныя подробности. Очень жаль слышать, что водопроводъ Пишона тобою найденъ такъ неудовлетворителенъ, и жаль будетъ бѣдныхъ людей, положившихъ капиталы, если дѣло не удастся. Я буду ожидать въ прочемъ оффиціальныхъ объ этомъ дѣлѣ сообщеній о томъ, что̀ Павелъ Ивановичъ и ты рѣшите по оному.

Я получилъ въ одно время съ твоимъ письмомъ другое отъ Рубо̀ по дѣлу маркитанства. Я конечно желалъ бы дать преимущество почтенному Рубо̀ и нахожу даже, что условіе, чтобы маркитантъ не требовалъ никакихъ вознагражденій, если карантинные сроки будутъ уменьшены, довольно тягостно; но если Андросовъ, который человѣкъ съ капиталами, хочетъ принять это условіе, то мы не имѣетъ даже права дать передъ нимъ преимущество Рубо̀, который его не принимаетъ. При равныхъ условіяхъ я бы предпочелъ Рубо̀, и ему это пишу самъ. Ты переговори еще съ нимъ объ этомъ; онъ не можетъ не сознаться, что мы иначе поступить не въ правѣ.

Буду ожидать обѣщаемыхъ свѣдѣній о землечерпательныхъ машинахъ; въ числѣ многихъ другихъ и это дѣло было непростительнымъ образомъ заброшено при Ахлестышевѣ *). Я радъ слышать, что ты такъ доволенъ капитаномъ Фроловымъ.

Мы прибыли сюда вчерашняго числа, а княгиня третьяго дня; она очень довольна своею поѣздкою, и мы черезъ два дня продолжаемъ путь по Кумыкской плоскости.

Прилагаю при семъ письмо отъ какой-то г-жи Гнѣздаревой. Посмотри что̀ можно по немъ сдѣлать.

Прощай, любезный другъ, обнимаю тебя душевно и остаюсь навсегда весь твой М. В.

P. S. Насчетъ воды мнѣ все кажется, что старый казенный проектъ, составленный маіоромъ Гàви и потомъ передѣланный или исправленный Фанъ-деръ-Флитомъ, ужасно будетъ дòрогъ, и что къ нему приступить ненадобно иначе, какъ когда рѣшительно уже будетъ признано, что ни проектъ Пишона, ни предположеніе, разрѣшенное въ Петербургѣ Потапова, не дадутъ для города достаточно воды.

По свиданіи съ Нестеровымъ и осмотрѣвшись, я надѣюсь, что мнѣ можно будетъ сдѣлать заключеніе о возможности и времени моей поѣздки въ Петербургъ, и о томъ тебѣ напишу. Между тѣмъ я все надѣюсь, ежели ничто не помѣшаетъ, отправиться туда скоро, послѣ 15-го Іюня. М. В.

*) Бывшемъ Одесскимъ губернаторѣ.

Библиотека "Руниверс"

КЪ БІОГРАФІИ ПРОФЕССОРА Ѳ. И. ИНОЗЕМЦЕВА.

Основателя Общества Русскихъ врачей въ Москвѣ [1]).

Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія Московскій университетъ дремалъ закоченѣлый въ своихъ оригинально-патріархальныхъ преданіяхъ, когда въ него явилась цѣлая группа молодыхъ профессоровъ (Грановскій, Крюковъ, Иноземцевъ, Крыловъ, Филомаѳитскій и др.) Этотъ моментъ долженъ считаться по справедливости новою эрою его обновленія и вступленія въ формы общеевропейской науки.

Появленіе одного свѣжаго и талантливаго, стоящаго на высотѣ современной науки, профессора въ средѣ устарѣлой и застывшей въ своихъ научныхъ традиціяхъ, уже не отразимо влечетъ за собою нѣкоторое оживленіе. Уснувшее самолюбіе коллегъ просыпается; никому не хочется, если не *быть*, то *казаться* отсталымъ, и онъ невольно берется за забытую имъ книгу. Подобный примѣръ я видѣлъ на Харьковскомъ университетѣ. Онъ такъ же, какъ и другіе наши университеты, дремалъ и не гнался за научнымъ честолюбіемъ; но является въ его средѣ профессоръ Ламбль (изъ Праги) съ своею гистологіею, дотолѣ извѣстною у насъ почти только по имени, но за границею давно уже легшею въ основу всякой раціональной діагностики, и вотъ раскрываются новыя книги, и врачи, уже практикующіе, обращаются къ Ламблю съ просьбою прочитать имъ приватно лекцію объ этомъ предметѣ. Тоже было и въ Москвѣ при проѣздѣ Ламбля черезъ нее.

Можно себѣ вообразить какое, движеніе вызвало въ Московскомъ университетѣ появленіе *не одного*, а цѣлой группы подобнаго рода дѣятелей. Конечно не всѣ они были одинаковаго достоинства, какъ въ научномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, но всѣ были представителями современной науки. Какъ двѣ яркія звѣзды загорѣлись на двухъ концахъ университета двѣ личности, не только освѣтившія мракъ окружающей среды, но и обнаружившія несомнѣнное вліяніе на все Московское общество [2]). Это были съ одной стороны Т. Н. Грановскій, съ другой Ѳ. И. Иноземцевъ. И тотъ и другой прежде всего отнеслись къ университету не только какъ къ мѣсту своего офиціальнаго служенія, но какъ къ родному питомнику мысли и научнаго образованія новаго поколѣнія, будущихъ гражданскихъ дѣятелей, на поприщѣ

---

[1]) Изъ Записокъ доктора Семена Алексѣевича Смирнова. П. Б.

[2]) Въ это время начало входить въ моду въ аристократическихъ и неаристократическихъ домахъ устройство *интеллигентныхъ* вечеровъ, на которые приглашались новые профессора въ качествѣ украшенія. Въ Англійскомъ клубѣ образовалася, т. н. „*говорильня*“, т. е. отдѣльная комната, въ которой не допускались карты и въ которой

Библиотека "Руниверс"

общаго умственнаго и нравственнаго развитія нашего отечества. Студентъ не былъ для нихъ только объектъ, нужный лишь для реализаціи ихъ такъ называемой государственной службы, дававшей имъ извѣстное положеніе и такъ вѣжливо называемый *гонораромъ*. Юныя сердца слушателей горячо отозвались на сочувственный призывъ, а лекціи этихъ профессоровъ имъ сдѣлались дороги, не по одному только научному интересу, но и потому, что при нихъ въ бесѣдахъ съ профессорами они находили для себя отвѣты на возникавшіе въ ихъ головѣ вопросы, на которые наводила ихъ текущая жизнь. Новые учители возстановили предъ ними тѣ благородные идеалы, которые позднѣйшій узкій утилитаризмъ низвелъ до какой-то насмѣшки надъ здравымъ смысломъ. „Что мнѣ за дѣло до законовъ вселенной, когда сапогъ жметъ мнѣ ногу и болитъ у меня мозоль?“ говорилъ онъ. Молодыя сердца, не испорченныя жизнью, не могли довольствоваться этимъ афоризмомъ. „Честность въ наукѣ“, говорилъ Ѳ. И. Иноземцевъ „неразлучна съ честностью въ жизни“; только тотъ, кто честенъ въ жизни, можетъ честно служить наукѣ. „Наука самостоятельна, и ей можно служить *для нея* самой, оставляя на второмъ планѣ заботу объ ея приложеніи къ жизни. Кто приступаетъ къ ней единственно какъ къ средству для извлеченія себѣ выгодъ житейскихъ, тотъ низводитъ ее на степень ремесла, тотъ не слуга науки“. Вотъ идеалъ, на который указывалъ Иноземцевъ своимъ слушателямъ. Наука для науки. Конечно не для всѣхъ возможно было стремленіе къ этому идеалу на практикѣ; но во-первыхъ „могій вмѣстити да вмѣститъ“, а во-вторыхъ, сознаніе такого идеала облагораживало науку, гарантировало ее отъ низведенія на степень ремесла и составляло одну изъ порукъ за возможную успѣшность ея самостоятельнаго развитія у насъ. *Наука для науки* безъ сомнѣнія принесла бы болѣе цѣнныхъ плодовъ, чѣмъ *наука для диплома*. Нигдѣ такъ хорошо не понята эта истина, какъ въ Германіи. Правда, что тамъ самая обстановка и складъ Нѣмецкаго ума и общественной жизни болѣе давали возможности проявиться „могущимъ вмѣстити“, чѣмъ у насъ; но кто-же отвергнетъ *возможность* появленія подобныхъ Германскимъ двигателямъ науки и у насъ? А между тѣмъ, печальное сознаніе! Die Idealen sind zerflossen! какъ говорилъ Нѣмецкій поэтъ. Потерю этого идеала (врача) можно считать одною изъ главныхъ причинъ нашего безплодія въ наукѣ, чтобы не сказать—и въ самой жизни. Высоко нравственный принципъ честности въ наукѣ, не раздѣльной съ честностью въ жизни, проповѣдывавшійся Иноземцевымъ и въ свое время такъ благотворно волновавшій его учениковъ и все общество, къ сожалѣнію скоро былъ забытъ. Новыя поколѣнія дали новыхъ учителей, проповѣдь которыхъ была уже иною.

Ѳ. И. Иноземцевъ проповѣдывалъ свой высокій принципъ не однимъ только словомъ, но и всею жизнью своей. Вся жизнь его была образцомъ рыцарской честности и самоотверженія, какъ въ дѣлѣ его отечественнаго

велись исключительно бесѣды. Это было истинное начало того счастливаго интеллигентнаго періода въ жизни Московскаго общества, память о которомъ сохранилась и до сихъ поръ подъ именемъ „*сороковыхъ годовъ*“.

Библиотека "Руниверс"

служенія, такъ и до мельчайшихъ подробностей въ жизни домашней. Будучи въ Парижѣ, онъ перенесъ тифозную горячку. Простая сестра милосердія служила ему съ непритворнымъ усердіемъ и заботливостью, къ которой такъ способны Французскія женщины. При выздоровленіи своемъ, увлеченный живою признательностью къ ней и своею горячею природою (въ жилахъ его текла кровь отчасти Азіатская, откуда и фамильное имя его *), онъ сблизился съ нею и впослѣдствіи, когда установилась его жизнь въ Москвѣ, она пріѣхала къ нему въ Москву. Но какъ только обнаружились несомнѣнные признаки появленія результатовъ его сближенія, онъ объявилъ свое твердое намѣреніе жениться на ней. „За что бѣдный ребенокъ при своемъ рожденіи, по моей винѣ, долженъ быть лишенъ своихъ гражданскихъ правъ?“ Въ это время Ѳедоръ Ивановичъ стоялъ уже на всей высотѣ общественнаго положенія, до которой достигаютъ немногіе личнымъ своимъ талантомъ. Въ высшихъ кругахъ общества онъ имѣлъ не только своихъ поклонниковъ, но искреннихъ друзей. Обаяніе его личности и громкая слава, быстро разнесшаяся по всей Россіи и за границею, неотразимо влекли къ нему всѣхъ приходившихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Напрасны были возраженія и доводы преданныхъ ему друзей и поклонницъ (Л. К. Е. и др.) съ указаніемъ на то, какъ трудно для нея будетъ войти въ то высшее общество, въ которомъ она должна будетъ жить съ нимъ. Онъ былъ непреклоненъ въ своемъ убѣжденіи. „Я вѣрю“, говорилъ онъ, „въ ея сердце“. Кончилось тѣмъ, что онъ женился, и скромная сестра милосердія сдѣлалась предметомъ заботливости друзей ея супруга. Да проститъ тѣнь моего дорогого учителя и друга этотъ разсказъ, который многимъ можетъ показаться только нескромностью съ моей стороны. Но теперь, когда могила поглотила уже все относящееся къ этому разсказу, я хотѣлъ только показать, какъ Ѳ. И. былъ глубоко проникнутъ чувствомъ правды въ своей частной жизни. Для него между тѣмъ, что̀ *честно* и что̀ *нечестно* лежала непзмѣримая пропасть; не было этихъ переходныхъ ступеней, тѣхъ мостиковъ, которые такъ часто учитъ насъ прокладывать черезъ эту пропасть нашъ, всегда къ себѣ пристрастный умъ, въ оправданіе нашихъ не совсѣмъ честныхъ колебаній.

Безусловная корректная строгость къ самому себѣ не мѣшала однако Ѳедору Ивановичу быть безконечно гуманнымъ и снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ. Однимъ изъ его любимыхъ выраженій было: „уважайте, господа, человѣческія причины“, т. е. не судите строго человѣческихъ слабостей. Дѣйствительно, никогда мы не слыхали изъ устъ его никакихъ рѣзкихъ порицаній и если „въ Московской Медицинской газетѣ“, которую я издавалъ вмѣстѣ съ нимъ, встрѣчались рѣзкія порицательныя статьи по адресу Нѣмецкихъ врачей, угнетавшихъ и презиравшихъ нашу Русскую народность, или по адресу проскакивавшаго иногда стремленія къ шарлатанству и нарушенію чистой врачебной этики, то, каюсь чистосердечно, эти статьи принадлежали мнѣ, подъ псевдонимомъ П. Иванова. Ѳедоръ Ивановичъ не былъ

*) Отецъ Ѳ. И. Иноземцова былъ плѣнный Персіянинъ. См. „Русскій Архивъ“ 872.

Библиотека "Руниверс"

поклонникомъ теоріи *непротивленія злу*, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ необходимость сильнаго отпора въ интересѣ излюбленнаго имъ *Русскаго врача*, онъ не колеблясь присоединялъ свое имя къ порицанію.

Это былъ періодъ, въ которомъ мирно тянулось университетское преподованіе по печатнымъ книгамъ и профессорскимъ запискамъ, неизмѣнно переходившимъ отъ одного поколѣнія студенчества къ другому. Студентъ зналъ профессора только какъ записку, по которой онъ учился и по которой его экзаменовали на репетиціяхъ и на экзаменахъ; а профессоръ совсѣмъ не зналъ студента, который былъ для него только именемъ собирательнымъ.

Нигдѣ не высказывалось такъ рѣзко холодное безучастное отношеніе къ Русскому студенту со стороны его Нѣмецкихъ учителей, какъ въ медицинскомъ факультетѣ. И потому студентъ-медикъ откликнулся всѣмъ сердцемъ на призваніе новыхъ профессоровъ къ духовному общенію съ ними. Само общество, по отношенію къ Русскому врачу было пастроено въ духѣ какого-то униженія, находившаго для себя основаніе въ томъ, что всѣ лучшія мѣста, и вся лучшая практика была въ рукахъ Нѣмецкихъ врачей. Въ простонародіи даже *докторомъ* назывался только Нѣмецъ, а Русскіе врачи именовались *лекарями*, причисляясь къ разряду знахарей, лекарокъ, фельдшеровъ, чуть не колдуновъ и т. под.

Среди насъ, молодыхъ врачей, Ипоземцевъ былъ не только руководителемъ и другомъ, но, какъ заботливый отецъ, не былъ чуждъ и матеріальнымъ нуждамъ нашимъ. Онъ приглашалъ молодыхъ врачей бывать у него въ пріемные часы и заниматься съ приходящею къ нему массою больныхъ (до 8/т. въ годъ), самъ давая лишь совѣтъ и направленіе леченія, за тѣмъ предоставлялъ ихъ личному вѣдѣнію каждаго, вводя такимъ образомъ въ практическую дѣятельность начинающихъ практикантовъ; онъ открывалъ имъ путь къ самостоятельному труду, не всегда безплодному и въ матеріальномъ отношеніи. Только врачъ можетъ понять, какое счастіе и какое успокоеніе совѣсти—начать свою самостоятельную, отвѣтственную предъ самимъ собою практику подъ такою эгидою.

Трое изъ насъ были приглашены Иноземцевымъ жить у него. Одинъ (Матюшенко) занимался его хозяйствомъ и помогалъ ему въ университетскомъ преподаваніи. Другіе замѣняли его тамъ, гдѣ онъ самъ быть не могъ. Такъ я, оставаясь при немъ около десяти лѣтъ, былъ посыланъ имъ при острыхъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ дружескихъ ему семействахъ, не жившихъ въ Москвѣ, въ мѣста ихъ пребыванія, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, отъ нѣсколькихъ дней до 6 недѣль (Симбирскъ, гр. С.). Имѣя въ виду дать мнѣ возможность познакомиться на мѣстѣ съ заграничнымъ ученіемъ, Ѳедоръ Ивановичъ рекомендовалъ меня въ качествѣ врача одной парализованной больной (Г-съ), ѣхавшей за границу. Эта поѣздка, длившаяся около двухъ лѣтъ, дѣйствительно дала мнѣ возможность коротко познакомиться съ господствовавшею тогда въ Европѣ медицинскою школою Скоды и Рокитанскаго. Съ тою же цѣлію онъ отправлялъ за границу уже на свой

Библиотека "Руниверс"

счетъ молодого врача Н. П. Мансурова (впослѣдствіи профессора Московскаго университета).

Такова была дѣятельность Иноземцева въ его тѣсномъ домашнемъ кругу. Нечего говорить объ его заботѣ въ болѣе обширномъ кругу общественной дѣятельности Русскаго врача. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ основателей и покровителей *Общества Русскихъ врачей въ Москвѣ*, имѣвшаго своею исключительною цѣлію—научное единеніе Русскихъ врачей и открытіе для нихъ органа, въ которомъ они могли свободно сосредоточивать свою самостоятельную дѣятельность. До того времени существовало въ Петербургѣ подобное Общество; но 25-лѣтняя его дѣятельность не имѣла никакого вліянія на научное единеніе Русскихъ врачей, такъ какъ ни въ одномъ изъ провинціальныхъ городовъ не возникло ни одного мѣстнаго медицинскаго Общества для врачей. Но легка была рука Иноземцева, и въ настоящее время давно уже почти нѣтъ ни одного губернскаго города, въ которомъ бы не было Общества мѣстныхъ врачей. Въ маленькомъ органѣ нашемъ (Московская Медицинская Газета) горячо откликнулись на нашъ призывъ врачи провинціальные. Широкою, свѣтлою волною хлынуло на всю Россію благотворное вліяніе ученія и дѣятельности Ѳедора Ивановича. Съ увѣренностію можно сказать, что не было въ Россіи города, въ которомъ бы имя его не было извѣстно.

Грустно и обидно было видѣть, какъ скоро послѣ его смерти начались въ Московскомъ университетѣ другія вѣянія; вѣянія, шедшія въ разрѣзъ съ высоконравственнымъ ученіемъ Иноземцева и стушевавшія имя его изъ памяти новаго поколѣнія. Не прошло еще 25 лѣтъ послѣ его смерти, какъ однажды, при проѣздѣ моемъ съ Кавказа, мнѣ случилось посѣтить дорогое наше Общество Русскихъ врачей. Рядомъ со мною сидѣлъ молодой врачъ; указывая на портретъ Иноземцева, висящій на стѣнѣ, онъ спросилъ меня: „чей это портретъ?“, я сказалъ, что это портретъ Иноземцева. „А *кто* былъ этотъ Иноземцевъ?“ спрашиваетъ меня любознательный юноша.—Кто?!...

И какими же тѣнями, какими учителями было заслонено имя благороднаго учителя?!! Тяжело проходить въ памяти эти темныя пятна, прорѣзавшіяся на свѣтломъ фонѣ моихъ юношескихъ воспоминаній. Одинъ достигаетъ своего авторитета, возводя свой гонораръ до 100 рублей за визитъ и беззастѣнчиво объявляя, что съ дураками выгоднѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ умными. Другой арендуетъ свою медицинскую дѣятельность у Евреевъ и умираетъ въ ихъ корыстныхъ объятіяхъ; третій, гонясь за популярностію, приноситъ ей въ жертву всѣ свои честныя убѣжденія и т. п.

Печальна судьба нашего юношества! Не знаю, до какой степени растлѣнія доведетъ она его въ настоящемъ поколѣніи; но вѣрую, что въ будущихъ поколѣніяхъ воспрянетъ истина, и забытое, высоконравственное ученіе учителей *сороковыхъ годовъ* найдетъ для себя новыхъ представителей и новыхъ руководителей, потому что одна истина безсмертна, а вѣянія что волна на морѣ,—преходящи.

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМО Т. Н. ГРАНОВСКАГО КЪ В. В. ГРИГОРЬЕВУ.

Берлинъ, 23-го Іюля.

Письмо твое, мой милый Григорьевъ, привезенное мнѣ Невѣровымъ, столько же обрадовало сколько огорчило меня. Я очень радъ, что ты наконецъ собрался высказать мнѣ что̀ у тебя было на душѣ и тѣмъ вызвалъ меня къ отвѣту. Будешь ли ты доволенъ этимъ отвѣтомъ, оправдаетъ ли онъ меня передъ тобою, не знаю. По крайней мѣрѣ ты поймешь, съ какой точки зрѣнія я смотрю на наши прежнія и настоящія отношенія и, можетъ быть, будешь справедливѣе ко мнѣ нежели доселѣ. Это главная цѣль моего письма. На возобновленіе нашей прежней связи я потерялъ надежду: ты самъ сказалъ мнѣ, что это невозможно, что я не могу уже быть для тебя тѣмъ, чѣмъ когда-то былъ. Благодарю тебя за прошедшую дружбу: она для меня была дороже, нежели ты думаешь. Мнѣ грустно думать, что ты ее у меня отнялъ; но просить о возвращеніи отнятаго я не могу и не хочу. Понимаю, что ты ошибся во мнѣ, что твое воображеніе одарило меня качествами, которыхъ у меня нѣтъ, но которыхъ ты требовалъ отъ друга. Потомъ ты понялъ свою ошибку: Грановскій тобою созданный исчезъ, явился настоящій, и этотъ не понравился тебѣ. Во всемъ этомъ ни одинъ изъ насъ не могъ упрекать другого; мы оба были неправы: ты неосторожень, я глупъ. Ты любилъ во мнѣ не меня, а идеалъ твой; я очень добродушно принималъ на свой счетъ чувство, которое совсѣмъ не ко мнѣ относилось. Чье разочарованіе было тягостнѣе, твое или мое, Богъ знаетъ. По крайней мѣрѣ я думалъ, что мы сошлись не на полгода. Я не сержусь на тебя за то, что ты первый образумился и открылъ мнѣ глаза, но думаю, что ты могъ бы сдѣлать это иначе, быть можетъ *деликатнѣе*. Прости мнѣ.

Ты могъ перестать любить меня, прекратить совсѣмъ связь со мною. Этого права у тебя никто не станетъ оспаривать; но ты поступилъ не такъ. Ты очень ясно давалъ мнѣ чувствовать, что обманулся во мнѣ, что сожалѣешь о прежней довѣренности, которую имѣлъ ко мнѣ. Ты вмѣнялъ мнѣ въ положительные недостатки отсутствіе тѣхъ качествъ, которыми самъ одарилъ меня. Въ самыхъ безсмысленныхъ, глупыхъ шуткахъ моихъ ты искалъ оскорбительнаго для тебя смысла. Изъ одной крайности ты перешелъ въ другую и какъ будто мстилъ мнѣ за свою ошибку. Хорошо ли это? Справедливо ли это? Развѣ я былъ виною разрыва? Ты какъ будто нарочно превозносилъ мой умъ для того, чтобы послѣ нападать на мое сердце, съ видомъ совершеннаго безпристрастія.

Библиотека "Руниверс"

Въ твоихъ глазахъ—я умный, но бездушный человѣкъ, эгоистъ. Неправда ли? Я давно знаю твое мнѣніе обо мнѣ, но могъ ли я его разрушить? Нельзя же мнѣ было сказать тебѣ: «ей Богу, я человѣкъ съ душою, я также могу чувствовать». Чувство просить чувства, мой милый Григорьевъ; я не могъ открыть тебѣ душу, когда твоя закрылась отъ меня. Я искалъ твоей дружбы, когда ты хотѣлъ моей. Я люблю и уважаю тебя попрежнему, но насильно навязаться тебѣ въ друзья, оправдываться въ несправедливыхъ, обидныхъ предположеніяхъ я не имѣю охоты. Не сердись на меня; я далъ себѣ слово высказать тебѣ правду, по крайней мѣрѣ то, что̀ мнѣ кажется правдою, и сдержу слово.

Что я не выдумываю, не приписываю тебѣ мнѣній, которыхъ у тебя нѣтъ, этому доказательство послѣднее письмо твое. Съ самаго начала ты пишешь о непріятностяхъ «освободить меня отъ которыхъ я просилъ васъ много и часто». Освободить тебя отъ непріятностей! Отъ какихъ же? Если я въ самомъ дѣлѣ когда нибудь забылся и осмѣлился (разумѣется, невольно) сдѣлать тебѣ непріятность, то ты долженъ былъ не просить, а требовать и заставить меня перестать. Я на твоемъ мѣстѣ поступилъ бы такъ. Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ опредѣлительно, что̀ ты разумѣешь подъ этими непріятностями? Впрочемъ я выпишу еще нѣсколько строкъ изъ письма твоего: «Вы знали мою слабую сторону —раздражительность чувства.... вы должны были щадить меня въ этомъ отношеніи. Я просилъ только оставить въ покоѣ, не оскорблять моего чувства; на его-то и были устремлены всѣ ваши шутки... Я не могъ болѣе сносить вашихъ насмѣшекъ очень *неделикатныхъ*. Если вы не уважали во мнѣ друга, вы должны были уважать человѣка». Если бы ты написалъ эти слова въ шутку, то я назвалъ бы шутку не совсѣмъ деликатною; если же ты не шутишь, то это обидная глупость. Виноватъ! Я охотно смѣюсь надъ смѣшнымъ, но уважаю чувство во всякомъ, не только въ тебѣ. Шутки мои могли быть и часто были глупы, онѣ могли иногда (и то невольно) зацѣпить твое самолюбіе, но чувства твои никогда не могли сдѣлаться предметомъ моей насмѣшки. Прости мнѣ, если я когда нибудь, безъ сознанія, огорчилъ тебя въ этомъ отношеніи; но вѣрь, что это было безъ сознанія. Я очень знаю, что веселость моя бываетъ часто глупа, но едва ли бываетъ она оскорбительна для людей, которыхъ я люблю и уважаю, какъ тебя. Зачѣмъ толковать слова и поступки мои въ дурную сторону? Зачѣмъ искать въ нихъ значенія, котораго въ нихъ вовсе нѣтъ? Впрочемъ, какъ убѣдить тебя, если ты самъ не хочешь перемѣнить своего убѣжденія? Вѣрь или не вѣрь—какъ хочешь.

Ко всему этому прибавлю еще одно. Мы сошлись не надолго, разошлись, можетъ быть, навсегда; но Григорьевъ никогда не будетъ

Библиотека "Руниверс"

чужимъ для Грановскаго. Отношенія наши измѣнились, но я все тотъ же, какимъ ты видѣлъ меня у себя въ садовой бесѣдкѣ и однажды вечеромъ у Бутовскаго.

Отъ Бутовскаго я недавно получилъ письмо и отвѣчалъ ему. Парижъ, кажется, ему не совсѣмъ нравится.

Г. корреспондентъ М. П. П*). ведетъ себя довольно дурно, не смотря на употребляемыя мною исправительныя мѣры. Надняхъ пошли мы вмѣстѣ гулять. Выходимъ на улицу; вдругъ нѣсколько указательныхъ перстовъ и взоровъ удивленія обратились разомъ на брюхо Невѣрова. Что бы тутъ такое было? Гляжу—угадай, что представилось изумленному оку? Отстегнутый бантъ. Несчастный забылъ застегнуть штаны. Въ тотъ же день вздумалось ему заняться послѣ обѣда; онъ раздѣлся и началъ чинить бывшіе на немъ п. Въ это время входитъ хозяйка. Дѣлать было нечего. Я остался преспокойно на своемъ мѣстѣ; но Январь человѣкъ догадливый и ловкій, сейчасъ смекнулъ, что при дамахъ неблагопристойно сидѣть въ такомъ нарядѣ. Поэтому онъ проворно спустилъ п., поднялъ къ верху рубашку и пустился бѣжать въ другую комнату. Впечатлѣніе, произведенное на хозяйку этимъ зрѣлищемъ, было неизъяснимо. Едва ли какая нибудь другая женщина видѣла Невѣрова съ этой стороны. Она видѣла его голаго отъ поясницы до пятокъ. Не могу сказать, чтобы очень красиво было. Съ тѣхъ поръ между хозяйкою нашею и Невѣровымъ существуетъ тайная вражда. Я держусь строгаго нейтралитета. Многое въ этомъ родѣ разсказалъ бы я тебѣ, но берегу до случая: мнѣ хочется составить изъ этихъ отдѣльныхъ черть нѣчто цѣлое, отрывокъ изъ біографіи.

Письмо это прошу тебя никому не показывать. Причины тебѣ понятны. Прощай, отъ души жму тебѣ руку. Будешь отвѣчать? Твой Грановскій.

*

Письмо это нашлось въ Музеѣ П. И. Щукина и съ его позволенія заимствуется изъ шестаго тома его Сборника. Грановскій былъ 24 лѣтъ отъ роду, и писалъ онъ къ человѣку на три года моложе его (люди въ то время не такъ скоро зрѣли какъ теперь). Григорьевъ отвѣчалъ Грановскому почти черезъ тридцать лѣтъ своими о немъ статьями въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856 г. На которыя загробнымъ возраженіемъ нынѣ служитъ вышенапечатанное письмо. Какъ въ 1837-мъ, такъ и въ 1856-мъ году, В. В. Григорьевъ не понималъ Грановскаго. Природы у нихъ были разныя. Григорьевъ не воспиталъ въ себѣ чувства мѣры, необходимой принадлежности изящества, которымъ такъ отличался незабвенный Тимоѳей Николаевичъ. П. Б.

---

*) Министерства Народнаго Просвѣщенія. Это Януарій Михайловичъ Невѣровъ, по днѣ директоръ Лазаревскаго Института въ Москвѣ, а за тѣмъ попечитель Кавказскаго учебнаго округа. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

В. М. ОСТРОГЛАЗОВЪ.

2 Февраля 1907 года скончался начальникъ Московскаго Врачебнаго Управленія Василій Михайловичъ Остроглазовъ, дорогой сотрудникъ „Русскаго Архива“, готовившій для него цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ разслѣдованій, изъ которыхъ два уже появились въ нынѣшнемъ году и оцѣнены нашими читателями.

Служебная дѣятельность покойнаго мнѣ незнакома; но одна черта ея случайно сдѣлалась мнѣ извѣстною и привлекла полное сочувствіе. Однажды случилось мнѣ вмѣстѣ съ нимъ и другими быть въ канцеляріи Московскаго генералъ-губернатора и дожидаться, пока отъ директора оной выдетъ какое-то важное лицо. Къ Остроглазову подходитъ одинъ чиновникъ (изъ канцеляріи другаго вѣдомства) и начинаетъ убѣждать его, чтобы какую-то купчиху не безпокоили требованіемъ не спускать въ Москву-рѣку нечистоты изъ ея завода. Чиновникъ распространялся о дѣлахъ купчихи, о томъ, что нечистоты спускаются не иначе, какъ обезвреженныя, что заводъ ея очень полезенъ и пр. Остроглазовъ слушалъ, слушалъ и вдругъ спросилъ ходатая въ присутствіи нѣсколькихъ человѣкъ: „А сколько вы взяли съ нея за то, что̀ теперь сказали?“ (Это напомнило мнѣ предшественника Василія Михайловича по врачебному управленію, Н. Х. Кетчера).

Въ молодости В. М. Остроглазовъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ сряду врачемъ въ городѣ Бронницахъ и тамъ сблизился съ однимъ изъ достопамятныхъ людей, Иваномъ Алексѣевичемъ Кононовымъ, великимъ любителемъ Русскаго просвѣщенія (который между прочимъ не одну сотню тысячъ рублей далъ на устройство нынѣшняго Историческаго Музея въ Москвѣ), и это сближеніе имѣло важнѣйшее значеніе въ жизни Остроглазова.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ» невѣрно сказано, что В. М. Остроглазовъ былъ происхожденія купеческаго. Онъ былъ сыномъ почтеннаго протоіерея, человѣка ученаго. Онъ съ раннихъ лѣтъ былъ любителемъ книгъ и хотя недавно сталъ собирать книжныя Русскія рѣдкости, но у него образовалась избранная библіотека съ рѣдчайшими книгами, и онъ не только собиралъ ихъ, но и близко узналъ ихъ содержаніе. Нельзя не пожелать, чтобъ это собраніе сдѣлалось достояніемъ общественнымъ.

Въ друзьяхъ и знакомыхъ своихъ оставилъ В. М. Остроглазовъ неизгладимую признательную память. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ЗАМѢЧАТЕЛЬНАЯ ПОЧТОВАЯ БУМАГА.

(1824—1825 г.г.).

У насъ подъ руками два письма помѣщика Полтавской губерніи, Зеньковскаго уѣзда Степана Тимоѳеевича Левенца къ архіепископу Кишинскому Димитрію Сулимѣ, отъ 10 Октября 1824 г. и отъ 25 Апрѣля 1825 г. Помимо своего содержанія, письма эти замѣчательны по употребленной для нихъ *почтовой бумагѣ*, одинаковой въ обоихъ. Бумага эта большого формата, похожая на Англійскую, имѣетъ внутренніе водяные знаки. Именно: на первомъ полулистѣ по серединѣ довольно большой овалъ; внутри овала изображенъ гербъ Россійской имперіи, т.-е. двуглавый орелъ съ короной и проч., а вокругъ овала въ двухлинейной рамкѣ довольно большими буквами сдѣлана такая надпись: „Богъ защита Россійскаго Императора“. На другомъ полулистѣ такой же овалъ по серединѣ его, а внутри овала поясной портретъ Императора Александра I-го; вокругъ овала, въ такой же рамкѣ и такими же большими буквами, слѣдующая надпись: „Александръ первой избавителіемъ (sic!) Немеціи“.

Письма эти имѣютъ быть переданы нами на храненіе въ библіотеку недавно образовавшагося „Бессарабскаго Церковнаго Историко-Археологическаго Общества“ въ г. Кишиневѣ. Сообщ. *Л. С. М.*

Замѣтка о книгѣ: „Памятникъ Вѣры:“ (къ біографіи Н. В. Гоголя).

Въ письмахъ Гоголя къ С. Т. Аксакову, онъ два раза проситъ выслать ему, въ числѣ прочихъ книгъ, книгу: „*Памятникъ Вѣры*“. Именно въ письмѣ отъ 27 Іюля 1842 г. изъ Гастейна онъ пишетъ: „...Вы мнѣ сдѣлаете большую услугу присланьемъ нѣкоторыхъ книгъ, а именно: „Памятникъ Вѣры“, *такой совершенно, какъ у Ольги Семеновны*, и „Статистику Россіи Андросова“.... Въ письмѣ отъ 18 Марта 1843 г. изъ Рима Гоголь повторяетъ туже просьбу: „...Не забудьте прислать мнѣ книгъ, если вышло что-нибудь относительно Статистики Россіи, *извѣстный „Памятникъ Вѣры“, который обѣщала Ольга Семеновна*, и Молитвенникъ, самый пространный...“ („Письма Гоголя“, изд. Маркса, стр. 195 и 281).

Библиотека "Руниверс"

Осенью прошлаго 1906 г. прислана намъ была изъ С.-Петербурга брошюра: „Аукціонъ библіотеки проф. М. С. Куторги". Здѣсь подъ № 2661-мъ поименована такая книга: „Памятникъ Вѣры". М. 1843 г. 1 (т.-е. одинъ) томъ въ 8-у, въ перепл., съ рисунками, 50 к." Очевидно, подумалъ я, это та самая книга, о которой писалъ Гоголь Аксакову, и рѣшился выписать ее изъ Петербурга, чтобы узнать, что̀ это за книга. Я думалъ, что это нѣчто въ родѣ того „Памятника Вѣры", надъ составленіемъ котораго почти всю свою жизнь трудился знаменитый нашъ богословъ и проповѣдникъ Иннокентій Херсонскій и которому онъ давалъ иногда и другое названіе, именно: *Догматическій Сборникъ*, но который такъ и не вышелъ въ свѣтъ и дѣвался неизвѣстно куда, знаменуя своею судьбою вообще печальнѣйшее положеніе нашей духовной богословской литературы въ то старое Иннокентіевское время*). Но выраженія Гоголя въ письмахъ къ Аксакову: „такой совершенно, какъ у Ольги Семеновны", „который обѣщала Ольга Семеновна" (т.-е. супруга С. Т. Аксакова) опять давали поводъ думать, что этотъ желанный для Гоголя „Памятникъ Вѣры" есть скорѣе какая-либо популярная духовная книга, а не спеціально-богословская.

Получивъ книгу, я увидѣлъ, что этотъ „Памятникъ Вѣры" есть просто *Святцы* Православной Церкви, но съ прибавленіемъ на каждый день благочестивыхъ размышленій, въ прозѣ и въ стихахъ. Вотъ полное заглавіе книги: „Памятникъ Вѣры, представляющій благочестивому взору Христіанина празднества, Православною Церковію установленныя святымъ угодникамъ Божіимъ, съ краткимъ описаніемъ ихъ житія. Съ присовокупленіемъ избранныхъ на каждый день текстовъ Священнаго Писанія, благочестивыхъ размышленій и духовныхъ стихотвореній, руководствующихъ къ непрестанному упражненію въ богомысліи. Съ приложеніемъ къ каждому мѣсяцу листковъ для ежедневнаго записыванія въ нихъ своихъ мыслей, чувствованій и поступковъ. Изданіе третіе. Москва. 1843 г." Въ книгѣ есть и рисунки на деревѣ; послѣ выводного листа рисунокъ, на цѣлую страницу, Страшнаго Суда. Въ серединѣ книги вложены небольшіе рисунки всѣхъ святыхъ на каждый мѣсяцъ. Благочестивыя размышленія въ прозѣ и въ стихахъ, составленныя на каждый день, написаны искусно.

Книга процензурована въ Петербургѣ, Сентября 13 дня 1840 г. цензоромъ, соборнымъ іеромонахомъ Іосафомъ, но напечатана въ Москвѣ въ типографіи Московскаго Университета. Да и составлена она, по всей вѣроятности,

---

*) Кстати замѣтимъ, что въ настоящемъ году исполняется (26 Мая) 50-лѣтіе со дня кончины Иннокентія и что творенія его сдѣлаются такимъ образомъ общественною собственностію и не будутъ такъ дороги, какъ доселѣ, составляя собственность книгопродавца Вольфа. Но только Иннокентія нужно издать совсѣмъ иначе, чѣмъ какъ онъ изданъ Вольфомъ... Какая либо изъ духовныхъ нашихъ академій должна приложить къ этому свой ученый трудъ.

Библиотека "Руниверс"

въ Москвѣ. Любопытно бы узнать, кто принималъ главное участіе въ составленіи и изданіи этой очень замѣчательной книги.

Для образчика приведемъ стихотвореніе передъ Январемъ мѣсяцемъ.

Сынъ вѣчности юный, годъ новый грядетъ.
Съ нимъ мѣсяцы, дни и часы, пеленою
Покрытые мрачной, идутъ; и нѣтъ
Никого изъ людей, кто бы мощной рукою
Сію пелену приподнялъ,
И мнѣ впереди показалъ,
Что̀ случится со мною.

* * *

Мой жребій давно ужъ на небѣ рѣшенъ,
И вписаны въ книгу мои приключенья.
Быть можетъ, горькія слезы и стонъ,
Сиротство, потеря чести, имѣнья,
Болѣзнь и другія бѣды
Меня ждутъ, притаясь впереди
Подъ рукой Провидѣнья.

* * *

Быть можетъ, и дни мои сочтены,
И послѣдній часъ мой отъ меня недалеко;
Быть можетъ, еще не дождусь и весны,
Не увидитъ цвѣтовъ полевыхъ мое око,
Не услышитъ пернатыхъ слухъ мой,
Какъ сномъ смертнымъ въ землѣ и сырой,
Сплю глубоко, глубоко...

* * *

Быть можетъ.... но Боже, Ты знаешь одинъ
Грядущее; и я гадать не дерзаю....

(Сообщилъ Л. С. М.).

Библиотека "Руниверс"

ПИСЬМА КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО ПРОТОІЕРЕЮ М. Ѳ. РАЕВСКОМУ [1]).

1.

Карлсруэ, 17 Февраля (1 Марта) 1854.

Позвольте мнѣ напомнить о себѣ вашему высокопреподобію и сообщить стихи, которые не по достоинству своему, а по родному чувству въ нихъ выраженному, не могутъ быть вамъ совершенно чужды. Потрудитесь переслать прилагаемое у сего письмо Ганкѣ. Давно сердце мое не слыхало молитвы: о державѣ, побѣдѣ, пребываніи, мирѣ, здравіи, спасеніи Русскаго Царя, и наипаче поспѣшити и пособити ему во всемъ, и покорити подъ нозѣ его всякого врага и супостата (и образумити пріятелей его, можно было бы прибавить въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ). А никогда эта молитва не могла возбуждать болѣе умиленія и сердечнаго сочувствія какъ нынѣ. Уповаю, что Богъ услышитъ эту молитву. Гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость. Побѣда надъ собою и надъ другими искупается трудами и пожертвованіями. Претерпѣвающій до конца спасенъ будетъ. Это мудрое изреченіе можетъ быть примѣнено не только къ духовному міру и къ будущей жизни, но и къ дѣламъ земнымъ и житейскимъ. Оно справедливо и въ Евангельскомъ смыслѣ и въ историческомъ.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

Потрудитесь узнать: нѣтъ ли въ канцеляріи посольства писемъ или посылокъ на имя мое? Меня давно увѣдомили изъ Россіи, что выслали, но я ничего не получалъ.

Въ Вѣнѣ ли нашъ Бейрутскій генер. консулъ Базили?

Если увидите графиню Фикельмонъ [2]) передайте ей мое сердечное почтеніе и попросите ее прислать мнѣ новое сочиненіе мужа ея, о которомъ говорятъ въ журналахъ.

---

[1]) Настоятелю нашей церкви при посольствѣ въ Вѣнѣ. П. Б.

[2]) Внучку князя М. Л. Кутузова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

2.

По прочтеніи брошюрки, не можете ли съ какою-нибудь вѣрною оказіею переслать ее въ Прагу на имя de son excellence monsieur le feld-maréchal lieutenant Bellegarde, который въ отставкѣ и живетъ въ Прагѣ. Извините, я на нѣсколько часовъ пріѣхалъ въ Лозану изъ Веве и на лету пользуюсь случаемъ дать вамъ о себѣ вѣсточку.

Если почтите меня письмомъ, адресуйте въ Стуттгартъ въ нашу миссію.

Поручаю себя молитвамъ вашимъ и прошу покорнѣйше принять увѣреніе въ моемъ душевномъ почтеніи и неизмѣнной преданности.

К. Вяземскій.

14 (26) Ноября 1854.

3.

С.-Петербургъ, 1-го Марта 1856.

Поручаю благосклонному вниманію вашего высокопреподобія Аѳинскаго Грека Крокидаса, который переводитъ на свой языкъ исторію Карамзина. Мы должны сочувствовать этому труду и помочь ему по возможности. Здѣсь кое-какъ набрали мы нѣсколько подписчиковъ. У васъ, кажется, немного найдется охотниковъ, но всетаки не лишите его вашего добраго участія и навербуйте ему кого-нибудь изъ вашихъ прихожанъ, и между прочими, князя Бибеско. Покорнѣйше благодарю васъ за письма ваши и за исполненіе нашихъ порученій. Къ сожалѣнію моему, не могъ я быть на вашемъ второмъ семейномъ празднествѣ Не могу сказать, что я боленъ, грѣхъ было бы жаловаться, но часто прихварываю и долженъ сидѣть дома за простудамн; отъ нашей зимы не надобно отвыкать: она ревнивая и мститъ за невѣрность ей. Въ Москвѣ пробуждается журнальная дѣятельность, разрѣшаемая правительствомъ. Вышло уже нѣсколько книжекъ *Русской Бесѣды*, которую будутъ издавать такъ называемые Московскіе Славянофилы, Аксаковъ, Хомяковъ, Кирѣевскій etc. Увидимъ, что̀ изъ этого будетъ и погодимъ ставить на ноги своего запоздалаго и хромаго Москвитянина. Передайте мой почтительный и дружескій поклонъ Ганкѣ. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ какъ-то совѣстно и грустно писать ему. Не помню, имѣете ли вы нѣкоторыя стихотворенія мои, отдѣльно и въ маломъ числѣ экземпляровъ напечатанныя. Это, въ нынѣшнее время, истинно заупокойные стихи: за упокой лицъ и событій. На всякій случай вотъ три экземпляра.

Жена моя и я испрашиваемъ вашего благословенія и поручаемъ себя молитвамъ вашимъ.

Библиотека "Руниверс"

Съ отличнымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашему высокопреподобію совершенно и неизмѣнно преданный к. Вяземскій.

Потрудитесь передать нашъ сердечный поклонъ гг. Фризенгофъ и Багрѣевой.

4.

С.-Петерб., 29 Мая (10) 1юня 1856.

Позвольте мнѣ поручить вашему благосклонному вниманію, Славянскому радушію и гостепріимству г-на Михельсона, учителя въ одной изъ нашихъ гимназій. Онъ отправляется за границу лечиться и учиться, чтобы, по возвращеніи сюда, лучше учить другихъ. Будьте ему, по возможности, руководителемъ и споспѣшникомъ. Если онъ поѣдетъ въ Прагу, рекомендуйте его отъ моего имени почтенному нашему Ганкѣ и передайте ему мой сердечный поклонъ. Приношу вамъ мою живѣйшую благодарность за ваше занимательное письмо отъ 9-го Мая. Да, можно призадуматься, глядя на настоящее, а еще болѣе стараясь прозрѣть, что̀ готовится въ будущемъ. Грустно и страшно. Но вы, пастырь, и ваше ученіе не позволяетъ предаваться унынію, хотя оно такъ и лѣзетъ въ душу. Будемъ каждый, по мѣрѣ силъ и способностей своихъ, бодрствовать въ кругу предназначенной намъ дѣятельности. На людей надежды мало, будемъ надѣяться на промыслъ Божій. У него свои пріемы и свои таинственныя цѣли. Не Були и Пальмерстоны страшны, а страшенъ Божій промыслъ, когда идемъ и дѣйствуемъ не по пути, который онъ указываетъ.

Наша литература нѣсколько оживилась, по крайней мѣрѣ, журнальная. Увидимъ, что̀ будетъ.

Сдѣлайте одолженіе, передайте мое душевное почтеніе семейству к. Бибеско и нашъ дружескій поклонъ А. Н. Фризенгофъ *). Испрашивая себѣ и женѣ моей ваше пастырское благословеніе, имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ вамъ искренно и неизмѣнно преданный

К. Вяземскій.

Если к. Горчаковъ еще у васъ, передайте ему мой усердный поклонъ и рекомендуйте ему отъ меня г. Михельсона.

5.

С.-Петербургъ.
Лѣсная дача, 10 Авг. 1856.

Покорнѣйше благодарю ваше высокопреподобіе за вашъ любопытный и современный подарокъ. Я передалъ его принцессѣ Ольден-

*) Александра Николаевна Фризенгофъ, урожденная Гончарова, старшая свояченица А. С. Пушкина.

Библиотека "Руниверс"

бургской, предъ отъѣздомъ ея въ Москву, гдѣ онъ будетъ ей очень полезенъ, по недостатку знанія ея Русскаго языка, а особенно церковнаго. Иностранныя лица, пріѣхавшія сюда на коронацію, очень жалѣютъ, что не могутъ пріобрѣсти вашего перевода. Напрасно не выслали вы сюда для распродажи хотя сотню экземпляровъ. Къ свѣдѣнію вашему, сообщу вамъ откровенно сдѣланное нѣкоторыми замѣчаніе: неправильно переведено слово: самодержавный. Слѣдуетъ сказать Selbstherrscher, а у васъ сказано какъ-то иначе. Сдѣлайте одолженіе, пошлите отъ себя или, пожалуй, отъ моего имени, экземпляръ перевода великой княгинѣ Аннѣ Ѳедоровнѣ, въ Женеву. Онъ будетъ ей очень интересенъ.

Послѣ завтра, если Богъ дастъ, думаю ѣхать въ Москву. Поручаю вашему дружебному вниманію сына моего, и прошу передать ему мой сердечный поклонъ и сказать, что буду писать ему изъ Москвы, и что жена моя здѣсь остается. Не забывайте меня въ молитвахъ вашихъ. Испрашивая себѣ благословенія вашего, имѣю честь быть вашему высокопреподобію съ истиннымъ почтеніемъ душевно преданный

К. Вяземскій.

6.

С.-Петербургъ, 24 Окт. 1856.

Не имѣя времени напомнить вамъ о себѣ и побесѣдовать съ вами обстоятельною прозою, напоминаю вамъ стихами, которые надѣюсь, если не по достоинству своему, то по содержанію, вызовутъ нѣсколько сочувствіе ваше и мысленно перенесутъ васъ на Святую Русь. Потрудитесь передать одинъ экземпляръ Александрѣ Николаевнѣ Фризенгофъ съ моимъ сердечнымъ поклономъ, а другой нашему почтеннѣйшему Гапкѣ. Къ вамъ явится отъ моего имени Грекъ изъ Аѳинъ Крокидасъ, переводчикъ на Греческій языкъ исторіи Карамзина. Покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе приласкать его и, по возможности, ввести его въ нашъ православный кругъ для пріисканія цѣнителей и поощрителей его благонамѣреннаго труда. Рекомендуйте его князю и княгинѣ Бибеско и передайте имъ отъ жены и отъ меня нашу сердечную и неизмѣнную преданность.

Поручая себя молитвамъ вашимъ, имѣю честь быть вашему высокопреподобію совершенно преданный к. Вяземскій.

7.

Я все еще не совершенно оправился, сижу дома, а потому и не могъ быть у васъ. Я писалъ о желаніи вашемъ имѣть счастіе представиться, но не имѣлъ еще отвѣта. Не получали ли вы прямо сооб-

Библиотека "Руниверс"

щенія по этому поводу? Когда думаете вы отправиться въ Вѣну? Поручая себя молитвамъ вашимъ, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и неизмѣнной преданности. К. Вяземскій.

16 Дек.

Государыня Императрица приметъ васъ въ *Субботу въ часъ безъ четверти*. На оборотѣ: Нужное. Его высокопреподобію Михаилу Ѳедоровичу Раевскому. Отъ кн. Вяземскаго.

8.

Homburg v. d. Höhe, 17 (29) Авг. 1874.

Позвольте мнѣ поручить подателя этихъ строкъ, Ник. Плат. Барсукова, благосклонному пріему и вниманію вашего высокопреподобія. Онъ вамъ не совершенно чужой, потому что служитъ въ Синодѣ и состоитъ членомъ Археографической Коммисіи. Слѣдовательно есть вамъ о чемъ съ нимъ поговорить. Если благоугодно было-бы вамъ имѣть свѣдѣніе и обо мнѣ, то и тутъ можетъ онъ вамъ пригодиться: онъ недѣли три прожилъ у меня. Здоровіе мое, разумѣется, лучше, чѣмъ было въ Венеціи, но далеко еще не въ хорошемъ состояніи, да и слишкомъ было-бы смѣло въ мои года надѣяться на правильное и хорошее здоровье. Съ благодарностью и почти со стыдомъ припоминаю сердобольное посѣщеніе ваше, на которое, по болѣзненному расположенію моему, отвѣчалъ я такъ неудовлетворительно. Память моя чувствуетъ живѣе и глубже нежели чувствовало тогдашнее сознаніе подъ гнетомъ скорби и страданія.

Сдѣлайте одолженіе, передайте мой сердечный поклонъ любезной посольской четѣ, и если можно, представьте Барсукова послу, тѣмъ болѣе, что онъ подъ вѣдомствомъ Титова *).

Примите мой списокъ и подлинное удостовѣреніе моего къ вамъ, милостивый государь, истиннаго почтенія и неизмѣнной преданности. Кн. Вяземскій.

---

*) Посломъ въ Вѣнѣ былъ тогда Е. П. Новиковъ, женатый на племянницѣ В. П. Титова, тогдашняго предсѣдателя Археографической Комиссіи. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

КОНЧИНА СВѢТЛАНЫ.

Два письма К. К. Зейдлица къ В. А. Жуковскому.

(Изъ Пизы въ Петербургъ).

1829.

1.

27 (5) Февраля, 6 утра.

Милый, дорогой другъ и братъ! Предчувствуете ли вы ужасное событіе? Не говоритъ ли вамъ ваше сердце, что что-то у него похищено на этомъ свѣтѣ? Ахъ, безъ сомнѣнія, да!

Прекрасная душа нашей дорогой Александрины возвратилась въ свою отчизну. Тихая кончина перенесла ее отъ печальной земной жизни въ небесную.

Подъ вечеръ, безъ четверти въ восемь, она скончалась, находясь въ полномъ сознаніи до послѣдней минуты.

Утромъ этого дня она пожелала видѣть священника; въ 9 часовъ велѣла отрѣзать косу и отдала ее своей Катенькѣ съ тѣмъ, чтобы та подѣлилась со знакомыми; затѣмъ она говорила со мной о своемъ завѣщаніи; дрожащей рукой написала пару строкъ своей матери и Воейкову [1]). Дальше у нея не достало силъ, но она продолжала говорить съ небеснымъ жаромъ о скорой своей смерти: «Ахъ, какъ бы я желала умереть тотчасъ послѣ причастія». Въ часъ пріѣхалъ священникъ изъ Ливорно, къ сожалѣнію не тотъ, который причащалъ ее нѣсколько недѣль тому назадъ и котораго она такъ уважала (тотъ былъ въ отъѣздѣ).

Такова была ея послѣдняя неудавшаяся надежда, послѣднее неисполненное желаніе. Уже за полчаса передъ тѣмъ она велѣла поставить передъ собой образъ Божіей Матери. Г-жа Хлюстина [2]) читала псалмы;

---

[1]) Т. е. своему супругу. П. Б.

[2]) Сестра графа Ѳ. И. Толстаго (Американца). П. В.

Библиотека "Руниверс"

дѣти и домочадцы присутствовали при этомъ, благоговѣйно стоя на колѣняхъ. Послѣ причастія, по совершеніи соборованія, она отдохнула съ полчаса, а затѣмъ подозвала дѣтей къ постели, говорила имъ незабвенныя слова утѣшенія, благословила ихъ, благословила своего отсутствовавшаго сына, отсутствовавшихъ родныхъ и знакомыхъ, простилась съ присутствующими, и все это, по истинѣ, какъ-то божественно-вдохновенно. Голосъ у нея былъ ясный, щеки разрумянились, она приподнялась на кровати. Когда утомленная, наконецъ, она снова упала на подушку, то, пламенно прижавъ къ губамъ образъ Божіей Матери и держа горящую свѣчу въ рукѣ, она громко прочла молитву. Вскорѣ наступила въ комнатѣ тишина, только рыданія окружающихъ прерывали торжественное, безмолвное ожиданіе. Вдругъ ближайшіе церковные часы пробили два раза. «Два часа», слабымъ голосомъ сказала она своимъ дѣтямъ, «каждый разъ, какъ услышите, что часы бьютъ два часа, вспоминайте меня и мои послѣднія слова».

Съ этой минуты она меньше принимала участія въ томъ, что происходило вокругъ нея; душа же ея продолжала ясно мыслить, ибо она пробуждалась отъ своего забытія для того, чтобы давать приказанія или утѣшить неутѣшимыхъ дѣтей, говоря имъ: «не думайте, что я страдаю; мнѣ гораздо легче». И этихъ немногихъ словъ возлюбленной матери было достаточно, чтобы успокоивать бѣдныхъ сиротъ. Они заснули близъ своей матери. Часы пробили 5. «Скоро ли конецъ?» сказала она мнѣ. «Умру ли я черезъ два часа?» Отъ времени до времени она открывала ясные глаза, чтобы взглянуть на дѣтей. «Оставьте ихъ спать до завтра», сказала она, до послѣдняго вздоха заботясь о нихъ. Въ половинѣ восьмого она спросила меня, который часъ. «Укройте меня, мнѣ холодно. Вы меня слышите? Мнѣ становится трудно говорить». Это были ея послѣднія слова. Еще нѣсколько слабыхъ вздоховъ, и душа, освобожденная отъ оковъ, возвратилась къ Отцу.

2.

Пиза, 18 Февраля, (2) Марта.

Вы уже имѣете мое послѣднее письмо, такъ что могу безъ подготовленія говорить о томъ, какъ мы, домочадцы и знакомые, полные добраго участія, почтили останки Александрины.

Съ той минуты какъ она на вѣки закрыла глаза и пока не опустили ее въ холодную могилу, слуги ея, Лиза, Лизетта, Лукьянъ и я дѣлили между собой заботы, дежурство и службу какъ при жизни ея.

По ночамъ мы стояли у ея смертнаго одра. Читались псалмы, совершалась служба, все согласно ея желанію и правиламъ церкви. Мнѣ

Библиотека "Руниверс"

пришлось еще разъ примѣнить къ дѣлу мое столярное искусство и приготовить для Александрины послѣднюю тѣсную обитель ея, гробъ. Для Кати Мойеръ я изготовилъ ея первое жилище *), для Александрины—послѣднее! Милый Жуковскій, какъ странно судьба приводитъ меня дѣлить радость и горе вашей семьи!

Въ бѣломъ платьѣ, покрытая бѣлымъ вуалемъ, съ распятіемъ въ сложенныхъ рукахъ, покойница казалась уснувшею; душевное выраженіе еще не сошло съ ея улыбающагося лица: ни одна черта страданія не напоминала намъ Пизу: такою мы видѣли ее въ Генуѣ въ день послѣдняго бала у Саладина. Третьяго дня было готово послѣднее ея ложе. Каждый изъ насъ приложилъ руки къ этой работѣ въ знакъ привычнаго почитанія и въ тотъ же часъ, когда мы прежде переносили ее изъ залы въ опочивальню, то есть въ 9 часовъ вечера, мы положили ея останки въ вѣчное ложе. Семьи графа Местра и Деделя принимали тутъ участіе, а читалъ молитвы Греческій священникъ князя Караджи. На слѣдующій день, въ 5 часовъ, всѣ мы и священникъ проводили гробъ въ церковь въ Ливорно. Лукьянъ сохранилъ за собою свое обычное мѣсто въ колесницѣ позади своей возлюбленной барыни, дѣти ѣхали съ г-жею Хлюстиной.

Въ открытомъ гробу Александрина присутствовала въ первый и въ послѣдній разъ при богослуженіи въ Греческой церкви въ чужихъ краяхъ.

Благоговѣйная толпа (было Воскресенье) любопытно тѣснилась вокругъ гроба, у котораго, по окончаніи богослуженія, была совершена заупокойная панихида.

Наступила трогательная минута прощанія. Я закрылъ гробъ, который въ торжественномъ шествіи черезъ весь городъ былъ перенесенъ на кладбище. Здѣсь еще была отправлена служба въ часовнѣ, гробъ стоялъ на краю могилы. Послѣдній разъ я поднялъ крышку, чтобы священникъ бросилъ туда освященной земли при символическихъ словахъ: «Отъ земли взята и въ землю пойдеши!» Солнце, выглянувъ изъ за тучъ, бросило послѣдній лучъ и скрылось. Легкія снѣжники упали еще на ея бѣлый вуаль, а затѣмъ я закрылъ навсегда вѣчную обитель Александрины. Послѣднее что̀ нарушило ея покой, былъ гулъ отъ бросаемой въ могилу земли. Теперь она въ покоѣ!

*

*) Т. е. колыбель. Катя Мойеръ—племянница А. А. Воейковой.

Библиотека "Руниверс"

Нѣмецкіе подлинники этихъ писемъ напечатаны въ „Татевскомъ Сборникѣ“, который изданъ Обществомъ Ревнителей Русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го, а составленъ покойнымъ С. А. Рачинскимъ. Они находятся между письмами Жуковскаго къ А. П. Елагиной. Татево—*село Ржевскаго уѣзда, нынѣ принадлежащее* Варварѣ Александровнѣ Рачинской. Мать ихъ Варвара Абрамовна — родная сестра Е. А. Баратынскаго, который нѣкогда былъ близкимъ другомъ И. В. Кирѣевскаго, и этимъ объясняется сохраненіе писемъ К. К. Зейдлица въ Татевскомъ архивѣ: А. П. Елагина вѣроятно передала ихъ Баратынскому, вмѣстѣ съ письмами Жуковскаго и они у него остались, а отъ него перешли къ его сестрѣ. Баратынскій нѣкогда писалъ про Свѣтлану:

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ:
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ.
Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной,
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

Александра Андреевна Воейкова (дочь Тульскаго губернскаго предводителя дворянства Андрея Ивановича Протасова и старшей сестры Жуковскаго Екатерины Аѳанасьевны, урожденной Буниной) оставила по себѣ свѣтлый, неизгладимый слѣдъ въ памяти многихъ лучшихъ людей Русской земли. Жуковскій посвятилъ ей свою раннюю балладу „Свѣтлану“, и она прозвалась въ обществѣ этимъ именемъ, получившимъ большую извѣстность: „Свѣтланою“ названъ и тотъ прекрасный фрегатъ, на которомъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ совершилъ свое кругосвѣтное плаваніе. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Въ нынѣшнемъ году чествовалось въ Русскомъ музыкальномъ мірѣ пятидесятилѣтіе со дня кончины М. И. Глинки.

Про него можно сказать тоже, что̀ кто-то сказалъ про Пушкина: это искра, выбитая изъ Русской груди нашествіемъ двадцати народовъ на Россію, о которомъ Жуковскій выразился «отъ Запада узрѣли мы Батыя», а Карамзинъ писалъ, что Наполеонъ шелъ на Россію тигромъ, а бѣжалъ изъ нея зайцемъ (въ сапкахъ съ Коленкуромъ, закутанный въ Еврейское платье). 12-ти лѣтній Москвичъ-Пушкинъ изъ оконъ Царскосельскаго дворца видѣлъ, какъ шли войска наши на защиту родины. Гдѣ спасался 8-ми лѣтній Глинка, не знаемъ; но онъ еще живѣе Пушкина могъ чувствовать весь ужасъ непріятельскаго нашествія: Ельнинскій уѣздъ и помѣстье его родителей были разгромлены въ конецъ, и отъ усадьбы, гдѣ протекло дѣтство Глинки, не осталось и слѣда (ровное поле, какъ говорилъ мнѣ лѣтъ 30 назадъ сосѣдній помѣщикъ). Глинка былъ одноземецъ князя Потемкина и Нахимова. Смольяне—крѣпкіе стоятели за Русскую народность въ вѣковой, внѣшней и внутренней, борьбѣ съ Польшею и Литвою.

Никто вѣрнѣе Хомякова не оцѣнилъ значенія, какое имѣетъ Глинка для Россіи и ея самосознанія. Приводимъ выдержки изъ статьи его, появившейся въ 1844 году въ «Москвитянинѣ». «.... Смутно время для Россіи. Государства нѣтъ, ибо нѣтъ его выраженія—государя. Непріятель въ самомъ сердцѣ страны, недавно выгнанный изъ Москвы и снова ей угрожающій. Языкъ художества выражаетъ и скорбь, и страданіе борьбы, много разъ повторявшіяся въ нашей исторіи; скорбь и страданія, забытыя въ торжествѣ, но оставившія свои слѣды въ музыкальномъ преданіи. Но въ этой скорби не слыхать отчаянія; въ ней отзывается уже будущая побѣда. Государства нѣтъ, но семья и община остались,—онѣ спасли Россію. Это видно изъ отношенія городовъ между собою и изъ переписки Смоленскихъ дворянъ съ ихъ семьями во время междуцарствія. Они возсоздали государство».

«Прошли вѣка, государство Русское окрѣпло; но новое нашествіе съ Запада требуетъ новаго сопротивленія. Это нашествіе не меча и силы, но ученія и мысли. И противъ этихъ нашествій безсильна вся-

Библиотека "Руниверс"

кая вещественная оборона, и сильно одно только—глубокое душевное убѣжденіе. Опасность угрожаетъ уже не государству, но общинѣ и семьѣ. Иные отрываютъ человѣка отъ естественныхъ узъ семейства и братскаго круга естественной общины и отпускаютъ его на полную свободу безроднаго сиротства, предоставляя ему право примкнуть къ новому произвольному обществу, созданному слѣпою самоувѣренностью тѣснаго разсудка; другіе принимаютъ его какъ вещественную, числительную единицу, годную только на поступленіе въ вещественный и числительный итогъ, называемый государствомъ, и на составленіе матеріала для числительныхъ выкладокъ или механической разработки. И оба ученія подъ разными видами, подъ разными именами, находятъ себѣ послѣдователей и приверженцевъ. Семья и община отстояли Россію: теперь Россія отстоитъ ли семью и общину?»

«.... Насъ встрѣчаетъ пѣснь, исполненная глубокой, чудной мелодіи, пѣснь, которую, разъ услышавъ, никогда нельзя забыть: такъ много въ ней отражается чувства и теплоты душевной и художественной простоты. Это пѣснь сироты. Семья не заключается въ однихъ предѣлахъ вещественнаго родства; она расширяется чувствомъ любви и принимаетъ въ нѣдра свои тѣхъ, которыхъ судьба лишила естественнаго и родного покрова. Включеніе сироты въ семью указываетъ на то высокое нравственное чувство, которымъ она крѣпка и животворна для общества. Тамъ, гдѣ сильна семья, тамъ нѣтъ круглаго сироты. Но пѣсня, которою открывается второй актъ, исполнена грусти. Такъ и должно было быть; ибо ничто не замѣняетъ вполнѣ той безсознательной, невыразимой любви, которая связываетъ членовъ семьи естественной. Музыка Глинки выражаетъ въ звукахъ то самое чувство, которое старая Русская пѣсня высказываетъ однимъ стихомъ:

Не ласточка, не касаточка вкругъ тепла гнѣзда увивается...“

„Подвигъ терпѣнія совершенъ въ лицѣ Сусанина, жертвующаго жизнью за царя. Россія оттерпѣлась отъ бѣды въ одномъ лицѣ, какъ и въ столькихъ другихъ, въ одно мгновеніе, какъ и въ продолженіе столькихъ вѣковъ, такъ же, какъ она оттерпѣлась отъ столькихъ непріятелей до нашего времени; такъ же, какъ она оттерпится и впередъ, если Богу угодно будетъ ей послать испытаніе. Но съ Сусанинымъ погибъ и непріятель, ибо никогда даромъ не проходило, никогда даромъ не пройдетъ посягательство на внутреннюю жизнь Россіи“.

*

Музыка Глинки никогда не состарѣется, какъ стихъ Пушкина. Можетъ быть, Глинка даже больше значитъ для Россіи, нежели Пушкинъ, такъ какъ музыка, по выраженію Каткова, проникаетъ въ такіе тайники души, которые недосягаемы для слова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИЗДАТЕЛЯ «РУССКАГО АРХИВА».

Министръ Финансовъ Голубцовъ передавалъ молодому Замятину, что передъ восшествіемъ на престолъ Александра Павловича составлена была конституція. Собравшіеся думали, что онъ ее подпишетъ, и сказали ему, что надо подписать бумагу. Государь отвѣчалъ, что онъ находится въ великомъ волненіи, потому не можетъ ничего подписывать, и увѣрялъ, что не забудетъ *права* своихъ подданныхъ. Собравшіеся хотѣли было отложить дѣло до другого времени, но Трощинскій вышелъ впередъ и сказалъ: «Господа! Если мы ввѣрили ему свои головы, неужели не повѣримъ его чести?..» и убѣдилъ разорвать бумагу.

*

Трощинскій писалъ манифестъ о восшествіи. Говорятъ, что въ Запискахъ своихъ (кажется, погибшихъ теперь, но долго сохранявшихся въ Москвѣ у нѣкоего Корнильева) онъ описывалъ переворотъ 1801 года.

*

Николай Адріановичъ Дивовъ провелъ ранную молодость въ Парижѣ. Въ школу, гдѣ онъ обучался, приносили выборный ящикъ съ шарами и съ предложеніемъ императорства первому консулу, и Дивовъ положилъ направо. Тоже самое сдѣлалъ будущій нашъ декабристъ М. И. Муравьевъ-Апостолъ, также посѣщавшій одно изъ Парижскихъ училищъ. Оба они въ старости передавали мнѣ о томъ. Хотя Французскія дѣла были совершенно имъ чужды, но и они пріумножили счетъ голосовъ такъ называемаго народнаго избранія. Тутъ вспоминается намъ, какъ умѣлъ покойный профессоръ П. М. Леонтьевъ пользоваться подобнымъ наборомъ голосовъ, когда ему нужно было получить согласіе на предлагаемую имъ мѣру въ общемъ профессорскомъ собраніи. Число профессоровъ-математиковъ, юристовъ и медиковъ, къ которымъ онъ предварительно обращался, было несравненно больше словесниковъ, и возраженія Леонтьеву сихъ противниковъ уже не имѣли значенія.

*

Кончившій дни свои архіепископомъ Рязанскій Смарагдъ Крыжановскій прославился по всей Россіи человѣкомъ грубымъ и жаднымъ, имѣлъ однако много хорошихъ качествъ, о чемъ свидѣтельствуетъ архіепископъ Никаноръ въ своихъ безпристрастныхъ и умныхъ Запискахъ («Русскій Архивъ» 1906 года). Въ особенно много разсказовъ объ его Орловскомъ епископствѣ и столкновеніяхъ съ тамошнимъ губернаторомъ-

Библиотека "Руниверс"

стихотворцемъ княземъ Петромъ Ивановичемъ Трубецкимъ и его суг ругою. Предшественникомъ Смарагда въ Орлѣ былъ Евлампій, человѣк смиренный. Заступивъ его мѣсто, Смарагдъ объявилъ: «Евлампій пре вилъ духомъ кротости, а я стану править палкой по̀ кости». Тѣлесно наказаніе въ духовенствѣ было дѣломъ обычнымъ. Мы имѣемъ цѣлу книгу С. Г. Рункевича о томъ, какъ расправлялись архіереи съ своим подчиненными. Ректоры семинарій до нашихъ дней были страшилищам для учениковъ. Однако и строгости Смарагда не были удачны: прави тель его консисторіи до того разбогатѣлъ, что въ его владѣніе перешл прекрасная Орловская деревня знаменитаго И. В. Лопухина.

*

Въ 1836 году Императоръ Николай Павловичъ, во время своег путешествія по Россіи, испытывалъ всѣ неудобства ѣзды по тогдашним нашимъ дорогамъ; въ Пензенской губерніи онъ сломалъ себѣ ключицу долженъ былъ прожить не одну недѣлю въ городѣ Чембарѣ. Ему отве дено было помѣщеніе у тамошняго зажиточнаго купца. Государь был не прихотливъ и оставался доволенъ. У хозяина дома, вдовца, было дв дочери на возрастѣ и при нихъ Француженка-гувернантка. Государ допускалъ ихъ къ себѣ и однажды похвалилъ отцу дочерей его и на ставницу ихъ. «Да, Ваше Величество, благодарю Бога: она у мен утромъ мамзель, а вечеромъ мадамъ». Онъ хотѣлъ сказать, что Фран цуженка по утрамъ даетъ уроки его дочерямъ, а по вечерамъ выѣз жаетъ съ ними.

На возвратномъ пути изъ Чембаръ Государь приказалъ вести себ черезъ Москву ея окраинами, отъ Рязанской заставы по Зацѣпѣ прям въ Нескучное. О переломѣ ключицы въ Москвѣ не знали, и духовен ство изъ встрѣчныхъ церквей, торжественно съ крестомъ, выходило на встрѣчу къ царской колясѣ. Обложенному подушками Государю прихо дилось съ болью приподыматься, творить крестное знаменіе и прикла дываться ко кресту. Это его измучило и раздражило. Привезенный в Нескучное, онъ выражалъ негодованіе на митрополита Филарета и го ворилъ, что эти встрѣчи со крестомъ были нарочно имъ приказань Покойный адъютантъ Московскаго генералъ-губернатора П. П. Новосил цовъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ изумленъ на другое утро по пріѣзд Государя, увидавъ во дворцѣ Филарета, который спозаранку пріѣзжал заявить, что ему ничего не извѣстно было о болѣзни Государя.

По Москвѣ тогда прошелъ шуточный слухъ, пущенный А. С. Хо мяковымъ, будто въ гербъ городу Чембару велѣно прибавить перелом ленную ключицу.

Библиотека "Руниверс"

торыя дополнительныя къ нимъ замѣтки постараемся дать въ „Русскомъ Архивѣ“ особо. П. Б.

*

Домашній бытъ Русскихъ патріарховъ. Н. Писарева. Казань. 1904. 8-ка, XII, 278, 170 (приложенія) и X стр.

Драгоцѣнная для Русской исторіи книга, плодъ труда долгаго. Это мозаическая картина, въ которой склеено и спаяно множество мелкихъ кусочковъ, добытыхъ изъ разныхъ книгъ, и преимущественно изъ неизданныхъ доселѣ архивныхъ бумагъ. Когда прочитаешь эту книгу, вспоминается подмосковное царское село Коломенское: точно нашествіе непріятельское прошло по той мѣстности; равнодушіемъ, своей - земгѣ - чужеземствомъ опустошена прекрасная дуброва, а между тѣмъ, при внимательномъ изученіи, изъ каждаго угла глядитъ царь Алексѣй Михайловичъ съ его любовью къ природѣ, съ его своеобразнымъ изяществомъ въ сооруженіяхъ. Такъ и въ книгѣ г. Писарева: до васъ доносится изъ до-Петровской старины дыханіе тогдашней жизни; вы обоняете запахъ ладана и разнообразныхъ постныхъ яствъ, вы окружены иконами, умилены единствомъ понятій, щедротами благотворительности.

Сочинитель (или вѣрнѣе составитель) книги излагаетъ послѣдовательно весь бытъ патріарха, со вступленія его на престолъ до самой кончины; приводитъ показанія подлинныхъ бумагъ и въ примѣчаніяхъ объясняетъ значеніе словъ, вышедшихъ изъ употребленія: тутъ богатѣйшій запасъ для Русскаго словаря, и можетъ быть, окажется, что нѣкоторыя слова еще сохранились въ народномъ употребленіи гдѣ нибудь, не только въ отдаленныхъ углахъ Россіи, но даже и по близости къ Москвѣ. Со временемъ откроется, вѣроятно, возможность опредѣлить и доходы патріарховъ съ земельныхъ ихъ владѣній, которыя, конечно, мѣнялись: у Филарета, Никона и Іоакима было ихъ больше, нежели у Іосифа и Адріана. Петръ, учредивъ патріаршій приказъ, отдалъ его въ распоряженіе своего брата графа Мусина-Пушкина (у него хозяйничалъ конюшій Патріаршаго Приказа Сурминъ, отъ дочери котораго пошло богатство Воронцовыхъ).

Ничего не говорится ни объ учрежденіи, ни объ уничтоженіи патріаршества; но появленіе этой книги пригодно для нашихъ дней, когда возникла мысль о возстановленіи онаго, каковое будетъ лживо безъ возвращенія къ духовному народному строю искренняго благочестія, не дозволяющему обращать храмъ Божій въ концертную залу или употреблять иностранныя слова въ проповѣдяхъ. Совѣтуемъ вчитаться въ прекрасное письмо царя Алексѣя Михаиловича о кончинѣ патріарха Іосифа: какая жизненность изложенія, какой языкъ общепонятный и доселѣ!

П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ, присылая номеръ книги.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книги «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по **одному** рублю.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

Библиотека "Руниверс"

(45-й годъ изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907

4

Стр.

481. Записки К. В. Хлѣбникова. Главы V и VI. Севастополь.—Служба на Малаховомъ курганѣ.—Князь Васильчиковъ.—Оставленіе Севастополя.—Тотлебенъ.—Великій Князь Константинъ Николаевичъ.—Эпидемія проектовъ.

523. Къ исторіи Академіи Художествъ (Письма К. А. Ухтомскаго къ Н. А. Рамазанову).

570. Японія. Докладная записка іеромонаха Николая П. Н. Стремоухову. 1869.

616. Къ исторіи 14 Декабря 1825 (Изъ Камеръ-фурьерскаго журнала и Послужнаго списка императора Николая Павловича).

618. Изъ памятныхъ замѣтокъ К. Н. Добровольскаго (императоръ Александръ II.—Буря на Черномъ морѣ).

623. Къ жизнеописанію Ѳ. В. Чижова (его родители и сестры). А. Н. Прохоровой.

635. К. П. Побѣдоносцевъ. Его некрологъ съ выдержками изъ его дневника. П. Б.

653. Поправка (Энгельгарды) Н. Гастфрейнда.

Внутри обложки: О дневникѣ графа Валуева.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1907.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ графа П. А. Валуева (Съ 20 Іюня 1847 года по 31 Декабря 1860 года въ „Русской Старинѣ“ 1892 года; съ 2 Января 1880 года въ „Вѣстникѣ Европы“ нынѣшняго года).

Этотъ дневникъ, по своему значенію для Русской исторіографіи, можетъ быть поставленъ на ряду съ дневниками Юста-Юля, Берхгольца, Порошина, Храповицкаго, а за наше время съ дневниками Снѣгирева и Никитенка, именно по тому, что тутъ записки подневныя, а не воспоминанія, въ которыхъ иногда, по нетвердой памяти или неохотѣ самообличаться, прошедшее является въ освѣщеніи не совсѣмъ точномъ.

Пожалованный въ графы императоромъ Александромъ II-мъ Петръ Александровичъ Валуевъ (р. 1814 † 27 Января 1900) по матери своей, фонъ-деръ-Бригенъ (во второмъ бракѣ Фелькерзамъ) былъ Курляндецъ, а по отцу принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Но и тутъ было не безъ примѣси иноземной крови: мать его отца происходила отъ одной изъ дочерей извѣстнаго пастора Глюка. Она была родная сестра того Кошелева, который жилъ въ Зимнемъ дворцѣ безъ всякой должности и былъ другомъ императора Александра I-го по части сновъ, видѣній и заѣздовъ къ Господу Богу съ задняго крыльца. Дѣдъ Валуева, Петръ Степановичъ, весь показной и накрахмаленный, церемоніймейстеръ при императорѣ Павлѣ и потомъ начальникъ Кремлевской экспедиціи (Русская археологія не можетъ простить ему разрушеніе Коломенскаго прекраснаго дворца, гдѣ еще Екатерина писала свое Учрежденіе о губерніяхъ). Бабка Валуева (ур. Кошелева) скончалась всего за годъ до его женитьбы на старшей дочери князя П. А. Вяземскаго. Отъ этого брака родилось трое дѣтей, но бракъ былъ не изъ счастливыхъ. Увѣряютъ, что графъ Толстой изобразилъ этихъ супруговъ въ своей „Аннѣ Карениной“. Валуевъ овдовѣлъ въ 1848 году и женился на Вакульской (чѣмъ объясняютъ его мировоззрѣніе Полякамъ). Съ первымъ своимъ тестемъ и тещею онъ оставался въ хорошихъ отношеніяхъ: князь Вяземскій даже прогостилъ у него нѣсколько дней въ Митавскомъ Бироновскомъ замкѣ (Валуевъ былъ тогда Курляндскимъ губернаторомъ), а престарѣлую тещу свою навѣстилъ онъ въ Баденъ-Баденѣ и не утерпѣлъ назвать ее La Lionе de Bade (Баденская львица), такъ какъ она пользовалась почетомъ въ Баденскомъ обществѣ и ее навѣщалъ (тоже въ глубокой старости) императоръ Вильгельмъ, которому она однажды сказала: Sire, vous êtes un gamin en comparaison de moi (Государь, вы—мальчишка въ сравненіи со мною).

Хлесткое слово было конькомъ графа Валуева. Дневникъ его пестритъ изреченіями на Латинскомъ, Англійскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, даже Греческомъ языкахъ (жаль, что издатели не перевели ихъ по-русски). Вѣроятно онъ и думалъ иной разъ по иностранному.

Библиотека "Руниверс"

ЗАПИСКИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА ХЛѢБНИКОВА.

ГЛАВА V.

Отъѣздъ князя Меншикова.—Моя болѣзнь и вниманіе князя Горчакова.—Служба на Малаховомъ курганѣ.—Жизнь въ землянкѣ.—Князь Васильчиковъ.—Взрывъ у Николаевской батареи.—Отступленіе изъ Севастополя.—Разсѣянность князя Горчакова.—Коцебу.—Тотлебенъ и великій князь Константинъ Николаевичъ.—Эпидемія проектовъ.—Университетскій дипломъ Тотлебену.—Переводъ описанія обороны Севастополя на Русскій языкъ.

5-го Февраля 1855 г. было неудачное для насъ дѣло подъ Евпаторіею. Войска дѣйствовали подъ начальствомъ генерала Хрулева, и поэтому поводу военный министръ князь Долгоруковъ писалъ къ Меншикову: «Ce que je regrette franchement, c'est que vous ayez confié une expédition aussi importante que celle d'Eupatorie à un fou comme Хрулевъ» *). Но военный министръ упускаетъ изъ виду одно обстоятельство, что между генералами Николаевскаго времени Хрулевъ былъ не изъ числа худшихъ.

Князь Горчаковъ, отправляя Хрулева къ Меншикову, писалъ ему 3 Декабря 1854 года: «Je l'ai employé comme adjoint à Schilder pour toutes les farces que nous avons faites le printemps passé le long du Danube. C'est un hardi compère qui n'a pas beaucoup de tête, mais qui est très brave et très entreprenant».

Донесеніе объ Евпаторійскомъ дѣлѣ было, кажется, послѣднимъ донесеніемъ князя Меншикова; онъ замѣненъ былъ княземъ Горчаковымъ.

Князь Меншиковъ, возвращаясь изъ Севастополя, остановился на одинъ день въ Перекопѣ и потребовалъ меня. Выслушавъ докладъ о положеніи порученнаго мнѣ дѣла, онъ пригласилъ меня пообѣдать съ нимъ и при этомъ сообщилъ, что я обязываюсь спросить дальнѣйшихъ указаній отъ князя Горчакова. Въ этотъ день у меня заболѣла голова, я чувствовалъ сильнѣйшую боль лба и не понималъ, что со мною дѣлается. Я заболѣлъ тифомъ, который въ Перекопскомъ госпиталѣ былъ преобладающею болѣзнью.

---

*) Смотри письма С. П. Боткина изъ Болгаріи въ 1877 г. („Вѣстникъ Европы" Ноябрь 1892 г.), бывшаго врачемъ императора Александра II-го.

Библиотека "Руниверс"

Князь Горчаковъ, пріѣхавъ приблизительно около 5 Марта 1855 г. въ Перекопъ, спросилъ меня; но ему доложили, что я боленъ, и онъ поручилъ начальнику инженеровъ г.-л. Бухмейеру навѣстить меня, а узнавъ отъ него, что я лежу въ недостроенномъ домѣ и безъ всякаго присмотра, приказалъ главному врачу Перекопскаго госпиталя перенести меня при первой возможности на свою квартиру, за что я и обязанъ почтенному князю Горчакову своею дальнѣйшею жизнію. При тогдашней всеобщей неурядицѣ, брошенный на руки полупьянаго солдата, я бы неминуемо погибъ. Князь меня спасъ. Возвращеніе мое къ жизни совпало съ обновленіемъ природы; начинали показываться признаки весны, и я по временамъ былъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа, что, встрѣчая своего доктора и гостепріимнаго хозяина, возвращавшагося къ обѣду изъ госпиталя, готовъ былъ броситься къ нему на шею. Зрѣніе, слухъ и всѣ чувства, память, соображеніе и другія способности ума возвращались ко мнѣ постепенно. Принесенную мнѣ записку я не могъ прочитать, а прочиталъ ее дня черезъ два. Находившіяся у меня на рукахъ казенныя для постройки укрѣпленій деньги я не могъ провѣрить тотчасъ же какъ только явилась ко мнѣ память, а сосчиталъ ихъ сознательно гораздо позже и очень былъ успокоенъ, когда убѣдился, что всѣ деньги цѣлы и вообще все мое имущество налицо; слѣдовательно деньщикъ мой, почтенныхъ лѣтъ, изъ какого-то понтоннаго батальона, хотя и пьяненькій всегда, но былъ честный.

Во время выздоровленія моего пришло извѣстіе о кончинѣ императора Николая I-аго и восшествіе на престолъ Александра Николаевича; вмѣстѣ съ этимъ въ воздухѣ какъ бы повѣяло надеждою на скорое окончаніе войны. Къ Маю 1855 г. было уже два года, что многіе изъ насъ вели странническую жизнь или верхомъ, или въ палаткѣ, или на перекладной, или въ чужомъ домѣ:—пора бы ужъ и по домамъ.

А дѣла наши все становились хуже и хуже. Мы шли по наклонной плоскости внизъ; сунулись зачѣмъ-то въ Дунайскія княжества и хотя съ большими колебаніями, но все-таки предприняли осаду Силистріи; затѣмъ сняли эту осаду и пошли назадъ. Теперь мы здѣсь въ Крыму и все не можемъ собраться въ силахъ, чтобы побороть врага; напротивъ, противники наши все усиливаются. Лучше кончить войну, чѣмъ проливать человѣческую кровь неизвѣстно изъ за-чего. На новаго царя всѣ возлагали надежду, что онъ постарается прекратить безцѣльную бойню.

Говоря о тогдашнихъ временахъ, почтенный академикъ Александръ Васильевичъ Никитенко справедливо сказалъ въ дневникѣ своемъ («Русская Старина», Іюнь 1890 года, стр. 630): «Теперь только открывается, какъ ужасны были для Россіи прошедшія 29 лѣтъ. Администра-

Библиотека "Руниверс"

ція въ хаосѣ, нравственное чувство подавлено, умственное развитіе остановлено; злоупотребленія и воровство выросли до чудовищныхъ размѣровъ. Все это плодъ презрѣнія къ истинѣ и слѣпой вѣры въ одну матеріальную силу. Черноморскій флотъ, благодаря школѣ Лазарева, показалъ по крайней мѣрѣ высокую степень нравственной силы, тогда какъ Балтійскій флотъ, руководимый по преимуществу самимъ Государемъ, былъ далеко ниже своего Черноморскаго собрата». (Смотри объ этомъ статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ» генералъ-адъютанта Аркаса).

Къ этому только можно прибавить, что императоръ Николай I-й не успѣлъ приготовить и матеріальной-то силы, т. е. хорошо обученнаго и вооруженнаго войска. Французы и Англичане разстрѣливали нашихъ солдатъ съ дистанціи, на которой наши гладкоствольныя ружья дѣйствовать не могли; парусный флотъ нашъ не смѣлъ выйти на состязаніе съ паровымъ непріятельскимъ флотомъ. Вмѣсто безсмысленнаго вытягиванія носковъ и муштрованія требовались для военнаго дѣла знаніе и умъ, которыми у насъ долго пренебрегали. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1844 года императоръ Николай былъ въ Англіи и провелъ съ королевою Викторіею 5—6 дней. Въ письмѣ отъ 23 Мая (4 Іюня) 1844 г. къ Бельгійскому королю Леопольду королева писала о Николаѣ I-омъ: «Я не считаю его очень умнымъ, умъ его не обработанъ. Его воспитаніе было небрежно. Политика и военное дѣло—единственные предметы, внушающіе ему большой интересъ». (Императоръ Николай и иностранные дворы, историческіе очерки С. С. Татищева. 1889 г.).

Въ числѣ другихъ распоряженій князь Горчаковъ, передъ выѣздомъ изъ Перекопа, отдалъ мнѣ приказаніе черезъ генерала Богушевскаго, по выздоровленіи, прибыть къ нему въ Севастополь. Однако по выздоровленіи я получилъ приказаніе отъ начальника инженеровъ отправиться въ Одессу и Кишиневъ, и только по исполненіи возложенныхъ на меня тамъ занятій я прибылъ въ Севастополь въ концѣ Мая 1855 года.

Съ 7 по 27 Іюня я находился въ штабѣ главнокомандующаго Крымскою арміею на Инкерманскихъ высотахъ и исполнялъ должность дежурнаго штабъ-офицера въ штабѣ начальника инженеровъ, а затѣмъ я перешелъ подъ начальство Тотлебена. Сначала я жилъ съ нимъ на Бельбекѣ. Когда поднятъ былъ вопросъ о большой вылазкѣ, съ цѣлію остановить успѣшное приближеніе къ Малахову кургану осадныхъ работъ, Тотлебенъ объявилъ мнѣ, что съ инженерной стороны онъ назначаетъ меня руководить тѣми оборонительными работами, какія придется (въ случаѣ успѣшнаго наступленія нашихъ войскъ) начать возводить во время самаго боя на мѣстности, захваченной у противника для закрѣпленія нашего успѣха. Но всѣ эти предположенія откладыва-

Библиотека "Руниверс"

лись съ дня на день, и кончилось тѣмъ, что Тотлебенъ назначилъ меня старшимъ инженеромъ на Малаховъ курганъ.

Жизнь на Малаховомъ курганѣ въ то время была весьма тяжкая. Всѣ инженерные и саперные офицеры, завѣдывавшіе каждый работами на извѣстномъ участкѣ оборонительной линіи, жили въ одномъ блиндажѣ, перегороженномъ на двѣ половины. Одну половину занимали мы, постоянные обитатели блиндажа, а другая половина была для гостей, для тѣхъ старшихъ штабъ-офицеровъ, подъ командою коихъ приходили на ночь команды рабочихъ. Спали мы на деревянныхъ скамейкахъ или на походныхъ складныхъ кроватяхъ, не раздѣваясь; прислуги у насъ не было, а какой-то солдатикъ приносилъ намъ для обѣда супникъ съ супомъ или щами, которые готовились въ Корабельной Слободкѣ, и не помню, было ли къ этому еще какое нибудь блюдо. Днемъ мы обыкновенно спали или валялись на своихъ постеляхъ; но помню такой діалогъ. Былъ жаркій день, въ 3—4 часа пополудни въ блиндажѣ было очень душно, мы лежали полураздѣтые; среди общаго молчанія слышится голосъ Орды. «Насакинъ, нѣтъ ли у тебя гроша?—Нѣтъ, мой другъ, давно ужъ ничего нѣтъ, а зачѣмъ тебѣ грошъ? переспрашиваетъ юный Насакинъ.—Хочется арбузъ купить, меня мучаетъ жажда», отвѣчаетъ Орда. И затѣмъ водворяется опять общее молчаніе, каждый желаетъ немного уснуть. Къ вечеру же начиналась дѣятельность. На курганъ являлись саперные унтеръ-офицеры съ записочками и докладывали мнѣ, какой нарядъ рабочихъ состоялся на все наше отдѣленія оборонительной линіи. Разрушеніе верковъ на курганѣ и ближайшихъ къ нему батареяхъ было въ эту эпоху обороны Севастополя страшное, и хотя темнѣло въ Августѣ довольно рано, но пользоваться долгою ночью для работъ вполнѣ мы не могли, такъ какъ осаждающій билъ курганъ и прилегающія батареи съ близкихъ дистанцій. Пристрѣлявшись днемъ, противникъ продолжалъ мѣткій огонь и ночью; поэтому потеря у насъ въ рабочихъ была непомѣрная, а выноскою убитыхъ и тяжело раненыхъ еще болѣе умножалась убыль въ рабочей силѣ. Посему понятно, что мы, производители работъ, всегда запрашивали побольше рабочихъ, чтобы лучше обезпечить успѣхъ ночной работы и по крайней мѣрѣ доставить къ разсвѣту возможность возстановить дѣйствіе каждаго орудія. Но въ виду общей потери въ гарнизонѣ отъ частыхъ бомбардировокъ, было невозможно удовлетворить всѣ наши требованія, и каждый день присылали рабочихъ въ числѣ далеко меньшемъ, нежели мы просили. По прочтеніи состоявшагося наряда, начинался обыкновенно между производителями работъ оживленный разговоръ: каждый доказывалъ, что ему надо дать больше рабочихъ; наконецъ дѣло это такъ или иначе

Библиотека "Руниверс"

улаживалось. Мы принимались въ ожиданіи привода рабочихъ за чай и затѣмъ расходились по своимъ работамъ.

Ночи въ Августѣ мѣсяцѣ были довольно свѣжія; кителя на офицерахъ давно уже истрепались, костюмировка вообще вся обносилась, сапоги на каменистой почвѣ также разваливались, заниматься починкою и возобновленіемъ одежды было некому и невозможно на такихъ убійственныхъ пунктахъ, какъ Малаховъ курганъ, куда мы считали несправедливымъ для обыкновеннаго намъ прислуживанія брать своихъ деньщиковъ. Мы тамъ были какъ будто бы какіе-нибудь ссыльные на каторжной работѣ со всевозможными лишеніями обыкновенной нашей жизни. Какъ вновь прибывшій, я представлялъ противъ другихъ своихъ товарищей полное исключеніе: у меня была и одежда и деньги, которыхъ давно не было у моихъ сослуживцевъ, не получавшихъ жалованья по нѣскольку мѣсяцевъ.

Понятно, что все принесенное мною на курганъ по части закусокъ и вина было расхватано въ первые же дни; но на этомъ дѣло не остановилось. Одинъ изъ храбрѣйшихъ и наиболѣе ревностныхъ офицеровъ былъ весьма юный офицеръ Орда. Онъ совсѣмъ обносился и въ свѣжія ночи ему жутко приходилось отъ холода, такъ что я долженъ былъ предложить ему мою шинель; но онъ отказался отъ шинели, а срѣзалъ отъ нея капюшонъ, собралъ складками на шнурокъ верхній край капюшона и, прорѣзавъ двѣ дыры для рукъ, устроилъ себѣ кофточку или камзолку, въ которой и бѣгалъ ночью по своимъ работамъ. «У меня прекрасно на работѣ, говорилъ онъ, раненыхъ совсѣмъ нѣтъ, ядрами снимаетъ только головы». И дѣйствительно стоило только пройтись по работѣ (состоявшей въ устройствѣ за курганомъ второй оборонительной линіи, на случай, когда придется оставить совсѣмъ уже разбитый 2-й бастіонъ), чтобы убѣдиться, что снаряды противника пролетаютъ надъ работою на высотѣ человѣческаго роста и снимаютъ только головы. Безжизненные трупы повсюду валяются безъ всякой уборки; люди ходятъ, носятъ на брустверъ землю, и вдругъ человѣкъ падаетъ обезглавленный: ни стона, ни крика, и куда ни посмотришь, вездѣ безпрестанно повторяется одно и тоже. Среди темноты ночи появлялись иногда телѣги, назначенныя подбирать убитыхъ.

Изъ всѣхъ лишеній жизни въ блиндажѣ для меня самое тягостное было ходить за извѣстною надобностію; для этого за горжею былъ нами избранъ уголокъ въ развалинахъ какой-то стѣны, и сначала мѣсто это не представляло никакихъ особенныхъ неудобствъ, но въ Августѣ мѣсяцѣ оно обстрѣливалось штуцерными пулями изъ ближайшихъ Французскихъ подступовъ и сдѣлалось въ такой мѣрѣ опаснымъ, что послѣ того какъ погибъ тамъ одинъ или два офицера, мы въ слу-

Библиотека "Руниверс"

чаѣ если кто долго не возвращался, посылали справиться, не убитъ ли отсутствующій. Все же остальное—голодъ, неизбѣжная нечистоплотность, безсонныя ночи и постоянная опасность, а подчасъ и земляная мышь, падавшая на лицо изъ накатника блиндажа, все это переносилось очень легко.

Никто изъ насъ и не ожидалъ такого штурма на Малаховъ курганъ, какой состоялся 27 Августа 1855 г. Правда, что амбразуры у насъ разрушались безпрерывно, брустверa осыпались и засыпали ровъ; ровъ передъ переднимъ фасомъ сдѣлался такъ ничтоженъ, что когда завѣдывавшій устройствомъ контръ-минной системы шт.-кап. Клугенъ повелъ меня на свои работы и мы вышли въ ровъ, то Французы тотчасъ же открыли по насъ стрѣльбу, и мы принуждены были лечь на дно рва и оттуда ползкомъ добрались до входа въ контръ-мины. Тѣмъ не менѣе мы, инженеры и саперы, ни особаго утомленія, ни безнадежности нашихъ усилій не сознавали. Всѣ мы были бодры духомъ и тѣломъ и готовы продолжать свои труды, казалось, сколько угодно.

Нѣчто иное проглядывало въ офицерахъ пѣхоты, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ, которые приходили съ рабочими командами. Штабъ и оберъ-офицеры казались мнѣ утомленными, безъ всякой энергіи; къ успѣху работъ они относились совершенно безучастно; какая-то апатія и безнадежность читались на ихъ лицахъ. Орда бранился безцеремонно съ этими офицерами за то, что они не хотѣли присматривать за своими людьми и всѣ прятались въ нашъ блиндажъ.

16 Августа былъ тихій теплый вечеръ. Обойдя работы по кургану и получивъ нѣсколько ударовъ въ грудь и въ бокъ отъ камней, разлетавшихся во всѣ стороны при паденіи бомбъ въ каменистую почву, я остановился у нашего блиндажа и, любуясь звѣзднымъ небомъ, сталъ опершись на наружный столбъ входа въ блиндажъ. Вдругъ я былъ пораженъ, увидѣвъ, что столбъ, поддерживавшій накатникъ и землю надъ входомъ, толщиною въ 8 или 9 вершковъ, глубоко врытый, замѣтно покачнулся и затѣмъ тотчасъ-же принялъ прежнее свое положеніе. Въ это самое время что-то грохнуло на блиндажъ. Первая мысль моя была, что бомба разрушила нашъ блиндажъ; но осмотрѣвшись, мы убѣдились, что бомба дѣйствительно упала, но не на блиндажъ, а непосредственно подлѣ него; сотрясеніе же блиндажа послѣдовало отъ взрыва на Французскихъ батареяхъ (на Камчатскомъ курганѣ) пороховаго погреба, въ коемъ хранилось около 600 пудовъ пороха. Паденіе бомбы у блиндажа и взрывъ пороховаго погреба у Французовъ послѣдовали одновременно. На другой день, поздно вечеромъ, привели ко мнѣ для допроса плѣннаго Англійскаго солдата, который показалъ, что при вчерашнемъ взрывѣ Французскаго пороховаго погреба, къ нимъ, Англичанамъ, въ

Библиотека "Руниверс"

траншеи передъ 3-мъ бастіономъ, принесло одно бревно изъ накатника и убило и поранило нѣсколько человѣкъ. Какова же это сила—взрывъ 600 пудовъ пороха! Покачнуло нашъ массивный блиндажъ на разстояніи около 270 сажень и отбросило бревно въ Англійскую атаку.

Въ то время когда я жилъ вмѣстѣ съ Тотлебеномъ на Бельбекѣ, въ долинѣ, покрытой сплошь виноградниками, въ одно утро всѣ жильцы дома, а именно Тотлебенъ, раненый саперный офицеръ Иванъ Ивановичъ Денъ, морской врачъ, я и вся наша прислуга, всѣ мы безъ исключенія заболѣли Крымскою лихорадкою. Пароксизмы черезъ день состояли изъ озноба, который смѣнялся сильною дрожью или трясеніемъ всего тѣла, послѣ чего наступалъ сильный сухой жаръ, а за нимъ обильная испарина. У меня пароксизмы начинались обыкновенно ровно въ 12 часовъ дня, и каждый изъ четырехъ фазисовъ продолжался ровно часъ, ни больше, ни меньше. Морской врачъ, приставленный къ Тотлебену по распоряженію хирурга Гюббенета, безъ дальнихъ объясненій закатилъ каждому изъ насъ по дозѣ хинина, должно быть очень сильной, и лихорадка сразу прекратилась. Но здѣсь, на Малаховомъ курганѣ, она снова принялась трепать меня; случалось, что наканунѣ дня пароксизма у меня былъ жаръ, и все тѣло покрывалось какими-то волдырями, которые вскорѣ проходили сами собою. Такъ какъ время пароксизмовъ было днемъ, а главная работа по исправленію поврежденій на батареяхъ производилась ночью, то я прималчивалъ о своей болѣзни и продолжалъ работу.

Ежедневно, передъ вечеромъ, на Малаховъ курганъ приходилъ къ намъ старшій инженерный офицеръ, завѣдывавшій всѣми оборонительными работами на лѣвой половинѣ всей сухопутной обороны Севастополя, начиная съ 3-го бастіона и прилегающихъ къ нему батарей до 1-аго бастіона включительно. Это былъ инженеръ-полковникъ Геннерихъ. Онъ осматривалъ состояніе верковъ на Малаховомъ курганѣ и рѣшалъ, что̀ надлежитъ дѣлать безотлагательно и съ какими работами можно еще повременить.

Придя на Малаховъ курганъ 26 Августа, полковникъ Геннерихъ передалъ мнѣ, что Тотлебенъ приказалъ мнѣ явиться къ нему, а обязанности, лежавшія на мнѣ, передать старшему по себѣ инженеру. Лихорадка порядочно уже подточила мои силы, и потому я сознавалъ необходимость выбраться съ Малахова кургана, и до назначенія моего сюда я состоялъ при Тотлебенѣ для составленія донесеній главнокомандующему о положеніи дѣлъ въ Севастополѣ и соображеній Тотлебена о средствахъ къ продленію обороны. Посему я совершенно предугадывалъ, какого рода занятія ожидаютъ меня у Тотлебена. У него не было навыка излагать письменно свои мысли и соображенія, и къ тому же

Библиотека "Руниверс"

онъ не владѣлъ вполнѣ Русскимъ языкомъ, и потому былъ очень радъ и высказывалъ мнѣ это нѣсколько разъ, что онъ очень доволенъ, встрѣтивъ во мнѣ способность писать хорошимъ Русскимъ языкомъ.

Пока я успѣлъ на курганѣ собрать свои пожитки и пройти черезъ Корабельную Слободку на Павловскій мысокъ, уже порядочно стемнѣло, и потому я не поѣхалъ на Сѣверную сторону, а перебрался чрезъ южную бухту къ Графской пристани и рѣшилъ ночевать въ Николаевской батареѣ, гдѣ жили завѣдывавшіе всею оборонительною линіею полковникъ Гарденеръ и Геннерихъ и при нихъ нѣсколько инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Выйдя изъ шлюпки на Графскую пристань, я долго любовался картиною рейда, озареннаго огнемъ горѣвшаго у сѣверной пристани транспорта «Березань», который былъ зажженъ непріятельскою бомбою. Ночь была темная, небо звѣздное, воздухъ совершенно спокоенъ, ни малѣйшаго вѣтерка, а бомбы плавно носились для оживленія всей этой картины.

Войдя въ казематы Николаевской батареи, занятые инженерами, я нашелъ тамъ большое оживленіе. Во главѣ другихъ былъ начальникъ штаба Севастопольскаго гарнизона свиты его величества ген.-м. князь Васильчиковъ. Стройная высокая фигура князя съ умнымъ, всегда спокойнымъ лицомъ, была чрезвычайно симпатичная. Этотъ человѣкъ, беззавѣтно храбрый, никогда не рисовался и никогда не выставлялъ своихъ заслугъ, а между тѣмъ работалъ для общаго дѣла какъ никто. На Малаховомъ курганѣ, я помню, онъ пріѣзжалъ къ намъ на конѣ, въ такія ночи адской бомбардировки кургана изъ 100 орудій, что, кажется, ни одинъ человѣкъ, сохранившій въ себѣ каплю прирожденнаго чувства самосохраненія, не высунетъ носа безъ крайней необходимости; а онъ пріѣдетъ, бывало, очень спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, и тихо, не возвышая голоса, безъ малѣйшей торопливости, спроситъ, какъ идутъ дѣла, выполненъ ли исправно нарядъ рабочихъ и не терпимъ ли мы какой нужды. На такіе вопросы приходилось просить объ одномъ: присылать повозки для уборки убитыхъ, отъ которыхъ намъ не было прохода на работахъ; то и дѣло, что натыкаешься и падаешь на безжизненный трупъ. Мнѣ казалось и прежде и теперь, что истинныя заслуги князя Васильчикова никогда не были оцѣнены въ той мѣрѣ, какъ они этого заслуживали. Выполненіе войсками, подъ близкимъ огнемъ непріятеля, ночныхъ инженерныхъ работъ, дѣло чрезвычайно трудное. Князь Васильчиковъ не вступалъ въ переписку (какъ бы сдѣлали очень охотно многіе) съ инженернымъ вѣдомствомъ о выполненіи или невыполненіи войсками наряда и не переписывался съ частями войскъ по этому предмету. Онъ понималъ, что это живое и въ высшей степени важное дѣло не допускаетъ бюрократической рутины, что оно требу-

Библиотека "Руниверс"

етъ живого способа обмѣна вопроса и отвѣта, и пришелъ къ убѣжденію, что никто не исполнитъ этого дѣла такъ успѣшно, какъ онъ самъ. Работать по цѣлымъ днямъ въ штабѣ и за тѣмъ ночью объѣзжать всю оборонительную линію (7 верстъ) могъ только князь Васильчиковъ.

Не знаю какъ на другихъ бастіонахъ, но на Малаховомъ курганѣ князь не довольствовался вопросомъ на счетъ наряда войскъ, но спрашивалъ еще: «не нужно ли вамъ еще чего нибудь?» Въ послѣдніе дни обороны мы просили князя прислать подводы для уборки труповъ, препятствовавшихъ успѣшному ходу работъ. Всѣ кричали про одного Тотлебена, въ особенности же въ этомъ усердствовали Нѣмцы. Во время еще обороны Севастополя не умственно, а чувственно развитыя Нѣмки писали ему весьма чувствительные и слащавые стихи, играя словами Tod и Leben, и Тотлебенъ очень любилъ читать и перечитывать эти сантиментальныя, но по правдѣ сказать, довольно пустыя произведенія Нѣмецкаго ума. А думается мнѣ, что безъ князя Васильчикова, оборона Севастополя не имѣла бы и половины успѣха, какой былъ достигнутъ въ дѣйствительности. Имя князя Виктора Илларіоновича Васильчикова достойно стоять на ряду съ именами Горчакова, Корнилова, Нахимова, истинныхъ рыцарей Севастопольской обороны, которые не рисовались, не думали о чинахъ и крестикахъ, а болѣе всего пылали желаніемъ отстоять честь Русскаго имени и дорогой свой Севастополь.

Но, коснувшись личности князя Васильчикова, я отошелъ отъ нити разсказа. Кромѣ начальника штаба были начальникъ артиллеріи Севастопольскаго гарнизона генералъ Шейдеманъ и полковники Гарднеръ и Геннерихъ. Они обсуждали о вылазкѣ, которую признавалось необходимымъ сдѣлать отъ Малахова кургана, съ цѣлію разрушить ближайшіе непріятельскіе подступы. Въ сосѣднемъ же казематѣ сидѣли мои сослуживцы, къ которымъ и я присоединился. Мы обмѣнивались вынесенными на бастіонахъ впечатлѣніями. Я только что прибылъ съ Малахова кургана, другой офицеръ съ 5-го бастіона; кромѣ того сюда стекались донесенія со всѣхъ пунктовъ оборонительной линіи о потерѣ убитыми и ранеными своихъ товарищей. Вдругъ раздался страшный ударъ. Все огромное зданіе Николаевской батареи потряслось до основанія, и въ тоже время двери въ сосѣдній казематъ, гдѣ совѣщались о вылазкѣ, растворились, и оттуда показалась фигура начальника артиллеріи, который кричалъ отъ полученной раны и шелъ полусогнувшись, поддерживаемый двумя офицерами. На галлереѣ Николаевской батареи размѣщенъ былъ батальонъ, и люди спали тамъ уже спокойно; но сильный ударъ мгновенно поднялъ ихъ на ноги, они въ испугѣ, со сна, безсознательно метались изъ стороны въ сторону, не зная, въ какую сторону рухнетъ все колоссальное зданіе батареи. На плацу у самой

Библиотека "Руниверс"

батареи была расположена бивуакомъ полевая батарея, и лошади были на коновязахъ; всѣ онѣ шарахнулись и скакали въ разные концы. Мы, сидѣвшіе за чаемъ, выскочили на галлерею и не могли понять въ чемъ дѣло, но скоро убѣдились, что произошелъ сильный взрывъ близъ батареи. Молодежь между нами побѣжала по галлереѣ къ окнамъ, гдѣ жили сестры милосердія, посмотрѣть въ окна, что̀ дѣлается у молодыхъ и хорошенькихъ женщинъ, которыя съ испуга должны были повыскакать съ своихъ кроватей; всѣ онѣ дѣйствительно уже спали, когда послѣдовалъ взрывъ баржи; всѣ окна у нихъ вырвало, сестры испугались и, открытыя со всѣхъ сторонъ взорамъ алчныхъ мущинъ, въ однѣхъ рубашкахъ, подняли пискъ и визгъ невообразимые.

Чрезъ часъ или два мы уже знали, что двѣ баржи, нагруженныя порохомъ, подтягивались съ Сѣверной стороны къ Графской пристани, и въ одну изъ нихъ попала боевая ракета. Мгновенно послѣдовалъ взрывъ, отъ котораго другая баржа затонула. При этомъ погибли бывшіе на баржахъ матросы, лейтенантъ князь Кекуатовъ и тяжело раненъ капитанъ 2-го ранга Лихачевъ. Сильно пострадала Графская пристань, а лежавшія на ней двѣ тяжелыя пушки подбросило на верхнюю площадку лѣстницы. Когда я вошелъ въ казематъ, въ которомъ была поставлена для ночлега моя походная кровать, то былъ удивленъ, увидавъ, что присланная оконная рама (не закладная), находившаяся въ амбразурѣ, съ обѣими половинками оконнаго переплета, растворенными, находилась на столикѣ у изголовья кровати, а когда я приподнялъ одѣяло, лежавшее, кажется, въ порядкѣ какъ было постлано, то нашелъ на простынѣ подъ одѣяломъ мелкіе куски стеколъ изъ оконнаго переплета; значитъ, отъ взрыва, когда оконный переплетъ съ рамою летѣлъ отъ амбразуры на столикъ, одѣяло было приподнято сильнымъ движеніемъ воздуха.

На другой день, 27 Августа, когда я отправился къ Тотлебену, начался штурмъ Малахова кургана. Я поспѣшилъ взобраться на вершину берега рейда на Сѣверной сторонѣ, откуда было бы лучше наблюдать различныя перепетіи этой драмы. Мнѣ явственно видны были атаки Французовъ на куртину между Малаховымъ курганомъ и 2-мъ бастіономъ. Эти атаки повторялись 5 или 6 разъ, и когда я видѣлъ стройныя линіи атакующаго, идущаго на штурмъ (какъ казалось, съ твердою непоколебимостью) сердце замирало; ибо казалось, что вотъ этотъ разъ Французы дойдутъ и одолѣютъ нашихъ. Но въ нѣсколько секундъ линія рѣдѣетъ, люди падаютъ, и наконецъ вся густая цѣпь исчезаетъ, какъ бы ложится для того, чтобы стрѣлять по обороняющемуся и затѣмъ снова кинуться на штурмъ. Но такой стрѣльбы не видно, и люди не встаютъ. Прошло нѣсколько минутъ, и снова изъ траншеи

Библиотека "Руниверс"

выходитъ смѣлымъ шагомъ новая густая цѣпь, съ которою повторяется тоже самое: она также растаиваетъ какъ и предыдущая.

Вотъ вижу вдали, со стороны Французскихъ резервовъ надвигается какая-то черная масса; ближе, и я различаю двѣ батареи полевой артиллеріи, которыя стремятся занять позицію противъ 2-го бастіона и куртины; но въ артиллеріи происходитъ какое-то замѣшательство, не видать болѣе стройныхъ движеній, ѣздовые валятся, падаютъ лошади, и двѣ батареи хотя и успѣли сняться съ передковъ, но могли сдѣлать лишь нѣсколько выстрѣловъ. Обѣ батареи погибли здѣсь въ самое короткое время.

Съ пункта, который я избралъ для наблюденій, были видны вся лѣвая половина Малахова кургана, куртина, 2-ой бастіонъ и вся лѣвая оконечность оборонительной линіи, такъ что предъ моими глазами происходила главная часть боя, въ которомъ съ нашей стороны погибло до 13 т. человѣкъ, а со стороны атакующаго около 10 т. человѣкъ. Рѣдко кому случалось наблюдать столь колоссальное побоище и видѣть всѣ перипетіи упорной, ожесточенной борьбы. Впереди и сзади нашихъ укрѣпленій поля были покрыты убитыми и ранеными, валявшимися и ворочавшимися по землѣ въ различныхъ позахъ, опрокинутыми орудіями, трупами лошадей. Такая картина если и поддается кисти художника, съ трудомъ можетъ быть изображена перомъ, скорѣе устною передачею; впечатлѣніе же испытываемое наблюдателемъ едва ли можетъ быть передано другому.

Севастополь было рѣшено оставить.

На Сѣверной сторонѣ я поселился въ палаткѣ вмѣстѣ съ Мартыномъ Михайловичемъ Бородатовымъ; палатку мы распорядились разбить на пунктѣ, который намъ казался удобнымъ для наблюденій за тѣмъ, что̀ дѣлалось на родномъ нашемъ пепелищѣ.

Всю ночь съ 27 на 28 Августа слышно было движеніе войскъ, выходившихъ изъ Севастополя; моряки тащились съ разнымъ домашнимъ скарбомъ, и многіе съ женами и дѣтьми; на бастіонахъ начали происходить взрывы, что̀ служило доказательствомъ, что всѣ съ этого пункта уже выбрались; съ другихъ же бастіоновъ продолжали рѣдкую стрѣльбу.

28-аго Августа, утромъ, усѣвшись на своемъ наблюдательномъ посту, я испыталъ чувство облегченнаго сердца: никакой канонады нѣтъ, жизнь человѣческая не гибнетъ уже сотнями и тысячами; теперь же тихо, люди не погибаютъ. Это отрадно, но съ другой стороны мнѣ жаль бы лоСевастополя. Послѣ полудня взлетѣла на воздухъ Александровская батарея, а 29 Августа, на моихъ глазахъ, взлетѣла на воздухъ Павловская батарея. Громадное зданіе это, построенное на мысу,

Библиотека "Руниверс"

между рейдомъ и южною бухтою, состояло изъ подвальнаго этажа, трехъ этажей для орудій и открытой платформы съ каменнымъ парапетомъ. Все зданіе было построено изъ песчаника, всѣ этажи покрыты сводами, а стѣны, поддерживавшія эти своды, были значительной толщины. Подвальный этажъ занятъ былъ во время обороны порохомъ, и для взрыва батареи приложенъ былъ къ этому пороху зажженый стопинъ. Зданіе взлетѣло все разомъ въ видѣ безформенной массы, окруженной множествомъ отдѣльныхъ камней, пылью и пороховымъ дымомъ; полетъ былъ быстрый и высокій. Кверху полета, изъ общей массы взлетѣли выше отдѣльныя части, конусоидальной формы; острыя формы постепенно превращались въ округленныя, а въ это же самое время сотни тысячъ камней падали кругомъ мыса въ воду, какъ частый крупный дождь; еще нѣсколько секундъ, и вѣтеръ пронесъ въ сторону дымъ и пыль, а на мѣстѣ высокаго, большого зданія очутился небольшой холмикъ съ остроконечною вершиною.

Въ зрительную трубу видно было, какъ нѣсколько нашихъ матросовъ продолжали спасать свое имущество и выносили изъ домишекъ Корабельной Слободки большіе узлы. Непріятель не вступалъ въ городъ, опасаясь взрывовъ пороховыхъ погребовъ, которые происходили на различныхъ пунктахъ оборонительной линіи; но отдѣльные солдаты непріятельской арміи успѣли пробраться въ городъ для грабежа. Одинъ изъ нихъ взобрался на колокольню собора и принялся звонить; а флагштокъ на корабельномъ кранѣ, при входѣ въ доки, загорѣвшійся 27 Августа, продолжалъ, въ недосягаемой своей высотѣ, горѣть какъ свѣчка надъ общимъ гробомъ нѣсколькихъ тысячъ покойниковъ!.....

Пользуясь свободными минутами, я заглянулъ въ управленіе генералъ-квартирмейстера повидаться съ своими прежними сослуживцами и потолковать, а послѣ зашелъ къ П. К. Менькову, который занимался веденіемъ журнала военныхъ дѣйствій арміи и былъ въ ежедневныхъ личныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ.

Петръ Кононовичъ много поразсказалъ мнѣ интереснаго и между прочимъ говорилъ, что князь Горчаковъ съ дня на день все дѣлается болѣе и болѣе разсѣяннымъ и забывчивымъ. Князь давно уже рѣшилъ отступленіе наше изъ Севастополя и потому сильно торопилъ Бухмейера устройствомъ плотоваго моста черезъ рейдъ. Князь самъ взялся составить проектъ постепеннаго оставленія Севастополя и порядочно таки поработалъ надъ этимъ дѣломъ, и когда проектъ былъ оконченъ (что составляло нѣсколько листовъ мелкаго письма рукою князя), то пожелалъ, чтобы начальникъ штаба ознакомился съ этимъ дѣломъ, и потому послѣ его доклада князь предложилъ генералъ-адъютанту Коцебу взять съ собою этотъ проектъ для прочтенія. Коцебу, просмотрѣвъ листы,

Библиотека "Руниверс"

замѣтилъ, что недостаетъ одного только перваго листа. Начались поиски сперва на рабочемъ столѣ князя, а затѣмъ и по всей квартирѣ, но листа не находилось, и Коцебу началъ пересматривать всѣ бумаги своего доклада, а князь между тѣмъ повалился на диванъ и приказалъ послать за Меньковымъ, объясняя, что онъ только что передъ тѣмъ былъ у князя со своимъ журналомъ и что вѣроятнѣе всего это онъ захватилъ первый листъ проекта. Меньковъ немедленно явился и, узнавъ въ чемъ дѣло, принялся снова за бумаги князя на столѣ, ибо былъ увѣренъ, что онъ не могъ захватить съ собою бумаги князя. Перешаривъ на столѣ и всюду, Меньковъ обратился къ князю съ предложеніемъ встать съ дивана. Князь безмолвно повиновался, но перваго листа все-таки не находилось ни на диванѣ, ни подъ диваномъ. Тогда маленькій Коцебу сейчасъ же сообразилъ дѣло и спросилъ князя: когда онъ началъ писать этотъ проектъ? Князь отвѣчалъ, что началъ писать вчера послѣ всѣхъ докладовъ. Тогда Коцебу, не говоря ни слова, прямо напрявляется въ переднюю, гдѣ сидѣли казаки.

— А кто изъ васъ провожалъ вчера главнокомандующаго во время его обычной ежедневной прогулки?

— Я, ваше высокопревосходительство, отозвался одинъ изъ казаковъ.

— Гдѣ прогуливался его сіятельство, и что онъ дѣлалъ? спросилъ Коцебу.

— Его сіятельство вчера, какъ завсегда, отвѣчалъ казакъ, пошли сначала вотъ на эвтотъ бугорокъ, что позади дома, смотрѣли долго на Севастополь, а потомъ повернули къ дорогѣ, что спускается въ балку и въ это время начали дергать такъ правою рукою (при этомъ казакъ сдѣлалъ движеніе похожее на движеніе руки пишущаго человѣка); а какъ спустились въ балку, то оттелева изволили пройти берегомъ прямо домой и все время продолжали такъ чудно дергать правою рукою.

Выслушавъ казака, Коцебу возвратился въ кабинетъ князя и сказалъ ему:—Вы, князь, по всей вѣроятности, первый листъ написали на воздухѣ и когда пришли съ прогулки домой, то сѣли и принялись писать прямо второй листъ.

— «Вотъ вздоръ какой!» возразилъ князь своею обычною въ подобныхъ случаяхъ фразою, но черезъ минуту онъ передалъ Коцебу свои соображенія, съ чего должно начаться постепенное оставленіе Севастополя: выносъ знаменъ, выносъ казенныхъ ящиковъ, принадлежащихъ разнымъ управленіямъ и частямъ войскъ и пр. и пр. Начальникъ штаба, выслушавъ указанія князя, обѣщалъ на слѣдующій же день

Библиотека "Руниверс"

принести возстановленный первый листъ и весь проектъ съ своимъ мнѣніемъ. Тѣмъ и окончилась эта комическая сцена.

Въ теченіе всей послѣдующей моей жизни мнѣ часто вспоминалась замѣчательная личность князя М. Д. Горчакова, и всегда я думалъ о немъ съ большимъ уваженіемъ.

Отзывъ о немъ почтеннаго автора «Восточная война 1853—1856» показался намъ нѣсколько холоднымъ и въ нѣкоторыхъ очертаніяхъ не вполнѣ вѣрнымъ. М. И. Богдановичъ говоритъ, напримѣръ, что князь Горчаковъ терялся на всякомъ шагу; разсѣянный, забывчивый, суетливый, онъ, при всѣхъ высокихъ душевныхъ качествахъ своихъ, былъ обреченъ безсилію, и самъ какъ бы сознаваясь въ томъ, жаловался на то, что «судьба судила ему пережить цѣлый рядъ дѣлъ доблестныхъ, много дней кровавыхъ, но немного дней радостныхъ!»

Да, дѣйствительно, у князя было немного дней радостныхъ, и конечно ихъ не было ни одного во всю Восточную войну, за исключеніемъ, можетъ быть, дня отбитія штурма союзныхъ войскъ 6 Іюня 1855 г. Но кто же теперь не знаетъ, кому Россія обязана за эту несчастную и губительную войну? Я не могу согласиться съ отзывомъ М. И. Богдановича. Мнѣ лично пришлось находиться подлѣ князя во время переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай у Браилова, и въ эту минуту я не узналъ князя. Ни малѣйшей суетливости или разсѣянности и слѣдовъ не было; полное спокойствіе, вниманіе къ дѣлу—вотъ что̀ отличало князя въ это время; всѣ приказанія онъ отдавалъ отчетливо и совершенно спокойно, какъ будто бы это была не битва, а простое ученье войскъ. Прослуживъ непосредственно подъ глазами князя около двухъ лѣтъ, когда мнѣ случалось видѣть и говорить съ княземъ по нѣскольку разъ въ день, я никогда не видалъ его суетливымъ и никакъ не могъ предполагать его способнымъ къ заискиванію; для этого у него достаточно было прямоты и самоуваженія.

Затѣмъ могу сказать, что въ Севастополѣ когда еще никто ни въ Россіи, ни въ самомъ Севастополѣ не рѣшался говорить объ отступленіи, князь Горчаковъ первый пришелъ къ заключенію, что отстаивать долѣе Севастополь намъ невыгодно, и потому рѣшилъ оставить его при первомъ удобномъ къ тому случаѣ. Разъ что князь пришелъ къ такому рѣшенію капитальнѣйшаго изъ всей войны вопроса, рѣшенію тяжелому для такого горячаго патріота, какимъ былъ князь, онъ немедленно занялся всѣми предварительными къ тому распоряженіями, не справляясь съ тѣмъ, что̀ скажутъ въ Петербургѣ или все Русское общество. Князь тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе къ ускоренію работъ по устройству моста черезъ рейдъ, моста, который дол-

Библиотека "Руниверс"

женъ былъ служить единственнымъ путемъ для перевода всѣхъ войскъ защищавшихъ Севастополь изъ города, на сѣверную сторону рейда.

Да и самое отступленіе войскъ изъ Севастополя по мосту, который былъ на глазахъ у противниковъ, представляетъ грандіознѣйшую военную операцію, крайне опасную и которая между тѣмъ совершилась вполнѣ благополучно, благодаря только распорядительности и заботливости одного князя Горчакова. Вѣдь начальникъ штаба его генералъ-адъютантъ Коцебу не былъ ему помощникомъ, относясь ко всѣмъ кровавымъ страницамъ Русской исторіи съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Весь планъ отступленія изъ Севастополя, какъ въ общихъ наиболѣе характерныхъ чертахъ, такъ и во всѣхъ его подробностяхъ, былъ сработанъ однимъ только княземъ Горчаковымъ.

27 Августа 1855 г. въ день штурма, всѣ съ уваженіемъ смотрѣли на спокойное по наружности лицо главнокомандующаго, сохранившаго полное самообладаніе. Убѣдившись лично, что союзники имѣли успѣхъ только на одномъ пунктѣ, именно на Малаховомъ курганѣ, а на прочихъ были отбиты, князь призналъ, что наступилъ моментъ удобный для оставленія Севастополя, и потому тотчасъ же приказалъ объявить по гарнизону Севастополя напередъ составленную имъ диспозицію для перехода на Сѣверную сторону, а самъ отправился на Малаховъ курганъ, въ самый жаръ боя, чтобы еще разъ убѣдиться въ невозможности вырвать изъ рукъ Французовъ укрѣпленія кургана. Ни суетливости, не противорѣчащихъ приказаній, ничего этого не было; князь все время былъ твердъ и наружно спокоенъ, и всѣ знавшіе уже о рѣшеніи его отступить, какъ сказано въ «Описаніи обороны Севастополя», твердо вѣрили въ величіе души и въ глубокую любовь къ Россіи своего доблестнаго вождя и знали, что онъ не предприметъ и не допуститъ ничего не согласнаго съ честью и достоинствомъ Русской арміи. Онъ оставался въ Севастополѣ до выхода послѣдней части войскъ; эти минуты прекрасно описаны княземъ Васильчиковымъ («Русскій Архивъ 1891 г.).

Недолго довелось мнѣ прощаться съ дорогимъ мнѣ Севастополемъ: Тотлебенъ желалъ перебраться въ Симферополь, и я долженъ былъ ѣхать съ нимъ. Въ Симферополѣ мы прожили 3—4 дня. 9-го Сентября получено было приказаніе главнокомандующаго ѣхать Тотлебену немедленно въ Николаевъ, куда въ это время ѣхалъ уже императоръ Александръ II-й.

Мы отправились въ Николаевъ и тамъ заняли, если не ошибаюсь, домъ покойнаго Корнилова; въ этомъ же домѣ размѣстились: Геннерихъ, Тидебель, Фолькмутъ, Рёрбергъ, Эверсъ, я и нѣсколько еще инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ. Первое, чѣмъ мы занялись въ Николае-

Библиотека "Руниверс"

вѣ—это приведеніемъ себя въ общечеловѣческій видъ: начали мыться, стричься, бриться, чиститься и дѣлать себѣ обувь и платье; многіе совсѣмъ обносились и многіе, въ томъ числѣ и я, выскочили изъ Севастополя въ чемъ были. Денщикъ мой говорилъ, что все бѣлье онъ отдалъ прачкѣ, а гдѣ эта прачка, онъ разыскать не могъ; точно также въ Севастополѣ осталась и вся верхняя моя одежда.

Государя Императора болѣе всего озабочивала въ эту минуту мысль спасти отъ вражескаго нападенія Николаевъ, въ которомъ находились всѣ заведенія Черноморскаго флота и который, по мнѣнію Государя, изъ всего южнаго прибрежья, занимаемаго войсками южной арміи, можетъ преимущественно привлечь союзниковъ. Сдѣлавъ высадку, они могли бы уничтожить всѣ заведенія Черноморскаго флота и нанести тѣмъ окончательный ударъ могуществу нашему на Черномъ морѣ. Съ этою цѣлью и былъ вытребованъ въ Николаевъ Тотлебенъ. Оборона этого пункта была возложена на генер.-адъют. Лидерса, къ войскамъ котораго разрѣшено было присоединить одну изъ резервныхъ дивизій.

На первыхъ же порахъ моего пребыванія въ Николаевѣ мнѣ приказано было явиться къ начальнику штаба 5-го пѣхотнаго корпуса генер.-адъют. Непокойчицкому, который, изложивъ мнѣ мѣры, которыя приняты уже для обороны Николаева, поручилъ проѣхать верхомъ отъ одного казачьяго поста до другого, вдоль лѣваго берега р. Буга до впаденія рѣки въ Лиманъ, верстъ 60, съ тѣмъ чтобы осмотрѣть и повѣрить, а гдѣ нужно измѣнить и поправить, работы по устройству батарей, которыя возводились войсками подъ руководствомъ саперныхъ офицеровъ.

Давно уже не случалось мнѣ, со времени возвращенія изъ Придунайскихъ княжествъ, ѣздить верхомъ, и потому я съ большимъ удовольствіемъ отправился въ путь. Погода для такой поѣздки въ Сентябрѣ мѣсяцѣ была превосходная, казачьи лошади попадались все очень порядочныя, и потому я прокатилъ 60 верстъ, съ остановками на работахъ, въ два дня, а назадъ вернулся въ экипажѣ съ полковымъ командиромъ, ѣхавшимъ зачѣмъ-то въ Николаевъ.

Независимо отъ той обороны р. Буга (пути наступленія къ Николаеву), которая распоряжена была генер.-адъют. Лидерсомъ, по повелѣнію Государя Императора, Великій Князь Николай Николаевичъ принялъ на себя заботы по укрѣпленію непосредственно самаго города и верфей. Тотлебенъ былъ главнымъ помощникомъ Великаго Князя, а насъ инженеровъ и саперовъ распредѣлили по дистанціямъ, и мы живо принялись за составленіе проектовъ и смѣтъ и по мѣрѣ ихъ утвержде-

Библиотека "Руниверс"

нія его высочествомъ принимались немедленно за исполненіе самыхъ работъ.

Государь Императоръ прибылъ въ Николаевъ 14 Сентября, и въ 1 часъ дня Тотлебенъ представился Его Величеству, который принялъ его весьма милостиво, благодарилъ за оборону Севастополя именемъ покойнаго Государя и отъ лица всей Россіи, а на другой день, призвавъ Тотлебена вторично, поздравилъ его съ званіемъ генералъ-адъютанта. Великій Князь Константинъ Николаевичъ принялъ его такъ, какъ никто изъ насъ не ожидалъ. Что Тотлебенъ былъ Нѣмецъ до конца ногтей, мы къ этому всѣ привыкли и почти не замѣчали его пристрастія къ Нѣмцамъ; но Великій Князь взглянулъ на это дѣло иначе. Встрѣчая Тотлебена, онъ принялся говорить съ нимъ по-нѣмецки. Его высочество знаетъ отлично хорошо и Нѣмецкій и многіе другіе Европейскіе языки, и на этихъ языкахъ говоритъ безъ малѣйшаго иностраннаго акцента; но тутъ онъ началъ говорить по-нѣмецки, притворяясь, что ему очень трудно говорить на этомъ иностранномъ языкѣ, дѣлалъ ошибки, при его знаніи невозможныя для него, показывалъ видъ, что говоритъ съ большимъ усиліемъ, но дѣлаетъ это только въ угоду Тотлебену, чтобы быть ему пріятнымъ. Тотлебенъ понялъ умыселъ великаго князя и очень обидѣлся. Усадивъ меня вечеромъ подлѣ себя на диванъ онъ обратился ко мнѣ, со словами:

«Ну, скажите сами, Константинъ Дмитріевичъ, какой же я Нѣмецъ? Воспитывался я въ Русскомъ заведеніи, служу я въ Русской службѣ, живу въ Русскомъ обществѣ!»

Трудно мнѣ было что нибудь сказать въ отвѣтъ Тотлебену; не сказать-же ему, что воспитывался онъ въ Русскомъ заведеніи, потому что, слава Богу, у насъ еще не устроены особенныя заведенія для Нѣмцевъ, что на Русской службѣ для Нѣмцевъ, въ то по крайней мѣрѣ время, положеніе было привилегированное, а живетъ онъ въ Русскомъ обществѣ, такъ что, подойди въ то время къ намъ Фолькмутъ, Тидебель или другой какой нибудь Нѣмецъ, и разговоръ былъ-бы обязательно поведенъ на Нѣмецкомъ языкѣ, хотя бы я не понималъ ни слова по-нѣмецки. Всякій кто зналъ Тотлебена подтвердитъ, что онъ, безъ всякаго сомнѣнія, говорилъ по-русски только въ силу необходимости и когда только могъ говорить по-нѣмецки, то говорилъ на этомъ языкѣ и говорилъ по-нѣмецки часто съ наслажденіемъ, вслушиваясь самъ въ собственный говоръ и находя Нѣмецкій языкъ особенно гармоничнымъ, самымъ прелестнымъ въ мірѣ *).

*) Записки свои онъ велъ конечно на Нѣмецкомъ языкѣ, какъ въ Севастополѣ, такъ и позже подъ Плевной.

Библиотека "Руниверс"

Приведенный инцидентъ съ Великимъ Княземъ не послужилъ однако Тотлебену предостереженіемъ. Онъ возился съ своею раненою ногою и оттого не ходилъ самъ съ докладами къ Великому Князю Николаю Николаевичу, а посылалъ къ его высочеству кого либо изъ офицеровъ. Черезъ нѣсколько дней намъ пришлось слышать отъ адъютантовъ Великихъ Князей, что каждый разъ, когда у Великаго Князя Николая Николаевича бываетъ кто нибудь изъ инженерныхъ офицеровъ съ докладомъ по ходу работъ укрѣпленія Николаева, то по выходѣ этого офицера его высочество Константинъ Николаевичъ спрашиваетъ своего брата: «Nicolas, кто это былъ у тебя?» На отвѣтъ Николая Николаевича, что былъ у него Ганъ или Фолькмутъ, Тидебель, Эверсъ, его высочество Константинъ Николаевичъ сказалъ ему наконецъ: «Смотри, Nicolas, вѣдь ты опутанъ Нѣмцами. Неужели нѣтъ ни одного достойнаго инженернаго или саперная офицера изъ Русскихъ? Обрати ты на это вниманіе».

Кажется, такое замѣчаніе дошло наконецъ и до Тотлебена. По крайней мѣрѣ, когда Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы его высочество генералъ-инспекторъ по инженерной части Великій Князь Николай Николаевичъ лично провѣрилъ устройство и вооруженіе батарей и укрѣпленій въ Днѣпровскихъ гирлахъ у Херсона, то Тотлебенъ указалъ на меня для сопровожденія его высочества въ этой поѣздкѣ.

Мы поѣхали въ двухъ экипажахъ; въ первой коляскѣ ѣхалъ Великій Князь съ своимъ адъютантомъ графомъ Павломъ Шуваловымъ, а во второй коляскѣ я съ докторомъ великаго князя Обермюллеромъ. Графъ Шуваловъ тогда былъ очень молодой человѣкъ, съ изящными манерами и весьма любезный въ обращеніи съ нами, обыкновенными смертными; въ разговорахъ, какіе мнѣ случалось въ это время имѣть съ нимъ, графъ Шуваловъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе.

Осмотръ батарей и укрѣпленій и вооруженія ихъ занялъ два дня. Мы съ Великимъ Княземъ ѣздили въ окрестностяхъ Херсона немного въ экипажахъ, а большею частью на пароходѣ, и тамъ же въ Херсонѣ его высочество поручилъ мнѣ составить отъ его имени докладъ Государю Императору о тогдашнемъ состояніи обороны гирлъ и о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ.

26 Октября 1855 года Государь Императоръ выѣхалъ изъ Николаева въ Бахчисарай, гдѣ находилась главная квартира арміи князя Горчакова. Вскорѣ послѣ того уѣхали и Великіе Князья; послѣднимъ выѣхалъ Николай Николаевичъ, разсмотрѣвъ и утвердивъ всѣ проекты по нашимъ работамъ въ Николаевѣ. За часъ до отъѣзда его высочества всѣ мы, производители работъ съ полковникомъ Геннерихомъ во

Библиотека "Руниверс"

главѣ (такъ какъ онъ назначенъ былъ главнымъ строителемъ въ Николаевѣ) собрались въ залѣ Великаго Князя, который отдавалъ намъ послѣднія приказанія и затѣмъ простился со всѣми и съ каждымъ отдѣльно, исключая меня. Меня онъ вызвалъ въ другую комнату и, разцѣловавъ въ обѣ щеки, очень и очень благодарилъ за мою службу въ Николаевѣ, гдѣ послѣднее время я былъ у его высочества единственнымъ докладчикомъ по производившимся работамъ.

Меня оставили въ Николаевѣ также въ числѣ офицеровъ для работъ, съ подчиненіемъ главному строителю; но главнѣйшее мое дѣло было составить подробный журналъ обороны Севастополя, для чего переданы мнѣ всѣ матеріалы по сему дѣлу, находившіеся во временномъ управленіи Тотлебена, какъ завѣдывавшаго обороною по инженерной части. Главная часть матеріаловъ состояла изъ донесеній, которыя старшіе на бастіонахъ и батареяхъ инженерные или саперные офицеры ежедневно дѣлали по установленной программѣ.

Я принялся за разсмотрѣніе всѣхъ переданныхъ мнѣ документовъ, классификацію ихъ, за укладку ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и такъ мало-по-малу приступилъ къ работѣ, которая, по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ и съ появленіемъ какихъ-либо другихъ, новыхъ для меня документовъ, подвергалась многократнымъ съ моей стороны передѣлкамъ. Многія части приходилось пересоставлять вновь; но много времени и труда уходило также и на переписываніе такихъ листовъ, въ которыхъ потребовалось сдѣлать много вставокъ и добавленій, а къ этимъ вставкамъ и добавленіямъ дѣлать также новыя и неоднократныя дополненія. Дѣло часто такъ запутывалось въ изложеніи, что я, авторъ, не могъ найти слѣда, что̀ послѣ чего слѣдуетъ читать. Но къ труду я приступилъ съ большимъ жаромъ; любознательность, желаніе скорѣе познакомиться со всѣмъ ходомъ и съ подробностями славной обороны, въ теченіе перваго года работы, постоянно тянули меня къ дѣлу, которымъ я занимался самымъ усердным. образомъ.

Въ тоже время я кое-что дѣлалъ и по укрѣпленію Николаева, но весьма мало. Меня пристегнули къ временному управленію строителя Николаевскихъ укрѣпленій болѣе, я думаю, для формы, не зная какой видъ дать моему проживанію въ Николаевѣ.

Очевидно было, что Тотлебенъ обрекъ меня на эту, какъ оказалось впослѣдствіи, воловью работу, къ описанію обороны Севастополя, которое онъ сумѣлъ растянуть на 17 лѣтъ. Объ успѣхѣ своихъ занятій я сообщалъ ему отъ времени до времени частными письмами.

Между тѣмъ работы по укрѣпленію Николаева затягивались по недостатку въ рабочихъ средствахъ: то не хватало рабочаго инструмента, то перевозочныхъ средствъ. Наступило время всеобщаго утомле-

Библиотека "Руниверс"

нія нравственныхъ силъ; слишкомъ долго мы работали съ особеннымъ напряженіемъ въ продолженіи всей обороны Севастополя, затѣмъ съ тѣмъ же жаромъ принялись въ Николаевѣ отстаивать послѣдніе остатки погибшаго Черноморскаго флота; но наступила зима, короткіе дни, непроходимая грязь, распутица, истощеніе рабочихъ средствъ, и мы, такимъ образомъ, мало по малу, опустили носы и руки. Но вотъ является къ намъ изъ Одессы нашъ ангелъ, нашъ хранитель князь В. И. Васильчиковъ и начинаетъ насъ подбадривать. Чтобы лучше уразумѣть дѣло и разъяснить вопросъ, откуда происходитъ необыкновенное затрудненіе въ работахъ, онъ пригласилъ къ себѣ не только полковника Геннериха, но и нѣсколькихъ старшихъ инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ, въ томъ числѣ и меня. Подлежавшій разсмотрѣнію вопросъ долго мы разбирали со всѣхъ сторонъ и все приходили къ одному результату—надо больше денегъ; но князь каждый разъ повторялъ одинъ и тотъ же отрицательный отвѣтъ. Для перемѣщенія значительныхъ массъ земли на большія разстоянія требовались подводы; но лошадей нельзя было нигдѣ достать, и прокормленіе ихъ представляло большія затрудненія. Нѣкоторые предлагали сформировать вмѣсто коннаго обоза воловій транспортъ. Князь долго слушалъ съ терпѣніемъ всѣ наши разсужденія и наконецъ спросилъ: Не хотите ли, господа, генераловъ? Ни денегъ, ни подводъ дать вамъ не могу, а генераловъ въ нашемъ распоряженіи видимо-невидимо. «Нѣтъ, нѣтъ, не нужно намъ вашихъ Николаевскихъ генераловъ, закричали мы какъ школьники, всѣ въ одинъ голосъ. Намъ или лошадей или воловъ нужно».

Тѣмъ и окончилось совѣщаніе. Князь убѣдился, что затрудненія, препятствующія успѣху работъ, были дѣйствительно серьезныя. Николаевъ былъ слишкомъ близокъ къ театру войны, чтобы на немъ не отразилось продолжительное и усиленное напряженіе всѣхъ средствъ страны.

15 Апрѣля 1856 г. меня произвели въ инженеръ-подполковники

Все, что можно было сдѣлать изъ предоставленныхъ въ мое распоряженіе матеріаловъ я сдѣлалъ, привелъ все въ хронологическій порядокъ и въ извѣстную систему. Мнѣ незачѣмъ было оставаться долѣе въ Николаевѣ; для продолженія работы необходимо было ѣхать въ Петербургъ, и я написалъ объ этомъ Тотлебену. 18 Мая 1856 г. я былъ переведенъ въ С.-Петербургскую инженерную команду съ прикомандированіемъ къ штабу генералъ-инспектора.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ 5 Іюня 1856 г., пробывъ въ отсутствіи ровно три года. Чего не насмотрѣлся, чего не испыталъ и сколько вытерпѣлъ я въ эти три года! Мнѣ показалось, что за это время я постарѣлъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

Когда я явился къ Тотлебену, то засталъ его страдающимъ тою-же лихорадкою, что̀ была и у меня. Мѣсто генерала Политковскаго занималъ генералъ Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ 1-ый, даровитая и симпатичнѣйшая личность.

Для принятія мѣръ къ оборонѣ границъ государства, по повелѣнію Государя Императора образована была комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича. Должно быть, что и Тотлебенъ былъ въ этой комиссіи; по крайней мѣрѣ онъ безпрестанно разъѣзжалъ по различнымъ пунктамъ Балтійскаго побережья: былъ въ Свеаборгѣ, Балтійскомъ Портѣ, Ревелѣ, Ригѣ и отовсюду привозилъ свои предположенія по одному и тому-же рецепту. Хотите что-нибудь укрѣпить, обнесите защищаемый пунктъ укрѣпленіями, выдвинутыми настолько отъ укрѣпляемаго пункта, чтобы самыя большія орудія флота не могли бомбардировать того, что̀ хотятъ укрыть отъ непріятеля.

Вслѣдствіе такой простоты въ постановкѣ задачи, когда не принимались въ соображеніе ни значеніе для государства того или другаго пункта, ни средства для защиты открытыхъ границъ протяженіемъ болѣе 2 т. верстъ, получались одинаково гигантскіе проекты, по коимъ линія обороны каждаго пункта простиралась на 30 и 40 верстъ.

Мое дѣло при этомъ было составлять для Тотлебена объяснительныя записки къ его проектамъ, при которыхъ онъ и представлялъ свои предположенія въ комиссію по оборонѣ границъ государства. По этому случаю я постоянно видѣлся съ Тотлебеномъ, когда онъ бывалъ въ Петербургѣ. Понятно, что всѣ эти проекты имѣли одинаковую участь быть сложенными въ архивахъ, откуда они никогда уже и не показывались на свѣтъ Божій.

Въ то горячее время, когда всѣ были заражены стремленіемъ дѣлать въ Россіи всякія реформы, Тотлебенъ также не отставалъ отъ другихъ и въ этомъ отношеніи. Одинъ разъ онъ прочелъ мнѣ свою записку, которую онъ представилъ Государю. Она начиналась съ разсказа, сколько милліоновъ рублей вращается ежегодно въ конторѣ Штиглица и сколько у него въ этой конторѣ сидитъ человѣкъ, ведущихъ дѣла̀ конторы. Затѣмъ Тотлебенъ перешелъ къ нашему Министерству Финансовъ и, не принимая въ расчетъ различія задачъ банкирской конторы и Министерства Финансовъ Россійской Имперіи, Тотлебенъ легко дошелъ до вывода имѣть поменьше чиновниковъ и платить имъ побольше жалованья. Какъ видите, рѣшеніе очень простое. Но повторяю, тогда всѣ были заражены идеею реформъ и обновленія всего строя государственнаго механизма. Я бывалъ у генерала Даненберга, и тотъ тоже говорилъ мнѣ, что цѣлый рой новыхъ идей тѣснится у него въ

Библиотека "Руниверс"

головѣ, и докладныя записки какъ изъ рога изобилія вытекаютъ отъ него на благоусмотрѣніе военнаго министра.

Появленіе мое въ 1856 году въ Петербургѣ, съ обильнымъ запасомъ свѣдѣній объ оборонѣ Севастополя, привлекло на меня вниманіе профессоровъ Инженерной Академіи, генерала Болдырева, Квиста, Андреева и др. Читая въ Академіяхъ генеральнаго штаба и Инженерной объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей, они, натурально, интересовались получить вѣрныя свѣдѣнія о такой новой замѣчательной оборонѣ, каковою была оборона Севастополя. Генералы Болдыревъ и Квистъ, на основаніи нашего прежняго знакомства, приглашали меня къ себѣ по вечерамъ, когда собирались у нихъ и другіе интересовавшіеся послушать мои сообщенія. Ознакомившись по подлиннымъ документамъ какъ съ общими соображеніями Тотлебена въ различныя эпохи обороны, такъ и со всѣми подробностями, я не затруднялся отвѣчать на всѣ вопросы любознательныхъ профессоровъ. Главная мысль, которая наиболѣе ихъ интересовала, состояла въ томъ, чтобы выяснить себѣ—оборона Севастополя измѣнила ли въ чемъ-нибудь принятыя до того времени общія правила для обороны. Какъ личный свидѣтель дѣятельности Тотлебена въ Севастополѣ, заслуги котораго я высоко цѣнилъ и цѣню до сего времени, я стоялъ на той мысли, что невиданная дотолѣ активность обороны, безпримѣрное развитіе контръ-апрошей, когда обороняющійся успѣвалъ вырывать иниціативу дѣйствія изъ рукъ осаждающаго, составляетъ новость въ оборонѣ и заслуживаетъ быть отмѣченною въ курсахъ объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей.

И въ самомъ дѣлѣ, наши контръ-апроши, какъ редуты Селенгинскій, Волынскій и Камчатскій, съ ихъ траншеями и ложементами, а равно контръ-апроши въ видѣ обширнаго плацдарма впереди 5-аго и 6-ого бастіоновъ и на Кладбищенской высотѣ и контръ-апроша у Карантинной бухты, развѣ не останавливали осадныя работы и не заставляли противниковъ бросать намѣченныя цѣли, измѣнять свои распоряженія и расширять зону осадныхъ работъ, задаваться новыми задачами? Кромѣ того, контръ-апроши, доставляя случай нашимъ войскамъ сходиться на близкія разстоянія съ противникомъ, позволяли пользоваться превосходствомъ нашихъ войскъ въ рукопашномъ бою и сглаживали недостатокъ гладкоствольнаго ружья. Такимъ образомъ контръ-апроши ставили войска наши въ наиболѣе выгодныя для борьбы условія. Совершенно обратное мы видѣли въ Инкерманскомъ сраженіи, когда идущія въ атаку войска наши разстрѣливались ружейнымъ огнемъ Англичанъ съ разстоянія 1200 шаговъ, на которомъ наши гладкоствольныя ружья не могли дѣйствовать.

Библиотека "Руниверс"

Вообще на сообщеніяхъ и вечернихъ бесѣдахъ у генераловъ Болдырева и Квиста разговоры и споры наши объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей были весьма оживленные. Очевидно было, что скорѣйшее опубликованіе свѣдѣній объ оборонѣ Севастополя было весьма желательно. Тогда, въ 1856 г. и въ слѣдующіе за нимъ годы, очень интересовались этимъ вопросомъ, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы тогда же напечатать уже составленный мною и только пополнявшійся журналъ осады и обороны Севастополя, то онъ былъ-бы внимательно прочитанъ многими; многіе вопросы были бы изслѣдованы съ надлежащею обстоятельностію, и наука наша, трактующая атаку и оборону крѣпостей, обогатилась бы многими полезными указаніями.

Между тѣмъ Тотлебенъ безъ предварительной обработки первичныхъ матеріаловъ хотѣлъ составить прямо описаніе обороны и кончилъ тѣмъ, что часть 1-ая «Описанія обороны Севастополя» издана въ 1863 году, 1-й отдѣлъ части II-ой изданъ въ 1868 г., 2-ой отдѣлъ той же части въ 1872 г., «Минная война» въ 1868 г. и «Очеркъ медицинской и госпитальной» части въ Крыму въ 1870 г., т. е. сочиненіе появилось въ свѣтъ 17 лѣтъ послѣ обороны. Многіе высокообразованные военные люди сознавались мнѣ чистосердечно, что они и не заглядывали въ это сочиненіе. На все есть свое время.

Англичане же издали «Siege of Sebastopol» съ превосходнѣйшимъ атласомъ чертежей въ 1859, а Французы въ 1858 году.

Не занимая никакого штатнаго мѣста въ инженерномъ корпусѣ, Тотлебенъ, тѣмъ не менѣе, давалъ свои мнѣнія по всѣмъ крупнымъ вопросамъ, какіе проходили тогда чрезъ Инженерный департаментъ. Съ начальникомъ штаба генералъ-инспектора ген.-маіоромъ свиты Его Величества К. П. Кауфманомъ онъ находился тогда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Въ одинъ изъ моихъ визитовъ къ Тотлебену онъ показалъ мнѣ дипломъ, присланный ему отъ Совѣта Университета Св. Владимира на званіе почетнаго члена за его заслуги въ Севастополѣ. Тотлебенъ въ то время былъ настолько еще скроменъ, что, показывая мнѣ дипломъ, онъ сказалъ, что слова: храбрость, энергія, прописанныя въ его дипломѣ, онъ находитъ справедливыми; но что ему, Тотлебену, кажется утрировкою навязываемое ему достоинство, котораго онъ конечно не имѣетъ, и при этомъ показалъ мнѣ пальцемъ на слово «геніальность». Очевидно, что профессоръ Гюббенетъ, который и былъ двигателемъ въ Университетскомъ Совѣтѣ по сему дѣлу, редактировалъ его постановленія и пересолилъ отъ излишняго усердія.

Тотлебенъ, охотно бесѣдуя со мною обо всемъ и не думалъ заниматься журналомъ обороны Севастополя; на привезенный мною изъ

Библиотека "Руниверс"

Николаева трудъ мой онъ и не взглянулъ, а выслушавъ докладъ мой о необходимости собирать многіе матеріалы отъ морского и сухопутнаго вѣдомствъ, обѣщалъ оказать мнѣ въ томъ свое содѣйствіе и поручилъ мнѣ заниматься какъ дальнѣйшимъ пополненіемъ журнала, такъ и чтеніемъ всего, что̀ печатается за границею о Севастопольской войнѣ.

Я не ворчалъ тогда на свою судьбу: жить въ Петербургѣ, быть довольно независимымъ по службѣ человѣкомъ, жить въ кругу своихъ близкихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей было недурно. Кромѣ очень скромнаго содержанія по чину я ничего не получалъ, но сначала и не горевалъ о томъ въ силу привычки быть всегда безъ денегъ. Скажу здѣсь къ слову, что, не зная баловства и роскоши съ молоду, я всю свою жизнь не зналъ комфорта и объ убранствѣ напримѣръ своей квартиры никогда не думалъ. Въ Севастополѣ, до войны, когда я жилъ на мирномъ положеніи семь лѣтъ, я имѣлъ мебель сработанную рукою солдата, надъ которою товарищи мои подсмѣивались и прозвали ее Колленовскою, по имени извѣстнаго въ то время мебельнаго мастера въ Одессѣ Коллена. За то я никогда не дѣлалъ долговъ и всегда былъ доволенъ своимъ настоящимъ.

Немало подивилъ меня Тотлебенъ, объявивъ, что онъ совѣщался съ извѣстнымъ историкомъ Шмидтомъ и порѣшилъ написать исторію обороны Севастополя на Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ не знаетъ ничего выше таланта г. Шмидта для описанія военныхъ сценъ. Поэтому Тотлебенъ поручилъ мнѣ познакомиться съ г. Шмидтомъ и показать ему собранные мною матеріалы. По написаніи Шмидтомъ обороны Севастополя, Тотлебенъ хотѣлъ перевести этотъ трудъ на Русскій языкъ и издать. «Все равно, говорилъ онъ, когда будетъ готово Русское сочиненіе, придется же переводить его на Нѣмецкій и Французскій языки». Я познакомился съ г. Шмидтомъ и показалъ ему мой журналъ, Шмидтъ читалъ этотъ журналъ, и по этому поводу я неоднократно заходилъ къ нему; обдумавъ дѣло, Шмидтъ призналъ однако затруднительнымъ для себя описывать такое спеціальное дѣло, какъ оборона укрѣпленной позиціи, гдѣ что̀ ни слово, все ему незнакомо. Онъ отказался. При этомъ онъ былъ того же мнѣнія, что, прежде чѣмъ писать исторію, необходимо собрать матеріалы, исправить и очистить ихъ критикою и составить оффиціальные отчеты по разнымъ частямъ обороны, а затѣмъ можно писать что кому угодно.

Библиотека "Руниверс"

ГЛАВА VI.

Мои сношенія съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, съ Шарнгорстомъ и съ Тотлебеномъ. — Еще характеристика Тотлебена. — Мой уходъ отъ него.—Первый оазисъ честности, изобрѣтенный Тотлебеномъ.—К. Я. Звѣревъ.—Заграничная поѣздка.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1856 года назначено было коронованіе Его Величества. Тотлебенъ отправлялся за границу, полагая на коронацію попасть въ Москву, а я располагалъ взять отпускъ и повидаться съ братьями.

Вскорѣ по выѣздѣ изъ Петербурга Тотлебена, я видѣлъ бывшаго моего начальника генер. Шарнгорста, который занималъ тогда постъ предсѣдателя ученаго комитета Инженернаго Департамента.

«Инженерный Журналъ» издавался тогда по распоряженію ученаго комитета; генер. Шарнгорстъ предложилъ мнѣ взять на себя редакцію журнала съ вознагражденіемъ 1000 рублей въ годъ. Состоя въ распоряженіи генерала Тотлебена, я конечно не могъ отвѣчать, не переговоривъ съ нимъ, ни да, ни нѣтъ. Что же касается до личнаго моего вліянія, благодаря моимъ знакомствамъ съ многими дѣятелями минувшей войны, для привлеченія ихъ къ участію въ журналѣ, то я съ большимъ удовольствіемъ взялъ на себя написать письма и просить моихъ сослуживцевъ прислать въ журналъ описанія тѣхъ военныхъ дѣйствій и тѣхъ военно-инженерныхъ работъ, въ коихъ они принимали участіе. Вслѣдствіе таковаго обращенія моего къ сослуживцамъ было получено много статей для журнала, изъ коихъ статья объ оборонѣ Кинбурна инженера Седергольма была драгоцѣннымъ вкладомъ въ нашу военную литературу.

Почти въ тоже время я былъ запрошенъ отъ главнаго Инженернаго Училища (нынѣ Инженерная Академія), не пожелалъ ли бы я занять каѳедру по строительному искусству на мѣсто генерала П. Е. Рошѐ, который, занятый своимъ цементнымъ заводомъ, желалъ съ извѣстною постепенностью сойти съ профессорскаго поприща. Обсудивъ этотъ вопросъ, послѣ 2—3-хъ совѣщаній съ П. Е. Рошѐ, съ которымъ я давно уже и до конца его жизни находился въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ, я безъ малѣйшаго колебанія отклонилъ предложеніе...

Въ Іюлѣ мѣсяцѣ я поѣхалъ въ Лепель, а оттуда, вмѣстѣ съ братомъ въ Смоленскъ. Переждавъ первые дни коронаціи, я изъ Смоленска поѣхалъ въ Москву, чтобы повидаться съ Тотлебеномъ. Мнѣ хотѣлось спросить у Тотлебена его мнѣнія на счетъ редакторства «Инженернаго Журнала». Онъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ понимаетъ всю трудность жить въ Петербургѣ на жалованье инженеръ-подполковника, но съ другой стороны обязательная и отвѣтственная работа редактора не-

Библиотека "Руниверс"

минуемо отвлечетъ мое вниманіе отъ журнала обороны Севастополя, и потому онъ, Тотлебенъ, предпочитаетъ, чтобы я отказался отъ редакторства, а онъ, Тотлебенъ, позаботится исходатайствовать для меня соотвѣтственную прибавку къ содержанію.

Я былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ и поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ, не любопытствуя посмотрѣть назначенный на тотъ же день въ Москвѣ какой-то замѣчательный и никогда еще небывалый фейерверкъ: забава, которую я всегда считалъ самою глупою въ мірѣ.

До конца 1856 года генералъ Тотлебенъ ничего не сдѣлалъ для исполненія даннаго мнѣ обѣщанія увеличить мое содержаніе, а я начиналъ уже весьма осязательно чувствовать невозможность жить на одномъ только жалованьи.

Въ одно прекрасное утро ко мнѣ явился курьеръ и доложилъ, что генералъ-инспекторъ по инженерной части Е. И. В., Великій Князь Николай Николаевичъ зоветъ меня къ себѣ.

Въ назначенный часъ я явился къ его высочеству и получилъ отъ него слѣдующаго рода порученіе: составить трактатъ, въ которомъ выяснить полезное значеніе на театрѣ военныхъ дѣйствій надежно укрѣпленнаго пункта—города, гавани, переправы чрезъ большую рѣку, а равно и тѣ условія, которымъ должны удовлетворять современныя укрѣпленія. Его Высочество пояснилъ мнѣ, что, принимая участіе въ высочайше назначенной комиссіи для обороны нашихъ границъ, онъ замѣчаетъ крайнее разнообразіе взглядовъ на означенный предметъ. Нѣкоторые изъ членовъ комиссіи выражали даже и такое мнѣніе, что укрѣплять города и гавани болѣе вредно, нежели полезно, такъ какъ по необходимости обширныя въ подобныхъ случаяхъ укрѣпленія и многочисленная артиллерія требуютъ громадныхъ затратъ въ мирное время, а въ военное отнимаютъ кромѣ того отъ полевой арміи много войскъ, которыя могутъ оставаться непроизводительною силою во все время войны. Потому весьма часто въ засѣданіяхъ комиссіи все время уходитъ въ разговорахъ, не приводившихъ ни къ какому положительному результату. Великій Князь выразилъ такую мысль, что разъ будутъ изложены основательные доводы пользы имѣть на театрѣ войны надежно укрѣпленные пункты и указаны основныя правила для укрѣпленія городовъ, гаваней, устройства на стратегическихъ пунктахъ крѣпостей, то подобный трактатъ, высочайше одобренный, послужилъ бы комиссіи точкою отправленія для обсужденія подлежащихъ ея разсмотрѣнію вопросовъ.

Выйдя изъ дворца Великаго Князя совершенно ошеломленный возложенною на меня новою, кабинетною работою, я рѣшительно не понималъ, что все это означаетъ и рѣшилъ идти прямо къ начальнику

Библиотека "Руниверс"

штаба его высочества генералу К. П. Кауфману, доложить ему о полученномъ приказаніи и просить дать мнѣ болѣе точныя и опредѣленныя границы для предстоящаго труда, въ надеждѣ, что Константинъ Петровичъ сузитъ его рамки; но начальникъ штаба повторилъ мнѣ слова Великаго Князя и ничего мнѣ болѣе не разъяснилъ. Тогда я началъ представлять обширность труда, затруднительность для меня исполнить съ успѣхомъ подобное дѣло и что гораздо справедливѣе было бы возложить подобное порученіе на кого-нибудь изъ профессоровъ военной исторіи и долговременной фортификаціи въ нашихъ академіяхъ. Но ничего не помогло; Константинъ Петровичъ стоялъ на своемъ, что я долженъ исполнить это дѣло, посовѣтовалъ составить предварительно подробную программу, которую и представить на просмотръ Великому Князю, и затѣмъ, высказавъ нѣсколько любезностей по моему адресу, отпустилъ меня.

Долго я думалъ о томъ, какъ приступить къ дѣлу и рѣшилъ обратиться къ профессорамъ за указаніями подходящихъ сочиненій на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Вооружившись громадою книгъ, я погрузился въ работу. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. По мѣрѣ того какъ я вчитывался въ предметъ, тѣмъ обширнѣе становилась моя программа. Приходившія мнѣ мысли и соображенія я записывалъ. Работалъ я по цѣлымъ днямъ и длинными вечерами; рѣдко выходилъ на воздухъ, велъ жизнь сидячую и оттого послѣ нѣсколькихъ недѣль подобныхъ усидчивыхъ трудовъ потерялъ сонъ и аппетитъ и сдѣлался нервнымъ и раздражительнымъ. Все мое развлеченіе состояло въ томъ, что занятія фортификаціонныя я смѣнялъ работою по журналу обороны Севастополя, для чего приходилось слѣдить за всѣмъ, что печаталось по сему дѣлу за границею. Недостатокъ въ деньгахъ давалъ себя чувствовать, и кромѣ того мнѣ одному безъ всякаго помощника, даже безъ писарей, было просто не подъ силу одолѣть возложенныя на меня обязанности. Нѣсколько разъ я обращался къ генералу Кауфману, чтобы онъ оказалъ мнѣ свое содѣйствіе, но онъ только обѣщалъ мнѣ, а дѣлать ничего не дѣлалъ.

Въ Октябрѣ 1856 г. генералъ Шарнгорстъ снова обратился ко мнѣ съ приглашеніемъ взять на себя редакцію «Инженернаго Журнала», хотя бы только номинально, обѣщая нести самъ всѣ труды по редактированію.

Не видя со стороны Тотлебена исполненія обѣщанія, даннаго мнѣ въ Москвѣ, я тогда же написалъ ему о вторичномъ предложеніи генерала Шарнгорста и спрашивалъ совѣта; кромѣ того я пожаловался ему на Кауфмана, что онъ не оказываетъ мнѣ никакого содѣйствія. Вся зима 1856—57 г. прошла въ постоянной работѣ надъ бумагами.

Библиотека "Руниверс"

Въ это время я успѣлъ составить программу и показалъ ее генералу Кауфману; онъ посовѣтовалъ мнѣ явиться къ Великому Князю и постараться прочитать ему программу, а затѣмъ оставить ее у его высочества, который непремѣнно просмотритъ ее внимательно и сдѣлаетъ свои замѣчанія.

Я явился къ Великому Князю съ программою, но его высочество долженъ былъ въ то время куда-то ѣхать, и потому приказалъ мнѣ явиться къ нему въ тотъ же день вечеромъ.

Вечеромъ я былъ и читалъ программу; Великій Князь оставилъ у себя мою программу для пересмотра и замѣчаній. Чрезъ нѣсколько дней я получилъ программу съ замѣчаніями и многими добавленіями, сдѣланными его высочествомъ собственноручно; тѣ и другія обнаружили основательное знаніе и хорошее пониманіе военно-инженернаго дѣла. Впослѣдствіи, когда введена была военно-окружная система и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразованы высшія управленія Военнаго Министерства, когда Инженерный Департаментъ превратили въ Главное Инженерное Управленіе, включивъ въ него и штабъ генералъ-инспектора по инженерной части, а вмѣсто начальника штаба сдѣлали товарища генералъ-инспектора и на это мѣсто былъ назначенъ Тотлебенъ, Великій Князь видимо отстранился отъ дѣлъ инженернаго корпуса, которыми такъ охотно и дѣльно занимался вмѣстѣ съ Кауфманомъ; при Тотлебенѣ же онъ неохотно принималъ его доклады, иногда даже уклоняясь отъ нихъ подъ предлогомъ необходимости ѣхать на какое-нибудь полковое ученье.

Получивъ одобренную программу, не трудно уже было написать требовавшійся трактатъ. Генералъ Кауфманъ, какъ бывшій дѣятель на Кавказѣ, помогъ мнѣ немного указаніями относительно вліянія крѣпостей на Азіатскомъ театрѣ войны нашей съ Турціею. Въ скоромъ времени работа моя была отправлена заграницу на просмотръ Тотлебена.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1857 г. я получилъ отъ Тотлебена письмо въ отвѣтъ на мое, писанное ему въ Октябрѣ минувшаго года. Привожу это письмо дословно съ сохраненіемъ орѳографіи автора и съ его знаками препинанія.

Вевэ, 10 Марта (26 Февраля) 1857 года.
Любезнѣйшій Константинъ Дмитріевичъ.

Извините, что самъ не отвѣтилъ вамъ на ваше письмомъ отъ 24 Октября. Я просилъ Константина Петровича передать вамъ что я *расчитываю* на ваши занятія по части составленія описанія обороны Севастополя во время моего пребыванія за границею и весьма желалъ бы что по возвращенію моему въ Петербургъ вы бы состояли при мнѣ по искусственной и письменной части; но ежели за тѣмъ при исполненіи этихъ обязанностей вы полагаете имѣть достаточно вре-

Библиотека "Руниверс"

мени,—одновременно съ тѣмъ исполнять обязанности редактора Инженернаго Журнала, то я не только не вижу никакихъ къ тому препятствій, но напротивъ весьма радъ денежному пособію, которое вы при этомъ можете преобрѣсти, пособіе по моему убѣжденію такъ необходимое, чтобы продолжать службу въ Петербургѣ.—Рѣшеніе Константинъ Петровичъ принять это мѣсто на одинъ годъ—мнѣ кажется совершенно соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, ибо по моему возвращенію, вы сами убѣдитесь въ томъ можете ли вы исполнять тѣ и другія обязанности. Сочиненіе Базанкура и le Spectateur militair на 1856 г. я прочелъ съ большимъ вниманіемъ, но не совсѣмъ равнодушно, ибо я снова припомнилъ и перечувствовалъ что испытывалъ при долговременной оборонѣ, и потому безъ особеннаго вреда для своего здоровія, не могъ заниматся этимъ кровавымъ предмѣтомъ такъ основательно какъ бы слѣдовало для успѣшнаго хода нашего описанія. Не смотря на явное пристрастіе къ дѣйствіямъ союзниковъ, въ этихъ сочиненіяхъ многое заслуживаетъ вниманія и съ пользою можетъ быть извлечено для объясненія многихъ обстоятельствъ. Вѣроятно вы также читали эти изданія, прошу васъ Константинъ Дмитріевичъ составить изъ нихъ выписки, относительно 1) Устройства, расположенія и вооруженія батареи (послѣднее весьма подробно означено въ Spectateur militair къ каждому періоду осады). 2) Постепенное развитіе траншейныхъ работъ въ каждомъ періодѣ. 3) Описаніе всѣхъ вылазокъ съ нашей стороны. 4) Всѣ атаки союзниковъ въ особенности отбитіе атаки на Селенгійскій редутъ въ Февралѣ 1855. Атака ложементовъ вообще и постепенное овладѣніе ими, преимущественно передъ 5-мъ бастіономъ. 5) Атака и овладѣніе редутами 27 Мая (9) Іюня. 6) Отбитіе штурма 6 (18) Іюня. 7) Всѣ главныя дѣйствія въ послѣднемъ періодѣ. 8) Штурмъ 26 Августа (8) Сентября.

Полезно было бы вообще по каждому предмету собрать по возможности болѣе свѣдѣній отъ князя Васильчикова, Тидебеля, Орда и всѣхъ офицеровъ бывшихъ въ Севастополѣ и принимавшихъ живое участіе въ оборонѣ, чтобы къ моему возвращенію истощить всѣ источники, которыми можно было воспользоваться. Въ Парижѣ я постараюсь преобрѣсти детальные планы осаднымъ работамъ съ обозначеніемъ номеровъ всѣхъ батарей, равно какъ и планъ миннымъ работамъ атакующаго; все это и другія свѣденія я вамъ сообщу немедленно. Обратите также вниманіе на составленіе детальныхъ чертежей оборонительнымъ работамъ для каждаго отдѣленія. Полковникъ Гарднеръ, Ватовскій, Дельсаль и другіе при этомъ могли бы оказать полезное содѣйствіе, доложите о томъ Константину Петровичу; онъ вамъ вѣрно во всемъ поможетъ. Спеціально и исключительно заниматься описаніемъ обороны я вѣроятно не буду имѣть времени при постоянныхъ другихъ занятіяхъ, которыя и здѣсь лишаютъ меня всякаго отдыха, но если все будетъ приготовлено къ окончательному обработыванію, то по возвращеніи моему въ Петербургъ, мы назначимъ три вечера въ каждой недѣли, и отъ начала до конца переберемъ каждую статью отдѣльно, такимъ образомъ, я надѣюсь, мы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ съ успѣхомъ окончимъ этотъ немаловажный трудъ, который болѣе не

Библиотека "Руниверс"

терпитъ отлагательства. Въ главномъ штабѣ I-й арміи составляется историческое описаніе военныхъ дѣйствій въ минувшей войнѣ. Князь Горчаковъ надѣется, что наше описаніе можетъ быть включено вполнѣ (относительно обороны Севастополя). Въ твердомъ убѣжденіи, Константинъ Дмитріевичъ, что вы со свойственною вамъ дѣятельностью двините это дѣло впередъ и приготовите всѣ матеріалы для скорѣйшаго окончанія описанія, послѣ моего возвращенія, остаюсь совершенно преданный вамъ Эдуардъ Тотлебенъ.

Прочитавъ такое посланіе, я убѣдился, что Тотлебенъ совсѣмъ не понимаетъ настоящаго положенія дѣла. Въ моей обстановкѣ, безъ всякихъ средствъ къ собранію важнѣйшихъ матеріаловъ, нельзя было и думать о составленіи общаго описанія обороны Севастополя. Я занимался составленіемъ первичнаго описанія, *посуточнаго журнала обороны*, который долженъ былъ послужить основною канвою къ составленію общаго описанія. Да и эта работа была для меня затруднительна, ибо у меня не было ни чертежной, ни канцеляріи для сношеній съ разными лицами, на которыхъ указываетъ Тотлебенъ, для дѣланія выписокъ изъ дѣлъ и сочиненій и наконецъ для переписыванія чернового экземпляра, мною написаннаго, но со столькими вставками и переносами, что уже и самъ съ трудомъ его разбиралъ. Пробовалъ я обращаться за содѣйствіемъ къ генералу Кауфману, но ничего не получилъ, ни единаго даже писаря. А о томъ, чтобы Гардперъ, Ватовскій, Дельсаль и др. могли оказать мнѣ содѣйствіе, и думать было нечего. Вѣдь я собралъ матеріалы для исторіи всей обороны, а не для описанія какого-нибудь отдѣльнаго эпизода; господа эти не имѣли у себя письменныхъ замѣтокъ веденныхъ по дѣламъ; слѣдовательно помочь мнѣ могли только такимъ способомъ, если бы пришли и сѣли вмѣстѣ со мною работать; въ разсказахъ же ихъ, къ дѣлу часто не идущихъ, я не имѣлъ надобности. Какъ видно изъ письма, Тотлебенъ готовъ валить на меня сколько угодно самой тяжелой работы, а заботиться о томъ, чтобы было чѣмъ мнѣ жить, онъ великодушно предоставляетъ это мнѣ самому, тогда какъ я бы могъ удовольствоваться самымъ ничтожнымъ увеличеніемъ моего содержанія. Во 2-хъ, мнѣ не понравилось, что онъ думаетъ распоряжаться моею службою какъ для него выгоднѣе, не позаботясь справиться, желаю ли я состоять при немъ по искусственной и письменной части, т. е. составлять проекты по военно-инженерной части и вѣдать письмоводствомъ или быть его секретаремъ.

Я признавалъ за нимъ несомнѣнныя заслуги при оборонѣ Севастополя, но въ тоже время ясно видѣлъ, что Тотлебенъ не администраторъ и чтобы быть во главѣ инженернаго корпуса не имѣетъ серьезнаго спеціальнаго образованія. Внѣ узкой сферы знаній саперного офицера и большой боевой опытности Тотлебенъ не былъ даже свѣдующимъ

Библиотека "Руниверс"

инженернымъ офицеромъ, не зналъ ни крѣпостей, ни строительнаго искусства, не говоря уже объ общемъ образованіи. Ни со стороны знаній, ни со стороны умѣнья обращаться со своими подчиненными, Тотлебенъ не былъ для меня идеаломъ, и потому я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія промѣнивать свою службу въ крѣпости на службу въ Петербургѣ состоящимъ при Тотлебенѣ, значитъ постоянно заваленнымъ работою и за все это получающимъ свое скромное содержаніе, которое, какъ я убѣдился теперь на опытѣ, было далеко недостаточно даже для самой скромной жизни въ Петербургѣ.

На основаніи этихъ соображеній я счелъ необходимымъ написать Тотлебену письмо, въ которомъ откровенно сказалъ ему все, что думалъ относительно своего настоящаго и предстоявшаго мнѣ служебнаго положенія. Я былъ увѣренъ, что письмо мое не понравится Тотлебену, и потому, когда чрезъ нѣсколько дней получилъ отъ генерала Кауфмана приказаніе придти къ нему со своимъ трудомъ по описанію обороны Севастополя, то зналъ напередъ, о чемъ будетъ разговоръ, и потому захватилъ съ собою выше приведенное письмо Тотлебена.

Оказалось, что онъ дѣйствительно разобидѣлся моимъ письмомъ. Мы долго толковали съ К. П. Кауфманомъ, который настаивалъ, чтобы я написалъ къ Тотлебену что нибудь любезное и для него пріятное; но я не счелъ возможнымъ этого сдѣлать и не знаю, что писалъ ему Кауфманъ; только недѣли чрезъ 3—4 онъ объявилъ мнѣ, что Тотлебенъ ходатайствуетъ о командированіи меня на казенный счетъ заграницу. Наконецъ-то догадался!

Не помню хорошо, когда именно это было, но думаю, что въ Сентябрѣ 1857 г., я встрѣтилъ въ Итальянской оперѣ князя Васильчикова и объяснилъ, что для порученнаго мнѣ дѣла имѣю надобность обратиться къ нему за содѣйствіемъ. Князь занималъ тогда мѣсто начальника канцеляріи Военнаго Министерства и могъ многое сдѣлать. Васильчиковъ отвѣчалъ, что можетъ принять меня завтра въ 12 часовъ ночи; я думалъ, что не разслыхалъ хорошо, но князь повторилъ мнѣ, чтобы придти къ нему въ 12 ч. ночи.

Какъ ни хотѣлось мнѣ спать на другой день вечеромъ, но я надѣлъ мундиръ и отправился къ князю. Въ его пріемной было 3—4 человѣка съ портфелями, которые ожидали очереди для доклада, одинъ или два фрака были со звѣздами. Когда дошла очередь до меня, и я вступилъ въ кабинетъ князя, то на вопросъ: «чѣмъ могу служить?» я отвѣчалъ просьбою потребовать отъ нѣкоторыхъ сухопутныхъ и морскихъ начальниковъ извѣстныхъ свѣдѣній, касающихся обороны Севастополя. Вмѣсто отвѣта князь, показывая мнѣ рукою на груды бумагъ, лежавшихъ на главномъ столѣ кабинета, сказалъ: «вотъ, батюшка, вы при-

Библиотека "Руниверс"

думайте лучше какъ бы избавиться отъ такого добра!», затѣмъ вступилъ въ разговоръ по занимавшему меня предмету, написалъ замѣтки карандашемъ и обѣщалъ исполнить. Визитъ мой окончился въ началѣ второго часа ночи. Кажется, что тогда я въ послѣдній разъ видѣлъ князя; черезъ годъ онъ заболѣлъ отъ чрезмѣрныхъ трудовъ, и мѣсто его заступилъ г.-л. Лихачевъ, остававшійся на посту начальника канцеляріи Военнаго Министерства года три, а послѣ него это мѣсто занялъ ген.-ад. К. П. Кауфманъ.

Въ половинѣ Октября 1857 г., хорошо снабженный деньгами отъ казны, я отправился въ мальпостѣ на Вержболово въ Эйдкуненъ и, кажется, что въ Кенигсбергѣ сѣлъ на желѣзную дорогу. Это была моя первая поѣздка за границу. Въ Берлинѣ я останавливался недолго и проѣхалъ прямо въ Висбаденъ, гдѣ Тотлебенъ проживалъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Именно въ день моего пріѣзда къ Тотлебену, онъ прогуливался верхомъ; была гололедица, лошадь упала и онъ свихнулъ себѣ въ плечѣ правую руку. Между туземными докторами не нашлось ни одного, который бы могъ помочь больному, и только по счастливой случайности въ Висбаденъ попалъ нашъ извѣстный Караваевъ, который и помогъ Тотлебену.

Вслѣдъ за мною вскорѣ прибылъ въ Висбаденъ большой тюкъ—трудъ мой по составленію журнала обороны Севастополя; но Тотлебенъ не расположенъ былъ заниматься разсмотрѣніемъ моей работы. Онъ начитался Базанкура и разныхъ другихъ беллетристовъ, которые живымъ увлекательнымъ языкомъ описывали картины боя, вылазокъ и пр., и думалъ, что оффиціальный отчетъ объ оборонѣ можетъ быть изложенъ въ видѣ подобнаго-же интереснаго разсказа. Сколько я ни убѣждалъ Тотлебена, что *описаніе* обороны есть дѣло послѣдующихъ лѣтъ, что прежде всего надо издать *журналъ* обороны, въ которомъ, за каждый день и за каждую ночь обороны, должны быть подробно изложены инженерныя работы, дѣйствія артиллеріи какъ осаждающаго, такъ и обороняющагося, вылазки, потери въ людяхъ, расходъ снарядовъ и пр., Тотлебенъ со мною не соглашался. Я представлялъ ему, что для задуманнаго имъ описанія у насъ нѣтъ еще матеріаловъ, что если мы издадимъ теперь же составленный мною журналъ, то онъ вызоветъ, на свѣжей памяти, массу дополненій и печатныхъ разсказовъ, многое пополнится и исправится, явится полемика, которая разъяснитъ многіе факты, родится такимъ образомъ цѣлая литература, которая и доставитъ матеріалъ для Описанія. Никакіе доводы не дѣйствовали на Тотлебена. Тогда я просилъ его освободить меня совсѣмъ отъ такой работы, но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ.

Библиотека "Руниверс"

Тотлебенъ велъ жизнь въ Висбаденѣ очень тихую. Почти каждый день мы совершали вдвоемъ съ нимъ прогулки по окрестностямъ, и у насъ нѣсколько разъ заходилъ разговоръ о составленіи описанія обороны. Тотлебенъ наконецъ порѣшилъ сдѣлать по возвращеніи въ Петербургъ такъ, чтобы подъ моимъ предсѣдательствомъ образовать комиссію изъ участниковъ обороны: инженерныхъ, саперныхъ, артиллерійскихъ и морскихъ офицеровъ. На этомъ мы и остановились и затѣмъ, не желая тратить по пустому времени, я отправился въ Англію.

Зиму 1857—1858 г. я провелъ въ Лондонѣ съ разъѣздами въ Вуличъ, Чатамъ, Портсмутъ, Бирмингамъ, Ольдершотъ и др. Въ Лондонѣ я болѣе всего сошелся съ Англійскими военными инженерами (Royal engineers). Благодаря ихъ любезному ко мнѣ вниманію, я былъ приглашенъ на все время пребыванія въ Англіи быть членомъ двухъ клубовъ: Junior United service Club и Army and Navy Club. Я воспользовался первымъ изъ этихъ клубовъ и хорошо устроилъ свою домашнюю жизнь въ Лондонѣ.

Въ S-t Jame's Palace я присутствовалъ на бракосочетаніи старшей дочери королевы Викторіи съ наслѣднымъ принцемъ Прусскимъ (впослѣдствіи Германскій императоръ Фридрихъ II, кратковременно царствовавшій), а послѣ того былъ приглашенъ на торжественный концертъ-раутъ въ Бѣкингамскомъ дворцѣ. 1-аго Февраля я принималъ участіе въ обѣдѣ, на который ежегодно собираются въ этотъ день всѣ военные инженеры Великобританіи, и здѣсь мнѣ пришлось отвѣчать на произнесенные въ честь меня спичи и тосты тоже спичами на Англійскомъ языкѣ, что̀ должно быть вышло не очень ужъ дурно, такъ какъ послѣ обѣда я получилъ много приглашеній на разные обѣды. Такимъ образомъ я мало по малу былъ втянутъ въ общественную жизнь Лондонскаго общества.

Не помню по какому случаю назначенъ былъ смотръ Англійскихъ войскъ въ Вуличѣ у герцога Кембриджскаго. Меня пригласили быть на смотру въ моей военной формѣ. Масса публики отправлялась по этому случаю изъ Лондона въ Вуличъ. Нѣсколько Англійскихъ инженеровъ предложили мнѣ ѣхать вмѣстѣ съ ними верхомъ и достали для меня хорошаго коня; мы условились ѣхать половину дороги (верстъ 15) въ статскомъ платьѣ, на срединѣ дороги закусить въ ресторанѣ и тамъ одѣться въ военную форму. Конь у меня былъ горячій, и пока я ѣхалъ въ статскомъ платьѣ, все какъ-то улаживалось благополучно; но когда я надѣлъ свою каску съ бѣлымъ волосянымъ султаномъ, а на боку болталась сабля, то я не зналъ, что̀ мнѣ дѣлать съ своимъ конемъ.

Смотръ былъ блестящій; въ особенности понравилась мнѣ артиллерія на скорыхъ аллюрахъ. Лошади выглядывали незавидно, а между

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ, когда скомандовали «маршъ-маршъ», то артиллерія пронеслась лихо, молодецки.

Возвращались мы опять верхомъ и когда на пол-дорогѣ скинули свою форму, порядочно пообѣдали, тогда я спокойно сѣлъ на своего коня и ѣхалъ не хуже другихъ. Мы вернулись въ Лондонъ поздно вечеромъ, сдѣлавъ верстъ 50—60.

Болѣе всего я сошелся съ полковникомъ Гордономъ, занимавшимъ въ то время постъ начальника штаба корпуса инженеровъ. Съ нимъ мы посѣтили Чатамъ, Инженерную Академію, гдѣ я познакомился съ директоромъ ея генераломъ Sir Harry Johnes, Ольдершотскій лагерь, Вуличскій арсеналъ и ружейный заводъ.

Англія сильно мнѣ понравилась, просто очаровала, и долго бы я прожилъ въ Лондонѣ, если бы не финансовый вопросъ; карманъ мой значительно опустѣлъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ я направился къ вокзалу London-Bridge Station, гдѣ съ стѣсненнымъ сердцемъ взялъ билетъ на Парижъ.

Тотлебенъ продолжалъ вести монотонную жизнь, запершись въ кругу нѣсколькихъ Нѣмецкихъ семейныхъ домовъ. Мнѣ нужно было нѣсколько отдохнуть только отъ бойкой жизни въ Лондонѣ и получить деньги, и затѣмъ я составилъ планъ отправиться въ Голландію, оттуда въ Бельгію. Купальный сезонъ я порѣшилъ провести въ Остенде, а оттуда ѣхать въ Швейцарію и Италію. Вернуться въ Петербургъ Тотлебенъ назначилъ въ Октябрѣ 1858 г., и къ этому сроку и я долженъ былъ явиться на службу. Такъ я и сдѣлалъ, и въ Италіи поднялся въ обратный путь съ такимъ расчетомъ, чтобы для отдыха пробыть на полдорогѣ въ Вѣнѣ 5—6 дней. Собственно заграничная командировка моя оканчивалась въ Августѣ мѣсяцѣ, но я просилъ разрѣшенія остаться за границею еще два мѣсяца безъ отпуска для сего денегъ отъ казны, и моя просьба была удовлетворена.

Но какая же рѣзкая разница въ образѣ жизни ожидала меня по прибытіи въ Петербургъ! Я пріѣхалъ туда во второй половинѣ Октября почти прямо изъ Италіи, гдѣ голубое небо и яркое солнце, а въ Петербургѣ я нашелъ ужасную слякоть, холодъ, облака и тучи застилающія все небо и висящія надъ самыми домами, оттого сумракъ въ домахъ цѣлый день—брр... какая мерзость!! Вмѣсто приволья и прогулокъ пришлось втягиваться въ скучныя ежедневныя занятія; всѣ лица, назначенныя для составленія описанія обороны Севастополя, собрались, и мы сначала принялись довольно ретиво за дѣло; но вскорѣ Тотлебенъ охладилъ наше усердіе, показавъ намъ довольно прозрачно, какое направленіе желаетъ онъ дать всему этому описанію.

Библиотека "Руниверс"

Въ первыя главы положено было включить географическій и статистическій очеркъ Крымскаго полуострова, затѣмъ исторію Севастополя съ подробнымъ изложеніемъ всѣхъ проектовъ укрѣпленія его какъ съ моря, такъ и съ сухого пути, и при этомъ положено было къ главѣ этой приложить чертежи этихъ проектовъ. Всѣ документы по оборонѣ Севастополя сосредоточены были въ нижнемъ этажѣ павильона Инженернаго Замка, гдѣ были отведены комнаты для нашихъ занятій. Тотлебенъ жилъ по возвращеніи изъ-за границы на Васильевскомъ островѣ и появлялся къ намъ подъ вечеръ; мы показывали ему наши работы, планы изъ инженернаго архива, съ которыхъ приходилось снимать копіи въ уменьшенномъ масштабѣ, программы тѣхъ главъ, которыя писались нами. Очень часто Тотлебенъ, уходя отъ насъ, приглашалъ меня идти къ нему обѣдать, и мы отъ Инженернаго Замка совершали прогулку пѣшкомъ на Васильевскій островъ.

Пока въ главѣ объ укрѣпленіяхъ Севастополя со стороны моря и сухого пути шло повѣствованіе о проектахъ стараго времени, о временахъ когда подумывали еще объ укрѣпленіи Севастополя и съ сухого пути на тотъ случай, если бы возстали противъ насъ Крымскіе Татары (почему по этимъ проектамъ назначалось строить кругомъ Севастополя укрѣпленія давно уже потерявшія значеніе въ долговременной фортификаціи), Тотлебенъ внутренно подсмѣиваясь надъ этими по его мнѣнію ребяческими проектами, постоянно повторялъ, что глава эта очень интересная и требовалъ, чтобы всѣ эти проекты были подробно описаны и къ описанію приложены копіи всѣхъ плановъ, какіе только сохраняются въ архивѣ Инженернаго департамента. Работа надъ подобною главою была немалая; надо было порядочно порыться въ старыхъ дѣлахъ, собрать массу чертежей, снять съ нихъ копіи, и мѣсяца чрезъ два или два съ половиною дѣло это было закончено и доложено Тотлебену. Во все время чтенія главы о старыхъ проектахъ и воздвигавшихъ укрѣпленіяхъ Севастополя Тотлебенъ былъ очевидно доволенъ работою; но когда въ концѣ главы описанъ былъ проектъ инспектора инженернаго корпуса инженеръ-генерала Дена объ укрѣпленіи Севастополя съ сухого пути уже не противъ Татаръ, а на случай войны съ Европейскими государствами, проектъ, въ которомъ генералъ Денъ ясно обрисовалъ тактическое значеніе для обороны Севастополя Зеленой горы и высотъ за Киленбалкою, то довольное выраженіе лица Тотлебена мигомъ исчезло. Очевидно было, что онъ не зналъ о существованіи этого проекта и думалъ, что онъ сдѣлалъ дѣло небывалое, оцѣнивъ по прибытіи въ Севастополь, также какъ и генералъ Денъ, значеніе названныхъ высотъ.

Библиотека "Руниверс"

Тотлебенъ выслушалъ до конца чтеніе главы и тутъ же началъ говорить, что нѣтъ никакой надобности помѣщать этой главы въ сочиненіи и что ее можно пропустить. Не всѣ изъ насъ сразу поняли въ чемъ дѣло, но Тотлебенъ не выдержалъ и тутъ же началъ увѣрять всѣхъ насъ, что о существованіи проекта Дена онъ не имѣлъ никакого понятія, т. е. что указанное имъ въ Севастополѣ значеніе Зеленой горы и высотъ за Киленбалкою, есть мысль неотъемлемо ему, Тотлебену принадлежащая. Вотъ оно въ чемъ дѣло, думали мы: значитъ ты боишься помѣстить главу о бывшихъ проектахъ, чтобы кто нибудь не подумалъ, что твое указаніе на значеніе впереди лежащихъ высотъ есть только повтореніе мысли другого, а не твоя собственная; поэтому о заслугахъ другихъ лучше и не говорить!

Когда Тотлебенъ ушелъ, и мы начали расходиться, то одинъ изъ сотрудниковъ, съ которымъ приходилось мнѣ идти по пути, началъ на улицѣ свой разговоръ такъ: «Знаете ли, мнѣ кажется, что привлечены мы къ этой работѣ не для того, чтобы писать, какъ всѣ мы думаемъ, правдивую исторію дѣйствительно славной обороны Севастополя, но исключительно только для того, чтобы описывать и раскрашивать заслуги Тотлебена, и безъ того несомнѣнныя; если такъ пойдетъ и дальше, то я кладу свое перо и удираю». Пожалуйста, помалчивайте отвѣчалъ я, не говорите этого другимъ, иначе всѣ разбѣгутся. Развѣ вы не замѣтили какъ не понравился Тотлебенъ всѣмъ за сегодняшнюю недостойную выходку? На его прощальный поклонъ всѣ отвѣтили очень холоднымъ и совершенно оффиціальнымъ поклономъ.

Тотлебенъ садился за чтеніе чего-нибудь серьезнаго съ большимъ трудомъ и не имѣлъ привычки сосредоточивать вниманіе на одномъ и томъ же предметѣ продолжительное время, напримѣръ, сидѣть за однимъ и тѣмъ же дѣломъ два-три часа подрядъ. Такая работа крайне утомляла его, и онъ зачастую прерывалъ занятіе разговоромъ о предметахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ разсматриваемымъ дѣломъ. Когда послѣ занятій въ комиссіи Тотлебенъ приглашалъ меня идти съ нимъ на Васильевскій островъ и обѣдать у него съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда читать какое-либо вышедшее за-границею сочиненіе объ осадѣ Севастополя, то приняться за такое чтеніе онъ никакъ не могъ. Бывало, мы ходимъ съ нимъ, ходимъ взадъ и впередъ по кабинету часа три, толкуя о чемъ-нибудь, такъ что однажды m-me Тотлебенъ, особа весьма скромная и сдержанная, взошла въ кабинетъ и сказала мужу: «Что это вы весь вечеръ ничего не дѣлаете и только разговариваете? Оттого и выходитъ, что за работою засиживаетесь до 2—3-хъ часовъ ночи, послѣ чего и сонъ проходитъ».

Библиотека "Руниверс"

И это была совершенная правда: я уходилъ часто отъ Тотлебена въ 3 часа ночи, почти ровно ничего не сдѣлавши для дѣла, шелъ домой на Караванную пѣшкомъ и, улегшись въ 4 часа утра, лежалъ до 8-ми часовъ съ открытыми глазами, безъ малѣйшей надежды заснуть.

Такъ проходила зима 1858—1859 годовъ, и въ это время я такъ измучился, что совсѣмъ потерялъ сонъ, былъ раздражителенъ и нервенъ. Все хуже и хуже мнѣ дѣлалось; я сталъ сознавать, что желѣзное здоровье мое серьезно потрясено и началъ обращаться за совѣтами къ врачамъ. Я перепробовалъ различныя системы лѣченія: и Шведская гимнастика, и обтираніе по утрамъ мокрыми простынями, и катанье на конькахъ, но сна возвратить себѣ не могъ, и потому съ наступленіемъ лѣта 1859 г. обратился за совѣтомъ къ врачу его высочества великаго князя Николая Николаевича г. Обермюллеру, который предложилъ мнѣ распорядиться лѣтомъ такъ: переѣхать на дачу около Ораніенбаума, купаться, быть больше на воздухѣ и ничего не ѣсть и не пить кромѣ молока. Вслѣдствіе этого я нанялъ квартиру за Ораніенбаумомъ въ Чухонской колоніи и принялся за свою ужасную діэту.

Мало-по-малу мнѣ становилось въ деревнѣ какъ будто бы лучше. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ бросить работу по описанію обороны Севастополя. Любознательность моя по изученію обороны Севастополя была давно уже удовлетворена, а работа сочинительства мнѣ надоѣла.

Поправивши нѣсколько свое здоровье, я рѣшилъ бросить занятія съ Тотлебеномъ и вернуться, не тратя время и трудъ за ничто, къ строительнымъ работамъ; мнѣ вспоминались мои отличные годы службы въ Севастополѣ до Крымской войны, и я просилъ Тотлебена отпустить меня на инженерную службу въ крѣпости. Послѣ многократныхъ разговоровъ на эту тему Тотлебенъ согласился на мою просьбу, но съ условіемъ, чтобы я самъ пріискалъ лицо, которое могло бы заступить меня. Выборъ мой палъ на инженера М. М. Фролова, который въ то время, бросивъ инженерный корпусъ, служилъ во Французскомъ Обществѣ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и находился на линіи гдѣ-то за Москвою.

Я написалъ письмо къ Михаилу Михѣевичу Фролову, который отвѣчалъ мнѣ, что онъ хорошо сошелся съ главными Французскими инженерами и получаетъ прекрасное вознагражденіе, что онъ не сомнѣвается, что въ слѣдующіе годы ему будутъ предоставлены болѣе обширныя работы, а слѣдовательно и вознагражденіе будетъ увеличено; поэтому онъ можетъ согласиться пойти работать къ Тотлебену въ томъ лишь случаѣ, если ему будутъ обѣщаны и награды, и повышенія по службѣ. Письмо это я показалъ Тотлебену, но онъ не захотѣлъ давать

Библиотека "Руниверс"

впередъ какихъ-либо обѣщаній. «Вы вѣдь видите, что не внизъ, а въ гору я иду», сказалъ онъ мнѣ. Я еще разъ написалъ къ Фролову, и онъ наконецъ пріѣхалъ ко мнѣ въ Ораніенбаумскую колонію, и мы отправились съ нимъ къ Тотлебену, который проживалъ тогда въ Ораніенбаумѣ.

24 Ноября 1859 г. я назначенъ былъ командиромъ Кронштадтской инженерной команды на мѣсто полковника Ляпунова; должность эта нынѣ называется: «Начальникъ Кронштадтскаго крѣпостного инженернаго управленія». Инженеръ полковникъ Звѣревъ былъ въ тоже время назначенъ строителемъ Кронштадтскихъ укрѣпленій на мѣсто генерала Дзичканца.

Тотлебенъ желалъ уничтожить существовавшій до того времени въ инженерномъ корпусѣ порядокъ, по которому инженеры получали съ подрядчиковъ условленный процентъ съ контрактной суммы, и для того для тѣхъ крѣпостей, гдѣ производились значительныя работы, Тотлебенъ исходатайствовалъ усиленное для инженерныхъ офицеровъ содержаніе, которое показывалось въ смѣтахъ и отчетахъ подъ рубрикою «техническій надзоръ» и составляло опредѣленный процентъ отъ суммы, ассигнуемой на самыя работы.

Въ Кронштадтѣ въ то время производились значительныя работы по загражденію фарватеровъ ряжевыми линіями, и вотъ Тотлебенъ рѣшилъ устроить здѣсь свой первый *оазисъ честности*, какъ называлъ это въ насмѣшку покойный Константинъ Яковлевичъ Звѣревъ, который съ серьезной точки зрѣнія сильно охуждалъ подобное дѣйствіе Тотлебена. «Посудите сами, говорилъ онъ К. Я. Звѣреву, черезъ годъ мнѣ не нужно будетъ столько офицеровъ сколько ихъ теперь у насъ, а понадобись офицеръ въ другой крѣпости, и этого господина опять пустятъ въ ту среду, гдѣ берутъ съ подрядчиковъ. На что это похоже? Это, другими словами, разрѣшеніе: теперь бери-молъ съ подрядчика, такъ какъ здѣсь еще не устроенъ измышленный мною оазисъ».

Съ К. Я. Звѣревымъ я встрѣтился на службѣ въ первый разъ и чѣмъ больше узналъ его, тѣмъ больше уважалъ; такого разумнаго начальника я встрѣтилъ на своей службѣ въ первый разъ. Звѣревъ и я прибыли въ Кронштадтъ вмѣстѣ и вступили въ исполненіе своихъ обязанностей 1 Января 1860 года.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1861 г. я произведенъ былъ въ инженеръ-полковники, а К. Я. Звѣревъ назначенъ флигель-адъютантомъ.

Особенно заботило тогда К. Я. Звѣрева устройство на южномъ и сѣверномъ фарватерахъ Кронштадта долговременныхъ батарей взамѣнъ тѣхъ временныхъ, которыя были устроены во время Крымской войны.

Библиотека "Руниверс"

К. Я. Звѣревъ пользовался вполнѣ заслуженною репутаціею талантливаго и опытнаго въ строительномъ дѣлѣ инженера. Проекты Кронштадскихъ батарей, устройство ихъ основанія подъ водою, устройство надводной части и обнесеніе батарей ряжевымъ заслономъ, все это было плодъ его усидчиваго труда. Отъ самаго крупнаго вопроса и до послѣдней мелочи, все было не разъ обдумано, передѣлываемо и исправляемо собственноручно Звѣревымъ, который работалъ надъ планами не только по цѣлымъ днямъ, но часто по цѣлымъ вечерамъ при свѣчкахъ, что̀ при его слабыхъ глазахъ вызывало воспаленіе вѣкъ.

Наконецъ планы перечерчены на-чисто подъ надзоромъ офицеровъ; расчеты стоимости работъ и объяснительная записка къ проекту также составлены самимъ Звѣревымъ. Въ назначенный день мы отправляемся съ Звѣревымъ въ Петербургъ, чтобы представить проекты Тотлебену, который не только до того времени не видалъ проектовъ, но даже никогда и не говорилъ о нихъ со Звѣревымъ.

Явились мы къ Тотлебену (который тогда уже жилъ въ Инженерномъ замкѣ) развернули всѣ планы, усѣлись, и началось чтеніе. Тотлебенъ слушалъ внимательно, но потомъ началъ обнаруживать какое-то нетерпѣніе или неудовольствіе; наконецъ онъ не выдержалъ, извинился, что долженъ оставить насъ на нѣсколько минутъ и вышелъ въ другую комнату. «Тотлебену не нравится наша записка, думаю, отъ того, что ни разу не упомянуто его имя», сказалъ мнѣ вполголоса К. Я. Звѣревъ.

Тотлебенъ не разсматривалъ плановъ и профилей проекта, а когда вернулся, чтобы продолжать слушать записку, то сказалъ:

«Знаете, это дѣло такъ не пройдетъ. Государь Императоръ довѣряетъ мнѣ, и потому необходимо упомянуть въ началѣ, что всѣ эти проекты составлены по моимъ указаніямъ и подъ личнымъ моимъ руководствомъ, тогда все будетъ утверждено, и деньги назначутъ безъ всякихъ разговоровъ». Тѣмъ и кончился нашъ докладъ; мы сложили бережно десятки листовъ чертежей, забрали свои бумаги и раскланялись. Спускаясь по крутой каменной, съ забѣжными ступенями, лѣстницѣ въ Инженерномъ замкѣ, Звѣревъ что-то ворчалъ про себя и потомъ, повернувши голову назадъ ко мнѣ, сказалъ: «Видите вы теперь, что̀ такое вашъ Тотлебенъ».—«Да вѣдь я и не защищаю его въ такихъ дѣлахъ, отвѣчалъ я. Стою я только на одномъ и всегда спорилъ о томъ, что нельзя отнимать у Тотлебена услуги, оказанныя имъ въ Севастополѣ. Какой бы онъ ни былъ малознающій и какой онъ ни есть человѣкъ, но въ Севастополѣ между всѣми нами онъ былъ одинъ, который зналъ атаку и оборону крѣпости; онъ одинъ зналъ минное искусство, а всѣ мы, тамъ собравшіеся, ничего изъ этого дѣла не разумѣли, а только научились этому дѣлу отъ него же во время самой обороны, и

Библиотека "Руниверс"

сверхъ того я утверждаю, что никто изъ насъ въ Севастополѣ не обладалъ такою энергіею какъ Тотлебенъ. Вотъ и все о чемъ я спорилъ». Константинъ Яковлевичъ былъ явно не въ духѣ, не хотѣлъ ничего со мною говорить, и такъ мы вернулись въ Кронштадтъ.

К. Я. Звѣревъ былъ не крѣпкаго здоровья, часто хворалъ и тогда обыкновенно очень хандрилъ, но въ общемъ я служилъ съ нимъ съ большимъ удовольствіемъ и постоянно сохранялъ хорошія отношенія; это былъ человѣкъ большаго ума и высокообразованный, какіе въ нашемъ Русскомъ обществѣ встрѣчаются рѣдко.

Я познакомился съ m-me Пошманъ и вскорѣ сдѣлалъ предложеніе ея племянницѣ Елисаветѣ Александровнѣ Норманской и получилъ согласіе на бракъ.

8-го Января 1861 г. мы обвѣнчались въ церкви Правовѣдѣнія и вечеромъ того же дня поѣхали въ Кронштадтъ. 30-го Декабря, послѣ тяжкихъ страданій, жена скончалась.

Лишиться любимой жены не было единственнымъ тогда моимъ несчастіемъ. Всю мою жизнь я замѣчалъ, что если ужъ судьба ниспосылаетъ на меня какую либо бѣду или даже непріятность, то подарки такіе она преподноситъ мнѣ не въ единственномъ числѣ, а всегда вдвойнѣ, какъ будто я изъ породы толстокожихъ, и нельзя пронять меня однимъ ударомъ. Я твердо вѣрую въ народную примѣту, что бѣда никогда не ходитъ одна; такъ и тутъ было: одновременно съ болѣзнію жены, матушка моя тоже заболѣла и скончалась въ одинъ день съ Елисаветою Александровною. Ихъ и хоронили въ одинъ день; въ ту минуту, когда гробъ жены подвезли изъ Кронштадта по льду къ Петербургу, мнѣ сообщили, что въ туже минуту погребальная процессія матушки двинулась изъ дома на Митрофаньевское кладбище.

Несчастіе мое было великое, и долго я не могъ примириться съ мыслію о потерѣ жены. Къ служебнымъ дѣламъ я началъ относиться крайне пассивно, всегда любимое занятіе я совсѣмъ бросилъ; общества, знакомыхъ не могъ выносить. Кончилось тѣмъ, что, не зная куда дѣваться отъ гнетущей тоски, я взялъ лѣтомъ 1862 года продолжительный отпускъ и рѣшилъ поѣхать куда нибудь за границу. Желѣзныя дороги лѣтомъ крайне пыльны, и стукотня ихъ меня раздражала, поэтому я взялъ билетъ на Англійскій пароходъ «The Emperor Alexander» и отправился изъ Кронштадта въ Англію, въ Гуль. Въ пути мы были 6 сутокъ, имѣя остановку въ Копенгагенѣ на нѣсколько часовъ, что̀ позволило намъ бросить бѣглый взглядъ на городъ и полюбоваться наиболѣе выдающимися произведеніями Торвальдсена. Общество на пароходѣ состояло исключительно изъ Англичанъ, ѣхавшихъ изъ Петербурга въ Лондонъ на всемірную выставку. Въ Гуль мы пришли вечеромъ; тамъ

Библиотека "Руниверс"

я переночевалъ и на другой день поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Лондонъ, гдѣ я пробылъ недѣли двѣ и отправился къ морю въ скромный городокъ подлѣ Брайтона, въ S-t Leonard. Здѣсь я сидѣлъ совершенно одинокимъ, безъ всякихъ знакомыхъ и ежедневно купался. Гостинница, въ которой я жилъ, была на самомъ берегу моря, шумъ котораго я постоянно слышалъ въ своемъ номерѣ, и этотъ однообразный ворчливый голосъ природы дѣйствовалъ успокоительно на мои нервы.

Идущая вдоль берега моря улица городка St. Leonard сливается съ улицею другого также небольшого и очень чистенькаго городка Хэстингсъ. Вотъ въ этотъ-то городокъ, за мое время, прибылъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ супругою Ольгою Ѳедоровною и небольшою свитою. Въ одинъ темный вечеръ я сидѣлъ на берегу моря, на набережной не было кромѣ меня ни души, только какой-то несчастный сидѣлъ на тротуарѣ, облокотившись о стѣну дома; кажется, это былъ нищій-слѣпой. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того какъ я усѣлся на одну изъ скамеекъ набережной, въ густой тѣни, никому не видимый, съ крыльца одного изъ домовъ набережной сошелъ на тротуаръ стройный высокій мужчина, въ которомъ я, послѣ одного или двухъ фонарей, узналъ вполнѣ отчетливо Великаго Князя Михаила Николаевича; онъ шелъ одинъ по направленію къ той части города, гдѣ онъ жилъ. Пройдя нѣсколько шаговъ мимо нищаго, Его Высочество вернулся назадъ и, подойдя къ нему, наклонился и положилъ въ руки бѣдняка какую-то монету. Такой поступокъ, никѣмъ невидимый, мнѣ очень понравился.

Бывшій одновременно со мною на Лондонской выставкѣ инженерный генералъ Гернъ сообщилъ мнѣ письмомъ, что Великому Князю Михаилу Николаевичу извѣстно о моемъ пребываніи въ Англіи и что Его Высочество выразилъ желаніе меня видѣть. На этомъ основаніи я тотчасъ же поспѣшилъ явиться къ Великому Князю, который подробно разспрашивалъ меня о Спитгедскомъ рейдѣ и вооруженіи его батарей и о сдѣланныхъ мною знакомствахъ среди спеціалистовъ военнаго дѣла. Въ концѣ бесѣды Его Высочество сказалъ:

— Жена моя пошла теперь купаться, и потому не могу васъ познакомить. Пріѣзжайте ко мнѣ завтракать сегодня въ 1 ч. дня; тогда я представлю васъ великой княгинѣ. Я откланялся, конечно не преминулъ воспользоваться милостивымъ приглашеніемъ и былъ снова принятъ милостиво и съ благосклоннымъ вниманіемъ.

Въ то время Англичане много работали надъ бронями и на особомъ полигонѣ испытывали непроницаемость брони стрѣльбою изъ самыхъ тяжелыхъ орудій. Я зналъ, что Великій Князь былъ приглашенъ присутствовать на опытахъ, и потому испросилъ разрѣшеніе быть

Библиотека "Руниверс"

въ этомъ случаѣ въ его свитѣ (иначе доступъ туда для иностранцевъ былъ крайне труденъ). Великій Князь согласился и сказалъ мнѣ оставить ему мой адресъ, обѣщая предупредить меня о времени своей поѣздки. Но прошло нѣсколько дней, и я ничего не зналъ, поѣдетъ ли Великій Князь на опыты надъ бронями, а между тѣмъ мнѣ надо было ѣхать въ Швейцарію, въ Интерлакенъ и дальше, согласно плана, составленнаго мною въ видахъ пополненія моихъ свѣдѣній о странахъ, посѣщенныхъ мною четыре года тому назадъ, т.-е. въ 1858 году.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ.

Изъ писемъ Константина Андреевича Ухтомскаго къ Николаю Александровичу Рамазанову [1]).

1852—1865 г.г.

С.-Петербургъ, 5-го Февраля 1852.

И такъ эту зиму ты къ намъ не пріѣдешь на чугункѣ [2]), хотя бы на блины. У насъ сегодня въ ночи въ Академіи скончался Павелъ Петровичъ Уткинъ, былъ очень недолго боленъ и всѣхъ насъ удивилъ. Дома у меня тоже старичекъ мой очень слабъ, вотъ уже шесть недѣль какъ онъ похварываетъ и замѣтно гаснетъ. Все это время я провожу скучно, выѣзжаю мало, хотя меня бомбардируютъ приглашеніями, но такъ какъ на душѣ невесело, то я нахожу глупо съ постной рожей показываться въ люди; а въ Питерѣ теперь такъ и кутятъ: балы, маскарады, блины, смѣняютъ одни другихъ. Недавно была свадьба сестры Василія Васильевича Шебуева съ поручикомъ Коноплянскимъ, сегодня у К. А. Тона балъ, отъ котораго я отказался. Вотъ тебѣ Петербургскій анекдотъ; не знаю, долетѣлъ ли онъ до Москвы. Пріѣзжая одна помѣщица изъ Полтавы хлопотала объ опредѣленіи въ какое-либо изъ заведеній трехъ своихъ сыновъ; но увы, тщетны были ея хлопоты. Помѣщица не упала духомъ и въ одномъ изъ маскарадовъ подошла къ Государю, интриговала его, заняла его и между прочимъ просила удостоить ее принять подарокъ отъ нея, ея *издѣлія*, какъ она выразилась. Государь отвѣчалъ ей «почему нѣтъ, если только онъ можетъ пригодиться», и назначилъ ей на другой день отдать подарокъ дежурному флигель-адъютанту. Помѣщица взяла своихъ трехъ сыновъ и отправилась въ Зимній дворецъ. Подарокъ ея былъ принятъ, и дѣти ея размѣ-

---

[1]) Писанныхъ изъ Петербурга въ Москву, гдѣ извѣстный Н. А. Рамазановъ (1815—1867) служилъ въ Школѣ Живописи и Ваяніи. Другъ его, архитекторъ и акварелистъ Константинъ Андреевичъ Ухтомскій (1814—1881), сынъ извѣстнаго гравера, завѣдывалъ Музеемъ въ Императорской Академіи Художествъ. П. Б.

[2]) Поѣзды чугунки изъ Москвы въ Петербургъ открыты были для всѣхъ только 19 Ноября 1851 года. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

щены по корпусамъ; но, говорятъ, что Государь замѣтилъ, что надо быть осторожну въ принятіи подарковъ! Второе происшествіе маскарадное въ другомъ родѣ. Юный прапоръ Преображенскаго полка Безобразовъ, въ пьяномъ видѣ, изволилъ нанесть нѣсколько ударовъ полусаблей отставному штабсъ-капитану Степанову. Тутъ невольно пожмешь плечами и скажешь: военная нація наша матушка Русь!!! Во всемъ *образованномъ* мірѣ люди являются въ общество невооруженными, а у насъ въ церквахъ молятся съ шашками и кинжалами, въ театрахъ сидятъ съ пистолетами, въ маскарадахъ ходятъ съ саблями. Къ чему?? Не будь у Безобразова его полусабли, происшествіе не было бы sanglante, происшествіе очень грязное и непріятное. Безобразовъ разжалованъ въ солдаты на Кавказъ. Ну вотъ и весь запасъ новостей. Въ оперѣ даютъ Сарданапала, новая музыка Allario, постановлено блестящимъ образомъ; въ этой оперѣ есть все, и кузница, и спальня, и дýхи, и костеръ украшенный гирляндами изъ цвѣтовъ, но нѣтъ главнаго—хорошей музыки. Говорятъ, что это не Алларіо написалъ эту оперу, а Кирѣевъ, *потому что все ворованное*! Въ театрѣ одинъ мой пріятель мнѣ сказалъ: «Да видно оперу написать помудренѣе, чѣмъ управлять министерствомъ». Я совершенно раздѣляю его мнѣніе. Тебѣ преданный К. Ухтомскій.

*

С.-Петербургъ, Марта 10-го 1852.

Очень отрадно слышать, что въ вашей Бѣлокаменной есть люди умѣющіе цѣнить художника и ему сочувствовать. У насъ, пожалуй, въ меркантильномъ Питерѣ, не то чтобы не было, а некогда: городъ дѣловой, и никакими *художествами* не занимаются. Извини меня, что я не писалъ тебѣ о моемъ горѣ, о моемъ первомъ горѣ въ жизни; до сей минуты я не зналъ его, а вѣрно въ жизни надо все испытать! Какъ ни старъ былъ мой батюшка (81 годъ), а разставаться съ близкими сердцу очень тяжело. Умеръ онъ тихо, спокойно, послѣ шестинедѣльной болѣзни тифознаго воспаленія. Миръ праху его! Вотъ еще печальная новость: бѣдная Юлія Ивановна Тонъ скончалась 3-го сего мѣсяца, въ 13 дней не стало этой женщины. Алек. Андреевичъ сознается самъ, что уходилъ ее. Смерть у насъ въ домѣ Академіи: въ одинъ мѣсяцъ трое выбыло, и вообще въ это время въ Петербургѣ большая смертность, особенно достается бѣднымъ женщинамъ en couche. Я провожу мое время отмѣнно скучно, весь постъ этотъ съ похоронъ на выносъ и на похороны, такая выдалась колея! Очень бы желалъ взглянуть на твою Татьяну. Напиши мнѣ, какую ты выбралъ минуту. Это что ли?

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ,
Письмо дрожитъ въ ея рукѣ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

Угадалъ или нѣтъ? Я совершенно соглашаюсь съ идеею Карла Павловича Брюлова, что подрядочныя работы—не поэтическія работы, а все таки отъ души желаю тебѣ имѣть и денежныя работы; тебѣ полезно имѣть много денегъ, онѣ у тебя не залежатся, человѣкъ ты не скупой и не скряга, а подобнымъ *подай Господи*! Въ Питерѣ теперь тихо, молятся и грѣшатъ втихомолку. Нашъ добрый министръ поправился, а мы ждали что Богъ пошлетъ по его душу, да вѣрно такой низкой душонки не надо. Иванъ Петровъ здоровъ, но сомнѣвается, что здоровъ, ты знаешь его мнительный характеръ; говоритъ, что съ нимъ ударъ будетъ. Онъ спокоенъ быть не можетъ; надо, чтобы что нибудь его тревожило. Есть же такіе люди!! Поклонись Егору Яковлевичу отъ меня. Твой къ услугамъ К. Ухтомскій.

P. S. Вотъ тебѣ маленькая scandale Петербургская. Лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка офицеръ (фамиліи не знаю) попался въ надувательствѣ извощиковъ. Разсказовъ очень много, какъ онъ попался, но что попался, то это вѣрно; онъ разжалованъ въ гарнизонныя роты тѣмъ же чиномъ. Какая невинная шалость! Ай гвардейцы!

*

С.-Петербургъ, 7 Мая 1852.

Очень жалѣю, сколько я могъ замѣтить, что скульптура не въ ладахъ съ живописью въ вашемъ Училищѣ [1]). Отъ души бы желалъ имъ сблизиться. Каковъ бы ни былъ М. И. [2]), но онъ умный человѣкъ; а что онъ надулъ К. А. [3]), то это я всегда ожидалъ, всегда говорилъ, что это будетъ. Да и правду сказать, оно и не такъ трудно. Одна изъ родственницъ К. А. мнѣ съ сокрушеннымъ сердцемъ говорила, что К. А. очень сердитъ на М. И., что онъ его одурачилъ и т. п.; я ее убѣдилъ (такъ мнѣ казалось по крайней мѣрѣ), говоря, что К. А. напрасно слушаетъ своего пріятеля г-на Г., и что не его дѣло совсѣмъ мѣшаться въ распоряженія вашего Училища; натурально, все это въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Г. К. А., оказалось, и мнѣ подставлялъ ногу, желая на мое мѣсто помѣстить того же г. Серебрякова; это вышло впослѣдствіи, но несчастливъ же его protégé. Неудачи всюду: хотѣли не такъ давно помѣстить его учителемъ рисованія въ гипсовый классъ на мѣсто П. П. Уткина, и опять отказъ! За то Геркенъ дастъ ему вѣрно всю церковь Спаса расписать, или прикажетъ дать К. А.; а, виноватъ, мнѣ нравится, что Скотти надулъ нашего превосходительнаго профессора. Въ маленькихъ городкахъ всегда есть сплетни и вздоры; каждый казенный

---

[1]) Т. е. въ Московскомъ Училищѣ Живописи и Ваянія. П. Б.

[2]) Скотти. П. Б.

[3]) К. А. Тонъ? П. Б.

Библиотека "Руниверс"

домъ, гдѣ живетъ нѣсколько семействъ, есть маленькій городокъ; но, право, жаль, что вы не сошлись между собою. Скотти эгоистъ, но не думаю, чтобы онъ былъ злой и недоброжелательный человѣкъ, а вамъ даже *надо* быть дружну и идти рука съ рукой. Pardon за мораль...

Въ Академіи теперь хлопоты съ образами Исакіевской церкви. Государь ихъ приказалъ поставить до окончанія собора у насъ въ Музеѣ. При пріемѣ ихъ оказалось, что почти всѣ онѣ скороблены, вездѣ видны швы и винты, и что холстъ мѣстами отпузырился, и есть царапины... Только! Вообрази себѣ премудрое распоряженіе Комиссіи построенія собора. Вѣроятно для бо̀льшихъ выгодъ Комиссіи, художникамъ давались приготовленные холсты; но согласись, что просто одинъ холстъ для картины—гдѣ же выгоды для комиссіи, то придумано вотъ что: холстъ наклеенъ на картонъ, картонъ привинченъ большими винтами на деревянный паркетъ!! Не правда ли, мудро? Теперь вслѣдствіе этой мудрости картонъ ссохнулся, винты выскочили на холстъ, паркетъ (дурной, натурально) покоробился, и холстъ мѣстами отпузырился. Принимая эти образа, я имѣлъ то въ виду, чтобы послѣ не пало на Академію, что не умѣли сохранить образа̀; я подалъ объ этомъ рапортъ, и каша заварилась. Но сейчасъ былъ Монферанъ и увѣрялъ меня, что это *ничего* (!), что у него есть реставраторъ, который это все поправитъ. И такъ образа̀ которые еще не были въ церкви, уже будутъ реставрированы! К. Волконской рвалъ на себѣ волосы, когда былъ читанъ мой рапортъ; я боюсь, что испортилъ нѣсколько послѣднихъ капель крови у предсѣдателя Комиссіи построенія Исакіевскаго собора и моего милаго министра.

Въ Питерѣ весна не на шутку, сегодня былъ очень жаркій день, всѣ и все ѣдетъ на дачу; мнѣ кажется, этотъ годъ придется мнѣ сидѣть въ городѣ. Новостей особенныхъ нѣтъ; я мало выѣзжаю, въ спектакляхъ не бываю, любуюсь прекраснымъ видомъ изъ моихъ оконъ, набережная Васильевскаго острова есть лучшая въ Европѣ; безъ хвастовства, это salon, особенно теперь, но пароходство еще не началось, около Кронштадта все еще ледъ, и отъѣзжающіе за границу должны выѣхать 10-ю днями (и больше, можетъ быть) позже; пріѣзжай ко мнѣ въ гости, теперь это прогулка, можно ѣздить съ визитомъ къ вамъ и къ намъ. A rivederla. Constantino.

*

С.-Петербургъ, 18 Мая 1852.

Ну вотъ я съ поклономъ къ тебѣ, любезный Николай Александровичъ. Пользуясь случаемъ, посылаю тебѣ двѣ небольшія картинки покойнаго Штеръберга; не найдешь ли ты какого либо охотника? Сдѣлай милость, сбудь ты мнѣ ихъ, коли можно. У васъ появляются любители,

Библиотека "Руниверс"

у насъ же пропадаютъ. За каждую по 100 рубл.; если же не найдешь никакого охотника, то при случаѣ перешли мнѣ ихъ обратно.

*

С.-Петербургъ, 28-го Октября 1852.

Я очень виноватъ передъ тобою, Николай Александровичъ, что не отвѣчалъ до сихъ поръ на твои письма. M'y voilà, теперь я къ твоимъ услугамъ! Спасибо за твою статью о Карлѣ Павловичѣ; спасибо, что ты написалъ о немъ, и спасибо, что ты прислалъ къ намъ *ее* въ Академію. Я сейчасъ же разослалъ книжки твои кромѣ двухъ, которыя и до сихъ поръ у меня лежатъ; это къ двумъ Тонамъ. Въ письмѣ твоемъ ты ихъ вычеркнулъ, а между тѣмъ на экземплярахъ надписи гласятъ: Тонамъ. Такъ, если прикажешь, я имъ передамъ; mieux tard que jamais. Барельефъ твой я ждалъ, ждалъ и увы, не дождался; бумаги есть у насъ въ конторѣ, но барельефа нигдѣ нѣтъ; гдѣ же онъ? У насъ теперь выставка въ самомъ разгарѣ, публика очень усердно посѣщаетъ насъ, образа Исакіевскаго собора занимаютъ почти всѣ залы по круглому двору, между коими Штейбена картины покрыли всѣ прочія, а деругъ красками всѣхъ больше Ѳ. П. Брюлова; мои служители, ставивши ихъ на мѣста, говорили, что онѣ лучше всѣхъ, и нашъ почтенный профессоръ К. Тонъ тоже всѣхъ увѣряетъ, что Ѳ. П. лучше прочихъ; ну на здоровье! Всѣхъ хуже образа Дорнера, иностранца, котораго однако было велѣно сдѣлать членомъ Академіи!!! Скульптура весьма бѣдна; есть большой барельефъ на званіе академика: это Авраамъ принимаетъ трехъ странниковъ, работы Іенсена, за который онъ не удостоился быть признаннымъ; нѣсколько бюстовъ, хорошенькій Амуръ въ раковинѣ, Бродскаго, вотъ и все. Отдѣлъ архитектуры нынѣшній годъ тоже очень скуденъ, т. е. богатъ числомъ, а къ несчастію нѣтъ ничего особенно хорошаго; проектъ Рѣзанова церкви на кладбищѣ на званіе профессора не худъ (его сдѣлали профессоромъ), а все остальное ниже посредственности. Зато живопись украшаетъ выставку. Программа на 1-ю золотую медаль была: Ной благословляетъ дѣтей и проклинаетъ Хама; жаль, что онъ не въ добрый часъ проклялъ его: племя Хамово сильно расплодилось по свѣту. Но прости за отступленіе, г. Ксенофонтовъ получилъ 1-ю медаль, а вторую получили *трое*, г. Кабановъ, Венигъ и Бронниковъ; у послѣднихъ двухъ бездна таланту; Кабановъ и Бронниковъ за программу Іоаннъ проповѣдуетъ въ пустыни, а Венигъ за Агарь. Эренсъ получилъ 1-ю золотую за пейзажъ—вещь слабая. Новое лицо на горизонтѣ искусствъ, лейтенантъ Боголюбовъ, получилъ прямо 2-ю золотую медаль. Онъ въ родѣ Айвазовскаго, человѣкъ съ большимъ дарованіемъ. Между баталическими работами кар-

Библиотека "Руниверс"

тина князя Максутова, Смерть г.-м. Слѣпцова на Кавказѣ, очень милая вещь. Нашъ почтенный М. Н. Воробьевъ выставилъ три картины, виды Невы и Петербурга, прелестные. Чудная картина иностранца г. Заля, полночь въ Норвегіи во время солнцестоянія; это chef-d'oeuvre пейзажной живописи. Зарянки прекрасны, а портреты Штейбена графа Местера и В. В. Самойлова еще лучше. Въ послѣднемъ залѣ есть еще вещь замѣчательная; это работа Шульмана, очень плоха. Вотъ и все. Ахъ, забылъ сказать тебѣ, есть прекрасный портретъ В. К. Шебуева, за который художникъ получилъ званіе академика, и любителя Зацѣпина большая картина Монастырки на клиросѣ, очень милая вещь.

*

С.-Петербургъ, 6-го Декабря.

Спасибо за твое предложеніе о барельефахъ въ нашу церковь, но мы уже поставили на послѣднія мѣста, какія были у насъ незанятыми. Еще выставка до сихъ поръ не убрана, мы ждемъ новаго нашего президента; *онъ* или *она*, какъ хочешь, что-то долго не ѣдетъ. Царь у насъ былъ и взялъ три картины, пейзажъ Лагоріо, Смерть Слѣпцова князя Максутова, и маленькую баталическую картину ученика Микѣшина; графу Ѳ. П. Толстому поручилъ сдѣлать изъ мрамора его Нимфу льющую воду. Въ оперномъ мірѣ освистали знаменитость Маріо, и за дѣло (въ Лукреціи), что̀ его сдѣлало на много внимательнѣе къ публикѣ, которую онъ уже начиналъ ни во что ставить. Я воображаю себѣ голубой диванъ съ дамою и канарейками, должно быть забавно!!!

18-го Ноября мы похоронили бѣднаго нашего сочлена г. Ѳедотова.

*

Генваря 13-ое 1853.

Вчера былъ Совѣтъ у насъ въ Академіи. Спѣшу тебя увѣдомить, что г. Милославскій получилъ званіе художника, а Ѳадѣевъ *спасибо*. Медали не дали; нашли, что мелко немного; жаль, что барельефъ онъ не сдѣлалъ покрупнѣе. Вотъ это тебѣ, а Михаилу Ивановичу передай, что Шухвостову нельзя было дать званіе академика безъ программы; это разъ, а второе, что есть извѣстный срокъ, это именно пять лѣтъ по полученіи званія художника можно искать высшей степени академической; исключенія для особенныхъ талантовъ. Если ты будешь впередъ посылать гипсовыя вещи съ транспортомъ, то пожалуйста укладывай ихъ лучше: онѣ всѣ въ кускахъ приходятъ

Мы начали новый годъ довольно пріятно. О болѣзни, которая у насъ порядочно свирѣпствуетъ, мы очень мало думаемъ; видно, можно привыкнуть и къ эпидеміи... Ты вѣрно знаешь: у насъ Віардо-Гарсіа. Я былъ на ея первомъ entrée. Что за furore она произвела! Зала те-

Библиотека "Руниверс"

атра хотѣла развалиться, кажется, отъ аплодисментовъ; она пѣла вводную арію въ Севильскомъ Цирульникѣ—соловей! И что это былъ за соловей, жалѣю васъ Москвичей. Право можно погордиться безъ фатовства, что у насъ на сценѣ подобной талантъ. Но вотъ вчера она была слаба въ Ottello, и только выкупилъ этотъ дивный романсъ третьяго акта: Assisa a un piè... который былъ Rossini написанъ для сестры ея Малибранъ и который знаменитый маэстро называлъ: la reine des romances. Для трагедіи она слаба, въ оперѣ bouffa она несравненно лучше. Въ эту Субботу идетъ новая опера Rigolletto, а въ будущую Пророкъ. Пріѣзжай, что̀ тебя дразнить? Посмотри на новую Венеру г. Витали, за которую Государь далъ ему коробку на Анну и 10,000 р. сер. Вещь прекрасная, стоитъ въ Эрмитажѣ, въ Русской залѣ скульптуры. Очень жаль, что нѣтъ ничего твоего, а всѣхъ твоихъ товарищей статуи тамъ же находятся. Ты меня просилъ что нибудь сообщить о г. Ѳедотовѣ. Вотъ все, что̀ я знаю, хотя я его и хоронилъ. Онъ умеръ въ больницѣ Всѣхъ Скорбящихъ, исповѣдавшись и пришедши въ память, отъ водяной болѣзни. Изъ вещей его остались нѣкоторыя начатыя: пирушка купеческаго сынка, казарменная офицерская жизнь, и двѣ вдовушки, обѣ оконченныя картины, вотъ и все. Замѣчательно, что при сильномъ разстройствѣ ума его, онъ въ больницѣ иногда рисовалъ, и мнѣ показывали его рисунки, очень мило; говорилъ все почти рифмами, и очень остро и удачно, но въ замѣну этого и неистовства были его ужасныя. Жаль его бѣднаго, а еще больше старика отца его, который живетъ у васъ въ Москвѣ и который, кажется, до сихъ поръ не знаетъ о его смерти. У меня былъ г. Мокрицкій, который вѣроятно изъ желанія сдѣлать добро вашимъ ученикамъ представилъ ихъ работы, обойдя Академію, прямо Ея Высочеству, но неудачно. Я слышалъ, но *не читалъ*, что Великая Княгиня въ бумагѣ о представленныхъ работахъ выразилась, что онѣ достойны для *выпуска*. На дняхъ уѣзжаетъ въ Вятку нашъ общій товарищъ М. Ѳ. Ламакинъ.

*

С.-Петербургъ, Февраля 1853.

На сценѣ у насъ идетъ опера Prophète, которую у насъ перекрестили въ: le Siège de Gand!!! Какъ насъ берегутъ! Въ Академіи все тихо кромѣ того, что М. Эльсонъ женился, и мы всѣ пировали у него на свадьбѣ, я шаферствовалъ. Все остальное состоитъ благополучно. Пожалуйста при случаѣ черкни мнѣ что-нибудь о Соколовѣ, котораго я тебѣ рекомендовалъ. Я изъ-за него попалъ впросакъ. Онъ уѣзжалъ изъ Петербурга къ мѣсту его новаго служенія; начальникъ его мнѣ нѣсколько знакомый человѣкъ; я опять за рекомендаціи, да и попался.

Библиотека "Руниверс"

Министръ г. Клейнмихель, опредѣляя его на мѣсто, послалъ узнать о житіи-бытіи его въ Москвѣ, и Лужинъ отнесся такъ.... что нельзя было и ожидать отъ него, Соколова; выходитъ, что онъ мошенникъ и подлецъ великій. Пожалуйста извини, что я тебѣ его тоже рекомендовалъ, ужъ больше никогда не буду. Все это впрочемъ изъ нашей связи; наши отцы были друзья, я очень уважаю его мать и родныхъ его; хотя меня и предупреждали о немъ, да какъ-то не вѣрилось, а выходитъ, что онъ мазурикъ! Если ты что-либо знаешь о немъ, пожалуйста напиши.

Полицейская газета разбранила въ пухъ и въ прахъ г. Завьялова и превознесла г. Мейера, и то и другое преувеличено. О скульптурѣ очень мало сказано, а статуя въ настоящую величину Бродскаго Актеонъ отдыхающій, очень хорошая вещь, имъ же вырубленный Купидонъ въ раковинѣ изъ мрамора—прелесть! Сего не скажу я, при всемъ моемъ уваженіи къ графу Ѳ. П. Толстому, о его Нимфѣ. Ты вѣроятно знаешь новыхъ нашихъ профессоровъ, вотъ кто удостоился: Шамшинъ, Завьяловъ, Кракоу и Вендрамини (граверъ). Академиками признаны: арх. И. Штромъ, Зайцевъ, по живописи Тютрюмовъ, Яковлевъ, Кольбъ, Мейеръ, Риццони, Семеновъ. Медалей роздано много, 6 первыхъ золотыхъ и кажется 11 вторыхъ, весьма щедро; особенно отличился академикъ Худяковъ вашъ Москвичъ: онъ въ первый разъ написалъ небольшую картину (genre) Контрабандисты съ пограничной стражей, и заставилъ многихъ, особенно баталистовъ, призадуматься. Лейтенантъ Боголюбовъ идетъ совершенно по стопамъ Айвазовскаго, и мнѣ кажется, что его перегонитъ; многіе и теперь находятъ, что онъ ничѣмъ не уступаетъ ему. Оба новые историко-профессоры, неспорно, что, какъ люди, стоятъ сего званія, но картины ихъ—такъ себѣ; одинъ не совершенно кончилъ, и это Ѳ. С., а у другого многое подлежитъ критикѣ. Есть очень миленькія двѣ картинки Мейера, присланныя изъ Берлина, тоже genre, очень хороши. А Риццони опять съ своимъ кабакомъ, со щупаніемъ грудей и со всѣми гадостями, что впрочемъ очень хорошо написано, но отвратительно гадко, онъ не эстетикъ. Есть еще у насъ Вакханка въ ростъ написанная ак. Лавровымъ съ бубномъ, про которую говорятъ, что жаль что у нея не зеркало въ рукахъ, а бубенъ; этотъ бубенъ приходится у такого мѣста, что дѣйствительно было бы полнѣе и удовлетворительнѣе для многихъ, естьли бы онъ сдѣлалъ зеркало! Но есть достоинства. Г. Зарянко выставилъ два портрета; хороши, но есть сухость. Я тебѣ не описываю программъ нашихъ учениковъ, а скажу только, что онѣ такъ хороши, что хоть бы профессорамъ писать. Слава Богу, что онѣ далеко стоятъ отъ новыхъ профессорскихъ твореній. Есть еще кое-что отрадное: Русской граверъ на деревѣ Сѣряковъ выставилъ голову Рембранта, т. е. гравюру, голова вершка 1½, и надо сказать,

Библиотека "Руниверс"

что это—на деревѣ, не уступитъ никакой гравюрѣ на стали, превосходно. Въ заключеніе скажу, что большой миніатюрный портретъ г. Фрикке, писанный Радловымъ, очень хорошъ; онъ за него получилъ 2-ю золотую медаль.

Ну будетъ про выставку. Двѣ главы Гоголя я читалъ. Не знаю, сколько у васъ ихъ въ Москвѣ и помню, что очень хохоталъ: «полюбите насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякой полюбитъ». Очень смѣшно и очень вѣрно! Торопись къ намъ пріѣхать; можетъ быть, выставку увидишь, до 1-го Ноября она навѣрное простоитъ, а дальше не знаю. Абонировался, братецъ, я на Рашель, т. е. на ея представленія; ожидаемъ много удовольствія.

*

С.-Петербургъ, 19 Ноября 1853.

Какъ ты удивился кускамъ обломанныхъ гипсовыхъ слѣпковъ, присланныхъ отъ насъ изъ Академіи, такъ признаюсь и я, читая твое письмо, былъ пораженъ глупымъ распоряженіемъ гг. Токарева и Витали. Чѣмъ же виновата бѣдная Академія, что въ ней сидятъ такіе болваны, съ позволенія сказать. Что Токаревъ глупъ, то это всѣмъ извѣстно, отчего и былъ данъ непосредственный надзоръ г. профессору; а что толстый профессоръ и не заглянулъ въ мастерскую, гдѣ изготовлялись статуи и головы, никто не виноватъ кромѣ его. Я твое письмо прочелъ графу Ѳ. П.; пожали мы плечами, обругали заочно и Токарева, и Витали; но кажется, имъ придется за эту безпечность поплатиться собственнымъ карманомъ, и ей Богу за дѣло, и не жаль!

Напрасно ты не торопишься насладиться игрою m-lle Rachelle. Десять лѣтъ тому назадъ, я ее видѣлъ нѣсколько разъ въ Парижѣ; дѣйствительно она была худощава, суха, и я себѣ воображалъ, что она должна быть еще суше, еще хуже и натурально старше, однако запасся впередъ кресломъ на весь saison ея. Но вообрази же мое удивленіе, что она лучше стала, она пополнѣла, лѣта ея извѣстны: въ 1843 году ей было 24-ре года, значитъ ей теперь 34-ре, лучшіе года для артистки драматической. Описывать всѣхъ нашихъ восторговъ нѣтъ мѣста въ письмѣ; можно только сказать, что ты видишь предъ собою женщину за двѣ тычячи лѣтъ, со всѣми прелестями формы, граціи и стихами Расина, кромѣ ея дикціи. Что въ ней особенно прелестно, это ея движенія: каждое изъ нихъ садись да и рисуй! Я увѣренъ, что ты помиришься съ нею, когда ее увидишь; для художника это двойное удовольствіе предъ прочими смертными. Есть еще у насъ Нѣмочка, которая своимъ талантомъ многихъ Русскихъ тянетъ въ Нѣмецкой театръ, это Lina Höffer. Что за душка! Но опера наша—это послѣ ужина

Библиотека "Руниверс"

горчица; послѣ Гарсіи, Гризи, Маріо, мы слушаемъ Delagrange, Nodin и пр., c'est du drogue, mon cher; не вѣрь фельетонамъ нашихъ газетъ, которые пишутъ по заказу или по приказанію. Одинъ Лаблашъ и Ронкони выносятъ на своихъ гигантскихъ плечахъ все, что ни даютъ имъ пѣть, чѣмъ и натурально поддерживаютъ такъ называемую Итальянскую оперу.

Мы ждемъ къ намъ въ Академію Государя. На дняхъ былъ у насъ президентъ, строго осмотрѣлъ выставку, выбралъ двѣ картинки и одну копію себѣ, велѣлъ заказать ученику Витали Фоллети изъ мрамора Купидона съ дельфиномъ со слѣпка, хранящагося у меня въ Музеѣ, и обѣщалъ намъ, что Императоръ хотѣлъ непремѣнно быть, почему вся выставка его поджидаетъ.

*

С.-Петербургъ, 23 Декабря 1853.

Въ Академіи у насъ былъ Царь и пріобрѣлъ мраморную вещь Бродскаго: Амуръ въ раковинѣ. Особенныхъ новостей нѣтъ. Кукольникъ написалъ по высочайшему повелѣнію драму: Синопское сраженіе; мнѣ разсказывали сюжетъ, но она еще не на сценѣ. Изъ комедій г. Островскаго я видѣлъ «Бѣдная Невѣста», которая вѣроятно одна изъ его слабыхъ вещей. «Бѣдность не порокъ» не идетъ еще на сценѣ. Вообще театры начинаютъ роптать на холодность публики; всѣхъ вниманіе обращено на Рашель. Въ оперѣ идетъ Moise Rossini, котораго у насъ перекрестили въ Зорà, чуть чуть не въ Зорку (собачку)!! Въ Академіи ничего нѣтъ новаго. Графъ Ѳ. П. Толстой получилъ новый заказъ сдѣлать Нимфу или Венеру или что-то въ этомъ родѣ, и модель Нимфы Государемъ одобрена; приказано вылить ее изъ гальванопластики и вырубить изъ мрамора. Я радуюсь за старика, вѣроятно и ты это раздѣлишь, ты знаешь, его денежныя обстоятельства не лучше нашихъ, а человѣкъ онъ добрый и достойный уваженія.

У насъ въ Академіи очень боленъ бѣдный Авраамъ Ивановичъ Мельниковъ.

*

С.-Петербургъ, 13-го Февраля 1854.

Вчера только былъ Совѣтъ у насъ послѣ 16-го Декабря, впрочемъ и нечѣмъ порадовать. Г-жа Глѣбова не получила званіе художника, нашли, что слабъ рисунокъ!!! Я такъ съ моей стороны удивляюсь тѣмъ барынямъ, которыя ищутъ званій ходожниковъ, для чего? Въ настоящее время и званія членовъ Академіи унижены до того, что не лестно носить ихъ, не говоря уже о бѣдныхъ художникахъ.

Въ Академіи есть новости, которыя ты можетъ быть и знаешь, а

Библиотека "Руниверс"

именно: новый ректоръ К. А. Тонъ, и новый профессоръ А. И. Штакеншнейдеръ.

Еще самыя свѣжія новости. 26 Февраля выступаетъ 3-я дивизія гвардейская въ Остзейскія провинціи, а первая и вторая остаются на военномъ положеніи защищать въ случаѣ надобности Кронштадтъ и Петербургъ, Кронштадтъ сильно укрѣпляется. Стиховъ пишется по поводу политическихъ обстоятельствъ очень много, и много плохихъ; не знаю, какъ у васъ. Г. Погодина статью мы знаемъ, а кстати о немъ. Будь такъ добръ, передай ему прилагаемое при семъ письмо; оно странствовало по Петербургу и наконецъ прибыло и ко мнѣ; письмо, кажется, издалека, изъ Устюга-Великаго; есть ли онъ въ Москвѣ то пожалуйста передай ему. Я полагаю, что ты помирился съ сухой и старой Жидовкой, о которой ты мнѣ разъ очень сердито писалъ.

*

27-е Октября, 1854 С.-Петербургъ.

Посылаю медаль на случай юбилея гр. Ѳ. П. Толстаго и подробное описаніе поднесенной ему вазы обществомъ членовъ и чиновниковъ Академіи Художествъ. Ваза сдѣлана изъ серебра съ вызолоченными украшеніями въ Русскомъ или Византійскомъ стилѣ фабрикантомъ Сазиковымъ, по рисунку академика Ѳ. Г. Солнцева.

Медаль тебѣ посылается. Юбиляру была поднесена *золотая*; такая же вырѣзана она исправляющимъ должность профессора при Академіи академикомъ Лялинымъ.

Наша выставка для публики закроется въ Воскресенье это. Народу посѣщало великое множество. Мальчикомъ въ банѣ всѣ любовались. Въ праздничные дни доходило до обмороковъ, столько было публики!! Будущая недѣля предназначена для *казенно-учебныхъ заведеній*, а потомъ до будущаго года!

*

С.-Петербургъ, 26 Ноября 1854.

Все въ хлопотахъ, еще выставка моя не разобрана и ждетъ высокаго посѣтителя, который наврядъ удостоитъ своимъ посѣщеніемъ, а Государь Наслѣдникъ былъ. Узнай пожалуйста, если будетъ случай, что хочетъ за свою картину г. Ясновской видъ г. Москвы съ Воробьевыхъ горъ; жаль, что они не выставляютъ цѣнъ на своихъ работахъ или не даютъ знать о томъ.

*

18 Февраля 1855. С.-Петербургъ.

Грустный день сегодняшній я оканчиваю письмомъ къ тебѣ. Вѣсть о кончинѣ нашего Царя была мнѣ извѣстна очень вскорѣ; я былъ въ

Библиотека "Руниверс"

это время въ Зимнемъ дворцѣ. Онъ скончался тихо, безъ агоніи, въ 4 часа ночи исповѣдался и послѣ благословилъ все свое семейство, а въ 12 сегодня его уже не было. Многіе въ немъ потеряли, а мы художники въ особенности: онъ любилъ искусство и понималъ его!!

Несчастные артисты, т.-е. жаждущіе званій, ихъ такъ много скопилось, натурально все *очередные*, и за всѣхъ просятъ, такъ что не знаю, что-то будетъ съ ними, а Совѣтъ отложенъ. У насъ нездоровъ Шебуевъ, и теперь Богъ знаетъ, когда будутъ доклады Ея Высочеству. Я думаю, что имъ не миновать своихъ назначеній. Кто знаетъ, можетъ быть и къ лучшему. При свиданіи съ г. Сударшковымъ скажи ему, что акварель его взята подъ росписку графиней Кушелевой.

Голубчикъ, вотъ моя просьба. У васъ въ Бѣлокаменной продаются мои литогр. эстампы, моего изданія, это: внутренность кабинета блаженной памяти Николая I-я въ Зимнемъ дворцѣ. Они продаются у Даціаро по 1 р. 50 к., ты получаешь отъ меня черезъ Даціаро же въ концѣ этой недѣли. Сдѣлай милость, свисни что нибудь въ вашихъ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ тебѣ канва: оригинальный акварельный рисунокъ находится въ альбомѣ Государя (нынѣшняго); кабинетъ этотъ былъ рабочій покойнаго, тутъ онъ занимался съ министрами, тутъ былъ онъ боленъ и въ немъ скончался; на правой сторонѣ комнаты картины Калишскихъ маневровъ и портретъ Ольги Николаевны въ гусарскомъ ея полка мундирѣ, прямо на стѣнѣ—фамильные портреты, а на лѣвой сторонѣ комнаты и подъ портретомъ Мих. Павловича—работы Великихъ Княженъ Ольги, Маріи и Александры Николаевны; на столѣ портретъ Императрицы Александры Ѳеодоровны и бронзовая статуэтка старшаго сына Великаго Князя Константина Николаевича въ матроскомъ платьѣ; вообще кабинетъ очень небольшой для такого большого Государя. Если ты что нибудь найдешь изъ этого всего сказать въ газетѣ Московской, то напиши, чѣмъ премного меня обяжешь.

*

С.-Петербургъ, 20 Апрѣля 1855.

Очень, очень благодарю тебя за твою статью; ты одинъ, который написалъ какъ слѣдовало. Journal de St.-Pétersbourg и Сѣверная Пчела, каждая въ свою очередь, соврали; а Фурману, редактору Полицейской газеты, который отобралъ у меня всѣ подробности, даже, какъ я полагаю, запретили писать. У насъ въ Питерѣ есть не люди, но лица, которыя находили, что не слѣдовало бы пускать въ свѣтъ домашній бытъ Государя! Но, не смотря на это, я не въ убыткѣ, и труды и издержки все уже окупилось. Вчера вышелъ въ свѣтъ еще кабинетъ (ли-

Библиотека "Руниверс"

тографія Кольба), только очень плохой, ты вѣрно будешь и его имѣть удовольствіе видѣть; соперникъ не страшный!

Теперь вотъ тебѣ новости *наши* академическія. Г. Григоровичъ сдѣланъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, г. Шебуевъ получилъ Станислава 1-й степени, г. Воробьевъ св. Анны 2-й степени и П. В. Уткинъ корону не на голову только, а на крестъ св. Анны. Знай нашихъ! Г. Осиповъ, знаменитый художникъ, признанъ академикомъ—за что? Ты самъ знаешь!!! Все остальное обстоитъ благополучно, я боюсь, чтобы отъ этихъ знаковъ отличій нашъ Совѣтъ болѣе бы не одурѣлъ; а, кажется, и безъ того довольно.

*

С.-Петербургъ. 6-е Августа 1855.

Благодарю за статью тобою присланную. Ты вѣрно что нибудь хочешь сказать и о Иванѣ Петровичѣ Витали. Вотъ все, что̀ я знаю. Онъ началъ свое художническое поприще у васъ въ Бѣлокаменной; помню, что онъ мнѣ разсказывалъ, что на одной изъ выставокъ мануфактурныхъ въ Москвѣ были замѣчены Импер. Николаемъ его мраморныя работы, и это, кажется, было зарею его художнической извѣстности. Онъ имѣлъ золотую медаль на зеленой лентѣ для ношенія на шеѣ подобно какія получаютъ фабриканты и купцы за отличіе; кажется, это было вслѣдствіе предыдущаго. Ты вѣрно знаешь, что большая часть фонтановъ Московскихъ его работы. Въ 1842 году онъ поступилъ на службу при Академіи должностнымъ профессоромъ. За фронтоны Исакіевскіе онъ былъ сдѣланъ профессоромъ и получилъ орденъ Владимира 4-й степени, за памятникъ Императору Павлу I въ Гатчинѣ онъ получилъ св. Анны 2-й степени и за мраморную статую обувающейся Венеры орд. св. Анны 2-й степени императорскою короною украшенный и 10000 сер. Послѣдній царской заказъ ему былъ сдѣлать pendant къ ней, т. е. къ Венерѣ, и эскизъ былъ сдѣланъ, но тутъ и оканчивается его поприще. Онъ долго хворалъ и скончался 5-го Іюля у себя на дачѣ по Парголовской дорогѣ. Неправда ли подробно? Изъ его работъ замѣчательны бюстъ К. П. Брюлова, памятникъ князю Бѣлосельскому, бюстъ В. К. Александра Николаевича, большая часть скульптурныхъ произведеній въ соборѣ Св. Исакія, бюстъ покойнаго Императора (одинъ только и есть слѣпокъ у вдовы его, и форма уничтожена). Денегъ онъ оставилъ болѣе 200,000 сер., что̀, право, не худо!

Не завидую тебѣ въ новомъ сослуживцѣ г. Зарянкѣ; ты пожалуйста съ нимъ говори, или позавтракавши или пообѣдавши: очень скучный господинъ.

Библиотека "Руниверс"

Жаль, что твоя Татьяна не будетъ нынѣшній годъ у меня въ гостяхъ!

Не удивляйся, что Басинъ не сдѣланъ ректоромъ; онъ очень даровитый художникъ, но и только; ректоромъ онъ никогда не можетъ быть.

О Пименовѣ еще ничего нѣтъ, и о будущемъ профессорѣ живописи также ничего не знаемъ. Кажется, нашъ президентъ уѣзжаетъ за границу. Изъ чужихъ краевъ присланныя творенія молодыхъ художниковъ нашихъ, такъ себѣ особеннаго ничего нѣтъ, а есть и худо.

Художники не унываютъ, хотя saison для нихъ и плохой. Про Англичанъ говорятъ, что они удираютъ до дому! На дняхъ освѣщенъ будетъ новый храмъ—Егерская церковь; ждутъ милостей.

*

С.-Петербургъ, 6-е Сентября 1855.

Мы еще потеряли М. Н. Воробьева. Раздѣлъ оставшихся денегъ и имущества до того охолодилъ похороны почтеннаго профессора, что поминали его, кромѣ *немногихъ* родныхъ, изъ Академіи только двое: это графъ Ѳ. П. Толстой и я. Неправда-ли странно?

Театры у насъ открыты, блестящи и чисты и дорого стоятъ! Кавосъ сынъ вѣка; онъ ничему, а особенно архитектурѣ не учился, но за то умѣетъ извлекать проценты изъ капитала; но на этотъ разъ онъ извлечетъ капиталъ изъ капитала!

*

С.-Петербургъ, 10 Октября 1855.

Выставка нынѣшняя въ Академіи получила характеръ патріотической: съ завтрашняго числа плата за впускъ назначена меньше этихъ дней, именно по 15 к. сер., и будутъ до окончанія выставки брать за входъ. Натурально, что публики въ эти три дня немного было, но все таки выручено слишкомъ 1000 р. сер. Это капля, но все таки капля денежная. Жаль бѣдныхъ артистовъ, ихъ не видно въ Музеѣ у меня, народъ не богатой, и я думаю выпросить одну недѣлю для недостаточныхъ людей, чтобы не было платы; не знаю, уладится ли это. Описывать выставку я не буду, потому что ты хочешь быть самъ, а слѣдовательно пусть все тебѣ будетъ сюрпризомъ. Есть много хорошаго и очень мало посредственнаго; жаль твоихъ скульпторовъ, нынѣшній разъ они слабѣе гораздо прошлаго года; годъ на годъ не находитъ, да и кажется у нихъ повредились ихъ работы въ дорогѣ, что впрочемъ не ново. На экзаменѣ лично была нашъ президентъ, около трехъ часовъ она судила и щедро надавала *званіе профессоровъ*, званіе, которое годъ отъ году теряетъ свое значеніе. Художниковъ въ нынѣшній академическій годъ удостоено 91! Академиковъ 23! Чрезвычайное плодородіе!!

Библиотека "Руниверс"

Завтра великая княгиня у насъ на выставкѣ, и ей будутъ рекомендовать учениковъ, которые получили награды.

*

С.-Петербургъ, 4 Іюня 1856.

Увы, рисунокъ, о которомъ ты меня просилъ, въ семействѣ г-жи Заурвейда не нашли, хотя и перерыли всѣ папки покойнаго, оригиналъ находится въ альбомѣ у Императрицы Александры Ѳеодоровны. Я его немного помню; что̀ могу передамъ тебѣ. Государь былъ въ двухмѣстной колясѣ, въ четверку лошадей; съ нимъ сидѣлъ гр. Орловъ. Онъ изображенъ привставшимъ въ коляскѣ, въ шинели и въ фуражкѣ конногвардейской; на одной сторонѣ рисунка видна церковь Сѣнной площади. Коляска съ крыльями на стоячихъ рессорахъ и фартукъ кожаной мягкой, все остальное не помню. Найти рисунокъ не легко, потому что Государыни нѣтъ здѣсь, а у нея очень много альбомовъ.

*

С.-Петербургъ, 14 Октября 1856.

Очень, очень много благодаренъ тебѣ, добрый Николай Александровичъ, за всѣ твои бюлетени и за доброе слово обо мнѣ. Чудны дѣла твои Господи! Что̀ имъ нужно было, всей этой челяди? Вообрази, что Мюссаръ, который болѣе всѣхъ, какъ я предполагаю, наговорилъ про меня М. Н., встрѣчается со мною въ Морской и какъ будто радъ былъ встрѣчѣ, съ улыбкою. Гр. Ѳ. П. Толстой былъ у него, и онъ увѣрилъ старика, что это все удержала и не допустила до перемѣнъ по нашей Академіи М. Н., а не Перовскій, и старикъ повѣрилъ!!! Надо было себя выгородить, вотъ подлецы-то! Жду появленія новаго конференсъ-секретаря, что-то онъ скажетъ? Но все-таки это былъ намекъ отъ судьбы—не зѣвать, что̀ я и исполню. У меня была приготовлена уже просьба въ отставку, меня удержалъ Григоровичъ; я боялся *увольненія*: тогда нигдѣ не нашелъ бы мѣста. Къ тому же я опредѣленъ на это мѣсто по высочайшему повелѣнію, то надо было и выгнать по такому же, mit scandale, какъ говорятъ. Между прочимъ по Академіи есть милости: В. И. Григоровичъ и Бруни получили табакерки съ вензелемъ, Басинъ, Марковъ и *Желязевичъ* (!) Станислава съ короною, Пименовъ и Іорданъ Анну 3-й степени; Лялинъ, Образцовъ, Всеславинъ, Спицъ библіотекарь, и Фрике—Станислава 3-й степени, Моллеръ—Владимира 4-й степени и 10,000 сер.

*

С.-Петербургъ, 17 Апрѣля 1857.

Прошу тебя, Николай Александровичъ, при случаѣ увѣдомить г. Стрѣлковскаго что *Дѣвушка съ цвѣточкомъ* пріобрѣтена его импера-

Библиотека "Руниверс"

скимъ высочествомъ Николаемъ Николаевичемъ, какъ было имъ объявлено, за 150 р. Государь мнѣ поручилъ выстроить домовую церковь изъ комнатъ, гдѣ скончался Императоръ Павелъ I-й, въ Михайловскомъ замкѣ; проектъ утвержденъ, и я на дняхъ приступаю къ работамъ. Акварель à bas! Спасибо Великому Князю Н. Н. Порученіе оригинальное; когда нибудь глазъ на глазъ поговоримъ объ этомъ. Былъ въ Академіи спектакль въ пользу Шевченки, это устроила гр. А. П. Толстая, и очень удачно; сборъ былъ довольно значительный, и хорошо было сыграно; играли: Дипломатія жены, Завтракъ у предводителя, и La Niaise de St. Fleurs; театръ устраивалъ Роллеръ въ бывшемъ нашемъ рекреаціонномъ залѣ съ колоннами. Одинъ изъ Академіи выбылъ, это г. Петеръ; умеръ ударомъ, и на мѣсто его помѣщенъ г. Поляковъ.

*

С.-Петербургъ, 1857. Мая 28.

Сдѣлай милость, голубчикъ Николай Александровичъ, увѣдомь меня о Стрѣлковскомъ, что онъ живъ или умеръ, получилъ ли или нѣтъ мое посланіе къ нему; мнѣ нужно знать, берется ли онъ сдѣлать акварель которую ему заказала в. к. Александра Петровна; растолкуй ему, что онъ долженъ мнѣ отвѣтить на мою записку къ нему; это уже черезъ чуръ *невинно!!*

*

С.-Петербургъ, 11 Сентября 1857.

Сдѣлай милость, Николай Александровичъ, тащи ты свой барельефъ въ Москву и постарайся его показать Государю вмѣстѣ съ другими въ Москвѣ. Монферана бумага къ Чевкину пришла въ Академію, въ которой онъ, говоря о твоемъ барельефѣ, выражается, что это ниже всякой критики, и что онъ удивляется, что Совѣтъ Академіи находитъ его хорошимъ, съ чѣмъ онъ никакъ не можетъ согласиться, отказывается отъ твоего барельефа и находитъ, что ты самой бездарный господинъ и проч. Г. Чевкинъ, препровождая сію бумажку, еще разъ требуетъ Совѣтъ окончательно осмотрѣть барельефъ и дать свое мнѣніе. Если ты барельефъ не возмешь въ Москву и не найдешь случая его представить Царю, то я тебя поздравляю: придется передѣлать снова; къ тому, кажется, клонится дѣло. А когда увидитъ его Государь, я тебѣ предрекаю, что онъ будетъ доволенъ, и тогда ты напиши письмо къ Монферану, гдѣ можешь сказать: Je me réjoui pour vous et pour moi-même. que le basrelief, lequel vous avez tant blamé, a plû à Sa Majesté и проч. Старый Французъ лопнетъ съ досады; сдѣлай милость, прими мой совѣтъ.

*

Библиотека "Руниверс"

Ноября 19-го 1857. С.-Петербургъ.

Рисунки въ альбомъ я не получилъ еще, благодарю тебя за статьи твои. Дѣло мое идетъ къ концу, но Государь отложилъ освященіе церкви до пріѣзда его въ столицу изъ Царскаго, чему я былъ очень радъ. Церковь вышла удачна, всѣ пріятели и непріятели довольны,—и слава Богу!

*

Удивляюсь, отчего тебѣ баронъ не написалъ подробности посѣщенія Царя его мастерской. Я самъ не былъ, но вотъ что я знаю, какъ *вѣрное*, что до пріѣзда Государя Монферанъ совѣтовалъ графу Ѳ. П. указать на недостатки твоего барельефа Государю, на что графъ ему отвѣчалъ, что Академія барельефъ одобрила и что это не идетъ, а не угодно ли вамъ самимъ и проч. Это до пріѣзда Его Величества. Государь, сдѣлавши нѣсколько замѣчаній на барельефѣ, которыя тебѣ уже вѣроятно извѣстны, замѣтилъ Монферану, чтобы онъ сбрилъ усы и ройяль (это плюха подъ 80 лѣтъ), на что г. Монферанъ только успѣлъ застегнуть на четвертую пуговицу свой вице-мундиръ. Должно думать, что онъ кое-что слышалъ и не совершенно доволенъ строителемъ Св. Исакія. Это уже работа графа Гурьева!! Всему есть отплата на семъ свѣтѣ, рано или поздно, повѣрь мнѣ.

Послѣ завтра освятится соборъ Св. Исакія. Двѣ вещи кончились на свѣтѣ, которыя я думалъ никогда не кончатся: это соборъ и картина Иванова. Вообрази, что она уже поставлена на половинѣ Государя, и я ее видѣлъ и видѣлъ самого Иванова. Скажу одно, что есть куски великолѣпные, мастерскіе, но общее не полюбилось мнѣ; тонъ картины тотъ же что у Моллера, Овербековской, перемѣнъ много съ 1843 года, когда я ее видѣлъ; въ немъ же самомъ никакой: удивительно сохранился. Профанамъ-нехудожникамъ картина не нравится.

С.-Петербургъ, 28 Маія 1858.

*

С.-Петербургъ, 5-го Сентября 1858.

Мы вамъ изъ Академіи шлемъ нѣсколько картинъ и гипсовую анатомію Буяльскаго, распорядитесь ихъ взять и перевезть въ Училище. Я думалъ, что ты представлялъ твой барельефъ Государю въ Москвѣ. Царя здѣсь ожидаютъ къ 25-му. Новостей особенныхъ послѣ взрыва пороховаго нѣтъ, это былъ буракъ всѣхъ пожаровъ. Въ Академіи готовятся перемѣны, составленъ новый штатъ к. Гагаринымъ, Львовымъ и высокимъ президентомъ, который отданъ въ разсмотрѣніе Арапетову!

Удавъ для подчиненныхъ,
Передъ Перовскимъ глистъ!

Библиотека "Руниверс"

Бывшій директоръ канцеляріи министра удѣловъ. Славная вся честная компанія: это наши современные Бетскіе, Шуваловы. Дай Богъ, чтобы все это утонуло въ рѣкѣ забвенія!

*

С.-Петербургъ, 27 Января 1859.

Я между прочимъ получилъ тоже занятіе архитектурное, этимъ лѣтомъ надо будетъ кончить; это перестройку Инженерной Академіи. Съ новою конференціею все не худо. Радуюсь, что ты занятъ, только ради Бога не горячись на службѣ: *ни къ чему не ведущее дѣло*! Дураковъ учить—мертвыхъ лечить. Въ Субботу у Ѳ. А. Бруни bal déguisé; нарядись да пріѣзжай, невѣстъ-то, невѣстъ-то, любую! Ѳ. И. Этингеръ негодуетъ на тебя за то, зачѣмъ ты, не спрося его, написалъ стихи въ честь его носа; впрочемъ это только въ пьяномъ видѣ, кажется. Изъ Веймара я получилъ бумажную благодарность отъ великаго герцога и великой княгини; думаю сшить себѣ изъ нихъ жилетку хоть къ маскараду!

*

С.-Петербургъ. 8-го Марта 1859.

Сегодня я былъ у б. Клодта, видѣлъ бронзоваго его коня; отливка очень удалась, только въ плинтѣ есть трещина и небольшая, которая впрочемъ очень безпокоитъ Чевкина, а сколько въ немъ-то трещинъ! Твои барельефы очень хороши, гораздо лучше, чѣмъ въ воскѣ: это, я думаю, причина; черной непріятной для глазу воскъ былъ тому виною. У меня уже начались приготовленія къ выставкѣ, а между прочимъ была у меня маленькая непріятность. Ты знаешь нашихъ современныхъ учениковъ Академіи. Вотъ что было. Прохожу я въ одно утро по Музею и вижу одного изъ учениковъ нашихъ сидящаго очень живописно, ноги чуть не выше головы. Я прошелъ какъ будто не замѣчая этого живописнаго положенія, пошелъ домой, написалъ письмо, послалъ на почту, какъ опять за мной приходятъ и говорятъ, что принесли вещи на выставку. Иду я опять по третьей линіи, спустя по крайней мѣрѣ $^3/_4$ часа, милый мальчикъ все также сидитъ со сверткомъ въ рукахъ и въ пальто, ну, словомъ, «una statua». Я подхожу къ нему, сдѣлалъ ему замѣчаніе, что эдакъ нехорошо сидѣть и ничего не дѣлать; онъ мнѣ отвѣчалъ грубостію; я попросилъ его выдти вонъ изъ Музея, что̀ онъ, хотя нехотя, но исполнилъ. Ну казалось бы дѣло и кончено, я и забылъ про него. На другой день при обходѣ Музея вдругъ откуда ни возьмись тотъ же милый мальчикъ (20-ти лѣтъ, не забудь, и рисующій въ 1-мъ классѣ, т. е. съ оригинальныхъ головокъ) съ угрозою сталъ мнѣ говорить, что онъ дворянинъ Польскій, что я его вчера оби-

Библиотека "Руниверс"

дѣлъ, и что если я у него не попрошу прощенія, то онъ мнѣ разможжитъ голову, обругалъ меня какъ только можно ругать. Къ счастію, что при началѣ нашего разговора я сейчасъ закричалъ «людей», и опоздай мои люди, можетъ быть, онъ меня бы и прибилъ. Пришлось бы натурально драться. Я сохранилъ все возможное хладнокровіе при его ругательствѣ, и драться или бить его въ Музеѣ мнѣ было неловко, но когда пришли мои люди (ты знаешь, какъ они мнѣ преданы) тогда я приказалъ имъ вытолкать въ шею Польскаго дворянина, что̀ и было сдѣлано со всѣмъ усердіемъ, такъ что ему этотъ и другіе за симъ дни были вѣроятно памятны. Его положено выгнать вонъ изъ Академіи и впредъ не впускать, а дать знать полиціи, что онъ за грубость исключенъ и не имѣетъ права имѣть академическій билетъ. Все это прочтено во всѣхъ классахъ Академіи. Неправда ли, что хорошенькое происшествіе? Придется ходить по Музею съ палкой. Къ Святой жду нашего президента, который здѣсь пробудетъ недолго и уѣдетъ сопутствовать Императрицу Александру Ѳеодоровну за границу. Дай Богъ, чтобы подольше она ее сопутствовала!

Великая президентша пріѣдетъ на Ѳоминой недѣлѣ; знаменитые сановники, Львовъ и Гагаринъ, уже пріѣхали и хлопочутъ.

*

С.-Петербургъ, Мая 25, 1859.

Гр. Толстой сдѣланъ товарищемъ президента съ полнымъ окладомъ имъ получаемаго жалованія и съ квартирными еще деньгами 1,140 р. На мѣсто его г.-м. князь Гагаринъ, т.-е. вице-президентомъ. Василій Ивановичъ тоже увольняется съ пенсіономъ 2,300 р. с. въ годъ *), и очень счастливъ, такъ по крайней мѣрѣ говоритъ. В. К. уѣзжаетъ 10-го Іюня опять за границу, недовольна!

Гр. Строганова звали Александръ Сергіевичъ; я познакомился со старушкой Юліею Петровною Строгановою; что̀ за старушка, диво!

Разсказать тебѣ о томъ что̀ будетъ въ Академіи? Какіе цвѣтники! Нижній коридоръ будетъ образованъ въ столовую князя. Князь, изгоняя 20 чиновниковъ, занялъ, кромѣ квартиры вице-президента, еще двѣ квартиры профессоровъ; въ одну изъ нихъ можно бы было помѣстить половину тѣхъ, которыхъ выгоняютъ, напр., чиновниковъ при конторѣ и которые служили изъ-за квартиры и которые болѣе или менѣе приносили пользу и не мѣшали ходу искусства.

Напрасно ты думаешь о нашихъ представителяхъ, зачѣмъ они не возвысятъ голосъ. Каждый изъ нихъ думаетъ о себѣ, и я увѣренъ,

---

*) На мѣсто его Ѳ. Ѳ. Львовъ.

Библиотека "Руниверс"

что я болѣе всѣхъ говорилъ и при дворѣ и въ другихъ мѣстахъ. В. К. выразился: «каковъ же Grichon», т.-е. Гагарина величаютъ при дворѣ Grichon. Но не менѣе того штатъ составленъ и будетъ скоро подписанъ. Что-то будетъ? Qui vivra verra!

*

С.-Петербургъ 15 Марта 1360.

Приводя въ порядокъ мои дѣла для будущей переѣздки съ родного моего пепелища, мнѣ пришла мысль пожертвовать въ ваше общество художественное собраніе, доставшееся мнѣ послѣ покойнаго батюшки моего—*эстампы*, которые могутъ принесть и пользу учащимся у васъ въ Училищѣ (у васъ вѣрно не такъ богата коллекція). Между ими есть гравюры Рембранта, Обрена, Шмита, Болешу и прочихъ знаменитостей; скажи только, когда у васъ будетъ годовой актъ. А скажу тебѣ откровенно, если вы не погнушаетесь принять ихъ, мнѣ бы было очень пріятно быть тоже приняту въ число вашихъ членовъ; если нельзя, то и не надо, а эстампы я все таки пришлю, напиши только, когда лучше. Я себѣ добылъ казенную *фатеру*, хотя очень маленькую; но казенная маленькая лучше большой наемной, неправда ли? Я буду имѣть удовольствіе жить въ Малой Садовой и Италіанской подлѣ Михайловскаго манежа, въ центрѣ города.

Львовъ ни къ тому, ни къ сему мнѣ говорилъ, что Москва хочетъ отъ насъ отдѣлиться; мы бы и очень рады да графъ Адлербергъ противъ этого. Не знаю, на сколько это правда, а желаю вамъ подчиниться просвѣщенію: будетъ дѣльнѣе!

*

С.-Петербургъ, 6-ое Августа 1860.

Судьба мнѣ опять улыбается. Я получилъ новое назначеніе, на что Государь изъявилъ свое соизволеніе съ оставленіемъ меня при занимаемыхъ мною должностяхъ (18-го Іюля), это мѣсто старшаго архитектора въ Попечительномъ Совѣтѣ о богоугодныхъ заведеніяхъ, такъ что я теперь *богоугодный архитекторъ*. Это прибавляетъ къ содержанію мною получаемому около 1000 рублей. Слава Богу! Опять я этимъ обязанъ доброму в. к. Николаю Николаевичу; теперь я вижу, что это нужно было, чтобъ меня выгнали изъ Академіи, въ которой бы я сидѣлъ и ничего не искалъ. Первымъ долгомъ поставлю, когда встрѣчу Львова, благодарить его и просить, чтобы онъ отъ меня передалъ мою признательность *тому* или *тѣмъ* или *той*, кому пришла мысль выжить меня изъ Академіи.

Я видаю К. А. Тона и часто говоримъ о тебѣ; онъ очень хвалитъ твои работы, радуюсь за тебя. Эти работы немного поинтереснѣе и

Библиотека "Руниверс"

пріятнѣе пуговокъ и знаковъ отличій à la Giberti; а помнишь, какъ ты бѣдствовалъ у меня за круглымъ столомъ?? Лѣто у насъ было знойное, и по моимъ дѣламъ я высидѣлъ въ городѣ; былъ только на двѣ недѣли въ Финляндіи у гр. Ѳ. П. Толстаго. Онъ скоро уѣзжаетъ за границу съ семействомъ, Государь ему пожаловалъ на вояжъ 3,000 р. Онѣ, т. е. семейство, думаютъ пробыть тамъ два года. Видна ли у васъ комета краснаго цвѣта? Мы на нее посматриваемъ. Передай мое искреннее почтеніе Любовь Максимовнѣ [1]).

Полтора года назадъ сданъ былъ конкурсъ на памятникъ Екатерины II. Три скульптора Токоревъ, Іенсенъ и Залеманъ представили проекты; черезъ полтора года, *видѣвши* сто разъ упомянутые памятники (потому что онѣ стояли въ конторѣ Академіи), Микѣшинъ, современная нелѣпая знаменитость, тоже сдѣлалъ проектъ и нашелъ случай показать Государю, когда Е. В. посѣтилъ его мастерскую по поводу несчастнаго тысячелѣтняго памятника Россіи. Государю понравился проектъ, и прошла молва, что опять Микѣшину заказанъ памятникъ; но на дняхъ я читалъ резолюцію министра двора: Государь повелѣлъ сдѣлать общій конкурсъ съ другими по обычнымъ правиламъ въ Совѣтѣ Академіи. Эту новость я узналъ прежде Академіи. Исправляющій должность вице-президента, К. А. Тонъ, шибко былъ тому радъ и сказалъ, что надо непремѣнно, чтобы Рамазановъ сдѣлалъ проектъ. Я совершенно раздѣляю его мнѣніе и желаю отъ души, чтобы ты прислалъ свою идею, но надо поторопиться.

Кое-что къ некрологу М. И. Скотти.

Въ началѣ 30-хъ годовъ я подружился съ Мих. Ивановичемъ, когда онъ только что поступилъ въ ученики къ А. Е. Егорову, кажется, по смерти отца его, о которомъ онъ мнѣ часто говаривалъ. Отецъ М. И. былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ плафонныхъ живописцевъ у насъ въ Россіи, работами его украшались дворцы и барскія палаты [2]); неоднократно покойный Императоръ Николай Павловичъ, лично знавъ Скотти, всходилъ на лѣса, гдѣ онъ работалъ, и ободрялъ художника. Первоначальное воспитаніе М. И. получилъ у Доминиканцевъ въ школѣ что́ при костелѣ на Невскомъ проспектѣ. Я помню молодаго Мишеньку, помню его разсказы о первоначальныхъ его театральныхъ впечатлѣніяхъ, которыми онъ дѣлился со мною, помню очень живо разсказъ о

---

[1]) Супруга Н. А. Рамазанова. П. Б.

[2]) Плафонная живопись, бывшая тогда въ модѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія и даже до 30-хъ годовъ, теперь замѣнилась лѣпною работою. Одинъ изъ прекрасныхъ плафоновъ г. Скотти въ домѣ Энгельгардта, гдѣ была прежде бальная зала С.-Петербургскаго Дворянскаго собранія.

Библиотека "Руниверс"

Жоржѣ де Жермани и игрѣ В. А. Каратыгина и Брянскаго въ драмѣ Тридцать лѣтъ или жизнь игрока (я тогда еще не посѣщалъ театры); мнѣ чрезвычайно нравились его разсказы, мы часто проводили цѣлые вечера съ нимъ, онъ жилъ подлѣ насъ, мои родные очень любили М. И. и, казалось, были очень довольны этой дружбой. М. И. перерисовалъ всѣ бывшіе замѣчательные эстампы у моего батюшки тушью. Небогатая библіотека моего отца была вся прочитана М. И., и я съ нимъ восхищался романами того времени. Тогда всѣ подражали Вальтеръ-Скоту, и у насъ явилось много интересныхъ романовъ какъ напр. Стрѣльцы, Юрій Милославскій, Выжигинъ, Дочь купца Жолобова и другіе; все это натурально съ жадностію прочитывалось, и М. И. говаривалъ «кабы побольше такихъ!» Въ мастерской М. И. я встрѣчалъ Завьялова, братьевъ Пименовыхъ, Дурнова, Лебедева, Кудинова, Серебрякова и другихъ. Я помню, что М. И. хорошо рисовалъ и имѣлъ двѣ серебр. медали за рисунокъ въ натурномъ, много писалъ акварелью. Одна изъ первыхъ его программъ, которой эскизъ очень много обѣщалъ, была *Гермогенъ въ плѣну у Поляковъ*; но картина вышла немного черна. Помню его интересный альбомъ всѣхъ его друзей, рисованный имъ карандашемъ, очень мило, и похоже; это тоже, что теперь альбомъ фотографическихъ портретовъ. Тамъ были мы всѣ. Первый урокъ доставилъ ему покойный мой отецъ, это у Всеволожскихъ; потомъ вскорѣ онъ училъ у Орловыхъ и у другихъ, фамилій не помню; любитель, богатый баринъ Шепелевъ пожелалъ учиться живописи у А. Е. Егорова, и вскорѣ сошелся съ М. И.; тотъ ему много содѣйствовалъ знакомствами, особенно съ Кутайсовыми, съ которымъ впослѣдствіи М. И. вояжировалъ за границей.

Потомъ мы съ нимъ встрѣчаемся въ Римѣ. Это 1841 и 1842 годы. Въ 1844 опять М. И. въ Петербургѣ, гдѣ онъ получилъ много заказовъ образовъ, иконостасъ въ посольскую церковь въ Константинополь, куда онъ ѣздилъ курьеромъ и устанавливалъ иконостасъ и образа, оттуда привезъ много прекрасныхъ акварелей. Въ это время онъ очень сблизился съ Синявинымъ *), который ему предложилъ быть инспекторомъ и преподавателемъ въ Московское Училище. Въ это же время въ 1848 онъ писалъ два малые иконостаса въ церковь лейбъ-гвардіи Коннаго полка, и въ 1849 онъ переѣхалъ въ Москву, имѣя заказы для церкви въ Мраморный дворецъ в. к. Константина и для церкви въ г. Гатчинѣ. Послѣдняя его замѣчательная работа это большой и два малые иконостасы въ церковь лейбъ-егерскаго, нынѣ Гатчинскаго, полка, за которые

*) Католикъ М. И. Скотти нарисовалъ запрестольную икону Спасителя въ церкви села Синявки (Липецкаго у., Тамбовской губ.): это Наполеонъ I-й. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Академія признала его профессоромъ въ 1855 г. Потомъ слѣдуетъ его отъѣздъ за границу, гдѣ онъ собирался написать большую картину Іисусъ предъ Пилатомъ и народомъ. Умеръ (если я не ошибаюсь) 48 лѣтъ.

Послѣдній его пріѣздъ зимою въ 1859 г. былъ собственно для приведенія своего капитала въ 5% процент. билеты; онъ мнѣ признавался, что не ищетъ заказовъ, «а если что напишу, такъ то что̀ мнѣ хочется!»

*

С.-Петербургъ, 1-го Сентября 1861.

Посылаю тебѣ книжку юбилея В. К. Шебуева и графа Ѳ. П. Толстого. Въ день юбилея В. К. получилъ *табакерку осыпанную бриллiантами съ шифромъ*, а Станислава 1-й степени въ Апрѣлѣ 1855 года, за два мѣсяца до его кончины. Когда увидишь Тона, спроси, какъ *она*[1]) и Гагаринъ хотѣли, чтобы Совѣтъ призналъ профессоромъ *Кирша*, знаменитаго пуриста Баварскаго, который написалъ прескверные образа̀ во дворецъ В. К. Николая Николаевича; стоило для этого выписывать изъ-за границы этого Кирша, и какъ это политично! Точно хотѣли сказать этимъ, что у насъ нѣтъ художниковъ. Вотъ образецъ дѣйствій премудрой новой Академіи. Любопытно знать, будетъ ли онъ профессоромъ, вѣроятно *да*. 3-го въ Академіи актъ, на дняхъ была В. К. тамъ и приказала, чтобы съ нею никто не былъ, особенно К. А. Тонъ; это за то, что онъ не нашелъ хорошимъ то, что̀ дѣйствительно дурно, т. е. работы Кирша!!! Бѣдная Академія, и жалкой Совѣтъ, авторитета никакого не имѣетъ. Ты угадалъ, что Микѣшинъ будетъ дѣлать памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. Я, кажется, не писалъ тебѣ, что не удалось устроить пріюта для художниковъ, а уже были назначены и директоръ, попечитель, члены и пр. и пр., словомъ, какъ всегда у насъ начинается все съ администраціи, и спасибо министру Владимиру Ѳедоровичу[2]): онъ опрокинулъ эту галиматью. Такъ барыня разгнѣвалась и написала ему дерзкое письмо confidentiellement, которое всѣ читали и смѣялись. Она увѣряла его, что она окружена самыми благородными людьми, каковъ напр. Гакурінъ и Ѳедька Львовъ, а вы, графъ, окружены людьми недоброжелательными etc. По сему случаю Ѳ. Ѳ.[3]) былъ призванъ, получилъ головомойню, и велѣно передать ему своей госпо-

[1]) Т. е. Великая Княгиня Марія Николаевна, *президентъ* Академіи Художествъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія имѣемъ еще два тому примѣра: въ XVIII вѣкѣ княгиня Дашкова, въ наши дни достопочтенная графиня Прасковья Сергѣевна Уварова. П. Б.

[2]) Графу Адлербергу. П. Б.

[3]) Т. е. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Львовъ, впослѣдствіи такъ много сдѣлавшій въ Москвѣ, будучи директоромъ Строгановскаго Училища. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

жѣ, что все что̀ имъ подписывается идетъ прямо отъ него, а не отъ окружающихъ его и проч. Вообще маленькая исторія; всего написать нельзя, да и много будетъ! Maestro Nicolo Pimenoff въ настоящую минуту въ Николаевѣ, смотритъ не знаю что̀, мѣстность, климатъ или что либо въ этомъ родѣ, лѣтомъ шибко занимался драматическимъ искусствомъ, а въ домѣ у него была разыграна его сожительницею тоже комедія, кончившаяся драмой и исключеніемъ изъ службы лейбъ-улана Баха. Онъ впрочемъ, т. е. Ник. Степ., говорилъ, что это до него не относится. Жаль его бѣднаго: сумасшедшаго дома ему не миновать!

*

С.-Петербургъ, 22 Сентября 1861.

Въ Энциклопедическомъ Словарѣ нынѣ издаваемомъ есть статья: *Академія*, написанная Петровымъ, недоучившимся семинаристомъ, который въ родѣ гнома роется въ архивныхъ пыляхъ, компиляторъ и гадина по душѣ[1]). Я имѣю несчастіе лично его знать; онъ нѣсколько десятковъ разъ бывалъ у меня и наконецъ надоѣлъ; теперь его не вижу. Онъ разсчитываетъ прилизаться къ Академіи въ видѣ conservatore и кадитъ на пропалую новымъ безмозглымъ грандамъ академическимъ; почему статья его, которой впрочемъ я не читалъ, но мнѣ совѣтовали прочесть и протестовать, статья эта написана въ томъ духѣ, что прежде не было художниковъ, а если и были, то безъ образованія, и всѣ пьяницы. Тутъ, говорятъ, отдѣланъ покойный А. Н. Оленинъ и проч. Новая образованная Академія ему поручила составленіе прошлогодней выставки каталога, и ты помнишь выраженія: 1) отъ *первый опытъ собственной композиціи* 2) до *Клеопатра открыла полъ свой* и пр.; 3) до *экипажъ утопавшаго судна на берегу*. Этому уроду, кажется больше, не поручаютъ составленіе указателя; имъ занимается Григоровичъ, но не В. И., а другой. Но за то *Петрову сему* поручила Академія составить новый каталогъ (raisonné) Музея. Вотъ онъ и придирается къ моему[2]) какъ только можетъ. Въ Академіи есть портретъ Ѳедора Алексѣевича (царя); онъ увѣрялъ, что это Алексѣя Михайловича портретъ, а не Ѳ. А.—Разъ я его поймалъ въ Эрмитажѣ и нарочно повелъ въ Галлерею Романовыхъ, гдѣ и просилъ припомнить портретъ, о которомъ были толки, подвелъ его къ портрету царя Ѳ. А.; онъ мнѣ и

[1]) Отзывъ вполнѣ пристрастный: труды Петрова по исторіи Академіи Художествъ и по генеалогіи цѣнны. Лицомъ Петровъ былъ невраченъ. П. Б.

[2]) Я тебѣ доставлю копію съ письма къ В. К. отъ меня при поднесеніи полнаго каталога Музея Академіи; для тебя будетъ это любопытно. За нѣсколько мѣсяцевъ до моего увольненія.

Библиотека "Руниверс"

тутъ сталъ съ самоувѣренностію говорить, что у него не могло быть бороды: онъ умеръ 19-ти лѣтъ. Тутъ я ему доказалъ исторически, что Ѳ. А. вступилъ на престолъ 19-ти лѣтъ, а умеръ на 26-мъ году. И этотъ человѣчишка, маленькій, съ гноемъ на глазахъ всегда, туда же суется писать про цѣлое поколѣніе Академіи. Да могли ли мы быть тѣмъ что̀ мы есть, если бы не было предшественниковъ? Голубчикъ, отдѣлай пріятеля. Я на дняхъ говорилъ объ этомъ Григоровичу, но онъ устарѣлъ и излѣнился; онъ мнѣ отвѣчалъ, что это до того гадко, что не стоитъ возраженія. Тогда я напомнилъ о тебѣ: а вотъ попросите его, пріятно бы было прочесть разборъ этой *статьи покупной*.

Для лѣтописи: 7 Сентября умеръ здѣсь въ Петербургѣ мозаистъ Его И. Величества, академикъ Георгій Яковлевичъ Веклеръ. Родился онъ въ 1800 году; въ 1830-хъ годахъ онъ жилъ въ Римѣ и занимался мозаикою, Преображеніемъ съ Рафаеля, картина или мозаика сія находится въ Им. Эрмитажѣ *), вообще его родъ былъ мелкая мозаика. По окончаніи своей мозаики онъ и работа его были представлены папѣ Григорію XVI, который стоялъ предъ нею на колѣняхъ и пожаловалъ золотую медаль Веклеру. Это онъ мнѣ самъ разсказывалъ, за эту же работу Академія наша признала его своимъ членомъ.

Въ Академіи есть прекрасная мозаика съ Лебедева: домикъ Рафаеля въ виллѣ Боргезе близъ Рима, котораго теперь уже не существуетъ, оригиналъ находился въ собраніи картинъ Веклера; мозаика эта была въ видѣ признательности подарена Г. Я. Академическому Музею, имъ также дѣланная.

*

С.-Петербургъ, 26 Октября 1861.

Вотъ пошла третья недѣля какъ я ушибъ себѣ ногу, упалъ съ крыши Обуховскихъ лѣтнихъ палатъ, двѣ недѣли лежалъ, теперь сижу на креслѣ, и Богъ знаетъ когда выйду. Лечитъ меня нашъ общій знакомый Семенъ Степановичъ Соломенко, который въ настоящую минуту дѣлается Европейскою извѣстностію. Онъ началъ лечить чахотку нефтью и очень удачно; наши знаменитости-доктора на него косо смотрятъ и сами начали употреблять нефть; въ журналахъ и газетахъ нашихъ уже писано. Сдѣлай милость не откажи помѣстить въ Московск. Вѣдомостяхъ что нибудь про этого лѣниваго и крайне неискательнаго человѣка. Онъ на дняхъ вышлетъ тебѣ *брошюру* объ его наблюденіяхъ и нѣкоторыхъ удачныхъ лѣченіяхъ упомянутой болѣзни. Если это пойдетъ въ ходъ, то онъ сдѣлаетъ новую эру!

---

*) Въ кабинетѣ Гваренги, гдѣ хранятся мозаичныя работы; тутъ же есть и другія его работы, пейзажъ съ Клодъ-Лорена, etc.

Библиотека "Руниверс"

Въ Академіи былъ еще маскарадъ съ участіемъ В. К. Подробностей этого бала не знаю, но въ городѣ начинаютъ шибко говорить что зачѣмъ профанируютъ Академію этими мишурными собираніями въ пользу бѣдныхъ художниковъ, которыя до нихъ не доходятъ!! Нѣсколько анонимныхъ писемъ были посланы Гагарину, Львову, Боголюбову отъ компаніи Бергъ, по случаю предстоящей масляницы, которая проситъ ихъ принять участіе въ балаганѣ на Адмиралтейской площади! Не глупо, и вѣрно, это не выдумка. Я постараюсь достать тебѣ брошюру Стасова (segnior) и переслать съ П. В.; только ты ея не задержи. Бюрократическіе перевороты пріостановлены до Святой.

*

С.- Петербургъ, Марта 16-е 1862.

Въ настоящее время, время гласности, ничто такъ не въ модѣ какъ полемика. Одинъ образчикъ посылаю тебѣ. Нѣмцы было хотѣли проглотить нашего общаго пріятеля Соломенку да подавились его отвѣтомъ. Ай Хохолъ! Я впрочемъ при свиданіи съ нимъ сказалъ ему, что между художниками бываютъ интриги, но между вами-врачами еще гаже и хуже, сущіе гробовщики! Теперь поговоримъ о другихъ художественныхъ интригахъ, о памятникѣ Пушкина. Я тебѣ передамъ все подробно. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я былъ у принцессы Ольденбургской. Послѣ привѣтствія она повела меня показать, какъ у нея готовится эскизъ (изъ глины) памятнику, при чемъ я увидалъ двухъ юношей, одного скульптора *Лаверетскаго* и другого *Бахмана*, чья была мысль и чертежъ утвержденнаго или избраннаго конкурсомъ (того же Бахмана). Принцъ принималъ въ этомъ дѣлѣ большое участіе какъ попечитель Лицея, гдѣ воспитывался Пушкинъ, а также и князь Вяземской, его другъ и однокашникъ. Принцесса поручила мнѣ помочь представить памятникъ Государю, говоря, что молодые люди эти не сумѣютъ распорядиться; его надо прилично поставить, освѣтить (надо тебѣ сказать, что эта барыня сама прекрасный художникъ и понимаетъ искусство болѣе чѣмъ кто-либо изъ ей равныхъ). Я взялъ одного изъ творцевъ будущаго памятника, привезъ въ Зимній дворецъ, и такъ какъ меня тамъ знаютъ, тотчасъ доложили Государю, когда онъ желаетъ видѣть эскизъ и гдѣ. Сказано-сдѣлано. Чрезъ два дня я встрѣчаю Лаверетскаго, который съ радостію мнѣ разсказываетъ, что Государь видѣлъ, хвалилъ, благодарилъ и утвердилъ памятникъ. Ну, я говорю, смотрите, Академія васъ съѣстъ. «Чортъ съ ней», была ихъ реплика. Дѣйствительно, чрезъ день начали посѣщать эту залу сначала вице-президентъ, потомъ еще выше; нашли, что памятникъ никуда не годится, надо задать конкурсъ. Объявленъ конкурсъ. Государь спрашиваетъ: что, Лаве-

Библиотека "Руниверс"

ретскій выставляетъ свой проектъ на конкурсъ? Ему отвѣчаютъ, что «нѣтъ». «Такъ я за нимъ утверждаю», и Академія расхлопоталась. Segnor Nicolo лично мнѣ говорилъ и многимъ другимъ: «чтобы я сталъ работать на конкурсъ когда-либо. Нѣтъ, я уже отъ экзаменовался», и пр. Вообрази, сдѣлалъ два эскиза!!! Когда поле сраженія осталось за Бахманомъ и Лаверетскимъ, Академія желала какъ-либо показать Государю эскизы приготовленные на конкурсъ. Е. В. пріѣхалъ смотрѣть памятникъ тысячелѣтія, тутъ выставили и эскизы памятника Пушкину. Онъ обошелъ ихъ, сказалъ Пименову, что ему больше всѣхъ нравится эскизъ Шрёдера, подошелъ къ окну и выразился такъ, «что это уже дѣло рѣшенное, я утверждалъ *памятникъ Лаверетскаго*». Вотъ какъ было дѣло. Разбери, какъ глупо дѣйствуетъ начальство нашей Академіи. Это уже второй разъ, что они компрометируютъ Государя; первый разъ по памятнику тысячелѣтія, гдѣ былъ созванъ Совѣтъ Академіи послѣ посѣщенія Императоромъ мастерской Микѣшина. Чѣмъ бы ему прежде быть, т. е. Совѣту да и сдѣлать нужныя замѣчанія, теперь второй разъ, послѣ утвержденія Государемъ, они сзываютъ конкурсъ. Какъ жаль, что нѣтъ головы въ Академіи. Во всемъ этомъ дѣлѣ отлично выдержалъ Государь, и глупо очень, что сунулся (какъ помнишь и въ твое дѣло) нашъ segnor Nicolo. Я его встрѣтилъ на одномъ балѣ; онъ боялся ко мнѣ подойти, зная, что я бы ему припомнилъ, что онъ не хотѣлъ работать для конкурсовъ.

*

С.-Петербургъ, 27-го Октября 1862.

Замерзшая любовь къ искусству въ Москвѣ, вѣроятно, оттаетъ съ пріѣздомъ царей, *которые желаютъ ближе познакомиться съ Московскимъ обществомъ* и, кажется, будетъ у васъ празднованіе 50 лѣтъ изгнанія враговъ изъ нашего отечества. Художники должны не зѣвать. Императрица очень любитъ акварель. Сообщи это Стрѣлковскому, только лично его не пускайте ко двору: у него такія манеры и выраженія, что ни въ одной дворнѣ подобныхъ не услышишь, но способный и хорошій художникъ.

Позволь тебѣ дать совѣтъ на счетъ *Матеріаловъ для исторіи художествъ въ Россіи*. Даже хоть бы и продалъ ты твою рукопись, поднеси ее чрезъ графа В. Ѳ. Адлерберга, т.-е. министра двора, Государю Цари у васъ пробудутъ до Рождества; вѣроятно можно успѣть напечатать, поторопи наконецъ, лучше это сдѣлать въ Москвѣ. Обыкновенно это подносится при запискѣ въ третьемъ лицѣ министру, гдѣ ты можешь высказать, что ты воспитанникъ Академіи и многихъ членовъ ея лично зналъ. Все это ты можешь сдѣлать, обойдя всякое начальство

Библиотека "Руниверс"

Не забудь, что это подносится безъ титла Е. И. В., а просто книгой, которая въ тоже время можетъ и продаваться. Поднесенія подобнаго рода до того обыкновенны, что министръ къ нимъ совершенно привыкъ; онъ даже привыченъ къ поднесенію всѣхъ возможныхъ нелѣпостей, стиховъ, просфоръ и т. п., а твоя книжица вещь интересная и полезная. Даже можешь послать по городской почтѣ, если бы ты не хотѣлъ познакомиться съ передней его сіятельства.

Наконецъ Академію начнутъ ломать. Отпущено 500,000, и Львовъ архитекторъ уполномоченъ. Многіе профессора будутъ жить на наемныхъ квартирахъ, имъ дадутъ квартирныя деньги. По случаю отъѣзда Боголюбова за границу вчера была прощальная Пятница (какихъ нѣтъ Пятницъ теперь въ Академіи!!) и Громову, золотому мѣшку, поручено привезти вина. C'est touchant!

Вчера было большое празднество во Второмъ корпусѣ, по случаю столѣтія; наканунѣ былъ обѣдъ во дворцѣ на 1,200 персонъ, а вчера балъ въ самомъ корпусѣ.

Не смотря, что работы мои строительныя покрыты досками, нѣкоторыя окончены, а дѣла много кабинетнаго. Мнѣ прислали приглашеніе по высочайшему повелѣнію участвовать въ конкурсѣ на постройку двухъ дворцовъ дѣтямъ Государя, но 1-го Января надо представить проектъ по Попечительному Совѣту. Дѣла много. Я вывелъ 9 саженей въ вышину домъ, т.-е. въ чертѣ у Семеновскаго мосту, началъ постройку Фельдшерской школы. Ты знаешь, что Пименовъ задалъ своимъ ученикамъ на золотыя медали *тоже спятелей* и *косарей* и самъ ихъ вылѣпилъ, за что всѣ они получили золотыя медали; это между прочимъ!!!

*

С.-Петербургъ, 27-го Ноября 1862.

Очень сожалѣю что не могу слѣдить за вашей полемикой со Стасовымъ. Я теперь очень занятъ, читаю довольно, но не наши журналы. Я недавно кончилъ всего Ж.-Ж. Руссо и теперь началъ на Нѣмецкомъ переводъ Тика и Шлегеля *лучшій*—Шекспира; но статью Ковалевскаго я читалъ. Въ ней много очень дѣльнаго; онъ смотритъ съ той точки, что современное образованіе гимназій, школъ, даже уѣздныхъ училищъ не требуетъ, чтобы въ Академіи учили *граматикѣ* и *геометріи*, но предметы относящіеся собственно до искусства, предполагая, что въ Академію должны приходить уже подготовленные молодые люди. Онъ прекрасно смѣется, говоря, что молодая Академія думаетъ выѣхать на пятницахъ, маскарадахъ и *попойкахъ*, да кстати къ этому и хватилъ разбогатѣвшихъ цѣловальниковъ и тому подобный людъ, что они корчатъ меценатовъ!!

Библиотека "Руниверс"

С.-Петербургъ, 6-го Января 1863.

Ты мнѣ пишешь о типографическихъ и корректурныхъ удовольствіяхъ; я тебѣ скажу que nous sommes passés par là: десять лѣтъ я издавалъ Указатель и ежегодно испытывалъ всѣ мытарства, а въ настоящую минуту еще лучше испытывать довелось. Послалъ я въ Парижъ къ лучшему литографу Лемерсье отхромолитографировать одинъ изъ моихъ акварельныхъ рисунковъ, и вотъ вчера получилъ 100 экземпляровъ, довольно скверно исполненныхъ. Что дѣлать, остается ретушировать, а денегъ эта исторія стоила порядочныхъ. Неправда ли, забавно? Я знаменитому литографу безъ церемоніи написалъ всю правду; изъ трехъ моихъ попытокъ издать внутренніе виды удался первый, гдѣ я самъ рисовалъ на камнѣ въ передникѣ.

Изъ послѣднихъ глупостей Академическихъ: г. Нотбекъ получилъ пожизненную пенсію въ 2,500 р. и орденъ Св. Анны въ петлицу за столярное произведеніе дворца Альгамбры, который намъ извѣстенъ по многочисленнымъ увражамъ, модель эту Академія оцѣнила въ 53.000 рублей!!! Жаль, что столяру, который трудился надъ этой моделью, не дали креста хоть Владимира 4-й степени!

Знаменитый Микѣшинъ собралъ 12-ть голосовъ въ пользу Лейхтенбергскаго и явился лично ему сказать, что онъ объ немъ думаетъ, и что 12 голосовъ въ пользу его онъ нашелъ для избранія его въ короли Греціи. Герцогъ былъ въ манежѣ, когда явился этотъ депутатъ; тутъ же онъ просилъ его сказать объ этомъ *маменькѣ*. Говорятъ, что В. К., увидавъ знаменитость сію, хохотала до того и махала руками, что депутатъ долженъ былъ удалиться. Вѣдь не худо для Новаго года. Ты не подумай, что это сонъ; нѣтъ, это все было на дняхъ!

Къ біографіи А. И. Теребенева.

А. И. сынъ замѣчательнаго художника-карикатуриста (его карикатуры очень рѣдки, относятся къ эпохѣ войны 1812, 1813 и 1814 годовъ). Родился въ 1812-мъ, умеръ въ 1859. Я былъ очень хорошъ съ нимъ, когда онъ лѣпилъ барельефъ: *Іоаннъ проповѣдующій въ пустынѣ*, программа на 1-ю серебряную медаль, барельефъ вышелъ очень удаченъ, ему дали *золотую за экспресію*, 1835 г. Упомянутый барельефъ съ коридора Академическаго спасенъ мною, помѣщенъ въ церкви Академіи, это единственная работа его осталась въ стѣнахъ Академіи. Вслѣдъ за этимъ барельефомъ онъ получилъ 2-ю золотую медаль за барельефъ Ной строющій ковчегъ, 1836 г., который погибъ въ коридорѣ. Впослѣдствіи онъ получилъ званіе академика; но когда, не помню.

Библиотека "Руниверс"

Изъ его замѣчательныхъ работъ это колосальныя каріатиды изъ Сердобольскаго гранита, которыя находятся при входѣ въ Императорскій Эрмитажъ *), и бюстъ импер. Александра 1-го изъ того же гранита (колосальный) въ самомъ Эрмитажѣ. За эти работы онъ получилъ бриліантовый перстень и орденъ Св. Анны 3-й степени. Прекрасный бюстъ къ памятнику В. А. Каратыгина отлитъ изъ бронзы и находится на Смоленскомъ кладбищѣ. Послѣднее время, т.-е. съ 1850-го года, онъ находился на службѣ при Имп. Эрмитажѣ въ качествѣ помощника начальника 2-го отдѣленія по скульптурной части. Скончался очень плачевно. Мраморщикъ Балушкинъ, впослѣдствіи уже *подрядчикъ съ медалями*, изъ признательности хоронилъ его, умеръ онъ въ Обуховской больницѣ отъ *delirium*. Изъ всѣхъ его товарищей я могъ сказать, что я былъ одинъ на похоронахъ его. Еще вспомнилъ, крупныя фигуры во фронтонѣ и на парадной лѣстницѣ въ зданіи Опекунскаго Совѣта въ Петербургѣ, памятникъ въ видѣ саркофага мраморный герцогу Лейхтенбергскому, который находится въ католической церкви Пажескаго корпуса, вырубилъ изъ мрамора Атлета съ древняго, по повелѣнію блаженной памяти императора Николая. Для в. к. Ольги Николаевны сдѣлалъ бюсты импер. Николая I-го и императрицы Александры Ѳеодоровны. Ученикомъ онъ былъ Вас. Ив. Демута-Малиновскаго.

Я увѣренъ, Николай Александровичъ, что близкіе его родные не дали бы столько матеріаловъ тебѣ объ Александрѣ Ивановичѣ Теребеневѣ. Я очень сочувствую твоему труду и увѣренъ, что онъ будетъ оцѣненъ; для будущаго это кладъ. Подвизайся, голубчикъ, и спасибо тебѣ не одинъ я скажу.

*

С.-Петербургъ, Февраля 27-го 1863.

Подлыя Польскія дѣла имѣютъ сильно вліяніе на все эстетическое. Здѣсь ждутъ Морнй отъ Наполеона, слухи объ его посѣщеніи различны, но хорошаго ничего нѣтъ; одна Пруссія за насъ, все остальное отъ Наполеона до Турки и Чухны, всѣ сочувствуютъ Полякамъ. Чѣмъ слабѣе наша Русь, тѣмъ больше значутъ остальныя державы! Я боюсь, что мы черезъ чуръ гуманны стали, чтобы не согнулись передъ гнилымъ Западомъ. Никто какъ Богъ!

*

---

*) Термы, тамъ же и тоже гранитныя, находятся между окомъ Эрмитажа, таковыя же на *Озеркахъ* въ Павильонѣ, въ Петергофѣ и такія же посланы были имп. Николаемъ въ Берлинъ для короля. А. И. самъ ихъ отвозилъ туда и получилъ отъ короля бриліантовый перстень.

Библиотека "Руниверс"

Поклонная гора, 15 Іюня 1863.

Stimatissimo Николай Александровичъ! Наконецъ Григорій Карповичъ доставилъ мнѣ 1-й томъ твоего изданія (выдержавъ характеръ, не самъ, а чрезъ сторожа академическаго). Чувствительно благодарю за подарокъ, а еще болѣе за біографію моего покойнаго батюшки.

Прикажи исправить въ будущихъ экземплярахъ: стр. 8 напеч. Акимовъ—слѣдуетъ Екимовъ; первый былъ въ Академіи директоръ, что̀ нынѣ вице-президентъ, и вмѣстѣ исторической живописецъ. Изъ его работъ въ Академіи есть: Прометей дѣлающій статую по приказанію Минервы, и Геркулесъ сожигающійся на кострѣ; а послѣдній былъ замѣчательный литейщикъ при Академіи. Четырестишіе Пушкина есть въ послѣднемъ собраніи сочиненій Пушкина къ статуямъ Логановскаго и Пименова.

Теперь поговоримъ немного объ Александрѣ Ивановичѣ Заурвейдѣ, на котораго ты такъ безпощадно всегда нападаешь. Заурвейдъ дѣйствительно виноватъ въ томъ, что, затѣявъ реформу въ 1840 году, не достигъ того, что̀ желалъ... А. И. очень часто бывалъ у насъ (и признаюсь, я считаю себя многимъ ему обязанымъ); я слышалъ и зналъ отъ него всѣ подробности этого дѣла. Соблаговоли меня выслушать. Заурвейдъ былъ слишкомъ образованъ, чтобы могъ допустить одну идею, что образованіе не нужно для художника; онъ тогда еще кричалъ и говорилъ что̀ теперь всѣ говорятъ, что *закрытыя заведенія* не должны быть; онъ нападалъ не на наши учебные классы и воспитаніе, какъ тогда всѣмъ говорилъ Крутовъ, нѣтъ; но онъ шелъ противъ кражи сапоговъ, каши, капусты и т. п. невинныхъ продуктовъ, которыми въ наше время въ Академіи и до сихъ поръ во всѣхъ *закрытыхъ заведеніяхъ* такъ сильно пользуются подобные А. И. Крутову. Заурвейдъ окончилъ курсъ воспитанія въ Императ. Академіи Наукъ *), и выпущенъ съ золотою медалью. Страсть къ художеству у него послѣ развилась, онъ долго жилъ за границей. Могъ ли подобный человѣкъ желать невѣжества художникамъ и гнать образованіе? Его предположеніе было уничтожить казенныхъ воспитанниковъ, но чтобы классы учебные оставались (то что̀ есть теперь) и деньги шедшія на содержаніе воспитанниковъ обращены бы были на поощреніе даровитыхъ людей, какъ учащихся, такъ и художниковъ. Все это передѣлано было к. Волконскимъ и Панаевымъ, его директоромъ канцеляріи. Въ настоящее время убѣждены всѣ, что закрытыя заведенія ни къ чорту не годятся, корпуса очень скоро получатъ переобразованіе: ни каши казенной, ни сапоговъ казенныхъ не будетъ! Еще нѣсколько словъ объ Александрѣ

*) При Академіи Наукъ былъ такой же пансіонъ, какъ и при Академіи Художествъ.

Библиотека "Руниверс"

Ивановичѣ. Я помню, какъ онъ себя мастерски держалъ при дворѣ. Будучи наставникомъ дѣтей покойнаго Государя, онъ тамъ былъ домашнимъ человѣкомъ, всѣ любили и уважали его; за то очень натурально всѣ ненавидѣли его въ Академіи и все дурное приписывали ему, это такъ и должно было быть; это не то что̀ *Ѳ. А. Бруни*, который до того докувыркался, что его окончательно гонятъ*) изъ Эрмитажа, но онъ просится быть хоть *какимъ нибудь помощникомъ*. Каковъ лакей!! И не *Тихобразовъ*, который изъ угожденія ложился на полъ и, благодаря большому пузу своему, позволялъ садиться верхомъ на него дѣтямъ Государя; ну и конечно что и его прогнали! Вотъ цѣлый панегирикъ Заурвейду!!!

P. S. М. И. Скотти похороненъ на кладбищѣ Montmartre. Въ біографіи моего отца стр. 99 напеч. Бернса—надо Бета.

Статуя Гальберга, Происхожденіе Музыки, находится въ Императ. Эрмитажѣ, и по мудрому распоряженію начальства она поставлена на парадной лѣстницѣ—бѣлой къ тому же!!

Анекдотъ о канарейкѣ принадлежитъ Боровиковскому и крупному чиновнику Б. Б. Слѡва: *Ѳидію* на памятникѣ Мартоса нѣтъ, а просто: Ваятелю И. П. Мартосу, сконч. на IX десятилѣтіи жизни. А эта надпись на памятникѣ Козловскому:

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Ревнитель Ѳидію,
Россійской Буанаротъ.

*

Поклонная гора, 1-е Іюля 1863.

Спѣшу тебя поздравить, мой милый и добрый Николай Александровичъ; я видѣлъ какъ укладывали твой крестъ, отъ души радуюсь. Теперь на счетъ курьезовъ, твои Московскіе глупы, но наши Петербургскіе подленькіе. Ты опять говоришь, что Заурвейдъ, виноватъ, что Зарянко и Сорокинъ дураки; ну, а кто виноватъ, что люди, воспитанные подъ одной кровлей, въ такъ называемое счастливое время Академіи, всѣ *три* товарищи, подличаютъ другъ другу въ службѣ, и натурально кто либо изъ нихъ страдаетъ; эти три товарища: я, Эпингеръ и Варнекъ, все знакомые люди! Какъ я получилъ мѣсто *старшаго архитектора* Попечительнаго Совѣта, то первый проситель и просительница были Варнекъ и жена его, что не откроется ли мѣста для него; просили, чуть не цѣловали у меня руки, наконецъ я сдержалъ обѣщанное слово, опредѣлилъ (ибо это совершенно зависѣло отъ меня)

*) Директоромъ Эрмитажа назначенъ Гедеоновъ, начальникъ художниковъ въ Римѣ.

Библиотека "Руниверс"

Варнека на давно желанное имъ мѣсто, младшимъ архитекторомъ. Мои отношенія съ нимъ были всегда дружескія, товарищескія, за все за это онъ отблагодарилъ меня слѣдующимъ образомъ. Занятія старшаго были: *капитальныя постройки*, занятія младшаго: *ремонты;* онъ началъ подбираться къ капитальнымъ, натурально интригуя, потомъ ему же стали поручать (что и должно было быть) ремонты; вслѣдствіе этого вопль, что онъ все дѣлаетъ, что старшій ничего не дѣлаетъ, что нѣтъ силъ и пр. Онъ просилъ Совѣтъ, чтобы опредѣлить занятія; это во всеуслышаніе, а тихонько, имѣть занятія непосредственныя отъ старшаго, дабы не имѣть никакого дѣла со мною! Съ помощію чиновниковъ онъ достигъ этого; насъ раздѣлили, т.-е. старшему капитальныя работы, младшему— ремонты *непосредственно*, т.-е. власть старшаго упразднилась. Дѣло это перешло къ спеціалисту, главному архитектору Управленія Императрицы Маріи—Эпингеру. Онъ у меня безпрестанно бывалъ въ это время, обѣщалъ отдѣлать Совѣтъ за это, посадить на заднія лапки Варнека, просто чудеса городилъ; я же просилъ, чтобы только не испортить это дѣло, оставить какъ положилъ Совѣтъ объ начальничествѣ. Я нисколько не сокрушался. Что же придумалъ *нось?* Раздѣлить заведенія Попечительнаго Совѣта между двумя архитекторами, уничтожить званіе старшаго, сравнять младшаго со старшимъ, и наконецъ, отнять часть содержанія у старшаго и раздѣлить между ними. Послѣ такой мудрой резолюціи Эпингеръ у меня не бываетъ. Натурально, что послѣ этихъ товарищескихъ любезностей я выхожу въ отставку; только *старшимъ*, какъ я и былъ, назначенъ по высочайшему повелѣнію на это мѣсто. Голубчикъ Николай Александровичъ, это получше панихиды.

Вотъ мои мечты; я думаю проситься на годъ за границу, немного отдохнуть отъ всѣхъ дрязгъ, зиму провести въ Италіи, а лѣтомъ на водахъ въ Германіи или куда пошлютъ; въ Августѣ я буду проситься у Государя. Пожелай мнѣ успѣха, мнѣ хочется удержать за границей мое кабинетское содержаніе, а тамъ что Богъ дастъ. Жениться положительно трудновато, развѣ на дочери какого-либо vignerolo.

Къ свѣдѣнію: въ Музеѣ Академіи есть медаль золотая, пожертвованная Австрійскимъ императоромъ Н. И. Уткину.

*

С.-Петербургъ, 12-е Ноября 1863.

Добрѣйшій Николай Александровичъ! Сегодня вечеромъ я качу въ края чужіе, Государь меня уволилъ на 6-ть мѣсяцевъ съ содержаніемъ, спасибо ему. Естьли буду живъ, то въ концѣ Мая мѣсяца буду обратно. Хотя я и вышелъ въ отставку изъ Попечительнаго Совѣта,

Библиотека "Руниверс"

но постройки мои, какъ то Фельдшерскую Школу и Часовню при Градской Обуховской больницѣ я просилъ позволенія окончить мнѣ самому въ будущемъ году; въ награду отличной службы я представленъ въ статскіе совѣтники. Но теперь въ эти минуты я только и жежаю, чтобы забыть всѣхъ совѣтниковъ и всѣ дрязги отъ нихъ происходящія. Будемъ въ Италіи, вспомнимъ и васъ.

*

С.-Петербургъ, 30-е Маія 1864.

Очень недавно, на-дняхъ, я вернулся изъ краевъ чужихъ, изъ-подъ неба Италіи, мой милый и добрый Николай Александровичъ. Не брани, что не писалъ тебѣ. Шесть мѣсяцевъ прошли какъ сонъ, и какъ сонъ пріятный, но пробужденіе—невыносимо-скучно. Я сдѣлался какимъ-то дикимъ, не могу привыкнуть ни къ запаху сургуча, ни къ холоду, ни даже къ Нѣмцамъ. О Боже, какое размноженіе ихъ у насъ!

Въ пріемной В. К. я встрѣтилъ 5 генераловъ. Хочешь назову тебѣ, позволь тебя посердить: фонъ-деръ-Лауницъ, Мейндорфъ, Бревернъ, Корфъ и пятаго не помню; въ Эрмитажѣ: Кене, Бруни (не могъ разстаться со службою, и его сдѣлали *чиновникомъ особыхъ порученій*, о мерзость!) Другой Нѣмецъ Нефъ, имѣющій 20.000 годового доходу, желая еще прибавить къ предыдущей цифрѣ 1.500 руб., поступилъ на мѣсто Бруни. Начальникъ у него могъ бы быть сыномъ: это Гедеоновъ, и можетъ ему сказать: молчать, Нефъ, и Нефъ смолчитъ. Неужели это люди? Нѣмцы загнали нашу Русскую галлерею скульптуры на *бѣлую* лѣстницу парадную. Пименова прелестный бюстъ императора Николая поставили между двухъ оконъ задомъ къ свѣту, Венеру Петра Великаго поставили въ уголъ; спасибо, что въ передней, а мраморную Гедеоновскую по срединѣ зала, на темно-малиновомъ бархатномъ драпри. Согласись, что можно сдѣлаться желчнымъ, злымъ. Самая Петербургская природа меня привѣтствовала грязью, дождемъ и холодомъ, деревья въ видѣ розогъ, по дорогѣ отъ Берлина пошла ель, елочка 20-ть, 30-ть верстъ, потомъ березочка на 40, 50 верстъ, однообразіе страшное, мѣстами прерываемое болотами и грязью. Не ѣзди за границу: я теперь только и мечтаю какъ бы опять попасть туда; не брани тѣхъ Русскихъ, которые тамъ осѣдлались и живутъ тамъ. Они правы. Дай хорошій климатъ Петербургу, сдѣлай, чтобы у насъ было хорошо, и тогда мы *Петербуржцы* не уѣдемъ; а то вообрази, что чуть-чуть показываются листья въ Іюнѣ, а 1-го Августа осень, виситъ фонарь, гдѣ же лѣто? Но довольно роптать, ни къ чему не служитъ это.

Опишу тебѣ мои впечатлѣнія въ Италіи. Послѣ 20-ти-лѣтняго небытія въ ней я ея не узналъ по жизни. Венеція—это умирающая ста-

Библиотека "Руниверс"

рушка, которая никакъ не можетъ умереть; вездѣ скука, palazzi заколочены, окна, портоны тоже, ничто не поддерживается, кромѣ церкви Св. Марка, у которой реставрируютъ piazetta, и самая площадь Св. Марка безлюдна. Въ Болоньи, Флоренціи вездѣ слышенъ барабанъ, неумолкаемый; все это очень martiale и вовсе не идетъ къ странѣ искусствъ, поэзіи и музыки, все это курносой (такъ величаютъ Виктора Эмануила Италіянцы). Римъ, о жалость, Римъ сдѣлался Французомъ; все Французское и полиція, и музыка, и войско, и магазины, и кафе; чище сталъ онъ, это правда, но pittoresque пропало. Я былъ во время карнавала. 9,000 душъ сыновъ гордаго Албіона прибыли повеселиться и заняли всѣ лучшія гостиницы. Съ трудомъ, странствуя около часа по городу, я нашелъ помѣщеніе. Inglesi на балконахъ, пѣшкомъ, въ экипажахъ, все Inglesi; Французы шпалерою стояли по Корсу для порядка, на площадяхъ играла Французская военная музыка, ни одинъ Италіянецъ не принималъ участія. Мнѣ показалось это скучнымъ, и конецъ карнавала я уже былъ въ Неаполѣ. У Лепре я встрѣчалъ нашихъ пенсіонеровъ, и между ними Боткина-художника, который бранитъ все прежнее и хвалитъ новые порядки Академіи Художествъ; но конецъ этихъ débats бывалъ тотъ, что прежде было лучше, и брань сыпалась на представителей какъ Львова, Гагарина, такъ и другихъ. Я въ Римѣ пробылъ недѣлю и утромъ, напившись чаю, вечеромъ пилъ его на S-ta Lucia въ великолѣпной гостиницѣ Hôtel de Russie въ Неаполѣ! Въ настоящее время путешествіе есть пріятная забава: вотъ что дѣлаютъ желѣзныя дороги. Неаполемъ я очарованъ, большую часть времени моего отпуска я провелъ тамъ пріятно, безмятежно, восторженно. Изъ Неаполя я ѣздилъ въ Бари, гдѣ прожилъ три недѣли и гдѣ сдѣлалъ акварель: внутренность склепа, гдѣ почиваютъ мощи Св—го Николая Чудотворца. Я намѣренъ это издать въ гравюрѣ на стали. Тамъ я былъ свидѣтелемъ, какъ нашъ народъ, руководимый одною вѣрою, идетъ за тридевять земель, не зная никакихъ языковъ, помолиться Святителю. Русскихъ принимаютъ ласково, съ участіемъ. Все это я описалъ нашему министру, и увы не нашелъ никакого отголоска. «Государь благосклонно принялъ ваше приношеніе и приказалъ мнѣ васъ благодарить». Но я забылъ, что писалъ министру, тоже Нѣмцу[1]). Между Русскими я сошелся съ семействами Скарятина[2]) и гр. Сухтеленъ[3]); съ первыми я дѣлилъ почти

[1]) Ошибка: графы Адлерберги (Шведы происхожденіемъ)—вполнѣ Русскіе, православные и благочестивые люди. Кромѣ того: оба графа Адлерберга, отецъ и сынъ, были отлично образованы и добросердечны. П. Б.

[2]) Александра Яковлевича и Елену Григорьевну Скарятиныхъ нельзя безъ признательности вспомнить тѣмъ, кто хоть сколько-нибудь зналъ ихъ. П. Б.

[3]) Графиня Сухтеленъ (ур. Ланская) съ дочерью были Неаполитанскими старожилицами и поддерживали богослуженіе нашей тамошней церкви. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

все мое свободное время. M-me Скарятинъ великолѣпная барыня, урожденная гр. Шувалова, сама художница, поэтъ, членъ нашей Академіи, и вообще симпатичная особа; скучно было съ ними разстаться; она просила меня выслать твою книгу *Матеріялы*, что̀ на-дняхъ я исполню.

Здоровье мое, благодаря Бога, поправилось. Я много благодаренъ Вѣнѣ, ея знаменитостямъ-докторамъ, водамъ минеральнымъ, о. Искіи (близъ Неаполя) и солнышку Италіи. Воспоминаній и восторговъ я вывезъ на нѣсколько лѣтъ. Природа, но ты ее знаешь, это диво но люди увы—выдохлись, невѣжество и грубость очень развиты; теперь только что заводятъ въ бывшемъ Неаполитанскомъ королевствѣ школы для дѣтей. Одинъ Италіянецъ, владѣлецъ дома, спрашивалъ меня: что донны учатся у васъ читать и писать? (!). Но за то народонаселеніе растетъ быстро; въ Неаполѣ теперь считается болѣе 500,000 жителей; въ Бари, десять лѣтъ тому назадъ было 19,000 жителей, теперь считаютъ 50,000; за то въ Бари всѣ женщины беременны, и нигдѣ я не видѣлъ столько дѣтей какъ въ Бари. Должно думать, что *«одно дѣло знаютъ!»* Можно отъ души поблагодарить Гарибальди за изгнаніе Бурбоновъ, это имъ обязана южная Италія своимъ необразованіемъ; но только за Бурбоновъ, а другого ничего онъ не сдѣлалъ. Партій Италіянцевъ бездна, и они ничѣмъ недовольны, всѣ толкуютъ о политикѣ и ничего въ ней не понимаютъ. Сочувствіе къ Полякамъ большое. А на Рейнѣ бранятъ Поляковъ; сами же Поляки ругаются въ Швейцаріи, особенно въ Цюрихѣ, гдѣ выходитъ журналъ: der Weisse Adler, въ которомъ печатаются огромныя статьи противъ насъ, но все это не страшно, и кажется они сами себя и свою національность уничтожаютъ, естьли не уничтожили.

Ты вѣроятно знаешь, что столѣтіе Академіи отложено на 8 лѣтъ; не важны сто лѣтъ, что̀ существуетъ Академія Художествъ въ Россіи, а важно то, что когда *ее* окончательно перековеркаютъ, и тогда можно будетъ отпраздновать 108-й годъ. Глупо, неправда ли?

*

С.-Петербургъ, 13 Августа 1864.

Петербургцы еще на дачахъ, и я въ томъ числѣ; признаюсь, что такъ гадко! Вмѣсто неба виситъ сѣрый армякъ, особенно я замѣчаю это послѣ Неаполя. Нигдѣ такъ много не говорятъ про погоду какъ у насъ, и не удивительно: лѣта всего полчаса, и изъ нихъ двадцать минутъ дурной погоды!

Радуюсь за тебя, за твои занятія; здѣсь же совершенный застой. Наши деньги, курсъ все также худъ какъ погода. Мнѣ нужно было получить изъ Кабинета небольшую сумму, меня приглашаютъ пожаловать

Библиотека "Руниверс"

въ Октябрѣ; за Августъ и Сентябрь денегъ уже нѣтъ, истрачены; неправда ли, мило?

Къ Сентябрю я окончу мои постройки: часовню при домѣ усопшихъ и Фельдшерскую Школу, и буду очень радъ отдѣлаться отъ Попечительнаго Совѣта; на мое мѣсто поступилъ И. Штромъ и по двумъ постройкамъ взялъ себѣ 4-хъ *Нѣмецкихъ* помощниковъ. Живопись въ церковь новой Больницы будетъ также отдана Нѣмцу. Штромъ современный человѣкъ.

Поляки начинаютъ креститься въ нашу вѣру, очень много дворянъ перекрещены уже. Слышалъ ли ты это? Въ Петербургѣ вездѣ проводятъ Невскую воду и газъ.

Мы недавно похоронили П. С. Плавова, почтеннаго человѣка и Русскаго зодчаго; надо бы тебѣ что-нибудь написать объ немъ. К. Тонъ можетъ много передать объ немъ, какъ его товарищъ по выпуску 1815 года. Онъ умеръ близъ меня на дачѣ; до конца жизни своей онъ жилъ амфитріономъ, любилъ угощать и очень много говорить; у дачи его всегда были экипажи, онъ былъ очень любимъ.

*

С.-Петербургъ, Сентября 4, 1864.

Въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, проведенныхъ мною на Поклонной горѣ, въ обществѣ милаго и добраго А. В. Фрейганга, не молодаго уже моряка, ему пришла мысль по поводу разговоровъ о Польскихъ смутахъ, которую я тутъ же взялся передать тебѣ, мой дорогой Николай Александровичъ. Она будетъ очень теперь кстати. Эта мысль если ты бы вздумалъ ее осуществить или поручилъ бы кому изъ твоихъ учениковъ: памятникъ *Богдану Хмѣльницкому*. При семъ приложенъ и чертежъ моего пріятеля стараго; не подумай, что его очень кренило или что по случаю крѣпкаго вѣтра такъ плохо нарисовано, онъ лучше не умѣетъ, а мысль хороша и современна: Богданъ первый отложился отъ Поляковъ; какъ бы хорошо къ 4-му Ноябрю, 100 лѣтію Академіи, выставить маленькой эскизикъ.

Съ Н.-В. Кукольникомъ насъ поссорила его sposa, и при всемъ моемъ къ нему уваженіи мы не кланяемся другъ другу; очень пріятно будетъ прочесть его *Двѣ сестры* и увидать на сценѣ *Гофъ-юнкера*.

*

С.-Петербургъ, 21 Сентября 1864.

Случайно я набрелъ на господина, который мнѣ обѣщалъ доставить самую подробную біографію покойнаго Штернберга до заграничнаго его путешествія; это нѣкто д. с. с. Соколовскій, который былъ

Библиотека "Руниверс"

ему вторымъ отцомъ, по смерти его родителей, и котораго стараніями Штернбергъ былъ помѣщенъ въ Академію. Сей баринъ обѣщалъ мнѣ доставить брошюру въ Октябрѣ. Я надѣюсь, что ты удѣлишь мѣстечко въ твоихъ интересныхъ *Матеріалахъ*. Недостающее къ его жизни заграничной ты довершишь самъ, многое передать можетъ А. Н. Мокрицкій. Есть еще одно обстоятельство, которое я тебѣ сообщаю къ свѣдѣнію. П. К. Клодтъ намѣренъ выдти въ отставку. Этимъ открывается ваканція штатнаго профессора при Академіи [1]), нехудо бы тебѣ перебраться и помѣститься въ Питерѣ: ты бы къ этому могъ имѣть въ виду и каѳедру теоріи изящныхъ искусствъ, которая, я воображаю, какъ читается въ Академіи! Пообдумай, да спишись съ барономъ, точно ли это правда?

Пожалуйста, не обращай вниманія на журналистку и ея ругательства; сдѣлай, если будетъ время, эскизъ памятнику Хмѣльницкому. Ты не ошибся, что Фрейганъ, Андрей Васильевичъ, есть сынъ почтеннаго Василія Ивановича, который былъ генеральнымъ консуломъ въ Венеціи и котораго я лично зналъ и пользовался его ласками.

Ты вѣрно слышалъ, что княгиня Софья Григорьевна Волконская завѣщала 25,000 р, въ пользу художниковъ, изъ которыхъ будетъ одинъ стипендіатъ получать ежегодно до 1,500 р. Изъ первыхъ счастливцевъ есть Гр. Кор. Михайловъ. Кто говоритъ, что онъ въ Ревелѣ, кто говоритъ, что онъ въ чужихъ краяхъ. Я его встрѣтилъ здѣсь вскорѣ послѣ моего пріѣзда изъ-за границы, онъ страшно измѣнился, и кажется чуть ли не въ чахоткѣ; не знаю, поправило ли его это лѣто.

Я жду гравюры изъ Лейпцига съ моей акварели: склепъ, гдѣ почиваютъ мощи твоего патрона Св. Николая Чудотворца; какъ прибудутъ оттиски, то вышлю тебѣ. Желалось бы чтобы было удачно награвировано на стали, а рисунокъ очень интересенъ.

Большая новость: будущая Русская Императрица будетъ Датская принцесса.

*

С.-Петербургъ, 19-е Марта 1865.

При семъ 100 экземпляровъ моего изданія [2]) которые я прошу отдать въ магазины болѣе популярные, и гдѣ люду ходитъ много мимо; да попроси ихъ одинъ экземпляръ выставить у окошка, дабы видѣли, это разъ; а второе отошли пакетъ и одинъ экземпляръ митрополиту Филарету, заверни эстампъ въ бумагу и не круто (прости за надоѣ-

[1]) Мѣсто въ Академіи интересно для послѣдствій, именно *пенсіона*.

[2]) Цѣна экземпляру 1 руб. с., за комиссію 20 пр. не болѣе, и будь такъ добръ, возьми у каждаго изъ нихъ росписку, кто сколько возметъ экземпляровъ, и росписки вышли мнѣ.

Библиотека "Руниверс"

данье!). Одинъ экземпляръ прими отъ меня на память. Очень бы одолжилъ, если бы ты что-нибудь доброе сказалъ въ пользу эстампа въ Московскихъ Вѣдомостяхъ. Вотъ тебѣ канва, а ты уже вышьешь. Г. Баръ (по итальянски Bary) лежитъ у самаго Адріатическаго моря, въ южной части Италіи, въ климатѣ очаровательномъ; городокъ съ 50,000 жителями, дѣлится на старый и новый, очень торговый, съ хорошимъ портомъ. Соборъ Св. Николая находится въ старомъ городѣ, построенъ въ 12-мъ столѣтіи, и къ сожалѣнію недоконченъ, какъ и многіе памятники того времени, т.-е. верхъ, именно башни. Стиль его первобытный Византійскій, много есть прекрасныхъ деталей, капителей, мозаикъ т. п. Соборъ былъ реставрированъ въ 16-мъ столѣтіи, почему и вкрался вкусъ возрожденія (renaissance); такъ и въ криптѣ или склепѣ видны капители, колоны Византійскія, а орнаменты въ сводахъ и нѣкоторыя другія части—renaissance. Въ склепѣ полъ настоящій изразчатый, сдѣланъ поверхъ мозаичнаго по случаю частыхъ наводненій, почему и базы закрыты у колоннъ, но около главнаго алтаря онѣ есть и полъ первобытный. Тамъ гдѣ горятъ свѣчи главный престолъ, подъ которымъ покоятся мощи Святого весь серебряный литой, подарокъ *Сіамскаго короля Росси* *). Поклоненіе мощамъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Послѣ короткой литіи, въ срединѣ престола отворяютъ дверцы тоже серебряныя вышиною 1 ар. шириною 10 верш., и прежде туда на колѣняхъ *вползаетъ* каноникъ, опускаетъ на цѣпочкѣ свѣчу и ковшичекъ, тогда приглашаетъ желающихъ поклониться; подъ престоломъ въ срединѣ мраморнаго пола есть отверстіе круглое въ діаметрѣ не болѣе $1^1/_2$ вершка, въ которое опущенная свѣча освѣщаетъ уже самую раку Святителя и тогда видна кость правой ноги, хорошо сохранившаяся. Въ ковшикъ обыкновенно наливается *несоленая вода*, что̀ доказываетъ, что около мощей есть вода. Около престола много видно лампадъ нашихъ Русскихъ, даже есть работы Сазикова. А въ склепѣ нерѣдко видимъ нашихъ пелериновъ, Русскихъ поклонниковъ, которые, руководимые вѣрою, идутъ молиться, не зная никакихъ иностранныхъ языковъ и говоря только по-русски. Въ продолженіи трехъ недѣль мною проведенныхъ въ Бари, я встрѣтилъ 10-ть человѣкъ Русскихъ, въ разное время. Каноники очень радушно принимаютъ поклонниковъ, даютъ даромъ помѣщеніе; близъ собора есть въ родѣ подворья для странниковъ. По Средамъ каждую недѣлю отправляется особенная служба Св. Николаю въ криптѣ. Престолъ или алтарь ближе къ рам-

*) P. S. Это что-то мудрено, хотя и есть не въ большомъ количествѣ христіанизмъ въ Сіамскомъ государствѣ, Росси была извѣстная *женщина-скульпторъ*; не ея ли работа барельефы, окружающіе престолъ?

Библиотека "Руниверс"

къ эстампа, есть престолъ Св. дѣвицы Лукіи (St-a Lucia), которая въ большомъ уваженіи въ южной Италіи, тутъ же хранятся и части ея мощей. Я видалъ женщинъ, которыя не иначе идутъ отъ входа въ склепъ до престола какъ на колѣняхъ, особенно прибѣгаютъ страждущіе глазами: Святой Лукіи были выколоты глаза. Ну довольно; очень радъ за процвѣтаніе вашего училища, выхлопочите себѣ пенсіоны, это необходимо.

Львовъ укладывается *), подалъ въ отставку, и на его мѣсто назначенъ *Ребезовъ*, а д. Гагаринъ остался; для чего, не знаю? На дняхъ мы похоронили И. И. Чмутова и В. И. Григоровича.

P. S. По странному стеченію обстоятельствъ, тѣло В. И. Григоровича вносилось въ Академію для отпѣванія въ то время, когда Львовъ выѣзжалъ изъ Академіи.

*

С.-Петербургъ, 3-е Апрѣля 1865.

Я теперь въ большой досадѣ. Желанію моему быть опять въ Италіи было улыбнулось. Императрица вызвала меня въ г. Киссингенъ для принятія порученій отъ Е. В., и что же? Какъ я только заготовилъ форменности, ѣду къ министру, чтобы подать мою записку о поѣздкѣ, какъ обухомъ новость поразила меня о болѣзни и опасности Наслѣдника. Вышелъ мыльный пузырь! Сомнительно, чтобы здоровье его поправилось; послѣдняя телеграмма утѣшительная.

Здѣсь много надѣлалъ шуму юбилей 100 лѣтній Ломоносова, и Петербургъ заговорилъ о Нѣмцахъ не въ пользу ихъ. Я на обѣдѣ не былъ, а былъ въ спектаклѣ; давали: *Ломоносовъ* Полевого.

Я сейчасъ получилъ любезное письмо изъ Бари; я послалъ туда 200 экземпляровъ моего изданія, почему ты не удивляйся, что на гравюрѣ Французская подпись; я очень жалѣю, что не Итальянская, да поздно хватился.

*

С.-Петербургъ, 4 Мая 1865.

На дняхъ я получилъ за мое изданіе отъ Императрицы подарокъ, а отъ Государя благодарность. Подарокъ почти окупилъ мои издержки, что̀, слава Богу, потому что распродажа эстамповъ въ Питерѣ идетъ туго. Нѣмецкій городъ вишь!

Синодъ благодарилъ меня за желаніе жертвовать 10-й процентъ въ пользу церкви, но продавать въ церквахъ Св. Николая не дозволилъ, находя, что недостаточно религіознаго содержанія эстамповъ; каково глупо? На улицахъ и въ магазинахъ можно продавать и безъ Синода.

Здѣсь выставлена Полтавская битва Коцебу, много хорошаго; жаль, что Русскіе всѣ похожи на Нѣмцевъ. Не вліяніе ли это Мюнхе-

*) Со Львовымъ замѣшанъ и Мюссаръ; кажется, и ему надо будетъ приготовить лыжи.

Библиотека "Руниверс"

на, гдѣ писана картина? А также памятникъ по случаю освобожденія крестьянъ Щурупова, который предполагается построить у одной части стѣнъ Кремля, c'est de la galimatia. Тріумфальные ворота, никуда не ведущіе, часовня и музей, все это въ Итальянскомъ или Римскомъ вкусѣ; я не знаю даровитаго Щурупова. Но это не больше какъ проектъ.

На дняхъ я проводилъ новаго генералъ-губернатора Кауфмана въ Вильну, на мѣсто гр. Муравьева. Ты, я думаю, его помнишь; ты его видѣлъ въ церкви, которую я устраивалъ въ Инженерномъ замкѣ. Это достойный человѣкъ, преданный до фанатизма Россіи, не любящій Поляковъ и аристократовъ, не любящій воровъ и ревностный гонитель взятокъ. Можно ожидать много добраго; жаль, что носитъ Нѣмецкое имя, хотя и онъ и отецъ его православные.

*

Петербургскіе художники хотятъ устроить клубъ, который натурально не устроится; тутъ нужны деньги и деньги; на одно обзаведеніе и наемъ помѣщенія надо около 10.000 р., гдѣ ихъ возмутъ? И къ тому же это поведетъ въ разореніе небогатый классъ нашихъ коллегъ: на балахъ захотятъ соперничать туалетами жены артистовъ, а милое домино-лото, а карты и пр. невинныя удовольствія! Я предложилъ вмѣсто клуба устроить *Общество взаимнаго вспоможенія художниковъ*, которое имѣло бы цѣлью помогать другъ другу, заботиться о сбытѣ и развитіи художественныхъ произведеній въ нашемъ отечествѣ, поощрять молодыхъ художниковъ, призрѣвать стариковъ или лишенныхъ преждевременно средствъ добывать себѣ хлѣбъ трудами, вспомоществовать ихъ вдовамъ и сиротамъ. Натурально, что члены общества должны быть *одни только художники*, безъ Громовыхъ и подобныхъ золотыхъ мѣшковъ, которые смотрятъ на поощреніе художникамъ, какъ на подачку; словомъ, въ родѣ *Филармоническаго Общества*. Не знаю, примется ли эта идея, а она была бы полезнѣе всякаго клуба. На скоро я написалъ уставъ и послалъ его.

*

С.-Петербургъ, 21 Мая 1865.

Благодарю тебя за твои безпокойства о моемъ эстампѣ. Все что ты ни дѣлаешь прекрасно, мой Горацій. Ужъ позволь еще тебѣ выслать 40 экземпляровъ на случай. Я послалъ на дняхъ чрезъ Кожанчикова въ Казань, Ярославль и на ярмарку въ Нижній. Подлѣ твоего письма нашелъ я наскоро написанный экспромтъ моего хорошаго пріятеля Виктора Павловича Соколова, заѣзжаго сюда изъ Ярославля. Вотъ онъ:

Библиотека "Руниверс"

Въ дождь, чрезъ грязныя пучины,
Къ горю тонкихъ сьюговъ,
Помня ваши именины,
Приходилъ къ вамъ Соколовъ.

Но онъ ошибся: сегодня не день моихъ именинъ.

Я не на дорогѣ Парголовской, но на дорогѣ въ Вильну. Тебя это крайне удивитъ. Мнѣ предложилъ новый генералъ-губернаторъ мѣсто члена Комиссіи возстановленія православныхъ храмовъ въ Сѣверо-западномъ краѣ. Назначеніе очень лестное и выгодное: около 3,000 руб. жалованія кромѣ разъѣздовъ. Но я еще все боюсь и не рѣшаюсь, и если и поѣду, то какъ бы командированный; мнѣ хочется удержать за собою званіе архитектора высочайшаго двора и при этомъ 750 руб. сер жалованія, которое чрезъ 4 года обращается мнѣ въ пенсіонъ, если бы я не захотѣлъ служить болѣе. Если все это устроится, какъ я желаю, то въ концѣ Іюня прощай Петербургъ; буду пріѣзжать въ гости на зиму. Когда мнѣ объявилъ это Кауфманъ, который теперь здѣсь, повѣришь, я не спалъ цѣлую ночь отъ новизны и безпокойства. Обязанность моя будетъ наблюдать за постройками, которыя уже производятся по губерніямъ Сѣверозападнаго края; церквей въ настоящее время строится до 80-ти. Вотъ чѣмъ окончательно парализуется послѣднее Польское возстаніе, чрезъ водвореніе Православія, слѣдовательно—религіею и воспитаніемъ. Туда ѣдутъ устраивать институты для дѣвицъ нѣкоторыя личности.

*

С.-Петербургъ, Мая 25 1865. 4° тепла.

Поѣздка моя въ Вильну не состоялась: вмѣсто трехъ тысячъ съѣхали на тысячу; игра не стоитъ свѣчъ: эту тысячу я достану у себя въ кабинетѣ, безъ мытарствъ и лишеній. Не буду дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, ну да и Господь съ нимъ! Теперь я оканчиваю рисунокъ для Государя и въ половинѣ Іюня, около 20-го, поѣду за границу, коли пустятъ. Похоронная церемонія покойнаго Наслѣдника была великолѣпная; теперь онъ лежитъ подъ парднымъ балдахиномъ въ крѣпости, подъ очень плотной кисеей. Какъ кажется, бальзамированіе современное очень отстало отъ прежняго: во время Французской революціи, когда народъ ворвался въ St. Denis, то когда вскрыли гробъ Генриха IV, онъ лежалъ какъ живой, сохранились даже румяна на лицѣ. Это историческій фактъ. Кто говоритъ, что качка имѣла вліяніе, будто въ Гибралтарѣ до того качало, что гробъ и катафалкъ, все повалилось. Одинъ матросъ умеръ, что̀ бываетъ очень очень рѣдко *отъ качки*. Офицеры съ трудомъ могли дежурить у гроба отъ запаха разложенія. Сегодня хоронятъ Великаго Князя. Сюда прибыли разные принцы и ждутъ

Библиотека "Руниверс"

Дагмару. Погода и время стоятъ отвратительныя. Петербургскіе, бѣдные дачники мерзнутъ. Зелень не совсѣмъ распустилась еще!!

На дняхъ я встрѣтилъ Щурупова и выразилъ мое сожалѣніе, зачѣмъ памятникъ его не Русской, а Итальянской. Но отъ него такъ вѣетъ Западомъ, что меня крайне удивило. Онъ увѣряетъ, что у насъ своего ничего нѣтъ и т. д. У васъ строится балаганъ не для Щурупова, а для его проекта; онъ расчитываетъ его показать Государю въ Москвѣ; онъ мнѣ даже разсказывалъ, что кто-то при разсказѣ или поясненіи его проекта плакалъ!!! C'est très touchant! Для подобныхъ памятниковъ долженъ быть конкурсъ необходимо. Ты вѣроятно не откажешь попривѣтствовать его твоимъ перомъ. У меня есть идея. У тебя кто-то изъ учениковъ лѣпитъ хорошо звѣрковъ; предъ Морскимъ и Горнымъ корпусами на набережной есть гранитные пьедесталы, на которыхъ нехудо бы было предъ моряками поставить бронзовыхъ бобровъ, тюленей, моржей и т. п., а предъ Горными—дикихъ козъ, сернъ и т. п., могли бы быть очень красивыя группы. Если нужна будетъ мѣра, я тебѣ вышлю, маленькіе эскизы наведутъ на осуществленіе заказа. Группы украсили бы и набережную, и Неву.

*

12 Іюня 1865. С.-Петербургъ.

Я на дняхъ представлялъ мои акварельныя работы Государю. Хотя онъ былъ милостивъ, но очень скученъ. Императрица сердится на нашу сѣверную и безтолковую природу, въ Январѣ въ Ниццѣ было жарко ходить въ пальто, вчера можно было, да и ѣздили въ шубахъ, сегодня Сентябрскій дождь; когда же лѣто? Май былъ отвратительной, Іюнь холодный, когда же, когда же? Крыловъ говорилъ, «что волкамъ бы жить здѣсь», и правда.

Здѣсь нашъ Скарятинъ. Онъ вызванъ по дѣлу покупки и устройства виллы Бермонъ, гдѣ скончался Великій Князь; кажется я съ нимъ поѣду; желательно на этой недѣлѣ, не позже 15 или 16 Іюня.

*

Генуя, (9) 21 Августа 65.

Пишу тебѣ, mio caro, издалека, послѣ горячихъ водъ Карлсбадскихъ, куда меня послалъ Ополтцеръ. Я обрѣтаюсь теперь въ сѣверной Италіи. Четыре недѣли глоталъ я горячіе напитки, отъ которыхъ было невесело и скучно. Въ Карлсбадѣ я встрѣтилъ много нашихъ Русскихъ, сливки нашего аристократическаго общества, къ сожалѣнію съ кислотою! Но я былъ не безъ дѣла. Смерть одного изъ нашихъ соотечественниковъ, князя М. А. Ухтомскаго, взволновала Русскій людъ; его добрые Нѣмцы не позволили похоронить и внесли тѣло во временную

Библиотека "Руниверс"

церковь, не желая чѣмъ либо опечалить другихъ гостей сюда прибывшихъ; его похоронили изъ дома и ночью! Церковь временная служитъ зимою для танцевъ, т. е. зала, а лѣтомъ нанимаютъ эту залу и ставятъ временной иконостасъ; три года уже хлопочутъ, чтобы для Русскихъ была особая церковь, денегъ собрано въ эти годы до 15,000 сер. Этотъ случай заставилъ прибѣгнуть ко мнѣ просить составить проектъ изъ дома, который уже былъ пріисканъ къ покупкѣ. Проектъ меня занялъ во время леченія и болѣе сблизилъ съ старинными знакомыми, Шуваловымъ Андреемъ Петровичемъ, его женою, Клейнмихелемъ, Адлербергомъ и другими личностями; они были такъ имъ довольны, что послали въ Петербургъ къ Государю. Не знаю что̀ изъ этого будетъ, но если онъ будетъ одобренъ, то я раннею весною буду строить въ Карлсбадѣ не отдѣльную церковь, а какъ бы молитвенной домъ съ помѣщеніемъ для причта, въ нашемъ Русскомъ Византійскомъ стилѣ, а не въ Римскомъ. Оставя Карлсбадъ, я заѣхалъ въ Регенсбургъ, гдѣ видѣлъ Валгаллу—храмъ посвященный великимъ Нѣмецкимъ людямъ, зданіе очень хорошее, внутри собраніе мраморныхъ бюстовъ всѣхъ замѣчательностей, художниковъ, воиновъ, царей, ученыхъ, между ними, наши: Екатерина II и Минихъ фельдмаршалъ. Потомъ заѣхалъ въ Мюнхенъ, побылъ въ Швейцаріи и недѣлю провелъ въ Миланѣ. Попалъ случайно на Миланскую выставку, живопись и особенно пейзажи плохи, но скульптура хороша большею частію, почти всѣ выставленные вещи изъ мрамора. Вотъ имена замѣчательныхъ скульпторовъ: Argenti, Milloratti и Columba; послѣдній много обѣщаетъ, онъ выставилъ голову молодой дѣвушки молящейся, прелесть! Что за чудо Миланской вокзалъ желѣзной дороги, построенный во вкусѣ Людовика XIV. Широко, благородно: величиною онъ гораздо болѣе нашихъ и Московскаго, и Варшавскаго дебаркадера. Послѣ Милана Генуя немножко вонлива. На биржѣ здѣсь колосальная статуя Кавура и новый замѣчательный памятникъ Колумбу; обѣ вещи изъ мрамора и хороши. Здѣсь я буду недолго, а проѣду въ южную Францію, гдѣ покупаюсь въ морѣ и потомъ до дому, въ концѣ Сентября буду a casa. Но какая досада послѣ Карлсбадскихъ водъ 4 недѣли строгой діеты, а здѣсь такіе соблазны на счетъ плодовъ: персики, арбузы, виноградъ чуть не даромъ, а ѣсть нельзя. Каково глупо?

*

С.-Петербургъ, 20 Сентября 1865.

«Бардъ безъимянный, тебя ль не узнаю?» Merçi, голубчикъ Николай Александровичъ, за статейку о Карлсбадѣ и будущей церкви. Статья твоя была перепечатана во всѣхъ газетахъ Петербургскихъ. Слава Богу я прибылъ благополучно, здоровье мое также хорошо. Остальное

Библиотека "Руниверс"

пребываніе мое за границею было въ Cannes, городѣ близъ Ниццы. Въ Ниццѣ лѣтомъ невыносимо жарко и пыльно, такъ что я, пробывъ дня три, переѣхалъ въ Каннъ, очаровательный городокъ на Средиземномъ морѣ, часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Ниццы, гдѣ я прожилъ слишкомъ три недѣли, купался въ морѣ и жилъ въ такой великолѣпной гостинницѣ, какой я до сихъ поръ еще не видѣлъ. Оставя мѣстность, въ нижнемъ этажѣ находятся залы: для музыки, для чтенія, библіотеки, нѣсколько столовыхъ, биліардная, зала для курящихъ, даже salon de coiffeur. Коридоръ 5 аршинъ ширины, вездѣ газъ, вода, прекрасный садъ, вечеромъ ароматъ жасминовъ и вербейновъ, терассы при отелѣ и съ нихъ видъ на изумрудное море, ну чудо! Я былъ пенсіонеромъ, имѣлъ прекрасную комнату арш. 7 высоты, завтракъ утромъ, въ полдень и вечеромъ обѣдъ, купанье и при немъ бѣлье, вина сколько угодно, и все это въ день 9-ть франковъ, меньше 3-хъ руб. сер. Подлѣ меня жило наше Русское семейство бар. Корфа съ милыми дѣтьми; время такъ скоро прошло, что, признаюсь, скучно было оставить Канну (но не Галилейскую).

*

С.-Петербургъ, 27 Сентября 1865.

Скажи, милѣйшій Николай Александровичъ, г-ну Леонтьеву, что онъ на этотъ разъ тебѣ солгалъ; въ Карлсбадѣ хоронятъ и днемъ. Въ продолженіи четырехнедѣльнаго моего пребыванія *я видѣлъ* трое похоронъ и днемъ; даже одинъ изъ нашихъ, Г. И. Кузминскій написалъ по этому поводу: хоронили молодую дѣвицу, которая была невѣстою.

Не даромъ я люблю Москву. Въ Ильинскомъ говорили [1]) обо мнѣ, Государь вспомнилъ мою службу при покойномъ Николаѣ Павловичѣ, когда я служилъ по вѣдомству Главнаго Управленія Путей Сообщенія и Публичныхъ зданій, всѣ замѣчательные проекты не миновали рукъ моихъ, я служилъ въ департаментѣ проектовъ и смѣтъ, многое построено въ Россіи изъ публичныхъ зданій по моей мысли. Служба при Академіи была тоже не забыта. Все это мнѣ передалъ графъ Андр. Петр. Шуваловъ (оберъ-гофмаршалъ), министръ же нашъ держитъ меня подъ колпакомъ. Во всемъ этомъ я много обязанъ графу Шувалову, который меня покороче узналъ въ Карлсбадѣ и которому меня обрисовалъ старикъ графъ Клейнмихель тамъ же.

Постройка церкви Инженернаго замка [2]) была въ 1857 году. Въ Академіи я служилъ съ 1845 года помощникомъ хранителя Музея по

[1]) По поводу этого разговора я жду очень лестнаго порученія, но объ этомъ молчокъ; можетъ быть и ничего не будетъ.

[2]) Для кондукторовъ Инженернаго Училища (въ замкѣ есть другая церковь).

Библиотека "Руниверс"

1851, а съ 1851 по 1859 г. хранителемъ Музея, мною былъ составленъ первый каталогъ Музея, который былъ поднесенъ Государю; упомяни службу мою и при Попечительномъ Совѣтѣ заведеній общественнаго призрѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я прослужилъ только три года старшимъ архитекторомъ и былъ не безполезенъ вѣдомству. Фельдшерская школа, часовня для усопшихъ при Градской Обуховской больницѣ и пр. построены мною и по моимъ проектамъ; при упраздненіи должности старшаго архитектора я оставилъ службу.

Я тебѣ разскажу все что̀ знаю про *Петра* Сергіевича Плавова. Онъ не дождался 1-й золотой медали и вышелъ изъ Академіи въ 1815 г. по непріятностямъ; но объ этомъ разсказываютъ разно. Одни говорятъ, что К. А. Тону протежировалъ покойный А. Н. Оленинъ, и Плавову слѣдовало получить какую медаль не знаю, кажется, 2-ю золотую, а дали Тону. К. А. Тонъ иначе разсказываетъ это происшествіе. Плавовъ по выходѣ изъ Академіи прямо поступилъ въ вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи. Марія Ѳеодоровна отличала молодаго архитектора, онъ 23-хъ лѣтъ имѣлъ уже Владимира 4-й степени. Вся жизнь, кромѣ послѣднихъ пяти лѣтъ, была посвящена службѣ, сначала въ Опекунскомъ, потомъ Попечительномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ былъ старшимъ архитекторомъ, въ послѣдствіи главнымъ архитекторомъ учрежденій Маріи. Много произведено имъ работъ въ этомъ вѣдомствѣ. Замѣчательнѣе всего—это женская больница Обуховская на 250 кроватей, она можетъ считаться *лучшею у насъ въ Россіи* и стать рядомъ съ зданіями Европейскими этого рода и во многомъ имѣть еще преимущество. Это былъ Лукуллъ, большой хлѣбосолъ и говорунъ. Академическая неудача, что онъ не былъ посланъ за границу, а всѣ его товарищи были, оставила рѣзкое впечатлѣніе на всю жизнь: онъ всегда бранилъ чужіе края, хотя и не былъ; въ его глазахъ все *наше* было лучше и выше *чужаго*. Любилъ говорить правду и не стѣснялся съ г.г. почетными опекунами и попечителями. Его очень любили сослуживцы. Что онъ былъ добрый человѣкъ, доказываетъ то, что онъ въ духовной своей завѣщалъ капиталъ около 7-ми тысячъ въ градскую богадѣльню, изъ процентовъ будутъ 5-ро призрѣваемыхъ, и кровати названы по высочайшей волѣ *Плавовскими*. При жизни онъ много благотворилъ; я знаю семейства, которыя во всемъ ему обязаны. Умеръ 69-ти лѣтъ на дачѣ, на Поклонной горѣ около Петербурга, 31 Іюля 1864.

*

С.-Петербургъ, 17 Октября 1865.

Я не уѣзжаю за границу, все мнѣ обѣщанное не сбылось. Я долженъ былъ ѣхать въ Ниццу, помѣшалъ мнѣ гвардейскій корпусъ, который собралъ 20,000 р. на постройку часовни въ виллѣ Бермонъ, и

Библиотека "Руниверс"

проектъ они поручили сдѣлать Бравурѣ. Теперь назначенъ конкурсъ четверымъ: Гримму, Рѣзанову, Бравурѣ и мнѣ. Ты вѣроятно имѣешь идею, что̀ значутъ наши конкурсы: они стоятъ времени, значитъ денегъ, а потомъ опять денегъ помощникамъ, а что̀ будетъ, неизвѣстно. Министръ настаиваетъ, чтобы 20,000 гвардейскихъ присообщить къ назначенной суммѣ 50,000, а Барятинской, командиръ Преображенскаго полка, кобенится, и такъ до сихъ поръ не рѣшено даже что̀ будетъ за задача. Не строить же двѣ часовни, не дѣлать же монастырь Русскій въ Ниццѣ?

Гр. Шуваловъ мнѣ сказалъ слѣдующую лестную фразу: «ну конкурсъ, такъ конкурсъ; но признаюсь, мнѣ было бы обидно, если бы кого другого послали въ Ниццу, а не васъ». Нынѣшній годъ какъ-то особенно для меня замѣчателенъ; много обѣщаній, надеждъ, а толку мало. Я долженъ былъ ѣхать за границу къ Императрицѣ, смерть Наслѣдника помѣшала; чуть чуть не уѣхалъ въ Вильну лѣтомъ, теперь опять въ Ниццу, но все это къ сожалѣнію чуть, чуть!!

Вѣчная память Щурупову и его памятнику. Я между прочимъ слышалъ (не выдаю за вѣрное), что онъ Католикъ; если правда, то очень мило, особенно ему, какъ человѣку изъ духовнаго званія.

Здѣсь началась выставка. Послѣ 6-ти лѣтъ моего небытія въ Академіи я собираюсь навѣстить ее. Грустно будетъ видѣть передѣлки, поправки Кокоринова. Увы, моихъ доброжелателей (и плута и дурака) больше нѣтъ въ стѣнахъ Академіи! Я вѣрю еще болѣе въ Провидѣніе, и рано или поздно, а за всѣ наши пакости есть плата.

*

С.-Петербургъ, 6 Ноября 1865.

Я теперь осыпаюсь милостями. Не знаю, писалъ ли я тебѣ, что Государыня мнѣ пожаловала перстень за акварель, которую я сдѣлалъ шутя, купаясь въ Каннѣ «*Старые дубки и часть города Канна*». На дняхъ же получилъ за тотъ же эстампъ *крѣпость Св. Николая*, отъ короля Италіи Виктора Эмануила орденъ св. Маврикія и Лазаря, очень красивый крестъ. Что̀ пріятно, что безъ всякихъ домогательствъ и протекціи.

Еще маленькая просьба: если ты что нибудь найдешь нужнымъ сказать обо мнѣ въ твоихъ *Матеріалахъ*, упомяни о моихъ акварельныхъ работахъ, что альбомы членовъ Императорской фамиліи наполнены моими рисунками, большею частію внутреннихъ видовъ.

Библиотека "Руниверс"

ЯПОНІЯ.

Докладная записка іеромонаха *) Николая директору Азіатскаго Департамента П. Н. Стремоухову.

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Отправившись въ Японію въ званіи настоятеля консульской церкви, но съ миссіонерской цѣлію, я старался, въ продолженіе моего восьми-лѣтняго пребыванія тамъ, изучить Японскую исторію, религію и духъ Японскаго народа, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ осуществимы тамъ надежды на просвѣщеніе страны Евангельскою проповѣдію. Конечно, въ миссіонерскихъ видахъ я никакъ не разсчитывалъ на однѣ собственныя силы; но мнѣ казалось святотатствомъ просить себѣ сотрудниковъ прежде, чѣмъ я увѣрюсь, что ихъ силы, отвлеченныя отъ непосредственнаго служенія Россіи, не будутъ потеряны для людей вообще. Чѣмъ больше я знакомился съ страной, тѣмъ больше убѣждался, что очень близко время, когда слово Евангелія тамъ громко раздастся и быстро понесется изъ конца въ конецъ имперіи. Беру смѣлость изложить предъ вашимъ превосходительствомъ тѣ наблюденія, которыя привели меня къ этому убѣжденію.

Въ этой 35-ти милліонной имперіи крайняго Востока все какъ-то чудно, все не по-нашему, но вмѣстѣ и не по-восточному. Какъ мы понимаемъ Востокъ? Абсолютный деспотизмъ сверху и безотвѣтное раболѣпство снизу, невѣжество, отупѣніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозмутимое самодовольство и гордость, а вслѣдствіе этого неподвижность: вотъ понятія, которыя у каждаго изъ насъ неразрывно связаны съ понятіемъ о восточныхъ государствахъ. Тѣмъ болѣе, по видимому, означенныя качества должны бы принадлежать Японіи, какъ странѣ очень древней и, во все время своего существованія, имѣвшей сношенія почти исключительно съ однимъ Китаемъ, отсталость и неподвижность котораго вошли въ пословицу. И что же мы видимъ на самомъ дѣлѣ въ Японіи.

---

*) Нынѣ архіепископа. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Императорская династія здѣсь, правда, имѣетъ, какъ почти вездѣ на Востокѣ, божественное происхожденіе, но деспотами, въ томъ смыслѣ, который мы привыкли соединять съ этимъ словомъ, императоры никогда не были. Я встрѣтилъ въ исторіи лишь одного императора (и въ періодъ наиболѣе цвѣтущаго состоянія Японіи), который взглянулъ было на свою власть, какъ на принципъ полнѣйшаго самовольства и вслѣдствіе того сталъ охотиться на людей съ лукомъ и стрѣлами, бросать людей въ рѣку, бить ихъ острогою, какъ рыбу и дѣлать тому подобныя дурачества; но и его постигла внезапная смерть, и исторія очень недвусмысленно говоритъ о причинѣ этой внезапности. Другой, наслѣдникъ престола, показывалъ наклонность сдѣлаться подобнымъ императоромъ, но за эту наклонность государственный совѣтъ прямо лишилъ его права на престолъ. Вообще объ императорской династіи въ Японіи (она одна съ самаго основанія имперіи, т.-е. съ 667 г. до Р. Хр.) можно не обинуясь сказать, что она блистательно исполнила свой долгъ: рядомъ героевъ и мудрыхъ администраторовъ она завоевала страну для своего народа, дала ей очень хорошее гражданское устройство (лучшее чѣмъ то, которое существуетъ теперь не по винѣ императоровъ), доставила народу военную славу завоеваніемъ Корейскихъ государствъ, ввела его въ сношеніе съ Китаемъ и чрезъ то даровала странѣ хоть то образованіе, которое выработалъ до нея Китай, и, наконецъ, жертвуя собой, своимъ божественнымъ авторитетомъ, внесла въ имперію Буддизмъ, болѣе обширную и высшую форму религіознаго сознанія, чѣмъ древнѣйшая религія Японцевъ— Синту (обожаніе духовъ предковъ). Кончивъ свою миссію и какъ-будто истощенная ею, императорская династія впала въ бездѣятельность, въ апатію, и Японія, не задумываясь долго, создала себѣ новую форму правленія. Это вышло нѣчто очень оригинальное: императоръ, повидимому, продолжалъ быть тѣмъ же императоромъ; титулы и почести на словахъ и въ книгахъ остались за нимъ, но власть перешла къ болѣе живымъ и сильнымъ дѣятелямъ—сёогунамъ (сёогунъ въ буквальномъ переводѣ генералъ). Съ этими, на свѣжей памяти и самопроизвольно поставленными, своими властелинами, Японія уже немного церемонилась: Сёогунскихъ династій, менѣе чѣмъ въ продолженіи 700 лѣтъ (съ 1186 г. по Р. Хр.), у нея перебывало шесть, при чемъ только тѣ изъ сёогуновъ держались крѣпко и прочно, кто удовлетворялъ національнымъ потребностямъ.

Это ли деспотизмъ? И гдѣ же безотвѣтность и раболѣпство? Начните говорить съ людьми разныхъ сословій, спуститесь до крестьянина самого глухого околодка, и вы удивитесь здравому и вмѣстѣ независимому образу мыслей народа о своемъ правительствѣ. Самый строгій

Библиотека "Руниверс"

образъ правленія былъ установленъ послѣднею, низверженною въ прошломъ году Сёогунскою династіей: Японія была опутана сѣтью шпіоновъ; самыя суровыя мѣры были приняты для устраненія сношеній съ иностранцами; но первое относилось почти исключительно къ обузданію удѣльныхъ князей, второе (по понятію сёогуновъ очень основательному 300 лѣтъ тому назадъ) предупреждало страну отъ завоеванія ея иностранцами. Что же касается до народа, то онъ имѣлъ условій къ сознанію своей гражданской свободы гораздо болѣе, чѣмъ народы многихъ государствъ въ Европѣ. И при всемъ томъ, какъ народъ былъ недоволенъ существовавшимъ порядкомъ вещей! Интересно было послушать, какъ купецъ негодовалъ на такія и такія пошлины (правду сказать, вовсе не обременительныя), какъ крестьянинъ роптalъ за взиманіе повинностей, по его мнѣнію очень тяжелыхъ, какъ всѣ презрительно отзывались о чиновникахъ («которые почти всѣ даже взятки берутъ—такіе они негодные!»), какъ весь вообще народъ корилъ правительство за бѣдность страны, между тѣмъ какъ нищихъ почти не видно, а каждую ночь въ любомъ городѣ улицы увеселительныхъ домовъ стонутъ отъ музыки и пляски. Это ли восточное, безгласное раболѣпство предъ властелинами?

Изъ сказаннаго уже отчасти видно, что Японцы вовсе и не отупѣлый и не невѣжественный народъ. Объ образованіи Японцевъ сравнительно съ Европейцами можно сказать тоже, что̀ обыкновенно говорятъ относительно Америки, сравнивая ее съ Германіей. Здѣсь образованіе не высоко и не глубоко, за то оно разлито почти равномѣрно по всѣмъ слоямъ народа. Конфуцій здѣсь альфа и омега ученой мудрости; за то онъ, будучи задолбленъ до послѣдней буквы ученымъ Японцемъ, не безызвѣстенъ и послѣднему простолюдину, который по немъ большею частію учится читать и писать. Про другія страны міра до послѣдняго десятилѣтія и самые ученые Японцы почти ничего не знали; за то и въ отдаленной деревушкѣ вы не найдете такого невѣжду, который бы не зналъ, кто такой Іеритомо, Іосицуне, Кусуноки, Масасинге и прочіе историческіе дѣятели, или не сумѣлъ сказать, на Сѣверъ или на Западъ отъ него лежатъ Едо, Міяко и другія важныя мѣстности. Весной вы идете по улицѣ и видите толпы ребятишекъ, пускающихъ змѣя; васъ заинтересовала чудовищная рожа, намалеванная на змѣѣ; спросите у ребятишекъ, кто нарисованъ: они наперевывъ другъ передъ другомъ поспѣшатъ разсказать, что это Кіёмори или Такаудзи или кто другой, и будьте увѣрены, они разскажутъ исторію удовлетворительно: мать или старшій братъ, готовя имъ змѣя, позаботились въ тоже время ознакомить ихъ съ этими историческими лицами; а часто коротkая по-

Библиотека "Руниверс"

вѣсть о нихъ напечатана тутъ же на оборотѣ листа. Вотъ остановились на улицѣ двѣ дѣвушки и разсматриваютъ картинки въ книжкѣ; одна изъ нихъ хвастаетъ своей подругѣ покупкой, которую только что сдѣлала: это какой нибудь историческій романъ. Покупать книгъ здѣсь впрочемъ, нѣтъ особенной надобности: здѣсь такое множество общественныхъ библіотекъ и такъ баснословно дешево берутъ за чтеніе книгъ, при чемъ даже не нужно трудиться ходить въ библіотеки, потому что книги разносятся ежедневно по всѣмъ улицамъ и закоулкамъ. Полюбопытствуйте заглянуть въ эти библіотеки, и вы увидите почти исключительно военно-историческіе романы: таковъ вкусъ народа, воспитанный вѣковыми междоусобными смутами, и книги вы не найдете въ дѣвственной чистотѣ; напротивъ, онѣ истрепаны такъ, что въ иномъ мѣстѣ и невозможно прочитать написанное: несомнѣнный признакъ, что Японскій народъ читаетъ. Да, число грамотныхъ и читающихъ въ Японіи не уступитъ количеству таковыхъ въ любомъ изъ Западныхъ государствъ Европы (о Россіи я и не говорю!); и это не смотря на то, что самыя простыя Японскія книги писаны наполовину Китайскими знаками. Вѣдь чтобы только овладѣть процессомъ чтенія ихъ, нужно убить три-четыре года! И при всемъ томъ Японцы прилежно учатся читать. Этотъ ли народъ можно назвать отупѣлымъ?

Что же касается до гордости, самодовольства и неподвижности, то событія послѣдняго пятнадцатилѣтія служатъ наглядным доказательствомъ того, что Японцамъ чужды и эти качества въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ мы приписываемъ ихъ восточнымъ народамъ. Правда, у Японцевъ много національной гордости, и они не могутъ не имѣть ея: въ продолженіе 25-ти вѣковъ существованія ихъ имперіи, они ни разу не согнули своей шеи подъ чужое ярмо, ни разу даже перемѣнчивый жребій войны не далъ имъ случая усумниться въ своемъ превосходствѣ предъ другими націями; напротивъ, всякій разъ, когда они сталкивались съ Айнами, съ Кореею и даже съ Китаемъ, они лишь торжествовали успѣхи своего оружія, и первые окончательно покорились имъ или ушли отъ нихъ на Курильскіе острова, вторая цѣлые вѣка несла имъ дань; самый Китай по временамъ заискивалъ и пресмыкался предъ ними; словомъ, ихъ исторія внѣшнихъ сношеній, до послѣдняго времени, всегда неизмѣнно оставалась лишь исторіею побѣдъ и торжества. Прибавьте къ этому ученіе ихъ національной религіи, остающейся и до сихъ поръ и завѣряющей ихъ, что они произошли отъ боговъ, что Японія вѣчная любимица боговъ, что прочія страны что-то въ родѣ пустырей, созданныхъ богами какъ бы случайно и потомъ заброшенныхъ безъ всякаго вниманія. Удивительно ли, что Японцы до послѣдняго

Библиотека "Руниверс"

времени смотрѣли на иноземцевъ какъ на варваровъ, не очень высоко цѣнили ихъ силы и даже строили планы подчиненія себѣ всего свѣта? Но увы! Даже въ тѣ времена самодовольства и гордости, въ параллель къ партіи слишкомъ высоко мечтавшей объ Японіи, находилась партія совершенно противоположная ей. Напуганнымъ католическими пропагандистами въ 17 столѣтіи Японцамъ глубоко запала въ душу мысль, что Европейцы непремѣнно имѣютъ намѣреніе завоевать ихъ страну, и въ каждомъ китобоѣ, случайно появлявшемся у ихъ береговъ, имъ безпрестанно мерещился шпіонъ, подглядывающій что̀ дѣлается у нихъ. А сколько тревоги надѣлали когда-то наши Хвостовъ и Давыдовъ? Какъ Японія зашевелилась и стала вооружаться! Какую громкую славу пріобрѣли себѣ здѣсь эти два немного взбалмошные лейтенанта и какой ужасъ навели на всѣхъ, начиная отъ Кунашира до Кіусіу! И какъ они подняли кредитъ Россіи въ глазахъ Японцевъ! И Англія очутилась одною изъ Русскихъ губерній, и весь свѣтъ предпринялъ завоевать царь нашъ за одно съ Турецкимъ султаномъ! Наконецъ, чему я не хотѣлъ вѣрить, пока самъ не прочиталъ въ очень серьёзной Японской книгѣ, были Японцы, до того боявшіеся иностранцевъ, что предлагали проектъ провести по всѣмъ прибрежьямъ Японіи каналы, чтобъ избѣжать плаванія по морю, гдѣ ходятъ иностранныя суда; и правительство уже приступало къ исполненію этого проекта, по крайней мѣрѣ посылало инженеровъ осматривать мѣста, удобныя для проведенія каналовъ. Это ли гордость и самонадѣянность?

А что̀ говорятъ событія послѣдняго времени? Едва прошло 15 лѣтъ съ открытія Японіи, и посмотрите, какъ измѣнился духъ и правительства и народа. Не говоря уже о правительствѣ, почти каждый удѣльный князь выбивается изъ силъ, чтобы завести у себя пароходъ, достать Европейское военное оружіе, обучить солдатъ Европейской военной тактикѣ, пріобрѣсти молодыхъ людей свѣдущихъ въ Европейскихъ языкахъ и наукахъ. Какъ встрепенулся народъ, какъ всѣ ясно увидѣли свою отсталость и какъ искренно и энергично стараются поправить дѣло! Какъ всѣ хотятъ видѣть, знать изучить Европейское! Живущіе въ Японіи знаютъ, съ какимъ самоотверженіемъ молодые люди добиваются случая попасть за границу. Безъ преувеличенія можно сказать, что, если бы была матеріальная возможность, пол-Японіи уѣхало бы за границу учиться. Похоже ли все это на Китай, который цѣлыя столѣтія знако̀мъ съ Европейцами и при всемъ томъ до сихъ поръ воображаетъ, что не ему слѣдуетъ учиться отъ Европейцевъ, а напротивъ, Европейцы пріѣзжаютъ позаимствоваться отъ него свѣтомъ мудрости? Когда-то Японія со всею готовностію и охотою приняла Китайскую

Библиотека "Руниверс"

цивилизацію; 16-ть вѣковъ она неизмѣнно была подъ ферулою этой цивилизаціи и проникнулась ею, повидимому, до мозга костей: вездѣ, начиная отъ постройки дома до религіозныхъ убѣжденій, вездѣ и во всемъ копировка Китая; своего собственнаго Японцы не изобрѣли ровно ничего, кромѣ развѣ Сёогунскаго званія, и то оправдываемаго ими на основаніи подходящихъ примѣровъ изъ Китайской исторіи; даже подъ сомнѣніемъ, ихъ Синту не есть ли тоже заимствованіе древнѣйшей Китайской религіи.

Все это, если хотите, доказываетъ мелкость Японскаго народнаго генія (а быть можетъ и то, что геній народа вообще не можетъ развиться безъ взаимодѣйствія другихъ народовъ); но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ случай убѣдиться, что Японцы одарены удивительною упругостью духа. Весь наплывъ Китайской цивилизаціи былъ какъ-будто чѣмъ-то допущеннымъ по уговору на время: теперь она не нужна, и Японцы легко и свободно бросаютъ ее, какъ сбрасываютъ устарѣлое платье, и смѣлою, можно сказать, дерзкою рукою хватаются за все Европейское. Взгляните, что̀ дѣлается въ настоящую минуту: они ни болѣе ни менѣе какъ трудятся пересадить на свою почву Англійскую конституцію, съ ея выборными, съ ея парламентомъ, съ ея лишь для мебели королевскою властью; да говорятъ, и того еще мало: «Хотѣли-де ввести Американскій образъ правленія, да не могли справиться съ нимъ, немного раненько для страны». Конечно, еще сомнительно, вовремя ли имъ и Англійская конституція; ихъ возня съ нею что-то очень напоминаетъ мартышку и очки: въ одно полугодіе прошлаго года они ужъ успѣли два раза редактировать свою конституцію, не считая разныхъ подскрёбокъ и подчистокъ, встрѣчающихся въ официальныхъ газетахъ. Но я хочу указать лишь на то, какъ Японцы живы и свѣжи духомъ и какъ быстро они откликнулись на призывъ Европейской цивилизаціи.

Какая же у этого народа религія и какъ онъ относится къ ней? Японскій народъ, наравнѣ съ Китайскимъ, справедливо укоряютъ въ атеизмѣ или въ индифферентности къ дѣламъ вѣры. Но что за причина этихъ качествъ, повидимому совершенно несвойственныхъ народамъ полуобразованнымъ? Тотъ ли это атеизмъ, что̀ по временамъ охватываетъ и Европейское общество, приводя въ смущеніе благочестивыя души и возбуждая горячую дѣятельность апологетовъ вѣры? Нѣтъ, совершенно другой. Въ Европѣ атеизмъ всегда служитъ характеристическимъ указателемъ успѣха въ наукахъ, поднятія умовъ на высшую ступень развитія. Первые, поставившіе ногу на эту ступень, въ порывахъ безотчетной радости, вѣнчающей успѣхъ, провозглашаютъ на всѣ

Библиотека "Руниверс"

лады торжество ума человѣческаго, его всемогущество, его высшую авторитетность, не хотятъ оглянуться на на что другое, хладнокровно взвѣсить свою находку и указать ей приличное мѣсто въ кругу знаній человѣческихъ. Толпа сбѣгается на зовъ этихъ глашатаевъ и вторитъ имъ, часто не понимая, въ чемъ дѣло. Но вотъ на туже ступень взошли и люди болѣе хладнокровные, ступили туда, наконецъ, хранители и истолкователи богооткровенной истины, разсмотрѣли, въ чемъ дѣло, сличили новое открытіе съ ученіемъ вѣры, и (къ удивленію массы) это открытіе оказалось не только не противорѣчащимъ вѣрѣ, но подтверждающимъ ея истинность: принимаютъ народы плодъ науки въ кругъ своихъ знаній, еще крѣпче привязываются душею къ своей неизмѣнной спасительной истинѣ и продолжаютъ свой путь, и цѣлые вѣка будутъ идти они. Много разъ слабодушные будутъ имѣть случай претыкаться на этомъ пути, но не исчерпаютъ народы безбрежнаго океана божественной мудрости, не возвысится, не покичится человѣческое знаніе надъ истинами религіи и не истощитъ человѣческая нравственность ея идеаловъ святости.

Не то въ языческихъ странахъ вообще, не то и въ Японіи. Здѣсь атеизмъ высшихъ обществъ и индифферентизмъ низшихъ происходятъ прямо и положительно отъ недостаточности религіозныхъ ученій, отъ того, что народъ исчерпалъ ихъ до дна, и онѣ больше не удовлетворяютъ его. Вотъ Синту. Что это за религія? Поклоненіе духамъ предковъ, начиная съ самыхъ первыхъ боговъ въ мірѣ. Что же это за боги? Видны въ нихъ могущество, мудрость, величіе и т. под. качества? Ни одного; это просто слабые смертные, даже безъ тѣхъ чувственно-привлекательныхъ качествъ, которыми боги Греціи когда-то вдохновляли поэтовъ и художниковъ къ созданію неподражаемыхъ образцовъ классическаго искусства. Если Японскіе боги иногда творятъ, то этотъ актъ совершенно не вяжется съ другими ихъ дѣйствіями, обличающими въ нихъ образцовое тупоуміе.

Самый первый богъ явился въ мірѣ случайно, уже послѣ того, какъ хаосъ раздѣлился и образовалъ небо и землю; о дѣйствіяхъ этого бога и слѣдовавшихъ за нимъ пяти поколѣній неизвѣстно ровно ничего. Уже боги седьмого поколѣнія начали творить. «Внизу должно быть есть земля», сказалъ Изанаги, стоя вмѣстѣ съ богиней Изанами на небесномъ мосту, и онъ погрузилъ небесный жезлъ внизъ. Съ поднятаго жезла канула капля и образовала островъ. Изанаги и Изанами сошли на него и стали обходить кругомъ; онъ въ одну сторону, она въ другую. Когда сошлись, она первая сказала привѣтствіе; Изанаги

Библиотека "Руниверс"

разсердился за непочтительность, такъ какъ ему должно было принадлежать первое слово, и боги обошли островъ снова. На этотъ разъ Изанами придержала языкъ. Послѣ первыхъ объясненій оказалось, что они могутъ быть мужемъ и женою; но какъ? Къ счастію, откуда-то взялась очень живая птичка, извѣстная въ Россіи подъ именемъ синицы, сѣла передъ ними и своими движеніями научила ихъ супружеству. Тогда они стали рождать Японскіе острова. Перворожденнымъ они были недовольны, такъ-какъ онъ оказался весьма небольшимъ (Авадзи); они родили побольше и т. далѣе; наконецъ родили горы, лѣса, моря и животныхъ. Изъ всѣхъ ихъ дѣтей Аматерасу оказалась самою красивою, и они послали ее управлять небомъ: это богиня солнца. Но ихъ сынъ Сосано, къ неудовольствію родителей, оказался совершеннымъ грубіяномъ и забіякой; бить, сокрушать, приводить въ слезы было его любимымъ занятіемъ; родители за это послали его въ адъ. Предъ отходомъ туда, Сосано попросился сходить на небо, повидаться съ своей старшей сестрой. Сестра испугалась его прихода, думая, что онъ замыслилъ отнять у нея владѣнія, и встрѣтила его вооруженная съ ногъ до головы. Но Сосано успѣлъ увѣрить ее въ невинности своихъ намѣреній и оставленъ былъ погостить. Ему, однако, не терпѣлось безъ проказъ: то онъ вытопчетъ рисовыя поля сестры, загнавши на нихъ лошадей; то, подкравшись къ окну, у котораго она сидитъ за ткацкимъ станкомъ, нечаянно испугаетъ ее до того, что она до крови уколетъ себѣ руку челнокомъ. Наконецъ, онъ рѣшительно вывелъ ее изъ терпѣнія, когда сдѣлалъ одно крупное неприличіе въ ея парадной комнатѣ, въ которой она приготовилась праздновать осенній урожай; безъ малѣйшей опаски она вошла и сѣла, но-о ужасъ! запахъ пренесносный, и новое платье все испачкано! Огорченная до глубины души, богиня солнца ушла въ пещеру и затворилась навсегда. Можно себѣ представить, что̀ сталось съ несчастнымъ міромъ: все погрузилось во мракъ, ни дня, ни ночи, всѣ бродятъ ощупью. Боги думали было, что Аматерасу посердится и выйдетъ; не тутъ-то было! Она не на шутку разсердилась. Боги были не глупы, знали, чѣмъ выманить свою любимицу: они собрались у входа пещеры, насадили зеленыя деревья и увѣшали ихъ разными прелестями, заманчивыми для женскаго глаза, какъ-то: зеркаломъ, ожерельями; тутъ же посадили пѣтуха, заставили его пѣть, а сами ударили плясовую. Не вытерпѣла богиня, отодвинула камень, чтобъ взглянуть въ отверстіе; но въ туже минуту ея рука очутилась въ сильныхъ дланяхъ бога силы, который заранѣе поставленъ былъ на стражѣ у входа. Какъ ни упиралась богиня, но была вытащена; тутъ ее окружили соломенной веревкой и пристали съ просьбой: «Не уходи, не уходи опять», и тутъ же обѣщались примѣрно наказать негодяя Со-

Библиотека "Руниверс"

сано. Аматерасу не заставила себя долго упрашивать, и вотъ міръ до сихъ поръ наслаждается солнечнымъ свѣтомъ. А Сосано пришлось плохо: ему скрутили руки назадъ, выщипали его длинную бороду и сбросили съ неба. Онъ, впрочемъ, не потерялся и на землѣ. Онъ упалъ въ теперешнюю провинцію Идзумо, здѣсь набрелъ на плачущихъ старика и старуху; при вопросѣ, о чемъ плачутъ, они объяснили, что семиголовый змѣй переѣлъ всѣхъ ихъ дѣтей, теперь очередь за послѣдней дочерью. Сосано обѣщался убить змѣя, если они потомъ отдадутъ за него дочь; старики съ радостію согласились. Тогда Сосано велѣлъ построить семь шалашей и въ каждый поставить по бочкѣ вина, а самъ спрятался и сталъ ждать. Змѣй пришелъ, ощутилъ запахъ вина, вложилъ въ каждый шалашъ по головѣ и натянулся допьяна, такъ что заснулъ. Тогда Сосано изрубилъ его въ куски; когда рубилъ хвостъ, его сабля вызубрилась; онъ осмотрѣлъ хвостъ внимательно и нашелъ въ немъ мечъ, который и препроводилъ въ подарокъ сестрѣ Аматерасу. Затѣмъ женился, построилъ домишко и сталъ жить-поживать, даже сложилъ пѣсенку про свое веселое житье, извѣстную и донынѣ. Въ Идзумо онъ пользуется особенно усерднымъ почитаніемъ. А Аматерасу продолжала жить по своему. Воспитавъ сына Сосано и усыновивъ его, она хотѣла было отправить его на землю, но этотъ отказался, предоставивъ свои права сыну Ниниги. Аматерасу и послала Ниниги въ Японію, отдавъ ему эту страну въ потомственное владѣніе. Съ нимъ она отправила большую свиту, наказавъ ей хранить господина и вѣрно служить ему; вручила также внуку, при прощаньи, зеркало, мечъ и осьмигранный драгоцѣнный камень, какъ знаки его достоинства.

Ниниги сошелъ на землю, заблудился было здѣсь, но, по счастію встрѣтившійся безъ путей Сарудахико проводилъ его въ Хіунга (на островѣ Кіусіу), гдѣ онъ и поселился. Его дѣти Хоносусо и Хохадеми раздѣлили между собою занятія: первый удилъ рыбу, второй охотился за звѣрями, и каждый изъ нихъ былъ очень счастливъ въ своей ловлѣ. Однажды они, для пробы, помѣнялись орудіями охоты; но Хоносусо ничего не досталъ въ горахъ и возвратилъ лукъ и стрѣлы брату; а Хоходеми не только не поймалъ на рыбной ловлѣ, но и уду потерялъ. Въ вознагражденіе онъ сдѣлалъ брату новую уду, но тотъ ничего не хотѣлъ вмѣсто своей прежней и настойчиво требовалъ ее. Хоходеми, въ горести бродя по берегу моря, встрѣтился съ однимъ старикомъ, который, узнавъ причину его печали, сдѣлалъ коробъ и въ немъ спустилъ Хоходеми на дно морское. Здѣсь Хоходеми нашелъ великолѣпный дворецъ морскаго бога, который хорошо принялъ его и женилъ на своей дочери. Чтобъ найти удочку, собраны были рыбы: у одной

Библиотека "Руниверс"

замѣченъ былъ ротъ пораненнымъ, и удочка оказалась у нея. Три года прожилъ здѣсь Хоходеми и когда, наконецъ, захотѣлъ отправиться на землю, морской богъ снабдилъ его на всякій случай двумя шариками, имѣвшими свойство, когда бросить тотъ или другой въ море, возвышать или уменьшать приливъ. Возвратясь на землю, Хоходеми, при помощи этихъ шариковъ, одолѣлъ старшаго брата, закрѣпилъ за собою власть и сталъ мирно царствовать. При рожденіи сына, онъ лишился своей жены. Тоётоми, почувствовавъ приближеніе родовъ, сказала мужу: «я беременна; выбравъ бурный день, построй мнѣ на берегу родильный шалашъ и ожидай». Входя въ приготовленный шалашъ, Тоётоми запретила мужу идти за нею; но Хоходеми, пострекаемый любопытствомъ, пробрался къ шалашу и сталъ подсматривать. Онъ увидѣлъ лежащаго свернутымъ дракона, обхватившаго ребенка. Замѣтивъ, что за нимъ подсмотрѣли, драконъ быстро ушелъ въ море. Такъ какъ шалашъ еще не успѣли покрыть, когда Тоётоми пришло время родить, то новорожденный названъ былъ Фуки-аваседзу (непокрытый). Отъ Аматерасу до него включительно пять поколѣній: это и есть такъ называемыя поколѣнія земныхъ боговъ. Вотъ нить главныхъ событій Синтуисской космогоніи.

Но генеологія боговъ этимъ далеко не оканчивается, а скорѣе только здѣсь начинается. Къ семи поколѣніямъ небесныхъ боговъ Японцы почти не обращаются; земныхъ боговъ, за исключеніемъ высокочтимой Аматерасу, тоже рѣдко утруждаютъ молитвами: эти области очень высоки и неподходящи для обыденнаго богопочитанія. При всемъ томъ Японія полна богами*). Откуда же они? Очевидно откуда. Съ сыномъ Фуки-аваседзу, Дзинму (первымъ въ ряду микадо) начинается достовѣрная исторія Японіи. Дзинму перешелъ съ Кіусіу на Ниппонъ, которымъ тогда владѣли Айны, дрался съ этими послѣдними, былъ на первый разъ оттѣсненъ ими, потомъ успѣлъ отнять у нихъ значительную часть территоріи и утвердился на Ниппонѣ. Все это дѣйствія очень обычныя для простыхъ смертныхъ завоевателей; но въ тоже время Дзинму былъ сынъ бога, потомокъ Аматерасу и чрезъ нее небесныхъ боговъ; очевидно, что онъ и самъ богъ. За нимъ въ той же степени боги— всѣ его преемники, до нынѣшняго микадо, о которомъ если Японцы выражаются, что «только пожелай онъ, небесный огонь сейчасъ же падетъ и попалитъ всѣхъ иностранцевъ», то имѣютъ полное право такъ

*) Въ числѣ Японскихъ боговъ былъ и нашъ доблестный Иванъ Семеновичъ Унковскій. Передъ его портретомъ ставились чашечки съ рисомъ, производились возліянія и пр. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

выражаться. И вотъ, слѣдовательно, рядъ боговъ, уже болѣе доступныхъ для каждаго, потому что эти боги болѣе знакомы съ земными дѣлами. Изъ ряда императоровъ-микадо, ознаменовавшіе себя чѣмъ либо особенно полезнымъ для отечества, чтутся съ особеннымъ усердіемъ. Напримѣръ Хациманъ.

Кто же такой Хациманъ, которому такое множество храмовъ въ Японіи и въ честь котораго дѣлаются такія великолѣпныя военныя процессіи? Это бывшій микадо Воодзинъ. Вы развертываете исторію, прочитываете про Воодзина и, правду говоря, не находите ничего особеннаго: былъ изъ очень обыкновенныхъ микадо. Но вы забыли главное; загляните въ исторію предшествовавшаго микадо: это была мать Воодзина, Дзингу, завоевавшая Корею; а завоевала-то собственно не она, а Воодзинъ, которымъ она была беременна въ ту пору. Всякому извѣстно, какъ это было. Императрицѣ совсѣмъ ужъ приходило время родить, когда она собиралась въ Корею, но она взяла на берегу простой камешекъ, заткнула его за поясъ и сказала: «да не родится дитя, пока я съ побѣдою не вернусь въ отечество», и дитя не родилось, оно только перемѣстилось на болѣе удобную, по его мнѣнію, квартиру. Дзингу, во время похода, была вооружена; между прочимъ одинъ изъ рукавовъ ея платья замѣчали постоянно наполненымъ чѣмъ-то; всѣ думали, что тамъ у нея нужныя въ походѣ вещи (ремешки, веревочки и под.), но всѣ ошибались: тамъ и былъ Воодзинъ, только не въ рукавѣ, а въ рукѣ. Итакъ не великая ли услуга отечеству и вмѣстѣ не дивная ли сила божественная—завоевать государство, будучи еще въ тѣлѣ матернемъ? Понятно послѣ этого, отчего Хацимана такъ усердно чтутъ военные, считающіе его по преимуществу своимъ богомъ. Предки микадо—боги и самаго микадо и всего народа вообще.

Но съ неба, вмѣстѣ съ Ниниги, пришло много великихъ мужей; ихъ потомки живутъ и доселѣ и чтутъ ихъ, какъ своихъ фамильныхъ боговъ; дѣянія тѣхъ мужей принесли пользу всему отечеству, поэтому и весь народъ, за исключеніемъ самого микадо, обязанъ чтить ихъ и чтитъ. Наконецъ, весь Японскій народъ, если разобрать его родословную, божественнаго происхожденія: всѣ въ концѣ концовъ происходятъ отъ Изанаги и Изанами, поэтому всѣ боги, и каждый человѣкъ обязанъ чтить своихъ предковъ, какъ боговъ, молить ихъ о покровительствѣ, приносить имъ жертвы; степенью богопочтенія къ предкамъ обусловливается для каждаго домашнее счастіе или несчастіе. Входя въ Японскій домъ и любопытствуя взглянуть на божницу, вы всегда найдете бумажку съ именами и жертвы передъ нею; на вопросъ о значе-

Библиотека "Руниверс"

ніи бумажки, вы узнаёте, что на ней имена домашнихъ пенатовъ. Иногда тутъ же стоитъ безобразный, закопченный идолъ: то непремѣнно предокъ, чѣмъ нибудь особенно хорошимъ ознаменовавшій себя для рода. Часто этотъ предокъ заинтересуетъ васъ своимъ карикатурнымъ, умори тельнымъ видомъ; вамъ хотѣлось бы пріобрѣсти его для коллекціи рѣдкостей: не стѣсняйтесь, предложите цѣну подороже, чѣмъ за обыкновенную куклу, вамъ продадутъ его. Чѣмъ ниже общественное положеніе человѣка, тѣмъ больше у него боговъ, потому что, кромѣ своихъ пенатовъ, онъ чтитъ знаменитыхъ предковъ людей высшихъ сословій; наоборотъ же не бываетъ. Для императора было бы постыдно воздавать поклоненіе предкамъ какой-нибудь другой фамиліи, какими бы заслугами они ни были ознаменованы; нѣкоторые императоры, правда, унижали себя до этого, но это всегда считалось скандаломъ и возбуждало народное осужденіе. Для членовъ знатной фамиліи, наприм. Фудзивара, Минамото, Такра, было бы постыдно чтить боговъ какого-нибудь купца. Но есть боги и изъ низкихъ сословій, чтимые всѣмъ народомъ: это люди, ознаменовавшіе себя особенно великими заслугами, наприм. Хидеёси. Есть также множество мѣстныхъ боговъ, возникшихъ изъ невысокаго званія; наприм., такой-то открылъ въ горѣ золотую руду и потрудился для разработки ея; натурально, что и по смерти онъ покровительствуетъ этой горѣ и работающимъ на ней; мѣстные рудокопы строятъ ему храмъ и приносятъ жертвы; отъ рудакоповъ мало по малу почитаніе переходитъ въ народъ, и вся мѣстность незамѣтно пріобрѣтаетъ новаго бога-протектора. Это дѣлается особенно легко и скоро, если богъ заявитъ себя какимъ-нибудь чудомъ; а мало ли средствъ чудодѣйства? Присниться кому во снѣ и сказать нравственную максиму или пропѣть стишокъ, блеснуть подъ вечеръ синимъ огонькомъ въ окрестности, окликнуть кого нечаянно въ уединенномъ мѣстѣ, прошумѣть страннымъ звукомъ между деревьями, когда нѣтъ вѣтру: богъ можетъ быть увѣренъ, что все это примется въ должномъ смыслѣ, быстрою молвою пройдетъ въ народѣ, и слава его упрочится.

Наконецъ, чествуются и боги зловредные, для того, чтобы умолить ихъ не дѣлать зла. Наприм., въ эпоху, предшествовавшую возникновенію Сёогуновъ, когда придворные сановники завели прекрасный обычай играть особами микадо какъ пѣшками, употребляя для удобства въ игрѣ микадо-малолѣтковъ, или и взрослыхъ, но слишкомъ явно тупоумныхъ, былъ одинъ микадо, по имени Сютоку: пока онъ былъ ребенкомъ, онъ царствовалъ, но лишь только достигъ совершеннолѣтія, его убрали съ престола. Сютоку былъ строптивъ: онъ поднялъ бунтъ, привелъ въ смятеніе столицу и окрестности; но онъ не былъ настолько

Библиотека "Руниверс"

талантливъ, чтобы одолѣть враговъ: его разбили, взяли въ плѣнъ и заточили. Покаялся бѣдный въ своемъ неповиновеніи, въ знакъ раскаянія переписалъ одинъ молитвенникъ вмѣсто туши собственною кровью и послалъ его въ столицу; но ему съ презрѣніемъ отослали этотъ даръ обратно. Тогда онъ, исполненный отчаянія и неописанной злобы, изрекъ: «молю боговъ, чтобъ мнѣ переродиться дьяволомъ, на мученіе Японіи»; со скрежетомъ зубовъ, съ насупленными бровями, изъ подъ которыхъ сверкали самыя зловѣщія молніи, съ отросшими волосами, въ лохмотьяхъ, онъ бродилъ съ этого времени одинокій по дебрямъ и, наконецъ, умеръ въ такомъ состояніи духа. Смерть его не замедлила обнаружиться для Японіи самыми бѣдственными ударами: бунты, голодъ, наводненія, все свидѣтельствовало, что Сютоку началъ свой страшный расчетъ съ отечествомъ. Очевидно, что ему немедленно должны были построить храмъ, учредить богослуженіе, и едва только этимъ успѣли унять его свирѣпость.

Между самими богами существуетъ субординація, такъ что есть боги начальствующіе, есть боги служащіе у другихъ на посылкахъ и побѣгушкахъ. У нѣкоторыхъ боговъ служатъ исполнителями ихъ воли тѣ или другія животныя, такъ что если богъ сердитъ на кого-нибудь, то насылаетъ на него своихъ посланцевъ, обезьянъ, оленей и т. д., которые у наказуемаго разрушаютъ домъ, портятъ садъ, опустошаютъ поле.

Вотъ сущность Синту. Очевидно, что эта религія можетъ принадлежать лишь очень грубому и невѣжественному народу, народу, стоящему на той степени умственнаго развитія, когда онъ, побуждаемый присущимъ человѣку религіознымъ чувствомъ, ищетъ предмета поклоненія, но не въ состояніи возвыситься своимъ умомъ надъ окружающимъ міромъ и готовъ воздать божескія почести всему, что̀ его поразитъ и возбудитъ его удивленіе; въ немъ умственнаго сознанія пробудилось лишь настолько, что онъ не кланяется первой попавшейся на глаза старой ели или причудливой формы камню; онъ безотчетно понялъ существованіе другого міра, духовнаго, и превосходство этого міра надъ матеріальнымъ; но духъ поразилъ его лишь въ частныхъ, близкихъ къ нему явленіяхъ, и онъ падаетъ и преклоняется предъ ними, а себя самого и всю природу ставитъ въ зависимость отъ нихъ.

Неудивительно, поэтому, что Синту не оказалъ почти никакого сопротивленія Буддизму, при переходѣ сего послѣдняго въ Японію. Японцы въ то время завоевали Корею (въ 200 г. по Р. Хр.) и познакомились съ Китаемъ; чрезъ эти столкновенія умственный горизонтъ ихъ

Библиотека "Руниверс"

невольно расширился, и Синту оказался неудовлетворяющимъ болѣе религіознымъ потребностямъ народа. И какимъ высокимъ ученіемъ здѣсь долженъ былъ показаться на первый разъ Буддизмъ, эта лучшая изъ языческихъ религій, Геркулесовы столбы человѣческихъ усилій составить себѣ религію, руководствуясь тѣми темными остатками богооткровенныхъ истинъ, которые сохранились у народовъ послѣ разсѣянія Вавилонскаго! Синту почти безъ ропота и сопротивленія уступилъ свое мѣсто новой религіи и, не будь особаго обстоятельства, его и слѣдовъ до сихъ поръ не было бы въ Японіи. Это обстоятельство заключается въ гибкости Буддизма и способности его принаровляться къ обычаямъ страны, куда онъ является; а все это вытекаетъ изъ его основнаго догмата перерожденія. «Клянусь, что буду рождаться въ разныхъ невѣжественныхъ странахъ, для привлеченія ихъ къ спасенію», клялись Будды и Бодисатвы. Итакъ, Аматерасу была тотъ же Будда, Хачиманъ тотъ же Будда, всѣ Японскіе боги—Будды и Бодисатвы, рождавшіеся, примѣнительно къ умственному и нравственному состоянію Японскаго народа, совершенно въ другихъ видахъ, чѣмъ въ Индіи, рождавшіеся для того, чтобы «завязать связь съ народомъ» и чрезъ то приготовить его къ воспріятію истиннаго ученія Будды. «Связь» (ин-енъ) тоже есть основное ученіе Буддизма; не завязавши связи, Будда не спасаетъ никого, а чтобы завязать ее, онъ можетъ рождаться во всевозможныхъ видахъ. Такимъ образомъ Буддизмъ нарекъ Японскимъ богамъ свои имена, подъ этими именами принялъ ихъ даже въ свои храмы и зажилъ роскошно въ Японіи. Но Синту отъ этой снисходительности и покровительства приходилось нелегко. Онъ конфузился предъ своимъ щеголеватымъ сосѣдомъ, предъ его высокоумiемъ, предъ пышностію его храмовъ, предъ обилiемъ его молитвенниковъ; и вотъ онъ началъ изъ кожи лѣзть, чтобъ поправиться: построилъ себѣ храмы наподобіе Буддійскихъ, сочинилъ великолѣпныя церемоніи, живописные костюмы; но самое главное: принялся толковать свое ученіе на всевозможные лады. Если въ Буддизмѣ поражаютъ васъ иногда толстые молитвенники, наполненные ничѣмъ инымъ, какъ похвалами заглавію этихъ же самыхъ молитвенниковъ, то у Синтуисскихъ экзегетовъ вы найдете цѣлые томы толкованій на отрывки изъ древней Японской исторіи, толкованій, гдѣ каждый слогъ, каждая буква историческаго текста дали случай къ сплетенію самыхъ хитрыхъ и невѣроятныхъ аллегорій. Но увы! по этому скользкому пути съ своей легкой ношей Синтуисскіе экзегеты не замедлили спуститься до полнѣйшаго отрицанія всего. Самое отъявленное безвѣріе было результатомъ ихъ пытливости. «Былъ довременный хаосъ; въ немъ случайно зародились искра огня и капля воды; отъ взаимодѣйствія этихъ двухъ элементовъ хаосъ сгустился и принялъ шаровидныя формы; отъ припёка

Библиотека "Руниверс"

огнеобильнаго шара (солнца) на водообильный (землю), въ послѣднемъ, когда онъ былъ еще въ состояніи грязи, зародились разныя живыя существа; человѣкъ, какъ самое высшее существо, образовался въ лучшемъ изъ болотъ, т. е. болѣе мягкомъ и обильномъ грязью». Вотъ сущность ученія Японскихъ матеріалистовъ, смѣю увѣрить, ни въ логикѣ, ни въ силѣ аргументовъ ничѣмъ не уступающихъ Европейскимъ. Синту, повидимому, должно бы было не поздоровиться отъ этихъ дружескимедвѣжьихъ услугъ, но ни чуть не бывало. Дѣло въ томъ, что, во-первыхъ, нельзя встрѣтить ни одного экзегета, который бы, при рѣшительномъ отрицаніи всего содержанія Синту, тѣмъ не менѣе не направлялся къ поддержанію его и къ сплетенію ему самыхъ выспреннихъ похвалъ. Фактъ, съ перваго взгляда, странный, но въ сущности весьма простой и естественный: Синту изъ религіи обратился у экзегетовъ въ національное, чисто-гражданское учрежденіе; всѣмъ мельчайшимъ подробностямъ его приписано самое высокое значеніе для поддержанія народнаго духа, для развитія гражданскихъ добродѣтелей и утвержденія могущества Японіи на вѣки вѣчные. Въ этихъ видахъ превозносятся похвалами предки, выдумавшіе такое мудрое учрежденіе и, въ концѣ концовъ, Синту рекомендуется для вѣчнаго храненія и послѣдованія. Во-вторыхъ, тѣже самые приверженцы Синту разсмотрѣли хорошо и Буддизмъ и нашли въ немъ Ахиллесову пяту, и не одну; съ тою же разрушающей критикой они обратились и къ нему, но уже не для поддержанія, а для разрушенія и поруганія его, какъ иноземнаго учрежденія, зловреднаго для Японіи. Всѣ Буддійскія чудовищныя чудеса, всѣ его безобразныя легенды, его скучнѣйшій рай и ни съ чѣмъ несообразный адъ, все это подвергнуто насмѣшкѣ и отрицанію, и так. обр. для Буддизма сдѣлалось наконецъ и невозможнымъ, хотя бы онъ желалъ того, окончательно подавить и уничтожить своего противника. Въ такомъ видѣ Синту существуетъ и теперь, т. е. по наружности какъ-будто религія, облеченная во всѣ внѣшніе аттрибуты религіи; но въ сущности, для раціоналистовъ, какъ народная школа добродѣтелей. Эти раціоналисты въ тоже время хотятъ, чтобы народъ вѣрилъ въ Синту, какъ въ религію, но народъ настолько же вѣритъ, насколько они сами: а въ добавокъ, не возвысившись до заносчивыхъ тенденцій раціоналистовъ, не видитъ въ немъ и школы, и выше приведенное выраженіе: «пожелай микадо, и небесный огонь попалитъ всѣхъ иностранцевъ», въ устахъ Японца имѣетъ самый ироническій смыслъ.

Буддизмъ, возникшій на почвѣ Индіи, какъ противодѣйствіе Брамиской кастальности и угнетенію низшихъ классовъ высшими, былъ, въ этомъ отношеніи, проповѣдью духовнаго равенства и любви въ язы-

Библиотека "Руниверс"

ческомъ мірѣ. Съ другой стороны, какъ проповѣдь человѣка, изъ наслѣдника престола сдѣлавшагося нищимъ, онъ, натурально, явился проповѣдію суетности всего земного, нестяжательности и нищенства. Эти двѣ характеристическія черты, съ которыми Буддизмъ явился въ устахъ перваго своего проповѣдника, обезпечили для него будущіе успѣхи: первая влекла къ нему сочувствіе народныхъ массъ, вторая доставила ему множество способныхъ приверженцевъ и дѣятелей. Въ дальнѣйшемъ развитіи эти черты приняли другой видъ и доведены до крайности и нелѣпостей. Существовавшее въ темномъ преданіи между Индійцами понятіе о имѣющемъ явиться на землѣ любвеобильномъ Искупителѣ рода человѣческаго мало-по-малу отнесено было къ самому Шакьямуни: въ его лицѣ Буддисты нашли своего богочеловѣка, сшедшаго съ неба и воплотившагося для наученія людей. Но такъ какъ Буддизмъ явился на почвѣ Браминскаго пантеизма и самъ оказался безсильнымъ отрѣшиться отъ него, то и въ Буддѣ Индійская фантазія не могла выработать единоличнаго владыку міра. Онъ, правда, является съ чертами свойственными Богу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такихъ, какъ Буддъ, безконечное множество, и каждый изъ нихъ дошелъ до этого блаженнаго состоянія своими заслугами; каждому человѣку, въ его очередь, также предстоитъ, рядомъ множества градацій, выродиться въ Будду. Эта лѣстница, идущая отъ человѣка вверхъ, ведетъ къ состоянію Будды. Но почему же не продолжать ее и внизъ? И вотъ, при наклонности къ пантеистическому воззрѣнію на міръ, при непониманіи природы и ея отношеній къ человѣку и при безсознательномъ, свойственномъ человѣку, состраданіи къ низшимъ существамъ, окончательно опредѣляется идея метампсихоза. Весь животный міръ по существу отождествляется съ Буддой; мало того, лѣстница простирается еще ниже: изобрѣтаются разныхъ степеней ады, населяются живыми существами и тоже ставятся въ связь съ Буддой. Дурной человѣкъ, въ наказаніе за свои грѣхи, рождается животнымъ или посылается въ адъ; спустя извѣстное время, положенное для очищенія грѣховъ перваго рожденія, онъ снова рождается человѣкомъ и если живетъ на этотъ разъ добродѣтельно, то, по смерти, можетъ опять родиться на землѣ уже царемъ или другимъ великимъ лицомъ; если опять ведетъ себя хорошо, то идетъ въ рай, откуда вновь можетъ придти *на землю Боддисатвой* или Буддой. Такимъ образомъ небесный, земной и преисподній міръ дѣлаются огромной лабораторіей, въ которой безчисленные роды существъ кишатъ, рождаются, перерождаются и, въ концѣ концовъ, всѣ дѣлаются Буддами. Такъ далеко зашли послѣдователи Шакьямуни, развивая его простую первоначальную идею любви и равенства.

Библиотека "Руниверс"

Въ развитіи другой, столь же простой и естественной, идеи нестяжательности они тоже не замедлили придти къ самымъ крайнимъ и неожиданнымъ выводамъ. Трудъ и вездѣ наказаніе Божіе за прародительскій грѣхъ; особенно же трудъ тяжелъ на Востокѣ: тамъ наклонность къ стяжанію не мучитъ человѣка; было бы чѣмъ утолить голодъ и жажду, а за тѣмъ нѣтъ больше наслажденія, какъ лежать или сидѣть подъ тѣнистымъ деревомъ, предоставивъ теченіе мыслей волѣ фантазіи. Но мысли тоже могутъ иногда или причинять огорченіе, или волновать; поэтому еще лучше, если онѣ какъ бы останавливаются и замираютъ въ своемъ теченіи, или, однимъ словомъ, человѣкъ погружается въ безчувствіе, въ безсознательность; тогда онъ погружается въ ничто, но въ этомъ ничто, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлостное существованіе человѣка. Такое безсознательно-спокойное состояніе называется созерцаніемъ; ему приписываются высокія качества непосредственнаго вѣдѣнія всего и сила управлять всѣмъ, такъ какъ въ этомъ состояніи, будто бы, человѣкъ, отрѣшась отъ себя, сливается въ одно со всѣмъ, а тогда онъ можетъ и владѣть тѣмъ, съ чѣмъ слитъ. Это состояніе поставляется цѣлію всѣхъ и всего; Будды потому и Будды, что достигли возможности во всякое данное время погрузиться въ это состояніе, и оно считается ихъ высочайшимъ блаженствомъ. Мимоходомъ, на пути развитія этихъ главныхъ своихъ началъ, Буддизмъ сочинилъ для своихъ послѣдователей правила нравственности, поражающія иногда своею чистотою и строгостію, иногда своею чудовищностію; сочинилъ также чудовищныя и самыя невѣроятныя легенды и чудеса. Все это, взятое вмѣстѣ, облеклось въ огромную литературу и въ правильное религіозное общество, съ своимъ богослуженіемъ, съ своими храмами, монастырями, наконецъ, съ своими искусствами, живописью, скульптурою и архитектурою. Все это, въ періодъ гоненія на Буддизмъ въ Индіи, хлынуло на Сѣверъ и затопило Китай и Корейскія государства, откуда не замедлило перейти въ Японію.

Мы уже видѣли, что Синту безъ сопротивленія отступилъ на первый разъ передъ новою вѣрою, и Японцы съ радостію приняли ее. Да и могло ли быть иначе? Вмѣсто слабыхъ, сомнительнаго авторитета боговъ Буддизмъ представлялъ для поклоненія высочайшее существо сошедшее на землю для спасенія людей; грубымъ, почти неоформленнымъ, понятіямъ нравственности Буддизмъ противопоставилъ свою тончайшую казуистику; предъ такими же грубыми формами наружнаго богопочитанія Буддизмъ щегольнулъ великолѣпіемъ своей богослужебной обстановки; устнымъ преданіямъ Синту противопоставилъ Буддизмъ свою широкую литературу, тогда уже переведенную на Китайскій языкъ.

Библиотека "Руниверс"

Послѣднее обстоятельство имѣло двойную выгоду для Буддизма въ Японіи: съ одной стороны, оно убѣждало Японцевъ къ принятію Буддизма примѣромъ Китая, предъ цивилизаціей котораго тогда преклонялись Японцы; съ другой, оно пресѣкало для Японцевъ всякую возможность скептическаго изслѣдованія обстоятельствъ происхожденія самаго Буддизма, такъ какъ Китайскіе буддисты переводили на свой языкъ, натурально, лишь то, что̀ служило Буддизму, а не противъ него. Буддизмъ, однако, не вполнѣ пришелся по духу Японцевъ. Это обнаружилось скоро же по введеніи его, когда Японцы начали развивать его по своему, выдумывая одна за другою секты, что̀, очевидно, обнаружило стремленіе выработать ученіе согласное съ коренными свойствами народа. Въ этой работѣ Японцы не останавливались ни предъ какими затрудненіями и дошли, наконецъ, до совершенныхъ противорѣчій другъ другу. Многія секты и въ Японіи уже забыты. Я укажу изъ существующихъ на болѣе важныя.

Вотъ *Зенсіу*. Какъ секта перешедшая изъ Китая, она любитъ хвалиться своимъ православіемъ, своею неиспорченностію. Очень странная претензія; все, чѣмъ Зенсіу можетъ похвалиться, это развѣ древностью. Секта эта, очевидно, есть порожденіе переходной эпохи въ Буддизмѣ, когда простота первоначальнаго ученія Шакьямуни была уже утрачена, но окончательно Буддизмъ еще не опредѣлился, еще не выяснилась личность Будды, какъ не только учителя, но и дѣятельнаго помощника людей въ созиданіи спасенія. Зенсіу составляетъ проповѣдь самоумерщвленія, въ видахъ достиженія способности созерцать; но этотъ актъ пріуроченъ къ тому состоянію Будды, когда онъ самъ еще не былъ Буддой, а только упражнялся въ подвигѣ самоумерщвленія; такимъ образомъ здѣсь человѣкъ беретъ на себя своими силами, по примѣру лишь Будды, а не при содѣйствіи его, достигнуть верховнаго блаженства. Въ практическомъ примѣненіи суть этой секты: «зазенъ», сидѣніе, по примѣру Будды, въ извѣстномъ положеніи, для упражненія въ самозабвеніи и пріобрѣтенія способности созерцать; чтобы содержать себя во всегдашней готовности къ этому подвигу, сектанты ограждены самыми строгими предписаніями касательно пищи и внѣшняго поведенія; дисциплинарная сторона здѣсь развита до мельчайшихъ тонкостей. По теоріи все не дурно. Но какъ на дѣлѣ? Можетъ ли народъ предаваться зазену? Это немыслимо. Займись Японія зазеномъ недѣлю, въ другую она умретъ съ голоду. Соблюдается ли зазенъ хоть въ монастыряхъ? Говорятъ, будто есть такіе монастыри, гдѣ назначается въ году нѣсколько недѣль или дней для зазена; въ это время монахи, ежедневно по нѣсколько часовъ, сидятъ, собравшись въ одной

Библиотека "Руниверс"

комнатѣ, и предаются созерцанію, при чемъ такъ какъ подъ тяжестію блаженныхъ ощущеній головы монаховъ, особенно молодыхъ, начинаютъ клониться, то игуменъ съ однимъ орудіемъ, очень чувствительнымъ для бритой головы и плечъ, безпрестанно ходитъ между ними и вызываетъ созерцателей къ дѣйствительности. И на эту ничтожную формальность сведено все ученіе Зенсіу. При всемъ томъ это одна изъ самыхъ распространенныхъ сектъ въ Японіи!

Монтосіу, другая весьма распространенная секта, обязана своимъ происхожденіемъ Японіи и составляетъ совершенное противорѣчіе Зенсіу. Монтосіу отбросила весь Буддійскій аскетизмъ и ухватилась лишь за идею любви Будды къ міру. Здѣсь о самоумерщвленіи и помину нѣтъ: сами бонзы женятся, ѣдятъ мясо и все что̀ угодно. Всѣ подвиги человѣка представляются ничтожными; для спасенія требуется лишь вѣра въ Будду; будь человѣкъ неслыханнѣйшимъ злодѣемъ, но скажи только разъ: «Наму-Амида-Буцу» (поклоняюсь Буддѣ Амидѣ), и онъ спасенъ. Ученіе о любвеобиліи Будды, о готовности его спасать человѣка по первому призыву, о недостаточности собственныхъ силъ человѣка для спасенія и о благодати (тарики) невольно изумляетъ; слушая въ храмѣ иную проповѣдь, можно забыться и подумать, что слышишь Христіанскаго проповѣдника. Ужъ не отъ Христіанъ ли заимствовано это ученіе; при изслѣдованіи же оказывается, что оно рѣшительно самобытное въ Японіи и составляетъ лишь развитіе идеи объ искупительной миссіи Будды. Но, при этомъ возвышенномъ ученіи о любви Будды къ міру, самъ Будда нисколько не измѣняется: онъ остается тѣмъ-же миѳически безобразнымъ и невѣроятнымъ лицомъ. Оттого-то Монтосіу, съ своимъ высокимъ ученіемъ о благодати, принесла Японіи гораздо больше зла, чѣмъ всѣ другія секты. Допустивъ семейное состояніе бонзъ, эта секта тѣмъ самымъ разрѣшила имъ всѣ матеріальныя заботы и поставила ихъ наравнѣ съ мірскими людьми. Это, повидимому, не важно; при возникновеніи секты всѣмъ даже представлялась лучшая сторона ея именно въ этомъ, такъ какъ здѣсь устранялась зазорность поведенія бонзъ всѣхъ другихъ сектъ; но никто не предложилъ вопроса: что̀ будетъ, если бонзы Монтосіу выступятъ на поле дѣятельности во имя освященныхъ сектою и народнымъ сознаніемъ матеріальныхъ интересовъ, но съ невѣріемъ въ душѣ ни во что? Никто не подумалъ, какъ страшна въ устахъ бонзъ можетъ быть фраза: «Сколько ни грѣши, скажи только: «Наму-Амида-Буцу», и все прощено». Дѣйствительно, въ періодъ долгой неурядицы, бывшей предъ династіей Токугава, бонзы Монтосіу двигали цѣлыми арміями и, притомъ, подъ собственнымъ флагомъ; «шагъ впередъ—въ рай, шагъ назадъ—

Библиотека "Руниверс"

въ адъ», кричали они своимъ войскамъ и производили страшныя битвы, страшныя грабительства и опустошенія; сами не вѣруя ни во что, но двигая невѣжественными массами увлеченныхъ фанатиковъ, они грозились ниспровергнуть все государство. Только Нобунага могъ унять ихъ, и то какими средствами! Разъ двѣ шлюпки были наполнены отрѣзанными ушами и носами у побѣжденной ихъ арміи и отправлены въ ихъ главную квартиру, а когда взята была и она, то 200 тысячъ бонзъ и ихъ защитниковъ сожжено разомъ!

Вотъ еще секта, *Хоккесіу*, тоже получившая начало въ Японіи. Эта составляетъ дань хвалы и удивленія Японцевъ одному молитвеннику, по имени мёохоренгекё, тому самому, молитвеннику, въ которомъ Будда, собираясь умирать, объявилъ торжественно, что «все, чему онъ прежде училъ, все это ложь, что онъ старался лишь красивымъ сплетеніемъ обмановъ привлечь къ себѣ людей, какъ завлекаютъ дѣтей игрушками, что истинно только то, что̀ онъ скажетъ теперь, а теперь онъ скажетъ вотъ что: «Всѣ люди сдѣлаются Буддами»; «что это ученіе до того важно, что стоитъ только назвать имя молитвенника, въ которомъ оно изложено, и человѣкъ спасенъ». Молитвенникъ наполненъ самыми нелѣпыми чудесами, въ родѣ слѣдующаго. Къ Буддѣ, когда онъ преподавалъ это ученіе, прилетѣли съ неба, въ своихъ великолѣпныхъ дворцахъ, два другіе Будды, давшіе клятву всегда слетать на землю для слушанія ученія, къ изложенію котораго теперь приступилъ живой Будда. Сидятъ они рядышкомъ, и живой Будда проповѣдуетъ. Когда онъ высказался, ученики, естественно, были ошеломлены и казались невѣрившими. Вотъ трое Буддъ, для подтвержденія истины, высунули языки, которые оказались до того длинными, что пронизали 10 тысячъ міровыхъ сферъ; въ такомъ положеніи они просидѣли передъ учениками 10 тысячъ лѣтъ; затѣмъ втянули языки обратно и крякнули всѣ разомъ, отъ чего потряслись всѣ міры; въ заключеніе щелкнули пальцами, отчего также потряслись всѣ міры. Могли ли послѣ этого сомнѣваться слушатели и можно ли не обожать книгу, ученіе которой засвидѣтельствовано такими чудесами?

И каждая изъ сектъ опирается на незыблемомъ для Буддиста основаніи: каждая имѣетъ свои символическія книги въ канонѣ священной Буддійской литературы. Эта литература такъ обширна и разнообразна, что въ ней есть книги совершенно противоположныя одна другой, или даже прямо отвергающія истинность ученія другихъ книгъ, какъ только-что упомянутый молитвенникъ мёохоренгекё. Это какъ нельзя лучше обличаетъ происхожденіе Буддійской литературы отъ многочисленныхъ авторовъ, часто враждебныхъ другъ другу; но каждый авторъ, стараясь придать вѣсъ своему произведенію, озаботился

Библиотека "Руниверс"

приписать его Буддѣ, такъ что по наружности все и вышло ученіемъ Будды, изреченнымъ лишь въ разныя времена и при разныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ на основаніи одного и того же ученія Будды можно воздвигать самыя противорѣчащія секты, и никто не смѣетъ укорить за это, такъ-какъ каждая секта укажетъ на непререкаемый доводъ въ священной книгѣ. Нѣтъ ничего рѣзче, наприм., этого нововведенія, какъ женитьба бонзъ въ Монтосіу, тогда какъ до монаха Синрана никто изъ бонзъ никогда не думалъ жениться; но посмотрите, какъ легко было сдѣлать и этотъ шагъ на основаніи Буддійской литературы. Въ одной изъ священныхъ книгъ, перечисляющихъ обѣты Бодисатвы Кваннона, есть обѣтъ его: «буду воплощаться и въ тѣлѣ женщины, чтобы руководить смертныхъ». Правда, этого еще недостаточно, чтобы Синрану жениться; но въ канонѣ есть также неисчислимое множество примѣровъ явленія Буддъ и Бодисатвъ святымъ людямъ во снѣ, для сообщенія имъ своей воли. Отчего же и Синрану не увидѣть чуднаго сна? Онъ и увидѣлъ: является ему Бодисатва Кусе (другое имя Кваннона) и вручаетъ четыре стиха, значеніе которыхъ слѣдующее: «Подвижникъ, женись въ награду за твои подвиги! Я сдѣлаюсь тѣломъ драгоцѣнной дѣвицы и сочетаюсь съ тобой; изукрашенная, я буду вести людей къ рожденію въ рай». Синранъ въ то время былъ еще послушникомъ и не имѣлъ особеннаго авторитета. Но нужно же было такъ случиться, что въ туже ночь и его учитель, всѣми уважаемый старецъ Хооненъ, увидѣлъ во снѣ то, какой сонъ снится Синрану. Нужно же было такое стеченіе обстоятельствъ, что на слѣдующее утро Хоонена посѣтилъ одинъ изъ первыхъ придворныхъ сановниковъ и завелъ разговоръ такого свойства, что въ заключеніе самъ предложилъ одну изъ своихъ дочерей въ замужество какому-нибудь монаху, и нужно же было этой дочери называться именно «драгоцѣнная дѣвица» (Тамахиномія)! Развѣ во всемъ этомъ не ясно, какъ день, промышленіе Кваннона о спасеніи людей? Кончено, Синрана женить, какъ онъ ни уклоняется отъ этого! И новая секта пошла щеголять по свѣту. Вообще, въ Буддійскомъ канонѣ столько чудесъ и столько нелѣпости въ этихъ чудесахъ, что мало-мальски смыслящій человѣкъ не можетъ не считать ихъ за басни; а такъ какъ онъ видитъ, что эти басни позволены себѣ самимъ Буддою, который прямо высказываетъ и іезуитское правило: «обманывать людей, чтобъ привлекать ихъ къ себѣ», то и онъ, на томъ же основаніи, считаетъ себя въ правѣ дѣлать всевозможные благочестивые обманы во благо ближнимъ. Я не говорю уже о тѣхъ, которые, какъ большинство бонзъ, обманываютъ народъ чистосознамѣренно и своекорыстно. Возмемъ еще примѣръ «Нембуцу» (спасеніе чрезъ благодать) въ той обширности, въ какой оно развито Хо-

Библиотека "Руниверс"

оненомъ и Синраномъ; правда, ученіе новое, но все же оно довольно твердо можетъ быть основано на нѣкоторыхъ молитвенникахъ изъ самаго канона, если взять ихъ безотносительно къ другимъ. На что бы, кажется, искать другихъ основаній? Но посмотрите, на чемъ оно больше всего опирается. Вотъ одинъ послушникъ, сгоравшій желаніемъ узнать, какимъ путемъ легче всего достигнуть блаженства будущей жизни, затворившись въ кумирнѣ Аматерасу, молится объ откровеніи ему этого пути; послѣ семидневной молитвы, ночью, онъ видитъ наяву открываются дверцы кивота, гдѣ была статуя богини, выходятъ два мальчика и говорятъ ему: «Аматерасу теперь нѣтъ дома, но она намъ наказала, что если въ ея отсутствіе кто станетъ молиться объ указаніи вѣрнаго способа къ избѣжанію будущихъ перерожденій и смерти, то чтобы мы учили: отвергнувъ собственныя тысячеобразныя дѣйствія, всѣмъ сердцемъ призывать Амиду, всею душею подвизаться въ Нембуцу; этимъ непремѣнно достигнется рай будущей жизни и высочайшее успокоеніе». Вотъ другому является сама Аматерасу и поетъ: «Кто призываетъ Будду Амиду, тотъ не говори, что я богиня этого государства». Вотъ во время спора Хоонена съ другими бонзами о своемъ Нембуцу, статуя Амиды издаетъ ослѣпляющій блескъ; вотъ четки одного послѣдователя Хоонена сіяютъ лучезарнымъ свѣтомъ въ ночной темнотѣ; вотъ Хоонень своимъ: «Наму-Амида-Буцу» вызываетъ изъ озера дракона, и проч. Нѣтъ возможности перечислить всѣхъ выдуманныхъ чудесъ, сновъ, пѣсень боговъ. Всѣ секты наперерывъ одна передъ другой стараются щеголять чудесами, одни другихъ нелѣпѣе, одни другихъ фантастичнѣе. Наглость дошла до того, что указываютъ чудеса тамъ, гдѣ каждый собственными глазами можетъ видѣть или ушами слышать, что чуда нѣтъ. Тамъ на морской водѣ написаны Китайскіе знаки: «Мёохо-рен-ге-кё»; здѣсь птицы поютъ: «Наму-Амида-Буцу»; тамъ въ небѣ, при заходѣ солнца, постоянно является фигура Амиды и пр. Бонзы до того привыкли къ выдумкамъ и обманамъ, что расточаютъ ихъ даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакой нужды въ нихъ: я читалъ одно жизнеописаніе Будды, гдѣ авторъ преблагочестиво увѣряетъ, что за матерью Будды въ приданое даны были, между прочимъ, семь полныхъ возовъ «Голландскихъ» рѣдкостей; а когда она забеременѣла Буддой, то другая жена царя, изъ зависти, чтобъ убить младенца въ ней, обратилась къ одному изъ Христіанъ, которые, какъ извѣстно, всѣ колдуны, чтобы при помощи его волхованій испортить свою соперницу; и съ мельчайшими подробностями описанъ способъ волхованія Христіанина, приложенъ даже его портретъ и изображено, какъ онъ погибъ среди волхованія, пораженный небесными силами.

Библиотека "Руниверс"

Кромѣ Синту и Буддизма, въ Японіи существуетъ еще Конфуціанизмъ, хотя не въ видѣ особой религіозной секты, а въ видѣ нравственно-богословской школы. Я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько и о немъ. Конфуцій привлекаетъ прежде всего красотою своей литературной рѣчи; его фраза исполнена лаконизма и силы и по временамъ блещетъ красками остроумныхъ метафоръ. Все это дѣлаетъ Конфуція неподражаемымъ образцомъ литературнаго языка въ Китаѣ, вотъ ужъ болѣе 20-ти вѣковъ. Если заглянуть подъ эту привлекательную оболочку, то вы увидите почти всегда какую-нибудь мысль прямо или непрямо направленную къ утвержденію системы 5-ти отношеній. Эти отношенія (господина и слуги, отца и сына, мужа и жены, брата и брата, друга и друга) и составляютъ сущность Конфуціева ученія, то, что доставило Конфуцію славу величайшаго мудреца, неподражаемаго учителя, полубога. Вкругъ этого столпа мудрости толпятся тысячи комментаторовъ, принося ему въ дань свои таланты и всю свою жизнь; каждое слово его ученія разобрано и истолковано на тысячу ладовъ; въ каждой фразѣ, случайно вымолвленной имъ, найденъ глубокій, многоразличный смыслъ, и вы, читая, невольно и сами находите его и удивляетесь глубинѣ мудрости, сами не замѣчая того, что удивляетесь, быть можетъ, не Конфуцію, а его остроумному толкователю. Это дерево Конфуціанизма, питаемое постоянно приливомъ свѣжихъ соковъ и разросшееся въ теченіи вѣковъ до невѣроятнаго объема, составляетъ дѣйствительно нѣчто величественное и грандіозное: такъ мы любуемся устарѣлымъ вѣковымъ дубомъ, обросшимъ десятками плющей, съ ихъ обильною и свѣжею листвой. Но что въ самомъ дѣлѣ сдѣлало Конфуція такимъ великимъ въ Китаѣ? Онъ жилъ въ одну изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ Китайской исторіи, когда государство, бывшее прежде монархическимъ, раздѣлилось на множество независимыхъ княжествъ; князья безпрерывно ссорились между собою, народъ стоналъ отъ опустошительныхъ войнъ и всякаго рода безурядицы. Такія времена всегда сопровождаются нравственнымъ упадкомъ: вѣроломство, эгоизмъ всѣхъ родовъ, забвеніе даже кровныхъ отношеній и связей самыя обычныя явленія въ это время, и никто не думаетъ горячо возставать противъ нихъ, потому что всякій думаетъ о себѣ и готовъ для огражденія собственныхъ интересовъ употребить тѣже орудія. Въ такое-то время явился Конфуцій. Онъ не былъ творцомъ какого-нибудь новаго ученія, да Китай и не былъ расположенъ тогда слушать что-либо новое. Онъ лишь тронутъ былъ до глубины души бѣдственнымъ состояніемъ своего отечества, грозившимъ изъ хронической болѣзни обратиться въ смертельную, и старался вызвать къ сознанію соотечественниковъ времена здраваго состоянія Китая. Какъ великій человѣкъ, онъ не только инстинк-

Библиотека "Руниверс"

тивно понялъ, но и сознательно выразилъ духовныя потребности и идеалы Китайской націи; но, какъ истинный Китаецъ, неспособный къ высоко-идеальному мышленію, онъ не далъ своему отечеству системы ученія, построенной строго-логически, по всѣмъ законамъ формальнаго мышленія; онъ, напротивъ, держался всегда самой твердой, практической почвы. Онъ изучилъ и изложилъ древнюю исторію Китая и древніе обычаи, которыми, по его понятію, поддерживались добрая нравственность и благосостояніе государства, церемоніи, музыку, поэзію (народныя пѣсни); ученики же его, кромѣ того, постарались записать его нравственные афоризмы, которыми онъ постоянно обмолвливался, и представили такимъ образомъ въ болѣе наглядной формѣ его ученіе, почерпнутое изъ изученія древняго быта Китайцевъ. Такимъ образомъ въ книгахъ Конфуція выразился не частный человѣкъ, но выразился самъ Китай въ его характеристическихъ хорошихъ чертахъ, въ томъ, что̀ онъ выявилъ добраго изъ своей натуры и что̀, слѣдовательно, можетъ и долженъ хранить, какъ свое собственное. Въ эпоху матеріальнаго и нравственнаго истощенія Китая предъ нимъ поставленъ былъ живой портретъ его самого во времена физическаго и нравственнаго здоровья. Могъ ли Китай не узнать самъ себя и не полюбить себя въ прежнемъ видѣ, а полюбивъ, не поставить себя предъ собою, какъ образецъ, на вѣчныя времена? Съ теченіемъ вѣковъ, быть можетъ, характеръ Китайцевъ могъ бы принять новые оттѣнки, нравственность опредѣлиться точнѣе, формы жизни измѣниться; но уже писанія Конфуція успѣли сдѣлаться канонически-непогрѣшимыми, ихъ предписанія обязательными, самъ Конфуцій—предметомъ религіознаго поклоненія.

Въ концѣ III-го столѣтія по Р. Хр., при первомъ знакомствѣ Японіи съ Китаемъ, Конфуцій съ братіею не замедлилъ переплыть въ Японію. Но странно было бы думать, что онъ займетъ здѣсь тоже мѣсто, какъ въ Китаѣ. Здѣсь его ученіе было пересаднымъ растеніемъ, и самъ онъ явился не какъ представитель народа и истолкователь его мыслей ему самому, а просто какъ знаменитый ученый, предъ которымъ, конечно, не могли не благоговѣть необразованные въ то время Японцы, но который не поразилъ ихъ до забвенія личныхъ чувствъ и мыслей. Его творенія, по совершенству языка и нравственному направленію, легли въ основу школьнаго образованія, его легенды дали начало коекакимъ суевѣріямъ; но школа у Японцевъ вовсе не имѣетъ такого великаго значенія, какъ у Китайцевъ, гдѣ все государство управляется школярами; суевѣрій у Японцевъ своихъ и Буддійскихъ такъ много, что два-три Конфуціевы въ этомъ числѣ—какъ капля въ морѣ. Такимъ образомъ вліяніе Конфуція собственно на народъ въ Японіи очень слабо. Гораздо больше его вліяніе на такъ называемый классъ ученыхъ» (Дзюся),

Библиотека "Руниверс"

существующій здѣсь хотя не въ видѣ правильно организованной корпораціи, но съ правомъ наслѣдственности и съ нѣкоторыми особенными гражданскими правами. Этотъ классъ, можно сказать, есть дань Японіи Китайской мудрости и особенно Конфуцію. Для «ученыхъ» писанія Конфуція имѣютъ, или по крайней мѣрѣ должны имѣть, такую же силу непререкаемаго авторитета, какъ для боцзъ Буддійскіе молитвенники, для Синтуискихъ жрецовъ кодзики (самая древняя исторія). Главная обязанность этихъ ученыхъ—быть преподавателями въ дворянскихъ гимназіяхъ. Здѣсь-то, въ этихъ гимназіяхъ, молодые Японцы, по кодексу Конфуціевыхъ церемоній, научаются тѣмъ пріемамъ вѣжливости и внѣшняго благоприличія, которые насъ такъ удивляютъ въ нихъ и которые даютъ имъ право съ честію занимать мѣсто между образованными Европейцами; здѣсь они научаются слагать Китайскія пѣсенки, что̀ также считается необходимымъ для образованнаго человѣка; наконецъ, здѣсь же уясняются въ ихъ сознаніи правила нравственности и гражданскихъ добродѣтелей, начертанныя въ человѣческомъ сердцѣ. Но даетъ ли Конфуцій отвѣты на разные теоретическіе вопросы, также присущіе душѣ человѣческой, какъ и понятія нравственности? Учитъ ли онъ о началѣ міра и человѣка, о Высшемъ Существѣ, о назначеніи человѣка? Нисколько. Извѣстно, что, при вопросахъ своихъ учениковъ о подобныхъ предметахъ, онъ отдѣлывался самыми уклончивыми отвѣтами, въ родѣ слѣдующаго: «мы не знаемъ и земного, какая же польза говорить о небесномъ?» Его «небо», употребляемое имъ для выраженія всего высшаго, имѣетъ до того неопредѣленный смыслъ, что невозможно понять, разумѣетъ ли онъ подъ нимъ что либо личное или безличное. Итакъ его послѣдователи, пробуждаемые къ умственной дѣятельности разными сентенціями, вызывающими на размышленіе, но оставляемые безъ руководства въ самомъ началѣ умственнаго самоопредѣленія, берутъ каждый для себя, что̀ кому нравится; то случай, то жизненный духъ, то личное или безличное небо и, варіируя на разные лады свой принципъ, рѣшаютъ сами, какъ умѣютъ, философско-богословскіе вопросы о мірѣ и человѣкѣ. Благодаря Конфуцію, они стали выше Синту и Буддизма; онъ далъ имъ оружіе діалектики, развилъ въ нихъ критическій духъ, побуждающій ихъ относиться съ насмѣшкою или презрѣніемъ къ этимъ ученіямъ; но, разрушивъ прежнія религіозныя вѣрованія, Конфуцій въ тоже время ничего не далъ въ замѣну ихъ: умъ его послѣдователя—пропасть, покрытая сверху легкимъ хворостомъ его собственныхъ умствованій; при первомъ прикосновеніи здраваго смысла хрупкая поверхность ломается и открываетъ пустоту. Оттого-то въ Японіи никто такъ не способенъ къ принятію Европейскихъ ученій, какъ послѣдователи Конфуція. Вѣками пріученные ставить себя высоко надъ другими по

Библиотека "Руниверс"

своему умственному превосходству, они, обыкновенно, свысока относятся и къ Европейцамъ, пока не попадетъ въ ихъ голову какая-нибудь Европейская мысль: тогда ихъ теоріи разомъ летятъ вверхъ дномъ, ихъ прежній кумиръ разбивается вдребезги, они смиренно низводятъ себя на степень учениковъ и дѣлаются искренними и горячими приверженцами новаго ученія.

Все, сказанное доселѣ, можно формулировать въ слѣдующихъ словахъ: Японскій народъ слишкомъ уменъ, развитъ и свѣжъ, а его религіи слишкомъ отсталы и нелѣпы, чтобы могли удовлетворять его.

Но показываетъ ли Японскій народъ наклонность къ принятію Христіанской религіи? Обратимся къ фактамъ, прямо отвѣчающимъ на этотъ вопросъ.

Въ 1570 г. въ первый разъ Испанское судно пристало къ берегамъ Японіи. Японцы такъ хорошо приняли иностранцевъ и показались имъ такъ способными къ принятію Христіанства, что Франциск Ксаверій, другъ и сподвижникъ Игнатія Лойолы, при первомъ извѣстіи о нихъ, вскипѣлъ желаніемъ посвятить себя апостольскому труду между ними. Блестящій успѣхъ сопровождалъ его труды. По слѣдамъ его нахлынули толпы монаховъ разныхъ орденовъ, и всѣ имѣли успѣхъ: въ 25 лѣтъ Христіанство охватило весь Юго-востокъ Японіи. Уже Европейскіе проповѣдники стали вести себя какъ дома, уже прелаты съ пышностію являлись среди народа, уже они отправили Японскихъ князей къ его святѣйшеству, въ качествѣ смиренныхъ поклонниковъ, и по пальцамъ разсчитывали время, когда вся Японія будетъ у подножія престола намѣстника Христова. Вдругъ страшное гоненіе, и въ Японіи —ни души Христіанской. Что за причина? Взглянемъ на тогдашнія событія Японской и Испанской исторіи.

До появленія Европейцевъ, Японія долго была терзаема безпрерывными междоусобіями: то было несчастнѣйшее для нея время правленія Сёогунской династіи Асикага; императоры давно были заброшены, и о нихъ никто не думалъ; Сёогуны наслаждались выгодами своего положенія и не имѣли ни времени, ни охоты вникать въ дѣла правленія; кванрёо (регенты), на попеченіе которыхъ оставлены были дѣла правленія, но которые, какъ богатые князья, и сами имѣли средства жить не хуже Сёогуновъ, тянулись за послѣдними; забытая и заброшенная власть не находила себѣ пріюта. А между тѣмъ въ странѣ уже опредѣлилась удѣльная система: Японія была полна князьями, имѣвшими свои собственные поземельные доходы, свои арміи и свои широкія права; почти не чувствуя надъ собою контроля, князья, естественно, дрались кто съ кѣмъ хотѣлъ и кто съ кѣмъ могъ, дрались безъ устали и безъ

Библиотека "Руниверс"

всякой жалости къ народу. За князьями дрались и бонзы, и какъ дрались! Горе тому, противъ кого они вооружались: это были самые злые и неотвязчивые враги. Въ это время всеобщей драки и сумятицы, въ незамѣтномъ уголкѣ Японіи, явился крошечный князекъ, который, когда всѣ дрались одинъ на одинъ, задалъ себѣ задачею драться со всѣми и всѣхъ одолѣть, и онъ дрался со всѣми, одолѣлъ всѣхъ и сдѣлался властителемъ Японіи, хоть и не принялъ титула Сёогуна, который тогда былъ слишкомъ опошленъ, чтобъ интересовать Нобунага. При этомъ-то Нобунагѣ показались въ Японіи Европейцы. Онъ оцѣнилъ пришельцевъ, понялъ выгоду сношеній съ ними и привѣтствовалъ ихъ. Скоро между этими пришельцами замѣчены были проповѣдники новой вѣры. Нобунага, конечно, не вѣрилъ ничему изъ отечественныхъ религіозныхъ ученій; онъ не былъ расположенъ принять и Христіанскую вѣру (его боевая натура была неспособна къ мирнымъ религіознымъ размышленіямъ) но онъ не могъ не понять неизмѣримое превосходство Христіанской религіи предъ Японскими суевѣріями. Притомъ же ему такъ надоѣли его вѣчные враги бонзы, и изъ-за нихъ онъ такъ возненавидѣлъ Буддизмъ, что, не думая долго, онъ со всею охотою далъ Европейскимъ миссіонерамъ полное право распространять новую вѣру, даже самъ построилъ для нихъ Христіанскій храмъ въ столицѣ (въ 1574 г.). Преждевременная смерть положила конецъ дѣятельности Нобунаги. Ему наслѣдовалъ Хидеёси, сынъ простолюдина, пробившій себѣ дорогу къ верховной власти. Онъ также на первый разъ казался покровительствующимъ Христіанству; между тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за пропагандистами и изучалъ ихъ. А послѣдніе уже успѣли выявить всѣ тѣ качества, которыя были причиною изгнанія католическихъ миссіонеровъ въ разныя времена изъ многихъ странъ. Выходя изъ правила: «цѣль оправдываетъ средства», миссіонеры, безъ зазрѣнія совѣсти, показывали народу разные фокусы подъ видомъ чудесъ; необразованный народъ вѣрилъ чудодѣйственной силѣ патеровъ и толпами вербовался въ Христіане, а образованные люди сомнительно качали головой, и иные прямо угадывали обманъ, иные же окрестили патеровъ названіемъ колдуновъ, продавшихъ душу дьяволу. Съ умноженіемъ Христіанъ, высшее общество вдругъ почувствовало присутствіе въ странѣ новаго рода аристократіи и было до глубины души возмущено и оскорблено; отъ князей стали поступать жалобы, что Христіанскіе епископы, при встрѣчахъ, не уступаютъ имъ дороги и вообще ведутъ себя крайне заносчиво и гордо. Наконецъ, не ограничиваясь дѣлами религіи, католическіе епископы стали являться и на поприщѣ политическихъ интригъ; еще Нобунага пользовался ихъ сладкорѣчіемъ и нравственнымъ вліяніемъ для привлеченія на свою сторону князей-противниковъ. Но все это еще не со-

Библиотека "Руниверс"

ставляло особенной важности: при всѣхъ своихъ непривлекательныхъ качествахъ, Христіанскіе проповѣдники стояли еще гораздо выше туземныхъ бонзъ, и ихъ не выгнали бы изъ страны, если бы не особаго рода соображенія.

Тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ безпрерывнаго открытія новыхъ странъ и вмѣстѣ вѣкомъ ужасающихъ политическихъ неправдъ. Испанія, одна изъ самыхъ могущественныхъ державъ того времени, была особенно бичомъ Божіимъ для новооткрытыхъ народовъ. Вспомнимъ, для образчика, разрушительные подвиги Кортеса и Пизарро. Въ 1522 г. пала Мексиканская имперія, а въ 1533 Перуанская. Обѣ эти имперіи въ цивилизаціи и силѣ малымъ чѣмъ уступали Японіи и съ такимъ же гостепріимствомъ, какъ послѣдняя, приняли Испанскихъ рыцарей, за что эти рыцари отплатили имъ безсовѣстнѣйшимъ коварствомъ, попраніемъ всѣхъ правъ туземцевъ, подчиненіемъ ихъ иноземному владычеству и обращеніемъ всѣхъ гражданъ въ самыхъ несчастныхъ рабовъ. Не забудемъ при этомъ, что съ завоевателями всегда неразлучно были миссіонеры религіи любви и мира, и что даже сами завоеватели дѣйствовали главнымъ образомъ во имя креста. Могъ ли геніальный Хидеёси не узнать и не оцѣнить какъ должно этотъ духъ Европейской и по преимуществу Испанской политики, не вывести изъ примѣра другихъ новооткрытыхъ странъ назидательнаго урока для своего отечества и, вслѣдствіе того, не принять рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію его отъ участи завоеванныхъ государствъ? Европейскіе писатели взваливаютъ вину изгнанія Христіанства изъ Японіи то на одного Испанскаго капитана, расхвастався предъ Хидеёси обширностію владѣній своего короля и объяснившаго ему способъ завоеванія Новаго Свѣта, то на Англичанина Адамса, интриговавшаго противъ Испанцевъ *); мы думаемъ, что ни тотъ, ни другой не заслуживаютъ чести или безчестія считаться виновниками такого важнаго историческаго событія. Хидеёси и, слѣдо-

*) А ультра-католическіе писатели, напр. Шарльвуа, не стѣсняются объяснить перемѣну расположенія Хидеёси къ Христіанамъ слѣдующимъ образомъ. „Хидеёси былъ до крайности развратенъ. Во время походовъ, когда неудобно было возить съ собою гаремъ онъ назначалъ особыхъ чиновниковъ, обязанностью коихъ было собирать каждый вечеръ по окрестностямъ молодыхъ и красивыхъ дѣвицъ. Когда онъ былъ на Кіусіу, въ походѣ противъ Симацу, чиновники по обычаю отправились на ловлю, но были съ безчестіемъ выгнаны изъ деревень, населенныхъ Христіанами. Вечеромъ они доложили объ этомъ Хидеёси, который по обычаю (sic!) былъ пьянъ, и взбѣшенный деспотъ сейчасъ же велѣлъ изготовить къ подписи эдиктъ объ изгнаніи Христіанства изъ страны". Безсовѣстная ложь! Во всей жизни Хидеёси, изученной нами по лучшимъ Японскимъ исторіямъ, мы встрѣтили всего одинъ фактъ, когда онъ недобросовѣстно завладѣлъ дочерью своего разливателя чая; но и этотъ разливатель чая не былъ Христіанинъ.

Библиотека "Руниверс"

вавшій за нимъ, другой гонитель Христіанъ Іенсу были вовсе не такія лица, у которыхъ можно перевернуть всю систему убѣжденій однимъ хвастливымъ разговоромъ или пустой интригой. Хидеёси, для котораго было мало Японіи, который еще генераломъ въ арміи Нобунага строилъ планы расширенія Японскаго могущества завоеваніемъ иноземныхъ государствъ (планы, впослѣдствіи отчасти и приведенные имъ въ исполненіе завоеваніемъ Кореи) конечно, съ перваго появленія иностранцевъ, не могъ не заинтересоваться ими, не изучать ихъ нравовъ, намѣреній и ихъ политики. «Христіанская религія хороша, но она не годится для моей страны», былъ короткій отвѣтъ Хидеёси одному епископу, протестовавшему противъ его запретительныхъ эдиктовъ. И этотъ отвѣтъ достаточно характеризуетъ образъ мыслей Хидеёси. Онъ зналъ Христіанство и цѣнилъ его, но въ тоже время находилъ нужнымъ изгнать его. Какая причина? Иной не могло быть, кромѣ той, что онъ считалъ Христіанство опаснымъ для страны. Ему нужно было не собственно изгнаніе Христіанства, а изгнаніе Европейцевъ, прекращеніе интимныхъ сношеній съ ними и, чрезъ то, огражденіе страны отъ ихъ алчности. Будь въ Японіи истинные проповѣдники истинной вѣры Христовой, ихъ дѣло не было бы смѣшано съ политикой и, при изгнаніи Европейцевъ, они были бы оставлены въ странѣ; не остались бы и они, осталась бы вѣра между туземцами. Пожаловаться на безрезонность и самодурство Японскихъ гонителей Христіанства нельзя: это не были взбалмошные Нероны, Галеріи; они считали обязанностію сами знакомиться съ Христіанствомъ и изучали его такъ безпристрастно, что прямо находили его хорошимъ и не стѣснялись говорить это самимъ врагамъ. Но что же дѣлать, если изъ за Христіанства они увидѣли еще Католичество? Чья вина, что Христіанство являлось имъ на половину политической интригой самаго опаснаго свойства? Или это неправда? Къ несчастію, существуютъ нѣкоторые факты очень недвусмысленнаго характера.

Вотъ наиболѣе извѣстный и достовѣрный изъ нихъ. По смерти одного удѣльнаго князя, когда, имущество его, за нѣкоторыя вины, было конфисковано, въ его домѣ совершенно неожиданно найденъ былъ сундукъ, наполненный драгоцѣнными заграничными подарками и корреспонденціей, открывшей, что князь былъ въ самыхъ интимныхъ сношеніяхъ съ папой и собирался предать свое отечество во власть иноземцевъ. Итакъ пусть Католики клянутъ Хидеёси, какъ изверга; мы не стѣсняясь скажемъ, что онъ, напротивъ, заслуживаетъ уваженія, какъ орудіе Промысла Божія, видимо сохранившаго Японію отъ ужасной участи странъ Новаго Свѣта. А кто возразитъ, что, при всѣхъ гражданскихъ

Библиотека "Руниверс"

несчастіяхъ, которымъ Японія могла бы подвергнуться отъ Испанцевъ или другихъ Европейцевъ, она все-таки имѣла бы выгоду быть страною Христіанскою, тому мы укажемъ на состояніе Христіанства между современными Мексиканскими туземцами: если кому нравится имѣть такихъ Христіанъ, то въ добрый часъ сѣтовать на Хидеёси и на Іеясу, такъ какъ Христіанство далеко не было подавлено строгими эдиктами перваго, и Іеясу, сподвижникъ и наперсникъ Хидеёси, хорошо понявшій его планы, издалъ новые эдикты противъ Христіанъ. При Іеясу Европейскіе пропагандисты принуждены были окончательно удалиться изъ страны; но туземные Христіане еще находили возможность скрываться на Югѣ Японіи. Въ правленіе внука Іеясу, Іемицу, спустя 25 лѣтъ по изгнаніи Европейцевъ, нѣсколько авантюристовъ, бѣжавшихъ на Югъ большею частію отъ политическихъ преслѣдованій, вздумали затѣять возстаніе противъ правительства. Мѣстныя обстоятельства какъ нельзя лучше благопріятствовали имъ: удѣльный народъ двухъ мѣстныхъ князей былъ раздраженъ противъ послѣднихъ за дурное управленіе; множество тайныхъ Христіанъ, разсѣянныхъ по ближайшимъ округамъ, было крайне недовольно правительствомъ за религіозное гоненіе. Предположивъ одинаково воспользоваться двумя этими обстоятельствами, зачинщики возстанія озаботились дать своему дѣлу, для большей его прочности, чисто-религіозный характеръ: изъ подъ руки сдѣланы были нѣкоторыя чудеса и пущено въ ходъ подложное пророчество, указывавшее на это время, какъ самимъ Богомъ опредѣленное для завоеванія Христіанами себѣ религіозной свободы. Когда такими способами народъ былъ достаточно наэлектризованъ, зачинщики дѣла открыто взялись быть его руководителями, и Симабарасское возстаніе вспыхнуло. Противъ горсти Христіанъ, построившихъ себѣ крѣпость и затворившихся въ ней съ женами и дѣтьми (всего до 80 тысячъ) двинуты были регулярныя войска сначала ближайшихъ князей, потомъ болѣе отдаленныхъ, наконецъ Сёогунъ долженъ былъ послать самыхъ опытныхъ и искусныхъ своихъ генераловъ и огромныя военныя силы; но и тутъ осажденные уступили скорѣе голоду, чѣмъ силѣ и искусству противниковъ. Наконецъ, крѣпость была взята, и 80 тысячъ человѣкъ, всѣ до одного казнены, такъ какъ никто не хотѣлъ пройти по образу Богоматери съ младенцемъ и тѣмъ засвидѣтельствовать свое вѣроотступничество. Съ этихъ поръ на Христіанскую вѣру легло новое нареканіе, будто она учитъ противленію властямъ, и она запрещена подъ строжайшими угрозами: «пока солнце восходитъ съ Востока, Христіанскій проповѣдникъ не явится болѣе въ странѣ»; «хоть бы самъ Богъ Христіанскій пришелъ въ Японію, и ему голова долой». Въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ написаны послѣдніе эдикты противъ Христіанъ. Такимъ образомъ Хри-

Библиотека "Руниверс"

стіанская вѣра—искусство колдовать, Христіанская вѣра возмущаетъ народъ противъ правительства, она открываетъ иностранцамъ путь къ завоеванію страны: вотъ понятія, которыя каждый Японецъ соединялъ съ понятіемъ о Христіанствѣ. Подъ этими видами Японецъ два съ половиной вѣка глумился надъ Христіанствомъ; подъ этими видами оно жило въ сознаніи Японца вплоть до послѣдняго открытія Японіи. Сообразимъ конецъ съ началомъ. Японецъ предсталъ предъ Христіанскою вѣрою чистый, свободный отъ всякихъ предубѣжденій противъ нея и готовый всею душею принять ее, потому что давно тяготился пустотою своихъ религій; но въ сознаніи его отразилась не истинная вѣра, которой онъ жаждалъ, а Католичество, и Католичество XVI-го столѣтія, и онъ съ негодованіемъ и гнѣвомъ отвергъ его. Богъ суди насъ, мы считаемъ Японца правымъ *).

При появленіи Американской и Русской эскадръ у береговъ Японіи въ 1853 г., вся Японія, естественно, была крайне встревожена: люди болѣе образованные ждали отъ иностранцевъ непріятельскихъ, завоевательныхъ дѣйствій, народъ же съ ужасомъ смотрѣлъ на каждаго иностранца, какъ на колдуна, и поминутно ждалъ отъ него чудесъ. Но волею-неволею Японцы должны были вступить въ сношенія съ иностранцами. При заключеніи трактатовъ, они покушались, по крайней мѣрѣ, выговорить запрещеніе распространять въ ихъ странѣ Христіанскую вѣру; но имъ отвѣчали, какъ гр. Муравьевъ-Амурскій: «если я убѣжденъ въ истинности моей вѣры, я не могу не говорить этого; отъ васъ же самихъ зависитъ слушать меня или не слушать». И Японцы принуждены были дать иностранцамъ полную свободу въ постройкѣ ихъ храмовъ и отправленіи богослуженія. Такимъ образомъ пришелъ въ ихъ страну Христіанскій Богъ, явились и проповѣдники. Католическіе миссіонеры, вслѣдъ за заключеніемъ трактатовъ, толпой нахлынули изъ Китая. Изъ трехъ открытыхъ портовъ, Іокохамы, Хакодате и Нагасаки, они обратили особенное вниманіе на послѣдній. Въ окрестностяхъ его они ожидали найти слѣды древняго Христіанства и не ошиблись: не смотря на всѣ ужасы предшествовавшихъ гоненій, въ народѣ сохранились еще темныя Христіанскія преданія. Такимъ образомъ католическіе миссіонеры нашли уже подготовленную почву, и здѣсь былъ основанъ ихъ главный постъ, подъ управленіемъ епископа. Чтобъ су-

*) Петръ Великій зналъ о томъ. Онъ находился въ Голландіи, когда ему прислали извѣстіе о томъ, что въ Японіи наши священники проповѣдуютъ Христіанство. Въ отвѣтѣ своемъ управлявшему Посольскимъ Приказомъ Виніусу, Петръ выразилъ свое удовольствіе, но прибавилъ: надо, чтобы тамъ попы были *подкладные*, а то не вышло бы какъ съ Езуитами. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

дить объ ихъ успѣхѣ, выписываю изъ Японской брошюры: «Тооёо нява дзякёо симацу» *) слѣдующія данныя, относящіяся къ 1867 г.: «Въ Ураками (по сосѣдству съ Нагасаки) свыше 2000 обращенныхъ; въ помѣстьяхъ Оомура свыше 100, въ Фукабори, въ области Хизенъ, свыше 1500; въ Такахата, Симабара, Амануса, Хирадо—сколько тысячъ, въ точности неизвѣстно». Въ Іокохамѣ и окрестностяхъ количество обращенныхъ также неизвѣстно. Въ Хакодате миссія основана съ 1867 г., и особенныхъ успѣховъ пока не видно. Протестантскіе миссіонеры далеко отстали отъ католическихъ; они стали наѣзжать лишь съ 1859 г. и насколько успѣли въ бытность Тайкуновъ, данныхъ тоже нѣтъ; но что успѣхи были, объ этомъ свидѣтельствуетъ таже брошюра: «Въ то время какъ католическіе миссіонеры обращали людей низшаго и средняго классовъ, протестантскіе обращали большею частію людей средняго и высшаго классовъ», говоритъ авторъ. Но что же Тайкунское правительство? Чтобъ оно, все основанное на шпіонствѣ, не знало объ этихъ дѣйствіяхъ миссіонеровъ, нельзя предположить; что же оно сдѣлало во имя своихъ страшныхъ законовъ противъ Христіанства? Выписываю изъ вышеупомянутой брошюры то, что служитъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ. Но прежде считаю нужнымъ объяснить начало дѣла.

Мать служанки Англійскаго консула (въ Нагасаки) сдѣлалась Христіанкою; когда ея сосѣди по деревнѣ узнали объ этомъ, то стали грозиться, что сожгутъ ея домъ, если она не броситъ колдовства, т.-е. Христіанства. Мать пересказала это дочери; дочь нажаловалась Англійскому консулу, а этотъ губернатору. Послѣдній долженъ былъ изслѣдовать дѣло и волею-неволею найти множество Христіанъ. «За вѣроотступничество, въ Ураками, нѣсколько жителей, по приказанію губернатора, были арестованы, 13-го ч. 6-го мѣсяца прошлаго (1867) года, и заключены въ тюрьму. При этомъ въ часовнѣ въ Ураками были конфискованы образа и прочія вещи и сданы деревенскому старостѣ. Полицейскіе служители вернулись съ 70 человѣками въ мѣсто жительства губернатора; 6 или 7 изъ нихъ, однако, остались въ домѣ старосты въ Ураками. Остальные вѣроотступники, въ числѣ нѣсколькихъ

*) Авторъ брошюры, поклонникъ Конфуція, изучалъ Христ. вѣру подъ руководствомъ одного изъ протестантскихъ пасторовъ въ Нагасаки. Онъ адресовался къ пастору съ задней мыслію—узнать Христіанство, для того, чтобъ потомъ успѣшнѣе напасть на него. Изъ этого сорта Японцевъ обыкновенно образуются самые ревностные Христіане. Къ несчастію, протестантскій миссіонеръ не съумѣлъ воспользоваться имъ; за то Японецъ хорошо пользуется полученными уроками: выставляетъ въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ дѣйствія протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ и на чемъ свѣтъ браннтъ Христіанство, котораго онъ, разумѣется, ни на волосъ не понялъ.

Библиотека "Руниверс"

сотъ, учинили возстаніе, напали съ бамбуковыми копьями на домъ старосты, взяли обратно свои образа и захватили двухъ чиновниковъ и двухъ полицейскихъ служителей, о которыхъ объявили, что будутъ держать ихъ заложниками и не выдадутъ до тѣхъ поръ, пока имъ не будутъ возвращены ихъ товарищи, заключенные въ тюрьму. Въ этомъ положеніи дѣлъ, остальные вѣроотступники были предоставлены себѣ самимъ, и аресты прекратились. 14-го числа на Козима была поспѣшно сооружена большая тюрьма, и въ нее посажены вышеозначенные 70 и нѣсколько другихъ арестантовъ»..... «Такъ какъ въ помѣстьяхъ Оомура, въ Ураками, также оказались вѣроотступники, то, 7-го мѣсяца прошлаго года, свыше ста человѣкъ ихъ было арестовано и посажено въ тюрьму. Арестованные и заключенные въ тюрьму были ежедневно, по приказанію губернатора, призываемы, и передъ ними излагаемо все зло извращенной религіи, но безъ всякаго успѣха: твердые въ своемъ упорствѣ, они не показывали никакого знака перемѣны мыслей; напротивъ, они просили, чтобы имъ было позволено свободное и безпрепятственное исповѣданіе Римско-католической религіи. При такомъ положеніи дѣлъ, когда губернаторъ и чиновники не знали, что дѣлать, 14-го ч. 8-го мѣсяца были поспѣшно позваны губернаторомъ жрецы 7-ми храмовъ Синсіу и 2-хъ Зенсіу и, когда они явились, у нихъ было спрошено, нѣтъ ли какого-нибудь средства заставить этихъ отступниковъ въ Ураками перемѣнить ихъ мысли. Жрецы сказали, что они дадутъ отвѣтъ по внимательномъ обсужденіи предмета. На слѣдующій день они сказали, что употребятъ все свое стараніе побудить отступниковъ разомъ перемѣнить ихъ мысли. 19-го ч. дайкванъ и судьи сопровождали жрецовъ въ Ураками; но, не смотря на всѣ ихъ увѣщанія, отступники, упорные до крайности, не обратили на нихъ никакого вниманія. Ихъ упорство происходитъ отъ снисходительности, съ которою до сихъ поръ обращались съ ними. Въ половинѣ 9-го мѣсяца заключенные притворились перемѣнившими свои мнѣнія и были выпущены на свободу; но они опять обратились къ прежнему, и число ихъ ежедневно возрастаетъ. Выпущенные были просто лишь отданы на поруки въ Ураками, и ничего больше. Пользуясь снисходительностію, которую оказывали имъ, они запаслись изъ часовни деньгами, разошлись секретно по всѣмъ направленіямъ и дѣлаютъ обращеніе, или раздавая милостыню бѣднымъ, или совершая чудеса, такъ что въ короткое время сотни новообращенныхъ были пріобрѣтены въ разныхъ мѣстахъ»....

И вотъ все, что̀ сдѣлано Тайкунскимъ правительствомъ противъ Христіанской вѣры, въ продолженіе 14-ти лѣтъ. Гдѣ прежняя ненависть

Библиотека "Руниверс"

къ Христіанамъ, какъ къ колдунамъ, какъ къ противникамъ власти и измѣнникамъ отечеству? Ея и въ поминѣ нѣтъ. Ненависть эта отражается еще въ сознаніи частнаго лица, автора брошюры, предубѣжденнаго противъ Христіанства; Нагасакскій же губернаторъ, какъ видно, тѣснилъ Христіанъ просто потому, что, въ виду закона, строго запрещающаго Христіанство, не могъ не сдѣлать что-нибудь послѣ того, какъ его такъ неделикатно и необдуманно натолкнули на Христіанъ сами же Христіане, и сдѣлалъ онъ, нужно признаться, очень мало (за принятіе Христіанства, по древне-Японскому закону, полагается казнить распятіемъ на крестѣ и прободѣніемъ копьями). Все же это (и смотрѣніе сквозь пальцы на умноженіе Христіанъ, и милостивое обращеніе съ обнаруженными Христіанами) было, разумѣется, не личнымъ дѣломъ самого губернатора Нагасаки, а лишь исполненіемъ инструкцій, данныхъ изъ Едо.

Новое правительство, образовавшееся въ началѣ прошлаго года, также запретило Японцамъ принятіе Христіанства; но здѣсь основная причина запрещенія совершенно другого свойства, чѣмъ всѣ прежнія побужденія. Тайкуна уничтожили; нужно поднять императора, поднять изъ праха, въ которомъ онъ пресмыкался доселѣ предъ тайкунами. Но чѣмъ подпереть эту дряхлую развалину минувшаго величія? Средство подъ рукой: стоитъ лишь придать больше блеска и торжественности древней религіи, по счастію еще не совсѣмъ погибшей; предметъ этой религіи—прямые предки императора и, въ лицѣ ихъ, самъ онъ. Самый важный и торжественный пунктъ ученія ея—вручение власти надъ Японіей, на вѣки вѣчные, праотцу микадо и всему его потомству. Слушая это ученіе, кто же станетъ сомнѣваться въ правахъ императора на власть? И вотъ громко грянулъ Синтуисскій барабанъ, звонко звякнули литавры, пріосанясь и смѣло взглянувъ кругомъ, затянулъ свою неизмѣнную героическую пѣсню жрецъ. Думалъ ли «путь боговъ» имѣть эту минуту торжества, онъ, почти издохнувшій подъ ударами Буддизма? А теперь имъ приходится помѣняться ролями: Буддизмъ, какъ тоже иностранная религія, испытываетъ къ себѣ презрѣніе и пренебреженіе, и какое презрѣніе! Императорскимъ указомъ велѣно выбросить изъ Синтуисскихъ кумирнь всѣ Буддійскія принадлежности, въ теченіе вѣковъ вкравшіяся въ нихъ, а Буддійскимъ бонзамъ предписано не смѣть молиться Синтуисскимъ богамъ и даже имѣть у себя въ храмахъ ихъ изображенія. И какое пренебреженіе! Въ новой конституціи, разосланной для руководства по всей имперіи, значится, между прочимъ, «департаментъ духовныхъ дѣлъ», и его попеченіямъ адресованы исключительно дѣла Синту; о Буддизмѣ хоть бы слово! И это не смотря на то, что въ

Библиотека "Руниверс"

Японіи всѣ, начиная отъ самого императора до поденщика, Буддисты, что Буддійскими храмами усѣяна Японія, что Буддійскихъ бонзъ сотни тысячъ, что, словомъ, не замѣчать Буддизма въ странѣ можетъ развѣ сумасшедшій. Есть ли же какая возможность Христіанской вѣрѣ ждать для себя пріязни въ это время? И можно ли удивляться, что и новымъ правительствомъ повторено запрещеніе принимать ее? Не нужно ли удивляться, напротивъ, тому обстоятельству, что правительство, почти въ тоже время, какъ запрещаетъ, даетъ весьма ясно понять, что оно вовсе не имѣетъ въ виду серьезно преслѣдовать свою мысль? А факты какъ нельзя лучше подтверждаютъ послѣднее. Укажу эти факты.

Указъ, которымъ новое правительство запретило Христіанство, начинался такъ: «Христіанская нечестивая вѣра по прежнему запрещается». Слово «нечестивая», по всѣмъ правиламъ грамматики, относилось къ Христіанской религіи. Когда указъ былъ вывѣшенъ публично на доскахъ, иностранные министры подали протесты противъ названія Христіанской религіи нечестивою. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Хингаси-Кузе, отвѣчалъ имъ. Вотъ отвѣтъ Прусскому повѣренному въ дѣлахъ, г. фонъ-Брандту: «Я имѣлъ честь получить ваше письмо отъ прошедшаго 5-го мѣс., 26-го числа. Вы выражаете неудовольствіе по поводу текста того изъ указовъ, обнародованныхъ новымъ правительствомъ послѣ совершившихся весною нашихъ государственныхъ перемѣнъ, въ которомъ говорится, что «Христіанская религія по прежнему запрещается» и проч. Но такъ какъ это смѣшеніе понятій произошло оттого, что до сихъ поръ у насъ о запрещенныхъ нашими законами Христіанской религіи и нечестивой религіи (нечестивою религіею, дзясіу, называется та, которая колдовствомъ и подобн. средствами развращаетъ человѣческое сердце и проч.) говорили заодно, не раздѣляя ихъ, то прошу понять, что нечестивою религіею не названа именно Христіанская религія». Между тѣмъ, еще до отправленія отвѣтовъ къ иностраннымъ министрамъ, новымъ распоряженіемъ велѣно было по всей Японіи перемѣнить текстъ указа на публично вывѣшенныхъ доскахъ, отдѣливъ весьма ясно Христіанскую религію отъ «нечестивой». Вотъ другой фактъ. При сдачѣ Нагасаки правительству Микадо, прежній губернаторъ сдалъ и нерѣшенное дѣло о нѣсколькихъ Христіанахъ, содержавшихся еще въ тюрьмѣ. Новый губернаторъ рѣшилъ разослать ихъ по ближайшимъ княжествамъ и отдать тамъ подъ надзоръ мѣстныхъ властей. Когда съ этою цѣлію Христіане (11 Іюля прошлаго года) посажены были на судно, въ Нагасаки разнеслась молва, что ихъ увозятъ съ тѣмъ, чтобы часть утопить въ морѣ, часть обезглавить, а остатокъ отвезти на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ въ каторжную работу. Иностранные консулы,

Библиотека "Руниверс"

живущіе въ Нагасаки, послали къ губернатору коллективную ноту, спрашивая, съ какими намѣреніями вывезены Христіане, и выражая надежду, что съ ними не будетъ поступлено безчеловѣчно и безславно для Японіи въ глазахъ образованнаго міра. Губернаторъ отвѣчалъ, что «Христіане вывезены въ территоріи Цёосіу и Бинго, съ тѣмъ, чтобъ отдать ихъ подъ надзоръ, что Японское правительство не намѣрено оскорблять человѣчество истребленіемъ невинныхъ людей, что прочіе Христіане, оставшіеся въ городѣ, не будутъ притѣсняемы, что тѣ Христіане вывезены съ тѣмъ, чтобы предупредить безпорядки, могущіе возникнуть отъ столкновенія ихъ съ послѣдователями другихъ сектъ въ сосѣдствѣ, что Японское правительство благодаритъ консуловъ за ихъ добрыя внушенія и человѣчественныя побужденія». («The Nagasaki times» 1868, July 6-th/18, № 4). Иностранные министры въ Іокохамѣ, встревоженные вѣстями изъ Нагасаки, также подали нѣсколько протестовъ противъ жестокаго обращенія съ Христіанами. Хингаси-Кузе, въ томъ же письмѣ, часть котораго приведена выше, отвѣчалъ г. фонъ-Брандту слѣдующее: «Вы нѣсколько разъ писали мнѣ касательно Христіанъ, появившихся въ области Хизенъ, въ деревнѣ Ураками, и я до сихъ поръ не отвѣчалъ вамъ. Военныя смуты, мѣшавшія обсужденію дѣла, были причиною этого невольнаго замедленія. Прошу великодушно извинить. Нечестивая вѣра, употребляющая колдовство, развращающая человѣческое сердце, подрывающая основы нашего государственнаго быта, всегда была запрещаема нашимъ правительствомъ; но принявшихъ Христіанство ссылать въ заточеніе, топить, жечь, варить въ маслѣ, такіе безчеловѣчные поступки никогда не были въ намѣреніяхъ нашего правительства, и ваши представленія объ этомъ, какъ я догадываюсь, возникли изъ вышеупомянутаго смѣшенія понятій (о Христіанской и нечестивой вѣрахъ), или же изъ неосновательныхъ слуховъ. Отложите же ваши сомнѣнія и представьте это дѣло въ настоящемъ свѣтѣ вашему правительству».

Рѣшаюсь привести и еще письмо Хингаси-Кузе къ г. фонъ-Брандту, относящееся одинаково къ объясненію вышеупомянутаго указа и къ оправданію Нагасакскаго дѣла. «Въ текстѣ недавно обнародованнаго указа касательно Христіанской религіи подрядъ поставлено: «Христіанская нечестивая религія». Отсюда произошло ошибочное понятіе, будто именно Христіанская религія названа нечестивою. Послѣ этого та и другая раздѣлены на двое, какъ вамъ это извѣстно. Религія, называвшаяся Христіанскою 300 лѣтъ тому назадъ, употребляла колдовство, развращала человѣческое сердце, производила безпорядки, за это она и была строго запрещена; а по всему этому и народъ съ того вре-

Библиотека "Руниверс"

мени смотритъ на нее, какъ на нечестивую вѣру. Подобную вѣру и въ настоящее время наше правительство никакъ не можетъ допустить. Того же, что Христіанская вѣра—правильная вѣра, народъ до сихъ поръ не понимаетъ; а въ то время, когда онъ еще находится въ такомъ невѣдѣніи, вдругъ разрѣшить ее, не согласно съ правительственными пользами. Нужно бы было разсудить, разобрать, что̀ правильно и что̀ нечестиво; но этому помѣшали военныя смуты. Поэтому, относящіяся къ этому предмету постановленія не приведены въ точность, и нельзя поручиться, чтобъ въ разныхъ мѣстахъ государства не былъ неодинаковый образъ дѣйствій. Но такъ какъ съ этого времени мы имѣемъ войти въ еще болѣе дружественную связь съ вашимъ государствомъ, и такъ какъ подвергать жестокимъ преслѣдованіямъ нашихъ людей, принявшихъ вѣру вашего государства, было бы несогласно съ дружественностію отношеній, то въ настоящее время наше правительство разсудило и рѣшило съ этихъ поръ не постановлять крутыхъ законовъ противъ Христіанъ, а обращаться съ ними милостиво» (Письмо отъ 27 ч. 11-го мѣс. прошлаго года).

Въ какомъ смыслѣ нужно понимать и въ какомъ, дѣйствительно, понимаютъ эти и подобныя деклараціи нынѣшняго Японскаго правительства представители иностранныхъ державъ, миссіонеры и Японскій народъ, видно изъ слѣдующихъ, небывалыхъ до прошлаго года, фактовъ: уже въ Христіанскихъ церквахъ, наравнѣ съ иностранными министрами и другими иностранными Христіанами, открыто молятся Богу Японскіе Христіане (я самъ видѣлъ это въ минувшую католическую и протестантскую пасху, въ Іокохамѣ); уже о принявшихъ Христіанскую вѣру Японцахъ сами миссіонеры извѣщаютъ во всеуслышаніе въ періодическихъ изданіяхъ, называя Японцевъ по именамъ или описывая ихъ такъ, что всякій, кто пожелаетъ, тотчасъ можетъ найти ихъ. (См. The Record of the presbyterian church in the U. S. of America, for. June 1869. The Foreign Missionary, June 1869; New Iork.).

Что же значитъ, что Японское правительство и запрещаетъ Христіанство и въ тоже время игнорируетъ завѣдомыхъ Христіанъ? Что̀ другое, какъ не то, что Японское правительство сознаетъ всю слабость и безполезность своихъ собственныхъ указовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоящіе теперь во главѣ правительства нѣсколько удѣльныхъ князей и масса молодежи (успѣвшей или нѣтъ побывать за границей, но во всякомъ случаѣ знакомой болѣе или менѣе съ иностранными науками и порядками), разумѣется, еще не знаютъ хорошо Христіанской вѣры (да и когда было узнать ее въ 15 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ Японцы не успѣли придти въ себя, ослѣпленные блескомъ наружныхъ

Библиотека "Руниверс"

аттрибутовъ Европейской цивилизаціи?), но они видятъ и чувствуютъ, что имъ не защититься отъ этой могучей силы, которая такъ властно господствуетъ надъ Европой и Америкой. Какъ атеисты, они, по всей вѣроятности, удивляются послѣднему факту и готовы предложить иностранцамъ тотъ вопросъ, который нѣкогда задалъ Нобунага католическимъ миссіонерамъ: «Ужели вы въ самомъ дѣлѣ вѣруете?» Но много ли нужно для того, чтобы убѣдиться, что въ Европѣ и Америкѣ дѣйствительно вѣруютъ и вѣруютъ искренно и глубоко? Тѣ, которые такъ быстро перешли отъ презрѣнія иностранцевъ къ уваженію и отъ ненависти къ глубокой симпатіи, и которые съ такимъ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ стараются перенимать и заучивать все иностранное, развѣ замедлятъ окончательно убѣдиться, что Христіанская вѣра вовсе не колдовство, не ученіе противоправительственное, не орудіе къ завоеванію чужихъ странъ, а напротивъ, чистое духовное ученіе, основа государственнаго благоденствія, словомъ, единственная истинная религія на землѣ? Предположимъ даже медленный, постепенный ходъ. Вотъ взоръ Японцевъ пока прикованъ къ оболочкѣ Европейской цивилизаціи, пароходамъ, пушкамъ, внѣшней постройкѣ конституцій; но всѣ эти молодые люди (ихъ тысячи), изучающіе теперь Европейскіе языки, ужели всѣ они и вѣчно будутъ заниматься лишь пушками и пароходами? Не пойдутъ ли они дальше? Не заглянутъ ли они глубже и въ Европейскую исторію, и въ юридическое право, и во внутренній строй Европейскихъ государствъ? И что же они встрѣтятъ? Вездѣ Христіанскую религію! И могутъ ли они отдѣлаться отъ знакомства съ нею—основою всѣхъ наукъ и всего государственнаго быта Европы, предпринявъ пересадить къ себѣ и эти науки и этотъ бытъ? Они, если бы и захотѣли, не могли бы этого сдѣлать; но они и не захотятъ: Японцы очень далеки отъ раскольническаго упорства въ невѣжествѣ и нежеланіи знать резоны противной стороны; живущіе въ Японіи знаютъ, какъ Японецъ радъ всегда пріобрѣсти Библію и съ какимъ удовольствіемъ онъ показываетъ ее и читаетъ изъ нея тирады своимъ друзьямъ. Хотя бы ни онъ самъ, ни его пріятели не были нисколько расположены вѣровать въ написанное: ужъ одно то, что эта книга почитается Европейцами магически влечетъ къ ней Японца. Что же касается до запрещенія Христіанства во имя Синту, изъ-за необходимости поддерживать авторитетъ Микадо, то это запрещеніе не устоитъ долго, какъ не продлится долго настоящій порядокъ вещей, если только не ждать окончательнаго разстройства Японіи.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, взглянемъ на характеръ современной Японской революціи. Сёогуны дома Токугава долго были предметомъ

Библиотека "Руниверс"

ненависти князей: больно не по нраву пришлась послѣднимъ желѣзная рука Сёогуновъ, затворившихъ ихъ въ Едо, какъ въ клѣткѣ. Но князья должны были сносить свою участь: на сторонѣ сёогуновъ была вся нація; пора же ей было, наконецъ, осушить кровь и перевести духъ, послѣ долгихъ кровопролитій, которыми угощали ее князья во взаимныхъ распряхъ при предшествовавшихъ Сёогунскихъ династіяхъ. Но вотъ Японія входитъ въ сношенія съ иностранцами: явились у Сёогуна другія дѣла, повѣяло новымъ духомъ; оказалось далѣе невозможнымъ держать на привязи около трехъ сотъ удѣльныхъ князей, скученныхъ въ Едо; они были распущены. Нѣкоторые изъ нихъ, вздохнувъ вольною грудью, скоро расправили онѣмѣлые члены, и пошла работа! Тосама (князья, не созданные династіей Токугава, а добывшіе себѣ лены еще прежде ея) особенно не могли простить своего униженія; имъ нужно было, во что̀ бы то ни стало, разсчитаться съ Сёогунами. И вотъ выступили на сцену всѣ тѣ громкіе принципы, которые, обыкновенно, и прежде пускались въ дѣло при подобныхъ случаяхъ: и возстановленіе правъ ограбленной и уничиженной императорской династіи, и безпорядки правленія, и стонъ будто бы страждущаго народа. Было бы ни съ чѣмъ не сообразною ошибкой полагать, что современной революціей Японія обязана вторженію къ ней иностранцевъ. Эта революція давно уже подготовлялась: еще задолго до Европейцевъ князья, сколько возможно было, интриговали противъ Сёогуновъ, подкупами, подъ видомъ подарковъ, завлекали на свою сторону дворъ Микадо, жившій въ нищетѣ, старались какъ будто ненамѣренно развращать и идіотить Сёогуновъ; приходъ иностранцевъ лишь на нѣсколько лѣтъ ускорилъ взрывъ. Въ началѣ прошлаго года, наконецъ, произошло открытое столкновеніе Тайкуна и его приверженцевъ съ коалиціею враждебныхъ князей, завладѣвшихъ императорскимъ флагомъ; нѣсколько незначащихъ комбинацій доставили побѣду послѣднимъ. Никто не приписалъ на первый разъ этому сраженію рѣшительнаго значенія. Сёогунъ обладалъ огромной собственною арміею и довольно большимъ флотомъ, на его сторонѣ были его гофудаи (князья, получившіе лены отъ Токугава) и даже значительная часть Тосама; за него готовъ былъ душу положить его удѣльный народъ и особенно его Едо; самъ Сёогунъ на этотъ разъ, какъ нарочно, былъ человѣкъ извѣстныхъ талантовъ. Всѣ ждали, что онъ за стыдъ перваго пораженія заплатитъ врагамъ сторицею. Но, къ общему изумленію, онъ сложилъ съ себя власть, велѣлъ разойтись войскамъ, оставилъ Едо и, въ видѣ смиренно кающагося въ своихъ преступленіяхъ предъ императоромъ, удалился на свою родину, въ княжество Мито. Глубокое огорченіе и даже ропотъ большей половины Японіи сопровождали его. А враги торжествовали: они

Библиотека "Руниверс"

великодушно оставили ему жизнь, отнятую было у него императорскимъ указомъ, и принялись распоряжаться Японіей: сочинили конституцію, потомъ другую, написали къ народу множество указовъ и приказовъ, показали своего 15-ти-лѣтняго Микадо иностраннымъ министрамъ, перемѣнили правительственные штаты въ Тайкунскихъ городахъ, выславъ, на мѣсто прежнихъ знавшихъ свое дѣло чиновниковъ, какихъ-то недолѣтковъ. Повидимому все пошло своимъ чередомъ. Предъ именемъ Микадо все поникло, все, кромѣ части арміи Сёогуна, его флота и одного князя, самаго рьянаго изъ его защитниковъ. Флотъ стоялъ въ бездѣйствіи; строптивыя войска стали дѣйствовать вразсыпную, но они не страшны были безъ главы и безъ опредѣленнаго плана; страшенъ былъ князь, «этотъ врагъ отечества, разбойникъ, измѣнникъ, злодѣй», какъ возвеличило его правительство. Но вотъ и онъ смирился, подалъ покорное прошеніе и наложилъ на себя арестъ, внѣ воротъ своей крѣпости. Множество сѣверныхъ князей, его сосѣдей, стали ходатайствовать за него; умильнымъ «слезнымъ челобитьемъ» не было конца. Чего бы, кажется, лучше? Простить его, доставить миръ потрясенной Японіи и оставить ее наслаждаться плодами либеральной конституціи. Но не то нужно было коноводамъ движенія; не объ отечествѣ они хлопотали. Я уже сказалъ, что во главѣ современнаго движенія стоятъ нѣсколько сильныхъ удѣльныхъ князей и образованная молодежь, сбродная изъ разныхъ княжествъ. Сію послѣднюю вполнѣ можно назвать авангардомъ Японіи на полѣ цивилизаціи: она полна платоническихъ мечтаній о будущемъ величіи своего отечества и въ самомъ дѣлѣ думаетъ ввести сюда Англицкую конституцію. Но она сама лишь слѣпое орудіе въ рукахъ другой силы; а эта сила два-три удѣльные князя (Сацума, Цёосіу, Тоса), изъ которыхъ каждый питаетъ самыя существенныя надежды на преемство упраздненной единоличной власти. Но овладѣть верховною властію одному изъ 300 претендентовъ, особенно, когда многіе изъ нихъ равны между собою по матеріальнымъ силамъ, трудная задача. Древняя практика указала превосходное средство въ этомъ затрудненіи: нужно ослабить опасныхъ совмѣстниковъ, натравивъ ихъ другъ на друга. И вотъ начинается травля: Аидзу, несмотря ни на какія просьбы, не прощается; Сендай, Ёнезава, Сёонай и другіе сильные сѣверные князья, несмотря ни на какія отговорки, посылаются на Аидзу; послы за послами отъ этихъ князей скачутъ въ Міяко и обратно. Уже князья готовы были противъ своей воли идти на своего собрата: грозное имя Микадо нудило ихъ къ тому; но одно обстоятельство измѣнило все. Совершенно случайно открытъ былъ планъ коноводовъ революціи, имѣющій основною мыслію именно ослабить сѣверныхъ князей другъ другомъ. Роли быстро измѣ-

Библиотека "Руниверс"

нились: сѣверные князья казнили или выгнали Микадскихъ пословъ, разосланныхъ для понужденія къ скорѣйшему вооруженію, провозгласили съ своей стороны южныхъ князей врагами отечества, соединили свои силы съ Аидзу, всѣ вмѣстѣ заключили клятвенный союзъ противъ южанъ, и полилась кровь. Обѣ воюющія партіи клеймили другъ друга самыми позорными именами, и обѣ въ тоже время провозглашали своимъ принципомъ возстановленіе императорской власти, очищеніе отечества отъ бунтовщиковъ и возведеніе его на высокую степень могущества и славы. Долго разыгрывалась эта кровавая драма. Южные имѣли на своей сторонѣ всѣ шансы превосходства; въ ихъ рукахъ былъ императоръ: его имени безпрекословно подчинялись четыре пятыхъ Японіи, по его зову шли огромныя арміи на Сѣверъ, по его приказу всѣ покорные князья предоставили въ его распоряженіе свои пароходы и парусныя суда, его именемъ выпускались кредитные билеты, и купцы принуждались мѣнять на нихъ серебро и золото, нужныя правительству на военныя издержки. Но не столько все это, сколько недостатокъ общаго плана дѣйствій у противниковъ помогъ, наконецъ, южанамъ взять перевѣсъ. Въ концѣ прошлаго года сѣверные князья одинъ за другимъ покорились. Только Инамото, адмиралъ Тайкунскаго флота, выдержалъ свою роль: съ 11-ю судами, во главѣ 5-ти тысячъ отважнѣйшихъ воиновъ Японіи, онъ выгналъ изъ Хакодате императорское правительство, а изъ Мацмая князя, и завладѣлъ всѣмъ островомъ Эзо.

Что̀ будетъ дальше, трудно угадать; но то, кажется, несомнѣнно, что все это лишь начало страшнаго потрясенія. Если южане принудятъ къ покорности и послѣдняго изъ своихъ противниковъ (что̀ весьма вѣроятно), то война не замедлитъ загорѣться на другомъ пунктѣ. Южныхъ до сихъ поръ связываетъ общій интересъ — общіе враги; для общаго дѣла каждый изъ нихъ пока нетерпѣливо прячетъ своекорыстіе подъ благовидною мантіей имперьялизма; не стань этихъ враговъ, они не замедлятъ перессориться между собою; не перессорься они, выступятъ на сцену еще другіе князья. Кажется, можно сказать навѣрное только то, что начавшееся волненіе уляжется лишь тогда, когда выступитъ на сцену человѣкъ съ печатію яркаго таланта на челѣ и въ свое собственное имя, а не въ чье-либо другое, станетъ во главѣ движенія, властною рукою укажетъ всѣмъ и всему приличное мѣсто и поведетъ свою націю внередъ. Но такого таланта пока не видно ни на той, ни на другой сторонѣ, и это отсутствіе вождя еще заставляетъ взоры многихъ обращаться на прежняго Сёогуна; еще не вѣрится, чтобы онъ погибъ безслѣдно, еще приписываютъ ему глубокіе планы и ждутъ,

Библиотека "Руниверс"

что онъ выступитъ на сцену, но уже выступитъ грозно и славно. Или пусть бы этимъ талантомъ оказался самъ Микадо; это было бы истиннымъ благословеніемъ Неба для Японіи; тогда не нужно бы было ни ходуль Синтуизма, ни какихъ другихъ искусственныхъ пріемовъ; тогда и безъ того князья скоро и послушно утихли бы, какъ утихаютъ разшумѣвшіяся дѣти предъ грознымъ учителемъ...

Пройдутъ еще три-четыре года, прибудетъ еще нѣсколько тысячъ католиковъ и протестантовъ въ Японію; случатся опять какія нибудь столкновенія по этому поводу у иностранныхъ министровъ съ Японскимъ правительствомъ и довершатъ первые свое дѣло: побудятъ Японское правительство къ отмѣнѣ и послѣдняго слабаго стѣсненія Христіанъ. Еще шире раскинутъ тогда свои сѣти католическіе и протестантскіе миссіонеры....

***

Въ письмѣ моемъ къ высокопреосвященному митрополиту Исидору, которое его высокопреосвященству угодно было напечатать въ Февральской книжкѣ «Христіанскаго Чтенія» текущаго года, на страницахъ 247—255 изъяснено, чѣмъ я занимался, живя въ Хакодате, и что сдѣлалъ. Къ изложеннымъ тамъ свѣдѣніямъ о 3-хъ крещенныхъ, которыхъ я тогда отправилъ изъ Хакодате для безопасности ихъ, имѣю прибавить слѣдующее. Одинъ изъ нихъ, Павелъ Савабе, испытавъ всѣ трудности путешествія по странѣ въ военное время и убѣдившись въ невозможности пройти до Едо, презрѣвъ всѣ опасности, вернулся въ Хакодате еще въ то время, когда оно занято было правительствомъ Микадо; но какъ оказалось, страхи наши были напрасны: Савабе никто не думалъ тревожить, хотя всѣ знали, что онъ Христіанинъ; до послѣдняго времени (я получилъ отъ него извѣстіе нѣсколько дней тому назадъ) онъ живетъ благополучно въ Хакодате и занимается катихизаторствомъ. Другой, Іоаннъ Сакай, благополучно достигъ своей родины въ княжествѣ Сендай и живетъ тамъ, стараясь (и небезуспѣшно, какъ видно изъ его писемъ) обратить ко Христу своихъ родныхъ и ближайшихъ знакомыхъ. Третій, Яковъ Урано, хотѣлъ пробраться также на свою родину въ княжество Кага, но былъ задержанъ на пути въ одномъ большомъ селеніи княжества Намбу своими родными и друзьями, которые, до послѣдняго времени, когда я имѣлъ свѣдѣнія отъ него, не хотѣли выпустить его, пока онъ не передастъ имъ о Христіанской вѣрѣ все, что самъ знаетъ. Къ тѣмъ семи человѣкамъ, о которыхъ я извѣщалъ тогда высокопреосвященнаго митрополита, какъ о имѣющихъ сдѣлаться Христіанами, прибавился еще одинъ. Изъ нихъ два молодыхъ человѣка, которые на-

Библиотека "Руниверс"

чали тогда учиться Русскому языку съ тѣмъ, чтобы посвятить потомъ свое знаніе служенію вѣрѣ, какъ подданные Сендайскаго князя (объявившаго себя въ то время противникомъ партіи южныхъ князей, занимавшей Хакодате) должны были, въ скорости же послѣ того, вмѣстѣ со всѣми Сендайскими, оставить Хакодате. Я боялся, что вдали отъ меня они забудутъ тѣ немногіе уроки, которыми воспользовались; но опасенія мои, по крайней мѣрѣ на счетъ одного изъ нихъ, по фамиліи Кангета, оказались совершенно напрасными. Такъ какъ сѣверные князья положили оружіе предъ южными вопреки желанію большинства своего народа и своихъ войскъ, то изъ послѣднихъ, кто только могъ, примкнулъ къ Инамото и переправился на Эзо; въ числѣ послѣднихъ оказался и Кангета. Тотчасъ же по прибытіи въ Хакодате, онъ явился ко мнѣ, въ формѣ полкового адъютанта, и первыя его слова были: «до 25-ти человѣкъ изъ нашихъ офицеровъ желаютъ учиться вѣрѣ; я передалъ имъ все, что̀ могъ». Молодой Японецъ, среди тревогъ военной жизни, хранитъ въ памяти немногіе полученные имъ уроки о новой вѣрѣ, и у бивачнаго огня, забывъ трудъ и опасности только что минувшаго боя, говоритъ своимъ товарищамъ о невѣдомомъ имъ Богѣ, о тайнѣ искупленія и спасенія!.. И слова его не падали на безплодную почву; у меня были 12 изъ этихъ офицеровъ, т. е. всѣ тѣ, которые имѣли случай быть въ Хакодате: каждый изъ нихъ горитъ желаніемъ продолжать начатые уроки, а нѣкоторые изъявляли полную готовность посвятить себя дѣлу распространенія вѣры. Ихъ учитель перелилъ въ нихъ не только всѣ свои свѣдѣнія, но и свой энтузіазмъ. Я оставилъ Хакодате напутствуемый ихъ сердечными желаніями, чтобы то дѣло, для котораго я ѣду, возбудило въ Россіи хоть малую часть сочувствія, которое имѣютъ къ нему они: «тогда бы», по выраженію одного изъ нихъ, «успѣхъ поѣздки былъ также несомнѣненъ, какъ несомнѣнно то, что Сынъ Божій сходилъ на землю».

Дѣло, для котораго я пріѣхалъ, состоитъ въ томъ, чтобы просить себѣ по крайней мѣрѣ *трехъ сотрудниковъ*. Когда они будутъ даны, то называться ли намъ миссіонерами, или только причтомъ церкви консульства, для сущности дѣла—все равно, если только позволено будетъ намъ жить въ разныхъ мѣстахъ. Но, мнѣ кажется, гораздо лучше называть насъ прямо миссіонерами. Въ Японіи, кромѣ моего предмѣстника и меня, еще не было ни одного Христіанскаго священника, который бы не былъ миссіонеръ, и Японскій народъ такъ привыкъ соединять съ понятіемъ о священникѣ понятіе миссіонера, что изъ всей имперіи только въ Хакодате, и тутъ не всѣ, знаютъ, что можетъ быть и священникъ не миссіонеръ. Итакъ, относительно народа, то или другое названіе ни-

Библиотека "Руниверс"

чего не значитъ: лишь бы быть духовнымъ лицомъ, въ глазахъ народа неизбѣжно будешь миссіонеромъ. Но относительно Японскаго правительства различіе въ названіи имѣетъ значеніе: такъ какъ мы будемъ заниматься распространеніемъ вѣры, то мы и въ глазахъ правительства будемъ тѣ же миссіонеры, какъ другіе. Только, если мы будемъ и называться миссіонерами, наши дѣйствія будутъ согласны съ нашимъ званіемъ; если же не будемъ, то въ нашихъ дѣйствіяхъ и званіи будетъ противорѣчіе и въ насъ самихъ двуличность. Японское правительство тотчасъ же пойметъ это и взглянетъ на насъ не совсѣмъ лестно; между тѣмъ оно не подало никакого повода думать, чтобъ оно смотрѣло нелестно на современныхъ миссіонеровъ вообще. Не лучше ли и намъ быть миссіонерами, какъ всѣ другіе и пользоваться тѣми же правами, какъ другіе?

Миссіонеры должны быть образованные и развитые люди, иначе они не могутъ пріобрѣсти кредитъ между Японцами. Хорошо бы было, если бы въ духовныхъ академіяхъ нашлись желающіе посвятить себя дѣлу миссіонерства; если же не найдутся, то можно удовольствоваться и способными молодыми людьми кончившими курсъ семинарскихъ наукъ. О добрыхъ нравственныхъ качествахъ я и не говорю: безъ нихъ миссіонеръ немыслимъ.

Миссіонеры могутъ быть монахами, женатыми или неженатыми священниками, даже, на первый разъ, пока научатся языку, свѣтскими людьми, какъ кто пожелаетъ; это для сущности дѣла не составитъ большой разности. Но непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго никто не можетъ быть отправленъ въ Японію въ качествѣ миссіонера, должна быть поставлена рѣшимость посвятить всю жизнь на служеніе православной вѣрѣ въ Японіи. Было бы несчастіемъ, наприм., если бы миссіонеръ, проживши 5 или 10 лѣтъ, соскучился Японіей или соблазнился желаніемъ получить высшее мѣсто, большее жалованье, и оставилъ страну. Такія перемѣны нигдѣ не могутъ быть такъ чувствительны, какъ именно въ Японіи, гдѣ по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ нужно употребить для изученія разговорнаго языка, и по крайней мѣрѣ 10 для изученія письменнаго. Женатыхъ миссіонеровъ, обязанныхъ заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, это условіе не можетъ смущать: теперь пути сообщенія такъ хороши.

Жалованье миссіонеру, по дороговизнѣ всего въ Японіи, никакъ не можетъ быть положено меньше двухъ тысячъ рублей, при обезпеченной квартирѣ.

Библиотека "Руниверс"

Четыре миссіонера должны поселиться въ 4-хъ разныхъ пунктахъ, именно: въ Нагасаки, гдѣ колыбель Христіанства въ Японіи, въ Іокохамѣ, или въ самомъ Едо, бывшей столицѣ Сёогуновъ и теперешней восточной столицѣ Микадо; въ Хёого, близъ Міяко, столицы Микадо и центра самой населенной части Японіи, и наконецъ—въ Хакодате, гдѣ теперь находится Русское консульство и есть церковь и откуда удобно дѣйствовать на сѣверную часть острова Нипона. Тотъ изъ миссіонеровъ, который останется въ Хакодате, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и священникомъ консульства. При консульствѣ же имѣетъ оставаться и псаломщикъ. Миссіонеры въ Нагасаки, Едо и Хёого могутъ быть въ первое время безъ церквей; но дома для нихъ необходимо построить теперь же: на это потребно по крайней мѣрѣ по три тысячи рублей для каждаго. Въ первый годъ, пока дома будутъ построены, имъ нужно нанимать квартиры, на что потребуется, считая, что квартиры будутъ до послѣдней возможности скромныя, тысяча рублей для троихъ.

Лѣтъ въ пять новые миссіонеры научатся Японскому языку, а я успѣю перевести самое необходимое изъ богослужебныхъ книгъ. Тогда же, быть можетъ, найдется возможность построить небольшія церкви и въ прочихъ трехъ пунктахъ. (Если же консульство переведется въ Хёого или въ Іакохаму, то въ одномъ изъ пунктовъ постройка церкви, по всей вѣроятности, войдетъ въ общій планъ постройки консульства, что значительно сократитъ расходъ собственно на миссію).

Такимъ образомъ мы всѣ будемъ въ состояніи начать совершеніе богослуженія на Японскомъ языкѣ. Если къ тому времени дана будетъ свобода вѣроисповѣданій, то служба можетъ совершаться при помощи Японцевъ; если же нѣтъ, то отъ времени до времени псаломщикъ можетъ отправляться поочередно въ то или другое мѣсто для службы, или сами миссіонеры съ этою цѣлію посѣщать другъ друга. При безпрерывномъ пароходствѣ и при недалекости разстояній эти поѣздки весьма легки и въ денежномъ, и во всякомъ другомъ отношеніи.

Четыре человѣка, разумѣется, очень малое число для распространенія вѣры въ 35-ти милліонной имперіи. Но они мало-по-малу могутъ образовать каждый для себя помощниковъ изъ туземцевъ; если каждый изъ нихъ пріобрѣтетъ себѣ 5 катихизаторовъ, то уже будетъ 25 проповѣдниковъ, число не совсѣмъ незначительное, а его можно постепенно удвоить и утроить. Катихизаторы, конечно, могутъ дѣйствовать не иначе, какъ подъ непосредственнымъ руководствомъ миссіонера: послать ихъ далеко, для самостоятельной дѣятельности, нельзя. Но миссіонеры

Библиотека "Руниверс"

могутъ со временемъ найти способныхъ мальчиковъ изъ туземцевъ, научить ихъ Русскому языку, попросить (и вѣрно для этого не найдется препятствій) воспитать ихъ въ духовныхъ заведеніяхъ въ Россіи, такъ чтобы они могли сдѣлаться священниками. Въ нихъ миссіонеры уже пріобрѣтутъ себѣ собратій, равныхъ имъ во всемъ и способныхъ дѣйствовать самостоятельно. Такимъ образомъ маленькое общество изъ четырехъ человѣкъ можетъ мало-по-малу разрастись и сдѣлать, если Богу угодно будетъ, многое.

И такъ, для основанія духовной миссіи въ Японіи нужны:

1) Трое молодыхъ человѣка съ богословскимъ образованіемъ;

2) Десять тысячъ рублей единовременнаго расхода для устройства помѣщенія имъ;

3) Шесть тысячъ рублей ежегодно на содержаніе ихъ.

Обращаюсь къ вашему превосходительству съ усерднѣйшею просьбою: окажите ваше содѣйствіе къ основанію этой миссіи.

Настоятель Японской консульской церкви, іеромонахъ Николай.

1869 г. Іюля 12.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ИСТОРІИ СОБЫТІЯ 14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

I.

Выписка изъ камеръ-фурьерскаго журнала за 14 Декабря 1825 года.

Сего утра получены во дворцѣ неблагопріятныя извѣстія, что въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ не хотѣли присягать, а въ 12 часу дня донесено, что Московскаго полка нѣкоторыя роты въ казармахъ своихъ (Глѣбовскихъ) взбунтовались, схвативъ знамя, побѣжали толпою на Сенатскую площадь, гдѣ присоединились къ нимъ часть лейбъ-гренадеровъ и Финляндскаго полка и множество неизвѣстныхъ лицъ во фракахъ, кои возбуждали солдатъ къ мятежу.

Государь Императоръ Николай Павловичъ, получивъ сіе извѣстіе, въ 12 часу утра съ случившимся тогда при немъ генералъ и флигель-адъютантами, сошелъ по Салтыковской лѣстницѣ на главную гауптвахту. Караулъ егерскаго полка вышелъ къ ружью. Государь скомандовалъ къ заряду, вывелъ весь фронтъ на Дворцовую площадь и поставилъ у большихъ воротъ, а на большой дворъ ввелъ саперный баталіонъ. Потомъ Его Величество сѣлъ верхомъ и подъѣхалъ къ пришедшему на Дворцовую площадь Преображенскому батальону, который привѣтствовалъ Его Величество радостнымъ ура!

Потомъ начали и прочіе гвардейскіе полки приходить на площадь, съ коими Его Величество и двинулся къ Сенатской площади для приведенія къ должному повиновенію бунтующихъ, кои, выстроившись кареемъ у монумента Петра I-го, не внимали гласу милосердія Государя своего, дерзали упорствовать въ злодѣйскомъ преднамѣренномъ дѣйствіи своемъ до тѣхъ поръ, пока, истощивъ терпѣніе и всякія увѣщанія, даже при видѣ почтеннаго митрополита Серафима, вышедшаго къ нимъ въ полномъ церковномъ облаченіи съ Животворящимъ Крестомъ въ рукахъ, не пришли въ раскаяніе, стрѣляли въ увѣщевающихъ ихъ изъ ружей и пистолетовъ. При семъ-то убитъ мятежниками С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

скій военный губернаторъ графъ Михайло Андреевичъ Милорадовичъ. Тогда уже велѣно сдѣлать на нихъ нѣсколько выстрѣловъ изъ пушекъ картечью, отъ коихъ они въ минуту разсыпались, но большая часть переловлены и арестованы.

Государь Императоръ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ оставались при войскахъ до самаго вечера.

Войска всѣ оставались во всю ночь биваками, по расположеннымъ огнямъ на площадяхъ Дворцовой, Сенатской и прочихъ. Имъ велѣно дать изъ дворца ужинъ.

II.

Выписка изъ послужнаго списка Императора Николая I.

1825 года Декабря 14-го, во время возникшаго въ С.-Петербургѣ бунта, командовалъ главною гауптвахтою Зимняго дворца и съ находившеюся тогда на оной 6-ю егерскою ротою лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка занималъ ворота, ведущіе на большой дворъ; потомъ по прибытіи 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка лично велъ оный и занялъ имъ Адмиралтейскую площадь; съ приходомъ же лейбъ-гвардіи Коннаго полка занялъ и Петровскую площадь подъ огнемъ бунтовщиковъ, а наконецъ, принялъ начальство и надъ прочими собравшимися войсками лейбъ-гвардіи, въ сей день въ столицѣ находившимися и пребывавшими вѣрными долгу присяги. Когда же при неоднократныхъ увѣщаніяхъ толпа бунтовщиковъ не покорялась, то разсѣялъ оную картечными выстрѣлами 4-хъ орудій легкой роты 1-й гвардейской артиллерійской бригады, коими *) командовалъ тогда поручикъ Бакунинъ, а по совершенномъ разсѣяніи злоумышленниковъ занялъ окрестности Зимняго дворца и продолжалъ начальствовать войсками до минованія опасности и роспуска оныхъ по квартирамъ.

Сообщилъ Михаилъ Соколовскій.

(Изъ приготовляемаго къ печати С. А. Гулевичемъ тома приложеній къ исторіи л.-гв. Финляндскаго полка).

*) Т. е. орудіями.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ К. Н. ДОБРОВОЛЬСКАГО.

I.

Записываю одинъ эпизодъ изъ жизни императора Александра Николаевича, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени кроткаго, человѣколюбиваго и терпѣливаго человѣка-Монарха революціонныя волненія дѣлали волнующимся и подозрительнымъ.

Это было въ Декабрѣ 1861 г. По обыкновенію, мы*) собрались въ Зимнемъ дворцѣ, въ залѣ, кажется, подъ названіемъ гербовой. Зала была раздѣлена пунцовою занавѣсью, перехваченной посрединѣ, такъ что изъ первой половины во вторую оставался свободный проходъ.

Въ первой половинѣ, примыкающей непосредственно къ императорскимъ апартаментамъ, помѣстилась Академія Генеральнаго Штаба, разбившись отдѣльно на три категоріи: поступившихъ въ Академію, перешедшихъ съ 1-го курса на 2-ой и выпускныхъ. Въ другой половинѣ залы расположились въ двухъ углахъ остальныя двѣ академіи: Инженерная и Артиллерійская. Въ то время самая многочисленная была академія Генеральнаго Штаба, состоявшая изъ 200 слишкомъ офицеровъ; остальныя академіи были столь малочисленны, что едва-ли въ обѣихъ можно было насчитать болѣе 30 человѣкъ.

Приблизительно, въ полдень, Государь Императоръ вышелъ изъ своихъ покоевъ, поздоровался съ своими академиками Генеральнаго Штаба и тотчасъ же произнесъ повелительно: «Г.г. выпускные офицеры, пожалуйте ко мнѣ ближе». Мы не медля приблизились къ Императору. На долю мою выпала честь стоять буквально грудь съ грудью съ Государемъ. Государь обратился къ намъ съ слѣдующею рѣчью: «Господа! Въ послѣднее время недоброжелательные люди стали распространять ложное мнѣніе, будто царь и отечество не одно и тоже. Надѣюсь, что вы, получившіе высшее образованіе при помощи нашей, не будете раздѣлять этого ложнаго мнѣнія и не станете отдѣлять имени царя отъ отечества, а въ случаѣ надобности, если потребуютъ того обстоятельства (что, кажется, вскорѣ предвидится) не пощадите вашего

*) Т. е. офицеры Академіи Генеральнаго Штаба. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

живота за царя и отечество, такъ какъ, повторяю, царь и отечество одно и тоже. Понимаете-ли вы меня, господа?»*) Проходитъ минута молчанія. Такъ какъ Государь былъ выше меня ростомъ, и взоръ мой упирался прямо въ Царя, то я замѣтилъ, что глазное яблоко у него начало нервно дрожать, глаза покраснѣли, на лицѣ явственно появилось проявленіе сильнаго гнѣва. Прошла еще минута, и Государь, вынувъ съ трудомъ руку изъ толпы окружавшихъ его офицеровъ, грозно воскрикнулъ: «Да слышите-ли вы меня, господа»!

Опять молчаніе. Тогда Государь, обращаясь къ вновь поступившимъ въ Академію офицерамъ, изволилъ сказать:

—«Я къ вамъ еще обращаюсь, господа; вы вѣроятно не успѣли еще заразиться Петербургской атмосферой; вы слышали, что̀ я сказалъ вашимъ товарищамъ. Надѣюсь, что слова вашего царя не останутся втунѣ». Еще молчокъ.....

Государь махнулъ рукой и, не подходя къ Артиллерійской Академіи, прошелъ въ свои апартаменты.

Я долгомъ считаю засвидѣтельствовать, что о какой-либо демонстраціи со стороны Академіи Генеральнаго Штаба и рѣчи не могло быть. Общество наше состояло изъ такихъ разнородныхъ и отчасти противоположныхъ элементовъ, что единенія между нами не было. Гвардейцы, напримѣръ, держали себя какъ-то назойливо и свысока смотрѣли на пѣхотинцевъ; пѣхотинцы же и кавалерійцы относились съ пренебреженіемъ къ гвардейцамъ и называли ихъ моншерами; офицеры другихъ родовъ оружія были тоже врознь, и почему не отвѣчали Государю, осталось для меня до сихъ поръ загадкою.

II.

2-го Ноября 1854 г. разразилась на Черномъ морѣ страшнѣйшая буря. Вѣтеръ срывалъ офицерскія палатки, сѣдла и кострюли подымались на воздухъ. Многіе непріятельскіе корабли потерпѣли аварію. На одномъ изъ этихъ кораблей везлось жалованье для Англійской арміи. Въ устьѣ р. Качи одинъ корабль былъ выброшенъ на мель, почти на самый берегъ; другой тоже сталъ на мели, но немного поодаль. Дали знать объ этомъ командиру 4-го пѣх. корпуса генералу Данненбергу. Онъ немедленно двинулъ батарею съ прикрытіемъ, и самъ отправился

*) Это же самое Александръ Николаевичъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, говорилъ являвшимся къ нему профессорамъ Московскаго университета (послѣ празднованія столѣтняго юбилея онаго). С. П. Шевыревъ выступилъ впередъ и сказалъ въ отвѣтъ на эти слова: „Отдѣлять Россію отъ Государя было бы не по русски“. (Слышано отъ самого С. П. Шевырева). П. Б.

Библиотека "Руниверс"

къ этимъ кораблямъ. Корабль на берегу сдался сейчасъ-же; казаки имъ завладѣли и стали продавать за безцѣнокъ разные продукты. Въ надеждѣ поживы, многіе штабные чиновники и офицеры отправились съ отрядомъ (разстояніе было небольшое, всего 5 верстъ) и дѣйствительно купили много вещей, преимущественно съѣстныхъ продуктовъ, совершенно почти задаромъ. Такъ, напр., ящикъ со ста банками пикулей 1 р., сто ф. стеариновыхъ свѣчей 1 р. (замѣчательно, что свѣчи были Русскаго производства—Калетовскія). Другой корабль, стоявшій поодаль, можно было сжечь каленными ядрами; но гуманный Данненбергъ отвергъ это средство, говоря, что безчеловѣчно уничтожить корабль огнемъ, когда онъ терпитъ уже отъ водяной стихіи; между тѣмъ буря такъ сильно качала этотъ корабль, что стрѣлять онъ былъ не въ состояніи. Такъ какъ корабли эти, потерпѣвшіе аварію, были Англійскіе, то Данненбергъ отправилъ на непріятельской шлюпкѣ адъютанта 11-й пѣхотной дивизіи Алабина, владѣвшаго Англійскимъ языкомъ, съ предложеніемъ сдаться; но командиръ судна наотрѣзъ отказался. Данненбергъ надѣялся, что корабль сдастся на другой день и оставилъ его въ покоѣ.

Я состоялъ при корпусномъ штабѣ и былъ командированъ 2-го Ноября къ главнокомандующему князю Меньшикову съ донесеніемъ, что Якутскій пѣхотный полкъ остается безъ продовольствія, а потому испрашивалось распоряженіе главнокомандующему по сему предмету. Князь Меньшиковъ жилъ на пароходѣ «Громоносцѣ» въ бухтѣ. Качка была неимовѣрная и въ бухтѣ. Являюсь къ адмиралу, но не могу устоять на ногахъ и падаю на полъ, хватаясь за него руками. Князь, покачиваясь и держась на балансѣ, смѣется и говоритъ: «отчего вы падаете и не стоите такъ, какъ я стою?» Я подалъ бумагу. Князь прочелъ и велѣлъ мнѣ обождать пріѣзда полковника Вуича изъ Симферополя, разспросивъ, между прочимъ, кто командуетъ Якутскимъ полкомъ и отъ кого его принялъ и пр. Вечеромъ пріѣхалъ полковникъ Вуичъ и сталъ при мнѣ выгружать изъ ящиковъ разные деликатесы. Князь велѣлъ ему отвѣтить на доставленную мною бумагу и, съ свойственной ему привычкой острить, сказалъ Вуичу:

— «Вотъ странныя фамиліи командировъ Якутскаго полка: прежде командовалъ этимъ полковникъ Лютеръ, но онъ не Лютеръ, а Православный; теперь командуетъ полковникъ Бѣлый, но онъ не бѣлый, а какъ смоль черный».

Получивъ отвѣтъ, я сѣлъ на шлюпку съ интендантскимъ чиновникомъ; четыре гребца напрягали всѣ свои силы, чтобы пристать къ пристани, какъ вдругъ что-то запороло подъ дномъ шлюпки. Чиновникъ спрашиваетъ матросовъ, что это такое?

— Ничего, ваше благородіе, шестерка пропала.

Библиотека "Руниверс"

— Какая шестерка?

— Да насъ четверо, и васъ двое.

— При мнѣ 100,000 казенныхъ денегъ.

— Морю, ваше благородіе, это нипочемъ.

По счастливой случайности шквалъ выбросилъ нашу шлюпку съ распоротымъ дномъ на скалу у самаго берега, и мы спаслись.

По возвращеніи моемъ изъ командировки, я съ завистью увидѣлъ у штабныхъ чиновниковъ съѣстные продукты и деликатесы, пріобрѣтенные столь дешево, и на другой день самъ отправился съ денщикомъ въ устье р. Качи, захвативъ съ собой убористый мѣшокъ. Прибывъ на мѣсто аваріи, я засталъ на возвышенномъ берегу моря порядочную кучу людей, созерцавшую перевозку непріятельскими матросами оставшаго отъ хищенія груза съ разбитаго на берегу корабля, все перевозилось ими на корабль, стоявшій поодаль, пощаженный Данненбергомъ. Два казака подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ: не имѣю ли я при себѣ оружія? Я отвѣтилъ, что не имѣю. Жаль, а то, ваше благородіе, покомандовали бы нами, и можетъ быть намъ удалось бы кое-что отбить у проклятыхъ Англичанъ. Публика смотрѣла, галдѣла, и на корабль стоящій поодаль никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Вдругъ раздался по насъ залпъ картечью съ одного борта. Всѣ пали ницъ. Думаю, вѣрно не обошлось безъ жертвъ. Однако всѣ поднялись и въ паникѣ бѣгутъ. Затѣмъ послѣдовалъ другой, третій залпъ; но публика была уже въ безопасности. Лошади мои вырвались изъ рукъ денщика и убѣжали, и мы, разъединившись, возвратились на Бельбекъ съ двухъ совершенно противуположныхъ сторонъ, и, конечно, съ пустыми руками. Такъ печально заключилась гуманность г. Данненберга!

III.

Однажды во время высочайшаго выхода въ Зимнемъ дворцѣ, когда царская семья и высшіе сановники находились въ церкви, въ одномъ залѣ сидѣло нѣсколько офицеровъ. Ближе къ проходу бесѣдовало двое артиллеристовъ. Проходятъ мимо нихъ подъ руку графъ Орловъ съ графомъ Адлербергомъ. Минувъ артеллеристовъ, графъ Орловъ обратился къ нимъ:

— Господа! Не подобаетъ не вставать, когда проходитъ первое лицо въ государствѣ.

Офицеры встали, и одинъ изъ нихъ спросилъ графа Орлова:

— Позвольте, ваше превосходительство, узнать, кто это первое лицо въ государствѣ?

— Графъ Адлербергъ.

Библиотека "Руниверс"

— Виноватъ. Я думалъ, что первое лицо въ государствѣ это Государь Императоръ.

Графы ушли; инцидентъ остался безъ послѣдствія.

IV.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1859 года мы собирались въ Зимній дворецъ на царскій выходъ. Жившій со мной по сосѣдству, товарищъ мой по академіи, Кабардинскаго полка прапорщикъ Калмыковъ, зашелъ ко мнѣ и спрашиваетъ: хорошо-ли онъ одѣтъ? Я былъ тогда сильно занятъ и, увидѣвъ его, застегнутаго на всѣ пуговицы и при саблѣ, сказалъ, что хорошо. Прибывъ въ Зимній дворецъ, мы выстроились, по обыкновенію въ гербовомъ залѣ. Государь вышелъ изъ своихъ апартаментовъ, подходитъ ко многимъ офицерамъ, милостиво разговариваетъ; но когда подошелъ къ Калмыкову, то пришелъ въ ужасъ!

— «Ростовцевъ! [1]) Иди сюда, полюбуйся, какъ одѣваются твои академики?»

— Михаилъ! посмотри, что за безобразіе! На что это похоже!

Кучка генералитета приблизилась къ Государю, покачивая головами. Императоръ, повторяя свое негодованіе, задержался предъ Калмыковымъ, по крайней мѣрѣ четверть часа; и когда прошелъ дальше, къ растерявшемуся Калмыкову подошелъ флигель-адъютантъ и сталъ разспрашивать его, какой онъ губерніи, гдѣ воспитывался, какой составъ его семьи и пр. Прійдя нѣсколько въ себя, Калмыковъ спросилъ стоявшаго рядомъ съ нимъ гвардейца-товарища: въ чемъ дѣло? Гвардеецъ сардонически отвѣтилъ: «вы застегнуты не на ту сторону» [2]). Дѣло объясняется очень просто. Калмыковъ всю свою службу несъ на Кавказѣ, гдѣ на форму не обращали никакого вниманія. Онъ былъ почти увѣренъ, что его исключатъ изъ Академіи, однако инцидентъ сошелъ какъ нельзя болѣе благополучно. Онъ не получилъ даже выговора. Кончивъ Академію Генеральнаго Штаба, онъ поступилъ въ Юридическую Академію, прошелъ ее съ успѣхомъ и не такъ давно умеръ въ Петербургѣ въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Карлъ Добровольскій.

Кіевъ 1907.

---

[1]) Я. И. Ростовцевъ былъ тогда начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

[2]) Въ то время были мундиры двубортные.

Библиотека "Руниверс"

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ Ѳ. В. ЧИЖОВА.

Его родители и сестры.

Какое бы дѣло ни начиналъ Ѳ. В. Чижовъ (а ему довелось оборудовать немало дѣлъ общенароднаго, государственнаго и политическаго значенія), всегда мысленно обращался онъ къ своимъ родителямъ за благословеніемъ и на ихъ могилахъ молился объ успѣхѣ задуманнаго предпріятія.

Познакомимъ читателей «Русскаго Архива» съ этою достопочтенною семьею.

Отецъ Чижова Василій Васильевичъ былъ 35 лѣтъ сряду учителемъ въ Костромскомъ народномъ училищѣ (переименованномъ затѣмъ въ гимназію), преподавалъ Исторію, Географію и Статистику и кромѣ того завѣдывалъ училищною библіотекою. Онъ получилъ свое образованіе сперва въ Калужской семинаріи съ 1779 г., а съ 1782 г. въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и наконецъ въ Училищной гимназіи въ Петербургѣ (которая впослѣдствіи была преобразована въ Педагогическій Институтъ). Въ своихъ привычкамъ онъ былъ постояненъ, вставалъ рано, всегда былъ занятъ то умственнымъ, то физическимъ трудомъ и постоянно велъ метеорологическія наблюденія.

Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, а женился на дворянкѣ Ульянѣ Дмитріевнѣ Ивановой изъ очень бѣдной семьи, но по тогдашнему времени хорошо образованной, такъ какъ она воспитывалась въ домѣ графовъ Толстыхъ *) и всю жизнь сохраняла съ ними дружескія отношенія.

В. В. Чижовъ любилъ свои занятія въ Гимназіи и оставилъ по себѣ добрую память, какъ человѣкъ, преданный своему долгу и горячо любившій дѣтей, которымъ внушалъ, что они обязаны отплатить роди-

*) Это были ген.-майоръ графъ Иванъ Андреевичъ (правнукъ славнаго дѣятеля временъ Петровскихъ) и Анна Ѳедоровна, ур. Майкова (1771—1834). Старшій сынъ ихъ прославившій Американцемъ, графъ Ѳедоръ Ивановичъ (1784—1846) былъ крестнымъ отцомъ Ѳ. В. Чижова, на котораго не могли не подѣйствовать разсказы о похожденіяхъ его. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

нѣ за то, что она даетъ имъ воспитаніе. Иные такъ и дѣлали, и оставляли для Гимназіи, ихъ воспитавшей, посильныя приношенія. Таковъ былъ знакомый мнѣ дряхлый отставной офицеръ Ѳ. Т. Логиновъ; онъ при жизни отказывалъ себѣ во всемъ, чтобы только оставить что-нибудь заведенію, его воспитавшему.

Безотрадное сиротство и крайняя бѣдность не ожесточили В. В. Чижова; напротивъ, страждущій смѣло надѣялся на его помощь, и не одному изъ дѣтей, учившихся у него въ Гимназіи, онъ оказывалъ матерьяльную поддержку, убѣждалъ и жену свою не брать денегъ за содержаніе нѣкоторыхъ ея бѣдныхъ родственниковъ. У Чижовыхъ былъ собственный домъ въ Костромѣ въ Старо-Троицкой улицѣ; при домѣ былъ довольно большой участокъ земли, часть котораго воздѣлывалась подъ лѣкарственныя растенія.

Въ 1807 году умеръ директоръ гимназіи Шурманъ. Денежная касса хранилась у директора, и по его смерти оказался недочетъ въ семь тысячъ рублей. Отвѣтственность за растрату падала на учителей, которые растратѣ не были причастны. Чижову, какъ старшему учителю, пришлось поплатиться больше всѣхъ. Его выручили изъ бѣды графы Толстые, заложившіе въ то время свое имѣніе. Впослѣдствіи, въ 1814 году, по милостивому манифесту взыскъ съ учителей былъ прекращенъ.

Трудно жилось Чижовымъ. Они старались сберечь всякую копейку, работали, какъ умѣли, чтобы уплатить долгъ Толстымъ и все, что только можно было продать, продали; изъ огорода продавали огурцы, капусту, стали держать нахлѣбниковъ, отдали часть дома и флигель подъ квартиры.

У Ульяны Дмитріевны была еще жива мать Екатерина Ивановна. Раньше она жила въ деревнѣ, потомъ переѣхала къ Чижовымъ, куда пріѣзжалъ и братъ Ульяны Дмитріевны боевой офицеръ Иванъ Дмитріевичъ Ивановъ передъ Отечественной войной. Его проводили въ армію. Онъ участвовалъ въ славныхъ бояхъ, былъ раненъ и двинулся по службѣ. Мать его Екатерина Ивановна по цѣлымъ часамъ стояла передъ иконою Богородицы и со слезами молилась о спасеніи сына, а крошка внукъ ея Ѳедя за бабушкой повторялъ ея молитву. Такимъ образомъ дѣтство Ѳедора Васильевича протекло подъ вліяніемъ отца-трудолюбца, умной матери, благочестивой бабушки и дяди-борца за родину *).

По окончаніи Отечественной войны Иванъ Дмитріевичъ Ивановъ

*) Жизнеописаніе Ивана Дмитріевича Иванова (р. 1764, † 1828) помѣщено въ изданіи „Императоръ Александръ и его сподвижники“. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

пріѣзжалъ на родину съ молодой женой Юзефой Ѳедоровной, очень умной и красивой Полькой.

Дѣла Чижовыхъ пошли лучше: долги были уплачены. Бабушка тоже перестала нуждаться; ей помогалъ сынъ, а она всякую копейку берегла для внучекъ. Служба Василья Васильевича была замѣчена, въ 1822 г. онъ получилъ дворянское достоинство, и родъ его внесенъ въ третью часть родословной книги Костромской губерніи.

По окончаніи службы В. В. сталъ получать пенсію въ 600 рублей; но бездѣлье его тяготило, и черезъ Аракчеева онъ получилъ мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ его привѣтливо встрѣтили родные его жены. Явился онъ къ своему начальнику, тамъ тоже былъ встрѣченъ радушно и получилъ назначеніе въ Комиссію счетовъ и расчетовъ по Отечественной войнѣ подъ начальствомъ Малаева.

Въ своихъ начальникахъ онъ видѣлъ благодѣтелей, а если бывали и злые люди, то В. В. старался и съ ними обходиться хорошо. Ему выхлопотали право воспитывать сына на казенный счетъ въ Университетѣ, а впослѣдствіи и дочь его, Александра Васильевна, была принята въ Институтъ на иждивеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ чемъ вѣроятно содѣйствовалъ Жуковскій, который былъ дружески знакомъ съ В. В. Чижовымъ.

Какъ для В. В. Чижова были добры люди, такъ и онъ самъ старался всякому человѣку угодить, и очень многіе знакомые обращались къ нему съ разнообразнѣйшими просьбами: тому надо было усыновить дѣтей, тому помѣстить дѣтей въ учебное заведеніе, плотникамъ найти работу, купцамъ узнать цѣны на товары, и все то онъ исполнялъ безговорочно. Ему дана была квартира на Фонтанкѣ въ Министерствѣ Финансовъ; тамъ онъ и жилъ со своимъ слугою Николаемъ и однимъ молодымъ родственникомъ Ульяны Дмитріевны, который служилъ въ какой-то канцеляріи. Немало хлопотъ доставилъ ему этотъ избалованный богатыми родителями юноша: вставалъ поздно, приходилъ домой не во время. В. В. особенно возмущали его лѣность и небрежность; онъ старался отучить его отъ дурной привычки пользоваться чужимъ трудомъ, и все это дѣлалось не вдругъ, а постепенно. В. В. успѣлъ на столько, что молодой человѣкъ не только не сталъ требовать отъ родителей денегъ, а иногда и самъ посылалъ матери подарки. Вообще В. В. былъ въ душѣ педагогъ и умѣлъ такъ обращаться съ молодыми людьми, что прежніе ученики его радовали своею привѣтливостію и ласками, какъ онъ о томъ писалъ домашнимъ своимъ въ Кострому. В. В. посѣщалъ своихъ родныхъ особенно тогда, когда они нуждались въ его помощи. Такъ онъ цѣлыя ночи просиживалъ надъ Перфильевымъ, давая ему лѣкарства, и Перфильевъ умеръ на его рукахъ.

Библиотека "Руниверс"

Пріѣхавшаго въ Петербургъ сына онъ сперва повелъ въ Казанскій соборъ, тамъ отслужилъ благодарственный молебенъ, затѣмъ къ роднымъ, для которыхъ Ульяна Дмитріевна прислала письма и посылки. В. В. тщательно слѣдилъ за успѣхами сына, часто посѣщалъ его въ Университетскомъ Пансіонѣ, бралъ на праздники, и если былъ доволенъ его успѣхами, то баловалъ какою-нибудь обновкою. Мальчикъ былъ не избалованъ и довольствовался всякою бездѣлицею. Отецъ доставлялъ ему и развлеченія. «Любопытствовалъ съ Ѳедоромъ съ 28 по 31 въ Кронштадтѣ, 29 въ Ореніенбаумѣ, 30 и 31 въ Сергіевой пустыни, и возвратились въ тотъ же день изъ достопримѣчательнаго Петергофа». Въ Іюлѣ, съ 18 по 22, они ходили пѣшкомъ въ Царское и Павловскъ. Съ 1823 года мальчикъ Чижовъ велъ уже дневникъ и передавалъ его сестрамъ. Отца радовали его успѣхи; онъ видѣлъ въ немъ своего помощника и замѣстителя.

Зная, какъ любитъ В. В. заниматься съ дѣтьми, Ѳ. В. въ письмѣ къ матери проситъ ее, чтобы она подростковъ дворовыхъ, мальчика и дѣвочку, прислала къ отцу, и онъ будетъ ихъ учить. Своего слугу Николая В. В. такъ образовалъ, что позднѣе онъ могъ быть полезенъ Ѳедору Васильевичу во время профессорской его дѣятельности и замѣнялъ ему лаборанта.

Не разъ В. В. былъ взысканъ милостію Государя Александра Павловича. На кончину его онъ написалъ стихи

Европа цѣлая съ Россіей
Въ печальну горесть облеклись....

Онъ получилъ благодарность отъ печальной комиссіи за участіе въ похоронныхъ процессіяхъ Александра Павловичи 13 Марта и Елисаветы Алексѣевны 14 Іюня 1826: «По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію за оказаніе послѣдняго вѣрноподданническаго долга съ похвальнымъ усердіемъ къ усопшимъ Монарху и Монархинѣ при несеніи чернаго знамени съ государственнымъ гербомъ и знамени Удорскаго герба».

В. В. писалъ своей супругѣ. «О братцѣ я писалъ, что онъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. О немъ я имѣю и письма и вѣрнѣйшія свѣдѣнія черезъ присылаемыхъ отъ него офицеровъ, также по ежедневнымъ здѣсь приказамъ, что онъ возвышается въ гору. Ко мнѣ же пишетъ, чтобъ я на его счетъ пріѣхалъ. Это можетъ быть и выполню по приведеніи въ настоящій порядокъ своихъ дѣлъ. Графиню о письмахъ къ Закревскому *) не безпокой: ь рѣшился должнаго искать у самого Царя,

*) Женатому на графинѣ Толстой, родственницѣ того графа Толстого, въ семействѣ котораго воспиталась мать Ѳ. В. Чижова. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

прямымъ путемъ, по своей незамаранной репутаціи и продолжительной службѣ. Послѣ завтра надѣюсь лично или черезъ Комиссію прошеній подать самому Государю докучливую просьбу, отъ каковой подачи не надѣюсь опасности. Лѣкарства твои въ чтеніи газетъ хвалю, пользуясь и самъ».

По прекращеніи дѣлъ въ Комиссіи В. В. былъ назначенъ непремѣннымъ членомъ Приказа Общественнаго Призрѣнія въ Екатеринославѣ, куда онъ прибылъ 23 Августа 1826 года. Ульяна Дмитріевна привезла дочь въ Петербургъ уже по отъѣздѣ мужа. Онъ поручилъ ее вниманію своихъ друзей и знакомыхъ, между которыми былъ В. А. Жуковскій, (у него В. В. оставилъ и вещи для жены и дочери). Поступленіе дѣвочки въ Институтъ не обошлось безъ горькихъ рыданій. Ѳедоръ Васильевичъ былъ крестнымъ отцемъ этой сестры. Онъ не только посѣщалъ ее, но почти всѣ добытыя имъ уроками деньги употреблялъ, чтобы доставить ей удовольствіе. Всѣ къ ней были очень добры и внимательны; сама Государыня приласкала ее.

В. В. ѣхалъ въ новый для него край съ надеждой принести пользу, но, увидавъ распущенность чиновниковъ, пришелъ къ другому заключенію, что̀ видно изъ слѣдующаго его письма къ женѣ.

«Любезный другъ Ульяна Дмитріевна!

7 Сентября полученное отъ тебя письмо много уменьшило мое безпокойство, мучившее меня невѣдѣніемъ о твоемъ здоровьѣ и успѣхахъ твоей поѣздки. Слава Богу, что окончаніе воспослѣдовало благополучное! Не замедлю всѣхъ благодарить за ихъ пріязнь. Меня здѣсь несносная одолѣваетъ скука. Должность не занимаетъ, потому что часто касаются моихъ ушей раздоры и несогласія членовъ Приказа. Надобно твердую имѣть увѣренность на генералъ-губернатора, чтобы быть переведену на другую вакансію, если очистится; долго же быть при теперешней должности едва ли могу. Приказъ доносами богатъ; но квартирами, подобно какъ и самый городъ, бѣденъ, равно лѣсомъ и дровами, хлѣбомъ же, арбузами, дынями, яблоками, грушами, сливами, дулями, бергамотами и другими садовыми плодами преизобилуетъ. Дома здѣсь, внутри и снаружи, вмѣсто штукатурки изъ толстыхъ вершка въ три или четыре брусчатыхъ тѣсницъ построенные, обмазаны глиной, растворенною на лошадиномъ или коровьемъ калѣ, подбѣленные впрочемъ известкою и очень гладко выровненные женскими руками, кои здѣсь только сію работу и отправляютъ, вмѣсто мужчинъ; а сіи послѣдніе только послѣ обмазки кроютъ (а лучше до обмазки) или дранью, а болѣе тонкимъ тесомъ и подводятъ изъ дикаго камня, но не кирпичный фундаментъ, подъ цвѣтъ домовыхъ стѣнъ подбѣленный. Сію подбѣлку и снаружи, а паче внутри нерѣдко передъ праздниками возобновляютъ однѣ женщины безъ помощи мужчинъ, и самую подмазку углаживаютъ, послѣ же чисто моютъ, соблюдая опрятность».

Обязанности по Приказу Общественнаго Призрѣнія были довольно

Библиотека "Руниверс"

сложны; къ тому же Чижову было поручено наблюденіе за сельской промышленностью и за казенными суконными фабриками.

Василій Васильевичъ немедленно завелъ книги, куда вносился приходъ и расходъ; а деньги при свидѣтеляхъ относилъ въ казнохранилище и держалъ такой порядокъ, что безъ свидѣтелей ни самъ не вынималъ суммъ, ни другихъ не допускалъ этого дѣлать. Поступали пожертвованія и дани довольно крупныя; такъ одна благотворительница Куличенкова, въ 1826 году, дала 10 тысячъ съ тѣмъ, чтобы половина процентовъ шли на образованіе дворянскихъ дѣтей, а половина на воспитаніе бѣдныхъ простолюдиновъ. Этотъ даръ приводилъ В. В. въ восторгъ и онъ говорилъ, что имя этой благотворительницы надо внести въ памятную книгу въ назиданіе потомству.

В. В. требовалъ и отъ сотрудниковъ внимательнаго отношенія къ дѣлу. Не нравилось это людямъ, привыкшимъ къ праздности и пользованію даровщинкой. На первое время все еще шло хорошо, такъ какъ у Василія Васильевича были вліятельные друзья и среди административнаго круга и въ военныхъ кругахъ, а Екатеринославскій епископъ Гавріилъ Екатеринославскій былъ старинный товарищъ и другъ его.

В. В. писалъ инструкціи, распредѣлилъ порядокъ занятій между членами, наблюдалъ за подвѣдомственными учрежденіями, чтобы вездѣ были чистота и порядокъ, завелъ огороды, а при больницѣ и садъ съ лѣкарственными растеніями, сѣмена для которыхъ выписывалъ. Онъ огорчался очень, что докторъ-Нѣмецъ не можетъ растолковать путемъ, какъ надо приготовлять лѣкарства.

Не разъ В. В. ѣздилъ къ шурину своему генералу Иванову въ Умань по его вызову. У Ивановыхъ умерла дочь, и они сильно горевали и упрашивали В. В. и Ульяну Дмитріевну отдать имъ на воспитаніе одну изъ ихъ дочерей. Ульяна Дмитріевна пріѣхала къ мужу въ Екатеринославъ съ двумя дочерьми, Ольгой и Еленой. Ольгу отдали въ одинъ изъ Екатеринославскихъ пансіоновъ, а Елену оставили гостить у дяди. Ивановы взяли еще себѣ на воспитаніе дѣвочку-сиротку (кажется, изъ Евреекъ). Ивановы были люди очень добрые и общительные; у нихъ собиралось лучшее общество, и любезная хозяйка Юзефа Ѳедоровна умѣла сдѣлать свой домъ пріятнымъ, какъ для своихъ соотечественниковъ Поляковъ, такъ и для Русскихъ. У нихъ бывалъ запросто Великій Князь Михаилъ Павловичъ. Для всякаго гостя было привѣтливое слово, какъ для богатаго, такъ и для бѣднаго. Юзефа Ѳедоровна привязалась къ маленькой племянницѣ своего мужа и просила ее оставить у нея навсегда, обѣщая дать ей наилучшее образованіе, за которымъ пусть сами родители наблюдаютъ во время своихъ пріѣздовъ къ нимъ: пріѣзды родныхъ тогда будутъ чаще, «чего она отъ всего сердца же-

Библиотека "Руниверс"

лаетъ, какъ для себя, такъ и для мужа, который находитъ истинное удовольствіе и пользу въ бесѣдѣ съ Василіемъ Васильевичемъ, пользуясь указаніями, какъ ему поступать во многихъ случаяхъ жизни».

Иванъ Дмитріевичъ Ивановъ получилъ въ 1827 году Курляндскія мызы *Нейюфъ* и *Нейфельдъ*.

Екатеринославской губернаторъ Свѣчинъ сочувственно относился къ проектамъ В. В. Чижова о безплатномъ обученіи дѣтей бѣдныхъ родителей, о даровой раздачѣ имъ книгъ и учебныхъ пособій изъ Приказа общественнаго призрѣнія. В. В. видѣлъ корень всѣхъ золъ въ невѣжествѣ народа. Свѣчинъ представилъ его къ слѣдующему чину.

Дружба Чижова съ епископомъ Гавріиломъ дѣлала его опаснымъ противникомъ невѣжества; но ссоры и несогласія между сослуживцами такъ надоѣли ему, что онъ сталъ искать выхода и просилъ перевести его въ другое мѣсто, которое ему и было обѣщано въ Кіевѣ.

Въ 1828 году, по объявленіи войны съ Турціею, И. Д. Ивановъ отправился къ Турецкой границѣ. Извѣстіе о войнѣ такъ поразило его мать старуху, что она опасно заболѣла, и въ утѣшеніи ей В. В. отпустилъ Ульяну Дмитріевну въ Кострому съ дочерью Ольгою, а самъ хотѣлъ взять дочь Елену, думая, что Юзефа Ѳедоровна отправится вслѣдъ за мужемъ. Но Юзефа Ѳедоровна осталась дома съ своими воспитаницами. Предчувствіе матери не обмануло: И. Д. Ивановъ былъ раненъ при осадѣ Шумлы близъ селенія Кюстенджи и 10 Августа 1828 скончался.

В. В. Чижовъ поспѣшилъ ко вдовѣ. Она, между прочимъ, разсказывала ему, какъ она представлена была генеральшей Киселевой Государынѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (поселившейся тогда въ Одессѣ) съ дѣтьми, о коихъ Государыня изволила спрашивать, чьи они такія. Она объяснила въ слезахъ, что одна у нея воспитанница, а другая родная племянница, взятая на воспитаніе у коллежскаго совѣтника Чижова, мужа сестры покойнаго генерала. Государыня, поцѣловавъ ихъ обѣихъ, приказала имъ поцѣловаться съ Великой Княжной Маріей Николаевной. Наконецъ, въ утѣшеніе и утвержденіе, она сказала: «Служба вашего мужа довольно самому Императору лично извѣстна, и вы можете всего отъ Государя ожидать, въ чемъ и я буду способствовать».

Генералъ Киселевъ въ главномъ штабѣ при Государѣ былъ первый ея ходатай. Благодаря ему, назначено ей получить 8660 р. Онъ просилъ еще для нея полную аренду безъ вычета кварты, деньщиковъ и квартиру; а военный губернаторъ Кіевскій предлагалъ ей жить въ Кіевѣ, куда она съ собою просила Чижова.

По предложенію ген.-губернатора Желтухина занять мѣсто совѣтника въ Казенной Палатѣ В. В. подалъ прошеніе на открывшееся во-

Библиотека "Руниверс"

кантное мѣсто въ Кіевѣ, куда вдова Иванова пріѣхала для покупки дома.

Немало грустныхъ часовъ проводилъ В. В. Чижовъ, оставаясь одинъ въ Екатеринославѣ и отраду находилъ въ обществѣ преосвященнаго Гавріила, который пользовался тамъ всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Съ нимъ обсуждали они о водвореніи истинно-христіанскихъ понятій среди народа, у котораго осталось множество суевѣрій: напримѣръ, многія изъ женщинъ приходили вѣшать ленты и полотенца на каменныхъ бабъ, думая черезъ то получать исцѣленіе, кто отъ глазной боли, кто отъ другихъ недуговъ. Не мѣрами строгости желалъ епископъ искоренять суевѣрія, а проповѣдью и лучшею постановкою учебнаго дѣла и врачебной помощью. Спутники преосвященнаго, объѣзжая епархію, при видѣ каменныхъ бабъ, вздумали плевать на нихъ, топтать ногами. Узнавъ это, преосвященный былъ возмущенъ и толковалъ имъ, что Господь наказалъ ихъ (всѣ они заболѣли глазами) за попраніе святыни, хотя и языческой, такъ какъ все же эти идолы выражали собою вѣру въ Высшее Существо, управляющее міромъ.

Желаніе В. В. Чижова вводить обученіе и содѣйствовать развитію просвѣщенія даровой раздачей изъ Приказа денегъ на учебныя пособія бѣднымъ ученикамъ и его проекты о всеобщемъ и безплатномъ обученіи, для тогдашняго времени были неосуществимы. Смерть шурина, перемѣна губернатора измѣнили отношенія губернской администраціи къ Василій Васильевичу; онъ пересталъ почти бывать въ высшемъ обществѣ и проводилъ время въ подѣдомственныхъ ему учрежденіяхъ по сельской промышленности и по Приказу общественнаго призрѣнія. Съ губернаторомъ Донецъ-Захаржевскимъ у нихъ возникло несогласіе въ мнѣніяхъ. Наставительный тонъ, усвоенный 35 лѣтней практикой, слышался въ разговорѣ его съ губернаторомъ, что̀ показалось тому оскорбительнымъ, и Василій Васильевичъ былъ уволенъ отъ должности, какъ человѣкъ неблагонадежный, нетрезвый и затрудняющій чиновниковъ лишними и совершенно никому неинтересными бумагами; но такъ какъ губернаторъ не имѣлъ права сдѣлать это своимъ личнымъ распоряженіемъ, то и просилъ генералъ-губернатора графа Воронцова, въ чемъ и успѣлъ съ очерненіемъ формуляра и лишеніемъ В. В. пенсіи, ранѣе имъ получаемой за учительство *). В. В. потребовалъ ревизіи, и она доказала, что все казенное имущество было цѣло; только ему поставили въ вину, что онъ бралъ по 360 р. въ годъ на со-

*) Сестра Донецъ-Захаржевскаго была супругою многовластнаго графа А. Х. Бенкендорфа, которому графъ Воронцовъ не хотѣлъ перечить. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

держаніе канцеляріи по сельской промышленности, и постановили эти деньги взыскать съ него и еще съ другого чиновника. В. В. Чижовъ съ горя заболѣлъ.

Пока шла ревизія, онъ оставался въ Екатеринославѣ и проводилъ большую часть времени въ стѣнахъ монастыря, гдѣ находилъ утѣшеніе въ молитвѣ и въ дружескомъ участіи преосвященнаго Гавріила. Навсегда бы остался В. В. въ святой обители, но забота о семьѣ гнела его душу, и онъ обратился къ Государю съ просьбою дать ему какую нибудь должность, хоть на Кавказѣ, хоть въ Сибири, лишь бы доказать, что онъ способенъ къ труду и честно можетъ зарабатывать средства на содержаніе семьи, которой безъ его помощи грозила нищета.

Преосвященный Гавріилъ собирался на объѣздъ своей епархіи, и В. В. рѣшился ѣхать въ Умань къ невѣсткѣ, гдѣ занялся воспитаніемъ своей дочери. Онъ убѣдился, что она плохо знаетъ свою вѣру и правила Грекороссійской церкви и просилъ Ульяну Дмитріевну, чтобы она взяла дочь домой, такъ какъ Юзефу Ѳедоровну стали окружать преимущественно католики; но Юзефа Ѳедоровна была такъ разстроена смертью своей воспитанницы и въ тоже время такъ трогательно привязана къ Еленѣ Чижовой, находя въ ней единственное для себя утѣшеніе, что В. В. написалъ женѣ, что Елену надо оставить пока у тетки, которая дала ему твердое слово воспитывать ее въ правилахъ восточной церкви и сама привезетъ ее къ нимъ. Онъ писалъ также, что Государь и Государыня очень милостивы къ Юзефѣ Ѳедоровнѣ и что если взять отъ нея дочь, то она, можетъ быть, лишится образованія, перваго на землѣ счастія. Еще писалъ онъ, чтобы жена не просила у Юзефы Ѳедоровны никакой помощи, потому что окружающіе ея и безъ того неблагопріятно смотрятъ на Русскихъ, и потому надо поступать осторожно. Писалъ также, что Господь и Государь помогутъ ему очистить свое имя отъ нареканій, и они своими трудами проживутъ остатокъ дней.

Ульяна Дмитріевна, безпокоясь о мужѣ, прислала за нимъ изъ Костромы извощика. В. В. возвратился въ Кострому печальный, огорченный. Личныхъ средствъ у него не было никакихъ, и приходилось жить на иждивеніи тещи, которой Государь за заслуги ея сына пожаловалъ 3000 тысячи рублей пенсіи. Костромской губернаторъ Степанъ Степаноричъ Ланской зналъ Чижова раньше. Онъ относился къ нему съ уваженіемъ и далъ ему, хотя и безвозмездныя, занятія, такія, которыя ему были по душѣ: ему ввѣрена была забота о санитарномъ состояніи города Костромы во время холерной эпидиміи въ 1831 году.

Когда В. В. переживалъ тяжелыя невзгоды, сынъ его былъ еще студентомъ въ Петербургскомъ университетѣ, и отецъ посылалъ ему

Библиотека "Руниверс"

письма, которыя тотъ долженъ былъ передавать то министру внутреннихъ дѣлъ, то другимъ вліятельнымъ лицамъ. Искать правды было весьма трудно, тѣмъ болѣе, что письма были написаны въ такомъ тонѣ, что не могли нравиться людямъ стоявшимъ у кормила правленія; и Ѳ. В., боясь ухудшить положеніе отца, не передавалъ ихъ, въ чемъ чистосердечно признавался матери. Ульяна Дмитріевна сама хотѣла ѣхать въ Петербургъ хлопотать о мужѣ, но сынъ не желалъ этой поѣздки, опасаясь, что дорога сгубитъ и безъ того слабое здоровье матери, а пользы дѣлу не принесетъ. Онъ выпросилъ позволеніе у матери пріѣхать на лѣто домой. Отецъ не хотѣлъ этого, въ виду издержекъ; но бабушка помогла. Теперь надежды всей семьи сосредоточились на Ѳедорѣ Васильевичѣ. Онъ пріѣхалъ домой. Перемѣна въ лицѣ отца очень поразила его. В. В. сильно постарѣлъ; но онъ все также ревностно исполнялъ свои обязанности и посѣщалъ больныхъ. Почувствовавъ приближеніе смерти, онъ соборовался и послѣ исповѣди и принятія Св. Причастія призвалъ сына Ѳедора, поручилъ ему заботу о семьѣ, просилъ не оставить мать и помогать сестрамъ, всегда честно служить родинѣ. Ѳедоръ Васильевичъ далъ обѣщаніе исполнять завѣтъ отца. Увѣренность въ сынѣ много дала утѣшенія бѣдному страдальцу.

Семья Чижовыхъ жила въ разныхъ мѣстахъ. Ѳ. В. продолжалъ ученье въ Университетѣ, гдѣ кончилъ первымъ кандидатомъ и получилъ приглашеніе занять профессорскую каѳедру по физикѣ и математикѣ, Александра Васильевна кончала ученіе въ Екатерининскомъ Институтѣ, Елена осталась въ Умани, Ольгу отдали въ пансіонъ Древицъ (въ десяти верстахъ отъ Костромы, за селомъ Солониковымъ, въ имѣніи Бурмачкахъ). Между членами семьи велась дѣятельная переписка, изъ которой видно, какъ они любили другъ друга.

Жизнь Чижовыхъ была полна лишеній и огорченій; но всѣ они настойчиво трудились и, сколько были въ силахъ, помогали другъ другу и чужимъ, и помогали большею частію тайно, такъ что получавшіе отъ нихъ поддержку даже иногда и не знали отъ кого она идетъ, и только случайно открывалось, кто именно былъ виновникомъ помощи. Чижовы умѣли себѣ отказывать въ самомъ необходимомъ, чтобы доставить радость и счастіе ближнимъ. Вся жизнь ихъ проведена въ неустанныхъ исполненіяхъ различныхъ обязанностей. Ѳедоръ Васильевичъ еще на студенческой скамьѣ писалъ статьи, фельетоны для газетъ и журналовъ, дѣлалъ переводы; какъ профессоръ, составилъ учебникъ геометріи, сталъ извѣстенъ своими переводами лучшихъ писателей съ Нѣмецкаго и съ Англійскаго языковъ. Какъ извѣстно, дѣйствовалъ онъ и политически въ Славянскихъ земляхъ, являясь изыскателемъ средствъ для поддержанія благолѣпія въ тамошнемъ нашемъ церковномъ бого-

Библиотека "Руниверс"

служеніи, за что̀ и былъ Австрійскимъ правительствомъ представленъ Государю Императору Николаю Павловичу, какъ неблагонадежный человѣкъ. Но по изслѣдованіи открылось, что Чижовъ былъ искреннимъ ревнителемъ Православія, а Государь, какъ первый защитникъ угнетенныхъ Славянъ, не могъ отнестись къ нему иначе, какъ съ сочувствіемъ. Послѣ шести мѣсячнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости Ѳ. В. былъ оправданъ. Государь, прочитавъ его дѣло, сказалъ, что желалъ бы, чтобы побольше было Чижовыхъ. Онъ пожелалъ его видѣть и сказалъ ему: «Пиши, я буду твоимъ цензоромъ». Изъ крѣпости Ѳ. В. поѣхалъ къ матери въ Костромскую губернію, въ Нерехотскій уѣздъ, въ деревню Каликино. Мѣстоположеніе ему очень понравилось. Имѣніе было куплено Чижовыми на деньги оставленныя бабушкою и вырученныя отъ продажи дома въ Костромѣ, (часть 1500 р., отдана была Ѳ. В. раньше его поѣздки за границу, а остальныя деньги Чижовы должны были уплачивать въ разсрочку). Имѣніе расположено въ 17 верстахъ отъ Иванова-Вознесенска. Тамъ прежде жилъ необыкновенно скупой хозяинъ Антоньевъ, выслужившійся изъ мелкихъ Петербургскихъ чиновниковъ; онъ могъ быть и, кажется, даже и былъ прототипомъ Плюшкина. Разсказы о немъ Ѳ. В. Чижова Гоголю, съ которымъ онъ жилъ въ одномъ домѣ въ Римѣ, вѣроятно и произвели Плюшкина.

Въ деревнѣ Александра Васильевна Чижова занялась хозяйствомъ, а Елена Васильевна стала учить крестьянскихъ дѣтей. Старуха Ульяна Дмитріевна въ послѣдніе годы жизни очень ослабѣла; особенно у нея было плохо зрѣніе, много слезъ пролила она во время заключенія сына и хотя пріѣздъ его оживилъ ее, но уже прежняя энергія ея пропала, и она не вмѣшивалась въ хозяйственныя дѣла, а проводила время дома за работой чулокъ и молясь Богу. Она похоронена въ селѣ Биберовѣ, въ 2 верстахъ отъ Каликина.

Не кончились еще сорочины по Ульянѣ Дмитріевнѣ, какъ въ усадьбѣ Каликинѣ сгорѣли надворныя постройки и весь кормъ. Сосѣди тотчасъ же прислали Чижовымъ все необходимое. Чижовы всегда вспоминали этихъ сосѣдей съ благодарностію. Постройки, обзаведеніе, потребовали денегъ, ихъ надо было достать, и вотъ опять неустанные труды, чтобы выплачивать долги. Александра Васильевна занялась раздачей основъ для миткаля по порученію Ивановскихъ купцовъ. Сестры, какъ и въ Костромѣ, продолжали заниматься вышивкою картинъ на продажу (это была замѣчательно тонкая и изящная работа). Сестра ихъ Ольга Васильевна жила въ Костромѣ; она вышла замужъ за чиновника Попова.

Ѳедоръ Васильевичъ поселился недалеко отъ Кіева на хуторѣ Триполье, который онъ сперва арендовалъ у правительства, а потомъ

Библиотека "Руниверс"

получилъ въ собственность. Тамъ занялся онъ сельскимъ хозяйствомъ. Во время своего пребыванія въ Италіи онъ присмотрѣлся къ шелковому производству и задумалъ ввести его въ Кіевской губерніи, въ чемъ и успѣлъ. Для помощи онъ призвалъ къ себѣ сестеръ, и онѣ жили у него на хуторѣ пять лѣтъ, занимаясь разведеніемъ шелковичныхъ червей и разматываніемъ коконовъ.

Если бы внимательно прочитать сочиненія Ѳ. В. Чижова, много нашлось бы полезнаго для Русскаго юношества. Были люди! Умѣли вынести многое и не утратить вѣры въ силу добра. Жизнь семьи Чижовыхъ служитъ примѣромъ истинной любви къ ближнимъ. Не даромъ отецъ въ одномъ изъ писемъ къ женѣ подписался «любящій все человѣчество». А мать въ письмѣ къ сыну говоритъ, «что имя его будетъ вписано въ книгу судебъ». Да, судьба многихъ и многихъ людей можетъ быть измѣнена къ лучшему, благодаря дѣятельности этого истинно-великаго труженика. Въ работѣ онъ видѣлъ отраду и успокоеніе. Ему да будетъ вѣчная память, а учащимъ и учащимся въ его училищахъ «многая лѣта» на служеніе родинѣ честнымъ трудомъ, памятуя, что лѣность есть мать всѣхъ пороковъ. Усталое тѣло ищетъ покою, а сытое утѣхи.

Пожелаемъ, чтобы воспитанники Чижовскихъ училищъ были истинно-Русскими православными людьми, какъ тотъ труженикъ, который постоянно напоминалъ дѣтямъ своимъ, чтобы они любили свою долю. «Не насытится око богатствомъ. Тотъ богатъ, кто доволенъ».

Александра Прохорова.

Библиотека "Руниверс"

К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВЪ.

(Род. 21 Мая 1827 въ Москвѣ, скончъ. 10 Марта 1907 въ Петербургѣ).

Это былъ мнѣ сверстникъ, единомышленникъ, постоянный сотрудникъ, заступникъ, благодѣтель „Русскаго Архива".

Смерть его была для меня горькою неожиданностью. Хотя зналъ я, что онъ недомогаетъ, но его прошлогоднія письма, его твердый, прекрасный почеркъ не готовили меня къ тяжкой утратѣ. Вотъ послѣднее письмо его.

„26 Декабря 1906 г. Почтеннѣйшій и любезнѣйшій Петръ Ивановичъ! Сердечно благодарю за добрую обо мнѣ память на день великаго праздника, который пришлось мнѣ встрѣтить безъ церкви, ибо праздникъ засталъ меня въ постели. Сегодня только встаю и надѣюсь вскорѣ оправиться. А вы еще зовете на работу! Какая теперь работа? Голова отказывается работать, и душа устала. На рукахъ ничего не осталось изъ стараго, а новое все нынче безъ солнца. Послѣднюю свою работу надъ старымъ я закончилъ, и на дняхъ, думаю, выйдетъ уже изъ Синодальной типографіи цѣльная книга всего Новаго Завѣта, который и есть мое завѣщаніе Русскому читателю. Обнимаю васъ сердечно. Здравствуйте и да хранитъ васъ Богъ! К. Побѣдоносцевъ".

Эта послѣдняя работа—новый опытъ перевода Новаго Завѣта на Русскій общеупотребительный языкъ. Прежнимъ переводомъ, который былъ изданъ Св. Синодомъ, былъ недоволенъ самъ митрополитъ Исидоръ. По его мнѣнію удовлетворителенъ только переводъ св. Евангелія отъ Іоанна, сдѣланный митрополитомъ Филаретомъ. Приступать къ новому переводу митрополитъ не рѣшался (по соображеніямъ денежнымъ) и не согласился на мое предложеніе издать переводъ В. А. Жуковскаго. Этотъ послѣдній переводъ отвезъ я къ К. П. Побѣдоносцеву, и онъ поручилъ напечатать его въ Берлинѣ протоіерею Мальцеву. Своимъ же переводомъ занимался онъ въ послѣдніе три года жизни. 15 Августа 1903 года засталъ я его въ Царскомъ Селѣ за переводомъ св. Евангелія Іоанна. Все Четвероевангеліе было имъ напечатано для немногихъ (въ три столбца: слѣва церковно-славянскій, по серединѣ—его переводъ и третій столбецъ—В. А. Жуковскаго).

*

Имя Побѣдоносцева никогда не умретъ въ потомствѣ, и о немъ появится со временемъ цѣлыя книги. Въ пособіе будущему его жизнеописателю приводимъ выдержки изъ юношескаго дневника его, изданнаго имъ въ 1885 году и подареннаго товарищамъ и пріятелямъ. Тутъ живая картина Училища Правовѣдѣнія за 1842—1845 годы.

Библиотека "Руниверс"

ИЗЪ ДНЕВНИКА К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.

Октябрь 1842 года.

4 (16). Встали въ седьмомъ. Дежурный Шнерингъ. Наши возвратились съ Бушманова бала въ третьемъ часу ночи, и нѣкоторые сильно навеселѣ. Богословскій читалъ по прежнему обычаю поученія. У обѣдни, а послѣ нея я спросилъ у Шнеринга билетъ, и, благо не спросилъ, пришли ли за мною, скорѣе нырнулъ одинъ на улицу.

5 (17). Готовилъ Богословскому катихизисъ, впрочемъ не училъ огромныхъ текстовъ. Онъ спрашивалъ 3 раза и поставилъ 12. Былъ у Бушмана, но не засталъ. Гриммъ. Овидій. Спросилъ и меня, я ужасно сконфузился и навралъ такую чепуху, какой не сказалъ бы, я думаю, Изв—ъ. Онъ ужасно разсердился, но смягчился и обрадовалъ меня немного поласковѣе словомъ. Это урокъ на будущее время! Нехорошъ же былъ мой дюбетъ передъ Гриммомъ, но послѣ надѣюсь загладить это. За обѣдомъ: щи, каша, солонина, слоеные пироги. Церпинскій читалъ мнѣ статью (прекрасную) Аксакова: отрывки изъ вседневной жизни. Штекгардтъ. Кое-какъ прозубрилъ пропедевтику и получилъ 11, я просилъ у него позволенія отвѣчать на Латинскомъ, и получилъ. Попытаюсь.

7 (19). Шнейдеръ. Штекгардтъ. Послѣднему отвѣчалъ я по латинѣ 12 §, и такъ восхитилъ его, что онъ сошелъ съ каѳедры, облобызалъ меня, жалъ руку и поставилъ 12.

22 (4). Аллье. Гриммъ. Ушелъ я въ лазаретъ. Спасскій велѣлъ поставить горчицу. Я расположился въ задней комнатѣ, гдѣ стоитъ фортепіано. Въ лазаретѣ: Оголинъ, Стасовъ, Квистъ, Мосоловъ, Карпъ, Голубцовъ, Замятинъ, Мансуровъ, Бебутовъ, оба Набокова, Полянскій, Шамшевъ; кромѣ того подъ наказаніемъ Юрій Оболенскій за то, что посылалъ Алешку въ трактиръ за бифштексомъ. Максимъ Прокофьевичъ. Отъ него получилъ книги. Принцъ. Былъ въ лазаретѣ. Даже и чаю далъ мнѣ Кузнецовъ; купилъ себѣ свѣчу и сидѣлъ въ комнатѣ у своего столика. Что за рай въ лазаретѣ! Тепло, тихо, покойно! Утромъ примѣривали мундиры и показались директору. Вчера стою вечеромъ около своей кровати, гляжу—подходитъ Пиоакъ и говоритъ: Mein lieber P., ich muss Sie examiniren. Потомъ объявилъ мнѣ, чтобъ я пришелъ къ нему сегодня въ 10 часовъ утра. Я пришелъ. Тутъ далъ онъ

Библиотека "Руниверс"

мнѣ на выборъ нѣсколько темъ, изъ которыхъ выбралъ я Sokrates. Сроку дано до Субботы.

24 (6). О Юшѣ Оболенскомъ, фортепіанной игрѣ и ключѣ отъ нашей комнаты. Юшѣ принесли отъ Микельса бутербродовъ, ½ фунта шоколаду и цѣлую корзинку бисквитовъ. Началось дѣйствіе: мы стали тереть шоколадъ, послали за молокомъ, сварили, и мы всѣ пили.

25 (7). Самое несносное теперь время для того, кто живетъ въ лазаретѣ. Суматоха, бѣготня, полотеры. Юшку выпустили изъ лазарета. Послѣ обѣда пришелъ въ лазаретъ Егорушка. Директоръ приказывалъ, чтобы сегодня за обѣдней лучше пѣли: даже и Ламакинъ приглашенъ имъ въ церковь, потому что—сказывалъ онъ—будутъ важные гости. И дѣйствительно, послѣ обѣдни и къ намъ въ лазаретъ, вмѣстѣ съ директоромъ, зашелъ этотъ гость; это былъ товарищъ Уварова, князь Ширинскій-Шихматовъ, съ двумя звѣздами. Былъ еще генералъ Бибиковъ съ женою, единственно изъ желанія видѣть лазаретъ. Еще былъ съ намѣреніемъ сдѣлать намъ визитъ князь Львовъ, впрочемъ недолго.

29 (11). Третьяго дня принцъ, во время посѣщенія своего сказалъ мнѣ: побереги глаза-то хоть въ лазаретѣ, и директоръ сдернулъ съ меня очки. Вчера-же директоръ объявилъ, что очки позволяется носить не иначе, какъ въ классѣ, но нигдѣ болѣе: ни на улицѣ, ни въ залѣ... Это очень непріятно.

Ноябрь.

12 (24). Аллье. Разбиралъ давнишнее мое сочиненіе: Le Grondeur. Узналъ исторію объ изгнаніи Доппельмайера, котораго непосредственною причиною былъ Ивановъ. Онъ показалъ директору пасквильные стихи его, и Доппельмайера цапъ-царапъ. Директоръ, говорятъ, еще упросилъ за него, а то принцъ будто бы хотѣлъ его высѣчь при всемъ училищѣ и, лишивъ дворянства, сдѣлать военнымъ кантонистомъ. Такъ разсказывалъ въ лазаретѣ Ивановъ, очевидно фантазируя.

29 (11). Очень грустно. Послѣ обѣдни въ первомъ классѣ производимъ былъ, по приказанію директора, Бераромъ и Андреевымъ обыскъ; нашли табакъ, сигары, карты, трубки, бутылки, рюмку и пр. Осматривали и второй классъ, но не такъ строго, и потому не нашли почти ничего; осматривали всѣ классы; въ нашемъ у Бурнашева конфисковали Поль-де-Кока, у Коробьина Матильду.

Декабрь.

3 (15). Дѣло перваго класса опасно. Кажется, рѣшено выключить 7 человѣкъ: Готовцева, Тунцельмана, Квиста, Оголина, Свѣчина, Жул-

Библиотека "Руниверс"

ковскаго, Замятина... Они сидятъ въ лазаретѣ. Грустно, грустно!... Несправедливое, слишкомъ жестокое наказаніе. Но видно fiat justitia, pereat mundus! Участіе батьки *) въ допросахъ; осуждаютъ его и бранятъ всѣ воспитанники. Толки о рѣшеніи касательно перваго класса. Всѣ въ негодованіи. Нѣсколько дней тому назадъ въ саду построили изъ ледяныхъ обломковъ крѣпостцу и сегодня въ первый разъ брали и защищали ее. Обыскъ въ III и во II классахъ. Завтра хотѣли и у насъ. Написалъ Георгіевскому Русское сочиненіе о томъ, что изящныя искусства могутъ процвѣтать только въ благоустроенномъ государствѣ.

Январь 1843 года.

20 (1). Шнейдеръ не былъ, и во время этихъ часовъ случилось непріятное для класса происшествіе. Въ свободное время нѣкоторымъ школьникамъ вздумалось пошалить, и вотъ выступили Раденъ и Сиверсъ. Одинъ посадилъ къ себѣ на плеча Лерхе, другой Пояркова, и такимъ образомъ двѣ эти пирамиды съ криками ходили по классу. Около нихъ составилась шумная толпа, которая тѣснила ихъ къ дверямъ, и вотъ Раденъ съ Лерхе, отворивъ тяжестью двери, откинулись въ залу; ихъ провожали крики безразсудныхъ и забывчивыхъ шалуновъ; въ это время неподозрѣваемый ими директоръ стоялъ въ залѣ вмѣстѣ съ инспекторомъ. Въ гнѣвѣ (да какъ было и не разсердиться!) быстрыми шагами подбѣжалъ онъ къ двери класса и въ расплохъ застадъ сборище. Посыпались укоры...

«Это что такое? И вотъ четвертый классъ! Какъ вамъ не стыдно! Это только форрейторы, кучера, только въ кабакѣ такъ бѣсятся! Ни на что не похоже! И вы, г. Сиверсъ, и г-нъ Раденъ, и г-нъ Лерхе, очень хорошо, очень хорошо! А я намеднись такъ хвалилъ васъ почтенному дѣдушкѣ... На что это похоже... т. е. просто (тутъ, пожавъ плечами, обратился онъ къ инспектору) кабакъ! Вообразите, вотъ я прихожу сюда, и г-нъ Раденъ посадилъ къ себѣ на плеча г-на Лерхе, и г-нъ Сиверсъ... и изволятъ такъ прогуливаться! Просто... вотъ я велю сюда приставить Кириллу Андреева, чтобъ онъ стоялъ тутъ и смотрѣлъ за вами... А все старшій виноватъ: я васъ давно знаю, г-нъ Тарасенковъ, вы самый пустой мальчишка! Вотъ я вамъ спорю галуны!..»

Отдавъ приказанья подошедшему Бушману посадить Радена въ карцеръ, а Сиверса съ Лерхе въ лазаретъ, онъ ушелъ, пожимая плечами и сказавъ: c'est une abomination—vraiment.

---

*) Т. е. протоіерея М. П. Богословскаго. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

Вечеромъ былъ у насъ въ классѣ обыскъ, производившійся Крaнихфельдомъ и Бушманомъ. У меня поймалъ инспекторъ стихи Лермонтова, однако оставилъ ихъ и совѣтовалъ держать у Бушмана: «конечно, Лермонтовъ поэтъ, но онъ умеръ нехорошею смертью»...

Февраль.

20 (4). Я сидѣлъ спокойно, какъ вдругъ въ 4-мъ часу раздался звонокъ, и вошелъ принцъ съ супругою, сопровождаемый директоромъ и какимъ-то monsieur, какъ видно не-Русскимъ. Принцъ показывалъ ему лазаретъ и въ задней комнатѣ нашелъ безпорядокъ: тамъ не было 2 тюфяковъ, которые Кузнецовъ взялъ къ себѣ домой. Принцесса скушала почти два ломтя чернаго хлѣба.

Мартъ.

13 (25). Лишь только отобѣдали мы, какъ, по обыкновенью, отправились въ садъ. Время было прекрасное. Солнце свѣтило ярко. Не прошло и 5 минутъ, какъ посреди веселой толпы раздались глухіе крики: скорѣй, скорѣй! Царь, Царь пріѣхалъ. Въ эту минуту, въ окнѣ V класса раздался звукъ призывнаго колокольчика. Мы побѣжали. Кто просто, кто въ конькахъ, кто ползкомъ, но всѣ тотчасъ явились на верхъ, бросили какъ попало шинели и фуражки, построились въ длинную колонну | ¯¯|. Все стихло, но вдругъ пробѣжалъ глухой ропотъ, и вслѣдъ за нимъ потрясъ воздухъ громкій крикъ привѣта. Царь шелъ мимо рядовъ, оглядывая ихъ орлинымъ окомъ... Я его впервыя увидѣлъ. Онъ хорошъ, царственно хорошъ!.. Онъ былъ всѣмъ доволенъ, хвалилъ выпускныхъ, чистоту и порядокъ. Въ лазаретѣ говорилъ съ Хвощинскимъ и Ласковскимъ... Директоръ скоро воротился къ намъ, ожидавшимъ его, и объявилъ роспускъ. У, какой крикъ и гамъ поднялся тогда въ этой толпѣ!

Сегодня въ обѣдъ директоръ ходилъ по классамъ и отнялъ у насъ многія книги, какъ то Гоголя, Отеч. Записки и пр.

Апрѣль.

1 (13). Въ классъ Гримма дверь нашего класса отворилась, и вошелъ министръ юстиціи графъ Викторъ Никитичъ Панинъ въ сопровожденіи пэра Франціи графа де Сенъ-При и нашего директора. Гриммъ сошелъ съ каѳедры и подошелъ къ нимъ; мы переводили Саллюстія; подозвали Тарасенкова; онъ началъ XII главу, но графъ просилъ (разумѣется, просьба стоила приказанія) переводить изъ середины; онъ

Библиотека "Руниверс"

поправлялъ промахи, и, видно, хорошо знаетъ латынь. Тарасенковъ ушелъ. Гриммъ вызвалъ-было Пояркова, но директоръ сказалъ мою фамилію. Я переводилъ изъ середины. Графъ былъ въ другихъ классахъ. Comte de Saint-Priest такъ прельстился Французскимъ сочиненіемъ Лопатина, что взялъ его съ собою...

8 (20). Въ Пятницу Купреяновъ былъ въ Зимнемъ дворцѣ и, встрѣтя въ темномъ корридорѣ Государя, не узналъ его; Государь, разсердясь, спросилъ у него билетъ и (послѣ отвѣта, что онъ оставилъ его дома) отослалъ его въ училище. Директоръ взбѣшенъ. Оставилъ Купреянова на долго.

21 (3). Повели насъ обыкновеннымъ порядкомъ къ обѣднѣ, потому что сегодня тезоименитство Императрицы. Послѣ службы насъ роспустили, и батька въ то время, какъ я прикладывался ко кресту, сказалъ мнѣ: приходите ко мнѣ черезъ часъ. Отобѣдавъ съ воспитанниками, я пришелъ къ нему; онъ сидѣлъ съ какимъ-то священникомъ, принялъ очень ласково и оставилъ обѣдать. Туда же пришелъ и Юша. Сегодня за молебномъ во время Евангелія священникъ закричалъ Ломакину: молчать, а директоръ, думая, что онъ кричалъ на Юшу, оставилъ его (впрочемъ отпустилъ послѣ объясненія). Послѣ постнаго обѣда мы пили кофе и разговаривали о литературѣ, о Москвѣ. Михаилъ Изм. былъ веселъ, наконецъ всталъ, простился съ нами, и мы вышли.

24. Съ прошлаго года возникло и распространилось у насъ изобрѣтеніе, которое не знаю дошло ли еще до Москвы. Вмѣсто трубки курятъ папиросы: такъ эта штука называется. Еще зимой я дивился, глядя, какъ Пейкеръ фабриковалъ ихъ, свертывая трубочки изъ печатной бумаги и наполняя ихъ табакомъ. Теперь это усовершенствовали: берутъ карандашъ или въ родѣ того палочку, скатываютъ на ней пластинку тонкой почтовой бумаги, заклеиваютъ края; потомъ загибаютъ эту трубочку съ одной стороны, наполняютъ ее табакомъ, загибаютъ снова—и курево готово. Только что завелись папиросы и въ продажѣ, въ магазинѣ Богосова, въ д. Армянской церкви, но у насъ только богатые берутъ оттуда, а прочіе продовольствуются самодѣльщиной. Въ классѣ эта манипуляція безпрестанно производится, виноватъ и я грѣшный. Курятъ въ трубу: одинъ увеселяется, а другой караулитъ.

Май.

14 (16). Сальватори былъ высѣченъ въ классѣ за фискальство Поповымъ, Сиверсомъ, Керстеномъ, Врангелемъ и Раденомъ, пятью записными витязями нашего класса и училища.

Библиотека "Руниверс"

Октябрь.

16 (28). Сегодня концертъ у принца, и мы всѣ туда ѣдемъ. Вмѣсто скучнаго Штекгардта пошелъ я съ Римскимъ правомъ въ лазаретъ. Между тѣмъ Принцъ былъ на верху во всѣхъ классахъ. Георгіевскій спрашивалъ меня, читалъ мое сочиненіе; добрѣйшій старикъ, но какой устарѣлый! Спальни всѣ отперты. Желающіе брѣются тамъ, въ ожиданіи концерта.

Послѣ всенощной пошли прямо въ спальни одѣваться. Мы дожидались довольно долго, погода была скверная. За нами пріѣхалъ наконецъ какой-то длинный ящикъ, куда всѣ усѣлись и переѣхали. По великолѣпной лѣстницѣ взошли мы наверхъ въ богатую раззолоченую залу. Все было уже готово къ концерту. Добрый нашъ Принцъ былъ тутъ; принцесса сидѣла съ Толстою въ ближней комнатѣ, съ нею баронесса Крюднеръ. Послѣ первой половины разошлись мы по комнатамъ, гдѣ были накрыты столы съ разными яствами. Пили чай, ѣли мороженное. Тутъ же устроены деревянныя горы, съ которыхъ катались маленькіе. Потомъ началась вторая половина. Наши пѣли и играли. Особенно отличались Христіановичъ, Савелевъ, Бахметевъ. Было много вышедшихъ воспитанниковъ. Церпинскій увлекъ меня въ заднія комнаты и заговорилъ глупостями, такъ что я пропустилъ игру Христіановича.

Шумно возвращалась домой наша толпа по набережной, покрытой лужами и грязью.

20 (1). Въ эту ночь построили въ залѣ возвышеніе для оркестра. Оно было причиною, что въ высшихъ классахъ почти никто ничего не дѣлалъ, а всѣ толпились у дверей, болтали, школьничали и бѣгали по возвышенію.

И вчера и сегодня за обѣдомъ былъ Принцъ. Походивъ около насъ минутъ 25, онъ вышелъ и возвратился, но уже не одинъ: съ нимъ была его супруга, мадамъ Крюднеръ и фрейлина принцессы. Имъ принесли и поставили посреди столовой залы столъ съ порціей, которую онѣ и пробовали. На парадной лѣстницѣ поставили сегодня часы съ мраморнымъ циферблатомъ. Говорятъ, что принцесса подарила ихъ училищу.

Раздавали намъ билеты на концертъ для родственниковъ.

Барановъ и Юша надломили и повалили одну изъ построекъ къ возвышенію.

21 (2) Послѣ обѣда ушелъ я въ лазаретъ, сѣлъ у Сербиновича и до 5-го часа разговаривалъ съ нимъ и читалъ ему Гоголеву Страшную Месть; въ классѣ нечего дѣлать, да и ничего не хочется дѣлать. Въ 6 часовъ пошли одѣваться въ спальни.

Библиотека "Руниверс"

Съ нѣсколькими изъ своего класса пошелъ я въ церковь ко всенощной; Андрюша Оболенскій читалъ шестипсалміе, я—остальное. Когда мы вышли, все было уже освѣщено и одѣто. Въ бѣлой залѣ I-й и II-й классы принимали гостей; въ большой залѣ, отъ противоположной стѣны, почти до самаго возвышенія наставлены были ряды стульевъ; начали съѣзжаться, и скоро вся зала наполнилась до тѣсноты; лакеи и оффиціанты принца разносили чай, мороженое, фрукты, конфекты, лимонадъ и оршадъ; изъ грандовъ были нѣкоторые, много оберъ-прокуроровъ, гр. Панинъ, много генераловъ. Были семейства Врангеля и Радена. Въ первомъ обратилъ мое вниманіе дядя нашего—адмиралъ Врангель, маленькій и бодрый старикъ. При появленіи принца, всѣ, даже и дамы, встали. Его только дожидались, и концертъ начался. Скоро вошелъ высокій и сѣдой мужчина съ прекраснымъ лицомъ: это былъ Шведскій посланникъ, гр. Пальмстіерна. Концертъ прошелъ съ успѣхомъ. Много хлопали. Лучше всѣхъ играли: Савеловъ, Христіановичъ, Вакаръ. Бахметевъ пѣлъ—Felicità. Въ 12 часовъ разъѣхались.

Декабрь.

7 (19). Ровинскій привезъ вчера изъ дому большой кусокъ фосфору и по неосторожности оставилъ его въ спальняхъ, въ ящикѣ. Солдаты, не зная что такое курится, растерли, размазали его, онъ зажегся, и насилу могли погасить. Вслѣдствіе этого была маленькая суматоха, изъ спаленъ отобрали у всѣхъ шкатулки и снесли къ воспитателямъ въ квартиры.

14 (26). Стоили бы цѣлаго изслѣдованія прозвища, подъ какими слывутъ иные у своихъ товарищей, у цѣлаго класса, у всего училища. Кто нибудь да изобрѣлъ ихъ первый, но о рѣдкомъ можно добраться до начала. Происхожденіе большей части скрывается—говоря словами Кайданова—въ глубокой древности и не поддается изслѣдованію. Кто первый и когда далъ директору Пошману прозвище пипъ, или Кайпшу—чичъ, или Лустоно́—махало, никому не вѣдомо. Одна изъ самыхъ извѣстныхъ кличекъ—Лопсъ;—кто не называетъ такъ Николая Григорьевича, и никто не знаетъ, когда она возникла. Можно думать нѣтъ ли тутъ чего Испанскаго, судя по пѣсенкѣ, которая иными поется:

Ахъ мой Творецъ,
Какой Лопецъ! и пр.

Но это не объясняетъ дѣла. Впрочемъ, у него много и другихъ прозвищъ. «Капитанъ Ергендрикъ», но такъ прозвалъ его Николашка. «Болотный амуръ», это еще можетъ быть объяснено. Но кто объяснитъ, по какому случаю, когда онъ былъ въ 6-мъ классѣ, его звали: Кате-

Библиотека "Руниверс"

рина Аррагонская? Можно добраться, почему въ VI выпускѣ зовутъ одного: Евгенія! Но кто объяснитъ, почему Бурнашовъ—чвайка, а Керстенъ—повивальная бабка. Любопытно еще, почему иныхъ не называютъ иначе, какъ по фамиліи, а другихъ называютъ не иначе, какъ по именамъ, и притомъ еще уменьшительнымъ. Отчего такъ прозываются всѣ Оболенскіе: Юша, Андрюша, Егорушка? Можетъ быть это пошло отъ старшаго, котораго звали въ классѣ (но и то не всѣ) Митей. Отчего одного Энгельгардта зовутъ не иначе, какъ Діодоръ, безъ уменьшенія, а другихъ зовутъ не Николаша или Вася, а Николашка и Васька. Но брата Васькина зовутъ Гришей. Иныхъ зовутъ полнымъ именемъ и отчествомъ. Ласковскаго никто не называетъ иначе, какъ Михаилъ Ивановичъ. Все это психологическія тонкости школьной жизни.

Февраль 1844.

11 (23). Нашъ и второй классъ подняли въ 6 часовъ и тотчасъ же пошли въ церковь. Священникъ давно ждалъ насъ и досадовалъ на медленность. Онъ, какъ можно было видѣть, чрезвычайно усталъ и прочелъ намъ правило тихимъ и чрезвычайно слабымъ голосомъ. Потомъ мы пошли съ Бушманомъ къ директору, который вышелъ къ намъ въ халатѣ, и не такъ, какъ въ прошломъ году, кромѣ похвалы и поощреній ничего не говорилъ намъ.

Директоръ поручилъ Андрюшѣ Оболенскому собирать деньги для одного бѣднаго семейства, страдающаго въ послѣдней нуждѣ... собиралъ и я.

Послѣ обѣда разговоры со Старицкимъ. Онъ очень хорошій малый и нравится мнѣ.

Послѣ ужина приходилъ въ спальни священникъ и читалъ молитвы на сонъ грядущимъ.

12 (24). Встали въ 7, часомъ позднѣе, и прямо изъ спаленъ пошли въ церковь. Назади было много народа, большею частью также причастниковъ. Мы стали по рядамъ. Выслушали часы, правила, обѣдню. Долго тянулся длинный рядъ большихъ и малыхъ причастниковъ; въ числѣ женщинъ были: директорша, еще мать Андрюшина. Потомъ читались благодарственныя правила, далѣе сказано было священникомъ слово, очень хорошее, хотя и коротенькое.

Воспитанники разбѣжались: кто въ спальни за шинелями, кто по залamъ, кто въ столовую пить чай. Въ числѣ послѣднихъ былъ и я, а пришедши назадъ, увидѣлъ, что 43 воспитанника разошлись уже. Но сверхъ чаянія явился въ залѣ принцъ, остановилъ роспускъ и велѣлъ построиться въ большой залѣ, что̀ и исполнено. Принцъ поздра-

Библиотека "Руниверс"

вилъ насъ и объявилъ, что Его Императорское Величество позволилъ воспитанникамъ нашего заведенія и лицея, носить съ поля шляпы, во фронтѣ останавливаться передъ императорской фамиліей, не переворачивая шляпы и дѣлая честь съ праваго плеча. Это очень порадовало всѣхъ насъ, потому что избавляло отъ сложнаго и неловкаго маневра.

Юша Оболенскій остался въ училищѣ: я разсматривалъ у него Литературную газету и Картины Русской живописи, которыя и взялъ къ себѣ на сохраненіе. Въ 6-мъ часу ушелъ отъ него къ переплетчику, по просьбѣ Юши договориться за переплетъ Отеч. Зап. и молитвенника. Квартира этого переплетчика была въ домѣ Калерджи, нынѣ Маргульеса, на одномъ дворѣ съ квартирою Шаховскихъ; выходя назадъ, я услышалъ голосъ Андрюши изъ форточки. Онъ зазвалъ меня къ себѣ, и я, побывъ немного, ушелъ въ училище. Былъ у всенощной. Читалъ шестопсалміе. Сюда же пришли нѣсколько пѣвчихъ, и составился маленькій хоръ.

Директоръ послѣ ужина своего прислалъ чрезъ Савелова мнѣ и Лопатину левашниковъ.

27 (10). Сегодня Поповъ оставленъ въ училищѣ: во Вторникъ украли у него часы, которые купилъ онъ у Карцева за 10 цѣлковыхъ, и онъ, какъ говорятъ, сказавъ, что заплатилъ за нихъ дорого, поднялъ изъ этой дряни кутерьму. Производились и осмотры въ спальняхъ. Тутъ же директоръ узналъ, что Поповъ разыгрывалъ въ лотерею и собственные свои часы; распекъ его и Юшку, который эти часы выигралъ, а Попова оставилъ на Воскресенье.

Мартъ.

28 (9). Послѣ чаю ходилъ къ обѣднѣ, за которою пѣлъ дьяконъ съ Юшей Оболенскимъ, потому что дьячокъ до сихъ поръ еще пьянъ.

31 (12). Отправился въ Михайловскій театръ, въ намѣреніи развлечь себя въ этотъ вечеръ. Въ 7 часовъ начался спектакль драмою: Le bal masqué sous Louis XIV: пьеса пустенькая, которую я, помнится, читалъ когда-то въ «Репертуарѣ». Но ее оживляла прекрасная игра артистовъ, которая у Французовъ изъ ничего умѣетъ занять зрителей. Въ особенности хорошо игралъ Vernet. J. Falcon была очень интересна. За этою 3-хъ актною пьесою слѣдовалъ пресмѣшной водевиль: La famille improvisée. Здѣсь рѣшительно всѣ были хороши, но въ особенности Gothy, который являлся въ 5-ти роляхъ и переодѣваньяхъ, играя лица совершенно каррикатурныя. Нельзя было не хохотать. Третья пьеса: L'humoriste также была скучна. Превосходно играли Дюфуръ—самого humorist'a и Rouget—его лакея.

Библиотека "Руниверс"

Подлѣ меня сидѣлъ Александръ Ивановичъ Кранихфельдъ въ креслахъ. Было, какъ и всегда, много нашихъ воспитанниковъ. На балконѣ между прочими и Діодоръ. Я условился съ нимъ послѣ спектакля быть у Излера.

Апрѣль.

5 (17). Вечеромъ за ужиномъ давали намъ мороженаго, кажется по случаю именинъ или рожденія принцессы.

15 (27). Воротившись наверхъ, увидѣлъ толпу народа у дверей IV класса, пробрался туда кое-какъ, весь классъ былъ биткомъ набитъ; я сталъ на скамью. Собраніе было привлечено Крапоткинымъ, который показывалъ фокусы за маленькимъ столомъ, окруженный всѣми своими препаратами; впереди сидѣли Бушманъ и Шнерингъ. Фокусы были очень искусно дѣлаемы, и всѣ дивились ловкости Крапоткина.

26 (8). Кто-то изъ воспитанниковъ случайно попалъ камнемъ въ карету графини Соллогубъ, ѣхавшей по Сергіевской улицѣ. Та принесла жалобу директору; онъ, разумѣется, разбѣсился. Были подозрѣнія на Тимрота и на Трусова 2-го. Первый оправдался.

27 (9). Юша кутитъ себѣ да и только. Вотъ уже третій день приносятъ ему въ лазаретъ обѣдъ отъ Излера, устрицъ отъ Смурова и портеръ. Онъ ѣстъ и пьетъ сколько душѣ угодно.

30 (11). Завтра затѣваютъ у насъ новый обманъ во время Штекгардтова экзамена: пишутъ по два экземпляра всѣхъ билетовъ; каждый готовитъ изъ всего курса только одинъ билетъ, и когда беретъ билетъ со стола, говоритъ тотъ №, который самъ училъ; а на приготовленномъ столѣ билетъ ему обмѣниваютъ. Если это удастся,—о, какая жалкая существенность.

31 (12). Употребили въ дѣло эту хитрость, о которой я вчера писалъ, и она удалась вполнѣ. Всѣ были въ этомъ дѣлѣ обмануты; и директоръ, и инспекторъ, и Штекгардтъ, и Генцшель, засѣдавшій при экзаменѣ... Совѣстно было молиться, до и послѣ экзамена. Разумѣется, успѣхъ былъ блестящій.

Іюнь.

1. Совѣстно вспоминать объ экзаменѣ Штекгардта, и разговоры объ этомъ не прекращаются въ классѣ. Многіе говорятъ, и не безъ основанія: «Что же намъ дѣлать, когда начальство ставитъ насъ въ невозможное положеніе? Насъ заставляютъ слушать лекціи и отвѣчать на языкѣ, котораго мы не понимаемъ и на которомъ не можемъ объясняться нисколько». И дѣйствительно, не менѣе какъ три четверти нашего класса совсѣмъ не знаютъ или совсѣмъ плохо знаютъ по-нѣ-

Библиотека "Руниверс"

мецки; странно сказать, есть въ числѣ такихъ даже Нѣмцы по происхожденію, т. е. имѣющіе мать или отца Нѣмцевъ. Прохожденіе сквозь уроки Михлера и Шнеринга не подвинуло ихъ ни на шагъ въ знаніи Нѣмецкаго языка. А между тѣмъ, начиная съ низшихъ классовъ, нѣкоторые предметы преподаются на Нѣмецкомъ языкѣ, будто бы для практики. Съ Физикой, Географіей можно еще какъ нибудь справиться, но когда дѣло доходитъ до предметовъ философскаго содержанія, до пропедевтики и энциклопедіи,—тутъ, что̀ называется, свѣтъ досками забранъ, и нѣтъ никакого выхода. Иной пробуетъ учить наизусть параграфы, ничего не понимая, и можно себѣ представить, что̀ изъ этого выходитъ. Такъ однажды, помнится, Андрюша пробовалъ отвѣчать Штекгардту, началъ первую фразу: Ungeachtet dieser Wissenchaftt— потомъ, послѣ нѣкоторой паузы, произнесъ: als, и затѣмъ послѣдовало гробовое молчаніе...

Теперь въ управленіе Кранихфельда все у насъ несравненно вольнѣе. Директоръ долго еще не вернется изъ отпуска, и мы всѣ похожи на дѣтей въ тотъ вечеръ, когда отецъ и мать уѣхали въ гости, а стеречь домъ оставлена старая нянька, слѣпая и глухая.

Ноябрь.

13 (25). Сегодня похороны знаменитаго Крылова, который умеръ въ прошлую Среду. Изъ всѣхъ учебныхъ заведеній назначено было прислать представителей-воспитанниковъ; и изъ нашего отправили весь первый классъ и еще нѣсколько человѣкъ изъ старшихъ классовъ. Говорятъ, похороны были великолѣпные; народу необыкновенное стеченіе, всѣ министры, вся знать. Крылова похоронили въ Александро-Невской Лаврѣ, между Гнѣдичемъ и Сперанскимъ. Передъ смертью своею онъ велѣлъ разослать вмѣстѣ съ похоронными билетами своими по экземпляру своихъ басень.

Говорятъ, что молодые не цѣнятъ тебя, а умѣютъ цѣнить только старые. Пожалуй, правда; но есть минуты, когда чувствуешь до глубины всю полноту жизни. Возвращаясь домой, всю дорогу я напѣвалъ прелестную студенческую пѣсню XII столѣтія, на которую набрелъ вчера въ одной книгѣ:

Vinum bonum et suave,
Bonis bonum, pravis prave.
Cunctis dulcis sapor, ave,
Mundana laetitia,

И потомъ, въ постели, закутавшись, повторялъ еще въ сласть, засыпая, заключительную строфу:

Библиотека "Руниверс"

Ave color vini clari;
Ave, tapor sine pari;
Tua nos inebriari
Digneris potentia...

29 (11). Ждутъ Царя, и вѣроятно по этому случаю, директоръ вздумалъ стричь всѣхъ по алфавиту у себя на дому. Младшіе классы стригли цирюльники, а старшіе Французъ Алиберъ. И я подвергся той же участи.

Май.

1. Всѣ молоды, всѣ поютъ, и пѣсни, которыя слышишь и поешь здѣсь, навѣрное останутся въ ушахъ на всю жизнь. Выйдешь въ садъ —весною пахнетъ; съ грустью вспоминаешь деревню, но и тутъ—весенній воздухъ, молодой листъ, птичка чирикаетъ. Мудрено ли что и мы всѣ принимаемся чирикать? Чирикаю и я, запѣваю любимую Майскую пѣсню:

Wie herrlich leuchtet
Mir die Natur,
Wie glänzt die Sonne,
Wie lacht die Flur...

Въ эту минуту слышу, въ саду составился живой, звонкій, ладный хоръ. Поютъ Русскія пѣсни, шевелящія душу, поютъ «въ темномъ лѣсѣ», а вотъ, затянули другую и слышу припѣвъ: «Двѣ собачки впереди, два лакея позади...» «ваша воля, ваша власть» и пр.

Пѣніе разнохарактерное. Вспоминаю, какъ зимою, въ спальняхъ, Юша садится къ фортепіано и запѣваетъ своимъ пріятнымъ теноромъ Цыганскія пѣсни и романсы: «За Ураломъ за рѣкой», «Скинь-ка шапку» и пр., а около него кружокъ любителей слушаетъ и подпѣваетъ. Въ числѣ ихъ непремѣнно Раденъ; онъ хвалится своей октавой, пристаетъ, хотя Нѣмецъ, къ нашимъ церковнымъ пѣвчимъ и любитъ, подходя къ окну, пускать въ стекло свою октаву... Нѣмцы наши ввели въ употребленіе свои хоры, которые всѣ охотно поютъ съ ними: O, wie wohl! ist mir am Abend; или «Gute Nacht, gute Nacht, shönste Anna-Dorothee». Пейкеръ, вовсе уже не пѣвецъ, затягиваетъ: «Was macht der Herr Papa? Was macht der lederne Herr Papa?» и другіе хохочутъ и отвѣчаютъ хоромъ. Андрюша, у котораго нѣтъ ровно никакого голоса, тоже затягиваетъ, и на всѣхъ нападаетъ пущій смѣхъ. Раденъ принимается за пѣсню: «Laurentia, liebe Laurentia mein», но плохо выходитъ, потому что у него совсѣмъ нѣтъ слуха, и Пейкеръ одерживаетъ надъ нимъ побѣду въ состязаніи пѣвцовъ.

Иныя пѣсни возникаютъ случайно, входятъ въ моду, потомъ исчезаютъ. Въ пятомъ классѣ, когда я поступилъ въ училище, помню, бы-

Библиотека "Руниверс"

ла въ модѣ и часто пѣлась въ разныхъ углахъ Рылѣевская пѣсня: «Не слышно шуму городского, на Невскихъ башняхъ тишина», и пр. Вмѣстѣ съ нею шла въ ходъ и пѣлась даже хоромъ извѣстная солдатская пѣсня (говорятъ, твореніе декабристовъ):

„Послушайте, братцы,
Совѣтовъ моихъ,
На всякомъ есть мѣстѣ
Выгоды свои.
Генералъ въ каретѣ
Къ разводу спѣшитъ,
А нашъ братъ въ шинели
Чуть ружье тащитъ...

и конецъ:

Убѣжалъ отъ пушекъ—
Даютъ крестъ златой;
Оторвало ногу,
Такъ ступай домой.
Что же будешь дѣлать,
Когда дома нѣтъ—
Вотъ тебѣ награда
За двадцать пять лѣтъ!“

Сиверсъ, Пейкеръ и другіе за ними принимались пѣть Давыдовскія пѣсни, вообще стяжавшія популярность въ Училищѣ:

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники другіе?

или вотъ эту еще, съ особеннымъ ухарствомъ распѣваемую:

Бурцевъ ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой,
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой!

Нечего и говорить про Итальянскія аріи, которыми всѣ бредятъ и которыя всѣ повторяютъ со времени Віардо и Рубини. Одного d'un pensiero изъ Соннамбулы наслушаешься во всѣхъ углахъ. Но Итальянскіе меломаны, Врангель, Діодоръ, Поповъ, составляютъ свой кружокъ...

Сентябрь.

27. У насъ есть странные люди, которые цѣлый день, цѣлую недѣлю, цѣлый годъ кутятъ и ничего не дѣлаютъ. Днемъ по будняmъ они болтаютъ, поютъ, играютъ въ преферансъ, въ орлянку и въ другія игры, пляшутъ канканъ и ругаютъ директора. По праздникамъ день

Библиотека "Руниверс"

проводятъ въ трактирѣ за бильярдомъ, вечера—Богъ знаетъ гдѣ; словомъ, живутъ настоящею минутой и болѣе ничего знать не хотятъ. У нихъ есть особенныя пѣсни, которыя они поютъ съ утра до вечера. Вотъ для образчика:

Владыка Китая
Смотритъ—комъ,
Когда въ чашку чая
Мнѣ вливаетъ ромъ.
Аристотъ ученый,
Великій философъ,
Продалъ панталоны
За сивухи штофъ.
Слѣдуйте Помпею:
Славный Римлянинъ,
Продалъ португею
За Голландскій джинъ.
Цезарь, другъ отваги
И Помпей герой
Продавали шпаги
Тою же цѣной.
Дюкъ Бургонскій древній,
Въ правилѣ гласитъ:
Пьяницамъ въ харчевнѣ
Отпускать въ кредитъ.

Октябрь.

7. Въ Училищѣ отъ одного конца спаленъ до другаго слышался гулъ и ропотъ. Въ нашемъ классѣ этотъ ропотъ скоро превратился въ нервическое волненіе. Вотъ причина.

Прокофьевъ, солдатъ, который былъ въ то время дежурнымъ, разсказывалъ, что сегодня, въ 8 часовъ вечера, смотритель Кузнецовъ, собравши въ спальни всѣхъ солдатъ, далъ имъ странное приказаніе. Онъ приказывалъ солдатамъ, будто бы, ни въ чемъ не слушаться воспитанниковъ, не вставайте предъ ними, говорилъ онъ. Къ чему вы говорите имъ: ваше благородіе: они мальчишки, щенки, а не дворяне. Потомъ, обратившись къ Мартынову, котораго наканунѣ чуть не прибилъ Раденъ, сказалъ: а ты, дуракъ, что позволилъ прибить себя. Васъ было трое; болваны! вамъ бы схватить его, да и отвалять хорошенько. Много тому подобныхъ мелочей разсказывалъ Прокофьевъ изъ рѣчи Кузнецова. Эта рѣчь показалась всѣмъ намъ такъ рѣзкою и обидною, она такъ раздражила всѣхъ насъ, что мы не могли удержать своего негодованія. Богъ знаетъ, что̀ представлялось намъ; мы собрались въ толпу и разсуждали о томъ, что̀ намъ дѣлать. Наконецъ, положили рѣшительно: писать на другой день письмо къ директору, требовать непремѣнно удовлетворенія, наконецъ объявить, что если этого не будетъ, то мы чрезъ родителей своихъ будемъ просить принца. Подписать всѣмъ и дѣйствовать рѣшительно. Въ эту минуту мы готовы были на все; намъ казалось легче потерять многія преимущества и надежды, чѣмъ спустить, оставить, простить такую обиду. До такой степени были взволнованы умы, что половина класса не могла спать часу до 4-го ночи. Бушманъ, дежурный въ эту ночь, не могъ спать также. Все говорило, все кипѣло.

Библиотека "Руниверс"

На другой день, въ Понедѣльникъ, 8-го числа, Бушманъ, кончивъ свое дежурство, отправился къ директору и все разсказалъ ему. Между тѣмъ, мнѣ поручили написать письмо; я написалъ какъ умѣлъ, впрочемъ гораздо умѣреннѣе, чѣмъ было задумано вчера. Въ классѣ Яковлева Бушманъ отдалъ письмо директору. Директоръ принялъ его сначала какъ пустую, ребяческую вспышку и началъ было говорить намъ, какъ обыкновенно, въ своемъ прежнемъ духѣ, что это все глупости и т. п. Но передъ нимъ не молчали, а многіе и возражали ему. Тогда онъ понялъ, что мы нескоро отступимся отъ этого дѣла и велѣлъ въ 10 часовъ придти къ себѣ отъ всего класса Тарасенкову, Лерхе и Котляревскому. Но и съ ними говорилъ по прежнему, сворачивалъ рѣчь на трактиры и даже на маленькую комнату, данную мнѣ прошлымъ лѣтомъ. Впрочемъ, онъ Бушману поручилъ произвести слѣдствіе, точно ли справедливо то, что смотритель давалъ такого рода приказъ. Мы нѣсколько успокоились.

Въ 7 часовъ вечера, послѣ бани, началось это слѣдствіе на квартирѣ у Бушмана. Онъ и Бераръ были предсѣдательствующими, но главными органами допроса были: Тарасенковъ, Врангель, Оболенскій и я. Приводили многихъ солдатъ, и мы допрашивали ихъ. Кое-какихъ трудовъ стоило намъ побѣдить ихъ упорство. Но наконецъ мы побѣдили его. Сбивали солдатъ въ показаніяхъ, потому что допрашивали порознь. Всего смѣшнѣе и всего упорнѣе было признаніе Кононова. Но все-таки мы подтвердили чрезъ этотъ допросъ подлинность приказа, отданнаго Кузнецовымъ.

Мы ликовали, но еще до побѣды было далеко. На другой день и Бушманъ и Бераръ объявили намъ, что директоръ не такъ принялъ ихъ донесеніе, какъ бы они желали и никакъ не хочетъ отставить Кузнецова отъ должности, говоря, что онъ не во власти это сдѣлать. А классъ не хотѣлъ понять этого, закипѣлъ и требовалъ, въ большей части своего состава, чтобы Кузнецова выгнали.

Написали къ директору въ этомъ духѣ другое письмо. Этого письма директоръ не принялъ. Вскипѣли наши молодцы, пошли въ залу и тамъ чуть не слово за слово, а все-таки крупно говорили съ директоромъ, и мы его не понимали, какъ онъ не понималъ насъ.

Думали, думали, толковали, кричали. Хотѣли уходить изъ Училища. Просились домой, говоря, что не можемъ оставаться въ Училищѣ, говоря, что должны посовѣтоваться съ родными. Директоръ позвалъ къ себѣ Радена, одного изъ главныхъ ажитаторовъ и велѣлъ ему убираться

Библиотека "Руниверс"

домой. Тимротъ вспылилъ, пошелъ къ директору и крупно поговорилъ съ нимъ, и ему было тоже сказано. Это почти всѣхъ привело въ негодованіе: еще нѣсколько минутъ и—чего добраго—мы убѣжали бы всѣ изъ Училища.

Но развязка была близка, и счастливѣе, чѣмъ мы думали. Въ залу вошелъ директоръ; мы собрались около него кучею, и онъ сталъ говорить намъ, не ругая насъ, но спокойно. Представилъ намъ, какую глупость мы въ состояніи сдѣлать, какъ безумны и неумѣренны наши требованія. Говорилъ намъ, что онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, что Кузнецовъ удаленъ отъ надзора надъ солдатами и отъ всякаго сношенія съ нами, но что онъ не можетъ совершенно отставить его, а если мы хотимъ, будетъ писать объ этомъ принцу. Впрочемъ, дѣлайте, что хотите, сказалъ онъ: ворвитесь къ Кузнецову, повѣсьте его, если вамъ угодно, но подумайте, что изъ этого будетъ.

Тутъ онъ ушелъ. Рѣчь его почти всѣхъ образумила. Тутъ мы поняли, что болѣе того, что сдѣлалъ директоръ, намъ нечего ожидать, и наконецъ, что распоряженіе его можетъ удовлетворить и нашимъ требованіямъ. Мы послали Бушмана сказать ему, что мы спокойны и довольствуемся тѣмъ, что онъ сдѣлалъ для насъ.

Директоръ воротился довольный и очень ласково говорилъ съ нами. Онъ обнадеживалъ, обѣщалъ намъ сдѣлать все, что можетъ, однимъ словомъ всѣхъ примирилъ съ собою.

14. Котляревскій утащитъ меня къ Аллье, куда ему нужно было сходить за чѣмъ-то. Аллье принялъ насъ очень ласково. Онъ сидѣлъ въ халатѣ въ большомъ кабинетѣ своемъ, окруженный книгами. Вотъ человѣкъ, котораго я не могу не уважать за его достоинства. Онъ не шарлатанъ, но ученый, и ученый Французъ въ полномъ смыслѣ. Притомъ же, даръ слова у него прекрасный, рѣчь такъ и течетъ у него съ языка плавнымъ, стройнымъ потокомъ. Вмѣстѣ съ этимъ, неподдѣльный юморъ Французскаго остроумія, какое-то чисто-Французское одушевленіе, такъ что трудно не увлечься имъ и не слушать его, когда онъ разговорится. Ничьи разговоры не могутъ такъ заинтересовать, какъ разговоры Аллье, это рѣшительно одинъ изъ лучшихъ профессоровъ нашихъ. Когда онъ, сгорбясь, сухой и маленькій, скорѣе вбѣгаетъ, нежели входитъ въ классъ, улыбаясь и поглядывая на обѣ стороны, я уже заранѣе предугадываю, что интересно будетъ его послушать. Теперь, когда онъ читаетъ намъ исторію Французскаго права, нельзя не удивляться памяти, которая видна въ замѣчаніяхъ, которыя говоритъ онъ намъ бѣглымъ языкомъ своимъ.

Библиотека "Руниверс"

Квартира у Аллье прекрасная, на Невскомъ проспектѣ, въ д. Рогова. Говорятъ, что ему даетъ ее Блудовъ, у котораго Аллье домашнимъ человѣкомъ. Кабинетъ его полонъ книгами».

*

Въ Училищѣ Правовѣдѣнія любили Побѣдоносцева, и въ нѣкоторыхъ школьныхъ товарищахъ своихъ (наприм. И. С. Аксаковѣ и князьяхъ Оболенскихъ) имѣлъ онъ истинныхъ друзей. Нынѣшніе воспитанники Училища Правовѣденія появились во множествѣ на похоронахъ Побѣдоносцева, отличавшихся умилительною задушевностью. Могила его въ саду, рядомъ съ женскою школою, которая устроена его супругою Екатериной Александровной (ур. Энгельгардъ). „Смерть велитъ умолкнуть злобѣ“; но вопреки тому, въ Еврействующихъ газетахъ появилось извѣстіе, будто послѣ Побѣдоносцева осталось многомилліонное наслѣдство, тогда какъ все его состояніе—небольшой деревянный домъ въ Хлѣбномъ переулкѣ въ Москвѣ, а въ скромной его жизни, получаемымъ жалованьемъ 22 т. р.*) покрывались только издержки, сопряженныя съ его общественнымъ положеніемъ. Къ нему именно можно примѣнить слова поэта:

Онъ дѣлъ своихъ цѣною злата
Не взвѣшивалъ, не продавалъ,
Не ухищрялся противъ брата
И на врага не клеветалъ.

При многостороннемъ образованіи и учености вовсе не было въ немъ гордыни ума; но „умъ, любя просторъ, тѣснитъ“, и потому немало было у него враговъ. Ему ставили въ упрекъ самое происхожденіе его. Дѣдъ его былъ священникомъ при церкви Св. Георгія, въ Москвѣ, на Варваркѣ; отецъ († 1843) кончилъ свое поприще профессоромъ; мать—стариннаго дворянскаго рода Левашовыхъ (изъ города Луха, Костромской губерніи). Въ Побѣдоносцевѣ и тѣни не было того, что называютъ кутейничествомъ и что отзывалось даже и въ Сперанскомъ.

Потомство оцѣнитъ великія заслуги Побѣдоносцева, который, подобно Карамзину,

Царю былъ другомъ до конца
И вѣрноподданнымъ Россіи.

П. Б.

---

*) См. „Списокъ гражданскимъ чинамъ“, изданіе Инспекторскаго отдѣла собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Библиотека "Руниверс"

ПОПРАВКА.

Въ „Русскомъ Архивѣ" за 1906 годъ (выпускъ 10-й, стр. 320) была помѣщена замѣтка, со словъ Владимира Егоровича Энгельгардта, о томъ, что лицейскій Энгельгардтъ былъ женатъ на дочери почтъ-директора Гана, жена котораго потомъ вышла за Англичанина Витекера, а мать ея была баронесса фонъ-деръ-Паленъ, сестра извѣстнаго графа Петра Алексѣевича.

Замѣтка эта совершенно неправильна, а потому позвольте мнѣ, какъ занимающемуся изслѣдованіями о жизни лицеистовъ I-го курса и въ томъ числѣ и объ Энгельгардтѣ, исправить эту ошибку.

Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ былъ женатъ не на дочери Гана, а на дочери Англичанина Витекера. Чтобы повѣрить эти свѣдѣнія, я посѣтилъ могилу Энгельгардтовъ. Семейство Энгельгардтовъ похоронено въ С.-Петербургѣ, на Нѣмецкомъ Лютеранскомъ Смоленскомъ кладбищѣ. Семейная могила ихъ находится сейчасъ же около воротъ кладбища, на лѣвой сторонѣ. Мѣсто это изображаетъ собою довольно большой квадратъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ каменною стѣною, въ два аршина высотою, съ рѣшеткою, служащею для входа. Здѣсь нѣтъ ни памятниковъ, ни крестовъ. Подъ поломъ этого памятника находится склепъ, гдѣ похоронено семейство Энгельгардтовъ. Во внутреннихъ стѣнахъ этой каменной ограды находятся чугунныя и мраморныя плиты съ именами похороненныхъ. На средней стѣнѣ, прямо противъ входа, находятся плиты жены Энгельгардта и его самого, а по бокамъ—съ правой стороны возлѣ Энгельгардта—его сына Максимиліана, а съ лѣвой стороны возлѣ его жены—другого сына, Александра. Если мы начнемъ описаніе этихъ плитъ слѣва направо, то плиты эти расположатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Alexander v. Engelhardt, Obrist und Ritter, geb. 10 September 1801. —gest. 22 December 1843.

2. Maria Augusta v. Engelhardt, geb. Whitaker, geb. 8 Februar 1778.— gest. 13 Februar 1858. Christus ist mein Leben und Sterben mein Gewinn.

3. Georg v. Engelhardt, Director des Pädagogischen Instituts und des Kaiserlichen Liceum zu Zarskoje Selo. geb. 12 August 1775.—gest. 15 Januar 1862. Selig die Barmherzigen, den sie sollen Barmherzigkeit erlangen.

4. Maximilian Friedich von Engelhardt. geb. 18 Mai 1803.—gest. 21 März 1858. Selig sind die Friedfertigen, denn sie sollen Gottes Kinder heissen.

Съ лѣвой стороны: 1. Anna Bosse, geb. Lenz. Pflegetochter der Familie v. Engelhardt. geb. 25 März 1823.—gest. 28 October 1842.

2. Natalie v. d. Osten-Sacken, geb. von Engelhardt, geb. 16 November 1806.—gest. 8 März 1845. Nächst ihr ruhen hier ihre zwei Söhnlein Alexander geb. 2 Mai 1831.—gest. 31 März 1841. Harald geb. 8 März 1845. gest. 12 März 1848.

3. Баронесса Марія Максимиліановна Остенъ-Сакенъ родила(сь) въ Тифлисѣ 22 Мая 1872. скон. 4 Ноября 1882.

Съ правой стороны:

1. Georg Reinhold Baron v. d. Osten-Sacken. geb. 31 Mai 1829—gest. 14 April 1885. P. 119, 80.

Николай Гастфрейндъ.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1907 года.

(выпуски 1, 2, 3 и 4).

375. Забота **Петра Великаго** о книгопечатальномъ дѣлѣ. Письмо къ боярину И. А. Мусину-Пушкину (1709).

161. Къ исторіи Семилѣтней войны. **Графъ З. Г. Чернышовъ** въ его письмахъ къ И. И. Шувалову (1757—1762).

317. Изъ Записной книжки библіофила (о письмѣ **великаго князя** Петра Ѳеодоровича къ его супругѣ). **В. М. Остроглазова.**

191. Душа, сердце и разумъ Екатерины Великой или достопамятныя о ней сказанія, собранныя **Александромъ Шишковымъ.**

321. О должностяхъ человѣка и гражданина. **Екатерининская** книга для народныхъ училищъ.

303. О Екатерининской книгѣ въ народныхъ училищахъ. Записка **А. С. Шишкова.**

218. Записки Швейцарца **Томаса Леглера** о походѣ въ Россію въ 1812 году.

5. Мои бредни (Записки **А. П. Хвостовой**).

128. Дерптскій полицмейстеръ Калитинъ.

473. Кончина Свѣтланы. Два письма **К. К. Зейдлица** къ В. А. Жуковскому.

274. Письмо В. А. Жуковскаго къ А. И. Кошелеву 1851 (о будущемъ издателѣ „Русскаго Архива").

56. Письма **И. В. Кирѣевскаго** въ Москву изъ чужихъ краевъ домой 1830.

253. Письма **И. В. Кирѣевскаго** къ Н. М. Языкову, А. С. Хомякову, А. П. Елагиной, старцу Макарію, К. С. Аксакову и А. И. Кошелеву.

320. Поправка современника (о покушеніи на жизнь Николая Павловича).

49. Воспоминанія и отзывы **Филарета**, записанные его викаріемъ преосв. **Леонидомъ.**

468. Письма князя **П. А. Вяземскаго** къ протоіерею **М. Ѳ. Раевскому.**

276. А. С. Норову. Стихи **Ѳ. И. Тютчева.**

477. Михаилъ Ивановичъ Глинка.

461. Письмо **Т. Н. Грановскаго** къ В. В. Григорьеву.

377 и **481.** Записки **К. Д. Хлѣбникова.** (Инженерное училище.—Жизнь въ Кіевѣ и Севастополѣ.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Осада Силистріи.—Шильдеръ.—Князь Меншиковъ.—Въ Перекопѣ.—Госпитали.—Служба на Малаховомъ курганѣ.—Князья Горчаковъ и Васильчиковъ.—Тотлебенъ.—Оставленіе Севастополя.—Великій князь Николай Николаевичъ.—Поѣздка въ чужіе края).

156. Письма **Ю. Ѳ. Самарина** и **князя В. А. Черкаскаго** къ К. К. Гроту о взиманіи податей въ Россіи.

452. Письма **князя М. С. Воронцова** къ А. И. Казначееву.

305. М. Г. Черняевъ и Сербскій митрополитъ Михаилъ. Очерки **А. М. Черняевой.**

309. Письма Сербскаго митрополита **Михаила** къ М. Г. Черняеву. 1879—1897.

456. Къ біографіи Ѳ. И. Иноземцева (изъ Записокъ **С. А. Смирнова**).

290. Александрійскій патріархъ Никаноръ. **Н. Н. Дурново.**

277. Нижній Новгородъ былаго времени. **В. И. Глоріантова.**

523. Къ исторіи Императорской Академіи Художествъ. Письма **К. А. Ухтомскаго** къ Н. А. Рамазанову. 1852—1865.

109. Черты Русскаго народнаго календаря. **А. В. Балова.**

570. Японія. Докладная записка іеромонаха **Николая** П. Н. Стремоухову. 1869.

465. Замѣчательная почтовая бумага. Замѣтка о книгѣ „Памятникъ Вѣры". **Л. С. М.**

162 и **479.** Изъ записной книжки издателя „Р. Архива". (Апологія Екатерины II-й.—О большинствѣ голосовъ.—Архіепископъ Смарагдъ.—Николай Павловичъ въ Чембарѣ).

164. Н. П. Барсуковъ (†).

464. В. М. Остроглазовъ. (†).

635. К. П. Побѣдоносцевъ и его школьный дневникъ.

653. Поправка (объ Энгельгардахъ) **Н. Гастфрейнда.**

Внутри сорочки перваго выпуска: О перепискѣ Пушкина, издаваемой Императорскою Академіею Наукъ подъ вѣдѣніемъ В. И. Саитова.

Второго выпуска: О лѣтописи Историко-родословнаго Общества въ Москвѣ.—О родѣ Пушкина.

Третьяго выпуска: Объ учрежденіи Общества Военной Старины.—О Русскихъ портретахъ XVIII и XIX столѣтій.—О книгѣ Н. Писарева: „Домашній бытъ патріарховъ".

Четвертаго выпуска: О дневникѣ **графа** Валуева.

Библиотека "Руниверс"

ВЪ КОНТОРѢ «РУССКАГО АРХИВА»

(Москва, Ермолаевская Садовая, д. 175).

Можно получать слѣдующія книги:

Воспоминанія Григорія Ивановича Филипсона. Цѣна **1** р.

Journal tenu par la princesse Tourkestanow et Lettres de Christin à une dame de sa connaissance. Ц. **1** р.

«Экономическіе провалы» по воспоминаніямъ съ 1837 года. Сочиненіе В. А. Кокорева. Цѣна **5** рублей.

Кладбище моего сердца или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Сочиненіе князя Ивана Михайловича Долгорукаго. Цѣна **1** р.

*

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры годовыхъ изданій (1877—1880) **Русскаго Архива** (каждый годъ по три большихъ книги) можно получать по **пяти** рублей за годъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

I. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная книжка. **Его же.**

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

II. Записка **графа Гордта** о Россіи при **Елисаветѣ Петровнѣ** и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера.**

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

III. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Библиотека "Руниверс"

1878 годъ.

I. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго**.

Политическія записки и письма графа Ѳ. В. Ростопчина.

Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой**.

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

II. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.

Бумаги **С. П. Шевырева**.

Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.

Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.

Похожденія монаха **Палладія Лаврова**.

III. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму.

Исторія пріобрѣтенія Амура **П. В. Шумахера**.

Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.

Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова**.

Записки **Саввы Текели**.

1879 годъ.

I. Петръ Первый **М. П. Погодина**.

Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.

Автобіографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.

Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

II. Біографія Зорича съ его портретомъ.

Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

III. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.

Воспоминанія графини Блудовой.—Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

I. Путевыя Записки Стрюйса.—Павелъ Полуботокъ.—Переписка Екатерины съ Іосифомъ.—Кавказскія воспомьнанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

II. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

III. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, статья князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Библиотека "Руниверс"

Намъ случилось два раза видѣть Валуева. По цензурнымъ притѣсненіямъ, которымъ столько разъ подвергался „Русскій Архивъ“, вызвалъ онъ меня къ себѣ, сталъ передо мною торжественно, произнесъ долгую рѣчь о положительномъ и отрицательномъ значеніи моихъ занятій и заключилъ сообщеніемъ даннаго ему Государемъ знаменательнаго приказанія, чтобы ничего не пропускать къ печати, что могло бы бросить какую либо тѣнь на императора Александра Павловича. Другой разъ былъ я вмѣстѣ съ нимъ на похоронахъ княгини К. Ѳ. Вяземской (когда онъ уже вышелъ изъ министерской должности). Онъ все время скромно стоялъ при входѣ въ церковь у свѣчного ящика, и когда мы расходились, баронъ Бюлеръ сказалъ мнѣ: „Смотрите, онъ затруднился нанять извозчика и уйдетъ отсюда пѣшкомъ; до такой степени скудны его средства“. Написанный имъ тогда романъ „Лоринъ“ вѣроятно не окупилъ издержекъ изданія. Нѣкоторыя замѣтки его свидѣтельствуютъ о проворливости. Такъ и отъ него опредѣлительно предсказано роковое событіе 1-го Марта.

Вообще въ Валуевѣ было довольно маниловщины, которою отличалось время Александра Павловича, въ царствованіе перваго изъ сановниковъ котораго Валуеву приходилось терпѣть разочарованія. Дневникъ его полонъ осужденіями правительственныхъ мѣръ и правительственныхъ лицъ. Въ особенности досталось князю Суворову-Рымникскому. Не пощажены также М. Н. Муравьевъ и Лорисъ-Меликовъ. Имя Императора Александра Николаевича поминается у него подъ знаками — † —, что приводитъ на память статью Ѳ. П. Еленева въ „Русскомъ Архивѣ“ о колебаніяхъ Государя во время работъ по раскрѣпощенію помѣщичьихъ крестьянъ. Къ Александру Николаевичу примѣнимы слова Погодина про дѣятельность И. С. Аксакова: „это Славянофилъ по завѣщанію“. Исполнялось не столько собственное желаніе, какъ завѣщаніе Родителя, который пріучилъ Россію къ мысли о необходимости разрѣшить вопросъ, поднятый еще его великою бабкою и освободить помѣщичьихъ крестьянъ не иначе какъ *со землею* (ему воспрепятствовалъ Польскій мятежъ и соблазнительныя для него занятія общеЕвропейскою политикою).

Дневникъ графа Валуева полонъ важныхъ разоблаченій, и нельзя не пожелать, чтобы онъ былъ изданъ отдѣльною книгою и безъ перерывовъ. П. Б.

Библиотека "Руниверс"

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1907 года.

(Годъ 45-й).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1907 году, за **двѣнадцать выпусковъ**, съ пересылкой и доставкой, **девять** рублей, для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка **въ Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книгъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

О неполученіи какой либо книги «Русскаго Архива» покорнѣйше просимъ увѣдомлять не позже двухъ мѣсяцевъ по ея выходѣ, присылая номеръ книги.

☛ Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Контора «Русскаго Архива» открыта ежедневно, кромѣ дней праздничныхъ, отъ 12 до 6 часовъ. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 5 часовъ.

Отдѣльныя книги «Русскаго Архива» прежнихъ годовъ можно получать (буде онѣ найдутся) по **одному** рублю.

Московскіе подписчики 1907 года, покупая вмѣстѣ и весь 1906 годъ, платятъ вмѣсто 18 руб.—17 руб.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.

Библиотека "Руниверс"